В.И. Пичета

БЕЛОРУССИЯ И ЛИТВА XV–XVI вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. И. Пичета

БЕЛОРУССИЯ И ЛИТВА XV–XVI вв.

(исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1961

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

З. Ю. КОПЫССКОГО, В. Д. КОРОЛЮКА,
Н. Н. УЛАЩИКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию советской исторической общественности сборник трудов покойного академика Владимира Ивановича Пичета охватывает работы, написанные им более чем за тридцать лет. Наряду с работами, опубликованными еще до революции, в сборник вошли статьи и заметки, написанные автором буквально в последние месяцы жизни. Среди публикуемых ниже материалов есть работы, извлеченные из архива автора и впервые попадающие в печать, а частично и неоконченные рукописи.

Все издаваемые в настоящем сборнике труды объединены единством темы. Они посвящены истории Белоруссии и Литвы и раскрывают главным образом проблематику XV—XVI вв. Преобладание в сборнике работ именно этого периода — явление отнюдь не случайное. Оно вполне отвечает основному, главному кругу исследовательских интересов покойного ученого, систематически работавшего над историей Великого княжества Литовского XV—XVI вв. и лишь попутно обращавшегося к темам более раннего и более позднего периодов (XIV, XVII вв.).

Занимаясь историей Белоруссии и Литвы XV—XVI вв., В. И. Пичета вел свои исследования преимущественно по социально-экономическому развитию этих стран, а также по истории права Великого княжества Литовского, политическому развитию этого государства в XVI в. и по вопросам белорусской культуры в XVI в. Структура сборника учитывает эти

основные направления исследовательской работы В. И. Пичета.

Само собой разумеется, что публикуемые ныне труды покойного академика неравноценны. Создаваемые в течение столь длительного времени, они не могут не нести на себе определенных отпечатков эволюции общеисторических взглядов их автора, прошедшего сложный творческий путь от демократически настроенного ученика проф. М. К. Любавского до убежденного марксиста-исследователя. Можно было бы отметить ряд случаев (например, трактовка вопроса о народности в эпоху Киевской Руси, проблемы этногенеза белорусского народа или роли торгового капитала в XVI—XVII вв.), когда научные выводы последних работ академика В. И. Пичета приходят в решительное противоречие со взглядами, высказанными им в ранних статьях. В тех случаях, когда удавалось установить, что сам автор решительным образом отвергал высказанные им ранее положения, редакция сборника сочла возможным произвести в тексте ранних работ отдельные сокращения, отдавая предпочтение самым последним положениям и трактовкам тех или иных вопросов автором. Попутно устранялись имевшиеся в работах повторения текста и некоторые фактические неточности, уточнялся научный аппарат публикуемых исследований.

Значительная часть помещаемых в сборнике статей представляет собой главы третьей части «Аграрной реформы Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве», которую Владимир Иванович не успел закончить и выпустить в свет отдельным изданием. Главы эти были опубликованы в «Трудах» Белорусского университета и в изданиях Института белорусской культуры, позже преобразованного в Белорусскую академию наук. Это — «Волочная устава королевы Боны и устава на волоки» («Труды Белорусского государственного университета», т. I, 1922), «Наказ старостам и державцам и волочная устава» (Там же, т. 2—3, 1922), «Состав населения в господарских дворах и волостях западной части Белоруссии в пореформенную эпоху» (Там же, т. 4—5, 1923, т. 6—7, 1925), «Господарские (великокняжеские) дворы в западных волостях Белоруссии после реформы Сигизмунда-Августа» («Гістарычна-археолегічны зборнік», вып. 1, 1927). По-видимому, главами

той же работы являются и статьи «Крестьяне тяглые во второй половине XVI в. в Великом княжестве Литовском» («Ювілейни збірник на пошану академіка М. С. Грушевського», Київ, 1928) и «Проверка прав на землю во владениях королевы Боны» («Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пг., 1922).

Итоговым исследованием В. И. Пичеты о реформе Сигизмунда-Августа, суммирующим результаты всех предшествующих его работ, можно считать труд, вышедший в 1928 г. в Берлине на немецком языке. Труд этот впервые публикуется на русском языке в данном сборнике под названием «Аграрные реформы в восточных областях Литовско-Русского государства во второй половине XVI и начале XVII в.».

К теме об аграрной реформе или землеустроительной политике господаря Великого княжества Литовского, как начал называть это мероприятие Владимир Иванович в последние годы своей жизни, очень близко примыкают темы о белорусском феодальном поместье XV—XVI вв. Последней из публикуемых работ на эту тему является статья, изданная посмертно в IV томе «Ученых записок института славяноведения» — «Феодальное поместье в XV—XVI вв. в Великом княжестве Литовском». Знакомство с рукописями приводит к выводу, что это только фрагмент задуманного В. И. Пичета крупного исследования о феодальном поместье в Белоруссии.

Вторым вопросом, которому уделял много внимания Владимир Иванович, был вопрос о юридическом положении крестьян и холопов в Великом княжестве Литовском. Эта работа, как и работы, посвященные Литовскому статуту всех трех редакций, вероятнее всего, возникла из семинарских занятий по Литовскому статуту, проводимых Владимиром Ивановичем в Белорусском государственном университете на факультетах педагогическом и права. В результате этих занятий в печати появились не только работы самого руководителя семинара — В. И. Пичета, но и ряда его учеников (Ф. И. Забело, К. И. Товстолес и др.). К вопросу о положении холопов в Великом княжестве Литовском В. И. Пичета вернулся еще раз в конце жизни, поместив в «Исторических записках» (т. 20, 1946) статью «Институт холопства в Великом княжестве Литовском».

Наконец, к первому разделу сборника примыкают еще две статьи — «Эпоха городского хозяйства в Белоруссии» («Полымя», 1925, № 6) и «Полоцкая земля в начале XVI ст.» (Сб. «400-лецьце беларускага друку», Минск, 1926).

Таким образом, перечисленные выше труды В. И. Пичеты составили первый, самый большой по объему раздел сборника. Они посвящены различным вопросам социально-экономического развития Великого княжества Литовского, преимущественно Белоруссии XVI в.

Во втором разделе сборника помещены статьи, посвященные вопросам истории права. Среди работ этого цикла выделяется статья «Разработка истории литовско-белорусского права XV—XVI вв. в историографии» («Полымя», 1927, № 2), являющаяся в сущности первым опытом источниковедения и историографии истории Белоруссии вообще.

Следует оговориться, что за истекшие после выхода в свет этой статьи годы появилось немало как новых публикаций источников, так и новых работ по истории Белоруссии и Литвы, по истории права Великого княжества Литовского. Кроме того, работа, написанная в середине 20-х годов, во многом, конечно, не удовлетворяет современного историка с методологической точки зрения. Тем не менее оставаясь первой и пока единственной работой на данную тему, она не только представляет собой определенный этап в развитии белорусской науки, но и является весьма полезным справочным пособием. В статье «Изучение Литовских статутов в новейшей историко-юридической литературе» («Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1946, № 1) Владимир Иванович подводит итоги исследования этого важнейшего источника в исторической и юридической литературе. Особенно много внимания уделяется работам И. И. Лаппо. Важнейшим вопросом, которого касался Лаппо, а за ним и Пичета, был вопрос о положении Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой после Люблинской унии. Вопреки утверждениям буржуазно-националистических ученых (О. Галецкого и др.), которые рассматривали княжество после унии 1569 г. просто как одну из провинций Польши, В. И. Пичета подчеркивал, что Речь Посполитая после Люблинской унии представляла собой федеративное государство

каждая часть которого сохранила известную автономию, имела свой государственный аппарат, войско, свои законы и свой государственный язык (в Литве — белорусский). Однако в результате того, что Польша (Корона) в военно-политическом и экономическом отношении была сильнее Великого княжества, последнее занимало в Речи Посполитой неравноправное положение.

К этим же вопросам возвращается автор и в статье, помещенной в разделе третьем — «Польша на путях колонизации Украины и Белоруссии» («Исторические записки», 1940, № 7). Вторая статья, публикуемая в третьем разделе, характеризует позицию шляхты Великого княжества Литовского в период установления польско-литовской унии.

Среди трудов Владимира Ивановича по истории Белоруссии значительное место занимают исследования, посвященные вопросам подъема культуры белорусского народа в XVI в., когда в Белоруссии появляется книгопечатание, создается обширная литература на белорусском языке. К концу этого века культурный подъем в стране заметно затормаживается в результате наступления контрреформации и начавшегося процесса полонизации господствующего класса.

В последний, четвертый раздел сборника вошел ряд статей по истории культуры Белоруссии, написанных Владимиром Ивановичем в 1925 г. для юбилейного издания, посвященного четырехсотлетию белорусской печати. Однако редакция сборника не сочла целесообразным переиздавать все работы покойного, помещенные в упомянутом издании. Часть из них была опущена, так как трактуемые в них вопросы были автором в последние годы его жизни вновь капитально исследованы и вошли в качестве разделов в его большую работу, впервые публикуемую в настоящем сборнике под названием «Культура Белоруссии в XVI—XVII вв.».

Нельзя не отметить известного налета влияния школы Покровского на ранние работы академика Пичета, посвященные различным вопросам культуры Белоруссии, хотя надо сказать, что в большинстве случаев дело ограничивалось лишь применением соответствующей терминологии, как, например, «торговый капитал».

В последнем разделе сборника публикуется и статья, характеризующая процесс образования белорусской народности, напечатанная в журнале «Вопросы истории» (1946, № 5-6).

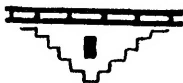
В заключение нам хотелось бы остановиться на двух вопросах.

В дореволюционной русской литературе Великое княжество Литовское обычно называлось Литовско-Русским государством. В 20-е годы это государство часто фигурировало в литературе под именем Литовско-Белорусского, а в некоторых случаях даже Литовско-Белорусско-Украинского (для периода до Люблинской унии). Впоследствии Владимир Иванович отказался от всех этих произвольных наименований, пользуясь официальным названием государства — Великое княжество Литовское. Редакция не сочла, однако, возможным произвести унификацию этой терминологии.

Следует также предупредить читателей, что в ряде случаев, говоря о Вильнюсе (Вильно), В. И. Пичета относит его к белорусским городам.

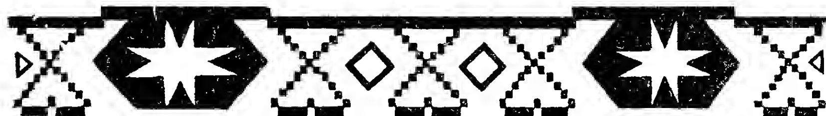
Являясь столицей Великого княжества, в составе которого находилась Белоруссия, г. Вильнюс в XVI в. был не только крупным экономическим, но и культурным центром, сыграл важную роль в развитии культуры белорусского народа. Именно Вильнюс был тем городом, где зародилось белорусское книгопечатание, где находилось самое крупное и деятельное из всех белорусских братств, ведших борьбу за белорусскую народность и культуру. Обстоятельство это и сказалось прежде всего на работе В. И. Пичета.

Тексты публикуемых ниже статьей В. И. Пичета были подготовлены к печати Н. П. Бобриком.



Часть I

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ В XV-XVI вв.



ПРОВЕРКА ПРАВ НА ЗЕМЛЮ ВО ВЛАДЕНИЯХ КОРОЛЕВЫ БОНЫ

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа сопровождалась проверкой прав на землю, произведенной на всем протяжении территории Великого княжества и весьма существенно задевшей интересы всех общественных групп, державших в своих руках то или другое количество земли. Такая проверка прав на землю вызвала в заинтересованных кругах землевладельческих групп известное недовольство, выразившееся в протестах и жалобах, поступавших по разным поводам на рассмотрение господаря [1].

Однако правительство Сигизмунда-Августа не было инициатором проверки прав на землю при осуществлении аграрной реформы. В этом вопросе деятели аграрной реформы шли по пути, уже проложенному матерью короля — королевой Боной, сосредоточившей в своих руках большие земельные владения и обнаружившей большую хозяйственную предприимчивость и распорядительность, что, разумеется, не могло не оказать влияния на хозяйственную политику Сигизмунда-Августа. Недаром многие из деятелей аграрной реформы находились раньше на службе королевы Боны, вместе с которой они осуществляли задуманные ею аграрные мероприятия. Хозяйственная деятельность королевы Боны еще ждет своего исследователя, хотя частичная попытка подойти к ее изучению уже была предпринята А. С. Грушевским [2].

Не касаясь в настоящее время хозяйственной деятельности королевы Боны в целом, я хочу обратить внимание на один прием, которым руководилась королева Бона в своей административно-хозяйственной деятельности, именно, проверку прав на землю.

---

[1] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве, ч. I, II. М., 1917—1918.

[2] А. С. Грушевский. Пинское Полесье в XIV—XVI вв. Киев, 1909.

Идея централизации всей хозяйственной политики составляла сущность всех административно-хозяйственных планов королевы Боны, так как только при соблюдении последнего условия была возможна рациональная постановка частновладельческого хозяйства. Одним из приемов централизации в хозяйственной политике является учет тех реальных средств, которыми располагает рачительный хозяин. Поэтому проверка имущества, находящегося в распоряжении собственника, является очередной задачей всякого заботливого хозяина. К таковым следует причислить и королеву Бону, весьма бережно и внимательно относившуюся к находившимся в ее распоряжении [3] земельным богатствам, которые королева Бона не обнаруживала намерения отдавать в чужие руки без всякой хозяйственной для себя выгоды. Вот почему королева Бона начнет проверку прав на землю сначала частично, впоследствии в широком масштабе. Проверка прав на землю могла обнаружить незаконных держателей земли, тем самым наносящих серьезный хозяйственный ущерб королеве Боне.

Кажется, королева Бона приступила в первый раз к проверке прав на землю в августе 1533 г., когда «на плацу у Вильни бояре Мстибоговские покладали листы и твердости, хто з них на имения, люди альбо земли свои мел», которые были ими выслужены при пане Станиславе Яновиче и его сыне Станиславе Станиславовиче, старосте жомоитском, когда последний Мстибогов «к своим рукам держал» [4].

Явившись для подтверждения своих прав на землю, бояре оказались не в одинаковом положении. Одни из них пришли с документами, подтверждающими их права на владение землей; другие, и при том в значительном количестве, без всяких оправдательных листов.

Документы бояр на право владения землей, если по своему содержанию не встречали никаких возражений, признавались имеющими силу. Владелец оправдательных листов продолжал держать в своих руках ту землю, на которую он имел соответствующие оправдательные документы, при условии отправления держателем земли боярской службы. В противном случае держатель земли лишался своего земельного участка. Боярин Войтех Валицкий имел в своем распоряжении «Дворец Мстибоговский» со всеми службами, людьми и пятью огородами. Оставление за боярином Валицким Мстибоговского дворца

---

[3] Все привилеи, полученные королевой Боной на земли и города, собраны в ЦГАДА, Литовская метрика, Книга публичных дел, XXVIII (далее — ЦГАДА, ЛМ, КПД). Она владела Гродно, Пинском, Кобрином, Клецком, Рогачевом, Кременцем и Городцем.

[4] ЦГАДА. Литовская метрика, Книга записей, XVIII. л. 54 (далее — ЦГАДА, ЛМ, КЗ).

было обусловлено обязанностью нести службу по Мстибогову. В противном случае, если боярин не пожелает служить по Мстибогову, то дворец у него подлежит отобранию и «привлащается ку Мстибогову»[5]. Однако не все представленные документы были признаны имеющими силу. Боярин Михайло Аксаков представил лист пана Станислава на землю «Букшты» с отдачей последней в вечное владение, но при условии отправления военной службы до смерти пана Станислава. После смерти последнего Михайло Аксаков имеет право «вольно служити с тым дворцом, кому похотя». Однако подлинность представленного документа вызвала сомнения. Предъявленный документ был признан проверявшими лицами сомнительным, «не яко подозренной печати». Был заподозрен и лист боярина Гришки на дворец на р. Жердной с двумя службами людей и двумя пустыми землями. На проверку документов явилось 15 бояр, имея в руках оправдательные листы (Станислав Оленский, Михайло Аксаков, Гришко, Петр Буктович, Ян Миколаевич, Костюшко, Войтех Валицкий, Андрей Кулькевич, Ганусь Пашевич, Ян Пашкович, Михно Яцкевич, Василий Ескович, Дадковичи, Станислав Дятел, слуга путный Роман), из которых 12 сохранили свои земельные участки, два потеряли их в силу вышеназванных соображений. Права на землю Станислава Оленского, представившего листы на землю «от своего имени и от имени своей братии», не получили утверждения и проверка прав на землю не могла состояться, так как упомянутый Станислав Оленский представил привилей «нынешнего Жигимонта», подтверждавший выслугу их отца, но в то же время не представил оправдательных документов на данины Яновичей, сославшись при этом на нахождение необходимых документов в их имении. Предъявленный привилей Жигимонта был возвращен обратно его владельцу, а для окончательной проверки прав на землю был назначен другой срок, «день св. Симона»[6].

Весьма значительная группа бояр явилась в Вильну без всяких оправдательных документов, но со ссылкой на земскую давность, как на обоснование держания в своих руках бездокументальной земельной собственности. Срок давности, указанный заинтересованной стороной, был различен. Боярин Костюшко, имевший совместно с братом Станиславом 12 служб людей и 10 огородников, указал, что он получил их от своего отца, выслужившего при пане Станиславе. Выслуга находилась в семейном владении 40 лет. Четверо бояр, Иван, Федор, Михаил и Андрей, держатели восьми служб, из

---

[5] Там же, КЗ XVIII, лл. 54—60.
[6] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVIII, лл. 54—60.

которых две были пустых, показали, что эти службы были выслугой их отца при пане Станиславе Яновиче. Держатель выслуги, по указаниям опрошенных бояр, владел выслугой без листов. И сами они после смерти их отца «в покое держат 15 лет». Боярин Андрей Матфеевич, владелец пашни и четырех огородов, «выслуги его деда на пана Яна», указал, что отец умер «без листов», а сам он держит «с мачехой». Боярин Иван Васкевич указал, что он сорок лет держит «землю супольную и пашню с двумя огородниками, выслугу его отца Васка на пана Яна». Боярин Шимко, державший четыре огородника и «пашню дворную», владел последней без документов 50 лет, женившись на «отчичке девке з дозволением Станислава Яновича, старосты Жомоитского». Стрелец Михно Ганусович держал без документов 20 лет «две пустовские земли», так как посадивший его пан Станислав Янович не выдал ему никакого документа. Среди не представивших никаких оправдательных документов находилась группа путных бояр, которые также ссылались на давность владения, но без указания определенного срока, в течение которого они являлись держателями земель. Слуга путный Ждан Юшкевич держал совместно с дядковичем «землицу прадеда». Отец умер «без листа». Слуга путный Лепец Кулькевич держал «землицу отчизную да две земли, што отцу придал пан Станислав Янович», причем на право владения землей лист не был выдан. Слуга путный Матеец вместе с дядковичем держал одну землю, которой владели «предки от давних лет». Слуга путный Клим Заневич указал, что «одна землица», находящаяся в его владении, является «выслугой его отца». Слуга путный Андреец, державший землю вместе со своим дядковичем, не представил листов, причем непредставление последних объяснил своим простым происхождением («яко простой человек, не имел»). Слуга путный Яцко Федорович владел одной землей с тремя дядковичами, но документов на право владения не представил, так как, по его утверждению, таковых «слугам путным не дают» [7].

Проверка прав на землю, предпринятая в Мстибогове, дала положительные результаты. Она выяснила, какое количество дворовой земли находилось в частном владении. Вместе с тем удалось выяснить и юридическое обоснование земельного владения.

Самая проверка прав на землю дала отрицательные результаты только тем держателям земли, листы которых были признаны подозрительными. Впрочем, один из пострадавших, М. Аксаков, немедленно бил челом «об оставлении за ним вы-

[7] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVII, лл. 54—60.

служенного имения», «отчизны Букштвы», с которого он отправлял военную службу, выставляя двух коней. Представив заподозренный лист Станислава Яновича, Михайло Аксаков просил, «абы ласку ему вчинили и с того именица не рушили, и дали ему лист». Резолюция королевы Боны была благоприятна для челобитчика, но с одним изменением по сравнению с листом пана Станислава: именьице давалось только «до живота», но «со всим тым», что упомянутый Аксаков выслужил на пане старосте [8].

Бездокументальные земельные владения путных бояр остались за прежними держателями, так как отправляемая ими путная служба оправдывала предоставление «землицы» в их распоряжение и, следовательно, хозяйственные интересы Боны нисколько не страдали.

В августе 1533 г. происходила проверка прав на земли в Мойшакголе. Все бояре, представившие оправдательные документы, получили подтверждение на право владения — «не хай лист держит», но при этом и «службу земскую служит» [9].

Мойшакгольская ревизия не обнаружила бездокументальных держаний. Но когда, уже по окончании проверки прав на землю, королю Сигизмунду было сообщено, что виленский бурграбий Харитон Хацутич «забрал» в Мойшакгольском повете «без данины брата Александра пять землиц»: «Новщину, Мотевщину, Кгондивойшки, Кгутевщину, Ейкгелишки», то была образована специальная комиссия для проверки его прав на землю в составе господарского писаря Коптя Васковича, дворянина Семена Одинцовича, в присутствии наместника мойшакгольского князя Глеба Пронского и людей «поличных, которые живут около того дворца». Расследование показало справедливость предположений о захватном владении землей, а также и то, что «люди не служили и дачек не давали», но ввиду того, что бурграбий рассматривался как «добрый человек» и что захват земли был следствием недоразумения, то последняя была оставлена за бурграбием [10].

Вслед затем королева Бона предприняла проверку прав на землю в Кобринском повете. В начале XVI в. замок Кобрин «со всеми дворы повету Кобринского и з бояры, и з службы путными, и со всими людьми Кобринской волости» находился в пожизненном владении жены пана Венцеслава Костевича [11]. Кобрин с прилегавшими к нему дворами: Добучином и Городцом, а также волостями: собственно Кобринской,

---

[8] Там же.
[9] Там же, КЗ XVIII, лл. 62 и сл.
[10] Там же, лл. 64—65.
[11] Там же, КПД XXVIII, л. 27 и сл.

Черевачицкой, Вежецкой, Добучинской, Блуденской и Городецкой составлял сначала удельное Кобринское княжество, находившееся в конце XV в. под властью князя Ивана Семеновича. Князь Иван Семенович умер в 1490 г., а кобринское княжение было оставлено по распоряжению великого князя Казимира во владении вдовы Федоры. В 1492 г. княгиня Федора вышла замуж за пана Юрия Пацовича, принеся ему в приданое Кобрин. В 1506 г. княгиня Федора вторично овдовела. Великий князь Александр снова оставил Кобрин за вдовой пана Пацовича. В 1508 г. вдова вышла в третий раз замуж за князя Миколая Радивилла, воеводу виленского. В 1512 г. княгиня Федора, принявшая с переходом в католицизм имя Зофии, умерла. Кобринское княжество перешло к сестре князя Ивана — Анне, бывшей замужем за паном Венцеславом Костевичем [12].

Пан Венцеслав постарался еще при жизни своей жены закрепить за собою Кобрин, обратившись к великому князю Сигизмунду с челобитием предоставить ему во владение замок Кобрин «до живота», в случае, если умрет его жена, «коли стало смерть ее зашла». Просьба пана Костевича была удовлетворена. Сигизмунд, «маючи заслуги предков, службы отца его и его самого», дал ему Кобрин «со всим тым, как держал князь Семен Кобринский и его сын Иван», а после их «воеводиная Виленская, канцлерская наша пана Миколаевая Радивилловича», небожчица Зофия, предоставил ему Кобрин в доживотное держание, при условии отдачи господарю «от челобития 1000 коп грошей литовской монеты». В 1519 г. Анна умерла. Костевич обратился вторично с челобитием о подтверждении; просимый лист был выдан. Между тем королева Бона выхлопотала для себе привилей, согласно которому «castrum et oppidum nostrum Kobrin» передается после смерти В. Костевича королеве «cum omnibus et singulis curiis, districtibus, tabernis, danariis, venatoribus ferrorum». Пан Костевич оставался держателем и старостой Кобрина до своей смерти осенью 1532 г. Вступив во владение Кобрином, королева Бона назначила пана Ивана Михайловича старостой кобринским, пинским, клецким, городецким и рогачевским. Получив Кобрин, Бона «привернула» к Кобрину села Черевачичи и Грушовое, которые сначала князем Семеном Кобринским были записаны в виде вена своей жене княгине Ульяне, происходившей из рода князей Гольшанских. После смерти в 1495 г. княгини Ульяны Семеновой во владение вышеназванными селами вступила дочь ее, княгиня Анна Семеновна, жена Венце-

[12] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892, стр. 22.

слава Костевича. С ее смертью князья Сангушки заявили притязания на села Черевачичи и Грушовое. Король после состоявшегося разбора спорного дела в присутствии панов рады оставил спорные села за Костевичем [13]. Получив в непосредственное ведение Кобрин, королева Бона постаралась «привернуть» села Грушовое и Червачичи к Кобрину, выиграв процесс у князей Сангушек, в род которых перешли эти села. После округления Кобринских владений королеве Боне было необходимо заняться проверкой прав частных лиц на землю, так как на этой почве происходили недоразумения между подданными королевы Боны и частными землевладельцами. Возникавшие недоразумения приходилось разрешать отправкой для расследования специальных комиссаров, что, конечно, создавало немало затруднений. Так, кобринский земянин Сенко Ескович Пришыхвостский подал Боне челобитие с просьбой произвести расследование по поводу жалоб людей городецких Кобринского повета «на имя Давидовичи, Михалко Черкехович и Сергей Игнатович», которые вместе со своими потужниками заявили «яко он землю их властную отчизную на имя Клещовский жеребий под себе забрал и держит ее ку имению своему Пришыхвостскому». На самом деле, по заявлению земянина, в его держании находилась лишь «выслуга его деда на кн. Семене Кобринском», тогда как третья часть жеребья Клещовского «в старом поли и то без бору и без леса» попрежнему находится во владении жалобщиков. Для разрешения спорного вопроса были посланы комиссары, выбранные обеими сторонами. Представителями городецких людей явились пан Венцеслав Костевич и лесничий Каменецкий, пан Потей Тишкович, которые нашли «его во всем правого». Королева Бона согласилась с решением комиссаров, и 12 декабря 1532 г. состоялось окончательное решение по данному делу [14].

Политика округления владений в целях уничтожения чересполосицы также побуждала Бону заняться проверкой прав на землю в Кобринском повете. К осуществлению такой проверки прав на землю королева Бона приступила в апреле 1534 г., когда «за позвом королевы Боны вся шляхта земяне повету Кобринского» [15] должны были представить листы на именья свои, «которые бы мели в том повете того замку» [16]. Лица, производившие по поручению королевы Боны проверку

---

[13] ЦГАДА, ЛМ, КПД XXVIII, лл. 27, 29, 31, 32; КЗ XVIII, лл. 38—39; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 190, 191.

[14] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVIII, лл. 43—44 и об.

[16] Там же, л. 111.

[16] Там же, лл. 111—117.

документов, разделили всех присутствовавших кобринских земян на две категории.

К первой категории были отнесены те из земян, которые явились на ревизию прав на землю «с голыми руками», без всяких документов, «жадных твердостей не вказали». Одни из непредставивших документы шляхтичей заявили, что «листов и твердостей не мают, нижели держат то з давних давен с предков, дедов и отцов своих». Так аргументировали свои права на землю братья Петр и Сенько Савицкие совместно со своими дядковичами Яцко, Богушем, Михно и Сенько Савицкими, прибавив при этом «иже жадного приданья и выслуги ку имению не мают». Ждан Александрович Имениский указал, что он владеет имением «с прадеда и деда», но что никакого другого «придания и выслуги в имении он не мает» [17]. Другие земяне, также ограничиваясь словесными доказательствами своих прав на землю, тем не менее стремились более конкретно указать на происхождение своего земельного держания. Так, земянин Есько Федорович, владевший частью земли в Буховичах и Кулине, не представил «твердостей», сославшись на исстаринность своего держания «с прадеда и деда и отца». Кроме того, тот же земянин имел в своем распоряжении $^1/_2$ жеребья Зарубинского, выслуги их отца на князе Кобринском, и бортный жеребий Волосковский, полученный от князя Семена Кобринского, но при этом никакие «твердости» не были представлены [18]. Иван Моцалович, «с сыном своим Лазарем и з братаничи своими Моцаловичи», заявил, что в с. Востромичи он владеет выслугой на князя Семена Кобринского, но словесное заявление не было оправдано соответствующими «твердостями» [19]. Аналогичные доказательства в оправдание своего земельного держания привели Яцко, Есько и Богуш Свербичи, держатели полужеребья Мордовского и полужеребья Конишковского; Яцко, Ожейко и Белко Ивашковичи, держатели трети жеребья Вощинского «в Болотех» и трех долей жеребья Жиличковского, объявили свои земельные владения выслугой их отца на князе Иване Кобринском [20]. Словесное заявление не сопровождалось более реальными доказательствами. В общем представители 27 семейств кобринских земян оказались владельцами земель, на которые держатели не могли представить никаких «твердостей». Между тем жеребья земян находились в королевских селах и такое совместное владение с хозяйственной точки зрения, разумеется, больших удобств представить не могло.

---

[17] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVIII, лл. 111, 112.
[18] Там же, л. 112.
[19] Там же, лл. 116—117.
[20] Там же, лл. 111—117.

Ко второй категории были отнесены земяне, представившие «твердости» на земли. Характер представленных оправдательных документов был различный. Так, Васко Дробышевич представил лист королевы Боны от 10 июня 1532 г., согласно которому именьице, которым он владел совместно с женой, было оставлено ему «до живота». Есько Некрашевич «положил лист Жигимонта, короля его милости, от 10 февраля 1519 г.», подтверждавший пожалование князя Ив. Кобринского двумя частями Байковичей и двумя частями Именина «на вечность ему самому, и жене, и детям, и щадком». Станислав Жамбоцкий, приславший вместо себя сына Николая, представил «твердости» — «данину пани Миколаевой Радивилловича, воеводиное Виленское, пани Зофии, которая перед тим за паном Пацом была», а также и подтвердительный привилей Сигизмунда от 4 августа 1503 г. «на вечность з людьми и з землями». Остапко «с братией и детьми» представил лист от 24 января 1523 г., выданный паном Венцеславом Костевичем и отдававший в «доживотное» держание третью часть службы Осташовичов и пустовщину Ходцевщину «с бортным деревом, полями и з сеножатями, и з дубровами со всим тым што к той земле здавно прислухало» [21]. Васко Губининский представил «судовый лист государыни королевы ее милости» по делу его с Иваном Петровичем и его братьями, обвинявшими его в том, что он держал в своих руках после смерти своей жены «их близкость», утверждавший судебное решение судей, признавших, что Васко Губининский держит имение «слушным обычаем по жене своей», так как спорное имение представляло собой вено его жены, переданное последней первым мужем [22].

Все представленные документы по их характеру можно разделить на несколько разрядов: 1) на пожалования королевы Боны; 2) подтвердительные листы Сигизмунда; 3) пожалования старосты пана Венцеслава Костевича; 4) судовые листы королевы Боны; 5) листы кн. Федоры-Зофьи.

Кобринские земяне явились на проверку прав на землю все, за исключением лишь одного Лукаша Лозовицкого, бывшего на господарской службе от пана Горностая «для выбора серебщины». Не явившись в назначенное время вследствие возложенного на него служебного поручения, Л. Лозовицкий, однако, просил отложить ему представление листов на право владения землей «до приехания с той службы господарской», дабы он «права своего не тратил, иж был на службе господарской» [23]. Не только одни светские землевладельцы подверглись

---

[21] Там же, лл. 118—121, 123 и об.
[22] Там же, лл. 131—132.
[23] Там же, л. 124 и об.

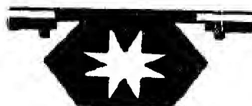
проверке прав на землю. И представители обоих вероисповеданий, римско-католического и православного, не избежали ее. Они также должны были положить перед королевой Боной листы, оправдывающие их права на владение церковными фундушами. Так, плебан кобринский, ксендз Адриан «положил фундат свой костельный», выданный Сигизмундом [24]. Плебан добучинский ксендз Павел представил «фундат» покойного пана Венцеслава Костевича. Алтарист кобринский ксендз Марко подтвердил свои права на церковную землю, представив «фундат» Ганки Семеновны. Игумен кобринский спасский Васьян представил лист «княгини Ивановое Кобринской Федоры» на монастырь Спасский Кобринский и «твердости» короля Жигимонта на получение церковной десятины и других доходных статей, а также и на село «Корчичи со всими доходы, з гроши, з данию, з полюдьем, со всими тыми доходами», которые поступали от села в господарский скарб. Поп «Пречистое храма» Яков представил лист кн. Ивана Семеновича Кобринского. Аналогичный документ был представлен и попами добучинским и кобринским-никольским [25]. Разумеется, все эти документы официального происхождения не могли возбудить никаких сомнений в правах держателей фундуша на владение последним.

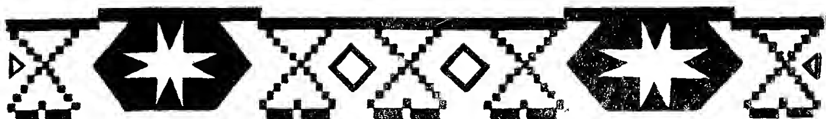
Проверка прав на землю, предпринятая королевой Боной, дала положительные результаты. Выяснилось, что известная часть местных землевладельцев владеет землей без достаточных юридических оснований. Поэтому, когда королева Бона предпримет грандиозную аграрную реформу в Пинском и Клецком княжествах при непосредственном участии пана Станислава Фальчевского, то проверка прав на землю явится настоятельно необходимой, как один из основных приемов увеличения хозяйственных ресурсов владелицы княжеств за счет земель, незаконным образом оказавшихся во владении шляхты.

Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову, Пг., 1922.

---

[24] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVIII, л. 133 и об.
[25] Там же, лл. 133, 136—142 и об.





ВОЛОЧНАЯ УСТАВА КОРОЛЕВЫ БОНЫ И УСТАВА НА ВОЛОКИ

Систематические попытки создать новые формы землепользования и землевладения в Литовско-Белорусском государстве были предприняты королевой Боной на территории Пинского и Клецкого княжеств.

Аграрная реформа была начата весной 1552 г. и закончена весной 1555 г. Ответственная работа по проведению в жизнь задуманной аграрной реформы была возложена на пана Станислава Хвальчевского, в данное время бывшего старостой пинским, кобринским, клецким, городецким, державцем селецким. Его помощниками были Иван Горецкий, составивший под надзором пана старосты писцовую книгу, и мерчие Ян Дубовский и Богушь. Королева Бона не ограничилась только одним распоряжением произвести аграрную реформу. Для такой большой и ответственной работы надо было составить общее руководство, без которого деятели реформы, конечно, обойтись не могли. В свою очередь принципы, положенные в основу хозяйственного руководства, были приняты во внимание и правительством Сигизмунда II при производстве соответствующей реформы на собственно господарских землях.

Экономическое наставление королевы Боны невелико по объему. Составители его не интересовались деталями и разными административно-хозяйственными наставлениями. Они ограничились лишь формулировкой общих принципов, положенных в основу реформы, предоставляя деятелям последней проводить их на практике по собственному усмотрению. В хозяйственном наставлении указания были высказаны в виде общих мыслей, несколько несмело, тогда как в уставе на волоки они получили дальнейшее развитие и детализацию.

Хозяйственные указания королевы Боны, с одной стороны, практическое руководство при производстве аграрной

реформы, с другой стороны, отчасти и теоретико-экономический трактат в области сельскохозяйственной политики, содержащий в себе новые принципиальные положения. Такой же точно характер носит и волочная устава Сигизмунда-Августа, хотя в последней практический характер выступает еще отчетливее и теоретические основания как-то незаметно растворяются среди ряда административно-хозяйственных советов и указаний. Королеве Боне нельзя отказать в большой хозяйственной предусмотрительности и решимости: она порвала со старыми хозяйственными отношениями и поставила сельское хозяйство в несколько иные условия в целях поднятия доходности и увеличения производительности дворцового хозяйства. Ее сыну оставалось воспользоваться опытом матери и повсеместно произвести ту же аграрную реформу, которая была частично проведена королевой Боной на территории Пинского и Клецкого княжеств. Опыт королевы Боны не мог пройти бесследно для ее сына и его сотрудников.

Аграрная реформа королевы Боны является в некотором отношении аграрной революцией, насильственно разрывавшей с истаринными формами землепользования и землевладения, уничтожавшей чересполосицу и положившей конец незаконному владению землей. Задевая интересы и шляхетского и крестьянского землевладения и землепользования, аграрная реформа, вызывая общее недовольство, однако, не вызвала нигде активного сопротивления, что и позволило сравнительно быстро, в три года, осуществить грандиозную аграрную реформу. Это спокойное осуществление реформы могло, вероятно, в некотором отношении оказать влияние и на Сигизмунда-Августа, который мог не опасаться активного противодействия при производстве задуманной аграрной реформы как со стороны шляхетства, так и господарского крестьянства.

Королева Бона, приступая к реформе, действует как рачительный хозяин-предприниматель, который заботится о планомерной эксплуатации своих доходных статей, считаясь с условиями и потребностями как внешнего, так и внутреннего рынка. Сигизмунд-Август, производя волочное измерение, находился под давлением пустоты своего скарба, и стремление поднять доходность и производительность господарских имений связано с крайней нуждой в деньгах и с необходимостью в ближайшее время пополнить пустоту господарского скарба [1]. Этим объясняется, почему аграрная реформа Сигизмунда-Августа не могла носить только локальный характер. Она должна была стать повсеместной в тех частях государства, где для этого были соответствующие условия.

---

[1] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа...

Устава королевы Боны начинается с определения размеров волоки. Последнее делается в чрезвычайно общей форме. Затем в уставе идет речь о денежных платах, которые падают на городские огороды и волоки. Далее устава переходит к определению размера тяглой службы и чиншов с каждой волоки, считаясь с качеством почвы, а также и тех натуральных повинностей, которые падают на волоку земли. Устава считается с наличностью специальных разрядов населения и выясняет их повинностные отношения к скарбу. Указаниями на необходимость давать отмены частным землевладельцам и на способ их производства заканчиваются экономические предписания королевы Боны. Самое примитивное знакомство с уставой королевы Боны обнаруживает неполноту ее и полное умалчивание о ряде практических вопросов, которые могли возникнуть на местах при осуществлении реформы. Эту пустоту должна была заполнить устава на волоки. В ней нет стройности и логико-экономической последовательности, но зато налицо детализация отдельных положений, о которых ни слова не говорится в уставе королевы Боны, как, например, о сборе поступлений, отчетности, взысканий недоимок с управителей, порядке выполнения населением лежавших на нем тяглых и других повинностей и т. д. [2] Впрочем, королева Бона могла и не касаться этих вопросов, так как в частновладельческом хозяйстве все эти вопросы могли быть разрешены специальными распоряжениями королевы Боны, как собственницы имений. Естественно, что и вопрос об ответственности старост не мог быть особенно острым при постоянном контроле со стороны хозяйского глаза.

Разрушение старого земельного строя достигалось через введение новой земельной единицы — волоки. По уставе Боны в каждой волоке — 30 моргов, в каждом морге — 30 прутов, а в пруте — $7\frac{1}{2}$ локтей. Других размеров волоки устава королевы Боны не знает. Устава волочная Сигизмунда имеет волоку в 33 морга. Измеренные земли делятся на три поля, по 11 моргов в каждом, если только такое деление возможно по местным условиям. Если же «с прычын разных» такое деление и измерение земли на три поля невозможно, то земля делится на волоки, но без деления последней на три поля [3]. Тридцатиморговые волоки на практике в свою очередь делились на три поля по 10 моргов в каждом. Отдельные волоки раздаются подданным; земли, лежащие за отдельными волоками, так называемые «застенки», по волочной уставе и по хозяйственной

[2] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., ч. I, гл. IV.

[3] Русская историческая библиотека, т. XXX, Литовская метрика, Юрьев, 1914, Устава на волоки, арт. 29 (далее — РИБ, т. XXX, Устава).

практике королевы Боны могут быть розданы крестьянам за дополнительную плату[4]. При измерении королевой Боной территории Пинского и Клецкого княжеств принималась во внимание вся территория, как находившаяся в обладании королевы Боны. Это подразумевалось само собой и не требовало никаких указаний в уставе Боны. Устава Сигизмунда-Августа не могла не коснуться этого вопроса и точно не определить, что является объектом волочного измерения, в противном случае на этой почве могли бы возникнуть разного рода нежелательные недоразумения. Измерению на волоки подлежали только господарские земли, «купленные и заставные», «кгды ж кметь и вся его маетность наша есть»[5]. По уставе королевы Боны производство аграрной реформы сопровождается уничтожением чересполосицы. Если под волоки будут отобраны земли плебанов, олтаристов, владык, архимандритов, русских попов и земян, то вышеназванные землевладельцы получают отмену, но не в момент производства реформы, а по окончании последней, когда измеренные земли будут разобраны крестьянами и, следовательно, выяснится наибольшая хозяйственная годность земель[6]. По существу такой хозяйственный эгоизм совершенно правилен, хотя бы он задевал интересы как духовного, так и светского землевладения.

В уставе королевы Боны нет никаких указаний относительно производства отмены. Очевидно, пинский и клецкий староста или получил соответствующие указания лично или сообщил Боне свои планы, которая их одобрила. Но приложенный к писцовой книге регест отмен позволяет составить определенное представление о тех принципиальных положениях, которые принимались паном Хвальчевским во внимание при производстве реформы. Ревизор королевы Боны, раздавая отмены, конечно, должен был принимать во внимание интересы тех держателей господарских имений, которым давалась отмена. Основным правилом, которого держался староста пан Хвальчевский, было положение, чтобы не пострадали материальные интересы держателей земли. Поэтому при производстве отмены приходилось считаться с тем фактом, что земли могли быть неравноценными по качеству почвы, и эту неравноценность приходилось возмещать тем или другим способом. По качеству почвы ревизор делил земли на несколько категорий: средние, злые, средне-злые, не выясняя, однако, точно взаим-

---

[4] Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552—1555 гг. Вильна, 1584, стр. 44 (далее — ПКПКК).

[5] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.

[6] ПКПКК, стр. 5.

ного соотношения между волоками земли, разными по качеству почвы.

Раздавая отмены, ревизор Хвальчевский давал последние равноценным грунтом. В этом случае держатель земли получал такое же количество волок, какое у него было отобрано ревизором. У игумена монастыря св. Пятницы Романа Борисовича взяли для королевы пахотной и сеножатной земли всего 11 моргов $1^1/_2$ прута среднего грунта. Его отмена соответствовала тому, что у него было отобрано[7]. Земянин Стефан Борзобогатый отдал для округления 3 морга 27 прутов грунта средне-злого. Отмена соответствовала тому, что было отобрано[8]. Такого рода равноценные раздачи было легко произвести в том случае, когда земли брались в одном отрубе и таким же отрубом давалась отмена.

При производстве отмен ревизор мог столкнуться с фактом отобрания земли лучшей по качеству почвы и невозможностью дать равноценную отмену. В таком случае давалась надбавка по усмотрению пана старосты. У плебана клецкого Матея Косовского было отобрано 2 волоки 5 моргов 29 прутов земли разного качества и притом разбросанной по отдельным местам. Ему отмена была дана также не в одном куске, но так как отобранная земля была по качеству лучше данной в отмену, то плебану была дана надбавка в 1 морг 10 прутов[9]. Священник Игнат Иванович отдал под волоки четыре куска земли разной по качеству — всего 1 волоку 12 моргов 4 прута. Отмена ему была дана худшей по качеству землей, но зато с некоторой надбавкой. Отмена равнялась 1 волоке 17 моргам 4 прутам[10].

При производстве реформы отмена могла быть и лучшей по качеству почвы в сравнении с измеренной на волоки землей. Земянин повета Ляховицкого Ян Шеневский отдал 10 моргов 22 прута. Этот отруб составился из трех земельных отрубов — 2 моргов 10 прутов грунта злого, 6 моргов $6^1/_2$ прутов и 2 моргов $2^1/_2$ прутов грунта среднего. Его отмена тоже состояла из трех отрубов и равнялась 9 моргам 22 прутам, но зато исключительно землей средней по качеству почвы[11]. Священник церкви св. Николая Трофим Васильевич отдал 10 волок 26 моргов 27 прутов, лежавших в нескольких местах. В составе отошедшей земли находилось 10 волок грунта злого, а также сеножатии. Отмена, данная священнику, равнялась 3 волокам 1 моргу 27 прутам большею частью грунта среднего.

---

[7] ПКПКК, стр. 509, 510.
[8] Там же, стр. 511.
[9] Там же, стр. 508.
[10] Там же, стр. 511.
[11] Там же, стр. 526.

Отмена дана исключительно «полем» по просьбе самого священника [12], так как у него была отобрана вся земля, годная для пашни.

Итак, при даче отмены последняя могла оказаться 1) одинаковой по качеству и количеству с отобранной землей; 2) большей по размерам, но худшей по качеству; 3) меньшей по размерам, но лучшей по качеству почвы; 4) одинаковой в доходном отношении и равной по ценности. Изучение отмен и участков, взятых под волоки, указывает на дробность и незначительность владений, что, может быть, делало фактически невозможным установление определенного соотношения между разными по качеству почвы волоками и давало возможность широкого применения ревизорского усмотрения.

Отводимые отмены, видимо, были обязательны. Но обязательность исключала возможности подачи жалобы на действия пана старосты. Впрочем, на небольшой по масштабу территории все недоразумения могли быть легко разрешимы, а потому с этой стороны не требовалось особых указаний. При составлении волочной уставы необходимо было подробнее и точнее отработать часть уставы, относящуюся к производству отмены, выяснить некоторые важные подробности, о которых ничего не было сказано в хозяйственной инструкции королевы Боны, но зато совершенно отказаться от приема давать отмены по выяснении стоимости земли или ее доходности. Последние два приема были трудно применимы к территории всего государства. Действительно, волочная устава в этом отношении детальнее. Этому первостепенной важности вопросу отводится достаточно много внимания и самый вопрос разбирается довольно подробно. Ревизоры имели совершенно точные указания относительно того, как поступать при производстве отмены. Составители волочной уставы исходили из той мысли, что держатели господарских имений не должны терпеть никаких материальных убытков от округления господарских дворов и уничтожения существовавшей чересполосицы. Отмена должна быть равноценной тому грунту, который отходит от господаря. Отводимый участок на правах отмены должен быть «споруч ку имениям земян». Но устава считается с возможностью отсутствия налицо равноценного по качеству грунта, и потому в таких случаях она рекомендует замену земельного участка, лучшего по качеству почвы, наделом в увеличенном размере, из земли более плохой по качеству почвы. Устава делит земли на три разряда по качеству почвы: предний, средний и подлый, между которыми устанавливается обязательное соотношение, которым должны были руководиться деятели

[12] Там же, стр. 521.

реформы. За отобранную волоку предней земли давали $1\frac{1}{2}$ волоки средней и 3 волоки плохой. Если же приходилось давать отмену землей очень плохого качества «надер подлым, блотливым альбо песковатым» грунтом, то ревизорам предоставляется право поступать по собственному усмотрению. Единственно с чем ревизор должен был считаться — это было требование уставы «абы нам и оному, в кого беруть шкода не была». Самая отмена дается в присутствии уряда, и ее принятие обязательно. Устава допускает случаи, когда отдельные земяне не пожелают «таковое отмены за упором прыймовати». В таком случае она все-таки записывается в книги господарского уряда, а держателю предоставляется право обжаловать отвод отмены. Но если бы недовольный отменой шляхтич вздумал портить «упорне стены волокам и границы», стремился бы использовать для себя «оный грунт, в померу взятый», то такое действие устава на волоки приравнивает к гвалту, и уряд должен «моцно боронити альбо правом кгвалту на таком позыскивати» [13].

Сравнивая приемы производства отмены в Пинском и Клецком княжествах и по волочной уставе Сигизмунда-Августа, можно установить полное их однообразие. Отмена должна быть равной по качеству тому участку земли, который был измерен и переписан на королеву или короля. Уравнение участков и отмена с разной по качеству почвой в Пинском и Клецком княжествах определились усмотрением старосты пана Хвальчевского. В волочной уставе были указаны те объективные данные, которыми должен был руководиться ревизор в противоположность субъективным планам пана старосты. Эта фиксация в волочной уставе — решительный шаг вперед в сравнении с полным умолчанием об этом в волочной уставе королевы Боны Действительно, раз волочная устава действует на протяжении всей территории Литовско-Белорусского государства, то деятели реформы должны были получить и общие объективные данные, которыми они должны были руководиться в своей административно-хозяйственной деятельности.

Хозяйственная устава королевы Боны дает только общие указания для правильной постановки дворового хозяйства в целях наибольшей его эксплуатации. Устава ограничивается в этом направлении только одним общим указанием.

Самая ее сущность отчетливо выступает в аграрных мероприятиях главного деятеля реформы в Пинском и Клецком княжествах пана Станислава Хвальчевского. Последний был озабочен тем, чтобы при каждом королевском дворе, если только почвенные условия этому благоприятствовали, была заведена

[13] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 29.

особая дворовая пашня. Действительно, последняя заводится там, где для этого представляется какая-либо возможность. Так, при дворе Селецком пинского старосты была заведена дворовая пашня в размере 10 волок 10 моргов [14]. Дворовая пашня сконцентрирована в одном месте. Для нее пришлось отобрать земли у соседних мещан, земян, православного духовенства и паробков. Для пашни Ставецкого двора в том же старостве были отведены в первую очередь земли паробков, а потом земян. На дворовую пашню было отведено 12 волок.

Разбитый на три поля, по условию местности, участок земли, отведенный под пашню, не лежал в одном месте, а был разделен на два отдельных отреза в 8 и 4 волоки [15]. При дворе Дружиловском пашня была уничтожена, но, очевидно, по каким-то хозяйственным соображениям, на «выхование» уряда или для проезда старосты пинского в Кобрин было отведено распоряжением пана Хвальчевского 2 волоки земли [16]. При дворе Кнубовском совсем не было дворовой пашни [17]. Дворовая пашня при дворе Стытычевском была вся роздана челяди невольной, так как земельный грунт не был достаточно хорошим. Но при производстве реформы, ревизором «королевы ее милости» было отведено 1 волока 10 моргов. Впрочем, едва ли можно было вести на такой небольшой площади какое-либо хозяйство, да к тому же волока земли была «грунту злого», следовательно, была совершенно негодна для ведения сельского хозяйства и эксплуатации дворовой пашни [18]. При дворе Малевском существовала пашня в размере 12 волок. Она образовалась из отошедших ко двору земянских земель и была поделена на три поля [19]. При дворе Красноставском было отведено пашни 15 волок 10 моргов грунта среднего [20]. На двор Сеневский было отведено пашни 9 волок, в числе которых было 4 волоки 15 моргов грунта среднего и столько же плохого [21]. На двор Тетеровской под пашню было отведено всего 7 волок, 29 моргов 15 прутов среднего грунта. Основой дворовой пашни были паробоцкие земли. Составитель описания указывает, что вокруг двора находится немало лесов, еще неизмеренных, но годных для разработки под пашню [22].

Таким образом, ревизор стремился заводить дворовую пашню там, где для этого были благоприятные условия, причем для

---

[14] ПКПКК, стр. 41.
[15] Там же, стр. 42.
[16] Там же, стр. 102.
[17] Там же, стр. 171.
[18] Там же, стр. 169.
[19] Там же, стр. 459.
[20] Там же, стр. 404—405.
[21] Там же, стр. 476.
[22] Там же, стр. 496.

пашни отбирались подходящие земли как дворовой челяди, так и частновладельческие, как духовные, так и светские. Королеве Боне не надо было давать особой инструкции относительно устройства фольварочного хозяйства. Необходимость его логически вытекала из всех хозяйственных мероприятий Боны. Да к тому же староста пинский пан Хвальчевский мог получить и личные указания, которым он должен был следовать для осуществления новых хозяйственных мероприятий королевы Боны. Совсем в ином положении находились составители уставы на волоки. В последней было необходимо подчеркнуть ближайшую задачу реформы — устройство господарского фольварка во всех господарских имениях «яко на болшы быти могуть», конечно, за исключением тех, где это невозможно вследствие несоответствующих почвенных условий, «где бы кгрунты злые и непожыточные были» [23]. То, что в хозяйственной деятельности королевы Боны подразумевалось само собой и о чем королевины администраторы могли получить соответствующие словесные указания, это в волочной уставе было высказано в виде определенного положения, обязательного для всех администраторов и от которого можно было отступить только в определенных случаях.

Ревизоры королевы Боны заводили дворовую пашню там, где для этого были подходящие условия. В противном случае свободные земли давались для эксплуатации самого уряда или населения. Так при Дружиловском дворе «на выхование» уряда было отведено две волоки. Что же касается старой пашни, бывшей раньше при этом дворе, то если она будет эксплуатироваться дворовой администрацией, то последняя должна уплатить в королевин скарб чинш «водлуг уставы и описания грунту» [24]. Ревизор королевы Боны, оставляя на уряд при дворе Дружиловском 2 волоки земли и предоставляя ему остальную землю эксплуатировать по собственному усмотрению, но с уплатой чинша, разрешил местный случай использования земли, не взятой под пашню. Для составителей уставы на волоки такой частный вопрос становился общим и по этому поводу надо было принять какое-либо определенное решение. Для уставы этот вопрос находится в тесной связи с вопросом о способах и средствах вознаграждения местного уряда за его хозяйственную деятельность: устава на волоки предписывает земли, неподходящие для пашни, «людьми осаживати», но предварительно выделив на уряд «в каждом поли по одной волоце». Эксплуатация этих волок должна производиться урядом за собственный счет «огородники и своим быдлом». На уряд также отводится и морг земли на огород, и притом бесплатно [25].

---

[23] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 20.
[24] ПКПКК, стр. 102.
[25] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 20.

Таким образом, индивидуальное в хозяйственной деятельности Боны становится общим хозяйственным принципом в волочной уставе, впрочем, с некоторой разницей; устава не предоставляет права урряднику брать неотошедшие под пашню земли в аренду, а требует обязательного обслуживания их людьми.

В писцовой книге королевы Боны нет никаких указаний на то, какое вознаграждение должен был получать дворовый уряд, если при дворе была заведена пашня. Этого, впрочем, и не требовалось, так как вознаграждение того или другого урядника всецело обычно определялось «лаской и милостью королевы Боны».

Королева Бона как опытная хозяйка превосходно была осведомлена о всех подробностях постановки хозяйства в своих имениях, и ей не было нужды определять размер вознаграждения каждого уряда, зависевшего исключительно от самой королевы. Совсем в ином положении находились составители уставы на волоки. Они не могли отказаться от определения доходов уряда. Необходимо было ввести повсюду единообразную систему вознаграждения, дабы и контроль над действиями уряда был лучше осуществлен и возможных злоупотреблений было меньше. Поэтому в тех дворах, где имеется дворовая пашня, уряд мог брать на себя третий сноп «збожья ужатья всякого» [26] и, кроме того, со всяких дворов сеножатей «пятый воз» [27].

Хозяйственно-административные обязанности уряда не нашли себе определения в Писцовой книге Пинского и Клецкого княжеств. По существу это было лишним. Королева Бона вмешивалась во все детали хозяйства своих имений, раздавала администраторам письменные и устные приказания, была в курсе всех хозяйственных мероприятий своих администраторов. Устава на волоки должна была детально регламентировать хозяйственные обязанности уряда, чтобы на почве предъявления к ним тех или других требований не возникало никаких с ними недоразумений.

Самый контроль над деятельностью державцев было легче осуществить в том случае, когда обязанности последних точно определены и выяснены. Устава на волоки не могла ограничиваться одним молчанием. Система личных поручений и указаний была неприменима там, где хозяйственные мероприятия осуществлялись на протяжении всей территории Литовско-Белорусского государства. Этим и объясняется та детализация обязанностей уряда по ведению хозяйства, которая принята в уставе на волоки [28].

---

[26] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 20.
[27] Там же, арт. 24.
[28] Там же, Устава, арт. 20.

Установление при дворах пашни выдвигало вопрос об обеспечении ее надлежащим количеством рабочих рук. Производившие ревизию отказались от применения рабского труда для обработки пашни. Таковая производится исключительно при помощи так называемого тяглого крестьянства, и на каждый двор было отведено определенное количество тяглых волок, держатели которых были обязаны обрабатывать дворовую пашню своими силами. На 22 волоки пашни дворов Ставецкого и Селецкого было отведено в трех войтовствах 172 волоки пашни тяглой, т. е. средним числом на одну волоку дворовой пашни приходилось $5^1/_2$ волок тяглых. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что на территории указанных дворов земля, средняя по качеству, постоянно перемешивается с землей, плохой по качеству. На 15 волок 10 моргов пашни Красноставского двора было отведено 112 волок 15 моргов, т. е. приходилось на одну волоку пашни более 7 тяглых волок, причем последние в некоторой своей части состояли из плохого грунта [29]. На 12 волок пашни двора Малевского было отведено 61 волока 15 моргов тяглых волок, причем пашня была по качеству среднего грунта и большая часть волок была таковой, за исключением 2 волок грунта злого. Следовательно, при Малевском дворе на 1 волоку дворовой пашни было отведено по 5 тяглых волок [30]. На 9 волок пашни Сеневского двора было отведено 87 волок 1,5 морга, т. е. по $9^1/_2$ волок на 1 волоку дворовой пашни. Это объясняется тем, что в составе дворовой пашни половина волок была злого грунта, а из тяглых волок 57 волок были волоками «злыми» [31].

На Тетеревский двор ревизор отвел 7 волок 29 моргов 15 прутов [32]. Количество тяглых волок, отведенных для обработки дворовой пашни, равнялось 56 волокам 15 моргам; следовательно, на 1 волоку дворовой пашни было отведено несколько больше 7 волок тяглых. Суммируя все указанные наблюдения, мы приходим к выводу, что аграрные реформаторы королевы Боны для определения количества тяглых волок для дворовой пашни не руководились одними нормами на протяжении всей территории Пинского и Клецкого княжеств. Такая неопределенность, конечно, была допустима, когда производилась реформа по почину частного лица, действовавшего на территории своего владения и могущего в каждом отдельном случае дать соответствующие дополнения и разъяснения. Совсем иной практики должно было держаться правительство Сигизмунда-Августа. Аграрные реформаторы должны были иметь общие

[29] ПКПКК, стр. 406—459.
[30] Там же, стр. 459—474.
[31] Там же, стр. 495.
[32] Там же, стр. 496.

указания, для них обязательные, отступление от которых было возможно только в исключительных случаях, а потому вполне естественно, что составители уставы на волоки, отводя волоки на дворовую пашню, точно определяют количество отводимых тяглых волок. Согласно уставе на волоки, на каждую волоку дворовой пашни отводится 7 волок «з волы и клячами», из деревень расположенных вблизи двора [33]. Определив так количество тяглых волок для обработки одной пашни, составители уставы могли воспользоваться практикой агентов королевы Боны, колебавшейся между 5 и 10 волоками, и отвели то количество тяглых волок, которое, по мнению составителей уставы на волоки, совершенно достаточно для обработки 1 волоки дворовой пашни.

Производя аграрную реформу в Пинском и Клецком княжествах, королева Бона имела в виду поднятие производительности и увеличение доходности своего хозяйства. Для этой цели агенты заводили дворовую пашню там, где ее не было, но где для этого были соответствующие условия. Разумеется, в некоторых дворах устройство пашни оказалось фактически невозможным, господарские дворы оставались всего лишь административными центрами прилегавших к ним сел. По такому же рецепту действует и составитель волочной уставы, настаивающий на устройстве фольварков «при каждых замкох и дворех наших», за исключением только тех мест, где для этого нет подходящих условий, вследствие отсутствия подходящего грунта [34].

Ревизоры королевы Боны, производя аграрную реформу и устраивая дворовую пашню, вследствие тех или других условий не могли везде завести пашню. Однако и в этом случае на дворы отводилось некоторое количество волок. Так, при Дружиловском дворе Пинского княжества пашни не оказалось. Она была запущена и погибла. При производстве реформы ревизор, по указанию пана Станислава Хвальчевского, отвел для двора 2 волоки, которые должны были предназначаться для «выхования уряда» или для приезда самого старосты в Кобрин [35]. И составитель уставы на волоки в таком случае поступает так же. Только на уряд отводится «в каждом поли» по 1 волоке, которую уряд обязан обработать своими силами и с помощью своего рабочего скота [36].

Устава королевы Боны знает несколько разрядов сельского населения. Высший разряд составляли лица, отправлявшие какую-нибудь специальную службу, либо эксплуатировавшие господарские угодья. Устава королевы Боны упоминает только

[33] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 20.
[34] Там же.
[35] ПКПКК, стр. 102.
[36] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 20.

о ковалях, подлазниках, бобровниках, колесниках [37]. Между тем в писцовой книге встречаются бортники [38], млынари [39], пивоварцы [40], бондари [41], конюхи [42], осочники [43], пушкари [44], стрельцы [45] В уставе королевы Боны не упоминается о путных боярах. Между тем они находились при каждом дворе. Такая лапидарность текста уставы вполне понятна. Устава давала принципиальные положения, предоставляя самому ревизору и мерчему руководствоваться ими при земельном наделении представителей высшего разряда сельского населения.

Согласно указаниям уставы, ковали получают для отправления своей службы по 2 волоки, свободные от чиншов. Подлазник, который должен быть налицо в каждом войтовстве, получает за свою работу 1 волоку, свободную от тяглой службы, но обязан платить чинш в таком размере, в каком его уплачивают тяглые люди. Бобровники сидят на волоке и во время ловли бобров освобождаются от тяглой службы от дня св. Николая до дня св. Семена. Затем наступает время, когда бобровники обязаны и службу нести и чинш платить. Колесники освобождаются от тяглой службы, когда они заняты какой-либо замковой работой. Если же колесники окажутся не занятыми, то они по-прежнему обязаны уплачивать чинш и нести тяглую службу [46]. Таковы общие указания уставы королевы Боны. Ими, конечно, руководились королевины агенты-реформаторы. Так они посадили бортников на 1 волоку с уплатой чинша [47], стрельцы сидят также на чиншевых волоках [48], хотя в другом селе стрелец испомещен на 1 волоке, свободной от чинша [49].

Мельники посажены на чиншевых волоках [50], пивоварец при дворе Селецком получил в свое распоряжение вольных 18 моргов 24 прута грунту среднего [51], а в другом месте пивоварцы получили в пользование свободную волоку земли [52]. Дойлиды сидят на одной вольной волоке [53], осочники сидят на свободных

---

[37] ПКПКК, стр. 4.
[38] Там, же стр. 171—172.
[39] Там же, стр. 41, 43, 57, 59.
[40] Там же, стр. 42, 404.
[41] Там же, стр. 36, 51 и др.
[42] Там же, стр. 80.
[43] Там же, стр. 71.
[44] Там же, стр. 393, 404.
[45] Так же, стр. 68.
[46] Там же, стр. 4—5.
[47] Там же, стр. 171—172.
[48] Там же.
[49] Там же, стр. 68.
[50] Там же, стр. 43—59.
[51] Там же, стр. 42.
[52] Там же, стр. 404.
[53] Там же, стр. 36—51.

волоках [54], замковый пушкарь, живущий в городе, имеет свободную усадебную оседлость. Путные бояре сидят обыкновенно на чиншевых волоках [55], но в с. Паршевичах путные бояре сидят на вольных волоках [56]. Правда, земля их плохого качества. Добавочная волока средней по качеству земли обложена чиншем.

В уставе и действиях ревизора заметна тенденция отводить возможно меньше волок, свободных от чинша. Обыкновенно все держатели волок уплачивают чинш, освобождаясь от последнего при исполнении ими господарских работ. С другой стороны, в уставе нет точного указания, какое количество волок отводится на одну службу. В данном случае действовал по собственному усмотрению сам староста. Несмотря на отсутствие точных указаний относительно повинностного положения высших разрядов сельского населения, можно все-таки отметить тенденцию давать вольные волоки только в некоторых случаях, в зависимости от местных условий по усмотрению ревизора и его агентов. Устава на волоки, конечно, должна была коснуться этого первостепенной важности вопроса. Устава не могла предоставить этот вопрос исключительно на рассмотрение одних агентов, производивших реформу, так как в таком случае между населением и господарскими агентами могли бы возникнуть недоразумения. Да и к тому же раз господарское дворовое хозяйство во всех волостях, где производится аграрная реформа, строится на одних принципах, то и положение высшего разряда сельского населения должно было быть всюду одинаковым. Волочная устава также не пытается перечислять все разряды сельского населения и способы их земельного обеспечения. Устава дает только общие указания, которыми должны были руководиться господарские агенты. Как ревизор Пинского и Клецкого княжеств должен был оставлять на специальной службе людей только в случае действительной необходимости, так и по волочной уставе количество лиц, отправляющих специальные службы и несущих особые повинности, должно определяться только потребностями замка и двора. Так, ревизоры обязаны посадить на землю определенное количество путных бояр, однако они должны «обирати и не болш толко с потребу при каждом замку и дворе нашом заставити» [57]. Определяя повинностное положение высшего разряда сельского населения, устава держится принципиального положения такого характера: высший разряд сельского населения сидит на определенном количестве волок, вольных «от всех платов», но при условии действительного выполнения службы

[54] Там же, стр. 71.
[55] Там же, стр. 74.
[56] Там же, стр. 88.
[57] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 1.

и отправления той повинности, которая на нем лежит. В противном случае они должны платить чинш с каждой волоки в определенном размере [58]. Это та же тенденция, которой руководились и ревизоры Пинского и Клецкого княжеств. Наконец, некоторые разряды, прежде отличные по своему повинностному положению от прочих разрядов сельского состояния, и теперь остаются при них, но «за вси повинности, цынши, овсы и сена пенязми з волок до скарбу нашого платити, яко и осадники» [59]. Так устава квалифицирует положение бортников. Второй разряд сельского населения в уставе королевы Боны составляют тяглые люди. Их повинностное положение определено совершенно точно. Тяглые крестьяне с каждой волоки несут два дня барщины в неделю, а с половины волоки один день барщины. Если же участок земли меньше полуволоки или является просто застенком, то назначается каждому держателю особый урок, за исключением всякой другой службы и других повинностей. Такое постановление уставы вполне целесообразно. Определенные повинности можно требовать с нормального земельного участка. Если такового нет налицо, то и система повинностей по отношению к земельному участку меньших размеров совершенно неприменима. В таком случае по усмотрению ревизора на держателя такого небольшого участка возлагаются повинности в зависимости от его экономического положения, уже не по нормам уставы. Такое разрешение вопроса, конечно, вполне возможно, раз реформа производится в частнохозяйственном владении, и все дефекты которого легко исправить сепаратным административно-хозяйственным распоряжением. Кроме барщины, тяглому крестьянству не приходится нести никакой другой повинности. Затем тяглые люди в зависимости от качества грунта должны платить чинш, давать продукты натурой или вместо них деньгами [60]. Добавочные их платежи можно представить в следующем виде (в грошах):

Качество грунта	Чинш	Жито	Овес	Итого
Добрый	20	10	10	40
Средний	15	10	5	30
Злой	12	10	—	22

Таким образом, чинш колеблется в зависимости от качества почвы. Количество жита, вносимого всеми тяглыми крестьянами, независимо от качества грунта, совершенно одинаково. Зато с каждой волоки уплачивается по-разному овсом. Держатели волок с плохим по качеству грунтом освобождаются от уплаты

[58] Там же, арт. 3.
[59] Там же, арт. 2.
[60] ПКПКК, стр. 4.

овса. Кроме того, тяглые люди, на случай приезда королевы, должны давать стацию по такому расчету: с каждой волоки — 2 гроша, курицу, 10 яиц, а с 5 волок — гуся. Остальные продукты должны покупаться на деньги, причем уплата за них деньгами не производится. Скарб уменьшает пропорционально чинш, приходящийся на каждую волоку [61]. Крестьяне, сидящие на волоках и свободные от тяглой службы, называются осадными. Их повинности представляются в следующем виде (в грошах):

Качество грунта	Чинш	Жито	Овес	Итого
Добрый	60	10	10	80
Средний	40	10	5	55
Злой	30	10	—	40

Кроме того, крестьяне, сидевшие на осаде, были обязаны давать стацию в той же пропорции и на тех условиях, на которых давали стацию тяглые крестьяне. Наконец, с каждой тяглой или осадной волоки, за исключением служебных волок, приходится толока 6 раз в год, а также каждая волока отбывает по очереди подводную повинность, выставляя подводу с волоки [62]. Устава на волоки остальное сельское население делит также на тяглых и осадных. Она определяет повинности и платежи последних также в зависимости от качества земельного участка. Устава делит землю по качеству на четыре разряда: к обычным трем она вводит четвертый вид грунта — весьма подлый, блотливый, песковатый. Это дополнение вызвано необходимостью выделить в особую категорию земли весьма плохие по качеству почвы, так как к ним были неприменимы общие нормы повинностей и платежей. Крестьяне тяглые отбывают барщину два дня в неделю, уплачивают чинш и натуральные податки в виде мелкого дохода: кур, гусей, яиц; стации, а также сена и овса. Стация обыкновенно собиралась деньгами, но если последовало господарское распоряжение, то стация поступала натурой: с 30 волок — одна яловица, два барана и отдельно с волоки «по куряти и по десяти яец» [63]. Количество платов, приходящихся на волоку земли того или другого качества, можно представить в следующем виде (в грошах):

Качество грунта	Чинш	Куры, гуси, яйца, стации, неводы	Овес	Сено	Итого
Добрый	21	8	20	5	54
Средний	12	8	20	5	45
Подлый	8	8	10	5	31
Велми подлый	6	8	10	5	29

[61] ПКПКК, стр. 4.
[62] Там же.
[63] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 16.

Итак, в господарский скарб поступали с тяглой волоки платы в 54, 45, 31 и 29 грошей в зависимости от качества почвы. Обложение тяглого крестьянства платами и натуральными повинностями строится в уставе на тех же основаниях, что и в уставе королевы Боны, с той лишь разницей, что в уставе волочной обложение несколько выше. Система чинша несколько иная — более высокий чинш — за держание доброй волоки и значительно уменьшенный чинш — с волок более плохих по качеству почвы. Зато тяглые люди уплачивали постоянную стацию. В уставе Боны стация — экстраординарный сбор. Затем вместо жита вносится овес и сено, но ценность этих натуральных повинностей в волочной уставе выше ценностей натуральных податков по уставе королевы Боны. Повышая платежи и повинности, волочная устава в общем итоге держится принципов уставы Боны. Разница между всеми платежами в уставе соответствует такой же разнице в уставе Боны, с незначительными колебаниями в стороны увеличения. По уставе Боны платежи с доброй волоки на 10 грошей больше, чем со средней, а в волочной уставе разница между соответствующими платежами составит 9 грошей. По уставе Боны разница в обложении между волокой средней и плохой по качеству почвы составляет 12 грошей, тогда как разница по волочной уставе равняется 14 грошам. Наконец, разница между волоками «велми подлыми» и плохими по уставе составляет 17 грошей. Увеличение платежей по уставе Сигизмунда-Августа несколько уменьшается тем, что тяглые люди отбывают четырехдневную толоку с освобождением от работ в большие праздники, как-то на рождество, масленицу и пасху по одному дню, а по уставе Боны для всех приняты шестидневные толоки и не сказано, идет ли она в зачет свободы от работ в большие праздники. Устава королевы Боны допускает владение землей в размере волоки, полуволоки и меньше. В первом случае платежи и повинности уменьшаются вдвое. Во втором случае всякий раз ревизор определяет плату и повинности. Что же касается волочной уставы, то все ее финансовые расчеты отправляются от волоки. Она рекомендует раздачу только целых волок. Там же, где целой волоки не может быть, там, где участок земли исчисляется тем или другим количеством моргов, там платежи определяются количеством моргов, находящихся в застенке, причем в уставе точно определено обложение, приходящееся на каждый морг застенка. Волочная устава должна была отступить в этом отношении от уставы королевы Боны и индивидуальное распоряжение ревизора заменить фиксированными платежами, что позволит администрации избежать разного рода ошибок и уклонений в сторону от правильной оценки урока, приходящегося на каждый застенок [64]. И повинностное положение

[64] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 16.

осадного крестьянства по волочной уставе сложнее и тяжелее Осадные люди уплачивают чинш, за кур, гусей, невода, стацию, за толоку, гвалт, осаду, овес и сено. С переводом всех натуральных платежей на деньги, с каждой волоки доброго грунта шло в скарб — 106 грошей, среднего — 97, плохого — 83 и велми подлого 66 грошей. В сравнении с платежами осадного крестьянства во владениях Боны в Пинском и Клецком княжествах последние для земель первой категории больше на 26 грошей, для второй на 42, для третьей на 43 гроша. Для четвертой категории земель сравнения нет. Волочная устава не знает особого платежа для осадных людей, как жито, $1/3$ которого при переводе на деньги уплачивается 10 грошами. Но в то же время она вводит повинность «в гвалт», которую можно заменить бочкой жита, стоимостью в 10 грошей. Устава королевы Боны принимает разные расценки чинша для тяглого и осадного крестьянства. В волочной уставе нормы чинша одинаковы для обоих разрядов сельского населения, но зато в ней введен новый платеж «осада», равный для всех осадных волок, независимо от качества грунта. Между платежами осадного и тяглого крестьянина по уставе королевы Боны — разница в чинше. Излишек чинша у осадного крестьянства возмещается двухдневной барщиной тяглого крестьянства. По волочной уставе при равенстве чинша — плата за осаду, гвалт и толоку является возмещением двухдневной барщины[65]. Устава королевы Боны не упоминает об одном разряде дворового населения — челяди невольной, а между тем при дворах Пинского и Клецкого княжеств — челядь была налицо. Точно так же и в волочной уставе нет упоминания о челяди невольной, и в то же время и после введения волочной померы она кое-где при дворах сохранилась. Молчание обеих устав — показательный факт. Очевидно, экономическое положение челяди невольной — прежнее, дореформенное, но с той лишь разницей, что она потеряла значение доминирующей рабочей силы при господарском дворе. По уставе Сигизмунда-Августа при господарских дворах должны находится «огородники», каждый из них получает по 3 морга земли с обязательством работать пешими один день в неделю. Что же касается работ женщин, то они в течение 6 дней в году должны выходить «до жнива альбо до полотья»[66]. Возникновение при дворах особой экономической группы огородников, посаженных на карликовых наделах, вызвано потребностями хозяйства внутри двора для производства тех работ, которые раньше выполняла челядь невольная, которая была налицо далеко не при каждом дворе. Устава Боны молчит, но считается с челядью невольною. Устава Сигизмунда-Августа тоже молчит о них, но создает вместо челяди неволь-

[65] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 16; ПКПКК, стр. 4.
[66] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 16.

ной — огородников. Очевидно, последними должна стать челядь невольная и тем самым приблизиться к тяглому крестьянству. Уставы королевы Боны и Сигизмунда-Августа одинаково отрицательны по отношению к челяди невольной как рабочей силе. Они с ней не считаются, но в то время как первая ее игнорирует, но примиряется, вторая стремится образованием особой группы — огородников — заменить потерявшую силу и значение челядь невольную.

В административном отношении по писцовой книге Пинского и Клецкого княжеств владения королевы Боны делились на войтовства, административную единицу, образованную несколько искусственно, механически, путем соединения под властью войта некоторого количества сел. Такая неопределенность вполне возможна для частного хозяйства, каким являлось хозяйство королевы Боны, была неудобна, когда новое административное деление вводилось на протяжении всей территории Литовско-Белорусского государства. В таком случае королевские агенты должны были получить какие-либо определенные указания, что и было сделано в статьях, дополнявших основную уставу и опубликованных 20 октября 1557 г. Устава рекомендует объединять под властью одного войта до 400 волок, если они осадные. Если же в войтовстве имеются и тяглые волоки, то, разумеется, количество волок в одном войтовстве должно быть меньше, так как войту больше дела с тяглыми людьми, чем с осадными. Войт — лицо должностное. Он несет ряд ответственных обязанностей, за что, по уставе королевы Боны, ему отводится 2 волоки земли, свободных от всяких чиншов и работ.

Только войт обязан наравне с прочими давать стацию, но особую, в виде двух каплунов [67]. Устава Сигизмунда-Августа первоначально отвела войту одну, но вольную волоку, предлагая ему брать другую на плате. Но в дополнениях к уставе от 20 октября 1557 г. войту отводится по 2 волоки «вольных от всех потяглей и податков». Устава возвращается к нормам уставы Боны. В уставе последней нет ни слова об обязанностях и правах войта. Да это вполне было естественно. Войт действовал под непосредственным контролем пана старосты, который, следя за его деятельностью, в любой момент мог направить последнюю в желательную для себя сторону. Составители уставы, вводя в западных волостях однообразное аграрно-административное устройство, должны были с большим вниманием и подробностями остановиться на должности войта и дать ей исчерпывающую характеристику. Пинский староста получал «науку» от королевы Боны, внимательно следившей за своим хозяйством. Господарские наместники, разбросанные по всем дворам, лежащим вдали от центра, конечно, должны были получить общие

[67] ПКПКК, стр. 4.

указания в уставе, дабы они знали, что должен делать войт, в чем заключаются его обязанности. Все господарские урядники должны были предъявлять войту одни и те же хозяйственно-административные требования, так как в противном случае получилась бы дезорганизация хозяйства вместо его организации. Вообще устава королевы Боны отличается большею неточностью. Она намечает только основые принципы, на которых надо строить новые аграрные отношения, не касаясь подробностей в вопросах организации и ведения самого хозяйства; в данном случае такая детализация являлась излишней. Пинский и клецкий староста получал все указания, дополнения и разъяснения от королевы Боны. Вся практика ведения хозяйства нашла теоретическое освещение в волочной уставе Сигизмунда-Августа. Хозяйство, в основу которого были положены одни и те же принципы, разумеется, преследовало одни и те же цели, а потому самая организация его и способы ведения, контроль и управление должны были быть совершенно одинаковыми на протяжении всей территории, захваченной новыми аграрными преобразованиями. Недостатки, естественные умолчания в частном хозяйственном уставе, разумеется, не могли иметь места в уставе, имеющей значение общегосударственного руководства.

Волочное измерение королевы Боны, как и аграрная реформа Сигизмунда-Августа, коснулась также и мест. Обе уставы должны были определить те платы, которые поступали с земельных владений, расположенных как в черте города, так и за пределами городской черты. Вся усадебная территория новопостроенных домов, а также некоторых старопостроенных домов подлежит измерению на пруты. С каждого прута вносится в скарб по 3 пенязя. С огородной земли, измеренной на пруты, поступает 8 грошей с каждых 30 прутов, т. е. с 1 морга. Что же касается угодий вне городской черты, то последние измеряются на волоки, причем каждая волока подлежит такому же обложению, как и волока пашни, за исключением тяглой службы волоки, подвод и других повинностей [68]. Затем из «писцовой книги» видно, что войт г. Пинска за исполнение служебных обязанностей, связанных с должностью войта, получает 2 волоки земли «грунту доброго» и кроме того два огорода [69]. Войт места Мотыль был наделен тремя огородами грунта среднего [70]. Войт места Клецк получил только 1 волоку земли, в которой было 15 моргов доброй земли и 15 моргов средней [71]. Войт места Нобель получает в свое распоряжение два огорода вольных от платов и 2 воло-

---

[68] ПКПКК, стр. 3.
[69] Там же, стр. 40.
[70] Там же, стр. 18.
[71] Там же, стр. 404.

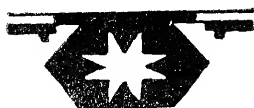
ки — одну грунта среднего, а другую злого [72]. Устава на волоки также подошла к разрешению того же вопроса, но несколько иначе посмотрела на поставленную задачу в связи с тем, что устава имела в виду территорию всего государства, а не только одну какую-либо область большего или меньшего пространства. Благодаря этому все вопросы, касающиеся волочного измерения в городах, разработаны значительно подробнее. Устава имеет в виду два типа городов: привилегированные и непривилегированные. Она не распространяет своего действия на города, забронированные своими привилегиями. Она исключительно имеет в виду только вторые. Волочная устава, как и устава королевы Боны, имеет в виду два типа городских земель: в пределах городской черты и за ней. Определяя повинности, причитавшиеся с каждой волоки за пределами городской черты, устава отступает от принципов королевы Боны. Городские волоки подлежат особому обложению в 50, 40 и 30 грошей в зависимости от качества грунта и, кроме того, 12 грошей за толоку. Между тем по уставе королевы Боны городские волоки совершенно освобождены от несения толоки. Земля в пределах городской черты делится на два типа — на усадебную и огородную. В противоположность уставе королевы Боны платежи с усадебной земли далеко не одинаковы. Норма платежей зависит от местоположения усадьбы. Усадьбы, близкие к рынку, подлежат большему обложению в сравнении с усадьбами, расположенными по улицам. Нельзя, конечно, не признать этого принципа более правильным, но зато и обложение значительно выше — $7^1/_2$ и 5 пенязей за прут вместо 3 пенязей по уставе королевы Боны. Огородные земли, независимо от своего местоположения, по уставе на волоки подлежат одинаковой расценке. В этом отношении следует отметить полное сходство с уставой королевы Боны. И нормы обложения почти одинаковы. За исключением этих денежных платов, жители городов освобождаются от всяких «инших повинностей», а также от давания стаций и «от разъездов» как с господарскими листами, так и листами урядников [73]. И в этом случае принят во внимание принцип, легший в основу уставы королевы Боны. Наделение войтов землею во владениях Боны производилось по усмотрению ревизора. Войты получают 2 волоки или волоку земли в свое распоряжение, и установление нормы всецело зависело от ревизора, принимавшего во внимание местные обстоятельства и условия. Составитель уставы не мог руководиться принципом ревизорского усмотрения при составлении статьи о войтах. По уставе норма войтовского надела зависит исключительно от территории и значения города. Войты

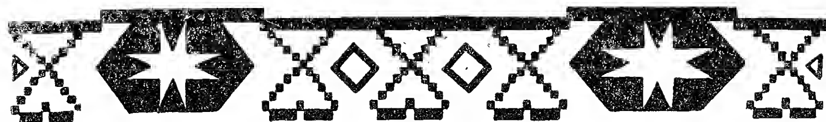
[72] ПКПКК, стр. 106, 169.
[73] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 9.

«при большом месте» получают 2 волоки земли, а войты «при меньшем месте» только 1 волоку земли за выполнение войтовских обязанностей. Кажется, ревизоры Боны руководились тем же принципом: войты больших городов получали и большие земельные наделы, хотя, видимо, этот принцип не проведен во всей своей прямолинейности, но тенденцию к этому следует отметить. Войт Пинска, большого города, получает 2 волоки самой лучшей земли, а войт Клецка — 1 волоку. Но в то же время войты местечек Нобель и Мотыль получают в свое распоряжение также по 2 волоки. Принцип наделения войта землей в зависимости от размеров и значения города как будто соблюдается и в то же вермя как будто осуществляется далеко не везде. Можно сказать, что необходимость такой градации скорее чувствуется, чем сознается.

Как ни была коротка устава королевы Боны, однако сходство между ней и уставой Сигизмунда-Августа, несомненно, налицо. Уставу королевы Боны можно считать главным источником для уставы Сигизмунда-Августа, дополненной различными хозяйственными указаниями энергичных дельцов, принимавших активное участие в хозяйственной деятельности королевы Боны. Недаром многие из них, испытав себя на проведении аграрной реформы в имениях королевы Боны, явились главными исполнителями королевских предначертаний и планов. Успешность и быстрота осуществления аграрной реформы Сигизмунда-Августа в значительной степени этим и объясняется.

«Труды Белорусского государственного университета», т. 1, Минск, 1922.





НАКАЗ СТАРОСТАМ И ДЕРЖАВЦАМ И ВОЛОЧНАЯ УСТАВА

Устава о волоках, опубликованная Сигизмундом-Августом,— экономический трактат совершенно самостоятельного практического и теоретического значения, однако своими источниками тесно связанный с административно-хозяйственными распоряжениями предшествовавшего волочной уставе времени. Если в Наказе старостам и державцам, опубликованном, как думает Н. Г. Бережков [1], в эпоху, предшествующую аграрной реформе Сигизмунда-Августа, чувствуется влияние старины — уставы 1529 г., но вместе с тем осуществляются новые принципы, которые являются либо развитием некоторых положений, нашедших отражение в предыдущих экономических уставах, либо совершенно новыми хозяйственными принципами, получившими свое логическое развитие в зависимости от новых фактов и явлений экономического характера, то такая оценка Наказа старостам и державцам вполне применима и к уставе на волоки. Несмотря на свое самостоятельное хозяйственно-правовое значение, волочная устава тесно связана с предыдущими хозяйственными уставами, поскольку в них уже нашла отражение новизна взглядов уставы на волоки и поскольку в последней, несмотря на новые принципы, положенные в основу новой экономической политики, чувствуется хозяйственная старина, всегда сохраняющаяся в новизне и особенно устойчиво держащаяся в народнохозяйственной жизни. Несомненно, в уставе на волоки можно отметить значительное влияние Наказа старостам и державцам. Как бы ни были противоположны принципы, положенные в их основание, они все-таки тесно связаны друг с другом, будучи вместе теоретическим отражением того практико-экономического движения, которое постепенно стало охватывать

---

[1] Н. Г. Бережков. Устава замков, держав и дворцов Сигизмунда-Августа, предшествовавшая волочной уставе (ЖМНП, 1912, № 5, стр. 99—105).

и литовско-белорусское правительство, и литовско-белорусские шляхетские круги, сознававшие необходимость увеличения производительности и вместе с тем доходности как господарских, так и частновладельческих имений.

Если Наказ старостам и державцам не решается резко порвать со стариной, хотя в то же время приспособляет к новым условиям хозяйственной жизни прежние принципы экономической политики, то устава на волоки в этом отношении значительно радикальнее. Ее теоретические основы — это самый решительный разрыв со стариной и в то же время только развитие целого ряда раньше высказанных экономических положений практического характера, поскольку последние еще не потеряли своего действенного значения и при новых условиях развития народнохозяйственной жизни Волочная устава имеет общегосударственное значение. Теоретические принципы и практические указания, находящиеся в уставе, должны были быть положены в основу господарской хозяйственной политики на протяжении территории всего Литовско-Белорусского государства, поскольку в отдельных его частях аграрные отношения строились на новом фундаменте. Равным образом и Наказ старостам и державцам имеет в виду всю территорию государства. Как волочная устава является обязательно принудительной для местной администрации, не имевшей права отступать от положенных в ее основу принципов, так и Наказ старостам и державцам имеет общеобязательный, принудительный характер. Устава на волоки была составлена под влиянием определенного намерения правительства положить в основу народнохозяйственной жизни новые аграрные отношения. Точно так же и Наказ старостам и державцам является результатом инициативы правительства в лице пана подскарбия, пожелавшего стать на путь централизации господарского дворового хозяйства во всех областях Литовско-Белорусского государства. Наказ старостам и державцам ставит своей задачей и целью не только одну организацию дворового хозяйства. Он имеет в виду также и организацию контроля «aby już wedle tej woli i ustawu nasz starostowie, dzierżawcy i urzędnicy nasze się sprawowali, pożytek z gospodarstwa się mnożyły i wszystko u wiadomości było» [2].

Наказ старостам и державцам отправляется от наличного количества господарских дворов и фольварков, которые необходимо приспособить к новым условиям хозяйственной жизни. Провинциальная администрация, получив Наказ в виде руководства, должна была с ним считаться при дальнейшем ведении

---

[2] РИБ, т. XXX, стр. 600. Т. е., чтобы старосты, державцы и служащие делали все согласно Наказу, увеличивали доходы имений и вели учет хозяйству (*прим. ред.*).

фольварочного хозяйства. Волочная устава имеет в виду не только реформу хозяйства в уже существующих хозяйствах-дворах, но также и образование новых фольварков, если только для этого имеются налицо соответствующие объективные условия. В этом отношении новизна экономической политики чувствуется в уставе на волоки сильнее, чем в Наказе старостам и державцам [3].

Господарское хозяйство, согласно Наказу, должно было находиться на учете администрации. Последняя, учитывая ежегодный урожай, прежде всего выделяет так называемую котельную единицу и оставляет вместе с тем необходимое количество зерна на семена. Ввиду наличия при господарских дворах челяди невольной, на содержание последней также откладывается известное количество коп жита, согласно старому обычаю [4]. Равным образом сохраняется потребное для корма кабанов количество зерна. Наконец, Наказ старостам и державцам рекомендует выдавать крестьянам хлеб в отсып на весну. В тех же местах, где подданные не пожелали бы брать жита в отсып, местная администрация должна всячески стремиться к тому, чтобы со стороны населения проявлялось больше сочувствия новым хозяйственным планам правительства [5]. Устава на волоки сохранила существовавшую хозяйственную практику, впрочем внеся в нее некоторые существенные изменения. Устава не знает челяди невольной, превратившейся в отдельный разряд дворового населения, так называемых огородников. Точно так же устава категорически рекомендует «из гумна нашого жыта в отсоп не давати», за исключением голодных лет, когда такая выдача должна производиться всякий раз, «алиж з нашым альбо подскарбего нашого листом» [6]. Если в первом случае приходилось откладывать десятину в виду обязательности для господарского двора содержать церковь до перехода последней к иному материальному обеспечению, то отдача в отсоп была бы совершенно нерациональной хозяйственной мерой, так как господарская волочная устава, в своем стремлении увеличить производительность хозяйства и поднять его доходность, связывает последнее самым тесным образом с внутренним и внешним рынками. Наказ старостам и державцам также стремился к увеличению доходности господарского двора в пределах территории, занятой господарским двором и прилегавшей к нему волостью. Наказ еще не учел создавшихся новых условий хозяйственной жизни. В этом отношении он резко отличается от волочной уставы. Наказ старостам и державцам требует, чтобы оставшееся зерно

[3] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 20.
[4] Там же, стр. 601.
[5] Там же.
[6] Там же, арт. 20.

подлежало молотьбе, причем две части озимого хлеба составляют собственность господарского двора, а третья часть поступает в распоряжение дворового урядника. Раньше господарские урядники брали без всякого счета и, разумеется, вследствие такой безхозяйственности немало страдали господарские доходы. Из яровых хлебов на урядника поступает только одна четвертая часть нового урожая. За вычетом зерна, необходимого для посева, остальная ярина может быть продана либо путем отправки за границу до Гданьска и Кролевца, либо на местных рынках по усмотрению местной администрации — в зависимости от того, какой вид торговли является более выгодным для господарского хозяйства [7]. Устава на волоки ввиду того, что организация дворового хозяйства строится на совсем иных основаниях, распределяет доходы урядника несколько по-иному, но и здесь в пользу урядника поступает «третий сноп с гумен наших всякого збожа». Расчет Наказа для озимых хлебов волочная устава распространяет и на яровые [8].

Господарско-дворовое хозяйство, согласно Наказу, контролируется периодическими наездами особых писарей. Такие ревизии должны производиться ежегодно. Устава на волоки контролирующий институт писарей заменила институтом ревизоров, сохранив за ними большую часть контрольно-ревизионных функций писарей [9]. Последние, как и ревизоры, обязаны были произвести пробный умолот ежегодного урожая, который должен быть для местной администрации образцовой меркой при молотьбе. Такой пробный умолот производится с тем, чтобы господарское дворовое хозяйство не потерпело какого-либо убытка (aby nie zostawili ku szkowzie gumien i pożytkow naszysh) [10].

Разумеется, институт принятых в волочной уставе ревизоров значительно сложнее института писарей. Обязанности первых труднее и сложнее в зависимости от тех новых условий, на которых строится господарское дворовое хозяйство. Но то, что было по существу необходимо для учета нового урожая и что было принято Наказом, сохранено и уставой на волоки [11].

Оба вышеназванных экономических памятника отводят много внимания — и это вполне понятно — населению волости. Состав последнего совершенно одинаков по определению обоих памятников. Высший слой составляют бояре путные и разного рода слуги как специального назначения, так и особых повинностей. Низший слой образовался из челяди невольной — ого-

---

[7] РИБ, т. XXX, стр. 602.
[8] Там же, Устава, арт. 31.
[9] Там же, стр. 603; Устава, арт. 26.
[10] Там же, стр. 603.
[11] Там же, Устава, арт. 20.

родников, тяглых людей и осадных людей. В этом отношении аналогия между Наказом и уставой полная. Впрочем, кое-какие начала в уставе на волоки получили более значительное развитие, что, конечно, зависело от совершенно иных теоретических оснований, которые были положены в уставу на волоки. То внимание, с которым волочная устава относится к рабочей силе двора в смысле наиболее рациональной ее эксплуатации, уже можно отметить и в Наказе старостам и державцам. Последний также стремился по возможности наиболее полно, и притом вполне целесообразно, использовать рабочую силу господарского двора. Оба экономических памятника прекрасно оценивают значение рабочей силы и ее эксплуатацию в целях поднятия производительности и вместе с тем доходности хозяйства.

Наказ довольно детально определяет обязанности путных людей, а также и других разрядов волостного населения — представителей специальных служб и повинностных отношений. Впрочем, по сравнению с уставой на волоки их бытовое положение в Наказе несколько иное. Согласно Наказу, путные бояре не только несут военную службу, но и отправляют тяглую повинность — сено косят. Слуги специального назначения, как осочники, рыболовы, ковали и другие, не несущие военной службы, однако, обязаны выходить на толоку в определенное время и вместе с тем косить сено по-старому. Помимо этого, они уплачивают в дворовый скарб по одной копе осадного [12]. Количество специальных служб должно определяться текущими потребностями и нуждами дворового хозяйства по усмотрению державцев, но без кривды для господарских подданных. Наказ стремится привести количество служб специального назначения в полное соответствие с хозяйственными источниками двора, но в то же время не решается порвать со стариной и поставить экономические выгоды господарского двора выше выгод отдельных служб специального назначения. Наказ старостам и державцам стремится примирить непримиримое. С одной стороны, Наказ рекомендует оставлять для потребностей господарского двора столько служб специального назначения, сколько их потребуется для дворового хозяйства. С другой стороны, сокращение численности подданных, отправляющих специальную службу, является кривдой для подданных. Между тем Наказ рекомендует старостам и державцам поступать так, чтобы не было никаких кривд для подданных.

Как согласовать интересы господарского хозяйства с интересами подданных, несмотря на видимое их противоречие, об этом в Наказе старостам и державцам ничего не сказано [13]. Волочная устава имеет в виду те же цели, но ей

[12] РИБ, т. XXX, стр. 616.
[13] Там же.

несвойственна половинчатость мероприятий Наказа. Раз устава на волоки ставит своей ближайшей целью поднятие производительности и доходности господарских дворов, то составители последней интересы двора поставили выше интереса отдельных лиц и положений, настоятельно рекомендуя оставлять для потребностей господарского двора столько лиц специального назначения, сколько последних требуется в действительности [14]. Волочная устава, оставляя основную повинность путных бояр в неприкосновенности, освободила их от всяких тяглых работ, что логически вытекало из вновь принятой системы в организации господарского дворового хозяйства. Равным образом и люди специальных служб освобождаются от толоки и обязанности косить сено по старине [15].

Наказ старостам и державцам, не разрывая со стариной и стремясь поднять доходность и производительность господарского дворового хозяйства в рамках существующих земельно-правовых отношений, сохраняет в неприкосновенности челядь невольную как рабочую силу господарского двора и весьма детально определяет ее повинностное положение. Челядь невольная в дворовом хозяйстве — это весьма глубокая старина. Как и в старину, основой ее содержания, согласно Наказу, является месячина. Каждый державца был обязан следить за тем, чтобы челядь невольная обоего пола получала свой месячный паек за соответствующую службу. Согласно Наказу, отправление всех сельскохозяйственных работ составляет обязанность челяди невольной, работающей при помощи рабочего инвентаря, предоставленного ей дворовой администрацией [16]. Волостные люди при каждом дворе являются лишь помощниками челяди невольной в целях скорейшего окончания сельскохозяйственных работ [17]. И рабочая сила челяди невольной женского пола, получающей месячину, не должна пропадать даром. Каждая женщина-невольница обязана в течение зимы выткать из дворовых материалов 50 локтей полотна, а также равным образом выполнять всю ту работу, которую от нее потребует уряд [18]. Недостаточно продуктивное использование урядником рабочей силы челяди невольной влечет за собою уплату штрафа со стороны урядника в размере 50 грошей за каждую «жонку» или же столько полотна, сколько невольная женщина должна была соткать [19]. Невольные девки и малые дети, которые взяты в господарский двор для выполнения различных дворовых услуг —

[14] РИБ, т. XXX, арт. 16.
[15] Там же.
[16] Там же. стр. 606—607.
[17] Там же, стр. 607.
[18] Там же.
[19] Там же.

исполнения обязанностей рыкуньи, освобождаются от представления соответствующего количества полотна [20]. Устава на волоки также находит целесообразным, чтобы при каждом дворе были «дворнички, то есть рыкуньи порадные», на обязанности которых лежит уход за дворовым скотом [21]. В этом отношении Наказ и устава вполне совпадают друг с другом, с той лишь разницей, что все рыкуньи, согласно волочной уставе, получают определенное ежегодное вознаграждение за работу в размере 2 коп грошей от уряда и трех бочек жита с господарского гумна [22].

На руководителей господарского дворового хозяйства — державцев, согласно Наказу, возлагается обязанность ведения точного учета всей рабочей силы невольных людей. Устава на волоки уже не знает института челяди невольной. Последняя была посажена на землю, на небольшие земельные участки, и превратилась в так называемых огородников, обязанных отправлять раз в неделю барщину. С своей стороны жены огородников имеют фиксированные повинности. Они работают летом «не больше одно шесть дней до жнива альбо до полотья будуть повинни» [23]. Исчезновение в уставе на волоки челяди невольной — существенная отличительная черта последней по сравнению с Наказом. Челядь при новых условиях организации сельского хозяйства потеряла свое первостатейное хозяйственное значение. Ее место занимают тяглые люди — элемент, по мысли составителя Наказа, второстепенный в хозяйственном отношении. Тяглые люди занимают второе место в господарском хозяйстве после челяди невольной. Они работают на господарском дворе столько времени, сколько этого требуют интересы господарского хозяйства. Количество тяглых людей определяется потребностями двора. Остальные подданные должны быть посажены на осаду, чем достигается увеличение господарских доходов, благодаря поступлению в скарб так называемых осадных грошей. Но перевод подданных в состояние осадных людей не должен повлечь за собою отягощения работами и гибель тяглых людей [24].

В волочной уставе тяглые люди — основная рабочая сила господарского двора. Численность их определяется потребностями господарского хозяйства в зависимости от размеров дворовой пашни. Остальные тяглые люди должны быть посажены на осаду [25]. Определение численности тяглых людей производится

---

[20] Там же.
[21] Там же, устава, арт. 21.
[22] Там же.
[23] Там же, арт. 16.
[24] Там же, стр. 615.
[25] Там же.

в Наказе по субъективным признакам. Устава заменяет субъективные признаки объективными условиями, при которых воля и усмотрение самих державцев и старост не имеют никакого значения. Положив в основу определения численности тяглых людей объективные признаки, устава должна была и в другом отношении уклониться от Наказа. Она определила то количество рабочих дней, которое руководитель господарского хозяйства имеет право требовать от тяглого человека [26]. Между тем в Наказе количество рабочей силы, затрачиваемой каждым тяглым человеком, определяется усмотрением старосты или державцы в зависимости от хода и характера сельскохозяйственных работ в господарских дворах и фольварках.

Работа на господарском дворе — не единственная повинность тяглых людей. Последние были обязаны еще уплачивать так называемое дякло и мезлеву. Дякольный овес собирается натурой для потребностей господарского коннозаводства. Мезлева поступает исключительно деньгами [27].

Впрочем, Наказ допускает замену дякольного овса деньгами. Но при наличии господарского коннозаводства дякло должно непременно собираться натурой впредь до специального по этому поводу разрешения. Точно так же и сено поступает натурой для потребностей господарского коннозаводства и скотоводства. Если же при господарском дворе сено окажется лишним, то последнее продается, а вырученные деньги поступают в господарский скарб. Для получения большого количества сена Наказ предписывает старостам и державцам, чтобы все сенные покосы косились «без жадных откупов» [28].

Согласно уставе на волоки, тяглые люди, отправляя двухдневную барщину в неделю, уплачивают ряд денежных взносов, которые заменяют собою старое дякло и мезлеву. Впрочем, устава допускает сбор податков и натурой, но последняя допускалась при условии соответствующего распоряжения из центра [29]. Тенденция к замене натуральных податков денежными была свойственна и Наказу, но свое логическое завершение она получила только в уставе на волоки.

Дякольный овес, согласно Наказу, должен был быть отвезен либо в Вильно, либо в какое-нибудь иное место, согласно господарскому распоряжению. Наказ требует, чтобы дякольный овес измеряли бочками и чтобы последние были строго определенной емкости. Во всех господарских дворах при приеме дякольного овса должна употребляться бочка емкостью в четыре корцы краковских. Овес накладывается в бочку без верху «под

[26] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 15, 20.
[27] Там же, стр. 613—614.
[28] Там же.
[29] Там же, арт. 15, 17.

стрих». Бочка указанной выше емкости должна была стать обычной меркой, применяемой в господарском дворе при посевах, молотьбе и других хозяйственных нуждах [30]. Устава на волоки сохраняет сущность всех приведенных распоряжений в Наказе. Дякольный овес, предназначенный для потребностей господарского двора, отвозится тяглыми людьми «до Вильни, до ловов, до портов и до иншых дворов господарских» [31] во исполнение господарского распоряжения. В этом отношении урядники и по Наказу, и по уставе подчиняются хозяйственным распоряжениям из центра. Тяглые люди, согласно уставе, обязаны отвозить овес не далее 20 миль, а сено 15 миль, если они не уплачивают денег за отвоз, причем с каждой волоки должно быть отвезено не более одного воза сена [32]. Такое ограничение подводной повинности совершенно незнакомо Наказу. Если овес и сено приходится отвозить на расстояние, свыше определенного в уставе, то за излишнее расстояние устава на волоки устанавливает определенное вознаграждение, а именно: за каждую милю от каждой бочки тяглому человеку необходимо уплатить по «полтрети» пенязя, причем следуемая возчику сумма отпускается из причитающихся с него отвозовых пенязей [33]. Но эта деталь, имеющая большое хозяйственное практическое значение, неизвестна Наказу.

Наказ старостам и державцам озабочен необходимостью обеспечить господарский двор соответствующим количеством ремесленников для нужд и потребностей господарского двора. С этой целью Наказ рекомендует брать у отцов сыновей и обучать их какому-либо ремеслу. Наказ предписывает брать детей для обучения ремеслу из многочисленных семей. Обучившиеся ремеслу могут быть посажены на землю или на пенязных платах для применения своих специальных знаний для нужд господарского двора [34]. Устава на волоки также допускает наличие при господарском дворе специалистов ремесленников, которым отводится по 1 волоке. Но количество необходимых для господарского двора ремесленников определяется ревизорским усмотрением [35].

Вопрос о денежных платах, приходящихся с каждого земельного участка и посильных для населения, занимает видное место в Наказе старостам и державцам. Необходимо было дать провинциальной администрации какие-либо объективные признаки, руководясь которыми старосты и державцы могли бы

---

[30] Там же, стр. 614.
[31] Там же, Устава, арт. 17.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же, стр. 614—615.
[35] Там же, Устава, арт. 39.

определить размер осадного без отягощения поданных. Установление новых платежей было тем более необходимо, что старые платежи были введены еще при Сигизмунде Старом или были изменены господарскими писарями, не принявшими во внимание того обстоятельства, что наложенные на население платы, благодаря своей уравнительности (по 1 копе и больше с человека), были весьма тяжелы. Между тем, такие высокие повинности дали отрицательный результат. Одни подданные обеднели, другие ушли на сторону, а господарские урядники обо всем этом не сочли нужным довести до сведения Сигизмунда Старого. По мнению составителя Наказа, каждый подданный должен быть обложен в зависимости от его земельного надела и доходов так, чтобы серебщина и другие денежные платы были своевременно и исправно собираемы. Наказ отказывается от принципа уравнительности. Необходимо индивидуализировать крестьянские хозяйства и принимать во внимание при обложении как качества земельного надела, так и материальное состояние каждого плательщика [36].

Указав на объективные признаки обложения, Наказ старостам и державцам оставляет на обязанности дворовой администрации определение следуемых с крестьянского надела натуральных и денежных податков. В сравнении с предыдущей уравнительной податной политикой такого рода правительственные хозяйственно-финансовые мероприятия — значительный шаг вперед в смысле более правильного распределения податков, падающих на население; но в то же время такая постановка столь важного вопроса едва ли может быть признана правильной: субъективные расценки податков в значительной степени ослабляют намерение центрального правительства построить волостное обложение на более или менее объективных признаках [37]. Устава на волоки держится при обложении того же принципа. Волостные люди облагаются платежами пропорционально их земельному наделу и качеству почвы находящегося в распоряжении подданного земельного участка. Но в то же время устава стремится уничтожить противоречие между объективными признаками обложения и субъективным методом определения размеров податков и вводит однообразные платежи по всей территории, где была осуществлена волочная помера. Устранение субъективного элемента при обложении податками было возможно только потому, что в материальном отношении все подданные были уравнены. Введение однообразной земельной единицы — волоки — уничтожило многоземелье одних и малоземелье других и позволило определить нормы обложения по со-

---

[36] РИБ, т XXX, стр. 610—611.
[37] Там же.

вершенно объективным признакам: количеству волок и качеству почвы с более детальным делением качества почвы на разряды по сравнению с тем, что было принято в Наказе старостам и державцам [38]. Составители Наказа прекрасно понимают первостепенное значение волостного элемента для дворового хозяйства. Поэтому они считали своевременным и необходимым принять меры против уменьшения, в силу тех или других обстоятельств, рабочей силы двора — главным образом вследствие ухудшения хозяйственного положения и финансовой платежеспособности плательщиков господарских податков. Надрыв рабочей силы может иметь гибельные последствия для дворового хозяйства. Это совершенно отчетливо сознается Наказом старостам и державцам. Положение рабочей силы становится очень трудным в голодные годы. Поэтому, чтобы предотвратить возможность каких бы то ни было неправильных действий со стороны администрации по отношению к населению, что являлось бы в хозяйственном отношении неисправимой ошибкой, Наказ считает целесообразным дать ряд указаний относительно той политики, какой должен придерживаться местный управитель в тяжелые для населения годы. Наказ предписывает проявлять в голодные, трудные годы снисходительность по отношению к населению как относительно платежей, которые приходится уплачивать волостному населению, так и относительно всяких принудительных работ, падающих на население. Всеми этими соображениями должен руководиться местный управитель из опасения, чтобы господарские подданные не разбежались. Такой же политики следует держаться и в том случае, если какое-либо стихийное бедствие затронет одного подданного и создаст для него тяжелые материальные последствия. Разумеется, каждому уряднику придется отчитываться пред господарским писарем и привести те соображения и мотивы, которые заслуживали внимания и в силу которых дворовый администратор был вынужден предоставить подданному ту или другую льготу [39]. Наказ старостам и державцам допускает, что во время голодных лет разошлось немало населения, среди которого находятся такие, которые оставили засеянную землю и могут вернуться обратно домой в течение года. Наказ предписывает, чтобы вплоть до троицыного дня, или до св. Яна, или, наконец, в течение года земли ушедших никому не раздавались. Если к этому времени беглый подданный не вернется в свой дом, то такая пустая земля со всеми постройками может быть роздана «иншым людем». Выморочное имущество беглеца господарский урядник не может захватить для себя. Он обязан отдать его тому подданному,

---

[38] Там же, Устава, арт. 15.

[39] Там же, стр. 605.

который возьмет оставленный беглым участок земли. Дарование всякого рода льгот этим новоселам оставляется на усмотрение самого администратора. Равным образом Наказ старостам и державцам считает «шкодливым и обтяжливым» для подданных тот прием господарской администрации, когда вследствие бедности подданный не в силах уплатить следуемой с него платы и децкования, а последняя стремится собрать эти платы во что бы то ни стало. Наказ старостам и державцам рекомендует в каждом отдельном случае предоставлять льготу подданному с перенесением недобранного податка на другой год. По мнению Наказа, способности и качества каждого администратора господарского имения узнаются по его отношению к подданным. Сами старосты и державцы должны знать, с кого они могут взять и по отношению к какому подданному им следует обнаружить снисходительность — ласку [40]. Наказ старостам и державцам предусматривает возможность оставления отчичем своего наследственного участка не вследствие бедности, но единственно «з упору» или неуплаты положенных податков. Наказ заинтересован в том, чтобы оставленный участок не пустовал и чтобы не было вследствие этого уменьшения господарских доходов. Впрочем, при выполнении этого плана возможны были некоторые формальные затруднения, которых также пришлось коснуться составителям инструкции. Принципиально участок беглого человека подлежит передаче другому подданному для эксплуатации. Однако возможен такой случай, когда подданный отказывается брать земельный участок только потому, что убежавший крестьянин жив и в случае возвращения последнего участок земли возвратившегося беглого будет ему отдан обратно. Наказ категорически предписывает старостам и державцам в случае, если подданный убежал, оставив свой земельный участок либо опустошенным, либо незасеянным, отдавать его для эксплуатации другому подданному. В случае же возвращения беглого отчича осаживать на новом участке земли, поставив его под соответствующий контроль со стороны администрации. Кроме того, к бегству подданных господарская администрация не должна относиться равнодушно. Она обязана отыскивать беглых людей и возвращать их на прежнее место. Рекомендуя поддержание льготами обедневших крестьян, Наказ старостам и державцам выдвигает такой случай, когда льгота не приносит никакой пользы и подорванное крестьянское хозяйство не восстанавливается. В таком случае Наказ предлагает посадить такого маломочного подданного на другой участок земли, который соответствовал бы его силам и средствам [41].

---

[40] РИБ, т. XXX, стр. 613.

[41] Там же, стр. 603.

Те же вопросы интересуют и составителей уставы на волоки Они также рекомендуют внимательное и заботливое отношение к подданным в голодные и несчастные годы. Впрочем, при всем сходстве основных точек зрения Наказа и уставы, в приложении их на практике надо отметить существенную разницу. Устава знает два вида ухода подданного: с разрешения властей и без него. Сохранение участка земли допускается только по отношению к ушедшему с согласия администрации. В случае невозвращения последнего ко дню св. Яна, такой подданный тратит свой засев, который следует отдать «иншому» подданному, но «без поклону врадничего» [42]. Ушедшие самостоятельно рассматриваются как беглые: их участки земли немедленно отдаются другим, а сами бежавшие подвергаются розыску. В случае их отыскания или добровольного их возвращения, они осаживаются на пустых волоках. В несколько ином положении находится вернувшийся или возвращенный беглый, который вышел «за кривдою от врадника и войта». Дворовая администрация прежде его осаживания обязана рассмотреть его кривду и решить вопрос, допускать ли беглого «ку засевку и будованью альбо ни» [43]. В вопросе о временной льготе при уплате податей в случае несостоятельности должника устава и Наказ принципиально сходятся, но между ними существуют разногласия относительно характера и способа выяснения, заслуживает ли помощи подданный или нет. Для волочной уставы уже недостаточно субъективного мнения администрации. Устава выдвигает объективные признаки — указания войта, лавников, соседей в том, что такой-то подданный «за пожогою, за вымеретьем, альбо за хоробою всего дому, за голодом, за побитием граду и за вбоством» податка не в состоянии заплатить [44]. Таким образом, в волочной уставе основные положения Наказа, касающиеся вопроса об оказании помощи бедным, получили только более детальное развитие. Все субъективные признаки в виде оценки материального положения администрацией заменены объективными данными. В первом случае ответственность всецело падает на дворовый уряд. Во втором случае дворовый уряд основывает свои распоряжения на свидетельстве лиц, близко стоящих к подданному и знающих все условия его домашней жизни. Поэтому, в случае обнаружившегося неправильного показания вся ответственность переносится на войта и соседей.

Наказ старостам и державцам отводит много внимания представителям дворовой администрации и стремится по возможности детально определить ее обязанности по ведению господар-

---

[42] Там же, Устава, арт. 33.
[43] Там же.
[44] Там же, арт. 29.

ского дворового хозяйства, а вместе с тем и ответственность за неправильную его организацию и постановку. Нормальная постановка господарского хозяйства была необходима в целях поднятия доходности и производительности дворового хозяйства. И то и другое было возможно осуществить только при условии детальных указаний сверху, безусловно обязательных для дворовой администрации. В этом отношении, несмотря на принципиальную разницу земельной политики Наказа и уставы, общие основные положения организующего характера Наказа и уставы совпадают. Старосты и державцы прежде всего ведут учет рабочей силы господарского двора — как челяди невольной, так и всего волостного населения [45]. Такой реестр должен всегда находиться в руках дворовой администрации и в случае надобности может быть представлен на рассмотрение соответствующих господарских агентов. Старосты и державцы заведуют всеми земельными угодьями, находящимися в их староствах и державах. Дворовой администрации запрещается без господарского распоряжения раздавать кому бы то ни было пустовские земли без установленных платов, хотя бы даже своим слугам и господарским подданным. Такие пожалования не действительны и в случае, если у тех или других держателей земли не окажется оправдательных документов («листы и данины отца нашого и нашой»), то такие земельные участки отбираются и присоединяются к господарскому двору [46]. Вместе с этим дворовая администрация следит за тем, чтобы пустые земли не оставались бездоходными. Такие пустоши отдаются подданным для службы за обычные податки, но отдача их в аренду за натуральную (мед, пшеницу) или денежную плату недопустима. При отдаче какому-нибудь подданному земельного участка на правах службы Наказ разрешает при осаде оказывать соответствующую льготу [47]. Крестьянское землевладение также находится на учете и под контролем старост и державцев, следящих за тем, чтобы земельные участки подданных не переходили посредством застав ни в руки земян и околичных бояр, ни во владение соседей. Расширение одного вида землевладения и уменьшение другого причиняет убытки господарской казне и создает в силу соседства всякого рода трудности [48]. Рабочая сила господарского двора должна быть использована к пользе и выгоде дворового хозяйства. Тяглые люди работают в течение года, начиная с весны, когда начинается запашка яровых хлебов. И до дня Симона Иуды работа тяглых людей зимою выражается в сооружении построек, возке дров, поставке подвод, молотьбе

[45] РИБ, т. XXX, стр. 607.
[46] Там же, стр. 604.
[47] Там же, стр. 605.
[48] Там же, стр. 615.

и отвозе хлеба для продажи [49]. В то же время Наказ категорически запрещает дворовой администрации эксплуатировать рабочую силу двора для своих потребностей, для работ на своих родовых землях или для отправки на сторону с подводами. Только в том случае, если державца едет для отправления господарской службы, то дворовая администрация может воспользоваться силами и средствами господарского двора, но при условии не «обтяжливости подданных» [50]. На обязанности господарского администратора лежит принятие мер к увеличению дворового скота там, где для этого имеются подходящие условия, в виде заготовок необходимого для прокорма скота количества сена. Последний предназначается либо для потребностей господарской кухни, либо для продажи [51]. После окончания необходимых сельскохозяйственных работ каждый урядник обязан принять соответствующие мероприятия для сооружения в удобных для этого местах ставов и сажавок. Производство таких работ допускается не всюду, а только там, где для этого имеются достаточные рабочие руки. Там же, где такая работа не может быть произведена «без наклада», там для приступа к работам требуются соответствующие указания из центра. В особенности недопустимы такие работы без разрешения центральной власти, когда приходится «mistra chować albo ludzi przyjmować» [52]. Равным образом, господарские урядники обязаны починять старые гребли и сооружать новые там, где в этом имеется необходимость. Все эти работы также производятся с помощью местного населения, и только в том случае, когда не имеется достаточно рабочих рук, а постройка гребли или ее починка диктуется интересами господарского хозяйства, тогда разрешается наем работников на сумму до 10 коп. Вместе с этим дворовый урядник обязан позаботиться о ловле рыбы. Если на местах имеются ставы, то рыба в них хранится. В противном случае она поступает на продажу, выручка от которой идет в господарский скарб. Наконец, для того, чтобы были использованы по возможности все доходные статьи господарского двора, урядникам надлежит позаботиться об устройстве млынов, в особенности при замках и больших дворах [53]. Господарский урядник — хранитель всего дворового инвентаря. Он принимает меры к тому, чтобы господарское дворовое стадо было в «dobrej opatrzności». Всякий убыток, нанесенный дворовому скотоводству небрежностью урядника, подлежит возмещению со стороны

[49] Там же.
[50] Там же, стр. 616—617.
[51] Там же, стр. 608.
[52] Там же. Т. е. содержать мастера или принимать людей (*прим. ред*).
[53] Там же.

последнего. Для учета необходимо составить список господарского стада и послать его конюшенному дворному. Такой список является проверкой деятельности господарского урядника. Соответствующие меры должны быть приняты и относительно господарского коннозаводства [54]. В волочной уставе те же вопросы разработаны с некоторыми отклонениями от Наказа. Следует заметить, что хозяйственно-административная деятельность урядника разработана в уставе более детально и сама деятельность подвергнута большей регламентации [55]. В Наказе старостам и державцам много внимания уделено деятельности администрации по сбору податков, поступающих в господарский скарб с того или иного господарского двора. Равным образом и финансовая отчетность администрации обратила на себя внимание составителя Наказа [56]. Регламентация этих сторон деятельности администрации была необходима, раз правительство стало на путь определенной хозяйственно-административной политики, согласно которой господарское хозяйство в каждом дворе ведется по одному плану, указанному из центра, а сам господарский урядник является только исполнителем хозяйственной инструкции, изданной сверху. Подобный учет податков, поступающих в казну с каждого имения, был необходим, раз правительство было заинтересовано в поднятии доходности и производительности господарского дворового хозяйства. И в волочной уставе отводится всем этим вопросам много внимания. Принципы, положенные в основание Наказа, еще резче проведены в волочной уставе. Согласно Наказу, администрация, ведающая дворовым хозяйством, обязана всякого рода податки (jakim kolwiek ymiemem nazworze) [57] собирать осенью при непременном условии окончить сбор таковых до рождества, так как Наказ выражает опасение, чтобы подданные впоследствии не растратили собранных средств. Такой же порядок сбора платов необходим, чтобы позднее собирание податей не внесло путаницы в господарские доходы. Господарский скарб, заинтересованный в своевременном поступлении платов, не может допустить удовлетворения претензии третьих лиц по отношению к своим подданным раньше, чем не будут удовлетворены потребности господарского скарба. Поэтому Наказ старостам и державцам требует, чтобы долговые обязательства подданных погашались только после окончательных расчетов подданных с господарским скарбом. В целях сохранения финансовой платежеспособности подданных Наказ запрещает евреям отдачу денег в заем

---

[54] Т. е. хорошо присмотрено (*прим. ред.*).

[55] РИБ, т. XXX, стр. 618.

[56] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., ч. I, стр. 219—220.

[57] Как бы они ни назывались (*прим. ред.*).

под проценты без согласия урядника. Нарушение этого обязательства со стороны евреев влечет за собою признание заемной сделки недействительной, с потерей капитала, отданного в заем [58]. Все собранные податки поступают в господарскую казну на рождество. Виновные в несвоевременной доставке подвергаются наказанию в виде наложения ареста на их недвижимую собственность [59]. Финансово-хозяйственная отчетность производится господарским скарбом после рождества в сроки, определенные правительством [60]. Волочная устава также весьма заинтересована и в том, чтобы собираемые с населения податки направлялись своевременно в скарб. Поэтому устава на волоки также назначает определенный срок, в течение которого должны быть собраны господарские податки. Устава определяет таковой срок от дня св. Михаила до дня св. Мартина [61].

Наказ предполагает, что осенью, в течение назначенного времени, подданные внесут в дворовый скарб все следуемые с них податки, впрочем допуская, что убогие подданные в силу тех или других условий будут не в состоянии внести следуемых с них платов. В таком случае Наказ разрешает урядинку давать подданному отсрочку и предполагает собирать платы на другой год. И устава на волоки касается этих же вопросов, имеющих столь жизненное значение, но дает администрации практические указания несколько иного характера [62]. Это видоизменение было вполне естественно, так как административно-хозяйственный уклад жизни стал благодаря аграрной реформе таким, при котором действительный контроль над платежеспособностью подданных был вполне возможным. Этих условий не могло быть при тех аграрных отношениях, которые действовали в эпоху составления Наказа. Устава на волоки сохраняет тот же срок, к которому податки должны быть внесены в господарский скарб [63]. Но при этом определяет и те сроки, когда старосты и державцы должны были явиться в скарб для представления финансовой отчетности. Администраторы, виновные в нарушении этих правил, расплачиваются за свою небрежность своим собственным имением, равным оценке той суммы, которая должна поступить в господарский скарб с двора. Имение державцы в таком случае может быть отдано в заставу для уплаты доходов или присоединено к какому-либо двору для хозяйственной эксплуатации. С уплатой недоимки имение, взятое на господаря, возвращается обратно его владельцу. Устава

---

[58] РИБ, т. XXX, стр. 611.
[59] Там же.
[60] Там же, стр. 612.
[61] Там же, Устава, арт. 27.
[62] Там же.
[63] Там же.

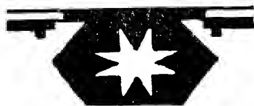
допускает и такой случай, когда имение урядника стóит меньше недоимки, что не предусматривалось Наказом. Волочная устава идет дальше Наказа в этом отношении. Она предусматривает возможность такого факта, что урядник внес своевременно в скарб дворовые доходы, но не явился в назначенный срок для производства финансовой отчетности, что, конечно, нарушает весь ход работы финансового аппарата правительства [64].

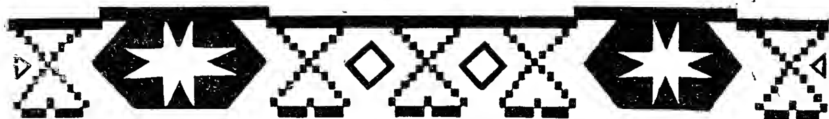
Наказ старостам и державцам затрагивает также вопрос и о подводной повинности для господарских потребностей. Этот вопрос, столь существенный для волостного населения, не получил в Наказе детальной разработки. Наказ ограничивается лишь общими замечаниями, которые могли быть администрацией совершенно игнорируемы, и требует лишь соблюдения только одного правила: ходить в подводы — czerhomi [65], предполагая, что несение подводной повинности в очередь не будет источником тяжести для населения [66]. В волочной уставе тот же вопрос подвергнут детальной разработке, предусматривающей ряд обстоятельств, которые надо иметь в виду при отправлении подводной повинности подданными, вследствие чего усмотрению администрации приходится играть совершенно третьестепенную роль [67].

Сопоставление отдельных статей Наказа и уставы на волоки указывает на известное сходство между статьями Наказа и уставы. Это позволяет считать Наказ одним из источников уставы на волоки и связанных с нею дополнений. Наказ является попыткой дать руководящие указания из центра для постановки дворового хозяйства на более рациональных началах, при сохранении существующих форм землевладения и землепользования. Волочная устава имеет в виду те же цели, но при радикальной перемене форм и землевладения, и землепользования. Естественно, что известные положения Наказа оказались приемлемыми для уставы на волоки, но в то же время подверглись значительной разработке и прежде всего существенным дополнениям.

«Труды Белорусского государственного университета», т. 2-3, Минск, 1922.

[64] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 28.
[65] Т. е. по очереди (*прим. ред.*).
[66] РИБ, т. XXX, стр. 620.
[67] Там же, Устава, арт. 35.





СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ В ГОСПОДАРСКИХ ДВОРАХ И ВОЛОСТЯХ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ БЕЛОРУССИИ В ПОРЕФОРМЕННУЮ ЭПОХУ[1]

Челядь невольная. Огородники. Высший разряд сельского населения. Крестьяне-ремесленники, промышленники и отправлявшие специальные службы. Крестьяне тяглые. Крестьяне осадные. Господарское тягло.

Аграрные мероприятия Сигизмунда-Августа должны были существенным образом изменить экономическое и юридическое положение челяди невольной. Новые приемы хозяйства, новые задачи и цели в ведении хозяйства, стремление сделать его предпринимательским, имеющим дело с большим по емкости внешним или внутренним рынком, делали невыгодным содержание челяди невольной, согласно хозяйственным уставам дореформенного периода.

Содержать челядь на месячине в данное время, конечно, было мало целесообразно, так как выдаваемую ей месячину можно было утилизировать с большей выгодой для увеличения доходов господарского хозяйства. Да и сама челядь невольная как хозяйственная единица теряла свое прежнее значение, раз, согласно Уставе на волоки, фольварочные волоки обрабатывались трудом крестьян, сидевших на тяглых волоках. Учитывая новые приемы ведения хозяйства, королевские ревизоры решились приспособить челядь невольную к новым хозяйственным условиям и стремились извлечь из этой рабочей силы возможно большую для хозяйства выгоду. Ревизоры сажали челядь невольную на землю и ставили ее в определенные экономические отношения к господарскому уряднику как руководителю хозяйства. Благодаря этому, постепенно намечалось сближение челяди невольной с тяглым крестьянством — сближение, благодаря которому оба эти разряда сельского населения в хозяйственном отношении стали представлять нечто единое. Это

[1] Заглавие статьи не совсем точно отражает ее содержание: в статье говорится о составе населения не только Западной Белоруссии, но и Литвы (*прим. ред.*).

сближение, в свою очередь, должно было отразиться и на законодательстве. Существование рабства по закону было в данное время сплошным анахронизмом, раз хозяйственные условия два разряда сельского населения сливали в один. Вот почему юридическая отмена рабства являлась очередным вопросом текущего законодательства. Это прекрасно сознавали и правительство, и шляхта, одинаково заинтересованные в отмене самого института рабства. Но, с другой стороны, происшедшее сближение должно было отразиться и на юридическом положении тяглого населения, усилить его юридическую зависимость от государства, содействовать его более реальному земельному прикреплению. В данном случае руководители господарского хозяйства, конечно, были очень озабочены тем, чтобы наличные рабочие силы не изменялись. Отсюда и вытекала необходимость более реального прикрепления к земле тяглого населения в сравнении с предыдущим временем.

Необходимость перемены в положении челяди невольной как рабочей силы была понята королевой Боной, когда она вводила волочное измерение (в 1552—1555 гг.) в Пинском и Клецком княжествах. При введении волочной померы ревизоры должны были считаться с наличностью челяди в господарских дворах. Правда, количественно ее было немного. При дворе Селецком числилось челяди невольной только 27 человек, из них мужчин 13 и женщин 14 [2]. При Ставецком дворе было всего 22 души, из них 8 мужчин и 14 женщин [3]. За Дружиловским двором числилось челяди невольной 16 человек по 8 душ обоего пола [4]. При дворе Стытычевском челяди числилось 40 человек — 24 мужчины и 16 женщин [5]. Кроме того, за Кнубовским двором числилось всего 20 человек: 11 мужчин и 9 женщин [6]. За Целковицким двором — 5 мужчин [7]. За Тетеровским двором числилось челяди 14 душ — 11 мужчин и 3 женщины [8]. В Сеневском дворе числилось всего 13 душ: 11 мужчин и 2 женщины [9]. За двором Малевским числилось челяди «воспол з жонками невольными» 20 душ, из них 18 мужчин и 2 женщины [10]. Наконец, за Красноставским двором числилось всего 13 душ: 9 мужчин и 4 женщины. Затем в с. Вязовичи 11 душ: 6 мужчин и 5 женщин [11]. Такова была наличность дворовой челяди в имениях королевы

---

[2] ПКПКК, стр. 41.
[3] Там же, стр. 43.
[4] Там же, стр. 103.
[5] Там же, стр. 169.
[6] Там же, стр. 171.
[7] Там же, стр. 228.
[8] Там же, стр. 496.
[9] Там же, стр. 475.
[10] Там же, стр. 459.
[11] Там же, стр. 405, 412, 413.

Боны, лежавших в Пинском и Клецком княжествах. Вся эта челядь была посажена на землю. Это не исключалось и предыдущими хозяйственными уставами. Только «приробки» челяди в уставах рассматривались как исключение, в Писцовой же книге Пинского и Клецкого княжеств они — общее правило. Ревизоры обоих княжеств отвели челяди невольной определенные душевые наделы. Эти земельные участки не всегда были одинаковы. Так, челядь невольная Селецкого двора, без различия пола, получила «приробки» размером по 9 моргов, разделенных на три поля [12]. К этим 9 моргам давалась надбавка в количестве 12 прутов. Челяди Ставецкого двора отвели 6 волок 18 моргов, так что приходится на одну душу тоже по 9 моргов. Но равенство в наделении землей было, вероятно, нарушено тем, что в числе 6 волок 18 моргов попало 2 волоки грунту плохого [13]. Душевой надел челяди Дружиловского двора оказался немного больше 11,7 морга, но такое увеличение их надела объясняется весьма плохим качеством данной им земли [14]. Принимая во внимание, что в этот надел вошли и приусадебные земли, можно считать, что невольная челядь вышеназванного двора была поставлена в менее выгодные условия в сравнении с челядью других дворов. Так, челядь Стытычевского двора получила по 9 моргов, не включая сюда приусадебной земли, отведенной особо. Отведенный им грунт был наполовину средний, наполовину плохой, так что их 9 моргов не могут по качеству равняться 8 моргам Селецкого двора, состоявшим исключительно из средней по качеству почвы [15]. Точно так же и челядь Кнубовского двора получила по 9,9 морга, несколько выше нормы, обычной в этом случае. Несомненно, такое увеличение приходится объяснить только тем, что отведенная им земля была сплошь «грунту злого» [16]. Челядь Целковичского двора получила по 10,7 морга и, кроме того, 17 прутов усадебной земли. Некоторое нарушение нормы объясняется тем, что на отведенный челяди невольной надел — 1 волока 23 морга 15 1/2 прутов приходилось «грунту злого» 1 волока 22 морга 15 1/2 прутов [17]. Челядь невольная двора Тетеровского получила 4 волока 6 моргов грунта среднего, вместе с усадебной оседлостью, т. е. по 9 моргов на душу [18]. И челядь невольная двора Сенявского получила по 9 моргов, но разница та, что земля была вся сплошь грунта злого [19]. Точно так же и челядь двора Малевского получила по 9 моргов, с той

[12] ПКПКК, стр. 42.
[13] Там же, стр. 43.
[14] Там же, стр. 103.
[15] Там же, стр. 170.
[16] Там же, стр. 172.
[17] Там же, стр. 228.
[18] Там же, стр. 496.
[19] Там же, стр. 476.

лишь разницей, что грунт был исключительно средний по качеству[20]. Таков же был размер пашни, отведенной челяди невольной Крастоставского двора[21], и челяди, приписанной к с. Вязовичи. Только в последнем случае качество отведенного грунта было далеко не одинаково. На 3,9 волоки приходилось 1 волока 13 моргов «плохого грунту», 1 волока 21 моргов грунта среднего[22].

Таким образом, во владениях королевы Боны можно считать нормальным душевым наделом, отводимым челяди невольной без различия пола, 9 моргов. Но абсолютно равные наделы были относительно далеко неравны. Качество почвы было далеко не одно и то же. Правда, ревизоры иногда стремились сгладить образовавшуюся разницу путем увеличения надела, но так бывало далеко не всегда. Большею частью ревизоры держались чисто арифметического вычисления. При наделении челяди невольной землями ревизоры считались с существовавшими раньше челядскими «прибробками». Несомненно, последние были оставлены за ними. Недаром в одном случае паробку была даже произведена отмена за отобранную у него землю[23]. Кроме того, челядь дворная получила земельные участки на количество отведенной для двора земли[24]. Все земельные участки отводятся «для невольной службы». Этим как бы подчеркивается их юридическая неправоспособность[25]. С другой стороны, невольные паробки, посаженные на полном участке, владеют им на правах тяглой службы. Составитель писцовой книги подчеркивает лишь, что «они из неволи не выпущены»[26]. Принимая во внимание, что челядь, сидевшая на моргованных участках, должна была работать три дня в неделю «с чем прикажут», а также выполнять и другого рода дворовые повинности, то на деле между обязанностями тяглой службы и невольной разницы не было никакой[27]. Благодаря тому, что характер тяглой службы и службы невольничьей, несомой паробками, был одинаков,— разница между ними была только в размерах земельного надела, платеже чинша и добавочных повинностях. Вследствие малых размеров всего земельного надела челядь невольная, посаженная на землю, приближалась к состоянию огородников, обедневших крестьян, лишенных возможности взять для эксплуатации больший по размерам участок земли. Справедливость этого утверждения можно подтвердить анализом данных, нахо-

[20] ЦКПКК, стр. 459.
[21] Там же, стр. 405.
[22] Там же, стр. 412—413.
[23] Там же, стр. 103, 228.
[24] Там же, стр. 103.
[25] Там же, стр. 103, 170, 171.
[26] Там же, стр. 485.
[27] Там же, стр. 476.

димых в Писцовой книге бывшего Пинского старосгва, составленной почти 10 лет спустя, в 1561 — 1566 гг., когда производилась вторичная, на этот раз правительственная, аграрная реформа. Писцовая книга знает разряды огородников и, перечисляя их, никогда не объясняет их происхождения. Очевидно, последнее уже игнорировалось и не имело больше никакого значения. Так, среди 12 огородников, приписанных к Ставецкому двору, можно найти шесть имен старых из числа невольников, посаженных на землю, когда Ставецкий двор находился во владении королевы Боны. Прежние невольники называются здесь только огородниками [28]. Остальные имена огородников — новые. Но паробок мог сидеть не только на огороднических моргах [29]. В его пользовании находились целые волоки. Фактически тогда исчезла всякая разница между челядью невольной и положением господарского крестьянина. И если бы составители Писцовой книги Пинского староства изредка не отмечали юридического положения прежнего паробка, то читатель Писцовой книги и не заметил бы, что некоторые из паробков были посажены на землю на полной волоке [30]. В другом месте составитель, перечисляя имена и наделы огородников, прямо указывает, что раньше эти огородники считались невольными [31].

Таким образом, в течение 1560—1566 гг. в господарских имениях исчезло состояние невольничества. Невольники, посаженные на огороднические участки, приблизились в своем экономическом состоянии и повинностном отношении к господарским крестьянам.

Нет следов существования рабства и в Кобринской экономии, измеренной на волоки королевским ревизором Дмитрием Сапегой в 1563 г. Писцовая книга отмечает большое количество огородников, но происхождение их остается неясным. Во всяком случае, можно предполагать без боязни впасть в ошибку, что некоторая часть огородников Кобринской экономии раньше принадлежала к дворовой челяди невольной. Не видно также сохранения челяди невольной при господарских дворах Гродненской экономии. То же следует сказать и относительно Берестейского староства. Отсутствие в сохранившихся писцовых книгах указаний на существование особого класса рабов является лучшим указателем бесполезности их с точки зрения хозяйственных интересов, хотя законодательство несколько отстало от

---

[28] Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда-Августа, в 1561—1563 гг. пинским и кобринским старостою Лаврином Войною, ч. I, II, Вильна, 1874, стр. 247 (далее — ПКПС).

[29] Там же, стр. 186.

[30] Там же, ч. II, стр. 6.

[31] Там же, стр. 181.

жизни и признавало еще институт потерявшего всякое значение рабства.

Такое экономическое сближение с прочим населением, в свою очередь, должно было радикальным образом отразиться и на их юридическом состоянии. Должна же была в конце концов исчезнуть разница между челядью невольной и господарскими крестьянами. Впрочем, это юридическое исчезновение рабства идет гораздо более медленным темпом, чем намечался процесс экономического сближения челяди невольной с крестьянством. Когда вводилась аграрная реформа, институт рабства существовал. Статут 1529 г. и его нормы относительно источников челяди невольной сохранял свою силу и значение. Но это было только теоретически. На деле же жизнь отменила некоторые из источников рабства по статуту 1529 г. Так, можно говорить, что к половине XVI в. брак стороны свободной с несвободной не вел к рабству свободную сторону. Составитель Писцовой книги Пинского и Клецкого княжеств, перечисляя челядь невольную, сплошь и рядом отмечает сохранение свободного состояния одной из сторон, хотя и состоявшей в браке с несвободной. Так, среди челяди невольной, приписанной к Ставецкому двору, встречаются свободные мужчины, сидящие на челядинских приробках (Kabhrusza a mąsz yey wolney, Waszycza a mąsz yey wolney) [32]. Правда, статут 1566 г. сохранил правило статута 1529 г. о передаче посредством брака со свободной стороной несвободного состояния, но, вероятно, в господарских имениях это правило не соблюдалось. Сохранившиеся инвентари господарских имений достаточно ясно это показывают. Среди челяди замка Радош ковичи встречаем: «Тишка Рыкуньич, жона в него «вольная», Рыкунья Барбара — невольна, муж в нее вольный, Ходор Губин, жона в него вольная» [33]. Статуту 1588 г., изданному уже после проведения аграрной реформы, оставалось констатировать фактическое исчезновение рабства. По статуту 1588 г. [34] становились рабами только пленники. Наличные невольники могут быть посажены на землях на правах отчичей. Впрочем, в частновладельческих хозяйствах челядь невольная была выделена в особый разряд до начала XVII в. Исчезла же она окончательно только в господарских имениях, благодаря произведенной Сигизмундом-Августом волочной помере.

Кроме челяди невольной, на территории господарских дворов жили огородники. Они не платят никакого чинша, а лишь рабо-

---

[32] ПКПКК, стр. 43.

[33] Документы Московского архива Министерства юстиции, т. I, М., 1897, стр. 108—111 (далее — ДМАМЮ).

[34] Статут Великого княжества Литовского 1588 г., раздел XII, арт. 2. «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 19, М., 1854.

тают на господарском дворе, и это обстоятельство в повинностном отношении сближает их с тяглыми людьми. Огородники, конечно, находятся только там, где есть господарская пашня, где есть пахотная земля, которая не может быть ни отдана под крестьянские волоки, ни отведена под дворовую пашню. Впрочем, при некоторых дворах совсем не было особой запашки и только отводилось несколько волок для потребностей фольварка. Вот эти-то волоки обрабатывались огородниками [35]. Иногда огородники сажались на землю только потому, что отведенная господарская пашня была небольших размеров, и так как от ее эксплуатации не предполагалось получать какие-либо особенные доходы, то для ее обработки не приписывалось никаких крестьян. Такая пашня обыкновенно эксплуатировалась с помощью огородников [36]. Для них отводились морги, лишние для господарской пашни; поэтому они были разбросаны по территории двора, лежали в трех и даже четырех местах [37]. Во всех господарских дворах, о которых имеются данные, огородники количественно весьма ограничены. Видимо, в господарском дворе они не играют никакой роли. Так, за Селецким двором Пинского староства числилось огородников только 18 [38], за Ставецким — 12 [39], Стытычевским — 18 [40]. На Дружиловском дворе было отведено для огородников 3 волоки. К этим огородникам следует прибавить прикладницких и телковских батраков в количестве 7 человек, раньше приписанных к Пинскому замку [41]. Огородники находились и при дворах Кобринской экономии, но количественно их было меньше, чем в Пинском старостве. Так, при фольварке Кобринского замка огородников было всего 5 человек, при дворе Вежецком — 10, при дворе Черевачицком — 20. Следовательно, всего огородников на всю Кобринскую экономию приходилось только 35, а вместе с женами — 70 человек [42]. В таком же небольшом числе находились огородники и при дворах Гродненской экономии. Так, их числилось за дворами: Котра — 20 [43], Скидель — 24 [44], Мильковским — 6 [45],

---

[35] ПКПС, ч. II, стр. 7.

[36] Там же, стр. 179.

[37] Там же, ч. I, 115, 247.

[38] Там же, стр. 115.

[39] Там же, стр. 247.

[40] Там же, ч. II, стр. 181.

[41] Там же, стр. 477. Таким образом, на Пинское староство приходилось 58 человек, к этому количеству следует прибавить их жен, обязанных нести тягло, так что общая цифра тягловых огородников будет равна 116.

[42] Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г. королевским ревизором Дмитрием Сапегою, Вильна, 1876, стр. 74, 107, 134 (далее — РКЭ).

[43] Писцовая книга Гродненской экономии, ч. I, Вильна, 1881, стр. 41 (далее — ПКГЭ).

[44] Там же, стр. 79.

[45] Там же, стр. 122.

Мосты — 8 [46], Новый Двор — 6 [47], Лабно — 24 [48], Перстунь — 25 [49], Берзники — 10 [50], Квасовка — 20 [51], Красник — 12 [52], Вертилишки — 15 [53].

Таким образом, во всей Гродненской экономии числилось 170 огородников. В Берестейском старостве огородники числились только за Берестейским замком в количестве 15 человек [54].

Приведенные данные, взятые из сохранившихся писцовых книг, с достаточной ясностью указывают на то минимальное значение, которое огородники имели для организации господарского хозяйства.

Говоря об огородниках, устава на волоки рекомендует отводить каждому из них по 3 морга земли [55]. Конечно, это положение уставы нельзя считать обязательной для ревизоров нормой. Последние могли давать и большие земельные наделы в зависимости от наличного количества отрезков; но при определении повинностей приходилось считаться с размером повинностей, падавших на трехморговый надел. Вообще огороднические наделы по своим размерам значительно отличались друг от друга. Писцовая книга Пинского староства знает наделы огородников в 6 [56], 10 [57] моргов и даже в 1 волоку [58]. Иногда к отведенному земельному наделу присоединялось некоторое количество прутов — от 3 до 10 — «на приселенье» [59]. Такой излишек сверх нормы давался только, если отведенные морги были совсем плохого качества. Что же касается исключительного надела огородников в виде 1 волоки, то весь он состоял из земли, всей сплошь негодной по своему качеству. Впрочем и этот волочный огороднический надел приближается к нормальным 6—10 огородническим моргам, так как на одной волоке сидело два-три огородника. Иногда к огородническим моргам прибавлялись бесплатно сенокосы или же давались надбавки, как и прочим тяглым крестьянам, причем размеры надбавок исключительно зависели от качества почвы отведенного огороднику участка. Не однообразны огороднические наделы и в Кобринской экономии. Здесь встречаются огороднические наделы в 3 морга, как это

---

[46] ПКГЭ, стр. 191.
[47] Там же, стр. 254.
[48] Там же, стр. 284.
[49] Там же, стр. 341.
[50] Там же, стр. 392.
[51] Там же, стр. 441.
[52] Там же, стр. 516.
[53] Там же, ч. II, стр. 142.
[54] ДМАМЮ, т. I, стр. 446.
[55] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 16.
[56] ПКПС, ч. I, стр. 117, 247.
[57] Там же, ч. II, стр. 181.
[58] Там же, стр. 7.
[59] Там же, стр. 181.

требовалось по уставе, в 12 моргов и 9 моргов, включая сюда и место для постройки усадьбы[60]. Огородники, сидевшие на участках в 12 моргов, получали еще по 1 моргу «на приселенье».

Что же касается земельного надела огородников Гродненской экономии, то они в дворах Котра[61], Скидели[62], Мильковском[63] получали по 6 моргов на душу.

Такой же надел получали огородники дворов Мосты[64], Нового Двора, Лабно, Перстунь[65]. Огородники двора Берзники получили по 15 прутов для усадьбы и по 15 прутов в конце улицы. Кроме того, в их пользование было отведено в разных местах по 6 моргов земли[66]. Огородники Квасовки получили по такому же количеству моргов[67]. Равным образом и огородники двора Красник были обеспечены таким же образом[68]. Но огородники двора Вертилишки получили по $6^1/_2$ моргов[69]. Таким образом, на протяжении всей Гродненской экономии надел огородников был почти одинаков, если не считать добавки $^1/_2$ морга в одном случае и отвода 15 прутов земли для усадьбы — в другом. Огородники Берестейского замка получили по 4 морга 11 прутов полевой земли и 8 моргов 20 прутов надельной[70]. Таким образом, хотя нормы огороднических наделов в действительности не соответствуют нормам уставы на волоки, но отклонения в сторону от них нельзя считать существенными. По всей вероятности, такой уклон в сторону от нормы диктовался какими-либо местными хозяйственными соображениями.

Устава на волоки определяет повинности огородников применительно к 3-морговому наделу. Согласно уставе, от всякого огородника требуется барщинная пешая работа по одному разу в неделю. Кроме того, их жены обязаны работать 6 дней в году во время жнитва или полотья на огородах. Эти нормы припудительной работы для огородников, конечно, принимались во внимание ревизорами, хотя иногда с заметными отклонениями. Огородники замкового фольварка Кобринской экономии несут повинности совершенно в полном соответствии с содержанием уставы — работать 1 день в неделю, и жены должны «жати, або полоти шесть дней»[71]. Черевачицкие огородники владели наделом в 4 раза большим против уставы. Поэтому и повинно-

---

60 Там же, стр. 41; РКЭ, стр. 734, 107.
61 ПКГЭ, ч. I, стр. 41.
62 Там же, стр. 79.
63 Там же, стр. 122.
64 Там же, стр. 191.
65 Там же стр. 254, 258, 343.
66 Там же, стр. 393.
67 Там же, стр. 441.
68 Там же, стр. 515.
69 Там же, ч. II, стр. 142.
70 ДМАМЮ, т. I, стр. 446.
71 РКЭ, стр. 74.

сти их больше. Ревизоры экономии заставили огородников с 9 моргов нести тройную повинность. Что же касается излишка 4 моргов, остававшихся у огородников, то ревизоры обложили их чиншем в размере «трех грошей с каждого морга» [72]. Нормы работ Вежецких огородников вполне соответствовали принципам уставы [73]. Повинности огородников при господарских дворах, лежавших на территории Пинского староства, вполне совпадают с нормами уставы. Конечно, барщинная работа и женская толока увеличиваются пропорционально нормам надела [74]. И только повинности Стытычевского двора немного не соответствуют нормам уставы на волоки. Огородники получили по 10 моргов. За это они обязаны отправлять барщину в течение 3 дней в неделю. Барщина обыкновенно пешая. Кроме того, огородники обязаны доставлять ежегодно по 12 плотов дров. Что же касается работы женщин, то они отправляют толоку в течение 12 дней [75]. Такое отклонение от норм уставы, по всей вероятности, объясняется местными хозяйственными соображениями; но чтобы это отклонение от нормы было незначительно, ревизор уменьшил нормальную женскую толоку на 6 дней, и этим самым повинности одного огороднического тягла приблизил к нормам уставы на волоки. Устава на волоки не знает огородников, имевших только огород и усадебную землю в размере всего нескольких прутов. Такие огородники отправляли толоку в течение 9 дней [76]. Что же касается повинностей огородников Гродненской экономии, то нормы их вполне приближаются к нормам уставы, впрочем, с маленьким отклонением. Огородники, сидевшие на 6-морговом наделе, обязаны работать пешими 2 дня в неделю на господарском дворе, но зато их жены работают на толоке 6 дней вместо 12, как это полагалось волочной уставой [77]. Но огородники двора Мосты несут повинности, вполне соответствующие нормам уставы [78]. Такие же повинности несли огородники дворов Новый Двор, Лабно, Перстунь, Берзники, Квасовка, Красник, Вертилишки [79].

Таким образом, при определении повинностей огородников в Пинском старостве, Кобринской и Гродненской экономиях ревизоры считались с нормами и предписаниями уставы. Отклонения от нее весьма несущественны и являются исключением, а не общим правилом. По всей вероятности, эти отклонения вызваны какими-либо местными условиями и обстоятельствами.

---

[72] РКЭ, стр. 108.
[73] Там же, стр. 135.
[74] ПКПС, ч. I, стр. 117, 247.
[75] Там же, ч. II, стр. 183.
[76] Там же, стр. 187.
[77] ПКГЭ, ч. I, стр. 42, 80, 122, 123.
[78] Там же, стр. 191.
[79] Там же, стр. 254, 285, 343, 393, 443, 517; ч. II, стр. 142.

Высший разряд сельского населения составляли бояре, земли которых лежали вперемежку с владениями господарского крестьянства. Владея землями на разных условиях, господарские бояре, если права их на землю не вызывали решительно никаких сомнений, были обязаны нести военную службу «конем», подобно местным шляхтичам [80]. Только в том случае, если права бояр на землю не были доказаны, но ревизоры находили возможным отдать временно боярам те или другие земли, господарские ревизоры заставляли их платить чинш и отправлять разные повинности [81]. Конечно, подобное распоряжение было актом унизительным для боярства, и последнее всегда стремилось установить свое боярство и добиться отмены платежа чинша, ибо обложение платежами выделяло боярина из собственного боярского и приближало его к тяглому состоянию [82]. Точно так же стремление со стороны провинциальной администрации заставить бояр отправлять ряд повинностей совместно с волостью указывало на желание администрации трактовать бояр как тяглую массу, обязанную отправлять некоторые повинности. Конечно, чистая боярская служба этого не допускала, и естественно, что бояре стремились добиться восстановления нарушенных администрацией своих прав [83].

К высшему разряду сельского населения следует отнести крестьян, державших волоки в качестве служек, «абы службу служковскую служили, ездити с листами его королевское милости и урядовыми там, где надобность его королевской милости будет». Обыкновенно такие служки, согласно требованию уставы на волоки, сидят в господарских экономиях на 2 волоках [84]. Впрочем, встречаются служки, сидевшие на 1 волоке, но такое явление приходится считать скорее исключением, чем общим правилом [85].

К высшему разряду сельского населения надо отнести и «путных бояр», сидевших в Кобринской экономии на 1 волоке вместо 2, положенных уставой о волоках. Они освобождаются от работ, подвод, сторожи и всяких повинностей, но обязаны уплачивать «голыми пенязьми» определенное количество грошей. Это обязанности в мирное время. В военное время бояре не выплачивают никаких платов, но выставляют одного коня с

---

[80] Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов, т. I — XXXIX, Вильна, 1865—1915 (далее — АВК).
[81] Там же, № 134.
[82] Там же, № 115.
[83] Там же, № 137.
[84] РКЭ, стр. 119, 127, 203; ПКПС, ч. I, стр. 135, 178, 225, 229; ч. II, 528; ПКГЭ, ч. I, стр. 41, 372.
[85] РКЭ, стр. 111; ПКПС, ч. I, стр. 237.

2 волок — единицы, нормальной по уставе на волоки и несколько искусственной для бояр Кобринской экономии [86]. Но как мог выполнить данное ревизорское постановление боярин Валентый Матьясович с. Блудень Малый, сидевший только на 1 волоке и не имевший никаких сотоварищей,— на это Писцовая книга Кобринской экономии ответа не дает, хотя требование выставлять одного коня с 2 волок остается в силе и в данном случае [87]. Путные бояре были не при всех господарских дворах. Так, их нет ни в Пинском старостве, ни в Берестейском. В других местностях, где можно отметить присутствие путных бояр, последние сидят на обычных 2 волоках земли.

К четвертому разряду высшего сельского населения можно причислить стрельцов, положение которых не менее определенно, чем путных бояр. Они должны, по господарскому указанию, «выходить на ловы и на войну» [88]. Положение их в Гродненской экономии вполне соответствует требованиям инструкции от 2 мая 1557 г. Они сидят на 2 волоках: одной вольной, а с другой обязаны уплачивать только «голый чинш» [89].

С осуществлением аграрной реформы Сигизмунда-Августа собственно волостное население делилось на несколько групп, существенно отличавшихся друг от друга как своею численностью, так и характером повинностей, ими отправляемых. На основании сохранившихся ревизорских писцовых книг сельское население делится на три разряда. К первому следует отнести крестьян-ремесленников, промышленников и несших специальные службы; ко второму и третьему — крестьян тяглых и осадных. Такое деление сельского населения существовало и в дореформенную эпоху, только во время реформы наличность всех этих разрядов была строго определена в соответствии с интересами господарского хозяйства. Первая группа населения в селах западных областей численно невелика. К таковому наблюдению позволяют прийти данные сохранившихся ревизорских описаний. Так, в Кобринской экономии для этого разряда сельского населения всего было отведено 79 волок. На них сидели бобровники [90], бондари [91], будники [92], мурали [93], ковали [94], гуменники [95],

---

[86] РКЭ, стр. 203.
[87] Там же, стр. 243.
[88] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 4.
[89] ПКГЭ, ч. I, стр. 56, 75, 477, 487, 513.
[90] РКЭ, стр. 46 (с. Остромеч), 48 (Уколоды), 82 (с. Суховичи), 86 (с. Богуславовичи).
[91] Там же, стр. 95 (Станки), 118 (Толпы), 191 (Орабники), 202 (Добучин).
[92] Там же, стр. 285 (Ходлин).
[93] Там же, стр. 203 (Добучин).
[94] Там же, стр. 119 (Теребешево).
[95] Там же, стр. 118 (Столпы), 196 (Поросляны), 92 (Батче).

осочники [96], подлазники [97], рыболовы [98], тесли [99], гонтари [100]. Наибольшее количество волок было отведено под осочников — 40 волок; второе место занимают бобровники и подлазники — 8 волок; на бондарей и теслей было отведено по 5 волок; на будников, гонтарей и гуменников — по 3 волоки, на рыболовов — по 2 волоки и, наконец, на муралей и ковалей — по 1 волоке. Обыкновенно все волоки были вольными. Так, в западной части Пинского староства в селах сидели на волоках плотники [101], гуменники [102], подлазники [103], осочники [104], бондари [105], бобровники [106], колесники [107]. Для выполнения ими соответствующих служб и повинностей ревизоры отвели 29 волок, из числа которых наибольшее количество — 15 волок — было отведено под осочников, на остальные разряды приходилось от 1 до 6 волок.

Те же группы сельского населения были весьма немногочисленны и в Берестейском старостве, на что уже было указано М. В. Довнар-Запольским [108]. В Берестейском старостве можно отметить конюхов [109], бобровников [110], млынарей [111], гуменников [112], лесника [113]. Наиболее многочисленной группой в Берестейском старостве были конюхи. В их распоряжении находилось 104 волоки; остальные разряды населения имели по 1—2 волоки. Благодаря этому конюхи совершенно тонули в море тяглого и преимущественно осадного крестьянства.

В Гродненской экономии ревизоры посадили на волоки осоч-

---

[96] Там же, стр. 34 (Козищи), 43 (Стрыевичи), 173 (Слонимцы), 181 (Мощоная), 185 (Чахчи), 188 (Осовая), 193 (Льсяне), 275 (Иловско).

[97] Там же, стр. 99 (Залесье), 187 (Осовая), 247 (Тихоновичи).

[98] Там же, стр. 193 (Льсяне).

[99] Там же, стр. 108 (двор Черевачицкий), 124 (Данковичи), 176 (Микитичи).

[100] Там же, стр. 92 (Батче).

[101] ПКПС, ч. I, стр. 185 (Паршевичи), 267 (Посиничи).

[102] Там же, стр. 267 (Посиничи).

[103] Там же, стр. 237 (Бродница), 265 (Посиничи), 385 (Гутовой); ч. II, стр. 113 (Бобровичи), 450 (Хвойно).

[104] Там же, стр. 1, стр. 287 (Велесница), 309 (Ковнятино), 327 (Заборовцы), 353 (Довечеровичи); ч. II, стр. 113 (Бобровичи), 153 (Великая Гать), 167 (Малая Гать).

[105] Там же ч. I, стр. 305 (Колодеевичи).

[106] Там же, стр. 403 (Великая Глинная), 168 (Городище); ч. II, стр. 275 (Красный Берег).

[107] Там же, ч. I, стр. 305 (Колодеевичи).

[108] М. В. Довнар-Запольский. Берестейское старство в XVI ст. «Киевские университетские известия», 1898, II, стр. 5.

[109] ДМАМЮ, т. I, стр. 251 (Новоселки), 252 (Кринки).

[110] Там же, стр. 255 (Збероги).

[111] Там же, стр. 239 (Малашевичи), 332 (Михалки).

[112] Там же, стр. 379 (Воин).

[113] Там же, стр. 392 (Кролев Брод), 427 (Красники).

ников [114], бортников [115], теслей [116], гуменников [117], стрельцов [118], бондарей [119], млынарей [120], псарей [121], ловчих [122], муралей [123], дойлидов [124], машталеров [125], пекарей [126], кухарей [127], санников [128], рыболовов [129], колесников [130], ковалей [131], линников [132], лазебников [133], стрыхарей [134], меловников [135], медельников [136], кошовников [137], пивоваров [138]. Наиболее многочисленным разрядом среди людей специальных служб были осочники, в распоряжении которых находилось 148 волок. Второе место занимали стрельцы — 51 волока, далее шли рыбаки — 41 волока, конюхи — 31 волока, псари, посаженные на 24 волоки. Доминирую-

---

[114] ПКГЭ, ч. I, стр. 34 (Седельники), 95 (Малый Карасов), 136 (Солениково), 203 (Щука), 268 (Крупа), 277 (Заневиша), 358 (Марковичи), 374 (Богатыри), 376 (Курияновичи), 422 (Шембельево), 425 (Пруска).

[115] Там же, стр. 86 (Сухой Скидель), 362 (Раковичи), 33 (Седельники), 36 (Зубовичи).

[116] Там же, стр. 47 (Обухово), 89 (Подлесье), 132 (Хвойново), 407 (Побержане), 458 (Красна), 529 (Коеневичи); ч. II, стр. 460 (Завойки).

[117] Там же, ч. I, стр. 47 (Обухово), 102 (Капечево), 129 (Совонево), 206 (Микилевичи), 280 (Бриковичи), 290 (Ятля), 372 (Румейки), 400 (Шейна), 464 (Квасовка); ч. II, стр. 147 (Вертилишки), 460 (Завойки).

[118] Там же, ч. I, стр. 55 (Завадичи), 75 (Щербовичи), 309 (Шерковичи), 418 (Ольшанка), 477 (Свислочь), 487 (Одла), 512 (Бараново), 562 (Жиличи Стрелецкие).

[119] Там же, ч. I, стр. 47 (Обухово), 206 (Микелевичи), 263 (Глубокое), 307 (Колбащичи), 372 (Румейки), 417 (Величковичи), 468 (Ильковичи), 562 (Жиличи Стрелецкие); ч. II, стр. 109 (Занеманье), 464 (Баранки).

[120] Там же, ч. I, стр. 83 (Некрашевичи), 374 (Богатыри), 410 (Лисково), 480 (Валичи).

[121] Там же, стр. 98 (Ревковичи), 143 (Ошники), 146 (Наумово), 148 (Спуса), 574 (Каменный мост).

[122] Там же, стр. 98 (Ревковичи), 148 (Спуса).

[123] Там же, стр. 146 (Наумово), 417 (Величковичи); ч. II, стр. 100 (Занеманье).

[124] Там же, ч. I, 200 (Булаты), 303 (Тричевичи), 347 (Рачичи); ч. II, стр. 109 (Занеманье), 147 (Вертилишки).

[125] Там же, ч. I, стр. 292 (Богатыри), 488 (Одла), 571 (Белоказы).

[126] Там же, стр. 305 (Соловьи), 307 (Колбашичи).

[127] Там же, стр. 307 (Колбашичи), 533 (Шемеренки), 560 (Здановичи), 573 (Каменный мост), 585 (Шафраны).

[128] Там же, стр. 317 (Санники).

[129] Там же, стр. 323 (Скомрохово), 331 (Намейки), 410 (Лисково), 412 (Лымпя); ч. II, 109 (Занеманье), 459 (Завойки).

[130] Там же, ч. I, стр. 351 (Лойки), 362 (Раковичи); ч. II, стр. 464 (Баранки), 472 (Белевичи).

[131] Там же, ч. I, стр. 410 (Лисково), 468 (Ильковичи), 521 (Чуриловичи).

[132] Там же, стр. 458 (Красна).

[133] Там же, стр. 524 (Волотыня).

[134] Там же, ч. II, стр 108 (Занеманье).

[135] Там же, стр. 108 (Занеманье).

[136] Там же, стр. 108 (Занеманье).

[137] Там же, ч. II, стр. 113 (Кошовники).

[138] Там же, ч. I, стр. 310 (Ростовляны); ч. II, стр. 458 (Завойки).

щее положение всех этих разрядов объясняется особыми природными условиями Гродненской экономии, весьма благоприятными как для эксплуатации лесных богатств, так и для широко поставленного коннозаводства. Вообще природные богатства Гродненской экономии давали ревизорам полный простор для осады крестьян на специальных службах.

Составители уставы на волоки, конечно, считались с существованием особого разряда крестьян, несших специальные службы и отправлявших специальные повинности, и дали в ней только общие указания, предоставляя ревизорам в этом отношении некоторую свободу. Устава упоминает бортников, которые, кроме отправления своей бортницкой службы, вносили денежные платы в господарский скарб, «за вси повинности, цынши, овсы и сена» в том размере, в каком обыкновенно уплачивали эти платы осадные крестьяне. Эти платежи бортники обязаны вносить только в мирное время. В случае же выступления их на войну, они освобождаются на этот год от всяких платов. Хотя устава признает, что бортники освобождены господарским листом от натуральной повинности — постройки мостов,— тем не менее, в случае все-таки отправления ее ими, они должны получить «фолькгу в цыншох» в размере, указанном господарем [139]. Затем устава упоминает о «конюхах седельных и инших», получающих по 2 волоки для отправления конюшской службы. Во время отправления ими конюшской службы они свободны от всяких платежей и, кроме того, «на страву им и на вси потребы» они получают ежегодно по 4 копы грошей [140]. Упоминает устава и о стрельцах, которые получают в свое распоряжение 2 вольных волоки, а третью они могут брать под условием платы чинша [141]. Кроме того, в добавочных статьях настоятельно рекомендуется осаживать стрельцов «межи тяглых людей, пересажаючы иншыми людми, абы не посполу седели» [142]. В 1558 г. в инструкции, данной Сигизмундом II ревизорам и мерникам, положение стрельцов было значительно изменено. Вопреки уставе, стрельцы теперь должны были быть осаживаемы только на 2 волоках, из которых одна должна быть освобождена от всяких платов, а с другой в господарский скарб должен поступать такой же податок, как и с волок осадных, с той лишь разницей, что они освобождены как от натуральных взносов, так и от отправления натурой подводной повинности и других «потяглей». Что же касается осочников, то они получают в свое пользование по 2 волоки, «вольных от цыншу и всякий потяглей» [143].

---

139 РИБ, т. XXX, Устава, арт. 2.
140 Там же, арт. 3.
141 Там же, арт. 4.
142 Там же, стр. 586.
143 Там же, Устава, арт. 6.

Далее, устава разрешает ревизорам осаживать на одной большой волоке, для потребностей господарского двора, ремесленников, которые освобождаются от всяких других повинностей, кроме своей специальной службы [144]. Наконец, устава упоминает о млынарях, в распоряжение которых отводится 1 волока, с которой они обязаны нести «тесельскую службу» 2 дня в неделю [145].

Получив такие общие указания, ревизоры руководились ими при производстве аграрной реформы. Так, бобровники Кобринской экономии были осажены на 1 волоке. Они освобождались от обязанности выходить на работу, за что, впрочем, были обязаны «платить в год до рук лесничего тую же повинность». Кроме того, они еще уплачивали пенязи за толоку и бочку жита. В Кобринской экономии с одной бобровницкой волоки плохой по качеству почвы уплачивалось 53 гроша, а с волоки среднего грунта — 67 грошей. Свободные от барщины и от платежа осады, бобровники вместо платы за последнюю были обязаны «псы и сети свои к ловлению бобров ховати» [146]. Бобровники Пинского староства сидят на 1 волоке земли. Платы же пинских бобровников были неодинаковы и зависели от местных хозяйственных условий — качества почвы. Осадные люди с. Городища уплачивали в господарский скарб 66 грошей. Бобровники, за вычетом осадного в размере 30 грошей, вносили в скарб только 36 грошей. Бобровник с. Великая Глинная сидел, как и осадные люди, на земельном наделе, по качеству почвы чрезвычайно бесплодном, почти никуда не годном, как характеризует качество почвы составитель Писцовой книги Пинского староства. Осаженный на земле бобровник, наравне с этими осадными людьми, вносил в господарский скарб 42 гроша [147]. Бобровники Берестейского староства все осажены на одной волоке «грунту подлого». Осадные люди уплачивали в скарб 83 гроша. В состав этой платы входили и обычные осадные пенязи в размере 30 грошей, от которых бобровники по общему принципу были освобождены. Следовательно, платежи бобровников Берестейского староства определялись в 53 гроша [148].

Бортники в Гродненской экономии сидели на 1 волоке, но, вопреки уставе на волоки, не вносили в скарб никаких платежей, а только отправляли свою бортницкую службу. Это существенное отступление от уставы было предпринято по постановлению ревизора Григория Воловича, старосты мстибоговского, о чем составители писцовой книги сочли нужны заметить, словно

[144] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 39.
[145] Там же, арт. 23.
[146] РКЭ, стр. 83, 87.
[147] ПКПС, ч. I, стр. 405.
[148] ДМАМЮ, т. I, стр. 256.

для оправдания столь значительного отступления от предначертаний уставы на волоки [149].

Осочники Кобринской экономии сидели, вопреки уставе, только на 1 волоке. Некоторые из них взяли себе еще добавочную волоку, но с уплатой, однако, 83 грошей, при полном освобождении от каких бы то ни было натуральных повинностей [150]. Пинские осочники находились далеко не в одинаковом положении. Одни из них были посажены на 2 волоках [151], тогда как другие сидели только на 1, свободной от всяких платежей [152].

Осочники Гродненской экономии большею частью сидели на 2 волоках [153], но в то же время там же было осажено небольшое количество осочников на 1 волоке [154].

Рыболовы в Кобринской экономии осаживались на 1 волоке [155]. Аналогично было их земельное обеспечение и в Гродненской экономии [156]. Волоки, конечно, были свободны от всяких платежей, и повинности их, по определению ревизора Гродненской экономии, заключались в ловле рыбы в озерах Гродненской экономии (ku sprawowaniu cziagnienia niewodu w jeziorach niewodnystwa Grodzienskiego).

Народившиеся в довольно большом количестве стрельцы в Гродненской экономии, в полном соответствии с изданной в 1558 г. инструкцией, сидят на 2 волоках, из числа которых одна свободна от платежей, а другая оплачивается в размере платежей, поступавших в скарб с 1 осадной волоки [157]. Только в одном случае в руках стрельца оказалось 6 волок на чинше. Это было вызвано особыми условиями. Новый стрелец раньше был пушкарем и владел землями в количестве 3 волок, данными ему на вечность, и, кроме того, в его распоряжении было 3 волоки, данных ему «до живота» королевой Боной. Ввиду того, что, согласно господарскому распоряжению, в Гродненской экономии не надо было осаживать пушкарей, ревизор отдал ему 6 волок на службе стрелецкой с уплатой чинша «до науки его королевской милости» [158].

Ловчие, близкие к стрельцам по своему повинностному положению, были осажены в Гродненской экономии только на 1 волоке, свободной от всяких других платежей. Повинность их заключалась в том, что, «водле стародавного обычаю», они

---

[149] ПКГЭ, ч. I, стр. 32, 36, 86, 362.
[150] РКЭ, стр. 181, 187, 193.
[151] ПКПС, ч. I, стр. 287, 309, 325; ч. II, стр. 113, 153, 167.
[152] Там же, ч. I, стр. 355.
[153] ПКГЭ, ч. I, стр. 32, 33, 36, 95, 136, 277, 358, 374, 376, 432, 435.
[154] Там же, стр. 203.
[155] РКЭ, стр. 193.
[156] ПКГЭ, ч. I, стр. 323, 331, 410, 412; ч. II, стр. 109, 459.
[157] Там же, ч. I, стр. 55, 76, 310, 418, 477, 488, 562.
[158] Там же, стр. 513.

должны были ходить «в ловы с псы»[159]. Многочисленные в Берестейском старостве конюхи были осажены на 2 волоках, вольных «от плату всяких иншых повинностей». Помимо своей конюшской службы, в случае приезда господаря в Берестье, они обязаны давать ему стацию «зо всего десятку своего конюского яловицу одну, барана одного, кур десятеро, сыров десять, яец копу, масла горшок, гороху бочку, круп бочку»[160], а также «повинни вежу одну замку Берестейского в пять стен замковых будовати». Близкие к конюхам по повинностям машталеры в Гродненской экономии все были осажены на 2 волоках, свободных от каких-либо платежей[161].

Часть гродненских псарцов осажена на 2 волоках. Составитель писцовой книги делит их на две группы: к первой относит псарцов, живущих при господарском дворе; вся эта группа псарцов свободна от уплаты каких-либо повинностей. Ко второй группе относятся псарцы, живущие своими домами. В их распоряжении находится только 1 волока, свободная от платов и повинностей. С другой волоки псари обязаны уплачивать «готовыми пенязьми» по 1 копе 37 грошей за все повинности[162]. С другой стороны, некоторая часть псарей были осажена на 1 волоке, с которой приходилось уплачивать «голый чинш»[163].

Что же касается крестьян-ремесленников, то, за немногими исключениями, все они, в полном согласии с уставой на волоки, сидели на 1 волоке. Так, все бондари в Кобринской экономии, Пинском старостве и Гродненской экономии были осажены на 1 волоке[164]. В аналогичном положении находились мурали Кобринской и Гродненской экономий[165]. На одной же волоке сидели ковали в Кобринской и Гродненской экономиях[166], но плотники в Кобринской экономии были осажены на 2 волоках[167], свободных от платежей. Плотники же пинские все были осажены на 1 и 2 волоках[168]. В таком же положении находились и плотники Гродненской экономии[169]. И столяры в той же экономии были осажены как на 2, так и на 1 волоке[170]. Замковые гончары в

---

159 ПКГЭ, ч. I, стр. 98, 148.
160 ДММЮ, т. I, стр. 253.
161 ПКГЭ, ч. 1, стр. 292, 488, 571.
162 Там же, стр. 98.
163 Там же, стр. 143, 146, 148, 574.
164 РКЭ, стр. 95. 118, 191, 202; ПКПС, ч. I, стр. 305; ПКГЭ, ч. I, стр. 47, 206, 263, 307, 372, 417, 468, 536; ч. II, стр. 109, 164.
165 РКЭ, стр. 203; ПКГЭ, ч. I, стр. 146; ч. II, стр. 109.
166 РКЭ, стр. 119; ПКГЭ, ч. I, стр. 410, 468, 521.
167 РКЭ, стр. 124, 170.
168 ПКПС, ч. I, стр. 185, 267.
169 ПКГЭ, ч. I, стр. 47, 89, 132, 407, 458, 529; ч. II, стр. 460.
170 Там же, ч. I, стр. 200, 303, 347; ч. II, стр. 109, 147.

Кобринской экономии осаживались исключительно на 1 волоке [171]. На одной же волоке сидели и гуменники в Кобринской и Гродненской экономиях [172] и Берестейском старостве. Аналогично было положение у кобринских и пинских подлазников [173], пинских и гродненских колесников [174]. На 1 волоке сидели также и кобринские будники [175]. Так же были обеспечены землей и пекари в Гродненской экономии, но кухари в той же экономии оказывались сидящими то на 1, то на 2 волоках [176], причем в немногих случаях 1 волока отдавалась в чинш. На 2 волоках были осажены и пивовары Гродненской экономии [177], но санники, выделывавшие сани и выполнявшие разные работы, касавшиеся господарской «обозни», сидели на 1 волоке [178]. И линники были осажены на 1 волоке, свободной от платежа чинша только на время работы. Если же они не были заняты выполнением лежащих на них повинностей, то были обязаны уплачивать чинш, равный чиншу с осадных волок [179]. Наконец, на одной же волоке сидели в той же экономии меловники, «что известь палят» [180], седельники, кирпичники [181], млынари [182], обязанные также работать на господарском дворе два раза в неделю в качестве плотников; и только в случае незнакомства с плотничьими работами они уплачивают соответствующий чинш [183]. На одной же волоке были осажены мельники и в Берестейском старостве и отчасти в Кобринской экономии [184].

Итак, перечисленные выше представители специальных служб и особых повинностей большею частью были обеспечены землей, за немногими исключениями, в полном соответствии с общими указаниями волочной уставы. Только в одном случае можно отметить серьезное расхождение ревизора с волочной уставой. Так, ревизоры Гродненской экономии разрешили млынарям уплачивать чинш в том случае, когда они не были знакомы с плотничьим ремеслом. Такой замены волочная устава не знает.

---

[171] РКЭ, стр. 92.

[172] Там же, стр. 118, 196; ПКГЭ, ч. I, стр. 47, 102, 129, 206, 280, 290, 372, 400, 464; ч. II, стр. 147, 461; ДМАМЮ, т. I, стр. 572.

[173] РКЭ, стр. 99, 187 247; ПКПС, ч. I, стр. 241, 267, 375; ч. II, стр. 113.

[174] ПКПС, ч. I, стр. 305; ПКГЭ, ч. I, стр. 351, 362; ч. II, стр. 464, 472.

[175] РКЭ, стр. 131, 285, ПКГЭ, ч. I, стр. 305, 307.

[176] ПКГЭ, ч. I, стр. 307, 533, 560, 573, 585.

[177] Там же, стр. 309; ч. II, стр. 459.

[178] Там же, стр. 317.

[179] Там же, стр. 458.

[180] Там же, ч. II, стр. 108.

[181] Там же, стр. 108.

[182] Там же.

[183] Там же, ч. I, стр. 83, 374, 410, 486.

[184] ДМАМЮ, т. стр. 239, 332; РКЭ, стр. 108.

Розданные сельскому населению волоки были неодинакового качества. Поэтому ревизоры для уравнения, по качеству почвы, наделов давали надбавки, правда, небольшого размера, впрочем иногда доходившие до 5 моргов за один участок.

Несмотря на стремление литовско-белорусского правительства при помощи аграрной реформы индивидуализировать владение землей и тем самым уничтожить старые формы землевладения, это было достигнуто только отчасти. Рядом с волоками, бывшими в держании одной рабочей семьи, оказались волоки, находившиеся в коллективном держании. Всех этих держателей с полным правом можно считать сябрами по отношению друг к другу. Сябринные сочетания были очень разнообразны. С одной стороны, сябрами были взрослые сыновья по отношению к своему отцу. Иногда сябрами бывали братья по отношению друг к другу. Но чаще всего встречается коллективное владение на родственной основе, в котором можно видеть последние остатки сябринных отношений, вызванных несением общих повинностей и коллективной затратой труда для эксплуатации тех или других природных богатств. Быть может, сохранение правительством коллективных форм держания волок было вызвано невозможностью посадить все крестьянство на землю для несения тех или других повинностей или его нехозяйственностью, его бедностью, благодаря которой большинство сельского населения оказывалось не в состоянии держать волоку в индивидуальном владении.

Все эти сложные формы земельных отношений следовало бы для большей отчетливости представить в процентных отношениях друг к другу; но это невозможно выполнить даже по отношению к тем территориям, для которых сохранились соответствующие ревизорские документы. Дело в том, что составители ревизорских книг иногда ограничиваются лишь только общим перечислением держателей волок, без детального указания, на какой службе отдана та или другая волока. Такие пропуски особенно часты в ревизии Кобринской экономии и Писцовой книге Пинского староства. Сравнительно реже они встречаются в Писцовой книге Гродненской экономии. Благодаря этому вопрос о том, какое держание являлось преобладающим, коллективное или индивидуальное, остается открытым.

Итак, в господарских староствах и экономиях разряд людей, несших специальные службы и отправлявших особые повинности, в общем был незначителен, поскольку об этом можно судить на основании сохранившихся ревизорских описаний, и количество их определялось условиями места и потребностями господарского хозяйства. Указанные разряды были осажены на землю, за немногими исключениями, в полном соответствии с

волочной уставой. Случаи отступления весьма редки и сделаны по усмотрению ревизора, по всей вероятности, в зависимости от каких-либо местных условий и соображений. Введение волочной померы не уничтожило коллективного землевладения. Семейное владение волокой, владение сябрами — встречаются довольно часто. Видимо, ревизоры не могли радикальным образом изменить сложившихся порядков и отношений.

Крестьяне осадные. Платежи осадных крестьян в Кобринской экономии, в Берестейском старостве, в Пинском старостве, в Гродненской экономии, в Жмудском старостве. Платежи частновладельческого крестьянства. Земельные наделы господарского и частновладельческого осадного крестьянства. Формы землевладения господарского осадного населения.

Крестьяне, сидевшие на осаде, составляли наиболее многочисленный разряд сельского населения в господарских дворах и экономиях. Они не несли никаких натуральных повинностей — последние были выкуплены. Осадное крестьянство, предоставленное самому себе, определив все свои отношения к господарскому скарбу обязанностью вносить в господарский скарб платы в сроки, назначенные уставой на волоки, было, конечно, более самостоятельными в хозяйственном отношении в сравнении с тяглым населением. Платежи осадных крестьян состояли из чинша, платы за кур, гусей, яйца, невода, стации, за овес и сено. Кроме того, они уплачивали деньги за осаду и выкупы за толоку и гвалт. Размеры платежей осадных крестьян были неодинаковы и находились в прямой зависимости от качества почвы их волоки. Изменялись обыкновенно чинш и плата за овес и сено. Но взносы за осаду, толоку, гвалт, за кур, гусей, стации, невода и яйца оставались неизменными.

Несмотря на то, что все повинности были переведены на деньги, все-таки не исключалась возможность взимания некоторых платежей натурой, что зависело от усмотрения руководителя господарского хозяйства и состояния последнего. Сохранившиеся писцовые книги дают возможность составить полное представление об экономическом положении осадного крестьянства в господарских дворах.

Земли в Кобринской экономии составитель описания экономии разделил на пять разрядов: «средние, подлые, вельми подлые, никчемные, подлые для низкости». Размеры чинша вполне соответствуют уставе на волоки: 12, 8 и 6 грошей. За осаду вносилось 30 грошей и за толоку с гвалтом 22 гроша (10 и 12 грошей). За кур, гусей, яйца, стации и невода по уставе уплачивалось 8 грошей. За овес и сено поступало с одной средней волоки 25 грошей, а с волоки плохого грунта только 15 грошей,

так как овса требовалось одной бочкой меньше. Наконец, с «вельми подлого грунта» овса и сена, согласно уставе на волоки, не полагалось. Отступлений в определении платежей от уставы в Кобринской экономии нет. Платежи в 97 [185], 83 [186] и 66 грошей [187] — нормы, соответствующие уставе на волоки. Платежи осадных крестьян в Пинском старостве делятся на пять категорий. Последняя категория не предусмотрена волочной уставой, и определение размеров платежей всецело зависело от усмотрения равизора. В Пинском старостве с осадной волоки плохой по качеству почвы поступало в господарский скарб 83 гроша [188], с вельми плохой по качеству почвы — 66 грошей [189]. Но в Пинском старостве было немало совершенно негодных земель. Осадное крестьянство не желало их брать по нормам уставы, и это обстоятельство заставило ревизоров установить новые нормы платежей: 55 [190], 42 [191], 30 грошей [192]. Определяя размеры платежей для с. Сочино, ревизор счел возможным остановиться на норме 55 вместо 66 грошей, так как крестьяне не хотели на них осаживаться по нормальной оценке. По той же причине были определены платежи по взаимному соглашению по селам, относящимся к четвертой и пятой категориям по размерам повинности. Платежи в Берестейском старостве делятся на четыре категории в зависимости от деления земель по качеству почвы на четыре категории: среднюю, подлую, смешанную с преподлым грунтом, преподлую на-пол с преподлым. Принятые нормы платежей в Берестейском старо-

---

[185] К первому разряду относятся села: Стрыевичи, Остромечь, Яковчичи, Пруска, Столпы, Пестенчичи, Данковичи, Глинянки, Ластовки, Осовая, Римки, Загорье, Смольники, Микитичи, Слонимцы, Городняны, Линово, Мощоная, Поросляне, Жадены, Лежайско-Малеч, Постолово, Дубов Хлев, Кобаки, Блудень Великий, Горец, Остромеч, Буховичи.

[186] Ко второму разряду относятся села: Козище, Каменное, Горездричи, Залесье, Селецкое, Красновское, Хабовичи, Гваричи, Руховичи, Шиповичи, Ляхчичи, Плоское, Залесье, Туличи, Дашковичи, Долгое, Ольшаница, Обчое, Чахчи, Оловая, Льсняне, Павловичи, Подгороды, Залужье, Рицевичи, Подольшанец, Стрыевичи, Лукомир, Сосновая, Олехновичи, Блудень Малый, Тихновичи, Ревятичи, Иловское, Подзимная, Грушевая, Ходлин, Углы, Челишевичи, Камень.

[187] К третьей группе относятся села: Кобтево, Шерчеево, Хыдры, Подкрайцы, Вощаница, Сазоновичи, Пархвеновичи, Пишанка, Уколка, Соболевичи, Голица, Бармутовичи, Карпесцы, Березная.

[188] К первой категории следует отнести: Чернчичи, Ковнятино, Бродница, Гутово, Ляховичи, Заборовцы, Куреличи, Доверовичи, Осовница, Купетичи, Костечи, Паршевичи, Посиничи.

[189] Ко второй группе относятся: Гневичи, Ворочевичи, Городище, Дружиловичи, Приселица, Псищево, Осовница Малая, Жолна.

[190] К третей категории: Сочина.

[191] К четвертой категории: Бобровичи, Озерцы, Вязы Великая Гать, Малая Гать, Колонское, Великая Глинная, Селище.

[192] К последней категории: Малая Глинная.

стве соответствуют нормам уставы в трех случаях: 97 [193], 83 [194], 66 грошей [195]. Составитель описания счел возможным на некоторые земли наложить платы в размере 73 грошей [196]. Он оставил чинш и все платежи в том виде, в каком они поступали с каждой подлой волоки, но только освободил население от платежа 10 грошей за бочку овса с отвозом. Последнее наблюдение было сделано еще М. В. Довнар-Запольским в его работе, посвященной описанию Берестейского староства [197]. В Гродненской экономии надо отметить также большое разнообразие платежей, но они вполне совпадают с уставой на волоки. Только овес непременно доставляется натурой. В Гродненской экономии было немало земель доброго грунта. Согласно уставе с такой волоки поступало 106 грошей [198]. Размеры платежей в Гродненской экономии такие же, если выразить бочку овса в денежных ценностях. С волоки средней по качеству почвы поступало 97 грошей [199]. С волоки же подлой земли — 83 гроша [200], а с волоки преподлой по качеству — 66 грошей [201]. Встречаются в Гродненской экономии и платежи меньшего размера, как 42 гроша

[193] К первой категории: Нехолости, Сичи, Волмовичи, Воробьи, Рахитная, Костянково, Студеная, Варотоль, Полоски, Дубровица Малая, Дубровица Большая, Рудно, Биски, Березов Кут, Валинная, Кролев Брод, Коденец, Пашни.

[194] Ко второй группе: Малашевичи, Кобыляне, Лебедево, Яцковичи, Збероги, Осято, Любенка, Княжая, Добрянка, Воля Бокинная, Вичолни, Воронец, Карпцы, Кривая Берва, Голя, Красники, Медведка, Пужичи.

[195] К третьей категории: Старое Село, Черняны, Клетища, Доролеевичи, Осая, Ромитово, Луцкое, Малая Ритая, Бродяти, Копытник, Корощинка, Вылечи, Моковичи.

[196] К четвертой категории: Клет, Масевичи, Ритая Великая, Ляховцы, Хотеславль, Орехово, Олтуш, Медведка, Радеш, Гвозница, Збураж.

[197] М. В. Довнар-Запольский. Берестейское староство в XVI в.

[198] К первой категории относятся села: Жемойты, Глядовичи, Пруска, Нововоля, Лаша, Красна, Ходоровичи, Шемеренки, Нетеча, Судаки, Начевичи, Дойлиды, Одверницкое, Малые Жиличи, Олхово, Жарна, Шафраны, Шидейка, Скобулово (ПКГЭ, ч. I, II).

[199] Ко второй категории относятся: Скребляки, Норейки, Вичемевичи, Городислав, Волосовичи, Капечево, Бирулнчи, Цузево, Рищичко, Наумово, Приступичи, Соловьи, Колбашичи, Санники, Яков Луг, Бакуново, Раковичи, Величковичи, Шембелево, Довспуда, Кривоволя, Перегосля, Яновка, Ильковичи, Бобиничи, Горнича, Чуриловичи, Волотыня, Борисово, Ковали, Остров, Струга, Каменный Мост, Лаша, Цутная, Соломянка, Ивановичи. Новоселки, Сухменевичи, Дойлидка, Берег (ПКГЭ, ч. I, II).

[200] К третьей категории относятся: Скребляки, Конюхи, Стуси, Совонево, Микилевичи, Зарудовье, Бриковичи, Ростовляне, Прокопичи, Коханово, Струбница, Намейксы, Лососина, Колесники, Шлумпичи, Сторожино, Баличи, Соловей, Кореневичи, Сущево, Берег, Кузьмичи, Хомичи, Марженовичи, Пыховчичи, Пилково, Каменка, Головичи (ПКГЭ, ч. I, II).

[201] К четвертой категории следует отнести: Санники, Колодезна, Довдзица, Бубново, Ошники, Понемоне, Зельма, Заневиша, Марковичи, Лампя, Ильки, Ганцевичи (ПКГЭ, ч. I, II).

с волоки среднего грунта [202]. Но такие платежи установлены временно, пока держатели волок выстроятся и приведут волоки в надлежащее состояние. Осадные крестьяне в с. Ельня уплачивают чинш в 40 грошей и, кроме того, дают одного сторожа на господарский двор, так как, по словам составителя книги, «из-за песковатого и никчемного грунта» на этих условиях принимать землю не хотели [203]. По тем же соображениям такие же платежи вносят в господарский скарб и осадные крестьяне с. Ковали [204]. Равным образом крестьяне с. Копрановичи уплачивают только 42 гроша всяких платов. Крестьяне с. Зиняковичи уплачивают по 50 грошей с каждой волоки, крестьяне с. Рыбацкое вносят только по 30 грошей с волоки «из-за злых и непожыточных грунтов». Крестьяне с. Соловей тоже платят только 42 гроша, 30 грошей вносят и крестьяне с. Лимпя. Однако 40 грошей не самая минимальная плата за пользование волоками. Крестьяне с. Лихово уплачивают только по 12 грошей с каждой волоки «надер подлого грунта». Следует при этом прибавить, что волоки этого села не лежат в одном месте, а разбросаны, так что годятся только на выпуст. Этим и объясняются столь минимальные размеры чинша [205]. Точно так же при измерении на волоки городов Брянска и Суража с принадлежащими к ним волостями соблюдались нормы платежей, установленные уставой на волоки. Составитель описания даже счел необходимым привести из волочной уставы установленные в последней платежи: 106 грошей для земель добрых по качеству почвы, 97 грошей для средних по качеству, 83 гроша для подлого грунта и 66 грошей для «надер подлого грунта» [206]. Села, прилегавшие к городам Брянску и Суражу, распределяются по категориям следующим образом. К первой по обложению категории земель относятся села Малеша, Носки, Завойки; ко второй группе земель принадлежат села Залозье, Свириды, Хоево, Шпаки, Годищево, Кипяц, Седлец, Голонки, Белевичи, Репники, Помхацкое, Клепачи, Олишни; к третьей группе земель относятся села Баронки, Богданки, Дороски, Гриневичи. Таким образом, в Кобринской экономии и Берестейском старостве, в Гродненской экономии и Пинском старостве производившие реформу ревизоры руководились предписаниями уставы на волоки при обложении осадных волок платами. Если были кое-где отступления, то они были вызваны местными условиями, о которых составитель писцовой книги счел нужным непременно оговорить. Следовательно, уравнительная политика в отношении поступавших в господарский

---

202 Село Храпово.

203 ПКГЭ, ч. I, стр. 221.

204 Там же, стр. 225.

205 Там же, стр. 255, 272, 370, 415.

206 Там же, ч. II, стр. 319, 320.

скарб платежей с каждой осадной волоки проводилась и осуществлялась весьма строго и точно господарскими аграрными деятелями.

Платежи осадного крестьянства в Жмудской земле — несколько иного порядка. Крестьяне уплачивали в господарский скарб чинш, деньги за подводу, сторожу и «за иншые его королевской милости должности и потребы» в размере 15 грошей. Кроме того, они же вносили за две бочки овса с отвозом 20 грошей. Размеры чинша на Жмуди зависят от качества почвы волоки. Описания Жмудской земли 1554 г., преимущественно в сохранившейся ее части, Упитской волости, указывают на чинш в размере 76 грошей (1 копа и 16 грошей), 70 грошей (1 копа и 10 грошей) и, наконец, 67 грошей (1 копа и 7 грошей). Следовательно, все денежные платы, поступавшие в господарский скарб, были трех видов: 111 грошей [207], 105 грошей [208], 102 гро-

[207] Ейкобданы, Довчишки, Войшили, Кголминовичи, Повешмены, Якгейловичи, Верени, Пураны, Сонтовтово, Кгулбуежерас, Берлы, Биржели, Дросутовичи, Молсупя, Нарушевичи, Юревичи, Сирейковичи, Свирилевичи, Мадейковичи, Войшкляны, Мицуни, Дракгани, Стерковичи, Колебы, Дуче, Челни, Подюны, Покершияны, Кгостокголи, Ветейканы, Бучкони, Кгойловичи, Миткуны, Волдейкуны, Кгостяни, Роман, Шумоны, Струкуны, Андрушевичи, Перволкишки, Тетервини, Немейкшоны, Дейкшакгола, Молони, Мондейковичи, Шмилкги, Утяны, Ужвокчы, Донковичи, Витевичи, Пождян, Похоли, Митюшки, Радикчали, Донюшиски, Кгурди, Помачоли, Деветибрати, Помавчи, Шавлони, Нековичи, Ловейкапи, Велжи, Акоины, Матиковичи, Укштанское, Можейканы, Немены, Вятычи, Поезере, Ериманти, Заезеро, Шедуни, Крошаны, Авктыкштолы, Левдишки, Биржели, Соенское, Добковичи, Будевичов, Нарбутович, Бейнартовичи, Дуцкое, Кгравмечи, Невежницкое, Ужуцили, Нарбойшатов, Бертошевичев, Кгостяни, Вмалонах, Семяшковичев, Межишки, Нарвидовичев, Поморновское, Ян Кумпеника, Бутевичев, Можукновичи, Якгейлишки, Скилвянское, Можейканы, Шукяпчев, Болы, Довкгяны, Довнаришки, Дейнишки, Воболдники.

[208] Куркли, Витмонтишки, Ковкшни, Радвиловичи, Бирякгола, Абвовпис, Шилейковичи, Олкшоупис, Бивидовичи, Шпиковичи, Кгобакголи, Провакголи, Мицовичев, Полакупис, Швойники, Войшвиляти, Малоны, Бойданы Нукеве, Станевичев, Довняны, Романи, Поюдис, Широкгольское, Ужубали, Ворклони, Мицевичев, Поцековичев, Ворейково, Викголайнов, Жвобанев, Дровнашки, Лавкакали, Полавкев, Повешенти, Крокгеновели, Ужуволки, Янишки, Ворклани, Радминовичи, Кготовкишки, Паберли, Дюкгани, Миконы, Поудево, Малони, Дочевичи, Рейзки, Плуни, Воля, Роканцы, Дабейковичи, Куркли, Подовкгивени, Войдиловичи, Докчужайчи, Кгилбокгола, Добковичи, Кгиндикишки, Милошевичи, Ожокчи, Бучконы, Велжи, Сипаны, Можейканы, Кякшти, Крекгеди, Титани, Кудевичи, Потвенчини, Пилвяны, Кгегечи, Лаборы, Скрепле, Довкиевичи, Меловичи, Ченюни, Вольдейкон, Тацкони, Вилдуни, Ячуни, Декглени, Мишковичи, Якубовичи, Сутковичи, Хостовтани, Поподволки, Докгойтишки, Торвидони, Ишкани, Еунтовичи, Моневичи, Нарбутовичи, Бортковичи, Петковичи, Лепушки, Попламянское, Вилейковичи, Мобершталское, Ромейковское, Немейшуни, Тыченкани, Робкопи, Петропи, Швойницкое, Пакури, Пашое, Полашпис, Жалеурвис, Микгони, Порышки, Домейкуни, Ярышки, Кгравжи, Молдучи, Войзгирды, Жедейкуны, Римкуни, Пруцуны, Боревичи, Кикани, Киркилани, Анмени, Ужуокгони, Щукяны, Ожолати, Коундрати Кшчаны, Жигуны, Велмантуни, Ужутиле, Кгуделли, Гинкгеланы, Жодейкуны, Бойвидишки, Тонты, Иодунь.

ша[209]. Это все нормальные платежи. По разным хозяйственным соображениям приходилось уменьшать платежи.

Крестьяне с. Берневичи платят «для заросли» 42 гроша[210] «до воли и ласки его королевской милости», с освобождением от всяких платов в течение 42 лет. Держатели местных волок с. Бобрувя платят 42 гроша с каждой волоки, также «до воли и ласки его королевской милости» со льготой от всяких платежей в течение 2 лет. Население с. Чепони было освобождено на год от уплаты всех денежных поступлений, так как вследствие «убожества, не мають ничего, а збоже ся им не сродило, бо низко земля для мокрости»[211]. Крестьяне с. Янчушки были освобождены от уплаты чинша и других денежных поступлений на 3 года «для заросли волок»[212]. По тем же причинам крестьяне с. Лавое были освобождены от всяких платов за один год[213]. Крестьяне с. Мартиновичи получили волю на 1 год «для заросли волок». После льготного года они в течение 1556—1557 гг. уплачивают только 40 грошей, и только с 1558 г. население села уплачивает в господарский скарб все повинности полностью[214]. Село Немейши получило волю на три года «для заросли волок»[215]. Селу Нарошели была предоставлена льгота в уплате платежей на 3 года «для заросли волок». В течение 3 лет население было обязано уплачивать по 50 грошей ежегодно[216]. По аналогичным соображениям с. Жалепурвис была предоставлена возможность уплачивать в течение 3 лет только по 40 гро-

---

[209] Роебани, Пунини, Руклишки, Вязкга, Повязга, Дровмяны. Крейкоки, Дорвиле, Жекертани, Монтивиловичи, Кгайжуны, Кгокгупи, Лакупис, Сверноупия, Мичкуповичи, Меймечи, Шурблани, Посееры, Межишки, Пявна, Шедовишки, Бикголайнов, Вора, Полавени, Довнонтоны, Войшноровичи, Вашнюны, Можейковичи, Пасровты, Пакгируди, Поедуны, Критишки, Игкоглавкис, Меняпы, Берневичи, Гарупис, Пашиле, Кгоди, Демантишки, Ужутатолы, Ужутоли, Войшнаровичи, Будрейковичи, Петровичи, Свирни, Нарушишки, Тетуани, Пысы, Каджеупис, Мейлютовичи, Доричевичи, Можуйки, Левдишки, Побиржи, Бобрувя, Миневичи, Корчми, Минкели, Невидайче, Шети, Заезерское, Толейковичи, Поезеры, Талушаны, Видовки, Вейстартовичи, Можани, Пупяны, Янчушки, Лавое, Кгочени, Мартиновичи, Ропановичи, Трумковичи, Парошели, Сенткупи, Повинкгиняйте, Поверволки, Криштани, Шмилкги, Пильмельковыс, Пивесою, Станкевичи, Друтишки, Можи, Бертели, Позянбе, Пакгелайше, Пашалупи, Венцлавочи, Скайтакгиры, Сандришки, Биржели, Пурковичи, Миноколпих, Палавки, Кгекгабраста, Войдатовичи, Сиротышки, Вечуни, Мартоновичи, Ижедекги, Веймушки, Манвиловичи, Меловы, Суримкишки, Мажуляны, Нарейковичи, Дорсовети, Вилунишки, Курукелме, Стродани.

[210] Архивный сборник документов, т. 8, стр. 45, 65 (далее — АСД).

[211] АСД, т. 8, стр. 76.

[212] Там же.

[213] Там же, стр. 78.

[214] Там же, стр. 80.

[215] Там же, стр. 84.

[216] Там же, стр. 87.

шей [217]. Вообще ревизоры Упитской волости довольно часто оставляли население на уменьшенных платах в течение определенного количества времени, обычно в течение 3 лет [218]. Полная свобода от уплаты всех податей в течение 1—2 лет предоставлялась только «для заросли великой» [219]. Для с. Лимани временно «до воли и ласки его королевской милости» устанавливалась плата в размере 42 грошей «за все повиновачество». Но ввиду того, что лес оказался еще совершенно неразработанным, село получило полную свободу от податей в течение 4 лет [220]. Население с. Полавки также уплачивало за все повинности 42 гроша «до воли и ласки его королевской милости», но полная свобода от податей была предоставлена только на 1 год [221]. Повинности с. Бойвидишки были временно понижены до 42 грошей при одногодичном полном освобождении от всяких платов [222]. Все эти довольно многочисленные отступления от принятой системы уплат были временного характера. Неразработанность леса была главным мотивом, побуждавшим господарских агентов давать столь существенные финансовые льготы населению.

В Кретингской волости, как видно из инвентаря, составленного в 1566 г., принята иная расценка плат с каждой волоки. Здесь действует устава на волоки и, согласно ее нормам, крестьяне вносят за каждую «добрую» волоку 106 грошей и «за среднюю» 97 грошей [223]. И в Кретингской волости приходилось, по разным соображениям, понижать платежи и облегчать положение крестьянской массы. Крестьяне с. Клеебне освобождались на 10 лет от платежа осадного, так как они имеют во всех трех полях весьма мало разработанных участков, да к тому же «выгорел лес и поломалось много дерева» [224]. Крестьяне с. Курмаице освобождались от толоки в течение 4 лет, так как в их участках оставалось довольно много неразработанного леса [225]. По тем же соображениям крестьяне с. Тубавские освобождались на 8 лет от толоки [226]. Крестьяне с. Генчанци освобождались от платежа осадного в течение 8 лет, так как на их трех полях не мало ломаного леса, выкорчевывание которого, очевидно, требует немало времени [227]. Села Шешайце, Рубуле, Жедекайце,

---

[217] Там же, стр. 88.
[218] Там же, стр. 89, 99, 101, 103, 106, 108, 118.
[219] Там же, стр. 93, 97, 98, 100, 101, 103, 107, 120.
[220] АСД, т. 8, стр. 99.
[221] Там же, стр. 107.
[222] Там же, стр. 118.
[223] АВК, т. XIV, стр. 101—152.
[224] Там же, стр. 118.
[225] Там же, стр. 122.
[226] Там же, стр. 130.
[227] Там же, стр. 133.

Олтейки[228] освобождаются от толоки в течение 3—6 лет. Мотивы те же. Довольно разнообразны платежи в Ретовском старостве. Его измерение началось в 1563 г. и кончилось только в 1585 г. Расценка чинша в вышеназванном старостве значительно расходится и с уставой на волоки, и с нормами, принятыми при описании Упитской волости. В Ретовском старостве принято обычное деление земельных участков по качеству почвы на добрую, среднюю и подлую. Платежи состоят из чинша и плат «за подводы, сторожки и бочки овса». Эти нормы остаются неизменными. Платы за подводы, сторожу определены в 15 коп грошей и остаются неизменными. Что же касается платы за бочки овса, то таковая определена в 20 грошей для добрых и средних по качеству почвы земель. Плата за бочку овса уменьшалась до 10 грошей при плохом грунте и совсем слагалась из общей суммы платежей при наличии злого грунта[229]. Что же касается размеров чинша, то последний равнялся 76 и 71 грошу с волоки доброй земли[230]. На волоку средней земли падал чинш в размере 60 и 62 грошей[231]. С волоки подлой земли чинш поступал в размере 58 грошей, 50 и 51 гроша[232], а с преподлой — 30 грошей[233]. Иногда, в случае принятия новых волок, держатели последних получали значительную льготу в смысле уменьшения приходившихся на волоку платежей[234]. Размеры чинша 76 грошей и 60 грошей с волоки доброй и средней по качеству земли можно считать исключением, если только не вкралась ошибка при печатании самого документа. Таким образом, общая сумма платежей, падавших на каждую волоку доброй земли, равнялась 111 и 106 грошам, средней — 97 и 95 грошам, подлой — 83, 76 и 75 грошам, преподлой — 45 грошам.

В сравнении с платежами по Упитскому староству совпадение будет только в одном случае: в обоих староствах с каждой волоки доброго грунта поступало 111 грошей. В остальных случаях колебания были значительны.

Впрочем, плата «за подводы, сторожу и за иншые потребы», как и плата за бочки овса, в обоих староствах одинаковы. Описание Ретовского староства не дает никаких более точных указаний относительно расценок чинша. По всей вероятности, последнее обстоятельство зависело от каких-либо местных хозяйственных условий, но в общем колебания были не особенно значительные, так что не приходится говорить о большом отклонении в сторону от общепринятых норм.

---

[228] АВК, стр. 135, 139, 142, 146.
[229] Там же, т. XXV, стр. 381—442.
[230] Там же, стр. 385, 387, 389.
[231] Там же, стр. 386, 390, 395.
[232] Там же, стр. 399, 401, 430.
[233] Там же, стр. 398.
[234] Там же, стр. 399.

Сохранившееся известное количество частновладельческих инвентарей имений, расположенных в западной части Литовско-Белорусского государства, дает точный, хотя не особенно большой материал для изучения положения осадного крестьянства в частновладельческих хозяйствах. На основании этих отрывочных данных все-таки можно уловить общую тенденцию в положении частновладельческого осадного крестьянства. Начнем со Жмуди, ибо для этой территории сохранилось несколько инвентарей. По данным инвентаря имения «Куршаны», принадлежавшего пану Юрию Зеновичу и составленного 29 сентября 1581 г., все крестьянство сидело на осаде. Инвентарь знает платежи в размере 2 коп и 40 грошей (160 грошей), 3 коп и 10 грошей (190 грошей), 2 коп и 30 грошей (150 грошей), 2 коп и 20 грошей (140 грошей). Следовательно, нормы плат были приняты в значительно большем размере по сравнению с господарскими крестьянами[235]. Ту же картину повинностного положения осадного крестьянства в частновладельческих имениях можно наблюдать и в имении Овновян на основании инвентаря, составленного 18 февраля 1583 г.

Повинности крестьянства состояли из

чинша в размере	2 коп,	или	120	грошей
жита бочки или	»	»	20	»
овса бочки »	»	»	10	»
гуся . . . . »	»	»	2	»
2 кур . . . »	»	»	16	пенязей
20 яиц . . . »	»	»	4	»
стации . . . »	»	»	2	грошей
		Итого	156	грошей

Эта норма платежей была одной для всех крестьян. В одном случае с 4 волок поступал только чинш в размере 2 коп грошей. Волоки были расположены где-то над озером, очевидно, в местности, мало благоприятной для хозяйства[236].

Крестьяне, отданные Софьей Пошушвенской Пошушвенскому евангелическому собору, вносили в домовую контору с каждой волоки:

чинш в размере	2 коп,	или	120	грошей
гуся . . .	или 2 копы	»	2	»
овса бочку »	»	»	10	»
курицу . . . »	»	»	8	пенязей
10 яиц . . . »	»	»	2	»
		Итого	133	грошей

[235] АВК, т. XIV, № 21.
[236] Там же, № 24.

В хозяйственном инвентаре овес, гуси, куры, яйца вносятся натурой. Перевод на деньги по общепринятым ценам сделан для сравнения. Кроме того, крестьяне должны выходить на «вшелякую работу» по 1 дню в неделю «от великой ночи до всех святых», т. е. в летнее время [237]. Крестьяне имения Кревна [238], принадлежавшего виленскому епископу, кардиналу Юрию Радзивиллу, уплачивали за каждую добрую осадную волоку 2 копы грошей и обыкновенный дополнительный побор в виде 1 бочки жита, 2 бочек овса, давали 3 подводы в год, выходили на сторожу на панский двор, а также должны были выходить на работу на панский двор 3 дня в году и косили панское сено. В имении, состоявшем из сел Рекеце, Скавдайце, Имбор, Колупян и принадлежавшем пану Войцеху Стабровскому, как видно из инвентаря, составленного 27 ноября 1593 г., осадные крестьяне платили осадного за каждую волоку: за старую — 3 копы, или 180 грошей, или же 2 копы, или 120 грошей, за новую — 1 копу, или 60 грошей.

Кроме того, «по старому обычаю» крестьяне давали стацию, составляющуюся из «Kietwiertaina» жита, овса и курицы. Эта стация поступала с каждой волоки. Kietwiertaina пшеницы и ячменя поступала только с 3 волок. Кроме того, осадное крестьянство уплачивало с каждой старой волоки за сторожу по 24 гроша от каждой волоки [239]. В имении Жемелян, принадлежавшем Карлу Ходкевичу, крестьяне платили в конце XVI в. осады 3 копы и 40 грошей, т. е. 220 грошей с каждой волоки и, кроме того, давали стацию:

с каждых	6	волок	по	1 бочке	жита
»	»	»	»	1 »	ячменя
»	2	»	»	1 »	овса
»	каждой	1	волоки	» 1 возу	сена
»	»	»	»	» 20 гарнцев	льна,
				1 курицу,	10 яиц.

Таким образом сохранившиеся частновладельческие инвентари на Жмуди второй половины XVI в. указывают на значительную эксплуатацию платежных сил крестьянского населения. Если даже оставить в стороне стацию, которая в иных имениях собиралась натурой, а в других деньгами, то размеры чинша в 2 копы считаются нормальными. Чинш в количестве 1 копы платили только держатели или очень плохих волок или новопринятых. Конечно, высокие платежи говорят также о развитии сельского хозяйства, об оживлении экономической жизни страны,

---

[237] АВК, т. XIV, № 38.
[238] Там же, № 30.
[239] Там же, № 57.

ибо поднятие чинша фактически было бы немыслимо, если бы населению не предоставлялась возможность сбыта по выгодным ценам своих сельскохозяйственных продуктов [240].

Такую же картину положения осадного крестьянства можно наблюдать и в Виленском воеводстве. Так, осадное крестьянство имения Медник, принадлежавшего Виленской иезуитской коллегии, уплачивало в 1575 г. с каждой волоки: осадное по 4 копы, или 240 грошей, и стаций по 4 гроша.

Кроме того, держатели осадных волок, наравне с тяглым крестьянством, давали иезуитской коллегии натурой: 1 бочку жита, 1 бочку овса, курицу, гуся и яйца. Помимо этого, они были обязаны доставлять на двор коллегии по два воза сухих дров, выходить на толоку в течение 12 дней, на сенокос в течение 3 дней, на гвалт летом в течение 2 дней и, наконец, на дворовую толоку с получением содержания от дворовой конторы в течение 8 дней. Это все повинности, падавшие на держателей хороших волок. Держатели волок подлого грунта уплачивали только 2 копы грошей, или 120 грошей. Кроме того, с каждой волоки давали по два каплуна. Точно так же новоселы платили сначала пониженный чинш в количестве 2 коп грошей [241].

Осадные крестьяне имения Здятла в Гродненском повете платили в 1580 г. чинш в размере 2 коп грошей с каждой «доброй волоки». Кроме того, они давали «побор» — яловицы, баранов, гусей, кур, яйца, выходили на толоку 6 дней в году. Осадное крестьянство, сидевшее на волоках средней по качеству почвы, уплачивало чинш в размере 120 грошей, но побор натурой был несколько уменьшен: так, 1 яловица собиралась с 10 волок, 1 баран — с 5, 1 гусь, 2 курицы, 20 яиц — с 1 волоки. Шестидневная толока была обязательна и для волок среднего грунта. Держатели же подлых волок по качеству земли уплачивали чинш в размере 50 грошей, выходили 6 раз на толоку и давали общепринятый в хозяйстве побор. Иногда этот чинш понижался до 40 и 30 грошей, когда грунт был «злой». В таком случае крестьяне не отправляли никаких других повинностей, за исключением шестидневной толоки [242]. Такова была общепринятая расценка осадных волок. Крестьяне с. Кунашевичи того же имения платят чинш с каждой средней волоки в размере 70 грошей, не несут больше никаких повинностей и не дают никакого побора, за исключением только шестидневной толоки. Но зато всякий держатель волоки обязан доставить на панский двор по 4 воза дров и, кроме того, «водлуг данного звычая» «до пущи, до тесанья дерева и спущанья будуть повинни на властную

---

[240] Там же, № 72.
[241] Там же, № 31.
[242] Там же, № 18.

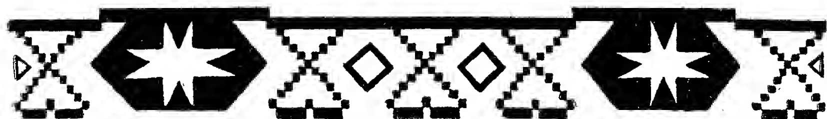
потребу до двора» [243]. В имении Русоты, расположенном в том же повете, осадное крестьянство уплачивает с каждой волоки по 100 грошей, но зато совершенно свободно от других повинностей и каких бы то ни было работ [244].

В имении Нибров в Ковенском повете крестьяне уплачивают чинш в размере 2 коп и 10 грошей и, кроме того, побор — «три солянки овса, солянку жита, воз сена» [245]. В имении Косово в Слонимском повете крестьяне платили в 1597 г. за каждую осадную волоку 120, 100, 90 и 80 грошей. Кроме того, выходили на сторожу и на толоку в течение 12 дней в году [246]. Несмотря на то, что приведенные данные довольно кратки и, конечно, не дают общего представления о повинностях осадного крестьянства в частновладельческих имениях, все-таки можно констатировать, что в частновладельческих имениях положение осадного крестьянства было значительно тяжелее, чем в господарских имениях.

«Труды Белорусского государственного университета», т. 4-5, Минск, 1923; т. 6-7, 1925.

---

[243] АВК, № 18, стр. 219.
[244] Там же, № 19.
[245] Там же, № 28.
[246] Там же, № 83.



КРЕСТЬЯНЕ ТЯГЛЫЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Количество тяглых крестьян при господарских дворах в пореформенную эпоху во второй половине XVI в. определялось размерами дворовой пашни. Согласно уставе на волоки на одну волоку дворовой пашни должно было приходиться 7 тяглых населенных волок [1]. Это требование волочной уставы при производстве аграрной реформы соблюдалось более или менее точно. Если иногда можно отметить некоторые отступления от норм волочной уставы, то последние не были настолько значительны, чтобы их можно было считать резким отклонением от начал волочной уставы.

Так, в Пинском старостве к Селецкому и Ставецкому дворам было приписано по 12 волок пашни. Количество же тяглых волок при первом дворе равнялось 80 [2], а при втором — 83 [3]. В Берестейском старостве было пять дворов: Рубиновский, Киевецкий, Ломазы, Воин, Милейчицкий и Половецкий. Из них не имели дворовой пашни только дворы Ломазы и Милейчицы. В первом случае составитель описания Берестейского староства отсутствие пашни объяснил плохим качеством почвы. Во втором случае не было никакого объяснения [4]. На Рубиновский двор приходилось пашни 6 волок 24 морга 15 прутов [5]. Для обработки данного количества волок было приписано 135 волок — значительно больше по сравнению с тем, сколько

---

[1] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 20.

[2] ПКПС, ч. I, стр. 113. Купетичи — 17 волок, Костичи — 14 волок, Паршевичи — 26 волок, Кошевичи — 8 волок, Богушево — 8 волок, Соловы — 7 волок.

[3] Там же, стр. 245 и сл. Черничи — 10 волок, Посиничи — 31 волока, Полторановичи — 18 волок, Велесница — 4 волоки, Мерчичи — 5 волок, Колодеевичи — 15 волок.

[4] ДМАМЮ, т. I, стр. 370, 433.

[5] Там же, стр. 260. Речица — 9 волок, Полятичи — 11 волок, Бердичи — 18 волок, Киршановичи — 55 волок, Прилуки — 42 волоки.

полагалось по волочной уставе. По всей вероятности, некоторый излишек здесь тяглых волок следует объяснить чрезмерно плохим качеством почвы тех волок, которые были приписаны к Рубиновскому двору. К господарскому двору Киевец было приписано для пашни 15 волок «грунту преднего» [6] при 127 волоках, отведенных для обработки пашни, т. е. на 22 волоки больше против нормы волочной уставы. К господарскому двору Воин было приписано 27 волок, тяглых же волок было отведено 181 [7]. И дворовые волоки и тяглые — все были одного качества. Не хватало против нормы уставы только 8 волок. Наконец, на пашню Половецкого двора была отведена 21 волока грунта доброго. Отведено же было волок тяглых 149, из них 56 грунта доброго и 93 грунта «подлого и песковатого» [8]. В данном случае требование уставы выполнили с некоторым излишком в 2 волоки. Вероятно, это объясняется тем, что экономическая состоятельность крестьян вследствие различия качества почвы была далеко не одинакова.

Нормы волочной уставы при определении численности тяглого населения в Гродненской экономии были также соблюдены ревизорами. Так, на господарский фольварк при дворе Котра отводилось 27 волок. Количество приписанного тяглого крестьянства, по всей вероятности, равнялось количеству волок согласно нормам волочной уставы, так как, за исключением с. Коментово, к двору было приписано 176 волок. Сколько было тяглых волок в с. Коментово, остается неизвестным, так как распределение волок между тяглом и осадой в подлиннике не сохранилось [9]. На двор Скидель отводилось 24 волоки. Общее же количество тяглых волок равнялось 159. Следовательно, на 9 волок меньше в сравнении с нормами уставы на волоки [10]. На двор Милково приходилось пашни 10 волок. Количество приписанных тяглых волок равнялось 70, т. е. совершенно совпадало с нормами уставы [11]. На господарский двор Мосты было отведено

---

[6] ДМАМЮ, стр. 334. Страклово — 47 волок, Подлипяны — 12 волок, Михалки — 38 волок.

[7] Там же, стр. 405. Воин — 74 волоки, Осовая — 50 волок, Деревячная — 57 волок.

[8] Там же, стр. 442. Половци — 38 волок, Пищанка — 43 волоки, Сухоры — 50 волок, Хлевинское — 18 волок.

[9] ПКГЭ, ч. I, стр. 38. Обухово — 75 волок, Плавское — 13 волок, Пужич — 9 волок, Городзислав — 19 волок, Соволиска — 42 волоки, Мигово — 15 волок, Куприево — 4 волоки, Коментово — ?

[10] Там же, ч. I, стр. 78. Некрашевичи — 14 волок, Сухой Скидель — 28 волок, Подлесье — 34 волоки, Великое Карасево — 22 волоки, Капечево — 39 волок, Мазаново — 11 волок, Передняя Пера — 6 волок, Бирюдичи — 5 волок.

[11] Там же, стр. 121. Солонево — 18 волок, Рычыско — 15 волок, Хойново — 14 волок, Соленниково — 9 волок, Наумово — 10 волок, Спуша — 4 волоки.

15 волок пашни. Количество приписанных волок равнялось 105. Следовательно, вполне совпадало с нормами волочной уставы [12]. На фольварк Нового Двора было отведено 3 волоки, среди волок местечка Новый Двор. Кроме того, отводилось 5 волок еще в другом месте. Таким образом, на 8 волок дворовой пашни приходилось 56 тяглых волок — опять в полном соответствии с нормами уставы [13]. На фольварк двора Лабно было приписано 28 волок, причем было отведено 168 тяглых волок, опять-таки в полном соответствии с уставой на волоки [14]. На двор Перстунь было отведено 18 волок фольварочной пашни, при общем количестве 128 тяглых волок, что также соответствовало норме уставы на волоки [15]. На двор Берзники было отведено 15 волок, а тяглых волок было приписано 109, т. е. сверх нормы 4 волоки [16]. На двор Красовку было для пашни измерено 30 волок самого лучшего качества. Для работы на пашне было приписано к господарскому двору 299 тяглых волок, в числе которых было 18 волок среднего грунта [17]. Получился некоторый излишек в сравнении с нормами уставы. По всей вероятности, ревизоры отвели большее количество волок с тем, чтобы уравнять волоки средние по качеству почвы с волоками доброго грунта. Но и в этом случае получился некоторый излишек. На фольварк двора Краешник было отведено 22 волоки пашни, причем количество волок, отведенных для работ на этом фольварке, равнялось 154, что также вполне соответствовало нормам волочной уставы [18]. Ревизор не отметил качества почвы Крашинского фольварка, но земли, приписанные ко двору для работы, по качеству почвы относились к средним и добрым, причем при определении количества тяглых волок, по отношению к 22

---

[12] Там же, стр. 189. Степанишки — 18 волок, Заболочье — 17 волок, Булаты — 7 волок, Микилевичи — 35 волок, Конюхи — 21 волока, Турейско — 4 волоки, Геродовичи — 3 волоки.

[13] ПКГЭ, ч. I, стр. 252, 256. Филовчи — 13 волок, Глубокое — 12 волок, Крупа — 16 волок, Заневиса — 11 волок, Бриковичи — 4 волоки.

[14] Там же, стр. 283. Ятля — 47 волок, Богатыри — 24 волоки, Конюхи — 46 волок, Наумовичи — 32 волоки, Тричевичи — 19 волок.

[15] Там же, стр. 340. Речица — 26 волок, Шойнокады — 13 волок, Лойки — 44 волоки, Гивеневичи — 22 волоки, Пшейлейки — 18 волок, Марковичи — 3 волоки.

[16] Там же, стр. 392. Берживоличи — 22 волоки, Помораны — 10 волок, Шейна — 19 волок, Татариновичи — 16 волок, Пучиловичи — 9 волок, Побежана — 12 волок, Лыскова — 21 волока.

[17] Там же, стр. 440. Ласса — 42 волоки, Илькова — 22 волоки, Круля — 25 волок, Красна — 25 волок, Коваля — 17 волок, Вичково — 10 волок. Квасовка — 34 волоки, Свислочь — 28 волок, Баличи — 7 волок, Суковичи — 18 волок, Мейштовичи — 1 волока.

[18] Там же, стр. 515. Чуриловичи — 20 волок, Волотыня — 25 волок, Рымучево — 32 волоки, Кленевичи — 7 волок, Шемеренки — 28 волок, Борисово — 23 волоки, Княжевичи — 7 волок, Остров — 12 волок.

волокам господарской пашни, волоки средней по качеству почвы и доброй рассматриваются как одинаковые единицы. Наконец, на фольварк двора Вертилишки было отведено 12 волок пашни и 125 тяглых волок для обработки отведенного фольварка. Если даже допустить, что ревизор отвел большее количество волок для дворовой службы, руководясь тем соображением, что в число волок средних попало некоторое количество (30 волок) подлых по качеству почвы и что, увеличивая количество волок, ревизор хотел уравнять волоки плохие по качеству почвы с волоками средними, то и в этом случае получается излишек и притом довольно значительный. Между тем в начале описания двора Вертилишек ревизор совершенно верно определил общее количество волок, необходимых для фольварочных работ [19].

В Кобринской экономии соотношение между количеством волок пахотной земли и волок, отведенных для работ на фольварке, представляется в следующем виде. На двор Черевачичи было приписано 37 волок средней по качеству почвы. Общее количество волок, отведенных для работ на фольварке, равнялось 262, с излишком в 3 волоки против норм уставы [20].

Между тем в общее количество волок, предназначенных для работ на фольварке, вошло 138 подлых по качеству почвы. Следовательно, увеличение против нормы волочной уставы на 3 волоки следует считать случайным явлением и отнюдь нельзя объяснить намерением ревизора увеличить количество волок для работ на фольварке только потому, что большая половина волок была плохой по качеству почвы. На фольварк Вежецкого двора было отведено 22 волоки грунта среднего, а количество волок, предназначенных для работ на дворовой пашне, равнялось 154, что вполне соответствовало нормам, принятым уставой на волоки [21]. На фольварк Добучинского двора было отведено 30 волок. Количество же тяглых волок равнялось всего 198 вместо 210, согласно уставе на волоки [22]. На фольварк двора Блуденского не было отведено пашни, так как земля была плохая. Также не было отведено пашни и на двор Городец [23].

---

[19] ПКГЭ, ч. II, стр. 142. Вертилишки — 40 волок, Головничи — 13 волок, Рыдзелевичи — 9 волок, Шетиничи — 33 волоки, Багеничи — 30 волок.

[20] РКЭ, стр. 105. Литвинки — 19 волок, Патрики — 21 волока, Суховичи — 19 волок, Пирковичи — 16 волок, Богуславовичи — 49 волок, Шиповичи — 43 волоки, Полятичи — 17 волок, Станки — 25 волок, Клеши — 11 волок, Батче — 42 волоки.

[21] Там же, стр. 134. Яковичи — 44 волоки, Пруски — 49 волок, Столпы — 25 волок, Теребешово — 24 волоки, Данковичи — 12 волок.

[22] Там же, стр. 207. Чахча — 28 волок, Губичи — 21 волока, Орабники — 46 волок, Яковчичи — 33 волоки, Поросляны — 32 волоки, Жадены — 25 волок, Добучин — 13 волок.

[23] Там же, стр. 259, 302.

Таким образом, анализ сохранившихся писцовых книг заставляет прийти к выводу, что ревизорами нормы волочной уставы соблюдались далеко не всегда точно, причем фольварки некоторых из господарских дворов обеспечивались значительно меньшим количеством тяглых волок сравнительно с нормами уставы. Впрочем, все-таки приходится отметить, несмотря на известное отклонение, тенденцию сохранения норм волочной уставы.

Повинности тяглых крестьян, согласно волочной уставе, складывались из чинша, денег за овес и сено, за гуся и кур, стации и невода, помимо определенной по уставе барщинной работы. Конечно, эти размеры денежных поступлений в господарский скарб были неодинаковы, иногда значительно отличались одни от других по отдельным местностям. Это зависело от характера почвы того участка, на котором сидел тяглый крестьянин, причем земли по качеству почвы разнообразились до крайности, начиная с доброго грунта и кончая подлым. Отсюда и разнообразие платов. Зато платежи за гуся, кур, невода и стации остаются неизменными. Они не увеличиваются ни при каких условиях.

Если перевести платы тяглого населения на землю, то в общей сумме они выразятся следующим образом: для первого разряда — 54 гроша, для второго — 45, для третьего — 31 и для четвертого — 14. Эти платежи составились из чиншевых поступлений в размере 21 гроша для первого разряда, 12 — для второго, 8 — для третьего и 6 — для четвертого разряда. Во-вторых, с оплаты за овес и сено с доставкой: для первого разряда — 25 грошей, для второго — 25 и для третьего — 15 грошей и из платы в размере 8 грошей за кур, гусей, яйца, невода, стации[24]. Повинности тяглого населения. В Кобринской экономии все относятся ко второй и третьей категории. В Кобринской экономии нет ни очень хорошей, ни очень плохой по качеству почвы земли и денежные поступления с тяглых волок вполне совпадают с принятыми нормами уставы для соответствующих разрядов по качеству земель (45 и 31 грош). И размеры барщинной работы определялись по уставе: 2 дня еженедельной барщины и 4 дня в году летней толоки, за исключением 3 недель в году свободных от барщины. Денежные платы тяглых крестьян в Пинском старостве равнялись 31 грошу, так как все земли по качеству почвы были повсюду очень плохие. В данном случае надо отметить полное соответствие с нормами уставы. Но зато тяглые и крестьяне, отбывая еженедельную двухдневную барщину, освобождались от летней толоки, что, конечно, следует поставить в связь с плохим качеством земли тех участков, на

[24] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 15.

которых сидело тяглое крестьянство. Платы крестьян в Берестейском старостве делились на четыре разряда, как это принято в волочной уставе, и по своим размерам совершенно совпадают с нормами уставы. Кроме того, крестьяне Берестейского старостваотправляли толоку, как это требовалось волочной уставой. И повинности тяглого населения Гродненской экономии вполне совпадают с нормами волочной уставы. Вся разница заключается лишь в том, что население обязано доставлять на господарский двор овес натурой, что, впрочем, предусматривается и волочной уставой, и, кроме того, население Гродненской экономии не было обязано отправлять летом толоку, хотя доставка овса натурой не была обязательной для всех дворов Гродненской экономии. Так, тяглые люди двора Вертилишки уплачивают за овес деньгами.

Взимание овса натурой, вероятно, объясняется местными индивидуальными хозяйственными условиями — сильно развитым господарским коннозаводством.

Таким образом, основываясь на данных сохранившихся ревизорских описаний, можно прийти к заключению, что нормы платежей, принятых по уставе на волоки, были обязательны для ревизоров. Отклонения допускались только в крайних случаях и объяснялись, по всей вероятности, рядом местных хозяйственных условий.

После производства аграрной реформы правительство Сигизмунда II и его преемников неоднократно предпринимало ревизии господарских дворов. Такие ревизии были в 1569, 1576[25] и 1596 гг. В течение всего этого времени устава на волоки сохраняла свое действие и силу. Размеры повинностей тяглого населения оставались без изменения. Однако неудобство их и убыточность для господарского интенсивного хозяйства давали себя чувствовать. Благодаря этому в конце XVI в. в положении тяглого населения произошли весьма существенные перемены. Господарский ревизор, производивший ревизии Кобринской экономии в 1596 г., нашел, что господарский скарб на каждой тяглой волоке терпит убыток в размере 66 грошей. Тяглый человек не платил осады 30 грошей, 12 грошей за толоку и, наконец, не уплачивал за бочку жита 24 гроша, согласно недавнему постановлению литовско-белорусского правительства. Поэтому господарский ревизор счел нужным принять иную систему обеспечения фольварочного хозяйства рабочими руками в сравнении с системой, определенной уставой на волоки. Ревизор отвел на фольварочную работу определенное количество волок, но посадил зато всех крестьян на осаду, освободив при этом осадное

[25] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., ч. II, стр. 259, 279.

крестьянство от платы 12 грошей за ежегодную толоку. Вместо этого господарские подданные были обязаны работать на господарском дворе по 12 дней ежегодно. Кроме того, в силу состоявшегося ранее постановления, крестьяне с каждой волоки должны были нести добавочную толоку в размере 6 дней в году, так что всего каждый подданный должен был работать 18 дней в году на господарской дворовой пашне [26]. Ревизор Кобринской экономии 1596 г. находит, что этих волок будет вполне достаточно для обработки всей пашни. Регулирование этой 18-дневной барщины лежит на обязанности заведующего господарским дворовым хозяйством. Конечно, эта мера, благодаря которой тяглое крестьянство сближалось с осадным, была вызвана стремлением увеличить поступления в господарский скарб, с одной стороны, а с другой стороны, правительство намеревалось поставить господарское фольварочное хозяйство в условия, наименее убыточные для скарба.

В Кобринской экономии господарское дворовое хозяйство было поставлено на широкую ногу и ежегодный урожай предназначается для вывоза. Поэтому ревизор 1596 г., требуя с держателя каждой волоки по 1 бочке жита, предлагал населению уплачивать ее натурой, без замены деньгами. Последняя допускалась только в крайних случаях, если земля оказывалась очень плохой. Наконец, помимо всех этих платежей, держатель каждой волоки был обязан уплачивать и сторожевое в размере 6 грошей ежегодно.

Таким образом, в Кобринской экономии в конце XVI в. исчезает разница между тяглым и осадным крестьянством. Повинности обоих разрядов уравниваются и несомненно становятся тяжелее, так как держатели были обязаны уплачивать бочку жита и сторожевое, что правительством оценивалось в 30 грошей. Таким образом, рост денежных платов в господарских экономиях к концу XVI в. несомненен.

Господарское дворовое хозяйство, конечно, строилось повсюду не только по рецепту ревизора Кобринской экономии. В других местах и дворах тяглое население по-прежнему составляло особый разряд, но только его положение стало более тяжелым, так как барщинные работы стали продолжительней, что, конечно, следует поставить в связь с усиленным развитием господарского хозяйства. Так, из составленного в 1594 г. инвентаря с. Виндюн, принадлежащего двору Медники, Виленского повета, видно, что держатели тяглых волок были обязаны выходить на барщину 4 дня в неделю «от вторку аж до пятницы до захода солнца». Барщина была непрерывной и летом и зимой. Кроме

---

[26] АВК, т. XIV, стр. 569.

того, жены тяглецов во время уборки хлеба также были обязаны работать по 3 дня в неделю. Кроме того, тяглые люди уплачивали чинш в количестве 20 грошей, бочку овса и бочку жита, одного гуся, пару кур и 20 яиц, что по нормальной оценке составит 57 грошей, т. е. больше, чем поступало всяких платежей с 1 волоки доброго грунта согласно уставе на волоки. Инвентарь умалчивает о качестве почвы, но это нисколько не изменяет существа дела. Рост к концу XVI в. натуральных и денежных повинностей тяглого населения совершенно ясен [27].

Ювілейний збірник на пошану ак. М. С. Грушевського, Київ, 1928.

---

[27] АВК, т. XIV, стр. 477—478.

ГОСПОДАРСКИЕ (ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ) ДВОРЫ В ЗАПАДНЫХ ВОЛОСТЯХ БЕЛОРУССИИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ СИГИЗМУНДА-АВГУСТА

Господарские староства и экономии, расположенные на территории Литовско-Белорусского государства, состояли из великокняжеских дворов, фольварков и войтовств, к которым принадлежало то или иное число сельских поселений. Кроме того, на той же территории находились великокняжеские замки, города, местечки и мещанские села. Так, Кобринская экономия имела в своем составе города: Кобрин, Добучин, Городец, замок Кобрин; великокняжеские дворы: Черевачицкий, Вежецкий, Добучинский, Блуденский, Городецкий. В Городненской экономии находились дворы: Котра, Кринки, Скидель, Мильковщина, Новый Двор, Лобна, Перстунь, Берзники, Квасовка, Красник, Мосты, Городница, Вертелишки; два двора, приписанные к дворам Мостовскому и Новодворскому, и три фолварка, из них два приписаны к Брянскому замку и один — к Саражскому. На той же территории были города: Кринки, Мосты, местечко Новый Двор, дестечко Берзники, замок Городня, города: Городня, Сараж и Брянск. На территории Пинского староства, кроме замка и г. Пинска, были еще фольварки — Селец, Ставок, Дружиловский и двор Стытычево. На территории Берестейского староства — г. Брестье, замок Берестейский, города: Дивин, Ломазы, Воин, Милейчицы; дворы: Милейчицы, Ломазы, Воин, Рубиновский, Половецкий и Киевецкий.

Великокняжеские дворы, находившиеся в той или иной местности, имели разное значение. Одни из них были административно-хозяйственными центрами прилегавшей к двору волости. Такие дворы имели собственную пашню и вели отдельное хозяйство. К ним в Кобринской экономии необходимо отнести: Черевачи, Вежецкий, Добучинский; в Городенской экономии — Котра, Скидель, Мильковское, Мосты, Новый Двор, Лобна, Перстунь, Берзники, Квасовка, Красник, Вертелишки; фоль-

варки: Завойки, Боново и др.; в Пинском старостве — фольварки Селец и Ставок.

Другие дворы, расположенные в невыгодной местности, не вели хозяйства и были только административно-хозяйственным центром для волостей, прилегавших к ним. К таким дворам в Кобринской экономии необходимо отнести Блуденский и Городецкий. Административно-хозяйственное значение имели и дворы Рубиновский и Киевецкий на территории Берейстейского староства. Правда, при вышеназванных дворах была фольварковая пашня, но по составу почвы и по размерам она не имела абсолютно никакого значения. Так, размер пашни при Рубиновском дворе в трех полях был 6 волок 24 моргов 15 прутов «подлых» [1], а при дворе Ломазы и Милейчицы совсем не было пашни [2].

В Пинском старостве двором без пашни был фольварк Дружиловский [3]. Правда, при этом фольварке была пашня, но, по словам составителя писцовой книги, от нее не было пользы. Поэтому она была отдана в держание администратору. По качеству земля была совершенно непригодной. По тем же хозяйственным соображениям был оставлен без своей собственной пашни и двор Стытычево [4]. Под пашню было отведено 3 волоки и 4 морга в разных местах по болотам и островам. Понятно, что не могло быть никакого дохода от такой пашни, и ревизор поступил совершенно правильно с хозяйственной точки зрения: он не оставил тяглых людей для работ на этом поле и поручил администратору обрабатывать землю руками тех работников, которые были в его подчинении.

В дворе жил управляющий великокняжеского дворового хозяйства, он же и администратор волости, который осуществлял высший контроль над подчиненным ему населением и охранял интересы великокняжеского хозяйства.

До проведения аграрной реформы во второй половине XVI в. великокняжеские дворы были административно-хозяйственными центрами волостей. Аграрная реформа уничтожила старое волостное деление. Территория, прилегавшая к великокняжескому двору, на которой имелось незначительное количество сел, была искусственно разделена на так называемые войтовства, механически созданные административно-хозяйственные единицы. В их состав должно было входить до 400 волок. По мнению составителей уставы на волоки, войтовства должны были быть тем меньше, чем больше в них было тяглых волок. Составители уставы советовали образовывать большие войтовства в Жей-

---

[1] ДМАМЮ, т. I, стр. 260.
[2] Там же, стр. 370, 433.
[3] ПКПС, ч. II, стр. 3.
[4] Там же. стр. 179.

майтии, где сельское население совсем свободно как от работ, так и от подводной повинности [5]. Эти соображения уставы не имели, однако, обязательного значения для ревизоров, ибо они могли вносить изменения в ту или иную сторону в зависимости от определенных местных условий.

Площадь великокняжеских дворов была различных размеров, которые обычно зависели от величины великокняжеской пашни. Если последняя была незначительная или ее совсем не было, то и размеры площади великокняжеского двора становились минимальными. Отведенная в таком случае площадь для пашни должна была удовлетворить потребности только державцы великокняжеского двора.

Общая площадь территории великокняжеского двора складывалась из земель, подлежавших хозяйственной эксплуатации по усмотрению державцы двора и предназначенных только для удовлетворения нужд самого двора.

К таким землям необходимо отнести: а) великокняжескую пашню; б) дворовые сенокосы; в) огородные земли; г) дворовый выгон; д) сады; е) земли под огородниками; ж) дворовой лес; з) земли, отведенные под дома великокняжеские или другие хозяйственные постройки, и, наконец, небольшие участки земли, которые не эксплуатировались самим двором, а отдавались в аренду за определенный чинш или за ту или иную специальную службу. Большая часть этой земельной площади служила источником прибыли дворового хозяйства. Не давали прибыли только площади, занятые хозяйственными и служебными постройками, огороды, отданные на нужды державцы, и, наконец, лес, служивший исключительно для собственных нужд двора.

Великокняжеская пашня, разделенная на три поля, при некоторых дворах достигала больших размеров, что свидетельствует о значительном развитии великокняжеского хозяйства. Но такая картина далеко не везде бросается в глаза. В ряде великокняжеских дворов можно заметить пока только слабый зародыш сельскохозяйственной культуры.

Великокняжеское сельское хозяйство, как видно, хорошо было развито в Кобринской экономии, где под пашню было отведено значительное число волок [6]. Так, на двор Черевачичи отводилось 37, Вежецкий — 22, Добучин — 30 волок. В двух других великокняжеских дворах — Блудень и Городец — великокняжеской пашни совсем не было. Отсутствие ее объяснялось невозможностью вести рациональное хозяйство по причине «подлости» почвы [7].

---

[5] РИБ, т. XXX, стр. 587.
[6] РКЭ, стр. 105, 133, 207.
[7] Там же, стр. 259, 302.

Довольно развитым является хозяйство в Городенской экономии [8]. Так, под пашню было отведено при дворе Котра — 27, Скидель — 24, Мильковщина — 10, Мосты — 15, Новый Двор — 8 волок, Лабно — 24 волоки 13 моргов, Перстунь — 18 волок 4 морга, Берзники — 15, Квасовка — 30, Красники — 22, Вертелишки — 12 волок; при фольварке Кержново — 10, Боново — 24, Завойки — 14 волок.

Сравнительно слабо было развито великокняжеское сельское хозяйство в Пинском старостве [9], где на долю Селецкого фольварка приходилось 12, на долю Ставецкого двора — 12 волок.

И в Берестейском старостве в отдельных великокняжеских дворах были заведены самостоятельные фольварки. Так, на фольварк при дворе Воин было отведено 27 волок [10], при дворе Милейчицы дворовой пашни совсем не было [11], фольварк Рубиновский имел 6 волок 24 морга 15 прутов [12], фольварк Киевец— 15 волок [13], а фольварк Ломазы совсем не пользовался пашнею по причине «подлой» почвы [14]. Половецкому фольварку была отведена 21 волока пашни [15].

Для великокняжеской пашни отбиралась лучшая по качеству земля: средняя и хорошая. Так, в Кобринской экономии на 89 волок великокняжеской пашни приходилось 59 волок, или 66,31 %, средней по качеству почвы. То же можно заметить и в Городенской экономии, где общее число волок дворовой пашни достигало 253, из числа которых средних по качеству почвы было 225 волок, что составляло 88,9 % общей земельной площади, отведенной под великокняжескую пашню. Сохранившиеся данные писцовых книг убедительно показывают стремление ревизоров отводить под великокняжескую пашню земли однотипного характера. Однако это не всегда удавалось, и ревизоры вынуждены были давать соответствующие надбавки, чтобы качество земли одних полос было одинаково с другими [16].

Слабое развитие великокняжеского дворового хозяйства в Пинском старостве безусловно необходимо объяснять бедной, плохой почвой, непригодной для производительного сельского хозяйства.

---

[8] ПКГЭ, ч. I, стр. 38, 78, 121, 189, 252, 256, 282, 340, 392, 440, 515; ч. II, стр. 357, 369, 455.
[9] Там же, ч. I, стр. 113, 247.
[10] ДМАМЮ, т. I, стр. 405.
[11] Там же, стр. 433.
[12] Там же, стр. 260.
[13] Там же, стр. 334.
[14] Там же, стр. 370.
[15] Там же, стр. 442.
[16] ПКГЭ, стр. 272, 391.

Господарское дворовое хозяйство было слабо развито и в Берестейском старостве. Но и здесь при дворе Воин и в фольварке Половецком под пашню были отведены земли «добрые» по качеству почвы. Также при дворе Киевец фольварковая земля была «предного грунта».

Что касается сенокосов, предназначавшихся исключительно для нужд двора, то размеры их в большей части были небольшие. Они находились только при тех дворах, которые имели самостоятельное хозяйственное значение. Там, где дворы были только административными центрами, сенокоса или совсем не было, или размер его был минимальный. Правильность этого можно подтвердить данными сохранившихся писцовых книг.

Так, в Кобринской экономии [17] сенокоса было при дворе:

	Волок	Моргов	Прутов
Черевачицком . .	4	17	15
Вежецком	12	18	
Добучинском . .	4	25	
Блуденском . . .	1	10	

Незначительная площадь сенокоса Блуденского двора объясняется тем, что здесь не велось никакого хозяйства и сенокос предоставлялся только для удовлетворения минимальных нужд двора. Наконец, на Городенский двор совсем не отводилось определенного размера сенокоса, но «в потребу того двора есть што покошоно и спратано в кождый год быти мает всими поддаными тое волости» [18]. Понятно, такая неопределенность могла быть допущена только потому, что при Городенском дворе не было отдельной пашни и не велось самостоятельного дворового хозяйства.

Всего измеренного сенокоса в Кобринской экономии было 23 волоки 10 моргов 15 прутов. Сенокосные волоки в Кобринской экономии лежали в различных местах. Составитель писцовой книги не отмечает качества дворовых сенокосов, но все же делит их на два вида: к первому виду он относит «сеножати моргованые», к другому — сенокосы лесные, «неразробленные» [19]. Наконец, ревизоры приписывали к дворам и неморгованные волоки, измеряя их на глаз. Так, к Добучинскому двору было приписано около 10 волок сенокоса, измеренных ревизором на глаз. Понятно, для великокняжеского хозяйства имели большое значение волоки, которые уже обрабатывались. Естественно, последние должны преобладать в общем числе

---

[17] РКЭ, стр. 106, 134, 208, 258, 302.
[18] Там же, стр. 302.
[19] Там же, стр. 208.

поместного сенокоса. Действительно, из общего числа сенокосных волок (23 волоки 10 моргов 15 прутов) на долю неразработанного сенокоса приходится всего только 11 волок. Все же не во всех дворах преобладают разработанные волоки. Очевидно, таких не было поблизости. Только этой, по-видимому, причиной и можно объяснить, почему для Блуденского и Вежецкого дворов не было отведено удовлетворительного числа разработанных сенокосных волок. Сенокосные волоки не были обязательной принадлежностью даже тех дворов, где имелась отдельная пашня. Так, к Селецкому и Ставецкому дворам Пинского староства не было приписано ни одного морга сенокоса [20] Чем это объясняется — неизвестно. Возможно тем, что здесь не было соответствующих сенокосных волок, или же тем, что дворовое хозяйство в Пинском старостве находилось в таком состоянии, что не чувствовалось никакой надобности в дворовом сенокосе,— об этом приходится только догадываться. Что же касается Городенской экономии, то общее число сенокосных волок было относительно незначительным, но зато сенокос был почти при каждом великокняжеском дворе, который имел хотя бы кое-какое самостоятельное хозяйственное значение [21]. Так, к следующим дворам было приписано сенокоса:

	Волок	Моргов	Прутов
Котра	4	20	4
Скидель	4	24	—
Мильковщина . .	1	14	12
Мосты	7	11	—
Новый Двор . . .	—	25	19 1/2
Лабно	3	11	—
Перстунь	2	17	2 1/2
Берзники	—	17	—
Квасовка	4	—	—
Красники	5	1	13 1/2
Вертелишки . . .	5	—	—
Городники	4	22	—

Таким образом, сенокосные земли в Городенской экономии, как и в Кобринской, не отличались большими размерами. Они также не составляли одного массива, а были разбросаны по территории двора, иногда даже в нескольких местах.

Что же касается Берестейского староства [22], то и там помест-

---

[20] ПКПС, ч. I, стр. 113—118, 245—247.

[21] ПКГЭ, ч. I, стр. 39, 78, 122, 253, 284, 341, 392—516; ч. II, стр. 142, 22.

[22] ДМАМЮ т. 1, стр. 260, 334, 370, 405, 433, 442.

ные сенокосы не были значительных размеров. При дворе Воин сенокоса было 3 волоки 28 моргов 11 прутов, при дворе Милейчицы — совсем не было, при Рубиновском дворе — 12 волок, при дворе Киевец — 149 моргов, а при дворе Ломазы отдельного сенокоса совсем не было. И в Берестейском старостве сенокос не составлял сплошного массива.

Как и при выборе пашни, ревизор под дворовые сенокосы стремился отвести лучшие земли. «Подлого» сенокоса было очень мало. Незначительная площадь в великокняжеских дворах отводилась под выгон скота. Но такой выгон не всегда отмечался ревизорами особо. Как видно, он входил в общее число сенокосных моргов, приписанных к тому или иному двору. Исходя из таких соображений, можно предположить, что в Кобринской экономии выгоны не были выделены отдельно. Составитель Писцовой книги Гродненской экономии поступает иначе: он обычно отмечает выгон и показывает размер его площади. Но иногда сенокосные морги и выгон соединяются ревизорами в одно целое. По существу такое соединение сенокоса и выгона в одно целое было вполне естественным, ибо и та и другая земельная площадь выделялась с одинаковой целью. Что же касается размеров отдельных выгонов, то, если принять во внимание данные Городенской экономии, они вообще были очень незначительные.

В состав дворовых земель входят также огородные земли. Они предназначались исключительно для нужд того или иного двора, а поэтому размер их был небольшой.

Огородные земли были двух видов: яринные и овощные. Но, конечно, такое деление проводили не все дворы. Правда, умалчивание об этом составителя Гродненской писцовой книги еще не является доказательством отсутствия двух типов огородных земель. По-видимому, составитель Писцовой книги, отмечая только размеры всей площади земли, отошедшей под огороды, не считал нужным заботиться о точности описания, какую мы находим у составителя Писцовой книги Кобринской экономии. Так, при дворе Черевачицком [23] огородной земли яринной было 2 морга 15 прутов, овощной — 1 морг 15 прутов. При дворе Вежецком [24] был только овощной огород размером в 3 морга 18 прутов. Такие же небольшие огороды были при дворе Добучинском [25] — 2 морга 30 прутов и при фольварке Белоусовском — 1 морг 15 прутов. Был также огород и при Городенском дворе [26]. Огороды в Пинском старостве были еще меньше, чем

---

[23] РКЭ, стр. 106.
[24] Там же, стр. 133.
[25] Там же, стр. 206.
[26] Там же, стр. 302.

в Кобринской экономии. Так, на Селецкий фольварк[27] было отрезано только 17 прутов, а в Ставецком[28] — 2 морга 5 прутов. Аналогичные размеры огородов были и в дворах Городенской экономии[29], где огородной земли было при дворах:

	Моргов	Прутов	
Скидель	3	$16^1/_2$	
Мильковский . . .	1	$16^1/_2$	
Мосты	5	$16^1/_2$	
Новый Двор	1	1	и 7 моргов 12 прутов
Лабно	1		и 7 моргов 23 прута
Перстунь	3	15	
Берзники	2	15	
Квасовка	1	24	
Вертелишки	3	24	
Красники	4	24	

Обычно при всех великокняжеских дворах обязательно находился один огород, который владелец мог использовать для собственных нужд, внося в великокняжескую казну по 12 грошей за каждый огородный морг. Но при дворах Лабно и Новый Двор было два огорода, из которых больший по размерам эксплуатировался местным державцей для нужд великокняжеского хозяйства, и хозяйственный отчет по эксплуатации этого огорода должен был быть своевременно поданным. Но два огорода в одном великокняжеском дворе — случайность, вызванная местными условиями.

Почвы огородных земель Нового Двора и Лабно были высококачественными. Расположенные между другими волоками, они были незначительными и их нельзя было использовать ни для обмена, ни для передачи державцам при условии оплаты чинша. Занятие их под огороды было наиболее полезным выходом при данных условиях.

Небольшие огороды находились также и в великокняжеских дворах Берестейского староства. Так, при дворе Ломазы было яровой огородной земли на 3 морга и овощные огороды на 16 прутов. При дворе Воин были только одни овощные огороды в количестве 20 прутов. Огороды двора Милейчицы были также небольшие — 15 прутов. В фольварке Половецком огородов совсем не было. При дворе Киевец пахотного овощного огорода было 1 морг 15 прутов, а яринного — 2 морга $4^1/_2$ прута. Не-

---

[27] ПКПС, ч. I, стр. 113.

[28] Там же, стр. 247.

[29] ПКГЭ, ч. I, стр. 77, 120, 187, 252, 282, 339, 391, 438, 514; ч. II, стр. 141.

большой пахотный огород был и при дворе Рубиновском — 1 морг 14 прутов.

Огороды дворов Берестейского староства не эксплуатировались в интересах самого дворового хозяйства. Обычно право эксплуатации огородов давалось местной власти, которая за это платила незначительную сумму. Причем плата изменялась в отдельных дворах в зависимости от качества огородной почвы. За морг огородной земли при дворе Рубиновском власти платили 12 грошей. За землю овощного огорода Киевецкого двора платилось за морг 12 грошей, а за морг яринного огорода только 3 гроша. Такая же плата была за морг яринного огорода при дворе Ломазы. За морг овощного огорода платилось в казну 12 грошей. Аналогичная плата была за овощные огороды при дворе Воин и Милейчицы [30]. Таким образом, в Берестейском старостве за аренду дворовых овощных огородов платилось по 12 грошей за морг и по 3 гроша за морг яринного огорода.

При некоторых великокняжеских дворах имелись и сады. Как видно, садоводство было очень слабо развито, ибо дворовые сады были небольших размеров. Так при дворе было садов:

	Моргов	Прутов
В Кобринской экономии [31]		
Черевачицком	1	—
Вежецком	2	28
Добучинском	1	—
В Городненской экономии [32]		
Скидель	2	—
Котра	—	5
Новый Двор	—	12
Лабно	1	—
Берзники	1	9
Квасовка	—	28

Небольшой сад был и при Селецком фольварке, размеры которого составители Писцовой книги отдельно не показали, а причислили к общему числу размеров площади великокняжеского двора. Незначительные размеры садов, понятно, не могли дать большой прибыли великокняжескому хозяйству. По-видимому, этим можно объяснить отдачу садов Городенской экономии в аренду державцам за соответствующую плату, что давало казне некоторую прибыль.

---

[30] ДМАМЮ, т. I, стр. 260, 334, 370, 405, 433.
[31] РКЭ, стр. 106, 133, 207.
[32] ПКГЭ, ч. I, стр. 37, 77, 252, 282, 339, 438.

Также незначительными были площади садов при дворах Берестейского староства. При дворе Рубиновском был сад площадью 2 морга, при дворе Киевец — в 1 морг $18^1/_2$ прутов, при дворе Воин — 20 прутов. Сад при дворе Рубиновском сдавался в аренду местной власти [33].

Великокняжеским дворам принадлежали также земли, которые непосредственно правительством не эксплуатировались. Это были маленькие земельные участки, разбросанные среди других великокняжеских земель и не имевшие поэтому самостоятельного хозяйственного значения; иногда же это были небольшие застенки, которые нельзя было в той или иной степени использовать для нужд великокняжеского хозяйства. Первые земли обычно отдавались огородникам на определенных условиях. Такая эксплуатация была довольно выгодной для великокняжеского двора; бывший невольник превращался в огородника, получал кусок земли и тем самым становился тяглым человеком. А великокняжеское хозяйство освобождалось от обременительной и невыгодной обязанности выдавать месячину на его содержание. Число огородных моргов зависело от числа невольной челяди в том или ином великокняжеском дворе. Но в общем огородных моргов было мало, ибо и сама челядь невольная, когда-то составлявшая почти главную рабочую силу двора, теперь далеко уже не имела того значения в хозяйстве. Правительство оставляло при дворах минимальное число огородников для обслуживания нужд двора. И действительно, огородные морги в великокняжеском дворе не являются заметной величиной в сравнении с величиной пашни. Под огородами при дворах было земли:

	Моргов	Прутов
В Кобринской экономии земли [34]		
Черевачицком	260	—
Вежецком	90	—
Добучинском	90	—
В Пинском старостве [35]		
Селецком	108	—
Ставецком	72	—
Стытычевском	103	12

	Моргов	Прутов
В Городенской экономии [36]		
Котра	120	—
Скидель	144	—
Мильковский	36	—
Мосты	48	—
Новый Двор	36	—
Лабно	144	—
Перстунь	150	—
Берзники	60	—
Квасовка	120	—
Красник	72	—
Вертелишки	$97^1/_2$	—

[33] ДМАМЮ, т. I, стр. 260, 334, 370, 405, 433.

[34] РКЭ, стр. 107—108, 133, 208.

[35] ПКПС, ч. I, стр. 117, 247; ч. II, стр. 185.

[36] ПКГЭ, ч. I, стр. 42, 79, 122, 191, 254, 285, 341, 393, 441, 516; ч. II, стр. 143.

Для обработки дворовой пашни обычно приписывалось к двору определенное число тяглых волок. Поэтому огородное землевладение совершенно не зависело от размеров великокняжеской пашни. В противном случае невозможно было в дворах с большим размером пашни оставить огородников меньше, чем в дворах, где размер дворовой пашни был не особенно большой. Безусловно, то или иное количество огородных моргов определялось исключительно характером земельной площади, отведенной под великокняжеский двор. Что же касается застенков, не имевших самостоятельного хозяйственного значения, то такие земли обычно отдавались либо в аренду, либо великокняжеским мельникам для «приселенья и для бранья песку».

Такие застенки были, конечно, далеко не во всех дворах. Так, в Кобринской экономии совсем не оставалось застенков для передачи в аренду. Но такие арендные застенки были в Пинском старостве, например, при Селецком дворе 24 морга.

Арендуемые чиншевые дворовые земли, также весьма незначительные по своим размерам, находились и при некоторых дворах Городенской экономии. Таких застенков во всей большой Городенской экономии было около $5^1/_2$ волок. Кроме того, в состав великокняжеских дворов входили и земли, розданные лицам, отбывавшим специальную службу исключительно для удовлетворения нужд двора. Для отбывания своих повинностей такие лица получали от 1 до 2 волок. К этой группе земель необходимо отнести и церковные волоки, если только церковь находилась при великокняжеском дворе. Однако такие специальные слуги были не во всех великокняжеских дворах. Необходимые для двора услуги в таком случае выполнялись людьми, посаженными в волости на той или иной специальной службе. Так, в Кобринской экономии можно отметить только мельников при одном Черевачицком дворе [37]. Совсем не было специальных слуг при дворах Пинского староства. Зато некоторое число слуг было в Городенской экономии [38]. Таким слугам отводилось при дворе Котра 4, Скидель 4, Красник 3 волоки.

Таким образом, можно более или менее определенно сказать, что во время аграрной реформы ревизоры избегали раздачи дворовых волок специальным слугам и делали это только в исключительных случаях. И это совершенно понятно. С точки зрения хозяйственной политики отдача дворовых волок под специальные службы была бы самой невыгодной формой эксплуатации дворовой земли, в то время как имелась возможность обеспечить великокняжеский двор специальными слугами, раздав несколько крестьянских волок под эти же службы.

---

[37] РКЭ, стр. 106.

[38] ПКГЭ, ч. I, стр. 41, 89, 514.

Наконец, при некоторых великокняжеских дворах были рощи, небольшие леса, предназначавшиеся исключительно для удовлетворения неотложных нужд самого двора. Так, дворового леса, предназначенного «на дрова для потреб дворных» при Вежецком дворе Кобринской экономии было 6 волок[39]. Такие небольшие леса были и при некоторых дворах Городенской экономии: при дворе Котра был лесок на 1 волоку 12 моргов 10 прутов[40]. По-видимому, эти лесочки — случайность в составе земельной площади, предназначенной под великокняжеские дворы. Обычно нужды господарских дворов удовлетворялись за счет великокняжеских лесов территории Литовско-Белорусского государства.

Переходим теперь к рассмотрению земель, отведенных под сам великокняжеский двор, в узком смысле этого понятия. К ним относились: дворовый участок и земли, предназначенные для дворовых служб,— гумна и скотные дворы. Понятно, размеры великокняжеских дворов были неодинаковыми и сравнительно большая площадь земли, предназначенная для дворовых построек и нужд, является хорошим показателем степени развития хозяйства. Данные Писцовой книги следующим образом характеризует размеры великокняжеских дворов[41] (см. таблицу).

В отдельных дворах невозможно определить размер дворовых участков, на которых стоит усадьба, потому что составитель Писцовой книги дает общую сумму размеров дворовых участков и участков под гумнами и скотными дворами. Но несмотря на некоторую разницу в размерах тех или иных великокняжеских дворов, все-таки можно заметить, что площади, предназначенные под гумна, коровники и конюшни, были небольшими. Величина всех этих «пляцов», как кажется нам, зависела от размеров великокняжеской дворовой пашни и, конечно, от местности, на которой был построен великокняжеский двор. При описании и измерении старых дворов ревизорам необходимо было считаться с существующими условиями, в то время как при организации новых дворов ревизоры ничем не было связаны и могли определить под дворовую площадь столько земли, сколько считали нужным. Поэтому при организации двора Красник на 22 волоки дворовой пашни было отведено под постройки и дворовой участок 9 моргов 22 прута и еще оставлен некоторый запас для расширения построек в виду возможного или необходимого изменения условий самого хозяйства. Понят-

---

[39] РКЭ, стр. 135.

[40] ПКГЭ, ч. I, стр. 37.

[41] РКЭ, стр. 106, 132, 206; ПКПС, ч. I, стр. 115, 245; ч. II, стр. 179; ПКГЭ, ч. I, стр. 34, 76, 120, 187, 188, 252, 282, 339, 438, 514; ч. II, стр. 141, 359, 454.

Экономия или староство	Двор	Плацы		Гумна и скотные дворы		Ко-нюшни	Итого	
		Морги	Пруты	Морги	Пруты	Морги	Морги	Пруты
Кобринская	Черевачичи	1		4	20	—	5	20
»	Вежец	1	20	2	4	—	3	24
»	Добучин	1	22	—	—	1	2	22
Пинская	Селец	?	?	?	?	—	2	4$^1/_2$
»	Ставок		12		20	—	1	2
»	Стытычево	2	7[42]	?	?	—	2	7
Городенская	Котра	3	1$^1/_2$	2	17	—	5	18$^1/_2$
»	Скидель	2	12	2	10	—	4	22
»	Мильковский	1	10	2		—	3	10
»	Мосты	2	28	3		—	5	28
»	Фольварк Микилевщина	2		2		—	4	
»	Новый двор	1	9	—		—	1	9
»	Лабно	1	8	2	14	—	3	22
»	Перстунь	2	1	2	15	—	4	16
»	Квасовка	2	24	2	8	—	5	2
»	Красник	3	12	6	10	—	9	22
»	Берзники		15	1	20	—	2	5
»	Фольварк I							
»	Броново							
»	Фольварк II	3		—		—	3	
»	Броново	2	20	—		—	2	20
»	Завойки	—	—	3		—	3	
Берестейская	Рубиновский	1	17	1		—	2	17
»	Киевец	2	15	1	15	—	4	
»	Ломазы	2	6	—	—	—	2	6
»	Воин	1		1	10	—	2	10

но нельзя ставить размеры участков в простую связь с размерами пашни. Все попытки в этом направлении не дают никаких результатов. По-видимому, распределение земли под усадьбу с дворовыми постройками носили в значительной степени случайный характер.

Все дворовые земли необходимо разделить на два вида: доходные и недоходные. К первым относились: а) дворовая пашня; б) огороды и сады, отдававшиеся державце; в) земли под огородниками; г) застенки, отданные на голом чинше;

[42] Составитель присоединил сюда и огороды.

д) сенокосы; е) выгон. К недоходным необходимо отнести площади, предназначенные под двор и постройки, а также леса там, где они были приписаны к тому или иному двору. Что же касается доходных земель, то для великокняжеского хозяйства не имели никакого значения огороды и сады, отданные в эксплуатацию самим державцам. Они были слишком небольшого размера, так что денежная плата, поступавшая в казну, была незначительная и, очевидно, в бюджете великого князя не играла никакой роли. Такое же небольшое значение имели и доходы с огородных моргов.

Почти ничего не давали великокняжеской казне и застенки, отдававшиеся в аренду. Будучи небольших размеров и с плохой по качеству почвой, они не имели никакого значения и притом находились далеко не во всех великокняжеских дворах. Существенное значение имели для великокняжеского двора выгон и сенокосы, ибо без них, понятно, не могло бы существовать дворовое животноводство. Кое-где были дворовые огороды, прибыль от их эксплуатации поступала в великокняжескую казну, но, во-первых, они были всего лишь исключением, во-вторых, хотя земля, предназначенная под такие огороды, была хорошая по качеству, но эксплуатация их могла дать самые незначительные результаты. Поэтому совершенно естественно, что основные поступления шли от дворовой пашни, эксплуатация которой, при условии своевременной и выгодной реализации урожая, могла давать значительный и притом основной доход.

Великокняжеское дворовое хозяйство было крупнопоместным и среднепоместным. Мелких хозяйств в просмотренных писцовых книгах совсем не было. И это совершенно понятно: мелкое хозяйство не могло быть выгодным; оно не могло выбросить на рынок ряд продуктов, которые подлежали реализации. Если считать крупными все хозяйства больше 500 дес., а средними — от 100 до 500 дес., как это принято в современной статистической литературе, то на территории Кобринской и Городенской экономий и Пинского староства окажутся крупные хозяйства — одно размером около 703 дес. (Черевачицкий двор), второе — 570 дес. (Добучин).

Что же касается среднепоместных хозяйств, то такими были все остальные. Наиболее значительным из них было хозяйство размером в 459 дес. (Котра) и наименьшим — в 152 дес. (Новый Двор). Таким образом, анализ трех писцовых книг позволяет сделать вывод, что в великокняжеских экономиях преобладали среднепоместные хозяйства над крупными.

Устава на волоки и писцовые книги дают очень мало сведений о технике хозяйства, и приходится признать, что, несмотря на искусственное проведение трехпольного землепользования,

техника его, кажется, была невысокой. В частности, в писцовых книгах почти не было данных, говоривших об интенсификации земледелия. Небольшие сенокосы, вследствие чего нельзя было держать много скота, и небольшие по размерам скотные дворы, свидетельствовавшие о том же, также были причиной малой интенсивности сельского хозяйства, ибо у державцы, понятно, было мало навоза, которым он мог бы удобрить землю. Только в Городенской экономии при некоторых дворах были отдельные унавоженные участки. Слабая интенсивность дворового хозяйства проявлялась в отсутствии в хозяйстве соответствующего рабочего инвентаря. Тяглые крестьяне, которые обрабатывали великокняжескую пашню, выходили на работу со своим инвентарем. Иной организации рабочей силы при сложившихся тогда обстоятельствах, понятно, не могло и быть. Интенсификация хозяйства требовала денег, свободных средств. Таких средств литовско-белорусское правительство не имело. Наконец, при тогдашних социальных отношениях совершенно естественным было использование инвентаря той рабочей силы, которая существовала в хозяйстве. Для этого, как видно, местная администрация вынуждена была заботиться об инвентаре рабочей силы с тем, чтобы последняя могла исправно выполнять свою работу. Только этим можно объяснить удивительный пробел в писцовых книгах, ничего не говорящих о количестве крупного скота в том или ином великокняжеском дворе. Но те же писцовые книги иногда дают сведения о крестьянском инвентаре (ПКГЭ). Для ревизора, понятно, важнее было отметить состояние рабочего инвентаря у крестьян, чем пересчитать рогатый скот и число лошадей, находившихся на великокняжеском дворе, так как весь инвентарь последнего не имел никакого хозяйственного значения и обслуживал исключительно нужды не хозяйства, а двора. Тягловой силой и ее инвентарем осуществлялся и уборка дворовых сенокосов. Для этой цели в войтовствах, входивших в состав того или иного двора, выделялось несколько осадных волок, которые обязаны были скосить траву, собрать сено и отвезти его на великокняжеский двор. Что же касается соотношения между размером сенокосов и числом отведенных для этого волок, то в данном случае нельзя заметить хоть какой-нибудь системы. Ревизоры определяли количество волок на свое усмотрение и, очевидно, стремились сделать эту сенокосную повинность не очень обременительной для населения.

Так, в Кобринской экономии на 5 волок 3 прута сенокоса Вежецкого двора было определено 130 волок, на 14 волок 17 моргов 15 прутов сенокоса Черевачицкого двора было определено 90 волок, на 11 волок 10 моргов сенокоса Добучинского двора были предназначены все осадные люди.

Ту же неравномерность и неопределенность при определении количества осадных волок для сенокосных работ можно видеть и в Городенской экономии. Так, при дворе Котра на 4 волоки 20 моргов 4 прута сенокоса было отведено целое войтовство в 126 волок, а при дворе Скидель на то же количество волок — 4 волоки 2 морга только 86 волок. Правда, в Писцовой книге Городненской экономии ревизор не всегда отмечал количество волок, предназначенных для сбора сена. Кроме того, в Городненской экономии на сенокосе работали и осадные, и тяглые крестьяне, в то время как в Кобринской экономии должны были работать только одни осадные люди. Следовательно, даже в этом случае не было никакого однообразия в организации сбора сена.

Что касается состояния сельского хозяйства, то писцовые книги дают очень мало сведений. На великокняжеской пашне сеяли рожь, яровую пшеницу, горох, ячмень, гречиху, овес. На пашне двора Городище размером в 8 волок 20 прутов в трехполье было засеяно ржи 79,2 корца, пшеницы 2,2 корца, гороха 2 корца, ячменя 24,2 корца, гречихи 3,2 корца, овса 54 корца. Эти данные весьма показательны и заслуживают внимания. В великокняжеском дворе больше всего сеялось и снималось ржи, после чего шел овес и ячмень. Пшеницы в великокняжеском хозяйстве было мало. В подобном состоянии находились и остальные злаки. Такое же соотношение между посевами зерна можно наблюдать в Брянском и Саражском староствах на основании инвентаря 1558 г. Правда инвентарь упоминает только о состоянии дворового имущества, но эти данные могут служить и нашей цели. Так, Станислав Девялтовский, передавая Брянск и Сараж Криштофу Олендскому, отметил в Брянском старостве:

	Солянок		Солянок
Ржи	98	Овса	95
Пшеницы	12	Гороха	8
Ячменя	68	Гречихи	50

Такую же картину можно видеть и в Саражском старостве. Так, в Саражском фольварке Завойки было посеяно:

	Солянок	Нажато коп		Солянок	Нажато коп
Ржи	89	286	Пшеницы . . .	4	41
Ячменя	7	40	Гороха	2	20
Овса	89	269	Гречихи . . .	6	23

Вот какое соотношение зерновых культур было в Городненской экономии. Вероятно, то же было и в других экономиях западных волостей, ибо на европейский рынок больше всего вы-

возилось ржи, да и по почвенным условиям в западных волостях рожь, овес и ячмень были наиболее подходящими культурами. Что же касается пшеницы, то, нужно полагать, она мало прививалась. Продукция великокняжеского хозяйства предназначалась для рынка и притом преимущественно для иностранного. За границу сплавляли хлеб и скот, оставляя только минимум, необходимый для удовлетворения нужд хозяйства. Брянск и Сараж лежали на большом торговом пути, шедшем по Висле в Гданьск. Данные, характеризующие размеры его торговли, как видно, могут быть материалом вообще для характеристики великокняжеского хозяйства тех дворов, которые лежали на выгодном торговом пути, дававшем возможность быстро и выгодно отправлять свой товар за границу. На основании инвентаря Брянского и Саражского староств видно, что руководители хозяйства считали наиболее выгодным отправку зерна за границу. Так, из 908 солянок ржи, оставшейся в Брянском дворе, за границу было вывезено 895 солянок. То же было проделано с урожаем других Брянских фольварков. Из числа 577 солянок ржи было вывезено за границу 386. Что касается Саражской державы, то здесь чистый доход измерялся в 265 солянок, из числа которых 230 было отправлено в Польшу.

Таким образом, почти весь урожай ржи отправлялся за границу. Точно так же поступали с овсом. К овсу, собранному на дворовой пашне, присоединяли также овес, собранный в войтовствах. Получалось довольно значительное его количество. В течение 1558 г. в Брянской державе после всех расходов осталось 588 солянок овса, который был по воде спущен в Гданьск. В Саражской державе чистый доход овса составлял 163 солянки, из них только 11 было продано на внутреннем рынке, а остальные были отправлены в Польшу.

Следовательно, весь излишек овса предназначался для реализации преимущетвенно на иностранном рынке. Что же касается другого зерна, то оно продавалось исключительно на внутреннем рынке. Такая погоня за иностранным рынком объясняется наиболее выгодными ценами на нем. Так, в 1558 г. на местном рынке в Сараже овес продавался по 8 грошей за солянку, в то время как в Гданьске за солянку овса платили около $11^1/_2$ грошей. Рожь по тем же соображениям было выгоднее отправлять за границу, где за солянку ржи в литовской валюте платили около 19 грошей 4 пенязи (1511 солянок было продано за 489 коп 56 грошей 8 пенязей), в то время как на внутреннем рынке за бочку ржи по официальным ценам давали только 10 грошей. Урожай поля, засеянного пшеницей, горохом, гречихой, предназначался для удовлетворения нужд двора, и только незначительное количество его продавалось на местном рынке.

Наконец, великокняжеский двор выручал и некоторую сумму от эксплуатации мельниц, которые не сдавались в аренду, так как эксплуатация их доверялась специальным мельникам.

Великокняжеское дворовое хозяйство несло, понятно, и довольно значительные расходы. В первую очередь управляющему хозяйством приходилось выполнять различные обязательства, которые лежали на державце. Так, там, где сохранилась церковная десятина, державце необходимо было ее отдать. Кроме того, иногда из великокняжеского хозяйства отправлялось зерно и другие запасы в городской госпиталь. Наконец, державца отчислял некоторый процент урожая в свою пользу. Кроме необходимого количества семян, которое откладывалось до следующего посева, весь остальной сбор принадлежал великому князю и направлялся администрацией на внутренний или иностранный рынки для продажи. К расходам необходимо прибавить еще денежные суммы, выплачивавшиеся лицам, которые доставляли зерно в Гданьск, для оплаты за перевоз и ремонт судов, предназначенных для отправки за границу. Эти деньги брались из тех сумм, которые поступали державце. Иногда, если державца имел на это разрешение от великого князя, из этих денег в распоряжение державцы поступал процент от каждой волоки. Так, брянский староста получал, согласно распоряжению великого князя, десятый грош от каждой оседлой волоки, что составляло немалую сумму. В Брянском старостве великокняжеская казна теряла на этом 30 коп 28 грошей 5 пенязей. Все эти расходы можно отнести к расходам ординарным. Но иногда великокняжескому хозяйству приходилось делать и экстраординарные расходы, выдавать стацию, при проезде великого князя к месту своего пребывания и на военных слуг, которые ехали вместе с великом князем. Выдача таких стаций, вызванная исключительными обстоятельствами, приносила некоторый убыток хозяйству. Кроме того, иногда приходилось покупать на рынке то, чего не хватало — мед, свечки — за счет прибыльных сумм великокняжеского двора. Каждая стация требовала значительных расходов и значительно сокращала чистый доход, остававшийся от дворового хозяйства.

Подведем итог

1. Великокняжеские дворы делились на два типа: хозяйственно-административные и просто административные.

2. Площадь великокняжеских дворов состояла из земель, подразделявшихся по своему хозяйственному значению на несколько категорий.

3. Великокняжеская пашня делилась на три поля и размеры ее в целом нельзя признать большими.

4. Под великокняжескую пашню обычно отводились лучшие по качеству земли.

5. Дворовые сенокосы и выгоны занимали незначительное место в общей площади великокняжеского двора.

6. Огородные земли, делившиеся на пахотные и яринные, были невелики по размерам.

7. Незначительными по размерам были дворовые сады; одни из них эксплуатировались непосредственно для нужд великокняжеского двора, другие отдавались державце, правда, за определенную плату, как и огородные земли.

8. Земли, разбросанные среди дворовой площади, не имевщие самостоятельного значения, отдавались обычно огородникам.

9. Оставшиеся застенки отдавались в аренду.

10. В состав площади великокняжеских дворов входили и земли, отданные для специальных служб. Однако такие земли находились далеко не при всех дворах.

11. При некоторых великокняжеских дворах имелись небольшие леса, предназначенные исключительно для удовлетворения нужд двора.

12. Земельные площади под усадьбой и дворовыми постройками были сравнительно небольшими. Большими размерами отличались площади вновь создававшихся дворов.

13. Земли великокняжеских дворов делились на недоходные и доходные. В составе последних имели значение исключительно те земли, которые были отведены под дворовую пашню.

14. Дворовые хозяйства принадлежали к числу средних и крупнопоместных, с преобладанием первых.

15. Технику хозяйства необходимо признать не особенно высокой. Искусственного удобрения земли не было. Не было своего рабочего инвентаря. Рогатый скот предназначался для продажи.

16. Пашня обрабатывалась держателями тяглых волок, сенокос — опредленным числом держателей одних осадных волок или тяглых и осадных вместе. Количество тех и других определялось ревизором.

17. На великокняжеской пашне сеяли преимущественно рожь, овес и ячмень, причем рожь и овес реализовались на иностранном рынке, где были более высокие цены по сравнению с ценами внутреннего рынка.

18. Все остальные зерновые культуры предназначались для удовлетворения нужд хозяйства, и только очень незначительная часть поступала на внутренний рынок.

19. Расходы дворового хозяйства выражались в выдаче десятины натурой (в случае, если последняя выдавалась и после реформы), в отчислении некоторого процента урожая в пользу

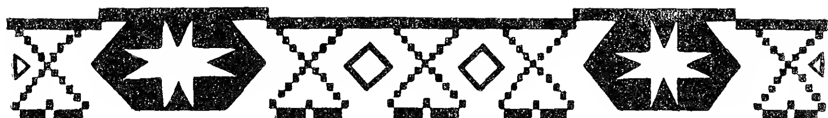
державцы и иногда благотворительных учреждений, в оплате стоимости перевоза зерна до Гданьска и труда лиц, которые сопровождали караван.

20. Иногда державца получал дополнительное вознаграждение в виде определенного количества денег с каждой отдельной волоки.

21. При переезде великого князя дворы выдавали стацию и теряли некоторую сумму денег на покупку необходимых для великого князя вещей, что в общем сокращало ежегодный доход, поступавший в казну с каждого дворового хозяйства.

Перевод с белорусского А. М. Корабельниковой и В. С. Поссе.

Гістарычна-археолёгічны зборнік, № 1, Менск, 1927.



АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ В ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЯХ ЛИТОВСКО-РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI И В НАЧАЛЕ XVII в.[1]

Восточные области Литовско-Русского государства занимали особое положение и по своей экономической структуре резко отличались от западных областей в бассейнах рек Немана и Буга. В то время как в западной части Белоруссии уже в XV в. и особенно в первой половине XVI в. сельское хозяйство было преобладающей формой народнохозяйственной деятельности, главным занятием населения восточных областей в верхнем течении Днепра и Западной Двины была добывающая промышленность. Поскольку западные области находились в сфере влияния западного торгового капитала и поддерживали весьма тесные торговые отношения[2] с Западной Европой, главным образом с Германией, предъявлявшей большой спрос на литовско-русское сырье, то создалась довольно благоприятная экономическая конъюнктура, оказавшая влияние на развитие фольварочного хозяйства как господарских, так и частных земель[3]. Господарский скарб, который способствовал благоприятному развитию экономической конъюнктуры, с начала XVI в. осуществил ряд экономических мероприятий, направленных на повышение производительности и доходности дворового хозяйства.

Экономические мероприятия нашли отражение в опубликовании устав 1514, 1529 гг. и так называемого Наказа старостам и державцам[4], который был опубликован накануне аграрной

---

[1] Доклад прочитан во время «Недели русских историков», организованной в Берлине в 1928 г. Немецким обществом по изучению Восточной Европы. Впервые напечатан на немецком языке в 1929 г.

[2] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., т. I, стр. 65—67.

[3] Там же, стр. 169—211.

[4] Там же, стр. 101—128. М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прилож. 23; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией, т. I—V, СПб., 1846—1853; т. II, № 159 (далее — АЗР).

реформы первой половины XVI в. Все господарские уставы, предусматривавшие контроль над ведением хозяйства, разрабатывавшие экономические мероприятия и стремившиеся обеспечить максимально рациональное использование рабочей силы имений, в определенном отношении были весьма консервативны: уставы совершенно не касались ни складывавшегося в течение столетий крестьянского землевладения, ни тех повинностей, которые должно было выполнять сельское население, ни поставок, которые оно должно было отчислять в господарский скарб и объем которых был установлен с давних пор. Можно сказать, что экономические мероприятия первой половины XVI в. не дали значительных результатов: фольварочное хозяйство не могло развиваться при существовавшей в господарских дворах прежней организации хозяйства. Поэтому было необходимо провести решительную реорганизацию фольварков и в первую очередь изменить весь характер крестьянского семейно-родового землевладения, а также характер тех платов и повинностей, которые население обязано было выполнять для господаря.

Аграрная реформа второй половины XVI в. целиком и полностью отвечала требованиям экономической жизни, она решительно порвала со старым, уничтожила семейно-родовое землевладение и на его место поставила индивидуальное, ввела определенную единицу земельной меры — волоку и определила повинности с этой единицы. Объем повинностей и платов был установлен в зависимости от качества почвы волоки, на которой сидела та или иная крестьянская семья. В этом отношении новые аграрные преобразования были чрезвычайно радикальными [5]. После того как господарские ревизоры проверили права частных землевладельцев и уничтожили коллективное землевладение, они отделили лучшие земли для фольварков, на которых работали так называемые тяглые люди, т. е. крестьяне, обязанные отрабатывать для своего господаря 2 дня в неделю, за исключением недели во время масленицы и одной недели зимой и весной во время христианских праздников [6].

Аграрные преобразования второй половины XVI в. нанесли, разумеется, тяжелый удар крестьянскому землевладению в результате уничтожения семейно-родового землевладения и его замены индивидуальным держанием волоки. После реформы открытый захват земель стал невозможен. Границы каждого землевладения определялись бороздами, нарушение которых строго каралось. Тем не менее аграрные преобразования не уничтожили полностью сложных форм семейного владения. Данные, которые содержатся в писцовых книгах, свидетельствуют о том,

[5] РИБ, т. XXX, стр. 539—585; Устава.

[6] Там же, стр. 551; Устава, арт. 15.

что продолжало существовать семейно-родовое и сябринное землепользование, поскольку не хватало земли, чтобы повсюду ввести индивидуальное. Поэтому на одной волоке земли могли сидеть не только одна семья, но и ряд родственных семей и даже несколько чужих, которые были связаны друг с другом только в результате совместного землепользования и несения повинностей в пользу скарба той округи, которая была указана им ревизором [7].

Аграрная реформа, которая разделила сельское население на несколько групп в соответствии с характером возлагаемых на него повинностей, обложила так называемых тяглых и осадных людей денежным чиншем и только в особых случаях, на основании специального распоряжения господаря, натуральной повинностью [8]. Вследствие замены натуральной повинности денежной, сельское население оказалось в весьма тесной и непосредственной зависимости от внутреннего рынка. Крестьяне были вынуждены заниматься продажей своих продуктов.

Цель великокняжеского фольварочного хозяйства заключалась в удовлетворении требований внешнего рынка. Принадлежавшие господарю жито, шкуры, продукты господарского лесного хозяйства по Бугу и Висле сплавлялись в Гданьск и по Неману — в Кенигсберг. Господарский скарб заботился о том, чтобы сельскохозяйственные продукты производились главным образом для внешнего рынка и только в крайнем случае поступали на внутренний рынок [9].

Такой характер великокняжеской политики вполне понятен и объясняется общими условиями, в которых развивалось господарское хозяйство.

Положение населения, несомненно, значительно ухудшилось как в отношении общей суммы платежей, так и в отношении размера тягла. В конце XVI в. возросло как то, так и другое.

В отдельных поместьях в конце XVI в. крестьяне должны были отрабатывать барщину по 3 дня в неделю [10]. Если аграрные преобразования частично предусматривали повышение

---

[7] В Кобринской экономии из 615 волок 171, или 18%, находились в индивидуальном пользовании, 263, или 43%, в семейном, 160, или 27%, в общинном (сябринном) и 12 были не распределены. В западной части Пинского староства всего было 163 волоки, из них 7, или 4,3%,— в индивидуальном пользовании, 55, или 23,3%,— в семейном и 88, или 46,6%,— в коллективном.

[8] РИБ, т. XXX, стр. 553—554; Устава, арт. 17.

[9] РИБ, т. XXX, стр. 555—557; Устава, арт. 20; У. І. Пічэта. Гаспадарскія (вялікакняскія) двары у заходніх валасьцёх Беларусі пасьля рэформы Жыгімонта-Аугуста. «Гістарычна-археолёгічны зборнік», № 1, Менск, 1927, стр. 115.

[10] АВК, т. XII, стр. 477 и сл.; В. И. Пичета. Крестьяне тяглые во второй половине XVI в. в Великом княжестве Литовском (см. настоящий сборник).

доходности фольварочного хозяйства, то это достигалось за счет эксплуатации сельского населения. Доход фольварочного хозяйства увеличился, что могут подтвердить следующие данные. Согласно ревизии 1597 г., доход Кобринской экономии составил 11 тыс., а в 30-х годах XVII в.— 47 тыс. злотых. Такое увеличение дохода было достигнуто не только благодаря расширению фольварочного хозяйства, но и в результате увеличения платежей, приходившихся на долю сельского населения [11].

Аналогичная картина получается на основании данных, которые относятся к Берестейскому староству. Согласно описанию Берестейского староства от 1560 г., общий доход составил свыше 5226 коп грошей (1 копа = 60 грошам), по данным 1588 г., он увеличился в 7 раз [12]. Таким образом, преимущество новой организации фольварочного хозяйства для великокняжеского скарба было очевидным: она обеспечивала значительный доход, но одновременно существенным образом ухудшала материальное положение сельского населения как в отношении обеспечения землей, так и в отношении суммы денежных платежей, которую население было обязано уплачивать.

II

С экономической точки зрения восточные области находились несколько в ином положении. Будучи сравнительно малонаселенными и удаленными от западных торговых путей, они образовывали территорию, на которой жило пока свободное население, занимавшееся промыслами и несшее различные натуральные повинности в пользу господарского скарба, причем общий характер этих повинностей был определен еще «стариной».

Население восточных областей имело ощутимое самоуправление и из своей среды выбирало представителей — старцев, которые играли роль посредников между наместниками господаря и населением той или иной волости. Характерной особенностью восточных областей во второй половине XVI в. было отсутствие частного и господарского фольварочного хозяйства. Это явление вполне понятно: при тогдашней экономической конъюнктуре фольварк не мог обеспечить необходимый доход. Из тех же соображений и господарь не вводил фольварочное хозяйство. Великокняжеский скарб получал платежи с населения этих областей (за землю) в виде различных продуктов добывающих промыслов, главным образом это были меха куницы и бобра, которые высоко ценились на внешнем рынке. Поэтому вполне

---

[11] АВК, т. XIV, стр. 596 и сл., М. В. Доўнар-Запольскі. Сацыяльна-эканамічная структура..., стр. 11.

[12] ДМАМЮ, т. I, стр. 448; М. В. Доўнар-Запольскі. Сацыяльна-эканамічная структура..., стр. 12.

понятно, что господарь довольствовался этими платежами [13]. Такой характер обложения населения оставался без изменения в течение XV и в первой половине XVI в. По мере изменения образа жизни [14] население стало часть своих платежей отдавать в виде денег, что указывает уже на связь с рынком. С другой стороны, наместники господаря постоянно стремились увеличить крестьянские повинности и платежи, не нарушая обычного права («старины»), на которое ссылалось население. В первой половине XVI в. между господарскими наместниками и населением восточных областей происходят непрерывные столкновения. Население отказывается выполнять требования наместников и обращается к господарю с просьбой о восстановлении нарушенного обычного права. Через своих старшин — старцев — население забрасывало господаря жалобами и просило о восстановлении старины. Правительство должно было считаться с этой стариной, несмотря на то, что господарский скарб был заинтересован в повышении своих доходов. Идя навстречу населению, господарь издал уставы для населения восточных областей. Формально эти уставы подтверждали то обычное право, на которое ссылалось население, но одновременно под видом старины уставы предусматривали нововведения, с которыми население не могло, конечно, согласиться [15]. Эти великокняжеские уставы не внесли порядка и спокойствия в восточные области; жалобы господарю на наместников направлялись снова и снова. Поэтому было необходимо административным путем устранить эти жалобы и столкновения, что было возможно достигнуть только путем определенных экономических мероприятий. Само собой разумеется, они должны были носить другой характер, чем мероприятия, проведенные в западных областях. Для проведения аграрных реформ в том виде, в каком они были осуществлены на западе [16], на востоке, как указывалось, не было соответствующих условий. Учитывая особенности экономической жизни восточных областей, литовско-русское правительство пошло другим путем при проведении здесь своих экономических мероприятий. Эти мероприятия свелись к установлению тех платежей, которые население «по старине» должно было собирать

---

[13] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 436.

[14] Там же, стр. 436, 437.

[15] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., т. I, стр. 140—168; АЗР, т. II, Устава 1511 г. предоставляла населению областей, лежащих в бассейне Днепра и Западной Двины, право самим собирать все платежи (см. уставы Могилевской волости от 1 июля 1536 г. и 26 апреля 1537); М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. Киев, 1905, прилож. 11 и 15.

[16] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., т. I, стр. 239.

и сдавать в господарский скарб. Великокняжеский наказ учел платежи, которые население раньше вносило в скарб и, считаясь с новыми экономическими отношениями, ограничился требованием заменить все платежи и повинности деньгами. Само литовско-русское правительство рассматривало эти мероприятия как нечто временное и действительное только до определенного момента, когда господарь в отношении восточных областей применит иную «науку и постановление», т. е. когда в восточных областях можно будет провести те же аграрные преобразования, которые были осуществлены в западных [17].

III

Так как литовско-русское правительство имело намерение постепенно изменить экономическое положение населения восточных областей, то оно решило произвести новое изменение платежей и ввести в этих областях рациональную форму господарского хозяйства. Эти мероприятия не проводились до 1560 г., когда Слонимский староста, пан Григорий Волович, и господарский секретарь державца марковский и мядельский пан Николай Нарушевич были направлены в восточные области. Оба они были посланы «для поравнения грунтов и для постановения платов». Под их руководством должна была проводиться предполагавшаяся реформа [18].

Сначала литовско-русское правительство не изменяло экономического положения населения и было заинтересовано лишь в том, чтобы точнее установить «платы и повинности», на которые имело право центральное правительство. Точное определение и фиксирование «платов и повинностей» должно было привести к успокоению населения. Правительство не только не освобождалось от различных неприятных прошений со стороны населения, но одновременно определяло размер денежных и натуральных повинностей в отдельных областях, устанавливая более или менее точный размер доходов, которые должны были отчислять восточные области в господарский скарб.

С целью осуществления этих экономических мероприятий литовско-русское правительство 20 июня 1558 г. опубликовало постановление, согласно которому население освобождалось от личных повинностей и вместо этого должно было только вносить платежи в господарский скарб [19]. За единицу обложения считался крестьянский двор — «дым», причем такой, к которому принадлежали пахотная земля и бортное дерево. С каждого

[17] РИБ, т. XXX, стр. 583—584; Устава, арт. 46.

[18] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., т. I, стр. 280 и сл.

[19] РИБ. т. XXX, стр. 592 и сл.

дыма в скарб нужно было платить 2 гроша, а с каждого бортного дерева — 3 гроша. Если у члена общины не было пашни и он владел только огородом, то ему следовало платить в скарб только 1 грош; если же у него не было и огорода, то с него причиталась половина гроша.

При поравнении грунтов и установлении платов великокняжеские ревизоры производили проверку прав на землевладение и отбирали в пользу великого князя все земли, владельцы которых не могли предъявить соответствующих документов. С целью повышения доходности господарского скарба ревизоры, как правило, переводили на чинш всех тех, кто не мог предъявить никаких документов, подтверждающих их право на землевладение. Таким же образом в пользу господаря отбирались и все те земли, которые находились во владении на определенных условиях «до воли и ласки господарской» [20]. Разумеется, эти мероприятия вызвали немалое неудовольствие населения, которое пользовалось своим правом жаловаться на образ действий ревизоров. Вследствие политики «поравнения кгрунтов» коллективное землевладение было уничтожено, господарские земли увеличены, и в связи с установлением правомочных притязаний на владение той или иной землей социальное положение отдельных владельцев было определено более четко [21].

Проведение аграрных мероприятий в восточных областях не отняло много времени у литовско-русского правительства. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что эти экономические мероприятия были осуществлены в течение 1560 и 1561 гг. К сожалению, отсутствуют данные, которые помогли бы выяснить те теоретические принципы, которыми руководствовались при своей работе ревизоры, посланные господарем [22]. Возможно, это была Бобруйская устава, от которой сохранился один отрывок, сообщающий о повинностях бобруйских жителей. Проф. М. В. Довнар-Запольский предполагает, что эта устава была образцом для всех русских областей [23].

При установлении платов и повинностей, которые возлагались на население, господарские ревизоры одновременно составляли описи пограничных замков, господарских землевладений, областей и округ, приписанных к господарскому двору. При этом городам жаловалось самоуправление, если таковым они еще не обладали.

---

[20] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., т. I, стр. 281.

[21] Там же.

[22] Там же, стр. 281 и сл.

[23] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства, стр. 260. Русскими волостями называлась территория Великого княжества Литовского, расположенная восточнее Минска (*прим. ред.*).

В описях, составленных ревизорами, перечислялись также платежи населения, как денежные, так и натуральные. Такого рода аграрные мероприятия должны были поставить население в более тесную административную зависимость от правительства, однако все это носило только временный характер. Такая экономическая структура восточных областей не могла отвечать своей задаче в силу влияния экономических причин, постепенного вовлечения восточных областей в сферу влияния торгового капитала. Поэтому правительство было вынуждено перейти к более радикальным аграрным реформам, чтобы сблизить экономическую структуру восточных областей с экономической системой, которая уже укрепилась и развилась в западной части Белоруссии [24].

IV

Текст уставы 1560 г. для восточных областей до сих пор неизвестен. Однако мы имели описи четырех волостей, которые были составлены ревизорами в 1560 г. и которые охватывают Гомельскую [25], Дубровенскую [26], Горбовицкую [27] и Свислочскую [28] волости. Наибольший интерес представляет опись Горбовицкой волости, так как в ней содержатся данные о замене натуральных повинностей денежными. Хотя первые три описи опубликованы давно, они не были научно исследованы. Опись Свислочской волости только недавно обнаружил Д. И. Довгяло в Минском архиве. Все эти описи позволяют составить представление о землевладении населения восточных областей, а также об их платах и повинностях. Изучение сохранившихся инвентарных описей позволяет определить те основные принципы, которыми руководствовалось литовско-русское правительство при проведении своих экономических мероприятий в восточных областях [29].

---

[24] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., т. I, стр. 283.

[25] АВК, т. XIII, стр. 343—377, № 100.

[26] Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. III, Вильна, 1867, № 109 (далее — АСД).

[27] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства, прилож. 41.

[28] З. І. Даўгяла. Сьвіслацкая воласьць у 1560 г. «Наш край», 1927, № 12, стр. 21—37.

[29] К сожалению, сохранившиеся описи опубликованы в неудовлетворительном виде, особенно инвентарная опись Дубровенской волости. Издатель не счел нужным публиковать даже данные относительно количества скота в каждом хозяйстве (службе) и число домов (дымов) в каждой службе. Такой метод издания не только не позволяет исследователю определить структуру службы и ее преобладающий характер, но и делает невозможным ответ, в какой степени население восточных областей было обеспечено столь необходимым в сельском хозяйстве домашним скотом.

Установление платов и повинностей в восточных областях не оказало влияния ни на состав крестьянства, ни на крестьянское землепользование. Определяя и изменяя различные повинности, которые существовали до 1560 г., литовско-русское правительство ничего не сделало для развития самого господарского хозяйства. Это хозяйство оставалось в том же состоянии, в каком застала его аграрная реформа. Большинство населения восточных областей продолжало нести повинности, хотя они не были едиными; различие было не только в количестве отдельных повинностей, но и в их характере, который определялся обычным правом («стариной»).

До реформы 1560 г. крестьяне-данники должны были выполнять свои повинности с земли, службы. После реформы служба также осталась хозяйственной единицей, исходя из которой налагались тот или иной чинш и те или иные натуральные повинности. В этом отношении до и после реформы 1560 г. служба не претерпела никаких изменений. Исторически возникшие формы земельных отношений остались неизменными, хотя количество земли, объем службы остается неизвестным. Один из исследователей предполагает, что территория службы соответствовала волоке или была несколько больше нее [30].

Однако это утверждение не подтверждается никакими существующими данными. Отдельные службы по своим размерам и по числу рабочих рук не были одинаковыми. Землепользование в каждой службе развивалось исторически. Каждая служба состояла из одного или нескольких дымов. Дым считался службой, если он находился во владении одной семьи.

Если одна служба приходилась на несколько семей, то каждая из них имела свой очаг — дым. Но на практике было возможно отклонение от этой нормы. В одном доме — «дыме» могли жить и две семьи. Такие наблюдения можно сделать на основании описи Дубровенской волости. Большую роль играло количество имевшегося рабочего инвентаря. Если в одном или в нескольких дымах имелось только 1—2 лошади, то они образовывали половину службы; если имелось 3—6 лошадей,— то целую службу; а в случае, если лошадей было более 6—8, то две службы. Здесь также на практике имелись отклонения от нормы. Если основываться на данных с. Онисковичи Дубровницкой волости, то все эти данные о количественной структуре служб подтверждаются. Некоторые случаи отклонений настолько противоречат общему характеру структуры служб,

[30] З. І. Даўгяла. Сьвіслацкая воласьць у 1560 г. «Наш край», 1927, № 12, стр. 26.

что к ним следует подходить с осторожностью. Это могут быть ошибки составителя, писаря или, наконец, издателя. К сожалению, в опубликованной инвентарной описи Дубровницкой волости в отношении данных о других селах допущены большие сокращения, так что возможность контроля данных по с. Онисковичи исключена. Но одно ясно, что во всех селах число дымов было больше числа служб [31]. К счастью, издатель описи привел данные о структуре службы с. Чавусовичи, которые совпадают с вышеназванными. В Дубровницкой волости при $428^1/_4$ служб было 628 дымов, так что в среднем на 1 службу приходилось $1^1/_2$ дыма. В Свислочской волости на 510 дымов было 140 служб, так что здесь на 1 службу приходились 3,4 дыма. В этой волости имелись 2 службы, или 1,4%, с одним дымом на службу; 16, или 10,9%,— с двумя; 67, или 45,9%,— с тремя; 34, или 23,3%,— с четырьмя; 24, или 16,4%,— с пятью или 3, или 2,1%,— с шестью дымами на службу. Таким образом, в Свислочской волости преобладали крупные, с несколькими дымами службы, главным образом с тремя и четырьмя дымами [32]. Объясняется это тем, что в Свислочской волости не было больше свободной пахотной земли [33]. Что касается Гомельского староства, то здесь наблюдается та же картина: при 202 дымах имелось 88 служб, т. е. в среднем на каждую службу приходилось около двух-трех дымов. Земли в Гомельском старостве по качеству почвы делились на три категории: добрая, средняя и подлая. По-видимому, число дымов, входивших в службу, зависело здесь от качества почвы. Во всяком случае такая тенденция имелась.

В с. Губичи при подлом качестве почвы на 4 службы приходилось 15 дымов [34]. В с. Волковичи, также при подлой почве, на 5 служб приходилось 12 дымов [35]. Хотя в то же время имеются данные, противоречащие упомянутому предположению. Так, например, хотя в с. Котелево качество почвы было доброе, на 4 службы приходилось только 12 дымов. Во всяком случае, на основании данных, которыми в настоящее время располагает исследователь, на вопрос относительно зависимости структуры службы от качества почвы нельзя дать более или менее ясный ответ. Возможно, что преобладание составных служб в Гомельском старостве объясняется тем, что здесь также не было больше земли, пригодной для поселения. В то время территория Гомельской волости была уже доста-

---

[31] АСД, т. III, стр. 245, 279.

[32] З. І. Даўгяла. Сьвіслацкая воласьць у 1560 г. «Наш край», 1927, № 12, стр. 26.

[33] Там же.

[34] АВК, т. XIII, стр. 366—367.

[35] Там же, стр. 363.

точно населенной. Для расширения земли, необходимой для поселения, нужно было использовать лес; дальнейшее увеличение числа дымов и служб было возможно только за счет леса.

При определении платов и повинностей ревизоры устанавливали не только границы волости, но и границы между отдельными селами. Такие мероприятия ревизии 1560 г. имели, естественно, большое значение. Точно была означена территория каждой волости и каждого села, и увеличение земельного надела каждой службы стало фактически невозможным. Ревизия 1560 г. при установлении земельного надела каждой службы не произвела, однако, одновременного измерения земли на волоки. Тем не менее все эти аграрные мероприятия были необходимы в качестве подготовки для точного измерения земель служб и их разделения на волоки.

Ревизия 1560 г. показала, что все службы не были одинаково обеспечены рабочей силой и рабочим скотом. Сохранившиеся описи свидетельствуют, что хотя и не было служб совсем без рабочего скота, но его количество не было одинаковым. Такая неравномерность как в отношении структуры служб, так и в отношении числа голов имевшегося в каждой службе скота может свидетельствовать о некоторой дифференциации сельского населения восточных областей. Что касается рабочего скота, то имелись в виду рабочие волы и лошади. В Свислочской волости и в Гомельском староствe волов имелось больше, чем лошадей. Наличие лошадей говорит о том, что работа на волах постепенно уходила в прошлое и землю стали обрабатывать на лошадях. Как правило, вместо двух рабочих волов в плуг теперь запрягалась одна лошадь. Д. И. Довгялло подсчитал общее количество скота в Свислочской волости. Согласно подсчету, там имелось 1415 голов рабочего скота, 879 рабочих волов и 536 лошадей [36]. Вследствие издательских погрешностей не удается определить общее количество скота в Дубровницкой волости. Имеются данные о количестве рабочего скота, приходящегося на каждую отдельную службу только по двум селам: Онисковичи и Чавусовичи. Причем эти данные не имеют никакого принципиального значения, так как на основании их нельзя сделать никаких выводов. Зато опись Гомельского староства дает более четкое представление о количестве рабочего скота: из учтенного общего числа в 418 голов было 234 вола и 184 лошади.

Общее количество домашнего скота в Гомельском старостве точно установить не удается, так как для некоторых сел

---

[36] З. I. Даўгяла. Сьвіслацкая воласьць у 1560 г. «Наш край», 1927, № 12, стр. 27 и сл.

вообще отсутствуют общие данные об этом или они являются неточными. Впрочем, отсутствие этих данных по трем селам не имеет особого значения, это, видимо, нисколько не изменит ту характеристику животноводства в Гомельском старостве, которая была приведена выше. Трудно сказать, какое количество рабочего скота приходилось на один дым, если он одновременно являлся службой. С этим согласны также те, кто обрабатывал инвентарную опись Свислочской волости. Однако в Гомельском старостве обнаруживается ряд дымов-служб, на которые приходятся два вола и две лошади. Само собой разумеется, могло быть отклонение как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения числа лошадей.

Каждая служба имела в своем распоряжении свои сеножати, размер которых определялся возами. Наличие сеножатей в известной мере может служить критерием развития скотоводства. Согласно инвентарной описи Свислочской волости, при 1515 головах рабочего скота имелось 2374 воза сена, т. е. на каждую голову скота приходилось в среднем $1^1/_2$ воза. Если учесть, что в крестьянском хозяйстве одна рабочая скотина съедает 5 возов, или 150 пудов, или 2400 кг сена, то эту норму в $1^1/_2$ воза на одну голову скота, как правильно отметил Д. И. Довгялло[37], следует назвать голодной нормой. Этот исследователь высказал совершенно правильное предположение, что ревизия 1560 г. не охватила всех сеножатей. Возможно тогда учитывалось только количество сеножатей в отдельных службах, которые должны были вносить платежи в господарский скарб. Вероятно, у каждого села были общие сеножати, которые в какой-то степени давали корм, необходимый для скота. Что касается Гомельского староства, то на общее число голов скота (в количестве 418 голов) приходилось 1835 возов сена, т. е. 4,4 воза, 130,2 пуда, или 2073,3 кг, сена на одну голову, что было, конечно, недостаточным. Здесь также можно считать, что села Гомельского староства имели еще какие-то сеножати, которые не были учтены ревизорами и которые, как и в Свислочской волости, не подлежали обложению.

Следует также указать на то, что в пределах одного села на каждую отдельную службу приходилось неодинаковое количество сена. Так, были службы с 6, 10, 15, 18, 20, 25, 30, 40 возами. Что касается Свислочской волости, то число приходящихся на отдельную службу возов сена было весьма различным. Имелись службы с 5, 6, 7, 10, 12 и даже 50 возами сена[38].

---

[37] З. І. Даўгяла. Сьвіслацкая воласьць у 1560 г. «Наш край», 1927.
[38] Там же, стр. 29.

V

Повинности сельского населения восточных областей, как отмечалось, складывались исторически. При этом следует упомянуть об известном разнообразии этих повинностей. Сельское население по характеру повинностей можно разделить на две категории. К первой категории принадлежали те группы населения, которые должны были выполнять определенную работу на княжеском дворе, причем крестьяне-данники по своим повинностям приближались к тяглым и осадным людям. С другой стороны, большая часть крестьянского населения была полностью освобождена от принудительных работ. Обязанность этой части населения по отношению к господарскому скарбу заключалась только в уплате денег, заменивших прежние натуральные повинности. Этих крестьян можно назвать чиншевниками. Они были обязаны вносить платы троякого рода: во-первых, основной чинш шел в пользу господарского скарба; во-вторых, часть платежей шла старосте или державце; в-третьих, крестьяне-данники, согласно старинному обычаю, должны были платить определенную сумму денег «врядникам земским» и прежде всего «земскому подскарбию» (как замена прежних натуральных повинностей). Если население Дубровницкой волости «по старине» вносило платы земскому подскарбию, ключнику, подключнику и т. д., то население Гомельской волости было освобождено от различных платов земским урядникам. То же самое было и в Горбовицкой волости. Кроме того, население Дубровницкой волости должно было платить в господарский скарб определенную сумму грошей вместо натуральных повинностей за выход на сторожу в замке. При установлении повинностей и платов ревизия 1560 г. разделила их на две группы. Если некоторые повинности и платы были заменены денежными, то другие остались в виде натуральных повинностей. К последним относились поставки жита как господарю, так и державце, а главное поставки сена и дров, которые предназначались для державцы. Впрочем, эти повинности также могли быть заменены деньгами. В инвентарной описи Свислочской волости содержатся данные, указывающие на то, что население вольно было заменять сенной побор деньгами, а именно в размере по 3 гроша за воз сена. Что касается дров, то эта повинность осталась без изменения, и ее нельзя было заменить деньгами.

Общегосударственные повинности состояли как из индивидуальных платов, взимавшихся с каждой отдельной службы, так и из платов, которые брались со всего села в целом. Общегосударственные индивидуальные платежи состояли из чинша, поставок жита и овса, платы за сено, платы за охоту

как на больших, так и на малых зверей, куниц, белок и всяких птиц, а также на бобров. В отдельных селах устанавливались платы за рыболовство и устройство «езовщины». Со всего села бралась «медовая плата», которая, вероятно, распределялась по владельцам хозяйств.

Размер чинша, который для отдельных сел был определен различно, зависел от качества почвы, которая разделялась на добрую, среднюю и подлую. В Дубровницкой волости, в которой качество почвы было доброе, чинш, как правило, составлял 1 копу грошей, что равнялось 60 грошам. В Свислочской волости со службы с «доброй землей» взимался чинш в 60 грошей, со службы со средней землей — 50 грошей. В Гомельском старостве, в зависимости от качества почвы, чинш разделялся на три категории: 60, 50 и 40 грошей. Согласно инвентарной описи Оршанского замка от 12 июня 1560 г., чинш составлял 20, 30 грошей. Так как в этой описи отсутствуют указания относительно качества почвы, можно предположить, что она была «вельми подлой» [39].

К другим денежным платежам относилась плата за пользование лугами. В Свислочской волости за каждый воз сена она составляла 4 пенези; такая же плата за пользование лугами была установлена в Гомельском старостве и в Дубровницкой волости. Количество сена, которое приходилось на каждую службу, во всех волостях было различным. Плата за сено изменялась также в соответствии с числом возов сена; в Свислочской волости минимальное количество сена, приходившееся на одну службу, составляло 5 возов, максимальное — 50 возов. В соответствии с этой нормой платы колебались от 2 до 20 грошей.

К третьему виду денежного побора относилась плата «за мед и отвоз». Медовый побор исчислялся в пудах. До реформы этот старинный побор имел очень большое значение для господарского скарба. Размер этого побора, взимавшегося со всего села в целом, в отдельных селах был различным. В Свислочской волости минимальное количество на село составляло 16 пудов, максимальное — 144 пуда; всей Свислочской волости надлежало поставлять 878 пудов, причем за каждый пуд уплачивалось 20 грошей [40]. Только с. Орлины в Свислочской волости было полностью освобождено от внесения платы за мед. В Дубровницкой волости вместо сдачи меда каждое село должно было уплачивать определенное количество грошей, и здесь размер платы был различен. Минимальное количество меда, которое должно было поставлять село, составляло

---

[39] ДМАМЮ, т. I, № IX.

[40] З. І. Даўгяла. Сьвіслацкая воласьць у 1560 г. «Наш край», 1927, № 12, стр. 29.

4 пуда, максимальное — $54\frac{1}{2}$ пуда; всего по Дубровницкой волости в пользу господарского скарба взималось $288\frac{1}{2}$ пуда. В Дубровницкой волости за каждый пуд меда взималось 25 грошей. Отдельные села Гомельского староства вместо поставок меда также платили деньгами. Впрочем, были и такие села, которые не должны были вносить эту плату в качестве замены за поставку меда. Как правило, вместо поставки меда взималось 25 грошей за пуд. По данным автора описи, население «с давна» вместо меда платило деньги. При этом следует заметить, что автор описи Гомельского староства не всегда называет общее количество меда, поставляемого в великокняжеский скарб, а ограничивается только указанием общей суммы, которая «с давна» вносилась в господарский скарб. В целом плата за мед и отвоз в Гомельском старостве была совсем незначительной. В отдельных селах пчеловодство вообще не было развито.

Денежные поборы за зверо- и рыболовство — два побора также старинного происхождения. Что касается этих платов, то и они в отдельных селах были различными. Так, в Дубровницкой волости за охоту как на больших, так и малых зверей, куниц, белок и других зверей и всякого рода птиц, а также за рыболовство на Днепре с каждой службы взимались платы в размере 3—8 грошей. В отдельных селах, где еще водились речные бобры, был установлен специальный бобровый побор в размере 1 гроша. Но здесь существовали платы в размере 2, 6, 5, 3, 8 и 10 грошей. Разница в платах объясняется объемом прежних натуральных повинностей и прибыльностью ловли бобров.

В Гомельском старостве эти повинности были значительно выше, ибо поставки были больше, а угодья лучше. Плата за охоту, рыболовство и ловлю бобров также взималась с села в целом. За охоту в Гомельском старостве взимались платы в 60, 80, 20, 50, 40 грошей; за ловлю бобров — 60, 40, 120, 70, 20, 15 грошей; за рыболовство — 120, 40, 30, 20, 15 грошей. При этом следует заметить, что имелись села, которые из-за отсутствия рыболовства не вносили соответствующих платов; то же самое касается сел, где не занимались ловлей бобров, и поэтому села не вносили платов за бобров [41].

Платы за звероловство свидетельствуют о наличии дичи поблизости от населенных пунктов и о возникающей отсюда для населения заинтересованности в охоте. Если поборы уменьшались, то это было лучшим признаком того, что звери редко приближались к жилью человека и занятие охотой не было уже эффективным. То же самое относится и к ловле

[41] АВК, т. XIII, стр. 345—377.

бобров и к рыболовству: чем менее выгодным становилось это занятие, тем ниже были платы. Без изменения оставались только платы за установку езов, за что обычно взималось 6 грошей.

Что касается Свислочской волости, то и здесь общая сумма, взимавшаяся с села за охоту, рыболовство и ловлю бобров, не была везде одинаковой. Размер платов колебался от 1 до 3 коп грошей за охоту и за ловлю бобров. Этот расчет был произведен Д. И. Довгялло, который справедливо указывал, что ловля бобров ценилась выше звероловства. То же самое можно установить и в других волостях. И это вполне понятно, ибо бобровый мех очень ценился как товар, шедший на экспорт [42].

Кроме побора натурой и в виде денег в пользу господарского скарба, население должно было нести такие же повинности в пользу старост. Доходы старосты Дубровницкой волости были двоякого рода: поборы натурой и деньгами. Поборы натурой представляли собой половину бочки жита и овса с каждой службы и воз сена с 3 служб. Кроме того, каждая служба должна была поставлять старосте воз дров. Впрочем, в некоторых селах число служб, поставлявших воз сена, повышалось до пяти. Деньги староста получал в размере 10% от всех платов, которые вносились в великокняжеский скарб [43].

Такая же система поборов, хотя и с некоторыми изменениями, существовала в Гомельском старостве. Поборы натурой в виде сена и дров могли заменяться денежным побором в размере 3 грошей за каждый воз сена. Затем были введены повышенные поборы натурой: с каждой службы староста получал 2 воза сена и 2 воза дров [44].

Что касается Свислочской волости, то с каждой службы державца получал половину бочки жита, половину бочки овса, 2 воза сена и 2 воза дров, причем все натуральные поборы, за исключением дров, могли заменяться деньгами [45].

Наконец, к поборам с населения Дубровницкой волости добавлялась еще повинность — вносить платы «за поклон», за бобров и куниц — земскому подскарбию, писарю, ключнику и подключнику. Кроме того, вместо выхода на сторожу и тяглой повинности население должно было вносить денежную плату [46].

---

[42] З. І. Даўгяла. Сьвіслацкая воласьць у 1560 г. «Наш край», 1927, № 12, стр. 28.

[43] АСД, т. III, стр. 246, 265, 268.

[44] АВК, т. XIII, стр. 343—377.

[45] З. І. Даўгяла. Сьвіслацкая воласьць у 1560 г. «Наш край», 1927, № 12, стр. 29.

[46] АСД, т. III, стр. 246 и сл.

Что касается населения Гомельского староства, то на него, как и на население Свислочской волости, не налагалось дополнительных поборов. По-видимому, на Гомельское староство не распространялись те нормы обычного права, которые упоминает инвентарная опись Дубровницкой волости. Но зато в Гомельском старостве населению было тяжелее, чем в Дубровницкой волости, поставлять в пользу старосты сено и овес. Одно компенсировало другое; а населению было, конечно, совершенно безразлично, кому оно должно было платить.

Названные мероприятия правительства имели громадное финансовое и экономическое значение. Правительство формально установило повинности служб, сел и волостей, определило повинности перед державцами и земскими урядниками и заменило поборы денежными платами, в результате чего в будущем стало невозможным возникновение каких-нибудь недоразумений из-за поборов. Все это, однако, означало резкое ухудшение материального положения сельского населения. С другой стороны, последнее теперь точно знало, сколько оно должно было платить и поэтому могло легче бороться с различными злоупотреблениями, если таковые случатся в будущем.

Однако при замене натуральных повинностей денежными и при точном определении объема остающихся поборов натурой литовско-русское правительство не уничтожило прежнего самоуправления волостей, благодаря которому вообще было возможным распределение общих повинностей, налагавшихся на сельскую общину. Правительство оставило старцев представителями волостей. В распоряжении старца находилась служба; кроме того, он был освобожден от всех иных поборов.

Замена натуральных повинностей денежными имела громадное экономическое значение для населения восточных областей. Население вступало в тесную связь с рынком. Для того, чтобы получить деньги, необходимые для уплаты повинностей, которые ревизоры накладывали на службу или на село, население было вынуждено продавать на рынке продукты своей хозяйственной деятельности.

VI

Другую группу чиншевиков образовали те, которые были обязаны отправлять какую-либо тяглую повинность. Повинности и платы этих тяглых людей состояли:

а) из работ на дворе княжеского замка;

б) из поставок натурой, которые отчислялись в господарский скарб;

в) из подачек самим старостам и княжеским урядникам в местностях, в которых это сохранялось. Тяглые повинности этих крестьян также были различными и неопределенными, как и поборы натурой и платы.

Крестьяне сел, которые были приписаны к княжескому Оршанскому замку, должны были работать в замке, причем каждая служба была обязана, «с чим им врадник роскаже», отрабатывать день в неделю. Кроме того, осенью все службы были обязаны принимать участие в строительных работах по замку, если для этого имелась какая-нибудь нужда. Наконец, если это было необходимо, население обязывалось закидывать в озера большой невод. По-видимому, все эти повинности были старинного происхождения, и автору инвентарной описи Оршанского замка нужно было только занести их в опись, не добавляя чего-либо от себя [47].

Что касается населения Горбовицкой волости, то оно было обязано: доставлять по санному пути в Ригу золу, которая добывалась в горбовицких лесах; исполнять тяглые повинности по отвозу медовых поставок; косить сено и собирать копны по указаниям урядника; воздвигать новые постройки и ремонтировать старые; чинить, в случае необходимости, княжеские мельницы; возить дрова и стружку (опилки); обрабатывать огороды, копать грядки, сажать капусту. Впрочем, последний вид повинности должны были выполнять только четыре села, расположенные поблизости замка.

Вероятно, и в Горбовицкой волости устава зафиксировала только старинные обычаи, и можно предположить, что при установлении платов и повинностей в восточных областях великокняжеские ревизоры без изменений записали лишь то, что до той поры выполнялось для господаря [48].

Общегосударственные повинности состояли из обложения определенной суммой денег и поставок различных продуктов натурой. Так, оршанцы со всего подлежащего обложению села платили 8 пудов меда, хмеля солянку и 32 гроша денег.

Все эти поборы приходились на все село, а их распределение производило само население [49]. В Горбовицкой волости обнаруживается такое же различие в платежах. Последние состояли из: 1) 2 грошей мерной платы за жито и овес; 2) отвоза жита на двор наместника, согласно обычному праву; 3) ежегодной поставки по одной бочке овса и жита. Все эти поборы брались с каждой отдельной службы. При замене этих натуральных повинностей денежными, общая сумма

---

[47] ДМАМЮ, т. I, стр. 131.

[48] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства, прилож. 41.

[49] ДМАМЮ, т. I, стр. 131.

поборов, приходившая на одну службу Горбовицкой волости, составляла 62 гроша, или 3 руб. 88 коп. по довоенным ценам [50].

Устава Горбовицкой волости также представляла собой кодификацию обычного права, однако, как видно из нее, ревизоры не только зафиксировали повинности, но и подвергли их ревизии, уменьшив некоторые платы и вовсе отменив другие.

Неодинаковыми были и платежи местным старостам. Крестьяне, которые были приписаны к Оршанскому замку, не вносили старосте специальных платежей. По всей вероятности, староста получал определенную долю из общих поборов с села. Население волости платило 10 грошей за сенокос и 20 грошей за рыболовство (неводничему). Кроме того, тяглые данники должны были поставлять Витебскому замку 34 пуда меда и платить 60 грошей деньгами [51].

Более разнообразными были доходы урядников Горбовицкой волости. В их пользу взималось: 1) 6 грошей с каждой службы в качестве бирчего; 2) «куничное» — за девку 12 грошей и за вдову — 30 грошей, если брачущиеся были из одной волости; если в результате замужества имел место уход в другую волость, то «куница» за девку повышалась до 17 грошей; 3) волочебное — подачка странствующим певцам в размере 2 грошей с каждой службы; 4) 4 гроша за сторожу; 5) по курице и 6 яиц с каждой службы.

Таким образом, ревизия 1560 г. сохранила разнообразие повинностей, которые существовали «с давна» и которые в отдельных местностях так существенно отличались одна от другой. И эти повинности были зафиксированы ревизией или заменены денежными поборами.

Само собой разумеется, что аграрные реформы, проведенные в западных областях, должны были в дальнейшем осуществляться и в восточных. Разумеется, их можно было провести лишь постепенно, после того как общая экономическая конъюнктура создает те благоприятные условия, при которых станет возможным осуществление радикальных аграрных мероприятий, которые окончательно порвут со старым обычным правом и создадут иные экономические основы для сельского населения восточных областей. Этот процесс аграрных преобразований протекал крайне медленно и на своем пути встречал немалые трудности.

---

[50] Одна бочка жита засчитывалась за 40 грошей, одна бочка овса — за 20 грошей, 1 копа грошей = 3 руб. 75 коп.; 1 грош = 6,25 коп.; 1 пенязь = = 0,63 коп. («Наш край», 1927, № 12, стр. 32.). Имеются в виду цены, существовавшие до первой мировой войны (*прим. ред.*).

[51] ДМАМЮ, т. I, стр. 131.

VII

Аграрные мероприятия 1560 г. прекратили те разногласия, которые возникали между населением и наместниками из-за повинностей, исполняемых в пользу последних. В результате аграрных мероприятий было проведено разграничение в пределах волостей и сел.

Аграрные мероприятия имели целью определить повинности со стороны службы, однако одновременно они сохранили сравнительно большое число поборов, взимавшихся со всего села в целом. Такая экономическая политика, несомненно, была направлена на ограничение крестьянского самоуправления и обнаруживала тенденцию поставить сельское население под непосредственный контроль господарского наместника. Хотя экономические мероприятия литовско-русского правительства и не касались исторически возникшего крестьянского землепользования, уже сам факт, что были определены границы села и со службы стали взиматься поборы, указывает на стремление правительства внести индивидуальный момент в исполнение повинностей и одновременно зафиксировать те земельные участки, которые находились во владении крестьянской массы и были тесно связаны с крестьянской службой.

В результате экономических мероприятий литовско-русского правительства 1560 г. большая часть повинностей была заменена денежными, вследствие чего сельское население вступило в тесную связь с внутренним рынком и все крестьянское хозяйство приняло торговый характер.

Разумеется, литовско-русское правительство не могло ограничиться этими мероприятиями, тем более, что во второй половине XVI в. возникли условия, которые правительство сочло благоприятными для перехода к новой форме землевладения и землепользования.

Прежде всего необходимо отметить прирост населения и его переселение на восток. Правительство, понятно, не могло допустить свободной колонизации, которая производилась за счет населения западных и центральных областей. Правительству было важно, чтобы все колонисты, в которых оно, впрочем, очень нуждалось, находились под его контролем. Во второй половине XVI в. правительство организовало в новых областях строительство городов и поселений, привлекая для этой цели население и освобождая его на несколько лет от поборов до нормализации его экономического положения. Лишь потом с этих новоселов стали взимать обычные платы. Так, Могилевская волость была, по-видимому, заселена быстро. Могилев был естественным экономическим центром всей области. Отделившись от волости, Могилев стал постепенно расширять свои права как города и добился предоставления ему магде-

бургского права, которое окончательно выделило Могилев в особую административно-экономическую единицу[52]. Рост Могилева вполне понятен. Через Могилев проходили пути на восток и на запад — к Познани, Гнезно и Торуню, куда ездили могилевские купцы. Могилев стал торговым центром, в котором собирались представители торгового капитала с целью закупки различных товаров, на которые имелся спрос на внутреннем и внешнем рынках. Не зря различные экономические постановления запрещали горожанам закупку товаров у местного населения и тем самым исключали нанесение ущерба могилевским купцам в их торговых операциях. По-видимому, могилевские купцы также стремились завоевать рынок и сконцентрировать в своих руках весь внутренний и внешний товарообмен[53]. Заменив все повинности денежными, устава 1560 г. предоставила населению право охотиться на различную дичь и бобров, умолчав, однако, что должно было делать население со своей добычей. По-видимому, крестьяне имели право свободной продажи, поэтому не зря сюда устремился торговый капитал.

Поскольку восточные области постепенно втягивались в торговый обмен, то для литовско-русского правительства было очень важно определить такой курс экономической политики, при котором ценные товары не попадали бы непосредственно в руки купцов, а проходили бы через руки великокняжеского наместника. Если правительство пока еще не решалось ограничить право на свободную охоту, то оно все же было вынуждено поставить право на охоту под свой контроль и стремилось извлечь из охоты максимальную для себя выгоду. Это стремление к монополизации наиболее ходовых товаров, которые были необходимы для внешнего рынка, вполне понятно и полностью соответствует тем принципам торговли, которым литовско-русское правительство следовало в западных областях. Переход к новым земельным отношениям и к новой экономической политике осуществился не сразу. До окончательного уничтожения старых земельных отношений и старой единицы обложения правительство стало осуществлять нововведения, внешне не нарушая земельных отношений. Правительство сохранило службу в качестве единицы обложения и велело только измерять всю землю службы в волоках. Все поборы, которые раньше взимались со службы, исчислялись теперь с определенного числа волок. Но так как волоки были сконцентрированы в одной службе, то державца должен был взимать поборы не с владельцев волок, а с владельцев служб. С другой стороны, медовая плата, как и

---

[52] Беларускі архіў, т. I, Менск, 1927, № 6, 7, 17, 19, 10.
[53] АЗР, т. III, № 28, 77.

прежде, собиралась со всего села. Вследствие такой системы поборов старые явления смешивались с новыми и все яснее становилось стремление перейти к новой системе поборов, хотя одновременно старое обычное право оставалось в силе. К сожалению, отсутствие данных не позволяет установить, в какой степени эта система была распространена в восточных областях. Характерной для новой организации сел и волостей была система, которая стала применяться в имении Бобр, расположенном на территории Могилевской волости. Это имение по повелению господаря было передано витебскому воеводе Станиславу Пацу. По этому поводу 16 января 1573 г. была составлена инвентарная опись, которая теперь дает возможность определить черты той экономической политики, которая была естественным следствием аграрных мероприятий 1560 г. и одновременно являлась первой ступенью аграрных реформ XVII в. [54]. По-видимому, хозяйство Могилевской волости было еще слабо развито. Население деревень было освобождено от работ и тяглых повинностей, что было явным показателем слабого развития фольварочного хозяйства. С другой стороны, население было обязано отвозить в место назначения жито и овес, а также сдавать другие продукты, которые взимались с крестьянских земель в пользу господаря. Сельское население было обязано ремонтировать мосты, плотину, мельницу на р. Бобр и, если необходимо, строить новые. Держатели службы с каждой службы, с определенного числа волок, платили денежный налог — чинш. Медовая плата с каждой службы составляла $1^1/_2$ пуда, иногда эта плата несколько повышалась или уменьшалась, но только в одном случае она была повышена до 3 пудов.

Что касается других повинностей, как денежных, так и натуральных, которые хотя и исчислялись с волок, но взимались с каждой службы, то плата прежде всего вносилась в виде чинша. При этом чинш взимался не со всей земли, а только с обрабатываемой. Невозделываемая земля обложению не подлежала.

В инвентарной описи земля, в зависимости от качества почвы, делилась на категории, однако размер чинша зависел, по-видимому, от того, должен или не должен был с той или иной службы браться побор. В последнем случае чинш существенно повышался от 50 грошей до 1 копы грошей. Кроме того, все село платило 5 грошей бирчего. 4 гроша за вепря, 14 пенезей за кликовщчину, 1 грош церкви, по одной солянке жита, овса или за жито и овес могли платить 20 грошей.

Что касается повинностей и платов в пользу державцы, то ему причиталось: треть доходов с огородов, четвертый сноп

[54] АВК, т. XIV, № 11, стр. 175.

с обработанного поля и половина скошенного сена. За это волость была освобождена от отвозов по указанию старосты и от охоты на бобров в пользу старосты. Сельское население сохранило право охотиться на бобров, но за это должно было отдавать старосте половину того, что оно добывало в лесу. Вторая половина подлежала оценке и предоставлению в распоряжение старосты, с которого жители волости получали затем деньги за сданных бобров. Кроме того, жители волости были освобождены от сдачи вепрей. Наконец, население было обязано чинить желоба и лестницы[55]. Повинности крестьян, которые сидели на службе, разделенной на волоки, были различны. Литовско-русское правительство сохранило все эти различия повинностей и только постепенно заменяло их денежными. В этом отношении сохранилась традиция 1560 г. Но одновременно следует указать на намерение правительства расценить все повинности в денежном выражении, а уплату чинша сделать зависимой не от службы, а от определенного числа волок в службе. Большое значение имеет тот факт, что литовско-русское правительство, предоставив жителям восточных областей право охотиться на бобров, отменило право свободной продажи бобровых шкурок. Кроме того, староста получал половину шкурок, тогда как другая половина передавалась ему для оценки и продавалась ему же. Понятно, что установление им цен на бобров также не соответствовало интересам населения. Навязанная цена уменьшала доходы населения восточных областей.

Инвентарная опись имения Бобр ничего не говорит об организации управления селом, за исключением указания на наличие старца, который должен был распределять службы среди населения и сам должен был взимать чинш с волоки, владея тремя волоками и сдавая только половину пуда меда[56].

Экономические принципы, которые были положены в основу инвентарной описи, по сравнению с экономическими мероприятиями 1560 г. означали шаг вперед. Но и на этом правительство не могло остановиться. Опубликование уставы 1594 г. явилось для Могилевской волости новым мероприятием, которое сделало возможным проведение волочной померы[57].

В Могилевской уставе заметно сильное влияние действовавшей в западных областях уставы на волоки, терминологию которой использовали авторы Могилевской уставы и принципы которой стремились перенести на Могилевскую волость. Если реформа 1560 г. сохранила «старину», не коснувшись

---

[55] АВК, т. XIV, стр. 179.
[56] Там же, стр. 177.
[57] АСД, т. I, стр. 186.

организации волостного управления, то Могилевская устава обратила на это особое внимание и стремилась подчинить войта контролю и суду местного уряда. В отличие от волочной уставы войт избирается жителями волости и утверждается ревизором, без согласия которого он не может быть снят со своей должности. В своей административно-хозяйственной деятельности войты находились под контролем уряда и выполняли его поручения. Выступая в качестве представителя своего войтовства перед урядом и соседними владельцами при тяжбе между ними и жителями волости, войт являлся в этом случае не столько представителем населения и защитником его интересов, сколько чиновником, который хорошо знает особенности образа жизни жителей своего войтовства и может защищать не только интересы последнего, но и интересы великокняжеского скарба.

Правда, Могилевская устава сохранила коллективное распределение платов за рыболовство и ловлю бобров, а также распределение медовой платы. Она сохранила распределение платов населения на основании пунктов (параграфов), которые были общими для всего населения. С другой стороны, распределение «волостных порубов» было изъято из компетенции волостного схода, что, конечно, ограничивало самоуправление общины. Сохранив службы, Могилевская устава одновременно определила число волок в каждой службе. При этом волоки были разделены на две категории: на осадные, т. е. волоки колонистов (поселенцев), и на тяглые. Появление тяглых волок является доказательством развития фольварочного хозяйства. Что касается повинностей, которые взимались с осадных и тяглых волок, то их общий характер развивался под непосредственным влиянием волочной уставы, которая была опубликована для западных областей.

VIII

Аграрные мероприятия в Восточной Белоруссии во второй половине XVI в. постепенно подготовили почву для более радикальной реформы как крестьянского землевладения, так и землепользования. Правительство не могло остановиться на принятых решениях. Земельные наделы, хотя и разделенные на волоки, как и раньше, были неодинаковыми. Отсюда вполне понятно, что общая экономическая конъюнктура позволила перейти к проведению аграрных реформ только к началу XVII в. Реформы были осуществлены в весьма трудных условиях. С одной стороны, напряженные отношения с Москвой только затрудняли осуществление новых аграрных планов. С другой стороны, имеются сведения о крестьянских восстаниях, кото-

рые делали невозможным для ревизоров выполнение тех задач, которые поставило перед ними правительство. Недоразумения между населением и правительством не прекратились и после реформы 1560 г. Администрация предъявляла населению повышенные требования; население защищало свои обычные права и жаловалось на поведение администрации. Правительство вполне понимало, что нужно уравнять поборы с единицы площади земли и при проведении аграрных мероприятий в Бобруйском старостве подчеркивало необходимость устранения недоразумений между администрацией и сельским населением, потому что крестьяне, сидевшие на волоках, не знали, в каком размере они должны были платить чинш со своих земельных наделов [58]. Правительство перешло к проведению аграрных реформ в 1611 г., а измерение волок закончилось только в 1639 г. Частичное измерение волок правительство проводило значительно раньше; мы располагаем сведениями, что в 1598 г. ревизоры Петр Кавецкий и Матвей Полюбинский по распоряжению земского подскарбия произвели измерение волок в любоницких селах. Однако ревизия не была окончательной, ибо впоследствии был произведен контроль измерений, поборов и работ, которые должно было выполнять население [59].

В 1611 г. по указанию великого князя для проведения аграрной реформы были посланы секретарь господарского скарба Ян Корсак и земский писарь Ошмянской волости инстигатор Великого княжества Литовского Николай Пузелевский [60]. В 1613 г. земский подскарбий Ярош Волович назначил Адама Сабловского, служившего в скарбе великого князя, третьим ревизором [61]. В 1619 г. Корсак умер и на его место «для окончания измерения и становления чинша» был назначен тот же Адам Сабловский [62]. В 1626 г. умер ревизор Пузелевский, и на его место был назначен писарь Речицкой волости Степан Рагоза [63]. Завершение аграрной реформы и составление описи Бобруйского староства было поручено ревизору Евстафию Кердею, гродненскому подсудку [64].

Аграрная реформа в Бобруйском старостве должна была проводиться совместно с администрацией, которой вменялось оказывать ревизорам всяческое содействие. Посланные ревизоры должны были измерить Бобруйское староство и ввести

---

58 АВК, т. XXV, стр. 115.
59 Там же, стр. 305.
60 Там же, стр. 116.
61 Там же.
62 Там же, стр. 119.
63 Там же, стр. 120.
64 Там же, стр. 114.

в нем тот порядок, который уже был заведен в западных областях. Устанавливая такие же земельные отношения, как и в других областях, ревизоры должны были установить новые платы и повинности, не притесняя, однако, каким-либо образом подданных. С целью уничтожения коллективного землепользования, земли, находившиеся в частных руках, могли отчуждаться в пользу господарского замка, причем их владельцы сразу же должны были получать вознаграждение.

Ревизоры также должны были расследовать все те недоразумения, которые возникали при проведении аграрной реформы.

Все распоряжения ревизоров впоследствии подтверждались подписью господаря и тем самым становились окончательными. Направляя бобруйскому старосте письма о посылке ревизоров, правительство разослало специальные письма с таким же уведомлением панам и земянам, горожанам и всему населению Бобруйской волости. Правительство указывало, что до сего времени, вследствие различных трудностей, нельзя было осуществить реформу, но теперь оно намерено провести ее, «дабы увеличить доходы и успокоить земельное владение». Чтобы успокоить местных землевладельцев, правительство указывало, что ревизорам сразу же будет дано указание о поправке, если на то будут законные основания, однако одновременно правительство призывало землевладельцев не чинить ревизорам никакого препятствия. То же самое содержалось в уведомительном послании к земянам, горожанам и ко всей волости. Нам неизвестно, как отнеслись к аграрным реформам заинтересованные в них группы населения. Можно лишь предполагать, что ревизорам со стороны населения было проявлено некоторое сопротивление и непослушание. Это подтверждает специальное послание Сигизмунда III [65], которое было отправлено ревизорам и в котором упоминалось о недоразумениях с населением и повелевалось наказывать тех жителей волости, которые отказывались брать измеренные на волоки наделы земли.

IX

Бобруйская устава была опубликована в 1626 г., когда по всему староству полным ходом проводились аграрные преобразования. По всей вероятности, правительство при измерении волок в других восточных областях руководствовалось теми же принципами, как и в уставе Бобруйского староства о волоках. Эта устава была построена на принципах уставы 1557 г., однако в частностях существовало некоторое различие

[65] АВК. т. XXV, стр. 116—120.

между обеими уставами. Это становится вполне понятным, если учесть экономическое различие между восточными и западными областями,— различие, которое не могла уничтожить даже общая уравнительная аграрная политика. В уставе 1626 г. ясно отразились особенности положения и организация белорусского крестьянства восточных областей. Задача уставы заключалась в том, чтобы показать те основы, на которых должна строиться жизнь сельского населения восточных областей.

Устава 1626 г. прежде всего определяет обязанности великокняжеской и сельской администрации. Обязанности великокняжеского уряда напоминают обязанности, определенные уставой 1557 г. Уряд стоит во главе староства и должен следить за тем, чтобы господарское хозяйство не терпело никакого ущерба. В отношении определения обязанностей уряда устава 1626 г. довольно лаконична по сравнению с уставой 1557 г., в которой довольно подробно перечислялись обязанности уряда. К обязанностям уряда относятся:

1. Наблюдение за пустыми волоками, которые, чтобы повысить доходы господарского скарба, должны быть взяты в держание как своими, так и сторонними людьми.

2. Распределение бортных деревьев среди сел, с которых взимается медовая плата.

3. Выдача разрешений на постройку корчем у больших дорог.

4. Защита великокняжеской монополии на спиртные напитки.

5. Отправление правосудия при уголовных делах.

6. Присутствие в суде общины и принятие окончательных решений в делах, подпадающих под юрисдикцию этого суда.

В отличие от западных волостей, восточные не были разделены на войтовства, а сохранили свое прежнее волостное деление. Во главе волости стояли старцы и заказники. В Бобруйском старостве было только два старца, так как староство уже давно было разделено на две половины: Виленскую и Троцкую. Во главе сел стояли заказники. В противоположность волостным старцам в дореформенное время их теперь назначало правительство. Они были уполномоченными правительства, а не населения. Обязанности старца были довольно разнообразными и в общем мало отличались от обязанностей войта, определенных уставой 1557 г. Старец, действовавший под руководством господарского уряда и контролируемый последним, смотрел за жизнью своей половины волости. Он давал указания заказникам относительно своевременного поступления платов в господарский скарб, присутствовал при уплате «порубов» в уряд, был обязан представлять уряду каждого

подданного, который не был в состоянии платить налоги, чтобы тот давал объяснения о причине неуплаты; он заботился о целостности границ всех сел волости. Затем старец смотрел, чтобы чужие не заходили в господарские поместья, а подданные не присваивали себе чужой земли. Ежегодно старец проверял установленные границы и исправлял их, в случае нарушения, с помощью землемера. Через каждые 3 года старец производил полный пересмотр границ как в отношении граничащих друг с другом соседних частных участков земли, так и в отношении взаимного разграничения волок или разграничения их от расположенного неподалеку господарского леса. В случае неповиновения старец должен был уведомлять об этом уряд и со своей стороны следить за тем, чтобы господарское имущество не терпело никакого ущерба. Старец наблюдал за тем, чтобы население не повреждало строений и бортных деревьев и чтобы не нарушались границы пустых волок. Если возникала необходимость в возведении укреплений, починке стен или в какой-либо работе в замке, то старец заботился о том, чтобы вся волость незамедлительно приходила на помощь. Работы производились в присутствии старца, который не должен был передавать функции контроля заказникам. Если необходимо было содержать жолнеров, то по решению уряда на их содержание выделялись деньги или продовольствие; в первом случае собранная сумма распределялась по волостям. По требованию волости старец был обязан отчитываться перед урядом или перед господарским ревизором, если последний находился на месте. Наконец, старец должен был следить за тем, чтобы пустые господарские волоки занимались «добрыми людьми»; если старец передавал кому-нибудь пустовавшую землю в аренду, то получаемую сумму он должен был вместе с господарским чиншем сдавать уряду. Предоставляя старцам большие полномочия, устава 1626 г. ограничила эти полномочия исключительно хозяйственно-судебными функциями. У старца была отнята возможность и право бить подданных, но было разрешено это делать в отношении мошенников и «подлых людей». Если последние не исправлялись, их можно было посадить в тюрьму. Возлагая на старца такие ответственные обязанности, устава 1626 г. позволяла ему брать себе 2 волоки земли и освобождала их от всех поборов.

Кроме того, старец получал побочные доходы за исполнение тех или иных обязанностей, как административно-судебного, так и административно-хозяйственного характера.

Помощниками старцев — представителями сел — были заказники. Они выбирались от населения из числа надежных членов общины, были главными помощниками старца и дей-

ствовали по его указаниям. Они расследовали различные местные жалобы и следили за порядком в доверенных им селах, проверяя прежде всего наличие изгороди с целью недопущения потравы. Если по небрежности изгородь не возводилась своевременно и вследствие этого некоторым жителям наносился ущерб, то виновный должен был возместить весь ущерб и, кроме того, заплатить в уряд 6 грошей. За исполнение своих обязанностей заказник получал в свое распоряжение волоку земли, которая освобождалась от всех поборов, и, кроме того, за каждое определение ущерба, нанесенного потравой, получал 1 грош. Измерение волок в каждом старостве и необходимость поддержания размеченных границ вынуждали правительство держать в каждом имении постоянного землемера. Землемер работал по указаниям дворового уряда и находился под контролем старца, который как административное лицо отвечал за неизменность границ. Землемер получал за свою работу волоку земли, освобожденную от работ как в пользу замка, так и в пользу фольварка.

При установлении повинностей сельского населения Бобруйская устава определяет их также в зависимости от качества почвы, которая разделялась на три категории: добрая, средняя и подлая. В эти категории не входили земли, которые отличались по качеству и расположению. Для них был установлен специальный, несколько повышенный чинш. На основании уставы 1626 г. повинности сельского населения определялись следующим образом:

Качество почвы	Чинш	Овес, бочки	Рожь, бочки	Куры	Гуси	Яйца	Сено, возы	Дрова, возы
Добрая	2 копы грошей	1	1	2	1	12	1	10
Средняя		1	1	2	1	12	1	10
Подлая		1	1	2	1	12	1	10

Дрова и сено поставлялись двору великого князя в Бобруйск. Кроме того, при сборе чинша подданные платили определенную сумму денег с каждой волоки и с каждой бочки овса и ржи. Наряду с этим сельское население сдавало мед, что распределялось по отдельным волокам, в зависимости от числа имевшихся бортных деревьев. При этом следовали следующему правилу: если до проведения измерения волок со службы взимался больший медовый побор, чем предполагалось, то в таком случае и с волоки брался больший побор. Если же со службы брался меньший побор, то в этом случае количество меда, взимаемого с волоки, уменьшалось. В местно-

стях, где вследствие плохого качества почвы измерения волок не производилось, медовый побор взимался на основе старых ревизий. Наконец, держатель каждой волоки был обязан дважды в неделю работать на господарском дворе со своими харчами. Затем по указанию администрации все волости должны были отрабатывать 12 дней в год и, наконец, в течение 4 недель в году исполнять различные работы в замке, из них две недели осенью и две весной, как это требовалось по старым уставам и «по старине». Кроме того, на сельское население возлагались еще следующие повинности: по тяглу и по стороже. Первая выражалась исключительно в виде натуральных повинностей, а вторая могла заменяться деньгами: по 6 грошей с волоки и 1 осьмине жита (от 2 до 4 четвериков) специально за выставление сторожа.

В противоположность уставе 1557 г. устава 1626 г. не знает осадных крестьян, предусматривая уплату части повинностей натурой и не допуская денежной замены. Повинности населения становились более сложными и дифференцированными. Следует указать на то, что одновременно в западной части Белоруссии стала заметна тенденция к увеличению повинностей, возлагавшихся на население. Все денежные платежи и натуральные поставки, причитавшиеся господарскому скарбу, должны были доставляться исключительно в замок или на господарский двор. Как правило, это производилось в течение октября месяца, за исключением поставки сена и дров. Поставка последних производилась в три срока. Несвоевременное исполнение повинностей вследствие сознательной небрежности или вследствие злоупотребления каралось денежным штрафом, который после расследования устанавливался урядом.

Если крестьянин имел уважительную причину, он освобождался от штрафа. Аналогичным образом брался штраф за невыход на работу без уважительной причины (за каждый пропущенный рабочий день). Кроме того, виновный должен был отработать это время. Если крестьянин не выходил на работу, то, чтобы избежать штрафа, он должен был уведомить об этом своего соседа или заказника Наконец, в соответствии с уставой на волоки от 1557 г. устава 1626 г. запрещала откупаться от работы. Освобождались от нее только жители отдаленных сел, но за это они были обязаны платить державце 1 копу грошей.

Бобруйская устава хотя и сохраняет право подданных в отношении пользования лесными и речными богатствами, однако они не могут вполне свободно располагать доходами от своих занятий. Подданные могли ловить бобров, но они не могли продавать их без уведомления великокняжеского уряда. Уряд определял цену, однако, таким образом, чтобы поддан-

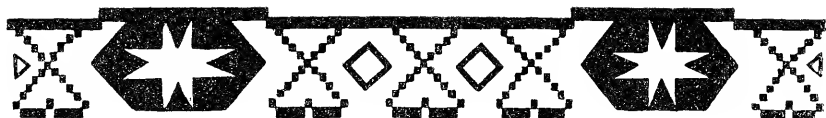
ный не терпел ущерба; только в случае отказа уряда от закупки, подданному разрешалось продавать бобров третьему лицу.

Охота в пущах не разрешалась подданным; если подданному удавалось добыть лося или козулю, то мясо сдавалось державце. Мелкие звери оставались в распоряжении самого подданного; если он хотел продать их третьему лицу, то должен был поступать так же, как и при продаже бобров. Чтобы избежать обмана подданных, устава точно определяет цену убитого волка или лисицы. Кроме того, в уставе содержатся некоторые предписания, касающиеся сохранения спокойствия и безопасности.

Бобруйская устава представляла собой попытку организации хозяйства в восточных областях на основе новых принципов. Она стремилась также уничтожить старые формы землевладения и землепользования и организовать фольварочное хозяйство. Теоретически в определенном объеме эти мероприятия были проведены, но аграрные реформы не уничтожили ни коллективного землепользования, ни коллективных повинностей. Отдельные села располагали общими сеножатями. При проведении аграрной реформы единицей площади земли считалась волока в 30 моргов. В сущности это была только расчетная единица, поскольку на практике число моргов в волоке было крайне различным, что, конечно, зависело от качества почвы: так, например, встречались волоки с 60 моргами земли. Устава 1626 г. не привязала подданных к земле, она предоставляла им право свободного переезда из одной волости в другую, при условии наличия замены. При выезде из волости подданный был обязан распродать свое имущество. Суд общины также не был уничтожен уставой 1626 г.; его сохранение частично объяснялось оставлением прежней организации волости. Впрочем, компетенция суда общины была незначительной. Он занимался только рассмотрением незначительных правонарушений, касающихся собственности. На суде присутствовали все держатели господарских земель. Заседания суда общины происходили в присутствии урядового вижа. За судом было оставлено только право вести следствие; формулирование виновности и установление наказания было делом уряда.

Перевод с немецкого Б. А. Константинова.

Aus der historischen Wissenschaft der Sowjetunion. Vorträge ihrer Vertreter Während der «Russischen Historikerwoche» veranstaltet in Berlin..., Berlin, 1929.



ИНСТИТУТ ХОЛОПСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XV—XVI вв.

I

Конец XV в. является переломным моментом в организации феодально-поместного Великого княжества Литовского в связи с увеличением спроса на продукты сельского хозяйства как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Благоприятная сельскохозяйственная конъюнктура побуждала великого князя и феодалов-помещиков принимать меры к увеличению производительности и доходности своих хозяйств. Инициатива в этом отношении принадлежала наиболее крупному землевладельцу — великому князю, который, начиная с 1514 г., стремился ввести известную систему в организации хозяйства своих поместий для усиления их производительности и поднятия доходности. Великий князь начал осуществлять свои хозяйственные мероприятия по организации хозяйства с опубликования уставы 1514 г. и закончил проведением новой землеустроительной политики, известной под именем «волочной померы», которая повлекла за собой как уничтожение прежнего общинного быта сельского населения, так и организацию фольварочного хозяйства на отдельном участке земли, выделенном из общего количества земель, находившихся прежде во владении сельского населения. Эти аграрные мероприятия укрепляли барщинно-крепостное хозяйство и вместе с тем способствовали массовому закрепощению сельского населения великокняжеских имений.

Эти хозяйственные мероприятия сначала вводились в великокняжеских дворах Западной Белоруссии и Литвы, поскольку западная часть Великого княжества Литовского была уже крепкими нитями связана с западно-европейскими рынками, предъявлявшими наибольший спрос на сельскохозяйственные продукты феодального поместья.

Все хозяйственные мероприятия великокняжеского правительства осуществлялись посредством усиления нажима на закрепощаемое и закрепощенное население феодального поместья. Вместе с тем они также затрагивали интересы «челя-

ди невольной» — лиц несвободного состояния, живших при дворах великого князя.

Частные землевладельцы, преследуя те же хозяйственные цели, принимали меры к организации своего поместного хозяйства на барщинно-крепостном труде.

Землеустроительная политика середины XVI в. — момент первостепенной важности в истории юридического оформления и укрепления феодально-крепостнических отношений, но эта сложная проблема требует отдельного исследования. Задача настоящей статьи — проследить эволюцию холопства в Великом княжестве Литовском вплоть до его юридической ликвидации статутом 1588 г. Без всестороннего изучения вопроса о холопстве в Великом княжестве Литовском невозможно составить себе отчетливое представление о формировании крепостного права в Белоруссии и Литве, тем более, что этот вопрос до сих пор мало привлекал внимание исследователей.

Первым, кто подошел к изучению источников холопства в Великом княжестве Литовском, был Ф. И. Леонтович[1]. Для того времени тематика Леонтовича была нова и свежа, и его исследование обратило на себя внимание ученых, занимавшихся историей Украины, Белоруссии и Литвы. Но основным недостатком исследования Ф. И. Леонтовича является его юридический догматизм. Леонтовича интересует юридическая норма, характеризующая правовое положение холопов, но самая норма рассматривается им вне связи с социально-экономической средой, без изучения которой становятся необъяснимыми как эволюция холопства, так и законодательная его отмена.

Несколько позднее тот же вопрос об источниках холопства был затронут И. Новицким[2], но он, как и его предшественники, подошел так же формально к изучению вопроса. В этом отношении исследование И. Новицкого не дало ничего нового, если не считать опубликования новых документов о челяди невольной в феодальных поместьях.

Большим шагом вперед по сравнению с названными исследованиями были соображения М. Любавского о значении холопов в качестве рабочей силы для феодального поместья[3]. М. К. Любавский впервые затронул вопрос о хозяйственном значении холопства для феодального поместья, но ограничился лишь характеристикой положения холопов на основе уставы

---

[1] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России по литовскому праву XV—XVI ст. «Киевские университетские известия», 1863, № 10.

[2] И. Новицкий. Очерк истории крестьянского сословия в юго-западной России в XV—XVIII вв. Киев, 1877.

[3] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892.

1529 г., преувеличив при этом значение в феодальном поместье труда холопов, которых он считал основной рабочей силой [4]. Совершенно правильны замечания М. Любавского, отвергающие соображения В. Антоновича и И. Новицкого, которые образование крепостного права в Великом княжестве Литовском связывали с холопством и считали отдельных представителей холопов крепостными. Если стать на эту точку зрения, то следовало бы признать, что Великое княжество Литовское было страной развитого рабства, в которой господствовал рабовладельческий способ производства, а между тем те же авторы признают, что холопов было немного. Не выяснив действительных причин происхождения и развития крепостного права, И. Новицкий и В. Антонович внесли много путаницы в этот вопрос.

Шагом назад была постановка вопроса о холопстве в Великом княжестве Литовском в более поздней работе Ф. Леонтовича [5]. Автор, к сожалению, игнорировал ценные наблюдения М. Любавского над социальным составом населения господарских дворов, основанные на громадном материале, извлеченном из архива Литовской метрики. Использование этих данных побудило бы Ф. Леонтовича быть более точным и осторожным в своих высказываниях. Методологические приемы Ф. Леонтовича довольно примитивны. Собранные им данные подвергаются весьма поверхностному изучению. Он больше ограничивается констатированием фактов, чем их анализом. К тому же Ф. Леонтович сам запутался в приводимых им сведениях о челяди невольной, в частности о численности холопов, рабочую силу которых он также считает основной в феодальном поместье. Совершенно справедливо указывает Ф. Леонтович на немногочисленность челяди невольной в начале XVI в. К половине XVI в., по его мнению, ее количество увеличилось, но причины, которые могли содействовать численному росту холопства, остаются невыясненными, Ф. Леонтович не только не разрешил вопроса, но еще больше запутал его.

Польский историк-юрист Ст. Кутшеба ограничивается изучением юридической стороны института холопства. К тому же и он допустил крупную методологическую ошибку, связывая происхождение крепостного права с институтом холопства [6].

---

[4] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 313—315.

[5] Ф. Леонтович. К истории административного строя Литовского государства. Панский двор в Литовском государстве. Варшава, 1897, стр. 48 и сл.

[6] St. Kutrzeba, Historja ustroju Polski u zarysie. Część II. Litwa — Lwów — Warszawa, 1921, str. 53—54.

Изучению истории холопства в Белоруссии и Литве должен предшествовать анализ той юридической терминологии, которой пользовались судебные организации в XV и начале XVI в. и Литовский статут 1529 г. как памятник феодального права Великого княжества Литовского.

Действовавшая в русских землях Великого княжества Литовского Русская Правда для определения лиц несвободного состояния пользуется разнообразной терминологией: «челядь». «челядин», «холоп», «раб», «роба», «холопство обельное». В феодальном праве великого княжества часть терминов Русской Правды была вытеснена новой терминологией. Так, например, вышли из употребления термины Русской Правды «холоп», «раб», «роба» как показатели полной юридической неволи. Правда, термин «обель» еще сохраняется в юридических документах также в смысле «вечности» владения, но им пользовались только при составлении актов купли-продажи: «купил сельцо обель», «купил двор отчинный обель вечно», «купил село и отчину обель». Невыкупленное заложенное имение можно было продать, что также обозначалось термином «обель» («в тех своих пенезях обель»)[7], но и этот термин также выходил уже из пользования в историко-юридических актах, относящихся к Западной Белоруссии и Литве.

Терминология Русской Правды содержалась только в «Уставной Грамоте Киевской земли»: «а коли будеть чоловек или холоп, или роба на господара своего сочити, ино с чоловеком и с холопом, и з робою суда нет, а чоловека и холопа, и робу господаря выдати»[8]. Киевская Уставная Грамота не допускает также показаний рабов на суде в качестве свидетелей. Показание холопа не имеет силы. В этом отношении Киевская Уставная Грамота сохранила один из самых главных признаков, свидетельствующих об отсутствии правоспособности и дееспособности холопов.

В историко-юридических документах XV и начала XVI в. можно отметить наличие различной терминологии. Наиболее распространенным термином, свидетельствовавшим о принадлежности мужчины или женщины к несвободному состоянию, был термин «челядь невольная», встречающийся уже в данинах великого князя Казимира[9]. Под этим термином обычно понимали, независимо от пола и возраста, совокупность всей

---

[7] Ф. Леонтович. Акты Литовской метрики, т. I. Варшава, 1898, № 228, 337, 347, 401, 454 (далее — АЛМ).

[8] М. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1915, прилож. IV, стр. 3.

[9] ДМАМЮ, т. I, стр. 61.

рабочей силы несвободных людей, находившихся в том или ином великокняжеском или частновладельческом имении. Иногда «челядь невольная» означала отдельное лицо. Нередко в документах встречается термин «челядь»; это свидетельствует о том, что данный термин настолько вошел в жизнь, настолько стал популярным, что добавление к нему еще другого термина — «невольная» — редакторы юридических документов признавали излишним [10]. С другой стороны, в судебных актах того времени не раз встречается термин «челядь вольная», под которым надо понимать вольных людей, находившихся на службе в поместье и исполнявших различные повинности по дому и хозяйству в помещичьей усадьбе. В хозяйственном отношении между дворовыми слугами свободными и несвободными не было никакой разницы, и поэтому вольные слуги могли называться челядью. На практике бывали случаи, когда и собственник имения находил возможным рассматривать свободную челядь как несвободную и считал ее непосредственной своей собственностью [11].

Вполне понятно, что термин «челядь невольная» широко распространился на территории Великого княжества Литовского в тот период, когда процесс экономической и политической консолидации великого княжества принял уже более или менее отчетливые формы.

Документы XV и начала XVI в. знают несколько категорий челяди невольной. Известны «челядь отчизная», «челядь позычанная», «челядь поспольная». Юридическое положение этих категорий челяди ничем не отличалось от положения челяди невольной вообще. Челядь невольная могла находиться в индивидуальном или коллективном владении, если сохранялась неделимость родового имущества. Отсюда становится понятным употребление в документах термина «поспольная» [12]. Иногда челядь могла быть отдаваема во временное пользование для услуг другому лицу. Такая челядь называлась «позычанной». В 1521 г. Боярыня Духна со своими сыновьями предъявила иск своей дочери Марине Янушковой Федькович, требуя возвращения находившейся у нее ее «челяди невольной» — Ганны с детьми. Свидетель, сын истицы, показывал, что его мать при выдаче своей дочери замуж «позычила на послугу доцче своей и сестре нашой», а потом мать требовала возвращения «жонки», но дочь не вернула ее. Ответчица Марина утверждала, что она «от матки своей не слыхала, естли бы то была челядь позычаная» [13]. Челядь невольная, которая

РИБ, т. XX, кн. I, стр. 94, 152, 161, 218 и др.

[11] Там же, стр. 17, 1532.

[12] Там же, стр. 1426.

[13] Там же, стр. 1532.

была собственностью владельца родового имени (дедины), называлась «челядью отчызновой»: «то челядь моя невольная, отчизная, тую челядь мели предки мои, дед и отец мой мел» [14].

Однако рядом с этим наиболее распространенным термином в судебных актах пользовались и другими терминами, которые также свидетельствовали о принадлежности лиц, как мужчин, так и женщин, к несвободному состоянию. Принадлежность мужчины к несвободному состоянию характеризуется термином «паробок невольный». Этот термин вошел в употребление в правление великого князя Казимира и встречается уже в земельных пожалованиях последнего [15]. Акты конца XV и начала XVI в. хорошо знают этот уже вполне сложившийся термин [16]. Для обозначения принадлежности мужского лица к несвободному состоянию иногда пользовались терминами «детина невольный» и «невольник» [17]. Что касается принадлежности женщин к несвободному состоянию, то, как общее правило, пользовались термином «жонка невольная» или «девка невольная» [18].

Кроме того, инвентарь, составленный в Смоленске в 1499 г. и описывающий имущество, оставшееся после пана Юрия Глебовича, пользуется терминами «челядь невольная, мужики и жонки», а для обозначения взрослых несвободных употребляет термин «челядь большая» [19]. Актовая терминология XV и начала XVI в. оказала влияние и на терминологию Статута 1529 г. — первого кодекса феодального права Великого княжества Литовского; термин «челядь невольная» встречается во многих статьях Статута [20]. Статуту известен также термин «невольник» [21].

Кроме того, составители Статута пользовались терминами «человек невольный», «челядь», «челядин невольный», «челядин» [22]. Для обозначения принадлежности женщины к несвободному состоянию Статут обычно использует термин «жонка невольная» [23]. Помимо этого, Статуту 1529 г. известен термин «слуга», равнозначный термину «челядин», поскольку

---

[14] Там же, стр. 249, 250, 316, 334, 376, 482.

[15] ДМАМЮ, т. I, стр. 48.

[16] АЛМ, т. I, № 89, 167, 364 и др.; РИБ, т. XX, кн. I, № 98, 184, 189.

[17] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 806, 1207.

[18] Там же, стр. 128, 312 и др.

[19] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прилож. 3.

[20] Статут Великого княжества Литовского 1529 г. «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 18, М., 1854, разд. IV, арт. 1; разд. XI, арт. 6; разд. XII, арт. 8 (далее — Статут 1529 г.).

[21] Там же, разд V, арт. 17; разд. XI, арт. 13.

[22] Там же, разд. XI, арт. 5, 6, 9, 10, 11, 12.

[23] Там же, арт. 5, 6, 7, 10.

юридическое положение слуги ни в чем не отличалось от юридического положения невольника [24].

Таким образом, под термином «челядь невольная» следует понимать все несвободное население. М. Любавский совершенно прав, отказываясь различать челядь невольную от паробков и видеть в последних «особый класс людей, который служит связующим звеном между невольниками в тесном смысле и отчичами, крепостными людьми» [25], что пытались доказать в свое время И. Новицкий и польский проф. Ст. Кутшеба [26].

III

Челядь невольная — необходимая принадлежность панского двора. При пожалованиях великим князем земель в частное владение, челядь невольная находилась в числе прочих объектов пожалования: «дано ему дворище..., а пятеронадцатеро челяди невольное»; «а дали... до права а не вечно... люди и челядь», «поделили промежи себя село... и люди, и челядь»; «записала ему пани Гоштовтовая Талуша и з людьми, и з челядию» [27].

При великокняжеских и частновладельческих дворах челядь невольная находилась в качестве рабочей силы. Она вспахивала дворовую пашню, ухаживала за скотом, выполняла разные работы в самой усадьбе, составляла домашнюю прислугу пана.

Отсутствие документов не позволяет положительным образом разрешать вопрос о численности челяди невольной, но можно с уверенностью сказать, основываясь хотя бы на тех немногочисленных данных, которые находятся в распоряжении исследователя, что количественно челяди было немного. Дело в том, что для конца XV и первой четверти XVI в. сохранилось очень небольшое количество инвентарей — хозяйственных описаний имений, которые позволяют определить удельный вес в феодальном хозяйстве рабочей силы — челяди невольной. Так, при великокняжеском поместье Бирштаны челяди невольной числилось 108 душ обоего пола, но в то же время при нем находилось «осочников двадцать и чотыри, под волостным приставом Петром осмдесят служоб, под приставом посельским Мацком девеносто и тры службы, под Римошом сто служб..., под Меркусом шестьдесят и семь служоб..., под Талисом сорок служоб, под Можелем, семдесят и пять служоб.., под Тимошем трыдцать и тры службы, под Свинуским приставом под Мелком

---

[24] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 14; разд. XIII, арт. 5.

[25] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 314

[26] St. Kutrzeba. Указ. соч., стр. 88

[27] АЛМ, т. I, № 27, 103, 123.

тридцать и пять служоб» [28]. Определить численность населения всего поместья Бирштаны не представляется возможным, так как «служба» — это повинность, которую несет на своего владельца крестьянское хозяйство — двор. Такой двор мог находиться во владении индивидуальной семьи, но в состав двора могло входить и несколько дымов, так что двор в таком случае представлял собой очень сложную кровнородственную или сябринно-товарищескую организацию. Двор Бирштаны был достаточно крупным феодальным поместьем. Крестьяне еще сохраняли волостную общину, но не имели выборных старцев, их заменили «пристава», под управлением которых находилось все население волости. Все население двора Бирштан было «осочниками», охранявшими великокняжеские пущи и зверей. При дворе не было значительной дворовой запашки, так как весь рабочий инвентарь представлен 10 волами и 7 клячами. При наличии такого немногочисленного рабочего инвентаря нельзя было вспахать значительное количество земли. Несомненно, что пашня обрабатывалась челядью невольной как для нужд двора, так и для удовлетворения потребительских нужд самой челяди невольной, получавшей месячину. В инвентаре не указано, сколько было среди челяди невольной мужчин, женщин и детей.

При великокняжеском дворе Перелая, где числилось 160 волостных людей, не было совсем челяди невольной. Хотя при Перелайском дворе была заведена собственная запашка, на которой было посеяно 90 бочек овса, но в самом дворе не было «ни одного вола, только одна кляча старая, а в дворе в свирнех ничого нет». Отсутствие челяди невольной при Перелайском дворе понятно. При усадьбе не было домашнего скота, а при этих условиях челяди невольной нечего было делать, так как усадебная запашка обрабатывалась волостными людьми [29].

При дворе Волковыйском числилось всего 10 семейств паробков, живших отдельными домами, т. е. имевших свое самостоятельное хозяйство. В то же время при том же дворе было 46 служб тяглых людей. В самом дворе не было ничего, кроме «свиней 2, гусей семеро, утитичу 3» [30]. При таком состоянии усадебного хозяйства челяди невольной нечего было делать в усадьбе. Естественно, что она была вся посажена на землю и кормилась от своего хозяйства.

Инвентарь тивунства Виленского, к сожалению сохранившийся неполностью, сообщает только данные о количестве челяди невольной. Так, при дворе в Вильне было 12 паробков

---

32 М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прилож. 5.

29 Там же, прилож. 6.

30 Там же, прилож. 8.

и 7 жонок; в Неменчыне — «челяди невольной паробков 17, жонок осм», в Ошвинтанех — «челяди невольной паробков 17, жонок 10» [31].

Известен еще инвентарь замка Витебского начала XVI в., также свидетельствующий, что при замковых дворах было немного челяди невольной. Так, при дворе Лужосенском челядь невольная была представлена 15 паробками и 5 жонками, «а робят малых пятеро»; при Любашковском дворе челяди невольной было «паробков осм, а малых робят двое»; при дворе Илемницком было только «паробков шесть, малых робят девятеро, жонка одна». При дворах была заведена собственная запашка, но она обрабатывалась тяглыми людьми. Во дворах не было совсем рабочего инвентаря, за исключением «одной рабочей клячи» в одном дворе и «двух рабочих кляч» в другом дворе [32]. Тяглые люди — это барщинно-крепостные крестьяне, которые «повинны службу уставичне служити». Вот почти все имеющиеся в распоряжении исследователя данные, которые позволяют составить представление о численности челяди невольной при господарских дворах. Конечно, в хозяйстве усадьбы челядь невольная составляла основную рабочую силу, но в хозяйстве всего феодального поместья она имела ничтожное значение, так как основной рабочей силой были тяглые люди, барщинно-крепостные крестьяне.

IV

Немногочисленная при великокняжеских и частновладельческих дворах челядь невольная обычно содержалась двояким образом: она находилась на господском иждивении — месячине или жила отдельными дворами, удовлетворяя свои продовольственные нужды продуктами своего домашнего хозяйства, иногда получая добавочное содержание от господского двора. Предоставление челяди невольной отдельного хозяйства свидетельствовало об убыточности содержания ее на месячине, о начавшемся процессе изживания челяди невольной как рабочей силы даже в дворовом хозяйстве. Этот процесс был неизбежен в условиях полного господства феодально-крепостнических отношений. Уже в Киевской Руси, как показал акад. Б. Д. Греков, холопы осаживались на землю и в хозяйственном отношении располагали известной долей самостоятельности. Арт. 19 Судебника великого князя Казимира 1468 г. заставляет паробков, совершивших впервые кражу, отвечать за нее своим имущест-

---

[31] Там же, прилож. 9.

[32] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прилож. 5.

вом. Правда, хозяйственная устава 1514 г. великого князя Сигизмунда I, предназначенная для великокняжеских дворов Виленского и Троцкого поветов, говорит о содержании челяди невольной только на месячине [33], но это не был единственный способ ее содержания, так как инвентарь двора Волковыйского указывает, что челядь невольная жила отдельными дворами, т. е. имела свое собственное хозяйство, а это было уже шагом к слиянию челяди невольной с крепостным крестьянством [34].

В первой четверти XVI в. в положении челяди невольной при господарских дворах намечались серьезные изменения. Феодальное поместье втягивалось в рыночные отношения. Великий князь, крупнейший землевладелец в Великом княжестве Литовском, был заинтересован в поднятии производительности и доходности своего феодального поместья. С этой целью в 1529 г. великий князь Сигизмунд I опубликовал новый хозяйственный наказ — «Уставу дворов наших у великом князьстве Литовском, тако в Виленьском, яко и в Троицком поветех».

В основном новая устава была развитием тех начал, которые были приняты во внимание при составлении первой уставы 1514 г. [35]. В уставе 1529 г. уделено достаточно внимания вопросу о способе содержания «челяди невольной» и о наиболее производительном использовании ее рабочей силы.

Устава следующим образом определяет роль челяди невольной в хозяйстве феодальной усадьбы: «теж, абы кождый державца каждого двора, еде есть челядь невольная, быдла в дворех наших мел досыть, и овшелыки сохи дворныи, абы челядь невольная дворными сохами робила, к размноженью пашни и дворов наших» [36]. Но рабочая сила челяди невольной и теперь не была основной в феодальном поместье. Устава 1529 г. отмечает, что «вси подданныи наши, которыи суть повинни службу уставичне служити, то есть люди тяглыи тых зоставляем для работ, наших дворов, яко пашни и подвод, по старому обычаю» [37].

Таким образом, дворовая пашня в великокняжеских имениях обрабатывалась рабочей силой челяди невольной и тяглых людей. Помимо работы на дворовой пашне, челядь невольная выполняла разные работы — «будованье» — во дворе феодального поместья, так как устава 1529 г. требует, чтобы «кождый державца дворы наши будовал, оправовал огородил, ставы

---

[33] Там же, прилож. 23.

[34] Там же, прилож. 8.

[35] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве, ч. I, М., 1917, стр. 111.

[36] Акты Западной России, т. 11, стр. 159, арт. 31.

[37] Там же, арт. 13.

и млыны, где могут быть роблены, а овшельки и в осень, коли наших работ нет» [38]. На обязанности челяди лежал уход за «кони стадныи, абы были добре хованы» [39]. Кроме того, «жонки», находившиеся на месячине, были обязаны дать «постав полотна на каждый год»; при этом державца должен был обеспечить жонок необходимым сырьем — льном, для чего известная часть дворовой пашни засевалась льном [40].

Челядь невольная жила или в самой усадьбе, или вне ее, имея свои собственные «приробки и бонды». Те из холопов, «которыи обыходу и домов своих не мают», получали месячину четыре раза в году — «по бочце жыта, то есть, берла, водле обычая давного». Челядь невольная, имевшая собственное хозяйство и движимое имущество, также дополнительно к доходам от хозяйства получала месячину — «полуторы копы ржи на рок» [41].

Устава 1529 г. не внесла ничего нового в хозяйственное положение челяди невольной. Она ограничивалась лишь определением ее дворовых повинностей. В этом отношении не было разницы между челядью, жившей на господарском дворе, и челядью, имевшей собственное, отдельное хозяйство, хотя эта последняя группа челяди невольной по своему хозяйственному положению и сближалась с сельским населением.

Вся устава 1529 г. в целом представляла собой попытку поставить ведение хозяйства в господарских дворах под контроль правительства, с возложением ответственности на державцу за невыполнение им своих обязанностей как управляющего господарскими поместьями. Видимо, устава 1529 г. выполнялась недостаточно, так как великий князь Сигизмунд-Август счел нужным в 1542 г. вторично ее опубликовать, и притом без всяких изменений [42].

Во второй четверти XVI в. для феодального хозяйства складывалась еще более благоприятная конъюнктура. Западная Европа начала предъявлять более значительный спрос на сельскохозяйственное сырье Великого княжества Литовского. Великий князь и класс феодалов были очень заинтересованы в увеличении своей сельскохозяйственной продукции для вывоза ее за границу и вместе с тем в повышении доходности имений. В этих условиях устава 1542 г. становилась уже устаревшей и не могла удовлетворять тем задачам, которые преследовало великокняжеское правительство в своей хозяйственной политике.

---

[38] Акты Западной России, арт. 18.
[39] Там же, арт. 30.
[40] Там же, арт. 7.
[41] Там же, арт. 2.
[42] Архив юго-западной России, ч. VI, т. I, стр. 11.

Накануне перехода к новой землеустроительной политике великий князь опубликовал «Уставу замков, державь и дворцов наших Великого княжества Литовского, так в Виленском, яко Троцким повете и яко ее старостве, державцы и урядници заховать мают». В исторической литературе она известна как Наказ старостам и державцам. Время опубликования новой уставы определено Н. Бережковым [43], точность наблюдений которого не вызывает никаких сомнений. До появления работы Н. Бережкова, М. Довнар-Запольский пытался приурочить опубликование уставы к более позднему времени, поставив ее в связь с опубликованием уставы на волоки 1557 г. Последнее предположение опровергается тем, что новая устава по своему содержанию и хозяйственной направленности весьма близка к уставам 1529 и 1542 гг. [44] Согласно новой уставе, хозяйственная роль челяди невольной в феодальном поместье остается прежней. Державца, или урядник, обязан был использовать рабочую силу челяди невольной для работы на дворовой пашне при помощи господарского хозяйственного инвентаря, которым должно было быть обеспечено каждое великокняжеское поместье. Уход за рабочим скотом входил в обязанности холопов. В обязанности «невольных жонок» по-прежнему входило тканье полотна. Каждая из них должна была доставить на двор державцы 50 локтей «полотна доброго». Кроме того, невольные жонки обязаны были летом «робить вшелякие работы», в которых нуждается дворовое хозяйство [45]. Девицы и малые дети, занятые уходом за скотом, освобождались от «давания полотна». Наконец, каждый державца должен был вести учет челяди невольной. Ежегодно им составляется реестр челяди невольной с целью определить уменьшение или увеличение ее количества.

Новая устава упоминает только о месячине, как основном способе содержания челяди невольной. Вместе с тем она возлагает на господарского державцу надзор за тем, чтобы каждый паробок и женщина заслужили месячину своей работой как летом, так и зимой [46]. Устава не упоминает о челяди невольной, сидевшей на небольших земельных участках,— приробках, и о выдаче ей добавочного содержания от двора. Очевидно, составители новой уставы не внесли никаких изменений в экономическое положение этой челяди, и паробки — держатели небольших земельных наделов — получили месячину по нормам уставы 1529 г.

---

[43] Н. Г. Бережков. Устава замков, державь и дворцов Сигизмунда-Августа, предшествовавшая волочной уставе. ЖМПП, 1911, № 5.

[44] В. И. Пичета. Аграрная реформа..., ч. I, стр. 118—128.

[45] РИБ, т. XXX, стб. 607.

[46] Там же, стб. 606, 608.

Анализ инвентарей середины XVI в. дает полное основание прийти к этому выводу. Несмотря на ограниченное их количество, можно с уверенностью сказать, что численность челяди невольной по-прежнему была незначительна. Это соображение подтверждается как инвентарями конца первой половины XVI в., так и Писцовыми книгами времени осуществления новой великокняжеской землеустроительной политики, которая, как известно, уже не знает челяди невольной, так как она вся осаживалась на землю, о чем речь будет ниже.

Количество челяди невольной по сохранившимся инвентарям можно представить в следующей таблице (см. ниже).

Незначительность челяди невольной свидетельствует об отмирании холопства как формы рабочей силы, которой пользовались в феодальном поместье. Основную рабочую силу составляли «тяглые люди» — барщинники-крепостные [47].

Часть челяди невольной находилась на месячине и жила во дворе поместья. Инвентарь двора Ворненского упоминает

Время составления инвентаря	Дворы	Паробки	Жонки	Дети
11 июня 1547 г.	Ворненский	4	4	9
20 декабря 1549 г.	Радошковичи	9	8	5
6 июня 1553 г.	Довгялишки	5	5	15
20 декабря 1549 г.	Костюшковский	2	3	4
20 декабря 1549 г.	Каменецкий	1	—	1
11 июня 1547 г.	Видинишки	1	—	3

об отдельной «челядни» — помещении для челяди невольной. Видимо, вся челядь невольная находилась на месячине, хотя в инвентаре не указаны ее размеры. В инвентаре замка Радошковичи сообщены сведения о земельных участках — приробках челяди невольной. Они состояли из пашни и сенокоса, но сенокосы не были обязательной составной частью земельного участка челяди невольной. В одном и том же дворе одни паробки пользовались и пашней и сенокосом, другие имели только пашни [48]. Размеры пахотной земли и сенокоса определялись бочками урожая и возами сена. В одном и том же дворе они были не одинаковы. Так, челядь невольная замка Радошковичи была посажена на земельные участки от 2 до 7 бочек при сенокосе

[47] В. И. Пичета. Указ. соч., стр. 178—180.
[48] ДМАМЮ, т. I, стр. 911—919.

в 2—3 воза. Обычно собственники «бондов» и держатели приробков получали месячину в размере 3 коп на семью. Получали месячину только взрослые, дети кормились от родителей. Только пастухи — мальчики и девицы, не бывшие поставницами или работавшие в качестве прачек «на врадников», не получая регулярной месячины, кормились от «господарского ключа»[49].

Приведенные выше данные позволяют прийти к выводу, что и во второй четверти XVI в. челядь невольная занимала в дворовом хозяйстве второстепенное место. Вся тяжесть работ на дворовой пашне падала на «тяглых людей» — барщинников-крепостных. Челядь невольная с развитием феодально-крепостнических отношений теряла свое значение как рабочая сила, оставаясь пережитком, обреченным на окончательное отмирание.

Челядь невольная составляла нераздельную часть того или другого земельного владения. Она являлась той движимой собственностью, которая находилась при имении и которой владелец мог распоряжаться по собственному усмотрению; в то время как, согласно Статуту 1529 г., владелец поместья мог продать только одну треть своей земли[50], он мог по собственному усмотрению свободно распоряжаться своей движимостью. Обычно при разделе имений между владельцами на равные части челядь невольная, как всякая движимость, подлежала разделу[51]. Помимо этого, челядь невольная была объектом отдельных гражданско-правовых сделок. Она, прежде всего, могла быть предметом продажи. Собственник челяди невольной при составлении соответствующей купчей крепости выдавал запродажный документ, который давал акту продажи юридическую силу. Обычно такой документ должен был иметь печать и подпись свидетелей, без которых запродажная сделка не имела юридической силы, и при возбуждении исков о незаконном удержании челяди невольной ответчику приходилось доказывать свое право на владение ссылкой на других свидетелей, которые могли бы удостоверить акт продажи на «братию свою и стороннии, которым заведомо, как я тую челядь покупил в мужа Болтромея»[52]. Челядь невольная могла быть предметом залоговой сделки — заставы — со стороны ее собственника[53]. При составлении духовного завещания челядь невольная обычно перечислялась вместе с движимой собственностью[54].

---

[49] Там же, стр. 95.
[50] Статут 1529 г., разд. I, арт. 16.
[51] АЛМ, т. I, № 263.
[52] РИБ, т. XX, кн. I, № 326.
[53] Там же.
[54] Там же, № 339.

V

Основные источники холопства уже были отмечены Русской Правдой. Они же сохраняли свою силу и в Великом княжестве Литовском. Статут 1529 г., кодифицируя шляхетское феодальное право, конечно, должен был внимательно отнестись к институту холопства, и действительно, институт этот получил в Статуте 1529 г. всестороннее освещение.

Согласно Статуту 1529 г., холопство — состояние наследственное. Дети холопов также становились холопами. Статут к первому источнику холопства относил тех, «которые здавна в неволи суть, або з невольных ся родят» [55]. В данном случае Статут 1529 г. стоит на почве холопского права Русской Правды. Правда, в этом раннем законодательном памятнике феодальной эпохи нет об этом прямого указания, но косвенные данные все же имеются. Для современников Русской Правды наследственность холопства была настолько очевидна, что кодификатор даже не счел нужным об этом упомянуть. Только в статье Пространной Правды об опекунах-родственниках можно найти косвенное подтверждение этому. Опекун за то, что «кормил и печаловался» о своих опекаемых, получает право пользоваться доходами от эксплуатации имущества, в частности «от челяди плод или от скота» [56].

Вторым источником холопства, согласно Статуту 1529 г., были пленные, «которые полоном заведены из земли неприятельской» [57]. В Русской Правде нет упоминания о том, что плен — источник холопства. По всей вероятности, кодификаторы раннего русского феодального права не сочли необходимым отметить плен как источник рабства, так как право на обращение пленных в рабов установилось обычаем и не нуждалось в юридической нормировке.

Третьим источником холопства Статут 1529 г. считает выдачу истцу лица, приговоренного к смертной казни за любое преступление, исключая «злодейства». Если истец пощадит выданного ему преступника и не убьет его, то он становится холопом. Равным образом будут невольниками и «дети их, которые ся будут потом родити» [58]. Этот источник рабства также известен Русской Правде, согласно которой за убийство «безо всякия свады» преступник выдается вместе с женой и детьми «на поток и на разграбление» [59]. Юридическая практика Великого княжества Литовского XV и начала XVI в. установила за убийство

---

[55] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 13.
[56] Русская Правда. М.—Л., 1940; Пространная Правда, ст. 99.
[57] Статут 1529 г. разд. XI, арт. 13.
[58] Там же.
[59] Пространная Правда, ст. 7.

смертную казнь, причем ответственность за совершенное преступление не распространялась на детей и жену убийцы, если они не принимали участия в преступлении [60]. В этом отношении Статут только подвел обобщающие итоги судебной практике достатутового времени. К четвертому источнику холопства Статут относит брак стороны свободной с несвободной, если только одна из сторон, вступающих в брак, знала о невольническом состоянии другой стороны. Естественно, что дети от такого брака будут находиться в состоянии холопства («хто-б ведаючи жонку невольную, хотя человек волный, ее понял, тогды и сам в неволю мает быти и дети их, будь музского стану або женского, тым же обычаем и жонка мает быти, если бы за невольного пошла ведаючи, тогды и сама в неволю поддается и дети их») [61].

Русской Правде известно возникновение холопства по суду. Должник, «аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортить, то како любо тем, чии то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля» [62]. Таким образом, Русская Правда предоставляла истцу право либо продать должника, либо оказать ему снисхождение и дать отсрочку.

Времени первого Статута уже неизвестна неволя как наказание за невыполнение принятых на себя долговых обязательств. Экономическая жизнь стала более сложной, и землевладельцы могли принять иные меры к обеспечению отданной взаймы денежной суммы: заставой людей должника, или записью кредитору части родового имущества, или вступлением во временное управление имением или частью имения, в зависимости от размеров долга [63]. Разумеется, так могли обеспечивать свой долг только собственники недвижимого имущества. Но ответчиками по долговым обязательствам могли быть и «люди простого стану». Судебная достатутовая практика знала два решения: либо частновладельческие люди выдавались головой истцам, либо же их собственник, не желая терять рабочую силу, уплачивал взаимообразно взятую ими сумму денег [64].

При развивавшихся феодально-крепостнических отношениях обращение должника в холопа было явно невыгодно: такого холопа надо было содержать. Более выгодным было использование его рабочей силы. Статут, признавая, что «человек волный за жадный выступ не мает взят быти у вечную неволю»,

---

[60] РИБ, т. XX, кн. I, № 97.

[61] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 13.

[62] Пространная Правда, ст. 54.

[63] РИБ, т. XX, кн. I, № 66, 216, 492; кн. II, № 42, 232

[64] Там же, кн. I, № 148; кн. II, № 234.

вводит систему рассрочек при выплате занятой суммы, из расчета 12 грошей за год работы, если собственник дал в пользование должника «присевок на пожиток». В противном случае год работы оценивался «полкопы грошей, а жонце двадцать грошей». Неотработанный долг переносится на детей из принятого Статутом расчета[65].

Русской Правде известно добровольное поступление в холопство посредством самопродажи. Она лишь требует, чтобы при заключении этого юридического акта были соблюдены определенные правила. Статут допускает самопродажу и продажу вольным человеком своих детей в рабство, но признает такие сделки условными, если они были заключены во время голода. Самопродавшийся или проданный в неволю вольный человек или его сын обязаны оставаться в неволе у покупщика в течение года; по истечении года («як год минеть») такие временные холопы могут, уплатив запродажную сумму, вернуться в свое прежнее вольное состояние. Разумеется, если такой вольный человек не в состоянии выплатить следуемую сумму, то он должен отработать полученные им деньги согласно принятой в Статуте расценке[66].

Наконец, Статут закрепил за владельцами холопов право распоряжаться своими холопами как собственностью[67].

Таким образом, законодательство Статута 1529 г. о челяди невольной обобщило судебную практику XV и начала XVI в., на основе которой формировалось «невольничье право» великого княжества Литовского.

VI

Состояние холопства — состояние наследственное. Собственник вправе распоряжаться холопом по своему усмотрению. Он мог его отпустить на волю, оформив соответственным документом предоставление ему юридической свободы. Без наличия такого юридического документа освобожденные холопы не могли считать себя вольными. Такие документы, разумеется, имели силу при рассмотрении отдельных исков, которые касались челяди невольной. Так, при рассмотрении дела боярина Станкевича по обвинению его в том, что он дал приют беглому паробку жены Варфоломея Подейковича, был предъявлен документ об отпуске на волю паробка, и слонимский державца, которому приходилось рассматривать это дело, признал паробка вольным человеком, а иск — не подлежащим удовлетворению[68].

---

[65] Статут 1529 г. разд. XI, арт. 7.
[66] Там же, арт. 11.
[67] Там же.
[68] РИБ, т. XX, кн. I, № 326.

Холопы могли стать свободными и по завещанию. Так, боярин слонимский Войтко Юшкевич отпустил на волю «четыре человека братенича, которые были в него в неволи». Правда, отпущенные на волю не совсем стали вольными, так как они были причислены к разряду тяглых людей и были обязаны служить, «потому, как и иншие люди тяглые служат». Челядь невольная в отдельных случаях могла освободиться от холопства по суду, если судья убеждался в вольном происхождении истца[69]. Так, невольник Левонец, возбудивший дело о свободе, доказывал ее тем, что его мать была вольной. На суде выяснилось, что его мать была «невенчанной» женой его отца — паробка, и суд освободил его «с той неволи: маеть он кому хотя ни служити»[70].

От холопства можно было освободиться, предоставив на свое место заместителя[71].

В судебной практике XV и начала XVI в. встречались случаи, когда вольные люди работали на своих господ на протяжении многих лет как челядь невольная. Иногда таким свободным людям, ставшим в силу давности челядью невольной, удавалось добиться восстановления своей свободы[72]. Не раз суду приходилось разрешать вопрос, считать ли челядью невольной детей, родившихся от сожительства свободного человека с «жонкой невольной». Этот вопрос уже стоял перед кодификаторами Русской Правды. Последняя признала, что дети рабыни от «мужа» не имею права на наследство, но получают свободу вместе с матерью[73]. Судебная практика времени Литовского статута стояла в этом вопросе на точке зрения Русской Правды. Интересно следующее дело. Слонимский боярин Андрей Ивашкович с невестками предъявил иск к детям Кондрата, которые родились от жонки невольной, но до предъявления иска владели частью его имущества. Слонимский староста Ян Миколаевич Радзивилович отказался признать детей Кондрата «паробками невольными», как этого требовала противная сторона, но вместе с тем он отказал детям жонки невольной в праве владеть недвижимым имуществом. Дети должны были лишиться части наследства и могли уйти из поместья «з их властными статки»[74].

Если челядь невольная являлась собственностью землевладельца, то на нем лежала обязанность содержать ее. В случае, если владелец челяди невольной не пожелает кормить

[69] Там же, кн. III, № 160.
[70] Там же.
[71] Там же, № 90.
[72] Там же, кн. I, № 188.
[73] Пространная Правда, ст. 98.
[74] РИБ, т. XX, кн. 1, № 98.

ее в голодные годы и выгонит со двора и она сама себя прокормит,— такая невольная челядь становится вольной. Однако челядь невольная должна была соблюсти при этом некоторые юридические формальности. Согласно Статуту, выгнанная со двора челядь должна была заявить об этом «враднику в повете», а в городах — «враду местскому — бурмистру, або мещаном, иж их выбили». Земская или городская администрация должна была убедиться в справедливости сделанного заявления. Если и после заявления челяди невольной владелец отказывался ее кормить, то челядь «вжо вечне мает быть волна» [75].

Во всех вышеуказанных случаях челядь невольная могла освободиться от холопства только с согласия своего владельца. Но Статут предусматривает случаи, когда челядь невольная могла стать свободной и без согласия владельца. Это происходило в том случае, если евреи или татары покупали христиан. В этом случае воеводы, старосты и державцы обязаны были «каждого хрестьянина» освободить от неволи. Купленные ими «на вечность» невольники и дети, рожденные от «купленое жонки», должны были работать на своих господ в течение 7 лет, по истечении которых они отпускались на волю. Из этой общей юридической нормы Статут делал исключения для тех татар-землевладельцев, которые владели землями, пожалованными великими князьями. Если при этих пожалованных имениях находилась челядь невольная, то татары-землевладельцы сохраняли за собой право владения ею [76].

VII

Положение холопов уже в период Русской Правды было очень тяжелым. Естественно, что у холопов должно было появиться стремление уйти от своего владельца и искать себе пристанища в другом месте. Законодательство Русской Правды, охраняя интересы класса землевладельцев, приняло ряд мер, направленных против тех, кто давал убежище рабам. Так, в случае бегства челядина владелец объявлял об этом на рынке. Те лица, которые дали пристанище беглым челядинам, были обязаны выдать их господину в течение 3 дней. В противном случае владелец имеет право вернуть холопов к себе, а лицо, давшее пристанище беглым, платит штраф в размере 3 гривн [77]. Русская Правда запрещает давать есть беглому холопу и указывать ему дорогу. Виновные в этом уплачивают денежные штрафы по таксе: «за холоп 5 гривен, а за робу 6 гривен» [78].

---

[75] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 12.
[76] Там же.
[77] Пространная Правда, ст. 32.
[78] Там же, ст. 112.

Феодальное право Великого княжества Литовского также выработало ряд юридических норм для защиты интересов собственников челяди невольной. Уже шляхетским привилеем 2 мая 1447 г. великим князем дано было обещание не принимать в господарские имения зависимого от шляхты населения, как-то: людей «данных, извечных, селенитых, невольных». Со своей стороны землевладельцы брали на себя те же обязательства.

В судебной практике второй половины XV и начала XVI в. иски о незаконном владении или захвате челяди невольной были обычным явлением. Лица, виновные в предоставлении пристанища челяди невольной, подвергались наказанию денежным штрафом [79].

Статутовое законодательство обобщило судебную практику и закрепило ее положительными юридическими нормами, но нормы Статута 1529 г. относительно пристанодержательства челяди невольной в сущности повторяют с незначительными изменениями нормы Русской Правды. Согласно Статуту 1520 г., если кто-либо виновен в том, что он, зная, что пришедший к нему мужик или жонка невольная были челядинами, «вказал им дорогу або хлеба дал, або их в себе переховал», и это было доказано, то на виновного возлагалась обязанность искать убежавшую челядь. В случае ее неотыскания он «маеть тому, чия челядь, платити» [80].

Статут 1529 г. выступает также против тех землевладельцев, которые принимали к себе беглую челядь, называвшую себя вольной. В случае, если собственник беглой челяди обратится к держателю ее с просьбой о выдаче и после двукратного обращения просьба его не будет удовлетворена, лицо, обвиняемое в незаконном держании челяди невольной, привлекается «ку праву земскому». Если на суде подтвердится справедливость предъявленных обвинений в незаконном держании беглой челяди и в отказе дать удовлетворение требованиям владельца, то ответчик обязан «навезати оного человека або челядина от того часу, как от него втекши в него мешкал подле Уставы тех прав», т. е. должен вернуть все убытки собственнику челяди невольной. Русская Правда, а вслед за нею и Статут 1529 г. устанавливают порядок отыскания беглой челяди. В случае бегства челяди ее собственник должен был об этом объявить [81]. После оглашения о бегстве челяди лицо, у которого будет находиться беглая челядь, обязано вернуть ее собственнику. По Русской Правде за «переем» холопа уплачивается гривна [82]. Статут также требует выплаты «переема» тому лицу, у которого находилась

[79] РИБ, т. XX, кн. I, № 235, 265, 325, 356; кн. III, № 4, 203.
[80] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 10.
[81] Пространная Правда, ст. 112; ср. Статут 1529 г., разд. XII, арт. 7.
[82] Пространная Правда, ст. 113.

челядь, если только собственник челяди невольной «заповедал» об этом [83]. Но и в том случае, если при объявлении о бегстве челяди не было упомянуто об уплате «переема», то при отыскании челяди ее держатель обязан возвратить ее собственнику без всякого вознаграждения — «позема». Если же кто-либо, давший пристанище у себя челяди невольной, не выдавал ее без «позему» или же взял «позем кгвалтом», силою, тогда он, как «за кгвалт», обязан уплатить 12 руб. грошей. Равным образом, если кто-нибудь спрятал у себя челядь невольную, несмотря на то, что объявлялось о бегстве челяди «поколку крат», а потом «в колку неделях», эта челядь будет найдена, тогда приютивший у себя челядь обязан «за страву толко от каждого челядина дати на неделю по грошу» [84].

Статут 1529 г., охраняя интересы собственников челяди невольной, сурово карает всех тех, кто пытался «выкрасть» или «вывести» челядь невольную. Пойманные с поличным на дороге, а также уличенные в предоставлении приюта беглой челяди караются «як злодей» [85].

VIII

Поскольку холоп не располагает никакой правоспособностью и дееспособностью, то вполне понятно, что ответственность за действия холопа падает на его владельца. Так, согласно Русской Правде, собственник отвечает за долги холопа перед угрозой потери последнего. Собственник отвечает и за кражу, произведенную его холопом. В противном случае совершившие кражу холопы выдаются пострадавшим лицам [86]. Этой же точки зрения держится и Судебник Казимира Ягайловича 1468 г.

Согласно арт. 19 Судебника, в случае, если совершивший «татьбу» паробок живет своим хозяйством и владеет «бондою», потерпевший получает вознаграждение из его «бонды». При отсутствии у паробка движимого имущества ответственность за кражу падает на господина. При вторичной краже паробок подлежит смертной казни — «ино паробка увесити», хотя бы кража была «меньше полукопья». Судебная практика того времени придерживалась законодательства Судебника [87].

Статут 1529 г. и здесь обобщает нормы Судебника и его судебную практику. Статут также упоминает о кражах, совершенных паробками, владеющими «бондами». Статутовое право

[83] Статут 1529 г., разд. XII, арт. 7.
[84] Там же.
[85] Там же, арт. 8.
[86] Пространная Правда, ст. 116—124.
[87] РИБ, т. XX, кн. I, № 310; кн. III, № 130.

еще более сурово по сравнению с Судебником Казимира. Даже первичная кража ценностью только «в полтину грошей» карается смертной казнью. Если украденные вещи будут стоить меньше «полтины», «тогда маеть з бонды его шкода плачона быти» или потерпевшему возвращается украденный предмет, а паробок подвергается наказанию «пугами». Вторичная кража, «хотя што десяти грошей стоить не будет», если преступника поймают с поличным «лицом», карается смертью — «на шибеницу выдати маеть» [88].

Статут устанавливает порядок делопроизводства по делам о воровстве, совершенном «человеком», схваченным «з лицем» на торгу или «у именьи княжском, и в панском, и в земянском». Задержанный с поличным «человек» должен быть отправлен к его собственнику, который обязан «справедливость чинити» — дать удовлетворение потерпевшей стороне [89]. В случае, если собственник-пан откажет в суде потерпевшему, тогда он обязан своего человека «перед судом нашим поставити». В противном случае пан будет вынужден «шкоду заплатити» — вознаградить потерпевшего за понесенные убытки [90].

Наконец, Статут 1529 г., как и Русская Правда, становится на защиту материальных интересов владельцев холопа, определив «головщину» — денежный штраф в пользу собственника за убийство паробка или жонки невольной. Размеры головшины зависят от степени квалификации холопов. За убийство ремесленников-холопов Статут установил головщину в размере 12 руб. грошей, наравне с прочими ремесленниками. За убийство неквалифицированного холопа или жонки невольной головщина была установлена в «пять коп грошей». В том случае, если холоп занимал какую-либо должность, «был во враде, в тивунстве, або у приставницстве был», головщина увеличивается в размере до 10 коп грошей, «до того часу, поки на враде». Если же холоп будет освобожден от врада, «тогды им головщина и навезка яко паробку» [91]. Равным образом и поранение челяди невольной карается денежным штрафом, причем нанесение раны жонке невольной карается в размере копы грошей — двойным денежным штрафом по сравнению с паробком невольным [92].

Поскольку Статут 1529 г. стоит на охране интересов феодального класса, постольку институт челяди невольной нашел в Статуте всестороннее освещение. Если сравнить холопство

---

[88] Статут 1529 г., разд. XIII, арт. 1.
[89] Там же, арт. 4.
[90] Там же, арт. 4, 5.
[91] Там же, разд. XI, арт. 1, 2, 3, 4.
[92] Там же, арт. 5.

по Русской Правде с невольничеством по Статуту 1529 г., то сравнение покажет известное сокращение источников холопства по Статуту 1529 г. Исчезло, например, невольничество по «тивунству без ряду». Продажа в вечную неволю в голодные годы стала невозможной. Прекратилось состояние вечного холопства за какой-нибудь «выступ», за исключением только «злодейства». Холопы, владеющие бондой, сами уплачивают «шкоду» при совершении ими кражи. Все это свидетельствует о том, что в положении челяди невольной происходили глубокие изменения. Она становилась невыгодной с хозяйственной точки зрения. Осаживание челяди невольной на земельных участках и право ее на владение движимым имуществом — бондою — служат известными показателями как внутренних изменений, которые происходили в институте холопства, так и тенденции сближения его с крепостным сельским населением.

IX

Вторая половина XVI в.— время серьезных изменений в народнохозяйственном развитии Великого княжества Литовского. Феодальное поместье связывалось с внутренним и внешним рынком. Класс землевладельцев был заинтересован в поднятии доходности и увеличении производительности своего хозяйства. При этих условиях старая система ведения хозяйства становилась убыточной; равным образом уже невыгодно было содержать челядь невольную на месячине, так как она могла быть использована более целесообразно для увеличения сельскохозяйственной продукции, предназначаемой для внешнего рынка. Да и сама челядь невольная как хозяйственная единица теряла свое значение рабочей силы, поскольку, согласно уставе на волоки, фольварочное хозяйство велось с помощью крестьян, посаженных на так называемых тягловых волоках [93]. Новые задачи, возникавшие перед феодальным хозяйством, которое становилось предпринимательским, требовали иной организации хозяйства и иного способа содержания холопов.

Королева Бона, мать Сигизмунда-Августа, в 1552—1555 гг. встала на путь осуществления новой землеустроительной политики в Пинском и Клецком княжествах. С 1557 г. Сигизмунд II Август приступил к проведению новой землеустроительной политики во всех своих феодальных поместьях, расположенных в нынешних западных районах Белоруссии и Литве, с какой целью им была опубликована новая хозяйственная устава, известная под именем уставы на волоки.

[93] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 20.

Естественно, что новая землеустроительная политика, проводимая Сигизмундом II Августом, должна была существенным образом отразиться на положении челяди невольной, изменив ее экономическое и юридическое положение.

Благоприятная рыночная конъюнктура, содействуя общему подъему сельского хозяйства, связывала феодальное поместье с внутренним и внешним рынками. Вместе с тем усиливалась эксплуатация крестьянства (мужиков, подданных), ухудшилось общее экономическое положение сельского населения и увеличивались его повинности. Все это ускоряло его дальнейшее закрепощение. При создавшейся новой экономической обстановке содержание челяди невольной «по старине» становилось убыточным. Ее положение в той или другой степени требовало изменения.

Производившие «ревизии» господарских дворов великокняжеские чиновники — ревизоры, учитывая новые приемы ведения хозяйства, приспособляли челядь невольную к новым хозяйственным условиям и стремились извлечь из этого разряда рабочей силы наибольшую для дворового хозяйства пользу.

Ревизоры сажали челядь невольную на землю и ставили последнюю в определенные экономические отношения к господарскому урядпику как руководителю хозяйства и ответственному за его постановку и доходность. Благодаря этому челядь невольная окончательно сливалась с тяглым крестьянством, и оба эти разряда сельского населения в хозяйственном отношении стали представлять собой нечто единое. Те же изменения в положении челяди невольной происходили и в частновладельческих хозяйствах.

Происходившее хозяйственное и юридическое сближение челяди невольной с тяглыми людьми не могло не отразиться и на юридическом положении крепостного населения,— не могло не увеличить его юридическую зависимость как от частного землевладельца, так и от великокняжеских управителей имениями. Землевладельцы и руководители, ответственные за доходность великокняжеского дворового хозяйства, были, естественно, озабочены тем, чтобы наличная рабочая сила не сокращалась.

Отсюда вытекала необходимость более реального прикрепления к земле тяглого населения по сравнению с предыдущим временем. Необходимость изменения хозяйственного положения челяди невольной была понята уже ревизорами королевы Боны, когда они вводили волочную померу в Пинском и Клецком княжествах. При введении волочной померы землеустроители королевы Боны должны были считаться с наличием челяди невольной при дворах Пинского и Клецкого княжеств. Правда, числен-

но она была незначительна. Распределение ее по отдельным дворам видно из таблицы [94].

Двор	Паробки	Жонки невольные	Итого
Селецкий	13	14	27
Ставецкий	8	14	22
Дружиловский	8	8	16
Стытычевский	24	16	40
Кнубовский	11	9	20
Цолковичский	5	—	5
Сеневский	11	2	13
Тетеревский	11	3	14
Малевский	18	2	20
Красноставский	6	5	11
Всего	115	73	188

Такова была наличность челяди невольной в имениях королевы Боны, расположенных в Пинском и Клецком княжествах. В связи с новой землеустроительной политикой вся наличная челядь была посажена на землю. Это не исключалось и ранее изданными хозяйственными уставами. Только раньше «приробки» челяди рассматривались в уставах как исключение. Теперь же в Писцовых книгах Пинского и Клецкого княжеств они выступают как общее правило.

Ревизоры обоих княжеств отвели челяди невольной определенные душевые наделы, не всегда одинаковые. Так, челядь невольная Селецкого двора была посажена на участки земли, прироблки, размером на душу мужскую и женскую по 9 моргов, разделенных на три поля. К этим 9-морговым земельным наделам были даны «надбавки» в количестве 11 прутов на участок [95]. Челяди Ставецкого двора было отведено 6 волок 18 моргов, так что на душу также приходилось по 9 моргов. Но равенство в наделе землей было нарушено тем, что отведенная земля была неодинакового качества. На 6 волок 18

[94] Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостой Станиславом Хвальчевским в 1552—1563 гг., Вильна, 1884, стр. 41, 43, 103, 109, 171, 228, 496, 475, 459, 405, 412, 413. Следует отметить, что во дворе Малевском среди челяди были «вольные жонки», сохранившие свою свободу, хотя и вышли замуж за рабов.

[95] ПКПКК, стр. 41—42.

моргов приходилось 4 волоки 18 моргов «грунту среднего» и 2 волоки «грунту злого» [96].

Надел землей челяди невольной Дружиловского двора был несколько больше — 11 волок 7 моргов, но такое увеличение объясняется плохим качеством отведенной земли («грунт бардзо недобрый» — 3 волоки 21 морг) [97]. Принимая во внимание, что в состав отведенного надела входили и приусадебные земли, можно считать, что челядь невольная Дружиловского двора была поставлена в менее выгодные условия по сравнению с челядью других дворов. Челядь Стытычевского двора была посажена на 9-морговых наделах, не включая в состав надела приусадебной земли. Из общего количества земли, отведенной для «паробков и жонок невольных», только 15 моргов $14^1/_2$ прута были «грунту среднего», остальная земля — 11 волок 4 морга $15^1/_2$ прута была отнесена ревизорами к «грунту злому» [98]. Эти 9-морговые наделы не могут равняться таким же наделам челяди невольной Селецкого двора, в котором отведенная челяди земля была по качеству почвы полностью «средняя». Земли, отведенные челяди Кнубовского двора, были исключительно плохого качества, разбросанные по разным местам среди болот. На один душевой надел приходилось 9 моргов [99]. Под оседлость челяди невольной двора Цолковичского большею частью была отведена земля по качеству «грунта злого». Эти земли были разбросаны «между болотами» и «под болотом». Под усадебную оседлость каждому из челяди невольной было отведено 17 прутов. Здесь надел был несколько выше обычного — 10 моргов 7 прутов. Из общего количества отведенной земли — 1 волока 23 морга $15^1/_2$ прута — на долю грунта злого приходилось 1 волока 22 морга $25^1/_2$ прута [100]. Челядь Тетеревского двора получила в свое пользование 4 волоки 6 моргов вместе с усадебной оседлостью, т. е. по 9 моргов на душу [101]. И челядь Сеневского двора получила участок земли в 9 моргов, но вся земля в размере 3 волок 27 моргов была по качеству почвы «злой» [102]. Челядь Малевского двора также получила по 9 моргов надела, но вся «паробоцкая земля» была «грунту среднего» [103]. Таков же был размер надела, отведенного челяди Красноставского двора [104], а также челяди того же двора,

[96] Там же, стр. 43—44.
[97] Там же, стр. 103—104
[98] Там же, стр. 171.
[99] Там же, стр. 172.
[100] Там же, стр. 228.
[101] Там же, стр. 490.
[102] Там же, стр. 475.
[103] Там же, стр. 459.
[104] Там же, стр. 405.

приписанной к с. Вязавичи, с той лишь разницей, что из общего количества 3 волоки 9 моргов на долю «грунта злого» приходилась 1 волока 18 моргов [105].

Таким образом, в Пинском и Клецком княжествах нормальным наделом челяди невольной был земельный участок в 9 моргов. В отдельных случаях, в зависимости от плохого качества земли, он несколько увеличивался. Но равные количественно наделы все же не были равны фактически, так как качество почвы было неодинаково. Правда землеустроители-ревизоры иногда стремились сгладить образовавшуюся разницу путем некоторого увеличения надела, но так бывало далеко не всегда.

Челядь невольная дворов Пинского и Клецкого княжеств частично уже сидела на прибробках и до аграрных мероприятий королевы Боны. Эти прибробки были измерены в моргах и прутах и оставлены за челядью. По крайней мере в одном случае челяди была дана «отмена» за отобранную у нее землю [106]. В тех случаях, когда челядь невольная вновь осаживалась на землю, она получала участок из общей дворовой земли [107]. Все земельные участки отводятся для «невольной службы». Этим как бы подчеркивается юридическая неправоспособность «паробков и жонок невольных». Иногда паробки осаживались на полных наделах и были обязаны нести тяглую службу наравне с прочими тяглыми людьми. В таком случае составитель Писцовой книги отмечал, что такие «тяглые паробки» из неволи не выпущены [108].

Осаженная на участки земли челядь невольная была обязана отправлять определенные повинности. С обычного 9-моргового надела держатели паробоцких моргов должны были работать 3 дня в неделю «с чем прикажут» и одновременно выполнять те или иные дворовые повинности, в зависимости от текущих хозяйственных надобностей [109]. Впрочем, в большинстве дворов не указываются нормы службы челяди; составители Писцовой книги ограничиваются указанием, что держатели паробоцких волок должны нести «невольницкую службу», содержание которой было вполне понятно составителям Писцовой книги. Таким образом, повинности челяди невольной и тяглых людей сближались. Действовавшая раньше норма, согласно которой брак свободной стороны с несвободной влек за собою холопство для свободной стороны, уже

---

[105] ПКПКК, стр. 413.
[106] Там же, стр. 103, 228.
[107] Там же, стр. 103.
[108] Там же, стр. 485, 496.
[109] Там же, стр. 476.

отживала. Писцовая книга отмечает наличие свободных жен у паробков невольных, и наоборот. Холопство явно отмирало, становилось устаревшим институтом.

Вследствие незначительных размеров надела посаженная на землю челядь невольная приближалась к состоянию огородников, обедневших крестьян, лишенных возможности взять для эксплуатации больший по размерам участок земли.

Опыт реорганизации феодального хозяйства, произведенный королевой Боной в Пинском и Клецком княжествах, внес существенные изменения в хозяйственное положение челяди невольной. Месячина была заменена осадой на 9-морговых участках, за держание которых челядь невольная была обязана выполнять барщинные повинности в течение 3 дней в неделю. Но перевод челяди невольной на землю еще не означал уничтожения холопства и полного слияния его с тяглым населением, так как она по-прежнему причислялась к разряду невольных людей. Устава на волоки 1557 г. с добавлением 1557—1558 гг. уже не упоминает о невольничестве. Согласно добавлению к уставе от 20 октября 1557 г., «служки дворовые» должны быть выселены из усадьбы и поставлены в такое же положение, как и волостные люди. Вместе с тем устава на волоки знает особый разряд сельского населения, известный под именем «огородников», на положение которых была переведена челядь невольная, до этого содержавшаяся на месячине. Ф. Леонтович в своем труде «Панский двор в Литовском государстве»[110], в котором он сообщил данные о челяди невольной, допустил ряд серьезных ошибок, могущих ввести в заблуждение исследователя. Сначала Ф. Леонтович правильно замечает, что челяди невольной при панских и великокняжеских дворах в начале XV в. было мало. Это замечание справедливо, так как об этом свидетельствует известный исследователям актовый материал, но затем оказывается, что к половине XVI в. численность дворовой челяди увеличилась[111]. Автор исследования допустил крупную ошибку, причислив к челяди невольной ту группу населения господарских дворов, которая была освобождена от тяглой службы и отправляла на великого князя специальные службы и повинности. Все они получали в свое распоряжение от 1 до 2 волок земли, свободных от всяких других повинностей и платежей. Ф. Леонтович не обратил должного внимания на исследование М. Любавского «Областное деление и местное управление», в котором подробно представлен состав населения господарского двора. М. Любавским отмечено, что крестьянские хозяйства, отправлявшие специальные службы и несшие особые

---

[110] Ф. И. Леонтович. К истории административного строя...
[111] Ф. И. Леонтович. К истории административного строя..., стр. 100.

повинности, были свободны от тяглой барщинной повинности. Эти разряды сельского населения были поставлены в несколько иные условия по сравнению с прочим сельским населением как занимавшие особое хозяйственное положение в феодальном поместье. При наличии таких специалистов челядь невольная, выполнявшая разные работы, в том числе и ремесленные, при дворе становилась ненужной.

Отделение ремесла от сельского хозяйства, происходившее в поместном хозяйстве, настоятельно требовало уничтожения холопства. Описания великокняжеских имений, составленные в связи с проведением новой землеустроительной политики, уже не знают челяди невольной как особого разряда сельского населения. Ее место заняли огородники. Справедливость этого положения можно подтвердить анализом данных Писцовой книги Пинского староства 1561—1566 гг., когда проводилась новая землеустроительная политика, а Пинское и Клецкое княжества, за отъездом Боны в Италию, перешли на правах «спадчины» — выморочного имущества — к ее сыну, великому князю Сигизмунду II Августу. Новая Писцовая книга знает только разряд огородников как особую группу населения.

Сравнение нового описания со старым позволяет установить, что среди огородников встречаются имена, причисленные к челяди невольной в первом описании Пинского и Клецкого княжеств. К Ставецкому двору было приписано 12 огородников, часть имен которых можно найти в первой ранней Писцовой книге. Из 12 огородников шесть имен встречается среди челяди невольной, приписанной к Ставецкому двору [112]. В Селецком дворе из 18 огородников одно имя старое [113]. Ко двору Стытычево было приписано 18 огородников; все они были прежде холопами [114]. Но паробок мог сидеть не только на огороднических моргах. В его пользовании находились целые волоки, и тогда фактически исчезала всякая разница между положением челяди невольной и господарского крестьянина [115]. И если бы составители Писцовой книги Пинского староства изредка не отмечали прежнего положения тяглого человека, то читатели ее и не заметили бы, что некоторые из паробков были посажены на землю размером в целую волоку [116].

Невозможно установить социальное происхождение огородников Кобринской экономии, так как в описании Кобринского

---

[112] Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда-Августа, в 1561—1566 гг. пинским и кобринским старостою Лаврином Войной, ч. I, Вильна, 1874, стр. 247.

[113] Там же, стр. 111.

[114] Там же, стр. 181.

[115] Там же, стр. 185.

[116] Там же, ч. 2, стр. 6.

староства нет соответствующих указаний [117]. Нет этих данных и в Писцовой книге Гродненской экономии и в Описании Берестейского староства.

Обычно огородники были при тех дворах, где находилась пашня, предназначенная для потребностей «врадника», величиной в 1 волоку в трех полях. Эта дворовая пашня должна была обрабатываться огородниками с помощью рабочего скота «врадника» [118]. Как общее правило, огородникам отводится земельный участок в 3 морга земли, с которого они обязаны «служити по одному дню в тыйдень пешо», а жены их должны выходить летом в течение 6 дней «до жнива альбо до полотья» [119]. В действительности огородники могли иметь в своем распоряжении и большие земельные участки. В этом случае пропорционально увеличивалась барщинная работа огородников и их жен. Так, огородники Селецкого двора Пинского староства имели в своем распоряжении земельный участок в 6 моргов, но и барщинная их работа была вдвое больше по сравнению с нормой работы с 3-моргового участка (2 дня барщины и 12 дней толоки) [120]. Так же были обеспечены землей огородники Ставецкого двора [121]. В распоряжении огородников двора Стытычева было по 10 моргов. Кроме двойной барщины, огородники эти были обязаны доставить во двор 12 плотов дров [122]. Огородники двора Черевачичи Кобринской экономии были держателями 13-моргового участка; при этом было дополнительно отведено под усадьбу по 1 моргу. В зависимости от нормы надела барщина с 9 моргов доходила до 3 дней в неделю, а женская толока до 18 дней в году. Кроме того, за усадебный морг и дополнительные морги огородники уплачивали чинш в размере 3 грошей [123]. Таким образом, огороднический земельный участок Уставы на волоки был не обязательным, а минимальным. Он мог быть увеличен, но пропорционально его росту увеличивалась и продолжительность мужской и женской барщины огородников.

Таким образом, в великокняжеских имениях исчезло холопство как вид рабочей силы при дворах. Часть его была осажена на огородницких волоках; в ее распоряжение могли быть переданы и тяглые и специальные волоки,— все зависело от того положения, которое невольники занимали в хозяйстве феодального поместья.

---

[117] РКЭ.
[118] РИБ, т. XXX, Устава, арт. 20.
[119] Там же, арт. 16.
[120] ПКПК..., ч. I, стр. 7.
[121] Там же, стр. 247.
[122] Там же, ч. 2, стр. 181.
[123] РКЭ, стр. 108.

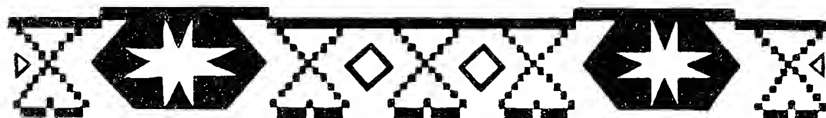
Поскольку челядь невольная как рабочая сила теряла свое значение, постольку на практике становились недействительными отдельные источники рабства. Прежде всего потеряло силу положение, согласно которому свободная сторона, вступившая в брак с несвободной, теряла свою юридическую свободу. Так, в инвентаре замка Радошкович от 20 декабря 1549 г. при перечне паробков и их жен, живших отдельными хозяйствами, отмечается, что у паробка была жена вольная [124]. Аналогичные явления отмечает также инвентарь замка Довгялишек от 6 июня 1553 г. [125]. Впрочем, вольные жены паробков в инвентарях — не общее правило, а исключение. Статут новой редакции оставил три источника [126] невольничества вместо четырех по Статуту 1529 г. Отпал источник неволи — выдача истцам лиц, приговоренных к смертной казни, «кроме злодейства». В остальном новый Статут сохранил без изменений «невольничье право» первого Статута. Это объясняется тем, что в то время как холопы великокняжеских имений сливались с сельским населением, в частновладельческих поместьях холопы еще оставались обособленными от сельского населения. Но такое положение могло быть только временным. Частновладельческое хозяйство также перестраивалось по принципам землеустроительной политики Сигизмунда-Августа. Организация барщинно-крепостного хозяйства требовала увеличения барщинного труда. Осаживание челяди невольной становилось неизбежным и приводило к слиянию челяди невольной с крепостным населением. Так окончательно сформировалось единое крепостное сословие, которое нашло свое юридическое отражение в законодательстве.

Статут новой редакции 1588 г. уже не знает челяди невольной. Все источники холопства потеряли силу. Новый кодекс шляхетского права подвел известные итоги длительному процессу образования крепостного права, юридически закрепив как уничтожение холопства, так и слияние челяди невольной с крепостным населением в следующей юридической формулировке: «Невольники вперед не мают быти з иншых причин одно полоненики, а иншая челядь невольная и теж дети потомки полонеников мают быти осаживаны на землях и розумены быти за отчичов, а татарские невольники мают быть осаживаны на их землях» [127]. Так шляхетское законодательство юридически оформило образование крепостного сословия.

«Исторические записки», т. 20, 1946.

---

[124] ДМАМЮ, т. I, стр. 94, 108.
[125] Там же, стр. 121.
[126] Статут 1566 г., разд. XII, арт. 11.
[127] Статут 1588 г., разд. XII, арт. 21.



ФЕОДАЛЬНОЕ ПОМЕСТЬЕ В XV—XVI вв. В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

ВВЕДЕНИЕ

В изучении истории Великого княжества Литовского начало 90-х годов прошлого столетия, несомненно, является переломным периодом. Новое направление в изучении истории Великого княжества Литовского было связано с опубликованием М. К. Любавским в 1892 г. ценной монографии: «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута»[1].

В то время как польская историография в лице К. Шайнохи, К. Стадницкого и других исследователей сосредоточила свое внимание на изучении главным образом проблемы польско-литовских уний XIV—XVI вв., М .К. Любавский обратился к изучению внутреннего положения Великого княжества Литовского как отдельного, независимого от Польши и самостоятельно развивающегося государства.

Такая постановка вопроса была совершенно правильной, поскольку уния Литвы с Польшей, связывавшая в XIV—XV вв. оба государства, существовала более номинально, чем реально, а Великое княжество Литовское внутренне развивалось самостоятельно, как политически независимое государство. Значение монографии М. К. Любавского состояло в том, что им был использован впервые богатейший материал Литовской метрики, архив Великого княжества Литовского.

Содержание труда М. К. Любавского отнюдь не определяется его заглавием. Оно значительно шире. Изучая организацию и деятельность органов центральной власти во главе с великим князем, а также провинциальной администрации, М. К. Любавский на огромном конкретном материале

[1] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892.

характеризует социально-экономическое развитие Великого княжества Литовского или, согласно его несколько искусственной терминологии, «Литовско-Русского государства».

Буржуазный позитивист, М. К. Любавский основывает свои наблюдения на большом фактическом материале, им впервые извлеченном из архива. Это, разумеется, одна из положительных сторон его исследования. Вместе с тем, однако, исследование М. К. Любавского перегружено фактическим материалом и лишено обобщающих выводов, хотя по отдельным главам он и подводит итоги изученному им фактическому материалу, стремясь вскрыть особенности описываемого явления. Труд М. К. Любавского, несмотря на свою значительную давность, до сих пор сохраняет научную ценность благодаря огромному фактическому материалу, им приведенному и остающемуся до сих пор в своей большей части неизданным.

В 1900 г. М. К. Любавский опубликовал новую монографию [2], в которой изучено формирование и развитие литовско-русского сейма до Люблинской унии включительно. И это исследование его основано на новом материале Литовской метрики. М. К. Любавский исследует здесь генезис и развитие литовско-русского сейма на общем фоне социально-политического развития Великого княжества Литовского, касаясь при этом вопросов литовско-польских отношений, формирования Господарской рады и ее политического значения, а также проблемы оформления шляхетского сословия. М. К. Любавский показывает, как постепенно расширялась компетенция сейма Великого княжества Литовского.

В своем втором исследовании М. К. Любавский говорит уже о наличии феодальных отношений в Великом княжестве Литовском, аналогичных феодальным отношениям в Западной Европе. Однако он понимает под феодализмом при этом не систему производственных отношений, а форму организации власти и управления, и остается, таким образом, на позициях историко-юридической школы.

В исследованиях М. К. Любавского было поставлено много вопросов первостепенной важности, которые, естественно, не могли быть им всесторонне изучены. Выдвинутая им тематика подлежала дальнейшему исследованию.

При изучении истории литовско-польской унии М. К. Любавский, анализируя юридическое содержание унитарных актов, основывается не только на точном толковании их текста, но и внимательно изучает реальное развитие польско-литовских отношений. Он показывает, что реально уния 1385 г.

---

[2] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1900.

в действительности никогда не была осуществлена, так как встретила сильное сопротивление со стороны феодальной знати Великого княжества Литовского, и что в период династических уний Польши с Литвой, заключаемых по инициативе Польши, Великое княжество Литовское сохраняло свою внутреннюю самостоятельность и проводило свою внешнюю политику, добавим,— классовую в своей основе. Касаясь вопроса о Люблинской унии 1569 г., М. К. Любавский отрицает ее реальный характер. По его мнению, уния 1569 г. была не реальной, а лишь парламентарной унией, при которой сохранялась внутренняя автономия Великого княжества Литовского. Великое княжество сохранило в 1569 г. отдельную администрацию, суд и судебную организацию, свое право, финансы, войско и монету. М. К. Любавский интересуется, однако, всеми поставленными вопросами главным образом с юридической точки зрения. Впрочем, он отмечает уже и классовую сущность Великого княжества Литовского и наличие борьбы в рядах феодального класса между магнатской прослойкой, с одной стороны, и шляхетской,— с другой.

Таким образом, М. К. Любавский в своих двух больших монографиях исследовал как организацию центрального и провинциального управления Великого княжества Литовского, так и его социальную структуру. М. К. Любавский справедливо полагает, что исследуемые им социально-политические институты — результат внутреннего развития Великого княжества Литовского и что их развитие не находилось под каким-либо влиянием соседней с ним Польши.

В обеих монографиях М. К. Любавского много внимания уделено формам феодального землевладения и вопросу о сборе прямого налога — серебщины, который после общеземского привилея 2 мая 1447 г. из ежегодного ординарного налога превратился в налог чрезвычайный. Много фактического материала было собрано в них о финансовых средствах Великого княжества Литовского.

К исследованиям М. К. Любавского тесно примыкает работа М. В. Довнар-Запольского «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» [3], в основе которой также лежит богатейший материал Литовской метрики. М. В. Довнар-Запольский специально исследовал вопрос о состоянии великокняжеского скарба. Ценность монографии М. В. Довнар-Запольского заключается в том, что в ней было уделено много внимания социально-экономическому положению Великого княжества Литовского, поскольку автор считал это необходимым для изучения государственного хозяйства

[3] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901.

Великого княжества и бюджета. Весьма серьезным недостатком исследования М. В. Довнар-Запольского является то, что он не замечает глубоких социальных сдвигов, происходивших в рамках Великого княжества Литовского от Ягайлы до Люблинской унии. Как и М. К. Любавский, М. В. Довнар-Запольский рассматривает Великое княжество Литовское как самостоятельную государственную огранизацию.

В 1902 г. появилась монография Н. А. Максимейко «Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г.» [4], в которой автор много места уделил критике взглядов М. К. Любавского на развитие литовско-русского сейма. Оба автора стоят на совершенно противоположных позициях. М. К. Любавский исследует развитие литовско-русского сейма на фоне внутреннего и внешнего положения Великого княжества Литовского, тогда как Н. А. Максимейко полагает, что сеймы возникли в XV в., главным образом под непосредственным влиянием напряженного внешнего положения Великого княжества. Конечно, исследование Н. А. Максимейко было шагом назад.

Труд Н. А. Максимейко, естественно, вызвал в свою очередь ряд критических замечаний со стороны М. К. Любавского. Так появилась новая работа М. К. Любавского по истории литовско-русского сейма, которая дала ему возможность показать правильность своих исследовательских приемов при изучении генезиса развития литовско-русского сейма [5].

В «Литовско-русском сейме» М. К. Любавский уделил известное внимание раде Великого княжества Литовского, поскольку необходимость изучения ее генезиса, состава и компетенции обусловливались ходом исследования истории литовско-русского сейма, который на известном этапе был лишь сеймом панов-рады с участием приглашенных князей и панов, не бывших членами великокняжеской рады.

И. А. Малиновский посвятил специальное двухтомное исследование раде Великого княжества Литовского [6], также основанное на архиве Литовской метрики.

Таким образом, благодаря трудам М. К. Любавского, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновского были изучены организация и деятельность органов власти центрального и провинциального управления в Великом княжестве Литовском, а М. В. Довнар-Запольский в своей монографии показал, ка-

---

[4] Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902.

[5] Новые труды по истории Литовско-русского сейма. ЖМНП, 1903, № 3 и 4.

[6] И. А. Малиновский. Рада Великого княжества Литовского в связи с Боярскою думою древней России, ч. I, 1903, ч. II, 1912. Томск.

кими источниками доходов располагал великокняжеский скарб, без чего характеристика деятельности органов центрального управления была бы далеко не полной.

Так был исследован один круг вопросов, связанный с внутренней организацией Великого княжества Литовского.

Уже в своей первой монографии М. К. Любавский уделил известное место изучению положения сельского населения в господарских имениях, находившихся под управлением великокняжеской администрации. Ему удалось показать, какие были разряды сельского населения и каковы были формы феодальной ренты. Одновременно он коснулся и вопросов организации сельской общины, главным образом в восточных областях Великого княжества. Наблюдения М. К. Любавского над разрядами сельского населения и изучение форм феодальной ренты, конечно, были далеко не исчерпывающими. Вопросы эти нуждались в самостоятельном дополнительном исследовании, тем более, что М. К. Любавский довел свою работу только до издания первого Литовского статута 1529 г.

Так возникла проблема изучения положения сельского населения в Великом княжестве Литовском.

Следует отметить, что русские дореволюционные историки уделили ей много внимания, в особенности Ф. И. Леонтович, неутомимый и плодовитый исследователь, труды которого всегда были основаны на большом фактическом материале — из архива Литовской метрики и многочисленных печатных изданий. Правда, Ф. И. Леонтович в своих трудах изучает вопрос с историко-юридической точки зрения. Его интересуют категории сельского населения, а не история крестьянства, как основного производителя материальных благ. Однако собранный им огромный фактический материал представляет собой известную ценность. Поэтому труды Ф. И. Леонтовича должны быть в центре внимания каждого, кто изучает историю крестьянства в Великом княжестве Литовском [7].

История литовского крестьянства привлекла также внимание М. В. Довнар-Запольского, опубликовавшего в 1897 г. небольшое исследование «Сельская община» [8], которое впоследствии им было пересмотрено и значительно дополнено и позднее вошло как отдельная глава в его монографию

---

[7] Ф. И. Леонтович. Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве. ЖМНП, 1896, № 2, 3, 4, 7, 10, 12; 1897, № 4, 5; его же. Сельские промышленники в Литовско-Русском государстве. «Варшавские университетские известия», кн. IV, V, VII, 1897; его же. Сельские ремесленники в Литовско-Русском государстве. «Варшавские университетские известия», кн. II, III, 1898.

[8] М. В. Довнар-Запольский. Сельская община. ЖМНП, 1897, № 6.

«Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в.[9]. Автор касается в своей работе «волочной померы» в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI в. Вопрос о волочной помере был частично затронут М. В. Довнар-Запольским и в его большой монографии «Государственное хозяйство», поскольку в связи с померой должны были измениться поступления в господарский скарб с господарских дворов и волостей. Однако труды М. В. Довнар-Запольского не разрешали полностью поставленного вопроса, тем более, что в них не был использован архивный материал, который позволил бы восстановить ход «аграрной реформы» и показать отношение к ней различных классовых прослоек, поскольку землеустроительная политика Сигизмунда-Августа задевала их интересы. К тому же исследования М. В. Довнар-Запольского в значительной степени носят описательный характер. Ряд вопросов, вытекающих из изучения существа волочной померы, был им оставлен без внимания. Между тем аграрные мероприятия Сигизмунда-Августа имели огромное значение для социально-экономического развития Великого княжества Литовского, поскольку они разрушали сельскую общину и укрепляли феодально-крепостническую систему в организации поместного хозяйства. Эти проблемы явились предметом специального изучения в труде В. И. Пичета «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве»[10]. В других своих работах В. И. Пичета стремился показать «аграрную реформу» Сигизмунда-Августа в действии, изучая организацию дворового хозяйства, а также состав и положение сельского населения после «аграрной реформы», точнее, «землеустроительной политики» Сигизмунда-Августа[11]. В основу этих работ были положены изданные Писцовые книги, составленные господарскими ревизорами при переустройстве хозяйства великокняжеских дворов.

Изучение землеустроительной политики Сигизмунда-Августа ставит перед исследователями вопрос о том, что же собой представляло феодальное поместье в Великом княжестве Литовском в период, предшествовавший аграрной реформе. Ча-

---

[9] М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI в. Киев, 1905.

[10] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве, т. I—II. М., 1917—1918.

[11] Состав населения в господарских дворах и волостях западной части Белоруссии в пореформенную эпоху. «Труды Белорусского гос. ун-та», 1923, № 4—5; Состав населения в господарских дворах Белоруссии в пореформенную эпоху. «Працы Бел. дзярж. у-ту», 1925, № 6-7; Гаспадарскія (вялікакняскія) двары у заходніх валасьцях Беларусі пасьля рэформы Жыгімонта-Аугуста. «Гістарычна-археолёгічны зборнік», № 1, Менск, 1927, и др.

стично эта проблема была затронута В. Ф. Владимирским-Будановым в его работе «Поместья в Литовско-Русском государстве» [12] и в названных выше исследованиях В. И. Пичета, а также в монографии последнего «История сельского хозяйства в Белоруссии» [13]; однако как самостоятельная научная проблема она до сих пор не была разработана. При этом объектом изучения были великокняжеские дворы, поскольку они, хотя и недостаточно полно, но все же представлены в инвентарях. Развитие феодального поместья в XV—XVI вв. объяснялось главным образом в связи с ростом емкости внешнего рынка, что в методологическом отношении было явно ошибочным, поскольку не был учтен внутренний рынок. Между тем в XV в. и в первой половине XVI в. города Великого княжества Литовского находятся в стадии экономического подъема и являются хорошим рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов и сельскохозяйственного сырья. Намечающаяся тенденция к замене ренты продуктами рентой денежной тоже предполагает наличие внутреннего рынка, потребляющего сельскохозяйственную продукцию. Непосредственный производитель, обязанный выплачивать земельному собственнику денежную ренту, должен был реализовать на внутреннем рынке некоторое количество своей сельскохозяйственной продукции, так как в противном случае денежная рента землевладельцу не была бы выплачена. Это пренебрежение внутренним рынком препятствовало правильному пониманию развития феодального поместья и организации в нем рабочей силы.

В период феодальной раздробленности в Великом княжестве Литовском, естественно, не мог образоваться «вселитовский рынок», формирование которого можно относить ко второй половине XVI в. Наличие местных рынков определяло развитие и организацию феодального поместья. В период феодальной раздробленности экономическое развитие Великого княжества Литовского было неодинаковым в отдельных частях его территории. Западная его часть была более развитой по сравнению с восточной, и это необходимо учитывать при изучении феодального поместья и его организации. Только в первой четверти XVII в. начинается перестройка феодального поместья в восточных областях Великого княжества в сторону сближения его организации с феодальным поместьем западных областей. Таким образом, все состояние историографии вопроса указывает на необходимость отдельного изучения организации феодального поместья в период, предшествующий

---

[12] В. Ф. Владимирский-Буданов. Поместья в Литовско-Русском государстве. Чтения в Историческом об-ве Нестора летописца, кн. III.

[13] В. И. Пичета. История сельского хозяйства в Белоруссии, т. I (до конца XVI в.). Минск, 1927.

реорганизации феодального поместья как великим князем, так и крупными землевладельцами во второй половине XVI в. Только изучение организации феодального поместья до половины XVI в. позволит глубже понять сущность землеустроительной политики второй половины XVI в., в ходе которой в Великом княжестве Литовском юридически оформились феодально-крепостнические отношения сначала в западной, а затем, с конца XVI в. и начала XVII в., в восточной его части.

Развитием феодального поместья, ростом его торговых связей с внутренним и внешним рынком объясняется экономическое и политическое усиление крупноземельной прослойки класса феодалов, державшей в своих руках все нити управления Великим княжеством Литовским. Поэтому абстрактное изучение организации феодального поместья в отрыве от общего экономического и социально-политического развития Великого княжества Литовского было бы методологически ошибочным.

С изучением вопроса о социально-экономической организации феодального поместья тесно связана другая проблема, которая до сих пор, как специальная проблема, была вне поля зрения исследователей, а именно — проблема феодальной общественно-экономической формации в Великом княжестве Литовском, без изучения которой проблема феодального поместья не может получить всестороннего освещения.

УСЛОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Развитие феодального условного землевладения как в великом княжестве Литовском, так и в других странах Восточной и Западной Европы было связано с общим состоянием народного хозяйства, с общим развитием производительных сил.

Несмотря на некоторые успехи в развитии как внутренней, так и внешней торговли, феодальное хозяйство сохраняло свой натуральный характер. Известным показателем натурального уклада хозяйственной жизни Великого княжества Литовского был сбор податей натурой. В то же время введение денежного налога — «серебщины» — показывало, что в общей структуре хозяйства уже происходили существенные изменения. Начинался процесс разложения натурального хозяйства и внедрения в него товарно-денежных отношений. Денежные ресурсы великого князя и крупных феодалов значительно увеличивались. Основной ценностью являлась земля. Эксплуатация земли давала продукт, который мог быть реализован на рынке.

Великий князь был юридическим собственником огромной земельной территории, эксплуатация которой составляла основной доход великокняжеской казны. Доходы с земельных владений великого князя могли быть использованы как в его собственных интересах, так и для нужд Великого княжества. При господстве натурального хозяйства великий князь мог вознаграждать своих должностных лиц только землей. Необходимость внешней обороны Великого княжества выдвигала перед князем проблему обеспечения государства необходимой военной службой. Согласно общему феодальному праву, каждый землевладелец должен был отправлять военную службу со своего земельного участка. Он должен был выходить на войну лично с известным количеством слуг пропорционально количеству земли, находившейся в его пользовании. Поэтому и великий князь и крупные землевладельцы были заинтересованы в том, чтобы иметь достаточное количество вооруженных служилых людей.

Как великий князь, так и крупные землевладельцы Великого княжества не были заинтересованы в том, чтобы передавать свою землю на вотчинном, аллодиальном праве. Они стремились к тому, чтобы сохранить за собой право собственности на землю. Раздача земли в условное владение вполне соответствовала их интересам.

Служилое землевладение — очень давнего происхождения. Без служилых людей великий князь не мог обойтись в борьбе против Ордена. Без служилых людей не мог обойтись великий князь в войнах с Русью и татарами. Чем сложнее становилась внешнеполитическая обстановка, тем требовалось большее количество вооруженных людей. Раздавая земли под условием несения военной службы, великий князь создавал огромную прослойку мелких и средних держателей земли, являвшихся его непосредственными вассалами. В свою очередь крупные землевладельцы были окружены такими же вассалами, во главе которых они выходили на войну.

Первые сведения о раздаче земли под условием службы в собственно Литве относятся ко времени Миндовга. В 1254 г. великий князь Миндовг пожаловал епископу Христиану Сассионы, Бетиголы и Луков. Получив в личное владение названные земли, епископ Христиан был обязан нести с них военную службу [14]. Систематическая раздача земель под условием несения службы началась со времени Витовта, когда внешнее положение Великого княжества стало особенно острым. Вслед за Витовтом также поступали Свидригайло

---

[14] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 329.

и Сигизмунд Кейстутович[15]. Начиная со времени Казимира Ягеллончика, эти земельные раздачи становятся массовым явлением. Систематически и непрерывно великий князь жаловал земли в вотчину и во временное владение.

Условное землевладение — это временное владение. Держатель получает в свое пользование участок земли на определенный срок.

Объектом пожалования было недвижимое имущество — земли, как населенные, так и ненаселенные, что было уже отмечено М. Ф. Владимирским-Будановым и другими исследователями[16]. В поместья жаловалось недвижимое имущество под разными наименованиями, а именно: земля[17], сад[18], служба[19], село[20], селище[21], слобода[22], монастырь[23]. Жаловались также сенокосы, пашни, волости[24], угодья, рыбные ловли[25], бобровые гоны[26], бортные земли[27], леса[28], церкви[29] и даже дома в городах[30].

Земельные пожалования великого князя обычно были следствием обращения самого просителя. В отдельных случаях его просьба поддерживалась разными панами или господарским наместником. Земли под условием службы обычно жаловались от имени великого князя как представителя верховной власти в Великом княжестве. Однако господарская рада принимала самое деятельное участие в управлении и распоряжении государственными имениями, поскольку привилей Сигизмунда I, выданный в 1506 г., юридически ограничивал власть великого князя, требуя, чтобы последний принимал решения по вопросам внутренней и внешней политики только по совету и с согласия панов-рады.

---

[15] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 591.

[16] М. Ф. Владимирский-Буданов. Очерки по истории литовско-русского права, т. I. Киев, 1889, стр. 5; М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 592.

[17] РИБ, т. XXVII, стр. 5, 17, 18 и сл.

[18] Там же, стр. 5; АЛМ, № 130, 152, 312.

[19] АЛМ, № 52, 116, 131, 133.

[20] Там же, № 32, 37, 42.

[21] Там же, № 16, 21, 43, 44, 54.

[22] Там же, № 207.

[23] Там же, № 501.

[24] Там же, № 128, 382, 24, 25.

[25] Там же, № 501.

[26] Там же, № 152, 299.

[27] Там же, № 299.

[28] Там же, № 309.

[29] Там же, № 19.

[30] И. А. Малиновский. Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней Руси, ч. II. Томск, 1912, стр. 164—170.

На местах, в волостях, раздавались земли наместниками и старостами, действовавшими в качестве великокняжеских чиновников. Впрочем, земельные раздачи только в том случае приобретали юридическую силу, если они были подтверждены великокняжеской властью. Чтобы получить великокняжеское подтверждение, лица, получившие от господарских чиновников земли, сообщали об этом великому князю [31]. Конечно, господарские наместники могли раздавать земли только во временное владение. Однако бывали случаи, когда земля, отданная наместником во временное владение, подтверждалась великим князем «на вечность» [32].

Вероятно, наместники-державцы злоупотребляли своим правом раздачи земли и наносили этим ущерб интересам великого князя. Только этим можно объяснить требование уставы 1529 г., данной державцам Виленского и Троцкого поветов, чтобы «державцы наши... не смели земель пустовских давати, яко в воеводствах, так и в староствах, так теж и во всих дворах наших, до нашое воли господарской». Если же кто-либо держит такие земли «за таковою даниною от панов», то по распоряжению господаря «у таковых тыи земли» отбирались и присоединялись к господарскому двору [33]. Это распоряжение великого князя логически вытекало из уставы 1514 г., выданной для господарских дворов Виленского и Троцкого поветов, и проникнуто стремлением увеличить доходность великокняжеского двора-поместья [34].

Раздача земель во временное владение происходила в равных юридических формах. Весьма распространенной формой условного владения была раздача земель «на хлебокормление». Под такой формой условного владения разумелась раздача сел, дворов и других доходных статей во временное пользование без обозначения срока пользования. По справедливому наблюдению М. К. Любавского, раздача господарем земель «на поживенье» или «хлебокормление» обычно вызывалась неприятельским нашествием, когда землевладелец временно лишался своей земли [35]. Об этом говорят документы. Великий князь, жалуя земли «на поживенье» или «хлебокормление», обычно в своем листе (грамоте) на право пользования землей добавлял: «до тых часов, пока отчизну его однимем от неприятеля нашего великого князя Московского»;

---

[31] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 601 и сл.; АЛМ, № 112, 116, 118, 126 и др.

[32] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 602.

[33] АЗР, т. II, стр. 198.

[34] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прилож. № 23.

[35] Там же, стр. 392; АЛМ, № 249, 738 и др.

«до тых часов, пока отчизну очистим», «пока, даст бог, тот его замок... з рук неприятельских вземши и ему отдадим», «до очищения отчизны». Имения «на хлебокормление» обычно жаловались самим великим князем после соответствующего челобитья [36]. Впрочем, было бы ошибкой считать, что раздача земель «на хлебокормление» вызывалась только неприятельскими военными действиями и необходимостью поддержать беженцев. Этой юридической формулой великий князь пользовался и тогда, когда лицо, получившее землю «на хлебокормление», находилось на территории, на которой не происходило никаких военных действий [37]. Обычно «на хлебокормление» господарем жаловались населенные земли «с челядью и з животиною и з людьми» [38]. Разумеется, получивший землю во временное владение располагал правом эксплуатации того населения, которое было связано с пожалованной землей.

Если земли «на хлебокормление» раздавались в силу внешних обстоятельств, то, разумеется, в случае возвращения держателя земельного пожалования «на хлебокормление» на прежнее место жительства — в свою вотчину пожалованная земля отбиралась великим князем [39]. Земли, пожалованные «на хлебокормление», могли остаться в руках держателя в вечном потомственном владении на правах «отчины», если на это была воля господаря [40].

Обычно такие пожалованные земли были бессрочными, поскольку срок владения ими определялся ходом военных действий. Однако рядом с такими держаниями были и держания на определенный срок. Так, боярин Андрушко Павлович получил от великого князя Александра двор Красное вместе с людьми на 3 года [41].

Наиболее обычной формой условного владения была раздача земли «до воли», «до полной воли», «до воли господарской», «до своей воли», «до воли и ласки господарской», «до нашой воли и до лепшего доведования», «до нашего осмотрения» [42]. С юридической точки зрения раздача земель «до воли» означала, что срок прекращения владения землей и возвращения ее обратно в господарский земельный фонд зависел только от усмотрения самого господаря. На таких условиях раздавали земли все великие князья литовские: Казимир, Александр

---

[36] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 593—595.

[37] Там же, стр. 594.

[38] Там же, стр. 593.

[39] Там же, стр. 594.

[40] Там же, стр. 595.

[41] АЛМ, № 625.

[42] Там же; РИБ, т. XVII, стр. 6—9; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 552; АЛМ, № 75, 86, 124.

и Сигизмунд. Раздача земель «до воли» была наиболее распространенным типом условного владения. Условное владение «до воли» не могло быть краткосрочным, поскольку великий князь был заинтересован в том, чтобы держатель нес с него военную службу. Можно предполагать, что «воля» господаря наступала тогда, когда держатель по тем или иным причинам не нес военной службы. Когда в документах встречаются случаи отобрания «отчины» у землевладельцев, если они не несут военной службы [43], то мы вправе допустить, что великий князь так поступал с держателями земли «до воли», поскольку только военная служба, связанная с землей, давала юридическое основание владеть землей на условном праве.

Условное владение землей «до воли» отнюдь не обеспечивало интересов держателя и его семьи. Вероятно, эта неустойчивость условного землевладения «до воли» вызывала беспокойство и недовольство со стороны значительной прослойки феодального класса. Возможно, что именно это недовольство побудило великого князя Александра в выданном им классу феодалов привилее специально оговорить то обстоятельство, что все владения «до воли» (ad arbitrium et voluntatem suam) остаются в их руках опять-таки на условиях «до воли» [44].

Каждый держатель был обязан отправлять военную службу за счет тех доходов, которые он получал от эксплуатации своего имения. При полной неопределенности сроков владения держатели земли не были заинтересованы ни в улучшении своего хозяйства, ни в заботливом отношении к его производительным ресурсам. В силу этого владельцы земли «до воли» могли только «опустошать» и разорять свои имения и сидевшее в них крестьянское население. Держатели условного земельного владения хлопотали перед великим князем о передаче земли во владение их детям или родственникам, и великий князь вынужден был итти им навстречу. Это было своеобразной формой передачи земли по наследству, хотя великий князь при передаче земли оговаривал, что она жалуется «не на вечность» [45].

Объективные экономические условия, а также стремление землевладельцев удержать землю в своих руках создали новый вид условного землевладения, так называемого «доживотного», пожизненного землевладения. Этот вид условного землевладения более отвечал интересам землевладельцев, чем держание земли «до воли».

[43] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 558.

[44] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910, стр. 31.

[45] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 553.

Новая форма условного землевладения начинает получать распространение с конца XV в. По крайней мере, первые пожалования землей «до живота» относятся к 1494 г. [46]. При Сигизмунде она стала распространенной формой условного владения [47]. Но и эта форма условного землевладения не вполне отвечала интересам феодалов.

Их интересы были бы удовлетворены в значительно большей мере в том случае, если бы земельное пожалование, продолжая оставаться условным, было бы в то же время наследственным, хотя бы и без права распоряжаться им.

Великому князю приходилось считаться с этими интересами своих вассалов и итти навстречу их требованиям, жалуя земли на более продолжительных и прочных началах. В связи с этим отдельные лица получали землю в условное владение с правом передачи земли «по его животе» его сыну, если таковой будет [48].

Такая форма условного землевладения была известна под именем пожалования земли «до двух животов». Владение такой господарской «даниной» прекращалось со смертью сына. В дальнейшем великий князь Литовский будет раздавать земли и до трех «животов», т. е. до смерти внука держателя земли.

Таким образом, создавался порядок передачи земли по наследству по мужской линии, но без права передачи. Такого рода форма владения землей стала называться владением на ленном праве и получила широкое распространение между первым и вторым статутами [49].

Выше отмечалось уже, что держатель такого условного владения не располагал правом распоряжаться им, но во всяком случае он мог быть уверен в том, что его земли не будут отобраны по прихоти господаря и что его капитал, вложенный в землю, не пропадет даром.

Независимо от того, какова была форма условного землевладения, держатели земли не могли удовлетвориться ею. Естественно, что они стремились превратить условное землевладение в «вечность», стать «отчинниками», приобрести право распоряжения землею согласно нормам феодального права.

Чтобы условное пожалование стало «вечностью», необходим был соответствующий «лист» великого князя, который

---

[46] АЛМ, № 187.

[47] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление.., стр. 591—592.

[48] АЛМ, № 468.

[49] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 594.

предоставил бы владельцу право собственности на землю. Обычная выдача великим князем листа «на вечность» была результатом обращения держателя условного владения к великому князю как к лицу, которому принадлежит право распоряжения государственной землей.

Таким образом все виды условного землевладения «на пожалование», «на хлебокормление», «до воли и ласки», «до живота» могли стать «вечным владением».

Изменение юридической формы землевладения обычно мотивировалось проявлением «ласки господарской» ввиду заслуг просителя как перед самим великим князем, так и перед государством. Помимо заслуг, в господарском жалованном листе иногда упоминалось и о поддержке ходатайства просителя какими-либо влиятельными лицами. Наши документы пестрят жалованными листами господаря на вечное владение землей.

Обыкновенно такой господарский лист разъяснял, как надо понимать «вечность». Держатель «вечистой власности» получал право свободного распоряжения своей землей, разумеется, с соблюдением существующих феодальных правовых норм. Он мог ее «продати, меняти... и ку лепшому обернути». Господарский лист «на вечность» представлял право «вечно и нерушно» владеть землей самим держателям, «их жонам и их детем, и напотом будучым их счадком со всим потому, как и отец их держал»[50].

Если отдельные держатели условного земельного владения сами, без господарской «ласки», считали свое земельное держание «отчиной», то, как только подобный факт становился известным великому князю, такое земельное владение, юридически не оформленное в вотчину, отбиралось обычно господарем.

Великий князь Александр в своем привилее, выданном шляхте при вступлении на престол, давал торжественное обещание сохранить на вечные времена все те «данины», которые раздавал кому-либо его родитель, если только они были утверждены великокняжеским листом[51]. Это значило, что великий князь брал на себя обязательство охранять права держателей земли только в том случае, если землевладельцы располагали официальными документами. Всякое владение землей, не основанное на официальном документе, объявлялось незаконным держанием. Из этого общего положения вытекало право великого князя на конфискацию земли у лиц, не имевших документов, обосновывающих их права владения.

---

[50] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 595.

[51] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., стр. 311.

При проверке прав на землю могли лишиться земли и те земельные держатели, которые считали свои земли «отчинами». В этом случае землевладелец, земельные права которого были нарушены, должен был обращаться в верховный суд великого князя. Если предъявленный иск о земле был достаточно документально обоснован, то отобранная у владельца земля возвращалась ему обратно. Держатель же земли получал от великого князя «судовый лист», восстанавливавший его право владеть землей на правах «отчины».

Изложенная выше эволюция условного землевладения свидетельствовала об отмирании этого земельного института, как устаревшей формы земельного держания, поскольку она не отвечала интересам самого держателя земельного владения — феодала.

ЗАСТАВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Под заставным землевладением («застава»), весьма распространенным в конце второй половины XV и начале XVI в., следует понимать передачу недвижимого имущества в руки арендатора в виде обеспечения полученной собственником земли денежной ссуды. «Заставы» имений были договорным частноправовым актом, который сохранял за землевладельцем право собственности на землю. Поэтому владелец, отдавший имение в «заставу», продолжал нести с заставного имения основную феодальную повинность — военную службу, если в его владении оставалась земля, которая могла обеспечить отправление военной службы. Держатель заставы получал право эксплуатации имения, собирая доходы с него в виде процентов за выданную ссуду. Срок заставы обычно прекращался с момента выкупа заставного имения. Появление нового вида феодального землевладения было связано с теми изменениями, которые происходили в экономической жизни Великого княжества Литовского.

Втягивание феодального поместья в рыночные отношения содействовало накоплению денежных средств в руках крупных землевладельцев и богатой городской прослойки.

Накоплению капиталов в руках землевладельческой знати в известной мере способствовал и феодальный иммунитет, согласно которому землевладельцы были освобождены от уплаты в господарский скарб постоянного денежного налога, известного под именем «серебщины», и от всех натуральных повинностей, за исключением повинностей, связанных с обороной страны. Все эти иммунитетные права были закреплены в общешляхетском привилее от 2 мая 1447 г. Благодаря привилею серебщина из регулярного налога превратилась в экстрен-

ный налог, устанавливаемый сеймом, главными участниками которого были паны-рада и приглашенные специально королевскими листами князья и паны.

В условиях господства натурального хозяйства увеличение дохода с накопленных денежных средств было возможно только при посредстве ростовщических сделок — выдачи денег в кредит, разумеется под известной гарантией. Такой гарантией могло быть земельное владение. Широкое развитие денежного кредита и сосредоточение в руках магнатов значительного по размерам заставного землевладения увеличивали экономическое и политическое значение магнатства. Усиление экономических и политических позиций магнатства в XV в. и начале XVI в. привело к установлению в княжестве его диктатуры.

Правом отдачи земель в заставу располагали как юридические, так и физические лица, если последние пользовались гражданской правоспособностью и дееспособностью. Основанием права заставы была непосредственная принадлежность земли на правах собственности лицу, отдавшему землю и заставу. Великий князь и земельные собственники широко воспользовались заставным правом для получения необходимых денежных средств. Отдача господарского имения в заставу сопровождалась выдачей из великокняжеской канцелярии «листа», который давал юридическое право кредитору вступать во временное владение заставным имуществом. Заставный лист прежде всего подробно перечислял то недвижимое имущество, которое передается в заставу, условия заставы и срок ее.

Господарские дворы и волости отдавались в заставу со всем тем населением, которое жило в них, и со всеми теми доходами, которые великий князь имел возможность получать с имения до отдачи его в заставу.

Держатель заставы не только получал право эксплуатации заставного имения, к нему же переходила и вотчинная юрисдикция. Исключения не составляли и господарские бояре, непосредственно по земле зависевшие от великого князя.

С отдачей господарского двора или волости в заставу прекращалась судебная деятельность местных органов власти — воеводы. Последний терял право въезда в волость для сбора налогов; запрещался въезд и его служебным людям.

Таким образом, держатель заставного имения располагал полным финансовым и судебным иммунитетом. В его распоряжение поступали: а) доходы от эксплуатации имения, б) «поплатки» населения под разными наименованиями, которые раньше население волости или двора выплачивало великому князю, в) судебные пошлины. Впрочем, в отдельных случаях держатель заставы был обязан поставлять великому князю известное количество бочек жита, овса и возов сена. Помимо

выполнения этого обязательства, держатель заставы должен был «поднимать» великого князя «стациями», т. е. давать подводы «подлуг давного звычаю». Если великий князь, отдавая дворы и волости в заставу, получал денежную компенсацию в виде заставной денежной суммы, то для воеводской власти, его должностных лиц, застава имения была убыточной, поскольку она лишалась известной части податей, собираемых с населения судебных пошлин и штрафов, а воеводские должностные лица — возможности при собирании налогов и выполнении своих обязанностей грабить население. При возвращении заставы великому князю держатель должен был вернуть господское имение в том виде, в каком оно было отдано в заставу. С этой целью переписывались дворовый скот и оставшаяся в господарском дворе сельскохозяйственная продукция.

Раздача господарских дворов в заставу приняла массовый характер при Сигизмунде I, в правление которого, по мнению Л. Коланковского, положение господарского скарба было особенно напряженным. Отдача дворов, городов и волостей приходится главным образом на 1516—1529 гг. Затруднительное финансовое положение литовского князя было связано с напряженным внешнеполитическим положением Великого княжества, которое требовало от господарского скарба значительных денежных средств. Между тем великокняжеская казна была пуста. Нормальным законодательным путем нельзя было получить нужные для войны денежные средства, ибо привилей 2 мая 1447 г. освободил всех землевладельцев от уплаты серебщины, которая теперь из регулярного налога превращалась в чрезвычайный, устанавливаемый самими землевладельцами на сейме. Участниками последнего были паны-рада, князья и паны, не состоявшие в составе господарской рады. Обычно такие крупные землевладельцы приглашались на сейм именными господарскими листами. Право занимать должности по центральному и провинциальному управлению, а также право принимать участие в господарской раде было привилегией панов-католиков. Православные магнаты, как общее правило, не допускались в раду. Впрочем, были случаи, когда в господарской раде заседали крупные православные землевладельцы, такие, как князь К. Острожский. Это, однако, было исключением, а не общим правилом. Поэтому, когда собирались сеймы для решения разных вопросов, в частности о назначении сбора «серебщины», то, естественно, было необходимым присутствие наиболее видных землевладельцев обоих вероисповеданий, не состоявших членами господарской рады.

Господарская рада не была щедрой. Магнаты предпочитали держать великого князя в полной финансовой зависимости от

себя. Поскольку доходы от господарских волостей не могли покрыть всех текущих расходов, великий князь вынужден был обратиться к частному кредиту и стать на путь заставы своих дворов и волостей.

Систематическая раздача великим князем дворов и волостей была внешним признаком полного банкротства финансов Великого княжества. Подобное состояние великокняжеского скарба было результатом узкоклассовой политики магнатов. Беря в заставу великокняжеские дворы и волости, крупные землевладельцы — кредиторы получали возможность еще более усилить свою экономическую мощь, свое политическое значение.

Великий князь, широко пользуясь правом заставы, приобретал необходимые денежные средства, таким образом, только путем отказа от всех доходов, поступавших в его пользу с заложенных дворов и волостей. В свою очередь раздача дворов и волостей в заставу еще более ухудшала положение господарского скарба, так как его постоянные доходы значительно сократились. Положение великокняжеского скарба становилось тем более затруднительным, что великий князь не располагал средствами для выкупа заставленных имений. Поэтому ему приходилось искать каких-то новых путей, чтобы освободиться от лежавших на дворах и волостях долгов.

В связи с систематической массовой раздачей дворов и волостей в заставу в великокняжеской канцелярии был выработан даже особый формуляр заставной сделки. Сначала господарский заставный лист определяет объект заставы, денежную сумму, поступающую в казну великого князя от держания заставного двора и волости; затем идет перечень тех разрядов волостного населения, которое вместе с доходами, поступавшими в великокняжеский скарб, уступалось кредитору; далее указывается прекращение права воеводской администрации собирать доходы с великокняжеских дворов и имений и въезжать в волость. В заставном листе отмечаются и обязательства держателя заставного имения в отношении великого князя, если держатель заставы был связан ими. Формуляр заставного листа оканчивается определением срока заставы и указывает на последствия для великокняжеского скарба в том случае, если заставное имение окажется своевременно не выкупленным.

Нам неизвестна общая сумма поступлений в великокняжеский скарб с дворов и волостей. Поэтому не представляется возможным выяснить, насколько заставная сумма соответствовала доходности двора и волости и насколько убыточной была для великокняжеского скарба отдача в заставу дворов и волостей, особенно если они отдавались в заставу на весьма продолжительный срок.

Дворы, замки с волостями могли отдаваться в заставу пожизненно — «до живота»[52]. Пожизненная застава была наиболее выгодной для держателя господарского имения, так как длительная эксплуатация великокняжеского недвижимого имущества позволяла кредитору значительно увеличить свои материальные средства за счет феодальных рент, поступавших с населения держателю заставного имения

Менее выгодной была застава, срок которой был неопределенным — впредь до выкупа заставы великим князем. Впрочем, при плачевном состоянии господарского скарба держатели заставы могли быть уверенными в том, что великий князь не скоро окажется в состоянии выкупить заставное имущество.

Если застава была дана, например, «до живота» и если великий князь не выплачивал наследникам держателя заставы заставной суммы, то последние продолжали держать в заставе имущество до тех пор, пока великий князь ее не выплатит. Так, в 1516 г., отдавая в заставу пану Богушу Боговитиновичу «двор Довкги з местом и со всеми нашими людьми довкговскими» в пожизненное владение, великий князь предусматривал, что если он умрет, не вернув заставной суммы, то «жена и дети его мають тот двор держати дотоле, поки теж тыи пенязи мы им заплатим, а не отдавши тых пенязей не маем в них того двора нашого в руках выимати»[53]. Конечно, в тех случаях, когда застава была бессрочной, после смерти держателя заставы во владение ею вступали его наследники: жена и дети получали право держать тот двор, пока господарь не уплатит сполна всех пенязей[54]. Таким образом, великий князь обеспечивал интересы наследников, гарантируя им владение заставой до тех пор, пока не будет выплачена вся заставная денежная сумма. Князь, отдавая в заставу дворы и волости, иногда возлагал на держателя заставного имения обязанность выполнения ряда натуральных повинностей. Так, Богуш Боговитинович и двор Довкги были обязаны «в поставный год» поставлять великому князю 60 бочек жита, 60 бочек овса и 60 возов сена. В пользу великого князя поступала также «мезлева сполна — яловицы и вепры и иные речи подлуг давного обычая». Кроме того, великий князь обязывал пана Богуша «поднимати стацыями и подводы под нас з места и з волости давати подлуг давного обычая»[55].

То же обязательство возложил великий князь и на пана Юрия Немирича при отдаче в заставу двора Довкги в 1518 г.

---

[52] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прилож. 25.

[53] Там же, прилож. 25.

[54] Там же, прилож. 26.

[55] Там же, прилож. 25.

Конечно, доходные статьи, поступавшие в господарский скарб, были различными, в зависимости от обычая. Так, пан Миколай, старостич жмудский, ежегодно должен был отдавать великому князю «по сту бочек жита и по сту бочек овса, а спижу великоденную и колядную — яловицы и бораны и иншие речи... по давному». В обязанности пана старосты входило «поднимать стацыями» великого князя и «подводы под нас з места и з волости давати подлуг давного обычая» [56].

Пан Якуб Кунцевич, который получил в заставу дворы Лепунь и Волькиники, должен содержать в случае приезда великого князя: «до тых дворов наших, тогды мает он нас стацыями поднимати и мезлевою, бо есмо тую мезлеву дали ку его рукам для того, коли мешкаем в тых дворех наших для ловов, абы он нас тою мезлевою поднимал» [57].

Отдавая пану Богушу в заставу Каменец и Каменецкую пущу со «всякими платы и доходы, которыи перед тым на нас на господаря и врадников наших Каменецких хоживали», великий князь оставлял для себя: «корчомныи пенязи, а две доли дани медовые, а бобровые гоны веси». Кроме того, пан Богуш должен был пущу Каменецкую «заведати и сторожу добрую мети, абы зверу нашому шкоды не было». Пан Богуш не имел права «в той пуще» ловить зверя, за исключением тех мест, «где первыи наместники Каменецкие приловливали, и то кроме зубров» [58]. Пан Юрий Миколаевич, староста городенский, взявший в заставу дворы Озера и Кринки, был обязан в случае приезда господаря «с тых дворов наших стацыею и подводами поднимать потому, как и перед тым бывало» [59].

Обязанность «поднимать стацыею» и «давать подводы» была общей для всех держателей господарских дворов в заставе повинностью. Отдавая свои дворы в заставу, великий князь до выплаты держателю заставной суммы обязывался не отбирать у него двора. Равным образом это обязательство распространялось и на жен и детей заставного имения, если последнее было дано «до живота», а после смерти держателя великий князь был не в состоянии выплатить заставную сумму. Впрочем, в отдельных случаях и великий князь нарушал свое обязательство, но тогда держатель заставы вознаграждался заставой другого двора.

В 1516 г. великий князь заставил двор Довкги пану Богушу за 600 коп грошей. Затем ввиду военного времени великий князь получил от него добавочно 400 коп грошей. Но, получив

---

[56] Там же, прилож. № 26.
[57] Там же, прилож. № 27.
[58] Там же, прилож. № 28.
[59] Там же, прилож. № 29.

от пана Богуша 1000 коп грошей, великий князь Довкги вернул обратно в скарб, а пану Богушу в виде гарантии за предоставленную им сумму в 1000 коп грошей отдал в заставу «двор Каменец» [60].

Такой обмен дворов отнюдь не был нарушением великокняжеской гарантии и был вызван увеличением денежного кредита, предоставленного господарю. Конечно, двор Довкги был немедленно заставлен. Только новый держатель выдал великому князю 700 коп грошей с сохранением всех тех условий, при которых его держал пан Богуш.

Первые значительные заставы великокняжеских дворов, мест и волостей относятся к 1516 г. Вслед за тем началась массовая раздача их в заставу, необходимость которой великий князь мотивировал тяжелым положением государства вследствие войны с Москвой. Документы Литовской метрики заполнены этими раздачами. Огромный земельный фонд на правах заставы переходил, таким образом, в руки феодальной знати. В 1519 г. великий князь заставил Могилев за 3000 коп грошей. Тогда же был отдан в заставу пану Станиславу Остику двор Мереч за 1000 коп грошей «з местом и з волостью».

Пан Грицко Исаевич Громыка взял в заставу за 600 коп грошей землю Свислочь; староста Городенский, пан Юрий Миколаевич Радзивилл оказался держателем дворов Городенского повета — Озер и Кринок за 1000 коп грошей, «со всеми платами и доходами», приходившимися на господаря. Воевода новгородский пан Ян Заберезинский взял в заставу за 900 коп грошей двор Марково. Пан Юрий Иванович Ильинич взял в заставу Берестье за 500 коп грошей. Воеводе троцкому пану Григорию Остику был отдан в заставу двор Дорсунишки. Выкупив замок Свислочь у прежнего держателя, великий князь немедленно за 1000 коп грошей заставил его пану Войтеху Юрьевичу Носиковскому. Пану Якубу Кунцевичу был заставлен двор Василишки за 1000 коп грошей. Пан Юрий Немирич взял в заставу волость Любошане за 500 коп грошей. Впоследствии условия заставы были изменены. Юрий Немирич получил право «выбирать» пенязи только в течение 3 лет, а затем эта волость отдавалась ему в «доживотное держание». Юрий Миколаевич Радзивилл взял в заставу двор Мереч, уже находившийся в заставе, поскольку он увеличил заставную сумму. Староста городенский взял в заставу еще несколько дворов Городенского староства ввиду прихода татар «з немалыми людьми». Двор Скидель с дворцом Жорославским «со всеми людьми» был отдан в заставу за 1980 коп грошей. Вви-

---

[60] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., прилож. № 28.

ду крайней нужды в деньгах великий князь заставил городенскому старосте за 2800 коп грошей Городно. Заняв дополнительно еще 2000 и 3000 коп грошей, великий князь отдал в заставу Городно «со всеми дворами и местами, и людьми, ку замку прислухаючими и з ловы звериными, олениными, и лоси, и сернами». Тогда же были отданы в заставу замок Кричев, дворы Канев и Дубичи, Бирштаны, Каменец, Жолудок, Мозырь с волостью, перезаставлен Кричев и др. [61].

Приведенными данными о заставе господарских дворов мест и волостей, конечно, не исчерпываются полностью сделанные тогда заставы. Они лишь свидетельствуют о широком использовании великим князем заставного права, чтобы посредством его той или другой ценой получить необходимые для государства денежные средства.

Широко используя заставное право, великий князь в отдельных случаях предполагал обеспечить кредитора не заставой замков, дворов, волостей и мест, а отдачей их со всеми или частью доходов с них на известное количество лет «на выберание сумы пенязей». По истечении договоренного срока господарские имения отдавались великим князем «в держанье до живота».

В 1520 г. князь Василий Иванович Соломерецкий получил от великого князя Сигизмунда замок Могилев с волостью на три года со всеми доходами. По истечении 3 лет замок отдавался ему в доживотное держание. В течение 3 лет князь Соломерецкий мог использовать все доходные статьи замка Могилева для возвращения денежной суммы, отданной в долг великому князю. Когда же он стал «державцем», то в его пользу поступали определенные доходы, «а дани и доходы вси з ся на нас быти потому, как и перед тым бывало» [62].

В 1520 г. великий князь разрешил пану Яну Яновичу Забезинскому выплатить наследникам пана Станислава Григоровича Остика 1000 коп грошей за двор Мереч, находившийся у последнего в заставе, за сумму в 1000 коп грошей. Пан Заберезинский в течение 4 лет мог «выбирать пенязи из доходов того двора» [63], после чего двор Мереч отдавался ему в держание до живота.

Эта форма заставы была тем выгоднее для великого князя, что, лишаясь на несколько лет всяких доходов, он затем вновь возвращал себе право собирать их «по старине». Видимо, этот вид «заставы» отвечал и интересам феодалов, так как раздача

---

[61] ЦГАДА, ЛМ, кн. X; В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., т. 1, стр. 36—38.

[62] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление.., стр. 697—698.

[63] Там же, стр. 698.

земель и дворов «в держание» получила значительное распространение.

Благодаря раздаче господарских дворов, мест и волостей в заставу великий князь мог пополнить свой скарб известным количеством денег. Однако вместе с тем господарский скарб превращался в неоплатного должника богатых магнатских фамилий, в руках которых сосредоточилось большое количество господарских имений. Финансовое положение Великого княжества еще более ухудшилось от того, что литовско-украинско-белорусские магнаты крайне небрежно относились к выполнению лежавших на них государственных повинностей, а великий князь был бессилен что-либо предпринять для того, чтобы принудить феодальную аристократию аккуратно выполнять свои обязанности по отношению к государству.

В официальном документе, разосланном в 1522 г. по дворам Виленского повета в связи с приготовлениями к войне с Москвой, Сигизмунд I констатировал, что «подданные наши многие оплошенства и недбалость великую ку обороне земской мають» [64].

На сейме 1522 г. тяжелое положение господарского скарба было предметом обсуждения. Наиболее крупные кредиторы великого князя вернули ему заставленные дворы, замки и волости. Кажется, что такие «жертвы» были компенсированы тем, что те же дворы оставались у них в «доживотном владении».

На таких условиях были отданы, например, пану Юрию Ивановичу Ильиничу староства Берестейское и Лидское, находившиеся у него в заставе [65]. Нет оснований отрицать, что другие правительственные кредиторы были вознаграждены подобным же образом.

ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. И ПРОВЕРКА ПРАВ НА ЗЕМЛЮ

Великий князь литовский юридически считался собственником всех земель, не находившихся в частном владении. В его непосредственном владении был огромный земельный фонд, эксплуатация которого давала великому князю основные средства, которые шли как на покрытие общегосударственных расходов, так и для удовлетворения потребностей великокняжеского двора. Этот земельный фонд постепенно уменьшался. Великий князь вынужден был «жаловать» земли представите-

---

[64] Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русского государства..., стр. 65—66.

[65] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., ч. I, стр. 86.

лям феодального класса либо на правах «вечного владения», либо в качестве условного пожалования.

Уменьшение великокняжеского земельного фонда происходило быстрым темпом в западной части Великого княжества, в районе больших городов и оживленных торговых, особенно водных путей, в то время как в восточной части Великого княжества, в белорусских, придвинских и приднепровских областях господарь продолжал оставаться собственником обширных земель, находившихся во владении сельских или волостных общин или представлявших собой большие лесные пространства. Право владения землей основывалось на «господарском листе», документе, вышедшем из канцелярии великого князя. Если кто-либо владел землей «без призволения господарского», то такой самовольный захват земли давал основание господарю отнять у владельца незаконно захваченную им землю [66].

Равным образом возвращались в господарский земельный фонд всякого рода выморочные имущества, называвшиеся «пустой» землей, «пустовщинами», «спадками» [67]. В господарский земельный фонд возвращались выморочные земли земельных держателей — шляхты, мещан, бояр [68]. В пользу великого князя поступали также крупные княжеские имения, оставшиеся без наследников. Так, в непосредственное владение великого князя перешли Пинск, Кобрин, Городец, Туров [69].

В областном привилее, выданном Киевской земле, это обычное право получило следующую формулировку: «А детей не будет, ино (имение) ближнему, а будет пустый человек, ни детей, ни племени: ино нас (господаря) то именье» [70]. Впрочем, в областных привилеях, выданных Витебской и Полоцкой землям, выморочные имущества, так называемые «беззадщина и отумерщина», поступают не в распоряжение великого князя, а в земельный фонд всей земли [71].

На великого князя отходили и городские вымороченные имущества даже в городах с магдебургским правом [72].

Разумеется, произвести учет всех «спадковых» имений не представляется возможным. Не все «спадки» на великого князя нашли отражение в источниках. Во всяком случае приток

---

[66] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 305.

[67] Там же, стр. 393.

[68] АЛМ, № 16, 43—44, 56.

[69] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 305.

[70] АЗР, т. II, стр. 34.

[71] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., стр. 358—369.

[72] АЛМ, № 557.

«спадковых» имений как крупных, так и мелких был постоянным, что давало возможность великому князю использовать земельный фонд для раздачи служилым элементам под условием службы.

Кроме того, в распоряжение великого князя поступали земли, конфискованные за разные преступления. Так, некто Ходко Островский был лишен земли за то, что отрубил епископу руку [73]. У Романа Ходоровича была отнята его часть земли за то, что он забил до смерти своего брата [74]. Уличение держателя земельного владения в «татьбе» тоже влекло за собой конфискацию имущества вора [75]. М. В. Владимирский-Буданов видит в этом праве конфискации земель за воровство отражение «потока и разграбления», действовавшего в эпоху Русской Правды. С этим мнением авторитетного историка права великого княжества Литовского следует согласиться [76].

С конца XV в. начинается конфискация земель за государственную измену. Под понятием «государственная измена» в конце XV и начале XVI в. в Великом княжестве Литовском понимали самовольный отъезд в чужую землю. Например, когда князь Иван Васильевич Белевский убежал со своими детьми в Москву, которые, впрочем, по дороге были задержаны, то имущество беглеца было конфисковано великим князем [77] Равным образом, когда земянин Берестейского повета Дремлин убежал «до коруны Польской и отголь злодейским обычаем заездки чинил в землю нашу», то имение государственного изменника подверглось конфискации [78]. Случаи ухода в Москву в начале XVI в. стали довольно распространенным явлением, и поэтому конфискации в известной степени увеличивали великокняжеский земельный фонд. При великом князе Казимире, когда еще юридически не оформилось феодальное право на землю, бывали случаи конфискации земли без всякой вины со стороны держателя; в таком случае, однако, пострадавшее лицо получало земли в другом месте. Все эти земли, поступившие в земельный великокняжеский фонд, обычно недолго оставались во владении великого князя. Они раздавались во владение под условием службы или как награда за верность. Так, конфискованные земли князя Ивана Белевского были переданы его брату «за его верную службу» [79].

---

[73] РИБ, т. XXVII, стр. 108.
[74] АЛМ, № 639.
[75] РИБ, т. XXVII, стр. 35.
[76] М. Ф. Владимирский-Буданов. Очерки по истории литовско-русского права, стр. 32.
[77] АЛМ, № 269.
[78] Там же, № 550.
[79] Там же, № 260.

Все находившиеся во владении великого князя земли составляли личную собственность господаря. Деление земель на дворовые земли великого князя и государственные земли в прямом смысле слова не было еще произведено. Это разделение произошло не раньше конца XVI в.

Нам кажется, что попытка М. В. Довнар-Запольского доказать, что деление государственных земель на две части — на земли, находящиеся в личном пользовании великого князя, и на земли, находящиеся в общем государственном владении,— существовало в конце XV в., не может быть признана удовлетворительной. М. В. Довнар-Запольский находит возможным считать, что уже в привилее 1492 г. имеется разграничение земель на две группы. По мнению исследователя, восточные области составляли общегосударственный земельный фонд, а западные области, в которых были расположены господарские дворы, составляли личный фонд великого князя [80].

С мнением М. В. Довнар-Запольского никак нельзя согласиться, так как привилей 1492 г. не дает никаких оснований для подобного категорического вывода. Правда, в центре внимания князя были главным образом западные дворы. Восточные области пока мало привлекали к себе его внимание, что объясняется характером экономического развития Великого княжества. Западные области, в отличие от восточных, уже были вовлечены в сферу товарных отношений как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Поэтому великому князю не нужно было пока устраивать в восточных областях фольварки. Наконец, и в волочной уставе 1557 г. нельзя уловить никакой разницы между западными дворами и восточными волостями. Великий князь был одинаково заинтересован в увеличении их доходности. В первой четверти XVI в. объектом хозяйственной политики великого князя были в основном западные дворы, но и в восточных областях хозяйственные отношения отнюдь не находились в застойном состоянии. Уже с конца XV в. можно отметить наступление господарских державцев на общину в целях увеличения доходности великокняжеского скарба. Поэтому следует признать неприемлемым выводы М. В. Довнар-Запольского, будто в конце XV и начале XVI в. уже состоялось отделение дворовых земель великого князя от общегосударственных. Великокняжеский земельный фонд постепенно уменьшался. Это уменьшение относится по преимуществу к западным районам Великого княжества Литовского, где в конце XV в. и начале XVI в. можно отметить интенсивный рост сельского хозяйства.

---

[80] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., т. 1, стр. 146—147.

Здесь все землевладельцы были заинтересованы в расширении площади своих земельных владений, что могло быть достигнуто либо самовольным захватом соседних частновладельческих земель, как средних, так и мелких, либо захватом великокняжеских земель, либо, например, «жалованием» земли в отчину. Поэтому нет ничего удивительного в том, что крупные, средние и мелкие землевладельцы забрасывали великого князя просьбами о пожаловании земель в вотчину, а великий князь, разумеется, должен был считаться с просьбами феодальной знати и удовлетворять челобития, тем более, что он находился в финансовой зависимости от крупных землевладельцев, в руках которых были сосредоточены значительные денежные средства.

Земельные магнаты становились кредиторами великого князя, который вынужден был отдавать им господарские дворы в заставу. Согласно заставному праву держатель заставы получал право эксплуатации до тех пор, пока заставодатель не выплачивал ему заставной суммы.

Великокняжеский скарб с конца XV в. испытывал хронический денежный кризис в связи с напряженным внешним положением Великого княжества Литовского. Заставы имений обычно были бессрочными и пожизненными. В первой половине XVI в. большое количество господарских дворов было отдано в заставу [81].

Наряду с заставами великий князь отдавал земли и дворы со всеми или частью доходов с них на известное число лет «на выбиранье суммы пенязей». Так, в 1520 г. великий князь Сигизмунд отдал князю Соломерецкому замок Могилев с волостью на 3 года со всеми доходами, за исключением медовой дани [82].

Иногда великий князь разрешал какому-нибудь пану выкупать двор, отданный в заставу третьему лицу, с правом его эксплуатации — «выбирания пенязей». В 1522 г. Сигизмунд разрешил пану Григорию Григорьевичу Остиковичу выкупить двор Бирштаны у князя Матвея Микитинича, а затем впредь «до выбиранья сумы своее держати, вытручаючи по сту коп на рок» [83]. Таким образом, двор Бирштаны фактически был отдан в аренду за 100 коп грошей. При отдаче в заставу земель, а также дворов «на выбиранье пенязей» в пользу держателя двора поступали не только непосредственные доходы на господаря, но и доходы других должностных лиц, если только последние поступали раньше в их пользу со двора. Положение господарского скарба становилось катастрофическим. Госпо-

---

[81] В. И. Пичета. История сельского хозяйства и землевладения ее Белоруссии, стр. 82—85.

[82] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 697—698.

[83] Там же, стр. 699.

дарские дворы в большей своей части находились в заставном владении у крупных землевладельцев. Великому князю угрожала опасность остаться без имений, волостей и денег. Финансовое положение великокняжеского скарба было настолько напряженным, что на сейме 1522 г., происходившем в Гродно, оно явилось предметом специального обсуждения, в результате которого наиболее крупные кредиторы князя, такие, как пан воевода Виленский, пан Немира Грималич, пан Андрей Довойнович и другие «спустили» пенязи, отказались от выданных господарю денежных сумм и вернули ему обратно заставные земли, дворы и волости: Утень, Мозырь, Дорсунишки, Мельник, Ейнышки, Вилькомир, Меречь, Пуня, Жижморы, Лида, Белица, Оникшты, Превалки, Овстрыня, Крево, Любошано, Могилев, Крычев, Пеняне, Ушполь [84]. Впрочем, этот отказ кредиторов не был только эффектной жертвой со стороны богатых панов. В действительности эти жертвы были компенсированы тем, что заставные земли, дворы и волости оставались у них в «доживотном владении» на правах староств и державств. Эта финансовая сделка великого князя с феодалами вознаграждала полностью его кредиторов, поскольку, став пожизненными владельцами государственных земель, дворов и замков, они теперь были уверены в том, что смогут спокойно держать в своих руках великокняжеские земли до конца своей жизни.

С пожалованием земель на «вечность», в «личную власность», «в отчину» великий князь литовский лишался значительной части своего земельного фонда. С передачей земли в условное владение на правах «поместья» — выслуги, западноевропейского бенефиция, великий князь уступал своим вассалам значительную часть государственного земельного фонда, сохраняя, однако, над ним свой суверенитет.

Развитие условного феодального землевладения было вызвано внешнеполитическим положением Великого княжества Литовского, необходимостью иметь в достаточном количестве военные силы для обороны границ государства. Все держатели земель на условном (бенефициальном) феодальном праве были обязаны нести военную службу.

Формы служилого феодального землевладения можно разделить на две категории. К первой категории принадлежали такие владения, которые передавались в руки держателя без права распоряжения жалованной землей. Самый срок такого держания был обычно неопределенным и окончание его зависело от тех условий, на основании которых жалуется земля. Ко второй

---

[84] Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русского государства..., прилож., стр. 65—68.

категории относятся те владения, которыми держатель распоряжается на правах наследственных. Эти держания могли подвергаться различным распоряжениям со стороны держателя земельного владения, хотя это право распоряжения носило не безусловный, а относительный характер [85].

«Ученые записки Института славяноведения», т. IV, 1951.

[85] М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. 592.

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ В НАЧАЛЕ XVI в.[1]

I

Территориальное единство Полоцкой земли начало разрушаться уже с начала XIII в. К тому времени, когда смоленский князь Мстислав заключил договор с немцами, в 1229 г., Витебская земля уже политически отделилась от Полоцкой земли. Витебский князь, вместе со смоленским и полоцким, принимал участие в заключении договора 1229 г. Вследствие экономического усиления Смоленской земли Полоцкая и Витебская земли попали под фактический протекторат смоленского князя. Именно благодаря этому сохранилось экономическое единство Полоцкой и Витебской земель, через которые проходил важнейший торговый путь по Западной Двине к берегам Балтийского моря. Со времени экономического и политического упадка Смоленской земли, во второй четверти XIII в., Витебская и Полоцкая земли стали независимыми друг от друга и экономически и политически.

XIII в. был тяжелым временем для Полоцкой земли. Политически усилившаяся в это время соседняя Литва систематически нападала на Полоцкую землю, страшно опустошая ее. Население Полоцкой земли не имело возможности организовать надежную защиту от литовских нападений. Часть населения искала спасения, убегая в междуречье Оки и Волги, где она развила весьма значительную колонизационную деятельность. Захват немцами устья Западной Двины не давал возможности полочанам свободно торговать по Западной Двине, ставил Полоцкую землю в экономическую зависимость от Ливонского ордена, что еще больше подчеркивало то тяжелое экономическое и политическое положение Полоцкой земли, в котором она находилась. Нет нужды пересматривать еще раз литовско-полоцкие взаимоотношения. Анализ этих взаимоотношений сделал

[1] «400-лецьце беларускага друку (1525—1925)», Менск, 1926, стр. 76—113.

и проф. В. Е. Данилевич в своей «Истории Полоцкой земли»[2], и проф. М. К. Любавский[3]. Отметим, что вследствие напряженности литовско-полоцких взаимоотношений часть территории Полоцкой земли, оставшаяся после выделения ее из состава Витебской земли, вошла в состав собственно Литовского княжества, это — местности на юг от Западной Двины, а часть большой когда-то территории Полоцкой земли оказалась в зависимости от литовских князей.

Борьба литовских князей с Полоцком закончилась установлением над ним суверенитета Литвы. В 1387 г. Полоцк, не хотевший подчиниться Литве, был осажден братом Ягайлы Скиргайлом и должен был капитулировать.

Проф. Любавский полагает, что полочане только тогда пустили к себе в город Скиргайло, когда им была обеспечена полоцкая политическая старина и объявлены незыблемыми полоцкие права и вольности[4].

Проф. Любавский замечает, что и согласно подтвердительного привилея Полоцкой земли от 23 июля 1511 г. начало подтверждения политических прав и вольностей Полоцкой земли относится к временам Скиргайлы[5].

Первоначальный текст этих «доброволеньств» не сохранился. Все эти «доброволеньства», ведущие свое начало от времен Скиргайлы и Витовта, объединились в вышеупомянутом подтвердительном привилее от 23 июля 1511 г. Сам подтвердительный земский привилей не был долгое время предметом самостоятельного научного изучения. Только в 1903 г. молодой исследователь исторических судеб Литовско-Белорусского государства И. В. Якубовский сделал специальный критический анализ привилея Полоцкой земли[6], это дало возможность исследователю прийти к весьма ценным выводам и наблюдениям.

Якубовский отметил в подтвердительном привилее от 23 июля 1511 г. наличие двух частей, различных по форме и содержанию: одна из них имеет много архаизмов и по языку и содержанию относится к более древнему времени, вторая — более позднего происхождения. Артикулы (статьи) обеих частей перемешаны между собой, однако выделение из их числа наиболее архаичных не вызывает особых затруднений[7]. Можно пол-

---

[2] В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV в. Киев, 1896.

[3] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление.., стр. 28—31.

[4] Там же, стр. 30.

[5] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 30.

[6] И. В. Якубовский. Земские привилеи Великого княжества Литовского. ЖМНП, 1903, апрель-июнь.

[7] Там же, стр. 263—265.

ностью согласиться с предположением И. В. Якубовского, что самая древняя часть Полоцкой Уставной Грамоты от 23 июля 1511 г. представляет собой не что иное, как часть грамоты о соглашении жителей Полоцка со своим князем в первой половине XIV в. Настоятельная необходимость такого писаного «ряда» объяснялась присутствием в Полоцке отдельных удельных князей, сначала в лице Воина, брата Витеня и Гедимина, а потом — в лице князя Андрея (сына Ольгерда, ставшего полоцким князем еще при жизни отца и бывшего во главе земли на протяжении более 30 лет)[8].

Уставная грамота полочан со своим князем, составление которой И. В. Якубовский относит в первой половине XIV в. и текст которой, как можно предполагать, сохранился в подтвердительном привилее от 23 июля 1511 г., состояла из 11 артикулов. Она ограждала полоцкую церковь от вмешательства князя в ее дела «штож в церкви божьи тобе не вступатися, в дом божий святой Софии и в дом божий святого Спаса и в иные церькви не вступатися тобе». Согласно договору, полоцкий князь отказывался от посягательств на выморочное имущество «безадщину» и «отумерщину», а также отказывался от вмешательства в деле купли и продажи земель: «и в купленины в полоцкие ти не вступатися». Грамота ограждала население Полоцкой земли от своеволия князя в установлении подводной повинности: «а в подводы ти, княже, коней в полочан не брати ни в посельских путников ни в сябров городских». Грамота оберегала нерушимость процессуальной старины. Она запрещала верить показаниям холопов: «а холопу и робе веры не няти»; обеспечивала справедливость судебных дел: «а о обаде исправа дати»; неизменность прежних судебных постановлений: «а старых судов ти не посуживати»; освобождала из заключения тех, кто имел поручителей: «а через поруку в нятство не сажати». Наконец, грамота запрещала принимать во внимание те показания, которые были даны под пыткой: «а по муце веры не няти», и запрещала полочанам под угрозой наказания скрывать от князя приписанные к княжескому столу реки и озера: «а полочаном рек и озер княжих не таити и хто потаит, того ти, княже, казнити»[9]. Такою должна была быть грамота Полоцку о соглашении со своим князем в первой половине XIV в. В самом деле, все артикулы архаичны по языку и содержанию. Они были обычными, пока не пришло время установления взаимоотношений князя с вечем на договорных основаниях.

Постоянная экономическая и политическая связь Полоцка с Новгородом не могла не оказать в определенном направлении

---

[8] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 29.

[9] И. В. Якубовский. Земские привилеи..., стр. 269.

влияния на правовую формулировку полоцкой старины, которую дали ей полочане. Вполне возможно, что «доброволеньства» Скиргайлы, данные им Полоцку, и были помещены в вышеупомянутой грамоте. Политически-правовое положение Полоцкой земли изменилось во времена Витовта, власть которого Полоцк вынужден был признать. Вместе с тем Полоцкая земля должна была отказаться от того, чтобы иметь своего князя, и принять наместника от великого князя Витовта (1392). Ради успокоения населения Витовт вынужден был дать новый привилей, закрепивший за полочанами их старину, и дал новые «доброволеньства». Якубовский относит соглашение этого привилея к 1392—1399 гг. В 1399 г. Витовт, будучи в Полоцке, утвердил договор полочан с Ригой [10].

Признание Полоцком суверенитета великого князя Витовта приводило к важным изменениям в государственно-правовом положении Полоцкой земли. В Полоцке было уничтожено самостоятельное княжение; вместо удельного князя в Полоцке сидел наместник великого князя, которого с начала XVI в. стали титуловать воеводою. Борьба Витовта с тем, что осталось от удельной феодальной системы, требовала осторожной и гибкой политики по отношению к населению земель, ибо оно согласилось бы с происшедшими государственно-правовыми изменениями в положении земель только тогда, когда получило бы со стороны власти полную гарантию незыблемости всей политико-правовой старины.

Полоцкий привилей Витовта шел навстречу этому желанию. Он не только подтвердил все артикулы древней полоцкой грамоты о соглашении со своим князем, чем перенес все ограничения власти полоцкого князя на самого великого князя, но вместе с тем закрепил за Полоцкой землей особое политически-правовое положение, на основе которого Полоцкая земля добилась ряда политических привилегий. Благодаря им Полоцкая земля сохранила внутреннюю автономию, признавая в то же время суверенитет великого князя. Она стала одной из частей Великого княжества Литовского и пользовалась особыми правами и преимуществами, в значительной мере ограничивавшими прерогативы власти великого князя по отношению к населению Полоцкой земли.

Привилей Витовта рассматривал Полоцкую землю как территориальную, политически обособленную единицу со своими местными правами и преимуществами. Из этого вытекало право заселения земли, право иметь у себя наместников только с согласия полочан. Великий князь не имел права назначать в Полоцк наместника «против их воли». Также наместник, ко-

---

[10] И. В. Якубовский. Земские привилеи..., стр. 269.

торым население было недовольно и замены которого оно требовало, должен был быть освобожден от своих обязанностей. Великий князь принимал на себя в таком случае обязанность «им наместника иного дати, по их воле»[11]. Выдвижение кандидатов на должность наместника свидетельствует о том, что сусуществовало собрание полочан, которое в известной степени имело возможность выражать волю тех общественных групп, которые занимали руководящее положение. Наместник, назначаемый великим князем, должен был безотлагательно «приехавши... к Полоцку первого дня... крест целовати к полочаном на том, штож без исправы полочанина не казнити ни в чом»[12].

Полоцкая земля, признавая суверенитет великого князя литовского, должна была быть исключительно под его властью. Права великого князя в отношении Полоцкой земли не должны никому передаваться — «а полочаном не даритися никому»[13]. Привилей Витовта ограждал население от самовольных поборов со стороны наместников. Привилей запрещал наместнику всяческие разъезды по стране, исключая только поездки на охоту, во время которых население освобождалось от каких бы то ни было подарков натурой наместнику: «ино по станом не дарити»[14]. Привилей Витовта, признавая за полочанами внутреннюю автономию, давал населению право «всим жити в Полоцку добровольно, покуль кто хочет». Недовольные имели право выехать «куды кто хочет без жадное зачепки», распорядившись своим недвижимым имуществом по собственному усмотрению. Полочане имеют и местную территориальную подсудность. Все дела, касающиеся полочан, «хотя бы о смертной вине» рассматриваются в Полоцке «по их праву с полочаны по испросу». Вызов в Литву ответчика согласно просьбе истца — явление невозможное[15].

Полоцкий привилей Витовта дал Полоцкой земле и известные финансовые права и преимущества, которые должны были укрепить связь между Полоцкой землей и другими частями Великого княжества Литовского. С этой целью с полочан сняли мыто «по всей нашей державе»[16]. Наконец, привилей 1399 г. дал полочанам право самим наказывать полочан «по своему праву»[17].

Полоцкий привилей 1399 г. подчеркнул особое государственно-правовое положение Полоцкой земли в составе Великого княжества Литовского. Благодаря этому было достигнуто как

[11] И. В. Якубовский. Земские привилеи..., стр. 298.
[12] Там же.
[13] Там же, стр. 297.
[14] Там же.
[15] Там же, стр. 298.
[16] Там же.
[17] Там же.

то, что полочане примирились с властью великого князя, так и то, что удельного князя заменили должностью наместника. Привилей не затронул государственно-правовой и бытовой старины. Зато на население возлагалась обязанность всегда быть готовым идти на войну [18].

В борьбе центральных земель, имевших привилеи, с соседними землями, которые не имели привилеев (борьба началась со смерти Ягайлы), Полоцк сочувствовал сначала Свидригайле. Только после того, как Свидригайло был окончательно побежден, Полоцк, а вместе с ним и Витебск были вынуждены принять наместников великого князя Сигизмунда (сына Кейстута) [19]. Сигизмунд должен был дать Полоцку новый привилей, подтвердивший все ранее данные «доброволеньства» и давший новые.

По мнению Якубовского, этот привилей был дан в период 1436—1440 гг. Это предположение Якубовского совершенно верно. Точность указанной даты вытекает из общего политического положения Полоцка. Восстанавливая привилей Сигизмунда, Якубовский считает, что он охватил «доброволеньства» Витовта и Свидригайлы. Правда, в подтвердительном привилее 23 июля 1511 г. речь идет о Скиргайле вместо Свидригайла. Якубовский считает это просто ошибкой переписчика, так как преемником Витовта на великокняжеском престоле был Свидригайло. К тому же ничего не известно о привилеях Скиргайлы, который в течение короткого времени был наместником Ягайлы в Литве [20].

Подтверждение своей мысли об ошибке И. В. Якубовский находит в подтвердительном привилее, данном Полоцкой земле Сигизмундом-Августом 21 февраля 1547 г., ибо в нем вместо слова «Скиргайло» написано «Швидрикгайла» [21].

Можно только частично согласиться с гипотезой Якубовского и признать правильным толкование привилея Сигизмунда-Августа, но в значительно более ограниченных рамках в сравнении с предположением Якубовского. Нам кажется, что в привилее от 23 июня 1511 г. нет той значительной ошибки, о какой говорит Якубовский. Великий князь Скиргайло был одним из создателей полоцкой автономии. Вот почему упоминание его имени в привилее не вызывает никаких особых подозрений. Надо полагать, что в этом случае в самом тексте привилея не было никакой ошибки переписчика. Полоцкая земля поддержала великого князя Свидригайла в его борьбе с Сигизмун-

---

[18] И. В. Якубовский. Земские привилеи..., стр. 297.
[19] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 30.
[20] И. В. Якубовский. Земские привилеи..., стр. 264.
[21] Там же, стр. 301.

дом, сыном Кейстута. В период борьбы, когда все было поставлено на карту, когда сами полочане были заинтересованы в победе Свидригайла, не было места особым государственно-правовым актам. Разумеется, великому князю Свидригайле приходилось раздавать земли, и эти раздачи подтвердил Казимир и его преемники. В данном случае замену слова «Скиргайла» словом «Швидрикгайла» в тексте подтвердительного привилея Сигизмунда-Августа можно считать правильной, что полностью соответствовало той политической конъюнктуре, в условиях которой происходила политическая деятельность великого князя Свидригайлы.

Привилей Сигизмунда, сына Кейстута, подтвердил «доброволеньства», данные Полоцку великими князьями Свидригайлом и Витовтом. В тексте, восстановленном И. В. Якубовским, есть 44 артикула — на 20 артикулов больше в сравнении с предыдущим привилеем Витовта. В государственно-правовом отношении новый привилей не дал никаких новых преимуществ, за исключением артикула, запрещавшего «городом дарити» наместника. Остальные артикулы ограждают население от самовольных поборов и повинностей со стороны различных учреждений светской и духовной власти [22].

Время Казимира Ягеллончика — новый момент в истории Полоцкой конституции. Казимир Ягеллончик для достижения соглашения между населением земель привилегированных и непривилегированных должен был провозгласить 2 мая 1447 г. новый привилей, по которому землевладельцы — шляхта и мещане — получили ряд существенных прав и преимуществ. Для успокоения населения Полоцкой земли Казимир Ягеллончик добавил к старым артикулам Полоцкой конституции новые, в которых нашло отражение содержание привилея 2 мая 1447 г. Полоцкая земля получила от Казимира Ягеллончика подтвердительный привилей с добавлением новых артикулов (1451). Новые артикулы вводили в состав Полоцкой конституции основные положения привилея 2 мая 1447 г. Это были: 1) гарантия личной неприкосновенности и публичного рассмотрения судебных дел; 2) индивидуальная ответственность за преступления; 3) право свободного управления вотчинными имениями в соответствии с пожеланиями их владельцев; 4) признание за землевладельцами права на вотчинный суд; 5) право не платить серебщины; 6) право вдовы на имущество.

Во времена великого князя Александра, сына Казимира, текст Полоцкой конституции был подтвержден и дополнен двумя артикулами, как это убедительно показал Якубовский.

---

[22] И. В. Якубовский. Земские привилеи..., стр. 300.

Это добавление новых артикулов было вызвано тем, что Полоцк получил 7 октября 1498 г. привилей на магдебургское право. Новые артикулы великого князя Александра обеспечивали неприкосновенность всех земельных приобретений и собранных в городе налогов — до того времени, как был провозглашен привилей на магдебургское право, с условием, чтоб население, жившее на этих землях, в случае, если б «хотели купецтвом або ремеслом которым ся обыходити, тые мають з мещаны нашими серебщизну и ордынщину и иные слушные поплатки, и пожитку нашому и земскому»[23].

Наконец, во времена Сигизмунда I окончательно сложился текст Полоцкой конституции, к которой в подтвердительном привилее 23 июля 1511 г. было добавлено три новых артикула: согласно им, во-первых, полоцкие весы находились в совместном распоряжении бояр и мещан; во-вторых, церковные боярские люди были освобождены от участия в выплате серебщины, которую войт, бурмистр и радцы «на свое потребы кладуть на место нашо» и, наконец, в-третьих, отделение лесов боярских от мещанских. Мещане не имеют права брать лесные материалы в боярских лесах «на свои потребы местские». Мещане имеют право брать «на свои потребы» леса около города, «в наших борех и лесах и дубровах, и гаех, где здавна будуть бирали, а в боярских не мають брати». Так окончательно сложился текст Полоцкой конституции.

Согласно своей конституции, Полоцкая земля пользовалась особыми государственно-правовыми нормами, выделявшими ее в отличную от других частей государства территорию, отношения которой к центральной власти нашли яркое выражение в самой конституции. Благодаря этому права и полномочия власти великого князя были в значительной мере ограничены публично-правовыми нормами, содержащимися в Полоцкой конституции[24].

Полоцкая земля — одна из составных частей Великого княжества Литовского, однако, такая, которая сохранила неизменной свою общественно-правовую старину. Ее связь с центральной властью ограничивалась только признанием суверенитета великого князя, а этот суверенитет проявлялся в лице наместника-воеводы, избираемого населением. Последний являлся действительным представителем интересов Полоцкой земли, а также выразителем ее политического и территориального единства. Население Полоцкой земли имеет право предлагать великому князю желательных ему кандидатов на должность наместников-воевод. Эти наместники находятся на

---

[23] И. В. Якубовский. Земские привилеи..., стр. 303.
[24] АЗР, т. II, № 70.

должности до того времени, пока они «любы» населению. Наместник-воевода не может быть представителем интересов Полоцкой земли, если он нежелателен населению. Выдвижение кандидатов на должности наместников-воевод, а также посылка великому князю поклонных просьб от имени всей земли предполагают функционирование специальных учреждений, краевых сеймов, постановления которых являются отражением настроений всей Полоцкой земли. Разумеется, социальный состав таких краевых сеймов был довольно ограниченным. Обычно представительство Полоцкой земли составлялось из местных бояр, а также мещан, живших в городе. Краевое собрание города было представительством всей земли, в нем можно видеть факт сохранения глубокой вечевой старины.

Наместник-воевода — представитель власти великого князя. Он вершит суд от имени великого князя. Наместник-воевода отправляет суд на месте. Великий князь не имеет права отправлять суд за пределами земли, если нет на то согласия обеих сторон. Принятые судебные постановления не подлежат пересмотру. Самый суд воевода должен отправлять не один, а «с бояры и мещаны». Воевода и его слуги не имеют права рассматривать в волостях никакие судебные дела. Воеводе запрещается брать подати, не предусмотренные законами: «от пригонов городских — посулов не брати, а по волости нашей воеводе Полоцкому не ездити, а поедет ли коли в ловы ино по станом не дарити».

Политически-правовая зависимость воеводы от населения земли проявлялась еще и в том, что он присягал, «штож без их справы полочанина не казнити ни в чом». Таким образом, полоцкий привилей весьма ярко и выразительно показал политическое и территориальное единство Полоцкой земли и полную независимость в делах внутреннего управления. Из этого государственно-правового положения Полоцкой земли вытекало и ограничение власти великого князя в деле управления им полоцкими волостями и городами. Великий князь литовский обязался перед полочанами «не даритися никому», и, кроме того, не давать городов воеводе в частное пользование: «а воеводам городов не дарити».

Таким образом, права и преимущества власти великого князя в отношении Полоцкой земли были в значительной степени ограничены. Права великого князя столкнулись с правами и привилегиями населения. Победило население. Прерогативы власти великого князя ограничивались государственно-правовой традицией края.

Полоцкая конституция, поскольку она защищала права земли от посягательств на нее со стороны представителей вла-

сти великого князя, всесторонне охватила жизнь Полоцкой земли и тем самым закрепила политико-правовую старину, создававшуюся в течение столетий.

Полоцкая конституция обеспечивала населению право петиции, личную неприкосновенность, индивидуальную ответственность за преступления и дала населению право свободного выезда за пределы Полоцкой земли, «куды хто хочет». Власть великого князя была обязана «силой не держати» того, кто захочет выехать, и не чинить при этом никаких препятствий. Полоцкая конституция обеспечивала церкви неприкосновенность со стороны светской власти как в церковных делах, так и в делах, касающихся церковного недвижимого имущества. Она защищала низшее духовенство от излишней эксплуатации со стороны местного епископства путем определения тех податей, которые поступали в казну епископа, а также запрещала «гривострызцу» «по волости ездить и лен брать». Конституция закрепила также права землевладельцев.

Право вотчинного суда над боярскими людьми и «мещанскими сябры» было оставлено за владельцами. Только в том случае, если владелец, несмотря на требование одного из заинтересованных, не отправит суд, возможна посылка децкого для привода обвиняемых на суд, однако с условием выплаты владельцу штрафа, который будет присужден. Церковные и боярские люди, которые живут в городе, но не занимаются «купецтвом, або ремеством» не участвуют в выплате той серебщины, которую войт и бурмистр будут «меж себе на свои потребы покладати». Люди, принадлежащие частным владельцам, поскольку они живут в городе и занимаются «купецтвом, або ремеслом», должны наряду с мещанами участвовать в выплате как серебщины и ордынщины, так и других «слушных податков ку пожитку пашому и земскому».

С другой стороны, духовные землевладельцы, имевшие за городом фольварки и сенокосы, не имели права селить на них торговых людей и ремесленников, а могли селить исключительно людей сельских, «которые бы там хлеб робили». Этот запрет был сделан для того, чтобы помешать ремесленникам и торговым людям уклоняться от выплаты различных городских податей, которые они должны были платить совместно с мещанами.

Духовные и светские землевладельцы, поскольку они владели дворами и усадьбами «в замку, або середь места Полоцкого», имели право на «тых местцах» их «слуги и иные закладни за собою мети и их садити», которые выплачивали владельцам обычный позем. Разумеется, население, жившее на частновладельческих землях, не имело права заниматься ни торговлей, ни ремеслом. В противном случае оно должно было

принимать участие в выплате государственных и специально мещанских податей, а также и в несении повинностей.

Полоцкая конституция, защищая интересы землевладельцев от самовольных поборов со стороны городской власти, в то же время старалась защищать интересы мещанства от тех, кто не был вписан в состав городской общины. Резюмируя отношения определенных групп населения к городской общине, в специфическом смысле этого слова, Полоцкая конституция оставила в совместном распоряжении бояр и мещан городские весы. Доходы от весов идут «боярам и мещаном на полы, по давному подле суда и уставы отца нашого, мають в кождый год держати по два боярины и по два мещанины и плат с нее выбирати, и свою половину бояре мають обернути на свои потребы».

Полоцкая конституция защищала права местных землевладельцев как в области землепользования, так и в области права пользования своей недвижимостью.

В первом случае каждый, кто «держит отчизные именья свои, а любо што кому будет великий князь Витовт дал и великий князь Скиргайло дал и отец и брат наш, короли их милость што кому дали и мы што кому дали, то ему и держати, как в королевстве Польском, князи и панове и мещаны держат». Из права собственности на недвижимость вытекало и право свободного пользования своей недвижимостью. Каждый землевладелец имеет право «продати, или отдати, или заменити с ким» только при условии составления определенного договора в присутствии великого князя, либо его представителя — наместника. Из факта пользования недвижимостью вытекало право на получение имущества по наследству («отумерщина») и право пользования имуществом по завещанию («безадщина»). Власть великого князя не имеет права входить «ни в безадщины, ни в отумерщины».

Правом получения в наследство недвижимого имущества пользуются и вдовы землевладельцев. Конституция давала боярской или мещанской вдове, «доколе она на вдовьем столце седит», право на управление имуществом мужа. Вдова сохраняет за собой право свободного выхода замуж второй раз. В случае, если брак состоялся, вдова сохраняет за собой право владеть только тем имуществом, «што ей будет муж записал». Само же владение должно оставаться в пользовании детей. Если нет детей, имущество переходит братьям первого мужа, и только в том случае, если и братьев нет, родственники первого мужа имеют право завладеть имуществом.

Согласно конституции, население Полоцкой земли было свободно от выплаты серебщины на веки вечные, а также и от выплаты пошлин на всей территории Литовско-Белорусского

государства. Равным образом полочане были свободны от подводной повинности — «а в подводы нам коней в полочан не брати ни в посельских путников, ни в сябров городских». Зато на население возлагалась обязанность «бобры гнати по старой пошлине» и отбывать военную службу великому князю. Однако военная повинность была общегосударственной по своему характеру, так как право владения землей было целиком связано с обязанностью несения военной службы.

Такова в основных чертах Полоцкая конституция. Она пыталась охватить все стороны жизни Полоцкой земли, закрепить в законе общественно-правовую старину и ограничить власть великого князя в отношении земли, точно определенными рамками. Эта конституция дала господствующим общественным группам широкие политические права и преимущества, благодаря которым они получили возможность свободно управлять внутренней жизнью Полоцкой земли.

II

Размеры территории Полоцкой земли в составе Литовско-Белорусского государства точно определил проф. М. К. Любавский.

На основе тщательного анализа географических названий, встречающихся в актовых материалах о Полоцкой земле, проф. Любавский считает, что Полоцкая земля имела в своем составе часть Витебщины, что на правом берегу Двины: Себежчину, Дриссенщину, Полотчину и Лепельщину, а также юго-западную часть самой Витебщины (Витебский повет), западную часть Сенненщины, северную часть Борисовщины и северо-восточную часть Виленщины [25].

Полоцкая земля находилась в бассейне средней Двины и занимала очень выгодное экономико-географическое положение. Через Полоцкую землю проходил главнейший торговый путь, по которому поддерживалась связь с Ригой; значение этого пути было огромно для экономического развития края.

Полоцкая земля имеет много лесов, а почва ее мало пригодна для сельского хозяйства. Из-за плохого качества почвы сельское хозяйство развивалось в Полоцкой земле крайне медленно. Население направляло свою хозяйственную энергию не на эксплуатацию земли. Соседство Полоцкой земли с Москвою было, в свою очередь, фактором, оказывавшим отрицательное влияние на развитие сельскохозяйственной куль-

---

[25] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 261. Названия отдельных частей территории даны в книге М. К. Любавского применительно к административному делению б. Российской империи **(прим. ред.)**.

туры. Вообще говоря, Полоцкая земля имела мало хлеба. Когда в конце 20-х годов XVI в. Литовско-Белорусское правительство должно было провести определенные хозяйственные мероприятия и обеспечить хлебными запасами пограничные замки, то хлеб высылали из Уцены, Ушполья, Пенян, Браславля, Аникшт, наконец из Понеманских дворов [26], где сельскохозяйственная культура дала уже значительные результаты и где сельскохозяйственная продукция достигла определенного развития, благодаря чему возможен был вывоз хлеба в более отдаленные местности, в которых ощущалась нехватка хлеба. Однако, несмотря на низкое качество почвы, сельское хозяйство в XV—XVI вв. неуклонно развивалось в Полоцкой земле. Актовые документы, сохранившиеся от тех времен, дают возможность заметить довольно значительную мобилизацию земельной собственности [27]. Такое стремление к земле было вызвано хозяйственными соображениями и свидетельствовало о развитии сельскохозяйственной культуры. Полоцкие землевладельцы стремились увеличить размеры своей земельной собственности путем получения от великого князя пустошей на веки вечные и с правом «отдати, продати и заменити ку своему житочному и лепшему обернути» так, как сам землевладелец найдет наиболее целесообразным,— «налепей разумеючи» [28].

По мере развития сельскохозяйственной культуры увеличивалась и зависимость крестьянства, жившего на частнособственнических землях; крестьянство обычно вместе с землей и различными угодьями отдавалось в собственность частному лицу и экономически эксплуатировалось.

Наряду с развитием сельскохозяйственной культуры на территории Полоцкой земли значительно расширилась эксплуатация лесных богатств. Описание Полоцкой земли, сделанное в 1552 г., дает материал, свидетельствующий об ее экономическом положении. Сведения из Полоцкой ревизии являются материалом, дающим картину предшествующего экономического развития края. В господарских пущах широко эксплуатировали лесные богатства — изготовляли золу. Обычно всю изготовленную золу сплавляли по Двине в Ригу [29]. Частные лица вывозили золу из своих имений [30]. На протяже-

---

[26] АЛРГ, № 197.

[27] Акты Литовской метрики, собранные проф. Ф. И. Леонтовичем, т. I, вып. 1 (1413—1498), Варшава, 1896 (№ 1—427) и вып. 2 (1499—1571), Варшава, 1897 (№ 428—775), № 322, 340, 341, 344, 542 и др. (далее — АЛМ).

[28] Там же, № 542.

[29] Полоцкая ревизия 1552 г. К изданию приготовил И. И. Лаппо, М., 1905, стр. 63.

[30] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVI, лл. 128, 129.

нии двух последних лет перед ревизией 1552 г. в господарских пущах выжгли 390 лаштов золы.

При господарских дворах и замках были еще сенокосы, которые косили местные тяглые люди; сенокосы эти предназначались для нужд господарского двора. Равным образом рыболовство на нужды замка и двора, а также охота были обычной повинностью населения [31]. Господарские дворы имели свою пахотную землю, на которой работало местное тяглое население [32].

Население волости, жившее как на мещанских, так и на боярских землях, занималось земледелием. Обычно землевладельцы получали определенную часть урожая, если население занималось сельским хозяйством, а также дополнительный доход сельскохозяйственными продуктами. Широкие слои волостного населения, известные под названием данников, платили своим владельцам так называемые дани, обычно натурой. Особенно распространены были так называемые медовые, куничные дани. Иногда натуральные дани можно было заменить денежными. Городские жители занимались торговлей и ремеслом. Этим правом пользовались не только городские жители, в обычном смысле этого слова, но и население, жившее в частновладельческих дворах, если только оно выплачивало, вместе с городскими жителями, серебщину и ордынщину [33].

Хозяйственным центром Полоцкой земли был г. Полоцк. Привилей на магдебургское право, дарованный Полоцку 7 октября 1498 г., разрешал городу иметь в год три ярмарки, причем каждая из них должна была продолжаться не более 2 недель. Ярмарки предназначались для торговых соглашений с иностранными купцами, ибо ни один иностранный купец не имел права ни покупать, ни продавать товары во внеярмарочные дни. Иностранные купцы имели право покупать, да и то только оптом, воск, а также шкуры следующих зверей: соболя, куницы, белки, горностая, лисицы, кроме того золу и смолу. Все это можно было закупать только в городе, а ни в коем случае «ни в лесе, а ни в борех, а ни в селах». Иностранные купцы со своей стороны предлагали на продажу: «сукно поставом, соль лаштом; перец, имбер, микгдалы и иншые зелья простые каменем; шафран, мушкаты, гвоздыки, квет мушкатовый, кгалкган, цытвар и иншые зелья дорожшие — фунтом; секиры, ножи и иншые речи таковские тахром або в тузину; железо, олово, медь, цын, мосяж и иншые речи таковские цент-

---

[31] Полоцкая ревизия..., стр. 58, 68 и др.
[32] Там же, стр. 64, 72.
[33] АЗР т. II, № 70.

наром; фикги, розынки кошем, вино какое — колвек и пиво немецкое и иншое питье чужое бочкою целою»[34].

К середине XVI в. Полоцкая земля была уже в значительной степени втянута в товарооборот. Население, жившее на частновладельческих землях, выплачивало определенную часть своих податей деньгами, так как оно получило возможность иметь эти деньги в результате непосредственного участия в торговле путем продажи тех продуктов, на которые был наибольший спрос со стороны иностранного купечества. О расширении заграничной торговли свидетельствует ведомость доходов Полоцкой таможни, сохранившаяся до настоящего времени (относится к началу XVI в.). Так, в течение 2 лет было вывезено за границу: в первый год 14 411 камней воску и во второй год — 4812, а всего 19 223 камня воску[35]. Обычно во время вывоза воска за границу взималась пошлина, однако великий князь мог разрешить и беспошлинный вывоз, что, понятно, было не общим правилом, а исключением. Воск не только скупали на месте для вывоза за границу, но и вывозили его в Вильно, где местные восковники должны были «чинить личбу» перед господарским маршалком[36].

Сведения о пошлинных сборах являются в определенной степени показателем внутреннего товарооборота. К сожалению, они очень неполны, однако, несмотря на это, они сохраняют свою силу и значение. Так, по данным отчета подскарбия земского Авраама Езофовича, на протяжении 1510—1511 гг., за 18 месяцев, от Полоцкой таможни поступило 1350 коп грошей — сумма весьма значительная для того времени[37]. Когда Полоцк получил привилей на магдебургское право, он должен был платить ежегодно господарскому скарбу 400 коп грошей[38]. Установление такой суммы было вызвано, конечно, тем, что доходы от заграничной торговли были довольно значительными и Полоцк имел возможность выплатить назначенную сумму. Правда, в 30-х годах XVI в. этот налог был уменьшен до 200 коп грошей. Сначала это уменьшение было временным, но с течением времени оно стало постоянным. По данным Полоцкой ревизии 1552 г., в господарский скарб поступало 200 коп грошей[39]. Такое уменьшение, видимо, было вызвано сокращением заграничной торговли, что в определенной степени объяснялось напряженными взаимоотношениями, сложившими-

---

[34] АЗР, т. I, № 159.
[35] АЛРГ, № 122—124.
[36] Там же, № 98.
[37] Там же, № 133; М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., стр. XXI.
[38] АЗР, т. I, № 159.
[39] Полоцкая ревизия..., стр. 28.

ся между Литовско-Белорусским государством и Москвой. То, что полоцкие корчмы отдавались в аренду, свидетельствовало о выгодности этого мероприятия и отчасти зависело от состояния городской торговли. Так, в начале XVI в. великокняжеский шляхтич Михаил Скапиевский не побоялся взять в аренду полоцкие корчмы на 5 лет и заплатить 2000 коп грошей «дробной личбы» [40]. Очевидно Скапиевский был уверен в том, что он не проиграет на этом деле.

Подтвердительный и расширенный привилей Полоцку на магдебургское право от 27 августа 1510 г. разрешал городской администрации построить четыре гостиных двора с условием, что половину доходов будет идти в пользу великого князя [41].

Правда, это постановление до 1529 г. по каким-то мотивам не было выполнено. Господарь угрожал мещанам, что построит гостиный двор за свой собственный счет и все доходы возьмет себе, если в течение года не будут построены такие дворы [42]. Видимо, постройка гостиных дворов была выгодна правительству, и в то же время это свидетельствовало о развитой городской торговле. Можно думать, что Полоцк столкнулся с каким-то препятствием внутреннего характера, если он не имел возможности на протяжении довольно значительного времени построить на собственный счет гостиный двор.

Город Полоцк занимал в торговых отношениях очень удобное положение. По главной водной артерии Полоцк имел связь с Ригой и Москвой. Торговля с Ригой была очень нужна Полоцку, так как он через Ригу не только получал продукты западноевропейского производства, но и доставал хлеб, в котором, из-за состояния сельского хозяйства в Полоцкой земле, ощущалась острая необходимость. Торговые сношения с Ригой в тсчение всего времени влекли за собой недоразумения — особенно до победы над немецким орденом под Грюнвальдом в 1410 г. Немцы, засевшие в устье Западной Двины, получили полную возможность препятствовать полоцкой торговле с тем, чтобы держать Полоцк в полной зависимости от себя. Разумеется, Риге было очень важно не пропускать хлеб в Полоцк, так как отношения между немцами и литовцами все время были напряженными. То, что Полоцк испытывал огромную потребность в хлебе, видно хотя бы из того, что когда в начале XIV в. до Полоцка дошли известия о прекращении войны между князем Витенем и немцами, то сразу же от имени полоцкого епископа Якова была послана грамота рижским властям с просьбой пропустить хлеб в Полоцк; грамота обещала пойти навстречу рижанам в их взаимоотношениях с полоцкими куп-

[40] АЛРГ, № 84.
[41] АЗР, т. II, № 61.
[42] АЛРГ, № 191.

цами, если Рига в свою очередь поступит также в отношении полоцких купцов [43].

Однако, несмотря на то, что немецкий орден был в значительной мере ослаблен и военные действия прекратились, особенно после Торунского соглашения 1466 г., торговые сношения Полоцка с Ригой не нормализовались. Рижские власти препятствовали полоцким купцам в торговле и не пропускали их за Ригу. В свою очередь рижские купцы, которые пробовали попасть в Витебск и Смоленск, встречали со стороны полоцкой власти такие же недружелюбные отношения. И те и другие стремились держать в своих руках монополию торговли и не хотели пойти на уступки друг другу. Правда, полоцкие власти были согласны дать рижским купцам право ездить в Витебск и Смоленск, однако при условии, если полоцким купцам «мимо Риги будет путь чист и водой и землей» [44]. Очевидно, никто из них не пошел на уступки друг другу. Жалобы с одной и с другой стороны не прекращались. Эти недоразумения в значительной мере мешали товарообороту между Ригой и Полоцком. Рижские власти не только чинили препятствия полоцким купцам и их торговле, но даже как-то ограбили приехавших в Ригу с товарами купцов, отобрав у них коней и принудив их тем самым возвращаться в Полоцк пешком. Полоцкие власти предложили Риге отказаться от таких отношений к полоцким купцам, угрожая конфискацией всех товаров немецких купцов в Полоцке. Полоцк еще раз предложил дать своим купцам, как было прежде, «за море путь чист» и тогда немцам будет дано право ездить в Витебск и Смоленск, но это, видно, не входило в планы немцев. Грамота на магдебурское право г. Полоцку от 7 октября 1498 г. запрещает иностранным купцам ездить в Витебск и Смоленск с товарами под угрозой конфискации всего имущества. Разрешались поездки в Смоленск только для взыскания долгов; заключать же какие-нибудь новые соглашения запрещалось [45].

Московские купцы также приезжали в Полоцк для продажи своего сырья и своих фабрикатов, так называемого московского полотна. Они входили с местными литовско-белорусскими купцами в различные торговые соглашения; иной раз местные купцы брали на себя доставку определенного количества необходимых Москве товаров. Надо отметить, что литовско-белорусские купцы не всегда выполняли свои обязательства в отношении московских купцов. На этой почве возникали недоразумения, которые обычно выносились на суд

---

[43] Витебская старина, т. I. Витебск, 1883, № 8.
[44] Витебская старина, т. I, № 11.
[45] Там же, № 12; АЗР, т. I, № 159.

воеводской власти [46]. Все это свидетельствует об относительно развитом в Полоцкой земле торговом капитале, который вовлекал народное хозяйство в свою сферу и оказывал большое влияние на хозяйственные отношения.

Хозяйство Полоцкой земли носило не столько сельский, сколько промысловый характер. Эксплуатация различных угодий составляла наибольшую часть доходов как для князя, так и для частных землевладельцев. Стремление увеличить доходы с хозяйства влекло за собой желание расширить количество земли как заселенной, так и незаселенной — бобровых гонов, сенокосов, лесов, пущ и т. д. Торговый капитал создавал благоприятные условия для мобилизации земельной собственности. Земля стала объектом продажи и купли. Такие условия на куплю значительно расширили сферу боярского землевладения. Бояре покупали землю у мещан, у сельского населения и у других. Государственная власть, видимо, считала такие случаи совершенно обычным явлением. По крайней мере не встречалось никаких препятствий со стороны власти великого князя, если обращались к нему с просьбой утвердить подобные условия. Обычно покупали заселенную землю со всякими угодьями. Большое число таких договоров на куплю-продажу свидетельствует о значительном процессе мобилизации земельной собственности [47]. Обычно тот, кто покупал землю и приходил к господарю с челобитной, получал от него грамоту, согласно которой земля закреплялась за новым владельцем на веки вечные. Такого же подтверждения требовала и выслуга, если она переходила к преемникам бояр вместе с другими землями [48]. Тот, кто держал выслуги, также обращался к господарю с ходатайством о подтверждении. Лист, выдаваемый господарем, закреплял обычно выслугу за тем, кто держал землю, на веки вечные [49]. Тот, кто держал пожалования, полученные от предшествующих господарей, обычно возбуждал ходатайство о закреплении за ним этих пожалований [50]. Сословие землевладельцев расширило путем купли и подтверждения выслуг и пожалований размеры своих владений. Частное землевладение особенно расширилось благодаря господарским пожалованиям. Уже во времена Казимира Ягеллончика были розданы значительные земельные и промысловые пожалования, вместе с населением, которое жило на этих землях и несло повинности [51].

---

[46] ЦГАДА, ЛМ КЗ XVI, лл. 148, 171.
[47] АЛМ, № 77, 322, 340, 359, 477, 508, 513, 739.
[48] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVI, лл. 116, 117.
[49] АЛМ, № 508.
[50] Там же, № 70, 227.
[51] РИБ, т. XXVIII, стр. 26—27.

Под влиянием торгового капитала землевладельцы начинают стремиться к земле, с целью расширить свои владения. Для этого они обращаются к господарю и просят о пожаловании им земли. Таких ходатайств было очень много. Они свидетельствовали об определенном настроении землевладельческого класса. Обычно такие земли-данины отдавались «на вечность», «со всеми слугами и со всякими прилегавшими угодьями»[52]. Однако пожалования господарей не всегда носили характер пожалования «на вечность». Очень часто земли отдавались во временное пользование на тех или иных условиях. Владельцы полученных земель неоднократно возбуждали ходатайство перед господарем, прося о подтверждении. Пожалования короля, покупка имений, наконец, подтвердительные грамоты великого князя на различные формы держания земли расширяли частное землевладение. Основой частного землевладения были земли, переходившие из поколения в поколение, вотчины, права на которые определялись и полоцкой стариной и общешляхетским привилеем 2 мая 1447 г. Интересной особенностью Полоцкой земли было мещанское землевладение; многие из мещан имели землю за пределами города и наравне со шляхтой должны были отбывать военную повинность. Общая картина частного землевладения в Полоцкой земле очень выразительна по переписи всего войска, составленной на основе постановления Виленского сейма от 1 мая 1528 г. Сеймовое постановление установило порядок отбывания военной службы, чтобы отдельные землевладельцы не имели возможности уклоняться от этой обязанности, что было возможно до оглашения закона 1528 г. Новое сеймовое постановление требовало, чтобы каждый владелец «с кожных осьми служоб, людей ставил пахолка на добром кони, во зброи, з древком, с прапором, на котором бы был панцер, прылбица, меч або корд, сукня цветная, павеза и остроги две»[53].

При составлении переписи 1528 г. в основу были положены принципы последнего постановления сейма.

Перепись 1528 г.— документ чрезвычайно большой ценности — знакомит с воинскими силами, с ополчением шляхты и является основным документом, показывающим принадлежность того или иного землевладельца к шляхетскому сословию. В определенном смысле перепись может служить показательным документом в деле изучения того, насколько распространено было землевладение среди военнослужащих

---

[52] АЛМ, № 76, 244; РИБ, т. XXXIII, стр. 149.
[53] АЗР, т. II, № 152.

как во всем Литовско-Белорусском государстве, так и в отдельных землях.

Полоцкая земля не принадлежит к территории с распространенным крупным землевладением. В Полоцкой земле нет таких крупных магнатов, как в западной части Белоруссии, так как неблагоприятные для сельского хозяйства почвенные условия не привлекали к себе внимание шляхты, стремившейся получить землю в западной части государства.

Кроме шляхетского землевладения, в Полоцкой земле было распространено и мещанское землевладение. Мещане, которые имели владения на земском праве, должны были отбывать военную службу со своих земель. Это сохранение специального земского мещанского землевладения свидетельствовало об относительно слабом развитии сословий в Полоцкой земле, благодаря чему сохранились такие архаические особенности, как мещанское землевладение.

Шляхетское землевладение в Полоцкой земле было средним и мелким[54]. О размерах каждого имения можно судить по числу конных, которых оно должно было выставлять. Наибольшее число конных выставлял пан Дмитрий Корсак, сын Богдана,— 33. Равного ему магната не было. Дмитрий Корсак, имея денежные средства, держал еще в заставе имение пана Василия Чижа; с этого имения он должен был выставлять 5 конных.

Таким образом, самый крупный землевладелец давал всего 38 конных воинов. Сколько конных выставляли другие члены фамилии Корсак, видно из следующих данных:

Сыновья Зиновия Корсака	
1. Михаил	19 конных
2. Пани Михайлова, его жена	18
3. Богдан	15
4. Пани Иванова, жена Ивана Корсака	16
Сыновья Михаила Корсака:	
5. Яцек	18
6. Иван	17
7. Василий	16
8. Глеб, сын Ивана, внук Зиновия Корсака	14
9. Пани Глебова, его жена	18
Сыновья Глеба:	
10. Иван	15
11. Петр	14
12. Ян	14
13. Андрей	14
14. Симон	14
15. Пани Корсакова	15
	237

Таким образом, фамилия Корсак состояла из 16 лиц (считая и Дмитрия Корсака), которые все вместе должны были выставлять на войну 275 конных. В их владении находилось 2200 крестьянских служб.

[54] РИБ, т. XXXIII, стр. 192—195.

Второе место занимала фамилия князей Лукомских, которая, однако, была значительно меньше фамилии Корсак:

Сыновья князя Романа Лукомского:

1. Петр	14 конных
2. Симон	5
3. Михаил	5
4. Князь Андрей, сын Ивана Лукомского	9
5. Князь Богуш Лукомский	4
6. Княгиня Михайлова-Лукомская	13
	50

Как видно из этих данных, Лукомские — небогатые землевладельцы. Вся фамилия состояла из 6 лиц, которые все вместе должны были выставлять 50 конных и имели 400 крестьянских служб. Фамилия князей Полубинских состояла из 2 лиц, из мужа и жены, которые выставляли 8 конных. К сравнительно значительным землевладельцам принадлежали: пани Михайлова-Сеньковичиха, выставлявшая 14 конных, и пани Матеева-Сканькевичиха — 10 конных. Фамилия Соколинских состояла из 2 лиц: княгини Васильевой-Соколинской и князя Юрия Соколинского; оба выставляли 18 конных. Таковы наиболее выдающиеся представители шляхетского землевладения в Полоцкой земле. Из остальных — дети Глеба Остафьевича выставляли 13 конных; Андрей, сын Симона Эпимаха, выставлял 12 конных за своих братаничей, которых он опекал; 2 боярина — по 9 конных; 1 боярин — 8 конных и один — 7 конных; по 5 конных выставляли 5 бояр, 1 боярин — 6 конных, 5 бояр выставляли по 4 конных; 2 — по 3, 12 — по 2 и 24 — по 1 конному. Последние шли на войну сами.

Таким образом, вся полоцкая шляхта выставляла 538 конных, больше половины которых приходилось на фамилию Корсак.

Из показанного числа конных, которых должна была давать полоцкая шляхта, можно видеть, что Полоцкая земля была территорией мелкого и среднего землевладения. Не было крупным по своим размерам и мещанское землевладение. Большинство землевладельцев из мещан, державших землю по земскому праву, выставляло на войну только 1 конного, иначе говоря, выезжали сами. Среди мещан выделялись только двое, один из которых выставлял 7 конных, а другой — 9. Один из мещан-землевладельцев давал, совместно с братом, 5 конных. Группа мещан выставляла 6 конных, 2 — по 4 кон-

ных, 4 — по 3 конных, 7 мещан выходили на войну с 2 конными [55].

Сохранение мещанского землевладения с обязанностью отбывать воинскую службу было особенностью Полоцкой и Витебской земель. Правда, мещанское землевладение в Витебской земле, согласно с переписью 1528 г., не имело значительного распространения. То, что в Полоцкой земле было мещанское землевладение, является признаком слабой насыщенности ее шляхетским сословием и отсутствия пока что ярко выраженного классового разделения между шляхетством и мещанством. Потребность в воинских кадрах для обороны государства вообще, а в том числе и Полоцкой земли, способствовала закреплению за мещанами права на владение недвижимой собственностью, с обязательством отбывать военную повинность. Земли мещан, как и шляхты, были объектами общественного правопорядка. Многие из мещан владели купленными землями, право на владение которыми утверждала власть великого князя; с другой стороны, часть мещанских земель попадала в руки шляхты. Существование мещанского землевладения свидетельствовало о слабом пока еще отделении города от волости, как об одном из результатов недостаточно глубокого влияния торгового капитала на хозяйственную жизнь Полоцкой земли и небольшой разнице в занятиях населения города и волостей. Слабым развитием торгового капитала объясняется и отсутствие так называемого «заставного» землевладения. По переписи 1528 г. только один Дмитрий Корсак имел в заставе владение пана Чижа, с земли которого он должен был давать 5 конных. Служилые землевладельцы имели заселенную и незаселенную землю. Владение землей заселенной давало владельцам полную возможность эксплуатировать жившее на ней население.

Крестьяне же данники, сидевшие на шляхетских и мещанских землях, ограничивали свое отношение к местному землевладению только выплатой дани. С течением времени, по мере развития хозяйственной жизни края, натуральные подати сменились денежными. Другие группы населения отбывали дань частноземельному собственнику, неся те или иные повинности, в зависимости от состояния своего хозяйства. Пожалования земель господарями «со всими людьми и слугами, и с конюхи, и со всими землями — пашнями, и с бортными, и с данью», а также господарские решения, согласно которым возвращались обратно под власть частного собственника, так называемые «выломавшиеся подданые», наглядно свидетельствовали о точке зрения государственной власти на отношения

---

[55] РИБ, т. XXXIII, стр. 195—197.

населения, жившего на частновладельческих землях, к своим владельцам. Эксплуатация зависевшей от владельца рабочей силы являлась основным источником получения той земельной ренты, которая давала землевладельцу возможность всегда быть подготовленным к войне. Частновладельческие села и имения были разбросаны по разным частям Полоцкой земли относительно мелкими участками, как в этом легко убедиться по данным Полоцкой ревизии 1552 г.

Владения сельского населения находились в пользовании семейно-родовой организации; обычно они назывались землями. Каждая такая организация была в хозяйственном отношении самостоятельным целым и эксплуатировала угодья своей собственной рабочей силой.

III

Население Полоцкой земли, если иметь в виду его правовое положение, делилось на две группы — на вольных и невольных. Данные Полоцкой ревизии 1552 г. свидетельствуют о том, что была невольная челядь как в господарских, так и в частновладельческих дворах, но число ее было невелико. Небольшие размеры хозяйства не требовали и большого числа челяди невольной. С другой стороны, та работа, которую в частновладельческих и государственных хозяйствах выполняла невольная челядь, по мере усложнения хозяйственной жизни переходила к особым группам населения, так называемым тяглым людям.

Челядь невольная, паробки — институт древнего происхождения, и традиции института рабства никогда не прекращали своего существования. Правовое положение челяди невольной в XV и в начале XVI в. в сравнении с более ранней эпохой рабства мало чем отличалось. Владельцы холопов рассматривали их как свою собственность и распоряжались ими, как хотели. Челядь невольная составляла неотъемлемую часть пользования землей наравне с другими бывшими в распоряжении землевладельца источниками дохода от хозяйства. Институт челяди невольной не имел почвы для широкого распространения как благодаря относительно незначительному распространению шляхетского землевладения, так и по причине преимуществ промыслового хозяйства над земледельческой культурой [56].

Свободное население делится на две группы: на военнослужилых и на тяглых. Эти группы отличались друг от друга своими специальными обязанностями; класс военнослужилых

---

[56] Полоцкая ревизия..., стр. 64—72.

людей отбывал в интересах государства военную службу, а тяглые люди выполняли тяглые работы и выплачивали денежные подати. Однако в положении тяглых людей уже с половины XV в. стали замечаться значительные изменения. Свободные тяглые люди исчезали, а вместо них на частновладельческих землях появилось крепостное крестьянство, так называемые «отчичи».

Однако развитие института крепостничества не вызывало полного исчезновения класса вольных людей. Данные Полоцкой ревизии 1552 г. о вольных людях на землях частных собственников показывают, что этих людей раньше было значительно больше. Чтобы определить принадлежность землевладельцев к классу военнослужащих, в Полоцкой земле применяли древний термин «боярин».

Перепись 1528 г. относительно Полоцкой земли употребляет только термин «боярин». Все бояре, зафиксированные в переписи 1528 г., составляли основную массу полоцкой шляхты. Полоцкие бояре должны были отбывать военную службу, норма которой определялась размерами землевладения. Устава о воинской службе от 1528 г. требовала, чтобы каждый владелец, имевший 8 крестьянских служб, выезжал на войну на хорошем коне. Полоцкие бояре, по их отношению к военной службе, делились на две категории: одни выезжали на войну сами, а другие выставляли определенное число конных, в зависимости от размеров их боярского землевладения.

Правовое положение полоцкой шляхты определялось в Полоцкой уставной грамоте, а также в общешляхетском привилее. Уставная Земская грамота охраняла местные права населения от посягательств на них со стороны власти великого князя; кроме того, она давала местному боярству право принимать участие в местных краевых сеймах, а также в судах, которые отправлял воевода.

Основной повинностью полоцкого боярства была военная служба. Полоцкое боярство, как и боярство всего Литовско-Белорусского государства, было свободно от выплаты serебщины, однако на боярстве лежали общие повинности, например заботы об обороне замка [57]. Когда Полоцк получил магдебургское право, боярство было освобождено от всяких денежных повинностей. Равным образом тот, кто имел земли в пределах города, не был зависим от городской юрисдикции. Полоцкая шляхта была весьма демократичной по своему составу. Среди нее не было ни крупных панов, ни титулованных фамилий.

---

[57] Полоцкая ревизия..., стр. 1—10.

Другую группу свободного населения составляли так называемые волостные люди, которые, живя на государственных землях, отличались друг от друга не столько своим правовым положением, сколько общим характером своих повинностей. В том случае, когда господарь жаловал заселенные земли, изменялось правовое положение населения, попадавшего под власть и юрисдикцию частного собственника. Частновладельческое крестьянство обратно в государственное не переходило, ибо Полоцкая конституция не знает такого положения, когда по причине отсутствия наследников имение переходило бы, как выморочное имущество, во владение господаря [58].

Полоцкая земля — территория больших лесных массивов. Население, жившее возле леса, занималось очень примитивным промысловым хозяйством. Все отношения этого населения к господарскому скарбу проявлялись в форме выплаты той дани, которая по старинному обычаю собиралась с населения. Пока Полоцк не получил привилея на магдебурское право, волостное население составляло одно целое с мещанами и боярами, не образуя отдельной группы.

Полоцкое общество еще не знало значительной классовой дифференциации, что можно объяснить недостаточно глубоким влиянием торгового капитала. Волостное население выступало совместно с другими общественными группами, как только затрагивались интересы всей земли. Когда полоцкий наместник Олехно Судимонтович захотел учредить в Полоцке должность городничего, все население Полоцкой земли, считая это невыгодным для себя, обратилось к великому князю с просьбой оставить все по-старому и разрешить самому наместнику распоряжаться строительством города. Просьба населения была удовлетворена [59]. Волостные люди, составлявшие неотъемлемую часть всего населения Полоцкой земли, обращались, вместе с другими общественными группами, к великому князю с просьбой подтвердить полоцкий привилей [60]. Рост отдельных сословий и боярского землевладения, с одной стороны, получение г. Полоцком привилея на магдебурское право — с другой, способствовали обособлению волостного населения от других общественных групп. Волостные люди оказались в непосредственной зависимости от господарской администрации, которая, однако, мало вникала в жизнь волостной организации и ограничивалась только надзором за тем, чтобы подати собирались по старому обычаю. Но эти идиллические отношения постепенно разрушались. Правительство, учитывая влияние торгового капитала, всегда

[58] АЗР, т. II, № 70.
[59] РИБ, т. XXVII, стр. 28, 29.
[60] АЗР, т. II, № 70.

старалось нарушить старинные обычаи, стремясь к увеличению повинностей в пользу господаря. Такая тактика господарской администрации вызывала протест со стороны населения и была причиной возбуждения ходатайства перед господарем о неприкосновенности старины [61]. Отделение города от деревни, закрепившееся с получением Полоцком привилея на магдебургское право, отмежевывало волостное население от города и выделяло его в особую общественную группу со специфическими экономическими отношениями, свойственными этой группе.

В волостях была еще и другая группа населения, известная под названием крепостных людей. Эта группа населения выполняла барщину в господарских дворах и отбывала различные натуральные повинности в пользу двора. Были, наконец, в волостях и крестьяне, отбывавшие в господарском дворе специальные службы и повинности, как, например, бортники, путные бояре [62]. Аналогичные группы сельского населения были и в частновладельческих дворах, с той только разницей, что зависимость населения от частновладельческого земельного капитала была более значительной.

Полоцкая ревизия уже знает группу сельского населения, так называемых «отчичей», которые лишились права перехода и фактически были уже крепостными. Появление на частновладельческих землях крепостного крестьянина — результат влияния торгового капитала, ставившего население земель в полную зависимость от владельца. Пожалование земли господарем сначала давало землевладельцу право на эксплуатацию населения, жившего на его земле, однако из этого вовсе еще не вытекала потеря этим населением независимости. Экономическое и правовое закрепощение сельского населения является только отражением влияния на народное хозяйство торгового земельного капитала и поместного землевладения. Новые пожалования земель отдавали во власть частного владельца даже таких людей, которые были под юрисдикцией бояр и никаких работ («потяглей») в пользу владельца не выполняли. Понятно, что эти общественные элементы не хотели согласиться с таким положением вещей и делали попытки вернуть свое прежнее положение — получить обратно утраченную свободу. С этой целью люди обращались к господарю с просьбой освободить их от отбывания различных «потяглей». Со своей стороны и землевладельцы считались с тем, что отдельные люди не хотели быть под их властью и отбывать различные повинности в их пользу.

---

[61] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVI, лл. 152—153 и 159.

[62] Полоцкая ревизия..., стр. 55, 61, 62, 65, 67, 68, 97, 114.

Чтобы заставить эти общественные элементы считаться с их властью, землевладельцы обычно обращались к господарю с просьбой подтвердить как само положение, так и службу лиц, старавшихся выйти из-под власти частного землевладения. Обычно господарское решение («вырок») окончательно определяло судьбу того, кто искал воли и в этих целях приходил с челобитной. Господарская грамота давала частному землевладельцу основание требовать от своих людей различную службу и рассматривать их как лиц, обязанных отбывать ему такую службу [63]. Землевладельцы испытывали большую потребность в рабочих руках. Частный капитал искал свободных работников и поэтому не хотел терять их, если таковые попадали в сферу его влияния, и он получал возможность эксплуатировать их физический труд. Кроме того, на землях частных владельцев сидели свободные люди, которые только выплачивали землевладельцам определенную часть урожая.

Влияние торгового капитала на общественную структуру Полоцкой земли было чрезвычайно велико. Торговый капитал разделил общество на классы. Он закрепил за частновладельческим капиталом те рабочие руки, которые, по объективным причинам, были необходимыми ему как в хозяйстве, так и для эксплуатации находившихся в сфере его влияния природных богатств. Благодаря этому среди самого сельского населения уже замечалась правовая дифференциация. Привилей 2 мая 1447 г., запретивший крестьянам переходить от землевладельца к господарю и обратно, фактически свидетельствовал о том, что определенная группа населения уже была закрепощена. С другой стороны, тот же привилей давал пану право вершить суд над своими крестьянами и решать дела, связанные с предъявлением к ним иска со стороны третьих лиц. Развитие судебно-вотчинной власти было показателем, отличающим одну группу населения от другой по правовому положению [64].

Третью группу населения составляли мещане, жители г. Полоцка, который был в то время естественным экономическим и политическим центром Полоцкой земли. Город Полоцк занимал очень выгодное географическое положение, стоял на важнейшем торговом пути. С одной стороны, этот торговый путь давал возможность Полоцку вести широкую внешнюю торговлю, с другой — была возможность по верховью Западной Двины поддерживать торговую связь с Москвой. Для Москвы р. Западная Двина имела огромное значение, так как этой рекой, через территорию Белоруссии, шло за границу

---

[63] АЛМ, № 70, 161.

[64] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства.... стр. 327—328 (приложения).

московское сырье. Правые притоки Западной Двины соединяли Полоцкую землю с территорией Новгородско-Псковской земли, а левыми притоками Западная Двина подходила к бассейну р. Неман, через р. Вилию. Упомянутые торговые пути имели огромное значение в развитии торговли и в деле экономического подъема Полоцка.

Сам Полоцк по мере развития торговли приобретал отличающий его от других частей Полоцкой земли вид и становился городом, население которого, хотя и имело с населением волостей общие связи, интересы, но преимущественно специализировалось на торговле и ремесле.

Рядом с г. Полоцком стоял Полоцкий замок, построенный на высокой горе, между реками Двиной и Полотой. Стратегическое значение Полоцкого замка было чрезвычайно велико ввиду соседства с Московским государством, отношения с которым все время были напряженными.

Нет ничего удивительного, что правительство Великого княжества Литовского проявляло большую заботу о боевой готовности Полоцкого замка. Поддержание укреплений замка в хорошем состоянии лежало на обязанности местного населения. Бояре, мещане, духовенство должны были поддерживать в порядке «городни».

Население г. Полоцка было очень пестрым по своему составу. Основную массу городского населения составляли мещане, определенная часть которых имела села за пределами города и несла общие повинности наравне со всем городским населением. Одна часть мещан сидела на собственных землях, другая — на землях других мещан или на церковных. Тот, кто держал такие земли, должен был выплачивать владельцам земли определенное количество «позему». Другую группу населения Полоцка составляло духовенство — черное, жившее в монастырях, находившихся в пределах города, и белое, приписанное к городским церквам. Кроме того, в Полоцке жила шляхта, имевшая в городах усадьбы; шляхта была освобождена от тех городских податей, которые платило городское население после получения Полоцком привилея на магдебурское право.

Несмотря на благоприятные в общем условия для экономического развития в Полоцке торговый капитал медленно распространялся по территории Полоцкой земли. В связи с этим в Полоцкой земле в XV в. долгое время сохранялось единство волостной организации. Полоцк находился под управлением господарского наместника, деятельность которого не всегда удовлетворяла население. Так, полоцкий наместник Олехно Судимонтович, вероятно, по военным соображениям решил изменить порядок управления городом и поставить во

главе Полоцка городничего, на обязанности которого была организация надлежащим образом обороны города. Этот приказ полоцкого наместника, нарушавший полоцкую старину, вызвал огромное недовольство со стороны всех жителей. Полоцкие бояре, мещане и все посольство обратилось к великому князю с просьбой оставить все по старому, а местные нужды в случае надобности, «делати нашим людям, которые наши люди з волостей наших Задвинских Полтеск рубливали издавна и пригоном Полоцким, и иным волостем, которыя издавна город Полоцк рубливали» Решение великого князя («вырок») от 27 марта 1475 г. удовлетворило просьбу населения Полоцкой земли. Все было оставлено по-старому. Таким образом, попытка выделить город в особую административно-военную единицу встретила препятствие со стороны жителей [65].

Тем временем единство Полоцкой земли медленно, но неуклонно разрушалось. Распространение торгового капитала противопоставило интересы землевладельческого сословия интересам других групп населения, что нарушало как единство Полоцкой земли, так и отбывание повинностей. Так, полоцкие бояре отказывались помогать полоцким мещанам, а также городской шляхте и черному люду в отбывании земских повинностей. Эти недоразумения, возникавшие среди горожан, были вынесены на суд великого князя. В августе 1486 г. великий князь принял по этому вопросу свое постановление; он пошел навстречу обиженным и сохранил старый порядок. Бояре должны были «тую помоч класти, коли мы их пожадаем по той нашой присязе, как нам присягнули во всем добра хотети».

Деньги, собиравшиеся в результате исполнения земской повинности, хранились в особом ящике, который находился в распоряжении представителей от заинтересованных групп горожан. Выдача денег на земские нужды разрешалась только с согласия всех представителей. Постановление господаря еще раз подчеркивало единство в общественно-волостной организации и требовало, «абы бояре и мещане и дворяне городскии, и все поспольство в згоде между собою были, а дела бы наши господаръские вси згодою посполу справляли по давному, а сымались бы вси посполу на том месте, где перед тым сыймовались здавна». Господарь запретил отдельные боярские собрания и советовал, чтобы они «во всех бы речах радились так, как мы им право дали» [66]. Виновный в нарушении приказа господаря подлежал денежному штрафу в 10 000 руб. Единство

[65] РИБ, т. XXVII, стр. 28—29.
[66] РИБ, т. XXVII, стр. 410—411.

Полоцкой земли и волости еще раз было сохранено, однако ненадолго.

Объективные хозяйственные условия вынудили правительство провозгласить 7 ноября 1498 г. привилей на магдебургское право, который разрушил единство Полоцкой земли. К концу XV в. экономический уровень Полоцка вырос, так как торговый путь по Западной Двине приобретал все большее значение. Великий князь Александр даровал свой привилей, «маючи узгляд ку посполитого доброго розмножения и хотячы положенья места нашого Полоцкого в мере лепшой поставити, штобы люди наши там живучыи через ряд добрый а справедливый были розмножены»[67].

Даруя Полоцку привилей на магдебургское право, великий князь Александр хотел тем самым помочь его экономическому развитию. Привилей на магдебургское право выделял Полоцк из состава Полоцкой земли в особую административно-хозяйственную единицу. Территория Полоцка не замкнулась в узкие рамки одного только города; к нему были приписаны: «люди тые, которые живуть за Двиною, яко и тые, которые з другое стороны реки Двины и на острове мешкають; теж вси люди владычныи, игуменьины, и теж чернецкии и поповскии, и боярскии, и мещанскии, и всих ных, которые там же живуть и около места и в селех мещанских, и теж поселские, и слуги путныи, которые ж завсегды з мещаны на выправу военную звыкли ходити, и вси поплатки наши посполу с ними нам давати». Все эти перечисленные общественные группы подлежали суду магдебургского права «во всих речах». Одновременно с этим упомянутые группы населения больше уже не подлежали праву городскому и боярскому — «перед которыми ж на праве не будуть уже повинны стоять, а естли кому в чом будуть виновати, тогды мает им справедливость статися перед войтом их и бурмистры».

Правительство, выделяя Полоцк из состава Полоцкой земли, старалось в то же время обеспечить его в достаточной мере населением, которое издавна отбывало свои повинности вместе с городскими жителями и отсутствие которого весьма отрицательно сказалось бы на боевой подготовке Полоцка. Привилей на магдебургское право освобождал население Полоцка от подсудности полоцкому наместнику, только «нижли часу непокоя, або которое иншое земское потребы, а наболей с полецанья нашого, повинни мають быти на приказанье нашого наместника, на тот час будучого, на замку нашом, ко обороне его, так долго, поки будет потреба»[68]. Таким обра-

---

[67] РИБ, т. XXVII, стр. 701—703; АЗР, т. I, № 159.
[68] АЗР, т. I, № 159, стр. 180.

зом, наместник был главным руководителем военных сил Полоцкой земли. Надо отметить, что полоцкие мещане держали землю на основе земского права и, значит, должны были отбывать военную службу вместе с другими землевладельческими элементами. В этом отношении полоцкие мещане составляли неотъемлемую часть общеземской обороны. Благодаря этому и после выделения Полоцка в особую административно-хозяйственную единицу не произошло обособления мещан от других групп населения, отбывавших военную повинность. Привилей на магдебургское право определил, какие повинности обязаны были отбывать полоцкие мещане в отношении государственного скарба, и дал мещанам экономические преимущества, освободив их от выплаты таможенных сборов на территории всего Великого княжества Литовского, подобно тому как это было сделано несколько раньше по отношению к виленскому и трокскому мещанству. Полоцким мещанам было дано право устраивать три ярмарки в год, «первый ярмарок — на святого Якуба день, а другии на крещенье, а третий по велице дни у тыждень». Ярмарки должны были продолжаться по 2 недели, как это было определено в привилее[69]. Организация ярмарок открывала возможности для развития торговли с иностранными купцами. Последние получали право свободного приезда на ярмарку как для продажи своих товаров, так и для закупки местных и привозных продуктов; при этом следует отметить, что иностранные купцы получали право торговли исключительно в Полоцке,— поездки в Витебск и Смоленск были запрещены. Нарушение этого запрета угрожало конфискацией всех товаров[70]. Привилей 1498 г. давал мещанам право пользования лесами, находившимися в пределах трехмильной полосы вокруг города. Они имели право брать лес как на строительство, так и на нужды домашнего хозяйства. Равным образом в пользовании г. Полоцка оставались те пашни, которыми жители пользовались до момента пожалования магдебургского права[71]. Все жители города, за исключением бояр, подлежат городскому «присуду». Привилей запрещал боярам иметь в городах своих людей. Все должны были подчиняться магдебургскому праву. Правительство, даруя Полоцку привилей на магдебургское право, имело в виду возможности его хозяйственного развития. Недаром привилей возложил на Полоцк обязательство выплаты в господарский скарб ежегодной подати в размере 400 коп грошей — сумма очень значительная в то время[72]

---

[69] АЗР, т. I, стр. 180.
[70] Там же, стр. 180.
[71] Там же, стр. 181.
[72] Там же.

Привилей на магдебургское право давал мещанам ряд экономических преимуществ. Так, мещане освобождались от предоставления подвод, за исключением тех случаев, когда подводы были нужны «для потреб земских» и когда великий князь литовский присылал специальный приказ. Равным образом население Полоцка освобождается от сторожевой повинности, за исключением военного времени [73]. Кроме того, Полоцк имел право «збудовати к ужитку мест с кому лазню посполитую», «поставити ратушу» на соответствующем месте, где полочане будут иметь право открыть «крамницы» и «ятки», а также и «комору пострыгалную». Вместе с тем в доход Полоцкого места идут «бочка мерная и медница» [74]. Во главе города стоял войт, назначаемый великим князем; войт выбирал из среды мещан 20 радцев «половину закону римского, а половину другую — грецкого». Войт и радцы избирали из своего состава двух бурмистров, по одному от жителей той и другой веры. Бурмистры и радцы во всех спорных вопросах имели право «чинить отозвание до войта», а войт должен был обращаться непосредственно к великому князю. Войт имел право рассматривать различные дела и в отсутствие бурмистров и радцев, однако последние не имели такого права, если отсутствовал войт или его наместник (лент-войт). Войт, бурмистр и радцы были ответственны за свою деятельность перед великим князем [75]. Что касается суда, то население Полоцка было освобождено «от судок и моцей всих воевод, и панов, и старост, судей и подсудков, и наших наместников и иншых заказчиков Великого княжества нашого» [76]. Привилей на магдебургское право подробно фиксировал те денежные доходы, которые шли как в пользу войта, так и в скарб великого князя. Согласно привилею, войт получал третью часть «от всих судов и иных судовых речей». Кроме того, в пользу войта шла половина доходов от мясных клеток, а также доходы от винокурения [77].

Упомянутый привилей выделял Полоцк в отдельную административно-хозяйственную единицу, однако вместе с тем еще не произошло окончательного обособления жителей Полоцка от остального населения Полоцкой земли. Так, здешнее боярство, как и прежде, должно было строить укрепления в Полоцке. В связи с этим возникали недоразумения между здешними боярами и мещанством, которые разрешались великим князем в пользу мещан. За боярами была оставлена старая

---

[73] АЗР, т. I, стр. 180.
[74] Там же, стр. 181.
[75] Там же.
[76] Там же.
[77] Там же, стр. 179—180.

обязанность строить и поддерживать в порядке городские укрепления, в соответствии с решением великого князя от 22 октября 1499 г.

Привилей на магдебургское право создавал новые условия как для Полоцка, так и для взаимоотношений между городом и волостью. Кроме того, привилей значительно ограничивал права местной власти и оставлял невыясненным множество вопросов, связанных с государственным управлением, а также и с судебными тяжбами между мещанами, с одной стороны, и боярами — с другой. Чтобы разрешить все возникшие недоразумения, великий князь Александр издал 12 июля 1499 г. новую Уставную грамоту[78]. Прежде всего, в новой Уставной грамоте был затронут вопрос о подсудности мещан в земельных делах.

Грамота ясно указывала, что в привилей на магдебургское право не были включены земельные дела. Все дела земельного характера подлежат «подлуг давного обычая суду полоцкого наместника со старшими боярами полоцкими». Это постановление было вызвано тем, что полоцкие мещане владели землей согласно земскому праву, с обязанностью отбывать военную службу и, значит, входили в состав военнослужилого класса. Поскольку боярские земельные дела решал полоцкий наместник, постольку и вопросы, затрагивавшие земельные интересы мещанства, решались по-старому. Равным образом все дела, связанные с нарушением земельных границ, также подлежали рассмотрению наместника полоцкого, который лично выезжал на место нарушения границ или посылал своих собственных бояр.

Привилей оставлял в держании полоцких бояр волость Дриссенскую. Бояре сохраняли за собой право судить согласно старым обычаям, но грамота, под угрозой наказания, запрещала грабить население. Бояре, управляющие волостью, ежегодно сменялись. Привилей оставлял нетронутыми земельные владения бояр, купленные ими либо у мещан полоцких, либо у путных людей, а также дворы и земли в городе и на местах. Равным образом оставались нетронутыми вотчинные земли в городе и на местах: власть войта и мещан на них не распространялась. Также все земли, купленные мещанами у путных людей и бояр, оставались нетронутыми; все вопросы относительно этих земель решались согласно статуту магдебургского права.

Боярские люди, жившие в городе на боярских землях, в случае, если они занимались торговлей, должны были платить серебщину и другие подати наравне с мещанами, но в то

---

[78] АЗР, т. I, № 175.

же время не подлежали суду согласно магдебургскому праву. Полоцкие бояре сохранили за собой право отсылать в Ригу продукты своего собственного хозяйства (рожь, крупа, зола, смола) с условием, что зола и смола будут добываться в собственных пущах, «а не в лесах господарских и мещанских». В случае судебных исков мещан и путных людей к боярам и наоборот, в качестве судьи выступает наместник, который судит вместе с боярами согласно городскому праву, в присутствии войта и мещан. Если же боярин или боярский человек, либо господарские люди возбуждают дело против мещан или путников, то такие дела, за исключением дел, касающихся земли, подлежат суду войта согласно магдебургскому праву, в присутствии возбудивших дело.

Привилей подчеркивал освобождение мещан от выплаты серебщины, а также от даров великому князю в случае его приезда в Полоцк и отдавал в распоряжение мещан «вагу» и «узвоз», доходы от которых мещане раньше делили пополам с боярами.

Наконец, указ великого князя запрещал полоцким мещанам принимать челядь невольную и людей «в пенязех», которые бежали под юрисдикцию немецкого права, желая быть свободными [79].

Несмотря на разъяснение, данное великим князем в Уставной грамоте, привилей на магдебургское право и в дальнейшем был источником конфликтов, которые возникали у мещан с местными землевладельцами. Прежде всего, городские правительственные учреждения довольно широко и свободно толковали этот привилей и присоединили к Полоцку земли, ему не принадлежащие. На этой почве возник спор между полоцким епископом и городской властью, так как полоцкие правительственные учреждения незаконно домогались земель, которые издавна имела полоцкая епископская кафедра. Правда, великий князь не отдал епископу спорных земель, но не оставил их и городу [80]. В конце концов полоцкий епископ все же сумел получить земли, которых он добивался [81].

Напряженные отношения между мещанами и местным боярством обратили на себя внимание. Великий князь вынужден был заняться урегулированием упомянутых взаимоотношений. Это было сделано в конце 1500 г. (в декабре) [82]. Новое постановление господаря частично изменило привилей на магдебургское право. Так, сельские путники, приписанные к г. Полоцку, больше уже не подлежали суду согласно магде-

[79] АЗР, т. I, стр. 200.
[80] РИБ, т. XXVII, стр. 785—787.
[81] АЗР, т. I, стр. 209.
[82] РИБ, т. XXVII, стр. 814—817.

бургскому праву, а поступали в распоряжение и под контроль полоцкого наместника. Правда, что касается податей, сельские путники по-прежнему составляли одно целое с городом: они наравне с городскими жителями отбывали серебщину, военную службу и городские работы. С другой стороны, постановление великого князя четко устанавливало и подчеркивало, что сами мещане-землевладельцы и население, жившее на их землях за городом, подлежали суду согласно магдебургскому праву. Полоцкие мещане, купившие земли у полоцких же мещан, или у полоцких бояр, или, наконец, у сельских путников и крепостных людей, сохраняли за собой право владения этими землями, но в то же время должны были «службу путную им нам за них заступовати». В дальнейшем покупка земель у крепостных людей была запрещена и соглашения о таких покупках, разумеется, объявлялись незаконными. На покупку земель требовалось разрешение господаря. Новое постановление еще раз подтвердило, что живущие в городе люди «владычыны и князскии, и панскии, и боярскии, и игуменины», «мають послушни быти их права Маитьборского». Равным образом городские ремесленники подлежат суду согласно магдебургскому праву, а «полоцкий наместник и бояре в них не мають ся вступатися».

Однако декабрьское разъяснение господаря не внесло успокоения и порядка во взаимоотношения половчан. Наместник господаря пан Станислав Глебович, не считаясь ни с чем, причинял Полоцку «кривды и втиски великии». Наместник, вопреки привилею, судил неподсудных ему лиц. Кроме того, наместник не только конфисковал у мещан земли, но и отобрал у владельцев этих земель «твердости» — листы на них. Затем, наместник нарушил и денежные привилеи Полоцку — «вступал в вино и в пиво прывозное», с которого взималась пошлина на ратушу [83]. Все эти недоразумения свидетельствовали о том, что определенные традиции продолжали жить и что администрация не хотела считаться с изменениями, происшедшими в положении Полоцка согласно с привилеем на магдебургское право и связанными с ним дополнительными разъяснениями. Наместник Станислав Глебович объяснял свои действия тем, что его «прысуды», которые он имел от мещан, «все отпали» и теперь, когда он находится в Полоцком замке, ему «нечем поживитися». Эти недоразумения между полоцкими мещанами и наместником были устранены постановлением господаря от 30 декабря 1502 г. Все действия полоцкого наместника были признаны незаконными и ему было предложено вернуть как отобранные документы на землю, так

[83] РИБ, т. XXVII, стр. 836—838.

и самые земли, а также не судить лиц, не подлежавших его суду. А чтобы увеличить доходы полоцкого наместника, сельские путники, приписанные к Полоцку согласно октябрьскому привилею 1498 г., были подчинены городской юрисдикции. Привилей еще раз подчеркивал, что все живущие в Полоцке и занимавшиеся торговлей, будучи подданными духовных и светских землевладельцев, должны подлежать городской юрисдикции. Те, кто не пожелает быть «послушными» городской администрации, должны привлекаться к суду лент-войта, бурмистра и радцев. Лиц, которые бы пожелали «поддатися в городской присуд, або за владыку и за бояр, и за игуменью и за иных, которых задаватися, не хотечи в их праве майтборгском быти», городская администрация имеет право «в нятстве держать до тых часов, поки мы их о том навчим, што мають с таковыми чынити». Правонарушители Полоцка должны выплачивать штраф, как не подчиняющиеся приказу господаря.

Отдавая под юрисдикцию полоцкого наместника сельских путников, новое постановление оставляло за последними обязанность охранять вместе с мещанами город и острог, а также вместе со всеми общественными элементами земли посылать сторожей на границы и по дорогам.

Упомянутое постановление еще раз подтвердило нерушимость магдебургского права и категорически запрещало администрации Полоцкой земли нарушать выданный привилей. Согласно этим законодательным постановлениям г. Полоцк составил особую административно-хозяйственную единицу, но не обособился окончательно от волости. Другие группы общества остались связанными с Полоцком, так как вместе отбывали военную повинность и вместе высылали стражу на границы земли, вместе, наконец, поддерживали боевую готовность замка. Это сохранение связей г. Полоцка с землей свидетельствует, в определенном смысле, о слабом развитии торгового капитала. Распространение капитала на территории Полоцкой земли и было причиной обособления Полоцка от волости, но влияние капитала было еще не настолько сильно, чтобы окончательно отделить город от волости.

Несмотря на выданные великим князем грамоты, согласие в Полоцке не наступило. Полоцкий наместник и здешние землевладельцы по-прежнему не хотели считаться с привилеем на магдебургское право. Между наместником и местным обществом, с одной стороны, и мещанами, с другой, все время возникали недоразумения. Понятно, что мещане, в лице войта, бурмистров и радцев, обращались к великому князю литовскому с просьбой восстановить нарушенные права. В ответ на эти жалобы Сигизмунд I издал 27 августа 1510 г. новый при-

вилей, в котором подтверждались данные ранее Полоцку права и привилегии, а также подчинение сельских путников суду наместника[84]. Привилей констатировал, что благодаря нарушению прав мещан значительная часть их стремилась подчиняться городскому суду, а прочие ушли в другие города. Подобные действия мещан наносили ущерб и городскому и государственному скарбу, так как уменьшилось число доходов, поступавших в пользу господаря. С другой стороны, мещане должны были выплачивать серебщину, от которой бояре и землевладельцы были освобождены. Совершенно понятно, что многие из мещан стремились подпасть под городскую юрисдикцию, надеясь освободиться от уплаты серебщины. Новый привилей ясно указывал, что все мещане, имеющие постоянное место жительства в городе или живущие в деревнях около города, а также все ремесленники подлежат суду магдебургского права. Во избежание недоразумений в будущем, привилей оставил за мещанами все купленные ими земли, за которые они должны были отбывать военную службу.

Этот привилей, перечисляя все полученные ранее Полоцком права и преимущества, разрешил г. Полоцку построить четыре гостиных двора, куда должны были заезжать все бывавшие здесь купцы, в связи с чем заезд в частные дома был запрещен. Доходы от гостиных дворов делились на две части: половина шла в пользу великого князя, половина — на ратушу. Разрешение господаря на постройку гостиного двора ярко свидетельствовало о возросшей иностранной торговле. Такие гостиные дома были нужны как купцам, приезжавшим на ярмарки, так и купцам, попадавшим в пределы Полоцкой земли проездом, чтобы предупредить возможные незаконные торговые соглашения со стороны последних. Новый привилей разрешал постройку мельницы на р. Полоте с условием, чтобы половина доходов шла на замок. Оставляя за мещанами право владеть землей согласно земскому праву, привилей в то же время требовал, чтобы бояре вернули мещанам те их дома и земли, которые мещане вынуждены были продавать под воздействием силы. В свою очередь бояре в таких случаях обратно получают отданные деньги. Привилей перечислял все денежные права и преимущества, которыми пользовался город на основе магдебургского права. Пожалование Полоцку магдебургского права вносило значительные изменения в общий характер Полоцкой земли. В определенном смысле привилей на магдебургское право нарушал Полоцкую конституцию. Вот почему, когда великий князь Сигизмунд выдал по просьбе всей Полоцкой земли подтвердительную Уставную грамоту,

[84] АЗР, т. II, № 61.

все изменения в организации г. Полоцка были внесены в Полоцкую конституцию [85]. Конституция подтверждала, что церковные люди свободны от выплаты серебщины, в то время как все, кто занимался торговлей и ремеслом, должны были платить и серебщину, и ордынщину. Конституция подтверждала также права мещан на использование для своих нужд лесов, находившихся около города. В то же время мещанам был запрещен вход в боярские пущи. Однако если боярин добровольно разрешит мещанину брать дерево в «его борех, и дубровех, и гаех», то подобные действия не рассматриваются как незаконные, так как на это было согласие владельца лесов.

Ни последний привилей на магдебургское право, ни подтвердительная Грамота не внесли успокоения в жизнь Полоцкой земли. Полоцкие наместники не хотели соглашаться с происшедшими изменениями и все время нарушали постановление господаря. В этом отношении особенно отличался полоцкий воевода Петр Кишка, который совсем не считался с правами Полоцка, из-за чего между ним и полоцкими мещанами были весьма враждебные отношения. Вместе с воеводой враждебную позицию занимали и духовные и светские землевладельцы. С другой стороны, мещане не хотели выплачивать серебщину и ордынщину, шли под юрисдикцию городского права либо закладывались за епископа, за князей, за бояр. Мещане неоднократно обращались к великому князю с жалобами на действия воевод, «о кривды и утиски, о грабежи и о зломанье права их майтборского и привилья нашого, што ся им от твоей милости стало, и о иншие многии кривды, о забойства голов и о бои, и грабежи, которыи ся им от врядников и от слуг твоей милости стали».

Великий князь Сигизмунд в ответ на эти жалобы выдал на имя Полоцкого воеводы 10 апреля 1524 г. особую грамоту, перечислив в ней значительное число всех нарушений, которые позволил себе чересчур самовольный воевода [86]. Прежде всего, воевода не хотел освобождать из-под своей юрисдикции тех мещан, которые купили землю у бояр или у путных людей, либо купили людей «данных» или крепостных. Во-вторых, бояре и слуги воеводы, которые женились на мещанках и взяли в приданое земли, не хотели подлежать суду согласно магдебургскому праву. Кроме того, воевода продолжал судить тех мещан, которые жили в селах, но имели дворы как в самом замке, так и в городе. Все эти действия воеводы были нарушением привилеев на магдебургское право. И с ремеслен-

---

[85] АЗР, т. II, № 70.
[86] АЗР, т. II, № 147.

никами не все было благополучно. Воеводы без всяких на то оснований заставляли ремесленников работать на себя. Воевода нарушал и торговые преимущества полоцких мещан. Он принуждал всех мещан, ехавших в целях торговли в Великое княжество Литовское или в Ригу, а также и в другие города, «обвещатися», иначе говоря — выплачивать в его пользу мыто. Это не было предусмотрено в магдебургском праве; наоборот, жители Полоцка были свободны от всяких податей на территории всего Великого княжества. Далее, воевода незаконно брал деньги с тех людей, которые ходили сторожить замок. Тех из мещан, кто имел корчмы, воевода также старался вернуть под свою юрисдикцию. Уставная грамота великого князя, отмечая, что воевода уничтожил права и вольности Полоцка, требует, чтобы в дальнейшем воевода поступал согласно с привилеем на магдебургское право. Вместе с тем, чтобы вернуть под юрисдикцию магдебургского права тех, кто отдал себя в «заклад», великий князь посылал шляхтича Петра Мосальского, который должен был взыскать со всех таких лиц не выплаченную ими в скарб сумму денег. Предлагая полоцкому воеводе выполнить вышеупомянутую грамоту, великий князь литовский ставил его в известность, что он намерен, по возвращении в Литву, рассмотреть совместно с панами радными все правонарушения, вытекавшие из администрирования воеводы. Вместе с тем воеводе было приказано следить за тем, чтобы сам воевода, его урядники и слуги «наперед жадных кривд им не чинили и привилья их и устного нашого сказания и сего листу нашего, и права их маитборского не рушали бы ничим». Таким образом, Полоцк сумел сохранить нерушимость привилея на магдебургское право, за что полоцкие мещане около четверти столетия боролись с местной администрацией и местным обществом.

Однако и эта последняя грамота не улучшила взаимоотношений мещан с администрацией и с другими группами общества. Недоразумения возникали и в дальнейшем. Обиженные, как и прежде, обращались к великому князю, чтобы тот разрешил возникавшие споры и недоразумения. В феврале 1529 г.[87] полоцкие бояре обратились к великому князю с жалобой на действия войта, лент-войта, бурмистров и радцев. Прежде всего, они указывали, что привилей господаря разделил доходы от городских весов на две равные части между мещанами и боярами. Мещане же, несмотря на это, весь доход от весов брали себе. В привилее было признано, что мещане поступали незаконно, и предложено половину доходов от весов отдавать боярам. Кроме того, великокняжеская

---

[87] АЛРГ, № 191.

грамота разрешала присутствие полоцкого боярина при сборе серебщины и ордынщины, а также других городских платежей, приходящихся на людей княжеских, панских и боярских и всех духовных, если эти лица занимаются в Полоцке торговлей и ремеслом. Согласно постановлению господаря было разрешено «отчичам» г. Полоцка и волостным людям, жившим на землях светских и духовных лиц, подлежать юрисдикции магдебургского права или находиться под городским правом, как кто захочет. Свободные же люди, поселившиеся на землях частных землевладельцев, должны были находиться под юрисдикцией своих владельцев. Это же постановление разрешало мещанам брать лес на строительство и дрова из господарских пущ и еще раз запрещало им доступ в частновладельческие пущи и леса. Наконец, постановление указывало, что Полоцк до сих пор не построил гостиных дворов и мельницы «ку шкоде нашей и их самих». Великий князь предложил построить до ближайшего рождества на собственный счет гостиные дома и мельницу. В случае, если этот приказ не будет выполнен, гостиные дома и мельница будут построены на государственный счет и доход от их эксплуатации будет поступать в государственный скарб.

Новая устава подтверждала обязанность мещан вместе с «тыми людьми, духовными и с боярскими, которые в месте ремеслом ся обходят и которыя ку праву их прислужают», строить мост. Зато охрана замка от пожаров возлагалась не только на мещан, но и на всех живущих в Полоцке частновладельческих людей. Равным образом жители Полоцка обязаны, как и раньше, поправлять ограду. Таким образом, Уставная грамота Сигизмунда I, от февраля 1529 г., сохранив за Полоцком все права и привилегии, сделала боярам формальное незначительное облегчение в отношении контролирования сбора податей с частновладельцев, которые жили в городе и занимались торговлей. В то же время она еще раз отметила обязанность немещанских элементов принимать участие как в охране замка от пожаров, так и в строительстве укреплений.

Несмотря на то, что в Полоцке было магдебургское право, полоцкие мещане не были совсем обособлены от волости. Они оставались землевладельцами и, как землевладельцы, подлежали в делах земельных суду воеводы, а во всех других делах были подсудны магдебургскому праву. По этой самой причине мещане не потеряли окончательно связи с местным обществом. Обязанность частновладельцев принимать участие в охране замка и в постройке ограды свидетельствовала о сохранившихся общих связях и интересах мещан с волостью, несмотря на магдебургское право.

Представителем Полоцкой земли и власти великого князя был наместник полоцкий, которого с начала XVI в. стали называть воеводой. Это, по мнению проф. Любавского, произошло около 1504 г.[88] Правовое положение наместника — воеводы полоцкого определялось содержанием Полоцкой Уставной земской грамоты, согласно которой население Полоцкой земли имело право иметь воеводу «по их воле». Наместник-воевода, который не угодил населению и стал «не любым», должен был быть снят с должности. Как только воевода приезжал на место, он присягал полоцким жителям «без их справы полочанина не казнити ни в чом»[89]. Этим самым Полоцкая земля обеспечила себе участие в отправлении суда на основе местного права. Воевода полоцкий выступает как представитель всей земли и наместник власти великого князя, от имени которого он отправляет суд. Во время войны все землевладельцы, которые несут воинскую повинность, становились под командование воеводы. Воевода должен решать дела только на месте, даже в тех случаях, когда обвиняемому угрожает смертная казнь, в соответствии с упомянутой выше присягой. Виновный отбывал наказание в Полоцке «с полочане по испросу». Уставная Земская грамота запрещала воеводе официальные поездки по территории земли, за исключением поездок на охоту «в ловы», но в данном случае население было свободно от обязательств давать воеводе «стации». Грамота указывала размеры платежей, поступавших в скарб воеводы за отдельные служебные поручения, выполняемые его слугами в связи с судебными делами. Грамота запрещала воеводе брать «посулы» «от пригонов городских», но зато воеводе шли «от варь гостинца, по полукопе грошей от всякое вари». Были у него разные доходы и таможенного характера[90]. Сотрудниками воеводы в деле управления землей были городничий, хорунжий, бобровничий и городской тиун. Должность городничего была учреждена во времена Казимира Ягеллончика. Попытка полоцкого наместника расширить компетенцию городничего, как уже говорилось выше, успеха не имела, и был сохранен старый порядок, как просил об этом Полоцк[91]. Другим правительственным лицом был городской тиун. Полоцкая Уставная грамота запрещала «воеводиным слугам» «тиунство

---

[88] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 254.

В начале XVI в. воеводами были: Станислав Глебович, Войтех Гаштольд, Ян Глебович, Петр, сын Станислава, Кишка, Петр Корсак.

[89] АЗР, т. II, № 70.

[90] Полоцкая ревизия..., стр. 28.

[91] РИБ, т. XXVII, стр. 28—29.

державти»[92]. Кроме того, тиун не имел права ездить вместе со слугами воеводы по Полоцкой волости. Тиун судил людей городской волости, а также людей Черсвяти, куда было запрещено ездить слугам воеводы. Во всех остальных частях Полоцкой земли, на собственно великокняжеских землях, суд и управление принадлежали воеводе, однако он должен был рассматривать все дела в городе. Полоцкая Уставная грамота определяла район влияния тиунской власти по той причине, что даже некоторые из мещан стремились подпасть под городскую юрисдикцию. Хорунжий и бобровничий имели специфические обязанности. Наместник-воевода управлял либо сам, либо через своих заместителей, либо, наконец, через полоцких бояр, которые держали отдельные волости по годам[93].

Наместник-воевода, представитель власти великого князя, должен был стоять на страже закона и выполнять все приказы господаря. Но в жизни не всегда было так, и между воеводами и местным населением возникали серьезные недоразумения. Недаром Полоцкая Уставная грамота так старательно стремится защитить население от возможных со стороны воеводы неправильных действий. Пожалование Полоцку магдебургского права, естественно, затрагивало интересы воеводы. Недоразумения между воеводами и мещанами продолжались, казалось, все время, и множество дел поступало на рассмотрение великого князя. Сначала, чтобы прекратить это, Сигизмунд I дал 27 декабря 1510 г. более подробный привилей на магдебургское право, в который были внесены все изменения, сделанные высшей властью после пожалования основного привилея[94]. Но этот привилей не примирил Полоцкого воеводу и город. Особенно отличился своими незаконными действиями воевода Петр Кишка. Возмущенное его преступной деятельностью мещанство обратилось к великому князю с просьбой прекратить подобные действия воеводы. В ответ на это Сигизмунд I выдал на имя воеводы 10 апреля 1527 г. Уставную грамоту, в которой указывал как на преступления самого воеводы, так и подчиненных ему чиновников и требовал, чтобы деятельность администрации не нарушала привилея на магдебургское право. Вместе с тем Сигизмунд I обещал мещанам сразу по возвращении в Великое княжество Литовское рассмотреть все злоупотребления и уголовные действия слуг воеводы. Одновременно воеводе был дан приказ, чтобы он сам и врадники, и его слуги «наперед жадных кривд не чинили, и привилья их, и устного нашого росказанья, и сего листу нашого, и права их маитборского не

[92] АЗР, т. II, №70, стр. 89.
[93] АЗР, т. I, № 175.
[94] АЗР. т. II, № 61.

рушали бы ничим»[95]. Таким образом, верховная власть должна была констатировать, что приказы великого князя не выполняла та власть, которая, казалось бы, прежде всего должна была их выполнять.

В компетенцию воеводы входили судебные дела. Полоцкая Уставная грамота требовала, чтобы суд происходил на месте, согласно местному праву, и только с согласия заинтересованных лиц дело можно было перенести в центр. Надо согласиться с таким толкованием соответствующего текста грамоты, какое предлагает проф. Любавский[96]. Суд должен происходить публично, а наказание должно соответствовать характеру и размеру преступления, совершенного обвиняемым. Уставная грамота признает индивидуальную ответственность: жена и дети, если они не соучастны в преступлении, не подлежали наказанию и их права па имущество оставались неприкосновенными. Уставная грамота не дает возможности присудить то или иное наказание без соответствующего отправления суда. Воевода судил не один — присутствие бояр и мещан на суде было обязательно. За выполнением этих постановлений Уставной грамоты всегда тщательно следили. В случае отсутствия на суде представителя местного общества, как показал проф. Любавский, рассмотрение дела откладывалось. Состав судебных участников был очень разнообразным. Кроме князей, панов и бояр Полоцкой земли присутствовали духовные и светские чиновники господаря — городничие, бобровничие, тиуны[97]. Число участников не имело значения; воевода судил в присутствии одного боярина или полоцкого архиепископа; важно было не число представителей общественности на суде, а само их присутствие. Участие местных людей в отправлении суда не ограничивалось только тем, что они присутствовали на суде и высказывали свое мнение по поводу дела, когда воевода обращался к ним за советом; обычно воевода выносил свое решение «со бояре обмолвивши»,— формула, свидетельствовавшая об активном участии населения в решении судебных дел. На суде воеводы не видно было присутствия мещан, хотя этот факт противоречит содержанию Полоцкой конституции. Однако отсутствие мещан совершенно понятно. Мещане получили привилей на магдебургское право и, будучи выделенными в особую административно-судебную и денежно-хозяйственную единицу, мало были заинтересованы в судебных процессах, не имевших к ним

[95] АЗР, т. II, № 147.

[96] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление.., стр. 865.

[97] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVI, лл. 131, 134, 135, 136, 137, 139, 142 и др.

непосредственного отношения. Иной раз воевода не находил возможным рассматривать дело и откладывал его до краевого сейма. Так, в 1532 г. воевода Ян Юрьевич Глебович, рассматривая дело князей Соколинских относительно имения Мильковичи, постановил: «обемам сторонам пред нами у Полоцку стати по Ильине дни, в тыйдень», когда там будет происходить краевой сейм, чтобы на нем «со всею землею обмовити», решить спорные вопросы [98].

В Полоцкой земле издавна функционировали краевые сеймы, которые свидетельствовали о политической самостоятельности земли. Краевые сеймы были органами самоуправления, а вместе с тем и отражением самостоятельности земли; они были тесно связаны с народным вече. Под влиянием экономического развития земли и классовой дифференциации общества изменился и состав краевого сейма. В работе сейма принимали участие как сам воевода, так и правительственные чиновники земли, архиепископ, местные землевладельцы, князья, паны, бояре и мещане. Участие мещан, хотя они и получили 7 октября 1498 г. привилей на магдебургское право, указывало на существование единства Полоцкой земли.

Краевой сейм — высший орган, где выражались интересы земли, иначе говоря — тех классов общества, которые держали в своих руках основные элементы народного хозяйства: торговлю, промышленность и сельское хозяйство. Прежде всего, на краевых сеймах составлялись различные просьбы к великому князю. Так, подтвердительная Уставная грамота Полоцкой земли от 23 июня 1511 г. была выдана после того, как подали челобитную от имени бояр, мещан и всего города и всей земли Полоцкой. Уставная грамота закрепляла за мещанами право подавать челобитные, что уже предполагало созыв краевого сейма. Выбор кандидатов на должность воеводы также принадлежит сейму, который имел право снять воеводу с должности и заменить его другим, если население было недовольно воеводой. Сейм, как полномочный представитель всей земли, заключал договоры с немцами, из которых договор 1467 г. был подтвержден великим князем Казимиром. Краевой сейм пользовался и правом законодательной власти. Уставная Земская грамота требовала, чтобы воевода судил полоцких жителей согласно местному праву, с участием в суде мещан и бояр. Это местное право возникало в результате законодательной деятельности народного веча. Так, в 1534 г. воевода полоцкий отложил дело Соколинских до созыва краевого сейма, чтобы на этом сейме решить вопрос о том, что делать

---

[98] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVI, лл. 138—140; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 872.

с землевладельцами, которые, ссылаясь на свою службу и обязанности, уклонялись от явки на суд [99]. Постановление краевого сейма в этом случае должно было стать законом, одной из форм местного права. Тот же воевода, Ян Юрьевич Глебович, со всеми боярами Полоцкой земли, принял постановление, по которому за перехват отставших от войска лошадей или какого другого скота устанавливалась определенная плата [100]. Паны и бояре полоцкие принимали участие в составлении устава для полоцких мельников. Все эти факты являются показателем определенного значения краевых сеймов.

V

С распространением христианства в Полоцкой земле, эту землю выделили в особый административно-церковный округ; во главе его стоял епископ, зависевший в церковно-административном отношении от киевского митрополита. Однако эта зависимость была только номинальной, так как в связи с дальностью расстояния между Полоцком и Киевом митрополит фактически не имел никакой возможности проявлять свою власть, особенно если иметь в виду напряженные отношения между Киевом и Полоцком. Правовое положение полоцкой церкви оставалось без изменений с момента вхождения Полоцкой земли в состав Великого княжества Литовского. Полоцкий владыка, как и раньше, был подчинен киевскому митрополиту, независимо от того, был ли киевский митрополит одновременно и митрополитом московским или киевская митрополия была отдельной от Москвы организацией. Благодаря тому, что Полоцк находился довольно далеко от Киева и Москвы, зависимость Полоцкого владыки от киевского митрополита была фиктивной. В пределах своей епархии владыка полоцкий пользовался полной свободой действий. В состав полоцкой епархии входили Полоцкая и Витебская земли. Благодаря этому сохранилось церковно-административное единство обеих земель, хотя политически Витебская и Полоцкая земли были обособлены друг от друга. Правда, в характере и структуре народного хозяйства, в организации общества и административно-государственного управления обе земли имели много общего.

Благодаря обособленности Полоцкой земли в экономическом и политическом отношениях, Полоцкая церковь сохранила полную автономию и независимость от светской власти еще во времена своей государственно-правовой независимости.

---

[99] ЦГАДА, ЛМ, КЗ XVI, лл. 138—140.

[100] Там же, л. 289; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 875.

Полоцкая православная церковь сохранила свою независимость со всеми вытекающими из нее правами и последствиями и тогда, когда Полоцкая земля должна была принять литовского князя; права и преимущества церкви были определены в заключенном Полоцкой землей соглашении с князем. Статьи договора князя Андрея, сына Ольгерда, с Полоцкой землей механически переносились в последующие привилеи и были включены в общий подтвердительный привилей 23 июля 1511 г. на права и вольности Полоцкой земли[101].

Согласно с упомянутым привилеем, полоцкая церковь сохраняла полную независимость от светской власти в административно-хозяйственном отношении. Равным образом церковь сохраняла и неприкосновенность своих имущественных прав. Великий князь обещал населению земли «в церкви божьи и в именья церковные... не вступатися, в дом божий святой Софии и в дом божий святого Спаса и в иные домы церковные нам не вступатися». Подтвердительная грамота Витебской земли от 16 июня 1503 г. содержала в себе такую же гарантию. Кроме того, она гарантировала неприкосновенность веры литовцев и поляков, в случае, если бы последние приняли православие[102]. Полоцкий привилей 1511 г. не содержит такой гарантии, но благодаря единству Полоцкой и Витебской земель в церковно-административном отношении вышеупомянутый артикул Грамоты имел, разумеется, значение и для Полоцкой земли. Независимость православной церкви не только была предусмотрена земскими привилеями, но и была подтверждена в особом привилее, выданном полоцкой церкви по просьбе и ходатайству Луки, архиепископа полоцкого и витебского. Архиепископ Лука обратился к великому князю Александру с просьбой нодтвердить все те церковные права и преимущества, какими церковь пользовалась издавна и какие находили себе правовое обоснование в так называемом «свитке Ярослава» (сына Владимира). Свиток этот содержал в себе все церковные права и устанавливал независимость церковной организации от светской власти.

Великий князь Александр пошел навстречу просьбам полоцкого владыки и выдал на его имя 26 декабря 1503 г. привилей[103], который давал право архиепископу Луке и его преемникам «судить и радити и вси дела духовные справовати, христианского и грецкого закона, подле тых прав выпису того свитка Ярославля вечно на веки веков». В связи с этим великий князь дал приказ администрации, всем землевладельцам, как духовным, так и светским того и другого вероисповеда-

[101] АЗР, т. II, № 70.
[102] Там же, т. I, № 204.
[103] Витебская старина, т. I, № 17.

ния, «штобы кривды бы церкви божией архиепископы не чинили и в доходы церковные и во вси права, и в суды духовные не вступалися», так как за архиепископом Лукой остается суд и правление церковным имуществом «подле давного обычая». Привилей подтвердил право лиц, живших в городах на церковных землях, заниматься торговлей, с услорием выплаты, вместе с городом, всех повинностей. Привилей сохранял за светскими людьми католического вероисповедания право патроната над православными церквами, однако с условием, что патрон «не мает моцы того священника от той церкви рушити без осмотрения и воли архиепископией». В случае, если в княжеских и панских дворах была построена православная церковь, находившаяся под патронатом архиепископа, права последнего оставались неприкосновенными. Наконец, привилей также защищал честь и авторитет православного духовенства. Лица того или иного вероисповедания, оскорбившие морально или физически священника, подлежали духовному суду. Таким образом, независимость полоцкой церкви от светской власти в церковно-административном отношении была сохранена. Эта идея независимости не противоречила существованию права патроната со стороны светских землевладельцев и управляющих господаря, так как за полоцким архиепископом оставалось право контроля над деятельностью землевладельцев и администрации в отношении к приходскому духовенству.

В ведении епископа находились церкви не только в Полоцкой земле. Православная церковь св. Николая в Риге также была подчинена полоцкому владыке, который имел право назначать в свободные приходы священников — своих кандидатов и освобождать их, заменяя новыми лицами, когда находил их несоответствующими своему назначению. В Риге издавна была белорусская колония, известная под названием «русский конец», где находилась церковь св. Николая. Памятники сохранили несколько фактов, свидетельствующих о правах епископа по отношению к православной церкви в Риге. Так, в 1521 г. полоцкий архиепископ Иосиф освободил священника церкви св. Николая, а на его место назначил своего зятя [104]. Через 2 года был назначен новый священник, некто Матвей Якобсон. Обычно в таких случаях архиепископ обращался с соответствующим посланием в Рижский магистрат, прося передать новому священнику ключ и церковь [105].

Полоцкие архиепископы были кандидатами местного общества, духовного и светского. Князья, бояре, паны и все

---

[104] Витебская старина, т. V. Материалы для истории Полоцкой епархии, Витебск, 1888, № 24.

[105] Витебская старина, т. V, № 27.

именитое «господне людство» принимали участие в выборе епископа[106]. Хиротония зависела от киевского митрополита, который специально иногда приезжал для этого в Литву. Местное общество, видимо, имело контроль над деятельностью своего архиепископа. Так, в 1544 г. шляхта Полоцкой земли обратилась к великому князю Сигизмунду с жалобой на деятельность полоцкого архиепископа Симона. Великий князь внимательно рассмотрел жалобу полоцкой шляхты и приказал земянину Войне Петровичу выехать в Полоцк и дознаться «о тых всих кривдах и шкодах и тяжкостях, которые Полоцкий владыка причинил населению». Война должен был собрать все нужные сведения, а все то, что епископ незаконно взял, вернуть законным владельцам. Вместе с тем великий князь счел нужным уведомить киевского митрополита о действиях полоцкого архиепископа, а полоцкой шляхте поручил попросить киевского митрополита в Литву, чтобы он рассмотрел дела архиепископа и совместно «разузнание и справедливость тому, наконец, без отволоки учинити водле обычаю, закону их и права писаного земского»[107]. Несмотря на то, что привилей сохранял независимость церковного суда, на практике множество недовольных деятельностью епископа лиц подавало жалобы великому князю, чтобы он рассматривал дела и восстанавливал нарушенное церковное право, передавая тот или иной спорный вопрос на рассмотрение киевского митрополита. Так, когда полоцкий архиепископ Симон расторгнул брак боярыни Томилы Гинтовтовны с сыном митрополита (потом он разрешил ему жениться вновь, хотя сама боярыня, которая много страдала «от окруженства» мужа, об этом не просила), великий князь, в ответ на челобитную боярыни, обратился к киевскому митрополиту с просьбой, чтобы тот «водле обычаю и закона и права вашого духовного в том ее заховал и владыце Полоцкому оного неслушного разлучения, малженства их (што есть проти ку богу и с погоршением многих людей закона вашего) легце не опущал, а так бы того з столца своего дозрел, якося на таковых у праве вашем духовном описует»[108]. Из этого видно, что великий князь выступал как защитник интересов шляхты не только в делах светских, но и в делах духовных.

Полоцкий епископ занимал в Полоцкой земле видное положение, был значительной политической фигурой и принимал активное участие в политической жизни. Ему приходилось иной раз выступать в сношениях с немцами в качестве представителя всей земли. Так, когда полоцкий епископ Яков узнал

---

[106] Витебская старина, т. I, № 14.
[107] Там же, т. V, № 32.
[108] Там же, № 33.

о перемирии немцев с великим князем Витенем, он обратился к администрации г. Риги с просьбой пропустить хлеб в Полоцк [109]. Политическим значением полоцких епископов объясняется, между прочим, и то, что они титуловали себя архиепископами. Когда киевский митрополит не соглашался признать за полоцким епископом титул архиепископа, владыка Авхим пожаловался на киевского митрополита великому князю, что «он дей не пишет мене в листах своих архиепископом, а перед тым дей митрополитами до моих предков, владык полоцких писывали архиепископам, а сами предковы мои в листах своих титул свой писывали архиепископы, и он дей ми того ныне боронит». Чтобы разрешить спорный вопрос, великий князь вызвал к себе князей Друцких и полоцких бояр, которые признали, что полоцкий владыка издавна имел титул архиепископа. На этом основании великий князь вынес решение, чтобы в будущем киевский митрополит титуловал полоцкого владыку архиепископом [110]. Тогда же великий князь Сигизмунд решил вопрос о старшинстве владык полоцкого и владимирско-берестейского. Князья Друцкие и бояре полоцкие, у которых об этом спросили, ответили великому князю, что «завжды владыки Полоцкии выше о владык Владимирских сежевали». Великий князь, вместе с панами радными, решил вопрос в пользу епископа полоцкого [111]. Очевидно, показание местных землевладельцев имело большое значение. Обращение представителей духовенства к великому князю давало ему право принимать участие в решении церковно-административных вопросов, вследствие чего независимость церкви от администрации фактически нарушалась. Все церковные лица и учреждения, согласно старому обычаю, подлежали суду владыки. Однако отдельные монастыри, имевшие специальные грамоты, были свободны от епископского суда. Так, Полоцкий пречистенский монастырь получил от полоцкого князя грамоту на разное имущество; грамота эта в то же время освобождала монастырь от подсудности епископу. Все население, жившее на территории монастыря, было подчинено игумену [112]. Благодаря этому иммунитету, монастырь становился особой церковно-общественной организацией, которая была очень слабо связана с высшей церковной властью. Полоцкий владыка был очень крупным землевладельцем. По данным Полоцкой ревизии 1552 г., полоцкий владыка выставлял 50 конных на войну [113]. Благодаря этому полоцкий владыка, как

---

[109] Витебская старина, т. I, № 8.
[110] Там же, № 19.
[111] Там же, т. I, № 20.
[112] Там же, т. V, № 7.
[113] Полоцкая ревизия..., стр. 167.

крупный землевладелец, имел большое значение в жизни Полоцкой земли. С другой стороны, как землевладелец, он был связан общими экономическими и политическими интересами с местным обществом, благодаря чему в обществе поддерживался интерес к церковным делам Полоцкой земли.

Пожалование Полоцку магдебургского права было причиной ряда конфликтов между церковью и полоцкой администрацией. Городские власти забирали некоторые села и деревни, принадлежавшие церкви; со своей стороны люди, жившие в городах на церковных землях и принимавшие участие в торговле, не хотели выплачивать городских податей, хотя это предусматривалось грамотой великого князя 1503 г., которая подтверждала права и преимущества полоцкой церкви. Наконец, церковные люди принуждены были подчиняться магдебургскому праву. Подтвердительный привилей 1511 г., разрешая церковным людям заниматься торговлей и ремеслом, указывал, однако, что они обязаны принимать участие вместе с мещанами в выплате податей, приходящихся с мещан. Вместе с тем церковные люди должны были принимать участие в охране города. Чтобы оградить низшее духовенство от различных злоупотреблений со стороны власти епископа, в Полоцком земском привилее было определено, какие доходы епископ имел право получать от этого духовенства [114]. Все поборы епископа, не предусмотренные в Полоцком привилее, являлись незаконными.

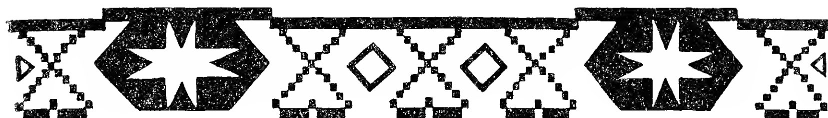
Население Полоцкой земли было главным образом православного вероисповедания. Однако следует констатировать, что в Полоцке было и католическое вероисповедание. Уже во времена великого князя Александра было построено по его приказу «кольцо божниц Римъского закона» [115]. Полоцкий привилей на магдебургское право требовал, чтобы половина бурмистров избиралась из состава лиц католического вероисповедания. Равным образом, из двух радцев один должен быть католиком. Все это свидетельствует о равноправии того и другого вероисповедания. Однако, видимо, католицизм в Полоцкой земле имел незначительное распространение. Когда Стефан Баторий взял Полоцк, на всей Полоцкой земле не было ни одной католической церкви: они либо были разрушены во время пребывания в городе русских войск, либо существование их прекратилось в связи с отсутствием прихожан (об этом более подробно можно узнать в первом томе «Витебской старины», стр. 602). Во всяком случае, в Полоцкой земле конца XV и начала XVI в. отсутствовал религиозный антагонизм.

Перевод с белорусского А. М. Корабельниковой и В. С. Поссе.

«400-лецьце беларускага друку (1525—1925)», Менск, 1926, стр. 76—113.

[114] АЗР, т. II, № 70.

[115] Там же, т. I, № 192, стр. 235.



ЭПОХА ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА В БЕЛОРУССИИ[1]

Вхождение белорусских земель в состав Великого княжества Литовского. Развитие и состояние сельского хозяйства. Животноводство. Промышленность. Торговля. Великокняжеское и частное землевладение. Сельское население. Евреи. Первоначальное накопление капитала. Выводы.

С конца XIV в. в государственно-правовом положении Белоруссии происходят значительные изменения. Белорусские земли должны были признать суверенитет великого князя литовского и войти в состав молодого Великого княжества Литовского. Еще в эпоху самостоятельного существования белорусских земель славянская колонизация уже распространилась в пределы собственно Литвы. Так, полоцкие кривичи через Вилию дошли до среднего Немана и колонизовали так называемую Черную Русь. Эта колонизация связывала новопоселенцев со старыми землями и тем самым содействовала политическому объединению, которое в свою очередь подготавливалось теми условиями, в которых приходилось жить славянам и литовцам в связи с захватом немцами устьев рек Немана и Западной Двины. К тому же почвы, климат, фауна и флора собственно литовских и белорусских земель были совершенно одинаковыми. Это экономическое единство Литвы и Белоруссии подготавливало то политическое объединение, которое осуществилось в конце XIV в.

К моменту образования Великого княжества Литовского белорусские земли достигли уже значительного экономического развития, хотя последнее должно было приостановиться в связи с тем, что приостановилась торговля с немцами, а также и болгарами. Население обратилось к сельскому хозяйству и эксплуатации природных богатств.

К концу XIV в. частное землевладение в белорусских землях уже значительно распространилось. Собственно Литва

---

[1] В данной статье фактически говорится о Великом княжестве Литовском в целом *(прим. ред.)*.

в экономическом отношении была более отсталой. Сельское хозяйство в Литве — древнейшего происхождения. Литовцы были знакомы с земледелием с древнейших времен. Однако сельское хозяйство развивалось крайне медленно, ибо природные условия в собственно Литве мало этому благоприятствовали. Литва была страной, богатой лесами и болотами. Эксплуатация малоплодородной почвы требовала от населения больших усилий и значительного напряжения физических сил. Но несмотря на это, в конце XIV в. частная земельная собственность и у литовцев пустила определенные корни. Литовские роды уже успели распасться, и родовые старшины и старейшины семей, выделившихся из рода, смогли оставить в сфере своего влияния значительное количество земли. Малая заселенность территории и обилие незанятых земельных и лесных просторов давали возможность населению беспрепятственно расширять свои хозяйственные поля.

В конце XIV и начале XV в. стало совершенно очевидным развитие сельского хозяйства и преобладание последнего над другими видами народного хозяйства. Примитивная сельскохозяйственная техника позволяла вести только экстенсивное сельское хозяйство. Последнее требовало значительного количества свободных земель. Поэтому в начале XIV в. население и литовских, и белорусских земель проявляет исключительную энергию в увеличении размера своего землевладения. Оккупация, захват коллективными силами своей семьи или объединенными силами семьи с присоединением чужих лиц, или специально организованными товариществами, являлась правом на владение захваченным лесом, землей, сенокосом, рекой, озером. Захваченные земли эксплуатировались трудом тех лиц или организаций, которые захватили эту землю. Разумеется, первоначальная оккупация не имела определенных границ. При слабом заселении сам вопрос о границах не имел никакого значения, ибо ввиду наличия большого количества свободной, никем не занятой земли, не могли вспыхивать пограничные споры. Обилие на территории вновь образованного государства дремучих лесов, рек и озер направляло, в известной степени, развитие народного хозяйства в определенную сторону.

Еще в конце XVI в. в придвинских и приднепровских волостях — огромных сплошных лесных массивах — население эксплуатировало природные богатства, занимаясь рыболовством, охотой, бортничеством. Те же самые явления в народнохозяйственной жизни Белоруссии можно отметить в XV в. не только на востоке территории, но и в западных землях. Литовско-Белорусское государство, связанное с Западной Европой довольно древними торговыми связями, вывозило в XV в. на

европейский рынок главным образом меха. Спрос на последние в значительной степени определял и тот характер налоговой политики, которой придерживалась в этот промежуток времени великокняжеская власть. Однако промыслы на зверей быстро истощались. В западной части Белоруссии действовали в этом направлении и усиленная эксплуатация зоологических богатств и колонизация страны, развивавшаяся и создававшая необходимость увеличения производства сельскохозяйственных продуктов для обеспечения продовольственных потребностей населения. Поэтому в XV в. в западных землях земледельческая культура приобретает преобладающее значение. Она развивается как на землях частнособственнических и государственных доменов, так и на вновь освоенных землях. Восточные земли оставались территорией промыслового хозяйства, которое начало распадаться с конца XVI в. Сохранившиеся документы свидетельствуют о высокоразвитом сельском хозяйстве в западных волостях.

В XV в. хозяйственная деятельность великих князей литовских приобретает значительное развитие. Западная Белоруссия включается в великокняжеские домены, руководители которых являются организаторами хозяйства на новой основе. Параллельно великокняжеской инициативе развивается и деятельность частного землевладения. Земля становится предметом купли и продажи, что является лучшим свидетельством возрастающего значения земельного капитала. Постоянные судебные тяжбы между великокняжескими подданными из-за земельных, бортных и других угодий также свидетельствуют о развитии сельскохозяйственной культуры. Связанная с хозяйственными дворами невольная челядь составляла в поместье основную рабочую силу. Ее силами велось дворовое сельское хозяйство. Однако в XV в. уже совершенно ясно ощущался недостаток рабочей силы. Незначительная по своей численности невольная челядь не могла удовлетворить потребность дворового хозяйства в рабочей силе. Управляющим великокняжеских имений приходилось обращаться за помощью к волостному населению.

Последнему приходилось нести великокняжеское тягло — выходить на барщину, хотя она еще не могла быть значительной. Появившаяся тенденция к более значительной эксплуатации силы тяглого населения уже получила четкое отражение в тех многочисленных великокняжеских уставах, которые в таком большом количестве издавались в XVI в. и, как это будет показано ниже, имели своей целью поднять производство и доходность дворового хозяйства путем более интенсивной эксплуатации силы волостного населения. Повинности последнего, однако, сохраняли свой старый натурально-

хозяйственный характер, свидетельствовавший в то же время о широком развитии сельскохозяйственной культуры. Так называемые натуральные поборы — «дякло и мезлево»,— которые население обязано было отдавать в великокняжескую казну, были поборами сельскохозяйственного происхождения. Они выплачивались определенной долей из всего того, что уродилось и прибыло в каждом крестьянском хозяйстве, т. е. рожью, овсом, скотом. Развитие сельского хозяйства вызывало и усовершенствование сельскохозяйственной техники. На великокняжеских землях и на землях частных владельцев закрепляется перелог, но на землях волостного населения, при наличии свободной колонизации и широко развитой оккупационной деятельности населения, преобладали более примитивные формы сельского хозяйства. Трудно сказать, в какой степени развивалась другая важная отрасль народнохозяйственной деятельности населения — животноводство. В документах этого периода упоминаются королевские стада рогатого скота и лошадей. Уставы начала XVI в. предусматривают определенные меры по более правильному ведению животноводства в великокняжеском хозяйстве. Все это может явиться простым доказательством того, что животноводство не имело еще производственного значения и что оно удовлетворяло только нужды местного характера. Возможно, более значительное развитие получило коневодство, заимствованное от степняков через смоленские земли еще в эпоху независимого существования белорусских земель. Новая организация военной службы обязывала землевладельцев являться на службу с конем. Она также подтверждает только что высказанное предположение. К сожалению, фактическое состояние дворового животноводства как великокняжеского, так и отдельных владельцев не поддается определению. Но правильность предположения, что животноводство не носило производственного характера, подтверждают, например, данные о состоянии животноводства в Троицком Слуцком монастыре в 1494 г., за которым числилось 7 волов, 10 коров, 10 штук другой «животины», 30 свиней, 4 рабочих коня и жеребец. Дворовые хозяйства частных владельцев, приобретая характер поместного хозяйства, имели в своих доменах определенное количество слуг-ремесленников. В крестьянском хозяйстве все необходимые ремесленные работы выполнялись силами одной семьи. Все производство крестьянской семьи шло на удовлетворение нужд домашнего характера. Состояние ремесла в великокняжеских и частновладельческих доменах было несколько иное. Правильная организация хозяйства требовала и рационального использования всех физических сил населения. В организации производства поместное хозяйство имеет

уже в наличии определенную дифференциацию ремесленного труда. В каждом имении есть определенная группа ремесленников, посаженных на земельные участки, за которые они отбывают ремесленную службу.

Безусловно, работа ремесленников должна была удовлетворять главным образом исключительно нужды великокняжеского двора. Вероятно, при определенных условиях, разрешалось работать и на сторону. Еще в эпоху территориального строя были бродячие ремесленники, переходившие из одной деревни в другую, и предлагавшие населению свои услуги. Такими бродячими ремесленниками являлись монахи Киево-Печерского монастыря, холопы-ремесленники Русской Правды. Ремесленники в великокняжеских дворах, как правило, кроме своей обычной службы, выходили на толоку и косили сено. Отдельные ремесленники, как, например, столяры-плотники, были освобождены от тяглой службы. В 1514 г. кузнецы Виленского и Троцкого поветов были посажены частью на землях господарского поместья, частью на осаду с уплатой определенной суммы денег. По-видимому, они могли найти необходимые для себя средства работой на стороне. Весьма вероятно, что подобного рода ремесленники ходили по волостям и деревням, предлагая населению свою работу. Таким образом, в великокняжеских доменах ремесло смогло в определенной степени освободиться от различных тяглых работ на великокняжеском дворе. Правда, многие ремесленники продолжали отбывать тяглую службу, но важно отметить, что тенденция к освобождению ремесленников от последней уже намечалась. Аналогичные явления происходили и в жизни литовско-белорусского города. В городах с магдебургским правом и без него жили ремесленники, трудившиеся на местный рынок. Но в то время как в великокняжеских и частновладельческих доменах ремесленники, сидящие на своем земельном участке, несли ремесленную службу и зависели в юридическо-административном отношении от управителя-владельца, в городах с магдебургским правом наблюдалась тенденция к объединению ремесленников в корпорации и цехи. Кажется, раньше всех объединились в корпорации-цехи мастера по золоту — «золотники». Великий князь Александр своей грамотой от 23 июня 1495 г. разрешил «золотникам» организовать в Вильне братство с целью устранения подделок предметов из благородных металлов. Тем самым было положено начало цеховому строю в белорусских городах с магдебургским правом, что свидетельствовало о росте городской ремесленной промышленности. Во всех городах ремесленники образуют особую группу, которая находится в определенных повинностных отношениях к державцам и старостам. Это позволяет

допустить существование отдельных ремесленных организаций и в городах, которые не пользовались самоуправлением. Цеховые же организации ремесленников развиваются значительно позже.

Торговля белорусских земель и в новых условиях государственного существования продолжала развиваться по старым водным путям — по Днепру, Западной Двине и Неману. Днепр соединял Литовское государство с южными торговыми центрами Крыма и Востока. Бассейны рек Западного Буга, Немана и Западной Двины соединяли Литовско-Белорусское государство с Западом и вовлекали его в круг западноевропейских экономических отношений. Расположенные на больших торговых путях городские центры, как Вильно, Гродно, Ковно и Берестье, должны были сделаться значительными торговыми центрами. Ростом экономического значения городов в целях дальнейшего расширения торговой деятельности последних объясняется получение городами широкого самоуправления в виде так называемого магдебургского права, благодаря чему группа белорусских городов не только экономически, но и юридически выделилась из волостей. Сначала магдебургское право получили города, находящиеся в бассейне Немана и Западного Буга: Вильно и Троки в 1387 г., Берестье в 1390 г.; Ковно и Гродно в 1391 г., Полоцк, Минск и ряд других городов получили магдебургское право в конце XV в., в 1498 г. Все это свидетельствует о расширении районов торговли. Однако до поражения немецкого ордена (1410), обосновавшегося в устье Немана и Западной Двины, развитие торговых связей встречало немало серьезных препятствий. Торунское соглашение 1411 г. и в дальнейшем переход к полякам устья Вислы, также по Торунскому соглашению (1466), открыли для литовско-белорусской торговли широкие перспективы и возможности. Параллельно западной торговле Литовско-Белорусское государство поддерживало торговые связи и с Новгородской республикой, что открыло возможность торговли с немецкими купцами. Эти экономические связи с Новгородом побуждали правительство к стремлению держать Новгород в сфере своего политического влияния. Литовско-Белорусское государство главным образом вывозило на Запад продукты добывающей промышленности: мех, воск, мед, частично лес. Рост западноевропейской торговли в XV в. не вызывает никакого сомнения, но общий характер народного хозяйства остается прежним. Торговля не коснулась широких масс населения и не изменила общего характера народного хозяйства, оставшегося по-прежнему натуральным.

Иностранная торговля находилась преимущественно в руках великого князя. Виленские купцы и купцы других городов

фактически являлись приказчиками князя, совершавшими торговые операции. Благодаря торговле в Литовско-Белорусском государстве начали накапливаться металлические деньги. Только наличием последних можно было объяснить введение денежного налога «серебщины» исключительно для военных нужд. Увеличение количества металлических денег в XV и начале XVI в. определило и направление внутренней торговой политики правительства в виде отдачи в аренду откупов, причем размеры увеличившейся арендной платы свидетельствуют, что обороты внутренней торговли росли. Вот несколько данных, свидетельствующих об арендах таможни.

Так, Луцкая таможня была отдана в 1487 г. в аренду на 3 года за 1521 широкий грош в год. Берестейская таможня вместе с соседними, подляшскими, была сдана в аренду в том же году на 3 года за 110 коп грошей в год. Ковенская и Минская таможни были сданы в 1489 г. по 205 грошей в год. Прибыль от Смоленской таможни на протяжении 1495—1498 гг. равнялась 250 копам грошей в год. Все это свидетельствует о том, что в стране появилось определенное количество металлических денег.

При наличии в стране ряда крупных городских центров, занимавшихся ремесленным производством и торговлей, сельские местности были тесно связаны в экономическом отношении с местными городскими рынками. Необходимость платить серебщину вынуждала население вывозить на продажу товары, имевшие спрос на иностранных рынках, в которых не нуждалось собственное хозяйство и которые благодаря природным богатствам легко производились в стране. На рынке продавались и сельскохозяйственные продукты, необходимые для удовлетворения нужд городского населения. Так постепенно складывался и расширялся внутренний рынок местного значения, благодаря которому деревня и город тесно связывались друг с другом. Показателем развития местной торговли может явиться также организация новых торгов и ярмарок не только в великокняжеских имениях, но и в частновладельческих поместьях, расположенных преимущественно на больших торговых путях. Правительство, давая разрешение, всегда обусловливало его тем, что новые торги и ярмарки не будут служить «ку шкоде» великокняжеским торгам. Так постепенно ломались первобытные экономические отношения, и, в результате возникновения рынков узко местного значения, население Литвы и Белоруссии постепенно, но систематически вовлекалось в торгово-хозяйственный оборот. К сожалению, степень этого вовлечения на основании существующих материалов невозможно выяснить.

Образование Великого княжества Литовского сделало представителя династической княжеской власти владельцем всей территории Великого княжества. Когда в состав Великого княжества входили новые земли, суверенитет великого князя распространялся юридически и на них. Фактически же земельный суверенитет великого князя значительно сокращался, так как на территории Литовско-Белорусского государства имелся ряд владений, держатели которых считали их своей собственностью. Признавая над собой высший суверенитет великого князя, крупные землевладельцы, потомки удельных князей и представители ряда знатных литовских фамилий, считали себя собственниками земель, владея ими «з полным правом и панством». Эти огромные княжеские и панские владения воплощали в себе весь феодальный мир. Отправляясь на войну со своим снаряжением, крупные паны являлись начальниками своего войска, что лишний раз указывало на следы феодального быта.

Само наличие крупных феодальных владений свидетельствовало о слабом развитии народного хозяйства, которое, в таком случае, не могло способствовать ликвидации феодальных гнезд. Наиболее могущественными являлись литовские паны. Они давали основное количество войск. Так, Кезгайлы давали 768 коней, Радзивиллы — 621, Астанковичи — 337, Гаштольды — 466, Острожские — 427, Ходкевичи — 198 и т. д. Собственно белорусские феодалы были куда беднее и их политический вес был куда меньше.

Княжеские и панские поместья были свободны от различных натуральных повинностей, кроме замковой, дорожной, мостовой, а иногда и подводной.

Борьба великих князей литовских с потомками Гедиминовичей и Рюриковичей, а также с литовскими панами вынуждала их искать опоры в какой-нибудь другой общественной группе. Потребность в увеличении военных сил страны для защиты государства действовала в том же направлении. Такой группой явились мелкие землевладельцы, которые держали свои земли от великого князя. Стремясь создать новые кадры вооруженных сил, которые бы зависели исключительно от великого князя, великие литовские князья щедро наделяли своими землями отдельных лиц с обязательным условием нести военную службу. Лица, державшие такие поместья, набирались из различных общественных групп, не исключая и деревенского населения. Такие владения имели очень давнее происхождение, но со времен Витовта раздача таких земель становится особенно широкой. Те земли, которыми владели бояре с давних времен в силу привилеев с конца XIV в., становились их полной собственностью с правом совершать отдель-

ные гражданские сделки и передавать землю близким и дальним родственникам при условии несения военной службы. Только в том случае, если не было наследников, земли объявлялись выморочными и переходили к князю. Земли, которые отдавались великим князем литовским во временное владение, назывались «поместьями», «данинами», «держанием», «выслугой», «жалованием». Эти поместья вначале отдавались без точного указания срока «до воли и ласки господарской», но при такой неопределенности срока держания невозможно было правильное использование хозяйственных возможностей владения. Поэтому имения начали отдавать пожизненно, до «живота», а иногда и до двух и трех «животов», т. е. с правом передачи своим детям и внукам. Иногда такие поместья отдавались для содержания или на хлебокормление. Это был древний вид пользования землей, продолжавшийся до тех пор, пока лицо, получившее землю для удовлетворения своих нужд, не получит устойчивого материального обеспечения. Отдача поместий не исключала отдачи земли навечно. Время от времени те, что держали поместья, обращались к великому князю с просьбой заменить их условное пользование на вечное. Такие просьбы иногда удовлетворялись, если были в наличии условия, оправдывавшие поданное ходатайство. Наличие, с одной стороны, земель с правом полной собственности, а с другой, земель условного владения без права распоряжения привело к образованию особого феодального землевладения, представители которого обязаны были отбывать военную службу с правом перехода данных земель исключительно только к наследникам мужского пола. Для обеспечения этого в Литовском статуте 1529 г. есть ряд статей, ограничивающих владельческие права женщин. Поэтому если земли отдавались на ленном праве, то подчеркивалось право передачи только по мужской линии. Поместная система является продуктом того хозяйственного строя, который утвердился в Литовско-Белорусском государстве. Располагая огромным земельным фондом и в то же время не имея никаких денежных ресурсов, правительство вынуждено было обратиться к своему земельному фонду и использовать его для военных и политических нужд. Если земля отдавалась во владение на определенных условиях, то державший ее получал при этом великокняжескую грамоту, которая, с одной стороны, являлась документом, а с другой — определяла условия данного владения. Ввиду того, что поместья должны были являться материальным обеспечением лиц, обязанных нести военную службу, им население этих земель отдавалось вместе с землей и сельскохозяйственным инвентарем. Это сокращало кадры государственного крестьянства.

Образовалось новое крестьянство — крестьянство частных владельцев, юридически зависевшее от них и связанное с ними определенными экономическими отношениями в виде платы натуральных налогов и тяглого труда. Такие экономическо-юридические отношения явились основой той личной барщины для крестьян, которая фактически устанавливалась уже в XV в. и явилась основой барщинного права, как особая система организации хозяйства, так как без эксплуатации населения, жившего на отданной земле, невозможно было исполнять военную службу. Все те, кто держал великокняжеские имения, были обязаны нести военную службу. От последней никто не освобождался. Если тот, кто держал землю, не мог по каким-либо причинам явиться, то он должен был вместо себя выставить замену. Если земля военнообязанного переходила в другие руки, то новые владельцы брали на себя и обязательства несения военной службы. Неисправная военная служба или неисполнение ее влекло за собой лишение пожалованной земли.

Если великий князь передавал свое высшее право над определенной группой земель князьям и панам, то владельцы, державшие княжескую землю, исполняли новому владельцу ту же службу, которую они несли великому князю. В случае же нежелания исполнять службу новому владельцу, недовольные могли уйти, взяв с собой свое недвижимое имущество. Крупные землевладельцы поступали так же, как и великий князь, отдавая свои земли отдельным слугам под условием несения военной службы. Вначале те, что держали земли в Литовско-Белорусском государстве, обязаны были нести ряд натуральных повинностей и платить подати в пользу великого князя, но привилеи XV в. освободили частных владельцев от различных повинностей и податей в пользу великого князя, за исключением мостовой, замковой и дорожной.

Однако иногда в поместьях, отдававшихся позже, лица, державшие их, обязаны были исполнять и другие повинности, как, например, подводную, стации, сторожевую, а иногда и толоку на великокняжеских землях и сенокосах.

В конце XV и первой четверти XVI в. среднее и мелкое шляхетское землевладение получило уже значительное развитие. Шляхта почувствовала себя настолько сильной, что начала проявлять себя в области политической, сознавая свое экономическое и политическое значение. Развитие народного хозяйства создало в Литовско-Белорусском государстве особый вид так называемого заставного землевладения. Оно выдвигало на первый план необходимость широкой мобилизации земельных владений, а в то же время в литовском земельном праве, которое нашло свое отражение в Литовском статуте

1529 г., имелся ряд ограничений относительно распоряжения землею. Существовавшее право позволяло только отчуждение одной третьей части земельного владения А между тем владельцам последнего часто необходимы были деньги для различных служебно-хозяйственных нужд. В таком случае земля отдавалась в залог (заставу) на определенный срок или на неограниченное время до выкупа. Иногда владелец, продавший земельный надел по нормам обычного права, оставшуюся часть своего надела отдавал в залог. Невыполнение владельцем условий залога лишало его права владения заложенной землей. Но поскольку держание земли было семейным, постольку родственники сохраняли за собой право выкупа заложенного владения, и только в случае пропуска назначенного для выкупа срока, заложенное владение оставалось в руках кредитора, бравшего при этом на себя исполнение всех повинностей, числившихся за землей. Понятно, что если владение отдавалось в залог, то население последнего обязано было выполнять все повинности и службы, как и раньше. Лицо, взявшее землю в залог, не имело права увеличивать повинности того населения, которое жило на землях заложенного владения.

Конечно, в жизни эти формальности неоднократно нарушались и население эксплуатировали, не считаясь с давним обычаем.

Заставное владение имело еще и то преимущество, что на него не распространялась так называемая земская давность, в силу которой лицо, владевшее землей беспрерывно в течение 10 лет, становилось ее собственником.

Параллельно развитию шляхетского, помещичьего и княжеского землевладения развивалось и церковное землевладение. Еще в эпоху самостоятельного существования земель церковные организации владели довольно значительными массивами земли. В эпоху Литовско-Белорусского государства церковные владения увеличиваются, причем земли дарятся церквам, епископским кафедрам и монастырям обоих вероисповеданий.

Крупные церковные поместья представляли собой особые духовные и феодальные владения. В начале XV в., когда в Литве утвердилось католичество, церковные земли освобождались от всех повинностей. После Флорентийской унии 1439 г. эти привилегии были распространены и на православных землевладельцев.

Однако такой широкий иммунитет церковных поместий наносил государству огромный ущерб и вызывал ропот шляхетского сословия.

Поэтому в дальнейшем от военной службы не были осво-

бождены те поместья, которые отдавались церкви либо в виде дарения великим князем, либо путем записи частных землевладельцев. Статут 1529 г. утвердил в качестве общего правила, чтобы земские имения, записанные на церковь, исполняли военную службу.

С развитием колонизации в Белоруссии создавалось и землевладение сельского населения, причем последнее в дальнейшем, ввиду развития поместной системы, разделяется на две группы: государственное и частновладельческое. По характеру своих повинностей и по земельному обеспечению деревенское население отличалось заметной пестротой своего состава. Одни крестьяне принадлежали к так называемому высшему разряду сельского населения, а другие составляли так называемый низший разряд, причем переход из одной группы в другую был весьма легким. Для этого необходимо было только одностороннее распоряжение администрации. Кроме того, в княжеских и частновладельческих хозяйствах находилось определенное количество невольной челяди. Такая дифференциация деревенского населения является результатом развития сельского хозяйства как в княжеских, так и частновладельческих имениях. Сельское население независимо от своих повинностей господину жило на участках различного размера.

Эти участки сложились исторически и являлись результатом колонизационной деятельности населения. Сельские земельные владения являлись семейно-товарищескими и в различных частях территории Литовско-Белорусского государства получили различное название, а именно: дворище, печище, служба, жеребье. Если сначала основой крестьянского землевладения была семейная оккупация, то в дальнейшем она отодвигается на второй план перед организациями более сложными. Члены такой организации состояли из определенного числа лиц, связанных семейным родством, с включением чужих лиц, объединившихся в соответствующий коллектив для разработки захваченной земли. Члены таких искусственных коллективов называются по отношению один к другому «сябрами», «дольниками», «удельниками», «братией наделеной», «суседами», «потужниками», «товарищами». Такое товарищеское землевладение широко распространилось и сохранялось на территории Белоруссии до середины XVI в., когда экономические мероприятия правительства привели к решительной ликвидации последнего. Такие крестьянские земельные участки с развитием великокняжеской власти и усилением финансового принудительного аппарата княжеской администрации попадали в определенные повинностно-зависимые отношения.

Развитие сельского хозяйства в великокняжеских дворах вызывало в значительной степени специализацию повинностей по отдельным земельным владениям. Великокняжеская администрация была заинтересована в том, чтобы повинности, лежащие на населении, державшем земельные участки, вовремя поступали в дворовую казну. Великокняжеской администрации было безразлично, кто держит землю. Для нее важно было только то, чтобы земля не пустовала и чтобы исполнялась военная служба. Поэтому если в XV в. крестьянские земли передавались в руки других лиц, то такого рода передача ничуть не затрагивала интересов хозяйского двора и обычно происходила с разрешения администрации. В этом акте нельзя видеть права крестьян на свободную продажу своих владений. Последняя разрешалась только с согласия высшей власти, являясь свидетельством того, что данное условие не может принести ущерб для государства. Переход земли из одних рук в другие в пределах только крестьянской среды ни в коей мере не является подтверждением права свободного распоряжения своими вотчинами со стороны сельского населения. Администрация, разрешая тому или иному лицу взять в пользование или залог какой-либо крестьянский участок, тем самым утверждала, что вышеназванное условие не принесет ущерба для государства, а также подчеркивала формальное право государства и на крестьянские земли. Только во второй половине XVI в. княжеская администрация в судебных процессах подчеркивала отсутствие у крестьян права распоряжаться своими землями, потому что по смыслу судебных приговоров администрации сельское население является лишь держателем своей земли, а собственником считается только государство. Такая политика присуща эпохе новых аграрных отношений, когда все земельные участки подсчитывались и отдавались отдельным лицам княжеской администрации на тех условиях, которые были определены уставой на волоки. Западные земли являлись территориями великокняжеских и частновладельческих хозяйств. К великокняжеским дворам тяготела определенная группа земель, на которых жило волостное население.

Великокняжеские дворы были центрами сельскохозяйственной культуры. Обычно при великокняжеских дворах находилось незначительное в начале века пахотное поле, проявлявшее в конце XV и начале XVI в. тенденцию к увеличению. Великокняжеские дворы представляли собой территорию, в состав которой входили: пахотное поле, огороды, сенокосы, дворовый лес, земли с дворовыми постройками. За двором жило население волостей, находившееся в определенных юридическо-экономических отношениях к великокняжеским дво-

рам. Великокняжеские хозяйства были типичными для эпохи поместного городского хозяйства. Это было соединение крупного землевладения с мелким хозяйством — обычная форма развития сельского хозяйства в эпоху феодального строя. Доходы дворового хозяйства зависели не столько от самостоятельной эксплуатации тех или иных прибыльных отраслей, сколько от соответствующих натуральных налогов населения. При таких условиях правительство не интересовало, каковы были размеры крестьянского землепользования. Оно заботилось только о том, чтобы налоги и повинности с земельных участков поступали полностью в казну и вовремя.

Дворовое хозяйство в XV и первой четверти XVI в. в техническом отношении было слабым. Господствующей системой земледелия был перелог. Рост населения и увеличение емкости рынка способствовали появлению и расширению трехпольной системы. Раньше всего последнее появляется на Подляшье и в западных районах Литовско-Белорусского государства. Однако, до XV в. трехполье является не общим правилом, а исключением.

Первоначальное дворовое хозяйство обслуживалось силами только невольной челяди, но дальнейшее развитие сельского хозяйства и расширение собственной пахоты создали необходимость увеличения количества той рабочей силы, которую можно было бы использовать для нужд великокняжеского двора. Эта тенденция приводила к тому, что определенная часть волостного населения была обязана нести на княжеском дворе тяглую службу: выходить на барщину со своим инвентарем для обработки пахотного поля или на жатву. Такие люди назывались тяглыми людьми. Очевидно, барщина вначале не могла быть тяжелой. Тяглые люди не являлись самостоятельной рабочей силой, а выполняли только дополнительные работы. Поэтому тяглое население обязано было платить великокняжескому двору ряд натуральных повинностей, среди которых так называемые «дякло» и «мезлева» занимали первое место. Стремление увеличить количество рабочей силы вынуждало державцев требовать, чтобы тяглую службу несли и бояре. Чтобы не стать тяглыми, бояре вынуждены были специально заботиться о том, чтобы их освободили от службы.

Наличие специальных доходных отраслей в сельском хозяйстве вынуждало создавать группы крестьян, которые несли специальные службы и выполняли специальные повинности и, кроме того, удовлетворяли бы ремесленные нужды поместного хозяйства. А оставшиеся крестьяне садились на оброк, на осаду. Их повинности состояли из уплаты определенного оброка, а также из обязанности вместе с людьми специальных служб

выходить на толоку. Такая дифференциация в среде крестьянского населения великокняжеских доменов западных волостей объясняется исключительно определенным уровнем развития сельского хозяйства. Оброчное крестьянство особенно распространилось на землях Жмуди и на Полесье, где крестьянские семьи сидели на волоках — определенных участках земли (19—20 дес.) и платили оброк. Что касается восточных областей в бассейне Днепра и Западной Двины, где великокняжеские дворы имели незначительное распространение, земледельческая культура пока не получила своего развития, преобладало промысловое хозяйство и население было малочисленным, то там отношения крестьян к власти сводились к тому, что они платили в казну дань натурой: медом, бобрами, куницами, белками, пшеницей, рожью или деньгами. Иногда в некоторых местах крестьяне-данники были обязаны нести великому князю и другие повинности: ловить неводом рыбу, привозить сено на великокняжеский двор там, где были великокняжеские дворы. В последнем случае данники выходили и на толоку.

Крестьяне поднепровских и придвинских волостей, находившиеся далеко от глаз великокняжеской администрации, представляли собой, с административной точки зрения, группу отдельных селений, которые были связаны единством выполнения повинностей. Такие комплексы селений назывались волостями, население которых избирало из своей среды отдельных должностных лиц — старцев, бравших на себя все связи с администрацией, последняя же в свою очередь обращалась к старцам в случае, если необходимо было передать волостному населению распоряжение администрации. Это волостное самоуправление является лишним показателем отсталости экономического развития в восточных волостях. Вначале рабочая сила частновладельческих имений состояла из людей свободных и зависимых. В дальнейшем свободные люди постепенно превращались в людей барщинных. Челядь невольная и на частновладельческих землях являлась хозяйственной силой того же значения и порядка. Являясь объектом права, она была граждански неправоспособной и недееспособной.

Но литовско-белорусское право, зафиксированное в Статуте 1529 г., немного сократило источники барщины. Это сокращение явилось лучшим показателем невыгодности закрепощения с хозяйственной точки зрения. Частные владельцы, как и великий князь, должны были удовлетворять потребности своего сельского хозяйства рабочей силой того населения, которое жило на чужих землях. Поместное землевладение отдавало в руки частного владельца то рабочее население, которое

жило на этих землях. Привилей от 2 мая 1447 г. отдавал крестьян частных владельцев под исключительную юрисдикцию помещика. Первоначально все крестьяне, которые жили на частновладельческих землях, были свободными людьми, т. е. имели право свободного ухода со своего земельного участка. Такие люди назывались людьми похожими. Однако уже в XV в. появилась группа так называемых непохожих людей, людей, которые лишились права выхода и фактически сделались барщинными того лица, на земле которого жили. Эта личная барщина возникла из общего характера тех экономических отношений, которые складывались между землевладельцами и крестьянством. Последнее против своего желания становилось его должником и тем самым попадало в личную зависимость.

Новые условия в развитии сельского хозяйства, переход от подсечного хозяйства к перелогу создали новые условия для крестьян, которым тяжело было бросить свое хозяйство и осесть где-нибудь на новых местах. Крестьяне повсюду задерживались на одном месте. Это вызывалось временами невозможностью по экономическим соображениям уйти от своего землевладельца. В связи с этим возникала так называемая земская давность, «заседлость», которая превращала свободного человека в крепостного. Такие крепостные люди назывались «отчичами». Статут 1529 г. требует, чтобы отчичи, которые сбежали от своего владельца к другому или прожили на земле последнего 10 лет, возвращались назад к своему помещику. Очевидно, обычное право определяло продолжительность земской давности в 10 лет. Такой процесс постепенного развития крепостного права является вполне аналогичным процессу развития крепостного права в соседнем, Московском государстве. В дальнейшем условия развития сельского хозяйства вызывают настоятельную потребность создания постоянной барщинной рабочей силы при имении. Эти экономические условия должны были содействовать и качественному и количественному росту крепостного права в Литовско-Белорусских землях.

В истории развития народного хозяйства Белоруссии огромное значение имел еврейский капитал. Еврейские колонисты, появившиеся в бассейне Немана в конце XIV в., придя из Польши, явились агентами по торговле с Западом. Евреи имели связи с последним, и фактически вся иностранная торговля находилась в руках еврейского капитала. Пока еврейский капитал всячески способствовал развитию иностранной торговли и увеличивал прибыль казны, Литовско-Белорусское правительство защищало интересы еврейских организаций, давая им широкое право самоуправления. С развитием ино-

странной торговли и проведением правительством внутренней и внешней таможенной политики, правительство обычно отдавало свои таможни в аренду.

С одной стороны, правительство обеспечивало себя тем, что получало определенную сумму денег, не заботясь о том, как эта сумма собиралась. С другой стороны, аренда таможен должна была приносить государству определенный убыток, так как арендатор со своей стороны также хотел получить прибыль на свой капитал. Временами аренда была значительно выше, чем действительный сбор с таможни. В таком случае арендаторы или отказывались от аренды или просили уменьшить аренду, приносящую им убытки.

Обычно арендаторами великокняжеских таможен являлись евреи, как группа населения, которая, ввиду развития торговли, смогла накопить денежные излишки и пыталась использовать их наиболее выгодно для себя.

Накопление торгового капитала происходило и среди купцов христианского вероисповедания. Это открывало возможность и последним брать в аренду таможни и коморы. Кроме того, виленские мещане часть своих капиталов вложили в землю. Определенная часть виленских купцов выступает в источниках как землевладельцы, обязанные, вместе с другими землевладельцами, нести военную службу.

Обобщим. Развитие производительных сил страны в эпоху городского хозяйства создало ряд условий и отношений, совершенно незнакомых предыдущей эпохе первобытного хозяйства. Приток иностранных денег и возрастающее количество их на внутреннем рынке удешевляло денежный капитал и способствовало переводу отдельных натуральных повинностей на денежные. Развитие сельского хозяйства и постепенное вовлечение его в круговорот западноевропейской торговли явились источником стремления к увеличению как площади дворовой запашки, так и получения более высоких натуральных налогов.

Новые условия в развитии сельского хозяйства создали и новые бытовые условия для сельского населения. Поместное хозяйство, обслуживаемое рабочей силой имения, постепенно и неуклонно ставило сельское население в экономическую и юридическую зависимость от себя. Поместное хозяйство на частновладельческих землях начала обслуживать не свободная рабочая сила, а крепостная, потому что свободные люди, в силу объективных условий, попадая в экономическую зависимость от своего помещика, проживали на его земле земскую давность и тем самым теряли свое право выхода и поселения на других землях.

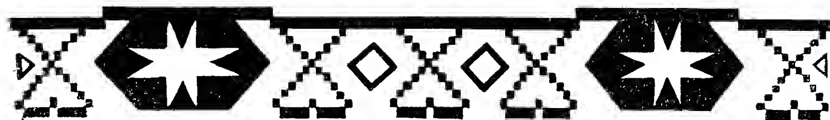
Однако ввиду относительной слабости развития сельского хозяйства, повинностные и барщинные отношения в XV и начале XVI в. были сравнительно легкими. Получение землевладельцами земельной ренты путем увеличения барщины имеет отношение к более позднему времени — эпохе торгового капитала и предпринимательского барщинного хозяйства.

Перевод с белорусского А. М. Корабельниковой и В. С. Поссе.

«Полымя», 1925, № 6.

Часть II

ИЗ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЫ (XV-XVI вв.)



ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ЗЕМЛЯХ КО ВРЕМЕНИ ИЗДАНИЯ ЛИТОВСКОГО СТАТУТА 1529 г.[1]

Сельское население, жившее на частновладельческих землях, характеризовалось различием социального состава. Это, понятно, отражалось на его юридическом положении. С одной стороны, на частновладельческих землях находились рабы, так называемая «челядь невольная». С другой стороны, в панских имениях жили отдельные группы сельского населения, значительно отличавшиеся по своему экономическому и юридическому положению как от челяди невольной, так и друг от друга. К первой из этих групп следует отнести свободных людей, составляющих, видимо, не очень значительную часть населения частновладельческих имений. К другой группе нужно отнести полузависимое от частного владельца население, так называемых «закупных людей». К следующей, третьей категории необходимо отнести сельское население, попавшее в экономическую и юридическую зависимость от своего землевладельца и фактически потерявшее право свободного перехода.

Наконец, особую, четвертую группу составляли «люди служебные», выполнявшие специальные повинности на панском дворе и занимавшие особое положение среди частновладельческого сельского населения. По своему правовому положению они отличались от других групп сельского населения, жившего на частновладельческих землях.

---

[1] В авторском экземпляре оттиска данной работы имеется запись: «продолжение следует». Но конец работы не был опубликован; в сохранившихся рукописях В. И. Пичета последнего раздела этого исследования тоже нет *(прим. ред)*.

I. ЧЕЛЯДЬ НЕВОЛЬНАЯ НА ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ЗЕМЛЯХ

1

Институт рабства в Белоруссии — институт весьма древнего происхождения. Уже император Маврикий, наблюдавший жизнь славян, защищая Балканский полуостров и Византийскую империю от нападений последних, отметил наличие у них рабства. Правда, положение рабов не могло быть тяжелым.

При отсутствии частного землевладения и развитого сельского хозяйства рабов как рабочую силу не могли тяжело эксплуатировать. Они, скорее, являлись членами семьи, помогая ей в повседневном труде.

Император Маврикий отметил, что славяне хорошо относятся к рабам и что рабы у них имеют возможность выкупиться на волю. Их отпускают на родину, либо разрешают селиться вместе со славянами. Нужно признать, что император Маврикий сделал довольно тонкое наблюдение. При существовавшей в VI в. у славян хозяйственной структуре институт рабства, разумеется, не мог быть иным [2].

Однако экономическое положение рабов изменилось с образованием государств, земель, вошедших потом в состав Киевского государства. Князья и дружинники использовали соседство с восточными народами и Византийской империей, где был спрос на рабов, и начали сбывать живой товар на эти рынки. Поскольку раб стал наиболее ценным предметом вывоза, князья и высшие группы населения берегли своих рабов и стремились увеличить их численность путем походов на соседей-славян и войн между собой.

Такое положение занимали рабы к моменту наступления экономического кризиса XI—XII вв. Нападения кочевников, особенно половцев, а потом и татар, прервали торговые связи с Византией. Торговля по Днепру стала фактически невозможной. Еще раньше Хазария была отрезана от Киевского государства и торговые связи с хазарами должны были прекратиться. Прекращение торговли с Византией содействовало экономическому упадку Киевского государства и распаду последнего на самостоятельные земли, входившие ранее в его состав.

Одновременно вышеупомянутый экономический кризис должен был оказать значительное воздействие и на самую структуру народного хозяйства той эпохи. Князья и бояре, имевшие в своем распоряжении большое количество живого товара, который они не могли сбывать на внешних рынках, теперь начали

---

[2] Niederle. Život Starych Slovanû, Maurikios, Strategikon — XI.

сажать рабов на землю и использовать их рабочую силу, при помощи которой они осваивали свободные земли и тем самым получали возможность вести сельское хозяйство. Развитие крупного землевладения, княжеского, боярского и отчасти церковного, являлось основным хозяйственным фактором эпохи. Князья и бояре, лишенные возможности принимать участие в торговле, были вынуждены вернуться к земле и путем использования рабочей силы получали все необходимое для жизни как для своей семьи, так и своих рабов.

Рабы составляли основную рабочую силу боярского или княжеского поместья. Эта рабочая сила с течением времени постепенно увеличивалась благодаря тому, что к исполнению барщинной повинности привлекались и другие социальные элементы, которые под влиянием различных условий должны были попасть в зависимое от землевладельца положение. Развитие института закупничества и установление экономико-юридической зависимости смердов от частных землевладельцев и князей являлось точным отражением этого весьма показательного процесса [3].

Поскольку рабство, как хозяйственная сила, имело такое большое значение для сельского хозяйства и крупного землевладения, постольку совершенно понятна особая заинтересованность частных землевладельцев в юридическом оформлении своих прав на рабов и придании этому стихийно развившемуся социальному явлению характера уже сложившегося юридического института. И поэтому нас не удивляет, что в Русской Правде институт рабства должен был получить свою законченную юридическую формулировку. В условиях расширившегося крупного землевладения господствующий класс был не столько заинтересован в том, чтобы оформить свои права на землю, сколько в том, чтобы юридически были оформлены его права на рабов. Эта точка зрения господствующего класса совершенно понятна. При слабой заселенности территории было много свободных земель. Эти земли могли быть захвачены землевладельцами. Но это могло произойти лишь при наличии определенного количества рабочей силы. Совершенно понятно, что каждый из землевладельцев был заинтересован в том, чтобы в его распоряжении находилось возможно большее число рабов и чтобы на эту рабочую силу не покушались третьи лица. Господствующему классу было очень важно определить все те условия, при которых тот или иной человек попадал в положение раба, а также оградить при помощи законов свою рабочую силу от покушений на нее

---

[3] В. С. Юшков. Феодальные отношения в Киевской Руси. «Уч. зап. Саратовского ун-та», т. III, IV.

со стороны третьих лиц. Институт рабства уже знает и краткая редакция Русской Правды, которая упоминает рабов, но еще не знает института рабства, как вполне сформировавшегося юридического института.

В краткой редакции Русской Правды институт рабства даже не мог получить своего оформления, ибо в то время рабство еще не было хозяйственным институтом, имевшим большое значение для землевладельца. Рабы в ту эпоху еще не задерживались в руках дружинников, а вывозились на соответствующие внешние рынки, где был на них спрос.

С изменением общехозяйственных условий изменилось не только хозяйственное, но и юридическое положение рабов. Боярин-предприниматель может бесконтрольно распоряжаться трудом и личностью своего раба, и нет такой силы, которая могла бы защитить раба от его господина. Бесконтрольное распоряжение трудом и личностью раба со стороны его господина — характерная черта феодального рабства, ибо только рабочая сила давала землевладельцу те продукты, которые необходимы были для поддержания его существования и сбыта.

Если рабство в эпоху Русской Правды полной редакции выступает как четко сформировавшийся юридический институт, то в той же Русской Правде есть немало данных, свидетельствующих о том, что не все рабы занимали одинаковое хозяйственное положение. Обе редакции Русской Правды знают рабов-земледельцев, знают рабов-ремесленников. Феодальное хозяйство требовало наличия и тех и других. Рабы-земледельцы исполняли барщину. Рабы-ремесленники выполняли на феодальном дворе все необходимые для хозяйства ремесленные работы. Это деление рабов на две категории бесспорно [4]. Были среди рабов и лица, занимавшие должности заведующих всей рабочей силой поместья или выполнявшие при дворе какие-то особые функции.

Русской Правде известен институт княжеских сельских и ратайных тиунов, являвшихся не чем иным, как управителями в княжеских поместьях. Такие же тиуны были в поместьях бояр. Обычно тиунами были рабы. Тиунство и рабство — два понятия одинакового характера. Недаром в Русской Правде отмечено, что если кто-нибудь возьмет тиунство «без ряду или ключ себе привяжет», то тем самым он попадает в положение раба. Разумеется, раб-тиун занимает особое место в феодальном хозяйстве. Он является весьма важной фигурой, и совершенно понятно, что штраф за убийство тиуна назначается значительно больший в сравнении со штрафом за убийство обычного

---

[4] Русская Правда, Карамзинский список, § 11, 12.

раба. В Русской Правде полной редакции штраф за убийство сельского княжеского тиуна или ратайного определен в 12 гривен, а за «рядовича» — 5 гривен. Такая же расценка принята Русской Правдой и в отношении боярских холопов [5].

В той же редакции Русской Правды есть указание на раба «искормилича» и рабу — кормилицу [6]. Эта статья свидетельствует о наличии рабов, занимавшихся воспитанием детей в боярских и княжеских домах, рабов весьма ценных для землевладельца: их жизнь расценивалась так же высоко, как жизнь тиуна или ремесленника.

Для определения принадлежности лиц к юридически зависимому сословию Русская Правда пользуется различными терминами. Раб, как юридически зависимое лицо, находящееся в полной зависимости от своего господина, носит название в Русской Правде пространной редакции «холопа обелного» [7]. Русская Правда знает и термин «челядин», что также означает принадлежность в полной мере к юридически зависимому сословию [8]. Русская Правда знает термин «паробок» [9]. Для определения принадлежности женщины к рабскому состоянию Русская Правда пользуется термином «раба» [10]. Это различие в терминологии вовсе не означает различия в юридическом положении. Все это только свидетельствует о некоторой неоформленности юридической терминологии в эпоху Русской Правды полной редакции.

Рабство как хозяйственная сила в изучаемую эпоху было тесно связано со всеми видами крупного землевладения того времени. Это нашло свое отражение в Русской Правде, которая делит холопов на три категории: «княжие», «боярскыи» и «черньцевы» [11].

Институт рабства, успевший укрепиться и развиться в ту эпоху, когда белорусские земли вышли из состава Киевского государства и сделались самостоятельными экономическими и политическими организмами, существовал и расширялся и в ту эпоху, когда Белоруссия вошла в состав Великого княжества Литовского. Развивавшееся сельское хозяйство и крупное землевладение нуждались, как и раньше, в определенном количестве рабочей силы. Основной рабочей силой и в то время была сила рабов. С их помощью удовлетворялись все хозяйственные нужды частновладельческих и великокняжеских хозяйств.

[5] Русская Правда, § 11.
[6] Там же, § 14.
[7] Там же, § 119, 74.
[8] Там же, § 34.
[9] Там же, § 75.
[10] Там же, § 13, 110.
[11] Там же, § 43.

Для определения принадлежности к рабскому сословию в эпоху Литовского статута 1529 г., в актах встречаются различные термины, свидетельствующие о неоформленности юридической терминологии. Термины Русской Правды «холоп» и «обель», как показатели полной юридической зависимости, перестали фактически употребляться. Правда, слово «обель» еще употреблялось в юридических документах также в смысле вечности, однако этим термином обычно пользовались при составлении актов купли-продажи: «купил сельцо обель»; «купил двор отчиный обель вечно»; «купил село и отчину обель»; «купил дедковщину... со всим тым, как они сами держали — обель вечно». Невыкупленное поместье можно было продать на вечность: «в тых своих пенезях обель»[12]. Правда, термин «холопы» не окончательно вышел из употребления. Уставная грамота Киевской земли сохраняет древний термин Русской Правды: «холоп» и «раба» — «а коли будет человек или холоп или раба на господина своего сочити, ино с чоловеком и холопом, и с рабою, суда нет, а чоловека и холопа и рабу господарю выдати». Киевская уставная грамота не допускает показаний холопов на суде в качестве свидетелей. Показание холопа не имеет силы. В этом отношении Киевская уставная грамота сохранила одно из самых главных свидетельств отсутствия правоспособности и дееспособности рабов[13].

Если обратиться к документам Литовской метрики конца XV и начала XVI в., то и в последних необходимо отметить разнообразие терминов, характеризующих рабское состояние. Наиболее распространенным словом, означающим принадлежность к рабскому состоянию, был термин «челядь невольная». Под этим термином следует понимать совокупность всей, независимо от пола и возраста, рабочей силы, находившейся в том или ином частновладельческом, либо великокняжеском дворе[14]. Под этим термином можно также понимать и часть рабочей силы, которая находится в том или ином поместье. Встречается термин и просто «челядь», свидетельствующий о том, что он настолько вошел в жизнь, настолько стал понятным, что добавлять слово «невольная», составитель юридических документов не всегда находил нужным[15]. С другой стороны, в судебных актах того времени встречается термин «челядь вольная». Под этим термином нужно понимать свободное лицо, находящееся на дворовой службе и выполняющее раз-

---

[12] АЛМ, № 228, 337, 347, 401, 454.

[13] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., прилож. II, стр. 378.

[14] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 94, 152, 161, 218 и др.

[15] Там же, стр. 27, 56 и др.

ные повинности по дому и в дворовом хозяйстве. В хозяйственном отношении между дворовыми слугами, вольными и невольными, не было никакой разницы, и поэтому вольные дворовые слуги могли называться челядью. На практике бывали такие случаи, когда владелец находил возможным рассматривать такую челядь вольную, как невольную, являющуюся его непосредственной собственностью [16]. «Челядь невольная» — термин новый для изучаемой эпохи. Он получил широкое распространение на территории Литовско-Белорусского государства в ту эпоху, когда процесс экономической консолидации государства уже принял более или менее отчетливые формы. Термин «челядь невольная» уже употреблялся в пожалованиях великого князя Казимира [17]. Документы конца XV — начала XVI в. знают несколько категорий челяди невольной. Известны челядь отчизная, заемная («позычаная»), общая («посполъная»). Юридическое положение такой челяди ничем не отличалось от положения челяди невольной. Вышеперечисленные термины показывают, в каких отношениях к собственнику того или иного поместья находилось то или иное зависимое лицо. Челядь могла находиться в индивидуальном и коллективном владении, отсюда совершенно понятно употребление термина «посполъный» [18]. Иногда челядь невольная могла быть отдана взаймы на время одним лицом для услуг другому лицу. Именно такая челядь и носила название позычаной [19]. Челядь, являвшаяся собственностью владельца дедизны (родовое имение), называлась челядью отчизной [20]. Безусловно, «челядь невольная» — термин, получивший наибольшее распространение в XV и в начале XVI в. Однако в быту и в судебной практике одновременно употреблялись и другие термины, также свидетельствовавшие о принадлежности людей, как мужчин, так и женщин, к рабскому состоянию. Принадлежность к нему мужчин характеризуется термином «паробок невольный». Этот термин уже употребляли в эпоху Казимира. Он встречается в земельных пожалованиях последнего [21]. Акты конца XV и начала XVI в. хорошо знают этот вполне сложившейся термин [22]. Для определения принадлежности лица к рабскому состоянию употреблялся также термин «детина невольный» и «невольник» [23]. Что касается определения принадлежности женщин к рабскому состоянию,

[16] Там же, стр. 17, 1532.
[17] ДМАМЮ, стр. 61.
[18] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 1426.
[19] Там же, стр. 1532.
[20] Там же, стр. 249.
[21] ДМАМЮ, стр. 48.
[22] АЛМ, № 89, 167, 364; РИБ, т. XX, кн. I, № 98, 184, 189.
[23] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 806, 1207.

то в этом случае, как общее правило, пользовались термином «жонка невольная». В этом случае, если речь шла о девушке-рабыне, то в документах употреблялся термин «девка невольная»[24]. Актовая терминология XV и нач. XVI в. должна была оказать влияние на терминологию Литовского статута 1529 г. Литовский статут знает термин «челядь невольная». Этот термин встречается во многих артикулах первого Литовского статута[25]. Второй термин, каким пользуется Литовский статут 1529 г. для определения принадлежности к зависимому состоянию,— это «невольник»[26].

Кроме того, в Литовском статуте встречаются термины «паробок», «человек», «невольный», «челядь», «челядин», «невольный», «челядин», «чоловек»[27]. Для определения принадлежности женщин к рабскому состоянию Литовский статут 1529 г. обычно пользуется термином «жонка невольная»[28].

Литовскому статуту 1529 г. известен термин «слуга», равнозначный термину «челядин», ибо юридическое положение «слуги» ничем не отличалось от юридического положения раба[29].

II

Источники рабства уже получили юридическое оформление в Русской Правде. Последняя знает все виды холопства того времени, за исключением плена. Совершенно понятно, что последний источник рабства — плен — не нашел отражения в Русской Правде. Превращение пленного в раба было старым обычаем, который сам по себе был совершенно понятен каждому, кто брал пленных, и поэтому не было нужды закреплять его в таком юридическом памятнике, как Русская Правда. Судебная практика XV и начала XVI в. знает все источники рабства, известные Русской Правде. Под влиянием различных бытовых условий в эпоху Литовского статута 1529 г. происходят некоторые изменения в вопросе о происхождении рабства. Одни источники рабства потеряли в это время свое значение, другие получили иную формулировку. В отдельных случаях условия жизни не допускали возникновения рабского состояния в качестве вечно зависимого положения. Это свидетельствует о том, что институт рабства в XV и в первой четверти XVI в. подвергался некоторым изменениям, благодаря которым отдельные источники рабства эпохи Русской Правды отпали или сохранили временный характер.

---

24 РИБ, т. XX, кн. I, стр. 128, 221—223, 312 и др.

25 Статут 1529 г., разд. V, арт. 8; разд. IV, арт. 1, разд. XI, арт. 6, 12; разд. XII, арт. 8.

26 Статут 1529 г. разд. V, арт. 17; разд. XI, арт. 13.

27 Там же, разд. XI, арт. 5, 6, 9, 11, 12.

28 Там же, арт. 5, 6, 7, 10.

29 Там же, арт. 14; разд. XIII, V.

И в эпоху Литовско-Белорусского государства плен, как источник рабства, сохраняет свою силу и определенно имеет еще большее распространение, если принять во внимание ту напряженную внешнюю обстановку, в какой находилось в XV в. Литовско-Белорусское государство. Литовский статут первой редакции в своем стремлении охватить юридическими нормами все явления жизни, поскольку в последних отражались интересы землевладельческого класса, понятно, должен был зафиксировать и этот источник рабства. В этом отношении Литовский статут 1529 г. заполнил тот пробел, который имел место в Русской Правде. Для тех, кто составлял Литовский статут, плен являлся второй причиной рабства: «которыя полоном заведены из земли неприятелское»[30].

Рабство — юридическое состояние наследственного характера. Дети рабов, естественно, являются рабами, и это не вызывало никаких сомнений в эпоху Русской Правды. Нужно сказать, что в Русской Правде нет прямого указания на это, но косвенно все-таки говорится в одной из статей, где речь идет об опеке. Согласно этой статье, опекун за свою деятельность по распоряжению и сохранению отданного ему в опеку имущества получает вознаграждение — «от челяди плод или от скота». Положение родителей передается детям. Дети являются такими же вечными рабами, какими были их родители[31]. Это положение сохранило свою силу и в дальнейшем. При рассмотрении дел, возбужденных рабами об освобождении их из рабства, правительственные чиновники принимали во внимание происхождение раба, и если родители этого человека не были рабами, то его отпускали на волю. Так, при рассмотрении дела, возбужденного в 1520 г. одним крепостным о вольности, староста дорогицкий и слонимский разрешил этот вопрос в пользу крепостного на том основании, что его мать «не была замужем за паробком и не венчалась с ним»[32]. Боярыня Мася Подейкович возбудила в 1517 г. дело о возвращении ей ее деверем Якубом Станковичем: «челядь невольную мужа моего, отчизныи детей моих, на имя Янца, а Говенца, а Микутя Станюсовых детей и тежь Доротины дети, на имя Мажуту, а Матуля, а Зофейку»[33].

Слонимский державца, убедившись, что истица имеет право на владение вышеназванной челядью невольной, удовлетворил ее иск. Совершенно понятно, что те, кто составлял первый Статут, нашли целесообразным зафиксировать и этот

---

[30] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 13.
[31] Русская Правда, § 111.
[32] РИБ, т. XX, кн. III, № 160.
[33] Там же, кн. I, № 357.

источник рабства: невольниками становятся, те, кто «з неволных ся родят» [34].

Согласно полной редакции Русской Правды [35], тот, кто «поймет робу а без ряду», становится полным холопом. На основании этой статьи вполне верным будет вывод, что не всегда брак с рабыней влечет за собой рабство для ее мужа. Но в этом случае, если свободная женщина вступила в брак с рабом, она, естественно, попадала в такое же юридически зависимое положение.

Это было совершенно ясно для составителя Русской Правды. Жизненная практика наверняка не создавала никаких спорных вопросов, и поэтому понятно, что в Русской Правде об этом не упоминалось. При истолковании статьи Русской Правды, в которой показаны условия, при которых вольный человек, вступая в брак, может стать невольным, можно сделать определенный вывод, что брак вольного человека с невольным и наоборот при определенных условиях влечет за собой неволю для свободного ранее человека. В эпоху Литовско-Белорусского государства этот источник рабства должен был получить еще более широкое, в интересах рабовладельцев, толкование. Землевладельцам нужны были рабы, как хозяйственная сила, и совершенно понятно, что договорные отношения при браке вольного человека с невольницей должны были исчезнуть.

Практика жизни оказывала свое влияние в этом направлении. Брак человека вольного с невольным, как общее правило, приводил человека вольного в юридически невольное положение. Судебная практика начала XVI в. хорошо знает рабство вольной женщины, причиной которого явился ее брак с паробком [36].

Бытовая практика нашла в Статуте 1529 г. свое юридическое оформление. Согласно Статуту, «иж хто-б ведаючы жонку неволную, хотя чоловек волный, ее понял, тогды и сам и неволю мает быти и дети их, будь музского стану або женского; тым-же обычаем и жонка маеть быти естли бы за неволного пошла ведаючы, тогды и сама в неволю поддается и дети их» [37]. Статут, признавая, что брак вольного с невольным влечет за собой неволю как для одного из вступивших в брак, так и для их потомства, однако, предусматривал, что это возможно только в том случае, если вольный человек вступал в брак «ведаючы» невольное состояние другого. Данное примечание Статута позволяет сделать соответствующий вывод.

---

[34] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 13.
[35] Русская Правда, § 120.
[36] РИБ, т. XX, кн. III, № 160.
[37] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 13.

В том случае, если вольный соглашался вступить в брак с невольным и не знал, в каком юридическом положении последний находится, этот брак не приводил вольного человека в положение невольника, ибо в данном случае одному из вступивших в брак неизвестно было невольное состояние другого, поэтому такой брак не приводил к отрицательным последствиям для юридического положения свободного человека.

Русской Правде известно добровольное вступление в холопство — путем самопродажи. Русская Правда настаивает лишь на выполнении таких условий, при которых акт добровольного отказа от воли происходил в присутствии свидетелей и княжеского чиновника, получавшего при этом соответствующую пошлину («еже кто то купить хотя и до полугривны, а послухы поставить, а ногату дасть пред самем холопом, а не без него») [38]. Требуя присутствия свидетелей и княжеского чиновника как условия, без которых соглашение о самопродаже не может иметь никакого значения, Русская Правда требует одновременно, чтобы соглашение о самопродаже происходило обязательно в присутствии самого холопа. Статут 1529 г. придерживается той же точки зрения. Правда, допуская добровольное вступление в холопство, Статут 1529 г. создает при этом определенные ограничения. Статут не допускает таких условий при самопродаже в рабство, которые принуждали бы свободного человека, наперекор его собственному желанию, сделаться невольником: если кто-нибудь продает себя, или свободного человека, или своих детей в рабство во время голода, то такой акт не имеет юридической силы.

Такое рабство носит временный характер. Через год продавшийся сам или продавший своего сына в рабство имеет право, «пенязей набывши», вернуть владельцу выкупную сумму, после чего он — снова свободный человек. В том случае, когда свободный, попавший в неволю под влиянием бытовых условий, не мог достать необходимой суммы, он должен был ее отработать согласно принятому в Статуте расчету [39]. Статут также не допускает рабства из-за неуплаты долга. Свободный человек, связанный долговыми обязательствами с другим лицом, может отработать одолженную сумму денег, ибо, согласно Статуту, «за жадный выступ» никто не может стать рабом [40].

Понятно, Статут сохранял за владельцами право распоряжаться своими рабами по своему усмотрению как своей собственностью [41].

---

[38] Русская Правда, § 119.
[39] РИБ, т. XX, кн. III, № 90; Статут 1529 г.; разд. XI, арт. 11.
[40] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 7.
[41] Там же, арт. 11.

В книгах судебных дел Литовской метрики довольно часто встречается термин «челядь невольная отчизная», «жонка отчизная». Термин «отчизный» применительно к челяди невольной означает давнюю принадлежность того или иного невольника данному владельцу, независимо от того, каким образом могло возникнуть рабское состояние. Так, господарский слуга задвейский Петрюк Кгележис требовал возвращения челяди невольной, бежавшей от него в господарский двор, под протекторат местного державцы. Истец не мог привести никаких доказательств рабского состояния сбежавшего человека, за исключением только одного аргумента: «То челядь моя невольная отчизная, тую челядь мели предки мои, дед и отец мой мел, и я аж до сих часов вжо с 40 лет тую челядь держал». Очевидно, по мысли истца факт пребывания определенной личности в состоянии принадлежности к невольной челяди на протяжении многих лет уже благодаря давности срока свидетельствует о юридически рабском положении такого человека [42]. Правда, в данном случае истцу не удалось вернуть себе сбежавшую челядь невольную, так как она смогла доказать свое свободное происхождение.

Термин «отчизный» означает собственность вообще. При рассмотрении дела в 1516 г. между Анной Волчкович и боярыней Доней Мацович относительно рабыни Катерины вместе с ее дочерью, ответчица доказывала, что «тая жонка властная моя отчизная невольная». Само невольничество возникло благодаря давности срока. Истица доказывала, что ее первый муж отдал «тую жонку слузе своему... на послугу». Последний, из-за отсутствия средств «заставил тую жонку отцу тое боярыни, Михну Юрковичу у полторе копе грошей». Сама рабыня служила по-прежнему до этого времени у боярыни и «теперь пришла» к пани Якубовой Волчкович, а «другая дочка засталася там у тое боярини» [43]. Таким образом, обе стороны стремились завладеть рабыней, ссылаясь на факт давности владения, но не доказывая, однако, факта рабского происхождения последней. Возникновение рабского состояния в связи с давностью срока, без установления самого факта такого состояния, было широко распространенным явлением. Юридическое значение этого явления не вызывало никаких сомнений у шляхты. Совершенно понятно, что и в Статуте 1529 г. возникновение рабства в связи с давностью срока нашло свое юридическое оформление. Статут 1529 г. считает рабом того, кто «здавна в неволи сут» [44]. Принимая во внимание, что Статут знает земскую давность длительностью в 10 лет, можно

[42] РИБ, т. XX, кн. I, № 188.
[43] РИБ, т. XX, кн. I, № 299.
[44] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 13.

допустить, что рабство могло возникнуть через 10 лет, если слуга выполнял во дворе владельца обязанности на правах челяди невольной.

Рабство могло возникнуть и по суду. Возникновение рабства на основании судебного постановления было известно Русской Правде, согласно которой злостный должник «ожели пропиется или пробьется, а в безумии чюжь товар потратить, то како любо тем, чьи то куны, ждут ли ему, продадут ли его,— своя им воля»[45]. Русская Правда ставила перед кредитором альтернативу: продать в неволю купца-банкрота или ждать, позволив последнему выплату долга в рассрочку. Разумеется, сам факт банкротства необходимо было доказать на суде. Русская Правда говорит только о банкротстве купца. Должников из других сословий Русская Правда обходит, однако понятно, что юридическая сила этой статьи распространялась на всех лиц свободного состояния. Очевидно, неимущим должникам некупцам, не давали рассрочки. Как совершенно справедливо замечает В. И. Сергеевич, такие лица подлежали продаже в рабство в любом случае[46]. Кредитор и не мог поступить иначе со злостным банкротом некупцом, ибо такой банкрот не имел обычно никаких надежд в будущем найти необходимые средства, чтобы вернуть свой долг. Русская Правда сурово карает злостных банкротов. Этим самым она становится на сторону владельцев-капиталистов. Совершенно иначе относится Русская Правда к незлостным, неимущим должникам. Случайное банкротство могло возникнуть по самым различным причинам, часто в результате стихийных бедствий, и совершенно понятно, что в таких случаях банкротов нельзя было карать вечной неволей. Русская Правда такому банкроту разрешала давать отсрочку в выплате долга[47].

В эпоху первого Статута уже неизвестно вечное рабство как наказание за неисполнение взятых на себя долговых обязательств. Усложнение экономической жизни увеличило возможности должника в поисках средств для выплаты своего долга. Землевладельцы, принимая на себя долговые обязательства, обеспечивали свой долг тем, что отдавали людей в заставу, или записывали часть вотчины, или распродавали свой скот, либо вводили во владение поместьями, или частью их в размере суммы своего долга[48]. В данном случае имелись в виду привилегированные лица, владевшие имуществом и в связи с этим имевшие возможность выплатить свой долг. Однако

---

[45] Русская Правда, § 68.

[46] В. И. Сергеевич. Русские юридические древности. Изд. 2, т. I, СПб., 1902, стр. 148.

[47] Русская Правда, § 68.

[48] РИБ, т. XX, кн. I, № 66, 216, 492; кн. II, 42, 232.

в судебной практике эпохи первого Статута ответчиками по долговым обязательствам могли быть и свободные люди простого сословия, не имевшие соответствующего недвижимого имущества. В том случае, когда была доказана несостоятельность, они выдавались головой, в чем можно убедиться на следующем примере: два человека — люди господарского боярина Петра Яновича — должны были выплатить боярину Станиславу Добковичу «за некоторое злодейство 50 коп грошей». По взаимному соглашению они обязаны были выплатить истцу 30 коп грошей, по 15 коп на каждого в течение одного года. В назначенный срок один ответчик выплатил 14 коп грошей, а другой оказался не в состоянии внести требуемую сумму. Державца слонимский постановил, что владелец неисправных должников обязан был «поставити... его самого и з жоною его и со всими статки шиею за тую 15 коп грошей Станиславу в руки подати» [49]. Если данное судебное постановление совершенно ясно говорит о том, какая судьба ожидает лицо в случае неуплаты 15 коп грошей, то из судебного определения не видно, что ждет другого должника за неуплату последней копы грошей. Правда, в случае, когда подданные не выполняли своих долговых обязательств, долг мог быть выплачен их господином. Так, земянин Якуб Исдебский выплатил «за люди Гостиловичы» ту сумму, за которую «они были выданы у злодействе» [50]. Разумеется, владелец не хотел лишиться своих рабов, как рабочей силы, и поэтому счел за лучшее выплатить самому требуемую сумму денег и тем самым поставить своих подданных в долговую зависимость от себя лично. Правда, когда свободный человек продавался в рабство в связи с невыполнением долговых обязательств, то такое рабство носило временный характер и продолжалось до тех пор, покуда он не отработает всю сумму денег. Статут 1529 г. приводит следующий расчет: год работы мужчины оценивается в 12 грошей, если при этом кредитор мог дать «мужику» присевок на пожиток их». В противном случае крестьянин отрабатывал в год полкопы грошей, а жена 12 грошей [51]. Статут поставил также вопрос о том, несут ли дети ответственность по долговым обязательствам родителей в случае их смерти до момента отработки ими всего долга. Статут 1529 г. разрешает этот вопрос в положительном смысле: неотработанный долг переносится на детей. Зависимость их в таком случае прекращается после выплаты ими всего долга [52].

[49] РИБ, т. XX, кн. I, № 148.
[50] Там же, кн. II, № 234.
[51] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 7.
[52] Там же.

Русской Правде известен определенный вид преступления, убийство без всякой ссоры (свады), т. е. убийство не случайное, а умышленное. Русская Правда очень сурово относится к таким убийцам. Став на путь охраны порядка и спокойствия, Русская Правда постановляет, чтобы такие убийцы вместе с женою и детьми выдавались «на поток и на разграбление»[53]. Выдача за убийство «на поток и на разграбление» фактически означала, что убийца со всей своей семьей терял свое свободное положение и становился обельным холопом. При тех взглядах на преступление и наказание, которые формировались в эпоху Русской Правды, «поток и разграбление» являлось наиболее тяжелым наказанием. В эпоху Литовско-Белорусского государства общие принципы системы наказания Русской Правды сохранили прежнюю силу. За убийство убийца подлежал наказанию смертью, это было общераспространенной системой с той только разницей, что наказание не распространялось на жену и детей преступника, если они не принимали участия в убийстве. Так, некто Мартинец был «выдан шиею» боярину Мацку Федковичу, однако «жона и дети» его остались свободными, ибо они не принимали участия в преступлении[54]. Сыщик Юшко Веневич незаконно пытал бояр Ейшишской волости. Эти пытки закончились смертью некоторых бояр. Судебное следствие подтвердило правильность возбужденного боярами обвинения. Виновный Юшко, согласно приговору, был выдан «за таковой его выступ и за головщины и за грабежи оных людей шиею на ратушь». Вся его вотчинная земля вместе с челядью невольной тем не менее оставалась в распоряжении жены и детей, которые были обязаны: «с того мають службу господарю его милости служити, бо они в том не винни, иж он з листом господарьским ездил»[55]. Нельзя не видеть в этих судебных постановлениях крупного шага вперед в развитии правосознания шляхетства того времени. Статут 1529 г. должен был подытожить предыдущую судебную практику. Статут разрешает отдачу в вечное рабство преступника, если совершенное им преступление влечет за собой смертную казнь. Статут допускает замену смертной казни вечным рабством и формулирует этот источник рабства следующим образом: «третье, коли бы на смерть сказаны кому окроме злодейства»[56].

Литовско-белорусское шляхетское право, поскольку последнее нашло более или менее полное отражение в Статуте первой редакции, сократило общее число источников рабства

---

[53] Русская Правда, § 5.
[54] РИБ, т. XX, кн. I, № 36.
[55] Там же, № 97.
[56] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 13.

в сравнении с Русской Правдой. Эпоха Литовского статута уже не знает холопства «по тиунскому ключу» «без ряда», что еще допускается Русской Правдой[57]. Также сокращены и другие источники рабства. Позиция, занятая Статутом первой редакции в отношении рабства, совершенно понятна. Статут не только зафиксировал практику того времени, но и внес в нее определенные поправки. Эти поправки можно объяснить тем, что рабство начинало становиться экономически невыгодным, поэтому необходимо было внести и в сам институт определенные изменения. Невыгодность института рабства была очевидной, ибо к этому времени резко изменилось социально-политическое положение сельского населения, рабочая сила которого полностью удовлетворяла все хозяйственные нужды землевладельца.

Выяснить количественный рост рабства на землях частных владельцев невозможно. В распоряжении исследователя нет частновладельческих инвентарей, в которых перечислялась бы вся рабочая сила поместья.

До настоящего времени опубликовано только небольшое количество инвентарей великокняжеских поместий, свидетельствующих о том, что количественно рабство было незначительным. Можно предположить, что и в частновладельческих поместьях количество рабов было также незначительным. В частновладельческих имениях челядь невольная составляла только необходимую категорию домашних слуг. Что касается эксплуатации фольварка, то последнее осуществлялось с помощью так называемого тяглого сельского населения, сидевшего на землях крупного землевладельца и фактически закрепощенного им. Эксплуатируя рабочую силу сельского населения, землевладелец имел ее в таком количестве, которое удовлетворяло все его хозяйственные потребности.

III

Рабское состояние — состояние наследственное. Господин раба имеет право распоряжаться им как вещью по своему усмотрению, имеет право убить его. Поэтому если раба отпускали на волю, то этот акт должен был быть закреплен юридическим документом, без которого освобождение не имело никакого значения. Выданный господином документ должен был удостоверять отпуск на волю бывшего челядина. Такие документы имели юридическую силу при рассмотрении различных исков, касающихся челяди невольной. При рассмотрении иска, предъявленного боярину Станковичу женой Варфоломея

---

[57] Русская Правда, § 121.

Подейковича в том, что он предоставил убежище беглому паробку, выяснилось, что паробок, из-за которого был возбужден иск, был продан Яцке Ивашковичу, а последний «пустил его на волю вместе с детми его». Слонимский державца, рассматривавший это дело, должен был считаться с предъявленным документом, подтверждавшим вольность ответчика, и в иске отказал [58].

Отпуск на волю мог произойти и по завещанию. Боярин слонимский Войтко Юшкович отпустил на волю «чотыри чоловеки братеники на имя Матейковичи, которыи были в него в неволи». Правда, освобожденные рабы переводились в состав тяглых людей с передачей бывших холопов его жене, с распоряжением им служить «потому, как и иншие люди тяглые служать» [59].

Этот случай весьма характерен, так как он совершенно определенно свидетельствует о том, что тяглая служба, с хозяйственной точки зрения, была выгодней, чем служба рабов, и потому владельцы стремились к количественному увеличению своих тяглых людей.

Челядь невольная могла освободиться от холопства по суду только тогда, когда суд доказывал факт ее свободного происхождения. Весьма возможно, что землевладельцы стремились увеличить число своей челяди невольной путем превращения в последнюю своих дворовых слуг — челядь вольную. Основанием для этого являлась, видимо, давность пребывания на службе на правах челяди невольной. Иной раз такие факты выявлялись при рассмотрении судебных исков. Боярыня Марина Мацевич предъявила иск своей невестке Ядвиге, обвиняя ее в том, что она завладела ее ключницей Доротой. В иске боярыне было отказано, так как суд доказал, что Дорота — «девка вольная» и может «по своей воли, кому хотя, тому служити» [60].

Челядь невольная могла быть освобождена от рабства по суду и в том случае, когда лицо, считавшее себя свободным по своему происхождению, возбуждало дело о вольности перед соответствующими инстанциями и могло доказать, что оно свободно по своему происхождению. Когда паробок Левонец возбудил дело о своей вольности, то он свои доводы обосновывал тем, что его мать была свободной. Ввиду того, что лица, предъявлявшие права на Левонца, как челядина, не могли дать определенного ответа на вопрос дорогицкого старосты «естли бы матка его была за паробком их и венчалася с ним»,

[58] РИБ, т. XX, кн. I, № 326.
[59] Там же, № 339.
[60] Там же, т. XX, кн. I, № 16.

то староста нашел возможным освободить Левонца из неволи: «маеть он, кому хотячи служити»[61].

Избавиться от рабства можно было, дав вместо себя другое лицо. Так, староста слонимский и дорогицкий освободил из неволи, согласно возбужденному ходатайству, челядина Мацутку, который купил на свое место паробка Войтка Жука. Правда, освободившийся таким образом паробок не имел возможности пойти туда, куда ему хотелось. Он обязан был «землю волостную вземши господарю его милости служити»[62]. Если истец не представлял документов, свидетельствующих о невольном состоянии объекта иска, он всегда проигрывал дело, а объект иска получал волю.

Задвейский наместник признал женщину Қахну вольной. Державца слонимский нашел приговор правильным и подтвердил последний, так как истец не представил к назначенному сроку купчей грамоты, не оказавшейся у него в момент рассмотрения дела о вольности. В связи с этим судья нашел возможным постановить: тую жонку есмо с права на волю пустили»[63]. В бытовой практике XV и первой четверти XVI в. известны случаи, когда свободные люди на протяжении многих лет работали на своих владельцев как челядь невольная. Когда такие лица, считая себя свободными, возбуждали иск о вольности, их иск в большинстве случаев удовлетворялся. Судебная практика закрепила целый ряд таких исков о вольности. Так, когда челядь невольная Петрика Қгежелиса сбежала под защиту господарского задвейского наместника и Петрик подал иск о возвращении беглого челядина, то при рассмотрении дела на суде выяснилось, что истец незаконно на протяжении 40 лет держал беглых холопов на правах челяди невольной. На этом основании державца постановил считать их вольными: «вольни они, кому усхотять, тому служать, а он не маеть их искати, а ни пенязей на них смотрети»[64].

В судебной практике поднимался также вопрос о том, являются ли дети рабыни несвободными людьми, если они родились от свободного отца. Этот вопрос стоял уже перед законодательством в эпоху Русской Правды. Последняя установила, что дети рабыни после смерти их отца — свободного человека — не имеют права на наследство, но зато они вместе с матерью получают свободу[65]. Судебная практика эпохи Литовского статута придерживалась той же точки зрения. Она признавала, что дети, родившиеся от «жонки невол-

---

[61] Там же, кн. III, № 160.
[62] Там же, кн. III, № 90.
[63] Там же, кн. I, № 331.
[64] Там же, кн. I, № 188.
[65] Русская Правда, § 110.

ной» и свободного шляхтича, не являются рабами, но как незаконнорожденные они не имеют прав на наследство. Так, когда рассматривался иск слонимского боярина Андрея Ивашковича с невестками, предъявленный детям их дяди Кондрата, которые родились от «жонки невольной» и владели к моменту подачи иска частью его имения, слонимский державца Ян Николаевич Радзивиллович отказался признать детей Кондрата «паробками невольными», как хотела того противная сторона, но в то же время он удовлетворил иск боярина с невесткой об имуществе, находившемся во владении детей Кондрата. Согласно судебному постановлению, дети Кондрата были лишены права на соответствующую часть наследства. В то же время дети Кондрата получили право покинуть те земли «з их волостными статки, кром жита и ярин сеяных и тежь молочоных и инших статков домовых дядка их Кундратовых»[66]. Постановление вполне логично. Если дети Кондрата по своему происхождению не имеют права на владение землей, то они не могут пользоваться и тем имуществом и тем доходом, который приносили им владения Кондрата.

Если челядь невольная принадлежит землевладельцу, то на нем лежит обязанность поддерживать ее существование. В том случае, когда владелец не находил возможным кормить свою челядь и выгонял ее из дому, что, понятно, могло только произойти в тяжелые голодные годы, то такая челядь считалась уже свободной. Литовский статут 1529 г. придерживается той же точки зрения и ясно ее формулирует — «хто челед свою неволную в голод выбил з двора проч., нехотячи их переховывати, а они бы ся сами в голод перекормили, таковые вжо не мают быть неволными, але волными». Однако Статут требовал соблюдения челядью невольной определенных условий, которые могли бы подтвердить факт того, что она вынуждена была покинуть своего владельца. Согласно Статуту, изгнанная челядь должна заявить о своем изгнании земской власти: «враднику в повете», а в городах «враду местскому, бурмистру, або мещаном, иж их выбил». Земская администрация должна была уведомить владельца о сделанном ей заявлении. Если же и после этого заявления владелец не захотел бы холопов кормить, то в таком случае «оная челяд вжо вечне мает быти волна»[67].

Во всех вышеперечисленных случаях отпуск на волю челяди невольной был фактически возможным только при согласии землевладельца. Однако Статут знает случаи, когда невольники могли стать вольными и без согласия владельца.

---

[66] РИБ, т. XX, кн. I, № 98.

[67] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 12.

Это происходило в том случае, когда холопы христианского вероисповедания продавались евреям и татарам. В этом случае воеводы, старосты и державцы, убедившись, что челядь была продана евреям и татарам, должны были освободить «з неволи каждого хрестьянина от жида, або от татарина». Правда, холопы, купленные на вечность или родившиеся от купленной рабыни, должны были работать 7 лет на своих владельцев, и лишь по прошествии 7 лет могли быть отпущены на волю. Из этого правила Статут 1529 г. сделал только исключение для тех пожалований татарам, которые были даны при королях Казимире, Александре и Сигизмунде I еще до издания статута. Если при таких пожалованных дворах находилась челядь невольная, то татары-землевладельцы сохраняли за собой право владеть ею [68].

IV

Челядь невольная является неотделимой частью того или иного земельного владения. Она является тем движимым имуществом, которое находилось при поместье. В связи с этим, когда великие князья наделяли кого-нибудь землями на тех или иных юридических условиях, то вместе с землей в распоряжение владельца переходила и рабочая сила, в том числе и челядь невольная, находившаяся при поместье. Многочисленные пожалования, сохранившиеся в документах, убедительно свидетельствуют об этом. Поскольку рабы составляли неотделимую часть всех доходов того или иного поместья, то обыкновенно, если при каком-либо поместье, которое давалось в пожалование землевладельцу, были и рабы, они перечислялись в списке разных доходов. Наличие рабов в том или ином поместье всегда отмечается. Раб, как рабочая сила, приносит немалый доход, и фактом перечисления определялись и права владельца поместья на рабов.

Земельные владения в XV и начале XVI в. уже подверглись значительной мобилизации. Шляхетские привилеи формально закрепили за землевладельцами право распоряжаться их земельной собственностью в определенных юридических рамках. Если при продаже земли каждый землевладелец мог продать только третью часть земли [69], то, с другой стороны, каждый владелец движимого имущества, в том числе и рабов, имел право распоряжаться ими по своему усмотрению. И это полностью соответствовало сущности земельного права того времени. Уже в книге пожалований Казимира упоминается о пожалованных великим князем землях вместе с челядью неволь-

---

[68] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 6.
[69] Там же, разд. I, арт. 16.

ной. Частные лица со своей стороны, могли записать слугам свою землю также вместе с челядью невольной. Староста жемойтский Ян Кезгайло записал замок Промядевский «з челядию и з людми писарю своему Пашку вечно и непорушно, за его службу» [70]. Великий князь подтвердил боярину Виленского повета, слуге воеводы виленского «Станиславу Гишейку дворище на его имя Сурьминовский с челядью» [71].

Поскольку челядь является особым видом движимого имущества, при составлении акта раздела поместья она делится между двумя владельцами на равные части, как и другое имущество, принадлежащее поместью. Смоленские бояре Ивашка и Гришка Павловичи разделили между собой «село Долгомыстьское и люди и челядь» [72].

При составлении заставного соглашения среди различных доходов обычно перечислялась и челядь невольная, как составная часть поместья. Князь Ф. Ф. Соколинский заставил «на имя двор Городець со всим, как ся в собе маеть, и с пашней дворною и с челядью невольною и з животиною» [73]. Челядь невольная вместе с землей могла вноситься в завещание. Владельцы, имея право распоряжаться своей собственностью, никогда не забывали распорядиться и своими рабами. Боярин Стецко Васкович записал своей жене Анне поместье Пересвет с землями, хоромами и челядью невольной с правом «мешкать» в нем «до живота» вместе с правом «после живота» записать свое вено «в полтораста коп грошей, кому она хочет» [74].

Приведенные выше данные свидетельствуют о тесной связи между челядью невольной и землей и о том, что при составлении владельцами тех или иных общественно-правовых соглашений челядь невольная в них не отделялась от недвижимого имущества поместья. Безусловно, эта связь между челядью невольной и землей не исключает возможности заключения общественно-правовых соглашений, объектом которых является только челядь невольная как предмет, принадлежащий владельцу на правах полной собственности. Челядь невольная, как полная собственность владельца, его движимое имущество, могла являться объектом различных общественно-правовых соглашений. В первую очередь, челядь невольная могла быть продана. Владелец при составлении соответствующей купчей крепости выдавал купчую грамоту, которая придавала этому акту юридическую силу. Обычно такая грамота должна была иметь печать и подписи свидетелей. Отсутствие печати или

---

[70] АЛМ, № 27.
[71] Там же, № 103.
[72] Там же, № 263.
[73] РИБ, т. XX, кн. I, № 245.
[74] Там же, кн. III, № 9.

подписей давало основание предполагать, что данный документ неправилен. Это вынуждало ответчика доказывать на суде другими данными свое право на владение челядином. При рассмотрении 18 марта 1517 г. иска о челядине между женою Ворфоломея Подейковича и боярином Яковом Станковичем относительно незаконного владения челядью невольной оказалось, что представленные по данному делу грамоты не имели печатей и подписей свидетелей и поэтому были признаны не имеющими силы. Ответчику дано было право придать юридическую силу этому документу ссылкой на свидетелей. Но и свидетелей не оказалось, ибо «все змерли». Однако по той причине, что ответчик имел возможность сослаться «на братью свою и сторонниии, которыи зведоми, как я тую челядь покупил в мужа ее Болтромея», слонимский державца дал право истице выбрать несколько лиц в качестве свидетелей из числа тех, на которых ссылался ответчик, и с помощью показаний выбранных лиц разрешить спорное дело [75].

Челядь невольная могла быть предметом залогового соглашения со стороны ее владельцев. Такие соглашения были весьма распространены. При рассмотрении в 1516 г. дела о предоставлении убежища [76] челяди невольной ответчик отводил от себя выдвинутое против него обвинение тем, что объект иска, рабыня Катерина, была отдана Олехной Радевичем своему слуге Мацелю в услужение. Последний, «будучи в недостатку заставил тую жонку» боярину Михну Юрковичу «у полуторе коп грошей» [77].

При составлении завещания челядь невольная могла быть самостоятельным объектом завещания как движимое имущество. Так, боярин Войтка Юшкович в 1517 г. завещал своей жене «две девки невольные» [78].

V

Положение челяди невольной было очень тяжелым уже в эпоху Русской Правды. Естественно, что холопы проявляли тенденцию оставить своего владельца и искать себе пристанища где-нибудь в другом месте. Законодательство Русской Правды, охраняя интересы владельцев, должно было иметь в виду возможность побега рабов и принимать в судебном порядке соответствующие меры против тех лиц, которые давали пристанище беглым рабам. В случае побега раба, владелец сообщал об этом факте на рынке. Лица, предоставившие убежище рабу,

---

[75] РИБ, т. XX, кн. I, 326.

[76] Далее этот прием беглеца и предоставление ему убежища обозначается термином «пристанодержательство».

[77] РИБ, т. XX, кн. I, № 299.

[78] Там же, № 339.

должны были выдать беглеца его владельцу. В таком случае пристанодержательства это лицо не платило штрафа. Если же беглый холоп будет найден после 3 дней, владелец имеет право вернуть его к себе, а лицо, давшее пристанище беглецу, обязано выплатить «3 гривны продажи»[79]. Русская Правда, оберегая интересы владельцев, запрещает также кормить беглых рабов и показывать им дорогу. Если это будет сделано, не зная о том, что то или иное лицо является холопом, то человек, давший поесть или показавший дорогу рабу, не несет никакой ответственности; в противном случае, когда человек сознательно даст беглому невольнику «хлеб или путь ему покажет», он, как нарушивший интересы владельцев, обязан, согласно Русской Правде, уплатить за холопа 5 гривен, а за рабыню 6 гривен[80].

Защита интересов владельцев была известна и обычному праву. Обычное право XV и начала XVI в. защищало интересы владельцев независимо от того, где раб находил себе убежище. Уже в привилее 2 мая 1447 г. великим князем было дано обещание шляхетству не принимать в господарские поместья зависимое от шляхты население: «данных, извечных, селенитых, невольных». Со своей стороны и частные землевладельцы брали на себя такие же обязательства[81]. Судебная практика XV и начала XVI в. также должна была стоять на страже интересов частного землевладения при разрешении вопросов о побеге челяди невольной. Если челядь невольная убегала под защиту на панский двор, ее владелец обращался к владельцу этого двора с просьбой вернуть беглого холопа. В случае, если пан или его управляющий не выдавали беглую челядь невольную, дело поступало на рассмотрение местного державцы. На панский двор Новкунишки сбежало «двое челяди невольных, жонка, а девка» от боярина Михаила Видимоновича. Последний послал вдогонку за челядью своего сына, который добивался от наместника новкунишского выдачи беглой челяди. Однако наместник отказал в ее выдаче. После этого дело попало в суд слонимского державцы Яна Миколаевича. Представленные в суд свидетели подтвердили правильность иска со стороны Михаила Видимонтовича. Определение державцы от 11 апреля 1516 г. предлагало наместнику найти беглую челядь, для чего было дано три срока, т. е. 12 недель. В случае, если челядь невольная не будет найдена, наместник обязан был заплатить 10 коп грошей и все «шкоды», т. е. материальные убытки, размеры которых устанавливает сам владелец холопа.

---

[79] Русская Правда, § 27, 34.

[80] Там же, § 123.

[81] В. П. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, ч. II. Киев, 1888, привилей 1447 г., арт. 12.

Кроме того, владельцу челяди предоставлялось право возбудить иск — «правом искати на том, в кого будеть мешкала тая челядь» [82].

Правда, дело могло и не доходить до суда. По заявлению заинтересованной стороны беглая челядь невольная могла быть выдана добровольно. Эта добровольная выдача, вероятно, объяснялась тем, что приютивший беглых холопов не имел возможности удерживать их у себя. При рассмотрении иска боярыни Авдотьи Промчейковой к боярину Яну Якубовичу в том, что Якубович «гвалтам наехал на ее дом», запер ее «у клеть» и взял троих из челяди невольной «на имя Настицу и иных две девки», выяснилось, что вышеуказанная челядь была собственностью Якубовича и что она сбежала к боярыне Авдотье, которая сама «подле права тую жонку выдала перед тыми светками» [83].

В случае же, если возбуждалось дело о пристанодержательстве челяди и сторона ответчика оспаривала иск, вопрос о праве собственности на челядь разрешался при помощи соответствующих купчих документов или знакомых с этим делом свидетелей, если только сама купчая не вызывала никаких сомнений (имела печати и подписи свидетелей).

Боярыня Болтромева Подейкович подала жалобу на Якуба Станковича, обвиняя его в том, что он держит у себя ее «паробка на имя Яниса» и не желает его выдать. На суде слонимского державцы Яна Миколаевича Якуб заявил, что он не держит паробка Яниса незаконно, так как муж истицы продал этого Яниса Яцке Ивашковичу. Сам Яцко отпустил приобретенного раба «на волю с детыми его», и теперь бывший паробок живет у него добровольно. По требованию судьи была назначена очная ставка. В назначенный день перед судьей предстал Янисa, а Якуб представил купчую. Из купчей явствовало, что Балтромей Подейкович, муж истицы, продал паробка Яниса. На этом основании приговором от 18 апреля 1516 г. было отказано в выдаче Янис, который, как свидетельствовали данные, являлся вольным, и судья дал ему право идти, куда он захочет, и служить, где захочет [84].

Иски о пристанодержательстве челяди невольной могли возникнуть даже при отсутствии объекта иска. Боярыня Альжбета Петровна подала иск на писаря староства Жемойтского Станислава Еленского, обвиняя его в том, что он дал убежище беглому челядину. По словам ответчика он такого паробка не имел. Постановлением от 7 апреля 1517 г. суд дал истице пра-

---

[82] РИБ, т. XX, кн. I, № 235.
[83] Там же, № 265.
[84] Там же, № 326.

во искать холопа там, где она считает нужным, а потом «взяти, где нашодши, и держати все до права-жь» [85]. Такое постановление совершенно справедливо. Истица сообщает о побеге невольника, предъявляет необоснованный иск, а судья выясняет факт побега и дает истице право искать раба и в случае, если она его найдет, держать последнего у себя до окончательного разрешения вопроса на суде.

Иски о пристанодержательстве челяди невольной могли предъявляться и в том случае, когда у истцов не было никаких юридических оснований, когда само дело возникало только в порядке судебной тяжбы. Уже известная нам Альжбета Петровна предъявила иск к тому самому Станиславу Еленскому в том, что он незаконно «побрал ее челядь невольную на имя Тимашовы дети и что он тую челядь теперь держит». Рассмотрение дела в суде показало, что для данного иска не было никаких оснований, ибо Станислав Еленский владел своей челядью на совершенно законном основании [86].

В случае, если дело оканчивалось в пользу истца, ответчик обязан был вернуть челядь невольную, либо, если ее не было в поместье, должен был возместить деньгами ее стоимость. Правда, вместо денег и челяди истцу можно было отдать в его полное распоряжение своих людей для услуг.

Люди пана Михаила Юровича захватили 18 человек челяди невольной, принадлежавшей дорогицкому боярину Станку Буйвидовичу. Последний в судебном порядке возбудил дело. Суд постановлением от 14 ноября 1519 г. присудил выплатить за челядь 44 руб. в пользу истца, либо вернуть челядь, найдя ее. Между двумя сторонами и произошло соглашение, по которому истец получил на службу людей «Андрея и Едка Довнаровичей» [87].

Иной раз иски о пристанодержательстве челяди невольной не имели под собой никакого юридического основания. Боярыня Духна в 1521 г. возбудила вместе с сыновьями иск против своей родной племянницы, «сестрычны своей рожоной» в том, что та держала у себя ее челядь невольную «на имя Ганицу Балашовну и з детьми ее». Истец сообщил на суде, что мать ответчицы «позычыла» Ганицу «на послугу доцце своей, и сестре нашой Богдане Гриньковой Гавсовича в тот час, коли ее за него выдавала». После этого мать потребовала возвращения вышеназванной челядинки, но владелица отказала в возвращении и держала ее «до живота». В ходе допроса ответчица сообщила, что она ничего иного не знает, помимо того, что это ее «материзна» и что ей дали ее братья, когда она

---

[85] Там же, кн. I, № 356.

[86] Там же.

[87] Там же, кн. III, № 94.

выходила замуж. Она даже не слыхала, «естли бы та челядь была позычаная». Дело было решено в пользу ответчицы, ей только пришлось принести присягу для доказательства своей правоты [88].

Статут 1529 г. должен был закрепить повседневную судебную практику определенными юридическими нормами. Согласно Статуту, если бы какой-нибудь «челядин мужик, або жонка неволная» сбежали бы и какое-нибудь лицо, зная, что «то чужая челядь, все же вказал им дорогу або хлеба дал, або в себе переховал» и если бы это было доказано, этот человек должен был отыскать челядь невольную. В случае же, если поиски беглой челяди не увенчаются успехом, он должен возместить ее стоимость [89]. В этом отношении Статут 1529 г., также защищая интересы землевладельцев, несколько видоизменил соответствующие статьи Русской Правды о помощи беглым холопам.

Литовский статут 1529 г. должен был также затронуть вопрос о пристанодержательстве. В том случае, если челядь невольная, убегая к какому-нибудь другому пану, называла себя вольной и этот последний давал ей убежище, иск о возвращении беглых холопов предъявлялся тому землевладельцу, в поместье которого находился холоп. Лишь в случае, если после двух заявлений удерживающий беглую челядь невольную не пожелает рассмотреть дело, «таковый земенин маеть притягнен быти ку праву земскому». Когда же на суде выяснится, что владелец беглого холопа раз или два просил об удовлетворении иска и все-таки не получил никакого ответа, то за пристанодержательство «тот маеть навязати оного человека або челядина от того часу, как от него втекшы в него мешкал, подле уставы тых прав». Иными словами лицо, предоставившее убежище холопу, обязано компенсировать владельцу те затраты, которые последний понес в связи с побегом своего холопа [90]. В том случае, если челядь невольная убежала под защиту господарского державцы, последний также должен был рассмотреть возбужденное дело и удовлетворить истца.

Статут первой редакции защищает интересы землевладельцев. Статут защищает законом неприкосновенность как движимого, так и недвижимого имущества землевладельца. Идя навстречу запросам жизни, Статут должен был оформить в законодательном порядке практику, применявшуюся при предъявлении иска о выдаче челяди невольной. Как общее правило, Статут придерживается того взгляда, что беглый челядин не может иметь никакого убежища и должен быть сейчас же вы-

---

[88] РИБ, т. XX, кн. III, № 203.
[89] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 10.
[90] Там же, арт. 9.

дан. Невыдача беглого челядина является нарушением закона, и виновное в этом лицо несет материальную ответственность, ибо его поступок, предоставление убежища холопу, нанес материальный ущерб владельцу челядина.

О побеге челядина должно быть сделано соответствующее заявление. Владелец челяди имел право ее искать. Лицо, у которого была найдена челядь невольная, обязано было выдать ее владельцу, который со своей стороны выплачивал первому «перейму», если только о побеге своего челядина владелец «заповедал». Однако и в том случае, если в заявлении не было упомянуто о выплате «переймы», тот, кто предоставил убежище рабу, обязан был вернуть его, не требуя никакого вознаграждения. Если пристанодержатель не пожелал выдать челядь невольную «без позему» и, помимо того, взял «на нем позем кгвалтом», то в этом случае, если дело доходило до суда, «тот, хто взял за тот позем повинен платити, яко за кгвалт, 12 рублев грошей» [91]. Такой штраф совершенно понятен, так как под «кгвалтом» в Статуте понимается присвоение чужой собственности, связанное с насилием.

Статут должен был отразить возможность и такого факта, как задержание беглого холопа на протяжении определенного времени и ненахождение владельца невольника, несмотря на то, что представивший убежище челяди невольной «поколько крот закликал оповедаючы ее». Если позднее «в колку неделях» найдется владелец челяди невольной, то лицо, предоставившее ей убежище, имеет право получить «за страву толко от кождого челедина дати на неделю по грошу» [92].

Если Статут 1529 г. защищал интересы владельца челяди невольной от покушения на нее со стороны третьих лиц, то, с другой стороны, Статут обязан был также гарантировать лицам, предоставившим убежище холопу, выплату определенного материального вознаграждения владельцам челядина.

Владелец беглого челядина обязан был выплатить «переем» в том размере, в каком последний был объявлен. Статут предусматривал возможность и такого случая, когда лицо, у которого без предварительного объявления была обнаружена чужая челядь, отказывалось выдать ее без соответствующего вознаграждения — позема и потом, возвратив челядь, взыскивало позем путем насилия; за такой разбойничий поступок виновное лицо обязано выплатить «яко за кгвалт 12 рублев грошей» [93].

Статут 1529 г., защищая интересы рабовладельцев, должен был сурово осуждать всякие попытки силой выкрасть или увезти челядь невольную. Схваченный с поличным «на дорозе»

[91] Статут 1529 г., разд. XII, арт 7.
[92] Там же.
[93] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 9.

привлекается к суду той местной власти, которая «на ближей будет, а вряд мает ему справедливость вчинити». В том же случае, когда человек, укравший или увезший челядь невольную, будет отрицать свое участие, поймавший его на месте преступления вместе с челядью «мает на него довод, або присягу вчинити, иж он его вывел». Виновное лицо наказывается как вор, а челядь «мает тому вернена быти, чия была». Возможен и такой случай, когда беглая челядь будет найдена в частном доме — «в дому чием застал». В таком случае пан, «чиего человека тую челядь застал», обязан вызвать виновное лицо в суд и, согласно постановлению суда, когда иск будет доказан, «тая челядь мает быть выдана ему с навезкою», а виновное лицо наказывается, как вор [94].

VI

Поскольку холоп совершенно лишен правоспособности и дееспособности, совершенно понятно, что ответственность за преступление холопа ложится на его владельца. Русская Правда хорошо знакома с случаями ответственности владельца за преступления холопов. Эта ответственность предусмотрена Русской Правдой в целом ряде статей. Так, владелец отвечает за долги, сделанные беглым холопом. Владелец также отвечает и за кражу, совершенную беглым холопом. Владелец несет ответственность за кражу и в том случае, если холоп и не был беглым, и когда в этой краже принимало участие несколько лиц. Холопы, как люди невольные, не могут в случае совершенной ими кражи «платить продажи». Между тем свободные люди, принимавшие участие в этой краже, выплачивают ее князю [95].

Того же взгляда придерживается и Судебник Казимира Ягеллончика. Последний требует, чтобы в том случае, когда паробок совершает кражу, ущерб возмещался «его бондою». А если у паробка нет своего имущества, стоимость украденного возмещает владелец. Сам же паробок подлежит телесному наказанию или может быть посажен в тюрьму («казнити и пробити»). Эта статья Судебника Казимира Ягеллончика свидетельствует о том, что паробок мог иметь некоторое движимое имущество, которое в определенных случаях позволяло покрыть ущерб от кражи, совершенной холопом. Однако в том случае, когда преступление совершено паробком вторично и стоимость украденной вещи выше «полукопья», виновный подлежит наказанию смертью: «ино паробка узвесити» [96].

---

[94] Статут 1529 г., разд. XII, арт. 8.

[95] Русская Правда, § 43, 130—132.

[96] Судебник Казимира Ягеллончика, 19. «Сборник памятников древнего права», под ред. И. Малиновского, Ростов-на-Дону, 1917.

Судебная практика того времени придерживалась той же точки зрения. В этом можно убедиться на ряде судебных приговоров. Львовский мещанин Андреяс был ограблен людьми пана Юрия Довойновича-Косинского. Дело попало на рассмотрение слонимского державцы, который присудил в пользу мещанина 50 коп грошей. Вышеуказанную сумму грошей обязан был выплатить наместник пана Ян Похмельный, ибо ограбление произошло напротив его Шейбокова двора. Ян Похмельный отвел от себя обвинение, показав, что виновными были паробки писаря старосты жомойтского Еленского и что «копа» постановила их выдать, но наместник писаря задержал выдачу. В ответ на это державца постановил, чтобы наместник Матус «тых паробков подал... Яну Похмельному от сих часов у двух неделях... перед дворянином господарьским Исаком Бобоедовым» [97]. А вот еще случай: господарский дворянин Федор Колонтаев предъявил иск к сокольничему Васюку об ущербе от кражи коровы его паробком. Васюк хотел снять с себя ответственность ссылкой на то, что «это паробок братанича и что он находит у него в опеке». Рассмотрев 4 мая 1520 г. это дело, дорогицкий староста принял во внимание заявление Васюка и обязал его на протяжении трех недель представить данные, «иж бы тот братанич его на паробка своего право дал». В случае, если Васюк к назначенному сроку не представит братанича, то он сам обязан «тую корову человеку его платити шкодным обычаем, а того собе искати» [98].

У пана Мартина Хребтовича было украдено 12 кабанов. По следам узнали, что часть кабанов находится в доме паробка пани Олехновой у Горячки, а «иншие вепри» Горячка роздал своим родным. Наместник ответчицы Колокол отказался искать след и пояснил на суде это тем, что в то время он не был наместником пани. Правда, Колокол, ввиду очевидности дела, должен был признать факт наезда на имение «ночным обычаем». В результате рассмотрения дела Колоколу пришлось уплатить за 5 найденных кабанов. Что касается остальных 7 кабанов, то ответственность за них также была возложена на Колокола [99].

Приведенные выше судебные постановления со всей очевидностью подтверждают ответственность владельцев за кражу, совершенную их челядью. Совершенно ясно, что фактическую ответственность несут наместники — управляющие поместьями, под надзором которых находится и челядь невольная.

---

[97] РИБ, т. XX, кн. I, № 310.
[98] Там же, кн. III, № 130.
[99] Там же, № 133.

Понятно, Статут 1529 г. должен был придерживаться точки зрения Судебника Казимира Ягеллончика и судебной практики того времени. Согласно Статуту 1529 г., паробок, пойманный на месте преступления с поличным стоимостью в «полтину грошей», карается как вор, «поличное» возвращается владельцу, или же ущерб покрывается «з бонды» (имущества) крестьянина. С другой стороны, паробок, укравший вещь стоимостью менее чем в «полтину грошей», обязан был возместить ущерб из своего имущества, или украденное должно было быть возвращено владельцу. Сам же паробок подлежит телесному наказанию, «а з навязку пугами бити». В случае, если паробок вторично попадается на краже «з лицом», и хотя бы украденная им вещь стоила всего лишь 10 грошей, он подлежит казни через повешение [100].

В последнем случае Статут 1529 г. занял более суровую по сравнению с Судебником Казимира Ягеллончика позицию.

Статут 1529 г. не говорит об ответственности владельцев за кражу, совершенную их рабами, ибо такая ответственность, столь отчетливо выступавшая в судебной практике того времени, была совершенно понятна каждому из владельцев челяди невольной. Наконец, не каждый челядин имел бонду, за счет которой можно было бы уплатить за украденную вещь. Порядок разбирательства исков должен быть такой: когда чей-нибудь слуга или подданный будет пойман «з лицом» (с поличным), то лицо, задержавшее его, обязано обратиться к его владельцу для получения удовлетворения. В том же случае, если владелец слуги не пожелает дать требуемого удовлетворения, потерпевшее лицо возбуждает дело перед господарским судом и представляет на суд «поличное» и самого вора. Разумеется, потерпевшее лицо было обязано раньше обратиться к владельцу холопа и требовать от него соответствующего удовлетворения. Последний несет материальную ответственность за своих рабов. И только в том случае, если владелец раба не даст соответствующего удовлетворения, потерпевшее лицо обязано обратиться в суд великого князя.

Статут предусматривает возможность преступления со стороны челяди, совершенного на общем «торгу» или в каком-нибудь чужом поместье, и если при этом вор также будет пойман «с поличным». В данном случае вора отводят к тому пану или к его «вряднику», «чий торг». Последний забирает «поличное», как доказательство совершенного преступления, а преступника арестовывает и трижды уведомляет владельца челяди о том, чтобы пан прислал на суд своего «вижа, перед которым мает оный пан, в кого человек, справедливость чинити». Если же

---

[100] Статут 1529 г., разд. III, арт. 1.

после трехкратного объявления пан не пришлет своего «вижа», то пан, во владениях или торге которого задержан вор, «мает подле себе сторону людей добрых посадившы, тому справедливость наконец вчинити» [101].

VII

Русская Правда заботится главным образом о защите интересов рабовладельцев. В этих целях Русская Правда назначила определенный штраф за убийство раба. Материальный ущерб, причиненный владельцу раба убийством последнего, был неодинаков. Убийство раба — квалифицированного специалиста оценивалось, понятно, выше, чем голова обыкновенного раба [102]. Судебная практика и Статут 1529 г. придерживаются той же точки зрения. Статут назначает «головщину» за невольного паробка 5 коп грошей и столько же за голову рабыни. А если паробок занимал какой-нибудь пост — «был во враде, в тивунстве, або у приставнистве», то расценка за голову челядина повышается до 10 грошей, «до того часу поки на вроде». В противном случае головщина паробка, освобожденного от тиунства, выплачивается так же, как и обыкновенного челядина [103].

Ранение челяди невольной также наказывалось денежным штрафом. Статут 1529 г. придерживается принципа повышенной юридической защиты личности рабыни в сравнении с личностью паробка. За убийство паробка Статут назначает материальное возмещение «в пол копу грошей», в то время как за убийство рабыни платили 1 копу грошей. Эта расценка свидетельствует об отсутствии правоспособности и дееспособности у челяди невольной. Отсутствие у челяди невольной какой бы то ни было правоспособности и дееспособности было совершенно очевидным для современника, и об этом не стоило даже напоминать в Статуте. Однако законодатель, перечисляя тех лиц, которые имели право составлять завещания, как правоспособных, нашел нужным отметить и челядь невольную.

Законодательство Статута 1529 г. очень внимательно отнеслось к институту челяди невольной и охватило в своих артикулах судебную практику того времени. Такое отношение Статута к указанному институту понятно. Статут — право, которое защищает и оберегает интересы землевладельцев. Именно поэтому совершенно ясно, что институт невольного челядинства не мог не найти в Статуте всестороннего развития

---

[101] Статут 1529 г., разд. XII, арт. 4 и 5.
[102] Русская Правда, § 12, 13, 14.
[103] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 3—4.

и оформления. Если сравнить институт рабства эпохи Русской Правды с институтом эпохи Литовского статута, то придется отметить некоторые изменения. Так, исчезло рабство по тиунству, хотя возможно, такие посты занимались исключительно рабами. Продажа в неволю в голодные годы стала невозможной. Состояние вечного рабства за какой-нибудь «выступ», за исключением преступления, которое каралось смертью, законом не разрешалось. Даже повседневная практика в определенном смысле увеличивала в некоторых отношениях правоспособность челяди невольной. Так, паробки могут иметь свою бонду, которая является источником для возмещения ущерба, причиненного кражей. Все это свидетельствует о том, что институт челяди невольной подвергался постепенным изменениям и сама челядь невольная по своему положению начала приближаться к положению крепостного крестьянина. Осаживание рабов на земельных участках и право владения движимым имуществом, бондой, является внешним отражением того глубинного процесса, который происходил в недрах института челяди невольной. Определенные изменения в положении челяди невольной нужно объяснять соответствующими изменениями в организации господского хозяйства того времени, когда труд рабов стал явно невыгодным, когда начали пользоваться трудом тяглых людей, которые вместе с челядью невольной несли барщину и обслуживали своим трудом господарские фольварки.

II. ВОЛЬНЫЕ ЛЮДИ НА ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ЗЕМЛЯХ

I

Для обозначения принадлежности тех или иных общественных элементов к сельскому населению акты со второй половины XV и начала XVI в. широко пользуются термином «люди». Этим словом охватывается все сельское население, жившее на частновладельческих, а также на великокняжеских землях. Сельское население, в противоположность шляхетскому сословию, в актах называется «людми простыми». Этим термином охватываются все разряды населения, сидевшего на частновладельческих землях, независимо от их юридического положения [104]. Среди сельского населения, жившего на частновладельческих землях, свободные* люди занимали особое положение. Под именем свободных людей в актах подразумеваются лица, которые сидели на частновладельческих землях, выполняли ту или иную службу, платили те или иные налоги, но в то же время имели

[104] РИБ, т. XX, кн. I, № 334; кн. II, № 119, 189, 337.

* В дальнейшем, в этой и других статьях данного сборника, выражение «свободные люди» следует понимать как люди «вольные», «похожие» *(Прим. ред.)*.

право добровольно покинуть своего землевладельца, при выполнении определенных условий, выработанных самой жизнью и закрепленных в законодательстве. В период развития социальной зависимости широких масс сельского населения, а также и института рабства, свободные люди, как не потерявшие своей общественной правоспособности и дееспособности, обращают на себя внимание как группа населения, которая еще кое-как поддерживала свою свободу, несмотря на ту социальную-экономическую политику, которую проводило в жизнь великокняжеское правительство.

В актах Литовской метрики встречается несколько терминов, обозначающих принадлежность сельского жителя к категории свободных людей. Наряду с часто употребляющимся термином «люди вольные» [105] нередко встречаются и такие термины, как «люди похожие» [106], «люди прихожие» [107]. Кроме того, в судебной практике встречаются термины: «человек вольный» [108], «приезжий» [109], «отхожий» [110], «человек похожий» [111]. Они употреблялись в том случае, когда администрации приходилось иметь дело не с целой группой свободных людей, а с одним человеком, которому по тем или иным причинам, пришлось предстать перед судом. Возможность иметь на своей земле свободных людей соответствовала хозяйственным интересам землевладельцев, стремившихся увеличить рабочую силу своего поместья и «осадить» на свободных землях то или иное количество людей.

Право землевладельца сажать на своих землях свободных — «похожих» людей было бесспорным и полностью согласовывалось с сутью тех прав, которые имело шляхетство благодаря привилегиям, полученным от великого князя. Казимир Ягеллончик в своем привилее от 2 мая 1447 г. гарантировал землевладельцам всех сословий, что частновладельческие люди — «данные, извечные, селенитные» не будут приниматься в господарские дворы великокняжескими управляющими. Вместе с тем привилей запрещал и землевладельцам принимать беглых великокняжеских людей [112]. Смысл привилея был совершенно ясен. Ограничивая право обеих сторон принимать «беглых людей», привилей Казимира не ставил и не мог ставить каких-либо преград землевладельцам, если последние желали

---

[105] АЛМ, № 129, 275; РИБ, т. XX, кн. I, № 86, 112, 114, 136, 178.

[106] АЛМ, № 275, РИБ, т. XX, кн. I, № 186, 102.

[107] АЛМ, № 21, 433, 502, 626; РИБ, т. XX, кн. I, № 86, 114; кн. II, № 178.

[108] РИБ, т. XX, кн. I, № 94, 171, 186, 292.

[109] Там же, № 171, 182.

[110] Там же, кн. II, № 22.

[111] Там же, кн. I, № 171, 182.

[112] В. П. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. ч. II. Киев, 1880, стр. 30—31.

поселять на своих землях людей, не потерявших право перехода. Подтверждение этого права мы находим в пожалованиях великим князем частным землевладельцам великокняжеских земель, когда великий князь давал землевладельцам право «осады вольными людьми». 21 сентября 1499 г. великий князь Александр дал привилей пану Григорию Остиковичу на участок пущи «на немецкой границе по реце Сюсеи», с пожалованием ему права «садити в той пущи людьми прихожими»[113]. В частновладельческих и господарских поместьях такие вольные прихожие люди назывались «слободичами». При заселении определенного земельного участка они получали некоторое облегчение в выполнении приходящихся на их долю повинностей.

В жалованной грамоте великого князя Александра от 13 октября 1505 г. князю Василию Глинскому на Лососинскую вотчину были отмечены «слободичи, что на воле сидять», как особая группа населения, сидевшая на землях, пожалованной вотчиной[114].

Наличие свободных колонистов-«слободичов» в частновладельческих поместьях, как общее правило, отмечалось в соответствующих документах. В подтвердительной грамоте великого князя Александра от 14 декабря 1495 г., выданной Ивашке Сапеге на имение Апоковское, вымененного Сапегою у своего брата Василя, «слободичи и люди посаженные» были также выделены в особую группу населения, поставленную в ту или иную зависимость от Сапеги. Последнее совершенно понятно, ибо условия, на которых «слободичи» и люди «посаженные» осели на землю, были обязательны и для нового владельца, к которому перешла земля[115]. Пан Николай Юндилович получил от великого князя Александра привилей от 25 ноября 1500 г., на имение в Берестейском повете «со всими людьми, данники и слободичи»[116].

Вольные люди в качестве правоспособных и дееспособных лиц вступали в определенные договорные отношения с теми или иными землевладельцами. Свободный договор между вольным человеком, с одной стороны, и землевладельцем — с другой, и был тем юридическим документом, который определял обязанности вновь осевших людей и тех юридических или физических лиц, у которых ими был взят тот или иной земельный участок. Если свободные люди «слободичи» пользовались определенной свободой как в отношении тех или иных повинностей, так и в выплате различных податей, то, понятно, до окончания срока воли новый землевладелец обязан был выполнять те ус-

[113] АЛМ, № 502.
[114] АЗР, т. I, № 218.
[115] АЛМ, № 152.
[116] Там же, № 550.

ловия, на которых слободичи сели на землю. В Литовской метрике не указывается срок льготного положения. Видимо, этот срок не превышал нормы «земской давности», или 10 лет, поскольку такая норма уже отчетливо зафиксирована в правосознании шляхетства и нашла юридическое оформление в Литовском статуте 1529 г. [117]

Свободные люди в большом количестве жили на землях великого князя. Их положение в юридическом отношении было весьма неопределенным. Великий князь, используя систему пожалований, мог передать земельный участок, бывший в держании у свободных людей, в держание третьим лицам. Такой великокняжеский акт совершенно изменял юридическое положение свободных людей. Из лиц, находившихся в договорных отношениях с великокняжеским наместником, свободные люди попадали в договорные отношения с землевладельцем, получившим от великого князя право на владение такой землей, которую они, на почве обычного права, могли считать своей вотчиной, где уже сидели свободные люди, когда еще эта земля входила в состав великокняжеского поместья. Понятно, такие резкие перемены в положении свободных людей не могли не отразиться в повседневной практике того времени. Если свободные люди, как таковые, могут переходить от одного землевладельца к другому, то при передаче великокняжеской земли в держание частному землевладельцу они могут покинуть нового владельца.

Выдавая в начале своего княжения пану Довкшевичу грамоту на два человека в Городенском повете, великий князь Казимир предоставил новому землевладельцу право взыскивать с них повинности. В том случае, если бы они не пожелали служить, они имели право оставить свою землю и поселиться на другой земле [118]. Великий князь Александр «по челобитию» полоцкого боярина Богдана Астафьевича дал ему 14 июня 1497 г. землю Приселкову, принадлежавшую боярину Мартинцу, которого истец принимал за «непохожего», слугу. Однако на суде выяснилось, что отец истца Астафий дал ему грамоту, в которой было отмечено, что в том случае, если бы Мартинец не хотел ему служить, «тогды ему вольно пойти от него проч к кому хотел, тому бы служил, а тая земля, что отец его дал тому Приселку, мела Богдану остати». Великий князь должен был согласиться с этим документом и своим решением приказал, чтобы Богдан Астафьевич «в том ему дал покой: вольно ему кому хочет, тому служить» [119]. Передавая 21 июня 1506 г.

---

[117] Статут 1529 г., разд. I, арт. 27.
[118] АЛМ, № 7.
[119] Там же, № 400.

дворянину господарскому Стефану «люди и земли в Полоцком повете», великий князь дал возможность свободным оставить нового владельца земли, если они не пожелают нести ему службу. «А восхотят-ли от него прочь пойти для некоторое его налоги,— говорилось в жалованной грамоте,— и они мають со всими своими статки пойти от него прочь добровольно, где хотят»[120]. Также если на суде доказывалась чья-нибудь вольность, ранее не признававшаяся землевладельцем, то вернувшее себе вновь свободу лицо получало право ухода и свободного выбора службы, как это видно из решения слонимского державцы от 27 апреля 1515 г. относительно нанесения побоев тяглому человеку Петрелю, свободное происхождение которого было доказано на суде наместника[121]. Ясно, что землевладельцы не были очень довольны, когда их покидали свободные люди. Можно предполагать, что землевладельцы использовали при этом какие-нибудь средства принуждения, чтобы задержать свободных людей. В частности, из грамоты великого князя Александра от 3 февраля 1496 г. на имя брянского наместника князя Федора Жеславского видно, что брянский боярин Богдан Григорович хотел задержать на своей земле слуг Пяновичей, живших в с. Брасовском, находившемся во владении Богдана. Пан Богдан не хотел отпускать вышеуказанных Пяновичей и конфисковал их имущество: «статки их и жито собе забрал». С такими действиями не согласился великий князь. Село Брасовское было заставлено владельцу, но, согласно господарскому постановлению, слуги Пяновичи могли совершенно свободно пойти «куды всхотят от него прочь со всими своими статки и з житом». На брянского наместника возлагалась обязанность приказать пану Богдану «статки их вси и жито за ся им поотдавать»[122]. Точно такого же характера было решение относительно вышеупомянутого Мартинца, которому пан Богдан должен был вернуть движимое имущество[123]. Таким образом, если свободный человек был вынужден по той или иной причине оставить своего землевладельца, он имел право не только свободно уйти, но и забрать с собой свое движимое имущество и те запасы хлеба, которые у него имелись.

Свободные люди были обязаны, как общее правило, нести повинности с той земли, которая находилась у них в державании. Иногда на этой почве возникали недоразумения, ибо свободные люди, считая своим тот земельный участок, на котором они сидели, отказывались выполнять повинность землевладельцу.

---

120 АЛМ, № 757.
121 РИБ, т. XX, кн. I, № 171.
122 АЛМ, № 231.
123 Там же, № 400.

Разумеется, заинтересованные землевладельцы обращались в суд великого князя. Как видно из судебного решения великого князя Александра от 19 июня 1499 г. по делу пана Яна и пана Войцеха Юровичей Саковичей, с одной стороны, и Родионом Траполовичем — с другой, свободный человек только в том случае мог считать землю своей собственностью и не нести службу тем панам, которые предъявляли к нему свои претензии, когда в его распоряжении находились оправдательные документы — грамоты на землю. В данном случае ответчик не мог представить никаких документов и ограничился только ссылкой на давность. В связи с тем, что документов на землю не оказалось, земля, бывшая предметом споров, была возвращена истцам. За ответчиком были оставлены только те земли, которые он прикупил «своими пенязми». Кроме того, все имущество, являвшееся собственностью ответчика — «челядь невольная, домовые статки, жито на поле сеяное, кони и животины и иные речи»,— все это Родион «мает собе побрати и вывозити». Также он мог поступить и с хоромами, если последние были им построены. Сам же он «кому усхочет, тому нехай служит» [124]. Свободный человек, порывая с паном и оставляя его, должен был оставить и ту землю, на которой он ранее сидел. В случае, если это им не было сделано, то такой поступок рассматривался как нарушение интересов землевладельца, и ответчик подвергался штрафу за то, что он не нес службу и нанес ущерб землевладельцу. Такое решение совершенно понятно. Свободный человек сидел на земле на основании соглашения, состоявшегося между ним и землевладельцем. Как только прекращались договорные отношения между ними, земля возвращалась к владельцу, который благодаря этому вновь получал возможность использовать ее по собственному усмотрению. Ясно, что лишение землевладельца такой возможности наносило ему ущерб, и поэтому последний должен был возбудить дело о возвращении незаконно присвоенной свободным человеком земли и о возмещении нанесенного ему убытка. Между пани Стирнелевой и Процком Якубовичем возникла тяжба по причине того, что слуги пани Матеец с братом «заложились» землями пани за Процка и служили ему, как и раньше. При рассмотрении дела 8 февраля 1520 г. выяснилось, что Матеец с братом служили, как люди вольные, и что они добровольно заложились за Процка. Рассматривавший дело староста дорогицкий и слонимский Ян Миколаевич признал за пани Стирнелевой право собственности на спорные земли. Матеец с братом обязаны были выплатить пани Стирнелевой 12 коп грошей штрафа..., «иж он пани Стирнелевой несколько годов не служил службы

---

[124] АЛМ, № 486.

путное с тое земли»[125]. Таким образом, на основании вышеуказанных данных можно констатировать, что повседневная практика и суд признавали за свободным человеком 1) право покинуть землю при передаче великокняжеской земли в держание частному землевладельцу, 2) право заключения договора об условиях передачи в держание земли, 3) право свободного ухода, 4) право собственности на движимое имущество и посеянное зерно, 5) право отвечать по суду в случае предъявления иска о незаконном удержании той земли, на которой свободный человек сидел до выхода и которая никоим образом не была его собственностью. Юридическое положение свободного человека совершенно отчетливо определила судебная и административная практика того времени. Суд защищал права свободного человека, если последнему удавалось доказать свою свободу, оспариваемую истцом.

II

Договорные отношения свободного человека с землевладельцем, касающиеся повинностей, могли быть двоякого характера: 1) свободный человек садился на землю и немедленно приступал к отправлению принятых на себя повинностей; 2) свободный человек пользовался льготой, по окончании срока которой он обязан был отправлять принятые на себя повинности. В первом случае отношения между свободным человеком и землевладельцем были совершенно ясными. Недоразумения могли возникнуть лишь в том случае, если обе договаривающиеся стороны нарушали принятые на себя обязательства. Во втором случае возникал весьма любопытный в юридическом отношении вопрос, как быть, если свободный человек «отсидевший волю» и обязанный после этого отправлять ту или иную службу, пожелал бы покинуть землевладельца, у которого он взял землю, и пойти, не отслужив льготного срока. В разрешении этого вопроса был заинтересован весь землевладельческий класс в целом; он должен был добиваться того, чтобы эти спорные вопросы были так или иначе разрешены законодательством.

Повинностные обязанности свободного человека по отношению к землевладельцу могли быть весьма разнообразными. Зависели они исключительно от тех соглашений, которые заключались между сторонами. Характер повинностей определялся общей обстановкой и потребностями землевладельца. Если вначале свободные люди брали землю с обязательством выплачивать куницу, то с течением времени служебные повинности значительно усложнились. Свободные люди во многих поместь-

[125] РИБ, т. XX, кн. III, № 118.

ях отправляли «путную службу». Совершенно ясно, что для несения путной службы и повинностей служебных людей частные землевладельцы пользовались услугами свободных [126]. Последние могли отправлять «полные службы», как и все остальное рабочее население. В Ануфриевском монастыре похожие люди наравне с «непохожими» отправляли «службу полную». Сам термин «служба полная» свидетельствует о том, что повинностные отношения свободных людей приобрели уже совершенно определенный характер. В вышеуказанном монастыре похожие люди, как общее правило, несли службу полную. Однако в том же монастыре находился человек похожий, повинностные отношения которого к монастырю определялись только выплатой куницы. Полная служба монастырских свободных людей проявлялась в выплате монастырю различных «даней»: медом, воском, деньгами, хмелем. Из этих же элементов состояла служба «непохожих людей» [127].

Свободные люди могли отправлять тяглую службу, что, однако, еще не означало их принадлежности к юридически зависимому сословию. В Полоцкой и Витебской землях тяглая служба свободных людей была широко распространена. Судебное постановление витебского воеводы Яна Юрьевича Глебовича от 8 февраля 1531 г. обязывало свободных людей с определенного размера надела «два дня у пригона служити с сохою або з бороною, або с косою, а с топором, або жать» [128]. Инвентарь двора Ворнянского от 11 июля 1547 г., правда, выходя за взятые нами хронологические рамки, констатировал присутствие в этом имении свободных людей, которые тем не менее отправляли тяглую службу: «Юркгелис Седый на дворной земли три дня на неделю служить, а он сам вольный» [129]. При переходе земли в руки другого владельца служба свободных людей не должна была претерпевать каких-либо изменений. В случае же каких-либо попыток со стороны землевладельца изменить повинностные отношения свободных людей в худшую для них сторону, последние могли порвать договорные отношения с новым землевладельцем и перейти к другому. Такого рода право логически вытекало из существовавших договорных отношений, ибо выполнять их обязана была сторона, вступившая во владение землей, если предыдущий держатель этой земли заключил те или иные договорные отношения с осевшим на его земле свободным человеком. Совершенно понятно, почему великий князь Александр разрешил путным людям покинуть

---

[126] АЛМ, № 657, 658 РИБ, т. XX, кн. III, № 118.
[127] АЛМ, № 27.
[128] Беларускі архіў, т. II, Менск, 1928, № 72.
[129] ДМАМЮ, т. I, стр. 87.

своего владельца в том случае, если он будет им чинить «некоторую налогу» [130].

Повинности свободного человека при переходе земли в другие руки, как общее правило, не должны были изменяться, если свободный человек соглашался остаться у нового держателя земли. Отдавая путных людей «Гридка и его братю Шоловиничов» господарскому шляхтичу Стефану, великий князь Александр в своей грамоте от 21 июня 1506 г. счел нужным сделать следующую оговорку принципиального характера: «а мают тые люди ему служити не меней, нижли той службы, как и нам господарю служили» [131]. Эта оговорка имела очень важное значение для установления повинностных отношений между свободными людьми и землевладельцем, если свободный человек попадал в зависимое отношение к новому землевладельцу вопреки своей воле и желанию. Вышеприведенные данные четко устанавливают повинностные права и обязанности свободных людей, уже выполнявших ту или иную службу.

Свободный человек, пользовавшийся льготами определенное число лет, обязан был выполнять принятые на себя повинности. В этом случае служба такого человека была полной. Но жизнь создавала такие обстоятельства, когда свободный человек, отсидевший волю, не хотел выполнять ту или иную службу и покидал своего землевладельца. Ясно, что такие самовольные поступки со стороны свободных людей вредили материальным интересам землевладельца. На защиту этих интересов стал Статут 1529 г.

Статут первой редакции совершенно правильно предусматривал возможность ухода свободного человека от землевладельца «высидевши волю». Статут разрешал такой уход, однако, при условии, если свободный человек отслужит землевладельцу столько лет, «сколько на воле сидел». Если бы свободный человек не пожелал «толкож заслужити», он обязан был выплатить землевладельцу материальное вознаграждение из расчета «за кождую неделю по 6 грошей».

Статут 1529 г. предусматривал возможность побега свободного человека после окончания срока службы и перехода его к другому землевладельцу. В таком случае новый землевладелец обязан был выдать беглого «не мней але яко отчича». Понятно, землевладелец, не пожелавший выдать такого беглого свободного человека, должен был выплатить землевладельцу то материальное вознаграждение, которое выплатил бы сам свободный человек, если он «воли не робил». Сам же беглый свободный человек должен быть выдан, если на это будет су-

---

[130] АЛМ, № 757.
[131] Там же, № 757.

дебное постановление. Но если, несмотря на судебное постановление, беглый человек не будет все-таки выдан, то за незаконное удерживание свободного человека виновное лицо обязано было выплатить «яко за отчича 10 коп грошей, и за сынов его, колко с ним втекло будет, по 10 коп грошей». Кроме того, «за се колко не робил седечи на воли за неделю по 6 грошей» [132].

Это постановление Статута первой редакции, ставшего на защиту интересов землевладельцев, было принципиально весьма важным и свидетельствовало о твердом намерении землевладельцев бороться с уходом свободных людей без отслуживания срока той воли, которая была ими «высижена».

Вопрос о сроке льготных лет был весьма актуальным для землевладельцев. Последние не могли давать свободным людям очень большого срока воли. В интересах землевладельцев было важно как можно скорей использовать рабочую силу поселившегося свободного человека. Статут 1529 г. своей земской давностью 10 лет также делал необходимым урегулирование вопроса о сроке льготы. О настроениях в этом отношении, царивших среди заинтересованных землевладельцев, может свидетельствовать постановление Витебского гродского суда от 8 февраля 1531 г. На гродском суде присутствовали заинтересованные землевладельцы: «владыко полоцкий и витебский, князья, паны, бояре и мещане». Это совещание рассматривало один из наиболее актуальных вопросов: «как мають за собою людей своих похожих вольных держати». Землевладельческий суд, рассматривая вопрос о льготном сроке (воле) — «жалобе» по витебской терминологии, постановил, что «жалоба» должна даваться всем свободным людям одна и та же на всей территории Витебской земли. Классовая солидарность землевладельцев полностью проявилась в этом общем постановлении. Борьба с свободными людьми должна была вестись землевладельцами единым фронтом. Витебский гродский суд вынес целый ряд принципиально важных решений. Льготные сроки свободным людям определялись в зависимости от того, на каких условиях они получали землю. Если свободный человек садился «на пустыни — на сыром корени», он имел право на 5 лет «жалобы». В том случае, когда свободный человек садился на «пустоши, а хором не будет, а ни роспашей, тому жалобы давать на 2 лете». Наконец, если свободный человек садился на готовом фольварковом участке, на котором находился готовый дом и были «роспаши», то такому «жалобы не маем давати» [133]. Это постановление гродского суда свидетельствует, с одной стороны, об определенном направлении отношений землевладельцев

[132] Статут 1529 г., разд. VIII, арт. 20.
[133] Беларускі архіў, т. II, № 72.

к свободным людям, а с другой стороны, является подтверждением того, что землевладельцы весьма широко подошли к интересующему их вопросу и установили льготный срок в зависимости от объективных данных условий «осады». Льготный срок уменьшался по мере того, как облегчались условия осады. Совершенно понятно, что «осада на сыром корени» требует наибольшей льготы, а осада на земле, на которой уже есть и пашня и фольварк, где землевладелец садился на готовый участок, не требовала никакой льготы. Во всяком случае, постановление витебских землевладельцев, а последнее совпадало с политикой землевладельцев, и Полоцкой земли, свидетельствует об определенной классовой единой политике против вольных похожих людей. Понятно, перелом в этой политике можно объяснить только общими изменениями в народнохозяйственной жизни Витебской земли. Видимо, и в остальных частях Белоруссии проводилась та же политика, ибо, если бы были места с более выгодными условиями льготы, крупные землевладельцы не могли бы рассчитывать на то, что они будут иметь удовлетворяющее их количество свободных людей, ибо последние, разумеется, стремились бы туда, где им было выгоднее. Законодательство Статута 1529 г., а также постановления Витебского гродского суда свидетельствуют об определенном направлении, взятом землевладельцами в борьбе с возможными злоупотреблениями свободных людей на почве «осаживания на воле» и исполнения соответствующей службы после окончания срока воли.

III

Свободные люди, как колонизаторы незанятых земель, для землевладельцев были безусловно необходимы. Совершенно понятно, что первоначальные условия не могли быть тяжелыми. Свободный человек, как общее правило, заключил договор об осаде на довольно льготных условиях, он брал на себя обязанность выплачивать куницу [134]. Это обстоятельство было уже в свое время отмечено Ф. И. Леонтовичем. «Осада за куницу» — древнего происхождения, и свое первоначальное оформление она получила в примитивных хозяйственных условиях. Жомойтская уставная грамота от 15 августа 1492 г. свидетельствует, что куницами платили дань еще во времена Витовта. И в конце XV в. эти куницы еще сохранились на Жмуди [135].

Куничная дань имела место лишь там, где для этого были соответствующие условия, в лесах на Жмуди, в Полоцкой и

---

[134] АЛМ, № 21; Беларускі архіў, т. II, № 72.

[135] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России по литовскому праву XV—XVI ст. «Киевские университетские известия», 1863, № 10; АЗР, т. I, № 103.

Витебской землях. В более заселенных местностях, в которых уже развилось частное землевладение, выплата осады куницами являлось анахронизмом, и землевладельцы должны были вести борьбу с такой стариной, ибо она противоречила новым хозяйственным требованиям.

Возможность ломки издревле сложившихся отношений, основанных на обычае, предусматривалась и великокняжеским судом, который позволял свободным людям уходить от землевладельца, если последний «чинил им налоги» [136].

Уход свободного человека от землевладельца в том случае, когда последний начинал угнетать своего поселенца, «чинил налоги» последнему, не благоприятствовал материальным интересам землевладельца. При свободном индивидуальном соглашении интересы землевладельца не были обеспечены полностью. Землевладельцы, в погоне за рабочей силой, давали различные льготы свободным поселенцам, конкурировали друг с другом и тем самым вредили своим собственным материальным интересам.

Древняя куница должна была уступить место более сложным повинностным отношениям. С другой стороны, сами землевладельцы должны были выступить единым фронтом против поселенцев и хоть что-нибудь сделать для того, чтобы уничтожить возможность взаимной конкурентной борьбы между землевладельцами за рабочую силу. Общность материальных интересов и развитие классовой солидарности вынуждали землевладельцев вырабатывать общее направление в их политике по отношению к свободным поселенцам.

Кажется, бельские землевладельцы первыми выступили единым фронтом против свободных колонистов. Это выступление бельской шляхты совершенно понятно. На территории Бельского повета происходила ломка старых форм свободного землепользования. Переход к новой технике создал новую форму землепользования — индивидуальную волоку земли. Старые формы повинностных отношений уже не могли удовлетворить землевладельцев. В Бельском повете куница давно уже стала лишь историческим воспоминанием. Уставная грамота, выданная Бельскому повету великим князем Александром 22 февраля 1501 г., свидетельствовала, что уже при Витовте свободные поселенцы обязаны были выполнять барщину — 14 дней в год с волоки земли. Уставная грамота вводила новые нормы обязательной барщины: один день в неделю с волоки земли и, кроме того, 4 толоки в год. Уставная грамота запрещала принимать свободных людей на иных условиях — этого требовала классовая солидарность землевладельцев [137].

---

[136] АЛМ, № 757.

[137] АЗР, т. I, № 189, арт. 19.

Если бы среди землевладельцев нашелся такой смельчак, который посмел нарушить классовую солидарность землевладельцев, то это не прошло бы для него бесследно. В связи с этим в уставной грамоте был помещен артикул, согласно которому на земянина налагался штраф в размере 100 коп грошей, если он не хотел выполнять опубликованные правила и давал «для лепшего осаженья кметев, легчейшу працу и данья в своей земли хотел бы уставить на шкоду посполиту земян» [138].

По этому же пути пошли и витебские землевладельцы. Они также занялись фиксацией общих повинностных норм свободных людей и разработали положение о службе свободных людей. И витебские землевладельцы обязаны были солидаризироваться с опубликованной уставой. В противном случае, если кто-нибудь из землевладельцев «с того раду выступит и тую умову нарушить и не водле уфалы людей вольных будет держать, тот даст господарю королю его милости вины сто коп грошей, а пану воеводе витебскому 50 коп грошей, а враднику его милости витебскому 5 пудов меду» [139].

Это постановление витебского гродского суда было также проникнуто духом классовой солидарности всех землевладельцев, как и устава, выданная шляхте Бельского повета. Все эти постановления, свидетельствующие о единстве классовой политики землевладельцев, ставили всех свободных людей в одинаковые условия при поселении на землю и выполнении ими соответствующих повинностей.

Постановления уставной Бельской грамоты и Витебского гродского суда могли служить ярким отражением общего стремления землевладельцев зафиксировать повинности свободных людей и сделать их единообразными для всех свободных поселенцев.

Можно согласиться с мыслью Ф. О. Леонтовича, что такая политика, видимо, проводилась и в других местностях, ибо в противном случае все эти постановления не имели бы никакого реального значения. Свободные поселенцы всегда могли бы найти у других землевладельцев более льготные условия [140].

Вся эта политика класса землевладельцев по отношению к похожим людям, сводилась к тому, чтобы определить повинностные отношения последних, как сидевших на льготе, так и без нее. Можно отметить одну характерную тенденцию в этой политике — желание приблизить свободных людей к повинностному положению тяглых людей, хотя повинности свободных людей были, понятно, легче повинностей тяглого населения

---

[138] АЗР, т. I, № 189, арт. 21.
[139] Беларускі Архіў, т. II, стр. 48—49.
[140] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России..., № 10, стр. 9.

вообще, как это правильно отметил Ф. О. Леонтович [141]. Разумеется, такая политика должна была быть весьма осторожной. Но, с другой стороны, солидарная классовая политика всего землевладельческого класса ставила свободных людей в очень тяжелые условия, выхода из которых для них уже не было. Независимо от своего желания, под прессом тяжелых условий, свободные люди должны были селиться на землях частных землевладельцев и соглашаться на предложенные ими условия.

Необходимо отметить еще одну тенденцию в политике землевладельческого класса — это желание рассматривать свободных людей, как тяглых. Конечно, свободные люди не могли согласиться с такой политикой и должны были обращаться к администрации с просьбой защитить их права. На этой почве и возникают многочисленные иски о вольности, часть которых разрешалась не в пользу истца.

В связи с повинностным положением свободных людей находится и вопрос об их уходе. Ясно, что последний вопрос имел первоочередное значение для класса землевладельцев. В связи с тем, что отношения свободного человека к землевладельцу базировались на соглашении, сам уход мог произойти только по истечении срока этого соглашения. К тому же, если соглашение произошло только на словах и не получило точной юридической формулировки, обе стороны могли нарушать его — и землевладелец и свободный человек. Первый начал нарушать принятые на себя обязательства тем, что стал рассматривать свободного человека как тяглого и отнимал у него право ухода. С другой стороны, и свободный человек мог оставить своего землевладельца до окончания срока договорных отношений. Все это свидетельствовало о борьбе между землевладельцем и свободным человеком. Для первого выход свободного человека был нежелательным с точки зрения экономических интересов, и потому совершенно понятна тенденция землевладельца оставить свободного человека у себя в поместье. С другой стороны, для свободного человека выход являлся единственным спасением от этой крепостнической петли, затягиваемой землевладельцем на его шее.

Свободные люди покидали своих землевладельцев без заявления землевладельцу о своем выходе, без предупреждения («отказа»). Однако это предупреждение было необходимо, ибо оно свидетельствовало о прекращении договорных отношений и о выполнении обеими сторонами принятых на себя взаимных обязательств. В том случае, когда вольный человек уходил без предупреждения, «челом не вдаривши», заинтересованная сторона должна была обратиться к администрации и судебным

[141] Там же, № 11, стр. 26.

порядком добиваться восстановления своих нарушенных прав. Так, Тимофей Капуста, черкасский державца, жаловался на каменецкого войта за то, что тот держал у себя в городе его свободных людей, которые сбежали в город, «чолом не вдаривши» и «зашкодивши». При рассмотрении дела (1514) великим князем войт защищал свое право не выдавать из города людей, «который люди прийдут до места господарского». Великий князь не согласился с такой формулировкой и вынес постановление, согласно которому войт, принявший к себе свободного человека, незаконно оставившего своего землевладельца, и отказавшийся выдать его последнему, обязан был «закладу заплатить на господара его милости сто рублей грошей, и нам 30 рублев». Прежде всего войт обязан был рассмотреть жалобу землевладельца о выдаче вольного похожего человека и выяснить, насколько были обоснованы притязания землевладельца к тому человеку, который укрылся в городе [142]. Во всяком случае, сбежавшие в город свободные люди должны были, согласно постановлению суда, возвращаться к месту своего прежнего жительства. Под видом свободных людей в город убегали и «отчичи», выдававшие себя за свободных. Но когда на суде доказывалось «отчинное» положение беглых, их возвращали к владельцу, как это и видно из дела князя Юрия Ивановича Дубровицкого (1518), который предъявил иск к войту г. Берестья в том, что он прятал в городе его «отчизных» людей Огрызковичей. Войт, несмотря на несколько распоряжений великого князя, не хотел их выдавать. По распоряжению великого князя дело перешло на рассмотрение к маршалку земскому, державце слонимскому Яну Миколаевичу Радзивилловичу. Вопрос был решен в пользу истца, так как «отчинное» положение ответчиков было доказано судом. Сами ответчики сначала называли себя людьми похожими, но в конце концов, должны были признать свою вину и себя «отчизными» людьми. Войт Берестья обязан был выдать их князю Юрию, который «маеть их за отчичов мети, а они мають ему служити» [143].

Землевладельцы при уходе свободных людей часто обижали их, отбирали движимое имущество, которое находилось в их распоряжении. Недовольный уходом свободного человека землевладелец захватывал его движимое имущество, стремясь этим задержать последнего или нанести ему материальный ущерб. Такие действия со стороны землевладельцев не могли быть законными. Если подобное дело попадало на рассмотрение господарской администрации и правильность данной жалобы подтверждалась, то администрация обычно признавала та-

---

[142] РИБ, т. XX, кн. I, № 102.
[143] Там же, кн. III, № 38.

кие действия незаконными. В этом можно убедиться, познакомившись с приговором великого князя Александра от 3 февраля 1496 г. по поводу иска на боярина брянского Богдана Григоровича, не пожелавшего отпустить княжеских вольных слуг и забравшего «статки их и жито». Господарь своим постановлением подтвердил право ответчиков на свободный уход «со всеми статки и з житом» [144].

Вот другой пример: Полоцкий боярин Богдан Астафьевич препятствовал уходу своего слуги Мартинца и, считая последнего непохожим человеком, захватил «челядь и иные статки домовые» последнего [145].

Недовольные землевладельцы оставались без свободных людей и, таким образом, теряли рабочие руки: однако соглашаясь на уход свободных людей, землевладельцы иной раз нападали на них по дороге и грабили их имущество.

Из решения державцы слонимского Яна Миколаевича от 13 июля 1515 г. видно, что боярин Тимофей Колычев совершил на дороге нападение на своих свободных людей, которые ушли от него и перешли к пану Юрию, старосте городенскому, и ограбил их: «взял двое кони, пчолы з ульем и иные речи побрал невинне». Рассмотрение дела показало, что свободные люди вышли после предупреждения, как «ему наместник панский от нас отказ вчинил». В связи с этим державца вынес постановление о возвращении захваченного имущества. В случае, если истец своевременно не пожелает вернуть отобранных коней и пчел, то ему все-таки придется их вернуть «по св. Петре у двух неделях», но вернуть уже «с навязкой» [146]. Такие поступки со стороны землевладельцев лишний раз свидетельствовали о весьма неприязненных отношениях между свободными людьми и землевладельцами, которые всеми способами добивались ограничения права свободного ухода.

Таким образом, можно констатировать, что свободные люди, обладая правом свободного ухода, должны были сделать свой уход законным, т. е. «челом вдарити» и предупредить землевладельца. Уходя, свободные люди могли взять с собой свое имущество. Землевладелец не имел права задерживать уход свободных людей, а также присваивать «домовые статки» последних.

Все эти факты довольно выразительно свидетельствуют о той борьбе, которую вели землевладельцы с правом законного или незаконного ухода, одинаково нежелательного для всего класса землевладельцев. Понятно, что такой уход необходимо

---

[144] АЛМ, № 231.
[145] Там же, № 401.
[146] РИБ, т. XX, кн. I, 186.

было урегулировать в интересах всего землевладельческого класса.

Если землевладельческий класс выступал единым фронтом против свободных людей и стремился установить однообразные повинности для последних, то та же самая политика диктовала необходимость принять однообразные меры против ухода свободных людей. Инициатором в этом важном вопросе выступила бельская шляхта. В полученной ею от великого князя Александра уставной грамоте условия ухода были впервые узаконены. Если бы свободные люди «кметь от некоторого земянина, до иншего земянина, або до князя великого, або до места хотелбы ити, а рукоем бы зань была», то в таком случае тот, кто уходил, обязан был выплатить своему землевладельцу такие подати, как «остатнее» по расчету с 1 волоки копу грошей, «сходельное» (пожилое, поворотное) полкопы грошей с той же земельной единицы [147]. Для ухода свободных людей это постановление имело огромное значение. Свободные люди сохраняли право ухода, однако оно было связано с выплатой значительных по размеру выходных пошлин. Требование выплаты пошлины ставило свободного человека, имевшего право на уход, в весьма тяжелое положение, затрудняло его уход, что, понятно, отвечало интересам землевладельческого класса, по желанию которого, собственно, и были назначены, с целью задержать свободного человека, указанные выходные пошлины.

Благодаря этому постановлению борьба с правом ухода и отказа проходила теперь в весьма тяжелых условиях для свободных людей, часто не имевших необходимой суммы денег для выплаты выходных пошлин. Борьба с уходом свободных людей была делом всего класса землевладельцев. Отражением этой борьбы может служить известное постановление витебских землевладельцев, принятое на заседании гродского суда от 2 апреля 1531 г. Указание на то, что витебские землевладельцы «мають люди вольные за собой держати по полоцкому», свидетельствует о том, что и полоцкие землевладельцы проводили ту же политику. Выше уже говорилось, что вся эта политика является политикой всего класса землевладельцев, стремившегося выровнять общую линию в своих отношениях к похожим людям.

Витебские и полоцкие землевладельцы стали на путь решительной борьбы с уходом свободных людей. Правила, выработанные ими, ставили свободных людей в весьма тяжелое положение, что, понятно, не могло не отразиться на уходе последних. Условия ухода зависели от тех условий, на которых свободный человек поселился на земле. Нужно признать, что

---

[147] АЗР, т. I, 189, арт. 20.

постановление витебского гродского суда стремилось к возможно полной детализации правил об уходе.

Прежде всего, свободный человек должен был оставить фольварк, в котором он жил, в том виде, в каком он был им принят. Если же из-за его бесхозяйственности «двор огноить, тоды тот человек мает также тот двор оставити оправивши потому ж к чому пришол». Это правило выхода совершенно понятно: землевладелец не желал и не мог нести никакого материального ущерба из-за бесхозяйственности свободного человека.

В том случае, если свободный человек, при поселении «дом з статком возме, або житом», то при уходе он обязан «идя прочь, только-ж в дому оставити». Если же при этом вольный человек возьмет наймита «а задаток даст, то наймит мает у року стояти».

Другая группа постановлений об уходе касается определенного срока ухода. Понятно, почему землевладельцы затронули этот очень важный вопрос. Неопределенность времени ухода была невыгодна для хозяйства. Значит, время ухода нужно было определить так, чтобы это не повредило интересам землевладельцев. В этих целях уход разрешался только до уборки и после уборки урожая, когда все сельскохозяйственные работы окончились. Во всяком случае, уход в любое другое время запрещался. Витебские землевладельцы условились в другое время ухода не разрешать. Отказ вне установленного времени запрещался, ибо, согласно постановлению гродского суда, «который человек до збора, або о зборе челом не вдарит, тот мает человек за тым господарем своим до того ж году быть».

Свободный человек обязан сделать заявление землевладельцу о своем отказе, «челом ударить». Тайный уход свободных людей не разрешался. Свободные люди, при условии законного отказа, могут «возити свой статок з ведомом, челом ударивши, и своим господарем во всем расправившися и заплативши (за уход) куницу». В том случае, когда свободный человек попытается тайком вынести свой «статок» и будет уличен в этом проступке, он «статок свой весь тратит и жито в земли». Постановление Витебского гродского суда учитывает возможность незаконного ухода свободных людей. В том случае, если поймают человека, вывозившего свободных людей, все имущество этого человека конфискуется, а сам он отдается «на город у вине яко злодей, а вины три рубли». Все эти постановления полностью удовлетворяли землевладельцев и, понятно, препятствовали уходу свободных людей.

Среди витебских свободных людей были группа поселенцев, занимавшихся промыслами, для которых предусматриваются особые правила ухода. Бортник, который пришел «со бчолами»

или купил «бчолы», имеет право взять с собой приобретенных и принесенных пчел. Что касается пчелиного приплода, то последний делится «с господарем напол, дворные и лесные и мед напол, а борть потому ж напол». «Дольники» сенокосных угодий могут косить «по 15 коп».

Что касается ухода свободных людей, сидевших «на жалобе», то они имеют право выйти только «отсидевши жалобу», выплачивая ежегодно четвертую часть своего урожая или работая 2 дня на барщине. После отработки «жалобных лет» свободные люди имеют право уйти. Землевладелец обязан отпустить их добровольно «не чинячи их ничим». В случае, если бы такой свободный человек украл хотя бы один сноп и эта кража была бы доказана на суде, с участием посторонних лиц, он выплачивает «лицо удвое» и платит вины 1 рубль. Также, если б свободный человек захотел продать «выробленную з леса хоромину», владелец имеет право на четвертую часть вырученной от продажи суммы.

Постановлением Витебского гродского суда был введен определенный порядок в практиковавшийся уход свободных людей. Повседневная практика права ухода получила юридическую формулировку, обязательную для всего класса землевладельцев. Разумеется, такие юридические нормы, которые были созданы под влиянием интересов землевладельцев и раз навсегда порывали с системой обычая, должны были тяжело отразиться на свободном человеке. Право ухода свободного человека на основании договорных отношений было уничтожено, его место временно заняло право ухода на основании местного закона, полностью отвечающего интересам землевладельцев [148].

Постановление Витебского гродского суда весьма характерно, как показатель классовой солидарности витебских землевладельцев и как отражение тех крепостнических тенденций, которые начал проявлять, и притом весьма откровенно, класс землевладельцев.

IV

Свободные люди и землевладельцы — два враждебных друг другу класса. Свободный человек был экономически зависим от землевладельца. Последний, заботясь о приобретении рабочих рук, часто проявлял тенденцию к закрепощению свободных людей, так как это давало ему возможность и право оставить свободного человека в своем поместье на правах непохожего. Очень часто землевладельцы не имели для этого никаких оснований. Понятно, что с подобными явлениями свободные люди

[148] Беларускі архіў, т. II, № 72, стр. 48.

не могли согласиться и стремились с помощью суда закрепить свое свободное положение и избавиться от незаконных посягательств со стороны землевладельцев. Так возникали многочисленные иски о воле, не всегда разрешавшиеся в лучшую для истцов сторону. Великий князь или маршалк земский, которые рассматривали те или иные иски о вольности, часто разрешали дело не в пользу лиц, искавших воли, так как для противоположного решения не было соответствующих данных. В этом отношении весьма интересным является дело подданных Быка и Грицька Мартиновичей с боярином княгинь Мстиславских, Клишком Радчицем, который рассматривал вышеуказанных лиц, как людей непохожих. Последний выступал в качестве ответчика боярина Клишко, а во время отсутствия его заменяла жена. На суде маршалка земского, витебского наместника, пана Станислава Глебовича и княжеского писаря, наместника Стоклицкого, выяснилось, что сами истцы, их родители и братья несли тяглую службу «с сохою, с серпом, с косою, с топором и иную тягль тянули по тому, как иншие селяне». Братья Мартиновичи, согласно словам ответчика, были беглыми и спрятались сначала в г. Кричеве, а потом в Стародубе. Сами же братья излагали дело иначе: они доказывали вольность своего происхождения и добровольность своей службы. Для подтверждения своих данных братья Мартиновичи избрали из числа бояр Мстиславских, на которых ссылался Клишко Радчиц,— Андрея Корсаковича. Однако рассмотрение дела не могло состояться, так как один из истцов «того же часу с права втек». Правда, другой признал, что он «Клишков человек непохожий и бил челом Клишковой жоне и присягнул ей на том, што мел отцов и братью свою к ним привести», но после присяги он также убежал. На этом основании великий князь Александр 31 мая 1496 г. вынес судебное постановление, согласно которому оба истца были признаны людьми непохожими. Одновременно приговор давал Клишко право искать беглых. В случае, если беглые будут найдены, Клишко имеет право «побрати» как людей своих непохожих и может их держать «по тому, как перед тым отец его и он сам их держал»[149]. Таким образом, иск был проигран истцами по той причине, что они, не дождавшись постановления суда и показаний свидетелей, бежали. Сам факт побега и неявки в суд истца свидетельствовал об отказе от иска и приводил к фактическому проигрышу дела.

Не все процессы о вольности оканчивались неудачно для тех, кто искал воли. Судебная практика сохранила некоторое число судебных приговоров, по которым лицам, начавшие дело о вольности, добились благоприятного для себя судебного

[149] АЛМ, № 275.

постановления. Возможность последнего объяснялась исключительно тем, что данные, приводившиеся истцами, были очевидными и суд мог вынести только удовлетворяющее истца постановление. Некто Иев, выходец из Копыля, подал (1507) жалобу на Богдана Корову, который рассматривал Иева, как непохожего человека. Иев, понятно, с такой точкой зрения согласиться не мог, и в качестве доказательства, что он свободного происхождения, привел следующие соображения: дед его был приезжим из Копыля; от Витовта им была получена в держание та земля, которая и сейчас находится у него. Сам же Иев поселился в г. Каменце еще до получения земельного надела и прожил в нем 8 лет. Затем, копылянин сослался «на бояр и на всю волость Каменецкую и на мещан». Вышеуказанное дело великий князь рассматривал с радными панами. Своим приговором от 12 июля 1507 г. великий князь вынес условное постановление, согласно которому истец признавался правым, если только будет доказано, что тот копылянин предок их — «человек приеждчи» [150]. Очевидно, такое постановление можно было составить только на основании допроса бояр и мещан той волости, на которых ссылался копылянин. Как окончательно было решено дело на основании допроса свидетелей — мы не знаем, но в принципе постановление весьма важно. Свободный человек, если он мог выставить свидетелей, которые убедительно доказывали его свободное происхождение, сохранял свою свободу, несмотря на крепостнические тенденции со стороны землевладельца.

Непохожие люди часто желали освободиться из зависимого состояния либо потому, что они считали себя свободными, либо потому, что желали считать себя таковыми. Непохожие люди убегали на земли других землевладельцев, либо в города, где искали себе пристанища. Видимо, чаще всего они убегали в города, так как надеялись, что городская администрация их не выдаст и они останутся на положении свободных. Города в эту эпоху были весьма заинтересованы в увеличении городского населения и могли дать беглым право убежища, и считать их «людьми вольными». Землевладельцы не могли согласиться с точкой зрения городских властей и не считали, что «городской воздух делает крепостного свободным». Если согласиться с такой явно не отвечающей экономическим и социальным интересам точкой зрения, то это могло привести к большим и неожиданным результатам.

Совершенно понятно, что как только землевладелец узнавал о местонахождении беглого в том или ином городе, он обращался к городской администрации с просьбой о выдаче. В слу-

---

150 РИБ, т. XX, кн. II, № 22.

чае, если администрация отказывала в выдаче беглеца, землевладелец был вынужден обратиться к суду великого князя для разрешения возникшего между ним и городом дела. Великий князь или маршалк, которому поручалось вести это дело, придерживался точки зрения землевладельца. Город не давал свободы крепостным людям, и если они, убегая в город, не могли доказать своего свободного происхождения, их выдавали землевладельцу. Князь Юрий Иванович Дубровицкий, узнав, что его люди Василек и Гринько Огрызковичи сбежали в Берестье, потребовал их выдачи. Однако войт и бурмистры отказались выдать беглых князю, предъявившему на них свои юридические права. Князь Юрий обратился с жалобой к великому князю. Маршалк земский и державца слонимский Ян Миколаевич, а также воевода полоцкий и державца мозырский Альбрехт Мартинович Гаштольд рассматривали это дело 22 декабря 1518 г. Решение ими было вынесено в пользу князя Юрия, так как доводы ответчиков, говоривших, что они служили «предком его милости и самому князю, по доброй воле», были недостаточно обоснованными. Суд, признавая ответчиков непохожими людьми, приказал выдать беглого Василька князю Юрию вместе с имуществом — домом, который приобрели оба беглеца в Берестье. Правда, Гринько не удалось выдать, так как он снова убежал. Князю Юрию пришлось довольствоваться тем, что ему был выдана грамота на имя «вижа», господарского дворянина Кочановского. Согласно этой грамоте, последний имел право искать беглого и, разыскав, взять его без всякого нового судебного постановления [151]. Постановление великокняжеского суда полностью соответствовало сущности современного ему вотчинного права. Понятно, великокняжеский суд выносил такое же постановление и в том случае, если истец просил выдачи беглого человека, который нашел убежище у какого-нибудь землевладельца, и также не мог доказать своего свободного происхождения. Однако, если истцам не удавалось доказать, что ответчики — беглые подданные, великокняжеское решение закрепляло за ответчиком его свободное юридическое положение. Боярин белицкий — Юрий Богданович подал жалобу на Родюса Немца, которого он считал человеком «отчизным» и непохожим. Родюс, сбежав от боярина Юрия, нашел убежище у Шимко Простивиловича, не желая в дальнейшем нести службу истцу. Боярин Шимко не захотел выдать Родюса, и дело перешло в суд великого князя. Маршалковский суд приговором от 17 июня 1515 г. признал Родюса свободным. На суде было доказано, что Родюс был свободным и попал к отцу Юрию, как человек «в закупех» за сумму 2 копы грошей. Служба Родюса

[151] РИБ, т. XX, кн. III, № 38.

продолжалась 60 лет. Маршалковский суд, приняв во внимание, что закупная сумма была небольшой, а между тем Родюс «так много лет служил», признал Родюса правым и истцу в его иске отказал [152].

Все эти судебные процессы свидетельствуют, с одной стороны, о желании непохожих людей стать свободными, а с другой стороны, о нежелании свободных людей стать непохожими. Совершенно понятно, что землевладельцы стремились закрепить за собой свободных людей и вернуть к себе лиц, считавших себя свободными, не имея на это определенных юридических оснований. Этого требовали экономические интересы землевладельцев.

III. ЛЮДИ ЗАКУПНЫЕ

I

Институт закупных людей, возникший на фоне феодально-городского хозяйства, является одной из самых сложных проблем истории Литовско-Белорусского права. Однако до настоящего времени этот институт не был изучен с достаточной полнотой, какой требует эта социальная проблема, сама по себе важная и мало освещенная. Нельзя сказать, что эта проблема не привлекла к себе внимания специалистов. Отдельные работы по этому вопросу имеются. Однако существенный недостаток этой историко-юридической литературы заключается в том, что историки-юристы подходили к освещению данного института юридически-догматическим методом, мало обращая внимания на те общественные условия, которые должны были содействовать его зарождению и оформлению. Кроме этого, историки-юристы, интересовавшиеся возникновением института закупов, совершенно не затрагивали правового положения закупных людей. Между тем эта сторона вопроса является чрезвычайно важной в условиях развития феодально-городского хозяйства.

В существующей литературе имеется и другой недостаток. Если М. К. Любавский, изучая институт закупов, ограничивается только эпохой, предшествующей времени издания первого Литовского статута (1529), то другие исследователи, такие, как: Ф. И. Леонтович, и М. Н. Ясинский изучают этот институт на протяжении XV и всего XVI в., исходя из предположения, что юридическая природа института оставалась неизменной на протяжении всего этого периода.

Неодинаковым был и материал, на основе которого подходили исследователи к изучению института закупов. Первый из исследователей, поднявший вопрос о закупах, Ф. И. Леонтович,

[152] Там же, кн. I, № 182.

опирался в своих выводах почти исключительно на данные Литовских статутов всех трех редакций. Такие исследователи, как М. Ф. Владимирский-Буданов, М. К. Любавский, М. Н. Ясинский, интересовались главным образом актовым материалом и, на материале этого источника, стремились осветить происхождение института закупов. При этом если М. К. Любавский и М. Ф. Владимирский-Буданов в своем распоряжении имели не очень большое количество документов, то М. Н. Ясинский из книг Литовской метрики собрал уже довольно значительное количество последних. Однако в большинстве своем документы, использованные М. Н. Ясинским, относятся к эпохе после опубликования Литовского статута 1529 г. На наш взгляд, было бы методологически более правильным не рассматривать эти более поздние акты в качестве материала как для выяснения юридической природы закупных людей, так и для изучения происхождения этого института, ибо в XVI в., в эпоху торгового капитала, институт закупничества был уже совершенно «развившимся». Вот почему для изучения вопроса о закупничестве, его происхождении и правовом положении закупов нужно ограничиться только тем материалом, который имеет отношение ко времени публикации первого Литовского статута, т. е. до того времени, когда указанный институт социальной зависимости, развившийся на общем фоне феодально-городского хозяйства, впервые получил юридическое оформление в Статуте первой редакции. Статут же является не чем иным, как законодательным памятником, в основе которого лежат судебные постановления — приговоры того времени, относящиеся к различным юридическим институтам и получившие, наконец, в Статуте 1529 г. свою юридическую формулировку.

Институт закупничества наверняка станет более понятным, если исследователь обратит внимание на экономические условия эпохи феодально-городского хозяйства и значительную мобилизацию земельного капитала.

Только приняв во внимание все эти условия, можно выяснить экономическую базу возникновения закупничества, разобраться в юридических актах этого времени и окончательном оформлении указанного института в Статуте 1529 г.

Ф. И. Леонтович в весьма ценной для своего времени работе «Крестьяне юго-западной России по Литовскому праву XV—XVI ст.» рассматривает в ряде мест вопрос о «закупных людях», опираясь главным образом на соответствующие статьи Статута всех трех редакций. «Закупные люди» для Леонтовича — это часть сельского населения, которая временно лишена свободы и находится в долговой зависимости от определенного юридического лица. Анализ юридического материала позволяет Леонтовичу прийти к выводу, что «закупничество, вообще, было

состоянием временной несвободы, в течение которой должник подчинялся господской власти, под какой находились все зависимые люди»[153]. Леонтович констатирует, что люди зависимые, «состоявшие в долговой зависимости», в актах встречаются под названием «закладники»,— названием, обозначающим такое положение, когда люди попадали к своему кредитору «для отработки долга». Термин «закладень» уже неизвестен Литовскому статуту. В нем подобные должники называются «закупнями» или «людьми закупными».

По мнению Ф. И. Леонтовича, закупничество, согласно Литовским статутам, делилось на несколько категорий: 1) закупничество вольное, когда должник поступал на службу к кредитору добровольно, по собственному желанию; 2) закупничество судебное, когда должник выдавался кредитору по судебному постановлению; 3) закупничество принудительное, когда кредитор силой принуждал должника служить себе[154]. Отсюда несколько непонятным является утверждение М. Н. Ясинского, будто в Литовском статуте, согласно исследованию Ф. И. Леонтовича, говорится о судебном закупничестве[155]. Фактически это противоречит всему тому, что было высказано Ф. И. Леонтовичем о закупных людях.

«Люди закупные» и «закладни» составляют у Леонтовича одну и ту же социальную категорию, с той только разницей, что при одинаковости их юридической природы они имеют разные названия.

Все наблюдения Ф. И. Леонтовича заслуживают внимания. Его исследованиями устанавливается существование института социально-зависимых людей, находящихся в зависимости от пана и под его юрисдикцией, за исключением только того случая, когда эти закладни жили на территории города с магдебургским правом[156]. Ф. И. Леонтович ограничивается изучением лишь вопроса о происхождении закупничества. Однако сам этот институт не стал объектом его анализа и исследования. Автор как будто бы и не испытывал в этом особой надобности, так как юридическая природа закупничества была для Ф. И. Леонтовича совершенно ясной.

Он противопоставляет «закупных людей» другим категориям зависимых людей, так как они не отчуждались в связи с продажей, обменом или иным способом, как с землей, так и без

---

[153] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России..., № 10, стр. 11.

[154] Там же, стр. 71.

[155] М. Н. Ясинский. Закупы Русской Правды и памятников западного русского права. «Сборник статей по истории русского права», Киев, 1904, стр. 440.

[156] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России..., № 10, стр. 11.

земли[157]. По мнению Ф. И. Леонтовича, «люди закупные» противоположны «людям заставным», составляющим особую категорию временно зависимых людей.

Вот так был поставлен проф. Ф. И. Леонтовичем вопрос о «закупных людях», впервые поднятый им в литературе.

Уже на основе данных Ф. И. Леонтовича нельзя не заметить некоторой двойственности в юридическом положении закупов. Одни закупы непосредственно подлежали юрисдикции своих панов, между тем как закупы землевладельцев, жившие в городе с магдебургским правом, подлежали юрисдикции войта. И вообще постановка Ф. И. Леонтовичем вопроса о закупах довольно сложна.

Сам институт социальной зависимости должен был привлечь к себе внимание исследователей литовско-белорусского права. Между тем на протяжении длительного времени этот вопрос не был объектом исследований историков и юристов. По-видимому, это в значительной мере зависело от того, что вопросы по истории литовско-белорусского права вообще еще находились в стадии первоначальной разработки. Но, наконец, один из выдающихся историков русского права, киевский профессор М. Ф. Владимирский-Буданов, по традиции киевской школы историков-юристов, заинтересовался проблемами литовско-белорусского права. Им была создана даже историко-юридическая школа. Сила М. Ф. Владимирского-Буданова как исследователя — в точном, глубоком анализе документа. Однако не всегда ему удавалась конструктивная часть. Интересуясь семейным правом XVI в., М. Ф. Владимирский-Буданов имел под руками несколько документов по этому вопросу, которые давали ему также возможность затронуть институт закупничества. Не понимая вопроса о происхождении закупничества, М. Ф. Владимирский-Буданов стремился доказать, что на основе норм семейного права родители имели право на свободу детей и вообще тех лиц, которые находились в зависимости от семейной власти[158]. Поскольку исследователями уже было констатировано наличие такого важного института, как закупничество, то совершенно понятно, что М. К. Любавский в своей большой работе, напечатанной через два года после выхода в свет книги М. Ф. Владимирского-Буданова, должен был затронуть вопрос о закупных людях. Специально изучать институт закупных людей он не стремился и лишь коснулся его, поскольку это вызывалось необходимостью всестороннего изучения социального состава населения волости на территории

[157] Там же, стр. 8.

[158] М. Ф. Владимирский-Буданов. Черты семейного права XVI в. «Очерки из истории литовско-русского права», вып. II, Киев, 1890, стр. 25.

Великого княжества Литовского. В своих замечаниях о закупах М. К. Любавский использует данные Литовского статута и архивные материалы, которые вообще в большом количестве привлечены им в исследовании. Однако необходимо отметить, что постановка вопроса о закупах у него не полная, а выводы вызывают возражения.

М. К. Любавский столкнулся с институтом закупничества при изучении социального состава населения «волостей» великого князя. В отличие от Ф. И. Леонтовича, который объяснял происхождение закупничества на основе артикулов Литовских статутов всех трех редакций, М. К. Любавский пользовался не столько Статутом 1529 г., сколько актовым материалом. Такой подход следует считать правильным: актовый материал позволяет установить генезис института закупничества, тогда как данные Литовского статута дают институт закупничества в уже определенном юридическом оформлении. Кроме того, актовый материал отражает реальную жизнь во всем ее разнообразии и динамичности, тогда как юридические нормы Литовских статутов характеризуют институт закупничества только с точки зрения выслуги закупа. Однако М. К. Любавский использовал сравнительно небольшое количество актов. Возможно, по этой причине его рассуждения относительно закупов не отличаются той ясностью, которая столь желательна в этом сложном и важном вопросе.

М. К. Любавский обнаруживает в актах Литовской метрики наличие двух категорий людей: одна согласно терминологии называется «закупы» и другая — «люди в пенезех». М. К. Любавский решительно высказывается против смешения этих двух категорий людей. По мнению М. К. Любавского, закупничество образовалось в результате того, что обедневшие крестьяне не могли нести со своих земель «самостоятельные службы» и вынуждены были жить трудом на людей. Эти люди, стремившиеся добыть себе средства к существованию трудом на других, назывались «наймитами». Подтверждение этому М. К. Любавский находит в актах, свидетельствующих, что «многие отчичи» покинули свою землю и «ходят по людям в закупех» [159]. Надо думать, что М. К. Любавский прав, считая явление закупничества результатом обнищания «господарского отчича». Однако в дальнейшем объяснении института закупничества он пошел неправильным путем.

В толковании термина «закуп» Любавский отправляется от толкования этого термина, принятого Сергеевичем, выдающимся представителем формально-догматической школы в истории русского права. Между тем Сергеевич говорил о закупе Русской

[159] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 393.

Правды, и поэтому М. К. Любавскому, прежде чем солидаризироваться с Сергеевичем, необходимо было доказать, что закупы эпохи Русской Правды «пространной редакции» и закупы Литовско-Белорусского государства XV и начала XVI в.— один и тот же социальный институт. Однако последнего Любавский не сделал, что до некоторой степени снизило ценность его вывода. М. К. Любавский сам чувствовал наличие неувязки между своими формулами и формулами Сергеевича и склонен был считать, что Сергеевич объясняет термин «закуп» не совсем правильно, так как господин, владелец закупа, имел, наверное, больше прав на закупа, чем на наймита. И действительно, господин имел право превратить закупа в невольника — «раба», если последний убегал, «не отработавши долга». М. К. Любавский вносит ограничения в объяснение Сергеевичем этого обстоятельства. Отсюда видно, что закуп и наймит не являются одинаковыми социальными институтами. Однако, что такое «закуп»? У М. К. Любавского это осталось невыясненным. Исследуя институт закупничества, М. К. Любавский допустил одну существенную методологическую ошибку. В институте закупничества Любавский видел социальное явление — «тождественное эпохе Русской Правды». Между тем аксиоматичное принятие этой мысли вызывает сомнения и возражения. Необходимо было доказать тождественность «закупа» эпохи Русской Правды и закупа XV и начала XVI в. С другой стороны, необходимо было обратить больше внимания на причины обеднения крестьянства, в результате которого отдельные люди попадали в закупы [160], ибо процесс обнищания крестьянства и наличие лиц, принимавших закупов, объяснялись хозяйственными условиями того времени.

М. К. Любавский подходит к данному вопросу совершенно абстрактно. Констатируя существование закупов как результат процесса обеднения крестьянства, М. К. Любавский вместо того, чтобы глубже исследовать источники и детально анализировать их, пошел вслед за формально-догматической теорией Сергеевича. Именно поэтому он и попал в «тупик», из которого ему так и не удалось выйти.

Отмечая особую категорию людей, называемых «людей в пенезех», М. К. Любавский противопоставляет их закупам. По его мнению, «люди в пенезех» — крестьяне, «которые садились в имениях к частным владельцам на крестьянских участках, взяв у них ссуду и обязавшись служить крестьянскою службою до уплаты долга» [161].

---

[160] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 395.

[161] Там же, стр. 394.

Видимо, «люди в пенезех» не есть закупы. И в документе, на который ссылается М. К. Любавский, закупы выделены в особую относительно «людей в пенезех» категорию.

М. К. Любавский целиком прав, отказываясь смешивать закупов с «людьми в пенезех». Существование последних предполагало какую-то новую форму социально-экономической зависимости, и фактически на этом фоне вырос новый институт социально-экономической зависимости — институт крепостного права. В настоящий момент следует считать бесспорным, что наблюдения М. К. Любавского, относящиеся к закупничеству, необоснованны, что, по-видимому, было связано с отсутствием у него необходимого количества документов, которые могли бы четко и определенно охарактеризовать институт закупничества. Вместе с тем при исследовании института закупничества нельзя исходить из гипотезы тождественности закупа эпохи Русской Правды и более позднего времени.

Первым исследователем, специально занявшимся закупами как самостоятельной историко-юридической темой, был киевский проф. М. Н. Ясинский. В своей статье «Закупы Русской Правды и памятников западнорусского права» Ясинский исследовал довольно много актовых материалов. В его распоряжении было значительно больше документов, чем у предыдущих исследователей. Однако автор в своей работе с самого начала допускает целый ряд методологических ошибок. Прежде всего, М. Н. Ясинского интересует не сам институт «закупных людей» как институт, сложившийся на почве Литовско-Белорусского государства, а желание установить «преемственную связь» между институтом «закупничества» эпохи Русской Правды и институтом «закупничества» более позднего времени, чтобы на основе выяснения возникновения и характеристики юридической природы последнего объяснить происхождение и юридическую природу закупа Русской Правды. Иначе говоря, то, что для М. К. Любавского было предметом мимолетного наблюдения, для М. Н. Ясинского стало темой специального исследования. И если М. К. Любавский стремится доказать происхождение института закупничества как результат «договора-найма», то М. Н. Ясинский ставит своей целью показать, что возникновение этого института есть результат «договора-займа».

В этом М. Н. Ясинский и М. К. Любавский, несмотря на противоречия в своих окончательных выводах, в методологическом смысле, весьма близки друг другу. Ясинский забывает, что XIV в. не оставил нам актов, благодаря чему нельзя проследить непосредственную преемственную связь между закупами эпохи Русской Правды и временем публикации первого Статута.

Вторая ошибка М. Н. Ясинского состоит в том, что он к делу изучения института закупничества привлекает материал не только XV и начала XVI в., но и вообще всего XVI в., однако сравнительно мало внимания уделяет материалу, имеющемуся в Литовском статуте 1529 г.

Исследуя акты Литовской метрики XV—XVI вв., Ясинский приходит к выводу, что закуп никоим образом не был наймитом, как считают Сергеевич и другие исследователи, но что институт закупничества возник на основе «договора-займа, соединенного с личным закладом». Закуп был не наймитом, а должником, обеспечивавшим дом «залогом или закладом своей личности кредитору и погашавшим этот долг, если не было иного условия, своею работой или службой в пользу кредитора». В то же время Ясинский не склонен отказываться от генетической связи между закупами эпохи Русской Правды и закупами XV—XVI вв., так как закупничество XV—XVI вв., по его мнению, «находится в несомненной и тесной генетической связи с закупничеством Русской Правды и отрицание этой связи было бы равносильно утверждению, что западнорусское закупничество вышло, так сказать, из пены морской» [162].

И действительно, коль скоро Ясинский объяснял закупничество на основании одних только формально-юридических рассуждений, то институт закупничества в его работе как будто вырастает из «пены морской». Между тем достаточно было Ясинскому поставить исследование института закупничества в связь с экономическими условиями жизни того времени, с развитием феодального землевладения — и он увидел бы, что институт закупничества возник не «из пены морской» и что для его объяснения вовсе не требуется определенной связи между институтом закупничества Русской Правды и закупничеством XV—XVI вв.

Не соглашаясь с мнением М. К. Любавского о том, что «люди в пенезех» не были закупами, М. Н. Ясинский считает этот вывод «поспешным и почти ничем не аргументированным» [163]. Не согласившись с М. К. Любавским, М. Н. Ясинский со своей стороны обязан был доказать, что закупы и «люди в пенезех» — одно и то же, что это лишь видоизменение одного и того же института, что дело лишь в формулировке.

Поставив своей целью доказать тождественность этих двух институтов и отвергнув текстуально правильное понимание М. К. Любавским документа, М. Н. Ясинский стремится свои рассуждения подтвердить не положительными данными, а

---

[162] М. Н. Ясинский. Указ. соч., стр. 463.
[163] М. Н. Ясинский. Указ. соч., стр. 457, выноска 50.

общими рассуждениями гипотетического характера. Видно, что хотя М. Н. Ясинский и считал высказанные замечания и выводы М. К. Любавского претенциозными и мало обоснованными, приведенные им доводы вызывают все-таки сомнение и ясная формулировка М. К. Любавского, проводящая демаркационную линию между закупами и «людьми в пенезех», должна быть признана правильной.

Что же дает нам по этому вопросу историко-юридическая литература?

Ею собран определенный материал и поставлен для исследования вопрос. Но надлежащим образом вопрос этот ею не исследован. Понятно, что между взглядами Ф. И. Леонтовича, М. К. Любавского и М. Н. Ясинского имеется существенное различие. В этом проявляют себя значительные успехи в изучении истории литовско-белорусского права. Выдвинутая проблема остается неразрешенной, однако для ее разрешения уже выработаны определенные методы. При объяснении института закупов, необходимо на время забыть о закупах Русской Правды, отложить последнюю в сторону. Исследование необходимо ограничить самостоятельным изучением института закупничества XV и начала XVI в., не поднимая вопроса о том, существует ли генетическая связь между: а) закупом XV — начала XVI в. и б) закупом Русской Правды или ее нет? «Привнесение чужестороннего элемента» не поможет правильному разрешению и надлежащему исследованию выдвинутого вопроса.

Правильное разрешение вопроса о закупах возможно только в том случае, если исследователь ограничится изучением материала XV и начала XVI в., поставит его в самую тесную связь с экономическими условиями того времени и, наконец, в состоянии последних будет искать зарождение, развитие и юридическое оформление этого интересного института социальной зависимости.

II

В условиях феодально-городского хозяйства юридическая терминология не могла еще окончательно оформиться. Постепенно шла обработка и оформление юридической терминологии, пока, наконец, она не получила окончательную формулировку в Литовском статуте первой редакции. Юридические институты, зарождение и развитие которых находились в зависимости от общих условий развития и положения феодально-городского хозяйства, возникали и оформлялись постепенно на протяжении XV и начала XVI в. Литовский статут 1529 г. дал юридическую формулировку всех этих институтов, образование и развитие которых прослеживаются в актах XV и начала XVI в.

Для характеристики институтов, лишь внешне имевших кое-что общее, но по существу резко отличавшихся друг от друга, в историко-юридических актах того времени употреблялись одинаковые юридические термины. Поэтому было бы неправильным считать, что идентичность терминов означает уже тождественность институтов. Юридические термины могли быть вербально одними и теми же, т. е. созвучными словами. Но это лишь свидетельствовало бы о слабо развитой юридической терминологии. Утверждать на основе вербальной тождественности терминов тождественность и «внешнеформальную» тех или иных институтов было бы неправильно. Между тем такая методологическая ошибка была допущена М. Н. Ясинским, а М. К. Любавский и Ф. И. Леонтович, не гоняясь за количеством созвучных терминов и однохарактерных материалов, счастливо избежали ошибки, допущенной М. Н. Ясинским.

Отсюда ясно, что для выяснения юридической природы института закупничества в первую очередь необходимо разобраться в той юридической терминологии, которая употреблялась в актах того времени по отношению к закупам. При этом необходимо рассмотреть не словарный, а юридический смысл содержания институтов, характеризовавшихся созвучными терминами. Было бы безусловно ошибочно широко пользоваться еще не успевшей установиться одной только терминологией и на основании этого делать какие-либо широкие обобщения относительно института закупничества.

М. Н. Ясинский сурово отнесся к своим предшественникам. По его мнению, последние недостаточно глубоко и внимательно исследовали вопрос о закупах. Сам М. Н. Ясинский имел в своем распоряжении значительное количество актов, касающихся закупничества. Это позволило ему, как он утверждает, уразуметь «действительный смысл» института закупничества и одновременно избавиться от ошибок, допущенных предыдущими исследователями.

М. Н. Ясинский прав в своем утверждении, что среди актов встречается много документов, в которых употребляются термины «закупить», «заставить», «закуп», «закупный»; однако на основе только одной терминологии было бы ошибочно делать общие выводы. Отмечая, что в актах часто употребляется слово «закупить», М. Н. Ясинский считает, что оно означает не купить или арендовать, а нечто совсем другое, именно то, что определяется выражением «взять в заставу», т. е. в залог. Термин «запродать» тождествен терминам «заставить», отдать «в залог, в заклад, в обеспечение долга». Существительное «закуп», по мысли Ясинского, «как прежде встречающееся — закупля», соответствует «заставе», т. е., согласно современной терминологии,— «залогу», «закладу». Отсюда прилагательное «закупный»

означает «взятый в заставу», т. е. «в залог или в заклад».

Выражения «быть в пенезях», «держать в пенезях» означают то же самое, что и выражения «быть в закупе, меть в закупех, меть в заставе», т. е. быть, держать или иметь «в залоге», «в закладе» [164].

Толкование отмеченных выше терминов М. Н. Ясинским — совершенно верное. Однако этим еще не выясняется юридическая природа закупничества. Этого почти невозможно достичь, даже исходя из рассуждений М. Н. Ясинского. М. Н. Ясинский считает, что «закупные люди», называвшиеся так только потому, что имение было отдано в заставу, и закупные люди, которые стали в непосредственно долговые отношения к своему господину, фактически одно и то же. Между тем в первом случае «закупные люди» обозначаются этим термином потому, что была закуплена земля; земля находилась «в заставе». Значит, суть дела в заставе земли, а не в закупленных людях. Право распоряжения закупными людьми будет определяться правом распоряжения заставной землей. Во втором случае должник попадает в повинностные отношения («в обязательственные отношения») к своему кредитору и на почве этих отношений обязан нести определенную службу, которую можно рассматривать как выплату самого долга. Сам же долг был обеспечен личностью должника. «Господин закупа» будет непосредственно эксплуатировать своего должника, так как последний в связи с долгом вступил в непосредственные, личные отношения с ним. Также, когда владелец крепостного крестьянина, получая заем, в обеспечение последнего дает «ссудодателю» своего крепостного, последний будет называться «закупным человеком», поскольку само соглашение («сделка») будет обозначаться глагольным термином «закупити». Однако в данном случае «закупный человек» является не субъектом, а объектом соглашения. Право кредитора использовать его труд будет зависеть от того, что в силу условий займа, обеспеченного крепостным человеком, «ссудодатель» получил право эксплуатировать закупного человека до тех пор, пока должник не выплатит всего долга.

Таким образом, было бы ошибкой пойти за М. Н. Ясинским и согласиться с тем, что вербальная созвучность терминов означает тождественность юридических институтов. Отсюда вытекает, что М. Н. Ясинский недостаточно глубоко и внимательно исследовал соответствующие акты XV—XVI вв.

Принимая во внимание неясность и запутанность юридической терминологии, поскольку последняя в XV и начале XVI в. еще только оформлялась, обратимся к актовому материалу и

---

164 М. Н. Ясинский. Указ. соч., стр. 449.

попытаемся разобраться как в терминологии, так и в самих институтах, которые обозначаются этой общей терминологией. Только такой путь позволит установить различие между созвучными терминами, определить реальное содержание соответствующих юридических институтов, он будет совершенно правильной позицией при исследовании института «закупов» и «закупных людей» в узком смысле этого слова.

Уже Ф. И. Леонтович отметил, что в актах встречаются так называемые «люди пограбленые». По мнению Ф. И. Леонтовича, это и есть институт закупничества, институт, однако, принудительный, ибо физическое лицо стало в непосредственные, личные, зависимые отношения не добровольно, а в результате применения силы, оказавшись, по-видимому, не в состоянии выполнить взятые на себя обязательства. Чтобы предотвратить возможную утрату своих денег, своего имущества, т. е. чтобы не понести материального ущерба, кредитор накладывает руку на своего должника и силой вынуждает последнего работать на себя до возвращения долга.

В грамоте великого князя Александра на имя князя Михаила Глинского от 29 апреля 1506 г., в которой было дано разрешение на выполнение завещания киевского воеводы Дмитрия Путятича, находим упоминание о невольных людях, «которых был он пограбил в винах и в иншых некоторых трудностех». Эти лишенные имущества люди, как неисправные должники, сделались невольными. Согласно завещанию, они получали свободу [165].

С точки зрения феодально-городского права воевода Путятич поступил правильно. Должник оказался неспособным вернуть одолженное либо выполнить взятые на себя обязательства. Неаккуратный должник был лишен имущества («пограблен») и сделался невольным человеком кредитора — князя Путятича, а затем получил свободу по его завещанию. Нужно отметить, что глагол «пограбить», «грабити» встречается довольно часто в юридических актах того времени. Судебная практика не видела правонарушения в том,— а это совершенно понятно при общем характере суда той эпохи,— что то или иное лицо накладывало свою руку на другое физическое лицо, находившееся к первому лицу в каких-либо обязательственных отношениях. Кредитор, заинтересованный во взыскании своего займа, сам проявлял инициативу в возвращении этого долга.

Видимо, такого рода «грабеж», независимо от того, был он правильным или неправильным, имел юридическое основание или не имел, свидетельствовал о наличии далеко зашедшего своеволия.

---

165 АЗР, т. I, № 224.

В актах мы встречаем указания и на то, что «грабить» людей и отдавать их тем лицам, с которыми они были связаны теми или иными обязательственными отношениями, можно было и по суду. Обычно это имело место в тех случаях, когда само заинтересованное лицо обращалось в суд за разрешением спорного вопроса. Тем не менее и это судебное решение, «справа», обозначалось в актах тем же самым глаголом — термином «пограбити». Разница была лишь в способе получения права на использование личности ответчика, но не в самом характере использования лица, которое «было пограблено» и, таким образом, поставлено в простые обязательственные отношения к своему кредитору.

Вот пример.

Некий Виктор Габриялович одолжил Войцеху Петрашевичу рубль грошей. Свой заем Габриялович дал под поруку («поручительство») со стороны Юрия Млечка. Должник своевременно не заплатил долг и был «пограблен» кредитором «за тые пенези». Войцех Петрашевич обратился в суд. Последний своим решением от 26 апреля 1510 г. признал, что поручитель Млечка обязан был выплатить истцу на протяжении четырех недель всю одолженную сумму денег [166]. Видимо, в данном случае суд признал акт насильственного присвоения не имеющим силы, потому что был поручитель, который и должен оплатить взятую на себя поруку. Сам же должник получил свободу.

Встречались случаи, когда заинтересованное лицо взыскивало долг с имущества ответчика, если таковое было в наличии и могло полностью возместить затраты истца. Так, борисовский мещанин Мишка Левонович жаловался на великокняжеского служебника Савву за то, что тот отобрал у него «безвинно» коня. На суде выяснилось, что на указанном мещанине Мишке лежала «старая порука, пять коп грошей». Эти 5 коп платились вместо тех станций, которыми необходимо было «поднимать послов», проезжавших через Борисов. Мишка Левонович не заплатил своих 5 коп грошей. Поэтому служебник Савва и забрал у него коня. Мишка возбудил дело в суде против служебника Саввы. Обе стороны ссылались на третье лицо — мещанина Якима Безну. Последний на суде подтвердил, что на мещанах действительно лежала «старая порука». Мещанин Мишка проиграл дело и должен был либо лишиться коня, либо заплатить 5 коп грошей [167].

Вот еще одно дело.

Великокняжеский крестьянин Ейшишской волости Екгяло жаловался на ейшишского наместника пана Андрея Довойно-

---

[166] РИБ, т. XX, кн. I, № 2.
[167] Там же, № 54.

вича, который «зграбил его безвинно». Делу дан был ход. Ответчик на суде заявил, что «пограбил» истца «справа», ибо тот был должен «полтину панскую повинную». Однако истец не сумел обосновать иск. Земский маршалк Ян Миколаевич приказал представить свидетелей. Последние показали, что иск правилен, и судья вынес решение, согласно которому наместник Станислав Юревич имел право «полтину грошей пана его справити» [168].

В этом случае насильственное возмещение долга было признано правильным по суду. Господарский крестьянин стал по отношению к пану Станиславу Юревичу «человеком пограбленым». Бывали и такие случаи, когда присвоение чужого имущества было актом ничем не прикрытого насилия и не имело под собой никакого юридического основания. Так, некто Петко Мелевич возбудил иск против мещанина Дроня Ленцовича, который отобрал у него лошадь. Истец показал, что он заарендовал у ответчика лошадь за 20 грошей в год. Выяснилось также и то, что истец уже ранее подавал жалобу на ответчика каменецкому наместнику и этот иск выиграл. Суд предложил ответчику доказать несправедливость последнего судебного решения, но он не сумел этого сделать. В связи с этим иск Петка Мелевича судом был удовлетворен [169].

Эти документы со всей очевидностью свидетельствуют о практике того времени — «возмещать убытки» либо путем конфискации имущества, способного покрыть общую сумму убытка, либо путем накладывания руки истца на самого ответчика, привлекая его для несения особой службы, в качестве возмещения материального ущерба истца. Допустимость «грабить» людей без суда означала, с одной стороны, слабость государственного аппарата, а с другой, силу того обычая, по которому несостоятельный должник оплачивал долг либо имуществом, либо своей личностью. «Вмешательство» суда в эти отношения означало намерение последнего и администрации придать юридическому обычаю силу закона.

Рассматривая юридическую природу «людей пограбленых», со всей определенностью можно утверждать, что последние, как несостоятельные должники, становились в непосредственные зависимые отношения к своим кредиторам, тем самым получавшим право широкого использования их личности в целях возмещения понесенного ущерба.

Тот же Ф. И. Леонтович отметил наличие в актах слова «закладень». По его мнению, это — синоним термина «закуп».

Ф. И. Леонтович правильно отмечает присутствие в документах особого термина «закладень». Под «закладнями» нужно

---

[168] Там же, № 120.
[169] Там же, № 193.

понимать социальную группу, попавшую в зависимость к землевладельцу. Ф. И. Леонтович также правильно отметил наличие персональной зависимости в институте закладничества. Однако объяснение исследователем сущности этой зависимости нужно считать ошибочным. Ф. И. Леонтович категорически утверждает, но не доказывает, что термин «закладень» был общим названием людей, отдавшихся в услужение кредитору «для отработки долга», и что такая категория зависимости должников в Литовском статуте называется «закупнями, людми закупными»[170].

Этим исчерпывается аргументация, приведенная Ф. И. Леонтовичем. Считать ее убедительной нельзя. И совершенно понятно, что вся последующая литература, в которой исследовался вопрос о закупах, не считала закладней «рабочей разновидностью закупов».

Леонтович не обратил внимания на то, что термин «закладень» встречается главным образом в актах, которые имеют отношение к территории Западной Двины и верхнего Днепра — Полоцкой, Витебской и Смоленской землям, и что в актах, относящихся к другим частям территории Великого княжества Литовского, этот термин не употребляется. Нет следов этого термина и в Статуте первой редакции. Объясняется это тем, что последний оформлял юридические отношения зависимости, возникавшие из «долговых обязательственных отношений» между двумя договорившимися сторонами.

Ф. И. Леонтович весьма формально отнесся к тексту актов, на которые он ссылался для оправдания своей точки зрения. Эти ссылки на документы носят даже крайне механический характер: они оставлены без анализа. Поэтому утверждение о тождественности «закладней» и «людей закупных» является ничем не обоснованным и его необходимо отбросить.

Ф. И. Леонтович, далее, не обратил внимания на такое важное обстоятельство, как борьба между полоцкой городской властью и местными как духовными, так и светскими землевладельцами из-за закладней.

Ф. И. Леонтович считает, что закупы — люди зависимые — подлежат юрисдикции своего пана. Между тем закладни-мещане не только остаются под юрисдикцией городских властей, но и выплачивают положенные городские подати и к тому же обязаны выплатить все числящиеся на них недоимки. Уже одно только внимательное чтение актового материала, даже без анализа текста, позволило бы Ф. И. Леонтовичу прийти к иному выводу. Документы позволяют констатировать наличие зави-

---

[170] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России..., № 10, стр. 71.

симых отношений между полоцкими закладнями и местными духовными и светскими землевладельцами. Однако эти отношения ни в коем случае не являются отношениями, возникшими на почве долговых соглашений между сторонами. Констатируя наличие зависимых отношений между закладнем и местным землевладельцем, нельзя не видеть, что эти отношения вовсе не были теми отношениями, характер которых объясняется только имущественно-долговой зависимостью сторон.

Борьба между городской властью и местными землевладельцами, резко обострившаяся в XVI в.,— весьма давнего происхождения. Уже великокняжеская власть в судебном постановлении, в августе 1486 г., обратила внимание на эту борьбу в связи с различными недоразумениями, возникшими в Полоцке между боярами и мещанами по вопросу выполнения боярами земской повинности. Декрет великого князя обратил внимание на то обстоятельство, что полоцкие бояре и владыка держат в городе закладней и что эти закладни отказываются нести какие-либо повинности «к нашей потребности». По этой причине было предписано: «владыце и бояром закладнев за собою в месте Полоцком не надобе мети» [171].

Видимо, борьба между посольством г. Полоцка и местными землевладельцами началась из-за отказа городских закладней участвовать в выполнении городской земской повинности. Однако из указанного декрета совсем не вытекает, будто основой института закладней была долговая зависимость.

Местные землевладельцы, конечно, не могли согласиться с указанным выше решением и должны были со всей настойчивостью продолжать борьбу за право иметь закладней. Эта борьба закончилась победой землевладельцев. Подтвердительная «уставная грамота» Полоцкой земли 23 июля 1511 г. позволяет землевладельцам, живущим в городе, иметь закладней если они и ранее, во времена великого князя Казимира, имели слуг и закладней [172].

Закладни обязаны служить своим панам и давать им «позем с тых мест». Городские закладни, если они — люди торговые или ремесленные, не могут быть посажены «на фольварках, полях и сеножатех владыки и игуменьи». Землевладельцы пользуются правом осаживать только «людей сельских, которые бы там хлеб робили». Закладни, занимающиеся торговлей, обязаны «серебщину и ордынщину з местом нашим платити» [173]

Вопрос о закладнях затронут и в подтвердительном привилее г. Полоцку на магдебургское право от 27 августа 1510 г. Привилей констатирует, что полоцкие землевладельцы, как

[171] РИБ, т. XXVII, кн. IV, № 98.
[172] АЗР, т. II, № 70.
[173] Там же, № 70.

духовные, так и светские, имеют закладней. Подтвердительный привилей требует, чтобы все заклaдни «были в послушенстве того права майтборского, и тым правом от войта и от бурмистров, и рядец судилися и рядилися, и справовалися, и послуги давали и служили». Привилей противопоставляет закладней людям, сидящим на земле церковной или на княжеской и боярской и которые платят «своему господару поземь... подле обычая, как с господарем тое земли вмовят»[174].

Видимо, и после предоставления Полоцку привилея на магдебургское право и подтвердительной «уставной грамоты» борьба из-за закладней не прекратилась. Недаром великому князю Жигимонту I пришлось в грамоте от 10 апреля 1527 г. на имя полоцкого воеводы Петра Кишки вернуться к вопросу о закладнях. Грамота запрещает самому воеводе держать закладней. Закладни же землевладельцев должны быть «в послушенстве и в праве их майтборском». Воевода должен собрать все недоимки за прошлые года, так как закладни никаких повинностей с городом не несли. Все собранные деньги должны быть внесены «до скарбу нашого»[175].

Вышеприведенные документальные данные о закладнях не позволяют согласиться с точкой зрения Ф. И. Леонтовича относительно юридической природы закладничества. Совершенно ясно, что зависимость закладней от своих панов иного характера, нежели отношения, возникающие на почве «заключения договора займа».

Институт закладничества в Полоцке, видимо, получил широкое распространение, если о нем так часто упоминалось в официальных грамотах.

На основе опубликованных актов складывается следующее представление об институте закладничества в Полоцке.

Мещане стремились стать закладниками живших в городе духовных и светских землевладельцев. В отношениях к последним закладни были обязаны службой и выплатой позема. Закладни резко противопоставляются сельским людям, «што хлеб робять». Они стремятся освободиться от городской юрисдикции и от выполнения городских повинностей. Городская администрация не могла согласиться с этим и повела упорную борьбу даже с великокняжеской властью, вынудив ее стать на защиту интересов города, что, таким образом, обеспечило городской администрации полную поддержку. Население же Полоцка со своей стороны, используя городских землевладельцев, стремилось освободиться не только от налогового бремени, лежавшего на жителях города, но и от городской юрисдикции. Это освобожде-

---

[174] АЗР, т. II, № 61.
[175] Там же, № 147.

ние достигалось путем закладничества за городских землевладельцев. Очевидно, последнее не было закладничеством с целью обеспечения оплаты долга. На этот счет никаких указаний в документах нет.

Оставаясь в повинностно-зависимых отношениях к местным землевладельцам, мещане-закладники выплачивают городские подати и находятся под городской юрисдикцией. Закладничество вело к сохранению правоспособности и дееспособности закладней. Этим они отличались от тех лиц, которые закладывались сами с целью обеспечения выплаты долга и попадали в зависимые, но несколько иного характера, отношения к своему пану. Закладничество не предполагало усиления зависимости.

Полоцкие мещане искали себе патронов среди местных землевладельцев. В результате этого они становились подданными землевладельцев, которым они обязаны были выполнять повинности. Мещане надеялись, что с помощью закладничества-патроната они освободятся от городских тягот. Однако им пришлось в этом горько разочароваться. Ни великий князь, ни городская администрация никоим образом не соглашались с тем, чтобы закладничество вело к сокращению городской юрисдикции и городских доходов.

С переходом в положение закладничества закладни попадали и под юрисдикцию своего патрона. Это бесспорно вытекало из обязанности подданного служить своему владельцу, как следствие тех отношений, в которые попадал закладень. Когда закладнями становились мещане, то права города сталкивались с интересами землевладельцев. Последние желали получить в свои руки юрисдикцию над закладнями. Со своей стороны город не мог согласиться с тем, чтобы «заложившиеся мещане» вышли из-под городской юрисдикции, освободившись от уплаты различных городских податей. Ясно, что великокняжеское правительство пошло навстречу интересам города и в своих грамотах на магдебургское право и в грамотах на имя полоцкого воеводы Петра Кишки категорически заявляло, что закладни-мещане остаются по-прежнему в ведении городской юрисдикции [176].

Закладни обязаны были не только нести все городские повинности, но и одновременно выплатить все недоимки, которые еще оставались за ними. Такое отношение великокняжеского правительства к вопросу о мещанах-закладнях понятно. С уменьшением городских плательщиков налогов уменьшились бы доходы города, что тяжело отразилось бы на его материальном положении и не позволило бы городу выполнять взятые на себя податные обязанности по отношению к великому князю.

[176] АЗР, т. I, № 147.

На почве подсудности закладней между землевладельцами и городским магистратом шла серьезная борьба. Победителем в этой борьбе вышел город с магдебургским правом, интересы которого защищала великокняжеская власть. Для последней было крайне важно, чтобы городские доходы исправно поступали в великокняжеский скарб.

В историко-юридических актах XV и начала XVI в. встречаются термины «закуп», «люди в закупех», «люди закупочные». Всеми этими терминами обозначалось одно и то же юридическое положение.

При рассмотрении дела «селянина» Родюса в маршалковском суде 17 июня 1515 г. о признании Родюса непохожим человеком выяснилось, что Родюс был человеком похожим, но одолжил 2 копы грошей у Шимко Проствиловича и за это служил 60 лет [177]. Этот акт достаточно отчетливо свидетельствует о том, что вольные люди в связи со сделанным ими займом становились закупами своих кредиторов. Такие закупы обязаны были нести службу, срок которой оставался неограниченным и определялся самим кредитором.

В данном случае судья нашел, что «служить так много лет в малых пенезех» не нужно было, и признал Родюса вольным, одновременно подчеркнув в своем судебном постановлении, что данные Родюсу в долг 2 копы грошей им давным-давно отработаны.

Совсем иной была судьба закупа, если он был человеком «отчизным». Пример: слонимский державца Ян Миколаевич рассматривал жалобу боярина Шимка Проствиловича на боярина Мартина Довгяловича, который незаконно держал его как «отчизного непохожего человека». Ответчик на суде показал, что он закупил этого человека у предка истца — у Михаила Мацковича за 2 копы грошей, иначе говоря, одолжил названному предку Михаилу Мацковичу 2 копы грошей и тот, в качестве обеспечения займа, уступил ему своего непохожего человека. На суде выяснилось, что последний уже служил 30 лет. Суд признал 30-летний срок службы достаточным для отработки столь незначительной суммы долга, и крепостной человек был присужден истцу [178]. Следовательно, суд признал, что заем был выплачен трудом крепостного человека, и поэтому последний должен вернуться к своему прежнему владельцу.

Вот еще пример, когда непохожий человек был отдан кредитору в обеспечение займа, сделанного его владельцем. Суть достигнутого при этом соглашения была следующая: господарский дворянин Мартин Мешкович закупил у Мацка Юровича

---

[177] РИБ, т. XX, кн. I, № 182.
[178] Там же, № 181.

его человека Симона с женой. Симон был отдан в обеспечение займа в сумме 22 коп грошей. Соглашение о займе подкреплено порукой господарских бояр Павла Чупурковича и его брата Калюты. Поручители обязывались выплатить полученную Мешковичем сумму займа, если «отчинны человек» сбежит от нового владельца [179].

В данном случае два равноправных хозяина-землевладельца заключили между собой соглашение, при этом один из них в качестве гарантии возвращения долга отдает своего человека, который, видимо, должен был работать у его кредитора до тех пор, пока не отработает долг своего владельца или пока последний не рассчитается со своим кредитором. Этот «отчинны человек» в акте назван закупом, хотя он и является только предметом соглашения, которое, помимо его воли и желания, заключили два правоспособных субъекта.

Может показаться с первого взгляда, что здесь имеет место застава непохожего человека за определенную сумму, соединенная с порукой соседей-бояр. Фактически же эта форма соглашения представляет собой не что иное, как заем, обеспеченный заставой. Вся суть дела не в заставе непохожего человека, распоряжаться которым имеет право его владелец, а в «заемной сделке», обеспеченной личностью непохожего человека и образованной двумя совершенно равноправными сторонами. Во всяком случае назвать непохожего человека закупом, в узком смысле этого слова, нельзя. Непохожий человек сам не вступал ни в какие юридические соглашения. Если ему пришлось переменить владельца и перейти на службу к другому, то это явилось результатом соглашения, заключенного его первым владельцем.

Такой способ заключения договора о займе имел весьма широкое распространение. И совершенно неверно это займозаставное соглашение рассматривать как закупничество. От таких ошибок не свободен М. Н. Ясинский.

Закупами назывались, далее, и люди, отданные в заставу по воле владельца. 27 марта 1514 г. слонимскому державце Яну Миколаевичу пришлось рассматривать иск двух сестер, Милославы и Ганны Моисеевны, к их брату Щасному. Последний захватил их «дельницу», завещанную им матерью. Эта «дельница» с пятью людьми была им дана «на поживенье до тых часов, пока бы их братья не выдали их замуж», согласно обычаю. Между тем Щасный, как распорядитель имущества, заставил людей для оплаты своего долга [180]. Очевидно, что в данном случае Щасный заставил людей с целью обеспечения

---

[179] Там же, № 239.
[180] Там же, № 66.

своего займа. И как бы ни рассматривать содержание этого документа, во всяком случае ясно, что судьба пяти человек изменилась по воле их владельца. Сами же они как лица, лишенные гражданской правоспособности, не могли вступать ни в какие соглашения.

Во всех вышеуказанных документах одинаково называются «закупами» и а) крестьянин Родюс, и б) отчинный непохожий человек, и в) пять человек. Все они были «закуплены». Однако было бы неправильным считать, что во всех этих случаях основание для закупничества было одним и тем же. В первом случае свободный человек, обладая всей полнотой прав, добровольно вступает в соглашение о займе и обеспечивает его своей личностью. Признание судом того, что он своим трудом уже погасил долг полностью, возвращает ему свободу. В другом случае, сделав заем, лицо выдает для «отработки» займа своего человека, который после соответствующего судебного постановления относительно погашения долга вновь возвращается к своему господину. И этот непохожий человек назван закупом. Фактически же он был не более чем вещью, которой владелец обеспечивал оплату своего долга. И в третьем случае непохожий человек попал в распоряжение нового владельца на основании соглашения между двумя правоспособными лицами. При этом служба непохожего человека новому владельцу гарантирована порукой соседних бояр. Последние были обязаны выплатить всю одолженную сумму, если непохожий человек сбежит от нового владельца. Закупами названы и те пять человек, которых заставил Щасный для выплаты своего долга.

Было бы неправильным считать, несмотря на одинаковое употребление терминов, что мы имеем дело с однородным институтом — закупничеством. Фактически юридическое положение каждого из этих «закупов» будет совершенно различным. Крестьян непохожих, становящихся закупами по воле владельца и вновь возвращающихся к нему, никак нельзя считать закупами в том узком смысле, в каком предыдущие акты позволяют определить общий характер института закупничества. К этой же категории принадлежат и два других акта, в которых лица, названные закупами, являются лишь объектами соглашения.

Все представленные нами документы о закупах свидетельствуют, как осторожно следует подходить к толкованию источника и о том, какие ошибки может допустить исследователь, как это случилось с М. Н. Ясинским, увлеченным созвучностью терминов, а не изучением сущности юридического института.

Совершенно понятно, что в случае гибели закупа вследствие обстоятельств, которые отмечены в приводимых актах, ответственность за закупа ложится на его нового владельца. И если

закуп погиб у нового владельца, то последний должен возместить ущерб фактическому владельцу закупа.

Слонимскому старосте пришлось рассматривать такое дело.

Панский человек Гридя Ивашкович подал жалобу на наместника мироцинского — князя Андрея Михайловича Сангушковича — Степана Кишица. Истец обвинял Кишица в том, что последний без всякой вины с его стороны «держал его и в шкоду немалую привел». Весь свой ущерб истец определил в 70 коп грошей. На суде выяснилось следующее. Князь Сангушкович «закупил закупа» за 5 коп грошей у господарского татарина Легуша. Этот закуп находился в имении Мироцичах, где и был убит. Тогда копа, рассматривавшая это дело о душегубстве, решила, что ответственность за это убийство несет Степан Кишиц. В то время Кишиц был уже наместником в другом имении. Князь Сангушко послал владельцу этого имения письмо с требованием выдачи Кишица для уплаты последним головщины. Однако пан выдал Кишица не князю Сангушку, а татарину Легушу, владельцу «отчинного человека», а тот заплатил князю Андрею Сангушку одолженную сумму денег. Дело окончилось тем, что Гридя Ивашкович по распоряжению управляющего имением был отдан владельцу убитого «селянина». Однако и этот убитый также называется в источниках закупом [181].

В актах иногда упоминается о «закупленных людях». Эти закупленные люди были двух категорий: одни назывались закупленными потому, что были заставлены вместе с землей. В этом отношении закупленные люди составляют лишь часть общей стоимости имения, его рабочую силу, и сами по себе не подлежат отчуждению. Вместе с землей эти люди попадают в зависимость к другому владельцу, права которого основываются на заставе имения его фактическим владельцем-собственником.

Вот пример.

Пан Станислав Кондратович подал в 1506 г. на утверждение великого князя Александра завещание в пользу своей жены Марины. В завещании, помимо перечисленных «купленых людей, челяди невольной, отчинной девки», были записаны и земли, находившиеся у него в заставе. При этом было отмечено, что если бы кто-нибудь «из ближних» лиц, бывшего владельцем заставленного имения, пожелал выкупить его и «в своей руце меци», то таковой должен вернуть ей всю ту сумму денег, за которую были заложены люди, земли, нивы и сенокосы. Великий князь подтвердил завещание, согласно которому жена его составителя имела право получить деньги «за закупных людей, за земли, нивы и сеножати», если кто-нибудь из

---

[181] РИБ, т. XX, кн. III, № 165.

близких пожелал бы выплатить деньги и возвратить себе имение [182]. Закупные люди здесь выступают как одна из составных частей имения. Они «закупленыя» люди не потому, что попали в непосредственные обязательственные отношения к новому владельцу имения, а потому, что само имение было заставлено. Значит, суть этого юридического соглашения («сделки») — в заставе имения.

Заставить имение или *закупить* имение с точки зрения терминологии — одно и то же. Это подтверждается довольно значительным количеством документов. Но было бы неверным считать закупных людей частью заставленного имения, равноценными закупам, которые по своей воле перешли в обязательственные отношения к другому владельцу.

В актах Литовской метрики встречается термин «люди в закупех». В 1507 г. великий князь Жигимонт пожаловал слонимскому боярину Давиду Ивановичу Свитычу («Свитичу») землю Станевщину. Получив землю, боярин сообщил великому князю, что на этой земле нет отчича по имени Ломша, который «ходит по людям в закупех» [183]. Великий князь Жигимонт, выдавая Свитычу подтвердительный привилей на эту землю, сделал следующее примечание: если отсутствующий отчич возвратится на свою «отчинную» землю и изъявит желание служить ему, то пусть служит; а если служить не пожелает, то пусть служит тому, «кому хочеть». Значит, «люди в закупех» — это лица, обладающие всей полнотой прав, но лишь вступившие в известные временнообязанные («обязательственныя») отношения к другим лицам. Великий князь позволяет «селянину» вновь осесть на своей родовой земле и стать к новому владельцу в определенные «повинностные отношения», если только он сам (отчич), вернувшись на прежнее место жительства, этого пожелает.

Все эти акты свидетельствуют только об одном, а именно: что юридическая терминология была еще неустойчивой и один и тот же термин употреблялся для определения юридического положения различного характера.

В Литовском статуте 1529 г., целиком построенном на юридической практике того времени, юридическая терминология должна быть более определенной.

Слово «закуп» и термин «закупить в пенезех» встречаются в Литовском статуте [184]. Простое объяснение артикулов о закупах позволяет осветить точку зрения на закупничество авторов Литовского статута следующим образом.

---

[182] М. Н. Ясинский. Указ. соч., стр. 450.

[183] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 393.

[184] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 6, 8.

Лицо, входящее в то или иное материальное соглашение с другим лицом мужского или женского пола и перешедшее в связи с этим на положение закупа, обязано выяснить те условия, на которых оно становится таковым. Таким образом, при заключении «обязательственной сделки», согласно которой правоспособные становятся в известной мере неправоспособными, необходимым условием было то, чтобы обе стороны непосредственно входили в соглашение и сами определяли бы его условия.

Такое объяснение термина «закуп» будет единственно правильным. Люди, получившие заем и вступившие в «обязательственные отношения», в результате этого займа, если они обеспечили его своей личностью, являются закупами в узком смысле этого слова. Как совершенно правоспособные лица, они распоряжаются своей судьбой по своему усмотрению.

Характерно, что в Статуте 1529 г. совсем не говорится о закупах другой категории, о которых подробно говорилось в предыдущих актах. И это совершенно естественно, ибо те юридические институты, о которых шла речь раньше, не будут закупами в точном значении этого слова.

На основании всего вышесказанного данные документов в отношении определения названия закупов нужно разделить на четыре категории: 1) закупами называются люди, добровольно вступающие в обязательственные отношения к другому физическому лицу на основе соглашения и займа, в результате долгового условия гарантии путем самозаклада; 2) закупами называются непохожие люди, заставленные их владельцами; 3) закупными людьми называются люди, живущие в качестве рабочей силы в заставленном имении; 4) закупами называются люди, передаваемые во временное владение в качестве обеспечения сделанного займа или заставы, что предусматривается в соглашении двух правоспособных сторон.

Последние три объяснения термина закупничества нужно считать неправильными, ибо сущность их юридического положения не совпадает с тем четким юридическим состоянием, в каком находится закуп согласно Статуту 1529 г.

III

Институт закупничества достаточно отчетливо выступает во всех памятниках как временно зависимое юридическое положение, связанное с выполнением службы, т. е. работой на кредитора в счет предоставленного займа. Служба обеспечивала кредитору уплату или «отработку» долга. Закупами могли стать только вольные люди, которые распоряжались своей личностью и в связи с этим могли входить в те или иные обязательственные отношения и несли за себя полную ответственность. Эти

обязательственные отношения к кредитору толкали закупа во временную полную зависимость от него, так как кредитору принадлежало право судебной юрисдикции над закупом.

Разумеется, в положение закупа не могли попасть лица, уже находящиеся в личной зависимости и не имевшие гражданской правоспособности. Статут 1529 г. категорически запрещает «чужого человека закупати без воли пана его». Если же чужой человек переходит во владение (правда, временно) нового собственника, то последнее происходит только в результате соглашения между двумя договаривающимися равноправными сторонами [185].

Как же возникает институт закупничества и какое место он занимает в социальных отношениях того времени? Вот вопрос, на который сейчас нужно дать ответ.

Если считать, что закупами могли быть лишь люди свободные, имевшие право входить в те или иные обязательственные отношения, то из категории лиц, желавших стать закупами, необходимо выделить «непохожих людей, отчичей». Они лишены права распоряжаться своей свободой и находятся в полной экономической и юридической зависимости от своего владельца.

Считая это объяснение правильным, мы на основе исторических источников приходим к выводу, что закупами могли быть господарские крестьяне, мещане, вольные люди, вообще правоспособные группы населения, которые могли входить в обязательственные отношения с другими физическими лицами.

Господарские земли были разбросаны по всей территории Белоруссии. Если в западной части Белоруссии господарские земли перемежались с частновладельческими, то в Белоруссии восточной в XV и начале XVI в. вся земельная территория была великокняжеской. Частное землевладение не успело тут пустить своих глубоких корней.

Безусловно, повинностное бремя господарских крестьян в XVI в. стало более тяжелым. Развитие фольваркового хозяйства и более рациональная сельскохозяйственная политика ставили господарских крестьян в более тяжелые материальные условия, невыносимые для всего крестьянства.

Отдельные лица могли по тем или иным причинам обеднеть, разориться. Они оказывались не в состоянии выполнять свои хозяйственные повинности, бросали свои земли и убегали.

Для великокняжеской администрации такие разорившиеся крестьяне не представляли особой ценности, и администрация смотрела сквозь пальцы на их уход. Правда, в привилее 2 мая 1447 г. есть статья, согласно которой великий князь и землевладельцы совместно обязывались не принимать беглых людей.

---

[185] Статут 1529 г., разд. VIII, арт. 21.

Но это условие не выполнялось. Частные владельцы в погоне за рабочими руками, чтобы увеличить свои доходы, обычно принимали беглецов-крестьян. При существовавшей тогда системе землевладения крестьян, когда податной единицей было семейно-родовое владение, для великокняжеского наместника не имел значения тот факт, что отдельные общинники покидали своих родичей и уходили.

Возможно также, что некоторые из беглецов, выделившись из семейно-родового владения, начинали вести самостоятельное хозяйство, но, не справившись с ним, вынуждены были его покинуть и идти на сторону в поисках средств, необходимых для дальнейшего ведения хозяйства.

Великокняжеское правительство оставляло пустые земли незаселенными в надежде, что через некоторое время беглецы вернутся и займут свое хозяйство. М. К. Любавский был прав, объясняя образование пустошей обеднением крестьянской массы и отсутствием у нее возможности нести со своих земель господарскую службу. По мнению М. К. Любавского, тяжелое материальное положение крестьян вынуждало их бросать землю и искать счастья на стороне [186].

Тот факт, что правительство не разыскивало крестьян, еще более содействовал их уходу. М. К. Любавский считает, что правительство не препятствовало беглецам и не возвращало их только потому, что оно не имело возможности поднять их экономически и надеялось, что они сами вернутся на свою родину или сядут на иной господарской земле, когда поправят свои дела. Эти соображения М. К. Любавского мы считаем правильными. Для господарского скарба обедневший крестьянин, лишенный возможности выполнять свои обязанности, был совершенно ненужной податной и служебной единицей.

К тому же пустые земли при отсутствии колонистов было трудно заселить, ибо великий князь не имел права принимать колонистов из числа частновладельческих крестьян.

Господарь отдавал земли с пустошами какому-либо боярину, но при условии, что отчич, если он возвратится, имеет право служить новому владельцу только тогда, если он сам этого пожелает. Формулировка правильная. Служба частному владельцу уже не была службой великому князю. Видимо, вернувшийся отчич имел право сам решать, кому служить — великому князю или частному землевладельцу.

Нужно иметь в виду, что, несмотря на развитие крепостного права, свободных людей было еще довольно много. Последние могли стать арендаторами господарских и частновладельческих

---

186 М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 393.

земель, а также путем займа войти во временно обязательственные отношения к кредитору. Таким образом, материальная необеспеченность вынуждала широкие группы населения брать заем и попадать в положение закупов.

Землевладельцы, разумеется, выступают как та социальная группа, которая широко ссужает деньги. Общие условия развития народного хозяйства способствовали накоплению средств у землевладельцев. Потребность в рабочих руках для фольваркового хозяйства вынуждала землевладельцев давать взаймы и, таким образом, увеличивать поступающую к ним на службу рабочую силу, которой землевладельцы распоряжались по своему собственному желанию.

Кто пользовался правом держать закупов? Акты Литовской метрики и данные Литовского статута первой редакции свидетельствуют о праве всех правоспособных лиц держать закупов. Статут 1529 г. не ограничивал в этом ни евреев, ни татар, пользовавшихся общим правом держать тех лиц, которых они «закупили в пенезех» [187].

Становясь в обязательственные отношения к своему кредитору, закуп должен нести последнему службу, характер которой вообще не определялся. Видимо, при закупном соглашении должник оговаривал те условия, на каких он становился закупом землевладельца или иного физического правоспособного лица, а также и срок, на протяжении которого он должен был работать на своего кредитора.

История с похожим человеком Родюсом как раз и свидетельствует о том, что закупничество могло быть долгосрочным только потому, что свободный человек не оговорил все условия своего займа, на каких он становился закупом.

Закуп мог вступить в обязательственные отношения на двух условиях: а) чтобы отработать одолженную сумму, или б) чтобы трудом, несением службы выплачивать проценты за капитал, а с течением времени выплатить долг и получить полную свободу. Эта неопределенность обязательственных отношений была окончательно ликвидирована Статутом 1529 г. Из соответствующих артикулов Статута вытекает, что закуп становится в обязательственные отношения к кредитору, характер которых определяется обоюдным соглашением. Если же такого соглашения нет, то закуп отрабатывает свой долг из следующего расчета: год работы мужчины оценивается в 15 грошей, а год работы женщины — в 10 грошей. Однако, если лицо становится закупом у еврея или татарина, то в этом случае свободное соглашение Статут не разрешает. Каждому мужчине и женщине год работы засчитывается за полкопы грошей и

[187] РИБ., т. XX, кн. II, № 189; Статут 1529 г., разд. XI, арт. 6.

обязательственные отношения к еврею или к татарину прекращаются тогда, когда вся одолженная сумма денег будет отработана [188].

Институт закупничества, наконец, возникал и в результате судебного постановления. Судебная практика того времени знает много случаев, когда кредиторы «грабили» своих должников и превращали в закупы «людей пограбленых» или сам суд выдавал должника его кредитору. Взаимоотношения, возникавшие на этой почве, были определены весьма нечетко и иногда очень тяжело отражались на личности «пограбленого человека». Статуту первой редакции необходимо было урегулировать этот вопрос, а именно, выяснить правовое и экономическое положение свободного человека, который по суду «выдан был в которой суме». Эти закупы отрабатывают свой долг из расчета: год работы мужчины 12 коп грошей, при отсутствии «присевка», в ином случае мужчина платит «выпуска» полкопы грошей, а женщина 12 грошей [189].

Закупы составляли особую категорию сельского населения. Это не челядь невольная, ибо челядь невольная находится в вечном владении собственника и может получить свободу только в результате добровольного согласия на это владельца. Тем не менее закупы составляли часть рабочей силы фольваркового хозяйства. Они работали совместно с челядью невольной в имении владельца и на его дворовой пашне и, как правильно заметил М. К. Любавский [190], этой работой выплачивали свой долг.

Закупы находились в особом, по отношению к челяди невольной, положении, так как их обязательственные отношения носили временный характер и прекращались с выплатой ими долга. Если практика начала XVI в. допустила такой чрезвычайный факт, как то, что свободный человек за небольшую сумму денег в течение 60 лет служил закупом и судья признал этот срок службы чрезмерно большим, приняв во внимание незначительную сумму займа, что зависело исключительно от своеволия кредитора, то Литовский статут 1529 г. четко определил, какую сумму денег отрабатывает закуп или закупница на протяжении одного года, и тем самым ограничил степень эксплуатации кредитором своего закупа.

Закуп находился под юрисдикцией своего кредитора. Однако его личность находится в известной степени под защитой закона. Об этом ярко свидетельствует следующий интересный документ.

---

[188] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 8.

[189] Там же, арт. 7.

[190] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 394.

Бельская мещанка замучила почти до смерти свою девку-закупницу. После этого владелица с доверенным лицом отправила закупницу на свой фольварк, где последняя скончалась и там же, в бору, была похоронена. Дело дошло до войта г. Бельска. Он приказал арестовать доверенное лицо мещанки. Умершая девушка была выкопана и поставлена перед ратушей, а показания доверенного лица были записаны. Войт вызвал в суд бельскую мещанку. Она не явилась. Купцы, проезжавшие из Варшавы и Дрогичина, а также иные посторонние лица видели на девушке раны. Дело перешло на дальнейшее рассмотрение бельского старосты[191].

Этот факт, независимо от того, чем он окончился, свидетельствует, что «вотчинная юстиция» имела свой предел. Видимо, судебная практика находила необходимым в некоторых случаях защищать личность закупа как человека свободного, который временно, лишь по причине взятых на себя долговых обязательств, терял свою свободу.

IV

Становившийся закупом свободный человек обязан был работать на своего кредитора, нести ему службу. В связи с несением службы за долг кредитор сохранял за собой право на личность своего должника. Попадая в экономическую зависимость к своему кредитору, должник в известном смысле терял свою правоспособность и лишался благодаря этому права свободного ухода от своего кредитора до ликвидации своих отношений с последним.

Уход закупа от кредитора до ликвидации долговых обязательств является актом, юридически несогласным с законом, и кредитор, несущий ущерб в связи с таким самовольным уходом, обладает правом добиваться выдачи закупа тем лицом, у которого последний нашел себе пристанище. В случае, если лицо, приютившее закупа, не пожелало бы удовлетворить не противоречащее закону требование кредитора, ему оставалось лишь одно — обратиться в суд по делу о выдаче беглого закупа.

Господарский боярин белицкий Юрий Богданович имел в качестве закупа Родюса — немца, а считал его своим «отчизным, непохожим человеком». Последний бежал к другому боярину, Шимке Простивиловичу, и жил у него. Видимо, новый владелец стремился задержать у себя нашедшего у него убежище закупа, в связи с чем боярин белицкий и был вынужден обратиться в суд к державце слонимскому с жалобой на Шим-

---

[191] РИБ, т. XX, кн. II, № 189.

ку, который якобы «безправне» не выдавал убежавшего закупа [192].

Закупничество не является вечным состоянием. При определенных обстоятельствах закуп становится свободным. Такие обстоятельства возникали тогда, когда закуп отработал всю одолженную им сумму. Литовский статут ограничил эксплуатацию закупа кредитором, определив сумму, ежегодно отрабатываемую закупом. Но до издания Литовского статута 1529 г., когда условия, на которых кредитор ссужал деньги вольному человеку, зависели от воли самого кредитора, определенно могли возникать на этой почве серьезные недоразумения, которые ликвидировал только закон.

И до издания Литовского статута 1529 г. случалось, что закупы становились свободными на основе судебного решения, если суд отмечал, что вся одолженная сумма фактически уже отработана. Разбор слонимским державцей Яном Миколаевичем 17 июня 1515 г. жалобы господарского белицкого боярина Юрия Богдановича на своего человека Родюса, которого боярин считал своим непохожим человеком, а он убежал к другому боярину, не захотевшему его выдать, показал, что Родюс был похожим человеком и попал к отцу истца в качестве человека «в закупех в 2 копах грошей». С тех пор прошло около 60 лет. Ян Миколаевич принял во внимание приведенные свидетельства и объявил немца-Родюса свободным с правом служить, кому он пожелает. Постановление мотивировано тем, что этот человек был «в малых пенезех, а так много служил».

Подобные случаи злоупотребления со стороны кредиторов как результата неопределенности договорных отношений обычное явление. Вот почему Статут первой редакции должен был выступить против такой эксплуатации, фактически сводившейся к тому, что свободный человек становился зависимым. Статут необходимо было дополнить артикулом, в котором были бы определены условия отработки закупом своего долга, если таковых не было между кредитором и должником. И такой артикул есть.

Закупничество, как общее явление, возникло на основе установления «договора-займа», обеспечивавшегося заставой. С другой стороны, закупничество могло возникнуть и по постановлению суда, если «преступление вольного человека соединялось для обиженного с материальным вредом, которого не мог вознаградить виновный» [193]. Первым на это обратил внимание Леонтович.

---

[192] РИБ, т. XX, кн. I, № 182.

[193] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России..., № 10, стр. 12.

В этом случае виновный выдавался истцу для отработки из расчета 12 грошей с каждого мужчины, если он получал при этом «присевок для прожитка». Если же «присевка» не было, то ежегодная работа мужчины считалась в полкопы грошей, а женщины — 12 грошей. Выдача ответчика истцу на этих условиях происходила в присутствии суда.

Прежде неимущих преступников «грабили» и отводили к себе домой для работы, и они могли находиться в вечной неволе. Уже в достатутный период судебная практика выдавала этих людей по суду, позволяла их «грабить», однако при этом не определялся срок, на протяжении которого тот или иной преступник мог отработать свой долг. Ясно, что такое лицо попадало в вечную неволю. Литовский статут стоит на той точке зрения, что человек «волный за жадный выступ не мает взят быти у вечную неволю»[194]. Поэтому Статут и устанавливает порядок отработки за совершенный проступок.

Закупничество базировалось на личнозависимых отношениях должника к своему кредитору. Закупничество прекращалось, когда закуп отрабатывал свой долг. В этом случае он получал свободу. Если же закуп умирал, не отработав своего долга, то обязанность закупничества не переходит на его семью, ибо ответственным за сделанный заем являлся сам закуп, лично договаривавшийся с владельцем. В этом случае семейство закупа не могло нести никакой ответственности. Но в случае, когда свободный человек становился закупом на основании судебного решения и ему надлежало отработать такую огромную сумму, на которую одной его жизни не хватит, долг перекладывался на детей, и они обязаны были также отрабатывать этот долг согласно приведенному выше расчету[195].

Леонтович не прав, утверждая тождественность порядка: а) выслуги лиц, выданных за преступление, связанное с нанесением материального ущерба потерпевшему; б) выслуги при закупничестве. Действительно, и в первом и во втором случае отрабатывается сумма согласно определенному расчету; но при чистом закупничестве долг на детей не перекладывается. В случае же, если лицо попадает в положение закупа по суду, то дети в определенных случаях отвечают за долги своих родителей. Однако нельзя считать закупами лиц, выданных для возмещения материального ущерба, нанесенного потерпевшему. Необходимо отметить сходство в порядке выслуги и ликвидации зависимых отношений, но юридическая природа этих двух видов зависимости неодинакова. Будет более правильным этих лиц, становящихся закупами в результате судебного приговора, не считать закупами.

---

[194] Статут 1529 г., разд. XI, арт. 7.
[195] Там же.

Литовский статут первой редакции окончательно сформулировал сущность института закупничества. По Литовскому статуту 1529 г. заставные люди и закупы — два различных юридических состояния. Между ними проводится четкая грань, которую не сумел провести М. Н. Ясинский, не разобравшись в действительном значении тех терминов, которыми пестрят документы XVI в.

Чем же объясняется тот факт, что в Литовском статуте 1529 г. институт закупничества получил свою юридическую формулировку?

Прежде всего необходимостью для господствующего класса придать развившейся в то время личной зависимости характер определенного юридического состояния и оставить ее за собой. Сама же юридическая формулировка института закупничества свидетельствует о значительном его распространении, что совершенно понятно, если иметь в виду условия, в которых развивалось феодальное дворовое (поместное) хозяйство.

IV. ЛЮДИ НЕПОХОЖИЕ

Вопрос о том, как возникла барщина (крепостное право) в Литовско-Белорусском государстве, весьма интересовал исследователей, которые не могли оставить без внимания этот важный институт и стремились дать ему определенное объяснение и освещение. Однако, несмотря на все значение вопроса, литература по указанному предмету невелика и не дает исчерпывающего ответа.

С другой стороны, в историко-юридической литературе по истории крепостного права в России отмечается борьба двух теорий: юридической и экономической. Последняя впервые была изложена В. О. Ключевским и получила дальнейшее развитие в трудах таких представителей науки, как М. А. Дьяконов, А. С. Лаппо-Данилевский, П. А. Рожков, М. Н. Покровский и другие, благодаря которым изучение вопроса о происхождении крепостного права в России было поставлено на реальную почву. Между тем в историко-юридической литературе по изучению крепостного права в Белоруссии и Литве нельзя обнаружить определенной научной традиции и ярко выраженных школ и направлений. Это понятно: вопрос о происхождении барщины рассматривался авторами мимоходом, случайно и, в дополнение ко всему, исследователи не всегда опирались на данные источников и сплошь да рядом даже весьма серьезные и глубокие представители науки высказывали мысли, которые нельзя подкрепить соответствующими свидетельствами источников.

Вот почему вопрос о происхождении крепостного права является вопросом новым, требующим пересмотра старых

точек зрения и выяснения тех причин и условий, благодаря которым свободные люди, имевшие полную правоспособность, теряли свою свободу и гражданские права, попадали в положение людей несвободных.

Собранный за последнее время довольно значительный архивный материал дает возможность осветить не только вопрос о происхождении крепостного права, но и его юридическую сущность, так как и в этом отношении в существующей научной литературе нет единого мнения.

Вопрос о происхождении крепостного права в Литовско-Белорусском государстве впервые затронул Ф. И. Леонтович, которому вообще следует отвести почетное место в истории исследования литовско-белорусского права. Он выдвинул и разработал ряд вопросов, имеющих первостепенное значение для изучения социального и политического строя Литовско-Белорусского государства. К этому следует добавить, что Леонтович обладал известным даром понимания прошлого и умел объяснять те или иные институты социального характера, исходя из условий жизни различных общественных классов. Леонтовичем, наконец, введен в научный оборот довольно значительный актовый материал, который он стремился всегда более или менее полностью использовать.

Тем не менее в работах Ф. И. Леонтовича наблюдаются существенные методологические недостатки, в силу которых его правильные догадки не получают ясной формулировки. Вот почему тот или иной институт в работах Леонтовича нельзя считать окончательно исследованным, не требующим дальнейшего пересмотра или изучения.

Впервые Ф. И. Леонтович затронул вопрос о происхождении крепостного права в своей работе «Крестьяне в юго-западной Руси по Литовскому праву XV—XVI столетий». Эта работа вышла через два года после аграрной реформы 1861 г. и отвечала тому интересу к истории крестьян в России, который начал проявляться среди историков и историков-юристов. Ф. И. Леонтовича интересовали два вопроса: как возникает несвободное положение и каково юридическое положение несвободного крестьянства. Эти два вопроса совершенно правильны. Ответ на них дает возможность выяснить юридическую природу крепостного права в Литовско-Белорусском государстве. Не без влияния историко-юридической литературы, исследовавшей крепостное право в России, Ф. И. Леонтович отказывается от мысли считать барщину таким институтом, который возник в силу одного распоряжения государственной власти. Крепостное право возникло на почве общественных условий, неблагоприятно складывавшихся для широких групп сельского населения, терявшего по этой причине свою свободу. Крепостное право

возникло на фоне чисто общественных отношений и получило свое закрепление и отражение в «сословном законодательстве» того времени, каким являлись статуты всех редакций.

Как же представлял себе Ф. И. Леонтович зарождение барщины (крепостного права) и когда, собственно, по его мнению, окончательно установился этот институт?

Ф. И. Леонтович отмечает, что свободный человек иногда попадает в добровольные, но уже обязательственные отношения к землевладельцу, которые пока еще не превращали человека в *подданного,* так как он сохранял за собой личную свободу. Вольный человек после выполнения лежащих на нем долговых обязательств, пользуясь личной свободой, покидал своего пана. Но бывали и такие случаи, когда люди, несмотря на имеющееся у них право ухода от своего пана, оставались сидеть на его земле. В связи с давностью «заседенья» эти люди назывались «заседелыми». Фактически эти люди уже потеряли право ухода. По своему юридическому положению они являлись противоположностью людям «незаседелым», имевшим право свободного ухода, а попали они в эту категорию заседелых только под влиянием неблагоприятных материальных условий.

Ссылаясь на давность, как на главную причину заседелости крестьянина, Ф. И. Леонтович подчеркивает, что только в Литовском статуте третьей редакции давность была определена в десять лет, но это не исключает, очевидно, существования давности как источника крепостного права в более раннюю эпоху. Если, с одной стороны, условия ухода от пана людей вольных были тяжелыми по материальным обстоятельствам, то, с другой стороны, свободные люди попадали в тяжелые экономические условия, в результате которых они входили в более тесные долговые отношения со своим паном, что и приковывало их к жизни на одном месте. Последнее же, по мысли Леонтовича, «всегда вызывает множество разнообразных отношений и связей, из которых бедный человек не легко может выпутаться».

Главной причиной образования класса непохожих людей были те экономические условия, в которых находилось литовско-белорусское крестьянство. «Нуждаясь в частых пособиях со стороны помещиков,— пишет Ф. И. Леонтович,— и редко имея возможность возвратить их, похожий человек, долго проживший на земле одного и того же владельца, поневоле делался неоплатным должником, подвергался всем невыгодным последствиям долговой зависимости. Бедняк, во всяком случае, должен был жертвовать личной свободой, как единственной гарантией долговых отношений».

Совершенно понятно, что в силу имущественной несостоятельности обедневшие крестьяне оставались в постоянной

зависимости от своих кредиторов-панов. «Неоплаченные обязательства первого поселенца, свободного человека, отзывались на зависимости его потомков. Их привязывали к месту поселения обязательства, сделанные при первом поселении и обратившиеся при своей неоплатности в наследственные. Потомок вольного поселенца делался, таким образом, старожилом, незаметно входил в число отчизных, наследственных. Отсюда само собой образовалось в жизни и перешло в положительное законодательство правило, по которому похожие люди, прожившие долгое время на владельческой земле, должны считаться людьми отчизными — «отчичами»».

Таким образом, тяжелое материальное положение и невыполнимые долговые условия были главной основой развития крепостного права. Распространению долговых отношений значительно содействовало и то, что земельная собственность группировалась во многих руках, отчего и возникала экономическая зависимость крестьян от землевладельческих классов, что, по мнению Ф. И. Леонтовича, и было первой и главной основой закрепощения крестьянского сословия не только у нас, но и вообще у всех европейских народов.

Ф. И. Леонтович отмечает и другие случаи возникновения барщины. Это — побеги людей, севших на волю или проживших срок давности. Таких лиц пан имел право искать повсюду, а если бы беглец нашел себе где-нибудь пристанище, то новый владелец обязан был вернуть его и, в дополнение, уплатить штраф за убежище («пристанодержательство»).

Ф. И. Леонтович также отметил, что причиной возникновения крепостничества являлась раздача населенных земель представителям дворянского землевладения. Такие земли давались великими князьями на различных условиях: в «вотчину» и во временное владение, пожизненно или временно.

Эти наблюдения Ф. И. Леонтовича правильны.

Одновременно с расширением поместного и вотчинного землевладения увеличивалось количество лиц, становившихся в частнозависимые отношения.

Но Ф. И. Леонтовичу не удалось выяснить, почему раздача земли на тех или иных условиях содействовала появлению крепостничества.

Ф. И. Леонтович, далее, правильно утверждает, что великий князь раздавал не только земли, но и одних людей, без земли, на которой они сидели. Отдача людей во владение частному лицу ставила их в полную зависимость от землевладельца; однако по вопросу о том, почему такая зависимость была причиной крепостного права, Леонтович высказал лишь одно замечание: он отмечает, что «жалованные грамоты» считались «крепостными актами», дававшими собственникам как полное «вот-

чинное» право на имение, так и «все право и панство» на пожалованных вместе с землей людей. Наконец, Ф. И. Леонтович отмечает, что в том случае, когда жаловалось имение вместе с живущими в нем свободными людьми, то за последними сохранялось право ухода[196].

Следует считать, что предложенная Леонтовичем постановка вопроса о причинах возникновения и развития панщины правильна. Все условия и факторы, с помощью которых выясняется возникновение и распространение крепостничества, им были показаны. Его недостатком было лишь то, что эти данные поданы очень схематично, не получили более яркого и точного исследования. Остается совершенно незатронутым вопрос о том, почему для отдельных людей возникали неблагоприятные экономические условия? Вопрос этот имеет, конечно, первостепенное значение. Спустя четыре года после появления в печати работы Ф. И. Леонтовича, относительно возникновения крепостничества высказался М. Ф. Владимирский-Буданов. Исследуя немецкое право в Литве и Польше, М. Ф. Владимирский-Буданов затронул вопрос о влиянии немецко-польского права на положение крестьян в Великом княжестве Литовском.

Возникновение крепостничества М. Ф. Владимирский-Буданов ставит в связь с увеличением шляхетских прав и привилегий, которые, по выражению этого автора, фактически придали крепостному праву «внутреннюю строгость». На основе шляхетских привилеев население шляхетских имений стало в непосредственные личные отношения, ввиду чего барщина носила личный характер[197].

В другом месте М. Ф. Владимирский-Буданов стал на точку зрения теории Ф. И. Леонтовича и о возникновении барщины высказал догадку, будто «на литовско-русском праве всего лучше изучать постепенно бытовое прикрепление крестьян, как неизбежное следствие экономических причин». Однако Владимирский-Буданов не отказался от ранее высказанных им суждений и счел нужным дать примечание, в котором подчеркивал огромное влияние немецкого права в Литве, в форме волочной системы хозяйства, четкого отделения сословий городского населения от сельского, а также в виде раннего и повсеместного «прикрепления» и, наконец, внутренней строгости этого права[198].

---

[196] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России..., № 10, стр. 18—23.

[197] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. II. Киев, 1880, стр. 31, прилож. 16.

[198] М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право. ЖМНП, 1868, № 8, стр. 473—523.

Этот взгляд М. Ф. Владимирского-Буданова противоречив. Если крепостное право является неизбежным следствием экономических причин, то нужно отбросить влияние немецкого права в Литве как фактора, содействовавшего возникновению и развитию крепостного права!

М. Ф. Владимирский-Буданов подходил к изучению вопроса слишком абстрактно и придавал немецкому праву совсем не то значение, какое оно имело. Отделение города от деревни, городского жителя от крестьянина и осуществление волочной системы необходимо рассматривать не как влияние немецкого права, но как итог экономической эволюции страны, в результате чего город отделился от деревни и хозяйство стало на путь более выраженной интенсификации. Если согласиться со взглядами М. Ф. Владимирского-Буданова, то, принимая во внимание, что волочная померa расширялась на панских землях и (притом не на всех) только во второй половине XVI в., нужно было бы считать, что до этого времени в Литве и Белоруссии крепостного права не существовало. Во-вторых, если шляхетские привилеи давали помещикам вотчинную власть, то остается непонятным, как из принципа вотчинной власти могло возникнуть крепостничество.

Эти вопросы М. Ф. Владимирский-Буданов оставляет без ответа.

Можно согласиться с Владимирским-Будановым в том, что судебная юрисдикция землевладельца характеризовала личный характер крепостничества и ставила крестьянина в зависимость от пана. Однако шляхетскому суду подлежали не только крестьяне, но и все лица, жившие в панском имении. Одними шляхетскими привилеями и шляхетской судебной юрисдикцией никак нельзя объяснить появление крепостничества.

Если бы М. Ф. Владимирский-Буданов больше внимания уделил экономическим причинам, которые он отмечает мимоходом, то зависимость крестьянина от пана как результат экономических причин и вотчинной власти предстали бы в качестве основных элементов, из которых сложилась барщина и благодаря которым последняя получила личный характер.

И если М. Ф. Владимирский-Буданов и не разрешил вопроса о происхождении крепостного права, то все-таки он был на верном пути к его разрешению.

Относительно возникновения крепостничества высказался еще В. Б. Антонович. Он считает термин «отчичи прирожденные» производным от «челяди невольной». По мнению В. Б. Антоновича, выходит, что был такой момент, когда челядь невольная стала «отчичами». А если согласиться с этой мыслью Антоновича, то следует считать, что был и такой определенный

момент, когда сельское население в большинстве своем состояло из рабов [199].

Для подкрепления своего взгляда В. Б. Антоновичем не было представлено абсолютно никаких документов, и вообще его мысль не выдерживает критики.

В. Б. Антонович прав лишь в том, что часть челяди невольной могла стать отчичами, т. е. слиться с существующими крепостными людьми. Но этот процесс наблюдается только во второй половине XVI в., когда на великокняжеских и частновладельческих землях после аграрной реформы рабов как рабочую силу, не соответствующую своему назначению, садили на землю для выполнения тягла или для выплаты оброка.

Фактически на точке зрения М. Ф. Владимирского-Буданова стоит и Д. И. Иловайский, ставящий возникновение барщины в связь с шляхетскими привилеями. Мысль Д. И. Иловайского вызывает лишь недоумение и свидетельствует о его полном одиночестве в исследовании таких сложных социальных явлений, как крепостное право. Д. И. Иловайский подошел, однако, к решению этого вопроса несколько иначе, чем М. Ф. Владимирский-Буданов. «Первым шагом к водворению крепостного права,— пишет Иловайский,— или к уравнению вольных сельских жителей с невольными — был земский привилей 1447 года, по которому Казимир IV запрещает перезывать поселенцев с частных имений на великокняжие и обратно». Выходит так, будто бы до издания привилея Казимира Ягеллончика были люди свободные и зависимые, и вот, по акту законодательного характера, свободные сельские жители сделались зависимыми. И все-таки остается неясным: кто же были эти зависимые и как возник этот институт? [200] Д. И. Иловайский при рассмотрении вопроса о происхождении крепостничества находился под влиянием русской юридической школы и поэтому не совсем удачно использовал привилей Казимира IV для того, чтобы показать, что барщина возникла в результате определенного распоряжения великокняжеской власти.

Весьма подробно изложил свое мнение по вопросу о происхождении крепостного права М. К. Любавский, который при этом весьма критически относился к своим предшественникам. Правда, М. К. Любавский не ставил себе задачу всесторонне исследовать происхождение крепостного права и лишь затронул этот вопрос, поскольку этого требовали цели его исследования.

М. К. Любавский использовал огромный архивный материал, что позволило ему высказать ряд ценных суждений и гипотез.

---

[199] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 377.

[200] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление.., стр. 378; Д. И. Иловайский. История России, т. III, стр. 84.

с которыми нельзя не согласиться. Но, несмотря на это, вряд ли можно согласиться с выдвинутой им теорией происхождения крепостного права. В работе М. К. Любавского мы встречаем ряд интересных критических замечаний относительно предыдущей литературы, которая не удовлетворяет его и имеет, по его же мнению, много недостатков. Наряду с этими замечаниями М. К. Любавский дает целый ряд рассуждений и мыслей, правильно освещающих постановку вопроса о происхождении барщины. Однако во взглядах М. К. Любавского нет стройности, а в отдельных своих суждениях он нередко даже противоречит сам себе.

Как опытный исследователь-позитивист, М. К. Любавский отбросил теорию В. Б. Антоновича и теорию Д. И. Иловайского. Критикуя теорию Д. И. Иловайского, М. К. Любавский верно отмечает, что никаких шагов законодательного характера вообще не делалось, ибо законодательство не создавало никаких новых социальных отношений, оно лишь оформляло их после того, как последние уже сложились [201]. Поскольку это верно, то отсюда вытекают следующие выводы: крепостное право возникло на почве общественных условий, а в дальнейшем законодательство юридически его оформило.

Не соглашается М. К. Любавский также с Ф. И. Леонтовичем и М. В. Владимирским-Будановым, которые выдвигали экономические причины в качестве первоосновы крепостничества. Любавский согласен с тем, что «вольные похожие люди» из-за бедности становились должниками землевладельцев, что вызывалось необходимостью брать «запоможение» для первого «обзаведения» [202]. Но вывод, что это содействовало их «закрепощению в силу давности», по мысли М. К. Любавского, не соответствует действительности. «Люди в пенезех» не становились «старожильцами», какой бы срок давности они не прожили. Статут 1529 г. решительно отмечает, что «кождая застава», а в том числе и застава личности, «давности меть не может» [203]. Однако в дальнейшем, после нескольких слов о «людях в пенезех», М. К. Любавский не считает их людьми заставными, на которых распространяются артикулы Литовского статута.

Другое противоречие в теории Ф. И. Леонтовича, согласно М. К. Любавскому, состоит в следующем: благодаря своей задолженности крестьяне часто становились старожильцами, людьми вотчинными или отчичами, но он не выясняет, почему они становились людьми непохожими, считая это само собой

---

[201] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 379.

[202] Там же, стр. 380.

[203] Там же.

разумеющимся. М. К. Любавский придерживается взгляда, что «отчинные люди, и отчичи, и непохожие люди» — это понятия, далеко стоящие друг от друга. М. К. Любавский склонен считать, что принцип давности достаточно глубоко проникал во все общественные отношения Литовско-Русского государства в первое время его существования и применялся в общественной и государственной областях жизни [204]. На основе давности за частными владельцами закреплялись имения и в том числе крестьяне с землей. Земская давность, свидетельствует Любавский, видимо, со времен образования Литовско-Русского государства существовала в качестве принципа прикрепления [205].

Выступая против Ф. И. Леонтовича, считающего, что «отчичы и непохожие люди» — понятия тавтологические, М. К. Любавский в другом месте своей работы фактически должен был, на основании актового материала, подтвердить, что «отчичи» и «непохожие люди» — термины, характеризующие одно и то же социальное положение [206]. М. К. Любавский подчеркивает, что в господарских волостях класс отчичей всегда обособлялся от класса людей похожих. Последние свободно селились в частных имениях вопреки известному артикулу шляхетского привилея 1457 г. В силу давности, действовавшей во времена Первого статута, «вольные похожие» люди, по мнению М. К. Любавского, могли стать «заседлыми», если они просрочат земскую давность, либо, в противном случае, попадали в категорию «отчинных непохожих людей».

Таким образом, для Любавского отчинные и непохожие люди — одно и то же. Между тем раньше он высказывался об этом иначе.

Нельзя не согласиться с М. К. Любавским, что земская давность — 10 лет, что после окончания ее люди вольные могли стать людьми «заседелыми» и что, несмотря на то, что давность получила четкую формулировку только в Статуте третьей редакции, она действовала и ранее 1588 г. М. К. Любавский ссылается на артикул Первого статута, по которому «отчинные» люди, убежавшие от своего господина к другому, подлежали возвращению в том случае, если они не засиживали за новым паном 10-летнюю давность [207]. М. К. Любавский делает отсюда правильный вывод, что такая давность имела силу и по отношению к «вольным похожим людям», но она не действовала в тех случаях, когда при осаде крестьян на панской земле не

---

[204] Там же.
[205] Там же, стр. 389—390.
[206] Там же, стр. 392.
[207] Там же.

составлялось соглашение о том, что они могут отойти от пана, отдав ему «выход».

В заключительном обобщении М. К. Любавский признает правильными взгляды Ф. И. Леонтовича на то, что «сосредоточение поземельной собственности в немногих руках и возникшая отсюда хозяйственная зависимость крестьян от землевладельческих классов были первым и главным основанием укрепления крестьянского сословия» в Литовско-Русском государстве[208]. Это утверждение находится в резком противоречии со всем тем, что было высказано ранее М. К. Любавским в его критических замечаниях на исследование Ф. И. Леонтовича и частично его последователя Владимирского-Буданова.

Какова же собственная теория М. К. Любавского?

Высказанная, правда, схематично, она представляется в следующем виде.

Уже в момент образования Великого княжества Литовского на княжеских землях и в частных имениях жила масса крестьян (бывшие «смерды»). Жили они давным-давно на своих земельных клочках, уплачивая подати и выполняя различные барщинные повинности краевым господарям и платя поборы местным землевладельцам.

Это первое утверждение М. К. Любавского целиком правильно.

Далее М. К. Любавский утверждает, и также совершенно правильно, что «хозяйство частных имений уже в эпоху Русской Правды не было в состоянии держаться на одном рабском труде, а требовало и наемных рабочих». Возможно, говорит М. К. Любавский, что уже в то время начался переход к обработке имений «крепостным крестьянским трудом». Последний в XIII—XIV вв. получил всеобщее распространение — и в частновладельческих хозяйствах, и в собственном хозяйстве господаря-князя, ставшем важным источником доходов при общей скудости финансовых объектов того времени. Для правильного ведения такого хозяйства необходимо было определенное количественное постоянство рабочей силы, чтобы хозяйство всегда было обеспечено крестьянским трудом в размерах приблизительно не ниже среднего. По мнению М. К. Любавского, это было причиной того, что литовские князья начали рассматривать крестьян, которые прочно сидели на определенном участке земли, полученном в качестве наследства, как не имеющих права их покидать, ибо с отходом их могла прекратиться служба с этого участка земли.

Многие же крестьяне обжились на своих «отчинах» и не имели никаких оснований оставлять последние, ибо с переходом

[208] М. Қ. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 392.

на другой земельный участок они могли попасть в худшие хозяйственные условия. Уже в это время возникла идея, что все «отчичы и оселые люди» должны быть «непохожими»; это значит, что они потеряли право перехода, хотя на практике это право перехода, правда незаконное, могло существовать, и администрация не всегда имела возможность возвратить их на прежнее место[209].

Прикрепление крестьян в частных имениях следует представлять себе не в бóльших размерах, чем это имело место в господарских волостях. «Немецко-польское шляхетское право освободило владельческих крестьян от обязанности работать на господарском хозяйстве и платить разные дворные поборы в пользу господаря и его урядников, освободило их от юрисдикции сих последних, заменив ее юрисдикцией владельцев, и таким образом превратило их в подданных панов, бояр, шляхты и других владельцев».

Вместе с тем меняется и отношение к личности крестьянина. Крестьяне стали отчичами частновладельческими, и «паны имели теперь право не выпускать «властных» крестьян, оказавшихся лишними на данном участке земли». Они имели возможность перевести их на другой участок земли в границах данного имения или перевести такого «отчича» в свое или чужое имение[210].

Такова суть теории М. К. Любавского!

Следует сказать, что, несмотря на всю свою схематичность, М. К. Любавский высказал целый ряд правильных суждений. И в то же время ему не удалось четко обрисовать картину закрепощения крестьянства. М. К. Любавский верно утверждает, что прикрепление крестьян в частных имениях носило личный характер. Если это действительно так, то в таком случае должно было появиться запрещение принимать в господарские волости из частных имений всех людей «данных, извечных, селянитых», каковое как раз и имеется в известном привилее 1457 г. Любавский правильно считает, что «привилей не был первым шагом к водворению крепостного права», которого он не устанавливал, а только был законодательным выражением и санкцией тех последствий, которые вытекали сами собой из распространения шляхетского права над крестьянами[211].

Каким же путем зарождалось и расширялось крепостное право на землях частных владельцев? На этот важный вопрос уважаемый исследователь ответа не дал. Вопрос о происхождении крепостного права остается открытым.

---

[209] Там же, стр. 382.
[210] Там же, стр. 387.
[211] Там же, стр. 378.

Историко-юридическая литература в течение более чем полувека не могла выяснить вопрос о происхождении крепостного права в Литве и Белоруссии. И понятно почему. Если Ф. И. Леонтович близко подошел к правильному пониманию причин возникновения крепостного права в Белоруссии, выдвигая на первый план элемент задолженности, не освещая, однако, тех явлений, которые вызвали эту задолженность крестьян и содействовали прикреплению к земле сельского населения, то остальные авторы пошли вспять и в значительной степени запутали выдвинутую проблему. В этом вопросе особенно характерен М. К. Любавский, высказавший целый ряд правильных замечаний относительно отдельных сторон происхождения крепостного права. Но в конечном счете М. К. Любавский, остановившись на формально-юридическом объяснении крепостного права, в силу этого не сумел дать правильного освещения проблемы его происхождения.

Взгляд М. К. Любавского является шагом назад в сравнении с теми взглядами, которые преобладали в исторической литературе того времени по вопросу о происхождении крепостного права в России.

Необходимо все-таки отметить, что предыдущие историки и юристы не могли иначе подойти к разрешению поставленной проблемы. Ф. И. Леонтович вышел на арену научной деятельности в начале 60-х годов XIX в. Он находился под влиянием мелкобуржуазного либерализма. Это ярко проявляется в его труде о крестьянах, где он стремится отказаться от традиционной историко-юридической школы. Последующие историки, следуя по пути историко-юридической школы и придавая огромное значение организующей роли государства, стремились ликвидировать классовые противоречия в обществе и, таким образом, *затемнили* изучение весьма важного вопроса.

Вся предыдущая литература собрала определенный фактический материал, который необходимо использовать при дальнейшем изучении вопроса о происхождении крепостного права. Исследователь не должен обходить те объективные отношения, в которых развивалось сельское хозяйство того времени и находилось феодальное землевладение. Только приняв во внимание эти условия, можно правильно исследовать и понять проблему происхождения крепостного права.

Сам вопрос распадается на два момента, или элемента. Во-первых, нужно изучить вопрос о том, как сложилось крепостное право и какие условия в дальнейшем оказывали влияние на его количественный и качественный рост к моменту окончательного юридического оформления. С другой стороны, весьма важно выяснить юридическое положение крепостного крестьянства, почти не затронутое в литературе, если не считать

некоторых замечаний Ф. И. Леонтовича, сделанных им на основе данных статутов трех редакций.

Акты судовых книг Литовской метрики дают чрезвычайно богатый материал, ярко характеризующий экономическую и юридическую зависимость крепостного крестьянина от пана и право последнего распоряжаться им по своему желанию, что было связано с теми объективными условиями, в которых находилось то или иное частновладельческое хозяйство.

Те же судебные акты свидетельствуют и о том, что крестьяне, под принуждением попавшие в разряд крепостных, стремились обрести свободу и, таким образом, вырваться из петли неволи, все сильнее и сильнее стягивавшей шею крепостного крестьянина.

Ставя перед собой вопрос о происхождении крепостного права в Белоруссии, мы хотели бы ограничиться только эпохой XV и начала XVI в., т. е. временем окончательного перехода от обычаев к законодательным нормам. В эту эпоху феодальное хозяйство уже приходило в упадок, появились первые признаки зарождения торгового капитализма. Основанные на обычае судебные приговоры, поскольку они еще выносились судами, находившимися в руках землевладельцев, содержат ценнейший материал как для характеристики классовой идеологии землевладельцев, так и для изучения Литовского статута 1529 г. как сборника законодательных норм, отражающих интересы землевладельцев, сумевших обычные юридические нормы закрепить формальными, юридическими, писаными.

Уже само появление писаного права свидетельствует о той экономической силе, которую представляли собой землевладельцы того времени: они в своей экономической политике не стеснялись в средствах и способах закрепощения вольного, свободного человека. Борьба за свободные руки, борьба за крепостного крестьянина как новую форму рабочей силы, обязанную в еще большей мере удовлетворять потребности фольваркового хозяйства, только начинавшего разворачиваться,— вот что составляло главное содержание социально-экономических отношений между классом землевладельцев и сельским населением.

II

В эпоху феодализма, когда происходил процесс развития и оформления социально-экономической и юридической зависимости, известной под названием крепостничества, актовая терминология относительно крепостного крестьянства отличается значительной пестротой. Однако этот факт не должен вызывать недоумения. Процесс образования института крепостной

зависимость протекал весьма медленно. Постепенно происходила консолидация зависимого от землевладельцев населения, представлявшего собой весьма разнообразную в социально-экономическом отношении группу. Вследствие этого и зависимость последнего от землевладельца констатировалась весьма разнообразными терминами.

Актовый материал в своей терминологии основывается на признании существования крепостной зависимости сельского населения от своих землевладельцев. Последнее обстоятельство до известной степени свидетельствовало о том, что барщина пустила уже глубокие корни в феодальной действительности того времени. Пестрота актовой терминологии в известной мере определялась тем, что феодально-командующие группы еще не успели выработать своего права, которое ярко характеризовало бы, с одной стороны, их классовое право и, с другой, положение крепостного населения.

Феодальное землевладельческое право складывалось и оформлялось на протяжении целого столетия. В своей основе оно исходило из судебных решений как самого князя, так и органов великокняжеской администрации, которые выносились исключительно по конкретным отдельным юридическим казусам. Феодальное право было вообще конкретным и еще не знало общих абстрагированных юридических норм.

Такая конкретность суждения оказала известное влияние на актовую терминологию, касающуюся крепостного населения. Феодальный юридический язык считался с положением, занимаемым в феодальном быту тем или иным зависимым человеком. Чем сложнее становилась экономическая атмосфера в Литовско-Белорусском государстве, тем пестрей и разнообразней делалась и актовая терминология, относящаяся к крепостному крестьянству.

К моменту развития феодальных отношений в Литовско-Белорусском государстве — во владениях великого князя, а также и у частных владельцев — различались две группы населения: а) «рабы», «челядь невольная», бывшие объектом права, и б) все остальные жители под именем «люди» — группа, весьма пестрая по своему юридическому и податному положению. Это свидетельствует о многообразии в юридическом отношении сельского населения на территории феодального владения в Литовско-Белорусском государстве.

Термин «люди» для наименования сельского населения феодальной «вотчины», видимо, сделался общеупотребительным уже в конце XIV в. Понятие «люди» охватывало как свободное сельское население, так и население, уже попавшее в социально-экономическую зависимость. Иммунитетные грамоты термином «люди» охватывают все население феодального владения,

на которое распространяется «вотчинный иммунитет» [212]. Однако в иммунитетной грамоте мстиславского князя Семена Лингвеньевича Ануфриевскому монастырю, от 2 июля 1468 г., уже отмечается, что состав «людей» в монастыре, на которых распространяется его «вотчинный иммунитет», был далеко не одинаковым. В грамоте отмечаются как «люди похожие», так и «непохожие», а кроме этого, показывается различие в податном отношении отдельных групп населения, подвластного монастырю [213].

В книге пожалований великого князя Казимира Ягайловича термин «люди» употребляется сравнительно редко. Но зато весьма употребительным является термин «человек», «человеки». Этот термин мы обычно встречаем в пожалованиях людей боярам-землевладельцам как с обозначением земельного надела этих людей, так и без упоминания о наличии последнего, поскольку земельный надел, на котором сидели пожалованные в частное владение «люди» («человеки»), само собой подразумевался. Пожалованиями Казимира констатировалось изменение в положении «человеков», отданных в частное владение, а именно, что они перешли под вотчинную юрисдикцию нового владельца.

Эти изменения в положении сельского населения были двоякого характера. Во-первых, человек менял вотчинную юрисдикцию, одного землевладельца на другого. В этом случае юридическое положение человека оставалось без изменений. Во-вторых, часть сельского населения к моменту пожалования жила на землях великого князя, в связи с чем передача этой части частному землевладельцу означала как перемену вотчинной юрисдикции, так и изменение в повинностных отношениях. Все это вносило весьма существенные изменения в общеюридическое и экономическое положение сельского населения, жившего на землях великого князя [214].

Отдавая в руки частных землевладельцев ту или иную группу сельского населения, великий князь иногда отмечал и повинностное положение этой группы населения. Последнее обстоятельство имело место главным образом при передаче в частное владение людей, известных по своему повинностному положению под именем «данников» [215].

Пожалования Казимира констатировали экономическую и юридическую зависимость от частного землевладельца известной группы населения, однако в то же время они не затрагивали вопроса о правовом положении тех или иных «человеков»,

---

212 АЗР, т. I, № 14, 43.
213 АЛМ, № 21.
214 РИБ, т. XXVII, стр. 174—328.
215 АЛМ, № 8.

«людей», «людцев», получивших нового землевладельца. Оформление их юридического положения было новым этапом в общественном отношении в тот период, когда уже начала проводиться жесткая демаркационная линия между людьми похожими — свободными и людьми непохожими — утратившими право перехода.

Землевладельческие привилеи великих князей литовских содействовали юридическому оформлению прав частных лиц на земельные владения, находившиеся в их фактическом пользовании в момент публикации привилеев, а вместе с тем и прав на население, жившее на их землях. Одновременно они получали право распоряжаться всем своим имуществом.

Если обратиться к терминологическим данным, находящимся в общеземском привилее 2 мая 1447 г., то мы встречаем в нем следующие термины: «люди данные», «извечные», «селенитные», «невольные». Пестрота терминов общеземского привилея совсем еще не говорит о пестроте юридического положения упомянутых людей. Все эти термины характеризуют одно и то же юридическое положение, известное под названием «крепостное право» [216].

Как толковать термин «люди данные»?

Следует подчеркнуть, что этот термин объясняется далеко не одинаково.

Леонтович считает, что «данники» и «данные люди» не принадлежали ни к слугам, ни к тяглым людям и занимали особое положение в государстве [217]. Согласиться с этим объяснением нельзя. Уже разница в терминологии говорит не в пользу одинаковости положения. Термин «данники» характеризует «повинностное положение», но ни в коем случае не юридическое положение сельского населения. Данники жили и на землях великого князя и на землях частных владельцев. И в том и в другом случае юридическое положение данников будет не одинаковым.

Что касается «людей данных», то в вышеуказанном привилее они *помещены* в одну группу с остальным зависимым населением. И на это надо обратить внимание.

М. Ф. Владимирский-Буданов имел все основания не соглашаться с мнением Ф. И. Леонтовича. Но и его собственная позиция вряд ли является правильной и к тому же мало обоснованной. М. Ф. Владимирский-Буданов условно высказывается против идентичности терминов «люди данные» и «данники» и считает, что «люди данные», вероятно, означают людей,

---

[216] Привилей 2 мая 1447 г., арт. 12. М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. I, Киев, 1886.

[217] М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. I, стр. 31, прим. 18.

выданных по суду (по гражданским искам или за преступление) [218].

Все эти догадки Владимирского-Буданова мало обоснованы, и с ними нельзя согласиться.

«Люди данные» — это люди, пожалованные великим князем, право владения которыми основывается па великокняжеской грамоте [219]. В подтверждение этого можно привести тексты, свидетельствующие о том, что «людми данными» на землях частных владельцев назывались люди, занимавшие в повинностном отношении положение данников [220]. Все эти свидетельствует об отсутствии ясной и точной терминологии.

Объяснение термина «люди извечные» не встречает особых трудностей. М. Ф. Владимирский-Буданов считает «извечными людми» крестьян, достававшихся в наследство. Термины «люди извечные», «звечные» встречаются в актах XV и начала XVI в. Однако необходимо отметить, что этот термин встречается сравнительно редко. В актах «люди извечные» называются «отчинными звечными», «отчизными звечными непохожими» [221]. Встречаются, правда сравнительно редко, и термины «люди звечные», «властные звечистые» [222].

Редкое употребление термина «звечные люди» и появление его рядом с другими терминами, характеризующими юридическое положение частновладельческих людей, частично служит доводом отмирания термина «звечные люди» и замены последнего общеупотребительными терминами «отчизные люди», «отчинные люди» и «непохожие люди».

Правильнее было бы называть «людми звечными» ту группу крепостного крестьянства, которая с давних времен принадлежала тому или иному землевладельцу и, естественно, передавалась по наследству.

М. Ф. Владимирский-Буданов объясняет термин «люди селенитые» как челядь, посаженная на участок земли. Эта мысль гипотетична, поскольку им не приведено никаких данных для фактического обоснования. Челядь, безусловно, могла сидеть на земле. Но поселение на землю нисколько не меняло юридического положения челяди невольной. Привилей 2 мая 1447 г. имеет в виду сельское население, лишенное право отхода и перехода на другие земли, как великокняжеские, так и частновладельческие. О челяди невольной привилей не упоминает потому, что последняя в повседневной практике рассматривалась

---

[218] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России..., № 10, стр. 27—28.
[219] АЛМ, № 172, 309.
[220] РИБ, т. XX, кн. I, № 41, 284.
[221] АЛМ, № 217; РИБ, т. XX, кн. I, № 28, 129.
[222] РИБ, т. XX, кн. II, № 136; Беларускі архіў, т. II, № 100.

как движимое имущество, находящееся в полном распоряжении землевладельца, навечно прикованное к нему.

Характерно, что в актах термин «люди селенитые» не встречается. Видимо, под ним понимались осевшие на земле люди, уже отсидевшие ту земскую давность, которая в это время становилась общепринятой нормой.

Под термином привилея 2 мая 1447 г. «люди невольные» М. Ф. Владимирский-Буданов понимает рабов, оставшихся на дворовой службе. Такое объяснение совершенно неудачно. Люди невольные — это крепостные люди, утратившие право выхода. Терминам «невольный человек», «невольные люди» противопоставляются термины «вольный человек», «вольные люди» [223]. Невольные люди наравне с вольными людьми выплачивали поголовщину, собиравшуюся для «потребы земское», в то время как челядь невольная таким поголовным налогом не облагалась [224].

Привилей 2 мая 1447 г. знает еще термин «подданые люди» — находившиеся в зависимости у отдельных «разрядов» землевладельцев. В разряд «подданых» входят все группы населения, жившие на частновладельческих землях, на которых распространялся «вотчинный иммунитет» землевладельца. Когда Судебник Казимира Ягеллончика упоминает о «людях княжьских, паньских и боярских», то терминологически под этой категорией следует понимать всех частновладельческих подданных, а не только одну экономически и юридически зависимую группу населения [225]. Далее, в актах феодальной эпохи люди «князьския», «паньския» и «боярския» упоминаются как люди, зависимые от землевладельца, как его крепостные.

Терминология актов этой эпохи относительно зависимого населения чрезвычайно разнообразна. Для указания на зависимое положение отдельных жителей или определенной группы населения пользовались различными терминами.

Зависимость от частных землевладельцев определялась в первую очередь по категории владельцев. В актах встречаются «люди князьские» [226], «панские» [227], «боярские» [228], «земянские» [229], «бискуповые» [230], «декановы» [231–232], «каноницкие» [233],

---

223 РИБ, т. XX, кн. I, № 94.
224 Там же, кн. II, № 307.
225 Судебник Казимира, арт. 9—11.
226 АЛМ, № 565, РИБ, т. XX, кн. I, № 553; кн. III, № 131.
227 АЛМ, № 565 РИБ, т. XX, кн. I, № 411, 59.
228 АЛМ, № 647, РИБ, т. XX, кн. I, № 15; кн. II, № 335.
229 АЛМ, № 565.
230 АЛМ, № 36; РИБ, т. XX, кн. II, № 337.
231–232 РИБ, т. XX, кн. I, № 306, 335.
233 Там же, кн. II, № 248, 468.

«костельные» [234], «митрополичьи» [235], «церковные» [236], «владычные» [237] и т. д. Все эти группы сельского населения были зависимыми людьми различных категорий духовных и светских землевладельцев. Эти зависимые люди противопоставляются людям господарским, волостным, вольным.

Наличие классовых противоречий отразилось в феодальную эпоху и на актовой терминологии. В актах часто встречается термин «люди простые». Обычно он противопоставляется «шляхтичам», «боярам». «Люди простые», несомненно, могут быть свободными людьми. Дочери бояр, шляхтичей вступали в брак с ними, но обычно термином «простые люди» квалифицировалось зависимое от землевладельца население, обязанное выполнять службу, в связи с чем в актах «простые люди» именуются «тяглыми людми» [238].

Крепостные люди — это лица, утратившие право ухода, вынужденные жить вечно на земле землевладельца. Отсутствие права отказа и ухода весьма характерно для такого крепостного состояния. Особенно чувствительным оно было для сельского населения. Понятно, что именно в это время крепостные люди стали называться «людьми непохожими» в противоположность категории «похожих людей», «перехожих людей», «отхожих людей» [239].

В актовом материале начинают часто употребляться термины «отчизные люди», «отчичные люди». Этими терминами характеризуется зависимое положение людей, предки и родители которых «заседели», т. е. просрочили давность на землях землевладельцев и передали *«заседелость»* своим детям. Эти два термина наиболее употребительны в актах того времени [240].

Зависимые люди выполняют те или иные повинности. В условиях развития фольваркового хозяйства крепостные обязаны выходить на барщину. Вот почему в актах встречаются термины «люди тяглые», «люди пригонные», характеризующие повинностное положение людей [241]. Вместе с тем такое повинностное положение характеризует и их юридическое положение.

Термин «люди купленые» свидетельствует о тех соглашениях, которые устанавливались на предмет приобретения крестьян с землей и без земли [242].

---

234 Там же, № 218.
235 Там же, № 271, 248.
236 Там же, № 136; АЗР, т. II, № 30.
237 АЗР, т. I, № 31.
238 РИБ, т. XX., кн. I, № 334; кн. II № 119, 189, 354, 394.
239 Там же, № 28, 44, 129.
240 Там же, № 114, 115, 312.
241 Там же, № 61, 204, 339; кн. II, № 39.
242 Там же, кн. I, № 64; АЛМ, № 309.

Литовский статут 1529 г. сохранил всю пестроту юридической терминологии. Зависимые люди в Литовском статуте именовались: «люди»[243], «непохожие люди»[244], «невольные люди»[245], «люди отчизные»[246], «мужики»[247]. Эта пестрота терминологии — остаток феодальной терминологии, которую авторы Литовского статута не сумели преодолеть. Кроме того, термины «простые люди», «хлопы» характеризуют зависимое население вообще[248]. А термин «тяглые люди» указывает на те повинности, которые выполнял крепостной на своего пана.

Наконец, в актах постоянно употребляется термин «человек» с добавлением соответствующего эпитета, характеризующего его юридическое или экономическое положение, например «бискупский, боярский, дедичный, звечный, невольный, непохожий, тяглый, церковный».

Таким образом, на протяжении всего XV и начала XVI в. в актах того времени и в самом Статуте 1529 г. терминология, характеризующая зависимое положение сельского населения, весьма разнообразна. Сохранение подобного разнообразия в терминологии даже и в Литовском статуте в известной мере свидетельствует о том, что к концу первой четверти XVI в. процесс консолидации зависимого населения еще не закончился. Крепостное право еще только формировалось как институт социально-экономической зависимости.

III

Вопрос о происхождении крепостного права — один из самых сложных. В исторической литературе есть большое количество ценных работ, посвященных изучению этой проблемы.

Взгляды на происхождение крепостного права изменялись как в зависимости от нахождения новых архивных материалов и постепенного развития исторических знаний, так и от изменений во взглядах на «движущую силу» исторического процесса.

Особенно много внимания в исторической литературе уделено исследованию вопроса о происхождении и развитии крепост-

---

243 Статут 1529 г., разд. I, арт. 8 и 15.
244 Там же, разд. XI, арт. 9.
245 Там же, арт. 2.
246 Там же, разд. II, арт. 7.
247 Там же, разд. XI, арт. 10, 6; разд. XII, арт. 6.
248 Там же, разд. XI, арт. 4; разд. III, арт. 10, 14; разд. VI, арт. 27; разд. VIII, арт. 8, 17.

ного права в Московском государстве [249]. Эта проблема притягивала к себе внимание большого числа исследователей, часто привлекавших новые материалы и чрезвычайно ценные данные для более глубокого проникновения в эту сложную проблему.

В то время как исследователи обратили особое внимание на изучение крепостного права в Московском государстве, эта проблема в сравнительно меньшей степени изучалась исследователями истории Великого княжества Литовского.

Это в известной степени зависело от того, что изучение исторических судеб Литовско-Белорусского государства сравнительно мало привлекало к себе внимание историков. В историографии вопроса о происхождении и развитии крепостного права в Литовско-Белорусском государстве также было высказано немало интересных мыслей, не потерявших своего значения и до настоящего времени.

Проблема такой огромной социальной значимости все еще не решена, хотя впервые она была поставлена Ф. И. Леонтовичем еще в 1863 г.

Многие из наблюдений Ф. И. Леонтовича не потеряли своего значения до сих пор и с помощью материалов, находящихся в распоряжении современного исследователя, получают яркое освещение [250]. Ф. И. Леонтович был совершенно прав, стремясь показать институт крепостного права, как медленно развивающийся процесс, получивший юридическое оформление только под влиянием новых общественных условий жизни Литовско-Белорусского государства. В этом отношении Ф. И. Леонтович предвосхитил то научное направление в изучении вопроса о происхождении крепостного права в Московском государстве, которое решительно отмежевалось от взглядов историко-юридической школы; начало этому направлению положили известные работы В. О. Ключевского о происхождении крепостного права.

Сельское население Литовско-Белорусского государства жило на землях великого князя либо на землях духовных и светских землевладельцев. На тех и других землях оно делилось на две группы: а) челядь невольную и б) так называемых людей разных категорий. Юридическое положение первой группы было совершенно одинаковым как на землях великого князя [251], так и частных землевладельцев. На это обстоятельство

---

[249] I. Polosin. Le servage Russe et son origine. «Revue internacionale de sociologie), 1928, N XI—XII; И. Полосин. Поместное право и крестьянская крепость. «Уч. зап. Ин-та истории», т. IV, М., 1929; Дьяконов. Поместье и крестьянская крепость; С. Тхоржевский. Поместье и крестьянская крепость. «Труд в России», 1924, кн. I.

[250] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России..., № 10 и 11.

[251] См. стр. 283—314 настоящей статьи.

необходимо обратить особое внимание, ибо исследование Ф. И. Леонтовичем данного вопроса весьма нечетко, как это впоследствии было довольно резко подчеркнуто М. К. Любавским. Ф. И. Леонтович не находит возможным провести демаркационную линию между челядью невольной и крепостным населением, а между тем эти совершенно различные юридические положения резко отличаются в актах того времени и в Статуте 1529 г. Если челядь невольная с течением времени, под влиянием новых условий развития сельского хозяйства, постепенно сливалась с непохожими людьми и как самостоятельная категория окончательно исчезла к моменту издания Статута 1588 г., то во времена более раннего феодализма, при незначительном распространении фольваркового хозяйства, об этом слиянии говорить пока еще рано.

Безусловно, челядь невольная пополняла ряды крепостного населения, но этот процесс стал возможным лишь тогда, когда окончательно оформилось крепостное право, когда произошли серьезные изменения в экономических условиях, сделавших непроизводительным труд рабов. Именно поэтому землевладелец в целях увеличения продуктивности своего хозяйства, рабочей силы и повинностей начал сажать на землю свою челядь. Этот процесс слияния в Литовско-Белорусском государстве шел на протяжении всего XVI в. и по существу напоминает подобный процесс, имевший место в Московском государстве во второй половине XVII и первой четверти XVIII в.

Как духовное, так и светское частное землевладение в Белоруссии возникло довольно рано. Возникновение его датируется XI в. Развитие частного землевладения, как основы феодального строя, следует объяснять общим экономическим положением белорусских земель и кризисом, охватившим как князей, так и господствующий класс — бояр [252].

С развитием частного землевладения начала развиваться и зависимость от землевладельца сидевших на его землях групп населения. Частное землевладение стремилось к расширению своих владений и захватывало земли, заселенные свободными людьми. Этот процесс «обоярения» земли положил начало сокращению числа свободных людей и появлению многочисленных кадров зависимого сельского населения.

Утверждать о существовании крепостного права в XIII в. на Литовско-Белорусской территории нет оснований. Однако нужно констатировать наличие социально-экономической и юридической зависимости определенной части населения от местных землевладельцев. Факт полного развития литовско-белорусско-

[252] В. И. Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. I. Минск, 1927, стр. 22 и сл.

го феодализма, отчетливо выступающий в источниках, относится ко времени вхождения отдельных белорусских земель в состав Великого княжества Литовского, к тому времени, когда в результате этого слияния образовалось Литовско-Белорусское государство. Теперь старые феодальные корни получили благоприятные условия для своего развития, и в первую очередь это отразилось на расширении всех видов и рангов частного землевладения, на что в свое время исследователи обратили достаточно внимания [253].

В связи с развитием частного землевладения сокращалась численность сельского населения, жившего на землях великого князя литовского, и, несомненно, возрастало число частновладельческих крестьян. Последние и явились той основной массой, которая впоследствии оказалась в крепостной зависимости.

Великий князь литовский раздавал земли на самых различных условиях. Наряду с пожалованием навечно «со всем правом и панством» немало было пожалований временного характера. Последние выдавались князем под влиянием различных обстоятельств, но, по-видимому, такие пожалования не меняли положения того населения, которое сидело на этих землях. В результате господарских пожалований сельское население навсегда или временно оказывалось вне сферы публично-правовых отношений и попадало в сферу влияния частноправовых отношений. Пожалования великих князей — это самый важный фактор, под воздействием которого широкие слои сельского населения попадали в зависимость к частному землевладельцу, и вместе с тем они являлись основой для упрочения «вотчинного» владения.

Вопрос о том, какое значение имеют великокняжеские пожалования для развития крепостного права, впервые был затронут Ф. И. Леонтовичем. Он отметил широко практиковавшиеся пожалования как населенных, так и ненаселенных земель, либо одних людей, независимо от земли. По справедливому замечанию Ф. И. Леонтовича, «жалованные» грамоты считались «крепостными актами, предоставлявшими владельцам как полные вотчинные права на имения, так и все «право и панство» на даруемых вместе с ними людей». Такие дарения, как считает Леонтович, являлись «производным, но не первоначальным источником зависимости» [255]. Первая мысль Леонтовича до

---

[253] В. И. Пичета. История сельского хозяйства и земледелия в Белоруссии, ч. I, гл. IV—VI; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление...; М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского..., т. I.

[255] Ф. И. Леонтович. Крестьяне... «Киевские университеты известия», 1863, № 10, стр. 24—25.

некоторой степени справедлива. Но никоим образом нельзя согласиться с его второй мыслью о том, что раздача земель была «производным, но не первоначальным источником зависимости».

Выдвинутая Леонтовичем проблема еще не была предметом специального исследования несмотря на то, что она отмечена как весьма ценная мысль таким знатоком истории Литовско-Белорусского государства, каким является Любавский.

В русской историографии, посвященной изучению крепостного права в Московском государстве, благодаря публикации чрезвычайно ценных материалов эта проблема явилась предметом внимательного изучения. Занимались ею Дьяконов и молодой исследователь И. И. Полосин, обогативший науку ценными исследованиями по истории социальных отношений в Московском государстве.

Дьяконов свои наблюдения, касающиеся связи между поместьем и крестьянским закрепощением, начинает от Лакиера, впервые поднявшего и попытавшегося осветить вопрос о правах пана на крестьян его поместий. Располагая большим количеством материалов, Дьяконов более глубоко рассмотрел ту же проблему и наглядно показал, каким образом пожалование поместий делало жившего в его границах крестьянина целиком экономически и юридически зависимым от землевладельца, так как давало последнему право свободно распоряжаться своей землей, землей своих крестьян, рабочей силой и повинностями крестьянства.

Эта же проблема была поставлена и исследована И. И. Полосиным, главным образом в отношении крестьян б. Новгородской земли. Между взглядами И. И. Полосина и Дьяконова есть некоторая разница в толковании материала, но в существенном они совпадают.

Поместное владение создавало особое поместное право, которое «заключало в себе право на суд и администрацию, общую и хозяйственную, в пределах имения и соответственную обязанность крестьянского послушания в вопросах полицейского и материального благополучия в поместиях, его податной исправности и поместного судоговорения». Вторая часть поместного права, по мнению Полосина, состояла «из права хозяйственной эксплуатации земельных угодий и поместного крестьянского труда, считавшегося неотъемлемой частью поместной дачи»[256].

Дьяконов и И. И. Полосин обращают также внимание на так называемые «вводные, послушные, отдельные и отказные грамоты», вовсе не являющиеся только формой ввода во владение,

---

[256] И. Полосин. Поместное право..., т. IV, стр. 22.

а представляющие для историка крестьянского закрепощения материал огромной исторической ценности.

В XV и начале XVI в. правительство Великого княжества Литовского стало на путь широкого пожалования земель. Последнее диктовалось теми условиями общеполитического характера, в которых находилось Литовско-Белорусское государство. Великому князю литовскому необходимо было для борьбы против врагов государства и сохранения неприкосновенности его территории организовать вооруженные силы. Если в первой половине XV в. балтийская проблема не стояла еще столь остро перед Литовско-Белорусским государством, то упорная борьба с Москвой за подступы к берегам Балтийского моря, а также необходимость в защите границ от татар все время создавали напряженную внешнеполитическую обстановку, требовавшую от правительства пристального внимания. При существовавшей в феодальную эпоху системе экономических отношений земля представляла единственную ценность, которой великий князь распоряжался по своему усмотрению в огромных масштабах. Естественно, что в целях обороны страны и создания необходимых вооруженных сил великий князь литовский широко использовал этот постепенно сокращавшийся благодаря пожалованиям земельный капитал.

Необходимо отметить, что по причинам экономического характера земельные раздачи приходились главным образом на западную часть Белоруссии. Восточная часть до поры до времени оставалась свободной от частного землевладения.

Уже в момент образования Литовско-Белорусского государства существовало три вида землевладений:

1. Землевладение старых белорусских земель, как владение землей на правах собственности.

2. Землевладение литовских бояр.

3. Землевладение на основе пожалования великого князя, как безусловное, на правах вечности, так и условное, на договорных правах.

Если белорусские землевладельцы к моменту вхождения собственно белорусских земель (Полоцкой, Витебской, Смоленской) в состав Литовско-Белорусского государства были полными собственниками своих земель и частично имели право распоряжаться ими, то нельзя этого сказать насчет литовских бояр. Последние выделились из родовых союзов, сконцентрировали в своих руках довольно значительные земельные владения и поставили под свой патронат остальных держателей земли, входивших в состав рода. Высший суверенитет над этими землями принадлежал великому князю.

Но с изменением хозяйственных условий жизни страны начало развиваться и сельское хозяйство. Возникла необходимость

мобилизации земельных владений. Мобилизация земель была возможна и ранее, но она усложнялась испрашиванием соответствующего разрешения у великого князя. Учитывая экономическое значение литовского боярства, великий князь литовский должен был считаться с новыми хозяйственными условиями и отношениями. Привилеи от 20 февраля 1387 г. и 2 октября 1413 г. закрепили за литовскими боярами их фамильные «родовые» владения и дали им право распоряжения. Этими привилеями литовские бояре были приравнены к боярству белорусских земель.

После этого совершенно понятно представление общеземских привилеев в мае 1434 г. и 2 мая 1457 г. [257]

Оба эти привилея юридически оформили фактические права землевладельцев на землю и дали им полное право при выполнении определенных условий распоряжаться землями по собственному усмотрению.

Если прибавить к этому, что шляхетские привилеи освободили частновладельческих крестьян от большей части натуральных повинностей в пользу князя и, наконец, согласно привилею 2 мая 1457 г., от ежегодной выплаты налога — серебщины, то литовско-белорусские землевладельцы получили, с одной стороны, в свое распоряжение огромные средства и с другой — полную возможность использовать эти средства и рабочую силу имения в своих хозяйственных интересах, что не могло не служить источником экономического и политического усиления класса землевладельцев [258].

Благодаря пожалованиям великого князя население, жившее на пожалованных землях, переходило под юрисдикцию нового вотчинника. Великий князь, видимо, считался с юридическими и экономическими результатами своих привилеев на пожалования и хорошо понимал, что население не может отнестись к ним совершенно спокойно. Вот почему в отдельных случаях, выдавая привилеи на владение землей, князь разрешал жителям этих земель покидать их и переходить на другие земли великого князя или служить кому пожелают [259].

Однако такие оговорки встречаются в сравнительно небольшом числе привилеев на землю, ибо пожалование незаселенной земли особой ценности не представляло.

В данный момент главную ценность представляла собой не земля, а люди, рабочая сила, денежные и натуральные повин-

---

[257] В. И. Пичета. История сельского хозяйства и земледелия в Белоруссии, ч. I, стр. 62.

[258] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., ч. I, стр. 86.

[259] АЛМ, № 7. Вольные люди могли покинуть того землевладельца, к какому перешли вместе с землей (АЗР, т. I, № 133, 178).

ности населения, являвшиеся источником доходов и материальной основой исправного несения военной службы землевладельцами.

Грамоты великих князей на владение землей по своему содержанию были весьма разнообразны.

С одной стороны, нужно иметь в виду грамоты, являющиеся первоначальными и тем самым первоисточником на право владения землей и людьми.

С другой стороны, есть ряд так называемых подтвердительных грамот, которые закрепляли за частным землевладельцем право владения землей или людьми, попадавшими различными путями в их руки.

Выдав грамоту на владение землей, либо подтвердительный привилей, а также решение по земельному делу, великий князь поручал одному из своих чиновников ввести данное лицо во владение и выдать ему так называемый «увязчи лист», согласно которому землевладелец фактически вступал во владение землей и в распоряжение населением, жившим на этой земле. При вводе во владение официальное лицо должно было оповестить и оповещало все окружающее население, «абы его во всем были послушны» [260].

По содержанию «жалованные» грамоты делятся на короткие и полные. В коротких грамотах прежде всего отмечался титул великого князя, который жаловал сословное звание и имя землевладельца получавшего землю, местонахождение земельного участка, затем шло перечисление угодий, входивших в состав владения, характер пожалования и, наконец, место и время выдачи [261]. Содержание полных грамот такое же, лишь более подробное, кроме того, добавляется пункт, в котором устанавливаются взаимоотношения крестьян и землевладельца и дается перечисление прав, которые получает землевладелец в отношении к своему пожалованию [262].

Если лист на пожалование имел характер вечности, то независимо от того, было ли в нем отмечено право землевладельца распоряжаться землей и угодьями, по собственному желанию продать, обменять их либо к большей своей выгоде употребить каждый землевладелец обладал и пользовался этими правами, поскольку они вытекают из общих юридических норм общеземских привилеев и великокняжеских пожалований в частности.

---

260 АЛМ, № 172, 193 и др.; РИБ, т. XXVII, кн. III, стр. 63; АЗР, т. I, № 216.

261 РИБ, т. XXVII, стр. 102, 141, 145, 152, 154 и др.; АЛМ. Здесь дается большое количество актов различных видов.

262 РИБ, т. XXVII, кн. III, № 16, 22, 23, 25; кн. V, № 223 и др.; АЛМ, № 617, 619, 544, 545 и др.

Что касается самых различных грамот на условное владение, то землевладелец временно сохранял все права над крестьянством, за исключением права распоряжаться землей по своему усмотрению. Переданная в условное владение земля не могла быть объектом мобилизации. Все остальные права, которыми пользовался землевладелец в отношении своего владения, целиком зависели от воли и желания собственника пожалования. Очевидно, что владелец условного пожалования не имел полного «права и панства» [263].

Сельское население, сидевшее на пожалованных землях, становилось объектом эксплуатации землевладельца. Никаких препятствий в финансово-экономической эксплуатации крестьянства не было, поскольку привилей позволял землю «кулепшому оборотити».

Владельцы условных пожалований находились в совершенно иных условиях. Они имели право пользоваться рабочей силой и требовать от крестьянина выполнения повинностей; пользовались они и вотчинной юрисдикцией, но, эксплуатируя рабочую силу и требуя от крестьян те или иные натуральные или денежные повинности, они должны были считаться со стариной и не нарушать последнюю, ибо иначе сельское население могло разбежаться, а земля опустеть.

Пожалованная на вечность земля становилась объектом гражданского права. Купля и продажа земли, обмен, заклад — все это свидетельствовало о праве землевладельца распоряжаться своей землей по собственному усмотрению.

Из этого права свободно распоряжаться землей логически вытекала и продажа крестьян.

Многочисленные акты разделов показывают, что не только земли, но и люди, как и все остальное движимое имущество, делились между участниками раздела [264].

Положение тех или иных групп населения в частновладельческом имении вообще было неустойчивым. Частный владелец имел право посылать их на ту или иную службу, взимать с них те или иные подати, и сельское население было лишено возможности протестовать против непомерного увеличения повинностей. Землевладельцы собирали серебщину, поголовщину и несли ответственность за правильное и своевременное взимание установленных государством повинностей [265].

Великокняжеское пожалование, носившее условный характер, могло перейти в вечность, если владелец пожалования обращался к великому князю с просьбой о вечности.

---

[263] АЛМ, № 737, 625, 249, 625, 55, 57 и др.
[264] АЛМ, № 15, 39, 80, 88, 98, 123; РИБ, т. XX, кн. I, № 123, 277 и др.
[265] РИБ, т. XX, кн. II, № 307, 336.

Необходимо отметить, что условные держатели земли, естественно, были недовольны ограничением своих прав на эксплуатацию сельского населения. Эксплуатируя население, землевладельцы стремились не столько к тому, чтобы улучшить свое хозяйство, сколько к увеличению своих доходов. Часто владельцы пожалований не знали меры в своих «драпежствах», разоряли свое пожалование, вынуждая население разбегаться. С переходом условного пожалования в вечность сельское население закреплялось за владельцем и землевладелец получал возможность более рационально эксплуатировать сельское население и вместе с тем задерживать уход крестьян.

Понятно, что люди, жившие на землях, бывших в «полном праве и панстве» у землевладельцев, теряли право выхода, как это было отмечено в привилее 2 мая 1457 г., и становились крепостными людьми в полном смысле этого слова, ибо пожалование было тем документом, который переводил сельское население из сферы общественно-правовых отношений в сферу гражданского права.

Господарские пожалования содействовали на практике созданию феодально-сеньориального права в отношениях землевладельца к своим крестьянам и своему имению. Землевладелец выступает в качестве феодала-сеньора, который управляет своим поместьем, вершит суд, эксплуатирует крестьянскую массу, отвечает за своих крестьян не только перед государством за исправную выплату государственных податей, но и перед третьими лицами, если землевладелец выступает как лицо, несущее ответственность за свое население.

Землевладелец, сумевший благодаря великокняжеским пожалованиям стать полновластным господином в своем поместье и получить право распоряжаться трудом и личностью сельского населения, сохранял в сущности только одну повинность, во имя которой ему и давались земли,— это обязанность нести военную службу как основную феодальную повинность землевладельца по отношению к своему сеньору — великому князю.

IV

Раздача великим князем пожалований — земель с людьми и людей без земли — на различных условиях переводила те или иные группы волостного населения, находившегося под юрисдикцией великокняжеской администрации, в положение людей, попавших под юрисдикцию частного землевладельца. Этот переход, конечно, радикально изменял их юридическое положение. В связи с такими общественно-правовыми

мероприятиями уменьшалось количество свободного государственного крестьянства и соответственно увеличивалось общее число сельского населения, оказавшегося под частновладельческой юрисдикцией со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Этот весьма обычный в политике великих князей литовских в XV и начале XVI в. способ содействовал экономическому и юридическому закрепощению сельского населения и распространению на него частноправовых отношений. Если великий князь раздавал земли частным лицам, стремясь организовать военную службу, столь необходимую для Литовско-Белорусского государства ввиду его внешнеполитического положения, то одновременно с этим отдельные землевладельцы, руководствуясь уже хозяйственными соображениями и выгодными условиями сельскохозяйственной конъюнктуры, сами ходатайствовали перед великим князем о пожалованиях.

Такое положение весьма характерно для данной эпохи. Однако землевладелец больше интересовался населением как таким источником доходов, который давал ему ренту, позволял устраивать жизнь по своему вкусу и вместе с тем нести военную земскую службу.

Одновременно действовал и другой способ закрепощения сельского населения, уже не коллективный, а индивидуальный. Это был путь закрепощения отдельных людей частноправовым порядком. Осевший на земле частного землевладельца на известных условиях, которые, как мы видели выше, сложились для него неблагоприятно, свободный человек становился «непохожим, отчизным» человеком и тем самым терял навсегда право ухода.

Этот процесс закрепощения частноправовым порядком не представляет собой чего-то оригинального, присущего только социальным отношениям в Литовско-Белорусском государстве. Необходимо отметить, что этот процесс был аналогичен подобному процессу в соседнем Московском государстве. Но в то время как исследователь индивидуального закрепощения крестьянства в Московском государстве имеет возможность изучать этот процесс на основе большого количества документальных материалов, то, к сожалению, нельзя этого сказать относительного того же самого процесса в Литовско-Белорусском государстве. Для изучения индивидуального закрепощения огромное значение имели так называемые «порядные» грамоты — источники первостепенной важности. Исследователь оперирует большим количеством грамот московского происхождения. Отсутствие таких грамот литовско-белорусского происхождения чрезвычайно затрудняет иссле-

дование данного вопроса, и некоторые детали в настоящий момент даже нельзя себе точно представить.

Начиная изучение этого вопроса, необходимо выяснить: откуда возникли свободные люди, будущие частновладельческие «отчины», в то время как, согласно феодальному праву, не было земли без господина (nulle terre sans seigneur), сельское же население находилось под частновладельческой или великокняжеской юрисдикцией. Также весьма важно выяснить, насколько многочисленны были кадры вольных людей, если только этот вопрос вообще можно исследовать.

Исследователи прошлого Литовско-Белорусского государства хорошо знают термины «вольные люди», «похожие» или «прихожие люди». Но вопрос о том, откуда взялись эти элементы, долгое время оставался без ответа. М. К. Любавский, кажется, первый не только поднял этот вопрос, но и дал на него ясный и точный ответ, основывая последний на соответствующем архивном материале. Он правильно отметил, что «в господарских волостях от класса «отчичей» всегда отделялся класс вольных «похожих» людей, которые садились свободно в частных имениях, несмотря на запрещение 1457 г.» [266].

Что касается великокняжеских имений, то там, по мнению Любавского, возникали пустоши, ибо сидевшее на них население не могло прокормиться и отходило искать заработка на стороне. На обнищание сельского населения оказывали влияние самые различные условия, лишавшие их возможности самостоятельно вести свое хозяйство, вынуждавшие оставлять последнее и идти на сторону в поисках счастья [267]. Некоторые из этих великокняжеских отчичей могли снова вернуться и осесть на великокняжеской земле, но определенная часть могла осесть и «заседеть» на службе частных владельцев.

С формально-юридической точки зрения такие отходы крестьян являлись нарушением правовых норм. Однако великокняжеская администрация не чинила препятствий бегству обедневшего крестьянства. Если принять во внимание, что в XV и в начале XVI в. фольварочное хозяйство великого князя только зарождалось и с каждой крестьянской службы в пользу великого князя взималось определенное количество натуральных податей, то обнищавшее крестьянство, с фискальной точки зрения, не представляло никакой ценности. Наоборот, оно само требовало материальной помощи, какую великокняжеская администрация, в связи с отсутствием средств, не могла оказать. В результате этого образовались *пустоши,* находившиеся во владении великого князя до тех

---

[266] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 389.

[267] Там же, стр. 393.

пор, пока какой-нибудь частный землевладелец не высмотрит таковую для себя и не обратится к великому князю с просьбой об отдаче ему этой пустоши[268]. Если на ходатайство таких землевладельцев великий князь давал положительный ответ, то одновременно землевладельцы получали и право поселять на этих землях вольных людей.

Но мнение о том, что отчич, отошедший с великокняжеской земли, является лицом лишь временно отсутствующим, сохраняло свою силу. Жалуя земли, великий князь одновременно жаловал и сидевших на них людей, которые к этому моменту разбрелись. В случае возвращения они обязаны были служить новому пану на старой «отчине»[269]. Но так бывало далеко не всегда.

Имели место такие факты, когда великий князь раздавал земли, население которых «ходило по людям». В таком пожаловании иногда встречалась характерная приписка, например: «а естли отчыч тое земли... прыйдет на тую сроюотчинную землю, а всхочеть ему служыти и он нехай ему служыть, а не всхочеть ему служыти и он кому хочеть, этому нехай служыть»[270].

В других случаях великий князь, отдавая пустошь, позволял искать отчичей, которые «позапродавалися в пенезях некоторым людем, а иные не в пенезех разошлися в покормы»[271]. Разумеется, что возвращение на старые вотчины тех, кто не был связан денежными отношениями с частными владельцами, не вызывало особых трудностей. За отчичей, связанных с частными владельцами денежными отношениями, нужно было выплатить деньги и только после выплаты всех долгов посадить на своих землях[272].

Таким образом, одинаковой политики по отношению к беглым великокняжеским отчичам не существовало. Уже одно условие выплаты всех долгов должно было в значительной степени ослабить стремление частных землевладельцев к возвращению беглых отчичей.

По различным соображениям и причинам свое хозяйство оставляли не только отдельные отчичи, но и довольно большие

---

[268] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 395; АЛМ, № 16, 18, 41, 43 и сл.

[269] АЛМ, № 111. М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 397.

[270] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 393. «А естли отчичи тых земл выишуться, а всхотят ли на отчинах своих жити, и они мают ему-ж с тых земль служити» (стр. 397). Аналогичные примеры из актов Литовской метрики приведены у Любавского на стр. 410—411.

[271] Там же, стр. 394.

[272] Там же.

группы населения. Так, в 1511 г. «данники» поднепровских и придвинских волостей жаловались великокняжескому правительству, что наместники непомерно эксплуатируют население. В результате такого «драпежства» значительная часть населения разошлась, а оставшиеся отказались выплатить даже «половину» той подати, которую они обязаны были выплачивать ежегодно [273].

В 1527 г. большое число жителей оставило жемойтскую землю, на которой великокняжеские чиновники чинили «великие кривды и непомерные тяжкости», из-за чего «многии люди з отчизн своих проч ся розышли и земль пустых много ся остало» [274].

Публикуя в 1529 г. уставную грамоту для жемойтских волостей, что было вызвано главным образом неимоверным ограблением населения великокняжеской администрацией, великий князь подчеркнул, что «тая земля Жомойтская, подданые наши, велико собе стоскнули и многие люди, з местец своих прочь ся розошли и земли многие опустили» [275].

Крестьянские службы обычно были сложными. Как правило, крестьянскую службу выполняла вся семья. Эти семьи состояли из нескольких взрослых людей, поэтому отход лишнего трудового элемента из семьи не наносил последней никакого ущерба. Такие лишние элементы великокняжеской администрацией не задерживались. Для последней было важно, чтобы не пустовала земля и по-прежнему собирались налоги. Поэтому от отхода одного лица налоговая платежеспособность не изменялась. До тех пор, покуда великокняжеская казна не несла каких-либо убытков, великокняжеской администрации не имело никакого смысла задерживать лишний элемент. Коль скоро великий князь, жалуя «земли и людей», разрешал при этом людям оставлять землю, переходившую в частное владение, то последние пополняли ряды вольных людей, которые могли затем осесть на определенных условиях на земле частных владельцев либо получить земельный участок от великокняжеской администрации [276].

С формально-юридической точки зрения великокняжеское волостное население не имело права собственности на землю. Однако оно распоряжалось ею по своему желанию. Это не встречало препятствий со стороны администрации, ибо с волостной земли, перешедшей к новым владельцам, служба

---

[273] АЗР, т. II, № 75; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 396.

[274] АЗР, т. II, № 149; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 396.

[275] АЗР, т. II, № 160; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 396.

[276] АЛМ, № 7.

великому князю выполнялась по-старому и великокняжеские доходы от этого не уменьшались. Тем не менее вынужденная продажа и заклад земель содействовали обезземеливанию крестьянства и пополнению кадров свободных людей [277].

К людям вольным присоединялись также лица, пришедшие из-за границы. Известно, что великий князь позволил смоленскому епископу Иосифу заселять епископские земли свободными людьми — чужеземцами — московцами, тверичами [278]. Беглые «отчичы» часто выдавали себя за свободных людей, и если их не отыскивали или владельцы не могли доказать их «отчинное» происхождение, они считались свободными людьми, имевшими право садиться на земле частного владельца. «Разряд» свободных людей увеличивался еще и потому, что определенной части «непохожих» людей удалось доказать свою свободу, зачислить себя в «разряд» свободных людей и, таким образом, получить право устраивать свою судьбу по собственному желанию [279].

Вышедшие из городов мещане или утратившие связь с ними также считали себя свободными людьми и при соответствующих условиях вступали в обязательства с частновладельцами [280].

Все эти данные свидетельствуют о том, что количество лиц, считавших себя свободными, было довольно значительным.

С другой стороны, если частные землевладельцы принимали на свою землю великокняжеских слуг и людей, которые по различным причинам покидали свои службы, то все это лишь доказывает, что артикул привилея 2 мая 1447 г. не слишком строго выполнялся и так называемое «поземельное прикрепление крестьян» на великокняжеских землях имело более чем условный характер.

Частновладельческие земли были заселены далеко не одинаково. Особенно немногочисленным было население в Полоцкой и Витебской землях. Отсюда совершенно понятна та борьба за рабочие руки, которая имела место в Литовско-Белорусском государстве в первой четверти XVI в.

Свободный человек, приходивший к частному владельцу и поселявшийся на его земле, обычно связывал себя соглашением с последним. В этом соглашении указывалось, на каких условиях садился новый поселенец, какие повинности он будет нести. Пришлый обычно селился без своего инвентаря и поэтому для приобретения последнего и обоснования на новом

---

[277] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 400—402.

[278] АЗР, т. I, № 118, 144.

[279] РИБ, т. XX, кн. I, № 94, 171, 186, 188, 292.

[280] Там же, кн. II, № 22, 28.

месте должен был взять ссуду. Такие вольные люди, взявшие заем, назывались «людьми в пенезех»[281].

Осевшие на землю должны были выполнять крестьянскую службу, и в то же самое время они не имели права отойти от него до возвращения долга. Если бы человек, взявший в долг, сбежал от уплаты, землевладелец имел полное право найти такого неоплатного должника, вернуть его на старое место и считать его уже не вольным, а своим крепостным. С уверенностью можно сказать, что такие должники довольно часто своевременно не рассчитывались, засиживались на земле у частного владельца и в связи с давностью срока теряли свою свободу.

Если селившиеся на частновладельческой земле свободные люди должны были нести крестьянскую службу, то часто они освобождались от выполнения определенного ряда повинностей и пользовались различными налоговыми льготами. Так, например, 31 июля 1522 г. великий князь Сигизмунд I пожаловал витебской церкви Иоанна Богослова земли на Плоской горе и дал право селить на этой горе крестьян. По «жалованной» грамоте «которых людей свещенницы на той земле посадят, ино тым людем церковным неподобе знати никоторых служб, ни подачок всяких, ни сторожи воротное городовое не знати им с того местца», причем церковь получила это право для указанного населения ее волости — «на вечные времена»[282].

Примером того, что представляло собой соглашение между землевладельцем и свободным человеком, мы считаем запись Гриня Петровича на себя и сына (1545), правда, выходящую за хронологические рамки нашего исследования[283].

Содержание этой записи следующее: 1) поименно указаны взаимнообязывающиеся люди; 2) указан объем соглашения; 3) установлен характер повинностей; 4) перечислены обязанности свободного человека; 5) определены обязанности, обеспечивающие выполнение условий обязавшимся. Из акта видно, что Гринь Петрович поселился на земле, на которой был дом. Земля была засеяна рожью. Арендатор обязывался служить до самой смерти, причем характер службы зависел от желания самого владельца имения. Свободный человек обязывался

---

[281] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 394.

[282] Археографический сборник документов, т. I, Вильно, 1867, № 10—11.

[283] Там же, № 30. Эта сравнительно поздняя грамота является, по нашему мнению, вполне определенным и точным образцом подобных листов более раннего времени, к сожалению, не дошедших до наших дней, либо можно предполагать, что первоначальные соглашения заключались устно и в таком случае поздняя грамота может дать общее представление о характере соглашений, возникавших между землевладельцами и их крестьянами.

за себя и своего сына «не уходить с того дома прочь, их милости чолом не ударивши». Служба Гриня, видимо, является пожизненной. Но далее он оговорил возможность своего ухода, в связи с чем окончание срока земской давности не имело для него значения: в случае, если Гринь с сыном уйдут из этого дома, они должны «их милости тую головщину, которую-ж для брата моего Яргеля и для мене, людем пана Третьяковым одпустить и вси наши наклады и домовые речи добре заплатити кром жадного права». Если же Гринь уйдет без предупреждения, то владелец «моцно мает поймати» и «до тых часов держати, поки их милости тые вси шкоды и наклады заслужит або заплатит». Однако можно сказать, что условия службы по этой грамоте (1545) были более тяжелыми в сравнении с предыдущей эпохой.

Из уставы о похожих людях, существовавшей в Полоцкой земле и принятой Витебским городским судом 2 февраля 1532 г., видно, что там повинности были более легкими и точно зафиксированы [284]. Все соглашения были индивидуального характера. В связи с этим каждый землевладелец в погоне за рабочим человеком вносил в свое соглашение наиболее приемлемые для него пункты.

Такая индивидуальность не соответствовала интересам землевладельцев, ибо они, естественно, стремились к тому, чтобы по отношению к свободным людям была взята единая линия. Вот почему Полоцко-Витебская устава о «похожих людях» является чрезвычайно ценным документом. Эта устава в целом является продуктом одной классовой линии землевладельцев по отношению к свободным людям. Она ставила свободных людей в весьма тяжелое положение, увеличивала их повинности и служебную ответственность и при этом сильно затрудняла условия их ухода. Короче говоря, вся устава проникнута «крепостническими тенденциями», определенным намерением поставить свободных людей в чрезвычайно тяжелые условия и тем самым, не дав им выхода, превратить людей свободных в «людей непохожих» и «договор» о свободной аренде заменить «крепостной петлей».

Зависимость свободного человека от своего землевладельца увеличивалась еще и тем, что все свободные люди оказывались под частновладельческой юрисдикцией.

Постановление Витебского гродского суда о похожих людях является чрезвычайно важным документом, поскольку он полностью отражает классовую политику витебских землевладельцев в отношении свободных людей. Для Витебска эта политика не является чем-то оригинальным. Она явилась лишь

[284] Беларускі архіў, т. II, Менск, 1928, № 72.

перенесением на витебскую почву тех традиций и той политики, которая проводилась в соседней Полоцкой земле по отношению к свободным людям.

Другая устава подобного содержания, Бельская, от 22 февраля 1501 г., содержит ряд пунктов, целиком направленных против свободных людей,— она отражает общую политику землевладельцев Бельского повета в борьбе против арендаторов их земли. Указаний на наличие подобной солидарности землевладельцев в других землях не имеется. Но принимая во внимание общехозяйственную конъюнктуру, а также борьбу между представителями крупного землевладения, с одной стороны, и среднего и мелкого, с другой, можно предполагать, что подобные постановления могли иметь место и в других землях. Можно согласиться с мыслью Леонтовича, что такие постановления были, вероятно, распространены повсеместно, ибо «в противном случае крестьяне, переходя в более льготные для них места, обходили бы невыгодные для них распоряжения».

Поэтому Ф. И. Леонтович высказывает догадку, что если не ранее, то во всяком случае в эпоху составления Литовского статута свободный наем, «ряд», которым определялись крестьянские «купцы» потерял всякое значение, уступив место установлению общей нормы путем простого соглашения между феодалами, либо путем законодательства [285].

В таких соглашениях более всего были заинтересованы средние и мелкие землевладельцы, составлявшие основные кадры войска и уже почувствовавшие в то время свою политическую силу. С другой стороны, в первой четверти XVI в. крупное землевладение достигло чрезвычайно большого развития. Политическое значение магнатов было огромным. В их руках сконцентрировались все нити внешней и внутренней политики. Магнаты фактически ограничивали власть великого князя и диктовали на сеймах свою волю. Располагая большими средствами и материальными возможностями, крупные землевладельцы всегда могли привлечь к себе свободного человека, предложив ему сравнительно легкие условия. Разумеется, такая политика не соответствовала интересам землевладельцев других рангов. Вот почему объединились землевладельцы и единым фронтом двинулись против свободных людей, с одной стороны, и против магнатов, имевших возможность предлагать свободным людям более мягкие и выгодные для них условия,— с другой.

Первоначальные договорные отношения свободных людей с землевладельцами, на землях которых они селились, носили

[285] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России..., № 10, стр. 9.

свободный характер. В документах такое соглашение называлось «куницами». В каждой местности были свои местные обычаи, в связи с чем такие договорные отношения могли быть чрезвычайно разнообразными. В ту пору, когда фольварочное хозяйство находилось еще в зародышевом состоянии, каждый землевладелец был заинтересован в увеличении численности своих подданных с тем, чтобы увеличить и количество повинностей, которые выполняли для него последние.

Видимо, такие свободные договорные отношения на выгодных экономических условиях существовали не долго. Изменялась хозяйственная жизнь. Сельское хозяйство приобретало все большее значение в народном хозяйстве, и, очевидно, осада куницами уже не могла больше удовлетворять землевладельцев. Последние стремились поставить новых свободных людей, поселившихся на их землях, в более тяжелые условия. Одновременно они стремились увеличить подати и со старых арендаторов.

Общий характер повинностей свободных людей, осевших на частновладельческих землях, определялся обычаем, так называемой стариной. Начало крушения таких феодальных обычаев относится к концу XV в., и вызвано оно было тем, что землевладельцы начали вводить различные подати и тем самым нарушать условия, на которых арендатор садился на землю. Это в свою очередь давало свободному человеку известное основание убегать от землевладельца, нарушавшего условия и изменявшего повинностные отношения [287].

Новая политика землевладельцев должна была разрешить две проблемы: во-первых, изменить условия, на которых свободный человек арендовал землю, и, во-вторых, поставить последнего в такие условия, при которых отказ его от пана в связи с окончанием договорных отношений был бы фактически невозможным.

Нет ничего удивительного в том, что бельская шляхта выступила единым фронтом против свободных колонистов. На территории Бельского повета происходила ломка старых форм свободного держания земли и одновременно возникали новые отношения между свободными людьми и землевладельцами. В Бельском повете уже не вспоминали о кунице. Во времена Витовта уже каждый свободный поселенец отбывал барщины 14 дней в году.

Для начала XVI в. такая барщина не соответствовала своему назначению. Бельская устава определила, чтобы каждый крестьянин работал 1 день в неделю с волоки земли и, кроме того, выходил 4 раза в год на толоку.

---

[287] АЛМ, № 757.

Постановление Бельской уставы наглядно показывает, как изменились повинностные отношения населения к землевладельцам и как эти изменения отражались на общем характере договорных отношений свободных колонистов со своими землевладельцами [288].

Еще более интересной для характеристики классовой политики землевладельцев по отношению к похожим людям является постановление городского суда в Витебске.

Все землевладельцы Витебской земли, как духовные, так и светские, брали на себя обязательство придерживаться постановления витебского суда о том, что поселившийся на земле витебского землевладельца свободный человек обязан либо платить оброк, либо нести барщину. Выбор той или другой повинности зависел, видимо, от местных условий. Оброк состоял в том, что каждый арендатор земли должен был платить «четвертую долю своего урожая», барщина составляла 2 дня в неделю. Похожий человек обязан был служить «с сохою, або з бороною, або с косою, и с топором, або жать».

Витебская устава категорически запрещала сажать людей на куницы. Свободный человек, по-видимому, имел право получить от землевладельца кредит, размер и условия выдачи которого устанавливались договорившимися сторонами. Витебская устава разрешала устанавливать льготные сроки, в течение которых свободные люди освобождались от несения повинностей. В случае, если свободный человек селился «на пустыни, на сыром корени», ему давалось 5 лет льготы — «жалобы». Тем, кто селился на опустевшей земле, на которой, однако, не было построек и «роспашей», льгота давалась на 2 года. Свободный человек, садившийся на готовое хозяйство или получивший дом, при котором имелась пашня, льготных лет не получал.

Эти подробности уставы насчет льготы заслуживают пристального внимания. Они проникнуты глубокой заботой об экономических интересах землевладельца, стремлением защитить его. Чем хуже условия, на которых свободный человек берет землю, тем больше льгота. При нормальных условиях осаживания на землю льгота не дается.

Интересно отметить, что, согласно Витебской уставе о похожих людях, максимально льготный срок — 5 лет. Если учесть, что каждый свободный человек должен был за каждый год *воли* отсидеть по одному году, то совершенно понятно, почему максимальный льготный срок равен 5 годам. Ясно, что свободный человек будет сидеть на земле землевладельца всего 10

---

[288] АЗР, т. I, № 189, арт. 19.

лет и, таким образом, не избежит той земской давности, которая сменила бы его волю на неволю [289].

На основании данных Бельской и Витебской устав, а также ряда указаний на то, что землевладельцы нарушили старину, можно прийти к выводу, что в начале XVI в., общие условия осаживания свободных людей на землях частных владельцев значительно ухудшились. Это ухудшение нельзя не поставить в связь с развитием фольварочного хозяйства на землях частных землевладельцев. Отсюда понятно и то увеличение барщины, которое прослеживается как в Бельской уставе, так и в постановлении Витебского гродского суда.

Если при благоприятных условиях, на которых прежде свободный человек садился на землю, уход не вызывал особых затруднений [290] и сами землевладельцы не проявляли особого интереса к свободным колонистам, то, видимо, в то время, когда рабочая сила стала необходимой, землевладельцам было крайне важно поставить свободных людей в такие условия, при которых они не могли бы покинуть арендованные земли до окончания срока земской давности и, таким образом, оставить свободного человека у себя путем превращения его в непохожего. Вот почему условия выхода свободного человека для землевладельцев имели огромное значение. Отсюда совершенно понятно, почему Бельская и Витебская уставы обращают особое внимание на условия ухода.

Первоначально отказ был весьма прост. По окончании срока аренды свободный человек заявлял землевладельцу о своем желании покинуть его. Вероятно, препятствий со стороны землевладельца не встречалось. Но с усложнением экономических отношений землевладельцы начинают проявлять стремление к тому, чтобы задержать у себя свободных людей даже и в том случае, если они выполнили все условия и имели право свободно уйти. На этой почве возникало немало недоразумений, расследовать и разрешать которые должна была великокняжеская администрация.

Бельская и Витебская уставы не только подробно разработали условия приема и поселения свободных колонистов, они также подробно разработали и вопрос об условиях отказа последних по окончании срока осады.

Бельская устава признает за свободными колонистами право свободного перехода. Последние могут переходить на земли земян, на земли великого князя, а также и в город. Однако это право свободного перехода весьма затруднялось обязанностью уплатить так называемое «остатнее» по 1 копе

[289] Беларускі архіў, т. II, № 72.
[290] АЗР, т. I, № 222; т. II, № 69.

с волоки и «сходельное» по полкопы с волоки [291]. Обязанность платить эти подати значительно ухудшала условия выхода свободных людей. Ясно, что определенная часть их не имела возможности уйти в связи с отсутствием необходимой суммы денег и поэтому вынуждена была либо оставаться на земле своего землевладельца, либо бежать.

Витебские землевладельцы для своих свободных колонистов создали еще более тяжелые условия. Витебская устава требует, чтобы каждый свободный человек, коль скоро он жил в готовом доме, оставлял его в том же состоянии, в каком он был последним принят.

Если же он принял дом с имуществом, или с «житом», то, уходя, свободный человек должен оставить в порядке не только дом, но и полученное им имущество [292]. Эти постановления Витебской уставы понятны с точки зрения материальных интересов землевладельцев. Последние стремились к тому, чтобы хозяйство, оставленное свободным колонистом, не захирело. Кроме того, землевладельцу было чрезвычайно важно, чтобы уход свободных крестьян происходил в определенное время, а не тогда, когда это будет удобно свободному человеку, и притом в пору, наиболее выгодную для хозяйства землевладельца. Витебская устава запрещает отказ, уход до сбора урожая. Заявления об уходе должны делаться после окончания сбора урожая. Если свободный человек не заявит о своем желании уйти сразу же после сбора урожая, он должен остаться еще на год.

Стремление землевладельцев установить единый срок ухода крестьян полностью совпадает с политикой, проводившейся средними и мелкими землевладельцами в борьбе за рабочие руки в Московском государстве, где для отказа также было определено время после сбора урожая: за неделю до Юрьева дня и неделю после него [293].

Все свободные люди должны были уходить от своего землевладельца не тайно, а уведомив господина, расплатившись с ним и выплатив выходную куницу в 12 грошей. Свободный человек имел право уйти, забрав свое добро, лишь закончив все расчеты.

Однако эта устава не имела «обратного действия», ибо ее сила и значение не распространялись на людей «стародавних», «которые службу служат, дани дают, а поплатки и вроки платят». Все эти старые арендаторы «мают захованы быти по старому обычаю, або как господар их усхочет, на этом поставити». Это постановление уставы вполне понятно, ибо любые

[291] АЗР, т. I, № 189, арт. 20.
[292] Беларускі архіў, т. II, № 72.
[293] P o l o s i n e Le servage russe, p. 29.

другие отношения к старым условиям были недопустимы с точки зрения землевладельцев, проводивших вполне определенную классовую линию.

Судя по рассмотренным выше двум уставам, условия ухода крестьян были не очень тяжелыми.

Окончание срока соглашения еще не означало, что свободный человек имеет право уйти. Многие из них не справлялись с выполнением своих обязанностей, вытекающих из уставы, и засиживались на своих землях.

В своей социальной политике землевладельцы должны были вести борьбу на два фронта: против свободных людей и против своих же собратьев.

Борьба против свободных людей выражалась не только в том, что условия аренды становились все более тяжелыми и однообразными, но и в том, что свободные люди, тайно покинувшие своего господина, в случае поимки возвращались на прежнее место, а имущество их конфисковывалось.

Свободный человек, уличенный в том, что он вывез бежавшего без ведома господина, предавался гродскому суду и обязан был уплатить 3 руб. штрафа [294].

Таким образом, Витебская устава разрешает вывоз людей лишь при условии своевременного отказа. Ясно, что с незаконным вывозом, затрагивавшим материальные интересы землевладельца, должна была вестись упорная борьба.

И Бельская и Витебская уставы предусматривали возможность нарушения выработанных ими общих норм теми землевладельцами, которые смогут предложить свободным колонистам более выгодные условия. Чтобы не повадно было таким землевладельцам нарушать общий фронт классовой политики, Бельская устава наказывает последних штрафом в размере 100 руб. Витебская устава также имеет статью, направленную против землевладельцев, нарушающих ее постановления и не «водлуг тое уфалы людей вольных держали» [295]. Виновный подвергается тройному штрафу: в пользу короля поступает «вины 100 коп грошей», в пользу воеводы витебского — «50 коп грошей» и, наконец, урядник витебский получает 5 пудов меда.

Это постановление гарантировало от нарушения общих интересов отдельными землевладельцами.

Свободные люди не мирились с новыми условиями и начинающимся закрепощением и уходили от своих землевладельцев без отказа. Пойманных беглецов администрация возвращала к их прежним панам [296].

---

[294] Беларускі архіў, т. II, № 72.

[295] Там же, стр. 49.

[296] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда Августа.., стр. 423—426.

Все свободные колонисты, как общее правило, должны были отработать на панской земле столько лет, на сколько лет им предоставлялась льгота. Это правило часто нарушалось свободными колонистами, и законодательству приходилось обращать на это особое внимание. Литовский статут первой редакции учитывает такой случай, когда свободные люди, «высидев волю», пожелают «проч пойти», «не заслуживши тому-ж пану своему колко на воле сидел». Лицо, выразившее такое желание, обязано, согласно статуту, заплатить за каждую неделю по 6 грошей. Свободного человека, уходящего к другому пану после окончания льготного срока, Статут рассматривает как злостного нерадивого должника и требует выдачи его пану уже на правах отчича.

Землевладелец, в имении которого находится бежавший свободный человек, обязан такого выдать по требованию его господина. В противном случае, по решению суда, он должен будет выплатить «шкоды» по 6 грошей за каждую неделю. В случае, если бы такой землевладелец не пожелал выдать беглеца или последний от него убежал, виновный уплачивал штраф в следующих размерах: за отчича 10 коп грошей и столько же за каждого сына в отдельности, если последние бежали вместе с отцом, и, кроме того, по 6 коп грошей за каждую неделю пребывания на воле такого свободного человека [297].

Этот артикул Литовского статута является ярким отражением той классовой политики, которую проводило литовско-белорусское правительство, идя навстречу среднему и мелкому землевладению. Со всей тяжестью он обрушился на свободных людей, так как поставил их в такие условия, при которых они должны были либо отработать волю, либо, в случае побега, превратиться в отчича. Этот артикул Литовского статута является выражением полной победы землевладельцев как над вольными людьми — крестьянами, так и над своими более богатыми собратьями по классу.

Как юридический институт крепостное право возникло уже ко времени издания Литовского статута 1529 г. Фактически еще не все группы сельского населения попали в крепостную неволю, еще оставались свободные люди, еще сохраняла самостоятельное хозяйственное и юридическое положение челядь невольная; она еще не успела слиться с основными кадрами крестьянства. Но основные кадры крепостного крестьянства были налицо.

Уже Ф. И. Леонтович отметил, что крепостное право в Великом княжестве Литовском развивалось не в форме закона,

---

[297] Статут 1529 г., разд. VIII, арт. 20.

а в форме обычая. Ф. И. Леонтович отметил также наличие срока давности, после которого люди становились «крепостными отчичами» [298].

Эта мысль Леонтовича заслуживает пристального внимания. Вся практика жизни феодальной эпохи была проникнута элементами старины, феодального обычая, и эта старина легла в основу образования крепостного строя.

М. К. Любавский подчеркнул, что принцип старины стал проявлять свое значение очень рано. Уже в Городельском привилее 1413 г. за землевладельцами сохраняются земли, бывшие их «отчинами», т. е. издавна находившиеся у них во владении. Привилей Казимира Ягеллончика оставляет за землевладельцами и те земли, которыми они владели при Витовте и Сигизмунде Кейстутовиче, если эта давность владения будет ими доказана. Привилей Сигизмунда I 1507 г оставляет за землевладельцами те земли и тех людей, которые принадлежали им при Казимире и Александре, причем, если на эти земли никто не притязал, они оставались за нынешними владельцами, даже «естли-бы и листов на то не имел» [299].

Таким образом, старина лежала в основе «отчинного» землевладения. Свое право на землю можно было доказать даже при отсутствии каких бы то ни было документов на владение, лишь ссылаясь на старину.

Право же владения землей означало и право владения людьми. Так появились отчичи, старожильцы Московского государства, ставшие, в силу принципа старины, давности, первой группой сельского населения, потерявшей право перехода. Этот принцип старины сохраняет свою силу и значение в тех многочисленных процессах, которые велись за землю и людей на протяжении XV и в начале XVI в.

Землевладелец стремился доказать, что те или иные люди — «отчичы с давних времен». Старина устанавливалась различными юридическими документами и судебными постановлениями [300].

---

[298] Ф. И. Леонтович. Крестьяне юго-западной России..., № 10, стр. 19.

[299] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 390.

[300] АЛМ, № 129: «Дед наш зашол за его отца и служил отцу их до своей смерти... Отец наш отцу их служил». № 217: «Бояре поведили, што тыи люди их есть отчинныи звечные: еще за в. к. Витовта отец их тых людей держал». № 275: «Мы сами вольные люди, ходячие, нижли только дед и отец наши служили добровольно. Свекор мой выслужил дедов и отцов ваших и братию вашу... вечно, и свекру есте моему и мужу моему служили вы сами и отцы ваши и братья ваша с сохою и с серпом, с косою, и с топором и иныю тягль тянули по тому, как и иншие селяне». № 312: «Вказал перед нами лист отца нашего, што призволил купити землю их от-

Если старина, срок давности имел такое большое значение в жизни Литовско-Белорусского государства вообще и, в частности, в истории закрепощения сельского населения, то основным недостатком предыдущей эпохи являлось отсутствие четко определенного срока давности. Определение срока давности было необходимо для предупреждения всякого рода недоразумений, и литовское законодательство, поскольку оно нашло свое отражение в Литовском статуте 1529 г., земскую давность определило в 10 лет[301].

С этого времени все свободные люди, похожие люди, проживающие на земле землевладельцев в течение десяти лет, становились его старожильцами, отчичами, крепостными. Закрепощение сельского населения в силу давности было настолько очевидным юридическим фактом, что в Литовском статуте 1529 г. необходимо отметить полное отсутствие юридических норм, которые говорили бы о таком закрепощении.

Но зато в Литовском статуте есть целый ряд артикулов (о которых мы скажем в свое время), позволяющих составить определенное представление о положении крепостного человека в исследуемую нами эпоху.

Так происходил процесс закрепощения свободных групп населения частноправовым порядком, в силу которого свободный человек выходил из сферы публичноправовых отношений и попадал в сферу действия гражданского права.

Подведем итоги.

1. Великокняжеские пожалования были публичноправовым способом передачи населенных земель и людей без земли в сферу действия гражданского права.

2. Параллельно этому действовал и другой способ закрепощения — это частноправовой порядок, когда в силу договорных отношений свободный человек селился на земле землевладельца и впоследствии терял право ухода.

3. Свободные люди состояли: а) из великокняжеских крестьян, по различным причинам оставлявших свою землю, и б) из иностранцев, приходивших из соседних стран в Литву и Белоруссию.

4. Отношение свободного человека к своему владельцу — пану базировалось на договорных отношениях. Последние

чинную... всю сполна вечно...» № 319: «И мы того досмотревши, и тые люди их есмо присудили и з двором их отчинным»; РИБ, т. XX, кн. I, № 114: «Есть они люди мои отчизныи, непохожии, тяглыи, служили отцу моему и после отца моего служили мне до сих часов, а седят на моих отчинных землях, на которых отец мой их зоставил». № 115: «Мает онъ сам и з детми и з землями своими на близкости жоны его, ему служити вечно». № 312: «А тыи люди отчизныи наши, а были под князем Александром Юрьевичом небожчиком».

[301] Статут 1529 г., разд. I, арт. 27; разд. VII, арт. 28.

вначале были устными, а позднее письменными. Землевладельцы стремились проводить единообразную классовую политику по отношению к свободным людям. Бельская и Витебская уставы являются важными документами, которые отражают такую политику.

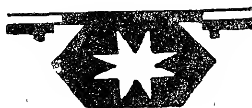
5. Эти уставы значительно ухудшили положение пришлых людей как в смысле ухудшения условий поселения на земле, так и условий ухода.

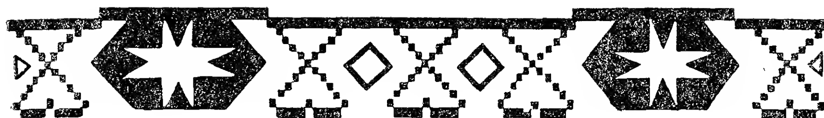
6. Обе эти уставы вводили ряд законодательных мероприятий против нарушения отдельными землевладельцами принятых постановлений. Литовский статут 1529 г. полностью закрепил эту политику землевладельцев как по отношению к свободным людям вообще, так и по отношению к землевладельцам в частности.

7. Крепостное право возникло в Белоруссии не в силу законодательства, а в силу принципа *давности — старины.* Принцип старины — обычая пронизывает всю социальную жизнь Литовско-Белорусского государства. Старина закрепляла за землевладельцами и земли, и людей.

Перевод с белорусского А. М. Корабельниковой и В. С. Поссе.

Впервые напечатано в кн.: «Запіскі Аддзелу гуманітарных навук Інстытуту Беларускае культуры», кн. 3, т. II, Менск, 1928; «Запіскі Аддзелу гуманітарных навук Беларускае Акадэміі навук», кн. 8, т. IV, Менск, 1929.





РАЗРАБОТКА ИСТОРИИ ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРАВА XV—XVI вв. В ИСТОРИОГРАФИИ

История белорусского права является совершенно новой научной проблемой, которая ждет еще своей разработки; особенно это касается того периода, когда Белоруссия находилась в составе Великого княжества Литовского. В прошлом исследователи истории права русского народа всегда признавали его национальное единство, а поэтому, когда им приходилось касаться права Литовско-Белорусского государства, они трактовали это право как русское, ибо и в Литовско-Русском государстве, и в Московском государстве русский народ составлял основную массу населения (Малиновский. Лекции по истории русского права. Ростов, 1917). Однако такая постановка вопросы вызывает в настоящее время много сомнений и недоразумений.

Белорусы, как и русские и украинцы, произошли от одного этнографического корня восточноевропейского славянства, но, в дальнейшем историческом развитии, они обособились и жили каждый своей исторической жизнью, имея свои обычаи и вырабатывая свое национальное право, подобно другим славянским народам: полякам, чехам, болгарам, сербам и т. д.

Имея в виду наличие одинаковых черт в праве славянских народов, научно осознанную необходимость изучать славянское национальное право в общеславянском освещении, никто из исследователей прошлого не возражал против необходимости изучения права каждого славянского народа в отдельности. Однако только для белорусского и украинского народов делалось исключение на том основании, что это право создано русским народом и потому не подлежит индивидуальному видовому изучению. Ошибочность этой мысли, так долго господствовавшей в науке истории русского права, в данный момент становится особенно заметной.

История каждого народа в отдельности и его право тесно связаны между собой. В истории народа отражается его быт, экономическая, гражданско-политическая и религиозно-культурная жизнь. В истории права народа отражаются те изменения, которые произошли в народном правосознании в связи с развитием и усложнением исторической жизни народа. Чем сложнее жизнь народа, тем совершенней его право, ибо право является только отражением тех бытовых условий, которые изменились в ту или иную сторону под влиянием ряда причин, обусловливавших поступательное движение исторической жизни народа.

Поскольку история каждого народа имела свои индивидуальные черты, постольку и право народа имеет только ему присущие отличия, благодаря чему можно говорить о праве отдельного народа, как о праве национальном.

В истории отдельных народов можно отметить присущие им общие родовые признаки, хотя имеются и резко очерченные индивидуальные особенности.

В связи с этим и право того или иного народа может иметь общие типичные черты, которые ни в коем случае не должны закрывать нам глаза на индивидуальные особенности. Жизнь каждого народа развивалась от примитивного быта в сторону более сложных отношений. И право, имеющее свои источники в первоначальном обычае, постепенно становится более четким в процессе усложнения жизни и, наконец, приводит к мысли о необходимости записывания существующего обычного права. Тогда вырабатывается письменное право, появление которого может быть ускорено при наличии ряда благоприятных культурно-исторических условий.

Народ в своей исторической жизни не является замкнутым организмом. Народ сталкивается с соседями, воюет с ними, входит в экономические связи и испытывает в той или иной степени влияние соседней культуры, что влечет за собой изменения в бытовых отношениях.

Ввиду этого и обычное право народа может видоизменяться под влиянием культуры и права другого народа. Так, славянское обычное право развивалось в киевский период под непосредственным влиянием византийского церковного и светского права. Белорусское право XIII в. испытало на себе влияние западноевропейских правовых взглядов, нашедших свое отражение в договорах с немцами. Влияние польского права отразилось в литовско-белорусский период как на памятниках законодательства, так и на правосознании господствующего класса — шляхты. Развитие экономических отношений создало общественные группировки и выработало условия, благоприятные для одних общественных групп и менее благоприят-

ные — для других. То, что называется правом, юридической нормой, будет не чем иным, как закреплением возникших отношений, закреплением законодательным путем интересов господствующих классов.

Историческое повествование создается на основании источников, печатных или рукописных, оставшихся от той или иной эпохи. В прошлом не было недостатка в таких материалах. Канцелярия литовского великого князя представляла собой собрание государственных актов, которые имеют первостепенное значение для истории и права белорусского народа. В монастырях и церквах хранились различные материалы, имевшие отношение к истории данного учреждения. Землевладельцы с особенным старанием заботились о сохранении различных документов, касавшихся землевладения, потому что право владения землей основывалось на письменном документе. Точно так же городские магистраты имели в своих канцеляриях документы, характеризовавшие жизнь города. В резиденциях отдельных крупных землевладельцев возникали целые архивы, которые характеризовали состояние землевладения и хозяйства двора этих панов. В начале XVI в. многие из белорусских магнатов, знакомые с западноевропейским просвещением, заводят у себя ценные библиотеки. Великий князь Сигизмунд II имел богатую библиотеку, в которой находились исключительно ценные издания того времени. Впоследствии она была пожертвована Виленской иезуитской коллегии, а потом ее передали Виленской иезуитской академии. Но в середине XVII в., во время эвакуации из Вильны Иезуитской академии, много книг из этой библиотеки погибло. Библиотека Иезуитской академии пополнялась в XVI—XVII вв. различными дарениями, среди которых особую ценность представляет библиотека Льва Сапеги, одного из создателей Литовского статута 1588 г., переданная Академии его сыном подканцлером Литовским. Развивавшееся в Белоруссии книгопечатание, религиозные разногласия, борьба католиков и униатов с православными способствовали появлению ряда рукописных и печатных изданий, характеризовавших собой настроение тогдашних правящих общественных групп.

Не все документы сохранились до нашего времени. Многие из них погибли, не оставив после себя никаких следов. Библиотечные фонды тоже частично погибли, частично были вывезены и размещены в библиотеках России. Так, исключительно хорошая библиотека Виленского университета, в основу которой вошла библиотека Виленской иезуитской академии и Главной школы, после закрытия Виленского университета была размещена в Петербурге, Киеве, Харькове, Белорусском учебном округе и таких учреждений, как Медико-хирур-

гическая академия, возникшая в Вильне вместо медицинского факультета, и Римско-католическая академия, в которую был преобразован богословский факультет. Те рукописные материалы и книги, которые сохранились до нашего времени, составляют только небольшую часть существовавшего.

Первый и второй разделы Польши изменили государственно-правовое положение Белоруссии. Последняя вошла в состав Российской империи. В среде русской дворянской интеллигенции XVIII в. появляется интерес к историческим знаниям и историческим материалам. Правительство Екатерины II хорошо представляло себе необходимость собирания таких исторических материалов и обращало на это особенное внимание.

Частные лица очень хорошо понимали невозможность настоящих исторических знаний без соответствующего фактического обоснования — без документальных источников. Ряд лиц — киевский митрополит Евгений Болховитинов (1767—1837), граф А. И. Мусин-Пушкин (1774—1817), руководитель коллегии иностранных дел Ф. И. Миллер (1705—1783) — принимали меры как по сбору, так и по сохранению исторического материала. Так, с именем графа А. И. Мусина-Пушкина связана находка «Слова о полку Игореве». К сожалению, рукопись этого памятника сгорела во время Московского пожара (1812), и в настоящий момент имеется только копия с него, составленная Мусиным-Пушкиным. Н. И. Новиков (1744—1818) также собрал значительное количество различных документов. Составленная им «Древняя Российская Вивлиофика» в 10 томах (1773—1775) не имеет ни плана, ни системы. Его произведение — это собрание самых разнообразных документов, но все же сохранивших большую ценность для исторического исследования. Князь М. М. Щербатов (1733—1790), решивший написать свою «Российскую историю», также собрал и издал много ценных исторических документов.

Безусловно, в XVIII в. было очень интересно собирать исторические материалы. Однако это делалось случайно, дилетантски, без всякого плана и системы. Само же издание документов было довольно-таки кустарным, имело серьезные дефекты и неточности, ибо издателям документов не были известны способы научной критики.

Дальнейший ход собирания и издания исторических материалов связан с именем графа Н. П. Румянцева (1754—1826), который был широко образованным человеком и имел большое влечение к историческим наукам и очень любил их.

Сначала Румянцев преуспевал на дипломатическом поприще (при Александре I он был министром иностранных дел) и только после 1812 г. отдал все свои силы делу изучения рус-

ской истории. По его инициативе и на его средства был сделан ряд изданий, очень ценных для исторической науки. Так, им было издано в четырех томах «Собрание государственных грамот и договоров», хранившихся в государственной коллегии иностранных дел (Москва, 1813—1828), без которого не может обойтись ни один из исследователей, изучающий прошлое как России, так и Белоруссии. В первом томе были собраны важнейшие акты и грамоты с 1229 до 1613 г. Во второй том вошли также акты до конца XIV в. и «смутного времени». Последние же два тома состоят из документов XVII в. Публикация государственных грамот и договоров была первым изданием документов, подобранных в систематическом порядке. В связи с издательской деятельностью графа Румянцева был опубликован И. И. Григоровичем «Белорусский архив древних грамот» (Москва, 1824). Этим самым было положено начало публикации документов, имевших отношение исключительно к истории Белоруссии.

Другим моментом в истории издания исторических документов является организация в Петербурге Археографической комиссии, связанной с именем П. М. Строева (1796—1876). Последний был ближайшим сотрудником графа Румянцева по изданию документов. Большой энтузиаст и любитель древностей, он часто совершал поездки в монастыри, где обнаружил такие ценные памятники, как «Изборник Святослава», «Похвала Кагану Владимиру» митр. Иллариона, «Судебник» Ивана III. В 1813 г. Строев поступил студентом в Московский университет, но через два года оставил его и поступил на службу в Комиссию издания государственных грамот и договоров. В 1823 г. Строев был избран председателем Общества истории и древностей российских при Московском университете. 14 июля 1823 г. он произнес речь на заседании Общества, в которой предлагал расширить деятельность Общества и приглашал не только издавать летописи, с целью чего и было создано Общество, но приобретать и если не обработать, то дать другим средства для обработки всех собранных памятников нашей истории и древней литературы. Чтобы выявить все письменные памятники древности, Строев предлагал организовать архивные экспедиции по всей России. Таких экспедиций должно было быть три: Северная, Центральная и Западная. Если первые две должны были охватить 19 великороссийских губерний, то третью экспедицию намеривались послать на Украину и в Белоруссию. Московское Общество отнеслось отрицательно и даже враждебно к такому проекту своего председателя.

Однако же Строев не успокоился. Как член-корреспондент, он обратился со своим проектом в Академию наук, которая отнеслась к этому весьма благосклонно. Академия ассигновала

значительную сумму денег на археографические экспедиции в течение 7 лет. От правительства Строев получил открытый лист, в котором было приказано администрации губерний всячески оказывать помощь Строеву. Между тем синод отказался дать Строеву такой лист, и настоятели монастырей всячески препятствовали его деятельности, временами уничтожая очень ценные материалы. Строеву не удалось осуществить все свои намерения. Украина и Белоруссия до 1834 г. не были обследованы Строевым. Правда, он имел намерение в дальнейшем продолжать свою экспедицию, если правительство даст на это деньги. Между тем правительство не нашло нужным довести до конца начатое дело, и археографические экспедиции прекратились.

В своем отчете о поездке, поданном в Академию наук, Строев предлагал начать издание собранных под его руководством историко-юридических и других рукописных материалов. Замысел Строева был осуществлен только частично. Для публикации актов была организована при Министерстве народного просвещения Археографическая комиссия, членом которой был назначен П. М. Строев вместе с Н. П. Калачовым. Археографическая комиссия должна была продолжать дальше работу по собиранию материалов, а также издавать произведения исторического характера: летописи, хронографы, мемуары. Члены комиссии совершали, как и раньше, объезд центральных губерний для ознакомления с документами. Много документов было переслано из провинциальных архивов в Петербург. Археографическая комиссия обратила внимание на архивы Украины и Белоруссии, в которых был собран богатый материал, в результате чего ряд самых ценных документов и материалов был перевезен с территории Белоруссии в Россию.

Археографическая комиссия начала издание документов, касавшихся истории и права Белоруссии. Министерство народного просвещения придавало большое значение публикации документов, касавшихся прошлого Белоруссии. Для петербургского правительства Белоруссия была не чем иным, как только Западной Русью, которая некогда в силу различных исторических обстоятельств оторвалась от своего национального ядра и благодаря правительственной политике в XVIII в. слилась с основным национальным элементом. При таком взгляде на историко-юридическую судьбу белорусского народа Петербургскую археографическую комиссию интересовали только те документы, которые характеризовали общие черты жизни белорусского и русского народов, а также и те материалы, которые говорят об отношениях Белоруссии к Польше в области политической и религиозной. Для своих

изданий Археографическая комиссия широко пользовалась так называемым архивом Литовской метрики, который сначала хранился в Петербурге при сенате, а потом был переведен в Москву в бывший архив Министерства юстиции.

Петербургская археографическая комиссия опубликовала:

1. Акты, относящиеся к истории Западной России,— 5 томов (1340—1699), под редакцией И. И. Григоровича, СПб., 1846—1853.

2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России,— 15 томов, охватывающие эпоху с 1361 по 1678 г., под редакцией Н. И. Костомарова, Г. Ф. Карпова, С. А. Белокурова, СПб., 1863—1892.

3. Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношение к России и Польше, под редакцией М. О. Кояловича, СПб, 1865.

4. Дневник Люблинского сейма, под редакцией М. О. Кояловича, СПб., 1869.

5. Документы Литовской метрики: книги публичных дел, книги записей, книги судных дел. В их публикации принимали участие П. А. Гильдебрандт и И. И. Лаппо. Эти документы были опубликованы с сохранением всех правил археографии в «Русской исторической библиотеке» (т. XX, XXVII, XXX, XXXIII). В изданных документах собраны самые ценные материалы по истории Белоруссии и белорусского права.

6. Западнорусские летописи, под редакцией А. А. Шахматова и С. А. Пташицкого («Полное собрание русских летописей», т. XVII).

7. Памятники полемической литературы в Западной Руси («Русская историческая библиотека», т. IV, VII, XIX, под редакцией П. А. Гильдебрандта).

8. Русско-ливонские акты, под редакцией К. Напьерского, в 4 томах, 1868 г., в которых напечатаны договоры белорусских земель с немцами. Издание содержит документы первостепенной важности для истории отношений белорусских земель с немцами.

9. Грамоты, касающиеся отношений северо-западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв., под редакцией К. Напьерского, СПб., 1857.

10. Собрание древних грамот и актов городов: Вильно, Ковно, Троки, православных монастырей, церквей и по разным предметам (Вильна, 1843). Все эти документы касаются различных сторон политической, сословной, религиозной, дипломатической и отчасти экономической жизни Белоруссии. Для истории Белоруссии они являются документами первостепенной исторической важности, без которых не может обойтись ни один из исследователей прошлого Белоруссии.

Подобно Петербургской археографической комиссии немного позже была основана Виленская археографическая комиссия. Сначала она носила название Комиссии для разбора древних актов. Ею было издано 39 томов документов, в состав которых вошли самые ценные материалы, характеризующие бытовую и правовую жизнь крестьянства, городов, церкви, отдельных сословий, деятельность земских и городских судов, положение национальностей, а также те, которые содержат в себе много ценного материала и уголовному праву в Белоруссии.

В составлении сборников, к которым обычно давались предисловия, принимали большое участие И. Я. Спрогис, Ю. Ф. Крачковский, Д. И. Довгялло, Н. И. Горбачевский и др Содержание этих томов следующее: 1. Акты Гродненского земского суда (1865). 2. Акты Брестского земского суда (1867). 3. Акты Брестского гродского суда (1870). 4. Акты Брестского гродского суда (1870). 5. Акты Брестского и Гродненского гродских судов с присоединением привилеез на землепользование в Берестейской и Кобринской экономиях (1871). 6. Акты Брестского гродского суда (Поточные), Брестского подкоморского суда, Брестской, Кобринской и Каменецкой магдебургии (1872). 7. Акты Гродненского гродского суда (1874). 8. Акты Виленского гродского суда (1875). 9. Акты Виленского земского суда, магистрата, магдебургии и конфедерации (1878). 10. Акты Виленского магистрата и магдебургии (1879). 11—13. Акты Главного литовского трибунала (1880—1883—1886). 14. Инвентари XVI в. (1888). 15. Декреты Главного литовского трибунала (1888). 16. Документы, касающиеся истории церковной унии в России (1889). 17. Акты Гродненского земского суда (1889). 18. Акты о копных судах (1891). 19. Акты, относящиеся к истории бывшей Холмской епархии (1892). 20. Акты, касающиеся г. Вильно (1893). 21. Акты Гродненского земского суда (1894). 22. Акты Слонимского земского суда (1895). 23. Акты Холмского гродского суда (1896). 24. Акты о боярах (1897). 25. Инвентари и разграничительные акты (1898). 26. Акты Упитского гродского суда (1899). 27. Акты Холмского гродского суда (1900). 28—29. Акты о евреях (1901—1902). 30. Акты Трокского подкоморского суда (1904). 31. Акты о литовских татарах (1906). 32. Акты Вилкомирского гродского суда (1907). 33. Акты, относящиеся к истории западнорусской церкви (1908). 34. Акты о войне за Малороссию (1909). 35. Инвентари дворов староств во второй половине XVIII в. (1910). 36. Акты Минского гродского суда (1912). 37. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. (1912). 38. Инвентари староств, дворов, фольварков и деревень XVIII в. (1914). 39. Акты Могилевского магистрата (1915).

Кроме того, Виленская археографическая комиссия издала ряд материалов, которые имели первостепенное значение как для истории аграрных отношений и лесного хозяйства, так и аграрного и лесного права. К таким документам относятся:

1. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, составленная старостою мстибоговским Г. Б. Воловичем (1867).

2. Ординация Королевских пущ в лесничествах бывшего Великого княжества Литовского 1641 г. (1871).

3. Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда-Августа в 1561—1566 гг. пинским и кобринским старостою Лаврином Войною, ч. I, II (1874).

4. Ревизия Кобринской экономии, составленная в 1563 г. королевским ревизором Дмитрием Сапегой (1876).

5. Писцовая книга Гродненской экономии, ч. I, II (1881, 1882).

6. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостой Станиславом Хвальчевским (1884).

7. Сборник документов, касающихся административного устройства Северо-Западного края при императрице Екатерине II (1903).

К изданиям комиссии относится собрание государственных и частных актов, которые касаются истории Литвы и соединенных с ней владений (1387—1710), Мав. Круповича, ч. 1, 1858.

Одновременно с работой Виленской археографической комиссии работала комиссия и при Виленском учебном округе, издавшая с 1867 по 1904 г. 14 выпусков Археографических сборников, в которых собрано очень много актового материала, имеющего большое значение для изучения истории белорусского права в эпоху Литовско-Белорусского государства.

Киевская археографическая комиссия, основанная в 1843 г. при киевском военном подольском и волынском генерал-губернаторе, с участием профессоров и преподавателей Киевского университета, издавала так называемый Архив Юго-Западной России, содержание которого хотя и имеет отношение к собственно Украине, но дает множество разнообразного материала как для истории Белоруссии, так и для истории белорусского права. Особенно большое значение имеют следующие издания:

1. Акты о заселении Юго-Западной России, ч. VII, т. I.

2. Акты о брачном праве и семейном быте Юго-Западной России в XVI—XVII вв., ч. VIII, т. III.

3. Акты о землевладении в Юго-Западной России XV—XVIII вв., ч. VIII, т. IV.

4. Акты о землевладении в Юго-Западной России, ч. VIII, т. VI.

Много материалов печаталось Московским обществом истории и древностей российских в его изданиях «Временник» и «Чтения». Этим обществом впервые был опубликован Статут трех редакций: 1529, 1566 и 1588 гг., в книгах 18, 19 и 23. Кроме того, в 25-й книге опубликовано «Положение о Трибунале жителям Великого княжества Литовского на сейме 1581 г.». В «Чтениях» издана также под редакцией И. И. Лаппо так называемая «Полоцкая ревизия 1552 г.» (1905). В тех же «Чтениях» за 1907 г. И. И. Лаппо опубликовал описание полоцких владычных, монастырских и церковных земель, сделанное ревизорами в 1580 г. М. М. Оболенским и И. Даниловичем издана Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского (т. 1, 2, М., 1843).

Кроме этого основного материала, в тех же «Чтениях» разбросано множество материала, касающегося как истории Белоруссии, так и истории белорусского права.

Архив Министерства юстиции опубликовал ряд документов бывшего архива Великого княжества Литовского — «Литовскую метрику»,— наподобие сборника «Документы Московского архива Министерства юстиции», под редакцией М. В. Довнар-Запольского (1897), содержащую в себе ценные историко-юридические материалы: инвентари, сеймовые рецесы, книги дарений. Этим было положено начало энергичной публикации материалов, составляющих содержание Литовской метрики.

Исследователи отчетливо представляли себе важность и значение Литовской метрики для изучения прошлого Белоруссии. Поэтому Литовская метрика и была предметом тщательного изучения с их стороны. Многие из них, издавая историко-юридические монографии, посвященные тем или иным вопросам, печатали в виде приложения документы из Литовской метрики. Так же поступала и Археографическая комиссия. В результате отдельные документы, взятые из архива Литовской метрики, были напечатаны в следующих ее изданиях: 1) Сборник П. А. Муханова, М., 1836; 2) Акты, относящиеся к истории Западной России, т. IV; 3) Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, СПб., 1846—1853; 4) С. А. Бершадский. Документы и регесты к истории литовских евреев, т. I и II. СПб., 1882; 5) М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания 1 Литовского статута. М., 1892; 6) Акты Литовской метрики, собранные Ф. И. Леонтовичем (метрика из Варшавской копии) и изданные Варшавским университетом, т. I, 1413—1489 и т. II, 1499—1507, Варшава, 1896—1897; 7) М. В. Довнар-Запольский. Польско-литовская

уния на сеймах до 1569 г. М., 1897. В трудах Славянской комиссии при Императорском археологическом обществе и отдельно; 8) М. В. Довнар-Запольский. Документы Московского архива Министерства юстиции, т. I. М., 1897; 9) М. В. Довнар-Запольский. Литовские упоминки Татарским ордам, Симферополь, 1898; 10) Акты Литовско-Русского государства, изданные М. В. Довнар-Запольским, вып. 1 (1390—1529), М., 1899; 11) М. К. Любавский. Литовско-русский сейм. М., 1901; 12) М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. I. Киев. 1901; 13) М. В. Довнар-Запольский. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в. Киев, 1905; 14) И. А. Малиновский. Сборник материалов, относящихся к истории панов Рады Великого княжества Литовского, ч. 1—2. Томск, 1903—1912; 15) И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское во второй половине XVI ст.; 16) его же. Литовско-русский повет и его сеймик, Юрьев, 1911; 17) М. К. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910; изд. 2, М., 1915; 18) Русская Историческая библиотека, т. XX, XXVII, XXX и XXXIII.

Начиная с 1871 по 1901 г. Витебский центральный архив издавал историко-юридические материалы, заимствованные из актов и книг Витебской и Могилевской губерний, хранившихся в Витебском центральном архиве. Эти материалы являются собранием документов первостепенной важности. Большая часть опубликованных материалов относится к истории г. Могилева. Для исследователей эти материалы имеют такое же большое значение, как и материалы Виленской археографической комиссии, тем более, что в противоположность изданиям последней в них освещается народнохозяйственная и культурно-бытовая жизнь Восточной Белоруссии.

В Петербурге центральными учреждениями также издавались материалы, часть которых является источниками первостепенной важности для изучения прошлого Белоруссии. Так, второе отделение Собственной его величества канцелярии издало Полное собрание законов Российской империи в 46 томах с указателями, куда вошли законодательные акты с 1649 г. по 12 декабря 1825 г. (1830). В Полном собрании законов находятся все государственные акты, изданные правительством и касающиеся Белоруссии и Литвы после того, как эти страны вошли в состав Российской империи. Изучение же политики российского правительства по отношению к Белоруссии невозможно без использования материалов Полного собрания законов. Такое же значение имеет и второе Полное собрание

законов (в 55 томах), в котором собраны документы периода с 12 декабря 1825 г. по 1 марта 1881 г. В третьем Полном собрании законов помещены законодательные акты периода с марта 1881 г. (осталось до сих пор неоконченным).

Академия наук, приступив в начале XX в. к публикации ряда документов древней и новой России, намеревалась главным образом издавать документы, касающиеся истории Великороссии. Правда, намеченный план осуществился не полностью. Все издания не имели никакого отношения к истории Белоруссии, если не считать публикации «Дневника Станислава Понятовского», в двух томах (1914—1924), который был исключительно ценным документом для ознакомления с польскими внутренними отношениями во второй половине XVIII в. Историческое общество в Петербурге на протяжении ряда лет издавало так называемые «Сборники Исторического общества», в которых напечатано огромное количество документов первостепенной исторической ценности. В отдельных томах содержится много материалов, касающихся истории Белоруссии. Российским историческим обществом частично напечатаны документы по истории дипломатических отношений между Москвой и Речью Посполитой. Материалы, извлеченные из Посольских книг Метрики, являются документами, без которых нельзя обойтись при изучении дипломатических отношений между Москвой и Литовско-Белорусским государством (т. 35, 59, 67, изданы в 1882—1892 гг.).

Киевским университетом, в его «Университетских известиях» (1868, № 79), были напечатаны под редакцией В. Антоновича и К. Козловского грамоты великих князей литовских с 1390 по 1569 г. Эти грамоты имеют очень важное значение для характеристики внутренней политики Великого княжества Литовского. Из грамот, имеющих более или менее местное значение, необходимо отметить грамоты Минской губернии. Так, минский губернатор А. В. Семенов напечатал «Грамоты и акты Минской губернии» (Минск, 1846). Эти акты были извлечены из церковных архивов. Несколько позже было опубликовано новое издание — «Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам» (Минск, 1848). Несмотря на случайность подбора материала и на ненаучный характер издания, обе публикации сохраняют свое значение как материалы для изучения Минщины, а следовательно, и для изучения тех или иных сторон жизни Великого княжества Литовского.

Особое место среди местных изданий занимает «Витебская старина» А. П. Сапунова (т. I, Витебск, 1883; т. IV, 1885 и т. V, 1888). А. П. Сапунов принадлежал к числу людей, которые очень интересовались историей, и был ревностным иссле-

дователем прошлого Витебщины. Документы, изданные им в «Витебской старине», несмотря на некоторые недостатки, сохраняют свое значение и в настоящий момент. К сожалению, А. П. Сапунов не всегда приводит источник полностью; иногда он опускал значительную его часть, считая ее несущественной. Кроме того, некоторые источники поданы им в виде пересказа. Во всяком случае исследователи не всегда могут доверяться этому изданию — необходимо обращаться за проверкой и дополнениями к первоисточнику. Следует отметить, что Сапунов, беря акты из Литовской метрики, не показывал, из каких книг Метрики он брал их. Книги записей, книги публичных дел и книги переписей — все цитируются под одним общим названием «Литовская метрика». Все же для своего времени эти издания, как материалы краеведческого характера, были явлением положительным, тем более что все это делалось на собственные средства, которые А. Сапунов зарабатывал преподавательской и литературной деятельностью. Первый том «Витебской старины» содержал в себе разнообразные документы, касающиеся прошлого Витебской губернии в XVI—XIX вв. Издатель охватил слишком большой материал, и нет ничего удивительного в том, что этот материал оказался весьма пестрым.

Четвертый том «Витебской старины» характеризует московско-белорусские отношения в эпоху войн — Ливонской и середины XVII в. Здесь приведены очень ценные документы, правда в извлечениях, заимствованных из документов московских архивов, характеризующих политику Ивана Грозного и Алексея Михайловича в отношении Белоруссии. К изданию прилагается предисловие, которое весьма односторонне освещает политику Москвы в отношении к Белоруссии.

Наконец, пятый том «Витебской старины» посвящен церковным делам и отношениям. Необходимо отметить, что вступление написано крайне тенденциозно и изображает деятельность униатской церкви и борьбу униатов с православными сквозь призму официального православия.

Известное значение для издания документов имела деятельность Витебской и Смоленской архивных комиссий. В «Витебской старине» напечатаны интересные материалы, касающиеся главным образом более поздней эпохи, а также исследования по отдельным вопросам. Материал печатался без всякой системы и подбора и носил чисто случайный характер. Более солидным является издание Архивной комиссии в Смоленске.

«Смоленская старина» содержит в себе ряд источников и материалов, характеризующих жизнь Смоленщины в конце XIII и начале XIV в.

В отдельных исторических изданиях, как «Киевская старина», «Русский архив», «Старина и новизна», под редакцией С. Д. Шереметьева, «Исторический вестник», который издавался с 1880 г., разбросано много материала и заметок, относящихся к истории и праву Великого княжества Литовского и связанных с ним Белоруссии и Украины. Правда, иногда эти примечания и воспоминания слишком односторонни и освещают отдельные явления, особенно явления XIX в., крайне тенденциозно. Это необходимо заметить относительно записок и документов, освещающих российскую политику в крае, в особенности при характеристике деятельности Муравьева, которого защищали такие исторические журналы, как «Русский архив» и «Исторический вестник». Конечно, при критическом и осторожном отношении к документам и эти материалы могут быть полезными для исследователя Необходимо отметить также, что в так называемых «Памятных книжках» губерний и в «Губернских статистических сборниках» собрано очень много материала, в особенности по финансово-экономической истории, как дореформенной, так и пореформенной эпохи. Эти материалы, несмотря на свое официальное происхождение, имеют определенную ценность и научное значение. В общем количество изданных материалов является очень незначительным по сравнению с теми материалами, которые находятся еще в архивах. Большая часть напечатанных документов касается Белоруссии XV—XVIII вв. Документы по истории и праву XIX в. находятся в архивах как центральных, так и провинциальных и ждут еще своего исследователя. Необходимо также отметить, что в местных «Губернских ведомостях», в местных газетах, а также в губернских епархиальных ведомостях — повсюду помещался ценный архивный материал, имеющий большое краеведческое значение. Рассматривать этот материал еще не начали. В дальнейшем, если придется составлять краеведческую библиографию отдельных губерний, то на местные издания необходимо будет обращать особое внимание.

В указанный период документы издавались также и польскими исследователями, археографами и историками. Их издательская деятельность весьма солидная, а поэтому обойтись без документов, опубликованных в Польше, при изучении прошлого Белоруссии почти невозможно. Издание документов началось еще в XVIII в. Среди польских исторических изданий первое место принадлежит изданиям Краковской Академии наук, которой изданы: Dogiel Maciej. Codex diplomatikus Regni Poloniae et Magni Dueatus Lituaniae. t. I. 1758; T. Działyński. Zbiór praw litewskich. Poznań, 1841; E. Raczyński. Codex diplomatikus Lithuaniae. Wrocław, 1845; I. Daniłowicz. Skarbiec

dyplomatów, t. I—III. 1861—1863; Volumina legum, t. I—VII. 1732—1782.

Ценный историко-юридический материал находится в издании Archiwum Sanguszków, t. I—IV (1887—1889).

По сравнению с исторической и с историко-юридической литературой по истории русского права, в собственном смысле этого слова, специальная литература по истории белорусского права весьма ограничена; она может быть представлена сравнительно небольшим количеством работ как в историографии польской, так и в русской, белорусской и украинской. Русские ученые, как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, а за ними и все историки, касавшиеся в своих лекциях истории Великого княжества Литовского, излагали этот предмет в связи с историей русского народа и исходили из определенных великодержавных взглядов. История Литвы и Белоруссии занимала в этих произведениях второстепенное место, и историки интересовались ею постольку, поскольку она объясняла те или иные моменты в истории Московского государства. То же необходимо отметить и относительно истории белорусского права у таких ученых, как В. И. Сергеевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, А. Н. Филиппов, которые в своих трудах по истории русского права совсем не касались права белорусского народа.

Единственным исключением среди авторов, составлявших учебники по истории русского права, является И. А. Малиновский, один из наиболее выдающихся исследователей истории литовско-белорусского права. Особенностью курса акад. Малиновского по истории русского права[1] является то, что он ввел в общий курс русского права историю так называемого западнорусского права, которое рассматривается автором как составная часть истории общерусского права. В курсе проф. Малиновского дана внешняя и внутренняя история литовско-белорусского права. Автор курса истории русского права знакомит своего читателя с источниками литовско-белорусского права, с историей государственного, общественного и судебного права. И. А. Малиновский излагает литовско-белорусское право менее детально сравнительно с историей общерусского права, ибо литовско-белорусское право интересует автора не само по себе, а как составная часть общерусского права.

Идеологически И. А. Малиновский присоединяется к тем исследователям русского права, которые придерживались точки зрения великодержавности великорусского народа. Как бы там ни было, труд уважаемого исследователя истории

---

[1] Новая работа Р. Лященко «Лекції по історії українського права» (ч. II, вып. 1, 1924) пока еще мне неизвестна.

литовско-белорусского права является первой общей работой по истории последнего, которая может служить обстоятельным учебником для изучения основ литовско-белорусского права.

Изучение истории права каждого народа тесно связано с изучением его исторической судьбы. Понятно, что догматическое изучение одних юридических источников, вне связи с теми условиями, продуктом которых являются правовые нормы, нашедшие отражение в том или ином юридическом источнике, методологически является невозможным. Медлительность поступательного движения в изучении истории литовско-белорусского народа тем самым задерживала и изучение истории права. Изучение динамики исторического процесса дает возможность понять сущность тех или иных норм, которые характеризуют историко-юридические явления в их статическом состоянии. Историко-юридическая литература, посвященная изучению исторической судьбы белорусского народа, в эпоху, когда Белоруссия вошла в состав Великого княжества Литовского, представлена небольшим числом исследований, что особенно обращает на себя внимание, сравнительно с историографией, касающейся исторической судьбы великорусского и украинского народов. Замедленный рост историко-юридических знаний в значительной мере объясняется тем, что на территории Белоруссии не было высшего учебного заведения, которое могло бы стать центром объединения всех научных работников, с одной стороны, и разработки вопросов историко-юридических знаний — с другой.

История и история права белорусского народа долгое время или совсем не изучалась в старой России, или подлежала изучению под углом весьма предвзятых точек зрений. Только в 90-х годах прошлого столетия российские исследователи обратили внимание на изучение истории и истории права литовско-белорусского народа. Это научное движение представлено рядом блестящих исследователей, которые пустили в оборот новые исторические материалы и заложили крепкий фундамент для дальнейшего развития историко-юридических знаний. Только благодаря блестящей плеяде историков и историков-юристов появилась возможность систематического изложения литовско-белорусского права, которое оставалось до того времени совсем неисследованным и неизученным. Научный интерес исследователей сконцентрировался главным образом вокруг изучения исторических и историко-юридических явлений в период IX—XVI вв. В этих хронологических рамках мысль исследователя достигла значительных результатов.

Город Вильно в первой половине XIX в. был все еще центром белорусской культуры, привлекавшим к себе тогдашние

интеллигентские шляхетские круги. Это объясняется тем, что в столице бывшего Великого княжества Литовского находился университет, основанный русским правительством в мае 1803 г., по инициативе князя Адама Чарторыйского. В 1832 г., 1 марта, Виленский университет был закрыт по приказу Николая I. Правительство Николая I с подозрением отнеслось к Виленскому университету, как к революционному центру, воспитанники которого поддерживали идеологию польского восстания 1830 г. Если для польских идеологов Великое княжество Литовское вместе с Белоруссией являлось только частью польской территории, которая рано или поздно должна войти в состав возрожденной Речи Посполитой, то для русского правительства Белоруссия и Литва составляли только Западную Русь, немного отличную от Руси Великорусской в бытовых отношениях.

Общепольский взгляд на то, что Великое княжество Литовское и Польша составляют один народ, который оформился в XIV в., при заключении первой унии Литвы с Польшей, был позднее поколеблен. В 1835 г. в Вильно выходит первый том труда историка, литовца по происхождению, Т. Нарбута (T. Narbutt. Dzieje starożytne narodu litewskiego), который в течение 6 лет издал 9 томов. Нарбут считает, что Великое княжество Литовское до 1569 г. было самостоятельным и независимым государством, но что после Люблинской унии этой самостоятельности был положен конец. Нарбут, как и Карамзин, видит сущность истории в развитии государства и в переменах организации власти. Главная заслуга Нарбута в том, что он выделил историю Великого княжества Литовского в совершенно самостоятельную научную дисциплину. Все же точка зрения Нарбута оставалась одинокой. Ряд польских ученых, как Ярошевич, Балинский, Данилович, которые касались истории Великого княжества Литовского и связанных с ней белорусско-украинских земель, придерживались старого польского взгляда и, понятно, не могли обратить внимание на особенности исторической судьбы литовского и белорусского народов. Национально-культурный польский взгляд препятствовал польским исследователям подойти к затронутым ими вопросам с объективной точки зрения.

С закрытием Виленского университета и Белорусский край потерял свое высшее научное учреждение. Вместо Виленского университета был открыт университет в Киеве, который и стал центром изучения истории Великого княжества Литовского и связанной с ним истории украинского и белорусского народов. Киевская школа историков, начиная с Н. И. Костомарова, придерживалась совсем иных взглядов на сущность исторического процесса, по сравнению с историко-юридической школой,

представленной именами С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина. Если для историко-юридической школы сущность исторического процесса заключается в развитии государства, то для Костомарова самое существенное в историческом процессе — это жизнь и деятельность народа как главного деятеля истории. Совершенно понятно, что киевская школа историков направила все свое внимание на изучение истории украинского и белорусского народов, как народов, которые проявили значительную самодеятельность как в национальной, так и в культурной борьбе против поляков и польской культуры. Необходимо отметить, что первые киевские историки, как, например, Костомаров, были скорее романтиками прошлого украинского народа, нежели его исследователями, и, с нашей точки зрения, их труды вызывают во многом большие возражения. Тем не менее было положено начало тому новому научному движению, которое рано или поздно должно было дать значительные результаты. Если, с одной стороны, Киев имел историка-романтика в лице Костомарова, то вместе с этим появились такие замечательные ученые, как Максимович, который указал на существование трех ветвей русского народа и, признавая обособленность их исторической жизни, в то же время был сторонником единства «Земли Русской». Во всяком случае очень ценно то, что Максимович признавал в прошлом самостоятельное существование исторической жизни великорусского, украинского и белорусского народов. Научная школа, созданная Максимовичем, имела дальнейшее развитие. Киевские ученые издавали различные акты и были главными деятелями Киевской археографической комиссии, и в то же время они положили начало научному изучению истории украинского народа. С течением времени, во главе киевской школы становится В. Б. Антонович, действительный основатель новой украинской историографии. В. Б. Антонович, создавший свою историческую школу, сделал очень много для изучения прошлого как Великого княжества Литовского, так и украинского народа. Для Антоновича Великое княжество Литовское было самостоятельным государственно-правовым организмом, подвергавшимся значительным изменениям в области культуры и общественно-правовых отношений под влиянием польской культуры, имевшей не положительное, а отрицательное значение. Так впервые в историографии, в противоположность польским ученым, была высказана мысль об отрицательном влиянии польской культуры на судьбу Великого княжества Литовского и на историю украинского народа. Одновременно в Киевском университете начала создаваться и юридическая школа по изучению права Белоруссии и Украины, связанная с именем М. Ф. Владимирского-Буданова и его учеников — М. А. Мак-

симейко, И. А. Малиновского и Н. Г. Демченко. Результаты историко-юридических исследований, начатые киевской школой историков-юристов, были весьма значительными и выяснили много неясных сторон литовско-белорусского права. Киевская традиция по изучению белорусского и украинского права возродилась одновременно с основанием Украинской Академии наук, в юридической секции которой идет большая работа по изучению украинского права; итоги работы уже опубликованы отдельными статьями молодых ученых в соответствующих изданиях Украинской Академии наук.

Что касается российской школы историков-юристов, то представители историко-юридических знаний в Петербурге и Москве почти не интересовались вопросами, связанными с исторической судьбой Великого княжества Литовского. А если же последние и интересовались историей Великого княжества Литовского, то постольку, поскольку она была связана с историей Московского государства. Особое внимание обращалось на церковные отношения, отношения православных к католикам, ибо в этой борьбе различных религиозных систем видели сущность исторической жизни белорусского и украинского народа.

Единственным исключением можно считать работу О. Турчиновича «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен» (1857), которая занята исключительно вопросами внешней истории. Между прочим, отдельные историки-юристы касались в своих монографиях, посвященных тем или иным вопросам права, и отдельных норм Литовских статутов, определяя в них, благодаря Русской Правде, общее с нормами старого славянского права.

В 90-х годах XIX в. намечается новый момент в разработке историко-юридических знаний, касающихся Литовско-Белорусского государства. С этого времени и начал появляться ряд классических работ, написанных главным образом на основании Литовской метрики, благодаря чему и стал разрабатываться материал, к которому до того времени не прикасалась рука исследователя. Основоположником этого движения явился профессор Московского университета М. К. Любавский, выступивший с двумя замечательными работами по истории белорусского права. Вслед за ним выступил ряд ученых, не принадлежавших к Московскому университету, как, например, Н. А. Максимейко, И. А. Малиновский, И. И. Лаппо, М. В. Довнар-Запольский и др. Они продолжили работу Любавского, блестяще разработали ряд новых проблем, имеющих первостепенное значение для истории и истории права белорусского народа. Одновременно с работой исследователей в университетских центрах шла также работа и в провинции,

где были уже получены значительные результаты по изучению местной истории. Особенно значительны были научные достижения по изучению Витебщины. Польские ученые также много занимались историческими и историко-юридическими проблемами в связи с историей и историей права Белоруссии. Краков, Львов и Варшава были научными центрами по изучению исторической судьбы Великого княжества Литовского. Труд польских историков был огромным и результаты весьма значительными. В то же время и украинские ученые, которые объединились вокруг «Наукового товариства имени Шевченко» во Львове, путем разработки ряда исторических проблем расширяли наши сведения по истории и праву Великого княжества Литовского.

Правда, изучение истории и истории права белорусского народа весьма ограничено по сравнению с аналогичными явлениями прошлого Великороссии. Множество исторических и историко-юридических проблем первостепенной важности остаются неразработанными и ждут своего исследования. Почти все работы, которые касаются истории и истории права белорусского народа, относятся к эпохе до Люблинской унии. Здесь уже исследователь стоит на твердой почве. Зато исторические и историко-юридические явления после Люблинской унии едва затронуты исследователями. Можно сказать, что они почти не изучены исследователями. Для исследователя в этой области открываются широкие возможности, большие перспективы.

В связи с основанием на территории советской Белоруссии университета [2], а также восстановлением польским правительством университета в Вильно и литовским в Ковно изучение исторических и историко-правовых явлений, касающихся прошлого белорусского народа, подвинется значительно вперед.

Государственно-правовое положение, изменившееся в Белоруссии, настойчиво выдвигает в первую очередь изучение исторических и историко-юридических проблем в связи с прошлым Белоруссии. Историческая и историко-юридическая наука имеет право ждать много от новых научных центров, специально заинтересованных в развитии соответствующих знаний, относящихся к прошлому Белоруссии, хотя можно сказать, что методологические способы и точки зрения, которые будут применяться в исторических и историко-юридических исследованиях, окажутся далеко не одинаковыми в Минске и в Вильнюсе. Необходимо констатировать в настоящий момент заметное оживление польской исследовательской мысли

---

[2] Имеется в виду Белорусский государственный университет в Минске (*прим. ред.*).

в области изучения Великого княжества Литовского. В период 1914—1924 гг. польские исследователи издали ряд весьма ценных работ.

Работа исследователей по изучению прошлого Белоруссии долгое время концентрировалась на изучении отдельных моментов, получивших четкое отражение в ряде замечательных монографий. Только благодаря накоплению монографического материала появилась, наконец, возможность дать синтетический очерк исторических и историко-юридических явлений прошлого из жизни белорусского народа Первый историко-юридический очерк Великого княжества Литовского дан виленским ученым Ю. Ярошевичем (Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi od czasów najdawmejszych do końca wieku XVIII, t. I—III. Wilno, 1844—1852).

Труд Ярошевича несколько схематичен, но для своего времени является положительным во многих отношениях, несмотря на некоторую предвзятость освещения отдельных моментов прошлого Великого княжества Литовского. Замечательный во многих отношениях, исключительный для своего времени исследователь оценивал исторические и историко-юридические явления под углом польской точки зрения, из-за чего отдельные явления имели частично субъективное, несколько предвзятое освещение.

Научная история Великого княжества Литовского, понятно, долгое время не могла выйти в свет, ибо монографическое изучение прошлого Литвы и Белоруссии подвигалось очень медленно. Только благодаря появлению ряда работ, посвященных изучению отдельных специальных вопросов, появилась возможность увидеть первый научный очерк истории Великого княжества Литовского, принадлежащий М. К. Любавскому («Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно», М., 1910). Они дают ясное представление о социальном и политическом развитии Великого княжества Литовского и белорусских земель до Люблинской унии. В качестве приложения в книге даны шляхетские привилеи, изданные великими князьями литовскими с 1413 по 1565 г., а также привилеи, выданные Бельскому повету, Дорогичинской, Смоленской, Киевской, Волынской, Жмудской, Полоцкой и Витебской землям. Проф. Любавский, будучи сторонником историко-юридической школы, избрал центром своих научных интересов социальные и политические явления; без внимания оставлены им явления экономические и культурно-религиозные. Сокращенный очерк истории Литовско-Русского государства вплоть до унии 1569 г. дан В. И. Пичетой («Русская история в очерках и рассказах», под редакцией М. В. Довнар-Запольского, т. II, Киев, 1910). История Великого княжества

Литовского рассмотрена также и М. С. Грушевским (в его истории «України-Русі», т. IV—V, поскольку Украина входила в состав Великого княжества Литовского). Наконец, краковский ученый, академик Ст. Кутшеба дал обобщающий очерк под заглавием «Historia ustroju Polski w zarysie. Litwa» (изд. 2, 1921). Проф. Кутшеба довел свое изложение до 1791 г. Правда, последняя часть труда от 1569 до 1791 г. очень кратка, ибо эта эпоха ждет своего исследователя. Зато первые две части труда от давних времен до 1386 г. и от 1387 до 1569 г., несмотря на всю сжатость изложения, некоторую догматичность последнего, дают яркое и четкое представление о государственно-правовом строе Великого княжества Литовского. Автором приняты во внимание достижения всех ученых в изучении прошлого Литовско-Белорусского государства, как российских и украинских ученых, с одной стороны, так и польских — с другой. Наконец, проф. В. И. Пичета в своем сжатом очерке «История Белоруссии» (ч. 1, Минск, 1924) дал общую картину эволюции жизни белорусского народа, начиная с самых древних времен и кончая Люблинской унией. В этом труде историко-юридические явления занимают очень важное место. Автор также стремился рассматривать интересовавшие его явления сквозь призму материалистического понимания истории.

Вот общие труды по истории Литовско-Белорусского государства. Вполне естественно то, что все названные авторы направили главным образом свое внимание на факты и явления до 1569 г., потому что эта эпоха выявлена более полно в специальной монографической литературе, хотя далеко не все стороны жизни Литовско-Белорусского государства изучены с одинаковой полнотой и подробностями. Детализация же отдельных историко-юридических явлений после 1569 г. будет возможной только в будущем, после того, как эта эпоха будет монографически изучена учеными.

Монографическое изучение отдельных сторон жизни Литовско-Белорусского государства представляется сейчас в следующем состоянии. Историки и историки-юристы уделили много внимания изучению возникновения территории Великого княжества Литовского. Эта работа проводилась с большим успехом как русскими и украинскими учеными, с одной стороны, так и польскими — с другой. В этой области получены довольно значительные результаты.

Инициатива постановки этого вопроса шла из Киева, со стороны основоположника киевско-украинской исторической школы в лице проф. В. Б. Антоновича, который выступил с работой «Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти Ольгерда» (Киев, 1885). Исследователь обратил свое

внимание на образование Великого княжества Литовского и на его первую историческую судьбу. В. Б. Антоновича очень интересует проблема возникновения большого политического организма, который вначале достиг значительного роста, а затем довольно скоро исчез с исторической сцены. В. Б. Антонович объяснил эту катастрофу тем, что в Литовско-Белорусском государстве существовала племенная разновидность двух этнографических типов, внутренне не связанных, но в то же время составляющих единый политический организм. Объясняя процесс возникновения территории Великого княжества Литовского, он придает большое значение завоевательным тенденциям великих князей литовских. Вопросы, поставленные В. Б. Антоновичем, были детально разработаны в среде ближайших его учеников, которые составляли основное ядро киевской исторической школы.

Ученики Антоновича направили все свое внимание исключительно на изучение процесса возникновения Литовско-Белорусского государства и культурно-политического положения отдельных областей в момент вхождения последних в состав Великого княжества Литовского. Такое изучение сложных единиц Великого княжества Литовского имело, конечно, большое научное значение по своим положительным результатам, ибо такое монографическое изучение отдельных областей дает читателю возможность четко представить себе культурно-политическое лицо каждой области в отдельности. К такой группе трудов принадлежат: «История Полоцкой земли до конца XIV в.» В. Е. Данилевича (Киев, 1896); «История Смоленской земли до начала XV ст.» Н. В. Голубовского (Киев, 1895); «Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст.» М. В. Довнар-Запольского (Киев, 1891); «Очерк истории Турово-Пинского княжества в X—XIII вв.» М. С. Грушевского (Киев, 1901); «История Киевской земли» М. С. Грушевского (Киев, 1891); «Очерк истории Волынской земли до конца XIX в.» А. М. Андриашева (Киев, 1888), а также «Исторические судьбы Волынской земли до конца XIV ст.» П. А. Иванова (Одесса, 1895); «История Северской земли» Д. И. Багалея (Киев, 1882); «История Северской земли до половины XIX ст.» П. З. Голубовского (Киев, 1881).

После трудов Антоновича вопрос о возникновении территории Великого княжества Литовского и об общем характере этого государственного организма был снова поднят М. К. Любавским в его труде «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Статута» (Москва, 1892). Появление этой замечательной работы составило целую эпоху в изучении историко-юридической

судьбы Литовско-Белорусского государства. М. К. Любавский использовал в своей работе огромный материал, впервые извлеченный им из Литовской метрики. Содержание вышеуказанной работы М. К. Любавского исключительно богато. Она касается основных проблем исторической жизни Великого княжества Литовского, связанных как с организацией управления, так и с социальным строем Литовско-Белорусского государства. М. К. Любавский посвящает специальный отдел процессу возникновения территории Литовско-Белорусского государства и в этом вопросе отводит второстепенное значение факту завоевания, выдвигая принцип добровольного признания отдельными землями литовского суверенитета. М. К. Любавский первый обратил внимание на федеративный характер территории Литовско-Белорусского государства,— наблюдение, ставшее общепризнанным в современной историографии. Историю территориального возникновения Литовско-Белорусского государства изучал также Ф. И. Леонтович в «Очерках истории литовско-русского права» (СПб., 1894). Работа интересна своими подробностями и частностями, но она написана на основании материала, который не был критически проверен, и без удовлетворяющих ссылок на то, что многие пункты были высказаны до Леонтовича проф. М. К. Любавским. Работа Ф. И. Леонтовича была обстоятельно рассмотрена с критической стороны М. К. Любавским в рецензии «К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Литовско-Русском государстве» (ЖМНП, 1894, №8). В польской исторической литературе нет специальных трудов, которые касались бы вопроса о возникновении территории Великого княжества Литовского, но зато имеется ряд содержательных монографий, которые детально выясняют первоначальные моменты в истории Великого княжества Литовского. К ним относятся: J. Latkowski. Mendog, król Litewski. Kraków, 1892; K. Stadnicki. Synowie Gedymina. Lwów, 1881; «Olgierd i Kiejstut», Lwów, 1870; J. Wolf. Rod Gedymina. Kraków, 1886.

Кроме того, В. Каменецкий опубликовал очень ценную работу — «Geneza państwa litewskiego» («Przegląd historyczny», t. 19), с которой необходимо считаться исследователям первоначальных моментов возникновения территории Великого княжества Литовского.

Высказанная вначале В. Б. Антоновичем мысль о возникновении территории Великого княжества Литовского, благодаря трудам М. К. Любавского не встретила общенаучного признания, но указания того же автора на то, что двойственный этнографический состав Великого княжества Литовского оказывал огромное влияние на историческую судьбу Великого княжества Литовского, получило дальнейшее развитие и обос-

нование в трудах М. К. Любавского. С точкой зрения последнего автора соглашаются проф. Ст. Кутшеба и А. Левицкий (A. Lewicki. Powstanie Swidrygiełły. Kraków, 1892). Правда, в последнее время против общепринятого взгляда на взаимоотношения национальностей выступил молодой польский ученый О. Галецкий в статье «Litwa, Ruś i Żmujdź, jako części seladowe Wielkiego Księstwa Litewskiego» («Rozprawy Akademii Umajętności» Serja II, t. XXXIV, Kraków, 1916).

Эта статья является попыткой дать несколько иное объяснение взаимоотношениям собственно литовских и белорусско-украинских земель, на основе полного отрицания какой бы то ни было национально-политической противоположности между собственно литовскими и белорусско-украинскими землями, а также путем несколько иной трактовки юридического положения Жмуди в составе Великого княжества Литовского. Этим самым автор заменяет дуализм строения Литовско-Белорусского государства системой триализма (Литва, Русь, Жмудь). Вопрос, поставленный О. Галецкий, требует конечно, детального изучения.

Второй спорный вопрос о политико-юридических отношениях Польши и Великого княжества Литовского обстоятельно освещен в специальной историко-юридической литературе. Полная история литовско-польской унии, поскольку последняя оказала влияние на развитие и на расширение компетенции великого вального сейма, четко изложена в труде М. К. Любавского «Литовско-русский сейм» (М., 1901). Стремление Польши и Литвы к заключению унитарных отношений автор объясняет влиянием ряда внутренних и внешних причин, которые, в силу своего объективного действия, вынуждали оба государства стремиться друг к другу. Но унитарный вопрос, его успехи и неудачи автор объясняет экономической и политической борьбой, которая все время происходила внутри шляхетского сословия и которая особенно обострилась в первой половине XVI в. В то время как крупные магнаты выступали противниками унии, мелкие и средние шляхетские землевладельцы стали решительно на сторону унии и добились ее реализации на Люблинском сейме 1569 г. Унитарная проблема до 1569 г. была предметом научного изучения в труде М. В. Довнар-Запольского «Польско-литовская уния на сеймах до 1569 г.» («Труды Славянской комиссии при Московском археографическом обществе», т. II. М., 1898). Главное внимание автор уделил изучению унитарных проектов XV в., в особенности проекта 1499 г. Проблема эта была рассмотрена и В. И. Пичетой (статья «Литовско-Польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты» в «Сборнике статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909). Проблема унии,

обсуждавшаяся на Люблинском сейме, была предметом тщательного изучения со стороны И. И. Лаппо (Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586), СПб., 1901). И. И. Лаппо изучает проблему Люблинской унии с литовской точки зрения, отстаивавшей национальную самостоятельность Великого княжества Литовского. Люблинская уния была внимательно рассмотрена и в труде М. С. Грушевского «Історія України-Руси», т. IV. Проблема литовско-польских уний была предметом обстоятельного изучения со стороны польской исторической науки, которой приходилось касаться польско-литовских отношений в связи с изучением отдельных научных вопросов

Ранняя история литовско-польских уний была подробно рассмотрена в польской литературе. Отметим также труды: К. Шайноха, Ядвига и Ягелло, т. I и II, СПб., 1880; St. Smolka. Kiejstut i Jagełło. Kraków, 1888; F. Koneczny. Jagełło i Witold, cz. I. Lwów, 1893; A. Lewicki. Powstanie Swidrygiłły; его же. Über das Staadrechtliche Verhälfnisse Litauens Polen unter Jagello und Witold. Gdańsk, 1894; J. Kochanowski. Witold, wielki książe Litewski. Lwów, 1900; O. Halecki. Ostatnie lata Świdrygiełły a sprawa Wołyńska za Kazimierza Jagiełłończyka. Kraków, 1915.

Кроме того, в польской историографии есть ряд очень хороших работ по вопросу о литовско-польских униях. Еще в 1913 г. акад. Кутшеба, в своем докладе о методе изучения литовско-польских уний, признал чрезвычайную актуальность данного вопроса для польской историко-юридической мысли и указал на необходимость кропотливого и внимательного его изучения, тем более, что вокруг вопроса о польско-литовских землях накопилось много литературы, которая подходит к этому чрезвычайно важному вопросу слишком односторонне.

Пятисотлетний юбилей Городельской унии вызвал возникновение ряда специальных исследований по вопросу о Городельской унии, из числа которых особенное внимание обращает на себя работа львовского профессора Бальцера (Balcer. Unia Horodelska. Lwów, 1913). В связи с Городельской унией рассмотрена унитарная проблема А. Прохаска (A. Prochaska. Unia. «Kwartalnik Historyczny», 1913, zesz. 2—3). Кроме того, тому же автору принадлежит специальная работа об униях (Przyczyny krytyczne do dziejów unji. «Pozprawy Akademii Umiejętności, Serja II», t. XXXIII, Kraków, 1896).

В эпоху империалистической войны, когда перед Польшей открывались новые большие возможности и перспективы, в польской историографии появилось несколько ценных трудов

о литовско-польских униях, которые фактически являлись пересмотром всего накопленного материала как в области источниковедения, так и историографии.

Необходимо признать, что пересмотр является весьма необходимым. Это обусловливалось как наличием обширной, высокой по качеству литературы, так и важностью самой проблемы, что ставило ее в центр внимания научной исследовательской мысли. Этот пересмотр и был осуществлен польской исторической наукой.

Юбилей Городельской унии повлек за собой публикацию акад. Ст. Кутшебой специального издания под заглавием «Polska i Litwa w dziejowym stosunku» (Kraków, 1914), в котором Кутшебе принадлежит большое исследование литовско-польских уний — «Unia Litwy z Polską». Исследование Кутшебы имеет несколько иные цели и задачи по сравнению с предыдущими работами по истории унии. Совершенно верно утверждение Кутшебы, что предшествующая историко-юридическая историография с достаточной полнотой выяснила политическое значение литовско-польских уний. А поэтому началось изучение литовско-польских уний с точки зрения значения ее для культуры и государственного строя.

Это новое движение уже дало значительные результаты. Исследователи литовско-польских уний не подходили до этого времени к изучению последних с государственно-правовых точек зрения. Оставался совершенно неисследованным вопрос о юридическом характере литовско-польской унии с выяснением тех общих причин, которые способствовали закреплению унитарных связей Литвы с Польшей. Работа проф. Кутшебы, написанная с присущим автору искусством, является ценным вкладом в литературу по изучению литовско-польских унитарных отношений. Через пять лет проф. О. Галецкий издал специальное исследование, посвященное вопросу литовско-польских отношений. В своем труде «Dzieje Unii Ĺagiełłońskiej» (I, II, Kraków, 1919—1920) О. Галецкий дает доскональное исследование литовско-польских уний. Предшествующая историография в значительной мере облегчила работу автора. Посвящая литовско-польской унии специальное исследование, О. Галецкий привлек весь бывший в его распоряжении материал первоисточников, и если в труде автора нет таких взглядов, которые бы в той или иной мере не высказывались в специальной историко-юридической литературе как русско-украинской, так и польской, то он все же дает полную специальную историю литовско-польских уний. О. Галецкий сосредоточил свое внимание на двух вопросах: 1) фактической истории литовско-польских отношений и переговоров в связи с унией, а также 2) выяснению тех условий, которые оказывали влияние

на литовско-польские отношения. Эти условия носили двоякий характер. С одной стороны, общие географические и историко-политические условия толкали оба государства на заключение унитарных соглашений. Эти условия были настолько действенны, что, несмотря на значительное влияние центробежных стремлений, они все время поддерживали тягу Литвы и Польши к унии. Говоря о центробежных стремлениях, автор подчеркивает ту роль, которую сыграл объединенный Ливонско-Тевтонский орден в литовско-польских отношениях. Политика немецкого ордена все время основывалась на стремлении обособить Литву от Польши и поддержать в первой центробежные стремления.

В дальнейшем необходимость защищать границы как от татарских нашествий, так и от натиска Москвы была мощным фактором, который способствовал поддержке литовско-польских унитарных отношений и постановке этой имевшей первостепенное значение проблемы в несколько иной форме сравнительно с характером и сущностью предшествующих литовско-польских унитарных соглашений. Наконец, Я. Якубовский в своей интересной статье «Z zagadnień unji polsko-litewskiej» («Przegląd Historyczny», t. 22, Варшава, 1919—1921) рассматривает отдельные вопросы в связи с унитарными литовско-польскими отношениями, выдвинутыми проф. Кутшебой в его монографии об унии Литвы и Польши и Галецким в его статьях в «Przeglądzie Hictorycznym», которые впоследствии вошли в его исследования об униях.

В русской и украинской, а также частично и в польской историографии общепризнанным фактом является двойственность национального состава Великого княжества Литовского. Все русско-украинские историки признавали численное и культурное преобладание украинской и белорусской народности. На этом факте превосходства и строилась сложная картина национальной и политической борьбы, а также и национально-политических отношений в Литовско-Белорусском государстве. Эта точка зрения нашла свое отражение в трудах Н. Дашкевича «Борьба культур и народностей в Литовско-Русском государстве в период династической унии Литвы с Польшей» («Киевские университетские известия», 1884, т. X и XII) и А. Г. Вольдемара «Национальная борьба в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв.» («Известия русского языка и словесности Академии наук», 1909, т. XIV, кн. 3). Однако эта точка зрения вызывала возражение со стороны Я. Якубовского в работе «Studya nad stosunkami narodowościowemi na Litwie przed Unią Lubelska» (Warszawa, 1912), очень интересной по своему содержанию и наблюдениям, но весьма спорной по своим выводам. Я. Якубовский выступает

против господствующего мнения о преобладании «русской» нации в составе Великого княжества Литовского. Совершенно новую трактовку национально-политических отношений, не признававшую национальных противоречий внутри Великого княжества Литовского, дает О. Галецкий в своем труде «Litwa, Ruś i Żmujdż jako części składowe Wiellkiego Księstwa Litemskiego» («Rozprawy...», t. XXXIV, 1916).

Труд О. Галецкого будет, конечно, предметом самого внимательного изучения со стороны всех исследователей, занимающихся изучением историко-юридического прошлого Белоруссии. Если наблюдения автора будут признаны правильными, то придется отказаться от общепринятого взгляда на характер внутренних национальных отношений в Великом княжестве Литовском, которое придется освещать с совершенно новых точек зрения. Труды О. Галецкого, естественно, должны вызвать ревизию ряда вопросов, казалось бы уже довольно полно и отчетливо освещенных в историко-юридической литературе. Национальный состав Великого княжества Литовского отличался определенной пестротой.

Особое юридическое положение занимали в Великом княжестве Литовском евреи и татары. Историческая судьба евреев и их юридическое положение рассмотрены С. А. Бершадским в его работе «Литовские евреи» (СПб., 1883). Юридическо-экономического положения татар касался вначале А. Мухлинский в своей работе «Исследование о литовских татарах» (СПб., 1857), а затем И. И. Лаппо в работе «Великое княжество Литовское».

Историко-юридическая наука со все возрастающим вниманием изучала организацию государственного строя Великого княжества Литовского. Эта организация за период до Люблинской унии включительно показана в историографии далеко не полно. До этого времени не было отдельной монографии, посвященной истории великокняжеской власти. Историки и юристы в своих монографиях всегда касались вопроса о юридическом положении великокняжеской власти. Есть ряд ценных наблюдений и замечаний, которые до сего времени не приведены в систему и не обобщены. Так, для характеристики междукняжеских отношений в XIV в. необходимо обратиться к двум небольшим, но очень ценным монографиям М. К. Любавского: «К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Литовско-Русском государстве» (ЖМНП, 1894, кн. 8) и «О распределении владений и об отношениях между великими и другими князьями Гедиминова рода в XIV—XV веках» («Московское историческое общество», т. I, 1896).

Кроме того, тот же вопрос рассматривался Ф. И. Леонтовичем в «Очерках по истории литовско-русского права» (СПб.,

1894), а также в вышеназванных трудах К. Стадницкого и Ю. Вольфа — «Rod Gedymina» (1886), «Kniaziowe Litewsko-Ruscy» (Warszawa, 1895). История великокняжеской власти при Витовте отражена в ряде монографий, написанных как русско-украинскими, так и польскими исследователями. Время Витовта достаточно полно исследовано в очень хороших монографиях А. Барбашева «Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы» (СПб., 1885) и «Витовт, последние 20 лет княжения (1410—1430)» (СПб., 1891) В украинской историографии та же эпоха детально исследована М. С. Грушевским в его «Історії України-Руси», т. IV (Киев — Львов, 1907). В польской историографии эпохе Витовта посвящены труды: J. Kochanowski. Witold, wielki książe Litewski. Lwów, 1900; A. Prochaska. Szkice historyczne w XV wieku. Kraków, 1884.

История великокняжеской власти после Витовта рассмотрена в труде Галецкого «Ostatni lata Świdrygiełły» (Kraków, 1915). Сигизмунду Кейстутовичу специально посвящена отдельная монография, написанная Борвиньским,— «Zygmunt Kiejst» (Zólkiew, 1915).

Великокняжеской власти при Казимире Ягеллончике посвящены два труда: A. Lewicki. Wstąpienie na tron Kazimierza Jagiełłonczyka. Kraków, 1896; Papes. Polska i Litwa na przełemie wieków srednich, t. I. Kraków, 1903.

История великокняжеской власти при Сигизмунде I и Сигизмунде II показана в труде Финкеля «Elekcyja Zygmunta I» (Kraków, 1909) и С. Колонковского «Zygmunt-Awgust wielki księżie Litwy do roku 1548» (Lwów, 1913).

Общая эволюция великокняжеской власти в Литве с 1386 по 1569 г. дана М. К. Любавским в его «Литовско-Русском сейме» (М., 1900).

Автор касается истории великокняжеской власти постольку, поскольку последняя была связана с историей литовско-белорусского великого вального сейма. Истории великокняжеской власти касается М. Чубатный в своей работе «Державно-правне становище українських земель Литовськои держави під кінец XVI в.» («Зап. Наук. тов. імені Шевченко», стр. 134—135). Вообще монографическое изучение истории великокняжеской власти до Люблинской унии составляет очередную задачу историко-юридической науки.

Второй составной элемент государственной власти в Литовско-Белорусском государстве, так называемый великий вальный сейм, содержательно показан в историко-юридической литературе. М. К. Любавский напечатал в 1901 г. известную работу «Литовско-русский сейм», где на фоне внешних и внутренних отношений, в которых протекала государственно-правовая жизнь Великого княжества Литовского, дает полную историю

великого вального сейма с момента возникновения и до Люблинской унии включительно.

В своей работе М. К. Любавский затрагивает ряд вопросов, которые оказывали огромное влияние на развитие великого вального сейма, в частности, им изучена история литовско-польских отношений.

Вместе с тем на общем фоне развития великого вального сейма им дана история великокняжеской власти, история великокняжеской рады, история возникновения шляхетского сословия, а также идеология последнего. Основанная на огромном архивном материале, работа М. К. Любавского составила эпоху в развитии историко-юридических знаний, раскрывающих прошлое Литовско-Белорусского государства. В следующем году вышла работа харьковского профессора Н. А. Максимейко — «Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г.» (Харьков, 1902). Автор, юрист по специальности, изучал те же материалы, что и М. К. Любавский. Поэтому даже в приложенных к исследованию материалах из Литовской метрики имеются те же документы, что и напечатанные М. К. Любавским. Это объясняется тем, что эти документы были опубликованы Н. А. Максимейко задолго до выхода в свет труда М. К. Любавского. В значительной своей части работа Н. А. Максимейко представляет собой критический разбор исследования Любавского. По своему построению и содержанию исследования Н. А. Максимейко совершенно отличаются от работы М. К. Любавского. Во-первых, все внимание исследователя направлено на изучение сейма как такового. Остальные проблемы, тесно связанные с историей великого вального сейма, оставались вне внимания Н. А. Максимейко. Исследователем не затронута вся история внутренних отношений, влиявших на развитие великого вального сейма. По мнению автора, великий вальный сейм возник в связи с внешним положением Великого княжества Литовского и отношением центральных областей к белорусско-украинским землям.

Проф. М. В. Довнар-Запольский, издавший небольшую, но очень ценную историко-юридическую работу «Спорные вопросы по истории литовско-русского сейма» (ЖМНП, 1901, № 10), выступил с критикой отдельных положений М. К. Любавского. Взгляды, высказанные М. В. Довнар-Запольским и Н. А. Максимейко, разбирались Любавским в статье «Новые труды по истории литовско-русского сейма» (ЖМНП, 1903, № 2-3). Работа М. К. Любавского была также критически разобрана И. И. Лаппо, дававшим отзыв по поручению Академии наук и Общества истории и древностей, куда М. К. Любавский подал свою работу на соискание премии. Правда, рецензия не содержит в себе никаких новых взглядов («Чтение Общества истории

и древностей российских», 1903, кн. 3). Наконец, среди русских исследователей вопрос о вальных сеймах затрагивал Ф. И. Леонтович в статье «Веча, сеймы и сеймики в Великом княжестве Литовском» (ЖМНП, 1910, № 2-3). Эта работа представляет собой систематическое изложение отдельных фактов, весьма расплывчатое с методологической стороны, и ничего нового не дает.

История господарской рады, одной из составных частей великого вального сейма, была изложена в основных чертах М. К. Любавским в «Литовско-русском сейме». Отдельные замечания по истории рады были сделаны М. В. Довнар-Запольским в вышеназванном критическом разборе труда Любавского. Специальные исследования по истории рады Великого княжества были даны И. А. Малиновским («Рада Великого княжества Литовского в связи с боярской думой древней России», ч. I и II. Томск, 1903—1912). Хотя эти исследования не вносят никаких новых принципиальных выводов, как это наблюдалось у М. К. Любавского, но в то же время содержат в себе много подробностей первостепенного значения, которые касаются государственной деятельности рады и освещают важные стороны жизни Великого княжества Литовского. Ф. И. Леонтович также откликнулся на выдвинутую наукой проблему в статье «Рада великих князей литовских» (ЖМНП, 1907, № 9—10). Эта статья ценна только как справочник, но нового ничего не вносит. Несколько позже М. К. Любавский в статье «К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском» (Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому, М., 1909) касается вопроса о вхождении православных вельмож в великокняжескую раду. Автор отмечает, что на практике статья Городельского привилея фактически не осуществлялась. Последняя проблема также была изучена двумя польскими авторами — Каменецким в статье «Ograniczenia wyznaniowe w prawodawstwie litewskim w XV—XVI w.» («Przegląd Historyczny», t. XIII, 1911) и Ходыницким в статье «Geneza równoprawienia schyzmatyków w W. Ks. Litewskim» («Przegląd Historyczny», 1919—1921), которые наново пересмотрели этот вопрос.

Особенно интересна работа второго польского историка, указавшего на толерантность религиозной политики правительства Великого княжества Литовского.

Организация и система центрального управления довольно полно показаны в вышеназванных трудах М. К. Любавского, И. А. Малиновского, М. В. Довнар-Запольского, Н. А. Максимейко и Ф. И. Леонтовича в статье «Литовские господари и центральные органы управления до и после Люблинской унии» («Юридические записки», Ярославль, т. I, 1908). Эта работа

также не вносит ничего принципиально нового и интересна только некоторыми своими деталями. Организация территориального деления и местного управления в эпоху до 1529 г. исследована М. К. Любавским в труде «Областное деление и местное управление Литовского-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута» (М., 1892). Работа М. К. Любавского чрезвычайно богата по своему содержанию, которое далеко выходит за пределы заглавия. Она затрагивает вопросы, связанные с организацией управления и социального построения Литовско-Белорусского государства, и дает ответ на ряд первостепенной важности вопросов, большинство которых было им поставлено впервые, а остальные были пересмотрены, ибо автор, имея исключительно богатый архивный материал, мог на основании имеющихся в его распоряжении данных прийти к совершенно иным результатам и тем самым признать необоснованность многих ранее высказанных взглядов. Существенным дополнением к исследованию М. К. Любавского является исследование М. В. Довнар-Запольского «Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в.» (Киев, 1905), в котором автор специально изучил организацию крестьянского самоуправления в восточных областях Литовско-Белорусского государства. Характеристика деятельности провинциальной администрации как органов хозяйственно-денежного управления в господарских доменах, исключительно богато дана М. В. Довнар-Запольским в его классическом труде «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах» (т. 1, Киев, 1901).

Много отдельных сведений по организации управления разбросано в бессистемной работе Ф. И. Леонтовича «Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве» (ЖМНП, 1896, № 2—4, 7, 10, 12 и 1897, 4, 5). Автор оказался бессильным справиться с тем огромным материалом, который находился в его распоряжении. Наконец, им также было написано специальное исследование «Областное управление в Великом княжестве Литовском до и после Люблинской унии» («Юридические записки», 1908, т. II; 1903, т. III).

Автор опирается на труды Любавского и стремится внести некоторые коррективы в теорию Любавского. Вообще же первая часть работы не вносит ничего нового, а интересна только данными, касающимися эпохи после Люблинской унии, совершенно не разработанными в историографии. Исключительно ценным для изучения местного управления является исследование М. В. Довнар-Запольского «Украинские староства в первой половине XVI века» (Киев, 1908). Используя местные актовые материалы, М. В. Довнар-Запольский вносит ряд ценных дополнений к истории местного управления и некоторые поправки

в определение компетенции киевского воеводы, которые несколько меняли взгляд М. К. Любавского на этот вопрос.

Реформа местного управления в 60-х годах XVI в. была частично затронута М. К. Любавским в его «Литовско-русском сейме». Автор коснулся этой реформы постольку, поскольку было необходимо для изложения последней стадии эволюции великого вального сейма. Эта же проблема была специально разработана И. И. Лаппо в труде «Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия; Литовско-Русский повет и его сеймик» (Юрьев, 1911), а также в ряде очень ценных статей, касающихся реформы судопроизводства, а именно: «Земский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии» (ЖМНП, 1897, № 6), «Гродский суд в Великом княжестве Литовском в XVI столетии» (ЖМНП, 1908, № 1) и «Подкоморский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI и начале XVII века» (ЖМНП, 1899, № 8). Состояние местного управления и территориальное деление после 1569 г. исследованы И. И. Лаппо в работе «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586)» (СПб., 1901), в которой также дана организация центральных учреждений и должностей по провинциальному управлению. Общий отзыв об этой работе был дан М. К. Любавским (ЖМНП, 1911, № 12).

Общественные отношения в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии не одинаково исследованы в историко-юридической литературе. Можно сказать, что эти вопросы, освещенные в основных чертах, ждут своего специального обобщающего исследования. Общая картина возникновения и создания шляхетского сословия и частично характеристика юридического положения последнего имеется в «Литовско-русском сейме» М. К. Любавского. Вопросы, связанные с развитием и видами шляхетского землевладения, широко рассмотрены М. В. Довнар-Запольским в его «Государственном хозяйстве Великого княжества Литовского при Ягеллонах», М. В. Владимирским-Будановым в статье «Поместье» (Киев, 1889). Тех же вопросов касался М. К. Любавский в своем «Областном делении и местном управлении...». Ф. И. Леонтович в своей статье «Бояре и служилые люди в Литовско-Русском государстве» («Журнал Министерства юстиции», 1907, № 5) касается вопроса зарождения «служилого класса». Эта статья заполнена, как всегда, огромным материалом, но удивительно бестолкова в смысле метода. Юридическому положению литовско-русской шляхты посвящено специальное исследование Ф. И. Леонтовича — «Правоспособность литовско-русской шляхты» (ЖМНП, 1908, кн. 3, 5, 6 и 7 и 1909, кн. 2 и 3). История развития шляхетского сословия и его юридическое положение подробно рассмот-

рены И. И. Лаппо в его труде «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория» (СПб., 1901). Роль и значение шляхетского сословия в поветовом управлении также исследованы И. И. Лаппо в его труде «Литовско-Русский повет и его сеймик». Тот же вопрос полно изложен и в польской историко-юридической литературе. Так, И. Барановский, касаясь весьма важной проблемы феодализма в Великом княжестве Литовском, общая характеристика которого была дана М. К. Любавским в статье «Феодализм» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 35), посвятил этому вопросу ценные исследования — «Z dziejów feudalizmu na Podlasiu» («Przegląd Historyczny», 1907, t. IV).

Тех же вопросов касается Барановский и в своих трудах «Podlasie w przedniu unji Lubelskiej» («Przegląd Historyczny», 1908, t. VIII) и «Sprawa szlachty poddanczej w starostwie Tykocińskiem» («Przegląd Historyczny», 1911, t. III).

Проблема правового положения шляхетского сословия рассматривается и проф. Станиславом Кутшебой в его труде «Unia Polski z Litwą («Polska i Litwa w dziejoym stosunku»).

Взаимоотношения польской шляхты и литовско-русского боярства, в силу унитарного соглашения 1413 г., рассмотрены В. Семковичем в его исследовании «Braterstwo szlachty polskej z bojarstwem litewskim w unii Horodelskej 1413 r.» («Polska i Litwa w dziejowym stosunku»). Те же вопросы геральдики были затронуты Пекосиньским в исследовании «O źródłach heraldyki ruskiej» («Pozprawy Akademii Umiejętności», 1899, t. 87, и Яблонским в статье «W sprawie sredniewecznej heraldyki litowsko ruskiej» («Kwartalnik Historyczny», 1898, t. 12).

Менее детально показаны в историко-юридической литературе город и городское сословие. Юридическое и экономическое положение городов, которые не имели магдебургского права, освещено в трудах В. Б. Антоновича «Исследования о городах Юго-Западной России по актам 1432—1798» (Киев, 1870), М. К. Любавского «Областное деление и местное управление» и М. В. Довнар-Запольского «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского», а также в недавно вышедшей монографии А. С. Грушевского «Города Великого княжества Литовского» (Киев, 1918). В этой работе дана обобщающая характеристика городов, не имеющих магдебургского права, для чего автором использованы все напечатанные документы, разбросанные в разных изданиях. Работа В. Б. Антоновича в известной степени уже устарела. К тому же изменения в жизни и строе литовско-белорусского города освещены авторами весьма односторонне. Относительно городов с магдебургским правом имеется некоторая историко-юридическая литература, небольшая по количеству, но весьма ценная по содержанию.

Эта проблема является наименее разработанной в историко-юридической литературе. М. В. Владимирский-Буданов был первым исследователем истории магдебургского права в Великом княжестве Литовском. Его наиболее ценная работа «Немецкое право в Польше и Литве» (СПб., 1868) является попыткой изучить действие магдебургского права, как оно проявлялось в деятельности городского самоуправления. Исследователь не ограничивается только изучением вопроса в динамическом и статическом отношениях; ему также приходится касаться вопроса культурных отношений между Польшей и Литвой — проблемы первостепенной важности, требующей объективного отношения со стороны исследователей. В настоящий момент невозможно согласиться со многими наблюдениями покойного киевского историка-юриста. Его рассуждения о возникновении магдебургского права в Литве и влиянии последнего на историю общественных порядков и отношений необходимо признать устаревшими и требующими пересмотра. Другим исследователем был Ф. В. Тарановский, автор очень ценного исследования «Обзор памятников магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи» (Варшава, 1897), которое является необходимым справочным пособием для изучения магдебургского права как в его динамике, так и в статике. Исследователями для дальнейшего изучения определена следующая первостепенной важности проблема: чем же в действительности являлось магдебургское право в городах Литвы? В каких взаимоотношениях были местное и обычное право, с одной стороны, и чужое немецкое право? Новые, исключительно ценные данные о магдебургском праве сообщает М. В. Довнар-Запольский в своем «Государственном хозяйстве». В работе В. И. Пичеты «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (ч. I и II, М., 1917, 1918) затронут вопрос об экономических и юридических изменениях в жизни городов в связи с аграрной реформой Сигизмунда-Августа. Наконец, Е. Клименко подошел к изучению белорусских цехов в исследовании «Западнорусские цехи» (Киев, 1913). Автор изучает последние в сравнительно-историческом освещении. Автор выдвинул в качестве предмета для монографического изучения вопрос огромной научной важности и значения. Магдебургское право в Белоруссии оставалось до этого времени вне сферы внимания польских историков и юристов, если не считать небольшого исследования Г. Ловмяньского «Wchody miast litewskich» («Ateneum wilenskich», 1923, № 3-4). Зато в немецкой исторической литературе тот же вопрос был поднят Гальбаном в труде «Zur Geschichte des deutsches Rechts Podolien, Wolhynien und der Ukraina» (Berlin, 1896). Автор убедительно доказывает, что введение магдебургского права не уничтожило действия

местного обычного права. Возникает взаимодействие старого обычного права и нового писаного магдебургского права. На почве взаимодействия старого и нового права судебной практикой было создано специфическое городское право, еще мало исследованное. Понятно, эта проблема является вопросом огромного научного значения и важности. В качестве темы для изучения она поставлена Украинской Академией наук и разрабатывается Юридической комиссией при этой Академии. В результате изучения городского права появились статьи в «Працах комісії для виучування історіі західно-руського та вкраїнського права» (вып. 1., Киев, 1925), которые являются, очевидно, началом значительных работ в этой области.

Историко-юридическое положение крестьянского населения в Великом княжестве Литовском изучено в историко-юридической литературе более обстоятельно по сравнению с городами, хотя о полной разработке вышеназванного вопроса не может быть и речи. Материала накопилось много, но он требует пересмотра, особенно вопрос о зарождении крепостного права. Первую научную работу по истории белорусско-украинского крестьянства написал Ф. И. Леонтович. Его исследование «Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV—XVI вв.» (Киев, 1863) позволяет ясно представить себе юридическое положение крестьянского населения главным образом на основании законодательства трех литовских статутов. Автор затронул также очень интересный вопрос о том, какое влияние оказала на судьбу «господарского» крестьянства волочная помера. В труде И. П. Новицкого «Очерк истории крестьянского сословия Юго-Западной России в XV—XVIII вв.» («Архив Юго-Западной России», ч. VI, т. I, Киев, 1876) дает картина экономического быта крестьянства, для своего времени достаточно удачная. Статическое положение крестьянства в «господарских» дворах дается в труде М. К. Любавского «Областное деление...» (1892), в которой он затрагивает и проблемы возникновения крепостного права. Если можно согласиться с М. К. Любавским в том, что крепостное положение не есть видоизмененное рабское положение, то ни в коем случае нельзя присоединяться к его взгляду на возникновение крепостного права. Ф. И. Леонтович в очень ценной статье «Панский двор в Литовско-Русском государстве» («Варшавские университетские известия», 1895, кн. V) дал выразительную картину взаимоотношений крестьян и панов. Тот же Леонтович издал ценное по материалу, но бессистемное по методу исследование «Крестьянский двор в Литовско-Русском государстве» (ЖМНП, 1896, № 1, 2, 4, 7, 10 и 12; 1897, № 4 и 5). Возникновение среди крестьянского населения высших ступеней, так называемого военного боярства, затронуто Ф. И. Леонтовичем в исследовании «Бояре

и служилые люди в Литовско-Русском государстве» (ЖМНП, 1907, № 5 и 6).

Положение сельских ремесленников и промышленников, кроме работы М. К. Любавского «Областное деление...», нашло отражение в специальных статьях Ф. И. Леонтовича («Варшавские университетские известия», 1898, кн. II и III и 1897, кн. IV, V и VII). Положение крестьян в восточных областях Белоруссии ярко показано в труде М. В. Довнар-Запольского «Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке» (Киев, 1905), а также в исследовании М. С. Грушевского «Пинское Полесье XIV—XVI века» (Киев, 1903). Кроме того, в труде М. К. Любавского «Областное деление...» также затронут вопрос об экономическом и юридическом положении сельского населения в восточных областях. А. Я. Ефименко в статье «Литовско-русские данники и их дани» (ЖМНП, 1903, № 1) дала специальное исследование о положении данников в восточных областях. Этому автору принадлежит статья «Дворищное землевладение в Южной Руси» («Русская мысль», 1892, кн. IV и V), в которой рассматривается вопрос о крестьянском землевладении в восточных областях.

Изменения, происшедшие в положении сельского населения в связи с аграрной реформой Сигизмунда-Августа, изучались М. В. Довнар-Запольским в только что названной работе и в работе В. И. Пичеты «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (ч. I и II, М., 1917—1918). Имеется ряд ценных замечаний в академическом отзыве М. К. Любавского на вышеуказанные исследования М. В. Довнар-Запольского. В польской историографии имеется очень ценная монография В. Каменецкого «Rozwój własności w dobie przed litewskim statutem» (Kraków, 1914), в которой автор касается ряда вопросов в связи с экономическим положением крестьян. Правда, эти вопросы уже были исследованы украинскими и русскими историками, но автор, поставив перед собой определенную задачу, пошел несколько иным путем. Кроме того, работа В. И. Пичеты «Аграрная реформа» была подвергнута критике профессором Виленского университета И. Ходыницким, который в статье в «Ateneum Wileńskie» № 2 высказал ряд ценных суждений по затронутому В. И. Пичетой вопросу.

Взаимоотношения церкви и государства в Великом княжестве Литовском — сравнительно мало изученная проблема. Заслуживает особого внимания со стороны исследователя вопрос о положении православия в Великом княжестве Литовском до привилея 1563 г.,— вопрос, которым неоднократно интересовались представители как русско-украинской историографии, так и польской историко-юридической науки. Общая картина юридического положения православной церкви в Великом княжестве

Литовском дана В. Н. Бедновым в работе «Православная церков в Польше и Литве по Volumina legum» (Екатеринославль, 1902). Монография В. А. Беднова дает яркую картину положения православной церкви на основании действующего права, и в этом смысле она заслуживает полного внимания, хотя в методологическом отношении встречает ряд возражений, ибо догматико-юридический метод, применяемый автором, необходимо признать слишком односторонним. К вопросу о состоянии православия в Великом княжестве Литовском неоднократно возвращались русские и польские ученые. Этой проблемы касался М. К. Любавский в своем «Литовско-русском сейме» и в специальном очерке «К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии» («Сборник статей в честь Ключевского», М., 1912). Автор считает, что фактическое положение православных расходилось с теми юридическими нормами, которые определяли положение православной церкви в Великом княжестве Литовском. Среди польских исследователей та же проблема была предметом тщательного изучения Черняка в труде «Sprawa równoprawnienia schyzmatyków i katolików na Litwia (1432—1563)» («Pozprawy Akademii Umiejętności», 1903).

Этих же вопросов касаются В. Каменецкий, С. Кутшеба; И. Ходыницкий и О. Галецкий в вышеназванных трудах. Новейшая польская историко-юридическая наука склоняется к выводам М. К. Любавского.

Историко-юридическая историография, изучавшая государственно-правовые институты, учрежденные в Великом княжестве Литовском, числом невелика, но по качеству очень высока. Историко-юридическими проблемами занимались с большой пользой исследователи как краковские, варшавские, львовские, виленские, киевские, харьковские, так и московские и петербургские. Правда, исследователи часто расходятся в своих выводах, но недостаточное фактическое подтверждение исследователями своих положений дает основание для пересмотра казалось бы уже достаточно изученного вопроса.

Скудость историко-юридической литературы по вопросам литовско-белорусского права настойчиво выдвигает мысль о том, что необходимо привлечь к исследовательской работе как можно большее количество научных работников. Если государственно-правовые институты, действовавшие в Великом княжестве Литовском, были в той или иной мере предметом очень тщательного и полезного исследования, то историко-юридическая литература по изучению фундаментальных источников очень скудна. Можно сказать, что в этой отрасли исследование только начинается. Так, до этого времени нет полного списка книг

Литовской метрики, которые хранились в Москве в бывшем Архиве Министерства юстиции. Научное описание первых книг Записей, составленное бывшими метрикантами С. К. Шамбинаго и Н. Г. Бережковым, остановилось на первом томе, а между тем такое описание крайне необходимо для исследователя литовско-белорусского права. Кроме того, Литовская метрика ни полностью, ни частично не была исследована с научной стороны. Важность такой проблемы совершенно очевидна. Такого первостепенного значения источники для истории Литовско-Белорусского государства, как литовско-белорусские летописи, также лишь в последнее время обратили на себя внимание исследователей. Литовско-белорусскими летописями, изданными Петербургской археографической комиссией под заглавием «Западнорусские летописи» (ПСРЛ, т. XVII), начали впервые заниматься украинские историки, вслед за которыми пошли польские и русские ученые. Начало этому изучению было положено украинским исследователем И. Шараневичем его исследованием на польском языке «O latopisach i kronikach ruskich w XV i XVI wieku, a zwlaszcza o latopisie Wielkiego księstwa Litewskiego i Żomoitskoho» («Rozprawy i sprawy Akademii Usńajętności», t. XV, Kraków, 1882).

Затем выступил польский ученый Ст. Смолька с очень ценным историко-юридическим исследованием: «Najdawniejsze pomniki dziejów pisarstwa rusko-litewskiego» («Pomiętniki, Ak. Um.», t. VIII, Kraków, 1890), а также А. Прохаска «Latopis litewski» (Lwów, 1890). М. С. Грушевский критически подошел к изучению литовско-белорусских летописей в статьях «Похвала князю Витовту», «Килька уваг про склад найдавнейшоі Руськo-Литовськоі Літопісі» (Зап. Наук. тов. імені Шевченко», 1895, кн. IV). Из русских ученых литовскими летописями занимался И. А. Тихомиров. Труд последнего по изучению литовско-белорусских летописей нашел конкретное выражение в критической статье «Два польских труда о западнорусских летописях» (ЖМНП, 1891, № 2) и еще в новой рецензии на работу А. Прохаски (ЖМНП, 1893, № 5). Затем тот же автор выступил с самостоятельным исследованием о составе западнорусских так называемых «Литовских летописей» (ЖМНП, 1901, кн. 3, 5). Потом П. С. Иконников дал обобщение своей историографической исследовательской работе о литовско-белорусских летописях «Опыт русской историографии» (т. II, кн. 2). Наконец, акад. Д. М. Багалей в своем исследовании «Нарис Української історіографії» (т. I, Літопис, вып. I, Киев, 1923) посвятил очень ценный раздел литовским летописям. Немного раньше проф. Т. Сущицкий издал работу, которая осталась, к сожалению, незаконченной из-за смерти автора,— «Західно-Руські літописи, як памятки літератури» (ч. 1, 1921). Работа имеет большое науч-

ное значение. Этими работами фактически исчерпывается изучение литовских летописей, и дальнейшие исследования составляют ближайшую задачу всех, кто интересуется историческим прошлым Великого княжества Литовского.

Другой основной источник по истории литовско-белорусского права — все виды привилеев — также едва затронут научным исследованием. Правда, все исследователи историко-юридического прошлого Великого княжества Литовского касались содержания этих привилеев, но специальному изучению, специальному историко-юридическому анализу, за небольшим исключением, они не подвергались. Наибольшее внимание источниковедами было уделено так называемым земским привилеям. М. Н. Ясинский издал очень ценное исследование «Уставные грамоты Литовско-Русского государства» (Киев, 1889), в котором вначале дает историю возникновения земских привилеев, а затем изучает сам текст с исторической точки зрения, с точки зрения содержащихся в них юридических норм. Возникновения состава земских привилеев касается Ф. И. Леонтович в статье «Источники литовско-русского права» («Варшавские университетские известия», 1894, т. I). Особенно ценным является исследование И. Якубовского «Земские привилеи Великого княжества Литовского» (ЖМНП, 1903, кн. 4, 5), в котором имеется много ценных суждений о времени возникновения первых областных привилеев. Специальных исследований о шляхетских привилеях нет. Совершенно без рассмотрения была оставлена проблема взаимоотношений польских и литовско-белорусских привилеев. Самое тщательное изучение вопроса о возникновении и составе шляхетских привилеев — очередная задача литовско-белорусского источниковедения.

Начало этому положил польский исследователь О. Галецкий, который в своем труде «Litwa...», о котором было уже выше упомянуто, считает, что привилей от 6 мая 1434 г. был первым общеземским привилеем. Эта мысль явно противоречит общепринятому взгляду в научной литературе, согласно которому первым общеземским привилеем был привилей 2 мая 1447 г. Остальные привилеи не были предметом специального изучения.

Больше повезло еврейским привилеям, тщательно исследованным в труде С. А. Бершадского «Литовские евреи» (СПб., 1883). Еще раньше этот вопрос затронул Ф. И. Леонтович в своем труде «Историческое исследование о правах литовско-русских евреев» («Киевские университетские извести», 1864, № 3-4).

Литовско-белорусское законодательство также сравнительно мало изучено, несмотря на значительное количество работ, посвященных статутам.

Так, остается неразрешенной проблема источников статутного законодательства, хотя последняя стала уже давно актуальной и к ней с разных сторон подходили исследователи. Начало специальному исследованию литовско-белорусского права было положено польскими учеными. Так, виленский исследователь проф. И. Данилович, впоследствии профессор Харьковского университета, издал очень интересную работу «Opisanie bibliograficzne dotąd znanych egzemplarzy Statutu litewskiego, rękopiśmienych i edycyi drukowanych ak. w ruskim originalnym, jako też polskim i łacińskim języku» («Dziennik Wileński», t. 1, 2, Wilno, 1823).

Изучение литовско-белорусского права было начато в Киеве Чернецким, посвятившим этому вопросу большую работу, очень пеструю по содержанию, но довольно примитивную по методу и в настоящий момент представляющую собой исключительно библиографический интерес («Киевские университетские известия», 1866—1867). Затем статутным законодательством занималась группа учеников проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. Так, И. А. Малиновский выступил с ценной работой «Учение о преступлении по Литовскому статуту» (Киев, 1894). Автор использует Статут всех трех редакций. Н. А. Максимейко издал труд «Источник уголовных законов Литовского Статута» (Киев, 1895) и В. А. Демченко — «Наказание по Литовскому статуту» (Киев, 1897). Исследователям Статута была очевидна зависимость последнего от законодательства Русской Правды. Уже Леонтович выдвинул этот вопрос на первый план в исследовании «Русская Правда и Литовский статут» (Киев, 1865). Аналогичного вопроса касается и Н. А. Максимейко в статье того же названия («Сборник статей в честь проф. М. Ф. Владимирского-Буданова», Киев, 1911). М. К. Любавский в своем труде «Литовско-русский сейм» привел ряд ценных данных относительно вопроса о возникновении и составлении первого и второго Статутов. Несмотря на эти труды, необходимо признать, что по существу вся эта система законодательства Статутов еще совершенно не изучена, если не считать изучения М. Ф. Владимирским-Будановым норм закладного землевладения в исследовании о возникновении характера последнего. Виленский профессор С. Эренкрейц издал работу «Stan badań nad statutami litewskiemi» («Ateneum Wileński», 1924, № 7-8), в которой дан подробный обзор состояния вопроса об изучении статута. Наконец, последняя работа Я. Адамуса «Zastaw w prawie litewskiem XV—XVI w.» (Lwów, 1925) является ценным вкладом в изучение литовского права по вопросу о закладном землевладении.

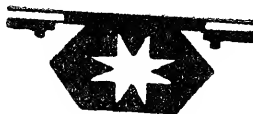
Кроме того, в последнее время вышли очень интересные работы — М. Бернштейна «Poprawa I statuta Litewskiego» (Kra-

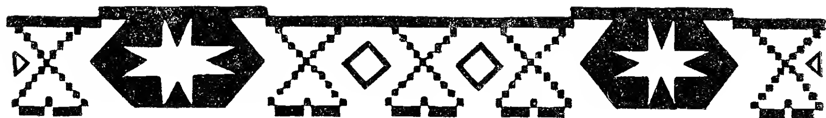
ków, 1916), С. Эренкрейца о третьем Литовском статуте «Uwagi nad rozdialem VII statutu Litewskiego trzeciego» («Rocznik prawniczy Wileński») и В. И. Пичеты «Земельное право в Статутах 1529—1566 гг.» (Труды БГУ, № 11).

Таким образом, необходимо признать, что научное изучение источников права Великого княжества Литовского только еще начинается.

Перевод с белорусского А. М. Корабельниковой и В. С. Поссе.

«Полымя», 1926, № 8; 1927, № 2.





К ИСТОРИИ ОПЕКУНСКОГО ПРАВА В ЛИТОВСКОМ СТАТУТЕ 1529 г. [1]

Институт опеки — весьма давнего происхождения. Уже ко времени составления полной редакции Русской Правды институт опеки получил довольно четкое оформление, совершенно понятное в тех экономических условиях, которые нашли отражение в Русской Правде и оказали свое влияние на развитие и правовое оформление тех или иных юридических институтов.

Институт опеки не мог зародиться в период примитивных экономических отношений. Его возникновение и развитие есть продукт и показатель более сложной хозяйственной организации. Зарождение и развитие института опеки следует рассматривать в связи с утверждением права собственности на движимое и недвижимое имущество, с развитием сельского хозяйства и частного землевладения, в связи с потребностью оберегать имущество, когда прекращается естественная отцовская власть и остаются малолетние члены семьи, нуждающиеся в защите и воспитании до своего совершеннолетия [2].

Смерть отца формально не вносит никаких изменений в семейный уклад. Место отца занимает мать. За нею, как справедливо замечает В. И. Сергеевич, признается та же власть, которая раньше принадлежала отцу [3]. Мать ведет хозяйство, следит за порядком в доме, воспитывает своих детей. Пока она остается вдовой, у нее нет никаких других интересов, кроме интересов семьи. Совершенно понятно, почему мать, занимающая место отца в семье, распоряжается хозяйством по своему усмотрению, ни перед кем не отчитываясь в своих поступках и распоряжениях. Матери должны быть близки интересы ее детей.

[1] Из кн. «Ювилейний збірник на пошану акад. Д. И. Багалія», Киев, 1927, стр. 476—490.

[2] В. И. Сергеевич в своих «Лекциях и исследованиях по древней истории русского права» (изд. 3, СПб., 1903, стр. 502—503) отмечает влияние римско-византийского права на статьи Русской Правды, касающиеся опеки.

[3] В. И. Сергеевич. Лекции и исследования..., стр. 504.

Иначе складываются обстоятельства, когда мать-вдова вторично выходит замуж. Вдова, вышедшая вторично замуж, может пренебречь интересами первой семьи и использовать ее материальные ресурсы для новой семьи. Такая вдова наносит материальный ущерб хозяйственному положению членов первой семьи. Разумеется, Русская Правда, оберегая интересы семьи как самостоятельного хозяйственного организма, не может оставить во главе дома, хозяйства мать-вдову, вышедшую замуж во второй раз. Тогда возникает потребность в передаче обязанностей по ведению хозяйства и воспитанию детей другому лицу. Таким лицом должен быть человек, заинтересованный в том, чтобы поддерживать хозяйство покинутых малолетних детей. На этих лиц, называемых опекунами, переходит право распоряжения имуществом, а также забота о детях, лежавшая ранее на обязанности отца или матери-вдовы, оберегавшей свое вдовство в интересах семьи.

Доверяя матери-вдове как представительнице семейной хозяйственной единицы, Русская Правда не требует от нее материального отчета по достижении детьми совершеннолетия. Но в том случае, если вдова выйдет замуж и при этом растратит имущество своих детей, она обязана, возвращая детям имущество, компенсировать нанесенный семье материальный ущерб [4].

Русская Правда требует передачи опеки близким родственникам. Предоставляя власть опекуну, она ставит его права и обязанности в рамки определенных условий [5]. Опекунство существует лишь до совершеннолетия: «донележ возмогуть». Опекун берет имущество в опеку при свидетелях. По окончании опеки он обязан вернуть его детям. Сам опекун имеет право пользоваться лишь доходом от эксплуатации опекаемого им имущества, что, собственно, и является своеобразным вознаграждением ему за присмотр за хозяйством и заботу о детях. Опекун, обязанный возвратить детям их имущество, несет ответственность за убытки, нанесенные подопечным. Он должен заплатить детям за все, что растратит [6].

Русская Правда допускает возможность того, что опекуном малолетних детей станет отчим, но при этом на опекуна-отчима распространяются все те права и обязанности, а также и ответственность за имущество, какое имели опекуны-родственники. Если в случае смерти отчима-опекуна над имуществом малолетних подопечных обнаруживается растрата имущества.

---

[4] Русская Правда, ст. 113.

[5] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Киев, 1907, стр. 479.

[6] Русская Правда, ст. 111. «А што срезит товаром тем или пригостить, то то ему собе, а истый товар воротити им, а прикупи ему собе, зане он прекормил и печаловался ими»... «что ли будет растерял, то все ему платили детям».

тогда дети отчима должны возместить нанесенный ущерб сводным братьям. Размер ущерба, нанесенного отчимом, определяется свидетельством посторонних людей. Свидетельства посторонних имеют обязательную силу. Дети отчима обязаны возместить весь тот ущерб, который будет определен посторонними людьми («иже людие вылезуть») [7].

Ввиду отсутствия в Русской Правде соответствующих статей не представляется возможным ответить на вопрос, кто устанавливал опеку. Безусловно, установление опеки принадлежало главе семьи, который в завещании (ряде) мог назначить опекуна по своему усмотрению.

Кроме того, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, опеку устанавливает общественная власть, и в первую очередь власть общины.

Принимая во внимание образование общественных классов, М. Ф. Владимирский-Буданов высказывает предположение, что «в классах общества, близко стоящих к князю, можно считать и княжескую власть установительницей опеки» [8].

Когда белорусско-украинские земли вошли в состав Великого княжества Литовского, институт опеки, развивавшийся уже со времен Русской Правды, получил дальнейшее развитие.

Безусловно, опекунское право Русской Правды оказало определенное влияние на развитие и формирование этого института в эпоху образования Литовско-Белорусско-Украинского государства. По мере того как развивалось частное землевладение и очерчивалась классовая структура общества, институт опеки становился достоянием лишь тех общественных классов, которые владели движимым и недвижимым имуществом.

До первого шляхетского привилея от 20 февраля 1387 г. право собственности на всю землю Великого княжества Литовского принадлежало великому князю. Землевладельцы были лишь держателями земель, распоряжаться которыми они могли только с согласия великого князя.

Шляхетский привилей 1387 г. и все последующие, вплоть до Виленского привилея 2 мая 1447 г., закрепили за держателями земель право владения и распоряжения землями с тем,

---

[7] Русская Правда, ст. 115. В. И. Сергеевич, вопреки Владимирскому-Буданову, считает, что отчим не может быть опекуном. По мнению В. И. Сергеевича, в Русской Правде предполагается такой случай, когда мать выходит замуж вторично, не похлопотав перед властями об опекуне. В таком случае Русская Правда ответственность за все убытки, которые могут понести пасынки во время второго брака их матери, возлагает на имущество отчима (Лекции и исследования..., стр. 504).

[8] М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор..., стр. 175. Сергеевич считает, что можно лишь догадываться о том, какие органы ведали опекой. Сергеевич высказывает предположение, что опекой ведало духовенство.

чтобы они придерживались действовавшего тогда права, т. е. все земельные соглашения должны были составляться в присутствии наместников великокняжеской администрации, которым принадлежало право контролировать распоряжения землевладельцев [9].

Совершенно понятно, что до издания первого шляхетского привилея, поскольку земельные владения считались собственностью великого князя, последнему принадлежало и право устанавливать опеку над малолетними членами семьи и имуществом умершего землевладельца.

Великий князь должен был следить за тем, чтобы после смерти землевладельца его интересы, как высшего земельного собственника, не были нарушены. Из этого права вытекало не только великокняжеское право распоряжения земельными владениями, но и право определять судьбу дочерей и вдов землевладельца, выдавая последних замуж по своему усмотрению. С предоставлением шляхте привилеев права великого князя оказались в известной мере урезанными. Держатели земли получали право распоряжения своими земельными владениями при условии соблюдения правил и норм, установленных в привилеях. Дочери и вдовы освободились от опеки великого князя и могли сами распоряжаться своей судьбой [10].

Городельский привилей 2 октября 1413 г. устанавливал неприкосновенность семейного владения. Детей после смерти родителей нельзя было лишить их родовых владений. Эта статья целиком вошла в привилей 2 мая 1447 г. и стала одной из основных статей, характеризующих белорусско-украинское семейно-земельное право [11]. Раз детей нельзя было лишить их родовых владений, то, естественно, возникла потребность в охране родового имущества в случае несовершеннолетия детей.

Согласно привилею 2 мая 1447 г., после смерти мужа общее заведование семейным имуществом переходит к вдове и находится в ее руках до тех пор, пока она сидит «на вдовьем столце». В случае, если вдова выходит замуж вторично, она теряет

---

[9] «Sic tamen, quod ea commutando, vendendo, olienando kel domando, coram nobis aut nostris officialibus iuxta consuetudinem regni Poloniae resignabunt» (М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Изд. 2. М., 1915, ст. 326, § 6).

[10] J. Daniłowicz. Zbiór praw litewskich. Poznań, 1841, str. 1 (М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., стр. 320, § 6; стр. 326, § 9).

[11] «Item post mortem patrum liberi non debent bonis haereditariis privari, sed ea cum suis successoribus possidere. Item post mortem... liberi masculi et femellae... privari non debeunt, sed... pleno jure possidebunt» (М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., стр. 320, § 5; стр. 327, § 7).

право распоряжения семейным имуществом. Это право переходит к ближайшим родичам, как это было установлено еще во времена Русской Правды. Первые шляхетские привилеи 2 февраля 1387 г. и 2 октября 1413 г. об этом умалчивают, и только в Виленском привилее 2 мая 1457 г. утвердившаяся повседневная практика получила юридическое оформление [12].

В достатутный период право опеки складывалось постепенно, путем решений по тем или иным делам, которые принимал суд местной администрации либо суд великого князя или панов-рады. Накопленный материал судебных решений лег в основу соответствующих статей Статута первой редакции, в котором институт опеки впервые приобрел совершенно четкую систематизацию. Согласно привилею 2 мая 1457 г., после смерти главы семьи — отца общее заведование семейно-родовым имуществом находилось в руках вдовы до тех пор, пока она сохраняла свое вдовство.

Этот порядок полностью соответствовал традициям Русской Правды, видевшей в матери-вдове естественного преемника умершего мужа. Судебная практика несколько отклонилась от соответствующей статьи привилея 2 мая 1457 г. Вдова, как и ранее, могла являться распорядительницей семейно-родового владения. Но такой случай имел место лишь тогда, когда глава семьи умирал, не оставив завещания [13]. Возможно, что и во времена Русской Правды традиция нарушалась, и воля завещавшего выступала на первый план.

Коль скоро семейно-родовое имущество передается в наследство детям владельца, то совершенно понятно, что на отце, как главе семьи и распорядителе семейно-родового имущества, лежит забота как о сохранении семейного имущества, так и о воспитании детей. В связи с этим за отцом и установилось право назначать опекуна по собственному усмотрению. Всякий владеющий каким-нибудь имуществом на правах полной собственности мог назначить над своим имуществом и над своей семьей опекуна, не только передавая ему функции заведования, эксплуатации и охраны отданного в опеку имущества, но и возлагая на него повинности, которые должен быть нести великому князю каждый землевладелец.

---

[12] «Item quando aliquem principum, baronum, nobilium et civium praedictorum ab hac luce decedere contigerit, ex tunc viduam in bonis seu possessionibus mariti sui volumus permanere, quam diu in sede permanserit viduali. Quae si ad secundas nuptias convolare voluerit, ipsa marito, quem ducen dum elegerit tradatur; pueristamen in bonis et possessionibus paternis, sufuerint: sin autem, proximioribus eiusdem mariti prioris derelictis, prout et ceterae viduae regni Poloniae maritantur» (М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., стр. 213—327, § 8).

[13] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 213—214.

В период, предшествовавший Статуту, опеку можно было установить с момента смерти главы семьи. Вдова не являлась уже естественным представителем всего семейно-хозяйственного целого и защитницей интересов малолетних детей. Но вдова могла стать опекуншей своих детей в силу распоряжения, вытекавшего из завещания, составленного ее мужем. В таком случае вдова оставалась опекуном своих детей до достижения ими полного совершеннолетия, причем изменения в ее личной судьбе, как, например, вторичное замужество, не имело никакого значения. Об этом свидетельствует судебное решение от 19 января 1506 г. по делу пани Софьи Богдановой Рачевичевой с наместником марковским Мордасом Мишковичем [14].

Вдову муж, умирая, «оставил з сыном своим», причем «над-то всими именьи своими казал ми опекатися, поколе тот сынок наш подростеть». Наместник марковский хотел выгнать вдову из оставленного ей владения на том основании, что завещание было якобы написано самой вдовой без ведома мужа. Кроме того, после смерти мужа она вышла замуж вторично и разоряла владение, которое, по мнению наместника, до совершеннолетия сына («поколе детя подростеть») совсем запустеет. Вдове, представшей пред великокняжеским судом, пришлось показаниями свидетелей доказывать подлинность завещания, как проявления воли ее покойного мужа. Господарский приговор, признав завещание «правым-нефальшивым», оставил вдову опекуншей независимо от того, что она вышла замуж вторично.

По завещанию отца опекунами малолетних детей могли стать совершенно посторонние люди, даже не родственники. Так, Глеб Суринович передал опеку над своей дочкой Федорою пану Кмиту Стретовичу, как это видно из жалобы, поданной на опекуна достигшей совершеннолетия Федорой [15]. Пан Александр Солтанович находился в опеке у пана Литавора Хребтовича, человека совсем ему чужого [16]. В роли опекунов выступают и близкие родственники. Так, пан Николай Николаевич Кезкгайлович находился в опеке у своего дяди пана трокского, старосты жомойтского, пана Станислава Яновича [17]. По завещанию новгородского мещанина Ивашки Никитича опека над его имуществом и малолетними детьми была передана его брату Макару [18]. Когда неделимым имуществом сообща владеют братья, из которых один совершеннолетний, опека находится в руках последнего [19]. Совершеннолетние братья, если у них есть

---

[14] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 605—607.
[15] Там же, стр. 354.
[16] Там же, стр. 868—871.
[17] Там же, стр. 1033—1034.
[18] Там же, стр. 1470.
[19] Там же, стр. 341.

малолетние сестры, являются их опекунами до тех пор, пока сестры не выйдут замуж. По добровольному согласию братьев между ними может быть распределена опека над несколькими сестрами. Каждый из братьев берет на себя обязательство опекать одну из сестер и «поживения давати» до обручения той сестры, которая была у него под опекой в силу соглашения, состоявшегося между братьями[20]. Из судебного дела братьев Яна и Павла Нарушевичей, имевших вначале общую опеку над своими сестрами Софьей и Ядвигой, видно, что по состоявшемуся между ними соглашению опека была разделена, при этом имение, бывшее в совместном владении, также было поделено. Один из братьев за время совместной опеки не выполнял своих обязательств по отношению к сестре и свои действия оправдывал на суде тем, что братья разделили опеку над своими сестрами. Поскольку на обязанности ответчика Павла Нарушевича лежала опека над сестрой Ядвигой, постольку он не считал для себя обязательным оказывать помощь своему брату, под опекой которого находилась вторая сестра. Опека братьев над сестрами прекращалась с момента выхода замуж последних («поки их замуж выдадим»).

С согласия великого князя, при определенных условиях, опека могла перейти в другие руки еще при жизни опекуна. Так обычно бывало в тех случаях, когда несовершеннолетних девушек объявляли обрученными и их женихи ходатайствовали перед великим князем о передаче им опеки над своими невестами с обязательством отбывать повинности, лежавшие на земле[21]. Так, дворяне Ян Котович и Николай Завишич «змовили за себе дочки пана Яна Митковича Яновича», бывших тогда еще несовершеннолетними. Опекуном был их дядя Станко Юрьевич. Указанные дворяне просили великого князя «абыхмо тые имения, отчину тых девок полецили ув опеку им, до тых мест, поки ся они с тыми девками поймут, а они мают нам с тых имений службу заступати по 8 коней». Великий князь Александр решением от 14 июля 1495 г. дал на это свое согласие при условии, что когда они поженятся, родовое имение будет разделено между ними.

Судебная практика свидетельствует, что в некоторых случаях, очевидно тогда, когда не было завещания главы семьи, опекунов назначал великий князь, независимо от того, была вдова жива или нет[22]. Так, великий князь Александр назначил наместника марковского пана Мордаса Мишковича опекуном дочки Венцеслава Яцковича, «сестрички жоны его». Одновре-

[20] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 465.

[21] Ф. И. Леонтович. Акты Литовской метрики, т. I, Варшава, 1896, № 199.

[22] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 762—764.

менно с этим в опеку ему было передано и ее имение «на имя Вольму» «до тых часов поки она лет своих доростет». Иногда опеку над имением отделяли от обязанности растить и воспитывать опекаемых [23]. Жолудокский наместник пан Мартин Хребтович в силу великокняжеского распоряжения стал опекуном владений пана Семена Елизаровича. Опекун должен был владение «от кривд боронити и службу земскую заступовати». На этом основании пан Мартин, обручив своего сына с дочкой Семена, забрал ее у матери вместе со всем имением. Вдова, разумеется, была недовольна таким поступком и подала жалобу великому князю. Великокняжеское постановление от 23 июля 1507 г. разрешило это дело так: обрученную дочь вернули к матери, в доме которой она должна была находиться до тех пор, пока «лет своих доростеть», а опека над всеми владениями, защита их от «всяких кривд», с обязательством нести военную службу, оставлена была за паном Мартином [24].

Составители Статута 1529 г. ничего нового по сравнению с установившейся судебной практикой не внесли. Назначение опекуна — это право мужа-отца, который может посредством завещания назначить опекуном первое понравившееся ему лицо, даже если опека «на кого слушным правом прирожонным не прислушала». Лишь в том случае, если отец «отмер детей своих не полецавшы никому, тогды жона дети мает ховати и на всем имени седети на вдовем столцы до лет детиных» [25].

В случае замужества вдовы, согласно Статуту 1529 г., опека немедленно прекращалась. В таком случае «стрыеве, або ближние мают опекатися детми и именем, бо уже коли жена замуж пойдет не мает иными опекатися» [26].

Статут первой редакции, как и Русская Правда, не может оставить опеку над малолетними детьми в руках той вдовы, которая осмелилась порвать связи с первой семьей и основать вторую. Вполне естественно, что в таком случае законными опекунами над несовершеннолетними детьми становятся родственники. Разумеется, последнее правило не распространяется на вдову, которая, несмотря на второе замужество, все-таки является опекуншей в силу завещания покойного мужа. Вдова, как правило, остается опекуншей до тех пор, пока она сидит «на вдовьем стольце». Однако если ее действия как опекунши с хозяйственной точки зрения невыгодны для подопечных, если вдова «скарбы втратила, люди разогнала, серебщизны и вины на себе брала, а тые бы именя пустошила», то в качестве защитников интересов опекаемых выступают «стрыеве», а в случае

[23] Статут 1529 г., разд. IV, арт. 7.
[24] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 562—563.
[25] Статут 1529 г., разд. IV, арт. 7.
[26] Там же.

отсутствия последних — близкие родственники, имеющие право привлечь такую опекуншу к господарскому суду. Если предъявленное ей обвинение будет доказано, опеку у вдовы отбирают в наказание «для ее выступу» и передают «стрыем, або близким»[27].

Статутное право предвидит возможность отсутствия родственников. В таком случае защитниками несовершеннолетних детей становятся господарь или паны обязанные «кого обчого доброго чоловека к тым именям в опеку уставити, который бы ее и вси именя и дети в опеце мел и не допускал имени и скарбу тратити, поки дети ее лета свои будут мети».

Статут также предвидит встречающийся и в судебной практике случай, когда один из подопечных достигает совершеннолетия[28].

В таком случае последний становится опекуном над остальными «недорослыми» братьями. Наконец, Статут предвидит возможность преждевременной смерти опекуна. В таком случае нужно назначить нового опекуна. Право назначения последнего переходит к властям, которые обязаны поступить в соответствии с оставленным завещанием[29].

На имущество, передаваемое в опеку, как общее правило, составлялся реестр-опись. Такой реестр имел огромное практическое значение, ибо с окончанием опеки опекуны должны были дать отчет своим подопечным о своих действиях и передать имущество согласно составленному реестру.

На основании этих реестров достигшие совершеннолетия лица считали своим правом возбуждать иск против опекунов, если выяснялось, что имущество, полученное ими, не соответствует тем реестрам, которые были составлены при вдове опекуна в опеку[30]. В этом отношении опекунское право достатутного периода разделяет точку зрения Русской Правды. Статут первой редакции также разделяет этот взгляд, но с той лишь разницей, что в нем подробно разработан порядок ввода во владение опекуна и составления самих реестров. Согласно Статуту, лицо, становящееся опекуном над имуществом и несовершеннолетними детьми по завещанию, обязано, приступая к выполнению своих обязанностей, пригласить представителя власти — поветового вижа и еще трех лиц шляхетского сословия, пользующихся безусловным доверием. В присутствии этих лиц производится осмотр всего движимого и недвижимого имущества, подлежащего опеке, и в том числе имения, земли, денег,

---

[27] Статут 1529 г., разд. IV, арт. 6.
[28] Там же, арт. 6.
[29] Там же, разд. V, арт. 10.
[30] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 869—870.

челяди невольной, различных драгоценностей и другого движимого имущества («иные речи рухомые»).

Опись-реестр составляется в двух экземплярах и скрепляется печатями всех лиц, присутствовавших при этом. Один экземпляр этой описи передается представителям власти, другой — лицу, вступающему в опекунские обязанности [31].

Опекун пользуется широкими правами: распоряжается всем имуществом своих подопечных до их совершеннолетия — «до лет детиных» [32], получает все поступающие доходы: «дани грошовые и медовые и пенези копщизные и серебщизны и иные платы и пожитки со всих имении» [33]. Он воспитывает и содержит своих подопечных; он обязан отчитываться в своих действиях, причем эти обязанности распространяются и на мать-опекуншу, принявшую на себя опекунские обязанности в силу распоряжения, данного в завещании мужа [34].

Русская Правда считала опекунов ответственными за целость и сохранность имущества, находившегося в их ведении. В достатутный период эти нормы Русской Правды принимались во внимание при рассмотрении исковых дел подопечных к опекунам. Если опекун несет ответственность за свои поступки перед подопечными, то тем самым ему предоставлялось право принимать все меры к тому, чтобы компенсировать те потери, которые по тем или иным причинам могли понести подопечные. Сплошь и рядом частные лица совершали наезды на владения. Широкое распространение это явление получило в XV и в начале XVI в. Потерпевшие от таких наездов лица возбуждали перед соответствующими властями иск о компенсации. В случае, если «шкода» наносилась подопечному владению, опекун имел право возбудить иск против стороны, совершившей насилие, о возмещении нанесенного ущерба. Так, пани Якубова Довойновича Болотинская, являвшаяся опекуншей внука после смерти своего сына Станислава Довойновича, возбудила иск против пана Яна Стецковича, господарского маршалка, обвиняя последнего в том, что он, приехав в имения пана Станислава, «моцно кгвалтом, врядников моих с тых именей выбил, и сам ся моцно увязал, и многии шкоды починил» [35]. В предъявленном опекуншей иске об ущербе была установлена определенная сумма.

Господарским приговором от 21 июня 1522 г. иск был признан правильным. Общую же сумму ущерба должны были определить на основании свидетельства наместников и тиунов пани

---

[31] Статут 1529 г., разд. V, арт. 8.
[32] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 606.
[33] Там же, стр. 1033.
[34] Там же, стр. 869.
[35] Там же, стр. 1119.

Якубовой «двух имений Тялеков и Липое», скрепленного их присягой.

Такого же характера и решение Яна Николаевича Радивиловича, маршалка земского, от 15 апреля 1519 г. по поводу жалобы Федора Михайловича Святоши на королевского дворянина Яна Стецковича, на боярина Петрика Геложиса и на его сына Шимка, совершивших нападение на опекунские владения, которые боярин Святоша имел «у опеце и в пенязях боярина господарьского Лаврина Матеевича». Напав на владения, «моцно, кгвалтом в ыменье ся увязали, и грабежи поделали, жита и иншие многии речи побравши, замки поотбивавши, а весь ми дом спустошили и выграбили и, ничого в дому не оставивши, все на конец пусто вчинили, и наместника збивши, прочь поехали». Рассмотрение дела показало, что обвинение, выдвинутое против Яна Стецковича, несправедливо, но целиком подтвердилась справедливость его против Петра Геложиса и его сына. Судебное решение дорогицкого старосты обязало последних выплатить 12 руб. «кгвалту» и потерь в соответствии с убедительными доводами Ф. Святоши и присягою его урядника. Если же впоследствии выяснится, что Ян Стецкович и его слуги также принимали участие в наезде на владение и что «хто кольвек с того именья пана Святоши на што брал будеть», то за истцом сохраняется право дополнительного иска [36]. Таким образом поступали опекуны во всех случаях, когда в действиях тех или иных лиц видели «шкоду» для подопечного владения.

Статут первой редакции законодательно подтвердил обязанность опекунов возбуждать иск об ущербе. Согласно Статуту, «коли бы хто сиротам, або детем, лет не маючим, кривда о штоколвек стало, тогды опекун именем моцен есть в праве того ся доисковати, але не моцон ничего детиного тратити». В противном случае за детьми, когда они достигнут совершеннолетия, остается право «о всякие кривды, которые бы опекун в праве ничого не вчинил, перед врадом своим доходити, только бы, доросшы лет, давности земское не омешкали» [37].

Опека заканчивалась с наступлением совершеннолетия, «лет дорослых». В этом случае опекун обязан был передать своим подопечным все имущество, находившееся у него в опеке. Разумеется, часто встречались такие случаи, когда опекун растратил часть находившегося в его распоряжении имущества подопечных и не мог сдать его сполна по реестру.

Потерпевшие подопечные обычно не могли с этим примириться. Достигнув совершеннолетия, они получали право воз-

---

[36] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 1330—1332.
[37] Статут 1529 г., разд. V, арт. 2.

буждать иск против своих опекунов [38]. Они имели право требовать возвращения имущества, незаконно присвоенного опекуном. Земянин дорогицкий Андрей Косовский возбудил иск против своего брата Якуба Косовского, обвиняя его в присвоении ста грошей, завещанных ему матерью, но находившихся в распоряжении Якуба Косовского, когда истец «лет был своих не дорос, а он то имение у своей опеце мел». Другой случай [39]: дочь Глеба Суриновича, Феодора, жаловалась на своего опекуна пана Кмита Стретовича; согласно завещанию ее отца, он должен был по достижении ею совершеннолетия вернуть 16 коп грошей, но Кмит Стретович отдал только «пол осьмы коп грошей» и остался еще должен «пол девять коп грошей», которых он возвращать не желает. Еще один пример: пан Николай Николаевич Кгезкгайлович жаловался на своего дядю пана трокского, старосту жмудского, пана Станислава Яновича, обвиняя его в том, что он «не хочеть ему делу ровного дати в именях отчизных и в спадках». Кроме того, опекун пользовался всеми доходами, которые приносило владение. Опекун брал «дани грошовыи и медовыи и пенязи капщизные и серебщизны и иные платы и пожитки со всих именей», и не считал нужным давать ему в том отчет («личбы не хотел вчинити») [40].

Приведенные выше судебные акты со всей очевидностью свидетельствуют об утвердившемся в судебной практике разборе исков, возбуждаемых лицами, достигшими совершеннолетия, о возвращении опекунами всего имущества, находившегося у них в опеке, которое последние должны были передать своим подопечным по достижении ими совершеннолетия. Можно предполагать, что случаи нарушения опекунами прав своих подопечных с причинением им материальных убытков встречались довольно часто.

Составители Статута 1529 г. считались с судебной практикой и сочли нужным подтвердить законодательно право подопечных, достигших совершеннолетия, требовать от опекунов возмещения того ущерба, который они нанесли подопечным своими действиями.

Статут первой редакции придерживается того взгляда, что если бы опекун как «прирожонный, яко и уставленый омешканем своим за непослушенство што упустил детем в молодых летех, тогды дети доросши суполных лет, могут ся своего правом доискивати на том, хто бы то имене держал», с тем лишь условием, чтобы они, «дошедчи лет зупольных, давности земское не омешкали» [41]. Истец, возбуждающий иск против своих опекунов,

[38] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 341, 354.
[39] Там же, стр. 354.
[40] Там же, стр. 1033.
[41] Статут 1529 г., разд. V, арт. 1.

должен был обосновывать его содержанием того реестра, который обычно составлялся при введении опекуна во владение подопечным имуществом. Если же достигшие совершеннолетия при проведении подсчета имущества обнаружат, что «серебщизны и вины опекательники и иные пожитки, або скарбы потратили, або люди разогнали», а судом эти незаконные действия будут доказаны, опекуны обязаны, согласно реестру, компенсировать подопечных из своего владения.

В судебной практике того времени встречались также случаи, когда имущество подопечных вследствие смерти опекуна переходило в распоряжение членов его семьи, не желавших возвратить чужое имущество по принадлежности. И в этом случае обиженным приходилось обращаться в суд, чтобы восстановить свое нарушенное право. Так, пан Александр Солтанович возбудил иск против пани Ядвиги Литаворовой Хребтович в том, что она присвоила себе имущество — вещи и имение, находившееся в опеке у ее мужа Литавора. То и другое пани Литаворова присвоила после того, как сам пан Литавор Хребтович попал в плен. Пани Литаворовой ранее пришлось вернуть истцам часть их имущества, но другая часть по-прежнему оставалась у нее. Истец Александр Солтанович для подтверждения своего иска представил «реестры тых скарбов отца своего». Ответчица утверждала, что имущество, которое находилось в ее руках, она возвратила истцам при «некоторых панах». Что же касается вещей, записанных в реестре, то пани Литаворова отказалась за них отвечать на том основании, что она «от тых скарбов, о которых же пан Александр реестр вказуеть, не есть сведома». Кроме того, как предполагала ответчица, она не должна после смерти ее мужа давать истцам отчет об имуществе, так как «они были у вопеце пана моего». К тому же само возбуждение иска неправильно. Как утверждала ответчица, «она не есть имениям мужа моего отчича». После мужа остались дети, против них и следует возбуждать иск. Истец пан Александр с этими соображениями ответчицы не согласился. Отстаивая свой иск, он ссылался на дело, возбужденное им еще раньше против своего опекуна, признавшего перед господарским урядом, что во время его пребывания в плену «после мене тот весь скарб в пане моей остал и она ми поведила, иж тыи вси скарбы отца твоего тобе отдала». Вызванная в суд пани Литаворова в назначенный срок не явилась, а сам пан Литавор Хребтович тем временем скончался. В конце концов великокняжеское решение признало за паном Александром Солтановичем право возбудить иск против пани Литаворовой. Оно мотивировало это тем, что пан Литавор, находясь в Москве, «тыи скарбы отца его в пани своее оставил, а пани его в небытности пана своего тыи его скарбы ему давала», что не отрицала и сама ответчица.

С другой стороны, и сам пан Литавор, возвратившись из московского плена, признал, «иж тыи вси скарбы пана Солтановы в нее заставил, и для тых причин мел пан Литавор паню свою перед нами поставити» в указанный срок, в который, впрочем, она на суд не явилась. Поэтому великокняжеское решение признало за паном Александром право на удовлетворение его иска, обязав пани Литаворову «пану Александру в праве отповедати на тот рок, на который пан Александр ее перед нас зазоветь нашим листом»[42]. Великокняжеский суд признал ответственность вдовы опекуна, а также и то, что она должна ответить по иску ранее подопечных, когда будет доказано, что жена опекуна пользовалась имуществом подопечных, распоряжаясь им.

Статут первой редакции разделяет ту же точку зрения: вдовы после смерти мужей должны отвечать перед судом. Закон делал только одну уступку: он разрешал вдове не давать ответа по суду ни по какому делу спустя один год «по смерти мужней»[43]. Из этой статьи Статута вытекало право подопечного, при соответствующих условиях, возбуждать иск против вдов опекунов, отвечающих за то имущество, которое находилось в их совместном владении и подлежало возвращению по принадлежности.

Опекуны отвечают перед подопечными за свои распоряжения, касающиеся имущества последних.

Суд может признать опекуна виновным и присудить его к возмещению ущерба, нанесенного подопечным, если будет доказана незаконность распоряжения опекаемым имуществом и если отсутствуют заслуживающие внимания обстоятельства, которые могли бы в какой-то мере оправдать незаконные действия опекуна.

Великокняжеские решения по поводу дел, которые возбуждали подопечные лица, установили ответственность опекунов за их распоряжения, касающиеся имущества, находившегося у них в опеке. Так, Ян Николаевич, маршалк земский, державца слонимский, рассматривая иск дочки Глеба Суриновича против ее опекуна, вынес судебное решение не в пользу последнего. Маршалк признал возбужденный иск правильным и полностью удовлетворил претензии истицы, несмотря на то, что пан Кмит, признав, что отец истицы дал ему «заховати 16 коп грошей», объяснял неотдачу части денег тем, что он по указанию истицы был вынужден их отдать ее брату Васке. Признание опекуном факта получения денег на хранение явилось основанием для вынесения решения в пользу истца. Кмит Стретович должен был

[42] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 869—871.
[43] Статут 1529 г., разд. IV, арт. 17.

на протяжении 4 недель возвратить удерживаемые им деньги. А для этого маршалк дал Кмиту Стретовичу право вызвать в суд Васка Глебовича Суриновича, чтобы тот возвратил отданные ему деньги [44]. Вот другой случай: иск пана Николая Кезкгайловича, поданный на его опекуна «дядька его, пана троцкого, старосту жомоитского, пана Станислава Яновича» «о неданье ему делу ровного в ыменьях отчизных и спадковых», несмотря на то, что он «вси именья и его у своей опеце мел и брал дани грошовыи, медовыи, и пенязы капщизныи и серебщизны, и иные платы и пожитки со всих имeней, в том ему личбы вчинить не хочеть», тоже был удовлетворен. Не было никаких обстоятельств, оправдывающих незаконность его действий. Ясно, почему решение маршалка было в пользу истца. Опекун обязан был ему «в том справедливость вчинити» [45]. Судебная практика признавала ответственность детей за долги родителей, однако родительские долги нельзя было покрывать самовольным присвоением части имущества подопечных без соответствующего судебного решения, как это видно из следующего судебного дела. Митрополичий дьяк Макар подал старосте дорогицкому и слонимскому Яну Николаевичу жалобу на действия новгородского войта Богдана Озорича, который из имущества новгородского мещанина Ивашки Никитича, передавшего ему дом свой и «вси статки з детям (?) своим малым в опеку своему брату», незаконно забрал себе 10 коп грошей в то время, как «по смерти его у полторе годе, жона его, невестка моя, на господарский лист пенязи и статки его на попис мне покладала». При этом в соответствии с великокняжеской грамотой присутствовали в качестве свидетелей войт и мещане. Войт признал предъявленное ему обвинение правильным, но пытался оправдаться тем, что новгородские мещане, добиваясь магдебургского права, должны были взять взаймы у мещанина Гурина Петровича 10 коп грошей. Ответственным лицом за возвращение взятых в долг денег был и покойный Иващко. На этом основании войт новгородский считал себя вправе так поступить. На суде выяснилось, что с момента займа и до смерти мещанина Ивашки Никитича прошло 5 лет и за все это время вопрос о выплате денег не поднимался и покойного никто из находившихся при нем перед смертью не побудил сделать запись об этом в завещании. У войта не было «листа его особного вызнаного», по которому покойный мещанин признавал бы себя обязанным выплатить «за своее парсуны в тую заплату 10 коп грошей». Принимая во внимание, что после смерти дьяка митрополичье-

[44] РИБ, т. XX, кн. I, стр. 354—355.
[45] Там же, стр. 1033.

го «с попису тую 10 коп грошей взял неслушным обычаем», тогда как они должны были, даже при наличии «слушных доводов от тую 10 коп грошей правом искати, а не так самовольно брати», войт обязан вернуть 10 коп грошей и столько же «в виже навязки» [46].

Другое дело аналогичного характера, признанное спорным, не было разрешено. Андрей Косовский возбудил иск против своего брата Якуба, бывшего опекуном, о возвращении не выплаченных ему 100 коп грошей, записанных ему его матерью «на тестаменте» [47].

Ответчик показал, что 100 коп грошей он истратил на приданое своим сестрам, выдавая их замуж «водлуг права нашого». Судья решил отложить это дело и предложил обеим сторонам, как «дорогицким земянам до права их дорогицкого писанного пойти», «што между ними право их найдет, то они мають терпети».

Статут 1529 г. определяет ответственность опекунов за их действия по отношению к имуществу, находившемуся у них в опеке [48]. Своей формулировкой Статут установил, что опекун «немоцон ничего детиного тратити». В противном случае, если бы что-нибудь было «страчено», дети, достигнув совершеннолетия, имеют право судом требовать компенсации нанесенного им материального ущерба с соблюдением общего положения о земской давности. Судебная практика признавала, что дети отвечают за долги своих родителей. Статуту первой редакции пришлось обратить внимание на такие случаи, когда несовершеннолетние дети в лице своих опекунов должны были отвечать перед судом [49]. По Статуту 1529 г., дети могут отвечать по суду лишь в четырех случаях. Прежде всего, когда покойный отец имел во владении заставленное имение, которое хотели выкупить «ближние» и с этой целью вызывали в суд несовершеннолетних детей, чтобы вручить им деньги. В этом случае опекун должен был деньги взять, а заставленное имение отдать по принадлежности. Во-вторых, когда отец, поручившись за кого-нибудь, еще при жизни был вызван в суд; в таком случае после смерти отца дети отвечают за эту поруку, не ожидая достижения совершеннолетия. В-третьих, если отец, начав дело «о некоторое дедицтво», умер, не доведя его до конца, то дети должны вести его через своего опекуна, и, наконец они обязаны выплачивать долги своего отца, «молодостью лет своих не вымовляючися».

---

[46] Там же, стр. 1470.
[47] Там же, стр. 341, 342.
[48] Статут 1529 г., разд. V, арт. 2.
[49] Там же, арт. 6.

Судебная практика установила, что опекуны по окончании опеки вследствие совершеннолетия их подопечных должны возвратить имущество, находившееся в их ведении, а также дать отчет — «личбу» в тех доходах, которые поступали в пользу подопечных от эксплуатации владения и всех его доходных статей.

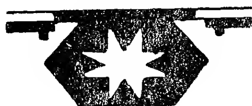
Статут первой редакции требует также, чтобы опекуны, согласно реестрам, возвращали своим подопечным в целости и сохранности имущество и все подати и налоги, поступавшие от владения: медовые, денежные и другие, взимавшиеся опекуном в период его опекунства [50]. По Статуту, как и по Русской Правде, опекун за свой труд получает вознаграждение. Статут установил, что все поступающие «з пашен, з млынов и с присудов» опекуны имеют право «на свои пожитки оборочати». За счет этого они должны, с одной стороны, «службу земскую заступати», а с другой, воспитывать и содержать детей («дети живити и одевати»). Если же опекун это постановление Статута нарушит и получаемые им «серебщины и вин опекательники и иные пожитки, або скарбы потратил, або люди разогнал» и на суде это будет доказано, «тогды все подле реестру з своих имений мают детям наполнити».

Опекун одновременно ведает и распоряжается семейно-родовым владением. Поскольку такое владение имением на правах опекуна не есть владение имуществом на правах полной собственности, опекун не имеет права покрывать из доходов подопечного владения любые свои «кривды суседские, або долги, також и вины господарские» и вообще любой штраф, который он должен будет выплатить по судебному постановлению. Если опекун посягнет на права подопечных, то независимо от своего материального благосостояния должен возместить ущерб из своего движимого и недвижимого имущества. И лишь в случае отсутствия такового он карается персонально [51].

Перевод с украинского А. М. Корабельниковой и В. С. Поссе.

Ювілейний збірник на пошану ак. Д. И. Багалія, Київ, 1927.

[50] Статут 1529 г., разд. V, арт. 8.
[51] Там же, арт. 9.



ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО В СТАТУТАХ 1529 и 1566 г.

Земельное право Великого княжества Литовского создавалось обычным порядком как путем решений суда великокняжеского и панов-рады, так и местных судебных корпораций. Уже к началу XVI в. для шляхетского сословия была совершенно очевидна необходимость кодификации земельного права. Накопилось много судебных решений, которые необходимо было привести в систему и придать всем юридическим земельным нормам, действовавшим на территории Великого княжества Литовского, одинаковый характер.

Развитие хозяйственной жизни, а в связи с этим и начавшаяся тогда же мобилизация земельной собственности настойчиво выдвигали на первый план вопрос о кодификации права вообще и земельного в частности. Необходимость кодификации права отчетливо сознавалась землевладельческим классом, который выступил на Виленском сейме в 1522 г. с предложением о кодификации права вообще. Великий князь и паны-рада должны были пойти навстречу желаниям широких кругов землевладельческого класса. Статут 1529 г., в котором права и привилегии шляхты как землевладельческого сословия получили довольно полное и отчетливое выражение, был издан в результате требования шляхты. Утвержденный Статут так называемой первой редакции содержал в себе исключительно права землевладельцев. Прочие свободные общественные группы затронуты в Статуте постольку, поскольку они в той или иной степени были связаны со служилым землевладением. Статут ввел земельное право, которое одинаково действовало по всей территории Великого княжества Литовского.

Шляхетское сословие, сосредоточив в своих руках земельный капитал огромной ценности, очень ревниво относилось к своим интересам и стремилось оградить себя от возможных посягательств на свои земельные права со стороны иноземцев. Шляхта

очень боялась перехода даже части государственного земельного капитала в иноземные руки путем раздачи иноземцам различного рода держаний. Правительство Великого княжества Литовского было вынуждено в этом вопросе солидаризироваться с интересами всего землевладельческого сословия. Уже в привилее великого князя Казимира от 2 мая 1447 г. имеется торжественное обещание давать владения и должности только местным жителям [1]. Аналогичная статья имеется в привилее 1492 г. Великого князя Александра [2] и в привилее Великого князя Сигизмунда [3], который в суммарном виде подтверждает все права и привилегии, полученные шляхетским сословием от своих предшественников. Статутная норма, гласившая, что «иж в землях наших того Великого князства земль и городов мест... дедицтв и держанья» и уряды будут раздаваться только «прирожоным а тубылцом тых земль наших великого князства», окончательно закрепило это право шляхты, еще ранее утвердившееся в полученных ею привилеях [4]. Этой статьей Статута шляхта обеспечивала себя от возможного проникновения в ее среду иноземных элементов. Однако, несмотря на свой категорический тон, вышеуказанная статья не раз нарушалась великим князем. И поляки, и русские, которые попадали на территорию Великого княжества Литовского, получали от великого князя староства и держания, из-за чего возникали недоразумения между великим князем и представителями шляхетского сословия.

Необходимость более четкого определения юридической нормы, содержащейся в Статуте 1529 г. в отношении прав иноземцев на владение землей, была совершенно очевидной. В этом отношении Статут 1566 г. значительно детализировал положение вышеуказанной статьи первого Статута. В Статуте 1566 г. вышеуказанная статья Статута 1529 г. получила более выразительную и расширенную формулировку, но основное ее содержание осталось без изменений. Статут второго издания стоял на той же точке зрения, «штож в том панстве Великом князстве Литовском и во всих землях ему прислухаючих, достойностей духовных и свецких, городов, дворов и кгрунтов, староств в держаньи и поживаньи и вечностей жадных чужоземцом и заграничником, а ни суседом того панства давать не маем» [5]. Великий князь обещал за себя и за своих потомков давать последние только «Литве а Руси, родичом старожытным и врожонцам

---

[1] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., приложения, привилей 1447 г., § 14.

[2] Там же, привилеи 1492 г., § 16.

[3] Там же, привилеи 1506 г., § 2.

[4] Статут 1529 г, разд. III, арт. 3.

[5] Там же, арт. 9.

Великого князства Литовского и иных земль тому Великому князству належачих». Статут допускает, однако, возможность такого случая, когда, вопреки столь категорически высказанному запрету, все-таки в руках иноземца окажется то или иное держание, которое было дано великим князем вследствие настойчивых просьб иноземца. В том случае, если обнаружится незаконное владение или держание, «тогда маетность его вся маеть быть взята до столу и скарбу нашого Великого князства Литовского». Исключение составляют те из иностранцев, которые приобрели на территории княжества владения «з ласки и данины нашое, албо которым иншым правом». В таком случае особы «оселости оное уживати мають» наравне с другими гражданами Великого княжества, но в то же время они обязаны отбывать в тех землях «службу земскую тому панству». Допуская возможность владения землей эмигрантами, законодательство второго Статута тем не менее требует, чтобы иноземец «на достоенства и всякий вряд духовный и свецкий не маеть быть обиран, а ни от нас господаря ставлен». В случае, если какой-нибудь иноземец, занимавший ту или иную светскую или духовную должность, не пожелал бы от нее отказаться после напоминания, то тогда он «маетность свою на нас великого князя Литовского тратит» [6].

Шляхетская земельная собственность всех видов — вотчинная, выслуженная или купленная, как общее правило,— неприкосновенна. Однако из этого общего правила есть и исключения. Великокняжеские подданные, бежавшие «до земли неприятельское», рассматриваются как государственные преступники и потому «таковый кождый честь свою тратить, а имене его отчизное, и выслужоное и купленое ни детем а ни ближним только на нас, господара» [7].

На основе неприкосновенности шляхетского земельного владения после смерти родителей «сынове и девки добра отчизного и дедизного не мають быти отдалены». Вступив во владение наследством родителей, они пользуются наравне с другими землевладельцами всем «суполным правом посядут, яко княжата и панове хоруговные, шляхта и мещане великого князства Литовского посядают и на пожитки свои оборочают» [8]. Однако эта общеобязательная юридическая норма может быть нарушена и дети теряют права на недвижимое имущество в том случае, если бы «отец втек от детей до земли неприятельское», а дети, которые остались дома, «не были бы делные». При существовании же отдельного от отца владения и если, согласно закону, будет доказано, что дети не знали о замысле отца, «тогды они

[6] Статут 1566 г., разд. III, арт. 9.
[7] Там же, разд. I, арт. 2.
[8] Там же, разд. III, арт. 9.

части свое не тратят» и только «тая часть отцовская спадывает» на князя. Также в случае, если выделенный сын бежал бы за границу, а отец и братья не знали бы о его замысле и ни в чем ему не помогали, что и могли бы «вывестися присягами телесными, тогды они частей свои не тратят, леч втолко того брата часть, который втек, спадывает на нас господара» [9].

Законодательство второго Статута полностью воспроизводит положения, которые имеются в первом Статуте, в отношении конфискации земли владельцев, бежавших «до земли неприятельское». Статут 1566 г. только дополнил законодательство первого Статута положением, согласно которому имуществом, не подлежащим конфискации, являются не только выделенные части детей, но и благоприобретенные «власного набытья своего», разумеется при условии, если дети не были осведомлены о замысле их отца и не принимали в нем никакого участия [10]. Кроме того, Статутом 1566 г. устанавливается, чтобы отделенный сын «мешкал бы на том кром отца своего не у одном местцу з ним, а не за одным плотом,... [и] не был подойзреный» [11]. Также не подлежат конфискации и женские владения «отчизные и материстые», а также полученное от преступника-мужа вено, если только обнаружится, что жены «таковых здрайц, которые не будуть ли ведали тое здрады мужов своих, а с того се выведут пресегами своими» [12]. Не подлежат также конфискации земли, проданные и перепроданные к моменту бегства за границу, если только владелец этого имущества «окажет на то листы и держанья своего доведет». В случае, если он откажется присягой доказать свое владение, «тогды тое купленое, або закупленое имение тратит» [13].

Статут первого издания устанавливает, как общее правило, что дети не могут быть лишены наследства после своих родителей, если только последние не совершили преступлений государственного характера. Однако Статут делает некоторые исключения из этого общего правила. Прежде всего теряет права на владение недвижимым имуществом каждая девушка, которая «пошла да чужое земли, до Польшы, або до Мазовш, або до которое колве земли, маючы именя отчизные и матерыстые, в панстве нашом Великом князстве Литовском». Девушка, вышедшая замуж за иноземца, теряет свое право владеть «отчизными и матерыстыми» землями, которые отходят «на стрыев рожоных», а в случае отсутствия таковых — «на близких ее», причем последние не должны давать этой девушке

---

[9] Статут 1529 г., разд. I, арт. 4.
[10] Статут 1566 г., разд. I, арт. 6.
[11] Там же, арт. 11.
[12] Там же, арт. 3.
[13] Там же, арт. 10.

никакого «посагу»[14]. Также девушка, вышедшая замуж без согласия отца и матери, теряет не только право на приданое, но и совсем отстраняется от наследования материнского имущества, даже в том случае, если она единственная дочь у своих родителей[15]. Вся же «отчизна на близких спадывает». Также если какая-нибудь девушка-сирота вышла замуж без согласия «стрыев, або брати своее», она тоже теряет право на владение своей законной частью имущества. Чтобы избежать злоупотреблений, которые при этом могли бы возникнуть, Статут 1529 г. разрешает девушке, желающей выйти замуж, но которой братья и дядья чинят в этом препятствия, обратиться за помощью «дальшых кровных своих, або до враду». В таком случае она не теряет права на имущество. Если же она не обратится к властям или близким и, будучи совершеннолетней, все-таки выйдет замуж, «тогды имене тратит»[16]. Статут предвидит возможность оскорбления детьми отца или матери. В случае, «естли бы сын отца вдарил або зсоромотил, або которые втиски и пренагабанья ему учинил», отец имеет право лишить сына права наследования. Если у отца был один сын, тогда две части имущества переходят к родственникам, а третью часть он может «обернути» по собственному усмотрению. В аналогичных случаях и мать может отстранить свою дочь «от своее части материстого»[17]. Статут первой редакции не разрешает лишения права наследования через духовную запись. Чтобы избежать злоупотреблений, Статут требует, чтобы та сторона, которая имеет намерение лишить детей наследства, «пришод перед господарем, або перед урадником, поведити и дати на него слушные причины», тогда если с этим согласится власть или господарь, то проявившего неуважение к родителям можно «за его выступ злый записом от именя отдалити»[18].

Статут второй редакции затрагивает те же вопросы, которые были подняты в Статуте первой редакции. Стоя на точке зрения недопустимости лишения детей права наследования отцовского и материнского имущества, Статут второй редакции допускает также ряд исключений, отчасти аналогичных первому Статуту, отчасти вводит новые случаи, благодаря которым отец имеет право лишить своих детей имущества. Статут 1566 г. отказался отстранять от прав на владение недвижимостью тех девушек, которые вышли замуж за иноземцев. Статут требует только, «иж бы который кольвек оселый и неоселый оженился в Литве и побрал по жоне именья», в случае «войны и каждое

---

[14] Статут 1529 г., разд. IV, арт. 10.
[15] Там же, арт. 11.
[16] Там же, арт. 12.
[17] Там же, арт. 14.
[18] Там же.

потребы великого князства Литовского», был обязан отбывать с того имущества военную службу, не отпираясь тем, что жена ему тех имуществ не записала. В случае, если это требование им будет нарушено, тогда он и его жена «тратят тые именя»[19]. Статут 1566 г. полностью разделяет точку зрения первого Статута, согласно которой девушки, вышедшие замуж без согласия родителей, теряют право на получение приданого и отстраняются от имущества «отчизного и материстого»[20]. Также Статут 1566 г. стоит на той точке зрения, что девушка, вышедшая замуж без согласия на то братьев или родственников или без согласия власти и если братья препятствуют этому браку, отстраняется от наследства[21]. Статут 1566 г. предусматривает еще новый случай, когда девушка или вдова могут быть лишены отцовского и материнского имущества. Так, если девушка или вдова шляхетского происхождения выйдут замуж за человека из простого сословия, то они лишаются всего имущества, которое переходит к родственникам. Однако получившие наследство должны такой «девце або вдове за тые именья ее отложыти суму пенезей подле шацунку статутового, але по половицы то ей даючы за кождую службу людей 5 коп грошей, а иншые кгрунты сумы по половицы»[22]. Кроме того, вдовы и девушки, которые вышли замуж за человека из простого сословия, теряют свое вено. Всякие обязанности детей и кровных теряют в таком случае свою силу. Статут второй редакции предусматривает также ряд случаев, когда родители, понятно, с согласия соответствующей власти, имеют право лишить своих детей наследства. Он предусматривает возможности: 1) когда «сын кгвалтовне руку поднесет на родичов, альбо именье за живота з рук отцовских кгвалтовне отыймет»; 2) если сын причинит «значную кривду» своему отцу или каким-нибудь образом совершит покушение на его жизнь; 3) если сын или дочь по злу и ненависти будут покушаться на жизнь отца или матери; 4) когда сын откажется взять на поруки отца, хотя дело касалось бы жизни последнего, или вообще отказывался бы взять на себя какую-нибудь обязанность по отношению к своему отцу; 5) если девушка, не вышедшая замуж несмотря на то, что кровные родные ей в этом не препятствовали, ведет себя недостойно, а достигнув 25-летнего возраста все-таки не вышла замуж и ведет прежний образ жизни, «тогды родичове могут от именья выдедичить, а то для того, аж их послушна быть и в малженство пойти не хотела»; 6) если сын психически ненормален в «земстью розума»; 7) если кто-нибудь из родите-

[19] Статут 1566 г., разд. V, арт. 6.
[20] Там же, арт. 7.
[21] Там же, арт. 8.
[22] Там же, арт. 11.

лей оказался в плену, а сын отказался их выкупить, владея при этом своим собственным имуществом; 8) сыновья, которые отступились от христианской веры. Лишение сыновей права наследования может быть сделано только в присутствии представителя власти. Последний должен выслушать сделанное заявление, проверить его основание и затем записать в соответствующую книгу [23].

Право владения недвижимым имуществом основывается на господарском пожаловании, подтвержденном грамотой или давностью лет. Всякое земельное держание должно соответствовать тому, что записано в господарской грамоте. Землевладелец, который получил от великого князя грамоту на земельное владение, но при вводе во владение захватил больше, «нижли просил», в таком случае «тую выслугу и данину тратит». Равно если землевладелец захватил бы без дарения землю и присоединил ее к своей земле, то такое лицо теряет свою выслугу и «тое забрание», которое отходит господарю. Также если кто-нибудь «ку отчизному своему имению люди або земли, пущи, або ловы, озера без данины забрал», то в таком случае, с целью наказания, из его имущества выделяется часть, равная по ценности забранному им имуществу, которое «спадывает на господаря». В случае, если землевладелец захватил только людей с землей или без земли или захватил только землю, то из его владений взыскивается соответствующая компенсация — «мает кождого чоловека колко будеть взял свои отчизным навязывати и з землями, а земли кождую землею» [24].

Правительство Великого княжества Литовского строго придерживалось вышеуказанной статьи первого Статута. При проведении аграрной реформы Сигизмунда-Августа в западных частях Великого княжества Литовского проверялись права на землю. В случае, если держатели земли не имели соответствующих документов на право владения землей, то все эти земли отписывались на господаря [25]. Землевладельцы Великого княжества Литовского могли оказаться владельцами земель, на которые они к моменту издания Статута 1529 г. не имели никаких документов и право владения которыми основывалось только на давности времени. Уже в шляхетских привилеях говорилось о такого рода земельных владениях и привилеи фактически закрепляли их за бывшими владельцами. Статут 1529 г. гарантировал шляхте неприкосновенность таких держаний. Так, право владения сохранялось за теми, кто владел имуществом и населенными землями еще со времен Казимира, хотя и не имел

---

[23] Там же, разд. VIII, арт. 7.
[24] Статут 1529 г., разд. I, арт. 8.
[25] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., ч. I.

бы на них никаких оправдательных документов, но на которые никто не заявлял бы претензий, «а о том до короля Олександра будет никто ся не привпоминал бы»[26]. В случае же предъявления иска относительно незаконного владения великий князь должен был «справедливость чинити без отволоки»[27]. Если же кто-нибудь отнимет у такого владельца земли, а потом выяснится, что эта земля находилась во владении семьи со времен Витовта, Сигизмунда или Казимира, то такой владелец сохраняет полное право на свою землю[28].

Статут первой редакции, закрепляя за владельцами земли, которыми они владели без документов с давних времен, при отсутствии каких бы то ни было встречных спорных исков на право владения землею, должен был также точно определить и срок давности, после которого никакие иски относительно недвижимого имущества не будут действительными. Статут первой редакции окончательно определяет срок давности 10 годами. По истечении 10 лет всякие иски являются недействительными и недвижимое владение остается в руках того лица, которое держало землю в продолжение указанного времени. Однако этот срок давности не распространяется на малолетних до момента их совершеннолетия, когда взрослому «младенцу» исполнится 18 лет, а «девце» 15 лет. Также срок давности не имеет своего юридического значения для тех лиц, которые находились за границей, конечно, с разрешения великого князя, вплоть до возвращения такого лица домой. Для тех же, кто возвратился из-за границы, срок земской давности начинается «от того часу как с чужое стороны к своей земли приедеть»[29].

Статут первой редакции предусматривает возможность такого случая, когда два лица претендуют на одну и ту же землю и когда каждое из них, добившись прав на нее, имеет полное основание для своих домогательств. Такие спорные вопросы могут возникнуть только в том случае, когда правительство выдаст два документа на право владения одной и той же землей и людьми. Понятно, выдача двух документов является результатом ошибки правительства или злоупотреблений со стороны того, кто просил о дарении, зная, что это владение находится в руках другого. В таких случаях сохраняет свою силу «першы привилеи або лист, колко лет поживал и в держаню был». Статут поднимает также вопрос о том, как быть с теми землями, которые были пожалованы землевладельцам, а те, несмотря на то, что получили от господаря листы на владение землей, в продолжение 10 лет не вошли во владение данными им землями.

[26] Статут 1529 г., разд. I, арт. 15.
[27] Там же, арт. 14.
[28] Там же, арт. 19.
[29] Там же, арт. 18.

В таком случае, за исключением срока давности, они теряют право на владение пожалованной великим князем землей [30]. Статут второй редакции затрагивает те же вопросы, хотя в решение последних он не вносит никаких изменений [31].

Уже шляхетские привилегии позволили владельцам недвижимого имущества распоряжаться им по собственному желанию [32]. Правительство должно было контролировать свободу возврата земельной собственности с тем, чтобы от этого не пострадали интересы государства, так как каждое земельное держание было связано с отправлением военной повинности государству.

Статут 1529 г. сохраняет за землевладельцами право свободного распоряжения своими землями, однако ограничивает его в отношении фамильных и выслуженных имуществ («волную моц мает именя своего третюю часть отдати, продати, даровати и в пожитки доброволные привести»), соблюдая, конечно, установленные законом формальности и получение от центральной или провинциальной власти разрешения на право заключения соответствующих гражданских сделок [33]. Разумеется, господарская администрация не могла чинить никаких преград в том случае, когда отчуждению подлежала только третья часть владения. Само же обращение землевладельца к администрации было вызвано необходимостью контроля со стороны государственной власти, которая следила за тем, чтобы не был нарушен закон владельцами земельной собственности. Однако Статут, давая землевладельцу право продать навечно только третью часть имущества, в то же время разрешает последнему в случае необходимости, «естли б была б потреба на службу нашу земскую пенезеи... тогды можеть и тые две части заставити в толку», при условии, что закладная сумма не будет превышать стоимость отданных в залог двух частей. В случае нарушения этого требования родственники при выкупе заложенного имущества «не повинны болш дати одно чого стоять тые две части». Лицо, которое взяло имущество в залог и дало заем, превышающий стоимость имущества, теряет этот остаток безвозвратно [34].

Статут 1529 г., позволяя отчуждение определенного количества земли, также допуская возможность отдачи в залог и последней непроданной земли, шел навстречу тогдашним требованиям жизни. Народное хозяйство, которое тогда уже

---

[30] Там же, арт. 24.

[31] Статут 1566 г., разд. I, арт. 15, 28, 29; разд. III, арт. 38.

[32] М. К. Любавский. Очерки истории Литовско-Русского государства..., привилей 1413, арт. 4; привилей 1447 г., арт. 1.

[33] Статут 1529 г., разд. I, арт. 15.

[34] Там же, арт. 16.

развилось, и особенно происходивший сельскохозяйственный подъем создавали крайнюю необходимость мобилизации земельной собственности. Погоня за землею со стороны отдельных представителей шляхетского сословия была причиной значительного предложения своих земель на продажу отдельными землевладельцами [35].

Ограничение первого Статута относительно прав распоряжения находилось в противоречии как с запросами народного хозяйства, так и со шляхетскими правами и привилегиями. Если шляхетские права давали шляхтичам право свободного распоряжения своим имуществом, но последнее все-таки ограничивалось действовавшим законодательством, то совершенно понятно, что класс землевладельцев должен был стремиться к тому, чтобы добиться изменений соответствующей статьи первого Статута. Вначале все ограничения первого Статута были сохранены в Статуте 1566 г. [36], что, понятно, находилось в полном противоречии со статьей того же Статута, позволявшего «всим станом шляхецского народу яко и людем вольным... именьями своими отчизными, материстыми и яким же кольвек обычаем набытыми шафовати, подле потребы, воли и подобанья своего отдати, продати, даровати, записати, заставити в долгу и в сумах завести, заменяти» [37]. Неизменная юридическая норма Литовского статута встретила противодействие со стороны шляхты на Берестейском сейме 1566 г., который отменил вышеуказанную статью Статута. Согласно решению Берестейского сейма, каждый землевладелец имеет право распоряжаться своим отцовским, земским, материнским, выслуженным и купленным имуществом безо всякого ограничения. Каждый землевладелец имеет право «водле доброе воли своее и мысли, отдати, продати, даровати и записати, заставити, от детей и близких отдалити, подле баченья своего тым шафовати». Для совершения такой сделки теперь уже не требуется разрешения государственной власти. Шляхтич, совершающий ту или иную гражданскую сделку, должен был сообщить об этом власти для занесения его заявления в соответствующие актовые книги о том, что такое-то имущество перешло во владение другого лица [38].

Статут первой редакции, позволяя отчуждение определенной части имущества, однако не распространяет данного права на опекунов. Последний «не моцон есть отчизны детиное продати, або яко колве стратити, а ни тэж того именя их граничити».

---

[35] У. Пічэта. Эпоха гарадзкое гаспадаркі на Беларусі. «Полымя», 1925, № 6, стр. 125—139; его же. Эпоха городского хозяйства Белоруссии. См. настоящий сборник.

[36] Статут 1566 г., разд. III, арт. 4.

[37] Там же, арт. 33.

[38] Там же, разд. VII, арт. 1.

В случае нарушения опекуном этого постановления дети, достигнув совершеннолетия, сохраняют за собой право добиваться через суд восстановления своих нарушенных интересов. Причем в таком случае земская давность берет свое начало только с того момента, когда дети достигнут «суполных лет» [39]. Также старший сын или старший брат, который был опекуном своих братьев и в то же время совладельцем неразделенного имущества, не может, за исключением только части, на его долю приходящейся, «задолжити, продати, заставити, отдалити, втратити». В случае, если совладельцам придется отвечать за долговые обязательства родителей, находящиеся на имуществе, старший брат «с ведомом и з волею и с порадою старших приятелей дому своего, тогды моцон будет именья брати своее в пенезях завести, а тые долги отцовские, або матчины со всих частей мают заплатити з тых же пенезей», при том, однако, условии, что сумма, полученная за отданное в залог имущество, не будет превышать величины долгов [40].

Статут 1566 г. не внес никаких изменений в постановление первого Статута [41].

Статут первой редакции, ограничив право распоряжения владельца своей отцовской землей, ввел также ограничения и в право землевладельцев относительно завещаний. Поскольку право завещавших было совершенно свободным и часть земли могла быть передана при завещании в чужие руки, постольку Статут первой редакции ограничил одной третьей частью фамильного и выслуженного имущества, которую можно отдавать по завещанию [42].

Статутовое право знает еще особый вид землевладения, так называемое «заставное землевладение», которое уже к началу XV в. имело известное распространение. Под заставным землевладением Статут понимает земли, отданные за долг в обеспечение последнего. Обычно заставные дворы переходили во владение и эксплуатацию кредитора. Прибыль от эксплуатации является своего рода процентами за деньги, взятые в долг. Право заставы широко практиковалось в конце XV и начале XVI в. как самим господарем, так и частными лицами. Огромное количество великокняжеских доменов было отдано в залог литовско-белорусским магнатам [43]. Обычно заложенным владением распоряжался кредитор. Однако были случаи, когда заложенное имущество оставалось в пользовании владельца.

---

[39] Статут 1566 г., разд. V, арт. 7.

[40] Статут 1529 г., разд. V, арт. 7.

[41] Статут 1566 г., разд. VI, арт. 10, 11.

[42] Статут 1529 г., разд. V, арт. 18.

[43] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., ч. I, стр. 37.

Конечно, это было исключением. Залоговые сделки заключались на срок и без определения последнего.

Передавая во временное пользование заставы, владелец не теряет права собственности на заложенное недвижимое имущество. Благодаря этому земская давность не распространяется на заложенные владения, ибо кредитор, получивший землю в залог, не является полным распорядителем владения. Благодаря отсутствию права земской давности относительно бессрочно заложенного имущества, владелец последнего имеет право «отложивши перед врядом пенези», потребовать обратного возвращения «заставленных держаний дедицства своего... так за правом, своим прирожоным, так яко колве инак набытым». Держатель залога не имеет возможности отказать владельцу в обратном возвращении отданной в залог недвижимости. В случае, если держатель залога при предъявлении иска не явился на суд, то владелец входит во владение заложенным имуществом, а заставная сумма остается в распоряжении правительства для передачи ее держателю заложенного имущества, который не явился на суд [44]. Затем Статут предусматривает возможность такого случая, когда истекает срок залоговой сделки, а сам владелец не имеет возможности выкупить свое имущество. В таком случае Статут дает владельцу имущества льготный годовой срок, по истечении которого имущество может быть выкуплено [45]. Если по установлении этого срока сам владелец имущества или его родственники, к которым должен обратиться владелец заложенного имущества с предложением выкупить последнее, не сделают этого в течение льготного годового срока, то заложенное имущество становится собственностью кредитора [46]. В случае, если лицо, заложившее имущество, умрет до выкупа, то Статут дает право сыну или родственнику выкупить имущество, не ожидая конца льготного срока [47].

Статут первой редакции охраняет интересы как владельца заложенного имущества, так и его близких от незаконного присвоения держателем заложенного имущества, без сохранения тех внешних форм, которые должны были защищать интересы семьи и в то же время ставить под охрану закона также и интересы держателей заложенных имуществ. Статут 1529 г. не допускает возвращения заложенного на срок имущества до момента истечения срока залога. Статут отрицательно относится к попыткам такого рода и рассматривает последние как действие криминального характера, за которое виновное лицо подлежит наказанию. Так, если кто-нибудь заставил кому-нибудь

---

[44] Статут 1529 г., разд. X, арт. 5.
[45] Там же, арт. 5.
[46] Там же, арт. 9.
[47] Там же, арт. 6.

имущество или своих людей на некоторый срок, а затем, не уплатив деньги по истечении срока, отнял заложенное имущество или людей, то виновный в таком поступке должен заплатить за насилие 12 руб. грошей потерпевшему и столько же в пользу великого князя. Кроме того, если заставленные люди не пожелали бы работать на своего временного держателя и тем самым принесли бы ему убыток, тогда владелец заложенного имущества «за кождый тыйдень мает платити навязки шесть грошей за того, который будет мети волы и клячу, а за того, который пеш будет, мает платити три грошы». Равно, если бы окончился срок заставы, а держатель заставленного имущества не пожелал бы взять надлежащую ему сумму денег и возвратить владельцам заставленное имущество, то в таком случае владелец должен обратиться к поветовому вижу, который должен отдать другой стороне принадлежащие ей деньги. Если держатель заложенного имущества отказался бы взять деньги, то тогда виж должен отдать деньги в господарскую казну и ввести во владение владельца имущества, которое было заложено [48].

Статут второй редакции не внес никаких изменений в сущность статутного заставного права [49].

Обычно в заставу отдавались только земли, которыми владельцы владели на правах полной собственности и неограниченного распоряжения [50]. И жена могла отдавать в заставу полученное от мужа вено. Всякого рода договоры о залоге имущества должны были быть в письменном виде. Застава имущества прекращалась в случае оплаты долга или при совершении выкупа. Имущество, не выкупленное в срок, после выполнения всех формальностей переходило в собственность кредитора [51].

Право владения землей, как общее правило, сопровождалось обязанностью для владельца отбывать военную повинность. Статутовое право не знает права владения землей, не связанного с отправлением военной повинности. Статут 1529 г. возлагает на каждого землевладельца обязанность отбывать военную повинность, согласно земскому решению, «яко на тот час будет потреба указывати». Каждый шляхтич обязан был являться на войну лично и, кроме того, отправлять на войну соответствующее количество вооруженных людей в зависимости от размера своего владения, причем то количество служб, с которых выставляется один вооруженный человек, определяется особым решением. Статут 1529 г., требуя, чтобы каждый землевладелец лично отбывал военную службу, допускает, однако, возможность неявки на военную службу в случае болезни,

[48] Там же, арт. 11.
[49] Статут 1566 г., разд. VIII, арт. 14, 15, 16, 18, 19.
[50] Там же, разд. VII, арт. 7.
[51] Там же, арт. 18.

засвидетельствованной надлежащим способом. В таком случае землевладелец обязан отправить вместо себя вооруженного человека. Также если бы здоровый шляхтич, имея взрослого сына невыделенного, пожелал бы отправить его на войну вместо себя, то, с согласия гетмана, такая замена отца сыном допускается [52]. В случае отсутствия согласия со стороны сына на войну должен ехать отец. Шляхтич, отказавшийся отбывать военную службу, теряет право на владение землей. Статут угрожает такому шляхтичу конфискацией его имущества [53]. Однако если шляхтич не приехал бы на войну по уважительным причинам, то, понятно, такая неявка не считается незаконной и не влечет за собой конфискации имущества [54].

Статут второй редакции не внес никаких изменений в общий характер обязательств служилых землевладельцев, за исключением только того, что всякого рода вопросы, касающиеся земской обороны, обязательно решаются на вальном сейме [55].

Что касается заставленных имуществ, то вопрос о том, кто должен был отбывать военную службу, был обойден в Статуте первой редакции. Возникшие на этой почве недоразумения требовали объяснения и даже юридического оформления. Это было сделано в Статуте 1566 г. Последний отмечает, как общее правило, что держатели заставленного имущества должны «службу земскую того заступовати», если только в заставном документе нет оговорки, что обязанность отбывать военную службу остается за его юридическим владельцем. Последние должны были отбывать военную службу и в том случае, если держателем залога были лица, не имевшие права по своему юридическому положению отбывать военную службу, «кгды бы оселости якое и можности не мог мети» [56].

Перевод с белорусского А. М. Корабельниковой и В. С. Поссе.

«Труды Белорусского государственного университета», т. 11, 1926.

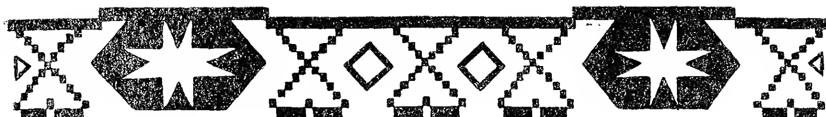
[52] Статут 1529 г., разд. II, арт. 1, 5, 6.

[53] Там же, арт. 1, 7.

[54] Там же, арт. 6.

[55] Статут 1566 г., разд. II, арт. 1, 2, 11, 12, 13.

[56] Там же, арт. 4.



ИЗУЧЕНИЕ ЛИТОВСКИХ СТАТУТОВ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1918—1940 гг.)

Феодальное право Великого княжества Литовского представлено в так называемых Литовских статутах трех редакций: 1529, 1566 и 1588 гг. Отсутствие «писаных прав», господство обычного права и Русской Правды, великокняжеские областные и шляхетские привилеи, многочисленные сеймовые «ухвалы», господарские листы и уставы, и судебные решения, выносимые высшими судебными инстанциями, создавали величайшие затруднения в суде и администрации. Выступавшие на историческую сцену средние и мелкие землевладельцы, так называемые земяне-шляхта, подняли на сеймах вопрос о кодификации права, что освободило бы их от произвола магнатов — крупных землевладельцев, в руках которых находились суд и администрация.

Настойчивые требования шляхты были удовлетворены, и на Виленском сейме 1529 г. был утвержден так называемый первый, или «старый», Литовский статут. В нем отражено право периода феодальной магнатской монархии. Магнаты юридически оформили то фактическое политическое положение, которое они занимали в Великом княжестве.

В середине XVI в. шляхта экономически окрепла, и ее политический удельный вес значительно увеличился. С 1544 г. она начинает выступать на сеймах с требованием «поправы» Статута. Великий князь и магнаты почти 20 лет давали отрицательные ответы на «просьбы» шляхты, но в период ливонской войны вынуждены были пойти на уступки — дать согласие на «поправу» Статута и провести судебную реформу. Итогом борьбы шляхты за «поправу» Статута было утверждение в марте 1566 г. Статута в новой редакции, значительно расширенной. Новый Статут отразил социально-политические изменения, происшедшие в Великом княжестве, и юридически оформил «шляхетизацию» социально-политического строя Великого княжества. На Люблинском сейме 1569 г. Великое княжество Литовское

и Королевство Польское объединились в одно федеративное государство — Речь Посполитую, в связи с чем вновь был поставлен вопрос о «поправе» Статута в духе сближения его с польским правом. Однако кодификационная комиссия придала своей работе иной характер. Она занялась «поправой» Статута 1566 г. как права самостоятельного Великого княжества Литовского и составила Статут новой редакции 1588 г., которая находилась в полном противоречии с актом Люблинской унии. В глазах шляхты Великого княжества Статут новой редакции стал «Основными законами Великого княжества» [1]. С присоединением Восточной Белоруссии к Российской империи Екатерина II уничтожила действие Литовского статута и ввела общеимперское законодательство, но в западнобелорусских, украинских и литовских землях, отошедших к России после второго и третьего разделов Речи Посполитой, было сохранено действие Литовского статута. При Павле I Статут вновь стал действующим правом в Восточной Белоруссии и опять был отменен после восстания 1830—1831 гг. в Польше [2]. В Западной Белоруссии, Литве и Правобережной Украине Статут сохранил значение действующего права. В 1811 г. Статут был переведен на русский язык, а при Николае I учреждена кодификационная комиссия, которая должна была согласовать старые нормы Статута с законодательными актами царского правительства. Под руководством Игнатия Даниловича, бывшего профессора Виленского университета, был составлен кодекс местного права [3]. Однако он не был введен в действие в силу протеста киевского генерал-губернатора Бибикова, и в 1840 г. указом Николая I действие Литовского статута и дополнительных к нему конституций было прекращено [4].

С начала XIX в. право Литовских статутов становится объектом изучения польских и русских исследователей.

Уже в первой половие XIX в. наметилось два течения по вопросу о сущности права статутов. Первый исследователь права Литовских статутов Тадеуш Чацкий видел в литовском праве только известный вариант польского права [5]. Эта точка зрения поддерживалась в XIX в. отдельными польскими исследовате-

---

[1] И. И. Лаппо. Постановления трех Виленских съездов 1587 г. «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову». СПб., 1911; его же. Литовский статут 1588 г., т. I. Каунас, 1934.

[2] Полное собрание законов, изд. 2, т. VI, № 4233. СПб.

[3] Свод местных законов западных губерний. СПб., 1910; А. Нольде. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском, вып. I. Попытка кодификации литовско-польского права. СПб., 1906.

[4] ПСЗ, т. XV, № 13591.

[5] T. Czaski. O litewskich i polskich prawach, o ich duchu źródłach. Warszawa, 1800—1801.

лями вплоть до наших дней. В известной степени защита польской точки зрения объяснялась политическими соображениями, так как польские шляхетские политики в период Царства Польского рассчитывали на присоединение к последнему бывших земель Великого княжества, и поэтому они стремились доказать польский характер права и культуры Великого княжества.

Исследования русских ученых были ударом по концепции польских ученых. Однако польские историки права с ними не считались. Они предпочитали замалчивать труды русских исследователей, поскольку их точка зрения была для них политически и научно неприемлемой. Поэтому можно говорить о двух направлениях в изучении права Литовских статутов — польского и русского. Конечно, русские исследователи Н. А. Максимейко, И. А. Малиновский, Г. В. Демченко не отрицали влияния немецкого, польского и римского права на отдельные юридические институты, что, впрочем, не изменяло общего характера права Литовских статутов как русского права. Работы польских, русских и украинских ученых по изучению права Литовских статутов в дореволюционное время дали значительные результаты [6]. Они послужили базой для дальнейшего углубленного изучения содержания и права Статутов. Из русских исследователей на литовское право обратил внимание историк права проф. С. В. Юшков. В своем курсе «История государства и права СССР» (М., 1940) он уделил некоторое внимание литовскому праву. С. В. Юшков рассматривает вопрос об «источниках права» и исследует «основные моменты в развитии гражданского и уголовного права», а также «основные начала судебного права Литовского государства». Характеризуя содержание Статута 1529 г., С. В. Юшков справедливо замечает: «В этом кодексе шляхта закрепила все те права, которые она получила путем так называемых привилеев, и вместе с тем создала правовые основания для эксплуатации крестьянства, преимущественно украинского и белорусского». Правильно также замечание С. В. Юшкова, что шляхта «была недовольна этим кодексом» и «стремилась еще сильнее развить свои права, закрепленные в первом Статуте». Ограничиваясь такой краткой характеристикой поведения шляхты, С. В. Юшков не выяснил, почему шляхта была недовольна Статутом 1529 г. Ведь последний юридически оформлял положение феодалов — магнатов — крупных землевладельцев, против которых начала вести борьбу шляхта. Источником Статутов, по мнению С. В. Юшкова, было русское феодальное право, главным образом Русская Правда. Некоторое влияние на составителей оказало немецкое право, в

---

[6] У. Пічэта. Распрацоўка літоўска-беларускага права у гістарычна-юрыдычнай літаратуры. «Полымя», 1926, № 8; 1927, № 2; его же. Разработка литовско-белорусского права XV—XVI вв. в историографии. См. настоящий сборник.

частности саксонское право,— через «Саксонское Зерцало». С. В. Юшков ошибочно полагает, будто польское и римское право отчасти отражено только в третьем Статуте. Относительно утверждения Статута 1588 г. С. В. Юшков ограничивается указанием, что в 1588 г. «после длительного обсуждения был утвержден третий Статут». Остается невыясненным, где обсуждался Статут и кто его утвердил. Несмотря на неизбежную сжатость изложения в учебном курсе, предназначенном для пользования студентами-юристами, очень ярко изложено гражданское, уголовное и судебно-процессуальное право Статутов. Значителен вклад украинских исследователей в дело изучения Литовских статутов. Так, проф. И. А. Малиновский в своих «Лекциях по истории русского права» касается «кодификации права в Литовско-Русском государстве». По мнению исследователя, основным источником Литовского статута 1529 г. были Русская Правда и обычное русское право. И. А. Малиновским отмечено влияние польского права, в особенности на постановления процессуальные и на раздел «О правах и преимуществах шляхетского сословия».

И. А. Малиновский, развивая положения И. Даниловича[7], отметил и влияние римского права, главным образом на второй и третий Статуты. Помимо этого, И. А. Малиновский в своем курсе познакомил читателя с государственным правом и системой гражданского и уголовного права, содержащегося в Литовских статутах[8]. Им же было исследовано государственное право Великого княжества Литовского и в более поздней ценной работе, опубликованной в Киеве на украинском языке; в основе лежали собственные его работы «Рада Великого княжества Литовского» и исследования виднейшего специалиста-историка «Литовско-Русского государства» — М. К. Любавского[9]. Украинские исследователи продолжали усердно работать над изучением Литовского статута. В первую очередь надо отметить исследования С. Борисенка. В 1929 г. по случаю 400-летия публикации Статута 1529 г. С. Борисенок опубликовал ценное исследование, посвященное изучению списков Литовского статута 1529 г. В этом исследовании автор затрагивает такие интересные вопросы, как научное значение Литовского статута 1529 г., «Кодификация 1529 г.», причины, из-за которых создались разные списки Литовского статута, и подробный критический анализ всех известных списков Литовского статута[10].

---

[7] I. Danilowicz. Historischer Blick auf die Littauische Gesetzgebung. Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russlands, 1834.

[8] И. А. Малиновский. Лекции по истории русского права. Ростов-на-Дону, 1918.

[9] И. А. Малиновський. Стародавній державний лад східніх словян і його пізніші зміні. Нариси з історії права. Київ, 1929.

С. Борисенку принадлежит и другая ценная работа, в которой он на основании всестороннего и глубокого критического изучения Русской Правды, областных привилеев и других документов подчеркивает национальный русский характер права Великого княжества [11]. Эти два ценных исследования С. Борисенка — большой вклад в историографию первого Литовского статута, окончательно похоронившие легенду о польском характере права Литовского статута. Киевский профессор Н. Товстолес, специалист по гражданскому праву, обратился к изучению такого своеобразного гражданско-правового института, как «застава», в праве Великого княжества с привлечением данных всех трех Статутов [12].

Литовские статуты — юридические памятники Великого княжества. Они действовали на всей его территории: в собственно Литве и на Жмуди, в Белоруссии и на Украине. Поэтому было бы грубейшей теоретической ошибкой придавать этим памятникам локальный характер. Однако на этот путь стали некоторые украинские исследователи. Так, Ростислав Лащенко считает Литовский статут 1566 г. памятником украинского права, а его язык — украинским языком [13]. К этой же точке зрения приближается и А. Яковлев [14]. В то же время В. Ластовский видит в них только белорусскую книгу [15]. Точка зрения Р. Лащенко вызвала справедливые замечания со стороны В. Дружчица, который правильно считает, что язык литовского Статута — язык белорусский [16]. Памятником белорусского языка считает Статуты также и академик Е. Ф. Карский. К мнению Р. Лащенко отнесся отрицательно и киевский исследователь С. Борисенок [17]. Взгляды Лащенко — Яковлева подверглись критике со стороны М. Сатурнина, А. Флоровского и И. Маркова, считающих их мнения бездоказательными [18]. И. Лаппо

---

[10] С. Борисенок. Списки Литовського Статуту 1529. «Праці Комісії для внучування історії західно-руського та україньско право», вып. VI, Київ, 1929.

[11] С. Барисенок. Нацыянальны характар Літоўскага Статуту 1529 г. «Полымя», 1927, № 6—7.

[12] М. Товстоліс. Суть застави за Літовським Статутом. «Праці Комисії для виучування історії західно-руського та українського права», вып. VI, 1929.

[13] Р. Лащенко. Літовский Статут, яко памятник украиньского права. Прага, 1923.

[14] А. Яковлів. Вплыви староческого права на право украинськое литовскої доби XV—XVI в. Прага, 1929.

[15] В. Ластоўскі. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна. 1926.

[16] В. Дружчыц. Об мове літоўскага Статуту. «Гіст.-арх. збор.», т. I, 1927.

[17] «Працы Комисії для виучування історії західно-руського та украінського права», вып. II. Киев, 1928, стр. 289.

[18] И И. Лаппо. Литовский статут 1588 г., т. I, стр. 111.

также отнесся отрицательно к стремлениям исследователей придать Статутам локальный, а не общегосударственный характер. В этих спорах, были ли Статуты 1529 и 1566 гг. украинского или белорусского происхождения, необходимо отметить наличие национализма и неисторичность. Белоруссия и Украина не были тогда самостоятельными государствами, а поэтому в них могло действовать только общегосударственное феодальное право. Равным образом и вопрос о языке — второстепенный. В это время белорусский и украинский литературные языки находились еще в процессе формирования. Язык Статутов был далек от подлинно народной речи. Важно отметить, что язык Статута русский, и, таким образом, Статут — это отражение влияния феодальной русской культуры, получившей значительное распространение среди феодального класса Литвы, еще не оказавшегося в сфере влияния польской культуры. Это не было отмечено ни одним исследователем националистического белорусского или украинского лагеря.

В изучении феодального права Литовских статутов приняли участие и белорусские исследователи с того времени, как в Минске в 1921 г. был учрежден Государственный университет, а в 1928 г.— Академия наук БССР. Работы белорусских исследователей касались главным образом земельного права и правового положения крестьянства, поскольку последнее было отражено в Литовских статутах. Молодые специалисты по истории Белоруссии А. Бурдзейко и Ф. Забелло исследовали отношения землевладельцев и земледельцев на основе Статутов 1566 и 1588 гг. [19], а К. Товстолес обратилась к изучению гражданского и семейного права Литовских статутов [20].

Земельное право Литовских статутов 1529 и 1566 г. было также предметом исследования В. И. Пичеты [21]. В исследовании «К истории опекунского права в Литве» он стремился показать, как нормы опекунского права Русской Правды получили дальнейшее развитие в решениях великокняжеской судебной инстанции и, наконец, юридическую формулировку в Статуте 1529 г. [22] В. И. Пичета исследовал положение сельского населения на частновладельческих землях Великого княжества

---

[19] А. Бурдзейка. Земляўласьнік і земляроб па Статуту Літоўскаму 1566 г. Минск, 1928; Т. Забела. Земляўласьнік і земляроб па Статуту Літоўскаму 1588. «Працы Бел. дзярж. унів.», № 20.

[20] К. Таусталес. Застаўнае права. «Працы Бел. дзярж. унів.», № 21.

[21] В. Пичета. История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. I, стр. 113—132, 173—176; его же. Зямельнае права у Статутах 1529 и 1566 гг. «Працы Бел. дзярж. унів.», № 11, 1926; его же. Земельное право в Статутах 1529 и 1566 гг. См. настоящий сборник.

[22] У. Пічэта. До історії опікуньского права в Літовському Статуті 1529 р. «Юв. Збірник на пошану акад. Д. І. Багалія». Киев, 1927.

Литовского ко времени издания Литовского статута 1529 г. На основе изучения актового материала Литовской метрики В. Пичета пришел к выводу, что нормы Статута 1529 г., характеризующие положение «рабов-челяди невольной» и «непохожих» (крепостных) людей, лишь обобщили судебные решения высшей судебной инстанции [23].

Польские исследователи также уделили много внимания изучению права Литовских статутов. Так, Ян Адамус обратился к изучению «Заставного права», изучал «заставу» недвижимости, движимости и личности [24]. Я. Герлях изучал положение духовных согласно праву третьего Статута [25]. В 1953 г. в Вильно в связи с 400-летием Статута 1529 г. вышел сборник статей [26], в котором ряд статей был посвящен отдельным вопросам, касающимся права Великого княжества Литовского. Так, В. Намысловский опубликовал исследование о внесудебных органах в южнославянских и польско-литовских странах [27].

В той же «Памятной книге» Фр. Боссовский опубликовал статью, в которой он рассматривает отражение Новеллы Юстиана 115 во всех редакциях Статута о праве отца и матери лишать наследства детей и родственников, если кто-нибудь из них поднял на родителей руку или причинил им какую-либо обиду. Автор полагает, что эта Новелла попала в Статут под влиянием православного духовенства через Кормчую книгу [28].

К. Кораный разобрал в своей статье отдельные уголовные постановления Литовского статута 1529 г. [29]

Р. Таубеншляг коснулся вопроса о содержании «позева», который подавался истцами в суд для привлечения ответчика к суду [30]. В. Гейнош затронул вопрос о «неволе» в первом Статуте «челяди невольной» и феодально-зависимого населения [31].

[23] У. Пічэта. Юрыдычнае становішча вясковага насельніцтва на прыватна-уласьніцкіх землях к часу выданьня Літоўскага Статуту 1529 р. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы Клясы гісторы», вып. II и III. Мінск, 1928—1929; его же. Юридическое положение сельского населения на частновладельческих землях ко времени издания Литовского статута 1529 г. См. настоящий сборник.

[24] J. Adamus. Zastaw w prawie litewskiem. Lwów, 1928.

[25] J. Gerliach. Stanowisko duchownych wedle statutu III litewskiego. Ateneum wileńskie, R. I.

[26] Księga pamiątkowa ku uszczeniu czterechsetnej roczniy Wydania pierwszego Statutu Litewskiego. Wilno, 1935.

[27] W. F. Namystowski. Pozasądowe organy porządku prawnego w krajach południowo-slowiańskich i polsko-litewskich, str. 84—106.

[28] Fr. Bossowski. Nowela Justynjana — Statut Litewski, str. 107—128.

[29] K. Koranyj. O niektórych postanoweniach karnych statutu litewskiego z r. 1529, str. 123—158.

[30] R. Taubenschlag. Pozew w I i II statucie litewskim, str. 327—328.

[31] W. Hejnosz. Kilka uwag o «niewoli» w I Statucie litewskim, str. 329—362.

Внимание С. Пташицкого было сосредоточено главным образом на третьем Статуте. В той же книге им было напечатано две статьи. В первой из них С. Пташицкий рассматривает вопрос об издании третьего Статута литовского и его переработке [32]. Автор сравнивает польский перевод Статута в 1614 г. с русским текстом 1588 г. и отмечает текстуальные разногласия между ними. Равным образом им отмечены разночтения в печатных изданиях Статута 1588 г. Наконец, автор отмечает разногласия между Статутом 1588 г. и его переводом на русский язык з XVII в., что, по его мнению, объясняется непониманием Москвой «русского языка», принятого в Литве. Во второй статье «Конфедерация Варшавская 1573 г. в третьем Литовском статуте» [33] С. Пташицкий отмечает, что в третьем разделе артикула четвертого в Статут вписана Конфедерация Варшавская 1573 г. Самый перевод сделан с польского перевода, а не латинского оригинала, что, по мнению автора, свидетельствует о том, что в Литве не знали латинского языка, но «были хорошо знакомы с польским языком». В том же году С. Пташицкий напечатал и третью статью — «Нечто о третьем Статуте и о правовых нормах на Литве после него» [34]. Вопреки С. Бершадскому (1893) и Ф. Леонтовичу, утверждавшим, что единственным правительственным изданием Статута было русское издание 1588 г., автор полагает, что издание 1588 г. не было правительственным и что на Литве пользовались в судебной практике всеми конституциями, а не только специально изданными для Литвы; он установил это еще в 1893 г. в своих замечаниях по поводу исследований С. Бершадского и Ф. Леонтовича.

Для польских историков права характерно полное игнорирование работ русских исследователей по изучению Литовских статутов. Проф. С. Эстрейхер договорился даже до того, что он Литовский статут отнес к польской юридической культуре XVI в., что Статут 1529 г. вышел из великокняжеской канцелярии, что Статут — сборник обычного права, что на нем не сказалось влияние римского права. Все эти рассуждения, конечно, не имеют никакой научной ценности и находятся в полном противоречии с документальным материалом [35].

А. Брюкнер, профессор Берлинского университета, также высказывал свое мнение о Литовском статуте 1588 г. Он оши-

---

[32] S. Ptaszycki. Pierwsze wydanie trzeciego Statutu litewskiego i jego przerobki, str. 159—184.

[33] S. Ptaszycki. Konfederacja Warszawska roku 1573 w trzecim Statucie Litewskim, str. 185—213.

[34] S. Ptaszycki. Nieco o Trzecim Statucie litewskim i normach prawnych po nim na Litiwie. Księga Pamiątkowa ku czci Osw Balzera. Lwów. 1925.

[35] Kultura Staropolska. Kraków, 1932, str. 72—73.

бочно считает, что Статут 1588 г. был тогда же переведен на польский язык, что давно опровергнуто русскими и польскими исследователями; также ошибочно его утверждение, будто Статут распространялся между «русской» шляхтой в польском переводе, хотя последний вышел только в 1614 г.[36]

Подобного рода «научные рассуждения» являются лишь показателем тщетной попытки Эстрейхера и Брюкнера возродить шовинистические представления о польском характере статутов в духе Т. Чацкого. Мало того, профессор Виленского университета К. Эренкрейц дерзнул прямо сказать, что не следует считаться с работами И. И. Лаппо. Последний же в своих работах о Литовском статуте всегда защищал национальный характер права Великого княжества[37].

Справедливую отповедь этим шовинистическим теориям дал Н. В. Василенко, доказавший, что подобного рода статьи ничего общего с наукой не имеют[38]. Нельзя не согласиться с подобной оценкой выходки виленского юриста.

Литовский статут 1529 г. привлек к себе внимание и литовских ученых. На 400-летие Литовского статута отозвался Игнатий Ионинас[39]. Литовско-русское право и история Литовского статута исследовались сербским историком-юристом Ф. Тарановским[40].

Несмотря на значительное количество работ, посвященных праву Великого княжества Литовского, не было ни одной работы, в которой всесторонне был бы исследован каждый Статут в отдельности. Этот существенный пробел был заполнен И. И. Лаппо, профессором Каунасского университета, опубликовавшим замечательный труд «Литовский статут 1588 г.» (т. I и II, Каунас, 1934—1936). И. И. Лаппо — виднейший исследователь истории права и истории Великого княжества Литовского; в то время как исследования М. К. Любавского не выходили за пределы литовско-польской унии 1569 г.[41], И. И. Лаппо перешагнул эту сакраментальную дату. В польской историографии преобладала теория, будто Великое княжество Литовское после Люблинской унии стало обычной провинцией Польского государства. И. И. Лаппо полагал, что политическая жизнь Литвы

---

[36] Там же, стр. 712.

[37] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория. СПБ., 1901.

[38] «Праці комісії для виучування історії західно-руського та украинського права», вып. III, стр. 445.

[39] I. Jonynas. Pirmasis Lietuvos statas, 440 metu sukaktoviu. Praga — Kaunas, 1930.

[40] Ф. Тарановский. Литванско-руско право и историја от Литванского Статута. «Архив за правне и друштвене науке», кн. XXIX, 1934.

[41] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление...

как самостоятельного государства не прекращалась и после унии 1569 г. [42]

В 1916 г. И. И. Лаппо издал текст Литовского статута 1588 г. в русском переводе XVII в., который стал одним из источников Уложения 1649 г. Изучая вопрос об утверждении Литовского статута 1588 г., И. И. Лаппо пришел к выводу, что третий Статут не был рассмотрен сеймом, а утвержден только королем как великим князем [43]. В 1922 г. И. И. Лаппо вновь коснулся вопроса о Литовском статуте и его санкции в чешском юридическом журнале [44], а в следующем году опубликовал ценное исследование об «Основных законах Великого княжества Литовского», какими он считает Статут 1588 г. [45]

М. К. Любавский характеризовал унию 1569 г. как парламентарную. В этих условиях Великое княжество Литовское сохраняло свой автономный строй. И. И. Лаппо пошел несколько дальше, считая, что уния 1569 г.— это договор двух юридически равноправных государств, на основе которого было создано федеративное Польско-Литовское государство. Эта точка зрения, разумеется, была отвергнута польской историографией. Только С. Кутшеба вынужден был признать, что уния 1569 г. не уничтожила внутренней самостоятельности Литвы [46]. Белорусский исследователь В. Дружчица также указывает на федеративный характер Речи Посполитой после 1569 г. [47] Федеративный характер Речи Посполитой отмечается и В. И. Пичета [48]. Литовский исследователь К. Авижонис в своей монографии «Боярство в государственной жизни Литвы времени великих князей Ваза» вообще рассматривает Литву как отдельное государство [49].

---

[42] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское...; его же. Великое княжество Литовское во второй половине XVI ст. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911; его же. Постановления трех Виленских съездов 1587 г. «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову...», СПб., 1911; его же. Западная Россия и ее соединение с Польшей в историческом прошлом. Прага, 1924.

[43] И. И. Лаппо. К вопросу об утверждении Литовского статута 1588 г. «Сборник статей в честь М. К. Любавского», Пг., 1917.

[44] I. Lappo. Litewsky statut a jeho sankcé v. r. 1588. Sbornik vўd prawnych a státnich. Ročnik XXII. Praga, 1922.

[45] I. Lappo. Základni zàkony velikého knižetsva Litevského a Polsko. Sbornik rèd. R. XXIII, 1923.

[46] S. Kutrzeba. Unja Polski z Litwą. Kraków, 1916.

[47] В. Дружчыц. Палажэньне Літоўска Беларускай дзяржавы пасьля Люблінскай вуніі. «Працы Бел. дзярж. унів.», № 6—7.

[48] В. И. Пичета. Польша на путях колонизации Белоруссии и Украины. Люблинская уния и ее последствия. «Исторические записки», № 7, 1940.

[49] K. Avižonis. Bajora alstybiniame Lietuvųs gyvenime Vązų laikais. Kaunas, 1940.

Вышеназванное капитальное исследование И. И. Лаппо подводит итоги его многолетнему изучению Литовского статута 1588 г., работа над которым была начата им еще в 1912 г., когда Академия наук предложила ему подготовить критическое издание текста третьего Литовского статута. Работа над Литовским статутом потребовала длительного труда в разных архивах и древнехранилищах. Можно сказать, что разрешение вопросов, поднятых И. И. Лаппо в связи с изучением Литовского статута 1588 г., будет принято подлинно объективными учеными. В первой главе своего исследования И. И. Лаппо касается «Составления и утверждения второго Литовского статута 1566 г.». В основном история составления второго Статута уже достаточно полно была исследована М. К. Любавским в его классической монографии «Литовско-русский сейм» (1900). Однако исследователям было мало известно о работе комиссии, избранной для составления Статута. И. И. Лаппо собрал ценные данные, свидетельствующие, что в работу комиссии вторгались «станы» сейма, предъявлявшие ей свои просьбы. Второй Статут — итоги работы Статутовой комиссии и сейма Великого княжества. Статутовая комиссия была составлена из 10 членов — по пяти от «закону Римского» и от «закону Греческого». Членами комиссии от «Римскому закону» были: епископ жмудский Ян Доманевский, виленский каноник Станислав Габриалович, виленский судья Павел Островицкий, посол на сейме в 1566 г. Мартин Володкович и виленский войт Августин Ротундус, личность и деятельность которого впервые получили всестороннее освещение в работе И. И. Лаппо. Согласно предположению исследователя, автором перевода Статута на латинский язык, сделанного по распоряжению Стефана Батория, был Ротундус. И. И. Лаппо не удалось выяснить имена пяти членов от «закону Греческого». Кроме того, в работах комиссии принимал участие Петр Ронзий — «гишпан», первоклассный юрист, руководитель «школы права гражданского, римского, саксонского, литовского». Это была «научная школа» литовских юристов, организаторов подготовки деятелей литовских судов и адвокатов [50]. И. И. Лаппо впервые знакомит читателя с работой Статутовой комиссии. Она представляется И. И. Лаппо в следующем виде: комиссия должна была пересмотреть Статут 1529 г., удалить из него устаревшие статьи и исправить и дополнить некоторые другие. При выполнении своей работы по «поправе» Статута комиссия пользовалась памятниками иностранного законодательства «прав христианских». И. И. Лаппо отмечает рецепцию римского права, вопреки утверждению Т. Чацкого, что было установлено И. Даниловичем еще в 30-х

[50] И. И. Лаппо. Литовский статут 1588 г., т. I, стр. 40.

годах прошлого столетия. И. И. Лаппо полагает, что римское право проникло не только через рецепцию канонического и немецкого права, но и непосредственно из первоисточников, поскольку в комиссии принимал участие Ронзий — этот, по словам И. И. Лаппо, «фанатик Римского права». Помимо «прав христианских» в Статуте отразилось и влияние польского права, но, по справедливому замечанию автора, «польское влияние не превращало право Великого княжества Литовского в польское право»[51]. Сравнивая оба статута, И. И. Лаппо и по содержанию и по редакции статей Статута отдает предпочтение второму Статуту. «Он представляет собой такую переработку первого Статута, что заслуживает признания его кодексом, знаменующим собою новую эпоху в истории законодательства Литвы»[52].

Литовский статут 1566 г. еще не получил сеймового утверждения, как началась новая «поправа» Статута. Поправки были внесены на сеймах — Берестейском 1566 г. и Городенском 1566—1567 гг. Внесенные в Статут изменения подробно исследованы И. И. Лаппо. Политически важной была поправка к Статуту о запрещении «чужеземцам и заграничникам» владеть землей и занимать должности[53]. Очень важна была и другая поправка, в силу которой земельный собственник получил право неограниченного распоряжения своей собственностью[54].

Литовский статут новой редакции вызвал недовольство со стороны татар и евреев. И те и другие были лишены права быть свидетелями на суде; равным образом они были недовольны и другими ограничениями[55]. На Городенском сейме 1568 г. «станы» сейма просили великого князя об учреждении комиссии для пересмотра Статута. Эта комиссия была составлена и утверждена Люблинским сеймом 1569 г.[56]

И. И. Лаппо дал подробную характеристику членов этой комиссии. Великое княжество Литовское накануне Люблинской унии 1569 г. было независимым государством, а Статут 1566 г., полагает И. И. Лаппо, представлял собою «Основные законы Великого княжества»[57]. Он составлялся в то время, когда вопрос об унии Литвы с Польшей стал актуальной политической проблемой. Составители Статута, по мнению И. И. Лаппо, полагали, что «в унии» «Литовская Речь Посполитая» должна остаться полноправным государством рядом с Польской Коро-

---

[51] И. И. Лаппо. Литовский статут 1588 г., т. I, стр. 134.
[52] Там же, стр. 156.
[53] Там же, стр. 163.
[54] Там же, стр. 171.
[55] Там же, стр. 179—181.
[56] Там же, стр. 186—187.
[57] Там же, стр. 207—213.

ной и отнюдь «не слиться с нею в единое государственное целое»[58]. Отдельная глава посвящена такому важному вопросу в истории Великого княжества, как Люблинская уния 1569 г. В оценке Люблинской унии И. И. Лаппо стоит на тех же точках зрения, какие им были высказаны в его большой монографии «Великое Княжество Литовское» (т. 1, СПб., 1901), в труде «Западная Россия и ее соединение с Польшей в ее историческом прошлом» (Прага, 1924) и в литовской книге «Lietuva ir Lenkija po 1569 m. Liublion Unijos» (Каунас, 1932). И. И. Лаппо не ограничивается изложением истории унии до 1569 г., но довольно подробно рассказывает об униях Великого княжества с Польшей и об их отношениях. Научно-объективно история литовско-польских уний была представлена М. К. Любавским в его монографии «Литовско-русский сейм» и далеко не объективно О. Галецким в его двухтомном труде «Dzieje unji Jagiellońskiej» (1919—1920). В своей оценке унии 1569 г. с государственно-правовой точки зрения И. И. Лаппо расходится с мнением, господствующим в польской историографии, о полном слиянии обоих государств и о превращении Великого княжества Литовского в обычную провинцию[59]. Иного мнения о Люблинской унии 1569 г. держался только С. Кутшеба, который отрицал реальный характер унии 1569 г. К польской точке зрения на Люблинскую унию примыкали Н. Г. Устрялов, М. О. Коялович и ряд других исследователей[60]. Но уже и тогда высказывались мнения о том, что после Люблинской унии «осталась Литва». Так думал митрополит Иосиф Семашко[61].

Определив с юридической точки зрения Люблинский акт как договор между Польшей и Литвой — двумя равноправными договаривающимися сторонами, И. И. Лаппо переходит к анализу политики правительства Великого княжества после заключения унии 1569 г. Правительство Великого княжества Литовского не могло быть довольно результатами Люблинского сейма, поскольку шляхетская Польша отняла у Литвы все украинские земли. Литовское правительство пыталось использовать «междуцарствие» после смерти Сигизмунда II, Генриха III, Стефана Батория, чтобы изменить условия унии в свою пользу; однако, несмотря на недовольство унией, правительство Великого княжества не считает разрыв с Польшей «в данное по крайней мере время желательным», что «отнюдь не означает, что Литва не стремилась изменить договор с Польшей, насильственно навязанный ей в 1569 г.»[62].

[58] Там же, стр. 218.
[59] Там же, стр. 295—297.
[60] Там же, стр. 297.
[61] Там же, стр. 301.
[62] Там же, стр. 372.

Люблинский сейм, утвердив состав комиссии для «поправы» Статута, указал, что комиссия должна согласовать польское и литовское права, чтобы «во всех государствах, как в единой Речи Посполитой, могло отправляться единое и беззамедлительное правосудие»[63].

Статутовая комиссия не считала для себя обязательными указания сейма, поскольку она должна была иметь в виду интересы своего собственного государства[64].

И. И. Лаппо подробно изложил работу Статутовой комиссии Сначала она работала над «составлением текста третьего Литовского статута, а затем приступила к выработке окончательной редакции третьего Литовского статута». В исторической литературе до выхода работы И. И. Лаппо господствовало мнение, будто подканцлер Лев Сапега был едва ли не единственным создателем третьего Статута 1588 г. Генезис этой легенды относится к концу XVIII в. Ее отверг еще Т. Чацкий. И. Данилович полагал, что Сапеге принадлежит только предисловие и общий надзор за ходом работы над Статутом. Ярошевич вновь возобновил легенду о главной роли Сапеги. Эта легенда была поддержана С. Пташицким в 1893 г. и виленским исследователем М. Шкеленак в 1933 г.[65] В действительности роль Льва Сапеги была довольно скромной. Главное руководство, по мнению И. И. Лаппо, до 1579 г. принадлежало канцлеру Н. Ю. Радзивиллу, а затем Евстафию Воловичу, бывшему при Радзивилле подканцлером. В составлении Статута Лев Сапега принимал участие вместе с шляхетским «народом» и как один из чинов его государственной канцелярии. «Лев Сапега,— пишет И. И. Лаппо,— имеет свою неотъемлемую от него заслугу, издав Статут в печати»[66].

Второй том исследования И. И. Лаппо открывается главой «Работа составителей и редакторов третьего Литовского статута». Редакторы Статута предвидели возможность разбора таких дел, которые нельзя разрешить на основании Статута. В этом случае судья должен был руководствоваться общим смыслом законов, согласно своей совести и «прикладом иншых прав християнских»[67]. Таким образом, И. И. Лаппо вслед за С. А. Бершадским опроверг мнение, «будто бы литовские суды, в случае сомнения, должны были обращаться к польским конституциям». Для И. И. Лаппо третий Литовский статут 1588 г.— это «Основные законы Великого княжества», утверждающие государственно-правовую самостоятельность Великого

---

[63] И. И. Лаппо. Литовский статут 1588 г., т. I, стр. 376.

[64] Там же, стр. 380.

[65] Там же, стр. 461—463.

[66] Там же, стр. 472—473.

[67] Там же, т. II, стр. 83.

княжества. Поэтому неудивительно, что об унии с Польшей в нем не сказано ни слова. «Вырабатывая третий Литовский статут,— пишет И. И. Лаппо,— шляхетский народ Великого княжества Литовского создавал свой свод законов в таком виде, чтобы его государство могло им руководствоваться, сохраняя его в значении действующего права, как в федеративном союзе Литвы с Польшей или другими государствами, так и живя без вступления в какую бы то ни было федерацию» [68]. И. И. Лаппо уже касался вопроса об утверждении Статута 1588 г. единолично королем —великим князем, а не «спольным сеймом». Весь этот вопрос вновь подробно был рассмотрен им и аргументирован в третьей главе второго тома. Вопрос о санкции Литовского статута 1588 г. был разработан впервые И. И. Лаппо. Правда, известный историк-юрист Бандтке [69] также держался этого взгляда, хотя не имел данных для его обоснования. На этой точке зрения стоял в 1893 г. С. Пташицкий с произвольным при этом добавлением, будто король утвердил своей подписью Статут «после переговоров с чинами обоих народов» [70]. Несомненно, И. И. Лаппо прав в своем утверждении, что исправленный Статут не был представлен коронационному сейму [71].

В остальных главах своего нового труда И. И. Лаппо сообщает ценные данные о типографии Мамоничей в Вильне, где был напечатан третий Литовский статут; подробно рассматривая «Первое издание Статута 1588 г.», он прослеживает судьбу Литовского статута 1588 г. после его первого издания вплоть до его ликвидации как действующего права в 1840 г. Наконец, в последней историографической главе дан обзор «научного изучения Литовского статута 1588 г.», в котором принимает участие и Н. И. Лаппо (младший), автор двух исследований: «Рекуператорский владельческий иск в литовском праве конца XVI в.» (Прага, 1935) и «Листы записи в Литóвском праве XVI ст.» (Тарту — Юрьев); к сожалению, их нет в наших библиотеках.

Двухтомное исследование И. И. Лаппо — это настольная книга для всякого, кто интересуется историей Литвы с половины XVI в. до 1588 г. Она насыщена богатым фактическим материалом. Чтобы оттенить свою точку зрения на спорные вопросы, И. И. Лаппо обычно дает критический обзор всех исследователей, касавшихся того или иного вопроса.

Труд И. И. Лаппо — описательный, оторванный от социально-экономической среды, в которой и для которой составлялся новый Статут. Ведь Великое княжество в половине XVI в.

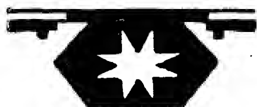
---

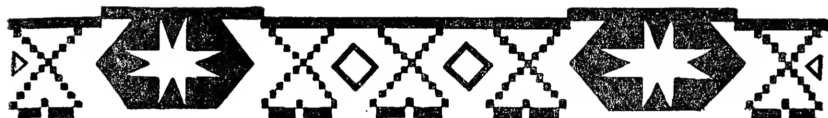
68 Там же, стр. 144.
69 Там же, стр. 243—245.
70 Там же, стр. 253.
71 Там же, стр. 256.

перерастало из феодально-магнатской монархии в шляхетскую, и новые социально-экономические условия требовали создания нового феодального кодекса. И. И. Лаппо везде подчеркивает стремление «шляхты-народа» укрепить независимость своего государства. Выдвигая шляхту как руководящую политическую силу, И. И. Лаппо, однако, не упомянул нигде, что Великое княжество Литовское было феодально-крепостническим государством и что шляхта тщательно сформулировала свои права над крепостным населением. И. И. Лаппо отметил, что «шляхта-народ» не собиралась идти в данный политической момент на разрыв унии с Польшей, но почему она заняла такую политическую позицию, об этом в труде И. И. Лаппо не сказано ни слова. Между тем у шляхты — народа польского и шляхты — народа литовского были общие интересы, которые содействовали не разрыву договорных отношений между Польшей и Литвой, а наоборот, их укреплению. Это была вражда к Русскому государству, желание шляхты покорить и лишить его политической самостоятельности. Все эти планы лелеяли Стефан Баторий, Сигизмунд III и их окружение, среди которого Льву Сапеге надо отвести виднейшее место.

На этой почве между польской и литовской шляхтой существовало трогательное единение, уния Литвы с Польшей была укреплена интервенцией начала XVII в.

«Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1946, № 1.





ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ 1529 г. И ЕГО ИСТОЧНИКИ

I

К началу XVI в. Великое княжество Литовское сложилось как феодальная магнатская монархия. Паны и князья, располагавшие огромным земельным фондом, представляли собой крупную силу как в экономическом, так и в политическом отношении. Они фактически стали руководителями всей внутренней и внешней политики Великого княжества Литовского, действуя через «Господарскую раду» и «вальные сеймы», которые были вынуждены созывать великие князья для разрешения очередных государственных вопросов, в особенности для сбора денежного налога — «серебщины», превратившейся после опубликования привилея 2 мая 1457 г. из регулярной денежной подати в чрезвычайный сбор (общешляхетский привилей освободил класс землевладельцев от ежегодного сбора серебщины). Благодаря привилею 2 мая великий князь литовский стал полностью зависеть от феодальной знати в финансовом отношении. Привилеи Александра и Сигизмунда еще более расширили политические права крупных титулованных и нетитулованных землевладельцев-католиков. Магнаты держали в своих руках суд и управление. Благодаря отсутствию письменного законодательства великокняжеские судьи в центре и в провинциях судили, руководствуясь обычным правом — великокняжескими решениями и действующими законодательными актами, Правдой Русской. Господствующее положение магнатов долго не вызывало энергичного противодействия со стороны шляхты. Однако во второй половине XV в. происходит процесс консолидации класса землевладельцев в феодальное сословие. Благодаря господарским данинам на вотчинном или условном праве увеличилась прослойка средних и мелких землевладельцев, составлявших основную военную силу Великого княжества Литовского.

Шляхта, до того не имевшая большого веса в общественно-политической жизни Великого княжества, отказывается теперь быть только объектом власти со стороны феодальной знати.

Шляхта начинает присутствовать на сеймах, сначала в качестве молчаливого наблюдателя, а затем в качестве самостоятельно действующей политической силы, стремящейся ослабить политическое влияние земельной аристократии и придать политике правительства желательное для нее направление. Естественно, что шляхта в первую очередь стремится ослабить преобладание магнатов в суде, освободиться от произвола выносимых ими судебных решений и подчинить их действию общешляхетского права. Поэтому требование кодификации законодательства было одним из основных требований в политической программе шляхты.

Хотя отдельные белорусские и украинские земли сохраняли свои особые права, закрепленные в «Областных привилеях», но общешляхетский привилей, распространявший свое действие на всех землевладельцев Великого княжества Литовского, создавал условия для оформления единого феодально-шляхетского права, в кодификации которого была одинаково заинтересована как литовская, так и белорусско-украинская шляхта, тем более что общешляхетское право не лишало белорусских и украинских шляхтичей тех местных привилегий, прав и преимуществ, которыми они пользовались согласно «Областным привилеям».

В первой четверти XVI в. изменилась и политическая структура Великого княжества Литовского. С ростом экономических связей между отдельными областями Великого княжества постепенно исчезала феодальная раздробленность и укреплялся авторитет центрального правительства на местах. Укрепление политического единства Великого княжества Литовского тоже настоятельно требовало кодификации феодального права, действию которого был бы подчинен весь класс землевладельцев.

Развитие производительных сил и общее усложнение экономической жизни требовали законодательного регулирования отдельных сторон частноправовой деятельности шляхетского сословия. Общий экономический подъем в Великом княжестве сопровождался значительной мобилизацией земельной собственности. Покупка и продажа имений и отдача их в заставу, право наследования недвижимого имущества и право завещаний, организация суда и судебного процесса, юридическое оформление классовых привилегий шляхетства требовали точного юридического определения. В кодификации феодального права в особенности были заинтересованы среднепоместные и мелкопоместные прослойки шляхетства, стремившиеся обеспечить себя от произвола феодальной аристократии.

Правовые нормы Правды Русской и «Областных привилеев» не соответствовали новым экономическим отношениям, новой расстановке классовых сил. Равным образом устарел и Судебник Казимира Ягеллончика.

В период политического засилья феодальной знати собственность и личность шляхтичей не были достаточно защищены законом. В Великом княжестве Литовском господствовали произвол и насилие. Постоянные «гвалты» и «наезды» на шляхетские имения были обычным проявлением феодального произвола. Но прежде всего законодательного оформления требовали феодально-крепостнические отношения. Шляхта была особенно заинтересована в этом, чтобы не допустить ухода крепостных крестьян к крупным землевладельцам, чтобы не лишиться рабочих рук.

Таковы те новые экономические и социально-политические явления в жизни Великого княжества, которые настоятельно требовали кодификации права.

* * *

Кодификация феодального права становится неизбежной и необходимой на известной стадии социально-экономического и политического развития феодального общества. Так, когда была ликвидирована феодальная раздробленность на Руси и образовалось единое Русское государство, оказалось необходимым уничтожение местных особенностей в организации суда и правления. Введение единого судебного кодекса укрепляло положение великокняжеской власти и вместе с тем подрывало на местах политическое значение боярства и княжат, продолжавших жить воспоминаниями и традициями периода феодальной раздробленности. Великокняжеское правительство Ивана III стремилось уничтожить феодальный произвол и подчинить местных феодалов действию единого закона, обязательного для всех.

С этой целью великокняжеское правительство приступило к кодификации права. Проект такого законодательного кодекса был составлен дьяком Владимиром Гусевым в 1497 г. Он был утвержден великим князем и Боярской думой в сентябре того же года.

Московский феодальный кодекс касался вопросов организации суда и управления. Он определял нормы судебных штрафов и натуральных поступлений великокняжеским кормленщикам за выполнение ими тех или других служебных функций. В Судебнике нет статей, касающихся частноправовых отношений. В сфере частноправовых отношений продолжало пока действовать обычное феодальное право, развившееся на основе Правды Русской.

Средние и мелкие землевладельцы были заинтересованы в том, чтобы сохранить за собой рабочие руки и прекратить самовольный уход крестьян в имения крупных духовных и светских землевладельцев. Эти классовые интересы средних и мелких

землевладельцев в известной степени были удовлетворены Судебником 1497 г., поскольку последний регулировал право выхода крестьян с соблюдением имущественных интересов земельных собственников.

Равным образом, когда в Польше исчезла феодальная раздробленность и установилось политическое единство государства, то одним из важнейших актов королевского правительства было издание двух законодательных памятников: Вислицкого статута для Малой Польши и Петроковского для Великой Польши. Эти законодательные памятники правительства отражали борьбу с феодальным беспорядком, от которого так много страдали интересы как средних и мелких землевладельцев, так и крестьян; королевское правительство Казимира III создало новое судебное устройство, разработало уголовный кодекс, определив наказания за те или иные преступления против государства, личности и имущества. Статуты Казимира III, вводя письменное право, подрывали действие обычного права, а также и влияние феодальной аристократии, бывшей до того «хранительницей» обычного права.

Статуты Казимира III были кодификацией феодального права. Они были изданы в интересах экономически и политически усиливавшейся шляхты. В ее же интересах в кодекс феодального права вошли статьи, изменившие условия ухода крестьян из имения землевладельцев. Феодальный кодекс определил более точно военные обязательства феодалов. Все они были обязаны нести военную службу, выходя на войну с известным количеством слуг пропорционально размерам земельного владения. Ввиду усложнения экономических и частноправовых отношений в статутах было уделено известное внимание и частноправовым юридическим отношениям.

С аналогичным явлением встречаемся мы и в истории Чехии. Чешский король Карл IV, столь энергично боровшийся с засилием феодальных магнатов и возникавшими вследствие этого феодальными беспорядками, приступил к кодификации чешского обычного права. С этой целью был составлен проект кодекса законов, известный под именем «Majestas Carolina».

Однако паны-магнаты отвергли на сейме 1355 г. предложенный им на рассмотрение кодекс феодального права, поскольку он подрывал их авторитет и значение. Только отдельные статьи кодекса, касавшиеся судебного процесса, вошли в жизнь.

В своих законодательных проектах правительство Карла IV потерпело полную неудачу. Основная причина ее заключалась в том, что правительство не располагало твердой социальной базой, на которую оно могло бы опереться. Города имели свое отдельное право и поэтому не были заинтересованы в том, чтобы был введен в действие кодекс шляхетского права. Средняя

и мелкая шляхта была недостаточно сильна, чтобы стать прочной социальной опорой королевской власти в ее борьбе против магнатов. Последние, хотя и должны были несколько смириться, однако продолжали занимать руководящее положение в государстве.

Когда сербский король Стефан Душан благодаря удачным военным действиям создал огромное в территориальном отношении государство, хотя и слабо сплоченное, так как между отдельными областями не было прочных экономических связей, то в целях укрепления этого государства был создан кодекс феодального судебного права — «Законник». «Законник» Стефана Душана был принят в 1349 г., а потом частично был дополнен. Он действовал на территории всего сербского царства и кодифицировал церковное право, обычное право и предшествующую судебную практику сербских кралей.

II

Вопрос о кодификации феодального права Великого княжества Литовского имеет свою историю. Однако отсутствие положительных данных лишает исследователя возможности восстановить полностью историю составления Статута 1529 г. и той борьбы, которая происходила вокруг него. Эта борьба была неизбежной, так как магнатские круги прекрасно понимали, что издание письменного свода законов существенно заденет и ограничит их права. Длительная борьба, завязавшаяся вокруг Статута, служит прекрасным доказательством того, что крупные землевладельцы напрягали все усилия, чтобы не допустить издания письменного свода законов феодального права.

Великокняжескому правительству уже в начале XVI в. была не чужда мысль о необходимости кодификации права. В 1501 г. великий князь Александр, выдавая подтвердительный привилей Волынской земле, считал, что его действие будет иметь временный характер, «пока права Статута у отчизне нашей уставим». В этом случае должны были потерять силу правовые нормы, содержащиеся в привилее, так как «тогды вси земли наши одного права держати мають и одним правом сужены будут подле Статуту» [1].

Однако не видно, чтобы великокняжеское правительство принимало тогда какие-либо меры для осуществления своего намерения. Вопрос о кодификации права оставался без движения до Виленского сейма 1514 г., когда, по словам епископа перемышльского Петра Томицкого, находившегося тогда в Вильне, станы сейма подняли вопрос о том, чтобы господарь

---

[1] А. Ясинский. Уставные земские грамоты. Киев, 1888, стр. 73.

издал письменные законы [2]. Но и на этот раз великокняжеское правительство не приняло никаких мер для выполнения просьбы «станов» сейма. Точнее, оно саботировало дело составления Статута. В этом были заинтересованы магнаты, которые держали в своих руках все управление Великим княжеством.

На сейме в Гродне в 1522 г. «станы» вновь обратились к господарю с просьбой об издании письменных законов. Только тогда великий князь с панами-радой «право им прирекли дати и тыи вси члонки, как ся подданныи наши мають справовати и радити, казали есмо... выписати» [3].

Нам неизвестны подробности обсуждения представленного проекта. Неизвестен и самый текст Статута 1522 г. Мы знаем, что великокняжеское правительство решило ввести его в жизнь в декабре 1522 г. Великий князь Сигизмунд издал специальный приказ о введении в действие письменного кодекса законов.

Великокняжеский эдикт признавал, что до сих пор в Великом княжестве Литовском не было законника (nullis legum statutis), что суд производился или по особым указаниям (literis deformatis), или по обычаю, или согласно мудрости и совести судьи (alias iustitia sola consuetudine et iuxta uniuscuiusque capitis prudentiam atque conscientiam ministrabatur).

Вследствие неправильных судебных решений возникало много жалоб со стороны тех, кто подвергся несправедливому суду (propter quod multae oriebantur quaerelae ab his, a quibus non rectum accipiebatur iudicium). Эдикт отмечал, что к великому князю поступали жалобы на пристрастность судей, руководившихся при разборе дел собственными чувствами и настроениями. Поэтому великий князь желал, чтобы для улучшения порядка была бы для каждого «одинаковая справедливость», чтобы был установлен «мир» под защитой письменного права [4].

Великий князь вводил в жизнь письменный закон.

Однако Сигизмунд несколько поспешил с опубликованием своего эдикта, так как на сейме 1522 г. был принят не весь проект представленного Статута. В 1524 г. великий князь через своего секретаря Михаила Венскгайла передал на обсуждение сейма, собравшегося в Берестьи, исправленный Статут, а воевода виленский и канцлер Великого княжества пан Гаштольд, по поручению господаря, должен был «тое право выдать всем подданым Великого княжества Литовского, росказати нашим господарским словом, абы вжо тым правом справовалися и радили водлуг того росказания нашого» [5].

---

[2] М. Любавский. Литовско-русский сейм. М., 1901, стр. 199.

[3] ДМАМЮ, т. I, стр. 516.

[4] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., приложения, стр. 319.

[5] ДМАМЮ, т. I, стр. 516.

Однако исправленный текст Статута не вошел в жизнь и в 1524 г. Только на Виленском сейме 1528—1529 гг. был окончательно принят текст Статута. Статут стал действующим правом.

Основными участниками сейма времени Сигизмунда были крупные землевладельцы, паны и князья, а также епископы. Поэтому оппозиция проекту Статута исходила из рядов шляхты, представленной на сеймах.

Проект Статута не удовлетворял «станов» сейма, конечно, не потому, что он был составлен бюрократическим способом, поспешно, в течение двух месяцев, как полагает украинский исследователь С. Борисенок [6]. Вполне возможно, что он был действительно плохо отредактирован и что юристы-практики выполнили бы эту задачу лучше, чем канцелярия Великого княжества Литовского.

Однако была важна не редакция, плохая или хорошая, Статута, а его классовое содержание. Статут 1529 г. был феодальным кодексом класса землевладельцев в целом. Вместе с тем он закреплял за магнатами их правовое положение, их руководящую политическую роль. За магнатами и панами оставалась по-прежнему особая юрисдикция. Они не были подсудны провинциальным судьям. Магнаты оставались такими же недосягаемыми для шляхты, как и раньше. В этом и заключалась основная причина того, что отдельные артикулы Статута долгое время не были утверждены сеймом. Статут 1529 г. отражал реальное соотношение сил в лагере литовских феодалов. Экономическое господство и политическое руководство принадлежали крупным землевладельцам. Шляхта политически и экономически еще недостаточно окрепла. Естественно поэтому, что именно магнаты вышли победителями из внутренней борьбы между двумя прослойками феодального класса. Литовский статут 1529 г. санкционировал то положение в отношении организации власти и управления, которое существовало до введения его в действие.

Статут 1529 г. не был напечатан. Все предположения, высказанные И. Новицким о том, что Статут 1529 г. был напечатан, по всей вероятности, не имеют никаких оснований [7]. Статут получил распространение в многочисленных списках, вследствие чего нет единой редакции Статута, а имеется несколько редакций, характер которых был всесторонне и тщательно исследован С. Борисенком.

Утвержденный великим князем Сигизмундом кодекс феодального права становился законом, который распространял свое действие на всю территорию Великого княжества

---

[6] С. Борисенок. Списки Литовського Статуту 1529 р., стр. 37.
[7] Там же, стр. 40.

Литовского. Великий князь Сигизмунд гарантировал в нем «тубылцом земли великого князьства нашого Литовского, которого бы колвек стадла и стану были, вси их права и привилея костельные так латинского закону, яко кгреческого, теж и светские, которые от памети королей и великих князей от неколи отца нашого Казимера и брата нашого Александра, предков наших за живота их на которые бы колвек добра и волности мели...» [8].

Статут уравнивал в правах православных землевладельцев с католическими. Значит, до него продолжала действовать статья Городельского привилея, ограничивающая политические права православных землевладельцев, хотя фактически на практике не всегда осуществлялись правовые ограничения по отношению к православным.

Статут 1529 г. был разделен составителями на 13 разделов — глав. Он определял прерогативы великокняжеской власти (разд. I), содержал подробные законоположения «Об обороне земской» (разд. II), кодифицировал личные и сословные права шляхты (разд. III), подробно разрабатывал вопрос о женском землевладении (разд. IV) и об опекунском праве (разд. V). Отдельный раздел (VI) посвящен организации суда и судебного процесса. Остальные разделы посвящены уголовным преступлениям против личности и собственности шляхты, а также другим видам нарушения права на недвижимую и движимую собственность — «О кгвалтех земских, о боех, о головщинах шляхетских» (разд. VII), «О праве земские, о границах и о межах, о копах» (разд. VIII), «О ловы, о пущу и бортное дерево и озера, о бобровые гоны, о соколие гнезда и о хмелища» (разд. IX). Специальный раздел посвящен так называемому «заставному» праву — «О именях, которые в долзех, и о заставы» (разд. X). В последующих главах Статут определяет «головщины людей поутных и мужицкие и паробоцкие» — денежные вознаграждения за преступления, совершенные землевладельцами против личности «простых людей» (разд. XI), касается вопроса о «грабежи и навезки», вознаграждения за разного рода преступления имущественного характера (разд. XII). Последний раздел — «О злодействе» — посвящен уголовным преступлениям, совершенным «людми простого стану». Таким образом, Статут содержит в себе права государственное, военно-феодальное, сословно-шляхетское, земельное, наследственное и опекунское, судебное, процессуальное и уголовное. Не всегда принятая в Статуте система строго выдержана; видимо, систематизирование права не всегда удавалось его кодификаторам. Однако они сумели отчетливо показать привилегированное положение класса феодалов-землевладельцев.

---

[8] Статут 1529 г., стр. 1.

Статут 1529 г.— кодекс прав феодалов. Если же в нем все же иногда упоминаются мещане, то эти статьи относятся не к мещанам вообще, правовое положение которых определялось особыми законами, а к мещанам-землевладельцам, владевшим имениями на общешляхетском праве и обязанным с своих земель отправлять военную службу. Впрочем, подобного рода мещанское землевладение было строго ограничено. Оно сохранилось главным образом в Полоцком и Витебском воеводствах

III

Изучение Статута первой редакции ставит перед исследователем вопрос о его источниках. Эта важнейшая проблема была уже в центре внимания специалистов. Тем не менее до сих пор она остается полностью не разрешенной. В то же время изучение источников права Литовского статута позволяет дать ответ на вопрос, также поставленный в историографии, но несколько односторонне ею разрешенный, а именно, представляет ли собою Статут 1529 г. кодекс польского или русского права?

Нужно сказать, что такая прямолинейная постановка вопроса неправильна. Литовский статут 1529 г. не был кодексом ни польского, ни русского права. Он был кодексом феодального права, действовавшего на территории Великого княжества Литовского.

Литовский статут не является феодальным кодексом права, вводившим в жизнь новые юридические нормы. Статут лишь юридически оформил те правовые отношения, которые вырабатывались в процессе социально-экономического развития Великого княжества Литовского.

В территориальном отношении Великое княжество Литовское состояло из областей Руси и Литвы (Литва и Жмудь). В землях Руси феодальные отношения уже вполне сложились в то время, когда они подпали под суверенитет литовской княжеской власти. Между тем в Литве в этот период феодальные отношения находились еще в стадии становления.

В землях Руси действовал кодекс феодального права, известный под именем Правды Русской. «Областные привилеи» оставляли неприкосновенным действие местных юридических обычаев. Развивавшиеся феодальные отношения в Литве принимали тот же характер, что и в землях Руси.

Естественно, что Литва и Русь, объединенные политически, не были обособлены друг от друга. Параллелизм социально-экономического развития Литвы и Руси позволял Литве принять юридическую терминологию, принятую в феодальной Руси, и те юридические нормы, которые были характерны для нее.

Феодальное право последней не было навязано Литве как какое-то чужеродное право. Русское право становилось правом общелитовским, правом, действовавшим на территории всего Великого княжества.

Чтобы выяснить истоки общелитовского права, следует обратиться к изучению источников феодального права Великого княжества Литовского. Следует иметь в виду, что Великое княжество Литовское не было изолированным государством. Оно находилось в тесном экономическом общении с соседними государствами, оно состояло в династических унитарных отношениях с Польским королевством.

Последнее выступило на историческую сцену раньше, чем образовалось Великое княжество Литовское. Экономическое развитие Польши поэтому шло впереди экономического развития Великого княжества Литовского. Экономическое развитие последнего создавало юридические отношения, которые не нашли отражения в Правде Русской, поскольку последняя сложилась в другой, менее сложной социально-экономической обстановке. Естественно, что для определения новых юридических отношений могли заимствоваться отдельные юридические нормы со стороны, поскольку они отвечали новым складывающимся юридическим институтам, которые в силу параллелизма социально-экономического развития уже получили в Польше свое юридическое оформление. Это нисколько не препятствует, однако, общему выводу, что феодальное право Великого княжества Литовского не было ни польским, ни русским правом. Это было право Великого княжества, действующее на его территории.

Систему и догму права Великого княжества оформляли создавшиеся в процессе длительного, самостоятельного социально-экономического развития производственные отношения, и поэтому они по существу были самостоятельным явлением, лишь закреплявшим наличные юридические отношения.

Однако вместе с тем возникает вопрос, на основе какой юридической базы оформлялись обычноправовые юридические феодальные институты Великого княжества. Ответ на этот вопрос может дать только всестороннее изучение источников первого Литовского статута.

Необходимость всестороннего изучения источников права первого Литовского статута была подчеркнута еще Н. А. Максимейко, посвятившим свое исследование изучению источников уголовных законов Литовского статута. В сущности это исследование было первым источниковедческим трудом о Литовском статуте. Н. А. Максимейко справедливо замечает, что исследователи Литовского статута довольствовались обыкновенно указанием на сходство между нормами Правды Русской и Литовского статута, мало обращая внимания на отличительные осо-

бенности последнего. В то же время, говорит Н. А. Максимейко, «в польской литературе высказывается (впрочем, совершенно голословно) мнение противоположное, будто Литовский статут был местным кодексом польского права»[9]. По правильному заключению Н. А. Максимейко «наиболее положительные и прочные заключения по данному вопросу могут быть получены только путем исследования источников Литовского статута; из такого исследования... видно будет, насколько этот памятник русский и какая действительная примесь иностранного права вторгалась в него»[10].

Анализируя источники уголовных законов Литовского статута, Н. А. Максимейко приходит к выводу, что основным источником уголовных законов является «русское обычное право» и «законодательные источники». Н. А. Максимейко не отрицает влияния польского и немецкого права на уголовное право Великого княжества, но считает, что оно было второстепенным В другом своем исследовании Н. А. Максимейко, сравнив нормы Правды Русской с судебной практикой, отраженной в книгах судных Литовской метрики, приходит к выводу, что приведенные им документальные свидетельства достаточны, «чтобы убедиться в замечательном сходстве между Русской Правдой и литовско-русским правом»[11].

Соображения, приведенные Н. А. Максимейко в обеих работах, несомненно следует признать обоснованными. Однако недостатком исследований Н. А. Максимейко является то, что он не ограничивается изучением только первого Литовского статута, а попутно касается второго и третьего Статута, которые, хотя и были основаны на первом Статуте, но являются продуктом иной социально-экономической обстановки, по сравнению с условиями, при которых создавался Статут 1529 г. Поэтому было бы несомненно правильным, если бы исследователь сосредоточил свое внимание на изучении источников только первого Литовского статута, не затрагивая отдельных вопросов, связанных со Статутами второй и третьей редакций, источники которых должны стать предметом самостоятельного исследования.

При исследовании вопроса об источниках Статута первой редакции необходимо не только показать совокупность всех его источников, но и раскрыть, как та или иная обычная норма видоизменялась и дополнялась в процессе судебных решений. Изменение юридических норм обычного права, конечно, было

---

[9] Н. А. Максимейко. Источники уголовных законов Литовского статута. Киев, 1894, стр. II.

[10] Там же, стр. 11.

[11] Н. Максимейко. Русская Правда и литовско-русское право. Киев, 1904, стр. 13.

неизбежным актом судебного творчества, поскольку развивавшиеся социально-экономические отношения настоятельно требовали дальнейшего изменения и приспособления к ним юридических форм.

Феодальное право Великого княжества Литовского не могло остаться в стадии обычного права, частично отраженного в Правде Русской. Оно эволюционировало и становилось более сложным и нуждалось в новой законодательной кодификации.

Изучение вопроса об источниках Статута первой редакции ставит перед исследователями два вопроса: 1) какие источники вообще легли в основу феодального права Литовского статута; 2) как создавалось в процессе судебных решений по возникавшим делам новое феодальное право, как судебные решения становились юридическими прецедентами, которые были использованы кодификаторами права.

С. Борисенок, спустя 400 лет после издания Статута 1529 г., упрекнул господарскую канцелярию в известной неподготовленности и поспешности при составлении первой редакции Литовского статута. Однако нет основания высказывать предположение о том, что Литовский статут был бы лучше отредактирован, если бы редакция была составлена не великокняжеской канцелярией, а более опытными и подготовленными людьми.

Поскольку Литовский статут первой редакции только кодифицировал феодальное право Великого княжества Литовского, развивавшееся обычным путем и находившее отражение в судебных решениях суда великокняжеского маршалка, то господарская канцелярия, располагая огромным материалом судебных постановлений по отдельным вопросам феодального права, имела полную возможность быстро выполнить данное ей поручение — составить кодекс письменного права, в который она от себя не вносила ничего нового, а лишь по известной системе расположила судебный и актовый материал, находившийся в ее распоряжении. Поэтому постановления великокняжеского суда по тем или иным возникавшим юридическим вопросам были основным источником Литовского статута первой редакции.

Изучение судебных решений, принятых великокняжеским судом, опять ставит перед исследователем два вопроса: 1) какая юридическая норма лежала в основе судебных решений и 2) каким юридическим изменениям она подверглась в судебной практике. Литовский статут первой редакции был не только кодексом феодального права. Его содержание значительно шире. Он являлся одновременно и «основными законами Великого княжества Литовского», определяющими его государственный строй и социальное устройство. При наличии польско-литовских унитарных отношений опубликование Литовского статута было показателем политической независимости Великого кня-

жества, хотя великий князь литовский и титуловался польским королем.

После детальных исследований Н. А. Максимейко о значении Правды Русской для права Великого княжества Литовского ни один из исследователей не может сомневаться в том, что Правда Русская лежала в основе феодального права Великого княжества Литовского и что на ее базе развивалось как гражданское, так и уголовное право. Однако Н. А. Максимейко односторонне подошел к разрешению поставленной им задачи. Он имел в виду указать на юридические особенности Правды Русской, сближающие ее с правом литовско-русским [12].

Между тем вопрос о значении Правды Русской для феодального права Великого княжества Литовского заключается не только в том, что оно заключает в себе «общерусские начала права». Н. А. Максимейко совершенно упускает из виду, что феодальное право, которое отражено в Правде Русской, отнюдь не застыло в своем развитии на почве Великого княжества Литовского. Оно продолжает развиваться в новых, более сложных социально-экономических условиях. Естественно, что возникшее на основе Правды Русской феодальное право Великого княжества Литовского должно было существенно отличаться от права Правды Русской. Это и является основным, что требует всестороннего анализа.

С другой стороны, учитывая, что Статут 1529 г. является «основными законами» Великого княжества первой четверти XVI в., составители его должны были обратиться и к иным источникам государственного права.

Такими источниками были шляхетские привилеи, главным образом привилей 2 мая 1457 г.— своего рода «Великая Хартия вольностей» класса литовско-русских землевладельцев.

Привилей 2 мая 1457 г. был общешляхетским привилеем, впоследствии неоднократно подтверждавшимся великими князьями и вошедшим в сводный привилей 1529 г., выданный Сигизмундом I. Однако и в привилее 1492 г. великого князя Александра и в привилее 1506 г. великого князя Сигизмунда содержались статьи государственно-правового характера, которые определяли правовое положение Господарской Рады и ее роль в управлении государством. Статут, закрепляя существующие государственные правовые и социальные отношения, конечно, положил в основу их юридического оформления шляхетские привилеи. Если до опубликования Статута 1529 г. шляхетские привилеи были только иммунитетными грамотами, к тому же нуждавшимися в подтверждении со стороны нового господаря при его вступлении на престол, то шляхетские привилеи,

---

[12] Н. А. Максимейко. Русская Правда..., стр. 3.

введенные в состав Статута, становились уже правом господствующего класса в полном смысле слова.

С другой стороны, шляхетские привилеи не разрешали целого ряда вопросов, связанных с сословной принадлежностью, в частности такого сложного вопроса, как доказательство шляхетских прав. Подобные судебные дела возникали либо по инициативе отдельных лиц, желавших доказать свое «благородное» происхождение, либо в результате обвинений в не шляхетском происхождении того или иного лица.

Оформление шляхетского сословия было неизбежным этапом в развитии феодального общества. Естественно, что при оформлении шляхетского сословия происходил известный отбор. Отдельные социальные группы остались за пределами формирующегося шляхетского сословия. Отсюда — не попавшие в шляхетское сословие и оказавшиеся людьми «простого стану» часто стремились стать «людьми шляхетными».

Однако сложившееся ранее феодальное право, отраженное в Правде Русской, не могло помочь в разрешении вопросов о восстановлении шляхетского звания, ибо оно не знало такого рода явлений. Вполне понятно поэтому, что, разрешая спорные юридические вопросы «о выводе шляхетства», великокняжеские судьи должны были обращаться к польской судебной практике и к польскому законодательству, где процесс оформления шляхетского сословия произошел раньше; эти нормы польского шляхетского права для Великого княжества Литовского отнюдь не были нормами, случайно заимствованными извне, поскольку оформление литовского шляхетского сословия было тесно связано с польско-литовскими униями. Вместе с тем, будучи применены в судебной практике Великого княжества, они становились нормами общелитовского феодального права.

Судебная практика великокняжеского суда подробно разработала, используя польский опыт, все нормы шляхетского права, не предусмотренные шляхетскими привилеями. Шляхетское право Великого княжества сложилось в процессе разбора дела о восстановлении в шляхетском звании. Поэтому оставалось только юридические нормы, примененные судебной практикой, внести в Литовский статут и, таким образом, установить процессуальный порядок разрешения спорных дел о восстановлении шляхетства. Следовательно, в задачи исследователя входит: а) выяснить процесс образования шляхетского права; б) показать, какие нормы польского шляхетского права оказались приемлемыми для Великого княжества Литовского; в) отметить различия между польским шляхетским правом и шляхетским правом Великого княжества Литовского.

Еще М. К. Любавский отмечал, что в землях Руси термин «боярин», «бояре», свидетельствовавший о принадлежности к

феодальному классу, в процессе образования шляхетского сословия уступал место термину «земяне», а последний был вытеснен термином «шляхта» польского происхождения. Эти изменения в терминологии были связаны отчасти с тем, что далеко не все мелкие землевладельцы-бояре вошли в состав шляхетского сословия. С этого времени термин «боярин» означал принадлежность к особой социальной прослойке, которая находилась вне рядов шляхетского сословия, образуя высший разряд сельского населения, отличный по своим феодальным повинностям от прочих прослоек сельского населения. Естественно, что не все бояре примирились с своим исключением из состава шляхетского сословия. Многие из них стремились к восстановлению своих шляхетских прав.

В этом случае положение белорусской и украинской мелкой шляхты было более затруднительным, чем литовской, приписанной к польским или литовским гербовым братствам. Она не могла позвать их членов на суд, чтобы они своими показаниями подтвердили принадлежность ее к шляхетскому сословию. Белорусская и украинская шляхта в этом случае могла сослаться только на земянское происхождение родителей и на показания соседей — «околичной шляхты».

Таким образом, нормы польского права «о выводе шляхетства» встретились с нормами «русского права», а из синтеза польского и русского права образовалось шляхетское право Великого княжества Литовского. Принадлежность белорусских и украинских феодалов к шляхетству определялась в основном обычаем — «стариной», тогда как принадлежность литовских средних и мелких феодалов — припиской к польским или литовским гербовым братствам.

IV

Третий раздел Литовского статута представляет собой совокупность норм шляхетского права, с одной стороны, и обязательства великого князя литовского в отношении шляхты — с другой.

Основными источниками шляхетского права Великого княжества Литовского являются шляхетские привилеи, в основе которых лежит привилей 2 мая 1447 г., как первый привилей, всесторонне определяющий права и преимущества шляхетского сословия. Другим источником общешляхетского права были судебные решения великокняжеского суда, использовавшего нормы польского шляхетского права и нормы обычного феодального права, действовавшего в землях Руси.

Шляхетское право Великого княжества Литовского распространяло свое действие на весь класс землевладельцев, независимо от принадлежности его к той или другой феодальной про-

слойке. Великий князь обещал «всю шляхту, княжата и паны хоруговные и вси бояре посполитые и мещане и их люди захо-вати при свободах в вольностях, от продков наших даных им и теж от нас» [13].

Эта статья Статута 1529 г. полностью заимствована из при-вилея, выданного Сигизмундом I в 1529 г., который объединял все привилегии шляхетского сословия, закрепленные привилея-ми его предшественников.

В этом привилее Сигизмунд I гарантировал прелатам, князьям, баронам, шляхте и боярам и населению земли Вели-кого княжества Литовского неприкосновенность всех прав, пре-доставленных Владиславом, Александром-Витовтом, Сигизмун-дом, Казимиром и Александром или данных им самим, скрепив эту гарантию личной присягой перед евангелием [14].

Статут предоставлял право княжатам, панам хоруговным, шляхте и боярам «волную моц выйти с тых земль наших велико-го князства Литовского и их, для набытя лепшого щастья свое-го и навченя учинков рыцерских, до всяких земль чужих, окром неприятелей наших» [15], однако под условием, чтобы с их име-ний отправлялась военная служба. Впервые право свободного отъезда за границу «для набытя лепшого щастья» было предо-ставлено привилеем 2 мая 1447 г. [16] и в латинском изложении вошло в объединительный привилей Сигизмунда I 1529 г.

Статут гарантировал, что «по смерти отцов дети сынове и девки добра отчизного и дедизного не мают быти отдалены», но сохраняют право наследования, «яко княжата и панове хоруговные, шляхта и мещане Великого князства Литовского посядают и на пожитки свои оберегают» [17]. Это право наследо-вания сыновей и дочерей после смерти отцов было впервые формулировано в привилее 2 мая 1447 г. со ссылкой на польское право. В привилее 1529 г. тоже есть такая статья, но без ссылки на польское право, сформулированная как действующее право Великого княжества Литовского [18].

Статут гарантировал шляхте, что великий князь «теж не-шляхту над шляхту» не будет возвышать, но будет сохранять всю шляхту, «у их почтивости» [19].

---

[13] Статут 1529 г., разд. III, арт. 7.

[14] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государ-ства..., 327.

[15] Статут 1529 г., разд. III, арт. 8.

[16] Там же, арт. 9.

[17] Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв., 1936, стр. 6—7.

[18] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государ-ства..., стр. 325.

[19] Статут 1529 г., разд. III, арт. 10.

Эта статья Статута первой редакции была полностью перенесена из привилея 1529 г.[20] Статут закреплял за шляхтой Великого княжества Литовского монопольное право владения землей и право занятия должностей. Он гарантировал шляхте, что должности и уряды будут раздаваться «только прирожоным а тубылцом тых земль наших великого князства»[21]. Это привилегированное положение шляхты было юридически закреплено в привилее 2 мая 1447 г.[22], откуда почти в дословной передаче было перенесено в Статут 1529 г. В привилее 1529 г. Сигизмунд также гарантировал шляхте, что духовные и светские должности будут раздаваться только туземцам Великого княжества Литовского[23].

Великий князь Литовский давал обещание в Статуте, что если «пан бог усхочет зычити и допустити нам панства иного также и каролевства», то в этом случае «панства нашого великого князства Литовского и рад наших ни в чом не вменшим але ото всякое легкости и понижения, яко славное памети отец наш чинил в щастного панованья своего, того панства стеречи будем»[24].

Эта статья — новая в Статуте. Ее нет в шляхетских привилеях. Ею паны-рада стремились обеспечить свое правовое положение и независимость Великого княжества Литовского. Не упоминая о польско-литовских унитарных отношениях, статья фактически говорит о них. Несмотря на унию, Великое княжество Литовское должно сохранить свою независимость, а паны-рада сохранить то правовое положение, которым они до сих пор пользовались.

Великий князь Литовский давал гарантию классу землевладельцев в том, что он будет «розмножати великое князство Литовское» и стремиться к возвращению того, что «будет несправедливе отдано и неслушне розобрано и упрохано»[25]. Еще в привилее 2 мая 1447 г. была дана эта гарантия классу феодалов: «обецуем и слюбуем, ижь панства нашого земль, великого князства предреченого, не вменшим, але у границах, как же предъкы были наши, на имя князь Александр, нареченый Витовт, дядя наш, и иные дръжали и володели, також и мы тыежь земли здорови, целы, держати будем, и володети и

[20] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., стр. 324.
[21] Статут 1529 г., разд. III, арт. 3.
[22] Законодательные акты..., стр. 10, § 14.
[23] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., стр. 320—321.
[24] Статут 1529 г., разд. III, арт. 1.
[25] Там же, арт. 2.

щитити, а с божьей помочью и всими силами нашими розмножати будем»[26].

Великое княжество Литовское с конца XV в. стало нести значительные территориальные потери. Великокняжеское правительство обычно заключало только перемирие с великим князем московским, поскольку оно юридически не могло уступить хотя бы часть территории Великого княжества Литовского. Заключение перемирия давало известную надежду, что «после исхода перемирных лет» потерянная территория будет возвращена. Естественно, что в подтвердительном привилее 1529 г. эта статья привилея 1447 г. должна была иметь место. В Статут первой редакции только механически было перенесено то, что содержалось в привилеях.

Создавая кодекс письменного права, великий князь обещал, что «врады старые мают захованы быти подле давнего обычаю». Статья касалась «врадов воеводства Виленского и воеводства Троцкого и иншых воевод, каштлянов и канцлерства, маршалства земского и маршалства дворного, и староств, и вси врады наши»[27]. Эта статья имела для феодальной знати принципиальное значение, так как Городельский привилей 1413 г. предоставлял право занимать должности по центральному и провинциальному управлению, а также участвовать в господарской раде только католикам.

Привилей 2 мая 1447 г. об этих ограничениях ничего не говорит. М. К. Любавский показал, что на практике не всегда соблюдалась эта статья Городельского привилея. Феодальная знать была недовольна предоставлением князю К. Острожскому первого места в раде, и в 1522 г. великий князь Сигизмунд вынужден был выдать специальный привилей, в котором обещал, что после смерти князя Острожского воевода виленский будет занимать первое место[28].

В привилее 1529 г. Сигизмунд подтверждал, что должности воевод, каштелянов будут раздаваться только католикам и притом туземцам, но отнюдь не иностранцам[29].

Мало того, в том же году Сигизмунд выдал специальный привилей, которым возобновлялся и восстанавливался Городельский привилей.

Статут гарантировал феодальному классу, что «державцы дворов наших и тивунове на причины заочные через нас не мают быти никому отниманы». Они могут быть отняты только после судебного разбора в присутствии обеих сторон. Согласно

---

[26] Законодательные акты..., стр. 10, § 13.

[27] Статут 1529 г., разд. III, арт. 4.

[28] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., приложения, стр. 316, 317.

[29] Там же, стр. 322, § 2.

виновности «винный подле заслуги мает каран быти, але без вины держане отнимати не будем» [30].

Уже привилей 2 мая 1447 г. гарантировал феодальному классу, что без очного разбирательства дела никто не будет лишаться своего имения и не будет подвергаться какому бы то ни было разорению [31]. Привилей не упоминает об отнятии должностей, но их неприкосновенность логически вытекала из статьи 3 привилея 1447 г. В привилее 1492 г. уже содержится статья, гарантирующая неприкосновенность должностей — староств и тивунств, которые могут быть отняты только после очного разбирательства [32]. Привилей 1529 г. подтвердил эту статью [33], а Статут превратил ее из привилея великого князя в норму феодального права.

«Ученые записки Института славяноведения», т. V, 1952.

---

[30] Статут 1529 г., разд. III, арт. 5.

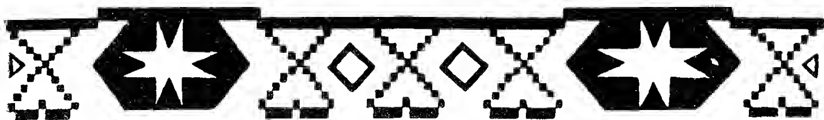
[31] Законодательные акты..., стр. 5, § 3.

[32] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства..., стр. 311.

[33] Там же, стр. 322, §4.

Часть III

ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКИЕ УНИИ



ЛИТОВСКО-ПОЛЬСКИЕ УНИИ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ ЛИТОВСКО-РУССКОЙ ШЛЯХТЫ

Вопрос о литовско-польских униях неоднократно трактовался в ученой литературе. Историки, русские и польские, давно обратили внимание на этот кардинальный вопрос в литовско-польских отношениях и старались проследить насколько благодетельны или вредны были последствия уний для Литовско-Русского государства. Само собой понятно, что оценка результатов уний была далеко неоднородна. В то время как ряд крупных польских историков (Левицкий, Прохаска) несколько преувеличивают культурные последствия уний и совершенно замалчивают вопрос об отрицательном влиянии Польши на Литву, русские историки тоже далеко не всегда объективны и спокойны (Антонович, Дашкевич) в своих оценках результатов уний, заметно преувеличивая их отрицательное влияние. Отсюда временами неясное и неточное представление о ходе исторического процесса Литовско-Русского государства и стремление многие его особенности объяснить исключительно польским влиянием. С другой стороны, ставя вопрос об униях предметом своей ученой любознательности, историки больше заняты изучением результатов уний, а не тех условий, которые им предшествовали, и, volens nolens, заставляли оба государства тяготеть друг к другу и тем самым не снимать с очереди вопрос об унии.

И другая сторона в унитарном вопросе была отчасти забыта — отношение к ней господствующего класса, а между тем это вопрос первостепенной важности, так как, только анализируя его, можно понять события Люблинского сейма 1569 г. Правда, этот вопрос уже отчасти трактовался в ученой литературе. Его касались Малышевский и Дашкевич [1], ставя политический рост шляхты в тесную связь с унией.

---

[1] И. Малышевский. Холмская Русь, стр. 122; Дашкевич. Заметки по истории Литовско-Русского государства, стр. 162.

Впрочем, существует и другая точка зрения по этому поводу. М. В. Довнар-Запольский считает шляхетские привилегии только следствиями того религиозно-политического движения в среде низшей шляхты, которое началось еще в 40-х годах [2], уступки получались медленно, и треть века, прошедшая в борьбе, дала, наконец, благоприятные результаты. Едва ли можно принять это мнение. Конечно, развитие самосознания в шляхте имело огромное значение для роста ее привилегий, но этим одним еще дело не объясняется. Остается открытым вопрос, почему уступки шляхте делались всякий раз, когда на исторической сцене появлялся вопрос об унии? Если бы внешние отношения Литвы во время Ливонской войны приняли другой характер, то литовская аристократия нашла бы силы задержать на время рост шляхетской демократии.

Впрочем, в последнее время замечается несколько иное отношение к трактуемому вопросу. Автор «Литовско-русского сейма», следя за эволюцией «вального сейма», довольно подробно касается литовско-польских отношений, поскольку они вызывали к жизни изученное им учреждение. Не ставя вопроса об униях предметом своей работы, М. К. Любавский осветил его с совершенно новой точки зрения и, на наш взгляд, единственно правильной, тем не менее все-таки этот вопрос требует пересмотра не столько в анализе внешних политических условий, влиявших на унию, так как этот вопрос рассмотрен в литературе с исчерпывающей полнотой, сколько в определении роли шляхетства в унитарном вопросе и установлении параллелизма между вопросом об униях и ростом шляхетского сословия.

Начало литовско-польским униям было положено в 1385 г., когда Ягайле пришлось занять польский престол. Историческая литература [3] изучила этот момент в высшей степени детально, и нам остается только сказать, как отнесся правительствующий класс к этому факту.

Приходится отметить, что момент для переговоров об унии был выбран удачно. Ослабленные Литва и Польша нуждались во взаимной поддержке и помощи, а воинствующий германизм толкал их в братские объятия. И тем не менее уния 1385 г. не долго определяла собою польско-литовские отношения. Крупная знать и некоторые удельные князья не признали условий заключенного трактата, подписанного, на свой страх и риск,

---

[2] М. В. Довнар-Запольский. Литовско-польская уния, стр. 25.

[3] В. Б. Антонович. Монография по истории Западной Юго-Западной России, Киев, 1885; Дашкевич. Заметки по истории литовско-русского государства; М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 11.

Ягайлой и группой удельных князей. Причина лежит в непопулярности самого акта. Ведь унитарные условия говорили о полной инкорпорации Литвы. Литовское боярство, конечно, об этом и не думало, рассматривая отношения Литвы и Польши, как личную унию. Всеобщее недовольство заставило великого князя Ягайлу даже несколько ослабить патриархальный характер своей власти и опубликовать известный привилей 1387 г. [4] Укрепляя правовое положение литовских магнатов, принявших католицизм, великий князь надеялся, что воспользовавшись этим привилеем, они несомненно станут на сторону непопулярной унии. Но расчеты Ягайлы не оправдались Боярство, несмотря на заманчивые обещания привилея, крестилось очень неохотно.

Само собою понятно, что об отказе от своей национальной самобытности, ценою привилея, магнатство и не думало.

Отношение его к унии отчетливо сказалось в борьбе Витовта с Ягайлой; и поддержка, оказанная боярством Витовту в борьбе за национальную независимость, заставила Ягайлу пойти на уступки, в результате чего явилось Островское соглашение.

Новая уния радикально расходилась с актом 1385 г. Она, ни слова не говорит об инкорпорации Литвы, признавала Витовта великим князем, потребовав только от него присягу «никогда не покидать королевы и короны польской». Великий князь, хотя и зависел от польского короля, как верховного господаря, все-таки наряду с ним принимает присягу от других литовско-русских князей, назначает на должности. Конечно, это было не то, о чем мечтала польская магнатерия, но приходилось примириться, хотя бы временно, с новым положением дела.

Временное соглашение гарантировало Литве автономный государственный режим и даже не без некоторой выгоды, так как ослабевшее княжество приобретало в лице Польши сильного союзника. Вполне понятно, что условия Островского соглашения, скрепленного подписями магнатства, были вполне приемлемы для литовских националистов.

Когда в самом конце XIV в. пошатнулось международное положение Витовта, поляки, не упуская из виду удобного момента, опять поставили на очередь вопрос об унии Не чувствуя себя в состоянии активно противодействовать планам поляков, Витовт и его бояре пошли на уступки и подписали предложенный им трактат. Условия унии 1401 г. несколько расходились с содержанием двух предшествовавших трактатов, являясь своеобразным компромиссом их крайних

---

[4] Zbiór praw litewskich, str. 1—7.

положений. Витовт, князья и боярство дают обещание помогать полякам во всех затруднительных обстоятельствах, заботиться об их интересах и, по смерти Витовта, не искать другого господаря, помимо польского короля. Такие же обязательства давали и поляки по отношению к Литве: без согласия литовцев и Витовта не избирать нового короля в случае смерти Ягайлы [5]. Новая уния не отказывала Литве в признании за нею известного рода самостоятельности, хотя бы и связанной с Витовтом, и ставила ее в союзные отношения к Польше. Литовская знать временно ничего не имела против такой постановки вопроса, но едва ли это соответствовало интересам и планам польского правительства.

Обстоятельства вскоре начали складываться не в пользу Польши. Положение Витовта упрочилось. Он по-прежнему занимает видное место в международных отношениях, вмешиваясь в дела татарские, литовские и северо-восточные [6]. Ливонский орден заискивает перед Витовтом, а император Сигизмунд даже предложил ему королевский венец. При таком положении дела условия унии 1401 г., признававшие за Литвой право на самобытный государственный режим только до смерти Витовта, не соответствовали развитию событий, и Литва явно стремится к разрыву с Польшей. Начинаются вновь переговоры о возобновлении унии, и для этого в 1413 г. собрались на съезд в Городле, на котором присутствовали не только литовская знать, но и военно-служилый класс. Присутствие последнего было условием, характеризующим прочность унии. Сейм 1413 г. [7] возобновил унию, но внес значительные изменения в союзный договор сравнительно с договором 1401 г.

Новый трактат признавал за Литвой право на самобытный государственный режим. Литва впредь будет иметь своего особого государя, которому польский король делегирует свою власть. Ставилось только условием, чтобы «barones et nobiles post mortem Alexandri alias Witoldi magni ducis moderni, nullum habebunt ant eligent pro magno principe et domino Litwaniae, nisi quem rex Poloniae vel ipsius successores cum consilio praelatorum et baronum Poloniae, et terrarum Littwaniae Auxerint eligendos statuendos et locandos» [8].

Такие же обязательства давали и поляки в случае прекращения династии Ягайлы. Помимо этих уступок, в целях привлечения симпатий бояр и более широких слоев к унии,

---

[5] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 28; Monumenta medii aevi, t. VI, N 234.

[6] Барбашев. Витовт в последние двадцать лет княжения, стр. 103—113.

[7] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 33—35.

[8] Zbiór praw litewskich, str. 15, XIII.

Ягайло даровал баронам и шляхте ряд новых прав и вольностей, которыми до сих пор пользовалась только польская шляхта. Привилей 1413 г. является дополнением к первому привилею Ягайлы, но круг лиц, на которых он распространяется, значительно шире, чем в привилее 1387 г. Последний имел в виду только боярство (barones) «городельский привилей дан, nobilitati Lituanice». Он имеет в виду всю «nobilitas», а не только одно боярство, которое по смыслу привилея, является только частью шляхетского сословия. Новый привилей, значительно расширяя правовое положение шляхтича, освобождал его также от всякого рода натуральных повинностей, за исключением военной службы (vias expeditionales facere) и замковой повинности, но заставлял «tributadare jextra autiquam consuetudinem».

Впрочем, круг действия привилея был сначала не широк. Пользование его благами связывалось с принадлежностью к католическому вероисповеданию. Привилей устанавливал должности по польскому образцу, но на все новые уряды могли назначаться только «fidei catholicae cultores et subjekti sanctae romanae ecclesiae», а также вводил сеймы для «совещаний о благе и пользе обоих государств, с правом участия панов, прелатов и шляхты Королевства польского и земель литовских» (pro commodo et utilitate regni Poloniae et terrarum Litwaniae praedictarum meliori).

Публикуя свой привилей, Ягайло, можно предполагать, хотел связать унитарный вопрос с интересами широких слоев шляхты. Дальнейшие факты отчасти оправдали намерение Ягайлы. Сближение с Польшей и знакомство с ее политическим строем заставляет шляхту стремиться к большему расширению своих прав. Шляхта не могла не видеть, что реализация ее желаний возможна только при тесном союзе Литвы с Польшей. Какой характер примут литовско-польские отношения — для шляхты это имело существенное значение. Действительно, апологеты унии нашли в литовской, а потом и русской шляхте верного союзника.

Привилей 1413 г. наносил сильный удар литовским магнатам, отчасти уравнивал их со шляхтой в сфере гражданской правоспособности и политических прав. За магнатами остались только обычные служебные прерогативы, и они прекрасно понимали, что дальнейшее сближение с Польшей может повлечь за собою потерю боярством своего политического влияния и положения. Этим отчасти и объясняется националистическое настроение литовской знати, не соглашавшейся на предлагаемые унитарные проекты.

Собственно говоря, вопрос принимал несколько иной вид и сводился к вопросу о борьбе знати со шляхтой на основе

расширения политических и юридических прав последней. В шляхте польские дипломаты получили верного союзника, но воспользоваться им, однако, они сумели не скоро. В XV в. шляхта еще не играла никакой роли в разного рода общегосударственных делах. Ее активное выступление резко бросается в глаза только в правление обоих Сигизмундов. Поляки при заключении унии учли существующее соотношение сил, взяв от бояр особую запись, в которой лишний раз подчеркивались союзные обязательства Литвы по отношению к Польше [9]. Подобного рода запись была выдана и поляками литовцам.

Но уния 1413 г. оказалась такой же непрочной, как и предыдущие соглашения Литвы с Польшей. Литовское боярство отнюдь не желало признавать единства обоих государств, даже с отдельным государем для Литвы, и после смерти Витовта Литовско-Русское княжество, не признавая никаких обязательств, стало прямо-таки во враждебные отношения к Польше.

По крайней мере так себя держал великий князь Свидригайло. Стремления [10] Свидригайлы обратили на себя внимание поляков, да к тому же он выступал против Польши, опираясь на аннексированные русские земли, на которые не распространялось действие привилеев 1387 и 1413 гг. Свидригайло, конечно, всячески покровительствовал русскому элементу, но этим была недовольна собственно Литва. Ее боярство из боязни наплыва русского элемента и потери своего правительствующего положения признало великого князя Сигизмунда. Обязанный престолом боярству он, конечно, будет опираться на литовский элемент в своей правительственной политике. Но польская дипломатия учла значение русского элемента в княжестве и в интересах давно лелеянной унии приступила к уравнению литовской и русской шляхты в правовом отношении. Приходится отметить затруднительное положение польских политиков: уравнение в правах необходимо для торжества унии, но это может вызвать движение собственно в Литве. Этим, вероятно, и объясняется половинчатость мер со стороны поляков, что так резко обнаружилось в содержании привилея 1432 г.

Опубликованный Ягайлой в момент государственного переворота 1432 г. привилей уравнивал в правах литовскую и русскую шляхту, так как по смыслу привилея его действие распространялось на «predictos nobiles et bojaras Ruthenorum» [11].

---

[9] Zbiór praw litewskich, str. 21—23; М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 35.

[10] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 65—69.

[11] «Варшавские университетские известия», III, 1893, стр. 22—24; М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 75.

Привилей 1432 г., не давая никаких новых прав в сравнении с Городельской хартией, разрешал русским брать гербы у литовцев, те самые гербы, которые они получили от поляков, а литовцам вменялось в обязанность принимать русскую знать в свои гербовые братства, по сношении с своими польскими одногербовцами. В конце привилея указывается и на мотив всех этих уступок русской знати: «дабы на будущее время между обоими народами не было розни или какого-нибудь неравенства, коими может наноситься ущерб государству, чтобы все, утешенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, с одинаковым рвением и постоянством радели о благе и преуспеянии государства, ревностно и верно исполняли повеления короля Ягайлы и брата его вел. кн. Сигизмунда».

Впрочем, для польской политики опубликованный привилей не мог иметь большого значения: его действие распространялось не на всю Русь, а только на Русь Литовскую, да к тому же пользование правами связывалось с принадлежностью к определенному вероисповеданию, которое среди русской шляхты XV в. еще было слабо распространено. Вследствие этого русская шляхта и после получения привилея не могла стать сторонницей унии. Поэтому едва ли прав М. К. Любавский [12], рассматривая вышеприведенный привилей, как уравнение в правах русских без различия вероисповедания, с отменой соответствующих ограничительных статей Городельского привилея, касающихся вероисповедного вопроса. Только привилей 1563 г., изданный почти накануне Люблинской унии, отменил указанные ограничения. Действие привилея 1432 г. не распространялось на жителей других русских областей, державшихся Свидригайлы, но и тут польское правительство предприняло некоторые шаги в смысле уравнения их в правах с литовцами, хотя и не по отношению ко всем аннексированным русским землям. Будучи во Львове, Ягайло выдал Луцкой земле отдельный привилей — князьям, боярам, прелатам и рыцарям земли Луцкой, как римской, так и греческой веры. Права и вольности шляхты Королевства польского распространялись привилеем на соответствующие станы Луцкой земли [13]. Впрочем, привилей не имел практического значения: Луцкая земля перешла на сторону Свидригайлы, но он любопытен как факт, указывающий на ближайший курс политики польского правительства по отношению к русским областям.

С возведением на престол Сигизмунда вопрос об унии снова выдвигается на первый план и обе стороны в Городно

---

[12] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 77.

[13] Там же, стр. 76; Monumenta medii aevi, t. II, N 82.

подписали новое унитарное соглашение [14], при участии литовских прелатов и панов, как и в 1413 г. Новый трактат признавал Сигизмунда пожизненным соправителем польского короля в Литве по избранию прелатов, панов и шляхты обоих государств.

После его смерти великое княжество переходит к Ягайле, за исключением вотчинных владений, поступающих в законное распоряжение наследников Сигизмунда. Подолье уступалось Польше. Та же судьба постигала и Волынь, но присоединение последней встретило пока существенные препятствия: она была на стороне Свидригайлы. Поэтому сначала приходилось отнять ее у Свидригайлы, а потом думать о присоединении к Польше. Как бы уступая литовским магнатам, новый трактат предусматривал присоединение Волыни только после смерти Сигизмунда. Великий князь обязывался также быть верным союзником и защитником Польши, а чтобы отнять у литовцев всякую надежду на самостоятельность, заставили Сигизмунда пообещать не обольщаться ничьими подговорами и не хлопотать о королевском венце без ведома и согласия короля, его преемников и короны Польской. Союзный договор скреплялся подписями литовских магнатов — свидетелей переговоров.

Новая уния была делом рук литовского панства, боявшегося наплыва русского элемента, а следовательно, и потери приобретенного влияния. Сравнительно с условиями унии 1413 г. новый договор был менее выгоден литовскому боярству: в нем вопрос о литовской самобытности в сфере государственных отношений был связан с личностью Сигизмунда и носил, таким образом, временный характер, что являлось отчасти возвращением к условиям третьей литовско-польской унии.

Это была измена национальному делу, но на нее литовская знать решилась ввиду исключительных обстоятельств, в целях подавления и унижения выступившего на историческую сцену русского элемента.

Положение Сигизмунда в Литве не отличалось прочностью. Русские земли были по-прежнему на стороне Свидригайлы, не признавая ни унии, ни нового господаря. Да и литовское магнатство не подчинялось князю и не признавало унизительной для национального самолюбия унии. Такое стечение обстоятельств заставило Ягайлу приехать в Литву и лично вручить Сигизмунду княжение, приказывая литовцам повиноваться ему как законному великому князю, а чтобы еще более упрочить унию, решено было подтвердить ее новым договором.

---

[14] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 73.

Новое подтверждение унии было только повторением предшествовавших актов. Обе стороны выдали соответствующие документы, скрепленные подписями местных панов.

И вторичное согласие на унию литовское магнатство было вынуждено дать, так как положение дел внутри оставалось острым, Русь была верна Свидригайле, и Литве грозило полное поглощение Русью, если последняя добьется самостоятельности. Во избежание этого литовские потентаты и протягивали руку Польше в надежде с ее помощью подчинить восставшие русские земли. Так, нам кажется, можно объяснить вторичное согласие, данное боярством на унию.

Вслед за подписанием унии Сигизмунд опубликовал новый привилей, долженствующий привязать население к унии и великому князю. В большинстве статей привилей 1434 г. является повторением хартии, изданной два года назад, но, впрочем, с некоторыми существенными дополнениями. Новый государь обещал никого не карать и не наказывать по тайному или явному доносу, иначе как по суду, отправленному по обычаю земли. Это чрезвычайно важное дополнение в духе польского «meminemcaptabimus» впоследствии подтверждалось его преемниками и, конечно, вошло в Литовский статут (первая статья первого раздела). Затем привилей освобождает князей и подданных княжеских и боярских от дякла, что еще требовалось (tributa dare) привилеем 1413 г.

Несмотря на стремление примирить враждующее население, Сигизмунду достичь этого не удалось. Рознь католиков и православных, впервые введенная в жизнь привилеем 1413 г., была закреплена и новой хартией, польско-католической по духу.

Сигизмунд не удержался на престоле, хотя ему и удалось осилить Свидригайлу [15]. Тиранический его характер и крупные территориальные уступки погубили его. Великий князь скоро был убит, и снова возникли старые вопросы. Если поляки настаивали на унии с Литвой, хотя она дважды была возобновляема в 1437 и 1439 гг. с отчуждением Волыни и Подолии, то для Литвы весь спорный вопрос заключался в возвращении уступленных Польше земель и укреплении государственной самобытности.

Отсюда живое стремление Литвы иметь великим князем не ставленника Польши, а избранного отдельно. Литва не могла примириться с мыслью, что Польша рассматривала ее как подчиненное ей государство. Благодаря прекращению внутренней войны Литва могла поступать смелее, настойчивее, не делая Польше никаких излишних уступок.

---

[15] Там же, стр. 95.

Поляки пока предоставили литовцам полную свободу, внимательно следя за их внутренними отношениями.

Внутри же шла партийная борьба из-за кандидатов на престол, их было не мало, но в конце концов взяла верх партия, выдвигавшая кандидатуру Казимира Ягеллончика.

Приглашение Казимира на великокняжеский престол сразу изменяло отношение к Польше. Поляки это сознавали и, конечно, не сочувствовали поведению литовских панов. Недаром король соглашался отпустить его в Литву только в качестве наместника, хотя это было бы нарушением условий уний 1413 и 1432 гг.

Ввиду таких действий короля, литовские паны объявили о расторжении унии и призвали на престол Казимира, чем свели на нет ряд прежних договоров.

Поляки отнюдь не теряли надежды на восстановление унии и на окончательное оставление за собой части литовской территории, тем более, что польские государственные деятели уже в это время прекрасно учитывали ту роль, которую может сыграть литовско-русская шляхта в деле соединения Польши с Литвой.

Впрочем, и обстоятельства складывались в пользу поляков. Польский престол стал вакантным и поляки решили пригласить на престол литовского великого князя. Актом избрания Казимира на польский престол сразу создавались подходящие условия для возобновления унии на началах инкорпорации. Предложение поляков поставило Казимира в затруднительное положение. Принять престол — значит изменить стремлениям Литвы. Поэтому вполне понятно колебание Казимира, что и было отмечено современниками и более поздними хроникерами [16]. Да и сам литовский сейм высказался против принятия им польской короны [17].

Впрочем, литовцы недолго упорствовали в своем отказе, так как кандидатура Болеслава Мазовецкого на польский престол грозила такими осложнениями для Литвы, что в принципе было решено согласиться на вторичное предложение короны, но не соглашаться на унию на основании старых трактатов. И действительно, литовским панам удалось взять у короля особую клятвенную запись, в которой Казимир признавал существование только оборонительного союза между Литвой и Польшей и считал земли Луцкую, Подольскую, Ратно, Ветлы, Лопатин и Олеско — территорию, на которую заявляла притязания Польша, землями литовскими. Литовцы отстояли свой государственный самобытный режим и полу-

---

[16] М. В. Довнар-Запольский. Литовско-польская уния, стр. 2.
[17] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 111.

чили право после смерти Казимира избрать отдельно или с поляками особого великого князя, что было возвращением к договору об унии 1413 г. Правда, эта запись не была подтверждена поляками и с ней поляки никогда не считались[18]. Наоборот, как только состоялся первый сейм в присутствии короля, поляки потребовали подтверждения, что Подолия и часть Волыни — остаются за Польшей. Петроковские сеймовые события вызвали негодование со стороны литовских магнатов, смотревших на требования сейма как на вызов Литве. Вероятно, этим негодованием литовских магнатов объясняется отъезд Казимира в Литву и отказ подтвердить права и вольности поляков, пока поляки не выяснят своих отношений к Литве и не откажутся от притязаний на литовскую территорию. В общем положение Казимира было затруднительным. Литовские магнаты не доверяли своему господарю и обвиняли его в измене национальному делу, а русские аннексированные земли, пользуясь затруднительным положением Литвы, стремились к полному отделению от Литвы. В целях примирения Руси и Литвы и привлечения на свою сторону более широких слоев русской шляхты, Казимир в 1447 г. опубликовал новый привилей. Его содержание значительно шире предыдущих привилеев. Права и вольности шляхты приближаются, если не совсем, то отчасти к польским, что как бы являлось иллюстрацией необходимости унитарных отношений Литвы с Польшей. Любопытно то, что этот привилей дан не только литовско-русской nobilitati, но также и мещанам. Привилей 2 мая 1447 г. имел огромное значение и для политического строя Литвы и для унии. Если с этого времени боярство, а потом шляхта выступают в качестве вершителей судеб по некоторым государственным вопросам, тем самым кладя начало расширению компетенции «вального сейма», то вместе с тем отныне шляхта резко становится на сторону унии в интересах полного уравнения с поляками и ослабления влияния литовских магнатов. Опубликованием привилея 1447 г. было заранее выиграно дело унии. Впрочем, при чтении привилея можно думать, что он пропитан антипольским духом, как это полагает Леонтович[19].

Действительно, великий князь литовский обещает раздавать уряды, держания и владения только местным жителям, как не уменьшать dominia et terras magni ducatus nostri praedicti sed in limitibus suis, quemadmodum praedecessores nostri et praesertim felicis recordationis magnus dux Alexander Vitoldus

---

[18] Там же, стр. 114.
[19] ЖМНП, 1908, № 3, стр. 76.

patruus noster predictus tenuit. Великий князь обязывается in eisdem limitibus integre et plenare tenere et defendere[20].

Конечно, в этих статьях сказалось отрицательное отношение к польским тенденциям и они являются уступкой общественному мнению, которое может быть уверено в том, что господарь не унизит своего государства. Казимиру нужно было вырвать согласие на престол без соответствующего обязательства со стороны поляков по отношению к Литве. Нельзя видеть также отрицательное отношение к польскому влиянию в полном молчании привилея о православных. В то же время привилей посвятил ряд статей, трактующих о вольностях костелов и замещении в них пастырских должностей. Если же прибавить, что все статьи, изменяющие юридическое и экономическое положение шляхты, заимствованы из Польши, то в общем приходится признать, что привилей проникнут всецело польскими правовыми идеями и тенденциями. Антипольские статьи — это ловкий шаг для усыпления патриотической бдительности литовского магнатства. Несмотря на полное молчание статей привилея о правах православной шляхты, последняя на практике пользовалась всеми правовыми нормами, предоставленными католической шляхте, за исключением возможности занимать должности. Молчание привилея о православных — это дань католической Польше, чего не отрицает и Леонтович, только в этих статьях увидевший польские симпатии[21].

Настроение поляков определилось на общем сейме в Люблине 1448 г. Позиции поляков и литовцев были те же. Никто не хотел идти на уступки. Литовцы не допускали и мысли об инкорпорации, поляки предлагали слияние Литвы и Польши в одно государство, распространение в Литве польских вольностей, но это предложение, унижавшее национальную гордость Литвы, было отвергнуто, и Люблинский сейм окончился ничем. И другие сеймовые совещания также ни к чему не привели. В течение всего правления Казимира отношения Литвы к Польше оставались неопределенными, но спорные земли поляки рассматривали как присоединенные к Польше. Польская политика Казимира встречала всеобщее неудовольствие. Патриотическое чувство Литвы не успокоили антипольские статьи в привилее. Была даже сделана попытка убийством отделаться от полонофильствующего короля. Когда это не удалось, литовцы в 1478 г. просят Казимира дать им отдельного князя в лице одного из своих сыновей. Казимир дал отрицательный ответ на просьбу литовцев, и Литве оставалось

---

20 Zbiór praw litewskich, str. 28—35.
21 ЖМНП, 1908, № 3, стр. 77.

ждать с нетерпением смерти Казимира. Смерть последнего приподняла несколько упавший дух литовцев. Игнорируя поляков, они избирают на престол Александра. Эта была большая победа со стороны литовских и русских магнатов. Недаром глава русских магнатов князь М. Глинский принимал такое участие в избрании великого князя Александра. Избирая на престол Александра, магнаты заставили нового господаря выдать привилей, который подтвердил бы прежние хартии и закрепил за магнатами то положение, которое они фактически занимали в государственной жизни благодаря постоянным поездкам Казимира в Польшу.

Привилей 1492 г. [22] не дал шляхте никаких новых прав, и все его содержание относится к литовско-русской аристократии, за исключением статьи о неповышении людей низшего звания над шляхтой. Закрепляя за аристократией как членами «господарской рады» активное участие в сфере внутренней и внешней политики, новый господарь существенно ограничивал прерогативы своей власти.

Для литовских магнатов подобного рода привилей являлся необходимостью. Поведение Казимира являлось прямым доказательством того, насколько заслуживали доверия королевские слова и обещания. Только взяв кормило правления в свои руки, магнаты могли быть уверены в сохранении литовской независимости.

По мнению Леонтовича, привилей 1492 г. положил начало уравнению политических правомочий литовско-русских панов с польскими. Отчасти эта мысль верна. Положение литовской рады и ее отношения к своему государю напоминали подобные же отношения польского сената к своему королю. Но это уравнение было не заимствованием из Польши нового института, а юридическим оформлением положения боярства, создавшегося на почве отношения князя и боярства. Отношения князя и боярства, основанные на обычае, сменялись отношениями, скрепленными прочными правовыми гарантиями. Общность институтов Литвы и Польши — результат некоторого единства и отчасти однообразия в ходе исторического процесса в Литве и Польше.

Но затруднительные внешние и внутренние обстоятельства давали литовской политике иной тон и направление, заставляя искать союза с Польшей, и в 1499 г. оба государства подписали новое соглашение. Впрочем, польская дипломатия, ввиду затруднительного внешнего положения, не была особенно настойчива в своих требованиях, и акт 1499 г. признавал за литовцами право на самостоятельный государственный

---

[22] Zbiór praw litewskich, str. 58—66.

режим, причем Литва становилась по отношению к Польше в те же отношения, в каких она находилась раньше согласно трактатам 1413 и 1432 гг.[23] Во всяком случае магнаты могли быть довольны результатами своих дипломатических переговоров.

Но политика магнатства вызывала большое недовольство в шляхте, которая находилась от него в некоторой зависимости, так как почти все вопросы, касающиеся государства, решались магнатами как членами рады. Эта зависимость сказывалась особенно в назначении новых сборов для военных нужд, и тут магнаты могли поступать по собственному усмотрению.

Недовольство было повсеместное, но особенно резко оно обнаружилось, когда вспыхнуло на юге движение М. Глинского, уже после смерти короля Александра. Население, вернее шляхта, была не только против политики магнатов, ее не могло не волновать, что все места в княжеской раде и по управлению государством попали в руки литовцев, которые не давали хода русскому элементу, основываясь на привилее 1413 г. Вот причины всеобщего недовольства.

Восстание Глинского интересно и с другой стороны, как верный показатель, насколько шляхта оценила выгоды польского права, как последствия литовско-польских уний. Выяснилось, что на тех землях, где преобладало мелкое и среднее землевладение, восстание не встретило поддержки. Все северо-западное земянство, уже окатоличенное и пользовавшееся привилеями, оставалось верно Сигизмунду.

Наоборот, киевское земянство, на которое, как православное, польское право еще не вполне распространилось, поддержало Глинского[24].

Таким образом, это движение ясно обнаружило симпатии части шляхты к Польше и отрицательное отношение к аристократии, а сочувствие православного земянства Глинскому намечало польской дипломатии дальнейший план действий для привлечения на свою сторону и православного земянства: надо было уравнять в правах православную шляхту с католической и тем уничтожить соответствующие статьи Городельского привилея. Впрочем, на последнее решались не скоро — только в 1563 г., когда выяснилось, что без поддержки русской шляхты немыслимо инкорпорирование части территории Великого княжества.

В княжение Александра внешнее положение Литвы было очень тяжелым. Борьба с Москвой продолжалась без устали.

---

[23] Zbiór praw litewskich, str. 75—76.

[24] В. Б. Антонович. Монография..., стр. 244.

Как раз в разгар военных действий умирает польский король. Теперь не поляки хлопочут о приглашении литовского князя на польский трон, а литовцы, в целях еще большего сближения с Польшей для приобретения надежного союзника для борьбы с Москвой.

Поляки учли положение дел в Литве и настроение шляхты, переносившей все тяжести военных невзгод, и решили воспользоваться моментом для реализации своих давнишних политических мечтаний. Правда, у поляков были и другие кандидаты, но перспектива соединения двух народов в одно государство доставила корону Александру.

Новая уния по своему содержанию резко отличается от предыдущих трактатов. Она напоминает проект унии 1446 г. [25] Тогда его отвергли, но теперь, ввиду войны, приходилось уступить и согласиться на все предложенные условия.

Литовские послы, скрепя сердце, подписали договор. Чины польского сейма утвердили его присягой. Послы уехали домой, обещая склонить великого князя и своих братьев к принятию унии, сущность которой заключалась в следующем [26]: отныне Литва и Польша сливаются в одно государство, будут иметь общего государя, общий польско-литовский сейм, одну монету, но разные суды и должности. Оба государства будут неразлучны в счастии и несчастии, признавая за прежними договорами обязательную силу. Новая уния, подписанная только по необходимости, конечно, была неприемлема для Литвы. Дать согласие на унию 1501 г.— это значило раз навсегда отказаться от национальной независимости, лишиться своего национального лица, из-за которого было столько несогласий и споров.

Да и статья, настаивающая на обязательности старых трактатов, толковалась не в пользу Литвы, и спорная территория закреплялась за Польшей.

Помимо всего, литовское боярство, которое с 1492 г. почувствовало себя крупной политической силой, должно было бы лишиться своего авторитета и значения, если бы уния 1501 г. превратилась в реальный факт. Ведь к этому времени обострившиеся отношения в Польше между знатью и шляхтой вели к верной победе последней. Уния 1501 г. уравняла бы права польской и литовской русской шляхты, лишив радных панов того значения, которое они приобрели по вышеприведенному привилею 1492 г. Но политический момент был слишком тяжелым для Литвы, чтобы отказываться от условий новозаключенной унии, и великому князю Александру и

[25] М. В. Довнар-Запольский. Литовско-польская уния, стр. 2.

[26] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 144 Zbiór praw litewskich, str. 77—81.

бывшим с ним боярам оставалось одно — скрепить своими подписями трактат, хотя великий князь не решился созвать сейм для подтверждения условий заключенной унии. Впрочем, условия унии на практике не были осуществлены. Польша слабо помогала Литве в ее войне с Москвой, а литовское правительство, несмотря на Мельницкую унию, продолжало рассматривать себя как представителя независимой в политическом смысле Литвы. Поэтому уния 1501 г. интересна только как показатель, к каким конечным результатам стремилась польская дипломатия. В 1506 г. вопрос об унии снова стал животрепещущим, но пока обе стороны не ставили его ребром; и хотя литовцы не поехали на общий сейм для избрания государя, и самостоятельно на сейме «единостайною волею»[27] избрали великим князем Сигизмунда, поляки сделали то же самое у себя дома. С избранием Сигизмунда на польский престол независимо от нежелания литовцев осуществить условия Мельницкой унии, фактически она отчасти осуществилась — оба государства имели одного государя, а остальные условия можно было постепенно ввести в жизнь, не обостряя отношений.

В первые годы правления Сигизмунда ни одна из сторон не подымала вопроса о взаимных отношениях. Так складывались отношения Литвы и Польши не столько на почве права, сколько факта. Избирая Сигизмунда великим князем, литовское боярство било ему челом об утверждении в особом привилее прав и вольностей, пожалованных прежними господарями[28]. Такая просьба панов понятна. Им нужно было укрепить за собою влияние на государственные дела, приобретенное привилеем 1492 г., удержать шляхту на старых позициях. Действительно, новый привилей ничего не прибавляет к общешляхетским правам, но зато расширяет компетенцию панов-рады, без согласия которой великий князь не мог издавать никаких постановлений в области внутренней и внешней политики. Этим привилеем рада по закону получила законодательные функции. Так борьба панства за литовскую независимость вела к увеличению прав того же панства. Но подобное положение не могло нравиться шляхте, начинавшей играть все более видную роль в государстве.

Шляхта не могла быть довольна своим положением. Война требовала от нее личной службы и материальных пожертвований, знать распоряжалась в стране, ведя часто узкоэгоистическую экономическую политику. Поэтому понятно то негодование, которое овладело шляхтой и которое особенно резко выражалось на сеймах времен Сигизмунда I и особенно

[27] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 149.
[28] Там же, стр. 148.

Сигизмунда-Августа. На сеймах шляхта неоднократно высказывала и свои политические требования. В исследовании Любавского собран громадный материал, фактически иллюстрирующий ее желания. Собственно, шляхта желает быть тем, чем были паны-рады. Она желает стать такой же крупной государственной силой, какой к этому времени стала шляхта польская, которая с 1505 г. держала в своих руках все законодательство страны. Но та же шляхта на сеймах убедилась, что при самостоятельном существовании Литовского государства, вне унитарных связей с Польшей, реализация ее планов немыслима: литовское боярство никогда не согласится на расширение вольностей шляхты. Отсюда в шляхте XVI в. особенно сильно заметны полонофильские симпатии. Правительство на этот раз оценило значение шляхты и рядом законодательных мер, расширивших права шляхты, постепенно подготовило унию 1569 г. Пока в Литве назревал конфликт между двумя станами, Польше и Литве приходилось жить вместе, не подымая никаких щекотливых вопросов. Только тогда, когда Литва в минуту тяжелого военного положения обратилась за помощью, литовцам пришлось выслушать много неприятного. Поляки обвиняют литовцев в нежелании быть в дружбе с ними. Но это пустяки в сравнении с другим замечанием поляков; они согласны оказать помощь для борьбы с Москвой, но войска отдадут в распоряжение общего главы народов, так как военные действия в сущности направлены против короля[29]. Последнее мимолетно брошенное замечание было неприятным напоминанием о Мельницком трактате, но литовскому боярству было не до теоретических разговоров с поляками и ему пришлось молча согласиться с этими словами. На самом деле литовское боярство думало по-иному. Настоящее его настроение отчетливо видно в самом факте возведения Сигизмунда-Августа на великокняжеский престол в 1522 г., тем самым литовское магнатство наглядно не признало «слушной едности» между обоими народами. Тогда же магнаты потребовали от нового господаря подтверждения старых привилеев. Конечно, литовская знать здесь имела в виду столь выгодные для своего общественного значения привилеи 1492 и 1506 гг. Подтвердительный привилей 1522 г., выданный от имени короля и его сына, гарантировал литовской знати неприкосновенность всех «jura, tam publica, quam privata»[30].

В заключение Сигизмунд обещал, что его сын «postquam ad aetatem legitimam pervenerit» выдаст такую же запись под своей личной присягой (nec non juramento etiam suo corporali).

---

[29] М. В. Довнар-Запольский. Литовско-польская уния, стр. 24—25.

[30] Zbiór praw litewskich, str. 124—125.

Подтвердительным привилеем Сигизмунда-короля обеспечивалась и независимость Литвы и высокое положение панов-рады, которые до сих пор сохраняли за собой руководящую роль, несмотря на активные выступления рядовой шляхты. Когда на Виленском сейме 1514 г. раздавались голоса о необходимости кодификации шляхетского права, аристократия пошла навстречу желаниям шляхты. Ведь кодификация права, объединяя все предыдущие законодательные акты в одно целое, фактически закрепляла существующие отношения и правовые нормы, являясь орудием, направленным против дальнейшего расширения шляхетского права. Опубликование Статута 1529 г. было временной победой магнатства над литовско-русской шляхтой.

В правление Сигизмунда, хотя вопрос об унии подымался несколько раз, литовским магнатам все-таки удалось заключить новый договор, в котором ни единым словом не упоминалось об унии. Новый трактат от 26 марта 1532 г. устанавливал оборонительный союз между обоими государствами, пропорционально разделяя между ними военные издержки. Новые условия предполагали общую защиту от врагов, особенно от татар. Оба государства обязуются помогать друг другу в случае нападения врага на одного из них; в обороне границ литовцы и поляки помогают друг другу посылкою небольших отрядов; оба государства обязуются добывать оружием всякую область, отпавшую от них [31]. Нельзя не признать эти условия большой победой литовской дипломатии. Как будто ее вековые усилия увенчались полным успехом. Забыты условия Мельницкого трактата, и Литва рассматривается как самостоятельное государство, связанное с Польшей только лишь дружественными отношениями [32].

Впрочем, дальнейший ход дел показал. что польская дипломатия только временно отказалась от своих планов и готова была каждую минуту снова выступить со своими предложениями. Да и обстоятельства в Литве начали складываться в пользу поляков.

На арену исторической жизни в Литве выступила посольская изба, шляхта, недовольная магнатами и старавшаяся изменить свое общественное положение, оттеснив магнатство и заняв его место. Нельзя не признать, что польские дипломаты правильно оценили тогдашнее политическое положение в Литве. Выяснив соотношение общественных сил, они взяли устойчивый и верный курс политики, курс, который в конце концов должен был привести к давно желанным результатам.

---

[31] М. В. Довнар-Запольский. Литовско-польская уния, стр. 6.

Когда в 1547 г. на первом вальном сейме, бывшем при Сигизмунде-Августе, паны сейма, паны-рады и посольская изба обратились к господарю с просьбой, «зъласки и добротливости своей панской» «вказати» все права и вольности, пожалованные их господарям за их прежнюю и верную службу, то король сочувственно отнесся к просьбе станов сейма.

В своем отказе он признал справедливым требования сейма и приказал: «tyie priwilia i listy wolnosty waszich wźowam okasati pered wami ich wyczesti roskasati» в целях лучшего ознакомления с ними всех членов сейма. Затем государь обещал «wodle zachowania prodkow svoich i wodle opisania i obwiazania jego milosti i swosjho» — подтвердить старые привилеи. Давая согласие на подтверждение старых привилеев, Сигизмунд, впрочем, сделал большое отступление от обычаев предков. Он обещал подтвердить вольности «панов-рад обоего стану, духовного и светского, римского и греческого, княжат, панят и всего рыцарства» [32].

Значение этого привилея огромно. Им окончательно уравнивалась в правах русская шляхта с литовской Отныне принадлежность к православию не могла быть причиной непользования шляхетскими правами. Так пало правовое различие между католиками и православными. Впрочем, и этот привилей не отменил соответствующих статей Городельского привилея о праве только католиков занимать разные должности. Нельзя не признать этот акт, с точки зрения сторонников унии, актом полным дипломатического смысла и значения: Им создавались совершенно новые отношения к Литве, и вопрос об унии принимал иной характер. Если на сеймах в княжение Сигизмунда-Августа русская шляхта не выступала против унии, то это было следствием привилея 1547 г. Если привилей 1547 г. отчасти сблизил русскую шляхту с польской, то привилей 1563 г., отменивший статьи Городельского привилея о предоставлении урядов и участия в раде господарской только католикам, превратил русскую шляхту в ярую сторонницу унии, столь благодетельной для шляхты. Отныне пользование шляхетскими правами соединялось с принадлежностью только к христианской религии [33].

На сеймах, бывших в господарство Сигизмунда II Августа, бросается в глаза настойчивое и вызывающее поведение шляхты. В исследовании М. К. Любавского собрано обилие данных, иллюстрирующих вышесказанное положение [34]. Приведем некоторые из требований шляхты, рисующих ее политическое настроение. В 1544 г. шляхта требует, чтобы духов-

---

[32] Zbiór praw litewskich, str. 419.
[33] АЗР, т. III, № 32.
[34] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 508—734.

ные греческого и латинского закона не занимали гражданских должностей, на сейме 1547 г. добивается удаления духовенства из светских судов, привлечения духовенства к несению военной службы; тогда же шляхта подает жалобу на воевод и старост по поводу всякого рода «кривд» при отправлении правосудия; на сейме 1544 г. шляхта настаивает на присутствии шляхетских присяжных заседателей на воеводском суде. На сейме 1547 г. — бесконечные жалобы на администрацию и требование контроля со стороны шляхты в сборе и расходовании панами земских финансов. На других сеймах выставляются требования экономического и финансового характера и, как постоянный лейтмотив, жалобы на урядников. На сейме 1557 г. раздаются требования волынских землевладельцев о выборном суде, о подчинении князей и панов юрисдикции местных судов [35]. Все эти бесчисленные требования направлены, конечно, против духовного и светского магнатства как сословия, пользовавшегося особым покровительством закона. Такое поведение шляхты нельзя не поставить в связь с ее полонофильскими симпатиями и недовольством фактическим положением знати. Если последняя в первой половине XVI в. сумела сохранить за собой руководящее положение, сдерживая порывы шляхты, то теперь она была бессильна противостоять сплоченному натиску объединенного шляхетства. Сеймовые заседания превратились в бесконечные препирательства с панами-радой и королем. Речи, произнесенные в посольской избе, вскрывали потрясающую картину анархии в стране, отсутствие какого-нибудь административного порядка. Такие нападки понятны, раз администрация и суд были в руках аристократии и последняя имела особые привилегии [36].

Чем резко критиковалось настоящее положение дел в стране, тем яснее подчеркивалась мысль о необходимости демократизации литовского государственного строя по образцу польскому, с предоставлением суда и управления в руки всего шляхетского сословия.

Это настроение было учтено польскими дипломатами. Если к внутренней партийной борьбе прибавить затруднительное внешнее положение, то приходится отметить, что в Литве складывались такие обстоятельства, при которых решение вопроса об унии могло принять желательный для Польши характер. До 1562 г. вопрос об унии был поставлен на очередь польской шляхтой, но его как-то обходили и замалчивали. Литовско-русская шляхта, занятая борьбой с магнатами, не принимала близко к сердцу трактуемого вопроса, и литовскому

---

[35] АЗР, т. III, № 32

[36] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 428—508; М. В. Довнар-Запольский. Литовско-польская уния, стр. 19—20.

правительству удавалось игнорировать вызывающее поведение поляков [37].

Единственная уступка, сделанная Польше литовским правительством, выразилась в отдаче ей Бельской и Подляшской земель, строй которых давно напоминал Польшу.

Совершенно иначе начинают складываться польско-литовские отношения в эпоху Ливонской войны, когда выяснилась невозможность отстоять Ливонию собственными силами, тем более, что сеймовая шляхта в этот критический момент жизни Литовского княжества на Виленских сеймах 1559 и 1561 гг. не столько занималась обсуждением вопроса о защите страны и сохранении ее единства и цельности, сколько стремилась использовать данный момент в интересах упрочения своего положения [38]. Заявления, деланные шляхтой, были бесконечны; король и паны-рады делали ей уступку за уступкой, но последние отнюдь не уменьшали аппетитов шляхты, а, наоборот, еще более увеличивали их.

Полная невозможность воевать собственными силами с Москвой заставила литовских магнатов обратиться к Польше. Положение дел было приблизительно такое же, как и в момент заключения Мельницкого трактата. Польская дипломатия могла надеяться на увенчание своих вековых усилий, и действительность оправдала ожидания всех сторонников унии. Уже на Виленском сейме 1561 г., на котором решалась судьба Ливонии, литовско-русская шляхта проявила свои полонофильские симпатии [39]. Этими симпатиями и нежеланием нести большие военные и финансовые поборы можно объяснить присоединение Ливонии к Литве и Польше, будто бы составляющим одно государство [40]. Еще резче немного раньше определилось настроение шляхты в лагере под Витебском, когда шляхта, недовольная ходом военных действий, решила игнорировать магнатов, составив акт, которым она заявляла о своем желании скорее заключить унию с Польшей, «дабы иметь возможность сообща сеймовать с поляками, сообща избирать государя ввиду бездетности нынешнего государя, пользоваться одинаковыми с ними правами и вольностями и сообща обороняться от врагов». Конфедерация требовала созыва общего сейма. Участники конфедерации обязывались не отказываться от этого требования и не поддаваться никаким обещаниям, а также «не ухвалять серебщин и других податков, пока не будет решен в положительном смысле вопрос об

---

[37] М. В. Довнар-Запольский. Литовско-польская уния, стр. 3—15.
[38] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 620.
[39] Там же.
[40] М. В. Довнар-Запольский. Литовско-польская уния, стр. 3—15.

унии[41]. Это активное выступление шляхты — новый факт в польско-литовских отношениях. Шляхта, до сих пор шедшая за магнатами во всякого рода внешнеполитических вопросах, начинает действовать самостоятельно, стараясь направить политику государства в желательную для себя сторону. Литовско-русское магнатство давно предвидело наступавшую коллизию и пыталось всячески сохранить за собой первенство. Только этим и объясняется, почему паны-рады согласились исправить статут 1529 г., когда шляхта оценила его аристократический характер. На сейме 1561 г. был даже уже предложен проект исправленного статута. Подобную политику магнатов шляхта прекрасно поняла. Недаром она потребовала от участников Витебской конфедерации присяги не идти ни на какие уступки магнатам, своекорыстную и эгоистическую политику которых шляхта давно подметила. Витебская конфедерация не прошла бесследно для политического настроения шляхты. Петроковский сейм 1562 г. открылся заявлением о необходимости унии. Этого требует правовое положение шляхты, но практически решение этого вопроса вперед не продвинулось. Иными результатами кончился Виленский сейм 1563 г. Шляхта добилась отмены статей Городельского привилея, лишавших возможности некатолическую шляхту занимать различные государственные должности и заседать в панской раде. Кроме того, было решено отправить особую сеймовую делегацию для переговоров об унии.

Делегация получила от сейма соответствующий наказ, являющийся таким образом важным документом для характеристики политического настроения станов сейма.

Наказ делегации во многом сходится с постановлениями Витебской конфедерации. Следовательно, на посылке посольства настояла шляхта, перетянувшая политические весы на свою сторону. Конечно, это была большая ее победа. Но и побежденные магнаты, идя за шляхтой и соглашаясь, под давлением текущего момента, на унию, постарались придать такой характер унии, при котором за Литвой сохранялась бы известная доля самостоятельности. Впрочем, можно было заранее предполагать, что поляки отвергнут эти пожелания, так как за ними не стояло мнение шляхты, да к тому же Литва была просящей стороной. Не передавая содержания всей инструкции[42], приходится отметить, что сейм, соглашаясь на унию, рассматривал ее не в виде инкорпорации Литвы, а в смысле сближения обоих государств на почве военной защиты и единства королевской власти, с избранием короля

---

[41] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 435—436.
[42] Там же, стр. 662.

на общих совместных сеймах. Допускались и иного рода совместные сеймы, но только для решения дел, имеющих отношение к обеим сторонам. Дела же, касающиеся того или другого государства в отдельности, решаются на своих местных сеймах, не говоря о том, что сохраняется полная автономия каждого государства во внутренних своих делах. Литовцы соглашались, для скрепления заключаемой унии, разрешить полякам приобретать имения в Литве. Можно согласиться с мнением М. К. Любавского[43], что содержание инструкции проникнуто стремлениями отстоять целостность и обособленность государства, но едва ли можно видеть в этом особую победу магнатства. Настояв на посылке посольства по поводу унии и выработав ее основные положения в духе Витебской конференции, шляхта просто предоставила разработку деталей магнатам. Безразличие шляхты объясняется тем, что с уравнением в правах с польской шляхтой положение магнатства в Литве, и при сохранении ее особности, перестало бы быть доминирующим.

Но для поляков и такая уния была неприемлемой: по мнению их, сущность унии должна заключаться в инкорпорации Литовского княжества в Польское государство. Начиная с Ягайлы, польская дипломатия держится по отношению к Литве определенного плана, и если отступала от него, то только в силу разных случайных обстоятельств. Уступая моментами, шляхетские дипломаты отнюдь не отказывались от старой мысли «втеления» Великого княжества в Польшу.

Противоречие во взглядах на унию со стороны двух договаривающихся сторон вскрылось с особенной резкостью на Варшавском сейме 1563 г. Полякам не приходилось скрывать своих истинных намерений ввиду затруднительного положения литовцев и партийной борьбы внутри самого княжества.

Поляки ехали на сейм, вооруженные всякого рода историческими справками, подкреплявшими их требования[44]. Поведение их на сейме было вызывающее, и литовским послам приходилось обнаруживать много выдержки, чтобы не уехать домой до решения больного вопроса. На Варшавском сейме поляками была открыто сформулирована и формула унии: один король, один закон для всех, один народ под одним скипетром и печатью; причем свои требования поляки основывали на Мельницком трактате. Вынесена была она посольской избой. Первоначальная формула сената не отличалась такой определенностью и отчасти щадила самолюбие литовцев.

---

[43] Там же.
[44] Там же, стр. 663.

Само собою понятно, что подобная формула для литовцев была неприемлемой. Приходилось себя сдерживать, не разрывать переговоров, пытаясь в то же время склонить поляков в сторону отказа от столь резкой формулы.

Только затруднительным политическим положением можно объяснить, почему литовцы решились вступить в переговоры на почве условий договора 1501 г.

Переговоры были малоуспешны. Поляки не шли на уступки, а литовцы не решались на политическое самоубийство. Все-таки ввиду тяжелого положения дела литовцы сделали кое-какие уступки полякам, согласившись иметь общего государя, избираемого на литовско-польском сейме. Сам великий князь для ускорения переговоров был готов отказаться от своих династических прав на Литву, что и было выражено известной варшавской декларацией. Давая согласие на вольную элекцию государя литовские послы ни за что не соглашались на отказ от собственных урядников, своей печати, отдельного скарба и т. д., по словам князя Радивилла, отказ от всего этого повлечет за собою потерю величия государства [45].

Во время заседаний сейма военные действия были для литовцев удачны, и это сразу отразилось на переговорах. Теперь литовские послы не соглашаются на общие сеймы, признавая их необходимость только лишь по общим делам, касающимся обоих государств, как это было в старину, и вообще еще резче подчеркнули свою самостоятельность во внутренних делах.

Так варшавский сейм кончился ничем. Впрочем, поляки не унывали; если переговоры в 1563 г. не привели к желанным результатам, то было полное основание надеяться, что в будущем они кончатся согласно желанию поляков. Сейм 1564 г., на который приехало немало поляков, показал им, что вся шляхта княжества на стороне унии, предложенной поляками, а противники ее — только аристократия, упорство которой сломить очень трудно.

Сочувственное отношение литовско-русской шляхты к унии заставило аристократию и господаря прислушиваться к ее заявлениям. Раньше правительствующие чины мало обращали внимания на желания шляхты иметь исправленный статут и земский выборный суд с подчинением его юрисдикции землевладельцев шляхетского звания без исключения. Аристократия противилась всему этому, пока было возможно, да и великий князь не хотел уменьшать ни своих доходов, ни прерогатив своей власти.

Иное отношение встретила шляхта теперь: ее боятся и перед ней заискивают как перед крупной политической силой,

[45] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 663.

держащей в своих руках и судьбы унии и автономию Литвы. Если великий князь согласился на все требования шляхты, имея в виду окончательное заключение унии, то аристократия, уступая шляхте, расширяя ее права, предполагала такой политикой приобрести в лице шляхты союзника для борьбы за литовскую автономию. Действительно, реформы 1564—1565 гг. коренным образом изменили строй Литовско-Русского государства и даровали шляхте новые сословные привилегии [46].

Учреждались земские и городские суды по польскому образцу. Несколько расширился состав господарской рады, благодаря увеличению числа «урядов», изменился радикально самый порядок верховного управления, благодаря расширению компетенции великого сейма и новой организации шляхетского представительства на сеймах. В общем после этих реформ шляхетство стало во главе государства, держа в своих руках управление им, и политический строй Литвы стал походить на польский. Литовская аристократия лишилась своего значения, хотя и новый статут сохранял за аристократией некоторые почетные права, не имевшие для шляхты какого бы то ни было практического значения.

Преобразование политического строя Литовского государства почти уничтожило препятствия к соединению Литвы с Польшей: в обоих государствах господствовала шляхетская демократия, были почти одинаковые государственные учреждения, а так как литовско-русская шляхта, по партийным соображениям, всегда была на стороне унии, то этот вопрос уже почти был решен, тем более, что литовско-русской шляхте у себя дома предстояла большая работа: действительно занять место аристократии и оттеснить ее на второе место. Так падали постепенно все препятствия к заключению унии [47].

В то самое время, когда в Литве происходили реформы политического строя, поляки с удивительным упорством на своих сеймах настаивали на унии [48]. Посольская изба особенно торопилась окончить все переговоры до окончания войны с Москвой, так как тогда ввиду прекращения войны Литва может уклониться от унии. Надо торопиться с унией — вот припев всех речей, произнесенных в посольской избе.

Король послушно шел за посольской избой. Уступая ее требованиям, король созвал сейм в Люблине для окончательного решения больного вопроса. Во то же время литовцы заседали в Бресте, откуда посылали послов для переговоров. Последние кончились ничем: уния снова была отсрочена.

---

[46] Статут 1566 г., разд. III, арт. 4; М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 718.

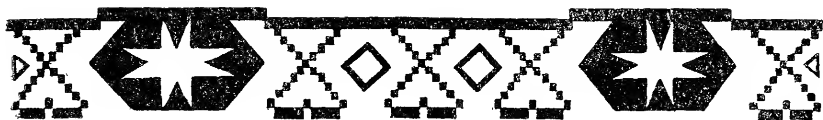
[47] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 734.

[48] М. В. Довнар-Запольский. Литовско-польская уния.

Литовцы никак не соглашались на инкорпорацию, на которой настаивали польские послы. Со своей стороны литовская делегация предлагала унию, опираясь на смысл переговоров, бывших на варшавском сейме. Литовцы согласны иметь общего государя, общие сеймы, собирающиеся поочередно то в Литве, то в Польше, соглашались иметь общих друзей и врагов и сообща защищаться от неприятелей, но требовали для Литвы особой администрации и суда, особых законов и установлений. Конечно, эта личная уния была неприемлема для польских политиков, и неудивительно, что поляки ее отвергли. Очевидно, и здесь магнаты одержали верх, явившись сторонниками независимости Литвы. Но это была едва ли не последняя победа магнатства. События складывались для Литвы неблагоприятно, и вопрос об унии стал очередным. Люблинский сейм 1569 г. и явился завершением того политического плана, который столько веков приводился в исполнение. Если на сейме 1566 г. упорство потентатов задержало решение вопроса об унии, то на новом сейме судьбу унии решила шляхетская демократия, неоднократно требовавшая унии. Под ее натиском вопрос об унии был решен в утвердительном смысле [49]. Впрочем, и новая уния не была инкорпорацией Литвы в состав Польши. Правда, Литва лишилась части территории, Подляшье, Волынь, Киевщина и литовское Подолье были инкорпорированы, но урезанное Литовское княжество сохранило в некотором отношении автономию в виде права иметь свои уряды, законы, суды. Поляки после долгих споров согласились на это, но зато добились уступки и себе: поляки и литовцы — равноправные народы, а потому оба народа могут свободно занимать должности в обеих странах и приобретать недвижимое имущество, против чего еще недавно высказался Берестейский сейм 1566 г. Несомненно, что если на основании Люблинской унии Литва пользуется отчасти внутренней независимостью, то это дело магнатства. Так усилиями шляхты была заключена парламентарная уния, отдавшая судьбу Речи Посполитой; в руки шляхетской демократии и положившая начало тем новым отношениям, которые в конце концов повели к полному слиянию обоих государств в одно.

Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия профессорской деятельности в Московском университете (5/XII 1879 —5/XII 1909 года). М., 1909.

[49] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 838.



ПОЛЬША НА ПУТЯХ К КОЛОНИЗАЦИИ УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ. ЛЮБЛИНСКАЯ УНИЯ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Шляхетская Польша во второй половине XVI в. вступила в сравнительно долгий период подъема своего экономического и политического значения. Развивавшаяся в ту пору городская цеховая промышленность западноевропейских стран нуждалась в производственном сырье, которое могли дать только страны с развитым сельским хозяйством. Рост городского населения, феодальные войны во Франции в XVI в., упадок сельского хозяйства в Англии в связи с обезземелением крестьянства, промышленное развитие Голландии, упадок сельского хозяйства в Италии и Германии после расправы с восставшими крестьянами — все это увеличивало спрос на польское сельскохозяйственное сырье. Одновременно развитие торговли и военного флота приатлантических держав вызывало спрос и на лес. Польша становилась основным поставщиком сельскохозяйственных продуктов и леса на европейский рынок. Все эти условия содействовали подъему сельского хозяйства Польши и его реорганизации на базе развития фольварочного хозяйства и усиления эксплуатации крепостных крестьян, хозяйство которых значительно упало.

Благоприятная для сельского хозяйства внешнеторговая конъюнктура вовлекала в сферу влияния европейской торговли и среднепоместное землевладение, пресс которого становился особенно тяжелым для крепостного крестьянства.

Эта же конъюнктура заставляла польскую шляхту добиваться заключения унии с Литвой не столько в целях политического слияния обоих государств, сколько ради территориального расширения и захвата новых земель, удобных как для развития сельского хозяйства, так и для шляхетской колонизации. В этом отношении Волынь, Киевщина, Литовское Подолье открывали перед шляхтой широкие перспективы и возможности.

При всем враждебном отношении к Польше со стороны литовских князей и панов, польские паны с Литвой считались мало, учитывая, что война с Московским государством заставит Литву все же ориентироваться на Польшу. Увлеченная погоней за землей и расхищением украинских общинных земель, шляхта забыла только об одном — о силе сопротивляемости кровно заинтересованного в этом деле, наиболее страдающего от земельного грабежа крепостного крестьянства. Экономическое угнетение повлекло за собой вступление крестьянства на путь классовой противофеодальной борьбы. Борьба началась с пассивной оппозиции — с бегства в пустыни Правобережья, в Запорожье, в степные просторы Левобережья. Эта пассивная оппозиция переросла в активную противофеодальную борьбу, потрясшую до основания социально-экономическую базу Польского королевства и Речи Посполитой вообще и тем самым положившую начало закату Речи Посполитой и низведению ее в ранг второстепенной державы. Этого нельзя забывать при изучении общих причин упадка Речи Посполитой и ее окончательной политической гибели [1].

Балтийская торговля для Польши начала приобретать особое значение, когда в силу заключенного с Орденом Торуньского мира 1466 г. Гданьск с устьем Вислы отошел к Польше. Особенно поднялось значение Гданьска после упадка Ганзейского союза в конце XV в. и закрытия для польской торговли черноморских портов в середине XV в. Через Гданьск Польша связывалась с Португалией, Испанией, Италией, Голландией, Англией. К привисленской водной артерии тянулись все остальные сухопутные и речные дороги. Краков, Варшава, Торунь, Гданьск были важнейшими торговыми пунктами. Другие дороги от Варшавы — на Гродно, Митаву, Вильно и Полоцк имели второстепенное значение. Дорога на восток от Кракова на Львов и Каменец-Подольский вовсе утратила свое первостепенное значение [2].

Центральным пунктом вывозной польской торговли был Гданьск. Через него вывозились лес, смола, поташ, воск, составлявшие до половины XV в. основную статью вывоза. С половины XV в. картина постепенно менялась: увеличивался вывоз сельскохозяйственных продуктов, хотя вывоз леса в разных видах, смолы, поташа и воска сохранял свое значение и продолжал занимать видное место в общем польском вывозе. Вывоз лесных материалов все время увеличивался с конца XV до половины XVI в.

---

[1] A. Jabłonowski. Zródła dziejowe, t. XXI, XXII, 1894—1887.

[2] J. Rutkowski. Zarys gospodarczych dziejów polskich w czasach przedrozbiorowych. Poznań, 1923, str. 199.

Было бы неправильно представлять себе, будто польский вывоз постоянно прогрессировал. Размеры сельскохозяйственного вывоза, экспорт леса, смолы, воска, поташа колебались по отдельным годам в зависимости от различных условий, но общей тенденцией все же был рост.

Данные об экспорте Гданьска могут служить превосходной иллюстрацией большого напряжения крепостного хозяйства в XVI и в первой половине XVII в., поскольку Польша была основным поставщиком зерновых продуктов на рынок Гданьска. После захвата Украины последняя становится видным поставщиком экспортного хлеба, в связи с чем дорога по р. Западный Буг приобретает важное значение. Увеличение сельскохозяйственной продукции на базе усиления эксплуатации крестьян и внеэкономического принуждения в связи с ростом привисленской внешней торговли превращало Польшу в достаточно мощную аграрную феодальную державу, располагавшую значительными материальными и денежными ресурсами. Это позволяло польской шляхте держать себя вызывающе по отношению к литовской магнатерии, доля которой в сельскохозяйственном заграничном вывозе была много скромнее. Но эта же аграризация Польши имела и свою обратную сторону. Польские феодалы в полном сознании своих классовых интересов проводили узко-классовую экономическую политику, не считаясь с развитием других отраслей народного хозяйства. Польская, как и литовская, шляхта добилась полной свободы от всяких пошлин при вывозе за границу продуктов собственного хозяйства, причем одновременно шляхте был разрешен и беспошлинный ввоз иностранных товаров для нужд собственного потребления. Эта классовая шляхетская экономическая политика имела последствия чрезвычайной экономической важности. Она придала экономическому развитию Польши однобокий характер и задержала промышленное развитие королевства. Эта же политика послужила основной причиной экономического упадка польских и литовских городов. Она поставила Польшу в полную зависимость от Западной Европы в промышленном отношении, в полную зависимость от западноевропейского рынка. Она способствовала уменьшению и обеднению городского населения, особенно городской плебейской массы.

В годы длительного сельскохозяйственного кризиса накопленные денежные средства уходили за границу. Польша постоянно испытывала крайнюю нужду в деньгах. Отсутствие средств обрекало на полный провал все попытки правительства содействовать промышленному развитию Польши и тем самым изменить односторонний характер экономической структуры королевства. Да и самые попытки предпринимались

слишком поздно, осуществлялись по-барски и в условиях крепостного права, при недостаточной емкости внутреннего рынка, не имели никаких данных развиваться в эффективные мероприятия.

Аграрная структура Польши на базе крепостного труда и величайшего произвола в отношении крепостного крестьянства была одной из причин прекращения существования Польши как политически самостоятельного государства [3].

Экономическое развитие Польши определяло ее внешнюю политику. Польский сельскохозяйственный экспорт направлялся за границу через Гданьск. Польша находилась в полной зависимости от экономической политики Гданьска и от голландцев-посредников в торговле, поскольку она не имела своего торгового флота, а разговоры о постройке собственного флота не дали никаких конкретных результатов Имея громадные экономические интересы на Балтике, Польша находилась в полной зависимости от Дании и Швеции, которые были господами положения на Балтике. Польше приходилось зорко наблюдать за соотношением сил на Балтике, которые влияли на экспорт и экономическое положение польских феодалов.

Гданьск входил в состав Польского королевства на правах вольного города. С Польшей его связывали только тесные экономические отношения. В политическом же отношении Гданьск был фактически независим от Польши [4], и рассматривал себя как самостоятельное государство — город. Свою экономическую политику Гданьск, естественно, проводил исключительно в собственных интересах, не считаясь с интересами Польши. Гданьск мог оказывать на Польшу любое экономическое давление, и Польша была вынуждена с этим мириться, хотя бы экономическая политика Гданьска и вызывала возмущение в шляхетских кругах. Особое географическое положение Гданьска усиливало политическое значение его как узла Балтийского вопроса. На Гданьск смотрели жадными глазами все близкие и далекие государства, которые протягивали свои щупальцы к Балтийскому морю и стремились утвердиться на нем. Польша, Дания, Московское государство, Швеция — все считали этот город важным для своей торговой экспансии и для своего политического усиления. Поэтому для Польши Гданьск имел не только экономическое, но и политическое значение как опорный пункт для проведения ее балтийской политики.

Экономическая политика Гданьска была сугубо меркантилистична. Гданьск превосходно учитывал свое торгово-эконо-

---

[3] J. Rutkowski. Указ. соч., стр. 72—73, 186—197.

[4] R. Zutman. Historja Gdańska do roku 1793. Gdańsk. Praca zbiórowa, str. 35—126; Simson. Geschichte der Stadt, Bd. I—IV. Danzig, 1928.

мическое значение как посредника в балтийской торговле Польши. Гданьск не считался с политикой последней и, проводя собственную политику, часто поддерживал дружеские экономические связи с теми государствами, с которыми Польша, а впоследствии Речь Посполитая, находилась во враждебных отношениях[5]. Польша же была бессильна оказывать на правительство государства-города воздействие в желательном для себя направлении.

Но у Гданьска были и слабые стороны, которые ставили его торговлю под угрозу. Гданьск не имел собственного значительного флота. Свои посреднические торговые операции Гданьск выполнял при помощи голландского флота. В конце XVI в. голландские суда составляли от 60 до 80% общего количества судов, отчаливавших от Гданьска; в XVII в.— от 70 до 80%. Затем голландская торговля начала сокращаться, хотя она некоторое время еще и занимала господствующее положение[6].

Вся внешняя политика Речи Посполитой во второй половине XVI и начале XVII в. была связана с Балтикой. Балтийский вопрос имел немалое значение и при разрешении вопроса о польско-литовских унитарных отношениях. Польша стремилась иметь в резерве Великое княжество Литовское на случай, если придется вмешаться в военное столкновение за обладание Балтикой. Положение на Балтике создалось очень острое. Московские феодалы и купцы стремились утвердиться на берегах Балтики. Для торговли с англичанами Белое море представляло столько природных препятствий и неудобств, что обладание портами на Балтике было необходимо для феодального землевладения и связанного с ним купечества. Польша не могла допустить утверждения Московского государства на берегах Балтики, поскольку вывоз продуктов из Московского государства в Западную Европу мог явиться серьезной конкуренцией для польского экспорта.

В этом отношении Польша примыкала к противомосковскому фронту и, если сначала не принимала участия в борьбе с Московским государством, то это можно было объяснить не только нежеланием шляхты возложить на свои плечи новые повинности, но и тем, что при создавшейся международной обстановке правительству Речи Посполитой приходилось сосредоточить все свое внимание на западном побережье Балтийского моря, так как Дания, начав семилетнюю войну со Швецией (1563—1570), естественно, должна была искать если

---

[5] Ad. Szelągowski. Pieniądz i przewrót cen w XVI i XVII ww. w Polsce, 1902, str. 110.

[6] St. Kutrzeba. Handel Gdańska. Praca Zbiórowa pod red. Kutrzeby. Kraków, 1928, str. 161—162.

не помощи Москвы, то союза с ней. Дания могла запереть Зунд и Бельты для гданьского вывоза и, отрезав Польшу от рынка сбыта ее сельскохозяйственных продуктов, тем самым поставить земельных собственников и экспортеров хлеба в тяжелое положение. Да и шведский король мог принять враждебные в отношении Польши решения, которые в той или другой степени имели бы вредные последствия для польской вывозной торговли.

Впрочем, шведско-датская война не принесла особого ущерба этой торговле, хотя все-таки вывоз несколько сократился, особенно под конец войны. В 1563 г. из Гданьска вышло 1617 судов, а в следующем году — только 999. В последующие годы количество ушедших из Гданьска судов немного увеличилось (1173, 1275, 1028, 1046), но в 1569 г. их количество вновь уменьшилось до 965 [7]. Дания до тех пор враждовала со Швецией, пока положение последней в Эстляндии было благоприятно. Но как только Москва стала угрожать Ревелю, Дания поспешила заключить мир со Швецией, предоставив тем самым последней возможность концентрированной борьбы с Москвой [8].

II

Таково было положение Польши накануне Люблинской унии 1569 г., явившейся поворотным моментом в отношениях шляхетской Польши и магнатской Литвы. На сейме в Люблине польским шляхетским дипломатам не удалось полностью осуществить свои давнишние политические планы — слить воедино Великое княжество Литовское с Польским королевством. Политика польских шляхетских дипломатов встретила активный отпор со стороны крупных феодалов Великого княжества Литовского. Правда, внешнее положение Великого княжества было очень тяжелое. Военные действия с Московским государством развертывались не в пользу Литвы, и без польской помощи нельзя было надеяться на благополучный исход войны. Политическую позицию литовской магнатерии ухудшала еще обостренность отношений внутри класса литовских феодалов. Украинская и литовско-белорусская шляхта склонялась к унии в надежде на облегчение своего экономического положения, чрезвычайно ухудшившегося в связи с военными действиями. Магнатам-сепаратистам было очень трудно бороться с унионистскими планами литовско-белорусской и украинской шляхты.

---

[7] St. Kutrzeba. Handel..., str. 158.

[8] И. Полосин. Вступительная статья к «Запискам Генриха Штадена о Москве Ивана Грозного». М., 1925, стр. 15.

Волынь и Подляшье, будучи тесно связаны с привисленским речным бассейном, принимали деятельное участие в вывозе сельскохозяйственных продуктов за границу через Гданьск и попадали тем самым в орбиту польской экономической политики. С другой стороны, волынские и прочие украинские феодалы были очень озабочены охраной своей территории от набегов крымских татар. Украинские замки требовали ремонта, и вообще все средства обороны восточной границы нуждались в полной реорганизации. Собственными силами и средствами украинские шляхтичи не могли поставить оборону края на должную высоту. К тому же набеги крымских татар не позволяли украинским феодалам надлежащим образом использовать свои земельные богатства и путем реорганизации помещичьего хозяйства и усиления эксплуатации непосредственных производителей увеличить свой сельскохозяйственный вывоз. Не надеясь на помощь со стороны правительства Великого княжества Литовского, которое было занято войной с Иваном Грозным, украинская и литовско-белорусская шляхта рассчитывала, что уния усилит обороноспособность Литвы.

Накануне Люблинской унии произошли существенные перемены в организации власти в самой Литве. Литовские магнаты должны были пойти на значительные уступки шляхте и в известной мере шляхетизировать государственный строй. Но эта шляхетизация была далеко не полной. Великое княжество Литовское, будучи шляхетским по форме, оставалось по своему содержанию аристократическим. Управление государством находилось в ведении панов: они сохранили руководящее значение как во внутренней, так и во внешней политике [9].

Широкие шляхетские круги стремились к полной шляхетизации государственного и общественного строя Литвы. Реформы 60-х годов, закрепленные в Литовском статуте второй редакции, только частично разрешили эту важную для шляхты проблему. В этом отношении польский шляхетский государственно-общественный строй являлся для шляхты Литвы политическим идеалом.

Белорусская шляхта во время войны за Ливонию несла громадные материальные потери. Она была вынуждена оставить свои родные вотчины и переселиться на отведенные ей земли в Приднепровской Белоруссии, где уже начался расхват земель ненавистной ей магнатерией, которую она считала виновником всех своих невзгод [10]. Эти противоречия внутри класса феодалов заставляли белорусскую шляхту также

---

[9] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 509—734; Статут 1566 г., разд. III и IV.

[10] ДМАМЮ, 1897, стр. 140—144.

поддерживать идею унии, хотя экономически Белоруссия была мало связана с Польшей.

Магнатерия Великого княжества никак не могла согласиться на потерю Литвой своего отдельного государственного существования. Слиться с Польшей — значило допустить польских шляхтичей в Великое княжество и предоставить им право занимать государственные должности и владеть землей, вопреки статьям Статутов первых двух редакций, запрещавшим иностранцам владение землей и занятие государственных должностей [11]. Согласиться на унию — означало для магнатов потерять в Литовском княжестве свое исключительное положение. И магнаты, как могли, боролись за свои интересы, выступая против унии.

Но все пущенные в ход магнатами дипломатические уловки и хитрости не достигли цели. Польские шляхетские дипломаты, опираясь на украинскую и литовско-белорусскую шляхту, не были тронуты «слезами и просьбами» магнатов. Они прекрасно сознавали, что Польше не представится другой, более благоприятный момент для заключения унии, и поэтому твердо держались своих унитарных позиций.

На Люблинском сейме создалась очень напряженная, требовавшая разрядки атмосфера. Нельзя было совсем игнорировать политические настроения магнатов в тот момент, когда Литве угрожала потеря Придвинской Белоруссии и Ливонии. Продолжение войны для обоих государств было необходимо. В противном случае военные неудачи Великого княжества тяжело отразились бы и на шляхетской Польше. Чтобы не отталкивать литовских магнатов от Польши и не заставить их броситься в объятия царя Ивана Васильевича, польские дипломаты решили отступить от своих первоначальных планов.

Этот тактический маневр они использовали после того, как Польша добилась осуществления своих давно взлелеянных планов. Подляшье, Волынь, Киевщина, Подолье отходили к Польше. Великому княжеству Литовскому отдали только Мозырский повет Киевского воеводства, который был присоединен к Минскому воеводству. Теперь перед польской шляхтой открывались широкие перспективы захвата украинских старостинских земель и возможности разрешения шляхетского аграрного кризиса. При наличии таких блестящих перспектив можно было пойти на известные уступки литовской магнатерии. Уступки эти в общем были весьма значительны. Правда, уния была заключена, правда, Литва потеряли свои украинские земли, но все же она сохранила свое самостоятельное существование. Теперь население Великого княжества Литов-

---

[11] Статут 1566 г., разд. III, арт. 9.

ского состояло главным образом из литовцев и белорусов и из национальных меньшинств: татар и евреев.

Польские дипломаты согласились на образование нового федеративного феодального государства, известного под именем «Речи Посполитой», в котором обе составные его части — Корона (Польша) и Княжество (Литва) — занимали одинаковое государственно-правовое положение. Акт Люблинской унии был окончательно утвержден Сигизмундом-Августом 11 августа 1569 г. [12]

Правовое положение Великого княжества Литовского определил принятый сеймом 1 июля 1569 г. привилей, подчеркивавший политическое единство Польской короны и Великого княжества Литовского [13].

Исходя из этого предполагаемого политического единства, Люблинский сейм принял ряд решений принципиальной важности, которые должны были еще более резко подчеркнуть политическое единство обоих государств. Титул великого князя литовского сохранился как составная часть титула общего государя, но, с другой стороны, было уничтожено всякое наследственное право литовских господарей на Литву. Все эти права передавались на вечные времена Короне [14].

Объединение обоих государств в одно логически влекло за собой прекращение деятельности отдельных сеймов как в Короне, так и в Литве. Отныне должны были функционировать лишь общие сеймы обоих народов [15].

Поскольку Литва и Польша объединились в одно государство, обе они теряли права самостоятельного ведения дипломатических сношений и заключения международных договоров. Все договоры должны были заключаться лишь с согласия обоих народов. Таким образом, внешняя политика Речи Посполитой должна была отныне стать единой. Заключенные раньше договоры теряли свою юридическую силу, если они оказывались невыгодными хотя бы для одной из составных частей Речи Посполитой [16]. Вводилась единая монета [17]. Оба народа должны были иметь одного государя, избираемого объединенными голосами поляков и литовцев; избрание короля происходило в Польше, коронация — в Кракове [18]; тем самым отпадало вступление избранного государя на престол Великого княжества Литовского [19]. Прежняя присяга панов-

---

[12] Volumina legum, II, str. 87—92.
[13] Там же, стр. 89.
[14] Там же, стр. 90.
[15] Там же, стр. 91.
[16] Там же, стр. 90.
[17] Там же.
[18] Там же, стр. 89—90.
[19] Там же, стр. 90.

рады, дигнитарей, врядников и старост сохранялась в силе, с той разницей, что она должна была приноситься коронованному королю и польской Короне [20]. После коронации вновь избранный король должен был подтвердить все общие права как для Короны, так и для Великого княжества [21].

Все права и привилеи, выданные раньше «письмом» Великому княжеству Литовскому, подтверждались независимо от того, каким способом они были дарованы и когда были опубликованы. Оставались в неприкосновенности и все вольности, достоинства, прерогативы и уряды обоих народов. Сохраняли также свою силу все права и преимущества, принадлежавшие каждому «стану» обоих народов, и все «судовые» постановления с древнейших времен [22].

Все статуты и уставы, которые запрещали полякам приобретать земли и владеть ими, независимо от способа приобретения, теряли свою силу как противоречащие «праву, справедливости, общей братской любви, унии и объединению обоих народов». На поляков распространялось право приобретать законным способом имения в Литве. Со своей стороны литовцы получали такие же права в Польше [23].

При наличии свободных должностей король мог раздавать их только тем лицам, которые принесут присягу ему, его коронованным преемникам и Польской короне [24]. Духовная и светская шляхта в Польше и Литве освобождалась от уплаты всех видов таможенных внутренних пошлин. Предполагалось, что шляхта не будет злоупотреблять своей свободой от уплаты таможенных пошлин, не будет «прикрывать» таможенных сборов с купцов и сговариваться с ними во вред государству, как это издавна водилось и в Польше и в Литве [25].

Большое значение для литовской магнатерии и шляхты имел вопрос о землевладении и его неприкосновенности. Литовские магнаты успели захватить в свое владение немало имений. Для них было крайне важно, чтобы все виды земельных владений, находившихся в их руках, были в неприкосновенности сохранены за ними. В борьбе за неприкосновенность земельных владений внутри класса землевладельцев не могло быть никаких противоречий. В этом отношении класс феодалов выступал единым фронтом. Условия Люблинской унии шли навстречу интересам всего класса литовско-белорусских землевладельцев. Польские шляхетские дипломаты, до-

---

[20] Volumina legum, II, str. 90.
[21] Там же.
[22] Там же.
[23] Там же.
[24] Там же, стр. 91.
[25] Там же, стр. 90.

бившись в основном унитарного соединения Литвы с Польшей, не возражали против сохранения неприкосновенности земельных владений всех видов и родов. Занятая польской шляхтой позиция в земельном вопросе логически вытекала из признания за Великим княжеством Литовским права на самостоятельное политическое бытие, а также из факта сохранения литовского законодательства и признания действительными всех прежних судебных решений, среди которых земельные вопросы занимали центральное место.

Положив в основу своих решений по земельному вопросу старое литовское феодальное право, Люблинский сейм признал юридическую силу всех земельных пожалований, произведенных великим князем литовским. Сейм признал, что экзекуция столовых имений, производившаяся в Польше согласно Статуту короля Александра и его потомков, не распространялась на держателей столовых имений в Литве. Все права и привилегии, дарованные предками короля и им самим «народам литовским, русским, жмудским, а также и иным народам и обывателям Великого княжества Литовского, а также и его землям, поветам, фамилиям и отдельным лицам», сохраняли свою силу и нерушимость. Также оставались «в вечном владении феоды или лены, фримарки, доживотные владения, всякие заставы, совершенные на сейме и без сейма, согласно каждому привилею, не подвергая их сомнению каким-либо способом и обычаем». Равным образом «все пожалования на дигнитарства и уряды, которые с давних времен кому-либо принадлежали, а также все заставы и всякие суммы в полном праве должны были быть сохранены, и держатели их не должны были обращать ни на что никакой части своих обычных доходов, кроме как на свой личный прожиток, согласно их настоящему держанию привилеев или листов». Если кто-либо владел полученными от своих предков землями или посессиями без соответствующих документов, то такие земельные держания оставались за держателем на вечные времена.

В случае, если в разряд столовых имений перейдут владения княжеские, шляхетские или панские, король может по собственному усмотрению раздавать их «людям шляхетского народа» как полякам, так и литовцам, только под условием, чтобы такие раздачи не отразились на отправлении военной и земской службы. При возвращении земель, захваченных Москвой, замки, имения и посессии подлежат возврату прежним владельцам; если же взамен этих владений уже было дано вознаграждение, они причислялись к разряду столовых королевских имений [26].

---

[26] Там же, стр. 91, § 18.

На таких условиях Великое княжество Литовское соединилось, но не объединилось, с Польшей, хотя акт Люблинской унии стремился изобразить состоявшийся договор как полное политическое объединение обоих народов «в одно тело». Польским дипломатам не удалось полностью осуществить намеченную ими политическую программу. В этом отношении сопротивление литовских магнатов сыграло значительную роль, хотя все же магнаты против своей воли и желания должны были сделать полякам значительные политические уступки. Великое княжество Литовское как отдельное государственное образование продолжало существовать, хотя территориально оно было значительно урезано. Титул великого князя, как символ государственности, был сохранен в титуле короля Речи Посполитой. Великое княжество Литовское сохранило свое внутреннее отдельное управление, свои законы, войско, свою судебную организацию, чеканку монеты. Литовские землевладельцы сумели сохранить за собою все захваченные ими земли, в том числе и столовые королевские имения, что для шляхты, конечно, имело экономическое значение первостепенной важности. В государственно-правовом отношении Великое княжество Литовское занимало в составе Речи Посполитой одинаковое положение с Польшей.

Исходя из принципа равноправия обоих народов, литовские магнаты отказались от запрещения полякам владеть в Великом княжестве Литовском землями и занимать государственные должности. С другой стороны, поляки отказались от требования экзекуции столовых имений Великого княжества Литовского, что являлось по существу отступлением от принципа единства и признанием за литовскими землевладельцами особых земельных прав.

Речь Посполитая не была государством унитарного типа. При единстве власти королевской и законодательной Великое княжество Литовское и Польское королевство сохраняли полную внутреннюю самостоятельность и продолжали жить своей особой внутренней политической жизнью, относясь с известным подозрением одно к другому. Речь Посполитая — это новое государственное образование феодального характера — являлась феодально-государственным объединением федеративного типа, но в глазах соседних государств она представляла собой единый политический организм, от имени которого проводилась единая внешняя политика. Издание общих конституций на сеймах Речи Посполитой в известной степени свидетельствовало о состоявшемся политическом объединении, но издание в то же время законов отдельно для Великого княжества Литовского было политическим актом, признававшим за ним самостоятельное существование. Самое издание от-

дельных конституций для Великого княжества Литовского и для Польши политически вытекало из признания за Литвой права на сохранение своего отдельного законодательства, которое, естественно, требовало дополнений и изменений.

Унитарный характер польско-литовского государства уже давно подвергался пересмотру в буржуазно-исторической литературе. М. К. Любавский первый отметил поражение польской шляхты в вопросе о характере унии. Новая попытка «втеления» Литвы в Польшу, намеченная еще при заключении первой унии с Польшей, потерпела неудачу. Любавский определял унию 1569 г. как парламентарную, но такое формально-юридическое определение представляется нам неверным. М. К. Любавский делал упор на образование «спольного» польско-литовского сейма, видя в последнем существенный результат заключенной унии. Любавский отметил, конечно, сохранение Великим княжеством Литовским всей своей внутренней структуры, но не придал этому должного значения как показателю того, что Великое княжество Литовское продолжало существовать как самостоятельный государственный организм [27]. Методологическая ошибка государственно-правовой концепции Любавского заключалась в том, что все свое внимание он направил на изучение истории литовского парламентаризма, в конечном итоге приведшего к парламентарной унии с Польшей. В то же время особенности внутренней структуры Великого княжества Литовского хотя и были детально им исследованы, но при анализе характера Люблинской унии заняли лишь второстепенное место. Любавский знал и отметил наличие расслоения внутри класса литовских землевладельцев, признавая противоречия между крупными землевладельцами, князьями и панами, с одной стороны, и прочими средними мелкопоместными землевладельцами — с другой. Любавский причины унии видел не во внутренней борьбе магнатов с прочими землевладельцами, политически тяготевшими к Польше, а во внешней опасности, угрожавшей Великому княжеству Литовскому со стороны Московского государства, тогда как эта опасность была лишь толчком к более обостренному раскрытию внутренних противоречий класса землевладельцев в вопросе об отношении к Польше и к унитарной проблеме. Любавский совершенно верно отметил феодальный характер «спольного» сейма, поскольку таковыми были сейм польский и сейм Великого княжества Литовского и поскольку в каждом из них был представлен только класс феодалов. Феодальный характер вновь образованного государства, был, по мнению Любавского, источником внутренней слабости Речи

---

[27] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 735—850.

Посполитой, ибо «тот самый феодализм, который насквозь проникал общественный политический строй Польши и Литвы и расслаблял их государственный организм, остался нетронутым и в унии, а, наоборот, был подтвержден и закреплен». Не нужно, конечно, забывать, что Любавский, видел в феодализме политическое явление, политическую раздробленность государства. Он принимал то понимание феодализма, которое было распространено в его время в буржуазной — западноевропейской и русской — историографии.

Другой крупный буржуазный исследователь И. И. Лаппо [28] подошел к оценке Люблинской унии несколько по-иному. Вся его концепция была сосредоточена на подчеркивании сохранения Великим княжеством Литовским своей политической автономии, которая в дальнейшем — при Стефане Батории — в силу благоприятных обстоятельств приобрела еще более отчетливый характер. Соображения Лаппо в известной доле справедливы, но в то же время крайне односторонни. Магнатам Великого княжества Литовского, за исключением отдельных литовских магнатов, не удалось вырваться из пут Люблинской унии, к чему они в сущности и не стремились, прекрасно понимая невозможность этого. Концепция Лаппо — буржуазно-юридическая. Юридические формулы закрыли от исследователя реальное содержание жизни с ее классовой борьбой и классовыми противоречиями. Сосредоточив свое внимание на анализе политических позиций князей и панов, Лаппо ни единым словом не упомянул о классовых противоречиях в феодальном поместье, что в случае развертывания классовой борьбы между помещиками и крестьянами неизбежно привело бы к образованию единого противокрестьянского феодального фронта и к укреплению польско-литовских унитарных отношений. Условия Люблинской унии были невыгодны для литовских магнатов, и в этом заключалась основная причина литовского сепаратизма. Лаппо прошел мимо того важного факта, что предоставление польской шляхте права землевладения и занятия должностей в Литве задевало экономические и политические интересы широких литовско-белорусских шляхетских масс, а это в известной степени благоприятствовало сепаратистским стремлениям магнатов, и поэтому все землевладельцы должны были образовать единый противопольский землевладельческий блок. Буржуазному исследователю Лаппо еще в меньшей степени, чем Любавскому, было доступно понимание классовой сущности политики, проводи-

---

[28] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория, т. 1, Юрьев, 1901, стр. 13—85.

мой магнатами. Лаппо не отметил, что городское население и крепостное крестьянство равнодушно отнеслись к борьбе магнатов-сепаратистов за политическое усиление Великого княжества Литовского. Она их не касалась и не трогала, поскольку классовая шляхетская социально-экономическая политика была целиком направлена против интересов городов, обреченных на экономический упадок, и против эксплуатируемого землевладельцами крестьянства. Лаппо. изучая организацию государственного строя Великого княжества Литовского, не отметил феодального характера последнего. В методологическом отношении Лаппо, по сравнению с Любавским, сделал большой шаг назад в изучении государственно-правовой структуры Великого княжества Литовского, хотя он и пустил в оборот немало новых ценных фактов, до тех пор остававшихся вне поля зрения исследователей.

О юридическом положении Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой высказывался и крупный буржуазный польский исследователь Ст. Кутшеба [29]. Изучая условия Люблинской унии и подвергая их формальному юридическому анализу, Кутшеба отверг личный характер литовско-польской унии. По мнению Кутшебы, новая уния была унией реальной, а не личной. Литовско-польские отношения определялись не только единством верховной власти и внешней политики, но и общностью учреждений. Впрочем, Кутшеба должен был значительно ограничить свое утверждение и признать, что реальная уния имела очень узкие границы и не шла дальше организации общего сейма. Литва оставалась при своих правах, определявших положение отдельных «общественных слоев». Литва сохраняла все свои привилеи и статуты, касавшиеся шляхты и городов, крестьянства и евреев. Оставалась и самостоятельная администрация края во главе с высшей администрацией, с отдельным «скарбом» и войском. В конечном итоге Кутшеба должен был признать, что уния не уничтожила Великое княжество Литовское как самостоятельный государственный организм. А поскольку Литва занимала такое же государственно-правовое положение, как и Польское королевство, то не представляется возможным определить акт Люблинской унии как «реальную унию». Здесь Кутшеба противоречит самому себе. Исследователь не вложил конкретного социального содержания в свои юридические абстрагированные формулы. Тем не менее, по сравнению с другими польскими исследователями, его оценка акта унии 1569 г. является значительным шагом вперед.

---

[29] St. Kutrzeba. Unia Polski z Litwą (Polska i Litwa w dziejowym stosunku», Warszawa, 1914, str. 599—652.

Опубликованное в 1920 г. проф. О. Галецким исследование о польско-литовских отношениях[30] является шагом назад в трактовке унии 1569 г. Исследование О. Галецкого вышло в свет после образования польской буржуазной республики в момент, когда польское правительство проводило свою захватническую политику в отношении литовской и белорусской территории, некогда входившей в состав Речи Посполитой. Исследование О. Галецкого должно было исторически оправдать проводимую буржуазией захватническую внешнюю политику. Естественно, что Галецкий не мог присоединиться к концепции унии Кутшебы и должен был вернуться к традициям польской буржуазной историографии, даже если такая концепция унии находилась в полном противоречии с конкретными историческими фактами. Галецкий не привлек никакого нового конкретного исторического материала, а использовал лишь громадный актовый материал, которым так богато насыщена работа Любавского о великом вальном сейме Великого княжества Литовского. Для Галецкого Люблинская уния 1569 г.— это полное завершение тех идей, которые были выдвинуты как основа польской политики в отношении Великого княжества Литовского при Ягайле и его преемниках. По Галецкому, Люблинская уния — акт добровольного, а не принудительного воссоединения с Польшей. Люблинская уния якобы окончательно разрешила в пользу Польши спорный вопрос об украинских землях, связанных с Польшей географическими, хозяйственными и политическими отношениями. Польша, присоединив Киевщину, тем самым становилась пограничным соседом Московского государства и «защитником» Белоруссии от московской агрессии. Галецкий не мог, конечно, пройти мимо оппозиции магнатов на Люблинском сейме, но, по его оценке, «эта оппозиция Радзивиллов против унии была, к счастью, одинокой» и якобы не повлияла на заключение унии. Если бы читатель знакомился с польско-литовскими унитарными отношениями только по данным Галецкого, он вынес бы совершенно неверное представление об акте Люблинской унии. Читая Галецкого, можно подумать, будто литовские магнаты с радостью бросились в объятия шляхетской Польши и будто, кроме Радзивиллов, никто против унии не протестовал, что идет вразрез с известными драматическими сценами, разыгравшимися на Люблинском сейме.

В оценке Галецкого Люблинская уния — окончательное завершение «Ягеллонской идеи». Но ведь политика Ягеллонов ставила себе целью окончательное «втеление» Великого княжества Литовского в состав Польши и полное уничтожение

---

[30] O. Halecki. Dzieje Unii Jagiellónskiej, II, cap. V, 1920.

Литвы как отдельного государственного организма, на деле же этого не случилось, и политика Ягеллонов еще раз потерпела крушение, поскольку она не отвечала ни экономическим, ни классовым интересам крупных феодалов Литвы. Галецкий игнорировал «отдельность» Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой. Объясняя исторические факты в угоду захватническим планам польской буржуазии, он оказался больше буржуазным политиком, чем конкретным историческим исследователем. Он спокойно отбрасывал от себя тот конкретный материал, который противоречил его исторической концепции. Исследование Галецкого не дало ничего нового для изучения литовско-польских уний вообще и Люблинской унии в частности. По сравнению с объяснением акта унии 1569 г. в исследованиях Любавского, Лаппо, Кутшебы, работа Галецкого — большой шаг назад.

III

Польская шляхта, хотя и сделала ряд уступок, все же имела известное основание радоваться своей победе на Люблинском сейме. Она получила богатейшие украинские земли, открывавшие большие перспективы для захватов. Несмотря на сохранение политических прав, Великое княжество Литовское, территориально урезанное, экономически ослабленное, все же попадало в орбиту польской внешней и внутренней политики. Великое княжество Литовское в лице магнатерии могло оказывать на эту политику относительно большое влияние. Экономически более сильная шляхетская Польша давила экономически слабую Литву. Руководящая, политическая роль в новом государственном образовании принадлежала не литовским магнатам, а польским феодалам. При всей противоречивости позиции литовских магнатов и литовской шляхты в отношении польско-литовской унии в одном вопросе шляхта «обоих народов» выступала единым фронтом — в эксплуатации сельского населения, составлявшей основной источник доходов и литовских и польских землевладельцев. Этот единый феодальный фронт в свое время окажет известное влияние на укрепление литовско-польских отношений.

Итоги Люблинской унии были нерадостны и для литовско-белорусского шляхетского сословия. «Добровольное» соединение повлекло за собой потерю для Литвы наиболее богатой природными ресурсами украинской территории. Литовско-белорусская шляхта была лишена возможности получить на Украине хотя бы клочок земли, несмотря на свое право свободно владеть и приобретать земли в Польском королевстве. Отказ литовско-белорусской шляхты от всяких ограничений

поляков в праве владеть землями и занимать «достоинства и уряды» создавал ей серьезного конкурента в лице польской шляхты. Все это должно было наводить широкие шляхетские круги на печальные политические размышления

Сильная литовская магнатерия отстояла неприкосновенность всего земельного фонда, но политическая ее роль несколько снизилась, поскольку удельный вес Великого княжества Литовского в Речи Посполитой был сравнительно невелик. Ряд членов панов-рады не попал в общий сенат. Князей и панов перестали приглашать на «спольные» сеймы. Не занимая высших урядов, княжеско-панская аристократия не могла теперь оказывать заметного влияния на политику Речи Посполитой. Ее голос в сенате заглушался голосами многочисленных польских сенаторов. Даже внутри Великого княжества Литовского крупная земельная аристократия не могла принимать активного участия в политической деятельности, поскольку вальный сейм Великого княжества Литовского юридически перестал существовать и поскольку литовские паны-рада должны были реконструироваться по образцу сената Польского королевства. Естественно, что среди литовских магнатов, которым не улыбалось «содружество» с польскими феодальными элементами, сепаратистские настроения были очень сильны. Отныне литовские магнаты используют любую благоприятную политическую конъюнктуру для ослабления «содружества» и для укрепления политической самостоятельности Великого княжества в рамках Речи Посполитой. Сепаратизм магнатерии проявлялся до тех пор, пока не поднялась волна противофеодальных движений, заставивших землевладельцев трепетать за свои социально-экономические преимущества. В борьбе за их неприкосновенность литовские и польские землевладельцы образовали единый фронт, и экономически ослабленное Великое княжество Литовское, гордое своими историческими воспоминаниями и традициями, превратилось по существу в вассала Польского королевства, хотя самостоятельное государственное существование Великого княжества Литовского оставалось нерушимым вплоть до конституции 3 мая 1791 г., создавшей унитарное польское государство.

Анализ состава «спольного» сейма отчетливо показывает, какой политический ущерб был нанесен литовским магнатам актом Люблинской унии 1569 г. Образование «спольного» сейма не представляло особых политических затруднений, поскольку избирательная система в Короне и Княжестве была одинакова. Накануне Люблинской унии Великое княжество Литовское в административном отношении разделялось на 12 воеводств и отдельное староство Жмудское, в свою очередь

разделявшихся на 30 поветов. Число поветов в отдельных воеводствах колебалось между пятью и одним. После Люблинской унии к Польше отошло четыре воеводства и в составе Великого княжества Литовского осталось только восемь воеводств и староство Жмудское, разделенные на 22 повета [31]. Согласно Литовскому статуту 1566 г., каждый повет посылал в посольскую избу двух депутатов [32]. Следовательно, всего депутатов в посольской избе должно было быть 44. Фактически же их было 48, так как, хотя Смоленское воеводство и отошло к Москве еще в 1514 г., но депутаты от двух поветов этого воеводства все же избирались [33]. Эта фикция прекратилась лишь с момента заключения Деулинского перемирия 1618 г., вернувшего Литве Смоленскую и Чернигово-Северскую земли до заключения Московским государством с Речью Посполитой Андрусовского перемирия 1667 г. [34] Но и после Андрусовского перемирия два отошедших к Московскому государству воеводства избирали своих поветовых депутатов на «спольные» сеймы

Смоленское воеводство, в состав которого вошла и часть Черниговщины, было разделено на два повета: Смоленский и Стародубский [35]. Черниговское воеводство, организованное только в 1635 г., в свою очередь разделилось на два повета: Черниговский и Новгород-Северский [36]. После Андрусовского перемирия черниговские сеймики продолжали собираться во Владимире, а смоленские — в Вильне, где и происходили выборы послов на сеймы [37]. Сеймовая конституция считала оба эти воеводства номинально входившими в состав Речи Посполитой, основываясь на том предположении, что они в будущем будут вновь возвращены Речи Посполитой. Так до первого раздела Речи Посполитой Великое княжество Литовское продолжало посылать 48 депутатов на общие польско-литовские сеймы.

Образование общего сената представило значительные затруднения. В польский сенат входили только бискупы, воеводы, каштеляны и королевские министры: канцлер и подканцлер, маршалки, коронный и надворный, а также подскарбий коронный. Состав панов-рады Великого княжества Литовского был несколько отличным от польского сената и более

---

[31] И. И. Лаппо. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911, стр. 58.

[32] Статут 1566 г., разд. III, арт. 5.

[33] St. Kutrzeba. Unia..., str. 634.

[34] Василенко. Територія України XVII віку. «Збірник на пошану ак. Д. І. Багалия», стр. 112—114.

[35] Volumina legum, III, str. 865, § 28.

[36] Там же, стр. 866, § 31.

[37] Там же, IV, стр. 471, § 12.

многочисленным. Накануне Люблинской унии в состав господарской рады входили: 4 католических бискупа, 13 воевод, 14 каштелянов, староста жмудский, маршалк волынский, князь слуцкий и дворные урядники [38].

На основании Люблинской унии состав панов-рады, ставших членами общего польско-литовского сената, представляется в следующем виде: два католических бискупа — виленский и жмудский (другие два бискупа — киевский и луцкий — стояли во главе украинских католических епархий); воеводы: виленский, троцкий, новгородский, минский, полоцкий, витебский, мстиславский, берестейский, смоленский, староста жмудский; каштеляны: виленский, троцкий, жмудский, смоленский, полоцкий, витебский, берестейский, мстиславский, минский и новгородский; господарские урядники: подскарбий земский, канцлер и подканцлер, маршалк земский и дворный [39]. Из состава господарской рады выбыли князь слуцкий и дворные урядники: маршалки, подскарбий дворный и столовые урядники — подчаший, крайчий, кухмистер, подстолий, подкоморий, ловчий, конюший дворный, хорунжий земский, хорунжий дворный, мечник и чашник, так как эти должности в Польше не были соединены с сенаторскими креслами. Выпал из состава сената и господарской рады гетман высший, так как должность гетмана обычно замещалась лицом, уже заседавшим в сенате по своему должностному положению, в силу чего обоим гетманам — польскому и литовскому — не были предоставлены отдельные сенаторские кресла [40].

Такой состав общего польско-литовского сейма существенным образом задевал интересы Великого княжества Литовского. По установившейся практике литовского сеймования, в работах вального литовского сейма принимали участие знатные феодалы, приглашавшиеся на сейм по личным повесткам от великого князя [41]. Новым порядком был нанесен серьезный удар политическому значению крупной земельной аристократии, с чем она не желала мириться. Князь слуцкий еще при Стефане Батории требовал для себя места в сенате, но его домогательства не имели успеха. Феодальная аристократия отныне могла принять участие в работах «спольного» польско-литовского сейма или в силу своего должностного положения или в качестве депутатов Посольской избы.

После конструирования литовско-польского сейма установилась практика, согласно которой обычно наиболее крупные

[38] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское..., стр. 257; L. Kolankowski. Zygmunt-August Wielki książe Litwy do roku 1547. Lwów, 1913, str. 219.

[39] Volumina legum, II, str. 93.

[40] М. К. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 840—841.

[41] Там же, приложения 12, 25, 31, 45, 47, 53, 56, 60, 70.

земельные собственники, титулованные и нетитулованные, получали от короля и великого князя приглашение прибыть на тот или иной поветовый сеймик, где находились его основные имения. Это была простая любезность, не имевшая никакого политического значения, но несколько щекотавшая самолюбие обиженных магнатов [42].

Литовские депутаты в «спольной» посольской избе и радные паны в польско-литовском сенате растворялись в массе коронных депутатов и сенаторов. Общее количество коронных поветовых депутатов вместе с депутатами аннексированных украинских воеводств доходило до 114. Литовские депутаты составляли только около трети коронных депутатов [43]. При системе единогласного решения всех обсуждавшихся на сейме вопросов это, конечно, не имело большого практического значения, но все же соотношение польских и литовских голосов свидетельствовало о незначительном политическом удельном весе Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой.

Таков же был удельный вес литовских панов-рады в общем польско-литовском сенате. На 13 коронных бискупов и архибискупов приходилось только два литовских, на 22 воеводства коронных — 9 литовских и староство Жмудское, на 5 министров польских — 5 литовских [44]. Правда, и в сенате не практиковалось принятие решений по большинству голосов, так что малочисленность литовских сенаторов и здесь не имела как будто практического значения, но все же политический удельный вес литовских сенаторов был в общем незначителен. Ведущая роль оставалась за польскими сенаторами.

К моменту заключения Люблинской унии 1569 г. в экономической структуре Великого княжества Литовского произошли глубокие изменения. До половины XVI в. Великое княжество представляло собой феодальную монархию, части которой экономически и политически были слабо связаны между собой. Эта экономическая обособленность отдельных составных частей Великого княжества Литовского имела очень важные политические последствия: основные украинские и белорусские земли сохранили свою политическую обособленность, которая была закреплена в местных феодальных конституциях — в так называемых областных привилеях. Хотя эти земли политически и были связаны с центром единством административного деления и управления, однако это нисколько не отражалось на привилегиях местных феодалов,

---

[42] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское..., стр. 257; A. Jablanowski. Źródła dziejowe, XI, str. 151, 172.

[43] St. Kutrzeba. Unia..., str. 643.

[44] Там же, стр. 642.

располагавших исключительным правом владения землей и занятия должностей по областному управлению [45].

Люблинская уния подтверждала все эти привилегии, но они уже фактически не имели прежнего политического значения. Термин «земля», как обособленная политическая территория, становился архаическим пережитком и сменился административным понятием «воеводство». Областные сеймы, как внешний признак феодальной полусуверенности, постепенно прекратили свое существование, уступив место шляхетским сеймикам, что явилось неизбежным результатом утверждения господства класса средних и мелких землевладельцев во второй половине XVI в. Учреждение поветовых сеймиков разбивало территориально-политическое единство древних украинско-белорусских земель. Единство это сохранялось лишь в том случае, если земля представляла собою один повет. Так было в Полоцком воеводстве и старостве Жмудском. Шляхта последнего особенно отстаивала свои областные привилегии, продолжая рассматривать Жмудь как особую привилегированную часть территории в составе Великого княжества Литовского, хотя при единстве законодательства «спольного» польско-литовского сейма и особого законодательства в отношении Литвы это отстаивание Жмудским старостом своего привилегированного положения практического значения не имело.

Если Великое княжество Литовское до половины XVI в. экономически было разбито на отдельные мало связанные между собой районы, то во второй половине того же века общая картина его экономической структуры значительно изменилась. Образование единого внутреннего рынка и значительное развитие внешней торговли, в которую втягивались не только принеманские земли, но и придвинские и приднепровские области [46], усилило взаимную связь отдельных районов Великого княжества. С развитием общественного разделения труда увеличилась емкость внутреннего рынка. Хотя классовая сущность шляхетской экономической политики в корне подрывала намечавшееся экономическое оживление городов, тем не менее об экономической разобщенности Литвы в конце XVI в. не может быть и речи.

Реконструкция феодального хозяйства, в связи с втягиванием его в круговорот товарно-денежных отношений, повлекла за собой окончательное оформление крепостного права в Ве-

---

[45] Областные привилеи напечатаны М. К. Любавским в его книге «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно».

[46] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа..., ч. 1, стр. 46—71.

ликом княжестве Литовском и ликвидацию сельской общины там, где она еще сохранялась (главным образом в восточных областях). Этот процесс экономического объединения Великого княжества Литовского в один более сплоченный политический организм был приостановлен Люблинской унией, оторвавшей от Великого княжества Литовского наиболее плодородные земли — предмет устремлений и вожделений литовских феодалов.

Впрочем, следует отметить, что отрыв Украины от Великого княжества Литовского не мог служить препятствием для дальнейшего политико-экономического объединения оставшейся его части.

Для экономического развития Великого княжества Литовского существенной угрозой являлась экономическая политика господствующего класса, его привилегии. В этих условиях рост городов должен был, естественно, остановиться, что вызвало сокращение емкости внутреннего рынка и тяжело ударило по местной городской и цеховой промышленности, лишенной почвы для своего развития и для перерастания в крупную промышленность мануфактурного типа. Упадок зарождавшейся и экономически еще не окрепшей торговой буржуазии должен был превратить Литву и Белоруссию в сельскохозяйственные по преимуществу районы крепостного хозяйства. Это в свою очередь укрепило диктатуру шляхетского сословия как в Великом княжестве Литовском, так и в Польском королевстве, поскольку итоги шляхетской политики одинаково сказались на обеих частях Речи Посполитой.

В рассматриваемое нами время Великое княжество Литовское, как экономически целостный организм, было связано с Балтийским побережьем, через порты которого, при благоприятной внешнеторговой конъюнктуре, вывозилось литовско-белорусское сырье. Благоприятная сельскохозяйственная конъюнктура была фактором огромной политической важности. Поскольку экспортерами леса и сельскохозяйственных продуктов являлась крупнопоземельная аристократия, владевшая громадными латифундиями, постольку ее значение в экономике края должно было в той или иной степени отразиться и в политической сфере. Кроме того, политическая обстановка в Речи Посполитой в конце XVI в. складывалась благоприятно для осуществления феодальной магнатерией ее политической программы.

Как ни рассматривать условия Люблинской унии, все же нельзя не видеть в ней громадного политического поражения княжеской и панской аристократии, превратившейся из ведущей политической силы в Великом княжестве Литовском в придаток польского шляхетства, в интересах которого

были сделаны экономические и политические уступки большого принципиального значения. Уния не сблизила экономически обе составные части Речи Посполитой. И Корона, и Княжество в промышленном отношении зависели от европейских стран, поставляющих в Польшу и Литву необходимые для феодального землевладения промышленные изделия. В этом отношении более мощная экономическая Польша не могла подчинить себе более слабую экономическую Литву, поскольку Польша, за отсутствием своей крупной индустрии, не могла превратить Великое княжество Литовское в колонию для сбыта своих промышленных изделий. При отсутствии экономической связи между обеими федеративными частями Речи Посполитой политическая связь не могла быть достаточно сильной, вследствие чего даже взаимная отмена таможенных ограничений не имела никакого практического значения для сближения Литвы и Польши. Таким образом, в последней четверти XVI в. не было условий для практического закрепления торжественных деклараций «о едином теле, о добровольном воссоединении обоих братских народов». Хотя польские дипломаты и публицисты и любили щегольнуть эффектной политической фразеологией, они только делали вид, что верят в действительное ее содержание. Это превосходно учитывали литовские паны и князья, выжидавшие благоприятного момента, чтобы изменить в свою пользу политически неприятные для них условия Люблинского акта.

Политическим планам литовской аристократии благоприятствовало и то обстоятельство, что, несмотря на полную реконструкцую сельского хозяйства и новый нажим на крепостное крестьянство, несмотря на обезземеление крестьян в условиях крепостного права, крестьянство сначала только пассивно выражало свой протест против усиления внеэкономического принуждения. Оно убегало из западных волостей в восточные, а оттуда по мере усиления внеэкономического принуждения уходило на юг в Запорожье. В сущности белорусское крестьянство положило начало Запорожью как убежищу для противофеодальных элементов Речи Посполитой [47]. Конечно, широкое распространение пассивной противофеодальной оппозиции не исключало возможности перерастания ее в активную борьбу против феодалов. Но такого рода крестьянские движения оставались узко-локальными и не принимали массового характера. Проведение Сигизмундом-Августом «волочной померы» в западной части Великого княжества с переводом натуральных повинностей на деньги сопровождалось отдельными

---

[47] См. «Аграрные реформы в восточных областях Литовско-русского государства во второй половине XVI и в начале XVII в.» в настоящем сборнике.

выступлениями крестьян. Только с началом казацко-крестьянских движений на Украине противофеодальные выступления белорусского крестьянства в отдельных районах начали постепенно принимать активный характер[48]. В рассматриваемое нами время при первичном характере крестьянского противофеодального протеста классовые противоречия в деревне не могли еще особенно беспокоить литовско-белорусских феодалов.

Относительная пассивность крестьянства, отвлекая внимание магнатов-феодалов от классовой борьбы в феодальном поместье, давала им полную возможность сосредоточить все свое внимание на литовско-польских отношениях и добиваться изменений условий Люблинского акта и укрепления своего политического положения, базой для которого являлась развивавшаяся литовско-белорусская сельскохозяйственная экономика.

Люблинская уния был заключена во время борьбы Великого княжества Литовского с Московским государством за Прибалтику, от которой зависели жизненные интересы феодальной Литвы. Польская шляхта, учитывая затруднительность внешнего положения Литвы, использовала этот критический для Литвы момент, предложив ей договор о единстве внешней политики. По этому договору Польша должна была оказать Литве военную помощь. Однако в годы, последовавшие сразу за Люблинской унией, поляки не оказали Литве никакой помощи. Литовские магнаты горько разочаровались. Не меньшее разочарование испытали и широкие круги шляхетского сословия, активно боровшегося за унию, ради которой литовско-белорусская шляхта пошла на кардинальную уступку польским шляхтичам в вопросе о владении землей и о праве занятия должностей в Великом княжестве Литовском. Это разочарование в политических результатах унии 1569 г. содействовало образованию единого литовско-белорусского феодального противопольского фронта. Началась борьба за изменение государственно-правового положения Великого княжества Литовского, за изменение условий Люблинской унии. Ведущей силой в этой борьбе были литовско-белорусские князья и паны.

Известное чувство реальности заставляло магнатов быть осторожными и весьма эластичными в своих политических требованиях. Внешнее положение Великого княжества Литовского не позволяло магнатам идти на разрыв унии 1569 г. Они отчетливо сознавали, что подобный сепаратистский акт вызо-

---

[48] Гісторыя Беларусі у дакумэнтах і матэрыялах, т. I. Менск, 1936. стр. 461—526.

вет активные действия со стороны поляков, которые не позволят снять петлю, надетую ими на шею литовско-белорусских феодалов. Тактика литовских магнатов была иная. Сохраняя внешнюю лояльность в отношении унии, они стремились использовать все благоприятные возможности, чтобы ослабить тяжелые цепи, наложенные на литовских феодалов, и особенно на титулованных и нетитулованных владельцев латифундий.

Мы уже указывали, что в первые годы после Люблинской унии 1569 г. Польша не оказала военной помощи Великому княжеству Литовскому в его борьбе с Московским государством. Поляки вмешались в войну только после того, как Стефан Баторий вернул Польше суверенитет над Гданьском и тем самым укрепил экономическое и политическое положение Польши в этой части Балтики. После этого, не желая усиления Москвы в восточной части Балтийского моря, Стефан Баторий вмешался в борьбу за Ливонию.

В результате Ливонской войны Москва потеряла все свои завоевания в Ливонии, но, с другой стороны, укрепилось положение Швеции в Эстонии, что явилось прологом к длительной борьбе Речи Посполитой с Швецией из-за Прибалтики. Как известно, борьба эта в конечном итоге привела к величайшему поражению Речи Посполитой и к потере ею большей части Ливонии с Ригой.

Баторий и польско-литовская шляхта не выпускали из виду Москву и внимательно следили за развивавшейся в ней классовой борьбой. Баторий учитывал экономическое и политическое ослабление Московского государства в связи с Ливонской войной. Крупные литовские паны толкали его на войну за возвращение Смоленска и его области, где они лишились немалого количества земель. И Баторий мечтал о большом походе на Москву, который должен был окончиться захватом Москвы и нанесением туркам удара в тыл через Кавказ, Армению, Малую Азию [49]. Разумеется, все эти планы являлись лишь плодом необузданной фантазии Батория, а не реальных расчетов. Правда, турки в Константинополе, постоянно угрожавшие Польше и стеснявшие ее вывоз на восток, рассматривались как опасные для Речи Посполитой враги, и вопрос о войне с турками для поляков никогда не терял своего актуального значения, но для борьбы с ними в одиночку Речь Посполитая не имела ни материальных возможностей, ни физических средств.

Это сложное внешнее положение Речи Посполитой учитывалось литовскими магнатами. Баторий со своими планами

---

[49] С. Ф. Платонов. Борис Годунов. Пг., 1921, стр. 41.

восточного похода и завоевания Московского государства не хотел восстанавливать против себя белорусско-литовское панство, а, наоборот, искал с ним сближения. Все это было учтено литовскими магнатами в целях изменения своего политического положения вообще и положения Великого княжества Литовского как самостоятельного государственного организма в частности. Уже Сигизмунд-Август, находившийся в сфере влияния польских дипломатов, понимал, что при заключении унии 1569 г. поляки, ограбив Великое княжество Литовское, зашли очень далеко. В виде компенсации Сигизмунд-Август предлагал присоединить к Великому княжеству Мазовию, но это было лишь платоническим желанием короля, стремившегося помириться с литовскими магнатами[50]. Король умер (7 августа 1572 г.), и после его смерти намеченный им план вознаграждения Великого княжества Литовского был забыт. Попытка примирения шляхетской Польши с магнатской Литвой потерпела полную неудачу именно вследствие непримиримости поляков.

Помимо всякого рода политических разногласий, оба народа разъединял вопрос об обмене монеты. Люблинский сейм установил единство монетной системы. Монета чеканилась отдельно в Литве и в Польше и должна была иметь равное распространение в обеих частях Речи Посполитой, независимо от места ее чеканки. С новой монетой затруднений не было, поскольку в обеих частях государства ее вес и наименование были одинаковы. Но поляки не желали принимать старую литовскую монету или принимали ее по очень низкому курсу. Сигизмунд-Август установил принудительный курс при обмене литовской монеты на польскую, но так как этот указ короля не был записан в сеймовой конституции, то он не имел практического значения, и недоразумения при обмене монеты не прекращались. Этот частный случай лишний раз подчеркивал обостренность отношений между литовскими магнатами и польской шляхтой. При жизни Сигизмунда-Августа все эти противоречия находились в скрытом состоянии, но как только он умер, эти противоречия до крайности обострились.

Смерть Сигизмунда-Августа и предстоявшие выборы нового короля показались литовским магнатам подходящим моментом для реализации своих политических планов. Борьба внутри польского шляхетского сословия и враждебные отношения между отдельными польскими магнатами укрепляли политические позиции литовских магнатов и превращали их в серьезную политическую силу, с которой приходилось считаться в предстоявшей избирательной кампании. Литовские магнаты

[50] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское..., ч. 1, стр. 91.

действовали исподволь, осторожно, не раскрывая своих карт, медленно, но шаг за шагом укрепляя свои поколебленные унией 1569 г. политические позиции.

История всей избирательной борьбы во время первого бескоролевья выходит из рамок настоящей работы. В старой работе А. Трачевского «Польское бескоролевье и прекращение династии Ягеллонов» и в названном выше исследовании И. И. Лаппо ярко обрисована вся крайне сложная обстановка во время избирательной кампании, показавшей, что польские руководящие шляхетские круги были лишены всякого патриотизма. Избирательная кампания показала, с одной стороны, всю мелочность и классовую эгоистичность польских политиков, а с другой — напряженность отношений внутри класса польских землевладельцев.

Избирательная кампания сразу резко усилила политическую роль литовских магнатов и литовского шляхетства. С литовскими магнатами во время Люблинской унии можно было не считаться, свободно ограбить «братский» народ и под видом «добровольного воссоединения» принудить его дать согласие на унию. Во время первого бескоролевья, при наличии напряженных внутренних противоречий в среде польских землевладельцев, полякам приходилось действовать уже поиному.

Литовские магнаты прежде всего заняли враждебную позицию в вопросе о созыве Конвокационного сейма, а также и в отношении примаса католической церкви Якова Уханского, ставшего временным главой Речи Посполитой (хотя такое положение и не было предусмотрено актом Люблинской унии). Литовские сенаторы не хотели ехать на Конвокационный сейм в Варшаву, что заставило в свою очередь польских сенаторов искать какого-либо соглашения с литовцами; при саботаже литовскими сенаторами Конвокационного сейма было трудно договориться о кандидате на престол Речи Посполитой.

В конце ноября 1572 г. состоялся согласительный съезд польских и литовских сенаторов в Мстибогове. Переговоры Петра Зборовского и гнезненского каштеляна Яна Томицкого не дали ничего положительного. Литовские сенаторы стояли на точном понимании юридического содержания акта 1569 г., в котором не был предусмотрен созыв конвокационного сейма. Литовцы отказывались ехать в Варшаву под предлогом тяжелого внешнего положения, когда на шее у литовцев «сидит враг, весь вооруженный и непримиримый» [51].

---

[51] А. Трачевский. Польское бескоролевье по прекращении династии Ягеллонов. М., 1869, стр. 176.

Заявление литовских панов польским сенаторам в Мстибогове содержало отчетливую политическую программу. Она сводилась к восстановлению литовского вального сейма, возвращению незаконно отнятой на Люблинском сейме у Литвы территории и к признанию за Литвой права на самостоятельное ведение дипломатических сношений. Польские сенаторы должны были убедиться в том, что литовская аристократия оставалась на своих старых политических позициях. Это не предвещало ничего доброго и грозило в будущем значительными политическими осложнениями. Только затруднительное внешнее положение Великого княжества Литовского в некоторой степени служило гарантией того, что литовские паны не решатся сразу на какой-либо экстраординарный политический шаг. Зато польские сенаторы имели основание беспокоиться по другим соображениям. Литовские паны очень приветливо встретили агентов австрийского императора, хотя австрийская кандидатура была неприемлема для польских сенаторов. Впрочем, едва ли сами литовские паны, в том числе и такой крупный политик, каким был Ян Ходкевич, придавали серьезное значение австрийской кандидатуре. Оказанный агенту императора аббату Циру любезный прием был скорее политической демонстрацией, намерением наглядно показать свой удельный вес в Речи Посполитой, чем реальным политическим действием.

Более серьезным актом были дипломатические переговоры с Московским государством, хотя едва ли этим переговорам можно придавать большое политическое значение. Это была дипломатическая акция, вызванная внешними осложнениями великого княжества Литовского и желанием вернуть себе право ведения самостоятельных дипломатических сношений. Переговоры с Москвой о кандидатуре на престол одного из сыновей Ивана Васильевича должны были произвести на литовских панов весьма тяжелое впечатление. Москва чувствовала себя пока довольно прочно на завоеванной территории и была уверена в дальнейших своих успехах. Поэтому при внешне любезном приеме литовского посла Федора Воропая московское правительство не скрывало своего намерения оставить за собой все завоевания. Перспектива иметь московского царя на польско-литовском престоле менее всего улыбалась литовцам [52]. К тому же московская кандидатура грозила серьезными внешнеполитическими осложнениями со стороны Турции и Крыма. Естественно, что вопрос о кандидатуре Ивана IV на престол Речи Посполитой был снят с очереди.

---

[52] А. Трачевский. Указ. соч., стр. 257—260, 345—346; С. Соловьев. История России, кн. 2, стр. 235—244.

Следует признать, что попытки литовских панов занять самостоятельное положение в избирательной кампании и выдвинуть своих кандидатов на престол потерпели неудачу. Провалилась и попытка созвать избирательный сейм в более близком к Литве пункте. Избирательный сейм был назначен под Варшавой в деревне Камень [53].

Решение поляков созвать сейм для выборов нового короля явилось для литовцев крупным политическим поражением. Тем не менее литовские магнаты не преминули воспользоваться своим присутствием на сейме для предъявления ряда политических требований. Ставя себе целью восстановление политического авторитета Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой, литовские представители на сейме потребовали изменения политических условий унии 1569 г. Повторяя свои заявления на Мстибоговском съезде о возвращении Литве незаконно отнятых у нее земель, литовцы к этому территориальному вопросу присоединили следующие политические требования: 1) допустить в сенат литовских князей, 2) ввести в сенат литовских маршалков, 3) созывать сеймы поочередно в Польше и Литве [54]. Но и эта политическая акция не имела успеха. Поляки не только не пожелали изменить условий Люблинской унии, но и отказали литовцам в военной помощи против Москвы.

Литовские паны во время первого бескоролевья стремились играть самостоятельную политическую роль, надеясь этим поднять свой упавший авторитет, а заодно и авторитет Великого княжества Литовского. Но победа осталась не за ними. Попытка вести большую политику потерпела неудачу. Условия Люблинской унии остались неизменными. Литовцы даже не получили военной помощи, которая логически вытекала из условий Люблинского акта. Однако потерпевшие поражение магнаты не отказались от реализации своих планов и выжидали только благоприятного случая.

После избрания на польско-литовский престол Генриха Валуа литовские паны еще раз продемонстрировали свою мнимую политическую самостоятельность. Лидер литовских сепаратистов князь Криштоф Радзивилл от имени всей Литвы принес присягу на подданство вновь избранному королю, а Виленский съезд послал новому королю диплом, в котором от имени Великого княжества Литовского подтверждалось его избрание на престол Речи Посполитой [55].

Это, конечно, была политическая демонстрация противопольского характера. Литовские паны, потерпев полное пора-

---

[53] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское..., стр. 102.
[54] Там же, стр. 103.
[55] Там же. стр. 114.

жение во время первой избирательной кампании, хотели своей отдельной акцией подчеркнуть существование Великого княжества Литовского как самостоятельного политического организма. Однако демонстрация эта не дала никаких практических результатов. Единственным завоеванием литовцев было восстановление деятельности вального сейма в виде Виленского съезда, как верховного законодательного органа, который своим существованием, вопреки условиям Люблинской унии, должен был укрепить политическое положение Великого княжества. Созыв Виленского съезда представлял собой также своего рода политическую противопольскую демонстрацию, организованную литовским панством. Однако и эта демонстрация не дала конкретных результатов. Поляки сочли более удобным для себя закрыть глаза на состоявшуюся демонстрацию и не обострять и без того достаточно напряженное политическое положение.

Новый король Речи Посполитой оказался недолговечным. Вскоре умер французский король Карл IX и Генрих Валуа, обманув бдительность польских сенаторов, тайком оставил Польшу и утвердился на французском престоле. Речь Посполитая осталась без короля, и вновь началась напряженная избирательная кампания, которой литовские паны воспользовались как удобным средством для осуществления своей политической программы.

Впрочем, продолжавшаяся Ливонская война связывала литовских панов и заставляла их действовать крайне осторожно в надежде получить от Польши нужную им военную помощь для борьбы с Московским государством. С другой стороны, польские сенаторы и шляхта прекрасно сознавали всю затруднительность своего положения, требовавшего более гибкой тактики в отношении литовских панов и шляхты.

Польские сенаторы и шляхта согласилась на требование литовской шляхты послать к бежавшему королю посольство с предложением вернуться в Речь Посполитую. Сами литовцы, желая подчеркнуть свою политическую самостоятельность, отправили от себя к Генриху Валуа особое посольство с подобным же предложением. Саботируя выборы нового короля, литовские паны и депутаты «спольного» сейма не явились на Варшавский конвокационный сейм. Но Генрих Валуа, успевший укрепиться на французском престоле, отказался вернуться в Польшу, и тем самым новая избирательная кампания становилась неизбежной. Политическая инициатива пока находилась в руках литовцев, прекрасно понимавших, в какое затруднительное положение поставило поляков позорное бегство короля, избранного усилиями польского землевладельческого класса.

Литовские паны и шляхта, собравшись па общелитовский съезд в Вильно в 1574 г., на котором также присутствовали киевский бискуп и каштелян, организовали противопольскую демонстрацию. Киевская феодальная знать, вопреки акту унии 1569 г., считала себя политически связанной с Великим княжеством Литовским, а не с Польшей, что, конечно, игнорировать не приходилось. От имени Виленского съезда было отправлено польским сенаторам письмо за подписью крупнейших духовных и светских панов, занимавших воеводские, каштелянские и другие правительственные уряды. Это письмо, впервые напечатанное И. И. Лаппо,— документ большой политической важности, свидетельствующий о политических планах и намерениях литовско-белорусской шляхты. «Лист» литовских панов наглядно показывал их нежелание мириться с территориальными потерями, узаконенными Люблинским сеймом 1569 г. Нового, конечно, в этом заявлении ничего не было, но все же польские сенаторы и шляхта, в условиях запутанного политического положения, не могли не считаться с полученным ими протестом. Мало того, Виленский съезд самостоятельно выдвинул кандидатуру на престол Речи Посполитой Эрнеста, сына императора Священной Римской империи, который, в случае избрания его на престол, обещал вернуть Великому княжеству Литовскому аннексированные поляками Подляшье, Волынь, Киев и Брацлав.

Польско-литовские отношения настолько обострились, что, когда в 1575 г. поляки и литовцы собрались на съезд в Стенжицу (в связи с невозвращением Генриха Валуа к назначенному сроку в Варшаву), представители обоих «братских» народов явились с вооруженными отрядами и между ними едва не произошло кровавое столкновение. Позиция, занятая литовцами, не предвещала ничего хорошего. Кроме того, литовцы отказались признать постановления Варшавской конфедерации, принятые в их отсутствие. Однако поляки хорошо понимали, что, при неблагоприятном для Великого княжества Литовского внешнем положении, литовские магнаты и стоявшая за ними шляхта не решатся на разрыв польско-литовской унии. Это сделало их крайне неуступчивыми. Выступление литовских магнатов закончилось полным поражением — их протест оказался политической буффонадой. Литовские паны и шляхта не располагали реальной силой, которая могла бы заставить поляков согласиться на изменение условий акта Люблинской унии 1569 г. Политические и военные преимущества были на стороне поляков, и литовцам ничего не оставалось, как принять участие в избрании нового короля.

Все же литовские паны пытались саботировать назначенную в Варшаве на 3 октября 1575 г. конвокацию нового ко-

роля. Явившись в Варшаву в незначительном количестве, литовцы надеялись сорвать конвокацию и произвести нажим на «братский» народ, заставив поляков перенести место конвокации поближе к Литве. Но и эта тактика потерпела неудачу. Поляки не стали ожидать приезда литовцев, конвокационный съезд состоялся без них. Литовцы опять потерпели политическое поражение [56], что заставило литовских панов и шляхту отказаться от тактики саботажа. На элекционный сейм, назначенный в Варшаве на 7 ноября, литовцы сначала также приехали в небольшом количестве, но когда стало ясным нежелание польской шляхты ожидать приезда литовцев, последние поспешили в Варшаву [57].

Политическая атмосфера во время выборов короля была крайне напряженной, и не только вследствие разногласия между «братскими народами». В это время украинские земли подверглись жестокому набегу крымских татар, и перед польской шляхтой встал вопрос об обороне Украины против крымцев. В такой обстановке всякое обострение польско-литовских отношений было нежелательно, и полякам пришлось против своей воли занять в отношении литовцев примирительную позицию, не делая, однако, литовцам никаких уступок в отношении Люблинского акта 1569 г.

Литовцы сначала голосовали за выдвинутого Виленским съездом Эрнеста, но эта кандидатура не встретила поддержки среди польских сенаторов и шляхты. Элекционный сейм затянулся на несколько недель, а вопрос о будущем короле все оставался в прежнем положении. Наконец 12 декабря 1575 г. примас католической церкви Яков Уханский провозгласил королем императора Максимилиана II. Эта кандидатура была поддержана частью польских сенаторов, но ее враждебно встретили широкие слои польской шляхты и литовцы, которые, выдвигая кандидатом на престол Эрнеста, надеялись вернуть Литве аннексированные Польшей в 1569 г. земли; при избрании же Максимилиана этот вопрос отпадал.

Положение внутри Речи Посполитой осложнялось еще тем, что сенаторы и шляхта — противники кандидатуры Максимилиана — во главе с Яном Замойским, избрали на престол Семиградского князя Стефана Батория. Кандидатура последнего поддерживалась турками, что для польской шляхты имело особенно важное значение ввиду напряженных отношений между Крымом и Речью Посполитой. Таким образом на королевском престоле Речи Посполитой оказалось два короля, причем оба они были избраны вопреки воле литовцев и фактически без их участия.

---

[56] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское..., стр. 130.
[57] Там же, стр. 132.

Тем не менее литовцы не могли игнорировать избрание Батория королем, так как им была необходима военная помощь Короны. Для обсуждения создавшейся весьма запутанной политической обстановки литовские феодалы назначили съезд в Гродно, который начал свою работу 19 апреля 1576 г. Гродненский съезд был направлен против Батория и избравших его поляков. На съезде было вынесено постановление, в котором литовцы угрожали разрывом унитарного соглашения 1569 г. и избранием своего собственного князя, если обе стороны не придут к какому-либо соглашению. Литовцы предлагали созвать общий польско-литовский сейм в Варшаве для разрешения всех недоразумений, а пока от коронации Батория воздержаться [58].

Постановления Гродненского сейма также не имели никакого практического значения. Коронационный сейм собрался без литовцев, коронация Батория стала совершившимся фактом. 4 мая 1576 г. вновь коронованный король опубликовал «генеральную конфирмацию», в которой подтверждались права и преимущества Княжества и Короны на основе унитарного акта 1569 г. Король давал торжественное обещание не сокращать границ обеих составных частей Речи Посполитой и защищать их неприкосновенность всеми имеющимися в его распоряжении силами [59]. Король тем самым санкционировал произведенную Польшей аннексию Подляшья и прочих земель, закрепленную актом Люблинской унии 1569 г. Это общее подтверждение, вытекающее из требований унии 1569 г., было актом громадного политического значения, поскольку оно разбивало планы литовских феодалов: правовое положение Великого княжества Литовского оставалось без всяких изменений. Коронационный сейм вынес ряд политически важных для Литвы постановлений. Сеймовая конституция 1576 г. закрепляла за Великим княжеством Литовским право созывать в Волковыске «главный сеймик», обычно собиравшийся до созыва «спольного» литовско-польского сейма. Наряду с этим конституция гарантировала неприкосновенность урядов обоих народов, подтверждала земельные права, снова подчеркивала единство королевской канцелярии и печати [60]. Нового в этой конституции не было почти ничего. Она была направлена против политических притязаний литовцев.

Избрав и короновав нового короля, поляки уже совершенно не обращали никакого внимания на политические требования и жалобы литовцев. Напрасно депутация, отправленная Гродненским съездом к королю и к польским сенаторам, во главе

[58] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское..., стр. 136—137.
[59] Volumina legum, II, str. 157—159.
[60] Там же, стр. 161.

с минским каштеляном Яном Глебовичем, протестовала против односторонне направленных действий короля и сенаторов. Несмотря на все политические угрозы и предостережения, выступление Яна Глебовича перед сенатом и шляхтой не дало никаких положительных результатов[61]. Правовое положение Великого княжества Литовского не изменилось. Аннексия части его территории была подтверждена. Литовские паны попрежнему оставались у разбитого корыта.

Посольство Яна Глебовича лишний раз показало слабость политической позиции литовской магнатерии, благодаря чему поляки могли игнорировать всякого рода политические ламентации литовцев. Победителями и на этот раз остались польские землевладельцы. Впрочем, поражение литовских магнатов еще не означало отказа их от своих политических планов.

После коронационного сейма отношения Короны и Княжества оставались крайне напряженными. Литовские паны не признавали Батория главой Речи Посполитой, считая его только польским королем. В поисках выхода из создавшегося положения коронационный сейм решил отправить в Литву сеймовую делегацию. К этому моменту среди литовской феодальной знати уже не было единства. Такой реальный политик, как жмудский староста гетман Ян Ходкевич, на котором лежала вся тяжесть борьбы с Московским государством, склонялся на сторону Батория в надежде получить наконец от поляков столь необходимую литовцам военную помощь. Позиция Ходкевича встретила поддержку среди панства и широких шляхетских кругов. Дальнейшая политика непризнания Батория королем вела к полной изоляции Великого княжества Литовского и грозила серьезными внешнеполитическими последствиями. Ввиду этого собравшийся в Мстибогове литовский съезд признал Батория королем. Австрийская партия во главе с виленским воеводой князем Николаем Радзивиллом потерпела полное поражение. Польским сенаторам, прибывшим в Литву для переговоров, уже нечего было делать. Политика Польши вновь одержала полную победу.

Многочисленное посольство во главе с Яном Ходкевичем, представленное «обоими станами», было отправлено к Баторию в Варшаву для изъявления ему подданства Литвы. Литовское посольство предъявило Баторию ряд политических требований. Литовские магнаты не понимали, что, признав Стефана Батория, присягнувшего на определенных условиях «королем и великим князем литовским», бесполезно предъявлять требования, не имевшие никаких шансов на успех. Впрочем, новый король, как опытный дипломат, внимательно отнесся

---

[61] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское..., стр. 139.

к высказанным Мстибоговским съездом пожеланиям и немедленно удовлетворил те из них, которые непосредственно не задевали Люблинского унитарного соглашения.

Литовские послы, поскольку они не принимали участия в избрании Стефана Батория, потребовали от него повторения в их присутствии той присяги, которую он дал Короне и Княжеству в Кракове. В случае выполнения этого требования литовская делегация обещала немедленно принести королю присягу от своего имени и от всех станов «литовского имени». Стефан Баторий пошел на уступки «литовским станам» и повторил присягу перед литовским посольством [62]. Вместе с тем Баторий гарантировал право участия литовских сенаторов в «прибочной» королевской раде, учрежденной во время избрания Генриха Валуа.

Учреждение «прибочной рады королевской» было актом большого политического значения, так как теперь вся деятельность короля в сфере внутренней и внешней политики находилась под непосредственным контролем польских и литовских сенаторов. Вновь избранный король гарантировал неприкосновенность всех лиц, голосовавших против его избрания. Согласился он и с тем, чтобы находившиеся в Княжестве королевские имения перешли во владение Великого княжества. Наконец, король давал обещание охранять неприкосновенность литовских судебных учреждений и воспретить всем королевским старостам вмешиваться в литовскую юрисдикцию

Удовлетворение всех этих просьб литовцев не представляло собой нарушения акта об унии, и Стефан Баторий мог себе позволить это «великодушие», не боясь вызвать раздражения со стороны польских сенаторов и сеймов. Но литовская делегация хотела укрепить правовое положение Княжества в составе Речи Посполитой и оградить литовских землевладельцев от покушений со стороны польской шляхты, что по существу выходило уже за пределы Люблинского унитарного акта. Стефан Баторий, разумеется, не мог пойти на удовлетворение этих требований, но он не решался и отказать в категорической форме. Все поднятые делегацией щекотливые вопросы были отложены до следующего вального сейма, и таким образом вся литовская дипломатическая игра закончилась в сущности ничем.

Действительно, высказанные литовской делегацией пожелания выходили за пределы акта об унии 1569 г. Литовская делегация вновь потребовала, чтобы сеймы собирались поочередно в Литве и Польше; чтобы литовскими войсками командовал литовец, а не поляк; чтобы жолнеры в пограничных зам-

---

[62] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское..., стр. 145.

ках набирались из людей, живших в княжестве; чтобы все войска, которые будут посылаться на территорию Княжества, находились под единой командой литовского гетмана, чтобы старая литовская монета обращалась в Польше наравне с польской; чтобы таможенные доходы, принадлежавшие раньше Литве, оставались в ее распоряжении; чтобы князю слуцкому, согласно древнему обычаю, было предоставлено место в сенате; чтобы литовцы были территориально вознаграждены за уменьшение их земель в силу Люблинской унии и в случае опасности им не приходилось бы прибегать к помощи поляков [63].

Эти требования не были удовлетворены, и второе бескоролевье, как и первое, не дало литовцам никаких положительных политических результатов. Правовое положение Великого княжества Литовского оставалось без перемен. Поляки не собирались возвращать отнятых земель. Поэтому совершенно непонятно, почему И. И. Лаппо в политике литовцев периода второго бескоролевья видит чуть ли не политическую победу литовских магнатов.

В первые годы правления Стефана Батория внешнее положение Речи Посполитой было обострено до крайности. Поляки могли делать вид, что они не интересуются Ливонской войной, предоставив Великому княжеству Литовскому самому защищаться от наседавшего на него неприятеля. В действительности поляки прекрасно оценивали всю сложность создавшегося политического положения и политические последствия для Речи Посполитой укрепления Москвы в бассейне среднего течения Западной Двины и в Ливонии. Одновременно приходилось действовать против Гданьска, поднявшего восстание против Польши. Обе проблемы — гданьская и ливонская — обсуждались на Торуньском сейме, открывшемся 4 октября 1576 г., где было принципиально решено собрать «посполитое рушение» для оказания помощи Литве. Фактически это не могло быть осуществлено, так как литовцы требовали соблюдения определенных условий со стороны коронных обывателей, а сейм отнесся к этому требованию отрицательно. Литовцы отказались от помощи коронного «посполитого рушения», «бачечи с того рушения посполитого большую шкоду, а нижели пожиток свой». На том же сейме, используя затруднения Польши, литовцы добились от Батория передачи на рассмотрение ближайшего сейма требований, выдвинутых ими еще на Варшавском сейме.

Нападение татар еще больше усложнило внешнее положение Речи Посполитой. Надо было действовать быстро и

---

[63] Там же, стр. 148.

решительно. Баторий решил отказаться от созыва коронного «посполитого рушения» и защищать территорию Речи Посполитой с помощью наемного войска. Это было лучшим выходом из создавшегося положения, так как на военные успехи «посполитого рушения» трудно было рассчитывать. Но для найма войска требовались денежные средства.

Перед созывом нового сейма происходили главные сеймики в Короне и Княжестве для предварительного обсуждения вопроса о новых податях. Главный Литовский сеймик начал свою работу в Волковыйске 22 июня 1577 г. и закончил ее только 27 июля. Как и главные сеймики в Малой и Великой Польше, Литовский сеймик предоставил Баторию нужные кредиты. Впрочем, Волковыйский сеймик соглашался на новые налоги под условием, чтобы собранные средства были истрачены на нужды литовского, а не коронного войска, еще раз подчеркнув тем самым политическое бытие Великого княжества Литовского как самостоятельного государственного организма. Сборщики «военного податка» были обязаны представить отчет не «спольному» сейму как единому законодательному органу для Княжества, а литовскому съезду. Конечно, оба эти постановления нарушали условия унии 1569 г.

Восстание в Гданьске было быстро подавлено Баторием, успешно заканчивалась и война за Ливонию. Благополучное окончание Ливонской войны давало литовцам основание надеяться на присоединение Лифляндии к Великому княжеству Литовскому, что послужило бы вознаграждением за отнятые земли. Литовская делегация выдвинула это требование на Варшавском сейме в 1582 г. Против предложения литовцев выступил коронный канцлер Замойский, и литовцы вновь потерпели поражение. Сеймовая конституция 1582 г., признав Ливонию одной из составных частей Речи Посполитой, определила формы ее политической организации [64]. Поражение литовской делегации на общем литовско-польском сейме лишний раз подчеркивали незначительный политический удельный вес Литвы в Речи Посполитой. Становилось очевидным, что поляки как основная руководящая политическая сила никогда не согласятся на какое бы то ни было территориальное или политическое изменение. В этом отношении политическая игра литовских магнатов была проиграна и не было никаких оснований надеяться на изменение общеполитического положения в ближайшем будущем.

Но литовские магнаты не могли и не хотели отказаться от своих требований изменить правовое положение Литвы в составе Речи Посполитой. Еще во время войны литовцы пыта-

---

[64] Volumina legum, II, str. 220—223.

лись восстановить деятельность великого вального сейма под видом общелитовских съездов, и Баторий, стремясь скорее закончить Ливонскую войну общими усилиями поляков и литовцев, был вынужден пойти навстречу литовским требованиям. Он разрешил созвать 16 марта 1580 г. литовско-русский съезд в Вильне. В 1582 г. такой же съезд заседал в Волковыйске, а в марте 1584 г.— снова в Вильне. На Виленском съезде 1580 г. присутствовал сам Баторий, чем особенно подчеркивалось политическое значение этого съезда.

С точки зрения Люблинской унии все эти съезды являлись нарушением конституции, но во время военных действий с этим не приходилось особенно считаться. Это понимали и Баторий и поляки, но их уступки отнюдь не означали отказа от принципиальной позиции в отношении Великого княжества.

Литовские магнаты придавали громадное политическое значение этим съездам, где они могли демонстрировать политическую обособленность и самостоятельность Великого княжества Литовского. Литовский шляхетский съезд смотрел на себя как на носителя суверенной власти, которая только одна может принимать законодательные меры в отношении Великого княжества, причем постановления литовских съездов фактически никем не утверждались. Но и это не испугало поляков, поскольку литовские сепаратисты не выступали открыто против акта унии 1569 г. и в данный момент не собирались ее разрывать.

Виленский съезд занимался главным образом вопросами войны. Присутствие на нем Батория, конечно, не было случайностью. На Виленском съезде присутствовала и депутация Полоцкого воеводства, незадолго до этого возвращенного Литве. Она выступила с предложением подтвердить прежние права и привилеи Полоцкой земли. Полоцкие депутаты были против унификации Великого княжества, что угрожало местной шляхте потерей политического веса и влияния, которыми она издавна пользовалась в силу прежних областных привилеев. Это было проявлением политического феодального сепаратизма внутри самого Великого княжества. Баторий пошел навстречу просьбе полоцкой шляхты. Он подтвердил привилей Сигизмунда-Августа от 21 февраля 1547 г., и шляхта была удовлетворена. Подтверждение прав Полоцкой земли находилось в противоречии с актом Люблинской унии 1569 г., поскольку, согласно областному полоцкому привилею, право занятия «урядов» в Полоцкой земле принадлежало только местной шляхте. Отдельные подтверждения Баторием прав и привилеев Полоцкой земли были серьезной политической уступкой, а также и нарушением унии 1569 г., но полоцкая шляхта так сильно пострадала от войны, что приходилось

делать кое-какие политические уступки в ее пользу и тем самым укрепить политическое положение области, возвращенной обратно в состав Великого княжества. Это был политический успех не одних только полочан, но и всего Великого княжества. Полочане сохранили за собой все «держания», бывшие у них до войны. Они также противились учреждению в Полоцкой земле иезуитской коллегии и наделению ее землями, отнятыми у православных, но в этом деле успеха не имели [65].

Варшавский сейм, собравшийся в январе 1581 г., имел огромное политическое значение. С одной стороны, он демонстрировал неприкосновенность акта унии 1569 г., что было особенно важно в связи с Виленским съездом 1580 г., нарушившим унитарные условия. С другой стороны, на сейме была принята конституция об учреждении для Великого княжества Главного литовского трибунала [66]. Учреждение новой самостоятельной высшей судебной инстанции являлось для Княжества дальнейшим шагом в шляхетизации его. Судебные реформы 60-х годов шляхетизировали суд, но оставили в неприкосновенности панов-раду как высшую апелляционную инстанцию.

Паны-рада должны были два раза в год съезжаться для разбора дел по апелляциям. Шляхта была недовольна создавшимся положением. Разбор дел по апелляциям происходил крайне медленно, и количество неразобранных дел было очень велико. Наличие панов-рады как апелляционной инстанции находилось в противоречии со шляхетизацией суда. Шляхта стремилась иметь в своем ведении суд по апелляциям. В этом отношении учреждение Главного литовского трибунала полностью отвечало ее требованиям. Борьба за лишение панов-рады права разбора дел по апелляциям началась едва ли не сразу после судейской шляхетской реформы [67].

Через полтора года после Виленского съезда собрался новый съезд в Волковыйске (январь 1582 г.). На нем присутствовал и представитель короля. Новый литовский съезд интересовался главным образом вопросом о «поправе» Статута 1566 г. После унии 1569 г. в политической жизни Великого княжества произошли серьезные перемены. Учреждение Главного литовского трибунала изменило систему судоустройства в Великом княжестве. Оно шляхетизировалось, а литовско-белорусское право, отраженное в Статуте 1566 г., оставалось без перемен. Необходимо было изменить юридические нормы Статута применительно к условиям унии 1569 г., вычеркнув из Литовского статута противоречащие унии статьи и отразив

[65] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское..., стр. 179—181.

[66] Volumina legum, II, str. 210.

[67] А. Ясинский. Главный литовский трибунал. Киев, 1901, стр. 229 и сл.

в нем все те новые политические завоевания шляхты, которые дала ей уния 1569 г. Перспектива изменения Статута мало улыбалась литовским магнатам, ибо изменение это по существу означало признание магнатами своего политического поражения. Тем не менее пройти мимо этого существенного вопроса было невозможно. Этого требовала литовско-белорусская шляхта, которую трудно было удержать в фарватере магнатской сепаратистской политики, тем более, что вопрос о «поправе» Статута был поставлен на Люблинском сейме 1569 г., где была учреждена и комиссия для выработки нового текста Статута [68].

Вопрос о «поправе» Статута встретил множество препятствий. Прежде всего возник вопрос о том, кто будет утверждать новый Статут. Гродненский сейм 1568 г. вынес решение о том, чтобы исправления и дополнения Статута 1566 г. были внесены на рассмотрение сейма Великого княжества [69]. Конституция же Люблинского сейма устанавливала порядок издания новых законов на «спольном» польско-литовском сейме, с чем литовцы не могли согласиться. На варшавском сейме 1581 г. литовские магнаты требовали, чтобы текст нового Статута не подлежал утверждению «спольного» сейма, но это требование было, естественно, отвергнуто поляками [70]. Литовские магнаты не могли согласиться на политическое самоубийство. Назревал новый конфликт. Статут был составлен, но вопрос о форме его утверждения из-за смерти Батория остался открытым. Для литовских магнатов имел большое значение и вопрос о том, в каком направлении будет происходить изменение старого литовско-белорусского права. Сеймовая конституция 1581 г., учредившая Главный трибунал для Литвы, признавала наличие в Великом княжестве Литовском «собственного права, написанного русским языком», и разрешала «поправу» Статута, но так, «чтобы новый Статут ни в чем не противоречил унии». Конституция 1581 г.. устанавливала новый порядок дальнейшего прохождения Статута и превращения его в действующее право, указывая на необходимость утверждения Статута сеймом [71].

Комиссии, составляющей текст нового Статута, предстояла трудная и ответственная задача. Если положить в основу новой редакции Статута конституцию 1581 г., свелась бы на нет вся борьба литовских феодалов за изменение правового положения Великого княжества Литовского и за восстановление территории Княжества в границах, существовавших до

---

[68] И. И. Лаппо. Великое княжество Литовское..., стр. 194—195.
[69] ДМАМЮ, 1897, стр. 476.
[70] Volumina legum, II, str. 210.
[71] Так же.

Люблинской унии. Литовские и белорусские землевладельцы, составлявшие в данном вопросе единый фронт, не могли пойти на это. В новом Статуте надо было юридическими нормами закрепить правовое положение Великого княжества Литовского и защитить интересы местного землевладения, хотя бы эти основные положения и расходились с общими требованиями унии 1569 г. С другой стороны, надо было закрепить и упрочить шляхетизацию Великого княжества Литовского как основное социально-политическое завоевание Люблинской унии 1569 г. Составление текста нового Статута было большой политической задачей, в разрешении которой принимали участие сеймовые литовские депутаты, поветовые сеймики и общелитовские съезды. Все землевладельцы в той или иной форме принимали участие в составлении Статута. Материалы для Статута были разработаны в период 1584—1588 гг., причем в разработке их принимали активное участие подканцлер Лев Сапега, крупный землевладелец Белоруссии, юрист по образованию, широко образованный по тому времени человек.

Борьба магнатов и всего шляхетства при Батории дала кое-какие положительные результаты. Литовские магнаты и литовско-белорусская шляхта демонстрировали свою волю самостоятельно решать стоявшие перед ними задачи, хотя в конечном итоге их политические акции превращались в политическую буффонаду. Все же литовцы заставили поляков считаться с восстановленной деятельностью вального сейма в виде Литовского съезда. Литовцы добились от Батория отдельного подтверждения привилегий и прав Полоцкой земли, что противоречило условиям унии. Но литовские магнаты не добились ни возвращения отнятой у Великого княжества территории, ни присоединения Лифляндии к Великому княжеству Литовскому. Поляки лавировали и делали незначительные уступки, не допуская никаких изменений в условиях Люблинской унии и стремясь держать Великое княжество Литовское в тех оковах, которые она на него наложила. Эти мелкие уступки нисколько не изменяли правового положения Великого княжества. Люблинский акт 1569 г. по-прежнему оставался фундаментом литовско-польских отношений. Удельный политический вес Великого княжества Литовского мало увеличился. Корона крепко держала в своих руках все нити внутренней и внешней политики Речи Посполитой.

«Исторические записки», т. 7, 1940.

Часть IV

ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА И ЕГО КУЛЬТУРА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

В настоящей статье подводятся некоторые итоги моим работам по истории Белоруссии за последние 25 лет. В этих работах я уделил много внимания этногенезу белорусского народа. В 1938 г. мною был прочитан доклад на эту тему в Институте истории АН БССР, а в 1939 г.— в Институте истории АН СССР. В 1945 г. я выступил с докладом на сессии Института этнографии, посвященной этногенезу славянских народов. Развиваемые мною положения были поддержаны историками, этнографами и антропологами. Сделанные ими отдельные ценные замечания мною были учтены при дальнейшей работе над этой темой. В более ранних своих докладах я не касался вопроса о белорусском языке. В настоящей работе я отвожу ему видное место, так как формирование языка является показателем формирования и народа.

В настоящей работе я не затрагиваю вопроса о появлении славян на территории Белоруссии. Эта проблема должна стать предметом отдельного исследования, которое составит часть монографии «Образование белорусского народа». Отмечу, что по вопросу о появлении славян на территории Белоруссии в течение XIX в. и вплоть до конца 30-х годов нашего столетия господствовала миграционная теория. Только в конце 30-х годов советские историки и археологи вплотную подошли к исследованию проблемы этногенеза славянских народов. Работы акад. Н. С. Державина, А. Д. Удальцова, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, К. М. Поликарповича показали всю несостоятельность миграционной теории. Их выводы мы полностью разделяем. Конечно, признание автохтонности славян на территории Белоруссии отнюдь не исключает миграционного движения локального характера. В своем исследовании мы отправляемся от данных «Повести временных лет» о распределении славян — предков белорусского народа — на территории Белоруссии.

* * *

Вопрос об этногенезе белорусского народа был впервые поставлен проф. Е. Ф. Карским в начале XX в. В 1904 г. он опубликовал первый том исследования — «Белорусы» — как введение к изучению языка и народной словесности [1]. Постановка вопроса об этногенезе белорусского народа была настоятельно необходима [2]. Польские и русские этнографы в течение XIX в. с большим усердием собирали произведения народного творчества, изучали народные обряды, обычаи и быт белорусского народа. Такой интерес к изучению белорусского народа был не случаен.

Хотя белорусы объединились с русским народом в одном государстве в конце XVIII в. (1772—1795), но дворянско-придворные круги имели весьма слабое представление о том, что собой представлял белорусский народ. Только голод, охвативший Белоруссию, побудил царское правительство более подробно познакомиться с народом, находившимся под его властью. С этой целью в 1800 г. была организована сенаторская ревизия, во главе которой был поставлен Г. Р. Державин. Итогом его ревизии была записка «Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии недостатка хлебного обузданием корыстных промыслов евреев, о их преобразовании и о прочем» [3]. Сенатор Державин справедливо отметил тяжелое экономическое положение «белорусских обитателей», но причину их усмотрел не в господстве феодально-крепостнических отношений в стране, а в эксплуатации белорусов евреями, на которых и обрушился весь гнев сенатора-ревизора. Однако

---

[1] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I. Вильно, 1904.

[2] В 1830—1831 гг. польское шляхетское восстание потерпело полную неудачу. Несмотря на все призывы шляхтичей к белорусскому народу объединиться с ними для совместной борьбы против царизма, он не поддержал своих помещиков. Стремясь привлечь белорусский народ на свою сторону, шляхтичи обратились к изучению белорусского народа, который раньше в их глазах был только «быдлом». Первые польские этнографы и собиратели народного творчества рассматривали Белоруссию как польскую провинцию. Польский эмигрант Рыпинский в 1840 г. опубликовал в Париже небольшую книжку «Белоруссия». В этой книге напечатаны латинским шрифтом стихотворения на белорусском языке. Это «белорусофильство» польского эмигранта нашло своих последователей. Польские писатели собирали народные песни или сами сочиняли их для простого народа. Во время польского восстания 1863 г. революционные шляхтичи выпускали воззвания на белорусском языке, призывая белорусский народ принять участие в борьбе за независимость Польши. Однако белорусский народ и на этот раз остался равнодушным к призывам польских шляхтичей и поддержал только революционера-демократа Кастуся Калиновского, который призывал белорусских крестьян к борьбе за волю, против помещиков.

[3] Г. Р. Державин. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VII. СПб., 1878, стр. 261—278.

Державин даже не поставил вопроса о том, что собой представляют «белорусские обитатели». Царское правительство избегало употреблять термин «Белоруссия», предпочитая пользоваться официальным термином «губернии, от Польши приобретенные».

В официальных кругах собственно Белоруссией называлась территория Витебской и Могилевской губерний, а белорусы, населявшие западную часть территории, назывались «литовцами», «литваками». Этой же точки зрения держался и дворянский революционер — декабрист Павел Пестель [4]. Пестель даже путает «Литву с ляхами, а губернии Виленскую и Минскую считает населенными «литвой» [5]. Впрочем, Пестель отмечает сходство населения Виленской и Минской губерний с населением Витебской и Могилевской губерний, что он объясняет «близостью этих губерний».

В конце XVIII в. на белорусском языке стала распространяться в рукописи переделка «Энеиды», духовно связанной с украинской «Энеидой» Ивана Котляревского, напечатанной в Петербурге в 1798 г. Автора переделки этого произведения на белорусский язык не удалось установить. Существует предположение, будто составитель белорусской «Энеиды» был полковник Викентий Ровинский (1782—1842). Белорусская «Энеида» получила широкое распространение среди белорусской мелкобуржуазной общественности. Вероятно, она стала известной и в ученых московских кругах.

В 1822 г. известный славист К. Калайдович опубликовал работу «О белорусском наречии», в которой он отмечает некоторые особенности как старобелорусского, так и современного ему белорусского языка.

Изучению белорусского языка К. Калайдович (1792—1832) придавал особенное значение. «Положение, руководившее мной в написании истории их,— писал Калайдович,— состояло в том, дабы обратить внимание на столь важный предмет самих белоруссцев, которые вернее и лучше могут исследовать свое наречие и помощью оного объяснить древний язык наших памятников» [6].

К. Калайдович не вполне был знаком с современным белорусским языком, но совершенно правильно его утверждение, что изучение старобелорусской письменности помогает «объяснить древний язык наших памятников». Таким образом, К. Калайдович устанавливает историческую связь между

---

[4] П. Пестель. Русская Правда. СПб., 1906, стр. 39.

[5] Там же, стр. 43.

[6] К. Калайдович. О белорусском наречии. «Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете», 1882, ч. I, кн. 1, стр. 80.

языком старобелорусской письменности и древнерусской письменности, показывая этим происхождение белорусского языка от одной лингвистической основы с русским, а следовательно, и белорусского народа из одного восточнославянского этнического целого. Так уже в начале XIX в. впервые был поставлен вопрос об этногенезе белорусского народа и происхождении белорусского языка. Вопрос был поставлен К. Калайдовичем вполне своевременно, так как Виленский университет во главе с его куратором князем Адамом Чарторижским усиленно проводил полонизацию Белоруссии через школу и католическое духовенство, продолжая считать, что Белоруссия является составной частью Польши и что она впоследствии должна войти в состав восстановленного Польского государства.

Вопрос о белорусском языке и его месте среди других славянских языков рассматривался и «патриархом» чешского славяноведения — Павлу Иосифом Шафариком. В своих двух работах — «Славянские древности» (Прага, 1837) и «Slovanský Národopis» (1852) — Шафарик различал в юго-восточной ветви славянства три главные ветви: русскую, болгарскую и иллирийскую, а в языке русской ветви он выделял наречие великорусов, или москвитян, малорусов, белорусов и новгородцев. Русские библиографы В. С. Сопиков [7], В. М. Ундольский [8], П. М. Строев [9], И. П. Сахаров [10], А. В. Востоков [11] отмечали наличие огромного русского рукописного богатства, сохранившегося от прошлой жизни Белоруссии, и таким образом подчеркивали единство происхождения русского и белорусского языков и белорусской культуры как составной части общерусской культуры, созданной единым русским народом в его органических частях: великорусах, украинцах и белорусах.

Русские слависты — филологи и библиографы — своими трудами установили культурное и языковое единство Западной Руси с Восточной. В то же время профессор Петербургского университета Н. Г. Устрялов вводил историю Великого княжества Литовского в систему прагматической истории России, отмечая, что гражданские уставы, язык, вера, история были главным препятствием для слияния «обитаемой Запад-

---

[7] В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии. СПб., 1813.

[8] В. М. Ундольский. Каталог библиотеки А. И. Кастерона. М., 1848.

[9] П. М. Строев. Обстоятельное описание старопечатных книг славянскими росписями. М., 1829.

[10] И. П. Сахаров. Обозрение славяно-русской библиографии. М., 1849.

[11] А. В. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. М., 1842.

ной Руси с поляками, напоминая им на каждом шагу родство с обитателями Московского государства»[12].

Профессор Московского и Киевского университетов М. А. Максимович отмечает наличие трех ветвей русского народа: великорусской, малорусской (украинской) и белорусской. Он подчеркивал единство «земли Русской», созданной кровной близостью этих ветвей и их историей. Это единство «земли Русской», по мнению М. А. Максимовича, разорвалось благодаря монголо-татарскому нашествию.

Издание многочисленных актов, характеризовавших жизнь белорусского народа под властью Литвы, выявило отчетливо общерусский характер белорусских и украинских земель[13]. Издание актов в Петербурге было продолжено Виленской археографической комиссией, а затем и Витебским центральным архивом. Издание источников дало в распоряжение исследователей огромный языковый фактический и исторический материал, который открывает широкие возможности для изучения истории и культуры Западной Руси. В 1857 г. была предпринята попытка О. Турчиновичем дать «Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен», которая воочию показала тесную ее связь с историей Руси вообще.

Одновременно началось и этнографическое изучение Белоруссии. Знакомство с бытом Белоруссии показало общность его с общерусской стариной, своими корнями ведущей к отдаленным временам племенной жизни восточных славян[14].

Таким образом, в историографии первой половины XIX в был выдвинут ряд важнейших проблем, касавшихся этногенеза белорусского народа и его языка. Исследователями были установлены 1) исторические связи белорусского народа с русским, 2) принадлежность белорусского языка к восточнославянской ветви, 3) сходство быта и культуры обоих народов. Наблюдения русских исследователей полностью опровергают те выводы, к которым приходили «польские белорусофилы», считавшие себя белорусами по происхождению, по национальности — поляками «gente russus albus, natione Polonus».

После восстания 1863 г. белорусская народность стала объектом особенного внимания дворянских и правительственных

---

[12] Н. Г. Устрялов. Рассуждения о системе прагматической русской истории. СПб., 1836; его же. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское. СПб., 1839.

[13] И. И. Григорович. Белорусский архив древних грамот. М., 1824; Акты относящиеся к истории Западной России, т. I—V. СПб., 1846—1853.

[14] П. М. Шпилевский. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб., 1858.

кругов. «Со времени польского восстания,— пишет А. Н. Пыпин,— относительно белорусской народности сделано было чуть ли не открытие: масса (русского) общества, прежде имевшая смутное представление о Западном крае, вследствие переполоха, произведенного восстанием, увлекалась соображением, что этот край — русский. Это соображение было для большинства как будто новостью, и эта новость усердно пропагандировалась... Доказывалось не только то, что край этот русский, но и что западнорусская или белорусская народность даже не существует: до такой степени она составляет то же единое русское племя без всякого отличия от его коренной массы, что «Белоруссия» есть только географический термин» [15]. Сам А. Н. Пыпин, отправляясь от наблюдений П. Шафарика, считает белорусский язык одним из трех наречий русского языка.

В книжном языке Западной Руси А. Н. Пыпин видит «странный язык, соединявший в себе общерусскую основу с оттенками старославянского, польского, южного и собственного белорусского» [16].

Общий интерес к белорусской народности выразился и в том, что после восстания 1863 г. народным творчеством, языком и бытом белорусского народа стали интересоваться русские и белорусские этнографы П. Бессонов [17], И. Носович [18], П. Я. Никифоровский [19], В. Н. Добровольский [20] и др. Благодаря этому были собраны и опубликованы многочисленные записки памятников народного творчества, которые наглядно свидетельствовали о языковой и культурной близости белорусов русскому народу.

Вместе с тем они показали, что живой белорусский язык имеет свои фонетические и морфологические особенности, отличные от русского языка, и таким образом разрушили легенду, созданную великодержавными шовинистическими кругами, будто «Белоруссия есть только географический термин». Одновременно началось и тщательное изучение истории Западной Руси и отношений ее к Польше. В этом плане много

---

[15] А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV. СПб., 1892, стр. 3—4.

[16] А. Н. Пыпин и, В. Д. Спасович. История славянских литератур, т. II. СПб., 1873, стр. 214.

[17] П. А. Бессонов. Белорусские песни. СПб., 1871.

[18] И. И. Носович. Белорусские пословицы и поговорки. СПб., 1868.

[19] П. Я. Никифоровский. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895; его же. Простонародные примеры и суеверия. Витебск, 1897.

[20] В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891.

сделали С. М. Соловьев [21], И. Д. Беляев [22], М. О. Коялович [23], М. К. Любавский [24] и др.

После крестьянской реформы 1861 г. начало изменяться экономическое лицо Белоруссии. Сельское помещичье хозяйство уже стало на рельсы капиталистического развития. Обезземеленное крестьянство в изобилии снабжало капиталистические сельскохозяйственные предприятия рабочими руками. Сельское помещичье хозяйство было связано с развитием сельскохозяйственной промышленности — винокуренным, паточным производством, пивоварением. Параллельно развивалась и промышленность, в особенности в западных районах Белоруссии [25]. В Белоруссии начала формироваться собственная интеллигенция, создавалась оригинальная художественная литература (Ф. Богушевич, Якуб Колас, Янка Купала и др.) [26].

Это белорусское возрождение второй половины XIX в. и выдвинуло вопрос об этногенезе белорусского народа. Постановка этой проблемы значительно облегчалась тем, что к этому времени подвинулось вперед изучение истории белорусских земель. Известные достижения дореволюционной археологии позволили А. Спицыну наглядно представить «расселение древних русских племен по археологическим данным» [27]. Исследования В. Е. Данилевича [28], М. В. Довнар-Запольского [29] и П. Голубовского [30] дали большой конкретный исторический материал для изучения исторических судеб предков белорусского народа.

Исследования В. Б. Антоновича [31] и М. К. Любавского [32] дали ценный материал для изучения внутренней и внешней

---

[21] С. М. Соловьев. История падения Польши; его же. История России с древнейших времен, т. I, II, III.

[22] И. Д. Беляев. История Полотска или Северо-западного края России от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872.

[23] М. О. Коялович. Лекции по истории Западной России. СПб., 1864; изд. 4, СПб., 1884.

[24] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Изд. 2. М., 1910, 1915.

[25] Д. Дудкоў. Аб разьвіцьці капіталізму у Беларусі ў 2 паловине XIX і пачатку XX стагодзьдзя. Менск, 1932.

[26] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, кн. 1 и 3.

[27] ЖМНП, 1899, № 8.

[28] В. Е. Данилевич. Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896.

[29] М. В. Довнар-Запольский. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.

[30] П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1892.

[31] В. Б. Антонович. Монография по истории Западной и Юго-Западной России, Киев, 1888.

[32] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление...

истории Великого княжества Литовского. Успехи в изучении истории белорусских земель позволили Е. Ф. Карскому поставить вопрос об этногенезе белорусского народа. Как считает Е. Ф. Карский, «главная масса предшественников славян в Белоруссии — литовцев и латышей — жила по Западной Двине (устье) и Неману и отдельными поселениями простиралась, постепенно уменьшаясь, иногда небольшими островками, на юге до левых притоков Припяти, а на восток, быть может, до Оки»[33].

Отмечая движение славян «с юга (Припяти и ее притоков) и запада (быть может, с Западного Буга и Нарева), сначала к Неману, а отсюда до Западной Двины на севере и до Десны и Оки на востоке», Е. Ф. Карский указывает, что «славянам сначала пришлось занимать в литовской земле мелкие реки, а затем они потеснили прежних жителей на больших. На севере и востоке были отброшены и финские племена»[34].

Территория, занятая в настоящее время белорусами, в период образования древнерусского государства была заселена следующими славянскими племенами: дреговичами, кривичами, полочанами — ветвью кривичей — и радимичами. «Из перечисленных племен,— отмечает Е. Ф. Карский,— полностью вошли в состав белорусской территории только дреговичи и радимичи, значительной долей — кривичи, остальные племена только отчасти имели с ней соприкосновение»[35]. К остальным племенам Е. Ф. Карский относит «северян, вятичей и даже некоторые литовские племена, например, ятвягов и голядь, которых в некоторых местах белорусы ассимилировали». Не отрицает Е. Ф. Карский влияния финского этнического элемента на формирование белорусской народности на севере и северо-востоке[36].

Кроме того, славяне были окружены латышами, литовцами и поляками. Белорусские племена объединились в XIII—XIV вв. под властью Литвы. В новых политических условиях происходят окончательное образование «белорусской народности» и формирование белорусского языка с заимствованиями из латышского и литовского языков. «Ко времени литовского господства,— полагает Е. Ф. Карский,— может быть, независимо от него относится и появление термина «Белая Русь», заменившего прежние племенные названия, которые вследствие передвижений и смешения народностей уже, конечно, утратили свое значение»[37].

---

[33] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, стр. 63.
[34] Там же, стр. 65.
[35] Там же.
[36] Там же, стр. 80.
[37] Там же, стр. 114.

Соображения Е. Ф. Карского относительно образования белорусской народности в результате смешения племен показывают, что Е. Ф. Карский понимал этот процесс как результат скрещения различных этнических славянских и неславянских элементов. Справедливо и другое соображение Е. Ф. Карского, что «белорусская народность образовалась в период литовского владычества». Но только одним этим нельзя объяснить образование белорусской народности. Е. Ф. Карский упустил из виду все социально-экономические процессы, которые способствовали смешению племенных элементов. Он оставляет открытым вопрос об окончательном сложении «белорусской народности» и формировании «белорусского языка» как двух параллельных процессах.

Несколько в ином аспекте представлял себе формирование белорусской народности известный лингвист и историк акад. А. А. Шахматов. Интересуясь проблемой образования русских наречий, А. А. Шахматов подошел и к вопросу образования белорусской народности. Первые его работы по этим вопросам относятся к середине 90-х годов прошлого столетия, последняя — к 1919 г. На протяжении этого времени А. А. Шахматов, возвращаясь к той же проблеме, развивал и совершенствовал свою теорию.

Последним словом А. А. Шахматова в этой области был труд «Древнейшие судьбы русского племени». По словам акад. Ю. В. Готье, эта работа А. А. Шахматова была «одной из последних и бесспорно самых блестящих по остроте научного анализа из его работ» [38].

Будучи сторонником теории русской прародины и единства прарусского языка, А. А. Шахматов, однако, полагает, что уже в древнейший период прарусский язык распался на три части: говоры южнорусские, которые легли в основу малорусского наречия; среднерусские, в своей восточной ветви послужившие основой южновеликорусского наречия, а в западной — для белорусского; наконец, северорусская часть прарусских говоров дала северовеликорусское наречие.

В 1910 г. А. А. Шахматов с большей точностью формулирует свой ранее высказанный взгляд по поводу образования белорусской народности. Он утверждает, что в Северном Поднепровье в эпоху общерусского единства различались три племенные группы: северная, отошедшая впоследствии к северу, восточная, отошедшая на восток, и западная, оставшаяся на прежних местах. Четвертую группу составляли южные племена, занявшие Среднее, а, затем Южное

---

[38] Ю. В. Готье. Шахматов-историк. «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXV. Пг., 1920, стр. 271.

Поднепровье[39]. Впоследствии, под давлением кочевников, восточные руссы с востока стремятся к правому Поднепровью, где сливаются с оставшимися здесь племенами и образуют белорусскую народность[40].

В 1919 г. А. А. Шахматов решительно утверждает, что «общерусский праязык выделил из себя три наречия: южное, северное и восточное». В этом случае белорусское наречие теряет свою исконную, первоначальную самостоятельность, является не западной ветвью среднерусских говоров, а «соединением северной группы южного наречия с западной группой восточного»[41].

В последних своих работах акад. А. А. Шахматов представляет передвижение славян в следующем виде: прародиной всех восточно-индоевропейских племен, в том числе славян, была Северо-Западная Россия — бассейн Балтийского моря. Славяне, по мнению А. А. Шахматова, занимали морское побережье и нижнее течение Западной Двины. Под влиянием движения готов на юго-восток, примерно во II в. н. э., славяне также двинулись и заняли Повислинье до Карпат[42]. В связи с движением готов из Поднепровья на юго-запад, к Дунаю, часть славян откололась от второй славянской прародины и двинулась на восток и юго-восток, в страну, до тех пор занятую готами. После падения гунской державы, во второй половине V в., славяне заняли пространство к северу от Нижнего Дуная и весь юго-запад России. Это была прародина русского народа — территория антов, область между Прутом и Днепром. Анты же — предки Руси, т. е. всего русского народа.

Появление аваров задержало антов на прежних местах жительства и остановило их дальнейшее расселение на восток и северо-восток, что способствовало образованию основного прарусского языка. Единое восточное славянство было разъединено крушением аварской державы. Авары, разгромленные Карлом Великим, отступая на восток, вызвали передвижение ляшских племен — радимичей и вятичей — на восток, в бассейн верхнего течения Днепра и к Оке. В связи с этим западная область восточно-славянских поселений начинает ощущать на себе польское влияние[43].

---

[39] А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. СПб., 1889; Е. Ф. Карский. А. А. Шахматов как историк русского языка. «Известия отделения русского языка и словесности», т. XXV, стр. 81.

[40] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. 1, стр. 81.

[41] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода русского языка. Пг., 1915; Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, стр. 31.

[42] А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1916.

[43] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.

Под давлением «ляшских племен» племенная славянская группа Северного Поднепровья движется на восток, в бассейн Среднего и Нижнего Дона и на берега Азовского моря, откуда под натиском кочевников с востока она подвинулась на север, к Оке. Распад восточного славянства послужил основной причиной распада единого древнерусского языка на три наречия: великорусское, украинское и белорусское. а также образования трех народностей: великорусской, украинской и белорусской.

Таким образом, по Шахматову, этнической основой белорусской народности является западнорусская ветвь восточного славянства, которая была автохтонной и после распада русско-восточнославянской прародины. С ней смешались «ляшские племена радимичей и вятичей», восточная группа славян, продвинувшаяся в Приднепровье с востока, и южнорусские элементы.

Переселением «ляшских» племен А. А. Шахматов объясняет появление в белорусском языке фонетических особенностей в виде так называемого «дзекания» (дз). Он отмечает также наличие «ляшских особенностей» и в древнепсковском говоре и вообще в говоре кривичей.

Развивая положение П. Шафарика о единстве русского народа в его трех ветвях: русской, украинской и белорусской, А. А. Шахматов раскрыл процесс образования трех народностей на единой этнической основе — восточнославянских племенах, в результате скрещения отдельных групп восточнославянских племен, известных по византийским источникам VI в. под именем антов. Если его теория о передвижении восточных славян из прибалтийской прародины не была принята в дореволюционной историографии, то и его соображения о том, что анты — предки всего русского народа, не отвечают современному состоянию в изучении данного вопроса. Антов следует признать лишь за южную ветвь восточного славянства. На славяно-антской основе образовался и единый русский язык с его местными говорами, которые можно рассматривать как праязыки русского, украинского и белорусского языков. Во всяком случае, если даже признать отдельные положения А. А. Шахматова недостаточно обоснованными, все же его главные исторические положения являются отправным пунктом для всех исследователей вопроса об этногенезе белорусского народа.

Разрешением проблемы образования белорусского народа занимались и белорусские буржуазные националисты, пытавшиеся вопреки научным данным показать, что белорусы — отнюдь не восточные славяне, а западные, и такой постановкой вопроса оправдать свою политическую ориентацию. Они

извлекли из архива неудачные предположения П. Шафарика, будто велеты или лютичи были первоначальными насельниками Белоруссии. Эту версию пытались подкрепить археологическими и филологическими данными, мифологией и фольклором. А. Н. Ясинский, опубликовавший известное исследование «Два слова о велетах. К проблеме первоначального населения Белоруссии» [44], нанес сокрушительный удар измышлениям буржуазных националистов. Он показал, что П. Шафарик допустил крупную ошибку, связав велетов, упоминаемых в народных верованиях, с какими-то велетами, или вильцами, или даже с подлинными лютичами. К такому правильному выводу пришел добросовестный ученый в результате критического всестороннего изучения этой проблемы.

Проблемы этногенеза белорусского народа коснулся и белорусский лингвист А. В. Богданович [45]. Он справедливо считает предками белорусского народа кривичей, дреговичей и радимичей. Эти славянские племена находились в тесной связи со своими восточными и южными соседями — с другими славянскими племенами, влияние которых отразилось на языке белорусского народа, близком и к украинскому и к великорусскому языкам. Вместе с тем А. Богданович отмечает также влияние языка польских племен на белорусский язык. Самое формирование белорусской народности А. Богданович относит к периоду образования Белорусско-Литовского государства. Выводы А. Богдановича в основном совпадают с обобщениями Е. Ф. Карского. Тогда же мои исследования показали, что белорусский народ образовался в результате скрещения нескольких племен. Подвинские и поднепровские кривичи, радимичи, дреговичи, частично древляне составили основное этнографическое ядро белорусского народа, окончательное образование которого относится к периоду существования литовско-белорусского государства. К этому же времени относится и формирование белорусского языка [46].

Однако проблема образования трех народностей — великорусской, украинской и белорусской — все еще оставалась неразрешенной, требующей пересмотра и научно-теоретического обоснования. Успехи советской исторической науки и советского языкознания облегчили этот пересмотр на основе марксистско-ленинской теории.

Акад. Н. С. Державин в своей книге «Происхождение русского народа» попытался дать новое разрешение этого сложного вопроса. Отмечая существование племенных группировок,

---

[44] «Запіскі аддзелу гуманітарных навук, Працы клясы гісторыі», т. III. Менск, 1929.

[45] А. В. Багдановіч. Беларуская мова. Менск, 1917, стр. 39—40.

[46] У. Пічэта. Гісторыя Беларуси, ч. I. М.— Л., 1924, стр. 21.

представлявших собой «славянский субстрат» современного белорусского народа, акад. Державин в основном стоит на позициях А. А. Шахматова [47].

По мнению акад. Н. С. Державина, «в основе белорусского народа лежат племенные скрещенности южнорусских древлян со среднерусскими дреговичами и среднерусских радимичей с восточнорусскими вятичами, а также западная ветвь кривичей. Но на территории Белоруссии в древнейшие дославянские времена жили племена не литовские и не славянские. На основе этих племен сложились зародыши протолитовских и протославянских племенных образований, давшие затем литовско-латышские и славянские племена; из последних вырос белорусский народ» [48]. Таким образом, новейший исследователь этногенеза белорусской народности не пошел дальше того, что было высказано Е. Карским и другими исследователями.

Вместе с тем акад. Н. С. Державин поддерживает «ляшскую» теорию А. А. Шахматова. «Западная группа кривичей,— пишет он,— была захлестнута волной племени радимичей, залившей собою всю Белоруссию, и усвоила некоторые черты его языка». Вслед за А. Шахматовым акад. Державин повторяет версию о ляшских особенностях древнепсковского языка [49].

Вопрос об этногенезе белорусского народа был поставлен молодым белорусским исследователем Ф. Константиновым. Автор, как и Е. Карский, считает предками белорусского народа славянские племена дреговичей, кривичей и радимичей, а также и соседние племена древлян и ятвягов, о которых не упоминает акад. Н. С. Державин. Ф. Константинов не дает глубокого исследования этногенеза белорусского народа, а ограничивается лишь кратким замечанием, что Белоруссия и Украина, оторванные после монголо-татарского нашествия от восточнорусских земель, входят в состав Великого княжества Литовского, в рамках которого завершается процесс формирования белорусской народности, и «с XIV—XV вв.,— полагает автор,— белорусы выступают как народ, который имеет свой язык, культуру и национальный характер» [50].

Так рассматривался вопрос об этногенезе белорусского народа в старой и новейшей историографии. Несмотря на то, что этногенезом белорусской народности занимались весьма

---

[47] Н. С. Державин. Происхождение русского народа. М., 1944, стр. 90.

[48] Н. С. Державин. Указ. соч., стр. 81.

[49] Там же, стр. 82.

[50] Ф. Канстанцінаў. Аб паходжанні беларускага народа. «Большэвік Беларусі», 1945, № 1-2, стр. 80, 66.

осведомленные исследователи, как Е. Карский, А. Шахматов и Н. Державин, тем не менее эта проблема все еще ожидает своего разрешения в свете марксистско-ленинской теории.

* * *

Советской белорусской археологии, в частности К. М. Поликарповичу, принадлежит величайшая заслуга перед археолого-исторической наукой. Он открыл палеолит на территории Белоруссии, существование которого отрицали дореволюционные археологи [51]. Две палеолитические стоянки свидетельствуют о том, что заселение Белоруссии началось так же рано, как и на других землях, занятых впоследствии восточнославянскими племенами.

В период господства металлов Белоруссия стала транзитной дорогой для южных купцов, направлявшихся к Балтийскому морю за янтарем. Так как в этот период, по справедливому мнению Е. Карского, «не было причин для передвижений целых народов, то можно предположить, что в рассматриваемой местности жили те же обитатели, которые населяли ее в неолитическую эпоху, значительно продвинувшиеся в своей культуре» [52].

Первыми письменными свидетельствами о населении территории будущей Белоруссии являются данные Геродота, греческого историка V в. до н. э. Геродот упоминает о многочисленном народе будинов, у которых был деревянный г. Гелонос, центр поселения выходцев из греческих колоний. Геродот отмечает, что жители Гелоноса говорили на языке скифском и эллинском; будины же говорили на ином языке и вели иной образ жизни. Геродот считает будинов автохтонами, народом-кочевником. Местность, которую занимали будины, изобиловала разнородными лесами. В обширнейшем из лесов находится озеро, окруженное болотами и тростником. В озере водятся выдры, бобры и другие животные. Можно считать, что будины занимали местности по Верхнему Днепру, Припяти и далее на восток, к верховьям Дона (Нидерле). К западу от будинов исследователи помещают геродотовых невров. Они заняли окрестности Западного Буга до р. Нурки и Нарева, а также по Верхнему Неману и отчасти по Припяти [53]. Уже польский историк Иоахим Бельский видел в неврах славян. Эта точка зрения разделялась и Н. М. Карамзиным, П. Шафариком, Л. Нидерле, Е. Ф. Карским и рядом

---

[51] «Працы сэкцыі археолёгіі», т. III. Менск, 1932, стр. 153—162, 218—220.

[52] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, стр. 35.

[53] Там же, стр. 36—37.

других исследователей. П. Шафарик, Л. Нидерле, Е. Карский находят возможным и будинов отнести к славянам вопреки мнению Томашека, который считал их финнами [54]. Было бы ошибочным поставить знак равенства между будинами и славянами. А. Д. Удальцов рассматривает вопрос о будинах в иной плоскости. На основании исследований городецкой археологической культуры он предполагает, что будины жили на Средней Волге и по Оке. Поэтому А. Д. Удальцов вслед за Томашеком и Марром считает будинов предками мордвы (в основном). В связи с этим предположение Е. Карского о том, что будины были славянами, следует признать ошибочным. Ошибочным является и мнение акад. Н. С. Державина, который в будинах видит «протославян позднейших восточных, т. е. русских, славян» [55].

Таким образом, южная и юго-западная части территории, которая впоследствии стала известна под именем «Белоруссия», уже в VI в. были заняты славянскими племенами. Кем же были заселены северная и северо-западная части Белоруссии? Профессор Новороссийского университета А. Кочубинский посвятил этому вопросу специальное исследование — «Территория доисторической Литвы» [56]. Е. Карский, рассматривая названия рек и местностей, рекомендует относиться к географической номенклатуре «с величайшей осторожностью», настойчиво советует «исходить из фактов, а не подгонять факты к предвзятой теории» [57]. Он отмечает, что «при анализе географических названий надо отдавать предпочтение названиям рек, так как возникновение названий населенных мест относится к более позднему времени, чем названия рек, и кроме того названия населенных мест не так устойчивы, как названия рек» [58]. Соблюдая крайнюю осторожность в лингвистическом разборе данных топонимики, Е. Карский приходит к выводу, что «теперешнее русское население восточной половины Двины когда-то жило в некоторых местах вперемежку с разными инородцами, передавшими свои имена рекам; в большинстве случаев это были латыши и литовцы. Кое-где по правым притокам Двины жили и некоторые финские племена» [59].

А. Кочубинский, определяя территорию доисторической Литвы, несколько упрощенно обращается с данными топонимики; Е. Карский вносит в его «панлитовскую теорию»

---

[54] Там же, стр. 37—38.
[55] Н. С. Державин. Указ. соч., стр. 19.
[56] ЖМНП, 1897, № 1.
[57] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, стр. 43.
[58] Там же, стр. 48.
[59] Там же, стр. 47.

значительные коррективы. Вопреки утверждению А. Кочубинского, что Неман являтся «архилитовской рекой», Е. Карский полагает, что Неман более, чем Западная Двина, может считаться нерусской рекой [60]. Не отрицая, что «Неман — больше литовская, чем русская река» он отмечает, что река эта берет начало в центре Белоруссии. Е. Карский считает наименование реки белорусским, а не литовским [61]. Что же касается притоков Немана, то, по мнению Е. Карского, «лишь немногие из них носят славянские названия» [62]. Если название р. «Березина» славянского происхождения, то «почти все ее притоки носят литовские имена» [63]. Что касается притоков в верхнем течении Днепра, то, по мнению Е. Карского, «многие названия их финского происхождения» [64].

Переходя к лингвистическому анализу названий притоков Сожа, Е. Карский отмечает наличие литовских и славянских названий [65]. Равным образом и многие названия притоков р. Десны славянского происхождения [66]. Лингвистический анализ названий рек позволил Е. Карскому прийти к очень ценному выводу. Вопреки А. Кочубинскому, он считает, что «о сплошных поселениях литовцев и латышей от устьев Немана и Двины до верховьев Оки уже потому не может быть речи, что литовцев было мало» [67].

Таким образом, в северной и северо-западной части Белоруссии находились литовские и славянские элементы. Акад. Н. С. Державин также отмечает, «что в древнейшие, дославянские времена территория Белоруссии была населена племенами нелитовскими и неславянскими. На основе этих племен сложились зародышевые протолитовские и протославянские племенные образования, давшие затем литовско-латышские и славянские племена; из последних вырос белорусский народ» [68].

Современные археологические данные подтверждают наблюдения Е. Ф. Карского и Н. С. Державина. Они говорят о древнем поселении здесь славян вперемежку с литовцами и отчасти финнами. По мнению Е. Ф. Карского, литовские поселения на юге простирались до левых притоков Припяти, реки славянской.

---

[60] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, стр. 42.
[61] Там же, стр. 49.
[62] Там же, стр. 50.
[63] Там же, стр. 56.
[64] Там же, стр. 57.
[65] Там же, стр. 59.
[66] Там же, стр. 59—60.
[67] Там же, стр. 61.
[68] Н. С. Державин. Указ. соч., стр. 118.

Это частично славянская, но в основном литовская и отчасти финская территория постепенно занималась славянскими элементами, просачивавшимися на север, северо-запад и северо-восток. Распространение славянских элементов на территории Белоруссии отмечено нашим летописцем. В его время вся территория Белоруссии была уже славянской или с преобладающей массой славянского населения, среди которого растворились неславянские этнические элементы. Акад. Ю. Готье полагает, что в результате проникновения славянских элементов на северные территории Белоруссии литовцы были оттеснены на северо-запад [69].

Начальная летопись упоминает о трех славянских племенах на территории Белоруссии: дреговичах между Припятью и Двиной, кривичах-полочанах по среднему течению Западной Двины, кривичах по верховьям Западной Двины, Волги и Днепра и о радимичах по р. Сожу, за Днепром к востоку от дреговичей. По словам летописца, радимичи и соседние с ними вятичи, живущие по Оке, были выходцами из Польши. «Радимичи бо и вятичи от ляхов. Бяста до дьва брата в Лясех, Радим, а другый — Вятко и пришедша седоста Радим на Сожю, и прозвашася Радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася Вятичи» [70].

Ряд дореволюционных исследователей не придавал никакого значения этому летописному сообщению. Д. И. Багалей считает его «домыслом» летописца [71], М. С. Грушевский также не придает значения «летописной генеалогии, выводившей радимичей «от рода ляхов», возможно, что тут также заключался какой-нибудь «укор» или простое недоразумение» [72],— говорит он.

Между тем А. Шахматов на основе летописного сообщения создал целую теорию о ляшском происхождении радимичей и вятичей. Свои утверждения А. Шахматов обосновывает одними филологическими соображениями, совершенно недостаточными для разрешения поставленной им сложной проблемы [73]. В частности, А. Шахматов объясняет особенности белорусского языка влиянием польских говоров. Он отмечает наличие некоторых «ляшских особенностей» и в древнепсковском говоре и вообще в говоре кривичей.

---

[69] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.— Л., 1930, стр. 217.

[70] Повесть временных лет. М., 1950, стр. 14.

[71] Д. И. Багалей. История Северской земли до половины XIV века, стр. 10.

[72] М. С. Грушевский. Киевская Русь. СПб., 1911, стр. 223.

[73] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. СПб., 1919, стр. 37—39.

Смелая, но ошибочная гипотеза А. Шахматова была встречена отрицательно большинством исследователей. Акад. Ю. В. Готье в своей критике гипотезы А. Шахматова отметил, что «памятники археологические не дают основания допустить такое необыкновенное перемещение племен»[74]. Б. А. Рыбаков в специальной монографии рассмотрел вопрос о радимичах, с исчерпывающей полнотой осветил быт и культуру этого племени и показал, что археологический вещественный материал курганов радимичей является восточнославянским[75].

Акад. Н. С. Державин стоит на позициях А. Шахматова. «Западная группа кривичей была захлестнута волной племени радимичей, залившей собою всю Белоруссию, и усвоила некоторые черты его языка». Вслед за А. Шахматовым акад. Н. С. Державин повторяет версию о ляшских особенностях древнепсковского языка[76].

Несколько иначе понимает летописное известие Е. Карский. По его предположению, радимичи жили «к западу от дреговичей, в непосредственном соседстве с ляшскими племенами». «Не думаю,— пишет Е. Карский,— чтобы они действительно были ляшского происхождения: язык их чисто русский, быт и поэзия — тоже, одно дзеканье связывает их с ляхами, да и то только радимичей, но дзеканье свойственно и другим белорусам дреговичского и кривичского происхождения»[77]. Выражение летописца «радимичи и вятичи от ляхов», полагает Е. Карский, следует понимать в географическом смысле, как «жившие по соседству с ляхами»[78]. Е. Карский ограничивается только указанием на переселение радимичей «далеко на восток». Во всяком случае, после работ Ю. В. Готье и Б. А. Рыбакова нельзя принимать всерьез теорию А. Шахматова. Радимичи были исконно восточнославянским племенем, а не одним из «ляшских» племен, как утверждает Шахматов, оторвавшимся от прочих ляшских племен в связи с движением аваров на восток.

Е. Карский верно отметил, что «дреговичи, полоцкие кривичи» легли в основу белорусской народности, и это мнение первого исследователя, занявшегося ее этногенезом, является общепризнанным в этногенетической литературе.

На территории Белоруссии, занятой предками белорусской народности, можно проследить глубокие изменения в их обще-

---

[74] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.— Л., 1930, стр. 213—219.

[75] Б. Рыбакоў. Радзімічы. «Працы сэкцыі археолёгіі», т. III. Менск, 1932, стр. 81—152.

[76] Н. С. Державин. Указ. соч., стр. 90—91.

[77] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, стр. 71—72.

[78] Там же, стр. 72.

ственно-политическом быту. Археологические данные свидетельствуют о перерастании первобытнообщинного родоплеменного строя в объединения территориального характера. «Повесть временных лет» отметила уже свершившийся распад племенного строя и зарождение территориальных объединений, «по своей сущности политических», как справедливо отметил акад. Б. Д. Греков [79]. Она упоминала о наличии отдельных княжеств у дреговичей и полоцких кривичей. Только радимичи не имели своего отдельного княжества, но и у них, как показывает Б. А. Рыбаков, согласно археологическим данным, происходил тот же процесс распада родового строя и формирование территориальных объединений [80].

Возникновение территориальных объединений — княжеств было ударом по родоплеменному строю. Родовые кровные связи стали заменяться связями по соседству. В. О. Ключевский, создавая теорию городовых областей, объединившихся впоследствии под властью киевских князей, также отметил, что в состав их населения вошли разные славянские племена и что это было ударом по племенной организации. Теория городовых областей В. О. Ключевского не нашла поддержки в советской историографии, но мысль его о распаде племенных объединений и замене их новыми территориальными объединениями была безусловно правильной. Ее можно проверить на основе изучения состава и изменений территории отдельных княжеств, созданных предками белорусского народа. Распад одних племен и политическое объединение частей других племен содействовали скрещению отдельных протобелорусских элементов и образованию нового этнического типа со включением в него и неславянских элементов — литовско-латышских и отчасти финских, на территории которых распространялась власть князей. Политические условия часто приводили к переходу земель из сферы влияния одного княжества под власть другого, что, естественно, производило еще большие изменения в племенном составе, стирая различия между отдельными племенами.

Возникновение городов — наглядный показатель распространения и изменения племенной сферы влияния. Известия летописи о тех или других городах появляются сравнительно поздно, и поэтому дату летописного известия о том или другом городе нельзя считать годом основания города.

Южной границей дреговичских поселений был левый берег р. Припяти. Но дреговичам принадлежали и некоторые города на ее правом берегу. В земле собственно древлян им

---

[79] Б. Д. Греков. Киевская Русь. Изд. 4. М.— Л., 1944.
[80] Б. Рыбакоў. Радзімічы, стр. 19.

принадлежали города Мозырь, Туров, Пинск и в земле волынян — Берестье при впадении р. Муховца в Западный Буг. На северо-западе и западе дреговичи сталкивались с литовскими племенами — ятвягами.

Дреговичское проникновение на северо-запад и запад было связано с походами русских князей против ятвягов, которые вынуждены были отступить на север Беловежской Пущи, в бассейн Нарева и Бобра [81]. Юго-западная граница дреговичей не доходила дальше г. Дрогичина на р. Западный Буг, откуда она направлялась к верхнему течению Немана, к г. Гродно, захватывая все верховье Вилии [82]. Северная граница дреговичских поселений проходила недалеко к юго-западу от Полоцка. Однако часть территории дреговичских поселений — земли по Березине — была оторвана от своего племенного ядра и входила в область Полоцкого княжества. Поэтому Е. Барсов считал, что дреговичская территория ограничивалась территорией Припяти с главными городами Туровом и Пинском. В. Завитневич, наоборот, исходя из общности похоронного обряда, считает земли по р. Березине дреговичскими. К этому мнению присоединяется и М. С. Грушевский [83]. Наконец, дреговичское проникновение в земли ятвягов встретилось с потоком волынской колонизации.

Таким образом, на территории Турово-Пинской земли встретились дреговичи — основная масса населения, частично древляне и волыняне и, наконец, литовские ятвяги.

Таким же разнообразным в племенном отношении было и Полоцкое княжество. Оно охватывало территорию полоцких кривичей (полочан) по среднему течению Западной Двины, кривичские поселения по верховьям Западной Двины (Витебск, Усвят), часть поселений днепровских кривичей (Друтеск, Борисов, Логожск, Изяславль) и земли дреговичей по р. Березине.

Влияние полоцких князей распространялось на землю латышей по нижнему течению Западной Двины, а на юго-западной границе полоцкие кривичи встречались с литовцами.

«Повесть временных лет» отмечает, что радимичи жили на левой стороне Днепра, в бассейне р. Сожа. По мнению М. Грушевского, радимичи — «племя, по-видимому, небольшое или слабое, не игравшее сколь-нибудь заметной политической или культурной роли» [84]. Радимичи не имели своего

---

[81] М. К. Любаўскі. Літва і славяне у іх узаемаадносінах ў XI—XII сталецьці. «Запіскі аддзелу гуманітарных навук Беларускай Акадэміі навук. Працы клясы гісторыі». т. III, кн. 8, Менск, 1929, стр. 6.

[82] М. В. Довнар-Запольский. Очерки истории кривичской и дреговичской земель до конца XII ст. Киев, 1891, стр. 2.

[83] М. С. Грушевский. Указ. соч., стр. 222.

[84] Там же, стр. 225.

отдельного княжества. Они были разделены между двумя другими княжествами. Верховье Сожа принадлежало кривичскому Смоленску, тогда как среднее и нижнее течение Сожа с городом Гомьи (Гомель) на нижнем Соже тяготело в начале XII в. к Черниговскому княжеству[85]. На своей территории радимичи встречались с северянами, а к востоку — с вятичами. Наконец, верхнеднепровские кривичи, отделившиеся от полоцких, с течением времени образовали отдельное княжество со включением в его состав территории верхнесожских радимичей.

Таким образом, предками белорусского народа были следующие древнерусские племена: дреговичи, радимичи и кривичи. Эти основные «предки белорусов» встретились на юге с южнорусскими древлянами, на западе — с южнорусскими волынянами, а на востоке — с русскими — вятичами. Кроме того, на западе и северо-западе они сталкивались с неславянскими племенами: ятвягами, верхней Литовской и латышами, а на севере и северо-востоке — с финнами.

На основе племенных скрещений из племенных славянских элементов образовалось пять этнических добелорусских центров.

Южный — в бассейне Припяти в основе с дреговичскими элементами южнорусских древлян и волынян и неславянских элементов — литовско-ятвяжских. Было бы неправильным предполагать, что весь ятвяжский народ отошел на север Беловежской Пущи под давлением русских с востока. Поэтому методологически было бы ошибочно не учитывать литовско-ятвяжские племенные элементы при формировании белорусского народа.

Другое этническое ядро охватывало бассейн среднего, верхнего и отчасти нижнего течения Западной Двины, бассейн среднего течения р. Березины, пересекая бассейн р. Друти, притока Днепра. На востоке оно включало верхнеднепровские кривичские племенные элементы, с запада граница поселений проходила от верховьев Немана с пересечением его притока Вилии, а затем на север, приближаясь к устью р. Западная Двина. В состав этого ядра входили западнодвинские кривичи, полочане и кривичи со включением северодреговичской территории и отчасти литовско-латышских и финских племенных элементов.

Третье ядро охватывало верхнее Поднепровье с племенным кривичским элементом в основе, частично в его состав входили верхнесожские радимичи.

---

[85] Б. Рыбакоў. Радзімічы, стр. 120.

Четвертое этническое ядро, известное под именем Черная Русь, охватывало территорию бассейна верхнего Немана. На этой территории встретились полоцкие кривичи, припятские дреговичи и литовские племена.

Наконец, пятое этническое ядро, так называемая Берестейская земля, с городами Берестье, Бельск, Мельник, Дрогочин, Кобрин и Каменец, представляло собой область, где колонизация дреговичей встретилась с волынской колонизацией.

Поэтому было бы ошибочным считать, что только «племенные скрещения южнорусских древлян со среднерусскими дреговичами, среднерусских радимичей с восточнорусскими вятичами и часть кривичей представляют собой славянский субстрат современного белорусского народа и белорусского языка во всем разнообразии его наречий и говоров» [86].

Первоначальные территориально-политические образования северо-западных русских славян объединились в X в. под властью киевских князей и таким образом составили одну из частей территории Киевского государства, охватывавшего все восточнославянские земли. Однако эта политическая связь Северо-Западной Руси с Киевским государством была подорвана выделением Полоцкого княжества в X в. из-под власти киевских князей. В период феодальной раздробленности выделились Турово-Пинское и Смоленское княжества, в которых в свою очередь также установилась феодальная раздробленность. Таким образом, развитие феодальных отношений и феодальная раздробленность поддерживали политическую раздробленность, а вместе с тем приводили к этнической обособленности одних земель от других. В условиях господства натурального хозяйства и слабого развития обмена обособленность земель друг от друга должна была сохраняться, что, разумеется, не могло не задерживать этническую консолидацию на всем протяжении Северо-Западной Руси. В период феодальной раздробленности происходит скрещение местных славянских и неславянских этнических элементов, что придавало каждому этнически смешанному району известное единство. Благодаря этому на основе общерусского языка стали формироваться отдельные местные говоры, наличие которых было отмечено А. И. Соболевским [87], А. А. Шахматовым [88], Е. Ф. Карским [89]. Последний под влиянием лингвистических исследова-

---

[86] Н. С. Державин. Указ. соч., стр. 90.

[87] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. СПб., 1911.

[88] А. А. Шахматов. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. СПб., 1899.

[89] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, стр. 93.

ний своих предшественников отмечает, что по языку полоцкие и смоленские кривичи несомненно отличались от дреговичей и радимичей. Вероятно, были отличны по языку полоцкие кривичи и дреговичи Черной Руси, и, конечно, было отлично по говору население Берестейской земли, где южнорусские волынские говоры перемешивались с говорами дреговичей. Нельзя, разумеется, не учитывать и влияния, правда второстепенного, неславянских говоров. Таким образом, в период феодальной раздробленности область, сложная по своему этническому составу, естественно, имела свои говоры с различными фонетическими или морфологическими оттенками, достаточно наглядно описанными Е. Ф. Карским [90].

Наличие местных говоров свидетельствует и об известном этническом обособлении, хотя последнее не могло быть значительным в этот период. Тем не менее в этом начавшемся этническом обособлении можно усматривать начальный процесс в образовании белорусской народности. Впрочем, политические условия северо-западных русских княжеств отнюдь не благоприятствовали развитию процесса этнического обособления. Так, Полоцкое княжество, достигшее наибольшего политического значения при Всеславе, постепенно разделяется на множество мелких самостоятельных феодальных владений, которые часто враждуют между собой.

Несмотря на феодальную раздробленность и начавшуюся этническую обособленность, сохранялось культурное единство всей русской земли. Феодальная культура в Северо-Западной Руси была такой же, как и в Северо-Восточной и Южной Руси. Евфросиния Полоцкая, внучка полоцкого князя Всеслава, приняв монашество, посвятила себя переписке книг. Известный церковный деятель Климент Смолятин (умер в 1147 г.), автор дошедшего до нас «Послания», стоит на почве византийско-киевской образованности. На той же культурной почве стоял и Кирилл Туровский (умер в 1182 г.), автор семи поучений и 27 молитв. Известное «Слово о полку Игореве», поэтическое произведение,— памятник общерусского происхождения.

Возникнув на стыке северо-западной и юго-восточной ветви восточного славянства, «Слово о полку Игореве» содержит слова, впоследствии бытовавшие в белорусском языке. Язык «Слова» — наглядный показатель той общерусской языковой основы, на которой образовались языки трех ветвей единого русского народа: великорусского, белорусского и украинского. Вот несколько наугад взятых слов из «Слова» и их бытование в современном белорусском языке: «лепо» — лепей,

---

[90] Там же, стр. 92, 109.

«почать» — пачаць, «братие» — браты, «повесть» — повесьць, «хотяше» — хацеу, «земля» — зямля, «почнем» — пачнём, «въсядем» — узьсядзем, «хошчю» — хачу, «приломити» — паламаць, «буря» — бура, «ржют» — іржуць, «испити» — напіцца, «галици» — ґаліцы, «трубять трубы» — трубяць трубы, «стязи» — сьцяги, «один» — адзін, «у чистому полю» — на чыстым полі, «дълго» — доўга, «запала» — западае, «покрыла» — пакрывае, «невеселая година» — невясёлая гадзіна, «девкы» — дзевак и т. д.

Русская Правда — памятник феодального права XI—XII вв.— с ее нормами уголовного права была источником для договора смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г. Договор 1229 г.— наглядный показатель общности юридических норм в области уголовного права с нормами Русской Правды, не говоря уже об единстве официального языка и юридической терминологии. Оба памятника знают вознаграждение за совершенное уголовное деяние. Таким образом, в период феодальной раздробленности сохранялось культурное единство Русской земли. Сохранился и единый литературный язык, столь ярко отраженный в Русской Правде.

В условиях расширения экономических связей и укрепления политического единства должен был завершиться процесс скрещения отдельных славянских и неславянских элементов в этническое единство, а вместе с тем на базе местных говоров — образоваться единый язык с его морфологическими и фонетическими особенностями.

* * *

Этническое и культурное единство Руси сохранилось вплоть до татаро-монгольского завоевания, когда произошел, по меткому выражению В. О. Ключевского, разрыв народности, и исторические судьбы Северо-Западной Руси сложились иначе, чем Северо-Восточной.

В период феодальной раздробленности политическая конфигурация Северо-Западной Руси (Белоруссии) представляется в следующем виде. В бассейне среднего и верхнего течения Западной Двины определились Полоцкая и Витебская земли как отдельные княжества. Территория Полоцкого княжества по сравнению с XII в. несколько сократилась, так как в результате агрессии Ордена меченосцев в начале XIII в. из сферы влияния Полоцкого княжества вышло нижнее течение Западной Двины. Оба княжества находились под угрозой немецкой агрессии, борьба против которой заставляла эти княжества стремиться к сближению. Экономическое развитие

обоих княжеств в значительной степени зависело от развития внешней торговли по Западной Двине, но вследствие захвата устья Западной Двины торговля эта должна была прекратиться. В бассейне верхнего Днепра политически окрепло Смоленское княжество, экономически оно также было связано с западнодвинским бассейном. В борьбе против немецкой агрессии установился протекторат смоленского князя над двумя подвинскими княжествами, благодаря которому была остановлена попытка немецких агрессоров установить свое влияние в среднем течении Западной Двины.

Из Полоцкого княжества выделилась группа феодальных владений в бассейне среднего Днепра и его притоков — Сожа и Березины. Среди них наиболее крупным было Минское княжество. Отдельный экономический и политический комплекс представляло собой Турово-Пинское Полесье в бассейне р. Припяти, также разбившееся на несколько отдельных княжеств. В конце XII и начале XIII в. Турово-Пинское Полесье политически тяготело к Турову и в половине XIII в. находилось в черте влияния галицко-волынских князей. Берестейская земля, сохранившая территориальное единство, в половине XIII в. также находилась в сфере влияния волынских князей. Наконец, отдельный политико-экономический комплекс представляла собой Черная Русь с городами Слонимом, Новгородком, Волковысском, Здитовым и Городно. Весь этот комплекс земель в течение XIII—XIV вв. вынужден был признать власть литовского князя.

В. Б. Антонович высказал предположение, будто все северо-западные и юго-западные русские земли были завоеваны литовскими князьями. М. К. Любавский, наоборот, считал, что часть князей-феодалов добровольно признала суверенитет литовского князя [91].

Не касаясь этих разногласий по существу, необходимо отметить, что немецкая агрессия на Литву и Подвинье и угроза со стороны монголо-татар толкали Литву на союз с русскими областями. Агрессия с запада и угроза с востока в свою очередь заставляли феодальные русские княжества искать опоры в молодом литовском государстве.

Распространение власти литовских князей на всю территорию Западной Руси — факт большого политического значения. Политическое единство, конечно, должно было содействовать взаимному общению и скрещению ранних славянорусских этнических элементов, на базе которого и образовался славяно-русский народ. Было бы ошибочным объяснять

---

[91] М. К. Любавский. Областное деление и местное управление..., стр. 12, 23 28, 31.

образование белорусского народа только политическим объединением Западной Руси в пределах литовского государства. Этой точки зрения придерживались Е. Ф. Карский и его последователи. Ведь литовское государство не было централизованным государством. Земли Полоцкая, Витебская и Смоленская пользовались достаточно широко внутренней автономией, тогда как Полесье, среднее Поднепровье, Минщина были более тесно связаны с основными литовскими землями. Федеративный характер литовского государства в основном сохранял его феодальную раздробленность и не мог не задерживать формирование нового этнического элемента — белорусского народа. Тем не менее процесс этнической консолидации продолжался. Немецкая агрессия, с одной стороны, и развитие экономических связей между отдельными областями — с другой, были важнейшими факторами, ускорившими образование белорусской народности.

Тевтонский орден потерпел неудачу в своей агрессии как против собственно Литвы, так и против Подвинья с его центром — Полоцком.

15 июля 1410 г. Тевтонский орден был разбит объединенными силами славянских народов. В этой битве, как известно, принимала участие вся Литовская Русь, стойкость и мужество трех смоленских полков были решающим фактором, определившим исход битвы. Но и после заключения мира в Торуни в 1411 г. борьба между Литвой и Орденом продолжалась. Только в 1422 г., после заключения мира в Мельно, борьба прекратилась, поскольку Витовту, великому князю литовскому, удалось добиться от Ордена окончательного присоединения Жмуди к Литве [92]. Тем не менее Орден продолжал оказывать экономическое давление на Подвинье; Полоцку и Витебску вместе со Смоленском приходилось отражать экономический натиск немцев. Эта борьба с немцами содействовала объединению земель и развитию национального самосознания белорусского народа.

Феодальное хозяйство, оставаясь в своей основе натуральным, постепенно втягивается в товарные отношения. Развиваются отдельные городские центры, экономически связанные с прилегающими районами. Великое княжество Литовское установило торговые отношения с Западной Европой, Крымом и Русским государством, но для его экономического развития основное значение имел западный рынок, который потреблял главным образом сельскохозяйственное сырье. Территория Руси разбивается на отдельные экономические районы, тяго-

---

[92] А. Барбашев. Витовт. Последние двадцать лет княжения. СПб., 1891, стр. 203—237.

теющие к тому или другому городскому центру. На территории Белоруссии крепли экономические связи, создавались предпосылки для образования широкого внутреннего рынка. Подвинье и верхнее Поднепровье с Полоцком, Витебском и Смоленском представляли собой один экономический район. Бассейн рек Припяти и Западного Буга тяготел к Берестью. Минск вел оживленную торговлю с Вильной. Минские купцы приезжали на ярмарки Полоцка, Вильны, Берестья. С Минском экономически были связаны Смоленск и все верхнее Приднепровье. Гродно было связано со всем понеманским бассейном, а также и с Берестьем. Экономические связи уничтожали обособленность земель и содействовали их взаимному сближению.

Известным показателем роста экономических связей на территории Белоруссии является развитие городов и превращение их в отдельные административно-хозяйственные единицы с предоставлением им автономии в рамках так называемого магдебургского права.

Если в конце XIV в. магдебургскими стали города, расположенные в западной части Великого княжества Литовского — Вильна, Берестье, Гродно, Дорогочин, то в конце XV в. получают автономию города, расположенные дальше к востоку: Минск, Полоцк, ставшие таким образом, автономными городскими общинами. Экономически развиваясь, города освобождались от великокняжеского присуда и становились «магдебургиями». Так, в начале XVI в. стал магдебургскими Мельник и Новгородок.

В конце XV и начале XVI в. изменилось экономическое лицо Великого княжества Литовского. Крупные феодалы и сам великий князь как крупнейший землевладелец становятся поставщиками сельскохозяйственного сырья на рынок. Землевладельцы стремятся к подъему своего сельскохозяйственного производства и увеличению доходности имения, что расширяло и углубляло феодально-крепостнические отношения. Так, начавшееся экономическое оживление, рост экономических связей между отдаленными областями, разрушали обособленность отдельных районов и содействовали развитию представления об этническом единстве «русского народа», составлявшего большую часть населения Великого княжества Литовского.

Территория, занятая «русским народом», официально именовалась Русью. За пределами Великого княжества Литовского территория Руси известна была под именем Белой Руси. Этот термин входит в употребление с половины XIV в.[93] Он

---

[93] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, стр. 114—118.

был знаком польским писателям, им пользовался Тевтонский орден в официальной переписке. При Иване Васильевиче III термин «Белая Русь» уже стал обычным в дипломатической переписке.

Много догадок было высказано относительно происхождения этого термина, но этот вопрос все еще остается невыясненным. Может быть, справедливо предположение Е. Ф. Карского, что эпитет «Белая Русь» объясняется внешним видом белорусов: в большинстве случаев они одевались в белые свитки. Вероятно и другое предположение, что термин «Белая Русь» означает «вольная Русь», свободная от монголо-татарской власти. А. Н. Ясинский в одном из своих неопубликованных докладов отметил, что этот термин возник сначала в одном из западных уголков Великоруссии, в районе г. Бельска, где встречается много топонимических наименований с суффиксом «бел». Впоследствии этот локальный термин стал общераспространенным и применялся для обозначения Западной Руси.

Однако и эта догадка — только одна из очень остроумных гипотез. Каково бы ни было его происхождение, употребление термина «Белая Русь» свидетельствует о единстве белорусской народности. Когда «русские» (белорусские) земли оказались в составе литовского государства, они своей высокой феодальной культурой оказали сильное влияние на Литву. В Литве получило распространение феодальное право, представленное кодексом, известным под именем Русская Правда. Русский язык стал языком официальным. Он остался им и позднее, когда литовская феодальная верхушка после заключения унии Литвы с Польшей в 1386 г. оказалась в сфере влияния католической церкви и польской феодальной культуры. Уния Литвы с Польшей, уничтожившая самостоятельность Великого княжества Литовского, была отрицательно встречена русской и литовской феодальной верхушкой. Совместными усилиями они добились восстановления Великого княжества как отдельной государственно-правовой единицы по Городельской унии 1413 г. Хотя юридически оно осталось в вассальных отношениях к польскому королю Владиславу Ягелло.

Это был большой политический успех литовских и русских феодалов. Однако в привилее 1413 г., выданном Ягелло литовской знати, была вставлена статья, неприемлемая для феодалов Руси: она лишила православных права заседать в великокняжеской раде (совете) и занимать должности по центральному управлению. Таким образом, русские феодалы оказались ограниченными в своих политических правах. Не примирившись с этим они приняли участие в борьбе Свидри-

гайлы против Сигизмунда Кейстутовича, ставленника Ягеллы и литовской знати [94].

Борьба эта не увенчалась успехом, но Ягелло и Сигизмунд были вынуждены и на русских феодалов распространить гражданские права, которые были предоставлены литовской феодальной знати (привилеи 1432 и 1434 гг.). В начале правления Казимира (1440) против литовского владычества восстало население Полоцкой, Витебской и Смоленской земель, и новый великий князь вынужден был выдать привилеи, которыми подтверждалась феодальная автономия этих земель [95]. Правительство Казимира, католическое в своей основе, пыталось ввести церковную унию, но этот акт давления на русскую народность был встречен враждебно, и попытка ввести унию провалилась. Стремление русских феодалов освободиться от власти Литвы и воссоединиться с Северо-Восточной Русью вызвало заговор князей в 1481 г., раскрытый литовским правительством. Два князя, возглавлявшие заговор, были казнены, а третий нашел убежище в Москве [96]. Ввиду напряженных отношений между Великим княжеством Литовским и Русским государством Сигизмунд I (1506—1547) вынужден был в 1509 г. выдать православной церкви привилеи, подтверждающие ее старинные права и преимущества. Вся эта длительная борьба была известным показателем роста самосознания белорусского народа, единого в религиозном и культурном отношениях. Это была борьба за сохранение своей белорусской народности.

Великое княжество Литовское было многонациональным феодальным государством (литовцы, евреи, татары), в котором Русь территориально и численно занимала преобладающее место. Ее этническое и культурно-бытовое отличие от Литвы поддерживалось федеративным укладом литовского государства. Белорусские земли составляли основу экономической мощности Великого княжества Литовского, что только усиливало значение Руси в его составе. Северо-западные русские земли вошли в состав Великого княжества Литовского с развитыми уже феодальными отношениями, тогда как в Литве только начинался процесс их становления. Политические отношения литовских феодалов с русскими землевладельцами крайне обострились. Литовские феодалы пытались ограничить политические права русских землевладельцев в силу их религиозной принадлежности. Литовская знать наступала

---

[94] М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно, стр. 60—66. М., 1910.

[95] Там же, стр. 68—70.

[96] Там же, стр. 189.

на русскую (белорусскую) народность вообще, а на данном этапе общественно-политического развития русские феодалы выступали как представители интересов русской (белорусской) народности. Однако юридическое уравнение в гражданско-правовом отношении литовских и русских феодалов явилось началом сближения их между собою на основе общности классовых интересов. Поэтому на крестьянские и городские массы ложилась вся тяжесть борьбы за сохранение своей народности против шляхетско-католической агрессии.

Формирование белорусского языка с его фонетическими и морфологическими особенностями происходило параллельно процессу образования белорусского народа.

Е. Ф. Карский — всеми признанный авторитет в области белорусского языка — всесторонне рассмотрел его фонетические и морфологические особенности, поскольку они нашли отражение в тех или других литературных памятниках. Однако формальный метод, применяемый Е. Ф. Карским, позволяет составить только некоторое представление об истории белорусского языка. Е. Карский полагает, что все особенности белорусских говоров сложились в XIII в., что, разумеется, правильно; однако этим еще не разрешается вопрос о формировании языка, который мог образоваться только в результате закончившегося формирования этнического единства.

Е. Карский отрицательно относится к гипотезе А. Шахматова о влиянии ляшских говоров на фонетические особенности белорусского языка. Отрицая гипотезу А. Шахматова и Е. Карский пришел к выводу, что возникновение особенностей белорусского языка — это процесс внутренний, самостоятельный. В основе белорусского языка лежало среднерусское наречие дреговичей, полочан и радимичей, но в состав белорусского языка вошли восточнорусские (великорусские) и южнорусские (украинские) элементы — восточнорусское «еканье» и южнорусская «мягкость». Южнорусские элементы весьма значительны в юго-западной части Белоруссии, что дало основание Е. Ф. Карскому, а за ним украинским буржуазным националистам считать весь этот район украинским, а не белорусским. Эта ошибка допущена Е. Карским на его этнографической карте Белоруссии. Действительно, в юго-западной части Белоруссии дреговичская колонизация встретилась с волынской, что привело к созданию особого южнобелорусского говора (отнюдь не украинского), подобному тому, как восточнобелорусские говоры сближаются с западнорусскими. Изучение Писцовой книги Гродненской экономии второй половины XVI в. показывает несостоятельность концепции Е. Карского и его сторонников из националистического украинского лагеря. В Писцовой книге даны имена домохозяев — украинцев

и белорусов,— привязанных к одному земельному участку. В Писцовой книге не отмечено деревень со сплошным украинским населением. Оно перемешано с белорусским. Помимо того, весь этот район находился всегда в сфере влияния белорусской, а не украинской экономики. Он был связан прочными экономическими нитями со всеми районами Белоруссии и почти не был связан с Волынью. Изучая словарь белорусского языка, Е. Карский отмечает много заимствований отдельных слов из языка соседних нерусских народов.

На основе формировавшегося белорусского языка стал создаваться литературный язык того времени. Это был язык официальных документов, выходивших из канцелярии великого князя литовского, создателями которого были ее писцы и в основе которого лежат древнерусские и белорусские языковые элементы с преобладанием первых над вторыми и с проникновением в дальнейшем в него польских элементов. Формировавшийся язык письменности был вместе с тем и языком господствующего феодального класса.

Тем не менее сохранившиеся памятники литературного языка, генетически идущего с XIII в.,— различные официальные документы, грамоты, литературные и юридические памятники XV—XVI вв.— представляют превосходный фактический материал для изучения истории белорусского языка и его звуковых особенностей. Уже во второй половине XV в. речевой словарь достаточно богат для выражения весьма сложных юридических понятий (Судебник Казимира Ягеллончика 29 февраля 1468 г.). К Литовской метрике — архиву великокняжеской канцелярии — замечательному памятнику официального белорусского языка, еще не прикасались исследователи-лингвисты. Метрика очень интересна для изучения еще не вполне установившихся фонетики и морфологии ее языка. Так, в документах конца XV в. еще нет «дзекания» там, где оно должно быть и где оно встречается в документах более позднего времени. Известная фамилия Радзивиллов в Метрике не имеет звука «з». Равным образом фамилия Судзилловских в Метрике тоже написана без «з». Вообще в этой книге нет «дзеканья» [97].

Звук «ф» в современном белорусском языке не может иметь мягкости, а между тем встречается двоякое звучание — твердое и мягкое «фь» и «ф» (Остафьевич и Остафевич) [98]. Звук «н» употребляется параллельно звуку «м». Так, имя Николай, по-белорусски Миколай, встречается в обоих

---

[97] «Литовская метрика. Книга записей». РИБ, т. XXVII, стр. 125—128, 130, 131, 140, 148, 149, 152—159, 161 и т. д.

[98] Там же, стр. 497, 617, 785, 787.

звучаниях[99]. Белорусское твердое «р» не допускает мягкости. В Метрике встречается двоякое звучание: «Немиря»[100], «Немира»[101], «Рымигайло»[102], «Рылов»[103], но также «Римко»[104], «Рижко»[105], «Римовидович»[106], «Ринда»[107], «Бранск», «Бранекс», «Брянеск» и «Брянск»[108], «радити» и «рядити», «присягнул», «прысягнул», «дворанин» и «дворянин», «присудили» и «прысудили», «нехай держыть» и «нехай держит», «прывесити» и «привесити», «небощык» и «небощик». Звук «с» ныне всегда звучит твердо, а между тем рядом с «Симон»[109], «Сынкович», «Сытич»[110], «Сыч»[111]. Неустойчивость можно отметить и в других звучаниях. Мы ограничиваемся только этими примерами, так как в нашу задачу не входит изучение фонетики Литовской метрики.

Приведенные примеры различного звучания слов совершенно достаточны для того, чтобы сделать вывод, что в Литовской метрике фонетика была еще не вполне белорусская.

Эти данные позволяют прийти к выводу, что литературный белорусский язык в конце XV в. еще окончательно не оформился; об этом свидетельствует путаница в правописании, которую отнюдь нельзя объяснить безграмотностью писца. Белорусский литературный язык оформлялся длительно. Изучение правописания Литовской метрики и соотношения согласных и гласных покажет, что о едином правописании и звучании еще не может быть и речи. Значит, в конце XV — начале XVI в. еще не оформился окончательно литературный белорусский язык. Весьма интересно, что сочетание «дз» представлено весьма слабо в документах Литовской метрики. Поэтому неправ А. Шахматов, говоря о «дзеканье» как о результате влияния говоров мнимо «ляшских» племен-радимичей. Безусловно, прав Е. Карский, считающий, что «дз» белорусского происхождения. Во всяком случае, советские лингвисты должны обратиться к изучению языка Литовской метрики.

С начала XVI в. феодальная культура Белоруссии вступает в блестящий период своего подъема. «Белорусское Возрожде-

---

[99] «Литовская метрика. Книга записей». РИБ, т. XXVII, стр. 47, 72, 57, 61.

[100] Там же, стр. 98, 98, 205, 308.

[101] Там же, стр. 76, 196.

[102] Там же, стр. 10.

[103] Там же, стр. 493.

[104] Там же, стр. 103.

[105] Там же, стр. 285.

[106] Там же, стр. 44, 85, 286.

[107] Там же, стр. 46.

[108] Там же, стр. 48—50, 53, 62, 123, 175, 179.

[109] Там же, стр. 44, 14.

[110] Там же, стр. 49.

[111] Там же, стр. 769, 194, 321.

ние» XVI в.— «золотой век» в развитии белорусской письменности. Начало его связано с именем полоцкого мещанина Франциска Георгия Скорины — «доктора лекарских навук» Падуанского университета, который, поселившись в Чешской Праге в 1517—1519 гг., стал печатать в собственной типографии перевод Библии на язык «посполитых людей» в целях просвещения. Затем Фр. Скорина поселился в «столечном месте Вильне», где с помощью некоторых богатых мещан устроил типографию, в которой в 1525 г. вышла первая печатная книга в Белоруссии — «Апостол», а затем так называемая «Малая подорожная книжица».

Белорусское Возрождение, как и западноевропейское,- движение городское. На базе общего экономического подъема белорусский город в конце XV и начале XVI в. вступил в период своего культурного расцвета.

Белорусское Возрождение является отражением роста народного сознания, крепнувшего и развивавшегося в обстановке начавшегося шляхетско-польского католического наступления на «русский» народ. Переводя Библию на язык «простого народа», Фр. Скорина создавал литературный белорусский язык. Он является подлинным его создателем, подобно знаменитому реформатору и просветителю Яну Гусу в Чехии и Мартину Лютеру в Германии. Переведя почти все книги Библии, Фр. Скорина предпослал каждой из них введение, характеризующее его философско-теоретические взгляды Фр. Скорина — верный сын своего народа, стремящийся к его просвещению, отдавший ему все свои силы, чтобы вывести его из того убогого состояния, в котором он находился. Его предисловия к книгам Библии проникнуты рационализмом и критическим отношениям к библейским легендам. Они интересуют его только с точки зрения морали. Фр. Скорина высоко ценил научное знание и хотел видеть свой «просты» люд просвещенным [112].

Фр. Скорина называет свой язык «русским языком», противопоставляя ему «язык славянский». Я. Вовк-Леванович, тщательно исследовавший язык перевода Библии Скорины, приходит к правильному выводу, что «живая белорусская речь эпохи Скорины в большинстве своих характерных черт —

---

[112] П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорына, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1889; М. Піотуховіч. Францішак Скарына і яго літаратурная дзейнасьць; У. Пічэта. Беларускае адраджэньне ў XVI сталецьці; его же. Друк на Беларус у XVI и XVII сталецьцях (1776—1926); Я. Воук-Левановіч. Мова выданьняў Францішка Скарыны; М. Шчакаціхін. Гравюры і кніжныя аздобы у выданьнях Францішка Скарыны. Все эти работы напечатаны в сборнике «400-лецьце беларускага друку (1525—1925)». Менск, 1926.

фонетики, морфологии и словах была такой же, какой мы ее знаем теперь»[113].

Этот вывод очень ценен для исследования формирования белорусского народа.

Превосходным памятником книжного белорусского языка и белорусской феодальной культуры является юридический кодекс феодального права, известный под именем Литовского Статута 1529 г. Польские исследователи, начиная с Тадеуша Чацкого, в начале XIX в. пытались доказать, что Статут 1529 г. является памятником польской юридической культуры XVI в.[114] Польским исследователям во что бы то ни стало надо было доказать польский характер Статута 1529 г., чтобы подчеркнуть, что Русь (Белоруссия и Украина) уже в это время находилась в сфере влияния польской культуры. Эта тенденциозная точка зрения, усиленно поддерживаемая и польской литературой послевоенного (1918—1939) периода, опровергается исследованиями русских историков и историков-юристов, таких, как Ф. И. Леонтович[115], Н. А. Максимейко[116], И. И. Лаппо[117], не раз отмечавших, что в основе Статута 1529 г. лежит феодальное право Руси — Русская Правда.

Равным образом и автор этих строк, изучая институт опекунского права в Литовском статуте, также видит в Русской Правде основной его источник. Судебные решения по делам об опеке лишь развивали и уточняли нормы Русской Правды[118].

Огромной заслугой русских ученых является разрушение легенды, созданной старопольскими шляхетскими учеными о господстве норм польского права в Литовском статуте 1529 г. Правда, шляхетско-польские ученые обычно не обращали внимания на исследования русских ученых и возрождали отвергнутые ими не обоснованные выводы. Так, Ст. Эстрейхер[119] и А. Брюкнер[120] пытаются возродить старошляхетскую оценку Литовского статута. Статьи обоих ученых не были случайными. В то время польское правительство готовилось к захвату Литвы.

---

[113] «400-лецьце беларускага друку (1525—1925)», стр. 383.

[114] T. Czacki. O litewskich i polskich prawach. Kraków, 1861.

[115] Ф. И. Леонтович. Русская Правда и Литовский статут. Киев, 1865.

[116] Н. А. Максимейко. Русская Правда и Литовский статут. Киев, 1904.

[117] И. И. Лаппо. Литовский статут 1588 г., т. I—II. Каунас, 1934—1936.

[118] У. Пічета. До історії опекуньскаго права. «Сбірнік статей на пошану Д. Я. Багалія». Київ, 1927.

[119] «Kultura Staropolska», Kraków, 1932, str. 72, 73.

[120] Там же, стр. 712.

Язык Литовского статута до сих пор оставался вне поля зрения специалистов-лингвистов, но общая его характеристика дана Е. Ф. Карским. Изучение лексики, фонетики и морфологии языка Литовского статута привело Е. Ф. Карского к выводу, что он «в общем сходен с языком других западнорусских памятников XVI в., хотя в статуте полонизмов вообще больше, нежели в других произведениях». «Но следует помнить,— замечает Е. Ф. Карский,— что эти полонизмы только лексического характера, но не в фонетике и морфологии (за малыми отступлениями), чем главным образом определяется язык памятника» [121]. Е. Ф. Карский правильно отметил наличие полонизмов в языке Литовского статута, но не дал объяснения причины этого. Между тем внедрение полонизмов в язык Статута — отнюдь не случайное заимствование отдельных слов для выражения тех или других юридических норм. Полонизмы в языке Статута — результат начавшейся полонизации феодальной литовской верхушки, а вместе с тем и полонизации феодальных белорусских верхов. Правда, эта полонизация была пока в зародыше. Белорусские феодалы еще считали себя «рускими» и были православными, но развитие феодально-крепостнических отношений объединяло их с литовскими.

Общепризнано рассматривать XVI в. в истории Белоруссии как «золотой век» в развитии письменности на белорусском языке, как оригинальной, так и переводной, а также и церковной проповеди. Церковно-славянский язык еще применялся при отправлении религиозного культа, но в письменности его вытесняет белорусский язык в книжной обработке. Эта белоруссизация письменности — основное явление в литературном движении в Белоруссии XVI в., начало которого было положено Фр. Скориной из Полоцка.

Язык белорусской письменности, достигший высокого развития в XVI в., разумеется, отличался от живой народной речи «простых людей», хотя фонетически и морфологически был белорусским. Этот книжный язык образовался на основе старославянского языка, который становился уже непонятным для феодального класса и поэтому нуждался в известной модернизации — упрощении и сближении с живым народным языком. Однако рядом с письменностью на книжном языке появляется письменность на белорусском языке, в основу которой положен язык «простых людей». Авторы подобных произведений предназначают их не для феодального класса, а для «простых людей».

Пропагандисты протестантизма стремились вовлечь в сферу своего влияния широкие народные массы. Им надо было

[121] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. 2, стр. 12.

разъяснить, что собой представляет протенстантизм, как система вероучения. С этой целью протестантский деятель Симон Будный, принадлежавший к арианству, левому направлению в протестантизме, напечатал в 1562 г. «Катихисис», т. е. «наука стародавная христианская от светово писма для простых людей языка русского в пытаниях и отказех собрана». Язык «Катихисиса» Симона Будного отличается от языка иных памятников письменности XVI в. В нем нет полонизмов. Он подлинно живой язык со всеми фонетическими и морфологическими особенностями белорусского языка.

Формирование книжного языка в Белоруссии было двусторонним. С одной стороны, язык старославянской письменности секуляризировался и приближался к народной речи с ее фонетическими и морфологическими особенностями. Он становился языком класса феодалов. С другой стороны, живой народный белорусский язык был представлен книжным языком Симона Будного.

Протестантское движение не проникло в глубь народных масс. В связи с этим не появлялось новых книг на подлинном живом белорусском языке. Протестанты обратили все свое внимание на класс феодалов. Другой представитель арианского толка, полоцкий шляхтич Василий Тяпинский, при переводе евангелия польского на белорусский использовал язык тогдашней феодальной письменности, а не народный язык. Прав Н. Янчук в своей характеристике языка Василия Тяпинского: «Язык Тяпинского не чисто народный, а книжный, но он далеко отошел от церковно-славянщины и много принял в себя местных элементов не только белорусских, но и подчас и польских. Но он весьма приближается к тогдашнему народному белорусскому языку». По мнению Н. А. Янчука, в переводе евангелия Василием Тяпинским «мы видим наилучший образец тогдашнего белорусского языка образованных сословий белорусского общества, которое не отрекалось от своего родного слова» [122]. В условиях феодального общества, конечно, не мог образоваться литературный белорусский язык на народной основе. Только после отмены крепостного права, когда в связи с развитием капиталистических отношений создавались предпосылки для формирования белорусской нации, начался процесс формирования белорусского литературного языка на основе живого народного языка. Вся новейшая художественная литература во второй половине XIX в., начиная с ее основоположника Фр. Богушевича, отражала процесс создания подлинного белорусского литературного языка, бо-

---

[122] Н. А. Янчук. Нарысы па гісторыі беларускае літаратуры. Старадауны пэрыяд. Менск, 1922, стр. 37.

гатство и красота которого нашли столь яркое отражение в блестящем поэтическом творчестве народных поэтов Янки Купалы и Якуба Коласа. Несмотря на все неблагоприятные культурно-политические условия развития Белоруссии, белорусский народ сохранил свой язык, столь богато представленный в разнообразных памятниках народного творчества.

Подведем некоторые итоги нашего исследования.

Хотя белорусский народ находился с русским народом в одном государстве под властью царского правительства, тем не менее в дворянско-придворных кругах существовало смутное представление о том, что собой представляли белорусы в этническом и языковом отношениях. Однако русские исследователи уже в первой четверти XIX в. установили генетическую связь старобелорусской письменности с древнерусской письменностью. Чешский славист П. Шафарик со свойственной ему четкостью и обоснованностью отнес белорусов к русской ветви славянства. Общие наблюдения Шафарика были проверены русскими славистами, которые, изучая рукописное богатство, сохранившееся от прошлой жизни белорусского народа, пришли к выводам о единстве происхождения русского и белорусского языков. В то же время историки показали исконные исторические связи Западной Руси с Восточной, отмечая единство Земли Русской, сохранившееся вплоть до монголо-татарского нашествия, когда, по меткому выражению В. О. Ключевского, произошел разрыв единой русской народности. Материалы белорусского народного творчества, тщательно собираемые специалистами-фольклористами, показали культурную и языковую близость белорусов к русскому народу, а вместе с тем опровергли представление националистических кругов, будто Белоруссия только географический термин.

Опубликование многочисленного и разнообразного актового материала, а также изучение истории Великого княжества Литовского и истории северо-западных русских земель с древнейших времен до начала XIV в., развитие общего славяноведения позволили поставить вопрос об этногенезе белорусского народа и формировании его языка. В этом отношении большие заслуги принадлежат акад. А. А. Шахматову и Е. Ф. Карскому, труды которых взаимно дополняли друг друга. Если внимание А. А. Шахматова было сосредоточено на исследовании славянских передвижений, то Е. Ф. Карский изучает период, начиная с окончательного оседания тех славянских племен, которые составили этническую основу белорусского народа вплоть до вхождения Западной Руси в состав Великого княжества Литовского, в пределах которого завершился процесс формирования белорусского народа. Теоретические положения Е. Ф. Карского были усвоены его продол-

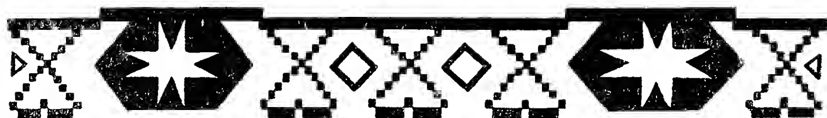
жателями, которые, однако, не вышли за пределы мнений, высказанных этим виднейшим белорусоведом. Поэтому вопрос об этногенезе белорусского народа нуждается в пересмотре и новом научно-теоретическом обосновании.

Изучение поставленного вопроса позволяет отметить три момента в процессе образования белорусского народа, а именно: а) время освоения территории Белоруссии славянскими племенами; б) период феодальной раздробленности и в) период после разрыва единой русской народности.

Изначальным моментом процесса формирования белорусской народности, окончательное сложение которой следует отнести ко времени нахождения Западной Руси в составе Великого княжества Литовского, является период установления экономических связей между отдельными областями. Еще до периода феодальной раздробленности на общерусской лингвистической основе на территории Белоруссии возникли местные говоры. Процесс формирования белорусской народности неотделим от процесса образования белорусского языка на основе слияния местных говоров. Сравнение языка «Слова о полку Игореве» с современным белорусским языком помогает установить генетическую связь между общерусским языком этого замечательного поэтического памятника и белорусским.

Параллельно формированию белорусского языка создавался и книжный язык на основе староцерковно-славянской письменности с усвоением белорусской фонетики и морфологии. Творцами этого книжного белорусского языка были писцы великокняжеской канцелярии, переводчики отдельных произведений с польского и чешского и составители оригинальных сочинений. Этот книжный язык был языком белорусских феодалов. В половине XVI в. протестант арианского толка Симон Будный опубликовал «Катихисис» на белорусском языке на основе тогдашнего живого белорусского языка с его «аканьем», «дзеканьем» и другими его фонетическими особенностями. Однако язык Будного не стал языком класса феодалов, и переводчик Евангелия Василий Тяпинский пользуется обычным книжным языком. Формирование литературного белорусского языка на основе живого народного языка было связано с развитием новой художественной литературы во второй половине XIX в. в условиях развития капиталистических отношений в Белоруссии.

«Вопросы истории», 1946, № 5—6.



КУЛЬТУРА БЕЛОРУССИИ В XVI в. *

I

Западная Двина, Днепр, Западный Буг и Неман сближали Белоруссию как с западноевропейскими районами, так и с районами Востока и Крыма. Через Смоленск проходила сухопутная дорога в Москву, с которой Белоруссия также поддерживала оживленные торговые отношения. К концу XV в., из-за обострившихся отношений Великого княжества Литовского с Русским государством, южная торговля упала. Она вновь оживилась лишь в XVI в., но для хозяйственного развития Белоруссии южное направление торговли в значительной мере потеряло свое значение. Центром этой торговли был Киев. Отсюда восточные товары направлялись в Москву, Псков и Новгород и далее в Швецию и Данию.

Длительные войны Великого княжества Литовского с Русским государством задерживали развитие торговых сношений между этими государствами. Поэтому торговля с западными странами становилась для народного хозяйства Литвы основной.

Великое княжество Литовское и Белоруссия снабжали западноевропейские рынки хлебом, воском, медом, лесом, мехами, шкурами, кожами, льном и другими сельскохозяйственными продуктами, которые были нужны для развития западноевропейской ремесленной промышленности [1]. В свою очередь в Белоруссию привозились сукна, сахар, железо, слюда, различные металлические изделия, колониальные товары.

Развитие товарообмена с Западной Европой способствовало наплыву в Великое княжество Литовское и Белоруссию металлической монеты, последствием чего было падение ценности денег, с одной стороны, и рост цен на продукты литовско-белорусского сырья, с другой.

---

* Статья публикуется впервые.

[1] В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-русском государстве, ч. I. М., 1917.

Новые явления в народнохозяйственной жизни Литвы и Белоруссии имели громадное значение для развития сельского хозяйства и организации феодального поместного хозяйства на новых основаниях.

Рост внешнего рынка, большой спрос на продукты сельского хозяйства толкали земельных собственников — великого князя, панов и шляхту к поднятию как производительности, так и доходности своего феодального поместья. Последнее можно было осуществить только полной реорганизацией поместного хозяйства как в отношении сельскохозяйственной техники, так и организации использования рабочей силы. С этой целью великий князь литовский, а затем и крупные частные землевладельцы в половине XVI в. приступили к проведению новой аграрной политики. Ее сущность сводилась к введению индивидуального землепользования крестьян и устройству собственной барской фольварочной запашки, а также к точному определению тех натуральных и денежных феодальных повинностей, которые зависимое сельское население обязано было отправлять в пользу своих земельных собственников. Для поднятия производительности, а также и доходности феодального поместья великий князь и земельные собственники разделили все поместные земли на земельные участки, называвшиеся волоками, величиной в 19—20 га. Такой земельный участок разделялся на три поля и отводился крестьянам в одном месте. Этим уничтожалась чересполосица. Известное количество волок отводилось под фольварк — собственную запашку землевладельца. Применяя индивидуальное землепользование, великий князь и частные землевладельцы ввели индивидуальную ответственность держателей земельных участков за исправное отбывание феодальных повинностей.

В связи с устройством фольварочной пашни часть рабочей силы была обязана отправлять двухдневную барщину с уплатой добавочного чинша деньгами и с переводом натуральных повинностей на деньги. Остальная рабочая сила была посажена «на осаду», т. е. была обязана выплачивать денежный чинш вместо всех натуральных повинностей. Вместе с тем «невольные люди» также осаживались на земельные участки, полные или неполные, и таким образом сливаясь с основной массой феодально-зависимого населения.

Новая землеустроительная политика укрепила феодально-крепостнические отношения в Белоруссии. Она завершила процесс формирования крепостного крестьянского сословия.

В связи с новой аграрной политикой была уничтожена сельская и волостная община, отобраны у общинников сенокосные и другие угодья. На каждый земельный участок должна была быть посажена одна семья. В действительности не

более $^1/_3$ волок находилось в индивидуальном пользовании. Остальные находились во владении объединенных родственных семейств, а иногда и семейств, не связанных друг с другом родством.

Новая организация феодального поместья усилила эксплуатацию крестьянства, ухудшила положение крепостного крестьянства, как отбывавшего «панщину», так и чиншевого. Для выполнения денежных повинностей оно вынуждено было продавать на рынке избыточный, а иногда и необходимый продукт своего сельскохозяйственного труда. Этим крепостное крестьянство втягивалось во внутренний товарооборот. При таких условиях крепостное крестьянство было лишено возможности вкладывать вырученные за продажу сельскохозяйственных продуктов деньги в свое хозяйство.

Так введение нового метода обеспечения крестьян земельными наделами было первым этапом длительного процесса обезземеления белорусского крестьянства.

Новая землеустроительная крепостническая политика была сначала осуществлена в Западной Белоруссии. В Восточной Белоруссии сохранилась сельская и волостная община. Но так как и здесь великокняжеская администрация стремилась увеличить феодальные повинности господарского крестьянства, то это вызвало постоянные столкновения крестьян с великокняжеской администрацией. Чтобы прекратить непрерывные столкновения, великокняжеское правительство в русских волостях, в Подвинье и Поднепровье, ограничилось «поравнением грунтов и установлением платов» [2]. Это были только первые шаги к осуществлению крепостнической политики и в Восточной Белоруссии. К концу XVI в. и Восточная Белоруссия была уже втянута во внешние рыночные отношения. Великий князь и частные землевладельцы, заинтересованные в поднятии производительности и увеличении доходности своих поместий, приступили и здесь к реорганизации своего хозяйства на крепостнических началах.

Наши источники глухо говорят о «властных бунтах тамечных подданых», что разумеется затрудняло осуществление крепостнической землеустроительной политики. В Бобруйском старостве новые хозяйственные мероприятия осуществлялись в течение четверти века, так как крестьяне, несмотря на угрозы правительства, всеми средствами препятствовали проведению крепостнической политики. Вполне понятно, что Восточная Белоруссия с конца XVI в. стала районом действий белорусского казачества, ряды которого пополнялись беглыми крестьянами из Западной Белоруссии,

---

[2] В. И. Пичета. Указ. соч., стр. 281.

где к концу XVI в. в имениях великого князя двухдневная барщина была заменена трехдневной, а в имениях частных владельцев еще большей. Кроме того, земельные наделы частновладельческого крестьянства были меньше господарских, а разные денежные повинности выше.

Бесправное положение частновладельческого крестьянства было юридически оформлено в феодально-шляхетском кодексе — Статутах 1529, 1566 и 1588 гг. В этот период основные города Белоруссии — Полоцк, Минск, Берестье, Городно, Новгородок, Витебск, Могилев вступили в полосу своего экономического подъема. Общий хозяйственный подъем сначала отразился на положении городов Западной Белоруссии, расположенных на торговых путях в Западную Европу, а затем по мере втягивания Восточной Белоруссии в товаро-денежные отношения и на восточных.

Города Западной Белоруссии становились крупными ремесленными и торговыми центрами.

По мере своего экономического развития города обособлялись от волости и выделялись в отдельную административно-финансовую единицу. Этот процесс получал свое завершение в предоставлении городам самоуправления на основе магдебургского права. Однако белорусские города, хотя и располагали известной долей самоуправления, но не вышли из стадии феодально-зависимого города. Они не стали городами-коммунами западноевропейского типа. Их жизнь находилась под контролем великокняжеской власти, не говоря уже о том, что они были связаны с последней уплатой ряда денежных и отправлением натуральных повинностей. Впрочем, расцвет городов Белоруссии, как и Литвы, был относительно непродолжительным. Проводимая шляхтой экономическая политика тяжело отражалась на положении белорусского города. Шляхта, приобретя во второй половине XVI в. право беспошлинного вывоза за границу сельскохозяйственных товаров собственного производства, а также привоза из-за границы промышленных изделий, подрывала экономику города, сокращала его торговлю, задерживая этим развитие ремесла и перерастание его в мануфактуру.

Рядом с крупными городскими центрами в Белоруссии имелось множество мелких поселений городского типа, известных под именем «местечек», расположенных на землях как частных землевладельцев, так и великого князя.

Во второй половине XVI в., в связи с общим народнохозяйственным подъемом Литвы и Белоруссии, частные землевладельцы обращаются к великому князю с просьбами об устройстве на их землях местечек с правом открытия в них еженедельных торгов и ярмарок, открытия корчем и гостиниц

(стодол), с правом продажи спиртных напитков — «горелочных речей».

Городское право распространялось на города постепенно. Сначала выделились в отдельную административно-хозяйственную единицу города на западе, а затем и на востоке Литовского княжества. Так, первым из городов, получивших магдебургское право, был «столечный город» Вильна. Уже в 1387 г. Вильне была пожалована грамота — «привилей» на магдебургское право [3]. Позже, в 1432 г., права города были расширены привилеем данным великим князем Сигизмундом Кейстутовичем [4]. Дальнейшие привилеи Казимира Ягайловича расширяли объем прав Вильны. Основание магдебургии в Берестье было заложено привилеем великого князя Ягайлы в 1390 г. [5] Через год магдебургское право было пожаловано Гродно [6] Вслед за этими важнейшими торговыми городами привилей на магдебургское право получили в 1498 г. Полоцк [7], в 1499 г.— Минск [8]. В 1511 г. было предоставлено магдебургское право Новогрудку [9]. Во второй половине XVI в. были выделены в магдебургии — Могилев в 1577 г. [10], Пинск в 1581 г. [11] и Витебск в 1597 г. [12]. Вслед за великокняжескими городами и частные землевладельцы предоставляли своим городам некоторое самоуправление по образцу магдебургского права, разумеется, оставляя их под собственным контролем.

Во главе города стоял войт, обычно назначаемый господарем. Вместе с лавниками, выборными присяжными из мещан, войт судил городское население по уголовным делам. Текущее управление находилось в руках городской рады в составе радцев и бурмистров. Рада ведала городской полицией, разбирала иски по гражданским делам, заведовала городскими имуществами, надзирала над торговлей, правильностью мер, весов, следила за нравственностью граждан. Магдебургское право определило точно характер тех повинностей, которые городское население было обязано отправлять на великого

---

[3] Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, трактатов православных монастырей, церквей и по разным предметам, ч. I, Вильна, 1843, № 1.

[4] Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна..., № 2.

[5] Акты Литовско-Русского государства. Под редакцией М. В. Довнар-Запольского, т. I. М., 1899.

[6] Там же.

[7] АЗР, т. I, № 159.

[8] Там же, № 165.

[9] Там же, т. II, № 71.

[10] Там же, т. III, № 77.

[11] Там же, № 125.

[12] Там же, т. IV, № 118.

князя. Юрисдикции городского права были подчинены постоянные жители города, занимавшиеся торговлей и ремеслом.

Первое место среди городов Великого княжества Литовского принадлежало Вильне. В зависимости от своего экономического значения она в 1529 г. выплачивала великокняжеской казне 1500 коп грошей, а в 1513 г. столица выставила военный отряд в количестве 500 человек [13].

Вильна в XVI в. вела обширную торговлю, поддерживая торговые связи с Ригой, Псковом, Новгородом, Москвой, Тверью, Крымом, Польшей, Пруссией, Силезией, Венгрией и Чехией. Вильна была посредником в торговле между Западной Европой и Московским государством. В Вильну приезжало много иностранных купцов — немцев и русских. Для живших в городе немцев была отведена особая улица, которая называлась Немецкой.

Виленские купцы были наделены особыми привилегиями. Они пользовались правом свободного проезда по всему Великому княжеству Литовскому без уплаты каких-либо таможенных пошлин. Вильна располагала правом городского склада и открытия два раза в год ярмарок, которые имели международное значение.

Вильна, как столица Великого княжества Литовского, была центром пребывания великого князя и феодальной аристократии. Многочисленным было католическое духовенство, которое в XVI в. владело одной третью всей территории Вильны [14].

Вторым городом по своему экономическому значению Великого княжества Литовского было Берестье. Через Люблин берестейские купцы ездили в Польшу, а по Висле они направляли свои товары в Гданьск. Берестье поддерживало торговые сношения с Москвой и Крымом и располагало правом открывать ярмарки три раза в год. Город выставлял военный отряд в количестве 150 всадников [15].

Третьим по величине городом был Полоцк. После получения им магдебургского права город обязан был ежегодно вносить в великокняжескую казну 400 коп грошей, ему предоставлялось право открывать три ярмарки в течение года, имевшие международное значение. На этих ярмарках постоянными «гостями» были русские и немецкие купцы. Полоцк был освобожден от обязанности выставлять конный отряд, так как полоцкие мещане владели землей на земском праве, с которым была связана обязанность отправления военной службы. Об экономическом значении Полоцка говорит и тот

[13] В. И. Пичета. Указ. соч., стр. 74—76.

[14] Ю. Ф. Крачковский. Старая Вильна до конца XVII столетия. Варшава, 1893, стр. 45.

[15] Акты Литовско-Русского государства, т. I, М., 1899, № 134.

факт, что полоцкие купцы, наравне с виленскими и трокскими, были освобождены от «мыта сухим путем и водою через все Великое княжество Литовское»[16]. Внутренняя и внешняя торговля обогащала купечество. Некоторые из виленских купцов стали крупными землевладельцами, обязанными наравне со шляхтой отправлять военную службу. В руках купечества сосредоточивались значительные капиталы, которыми оно широко пользовалось для выдачи ссуд под залог земли. Виленские купцы оказались держателями многих «заставных» имений.

Сосредоточив в своих руках торговлю и значительные денежные средства, купечество, высшая прослойка городского населения — стало видным общественно-политическим фактором в жизни белорусского и литовского города, подчиняло себе все городское управление.

В городах Белоруссии было немало населения, на которое не распространялось действие магдебургского права. Помимо привилегированных сословий, шляхты и духовенства, городскому праву не были подсудны и зависимые от них люди. Крепостные крестьяне, жившие в городах, занимаясь ремеслами и мелкой торговлей, не уплачивали в городскую казну никаких податей, не отправляли каких-либо повинностей. Такие крестьяне были поставлены в более выгодное положение по сравнению с ремесленниками города. В связи с этим в городах возникали недоразумения с феодальными иммунистами. Города обращались с жалобой к великому князю, но все их обращения оказывались тщетными. Классу феодалов было выгодно подобное положение, так как оно обеспечивало им своевременную выплату того чинша (оброка), который были обязаны выплачивать своему владельцу жившие в городах крестьяне.

Великое княжество Литовское было государством, в котором власть находилась в руках крупных землевладельцев католического вероисповедания. Политическим органом их господства была великокняжеская рада, которая юридически ограничивала власть великого князя. Уже привилей 1506 г., опубликованный Сигизмундом I, обязывал великого князя не предпринимать никаких самостоятельных действий в области внутренней и внешней политики. Это правовое положение господарской рады было закреплено в шляхетском кодексе, известном под именем Статута 1529 г., действие которого распространялось на все Великое княжество Литовское[17]. В Статуте 1529 г., изданном от имени великого князя, последний обязывался «што бы ся мело причинити и нашому и Речи Посполитое пожитку

[16] АЗР, т. II, № 61, стр. 78.
[17] Статут 1529 г., разд. I, арт. 9.

з ведомостью и порадою и с призволением рад наших великого князства Литовского радити и справовати будем»[18].

Политическое значение феодальной знати определялось ее экономическим положением. В руках феодальной аристократии был сосредоточен громадный земельный фонд. О его размерах можно судить по «попису» войска 1529 г., определявшему, какое количество вооруженных воинов были обязаны выставлять землевладельцы на основе «ухвалы», принятой на Виленском сейме 1528 г. Согласно «ухвале» было установлено, что на войну с каждых восьми служб должен быть выставляем один воин «на добром кони... а на нем бы панцер, а прилбица, а корд и повеза, а древцо с праторцем»[19]. Действие этой ухвалы должно было сохраняться в течение 10 лет[20]. При этом обязанность выставлять ратников распространялась на все виды шляхетского землевладения — «отчизного как выслужоного, так купленого»[21].

«Попис» войска 1529 г. позволяет определить районы распространения крупного землевладения. Таким была западная часть Великого княжества Литовского, тогда как в восточной его части преобладающим типом было мелкое феодальное землевладение[22].

Крупные феодалы выходили на войну со своими «почтами» под собственным знаменем — «хоруговью» и поэтому назывались «панами хоруговными». Такие крупные магнаты, как паны Радзивиллы, выставляли 621 коня, Остиковичи — 337, князья Острожские — 424, Заберезинские — 258, Кишки — 244, Глебовичи — 279, Ходкевичи — 198.

Кроме того, магнаты были освобождены от подсудности провинциальной администрации[23].

Экономический подъем, охвативший феодальное хозяйство в Литве и Белоруссии, политически укреплял среднее и мелкое землевладение, также втягивавшееся в товарно-денежные отношения. Шляхтичи, сознавая свое экономическое и военное значение, начиная с 1544 г. стремятся ослабить политическое значение феодальной аристократии и захватить в свои руки общее руководство политическою жизнью Великого княжества. На вальных сеймах шляхта выступала с предложением ряда социально-политических реформ, которые должны были укрепить политическое значение шляхты и передать ей законодательную власть.

---

18 Статут 1529 г., разд. III, арт. 6.
19 АРЗ, т. II, № 152, стр. 188.
20 Статут 1529 г., разд. II, арт. 1.
21 Там же.
22 РИБ, т. XXX, стр. 1—236.
23 Статут 1529 г., разд. VI, арт. 1.

Феодальная аристократия, не желая выпускать из своих рук политическую власть, оказывала известное время значительное сопротивление шляхетским требованиям, в частности пересмотру кодекса 1529 г., но под влиянием Ливонской войны и под угрозой отказа шляхты выступить на театр военных действий магнаты вынуждены были пойти на уступки и дать свое согласие на «поправу» Статута и на производство судебной реформы. Согласно исправленному Статуту 1566 г., законодательная власть переходила к вальному сейму[24], на котором шляхетство было представлено двумя «послами» от каждого повета[25]. Впрочем, за господарем сохранялось право «подле старого обычаю» приглашать на вальный сейм именными повестками[26]. Одновременно была введена и новая судебная организация, уничтожавшая особую подсудность феодальной аристократии. Так, юридически руководящее политическое значение заняла в государстве шляхта, но в действительности власть осталась в руках правящей аристократии, которая очень окрепла материально в связи с общим народнохозяйственным подъемом Великого княжества вообще и Белоруссии в частности. Под напором «русских» землевладельцев великокняжеское правительство было вынуждено в 1563 г. отменить статью привилея 1413 г., согласно которой только одни католики имели право занимать должности по центральному управлению и заседать в господарской раде.

Хотя белорусские феодалы в религиозном и национальном отношениях были отделены от литовских, но окрепнувшая феодально-крепостническая система толкала их к взаимному сближению. Литовские и белорусские феодалы, как класс, были заинтересованы в том, чтобы объединенными силами держать в повиновении зависимое от них крепостное население. Вместе с тем литовские и белорусско-украинские шляхтичи, желая облегчить военное бремя, лежавшее на их плечах в связи с Ливонской войной, выступали сторонниками объединения с Польшей, хотя литовские магнаты всячески противодействовали осуществлению слияния государств, так как в лице польских панов и шляхтичей они видели серьезных себе конкурентов.

Политические планы шляхты Великого княжества Литовского были осуществлены на сейме 1569 г. в Люблине, когда Литва и Польша образовали объединенное государство — «Речь Посполитую» с сохранением за каждой из сторон внутренней автономии, собственных законов, суда, финансов, войска и права чеканки монеты.

[24] Статут 1566 г., разд. III, арт. 6.
[25] Там же, арт. 5.
[26] Там же.

Чтобы не допустить поляков в Великое княжество и лишить их права владеть землею и занимать в княжестве должности, в Статуте 1588 г. была повторена статья, запрещавшая «чужеземцам» давать «уряды». В случае, если кто-либо из «заграничников» занял какую-либо должность, тогда его «маетность» должна быть взята «до столу и скарбу нашого великого князства Литовского» [27].

Оформление крепостного права объединяло все разряды зависимого сельского населения в один. Остатки «невольных людей» были осажены на землю и, получив в свое пользование земельные участки, слились с основной массой крестьянства. Литовский статут третьей редакции 1588 г. юридически уничтожил невольничество — «невольники вперед не мают быти з инших причин одно полоненики». Вся «иншая челядь невольная и теж дети потомки полонеников мають быти осаживаны на землях» [28].

Отрицая рабство, составители Статута 1588 г. еще раз подтвердили, что «человек вольный за жаден выступ в неволю вечную выдан быти немаеть» [29].

Все зависимые от землевладельцев крестьяне именуются в Статуте 1588 г. «отчичами». Всякий вольный человек, который прожил в имении землевладельца 10 лет, если не получит «заможенье» от своего собственника, равным образом и его дети могут уйти при условии заплатить за свой выход 10 коп грошей вместе с подмогой, если он ее получил от землевладельца. Если же они ушли «без ведома пана», то собственник имеет право разыскивать их в течение 10 лет. Если такой «сбег» будет пойман, то он присуждается его пану, как отчич [30].

Отчичи-крестьяне лишены права свободного выхода. Они прикреплены к земле и к помещику. Только в том случае землевладелец теряет свои права на отчичей, если беглые крестьяне, поселившись вдали от его имения, на расстоянии не меньше 10 миль, не разыскивались им в течение 20 лет [31]. 20-ти летняя давность не распространяется на «челед дворную отчизную, або полоненую», если она «от панов своих утекла» [32].

Статут под угрозой наказания запрещает землевладельцам принимать к себе беглых крестьян [33], а также карает, как злодея (вора), того землевладельца, который «чоловека отчизного, або челядника дворного» выкрал [34]. Каждый землевладе-

[27] Статут 1588 г., разд. III, арт. 12.
[28] Там же, разд. XII, арт. 21.
[29] Там же, арт. 11.
[30] Там же, арт. 13.
[31] Там же, арт. 12.
[32] Там же.
[33] Там же, разд. IV, арт. 48.
[34] Там же, разд. XII, арт. 15.

лец имеет право задержать беглого отчича и представить в «кгродской уряд»[35].

Землевладельцы, задержавшие «челядь дворную або полоненую», получают за это вознаграждение, а если бы им пришлось удержать ее в своем имении, то при возвращении ее собственнику они имеют право получить вознаграждение за каждого беглого челядина из расчета «на неделю по две гроши». Собственник челядина получает право вернуть его к себе в имение только после уплаты следуемого денежнего вознаграждения[36]. В случае, если землевладелец добровольно не отдал находившейся у него челяди, то он выплачивает «за омешканье работы» денежный штраф из расчета «за кождую неделю навезки от кождое головы по шести грошей»[37].

Давать содержание челяди — обязанность его владельца. Но если последний во время голода «челяд свою невольную выбил с дому прочь, не хотечи их кормити», то она становится вольной при условии, если ею будет сделано заявление перед городскими или поветными властями о том, «иж их выбил», а собственник их не подаст в уряд жалобы на их бегство[38].

Все эти статьи о беглых — достаточно яркий показатель той борьбы, которая происходила между помещиками за рабочие руки. В то же время они и показатель широко распространенного пассивного протеста крестьян против феодально-крепостнических отношений, против усиления феодальной эксплуатации.

Бегством от помещика сельское население пыталось вырваться из крепостной неволи.

Закрепощенное сельское население было лишено гражданской правоспособности и дееспособности. Оно находилось под судебной юрисдикцией своего вотчинника, который по отношению к нему располагал неограниченными правами. В его руках находилась жизнь и смерть подвластного крепостного, «подданого», согласно тогдашней юридической терминологии[39].

Подведем итоги. Белоруссия вместе с Литвой во второй половине XVI в. находилась на путях значительного народнохозяйственного подъема. Развитие сельского хозяйства и внутренней и внешней торговли способствовало общему экономическому подъему белорусских городов. Борьба внутри класса землевладельцев кончилась победой шляхетской прослойки. Рост феодально-крепостнических отношений в феодальном поместье обострил классовые отношения в феодальной деревне.

---

[35] Там же, арт. 16.
[36] Там же, арт. 17.
[37] Там же.
[38] Там же, арт. 20.
[39] Там же.

II

Вопрос об образовании белорусской народности — один из наиболее сложных и неразработанных в исторической литературе. Исследователи обычно пользовались термином «белорусский народ», не пытаясь глубже коснуться такой сложной проблемы, как его формирование.

Между тем, если «нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма» [40], то народность складывается значительно раньше, т. е. в период феодальной общественно-экономической формации. Показателем образования народности является язык. Одной «из характерных особенностей нации» является «общность экономической жизни» [41]. Ее не могло быть при господстве натурального хозяйства, когда феодальное поместье еще находилось «в очень слабой связи с остальным миром» [42].

Народность, как и нация, складывается из различных этнических элементов.

Восточные славяне до времени монголо-татарского нашествия составляли единое этническое и культурное целое. Монголо-татарское нашествие разорвало это единство, эту общность жизни. Северо-восточная Русь подпала под власть монголо-татар. Северо-западная и юго-западная ветви восточного славянства вынуждены были признать над собою власть молодого формирующегося Литовского государства. С этого времени исторические судьбы северо-западной и юго-западной ветви восточного славянства сложились иначе, чем северо-восточной ветви восточного славянства, впоследствии сплотившейся вокруг Русского феодального государства. На одной и той же в целом этнической и культурной основе, в условиях феодализма, складывались русская, белорусская и украинская народности. Недаром белорусский и украинский народы, будучи политически оторваны от русского народа, продолжали называть себя и свой язык «руским».

Основное славянское этническое ядро на территории Белоруссии было представлено дреговичами, полоцкими кривичами и радимичами. Но эти племена соприкасались и взаимодействовали с другими соседними славянскими племенами. Полоцкие кривичи на севере своих поселений встречались с новгородскими кривичами, на юге, на правом берегу Припяти, с древлянами — племенем, принадлежащим к юго-западной ветви восточного славянства, а на северо-западе с литовским

---

[40] И. В. Сталин. Соч., т. II, стр. 303.
[41] Там же, стр. 295.
[42] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

племенем. Полоцкие кривичи на северо-востоке и востоке встречались со смоленскими кривичами, а родимичи на юге своей земли — с северянами.

Первоначальная территория, заселенная племенами северо-западной ветви восточного славянства, была значительно меньше по сравнению с более поздним временем. Славянские племена своей колонизацией расширяли область первоначальных поселений. Так, колонизация полоцких кривичей распространилась на юг до верховьев рек Березины и Свислочи, а в половине XIV в. по Березине до г. Бобруйска и до дреговичских поселений на среднем ее течении и до верховьев Птичи, притока Припяти; на западе полоцкая колонизация проникла в глубь литовских земель в бассейн Вилии и верхнего Немана. Бассейн левого берега Припяти был заселен дреговичами. Направляясь на запад, в бассейн Западного Буга, колонизация дреговичей столкнулась с волынской колонизацией; на северо-западе она проникла в земли литовских племен, в землю ятвягов. В свою очередь колонизация смоленских кривичей проникла в землю радимичей, а последние распространили свои поселения на восток в земли вятичей и на юг — в земли северян.

Возникшие на территории Белоруссии древнерусские княжества — Полоцкое, Турово-Пинское и Смоленское — не были едиными в племенном отношении. Территория их выходила за пределы одного племени. Вполне понятно, что деление на племена исчезло довольно рано. Летописцы только изредка о них упоминают. Так, дреговичи в последний раз упоминаются в летописи под 1149 г.[43], полоцкие кривичи — под 1162 г.[44], а радимичи — под 1169 г.[45]

В это время племена представляли собой не союз близких по своему происхождению и местожительству родовых групп, а небольшие этнические образования. Все они входили в состав единой «Русской земли», говорили на одном славянском языке. Так было до завоевания части «Русской земли» монголо-татарами. В дальнейшем исторические судьбы русских земель сложились по-разному. «Когда Великороссия (т. е. Северо-Восточная Русь. — *В. П.*) попала под монгольское иго, Белоруссия и Малороссия (т. е. Украина.— *В. П.*) нашли себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому государству Литовскому»[46].

Но еще в домонгольский период существовали отдельные местные наречия, на базе которых и началось дальнейшее

---

[43] ПСРЛ, т. II, стр. 45.
[44] Там же, стр. 91.
[45] Там же.
[46] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 10.

формирование языков трех основных русских народностей, русской, белорусской и украинской.

В составе Великого княжества Литовского находились земли северо-западных и юго-западных древнерусских княжеств. Их подчинение оформилось во второй половине XIV в. В начале XV в. в подчинение Великому княжеству Литовскому попало и Смоленское княжество — область верхнеднепровских кривичей и радимичей. Западная и Юго-Западная Русь (за исключением Галицкой земли, отошедшей к Польше) и Смоленская земля составили большую часть княжества Литовского.

Политическое положение Западной Руси под властью литовских князей было неодинаковым. В то время как Полоцкая и Витебская земли в бассейне среднего и верхнего течения Западной Двины — первоначальная территория поселений полочан — вместе со Смоленской землей пользовались областной автономией, прочие западнорусские земли были политически теснее связаны с собственно Литвой и не имели областной автономии.

При господстве натурально-хозяйственных отношений сохранялось экономическое обособление одних областей от других. Это, разумеется, препятствовало быстрой консолидации этнических элементов, а вместе с тем и формированию белорусской народности. Зато наличие единой государственной власти содействовало процессу формирования белорусского народа и образованию единого белорусского языка. Население Подвинья было втянуто в торговлю с Западной Европой, а через Подвинье — и верхнее Поднепровье. Полоцк уже в XV в. связан торговыми путями с Вильной и Минском. Вся область Припяти через Берестье и Польшу вела торговлю с Западом. Берестье торговало с Минском. Вся неманская водная артерия притягивала к себе расположенные в ее бассейне города Западной Руси. Начавшаяся замена ренты продуктами денежным оброком свидетельствовала о более высоком уровне производительности труда, но в то же время рост барщины свидетельствовал о полном господстве феодальных отношений и натурального хозяйства, несмотря на известное развитие товаро-денежных отношений. Конечно, общее хозяйственное развитие, рост внутреннего и внешнего товарообмена ускоряли процесс образования белорусской народности. В середине XVI в. экономическое развитие Великого княжества Литовского значительно ушло вперед. Создавался всебелорусский рынок, на основе которого этническая консолидация достигла своего завершения. Можно сказать, что процесс формирования белорусской народности был закончен в XVI в.

Белорусский народ создался из скрещивания отдельных этнических элементов — подвинских и поднепровских криви-

чей, радимичей, дреговичей, частично северян, древлян и литовцев. Но степень значения этих этнических элементов в образовании белорусской народности была далеко не одинаковой. Основными в этногенезе белорусского народа были восточно-славянские племена — полоцкие кривичи, дреговичи и радимичи, а также в известной степени смоленские кривичи, экономически и политически связанные с предками белорусского народа, поскольку в пределах Смоленской земли происходила ассимиляция смоленских кривичей и радимичей. В то же время западная часть полоцких славян, проникая в землю литовцев, скрещивалась с ними и сталкивалась с волной волынской колонизации, направлявшейся в бассейн Западного Буга. Таким образом, основная территория образования белорусской народности охватывала бассейн рек Западной Двины, Немана, Припяти и Верхнего Днепра. На западе она вклинивалась в бассейны Западного Буга, на севере — в бассейн верхнего течения р. Великой, а на северо-востоке и востоке доходила до верховьев Волги, верхнего и среднего течения р. Оки, т. е. находилась на территории, которая входит в состав нынешних областей: Смоленской, западной части Калужской, северной части Черниговщины и западной окраины Брянской области.

Территория, заселенная белорусским народом, уже с половины XVI в. начала называться Белой Русью — термином, который впервые встречается у немецких хронистов Weissen Reuzen и Alba Russia и у писателей, писавших на латинском языке. Так, немецкий поэт П. Сухэнвирт, живший во второй половине XIV и первой половине XV в., передает рассказы о разных немецких рыцарях, которые ездили воевать с литовцами и русскими и не раз упоминали о Белоруссии. Польский писатель Янко из Чарнкова упоминает «об одном замке Белоруссии, который зовется Полоцком».

В. И. Ламанский высказывает предположение, что термин «Белая Русь» — живое народное выражение, существовавшее уже в половине XIII в. [47] В XV в. во время великого княжения Ивана III этим названием пользуется и московская дипломатическая канцелярия.

* * *

Величайшим памятником белорусского языка и культуры является архив канцелярии великого князя литовского, известный под именем «Литовской метрики», в котором сохранились акты и книги, включающие грамоты и документы, написанные

---

[47] В. И. Ламанский. Белая Русь. «Живая старина», вып. III, 1891, стр. 245—250.

по установленной в государственной канцелярии форме. Литовская метрика — собрание документов чрезвычайной ценности, на основе которых можно восстановить быт, культуру белорусского народа, экономическую и социальную структуру общества [48].

---

[48] Организация архива Литовской метрики приходится на время великого князя литовского, жмудского и русского Казимира Ягайловича, когда были установлены должность канцлера и канцелярия при нем. Но как определенный архивный фонд Литовская метрика сложилась в XVI в. Вместе с тем и деятельность, и значение архива заметно увеличились. 2 мая 1558 г. канцлер Великого княжества Литовского, зять великого князя Сигизмунда II Августа, Николай Радзивилл внес предложение, чтобы все «пожалования и данины князские» хранились в одном месте.

Военные действия во второй половине XVII в. тяжело отразились на судьбах Литовской метрики. Часть книг погибла. В 1773 г. по распоряжению правительства Речи Посполитой все документы от 1386 до 1511 г. были переписаны латинским шрифтом. Так собралось 29 томов копий Литовской метрики, которые находились в Варшавском главном архиве. В конце XVIII в. Литовская метрика была перевезена в Петербург, в архив Сената, а в 1889 г.— в Москву. С реформой архивного дела в СССР фонд Литовской метрики составил один из фондов Государственного архива феодально-крепостной эпохи (ныне ЦГАДА). Вероятно, в XVI в. архив Литовской метрики недостаточно бережливо хранился, так как книги стали приходить в ветхость. Поэтому по распоряжению канцлера великого князя литовского Льва Сапеги в 1594 г. было приступлено к переписи книг. Эта большая работа велась 14 лет (1594—1607). Новые книги были снабжены реестрами, а старые положены на хранение в великокняжеском скарбе. С этого времени переписанные книги вошли в ежедневное пользование.

На значение Литовской метрики как исторического источника уже было обращено внимание в 30-х годах прошлого столетия, когда Муханов впервые опубликовал свой «Сборник документов» (М., 1836). В 40-х годах приступила к выборочному изданию документов Петербургская археографическая комиссия (Акты, относящиеся к истории Западной России, т. 1—5, СПб., 1846—1853). С 1903 г. Археографическая комиссия возобновила публикацию материалов Литовской метрики и выпустила 5 томов материалов. На этот раз были изданы не выборочные документы, а полностью 3, 4 и 5-я книги записей (РИБ, т. XXVII), Книги публичных дел и переписи войска литовского 1529 и 1567 гг. (РИБ, т. XXX, XXXIII), Книга судных дел с 1463 по 1523 г. (РИБ, т. XX). Кроме того, Институтом белорусской культуры в Минске была издана 16-я Книга записей (Беларускі архіў, т. II, Менск, 1928) и ряд документов относящихся к истории центральных и местных учреждений (акты к истории Могилевщины), а также по истории финансов Великого княжества Литовского (Беларускі архіў, т. I, 1927), относящиеся к XVI—XVII вв. Белорусской Академией наук изданы Минские акты XV—XVIII вв., относящиеся к истории городского управления и цехового строя в Минске (Менскія акты, выпуск першы, XV—XVIII ст., Менск, 1931). Кроме того, И. Малиновским изданы документы, относящиеся к истории господарской рады (Сборник материалов, относящихся к истории панов-рад Великого княжества Литовского, Томск, 1901), а М. В. Довнар-Запольским — отдельное собрание документов охватывающее время от 1390 до 1529 г. (Акты Литовско-Русского государства. «Чтение в Обществе истории и древностей российских». М., 1900). Последним исследователем изданы также «Сборник документов, извлеченных из архива Литовской метрики» (ДМАМЮ, т. I, М., 1897) и «Литовские упомин-

По своему содержанию архив Литовской метрики разделяется на четыре основных отдела: а) книги записей, б) книги публичных дел, в) книги переписей и г) книги судных дел.

В книгах записей находятся привилеи, выданные городам, местечкам, деревням, привилеи на магдебургское право, на ярмарки, торговлю, постановления относительно новых поборов, документы о ценах, грамоты на предоставление различных должностей — урядов, документы на владение землей князьям, панам, шляхте и всем тем, кто получал от великого князя земельное пожалование или подтверждение права владения землей. Книги публичных дел имеют общегосударственное значение. В них находятся сеймовые постановления, вопросы, предложенные великому князю «станами» сейма и ответы на них великого князя, наказы послам, которые отправлялись в иностранные государства и в Польшу, дела воеводств, распоряжения великого князя по внутренним делам. Вместе с тем в книгах публичных дел находятся и документы, которые по своему содержанию должны были бы быть отнесены к книге записей, а именно — привилеи городам и местечкам с предоставлением им разных свобод по разным предметам, грамоты на занятие должностей, предложения относительно налогов и повинностей — военных и земских.

В книгах переписей находятся описания замков, староств, экономий, земель, поветов, имений, всяких межевых дел,

---

ки татарским ордам» («Известия Таврической ученой архивной комиссии», Симферополь, 1898 и отдельно).

Документы Литовской метрики по копиям Варшавского центрального архива были изданы, впрочем, крайне неисправно Ф. И. Леонтовичем (Акты Литовской метрики. Собраны Ф. И. Леонтовичем, т. I, вып. 1 (1413—1498); вып. 2 (1498—1507), Варшава, 1896 и 1897). С. Бершадский извлек из Метрики литовской документы, относящиеся к истории евреев в Литве и Белоруссии (Документы и регесты к истории литовских евреев, т. I (1388—1550), СПб., 1882).

М. К. Любавский, М. В. Довнар-Запольский, Н. А. Максимейко в качестве приложений опубликовали ряд документов, относящихся к тематике их исследований (М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М., 1892; его же. Литовско-русский сейм. М., 1900; его же. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910; изд. 2, М., 1915; М. В. Довнар-Запольский. Польско-литовские унии на сеймах до 1569 года. М., 1897; его же. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. I. Киев, 1901; его же. Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905; Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. Харьков, 1902).

В 1915 г. б. Архивом Министерства юстиции было предпринято описание книг Литовской метрики, начиная с 5-й Книги записей, выполненное С. К. Шамбинаго и Н. Г. Бережковым. Кроме того, 1-я Книга записей издана полностью.

в частности размежевания Великого княжества Литовского с соседними государствами, особенно в XVII в.

Очень велик отдел «Книги судных дел», дающий представление об организации суда и судебного процесса до введения судебных реформ 40-х годов XVI в.

Небольшая часть документов архива Литовской метрики вышла из канцелярии Великого княжества Литовского на латинском языке. Это в основном документы, имевшие отношение к собственно Литве. Документы, которые относились к Белоруссии и Украине, обязательно выходили на «руском языке». С половины XVII в., когда польский язык стал официальным языком суда и администрации, документы, выходившие из канцелярии, обычно писались «латинскими литерами» или частично на латинском и польском языках.

Без изучения архива Литовской метрики не может быть понята и изучена ни история, ни культура Белоруссии в период господства феодальных отношений. Хотя архив Литовской метрики уже давно стал предметом всестороннего изучения со стороны исследователей, но внимание последних было сосредоточено главным образом на изучении истории Литвы и Белоруссии до 1569 г. включительно, т. е. до объединения Великого княжества Литовского с Польским королевством на сейме в г. Люблине. До настоящего времени почти не был предметом научного исследования и язык Литовской метрики.

Архив Литовской метрики — живой показатель преобладания «руской» (белорусской) культуры в Великом княжестве Литовском, благодаря чему это государство в XV—XVI вв. было более «русским» (белорусским), чем литовским. Архив Литовской метрики — это явление первостепенного значения в истории культуры белорусского народа.

III

Шестнадцатый век в истории западных и восточных славян — знаменательный период в развитии их культуры. Окрепло централизованное Русское государство, окончательно объединенное Иваном Васильевичем Грозным (1533—1584). Русская феодальная культура вступила в полосу своего расцвета, в период своего возрождения. Феодальная боярская крупноземлевладельческая прослойка в основном потеряла благодаря опричнине свое экономическое и политическое значение. На историческую сцену выступило дворянство. Развитие в городах ремесла и рост внешней и внутренней торговли укрепляли экономическое значение города и способствовали увеличению политического удельного веса купечества. Московское самодержавие укрепляло свои политические позиции,

находя опору в дворянстве и городском ремесленно-торговом населении.

Ожесточенная политическая борьба нашла свое отражение в политической литературе XVI в. Иван Пересветов был теоретиком политической идеологии, выступавшей на историческую сцену дворянской феодальной прослойки. Пересветов долгое время состоял на службе западноевропейских государств и общие перемены в экономическом и политическом строе Западной Европы несомненно произвели на него известное впечатление. Пересветов одно время находился на службе у польского и чешского королей. Знакомство с польской политической мыслью того времени в лице Станислава Зборовского, настаивавшего на необходимости постоянного войска, единой государственной казны и справедливого вознаграждения за службу, несомненно оказали влияние на круг политических идей Пересветова. «Туркофильство» Пересветова — тоже в известной мере отражение настроения, господствовавшего в Западной Европе, идеализации турок, их нравов, обычаев, законов и всего политического строя [49]. Конечно, влияние западноевропейской культурно-исторической среды нисколько не воспрепятствовало Пересветову быть оригинальным в своих политико-теоретических взглядах.

Дворянская политика царского самодержавия и дворянская идеология вызвала реакционную отповедь со стороны такого крупного феодала, каким был князь А. М. Курбский, эмигрировавший в Великое княжество Литовское.

Начавшаяся во главе с Вассианом Косым и Максимом Греком борьба против монастырского и церковного землевладения продолжалась с новой силой и в XVI в. Только противники его стали на новый путь — отрицания догматической стороны православной церкви. Старец Артемий, Матвей Башкин и Феодосий Косой — первые представители того индивидуалистического мировоззрения, очагом которого были ереси жидовствующих и стригольников в Новгороде и Пскове. Но для развития индивидуалистического мировоззрения в Москве не было необходимых социально-экономических условий. В городах еще не было той буржуазии, которая, подобно итальянской, могла бы возглавить рационалистическое и индивидуалистическое движение, освобождающее человеческую мысль от церковно-догматической схоластики.

Дворянство и городское население нуждалось в помощи и поддержке самодержавной царской власти, чтобы преодолеть

[49] Д. Егоров. Идея турецкой реформации в XVI в. «Русская мысль», 1907, № VII; В. Ржига. Пересветов и западная культурно-историческая среда. СПб., 1912.

феодальные иммунитеты крупной земельной знати. Царская же власть при идеологической поддержке со стороны церкви во главе с митрополитом Макарием выступала как защитница старого феодального мировоззрения, на основе которого разрабатывалась теория московского самодержавия. В разработке этой теории видное место принадлежит митрополиту Макарию, человеку весьма одаренному, с широкими планами, церковно-государственными и литературными.

По инициативе митрополита Макария было задумано грандиозное литературное мероприятие — собрать в одно целое «все святые книги, которые в Русской земле обретаются». Этот труд был начат в Новгороде, где Макарий занимал архиепископскую кафедру, и полностью окончен в Москве. Так возникли известные Четьи-Минеи — собрание церковно-литературного материала, расположенного по месяцам. Четьи-Минеи должны были дать русским людям целую энциклопедию знаний, которые остановили бы «шатание» нравов.

Задача Макария и его кружка заключалась не только в том, чтобы обосновать идеологически и исторически объяснить образование самодержавного Московского царства, но и оправдать права церкви на владение церковными имуществами. И все же при жизни Макария были составлены и получили распространение жития святых, вышедшие из круга противников церковного землевладения, так называемых «заволжских старцев».

С целью исторически оправдать объединение русских земель в единое Русское государство и обосновать установление самодержавной власти было предпринято составление общерусского летописного свода, известного под именем «Степенной книги» Официальная теория установления царской власти, разумеется, не отвечала интересам крупнофеодальной знати, которая в лице князя А. М. Курбского выработала свою собственную историческую концепцию, своими корнями связанную с отжившим историческим прошлым и отрицавшую ту провиденциальную точку зрения, которая лежала в основе «Степенной книги».

К трудам школы Макария принадлежит и «Домострой» известного Сильвестра, которому одно время приходилось играть видную роль в политической жизни Русского государства.

Автор «Домостроя» всем своим мировоззрением связан с прошлым. Значение его труда в том и заключается, что он объединил все те правила поведения человека, которые вырабатывались в период феодальной раздробленности. Объединенные в одном труде они представляли собою целую систему взглядов, определявших поведение человека в сфере семейной, религиозной и государственно-общественной. «Домострой» — сборник наставлений и правил, на которых должна была базироваться жизнь русского общества в едином самодержавном

государстве. Вся эта громадная кодификационная работа — факт большого культурного значения.

Рост феодальной культуры сказался и во введении книгопечатания, связанного с именем дьякона Ивана Федорова и белоруса Петра Мстиславца, уроженца г. Мстиславля [50].

Блестящее развитие русской архитектуры на основе народного деревянного зодчества было наглядным показателем роста национальной русской культуры. О том же свидетельствовало замечательное развитие живописи, как фресковой, так и станковой. И в фресках и в иконописи звучат те же мотивы, что и в литературных произведениях,— прославление самодержавия. Церковная живопись отказалась от византийских образцов. В ней больше реализма и знакомства с анатомией человеческого тела. В ней чувствуется влияние итальянского возрождения, отражение свойственного ему реализма и индивидуализма. Так с образованием единого Русского самодержавно-феодального государства достигла значительного развития русская феодальная культура.

С образованием единого Русского государства закончился длительный процесс формирования русской (великорусской) народности и единого русского языка с его отдельными наречиями местного происхождения. Объединительная литературно-политическая деятельность Макария и его кружка сохранила старый церковно-славянский язык, как язык письменности, но в нем уже не было церковной славянщины в чистом виде. Язык письменности начинает приближаться к живому разговорному русскому языку.

* * *

Чешское национально-культурное движение, связанное с именами Яна Гуса и его сторонников,— замечательный период культурно-национальной жизни чешского народа. Борьба против немецкого засилья и пренебрежительного отношения к чешскому народу, его культуре и языку послужила стимулом для развития чешской национальной культуры.

Чехия XV и начала XVI в. была феодальной монархией с сильно развитым городским строем и окрепнувшей чешской буржуазией, с развитым чешским ремеслом, центром которой была столица Чехии — «Золотая Прага».

Борьба чешского народа против феодальной эксплуатации была подавлена усилиями чешских и немецких феодалов, но начавшее развиваться чешское национально-культурное движение, застрельщиком которого был город, не было остановлено.

---

[50] Иван Федоров первопечатник. М.— Л., 1935.

Развитие национального самосознания прежде всего сказалось в появлении документов и книг на чешском языке. При Карле IV (1346—1378) официальным языком королевской канцелярии оставался язык латинский. Все документы, выходившие из королевской канцелярии, публиковались на латинском языке. Но в то же время уже в 1370 г. появляются грамоты на чешском языке. Чешский язык становится языком литературы. Известный чешский писатель Томаш Штитный, младший современник Карла IV, пользовался исключительно чешским языком в своих философско-публицистических произведениях. Так называемая хроника Далимила и песня на смерть пана Вильяма Зайца из Валидека рассматриваются чешскими историками литературы как образец старочешского поэтического языка.

Чешский литературный язык к началу XV в. достиг уже такого развития, что можно было приступить к составлению новой редакции перевода на чешский язык Библии, первоначальная редакция которой относится еще ко времени Карла IV. Наиболее ранний текст первой редакции перевода Библии на чешский язык относится к началу XV в.

Чехия вскоре вслед за другими странами стала печатать книги. Если первая в Европе книга появилась в 1450 г. в Майнце, а в 1464 г. было положено основание типографскому делу в Италии [51], то в Чехии уже в 1468 г. появилась в Пльзене первая чешская типография. Затем книги стали печатать в Праге, где в 1478 г. были впервые опубликованы сеймовые постановления. В 1488 г. была напечатана чешская Библия. В 1489 г. была заложена типография в Кутной Горе. В начале XVI в. чешскими братьями были основаны типографии в Литомышле, в Новом Болеславе. Тогда же появились первые типографии в Моравии — в Брно и Оломуце [52]. Книги печатались на латинском, чешском и немецком языках. Всего от периода с 1468 по 1626 г. сохранилось около 180 книг, из числа которых на пражские издания падает 75.

К началу XVI в. в Чехии получили распространение три чешские Библии: Пражская (1488), Кутногорская (1489) и Венецианская (1506). Чешская Прага была центром национально-политической и культурной жизни чешского народа. Своими торговыми интересами Чехия была связана с Восточной и Западной Европой. Значительны были экономические связи Чехии с Великим княжеством Литовским вообще и с Белоруссией в частности. На территории последней было найдено множество кладов чешских монет — лучший показатель широко развитых

[51] J. Огієнко. Історія українського друкарства, т. I. Львів, 1925, стр. 1.

[52] А. Ясінскі. З культурнае гісторыі Чэхіі ў пачатку XVI ст. «400-лецьце беларускага друку (1525—1925)». Менск, 1926, стр. 50—51.

торговых сношений [53]. Пражские монеты получили такое значительное распространение, что одно время при всех денежных расчетах в Великом княжестве Литовском исключительно пользовались пражскими монетами — грошами [54].

Пражский университет, реформированный при Яне Гусе, стал подлинным центром национально-культурного чешского движения. Он привлекал к себе учащуюся молодежь из других соседних стран, в том числе из Польши и Великого княжества Литовского.

* * *

Польша в конце XV и начале XVI в. также вступила на путь национально-культурного возрождения, на путь разрыва со средневековым феодальным мировоззрением, цитаделью которого был Краковский университет. Но схоластическая постановка преподавания в университете уже не удовлетворяла учащуюся польскую молодежь. Она устремляется в заграничные университеты. Помимо чешской Праги, польская шляхетская молодежь посещала университеты Италии, в особенности Падуанский. Поляки числились в списке студентов университета в Лейпциге, Кельне. Не был забыт поляками и университет в Базеле. Краковский же университет еще сохранял свое значение научного центра и привлекал к себе внимание иностранных студентов. С 1433 по 1506 г. из общего количества студентов Краковского университета — 17 263 на долю иностранцев приходилось 7611 — из Венгрии, Силезии, Швейцарии, Италии, Бельгии и Испании [55]. Однако даже в конце XV в. в нем преобладало средневековое схоластическое направление [56]. Книгопечатание проникло в Польшу в конце XV в., хотя не представляется возможным определить время основания первой типографии в Кракове. В 1491 г. краковский мещанин Святополк (Швайпольт) Фиоль издал пять богослужебных книг на церковно-славянском языке, но польское правительство прекратило печатание славянских книг [57]. Постоянная типография в Кракове появляется лишь в 1503 г., а затем стали открываться типографии и в других городах.

Книгопечатание в Польше, как и в других государствах, становилось мощным орудием борьбы со средневековым мировоззрением. Конец XV в. является переломным моментом

[53] П Харлампові ч. Праскія грошы ў беларускіх монэтных скарбах. «Гістарычна-археалегічны зборнік», № 1, Менск, 1927.

[54] А. Киркор. Монетное дело в Литве. «Труды Московского археологического об-ва», т. II. М., 1870.

[55] A. Karbowiak. Studja statystyczne z dziejów Uniwersytetu Jagiellońskiego 1433—1510. Kraków, 1892.

[56] K. Morawski. Historja Uniwersytetu Jagiellońskiego, t. II. Kraków, 1900

[57] J. Огіенко. Указ. соч., стр. 8.

и в культурной жизни Польши. Начинают отмирать старые культурные традиции; в литературе появляются новые веяния. Польский язык начинает завоевывать свое место и в литературе. Свобода индивидуального развития становится идеалом польского шляхтича. Итальянское Возрождение XV в. и реформация в Германии послужили мощным толчком к национально-культурному и политическому движению в Польше XVI в.

* * *

В XVI в. закончилось образование белорусской народности и формирование белорусского языка. Народное хозяйство в Белоруссии находилось в стадии подъема, города стали виднейшими торговыми центрами. Белоруссия поддерживала оживленные торговые и культурные связи с Западной Европой, в особенности с Италией и Чехией. Нарождавшийся новый класс — буржуазия начинала осознавать свою экономическую силу и свое политическое бесправие. Города Белоруссии становятся центрами значительного гуманистического просветительского движения, подобного итальянскому и западноевропейскому гуманизму, с которым горожане имели возможность познакомиться благодаря частым посещениям университетов в Италии и в Западной Европе.

Правда, белорусский народ не имел государственной самостоятельности и находился под суверенитетом Великого княжества Литовского. Однако это отнюдь не уменьшало политического и культурного значения белорусской народности.

Белорусское Возрождение имело индивидуалистический характер. Это нашло яркое отражение в законодательстве Великого княжества Литовского, в появлении национальной литературы, в создании литературного белорусского языка на основе народного языка, в формировании новой белорусской интеллигенции.

Новое культурное движение началось прежде всего в городах. Борьба между городским населением и землевладельцами за экономические привилегии быстро поставила горожан во враждебные отношения к католичеству и протестантизму, поскольку и последний становился вероисповеданием землевладельцев, сословия, враждебного городскому населению.

Борьба со шляхетством и нападки католиков на православных придали гуманистическому городскому движению национально-религиозный характер, что особенно выявилось в связи с церковной унией 1596 г. К гуманистическому движению примкнула и часть магнатов белорусской национальности, еще полностью не оторвавшаяся в этот период от своего народа. Гуманистическое городское движение не противоречило классовым

интересам землевладельцев постольку, поскольку оно не затрагивало вопроса о существовании феодально-крепостнических отношений. Но как только обострилась классовая борьба в деревне и крестьяне в конце XVI в. начали выступать активно против землевладельцев, последние поспешили примкнуть к католическому реакционному движению, которое становилось опорой существующего социального строя и врагом всякой свободной мысли.

Белорусские гуманисты-просветители пользовались как языком письменности народным языком. В этом отношении гуманистическое движение в Белоруссии является наглядным показателем роста национально-культурного самосознания формировавшейся белорусской народности.

Величайшим представителем гуманистического культурного движения в Белоруссии был Георгий (Юрий) Франциск Скорина, «сын Полоцка», «из славного града Полоцка», согласно его собственному замечанию. Многие стороны биографии Скорины остаются пока невыясненными. Неизвестна дата его рождения. Можно только утверждать, что он родился в конце XV в. В исторической литературе высказывалось мнение, будто Скорина родился в 1490 г., так как в 1504 г. он поступил в Краковский университет, куда могли поступать лица не моложе 14 лет.

Вероятно, Скорина первоначальное образование получил в городской церковно-приходской школе, из которой он вынес знание церковно-славянского языка. Недаром великий гуманист-просветитель Скорина, выпуская впоследствии свой «Псалтырь», имел в виду потребности школы: «детем малым, початок всякое

В 1504 г. Скорина — уже в стенах Краковского университета, где в 1506 г. получил степень бакалавра на философском факультете.

Неудовлетворенный медицинским образованием, полученным в Кракове, Скорина направляется в Италию и поступает в Падуанский университет[58]. В 1512 г. коллегия медицинского факультета разрешила Скорине бесплатно сдавать докторский экзамен, который был выдержан им блестяще. Так он стал «доктором лекарских наук».

Период жизни Скорины после окончания университета в Падуе остается неосвещенным, но в 1517 г. он уже находился в чешской Праге, где в течение 1517—1520 гг. печатал свой перевод Библии. Возможно, что Скорина прибыл в Прагу много раньше и работал здесь над своим переводом Библии.

Прага чешская была тогда центром славянского книгопечатания, которое было поставлено образцово. Пражские

---

[58] Д. Егоров. Падуанскі універсітэт у XV—XVI сталецьцях. «400-лецьце беларускага друку (1525—1925)». Менск, 1926, стр. 23—38.

типографии были одними из лучших в Европе. В Белоруссии, в самом Полоцке пока не было условий, чтобы устроить типографию для печатания книг.

После Праги Скорина переносит свою деятельность в Вильну, где основывает типографию «в дому почтивого мужа Якуба Бабича, наистарейшего бурмистра славного и великого места Виленского». Здесь в 1525 г. Скорина выпускает «Апостола» — первую печатную книгу в Белоруссии, а затем «Малую подорожную книжицу». После 1525 г. прекращаются наши сведения о жизни и деятельности первого просветителя Белоруссии. Известно только, что его родной брат предъявил в суд иск по долговым обязательствам Скорины. Можно предполагать, что материальное положение Скорины пошатнулось и его культурная деятельность должна была прекратиться.

Опубликованные А. Миловидовым новые документы о великом гуманисте-просветителе устанавливают, что в конце 20-х годов он уже находился в Кенигсберге на службе герцога прусского Альбрехта. 18 мая 1530 г. прусский герцог обратился к Виленскому сенату с просьбой о разрешении Скорине приехать в столицу по семейным обстоятельствам. Из писем прусского герцога видно, что он высоко ценил Скорину, называя его «выдающимся и многоученым мужем» (egregium multumquae eruditionis virum). Разрешение на приезд в Вильну было дано. Скорина выехал из Кенигсберга вместе с каким-то евреем, бывшим на службе у герцога. Раздраженный герцог в письме от 26 мая 1530 г. к воеводе Гаштольду обвинял Скорину в том, что он увел с собой еврея, который был при его дворе доктором и одновременно типографом [59].

Известно, что судебный процесс окончился в 1532 г. неудачно для Скорины. Все его имущество было конфисковано, он был разорен. К сожалению, не известно, когда и где умер первый белорусский гуманист [60]. До сих пор многое о Скорине остается не вполне освещенным. По отдельным вопросам имеются в исторической литературе существенные разногласия, в первую очередь о его социальном происхождении. П. В. Владимиров считает Скорину принадлежащим к богатой купеческой семье [61], Н. А. Янчук — выходцем из шляхетской семьи, так как Скори-

---

[59] А. Миловидов. Новые документы, относящиеся к биографии Франциска Скорины. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1917, кн. II, стр. 221—226.

[60] О Скорине имеется значительная литература. Основным трудом является исследование: П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888. Основная литература о Скорине с 1776 по 1926 г. дана в работе: У. Пічэта. «Scoriniana». «400-лецьце беларускага друку (1525—1925)», стр. 284—327 и в настоящем сборнике.

[61] П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина, стр. 45.

на имел герб, хотя его родственники принадлежали к городскому сословию[62]. Утверждения Н. Янчука не выдерживают критики. Тот знак, который Н. Янчук принял за шляхетский герб, в действительности им не был. Это был своего рода символический астрологический знак, как предполагает П. Владимиров. Принадлежность Скорины к богатой купеческой семье опровергается документами, открытыми И. А. Шляпкиным. Оказывается, что Скорина не мог оплатить расходов по докторскому экзамену и обратился к медицинской коллегии университета с просьбой разрешить ему сдавать экзамены бесплатно. Медицинская коллегия университета удовлетворила его просьбу[63].

Возникли разногласия в исторической литературе и о национальном происхождении Скорины, хотя этот вопрос настолько ясен, что не может вызвать каких-либо разногласий.

В документах Падуанского университета, опубликованных И. Шляпкиным, совершенно отчетливо было указано на белорусское происхождение Скорины. В них он назван «руским», родом из Полоцка, сыном умершего Луки (guandam D. Lucae Scorina de Poloczko Ruthenus). Этот документ точно устанавливает белорусское происхождение Фр. Скорины. Между тем были попытки со стороны польских исследователей причислить полоцкого гуманиста к полякам. Так, Линде еще в начале XIX в. считал Скорину поляком[64]. Правда, Вишневский, историк польской литературы середины XIX в., признавал Скорину «известнейшим деятелем в белорусской литературе», но в то же время считал, что белорусский язык Скорины во всех отношениях наиболее приближается к польскому[65]. Позже версию Линде поддержал Виндакевич[66].

Большой спор в исторической литературе шел и по вопросу о вероисповедной принадлежности ученого. Одни исследователи причисляли Скорину к католикам и униатам, другие — к православным. Попытка доказать принадлежность Скорины к римско-католическому или униатскому вероисповеданию, а также причислить его к лагерю протестантов была не только научно-теоретическим спором. Она преследовала определенную цель — оторвать Скорину от белорусского народа, показать, что

---

[62] Н. А. Янчук. Нарысы па гісторыі беларускае літэратуры. Менск, 1922, стр. 8.

[63] И. Шляпкин. К биографии Ф. Скорины. ЖМНП, 1892, № 4, стр. 382—385.

[64] S. B. Linde. O literaturze Rossyjskiej. «Pamiętnik warszawski», t. XI, Warszawa, 1815, str. 277.

[65] H. Wiszniewski. Historja literatury polskej», t. VIII. Kraków, 1851, str. 466.

[66] Windakiewicz. Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce Kraków, 1892, str. 158 и сл.

Скорина никоим образом не может быть отнесен к подлинным белорусским просветителям.

В деятельности Скорины нет никаких указаний на его симпатии к протестантизму. Наоборот, защита им культа святых — наглядное опровержение мнения о протестантизме Скорины. Правда, львовский ученый Головацкий высказался в пользу протестантизма Скорины. По его словам «предшественником проповедования реформации можно почитать Франциска Скорину из Полоцка... Видев, с якою ревностию протестанты старалися в Германии, в Чехах и др. землях розширити чтение Библии на народном языце, полагая священное писание единственным источником и основанием веры, без всякого сомнения и Фр. Скорина хотел прислужитись своим землякам Библиею на русском языце и при пособии одномышленников постарался о издании ее людем посполитым к доброму наученю» [67]. Но эти логические по существу соображения отнюдь не могут служить доказательством в пользу протестантизма Франциска Скорины, если даже допустить, что под влиянием реформационного движения в Чехии и Германии Фр. Скорина задумал грандиозный труд перевода Библии на язык своего народа.

Предположение основателя славянской филологии Добровского о возможной принадлежности Фр. Скорины к униатам остается единичным в литературе. Но тот же Добровский одновременно высказался в пользу католичества Фр. Скорины, и его точка зрения была поддержана рядом исследователей. По их мнению, в пользу католичества Фр. Скорины свидетельствует то, что он в основу своего перевода Библии положил латинскую Библию — Вульгату, что он носил не православное имя, что в Краковский университет допускались только одни католики. Но и эти соображения недостаточны, чтобы объявить Фр. Скорину католиком. Прежде всего Скорина пользовался не Вульгатой, а чешским переводом Библии и церковно-славянскими текстами; далее, у Скорины было и православное имя — Юрий. Остается только третье соображение — пребывание в католическом Краковском университете. Само по себе оно не может считаться достаточным основанием, чтобы считать Фр. Скорину католиком. В опровержение версии о католическом вероисповедании Фр. Скорины и для доказательства его православного вероисповедания было приведено Викторовым несколько соображений, не вызывающих никаких сомнений. Так, Викторовым было отмечено, что виленское издание Фр. Скорины имело в виду удовлетворение потребностей в богослужебных книгах

---

[67] Я. Ф. Головацкий. Несколько слов о Библии Скорины и о рукописной Библии из XVI ст. «Науковы сборник, издаваемый Литературным обществом Галицко-Русской Матицы», вып. IV. Львов, 1865, стр. 230.

отнюдь не католической, а православной церкви, что перевод Библии на белорусский язык был предпринят Фр. Скориной для укрепления среди своего народа православия, а не католичества или протестантизма. Взгляды Викторова[68] были поддержаны П. В. Владимировым[69], А. Архангельским[70], Е. Ф. Карским[71] и др. П. Владимиров правильно отметил, что в начале XVI в. в Полоцке не было ни одной католической церкви.

Не может также служить показателем принадлежности Скорины к католичеству его имя Франциск, так как он имел и православное имя — Юрий. Кроме того, в Белоруссии в тот период был распространен обычай пользоваться двумя именами. Наконец, по словам Петрушевского, только под маской католика Скорина мог проникнуть в Краковский университет, поэтому Скорина и заимствовал католическое имя — Франциск. Таким образом, Георгий (Юрий) Скорина — белорус по национальности — был несомненно православным и по вере.

Скорина приступил к изданию «Библии руской» в 1517 г. и в течение 3 лет напечатал почти все библейские книги, за исключением двух. Быстрота, с какой публиковались книги, свидетельствует о том, что переводы библейских книг были подготовлены еще до 1517 г., во всяком случае те, которые были изданы в 1517 г.

Скориной были изданы книги: Псалтырь, Иова, Притчи, Сираха — в 1517 г.; Екклезиаст, Песнь песней, Премудрость Соломона, Книги Царств, Иисуса Навина — в 1518 г.; Юдифь, Есфирь, Книга Руфь, Судей, Пятикнижие Моисея (книги Бытия, Исхода, Левита, Чисел и Второзакония), Плач пророка Иеремии, Даниила — в 1519 г.[72].

Свое участие в издании «Библии руской» отмечается Скориной различно. В разных книгах имеются приписки: книга издана «повелением Скорины», «працею и выкладом Скорины», «выложена працею и вытиснена повелением Скорины». В «Псалтыре», «Книге Иова» и «Притчах Соломона» имеется приписка: «Разом есмы тиснуты». Все эти замечания свидетельствуют о том, что Скорина не был типографом. Он был только организатором печатания книг и их переводчиком.

Перевод Скориной Библии на «русский язык» — огромный труд, факт большой значимости в истории белорусской

---

[68] А. Викторов. Замечательное открытие в древнерусском книжном мире. «Беседы в Обществе любителей российской словесности», вып. I М. 1867, стр. 12—20.

[69] П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина..., стр. 172.

[70] А. Архангельский. Образование и литература в Московском государстве конца XV и XVI столетий. Казань, 1898, стр. 343.

[71] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. 2. Пг., 1921, стр. 25.

[72] Там же, стр. 23.

культуры и в развитии белорусского языка. Великая историческая заслуга Скорины заключается именно в том, что он был основоположником литературного белорусского языка и стремился сделать «слово божие» доступным своему народу. Для Скорины Библия — источник всяких знаний, ее содержание — это жизненная философия, которую он хотел сделать доступной «простому народу».

Перевод Скориной Библии ставит вопрос об оригинале, который он использовал. Нет никакого сомнения в том, что Скорина для своих переводов пользовался чешской Библией 1506 г. и церковно-славянскими текстами отдельных библейских книг, напечатанных Фиолем. М. С. Грушевский рассматривает издательскую деятельность Скорины как продолжение деятельности Фиоля. После разгрома польским правительством Краковского издательства было необходимо перенести его в какой-то иной центр за пределами Польского королевства. Была избрана Прага[73]. Таким образом, Скорина стал продолжателем традиции печатания книг на славянском языке. Только, по мнению М. С. Грушевского, под влиянием чешского национального движения, с его тенденциями к переводу священного писания на народный язык, Скорина стал издавать не церковно-славянские тексты, а переводы, приспособленные к народному языку. Но эта точка зрения, частично правильная, не может быть достаточной для понимания оценки переводческо-издательской деятельности великого гуманиста-просветителя. Деятельность его была связана с глубокими внутренними изменениями в социально-экономической жизни Белоруссии и с культурными сдвигами в XV в.

Экономический рост городов повлек за собой социально-политическое укрепление городской верхушки. Она держала в своих руках все управление городом. До сих пор феодальная культура была представлена церковными кругами, к которым примыкала крупная феодальная знать. Но культурно-бытовой уровень духовенства был низок. Православное духовенство было оторвано от общения с церковной культурой Северо-Восточной Руси. Городское население уже не могло довольствоваться теми знаниями, которые оно приобретало в городских церковно-приходских школах. Оно начинало стремиться к расширению своего умственного кругозора и своих знаний. Торговые связи с Чехией и Западной Европой, поездки в заграничные университеты, проникновение памятников югославянской и западнославянской письменности имело громадное значение для развития культурного самосознания городского населения.

---

[73] М. Грушевський. Історія українскої літератури, т. V, вып. 1. Київ — Львів, 1926, стр. 125.

Связанные с широкими народными белорусскими массами и не отделенные от них феодально-крепостническими перегородками, городские общественные круги, поднимая вопрос об обновлении культурной жизни, стремились и к просвещению народных масс. Но чтобы просвещение было действительным, для этого необходимо, чтобы языком письменности стал язык, понятный и доступный народу, т. е. белорусский язык.

Этой высокой цели — служению своему народу и развитию его культуры — посвятил Юрий-Франциск Скорина свою сравнительно короткую, но очень напряженную и весьма плодотворную для развития белорусской культуры жизнь.

В период господства феодально-крепостнических отношений книги священного писания были источником всяких знаний и собранием нравственно-поучительных правил, определявших поведение человека и общества. Но книги священного писания не могли получить широкого распространения в обществе: они были известны в рукописях, а право толкования их содержания принадлежало только духовенству.

Появление книгопечатания, удешевляя стоимость книги, делало ее распространение более широким, при условии, конечно, если текст книги был доступным народным массам. Это могло быть только тогда, когда перевод Библии был сделан на народный язык.

Но, приступая к выполнению своего замечательного труда, Юрий-Франциск Скорина не ограничивался только одним переводом текста. Он сопровождал переводы библейских книг своими предисловиями, в которых высказывался по вопросам, затронутым в той или иной библейской книге. В предисловиях Скорины отражается вся сущность его философского мировоззрения, которое дает полное основание причислить его к гуманистам-просветителям. Переводы Скорины отнюдь не текстуальны. Скорина иногда отступает от библейского текста и дополняет его своими толкованиями. В этом сказался критический рационализм Скорины. Но этот рационализм все же проявлялся сравнительно редко. В основном Скорина держался религиозной традиции, не проявлял новаторства, не пытался проводить ревизию библейского текста, как правильно заметил М. С. Грушевский [74]. В пражских и виленских изданиях Скорины, по мнению М. С. Грушевского, нет никаких следов ни гуситских тенденций очищения церкви, ни реформационных отголосков. Он полностью стоит на основе православной традиции. Использование Скориной текстов чешской и церковно-славянской Библий для своих переводов отразилось на их языке. В изданных переводах с церковно-славянского сохраняется

[74] Там же.

в основном церковно-славянский язык («Псалтырь», «Апостол»), с пояснениями на полях непонятных церковно-славянских выражений. Наоборот, в остальных изданиях язык Скорины приближается к разговорному «простому» языку.

Отмечая некоторый уклон Скорины в сторону церковной традиции, акад. А. И. Соболевский выступил против взгляда П. В. Владимирова на Скорину, как на защитника языка «простых людей», стремившегося к тому, чтобы сделать священное писание «понятным для людей руского языка». А. И. Соболевский, наоборот, утверждает, что в понятии Скорины не было ясного размежевания «руского языка» от «словенского» вообще [75]. Но эта точка зрения А. И. Соболевского осталась одинокой. Акад. Е. Ф. Карский так характеризует язык переводов Скорины: «Св. книги он печатает по возможности на понятном для народа языке. Он не решается еще перейти на чисто народную речь: у него не редкость аористы, имперфекты, часто образованные неправильно, и другие церковно-славянские особенности в языке; рядом с этим довольно обычны чехизмы, как дань оригиналу, с которого он делал свои переводы,— но все же основа языка народная, белорусская, с теми особенностями, которые характеризуют старый его извод в Литовском государстве» [76].

С именем Скорины связано открытие первой типографии в Белоруссии и выпуск первой печатной книги.

В Виленской типографии Скорины вышли только две книги: «Апостол» в 1525 г. и «Малая подорожная книжица», которая содержит «Псалтырь», «Часословец», «Акафисты», «Каноны», «Шестодневец», «Святцы краткие» и «Пасхалия на многие лета». «Апостол», выпущенный Скориной, был первым печатным изданием этой книги на славянском языке.

В основу издания Скориной «Апостола» положен церковно-славянский перевод, наиболее близкий к тексту польской Библии арх. Геннадия 1499 г. Как и при издании «Псалтыри» в 1517 г., Скорина, точно воспроизводя текст, заменял непонятные слова белорусскими. В особенности это касалось греческих слов, в изобилии разбросанных в «Апостоле». Такая замена совпадает с чешской Библией 1506 г. Что касается «Псалтыри», вошедшей в состав «Малой подорожной книжицы», то она наиболее близка к пражскому изданию «Псалтыри» 1517 г. Остальные составные части «Малой подорожной книжицы» заимствованы из различных церковно-славянских текстов.

Скорина — просвещеннейший человек своего времени. По справедливому замечанию Е. Ф. Карского, он ни в чем не усту-

---

[75] А. И. Соболевский. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык (рецензия). ЖМПН, 1888, № 10, стр. 321 и сл.

[76] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. 2, стр. 24.

пал тогдашним западноевропейским деятелям, ни по своему уму, ни по энергии, ни по своим высоким замыслам.

Патриотические взгляды Скорины ярко проявляются в его предисловии к книге «Юдифь»: «Понеже от прирожения звери ходящие в пустыни, знают ямы своя. Птицы летающие по воздуху ведають гнезда своя. Рыбы плывающие по морю и в реках чують виры своя. Пчелы и тым подобныя боронять ульев своих. Також и люди игде зародилися и ускормлены суть, по бозе ктому месту великую ласку имають». Патриотизм — любовь к своей родине и к своему народу ко многому обязывают. Это прекрасно понимал Скорина, когда писал: «Нарожены в руском языку» он, Скорина, посвящает свой труд «своей братии Руси, наиболее с тое причины, аж мя милостивый Бог с того языка на свет пустил». В своем общем предисловии к Библии Скорина просит «розумнейших» исправлять ошибки его труда «для Бога и для посполитого доброго». Свой труд Скорина рассматривает, как общественное служение своему народу. В книге «Исход» Скорина сравнивает свое дело с жертвами, которые предписаны правилами Храма для бедных людей: «Також и мы братия, не можем ли во великих послужити посполитому люду рускаго языка, сие малые книжки праци нашее приносимо им». Таковы были задачи, которые преследовал великий просветитель, приступая к изданию своего труда: «Бивлия Руска, выложена доктором Францискем Скориною из славнаго града Полоцька, богу ко чти и людем посполитым к доброму научению».

Свое общественное служение на благо «посполитого народа» Скорина начал с печатания «Псалтыри» в 1517 г. И это, конечно, не случайно. «Псалтырь» была книгой, по которой обучали детей грамоте. Поэтому уже в XV в. предпринимались опыты перевода «Псалтыри» на белорусский язык. Свое издание «Псалтыри» Скорина посвящает «детем малым», как «початок всякое доброе наукы».

«Псалтырь» в отличие от библейских книг — это энциклопедия тогдашних знаний и сборник правил общественной морали и общественного поведения.

Рассматривая «Псалтырь», как учебник славянской грамоты, Скорина напечатал его на славянском языке, но вместе с тем, желая сделать «Псалтырь» доступной пониманию простым людем, Скорина «положил есми на боцех (полях.— *В. П.*) некотории словы для людей простых...», т. е. сделал перевод их на русский язык. Издавая «Псалтырь», Скорина пользовался русскими списками XV и XVI вв., частично чешским текстом. Разделение псалмов на стихи сделано Скориной по образцу издания «Псалтыри» в Цетинье в 1495 г., а не венецианского издания Божидара Вуковича. Изучение текста псалтыри

позволило исследователям прийти к выводу, что он ближе всего подходит к тексту Геннадиевой библии 1499 г.

Для Скорины «Библия греческим языком, по руски сказуется книга» — источник просвещения и мудрости. «Святое письмо все иные науки превышаеть, понеже еда бываеть чтено под простыми словы замыкаеть тайну и тако младенцем и людем простым есть наука, учителем же и людем мудрым — подивление... В сей книзе вси законы и права ими же люде на земли справоватися имають пописаны суть. В сей книзе вси лекарства душевные и телесные зуполне (сполна.— *В. П.*) знайдете. Ту навучение философии добронравное, яко любити Бога для самого себе и ближняго для Бога имамы. Ту справа всякого собрания людского и всякого града, еже верою соединением ласки и згодно посполитое доброе помножено бываеть». Все «семь свободных наук» по мысли Скорины ведут свое начало из Библии. Скорина правильно оценил поэтическое содержание Библии. Желающие познакомиться с другими науками также найдут в Библии нужный материал. Для познания арифметики необходимы «четвертые книги Моисеевы», ибо они хотя «во кратце, а не омылке считати учать». Для знакомства с геометрией, «еже по руски сказуется землемерие, чти книги Иисуса Навина». С началами «астрономи или звездочети» также познакомит эта книга. «А то суть седм наук вызволенных» (свободных) — говорит Скорина. Но другие книги Библии нравоучительны по своему содержанию. Каждая из них имеет определенное теоретическое содержание. Так, книга «Второзакония» знакомит с понятием о законе и о разных видах законодательства. Закон же, по мнению Скорины, основа всякого общественного строя. «Притчи Соломоновы» важны, как «наука и мудрость добрых нравов». Они могут служить «людем простым посполитым, к пожитку и ко размножению добрых обычаев. Абы научивши ся мудрости, добре живучи на свете милостивого Бога хвалили». Эти книги полезны для всех: «мудрому и безумному, богатому и вбогому, младому и старому. Наболеи тым ониже хотят имети добрые обычае и познати мудрость и науку». В «Книге Иисуса сына Сирахова»: «Всябо Саломонова и Аристотелева божественая и житейская мудрость в сеи книзе краткыми словы замкнена есть. Прото ж и я для похвалы божиеи и для посполитого доброго иразмножения мудрости: умения, упатренности, разуму, и науки. Приложил есм працу выложити Книгу сию нарускыи язык». Книга Иова, пишет Скорина, «всякому человеку потребна чести, понеже ест зерцало жития нашего, Лекарство душевное, Потеха всем смутным на более тым, ониже суть в бедах и в немощах положены. Просто ж я Франциш\u0435к Скорина, сын с Полоцка, Влекарских науках Доктор. Знаючи сие, иже есть наивысшая мудрость Размышление смер-

ти и познание самого себе и въспоминанне на приидущие речи. Казал есми тиснути». Книгу Юдифи Скорина рассматривает как пример патриотизма, который двигает народ на борьбу за освобождение родины от захвата ее чужеземцами. Книги судей и Маккавеев для Скорины — это эпический рассказ о «военных и богатырских делах».

Составляя свои предисловия к отдельным библейским книгам, Скорина частично пользовался толкованиями блаженного Иеронима и латинскими комментариями Николая Лирана, но рядом с этим Скорина вкладывает в свои предисловия много самостоятельных суждений, которые ярко характеризуют моральную индивидуальность великого деятеля белорусского Возрождения.

В предисловии Скорины встречаются вставки, которые интересны не содержанием, а формой. Скорина прибегал к стихотворной форме речи для выражения моральных представлений. Так, в книге Иова им вставлено четверостишие:

Богу в Троици единому ко чти и ко славе,
Матери его Пречистой Марии к похвале,
Всем небесным силам и светым его к веселию,
Людям посполитым к доброму научению.

В книге Эсфири, вспоминая об известной истории Эсфири и Мардохея с Аманом, Скорина в рифмованной форме высказывает мысль, которая напоминает собой народную поговорку, как отметил Н. А. Янчук.

Не копай под другом своим ямы —
Сам ввалишься в ню,
Не ставь, Амане, Мардохею шыбеницы,
Сам повиснеш на ней.

В книге «Исход», где говорится о законодательстве Моисея, Скорина изложил стихами десять заповедей.

Веруи в Бога единого,
А не бери надармо имени его.
Помни дни светые светити,
Отца и матку чтити.
Не забывай ни едина.
И не делай греху блудна.
Не вкради что дружнего.
А не давай сведецтва лжива.
Не пожедаи жены ближнего,
Ни имения или речи его.

Говоря о сущности мировоззрения Скорины, М. С. Грушевский отмечает, что «ни в предисловии к Библии, ни в разных заметках, щедрою рукой разбросанных Скориной по отдельным

книгам, мы не находим никакого указания на связь его работы с какой-нибудь религиозной доктриной — протестанской или иной — ни в изданиях пражских, которые хронологически предшествуют протестанскому движению, ни в позднейших виленских изданиях. По всей вероятности, Скорина был православным и держался своей веры. Свою работу он толкует мотивами национального и культурного характера, желанием послужить своему обществу и народу — «к научению людем посполитым руского языка», «своему прироженому рускому языку, к науце всего доброго», «доброго посполитого», защитником которого он выступает в своих авторских тирадах» [77].

Давая такую оценку мировоззрению и деятельности Ф. Скорины, М. Грушевский односторонне представил деятельность и взгляды Скорины. М. Грушевский даже рискнул утверждать, что «с высот своего гуманизма ученый муж, в науках лекарских доктор... незаметно для себя снижается до уровня старорусского книжника». М. Грушевский склонен уменьшать и значение перевода Библии на «руский язык. «Все новаторство его,— говорит Грушевский,— собственно ограничивается стремлением сделать библейский текст общедоступным — популяризовать его, как могущественное в его глазах средство не только религиозное, но и просветительное» [78]. Такая односторонняя оценка переводческо-просветительной деятельности Скорины свидетельствует лишь о том, что М. С. Грушевский не понял действительной сущности мировоззрения Скорины, к тому же изучал его несколько абстрактно, оторвав его от белорусской среды, из которой вышел Скорина и с которой он был связан, хотя М. Грушевский признает, что Скорина не был одиноким в своей деятельности.

Скорина не был просветителем-одиночкой. Не имея собственных средств, Скорина без помощи со стороны не мог бы опубликовать свой перевод Библии. В пражских изданиях Скорины имеются приписки, что «сии книги» были изданы «накладом» Богдана Онькова, райцы Виленского. Сторонником Скорины был и виленский бурмистр Бабич, в доме которых он заложил впоследствии свою типографию в Вильне. Значит, городской патрициат безусловно относился сочувственно к переводческой и издательской деятельности Скорины, которая полностью шла навстречу интересам мещанства и его национально-культурного Возрождения. Неудивительно, что основными меценатами Скорины была виленская городская православная знать. Виленское «руское» мещанство уже осознавало необхо-

---

[77] М. Грушевський. Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII віці. Київ — Львів, 1912, стр. 51—52.

[78] М. Грушевський. Історія української літератури, т. V, вып. I, стр 124—125.

димость просвещения для укрепления своих национально-культурных позиций. В просвещении оно видит источник сохранения народности «посполитого» народа. Но просвещение должно быть национальным. Библия на родном языке должна стать основным источником просвещения — развития культуры и сохранения народности и православной веры, как символа «руской народности».

Скорина — сын своего века. Основой его мировоззрения являются средневековые понятия и представления. Скорина тесно связан со средневековыми понятиями и представлениями, но он жил тогда, когда они начинали ломаться. И эта переломная эпоха нашла отчетливое отражение во всем складе мировоззрения Скорины, в котором старосхоластические средневековые научные воззрения объединялись с новым гуманистическим движением, с новыми понятиями и представлениями. Действительно, Скорина стоит на позициях церковно-схоластического мировоззрения. Для него священное писание — высший непреложный авторитет, источник всякого знания, жизненный путеводитель, определяющий моральное поведение человека. Наука соединена с верой. Однако для Скорины ценно знание не само по себе. Оно ценно только в том случае, если оно соединяется с заботой об общественном благе — «згодою посполитое доброе помножено бываеть».

Будучи сторонником церковно-схоластического образования, Скорина в своем философском мировоззрении стоит на позициях индивидуалистического гуманистического движения. Феодальное церковно-схоластическое мировоззрение не признавало никаких прав за человеческою личностью. Личность находится в полном подчинении церкви, которая озабочена лишь одним — спасти человека от житейских грехов и подготовить ему путь к вечному спасению. Человек бесправен в глазах церкви. Для возрождения же человеческая личность — на первом плане. Она сама по себе — величайшая ценность. Жизнь человека — отнюдь не подготовка к загробной жизни, как учила церковь, и не является печалью и страданием. Человеческая личность имеет право на существование для удовлетворения собственных потребностей и для всестороннего развития своих природных сил и дарований. Наука, как и личность человека, должна быть свободна от воздействия на нее авторитета церкви.

Скорина, оставаясь на позиции церковно-схоластического мировоззрения, все же во многих отношениях отходит от него и выступает защитником человеческой личности, провозвестником новой морали. Мало того, Скорина даже уходит несколько вперед от общего направления Возрождения. Он — защитник внедрения просвещения в широкие народные массы. Это основной лейтмотив, который постоянно повторяется во многих

предисловиях Скорины к отдельным библейским книгам. Необходимо учить и просвещать «посполитых» людей, ибо просвещение суть «общественного блага», стремление к которому и является основой человеческой жизни. В своих заботах об общественной пользе Скорина скорее стоит на позициях революционного гуситского движения, чем индивидуалистического мировоззрения Возрождения.

Стремление «к научению простых посполитых людей» заставляет Скорину поставить вопрос о широком распространении среди народных масс книг священного писания, как основного источника знаний. Для осуществления этой задачи необходим перевод книг священного писания на родной «руский» язык. Только Библия, «по руски выложеная», может стать подлинным источником просвещения. Переводя Библию на «руский» язык, Скорина разрывал с феодально-церковными традициями и открывал всем возможность чтения и индивидуального толкования книг священного писания. Это уже был принципиальный разрыв со средневековой церковной практикой. Это была попытка вырвать из рук церкви ее право обучения и просвещения народных масс. В этом отношении Скорина — человек нового времени, порвавший с традициями средневековья.

Скорина борется за право на культурное развитие родного ему народа. Освободить письменность от мертвящей церковнославянской речи и приблизить ее язык к народному языку — вот ближайшая задача белорусского гуманиста. В этом Скорина идет по стопам великих итальянских поэтов — Данте, Петрарки и других, которые в своих поэтических произведениях использовали язык своего народа. Его они имели в виду и к нему обращались, создавая свои поэтические произведения. Они стремились сделать свои произведения доступными широкому читателю. Народная масса — вот тот круг читателей, на который рассчитывали великие деятели итальянского Возрождения.

Переводя Библию на «руский» язык, Скорина выполнял большое патриотическое дело. Он вводил Белоруссию в семью славянских и европейских народов, он заявлял о праве белорусского народа на национально-культурное самоопределение. Сам Скорина не довольствовался полученным церковно-схоластическим образованием. Он обратился к изучению естествознания и медицины. Век Коперника, Кеплера и Галилея, философских материалистов Николая Кузанского и Джордано Бруно был временем подрыва всей сущности средневекового естественноисторического знания. Эти великие ученые показали силу человеческой индивидуальности, порвавшей с узами, которыми опутывало ее средневековое мировоззрение.

Белорусского просветителя можно причислить к сторонникам реалистического мировоззрения. Особенно отчетливо это

сказалось во взглядах Скорины на условия, какими определяется жизнь общества. Если люди в организации своей общественной жизни должны стремиться к общему благу, то и жизнь человека, как семейная, так и гражданско-правовая, подчиняется действию законов. Она регулируется определенными правовыми отношениями. Это — новая, не средневековая, не религиозная точка зрения. Скорина разделяет правовые нормы на две категории — на право семейное и гражданское и право естественное. Гражданское право должно быть единым («единое посполитое»). Оно должно гарантировать «равную свободу всем, общее имение всех. Если все должны пользоваться одинаковыми правами, то в таком обществе нет места привилегированным сословиям и, следовательно, не может быть юридического неравенства, свойственного феодально-крепостническому обществу. Так Скорина, выступая сторонником единого для всех права, признает, что в обществе, в котором нет гражданского равенства, не может быть осуществлено общее благо. Но одного гражданского равенства недостаточно. Общее благо всех должно базироваться на материальном основании, на «общности владения имуществом». Так было в начале христианской эры, когда «бе сердце едино и душа едина, а имение одно». Таким образом, чтобы построить жизнь общества на принципах общего блага, необходимо уничтожение частной недвижимой собственности и передачи ее в общее владение. Нормальная гражданско-правовая жизнь должна строиться на нормальной организации семьи и правильном воспитании детей («детей пилное выховавние»), на выполнении гражданских частно-правовых обязательств, на противодействии всякому насилию. Этому идеальному гражданскому обществу Скорина противополагает общество «языческое», которое имело право международное, включающее право объявления войны и заключения мира («войны неприятелем своим оповещение, миру до часу примереного исполнение»), регулирование дипломатических отношений между государствами («послов без переказы отпущение»). Скорина упоминает также об отдельных видах специального права, как морское, купеческое, торговое, военное или рыцарское, которое должно быть соблюдаемо на войне («еже на войне соблюдаемо бываеть — яко справовати полки, знати своя места, розумети глас труб, делити корысти, давати оброки»). Над всеми этими специальными правами возвышается право царское, неограниченное по своей сущности. Говоря словами пророка Самуила, Скорина так определяет сущность проявления царской власти: «тое будеть право: побереть сыны ваша и наделает с них езцев и гонцев и встановить собе воеводи и сотники и ратное поль своих и коваче зброй своих». Скорина осуждает это «языческое право». Его идеал — «единое посполитое право», основанное на

семейно-родственной основе, на всеобщем равенстве, на отсутствии частной собственности. Идеальное право Скорины — своего рода утопический коммунизм, образцом которого, по его мнению, является организация жизни в первых христианских общинах.

Выдвигая такого рода положения, Скорина намного опередил современников. Быть может, социально-экономический идеал Скорины связан с организацией социально-экономической жизни в таборитских общинах, которые также идеализировали организацию первых христианских общин, которые также стремились строить общественные отношения на принципах равенства и моральности, на основе отрицания права собственности на недвижимое имущество. Вот каков был общественно-политический идеал Скорины в период жизни в Праге и пражских изданий. Только при этих условиях возможно подлинное осуществление общего блага и создания общества на принципах морали («к размножению добрых обычаев»). Но мораль Скорины — особого рода. Это не поучительная церковно-религиозная сентенция, свойственная средневековому феодальному миросозерцанию. Мораль Скорины — светская, гуманистическая. В основе ее — уважение к человеческой личности вообще и любовь к «своему рускому посполитому народу». Все это дает основание причислить Скорину к группе подлинных гуманистов, боровшихся за права человеческой личности и ее просвещение, стремившихся к возрождению своего народа.

Если личность и деятельность Скорины вызвали так много разногласий в буржуазной исторической литературе, то немало споров вызвал вопрос о языке Скорины, который известная часть исследователей-лингвистов отказывалась признать белорусским. Эти лингвистические споры имели значение не только научное, но и политическое. С вопросом о языке Скорины связывался вопрос о белорусской народности и ее культуре.

Еще в XVIII в. Штриттер [79] причислял язык Скорины к польскому; он утверждал, что «сей перевод российской Библии несколько подходит к польскому языку». Но Штриттер очутился в противоречии с самим собой, ибо как можно было, отнеся Библию Скорины к российской, считать язык ее польским. Польские ученые в первой половине XIX в. также относили язык Скорины к польскому, желая этим подчеркнуть национальную, культурную и политическую связь Белоруссии с Польшей. Такая постановка вопроса была не столько научной, сколько политической. Известно, что польские шляхетские политики не отказывались от мысли включить Белоруссию и Литву в состав Королевства польского, как территорию, этнически единую

[79] Опыт трудов вольного Российского собрания. М., 1783, стр. 177—194.

с Королевством польским. Линде, считая язык Скорины близким к польскому языку, также шел навстречу политическим притязаниям польской шляхты [80]. И после неудачи восстания 1830—1831 гг., к которому белорусское крестьянство отнеслось с величайшим равнодушием, польские писатели и поэты продолжали рассматривать Белоруссию как край польский в этническом и языковом отношении. Наиболее отчетливо это отношение шляхетской общественности к белорусскому языку отражено Вишневским, известным историком польской литературы середины прошлого столетия, который также полагал, что белорусский язык наиболее близок к польскому языку. Следовательно, корни белорусского языка западнославянского, а не восточнославянского происхождения [81].

В противоположность польским ученым русские исследователи считали язык Скорины белорусским. Впервые эта мысль была высказана Сопиковым [82]. Но Кеппен отказывался назвать язык Скорины белорусским, предлагая наименовать его литовско-русским. Это новая искусственная терминология не случайна. Если правительство Николая I официально не признавало термина «Белоруссия», заменив его термином «Западная Россия», то, как бы выполняя социальный заказ царского правительства, Кеппен назвал белорусский язык Скорины таким искусственным термином, как «литовско-русский» [83]. Еще дальше пошел О. М. Бодянский, отказывавшийся признавать язык Скорины белорусским. По его словам, язык Скорины, как и вообще язык письменности XVI—XVII столетий — это язык, на котором никогда и никто не говорил [84]. В то же время известный историк русской литературы проф. Ф. Буслаев, напечатав в своей «Исторической хрестоматии» отрывок из перевода Скорины, видел в языке перевода библейских книг образец белорусской речи начала XVI в. [85]

Переводы Скорины с точки зрения языка были впервые рассмотрены П. Владимировым в его известной монографии, всесторонне охватившей всю деятельность Скорины и документально осветившей ряд вопросов в биографии и деятельности Скорины. Язык переводов Библии Владимиров относит к памятникам «западнорусского и белорусского языка», в котором встречаются чехизмы и полонизмы, отдельные немецкие слова и ряд литовских слов, получивших распространение в Белоруссии.

---

[80] S. B. Linde. O literaturze Rossyiskiey, str. 227—279.
[81] H. Wiszniewski. Указ. соч., стр. 49.
[82] В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, т. I. СПб., 1813.
[83] П. Кеппен. Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1825.
[84] Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1846, № 1.
[85] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I. Варшава, 1903, стр. 411.

Против мнения П. Владимирова высказался А. И. Соболевский. Отказываясь признавать язык Скорины белорусским, А. И. Соболевский бездоказательно утверждал, что для Скорины термины «руский» и «славянский» означали одно и то же и что Скорина совсем не стремился сделать свой перевод понятным для «простых людей», написать его на живом языке [86]. Иначе отнесся к оценке языка Скорины М. В. Довнар-Запольский, который считает, что Скорина переводил Библию на «руский», т. е. белорусский язык. Этой же точки зрения держится и А. Будилович, предпочитающий только пользоваться термином «белорусский диалект» вместо белорусский язык. Замена не была случайной, а политически тенденциозной. Она — отражение отрицания существования отдельной белорусской народности. Высоко оценивая литературную деятельность Скорины, Е. Карский видит особое значение Скорины в том, что он некоторые библейские книги или части их перевел на народный, т. е. белорусский язык. Эта точка зрения стала господствующей в историографии о Скорине. Львовский исследователь Ил. Свенцицкий идет даже дальше Карского. Свенцицкий считает, что Скорина опередил всех своих современников, дав Белоруссии почти всю Библию на понятном для народа языке [87]. Действительно, библия Скорины была «руской», а не славянской, и поэтому ошибочно мнение тех исследователей, которые полагали, что Скорина намеревался издать «славянскую Библию» и только благодаря слабому знанию церковно-славянского языка часто пользовался народным языком.

Скорина довольно свободно обращался со славянским текстом, заменяя непонятные слова народными терминами. В этом отношении Скорина обращался с церковно-славянским текстом много свободнее, чем новгородские и московские правщики [88].

По справедливому замечанию Н. А. Янчука «Белоруссия должна гордиться именем своего сына Скорины, как одного из наиболее ранних работников, который посвятил всю свою жизнь делу народного просвещения. Доктор Скорина своими изданиями вливал свежий источник в церковную жизнь; он помогал развитию сознательного отношения к церковным книгам и к религии, и что для нас важнее всего, так это то, что Скорина первый дал в руки народа понятную литературу и пробуждал в этом народе любовь к просвещению и к родному слову» [89].

---

[86] А. И. Соболевский. Доктор Франциск Скорина (рецензия). ЖМПН, 1888, № 10, стр. 321—332.

[87] І. Свенціцкий. Початки книгопечатания на землях України Львів, 1921, стр. 15—16.

[88] М. Грушевський. Історія української літератури, т. V, вып. І, стр. 127.

[89] Н. А. Янчук. Указ. соч., стр. 15.

Скорина является подлинным родоначальником новой литературной традиции, столь значительной в XVI в., когда родной «руский» язык был господствующим в письменности. Издания Скорины имели большое значение для своего времени. Они получили широкое распространение на Украине и в Белоруссии.

В Белоруссии распространялись списки скоринианских изданий. Так, в 1543 г. был сделан список «Псалтыри» Партеном из Кобринского и Пинского староства. Сохранился список 1568 г. Василия Жугаева из Ярослава в Галичине. Он содержит книгу Иова, Притчи, Экклезиаст и Премудрость. Имеется еще список Библии 1569 г., сделанный Лукой из Тернополя. В оглавлении рукописи перечислены все книги Пятикнижия до Иисуса сына Сирахова включительно. В списке Димитрия из Зенькова 1575 г. помещены Пятикнижие, книга Иисуса Навина, книги Судей, Руфи, четыре книги царств, две книги Паралипоменон и начало книги Манасии. Один из украинских списков книг Скорины хранится в Ленинской библиотеке в Москве [90] Издания Скорины проникли на восток, в Русское государство и даже доходили до югославян и на запад Европы [91].

X

В Белоруссии, как и в других странах Европы, начало распространяться реформационное движение. В исторической литературе оно рассматривалось сначала исключительно как религиозное движение, направленное против упадочного состояния католической церкви, и оценивалось, как движение прогрессивное. Конечно, сторонники католической церкви относились к нему иначе. Так, польский историк Иосиф Шуйский, один из основателей нового позитивного направления в польской историографии, полагал, что в Польше оно было главным источником не только политического разномыслия, но и морального и экономического упадка [92]. Эта реакционная точка зрения подверглась суровой критике со стороны другого видного представителя позитивного направления — М. Бобржинского, который выступал в защиту реформации в Польше, отмечая ее положительное влияние на развитие национальной польской культуры, на утверждение польского языка в литературе, а также на усиленную работу общественно-политической шляхетской мысли, поднявшей вопрос о преобразовании политического

---

[90] М. Возняк. Історія української літератури, т. II, Вікі XVI—XVIII. Львів, 1921, стр. 10.

[91] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, ч. 2, стр. 28.

[92] J. Szujski. Odrodzenie i reformacja w Polsce. Kraków, 1881.

строя Польского государства [93]. Но уже русским историком реформации в Польше Н. Н. Любовичем было отмечено, что «в истории Польского реформационного движения религиозные мотивы играют далеко не первостепенную роль» [94].

Реформация в Польше и Великом княжестве Литовском определялась экономическим развитием городов, установлением феодально-крепостнического строя в Польше и Великом княжестве Литовском и политико-экономическим усилением класса светских землевладельцев в связи со значительным развитием торговых отношений.

Экономически и политически крепнущий класс феодалов находился в острой борьбе с католическим духовенством, стремился ограничить его привилегированное положение, уничтожить юрисдикцию католической церкви и сократить церковное землевладение. Реформационное движение не может быть изучаемо вне социально-политической жизни, вне влияния общественных отношений, без которых не могут быть объективно изучены и следствия реформационного движения.

Города в Литве и Белоруссии уже в XV и начале XVI в. достигли значительного экономического развития и пользовались городским самоуправлением по магдебургскому праву. Но городская юрисдикция распространялась только на собственно городское население, занимающееся ремеслом и торговлей. Духовенство в городах сохраняло свою юрисдикцию не только над собственно духовными делами, но и над тем населением, которое ушло в города, но было связано феодально-крепостническими отношениями с церковью. Епископские мещане и купцы, живя в городе, занимались торговлей и ремеслом, но не уплачивали никаких податей и не несли никаких повинностей в пользу города. В связи с этим происходили постоянные конфликты горожан с церковью, что свидетельствовало о напряженных классовых отношениях в литовско-белорусском городе. Так, в 1522 г. магистрат г. Минска пытался привлечь «митрополичьих и поповских людей» к участию в выплате серебщины и других податей, а также требовал их участия в отбывании подводной повинности. Действия минских городских властей митрополит Иосиф обжаловал перед великим князем, который спор решил в пользу церкви, вынеся постановление, чтоб городская администрация «от сих часов николи серебщины наших на тых людех его милости митрополих и поповских к вашим местским рукам не брали и ни в которыи местскими поплатки и в подводы

---

[93] М. Бобржинский. Очерк истории Польши, т. II. СПб., 1888.

[94] Н. Н. Любович. История реформации в Польше. Варшава, 1883; его же. Общественная роль религиозного движения. «Варшавские университетские известия», 1881.

их не вернули конечно и во всем их заховали водле давнего обычая, ижбы церкви божей кривды не было»[95].

Когда же минский городской уряд потребовал от крестьян минского Вознесенского монастыря «подвод, отбывать военную службу» и другие повинности[96], то минская городская администрация также потерпела неудачу. И в этом случае великий князь встал на защиту феодального иммунитета церкви.

Охраняя свои экономические интересы, города не позволяли церковным людям продавать в городах свои ремесленные изделия. Так поступили в 1537 г. минские мещане относительно Вознесенского монастыря, но и па этот раз великий князь решил дело в пользу духовных иммунистов[97]. Стремление городского населения освободиться от церковной юрисдикции было одной из причин распространения реформационного движения среди городского населения.

Очень частыми были столкновения класса землевладельцев с церковью. Они были вызваны захватами землевладельцами церковных земель и нарушением церковно-феодального иммунитета, а также и тем, что церковь требовала с землевладельцев выплаты ей десятины. Десятину не желали выплачивать как частные землевладельцы, так и старосты великокняжеских имений. Представители духовенства вынуждены были обращаться к великому князю с жалобой на нарушение прав церкви[98].

Магнаты-феодалы Великого княжества Литовского, занимая руководящее положение в государстве, были в сущности полными государями вотчинниками в своих имениях. Располагая феодальными иммунитетами и не платя государству никаких постоянных налогов, феодалы сталкивались лишь с духовенством и его иммунитетными судебными правами. В борьбе за землю и против церковной юрисдикции происходили острые конфликты между классом феодалов и духовенством обоих вероисповеданий.

Класс землевладельцев был раздражен тем, что духовенство со своих имений не отбывало военной службы, тем более, что во владении церкви находились бывшие частновладельческие земли, с которых отбывалась военная служба. Это сокращение военных сил задевало интересы Великого княжества, и класс землевладельцев добился того, что в Статут 1529 г. была внесена статья, требовавшая, чтобы церковь с таких имений выставля-

[95] Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848, № 6.

[96] РИБ, т. XV. СПб., 1903, стр. 370—371, 637—638, 752—753, 758, 1023, 1029—1030.

[97] Собрание древних актов и грамот Минской губернии..., № 9.

[98] Там же, № 6.

ла военных людей, согласно опубликованному закону о военной службе. Статут 1529 г. требовал, чтобы держатели закупных имений или собственных «дедичных» имений отправляли «земскую» военную службу [99].

В 1544 г. класс феодалов вновь поднял вопрос о том, чтобы «теж духовные так Рымского, яко теж и греческого закону восполок з вами з имений отчизных и костельных оборону земскую ровно держали и выправу чинили». Однако это требование осталось неудовлетворенным. Великий князь лишь подтвердил, что духовенство должно отправлять «службу земскую» с имений «отчизных, купленых, заставных» [100].

Стремясь прекратить утечку шляхетских имений во владения церкви, класс землевладельцев на вальном сейме 1544 г. поднял вопрос о том, чтобы не имели юридической силы документы, выданные «многие пани и вдовы» на передачу их земли церкви, так как от таких записей «близких их домы пустеють» «и тымся неможность дееть ку службам его кролевское милости». Но это выступление шляхты и рыцарства не увенчались успехом. Великий князь не удовлетворил их просьбы, считая, что «кождыи вольностью своею волон шафовати подле воли своее, ведже есть на то статут — хто ма моц шафовати» [101].

Вот в такой обостренной борьбе против церковного землевладения и церковных иммунистов происходило распространение реформации в Литве и Белоруссии.

Реформационное религиозное движение начало проникать в Белоруссию из Чехии. Иероним Пражский, известный соратник и друг Яна Гуса, в 1413 г. был в Литве и Белоруссии, посетив Вильну и Витебск. Констанцский собор обвинял Иеронима Пражского в том, что, находясь в Литве, он стремился привлечь русский народ к гусизму. Насколько верно это обвинение, предъявленное Иерониму столпами католической церкви, мы не знаем, так как не сохранилось более подробных сведений о пребывании Иеронима Пражского в Литве и Белоруссии. Но несомненно, что среди белорусского народа гуситское движение пользовалось известным расположением. В 1424 г. в Чехию отправилось «руское» войско во главе с Сигизмундом Корибутовичем, которое в течение восьми лет боролось вместе с гуситами против немецкого войска [102].

Реформационные идеи проникали в Литву и Белоруссию и благодаря торговым связям с Германией. Многие из представителей магнатских фамилий посещали университеты Германии:

---

[99] Статут 1529 г., разд. II, арт. 3.
[100] РИБ, т. XXX, стр. 113.
[101] Там же, стр. 234.
[102] Г. Левицкий. Социнианство в Польше и Юго-Западной Руси. «Киевская старина», 1882, № IV, стр. 25—26.

Виттенбергский, Кенигсбергский, Лейпцигский [103]. Н. Любович пишет, что в Польшу в 1534 г. было вывезено много разнообразной протестантской литературы [104]. Сам великий князь Сигизмунд II сочувствовал реформационному движению. Н. Любович считает, что в 1553 г. было дано поручение протестантскому деятелю Лизманини поехать в Швейцарию и Италию, чтобы ознакомиться на месте с бытом протестантских религиозных общин [105].

Феодальная знать Литвы и Белоруссии склонялась к протестантизму, который должен был усилить политическое значение магнатов, как глав протестантских общин.

Распространителями протестантизма в Литве и Белоруссии были купцы, ремесленники, художники. Среди них наиболее известными были: итальянец Лизманини, Андрей Куява, доктор философии германских университетов Ян Винклер. В 1545 г. герцог Альбрехт Прусский прислал в Литву протестантских проповедников и учредил для литовцев стипендии в Кенигсбергском университете с целью вовлечь Литву в сферу политического влияния Пруссии.

Благодаря деятельности протестантских проповедников немецкие ремесленники переходили в протестантизм. В Вильне и Ковне возникли протестантские общины и церкви. Но православное «руское» городское население равнодушно отнеслось к проповеди протестантизма, оставаясь верным своей вере, как символу русской народности.

Протестантское движение, помимо немецкого населения городов, охватило широкие круги магнатов, склонявшихся к кальвинизму, тогда как в городах получило распространение лютеранство. Главой протестантизма в Литве и энергичным его сторонником был крупнейший литовский магнат Николай Радзивилл Черный, перешедший в кальвинизм в 1559 г. Вскоре его примеру последовала целая группа литовско-белорусских магнатов. Это были паны — Кишки, Ходкевичи, Воловичи, Дорогостайские, Глебовичи, Сапеги, Немиричи, Пронские, Пузины и др. При покровительстве магнатов в отдельных городах возникли протестантские общины. Эти общины владели движимым и недвижимым имуществом, частично приобретенным покупкой, но главным образом благодаря пожалованиям щедрых сторонников протестантского вероучения. Так, Виленская кальвинистская община была основана в 1553 г. виленским воеводой паном Николаем Радзивиллом Черным. В 1577 г. князь Николай Радзивилл купил за 8 тыс. литовских грошей у новогрудского

---

[103] О. Савич. Нариси з історії культурных рухуів на Вкраїні та Білорусі в XVI—XVIII вв. Київ, 1929, стр. 81—83.

[104] Н. Н. Любович. История реформации в Польше, стр. 54.

[105] Там же, стр. 157—159.

воеводы Остафия Воловича, так называемый Горностаевский двор и принес его в дар Виленской протестантской общине. Этот акт дарения, сделанный с согласия сыновей пана Николая, был подтвержден 28 октября 1579 г. [106] Канцлер Великого княжества Литовского, староста Берестейский и кобринский Остафий Волович, желая основать при Виленской общине госпиталь и при нем кладбище, записал на ее имя свой дар в Вильне, и король Стефан Баторий актом от 28 февраля 1582 г. подтвердил запись Воловича [107].

Протестантская община была основана в Витебске на основе грамоты Сигизмунда II Августа от 14 июня 1562 г. Витебскому воеводе пану Степану Збаражскому. Великий князь разрешил шляхте, бурмистрам и мещанам витебским построить в городе дом молитвы «ку слуханию слова божого», а также иметь свою отдельную казну, однако под условием, чтобы ни католические костелы, ни православные храмы не были взяты для евангелической общины.

Протестантская община в Витебске получила в дар от маршалка, тивуна и городничего троцкого князя Павла Друцкого-Соколинского усадьбу с садом на улице, которая находилась в замке. Его сын Юрий подтвердил 15 июля 1593 г. дар отца, пожаловав при этом Витебской общине еще участок земли [108].

Кальвинистская община была открыта также и в Минске, но время ее основания остается неизвестным. Для ее нужд 15 апреля 1589 г. князь Иероним Жижемский принес в дар дом с разными землями, «прислухаючими до того дома» [109]. В 1589 г. виленский воевода Криштоф Радзивилл основал кальвинистскую общину в Биржах. Князь, отремонтировав замок, построил в нем каменный дом «не для римской и не для греческой религии, а для религии евангелической, истинно христианской». От основателя протестантской общины город получил управление на основе магдебургского права, но с обязательством, чтобы должности бурмистров, райцев и лавников замещались только лицами, которые держались протестантского вероисповедания. Евреи и католики были устранены от участия в городском управлении [110].

Реформационное движение в Литве и Белоруссии не получило значительного распространения. К нему примкнула часть литовской знати во главе с князем Николаем Радзивиллом Черным. В городах переходили в протестантизм обычно немецкие жители — ремесленники и купцы. Широкие шляхетские круги, в

[106] Monumenta Reformationis Poloniae et Lithuaniae. Wilno, 1925, N 8.
[107] Там же, № 9.
[108] Там же, № 8.
[109] Там же, № 32.
[110] Там же, № 10.

основном принадлежавшие к православному вероисповеданию, были в стороне от протестантского движения. На народные белорусские массы протестантское движение не оказало фактически никакого влияния.

Реформационное движение укрепляло социально-экономические и политические позиции магнатства. Став во главе церковной протестантской общины, магнаты оказывались не только политическими, но и духовными руководителями населения в своих владениях. Реформационное движение тем более отвечало социально-политическим взглядам крупных землевладельцев, что его идеология, религиозная по форме, не затрагивала вопроса о положении сельского населения, находившегося в феодально-крепостнической зависимости и подвергавшегося жестокой эксплуатации.

Реформационное движение содействовало развитию индивидуализма среди литовской знати и освобождению его от воздействия католической церкви. Неудивительно, что главные магнатские фамилии поспешили порвать с православной и католической церковью и броситься в объятия кальвинизма. Став кальвинистами, литовско-белорусская знать не желала допустить, чтобы «простой народ» оставался верен вере своих отцов. Литовские и белорусские магнаты могли бы считать себя подлинными главами протестантской общины, если бы их подданные стали протестантами. Но так как они обнаруживали равнодушие к протестантизму, то землевладельцы стали силой принуждать их вступать в протестантские общины. Для «простого народа» религиозная политика класса землевладельцев была лишь новой формой агрессии, и вполне понятно, что крестьяне должны были отнестись враждебно к стремлению своих панов, принуждающих их к протестантизму. Конфисковав имущество церквей обоих вероисповеданий, землевладельцы увеличили свою земельную площадь. Последнее для сторонников реформационного учения среди магнатов в условиях общего подъема феодально-крепостнического хозяйства было в сущности самым главным.

Итак, протестантизм был для магнатов классово-идеологическим наступлением на своих подданных — на белорусский народ. Положение нисколько не изменилось и от того, что протестантские проповедники обращались к народной массе на родном для нее языке. Для них белорусский язык был лишь средством вовлечения белорусского крестьянства в протестантизм, тем более, что сами магнаты уже находились в сфере влияния польской культуры и польский язык уже стал для них разговорным языком. Протестантская агрессия была бы опасной для белорусского народа, если бы он отказался от своих религиозных традиций, она угрожала ему потерей и своей националь-

ности. Полонизация, осуществлявшаяся деятелями протестантизма, предшествовала политике полонизации, проводимой католической реакцией с конца XVI в.

Вслед за кальвинизмом в Литву и Белоруссию начало проникать сектантское протестантское движение, известное под именем «антитринитаризм». Оно пришло в Великое княжество Литовское раньше, чем в Польшу [111].

Антитринитаризм проникал в Литву и Белоруссию разными путями: через кружок итальянских антитринитариев при дворе королевы Боны, через выходцев из Голландии. Но организатором общин антитринитариев был Лелий Социн, в 1557 г. бежавший из Венеции в Польшу от преследований папской инквизиции вместе с другими своими сторонниками, часть которых нашла себе убежище в Литве. Социн оставался в Польше недолго, только до весны 1559 г. Ему удалось встретиться несколько раз с Сигизмундом-Августом. Антитринитарии пользовались успехом среди литовско-белорусских и украинских шляхтичей. Едва ли не самым главным покровителем новых сектантов был Ян Кишка, родственник Радзивилла, крупнейший землевладелец [112].

Многочисленные антитринитарские общины были разобщены. Исключенные из протестантского объединения в силу Сандомирского соглашения 1570 г., они теперь нуждались в объединении в целях самозащиты. В 1579 г. прибыл в Польшу родственник Лелия Социна — Фауст Социн, также спасавшийся от преследований. Он и принялся за организацию антитринитаристских общин, которые отныне стали называться социанскими по имени организатора.

Антитринитарские общины главным образом распространялись среди мелкой и средней шляхты. Если верить показаниям иезуита Петра Скарги, вероятно несколько преувеличенным, то в одном Новогрудском воеводстве социниане отобрали у православных 650 церквей. Из 600 шляхетских семейств остались православными только 16 [113]. Но социнианские общины главным образом распространялись в Западной Белоруссии, в Восточной Белоруссии их не было.

Являясь политическими антагонистами знати, которая и после унии 1569 г. продолжала руководить в Великом княжестве Литовском общественно-политической жизнью, шляхта, расставаясь с верой своих отцов и вливаясь в ряды антитринитариев, становилась не только в политическую, но и в религиозную оппозицию к магнатам. Впрочем, и кальвинизм, и антитринитаризм окажутся временным движением. Как только начнется

---

[111] Н. Н. Любович. История реформации в Польше, стр. 273

[112] О. Савич. Указ. соч., стр. 39, 40—41.

[113] Архив Юго-Западной России. Предисловие, ч. I, т. IV. Киев, 1859, стр. 131.

крестьянское антифеодальное движение, и магнаты, и шляхтичи бросятся в объятия католической церкви, ставшей на защиту существующих феодально-крепостнических отношений.

Пропагандистская деятельность протестантов прежде всего выражалась в опубликовании книг священного писания (например, «Катихисиса» Будного). Протестанты располагали многими типографиями, но об их издательской деятельности мы знаем немного. Католическая реакция приняла все меры к тому, чтобы уничтожить всякие следы деятельности протестантов и особенно социниан. Уже в 1581 г. при короле Стефане Батории было первое публичное сожжение белорусских книг. Особенную ненависть к белорусским книгам проявили три виленских католических епископа: Валерьян Протасович, Юрий Радзивилл, Акакий Гроховский. Юрий Радзивилл с особенным рвением уничтожал издания Несвижской типографии. Он затратил значительные средства на скупку белорусских книг с целью их уничтожения. Не меньшей ненавистью к белорусской книге отличался и Акакий Гроховский [114]. В Вильне была разграблена типография Даниила из Лучиц и сожжены диссидентские книги. Только этим варварством усердных представителей католической реакции и можно объяснить исчезновение белорусских книг протестантского происхождения.

Рядом с протестантской книгой и школа становилась орудием пропаганды протестантизма. Сила и значение протестантской школы заключались в том, что в ней преподавание велось на родном языке. Были школы и для девочек. Обычно протестантские школы открывались при религиозных обществах.

Каждое религиозное направление имело собственные школы. Так, в Вильне была открыта лютеранская школа, руководителем которой был Авраам Кульва, литовец родом, учившийся в Кракове, Виттенберге и Сиене в Италии [115]. Из-за происков католического духовенства, в 1542 г. Кульва вынужден был бежать из Вильны, и в 1543 г. он уже был в Кенигсберге на посту ректора университета. В половине XVI в. в Вильне существовала и другая протестантская школа, во главе с Яном Винглером, покровителем которого был богатый купец Маршток. После смерти своего патрона Винглер также вынужден был бежать из Вильны. Имеются сведения о лютеранских школах в Витебске и местечке Меречи. Лютеранские школы предназначались для немецкого населения городов. Поскольку оно, за исключением Вильны, было немногочисленным, постольку лютеранская школа не могла получить широкого распространения.

---

[114] АВК, т. X, № 16.

[115] В. Васильевский. Очерк истории Вильны; О. Савич. Указ. соч., стр. 49—50.

Более распространенной была кальвинистская школа, находившаяся под покровительством магнатов. Такие школы функционировали в Вильне, Слуцке, Возняках Виленского повета, в Сморгони, Новогрудке и Биржах[116]. Из социнианских школ в Белоруссии известна только одна — в Семятичах Бельского повета. Кальвинистские и социнианские школы главным образом ориентировались на шляхетские круги. Если часть протестантских школ имела в виду конфессиональное просвещение учащихся, то школа-гимназия в Слуцке преследовала цель подготовки кальвинистских учителей и руководителей для кальвинистской общины.

Протестантские школы всех толков не были светскими школами гуманитарного типа. Это были школы конфессиональные прежде всего. Правда, они были более свободными по сравнению со школами католическими, но все же преподавание религии занимало первое место. Учащиеся, вышедшие из протестантских школ, должны были стать в первую очередь истинными христианами, на основе изучения христианской догматики и морали. Конечно, религиозный рационализм допускался постольку, поскольку он не противоречил догме того или другого протестантского толка. Помимо изучения протестантского катехизиса, в школах изучали древние языки и родной язык, риторику, поэзию, диалектику, философию, историю, а иногда и право. Но изучение родного языка было введено отнюдь не с целью развития национального самосознания, а как средство более легкого и доступного усвоения протестантской морали и догматики. Школы воспитывали молодежь не в национальном, а в косном политическом духе, и в этом отношении протестантские школы отнюдь не были положительным фактом в истории культурного развития Белоруссии.

* * *

Симон Будный — виднейший представитель белорусского протестантского движения, с именем которого связан ряд протестантских изданий. Надо признать, что его деятельность до сих пор не получила научного освещения. В 1922 г. известный знаток белорусской литературы феодального периода Н. А. Янчук считал его виднейшим деятелем белорусского просвещения только на том основании, что он написал свой протестантский «Катехизис» на белорусском языке. Н. А. Янчук не учитывал всей его общественно-политической деятельности, которая наглядно показывает, что пропагандист протестантизма только выполнял социальный заказ своих магнатов-покровителей[117].

---

[116] О. Савич. Указ. соч., стр. 51—59.

[117] Н. Янчук. Указ. соч., стр. 17.

А. Савич признает только то, что Будный был «наиболее выдающимся деятелем антитринитаризма в литовско-русских землях» (белорусских и украинских). Ограничившись лишь кратким упоминанием о его деятельности, Савич не попытался выяснить социальное содержание взглядов Будного [118]. Ошибочно было и наше мнение о Будном, как продолжателе традиций Скорины, как блестящем представителе белорусского гуманизма [119]. На самом деле между Юрием-Франциском Скориной и Симоном Будным нет никакой преемственности. Их дороги шли по разным направлениям. Скорина действительно отдавал свои силы и таланты белорусскому народу, стремясь к его просвещению, тогда как Будный под видом распространения протестантизма и заботы о просвещении белорусского народа стремился оторвать народ от религиозных традиций отцов, содействуя этим его денационализации [120].

Польский исследователь Генрих Мерчинг причисляет С. Будного к деятелям польской культуры и польского просвещения. Надо признать эту точку зрения правильной. Но, конечно, Мерчинг не подметил, чей социальный заказ выполнял Будный своей пропагандистской деятельностью [121].

Нет никаких сомнений в том, что Будный принадлежал к антитринитариям, но, видимо, он не выступал непримиримым антитринитаристом, так как был пастором в кальвинистской общине в Клецке. Белорус по происхождению, по мнению одних исследователей, поляк, по мнению других (Вишневский, Мерчинг), С. Будный окончил Краковскую академию. Мы не знаем в точности, когда С. Будный стал протестантом, но его принадлежность к протестантизму в 1558 г. не вызывает никаких сомнений. К этому времени относится и знакомство Будного с виленским воеводой и канцлером Великого княжества Литовского, владельцем Несвижа, князем Николаем Радзивиллом. Некоторое время С. Будный жил в Вильне как проповедник местной протестантской общины, покровителем которой был Николай Радзивилл. В 1559 г. или, может быть, в 1560 г. Будный был назначен пастором в Клецке. Вероятно, здесь, в Клецке, С. Будным был написан «Катихисис», так как предисловие к нему помечено 1560 г. «Катихисис» предназначался для «простых людей языка руского, в ответах и пытаниях», с целью склонить их к переходу в протестантизм. В местечке Несвиже князь Радзивилл основал типографию, а «Катихисис» Будного был

---

118 О. Савич. Указ соч., стр. 40—42.

119 У. Пічэта. Беларускае адраджэньне. «400 лецьце беларускага друку (1525—1925)», Менск, 1926.

120 Там же, стр. 41.

121 H. Merczyng. Szymon Budny jako krytyk tekstów biblijnych. Kraków, 1913.

первой книгой, в ней напечатанной. В издании «Катихисиса» принимал участие несвижский староста Матвей Кавечиньский, который давал деньги на издание, и Лаврентий Кришковский, как переводчик. Участие последнего в качестве переводчика свидетельствует о том, что сам Будный не был так знаком с белорусским языком, чтобы мог свободно им пользоваться.

С именем С. Будного связана и другая книга — под заглавием «Об оправдании грешника перед Богом», но экземпляры этой книги в библиотеках не сохранились. Правда, известный библиограф Сопиков дал ее описание в своем «Опыте российской библиографии». Однако В. С. Сопиков не указывает, где он ее видел.

Публикацией этих книг кончилась деятельность Будного как издателя и переводчика на белорусский язык. Но его литературная деятельность этим не ограничилась. Будный перешел в лагерь социниан, что привело его к разрыву с князем Радзивиллом. Кальвинский собор 1566 г. в г. Несвиже признал Будного еретиком и освободил его от обязанностей пастора. После разрыва с кальвинистами уже в 1572 г. Будный стал пастором в Заславле, недалеко от Минска — собственности пана Глебовича. Здесь и развернулась литературная деятельность Будного, но только на польском языке.

Будный начал ее с опубликования перевода Библии, которую напечатал полностью в 1572 г. в типографии в Несвиже под заглавием «Biblia to jest księgi starego y nowego przymierza znowu z języka ebrayskiego, greckiego i łatinskiego na polski przełożone». Через два года С. Будный издал «Новый завет» со своими краткими объяснениями [122].

Переводам Библии и Евангелия Будного посвятил специальную работу польский ученый Мерчинг, который высоко оценивает его критику текста Евангелия. По мнению Мерчинга Будный предвосхитил высказывания позднейших немецких теологов. Мерчинг считает Будного оригинальным самостоятельным критиком, но сам Будный ссылается на своих предшественников — комментаторов теологов и историков, начиная с Лаврентия Валла, Эразма Роттердамского, так что оригинальность Будного в критике текста должна быть признана значительно меньшей.

Переводы Библии и Евангелия на польский язык лучше всего разъясняют общий характер литературной деятельности Будного, удовлетворявшей религиозной потребности польских шляхтичей.

---

[122] Nowy Testament znowu przełożony i na wielu mieyscach za pewnemi dowodami przysąd przez Symona Budnego oczyszczony y krotkiemi przypiskami po krajach objasniony.

Хотя Будный был признан кальвинистским Собором 1564 г. «еретиком», в действительности он расходился по основным социально-политическим вопросам со своими единомышленниками, сторонниками социнианства. Хотя он воздерживался от высказываний по социально-политическим вопросам, но то немногое, что он говорил, позволяет придти к выводу, что его социально-политические взгляды были много умереннее взглядов других социаниан.

Будный стремился согласовать догматические основы социнианства с существующим социально-политическим строем. Правда, он решительно высказывается против смертной казни в сочинении «O furyach albo o szaleństwach francuskich, to jest o strasznem a miesłusznem Admirała Kostyłonskiego y innych zacnych mężów Zamordowaniu» (1576). В другом сочинении, «O urzędzie miecza użymającym», С. Будный не находит ничего плохого, если «христиане» будут подчиняться существующей власти и владеть землею, подданными и невольниками, но только будут обращаться с ними «богобоязненно». Христианам не должно быть запрещено пользоваться оружием, принимать участие в войне. Свои взгляды С. Будный защищал и в публичных выступлениях. Он призывал единомышленников идти на соглашение с шляхетским государством.

Будный, конечно, понимал, что шляхта не потерпит социниан, если они будут обсуждать вопрос о социальном строе, в смысле противоречащем интересам шляхты. Эта примеренческая точка зрения ясно показывает, в интересах какого класса выступал Будный.

Следует отказаться от установившегося мнения о заботах Будного о просвещении простого люда и о причислении Будного к гуманистам, продолжателям Скорины. Вся литературная деятельность С. Будного и его социально-политические взгляды позволяют с иной точки зрения подойти к анализу его «Катехизиса». Нельзя изучать и анализировать его содержание в отрыве от социально-политических взглядов С. Будного, как это делали прежде исследователи. Только приняв во внимание всю его деятельность, можно определить роль и значение Будного в истории культурного движения в Белоруссии в XVI в., выяснить, был ли Будный подлинным защитником белорусского народа и борцом за его просвещение или он был только слугой шляхты, деятелем, стремившимся под видом просвещения белорусского народа к его денационализации.

Свой «Китихисис, то есть наука стародавная христианьская от светого писма, для простых людей языка руского в пытаниах и отказеах собрана», как видно из заглавия, он предназначил для белорусского и украинского народов. В послесловии эта же мысль выражена не менее ярко и отчетливо: «Доконана есть

сия книга, зовемая греческим языком катихисис, а по словеньски оглашение, богу ко чти и посполитым людем языка руского к наказанью и доброму наученью, накладом боголюбивым мужеи пана Матфия Кавечинского, наместника Несвижского, Симона Будного, Лаврентия Крышковского, на городе Несвежским под леты от воплощания спасова тисяча пятисот шестьдесят второго, месяца июниа, десятого дня». Таким образом, «Катихисис» Будного есть изложение протестантского учения с целью обращения «руского» народа в протестантизм. В этом, по мнению Будного, должно было заключаться все просвещение белорусского народа.

Протестантизм, стремясь найти сторонников в народных массах, в целях пропаганды обращался к родному языку. В этом отношении роль протестантизма огромна. Он содействовал развитию литературного языка народа и подходил рационалистически к толкованию священного писания, но вместе с тем он относился отрицательно к подлинному научному знанию, освобожденному от всякого влияния церкви. Протестантизм признавал науку до тех пор, пока она не расходилась с его основами. В этом отношении протестантизм — шаг назад по сравнению с подлинным гуманистическим движением. Более радикальны были в своих взглядах социниане. Они подвергли пересмотру всю протестантскую догматику, но они также признавали только ту науку, которая не шла вразрез с христианским учением. Протестантизм обращал свое лицо к господствующим классам, оставляя угнетенные народные массы в прежнем социально-экономическом положении. Симон Будный также интересуется протестантизмом с религиозно-догматической точки зрения. Враг православной и католической церквей, С. Будный сходится с ними в признании существующего социально-политического строя. Пропагандист «подлинного» христианства, «истинной» веры, Будный мирился с существованием феодально-крепостнических отношений. Естественно, почему свой «Катихисис» составитель посвящает «их милости» Радзивиллам.

Протестанты признавали право народных языков в церковном богослужении; в противном случае протестантская пропаганда не могла бы проникнуть в народные массы. Этим и следует объяснить появление «Катехизиса» на белорусском языке. Будный в обращении к «их милости» взывает, чтобы они не только «в чужоземских языцех кохали, алебы ся тежь ваши Княжацские милости и того здавна славного языка словенского розмиловати и оным ся бавити рачили».

Свою книгу Будный предназначает читателям «языка руского», «абы вси слово Божия и истинны разумения жаждущии мели чогобы ся и сами учили й деток своих научали».

Симон Будный правильно отмечает в своем предисловии эксплуататорскую роль церкви, отдалившейся от подлинного христианства. Он обвиняет духовенство в том, что оно не объясняет народу самой сущности христианской веры и довольствуется только одной обрядовой стороной религии: «тыи пак не только не научають, але и сами мало правды знают и оным, которыи бы учити хотели забраняють, неиначе, но, яко пред тым законники жидовские».

Такие учителя не являются истинными. От них напрасно «поправления в науце или в житии ждати. Лучшеи, абы каждыи, кто ня хочеть згинути иншого собе лекарства за часу искал а таковым пастыром покой дал». Но лучше таких «пастаров прогонять вон». Обращаясь с призывом к народу, Будный с пафосом восклицает: «Встани от сна, уже пора обачити ся! Досить есмо вже спали, коли есмо за справою сих слепцов ни Бога знали, ни о спасении своем, на чим лежить, ведали».

Так было в прошлом. Сейчас уже наступили другие времена. «Ныне Бог милостивыи» «учителей зредка верных посылаеть». Об этом следует нам всем подумать, чтобы «слова Божие обема, яко мовять, руками приняли, держали, по ему жили и иных к нему приводили».

Белорусский народ остался глухим к агитации протестантских проповедников. Она была ему чужда, поскольку ее сторонники признавали нормальными существующие феодально-крепостнические отношения.

Тем не менее «Катихисис» Будного — факт большого значения в развитии белорусского языка. Язык «Катихисиса» Будного ближе к народному, чем переводы Скорины — этого первого опыта создания литературного языка на белорусской народной основе. В этом отношении «Катихисис» Будного — видное явление в истории белорусской культуры.

* * *

Более радикальным представителем антитринитаризма в Белоруссии был Феодосий Косой, беглец из Московского государства.

Феодосий Косой — холоп знатного московского боярина, бежал от своего хозяина и постригся в одном из заволжских монастырей, где находился до 1554 г. В этом году Феодосий Косой, заподозренный в принадлежности к «еретическому» кружку Матвея Башкина, был арестован, привезен в Москву и заключен под стражу в одном из московских монастырей. Феодосию Косому вместе с другими единомышленниками удалось расположить к себе стражу, убежать и скрыться в Литве, где он женился на еврейке и примкнул к левому крылу протестантов.

Учение Феодосия Косого проникнуто догматическим рационализмом. Он отрицал догмат св. Троицы, признавая Христа великим «богоугодным» человеком, основателем нового религиозного общества. Согласно его учению, Богу надо поклоняться духом, а не внешним образом. Поэтому Косой считает церковь с ее духовной иерархией, таинствами и обрядами — человеческим измышлением. Она должна быть отвергнута. Епископы и священники — «ложные учители, идольские жрецы, льстецы и жадники». Косой отрицает необходимость посещать храмы, которые он называет «кумирницами». Отрицая церковь и ее обряды, Косой не признает и внешнего благочестия, которое выражается в поклонении кресту и идолам. И кресты, и идолы — человеческое измышление и должны быть сокрушены. Равным образом Косой приходит к отрицанию святых и мощей. Косой советует не читать сочинений св. отцов и учителей церкви. Истинное христианство состоит не в соблюдении обрядов, а в исполнении заповедей Христа о любви к ближним. Косой отрицал необходимость власти, ибо «несть требе быти начальством в христианстве». Отрицал войну, так как «вси людие — едино суть у Бога: и татарове, и немцы, и прочие языцы». Феодосий отрицал и социальное неравенство, отвергал гражданские законы.

По словам Зиновия, инока Отенского монастыря, умершего в 1567 г. и написавшего большой труд «Истинное показание», в котором он опровергает учение Феодосия Косого, антитринитарии встретили сочувствие и поддержку не только среди людей, которые не боялись Бога, но и среди благочестивых и скромных, в числе которых были и духовные особы. В развитии антитринитаризма в Литве и Белоруссии Зиновий Отенский придает главное значение деятельности Косого. «Восток — говорит защитник православия — развращен дьяволом Махметом, запад — Мартыном Немчином, а Литва — Косым». Возможно, что Зиновий Отенский значительно преувеличил значение Косого в развитии антитринитаризма в Литве, но несомненно, что русский эмигрант был более радикальным в своих социально-религиозных взглядах, чем его итальянские единомышленники.

* * *

Видное место среди белорусских просветителей и продолжателей дела Скорины по праву занимает Василий Тяпинский, шляхтич, владевший землями в разных поветах. Основное его имение находилось в Полоцком воеводстве. В. Тяпинский не был богат. Он сам называет свое имение «убогой маетностью». О Василии Тяпинском известно сравнительно мало. Неизвестен даже точный год его рождения. Н. Янчук полагает, что В. Тяпинский

родился около 1540 г. и умер около 1603 г.[123] Впрочем, М. В. Довнар-Запольский, автор монографии о В. Тяпинском, отмечает, что «по документам нельзя точно определить время жизни Тяпинского»[124]. Первое упоминание о В. Тяпинском встречается в 1564 г. В 1604 г. Тяпинского уже не было в живых, так как в это время его сыновья спорили о дележе отцовского наследства.

Отсутствие биографических сведений не позволяет точно определить его религиозную принадлежность. Так, еще в 1884 г. архимандрит Леонид высказывался в пользу протестантизма Тяпинского, принадлежавшего к окружению князя Радзивилла и жившего в Несвиже, где у него была собственная «убогая» типография. Но эти соображения, по справедливому замечанию М. В. Довнар-Запольского, не подтверждены источниками.

Наоборот, П. В. Владимиров высказывается в пользу принадлежности Тяпинского к православию[125]. Е. Ф. Карский в одной из своих работ причислил В. Тяпинского к сторонникам антитринитариев. И в более поздней своей работе Е. Ф. Карский также считал Тяпинского простестантом, но относившимся, по мнению исследователя, к православным не враждебно[126]. Вслед за польским исследователем А. Брюкнером, М. В. Довнар-Запольский считает В. Тяпинского принадлежащим к социнианству и связанным с кружком Будного[127]. Н. А. Янчук еще более решительно утверждает, что Тяпинский принадлежал к кружку Будного[128].

Белорусское происхождение В. Тяпинского не вызывает никаких сомнений. Сам он называет себя «руским», но ведь и язык белорусский тогда назывался «руским». Поэтому понятие «русин» и «белорус» были тождественными. Правда, польские источники называют Тяпинского «литвином», но этим термином обозначали лиц, живущих в Великом княжестве вообще: литвинами могли считаться и литовцы в прямом смысле, и белорусы, и украинцы. Прекрасное знание Тяпинским белорусского языка также может служить наглядным свидетельством его белорусского происхождения. Наконец, его основное имение находилось в Полоцкой земле. Затем у него было имение в Лидском повете, которое он в 1579 г. поменял на имение в Ошмянском повете, и, наконец, на залоговом праве Тяпинский владел

---

[123] Н. А. Янчук. Указ. соч., стр. 29.

[124] М. В. Довнар-Запольский. В. Н. Тяпинский, переводчик евангелия на белорусское наречие. СПб., 1899, стр. 20.

[125] П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина, стр. 14.

[126] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. 2, стр. 38.

[127] М. В. Довнар-Запольский. В. Н. Тяпинский, переводчик евангелия на белорусское наречие, стр. 3.

[128] Н. А. Янчук. Указ. соч., стр. 29.

имением Свираны в Виленском повете[129]. Таким образом, «имения» В. Тяпинского были расположены в местностях с белорусским населением.

В. Тяпинский — продолжатель дела Скорины. Им было переведено Евангелие и на собственные средства были напечатаны, правда, не все евангельские книги, а только книга Марка и Матвея и часть книги Луки.

Печатая свой перевод евангельских книг, В. Тяпинский снабдил его церковно-славянским текстом, представляющим собою одну из рукописей юго-западного перевода. Тяпинскому было известно и московское «недавно друкованное» Евангелие. Е. Ф. Карский утверждает, что Тяпинский для своего перевода пользовался польским протестантским переводом Библии, принадлежащим иезуиту Вуйку. В то же время В. Тяпинский при переводе отдельных мест Евангелия пользовался и церковно-славянским текстом. Он, например, отметил разницу между текстом польского перевода и церковно-славянского — «польских и иных перекладех — великая разница». Весьма примечательно, что Тяпинский напечатал параллельный церковно-славянский текст, традиционный по своему происхождению и общепринятый в церковном богослужении. Уже это печатание католического текста церковно-славянского евангелия — показатель не агрессивного отношения Тяпинского к православию, а известного уважения к церковно-славянской традиции, которая имела большое значение в истории развития белорусской культуры.

Нет разногласий между исследователями относительно языка Евангелия, переведенного В. Тяпинским. И. А. Соболевский и Е. Ф. Карский, который специально исследовал язык перевода, назвали его «белорусским»[130]. Несомненно, В. Тяпинский своим переводом Евангелия показал превосходное знание белорусского народного языка, хотя язык его и тяжеловат, в особенности в «Предисловии» к переводу.

Предисловия в старопечатных книгах XVI в. имеют большое общественно-политическое значение. В них издатели раскрывали свои взгляды, свое мировоззрение. В этом отношении и «Предисловие» Тяпинского — единственный источник для изучения мировоззрения переводчика Евангелия. Важное по содержанию «Предисловие» совсем невразумительно по языку. Видимо, автор его с известной трудностью излагал свои мысли, ему нелегко давались отвлеченные умозаключения. М. В. Довнар-Запольский, отмечая неудобопонятный, тяжелый

---

[129] М. В. Довнар-Запольский. В. Н. Тяпинский, переводчик евангелия на белорусское наречие, стр. 25.

[130] Е. Ф. Карский. К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893.

слог предисловия, объясняет это тем, что «мы имеем дело с черновым наброском» [131].

Возможно, что автор «Предисловия» действительно не успел литературно его отделать. Возможно. что простота евангельского текста была под силу Тяпинскому, но ему трудно давалось воплощение в белорусской литературной форме отвлеченных суждений, которые должны были выразить сущность его миросозерцания. Тем не менее и в таком случае «Предисловие» с точки зрения языка представляет собою большую ценность как первый опыт использования белорусского языка для изложения теоретических абстрактных понятий. «Предисловие» Тяпинского предоставляет возможность выяснить его отношение к белорусскому народу, его культуре и выявить патриотические побуждения, которые принудили белорусского просветителя приняться за перевод Евангелия и сделать доступной эту книгу широким народным массам.

Сам Тяпинский не причисляет себя к ученым мужам. Он, согласно его собственным словам, «не влох, не нѣмець, не доктор и ниякий постановеный межи попы». Он только «руский» (белорус), желающий послужить своему народу («Руси услугуючии»). С этой целью, «з зычливости ку моей отчизне», Тяпинский и принялся за перевод Евангелия на язык своего народа.

Основная черта мировоззрения белорусского просветителя — это глубокая искренняя любовь к своему народу, это глубокий патриотизм. Тяпинский не скрывает тех трудностей, которые ему приходилось преодолевать при переводе Евангелия: «Вжо бо еще хотяж то не без болшое трудности пришло, иж двема езыкы зараз, и словенским и при нем тут же руским, а то неболшии словенским, а злаще слово от слова так, яко они все везде во всих своих церквах чтут и мают». Издавая свое Евангелие на двух языках, Тяпинский имел в виду сделать Евангелия общеупотребительным, в частым в быту — «для лепшого им розсудку, надто и для их самих цвиченя», с целью просвещения, «або первей сами и их детки смыслы свои не яко готовали, острили и в вере прицвичали».

В. Тяпинский — высокого мнения о белорусском народе. Он называет его «зацным», «довстипным, ученым», у которого мудрость была «праве яко врожоная».

Тяпинский знает, что Русь составляет только одну ветвь славянского племени, и в своем «Предисловии» он обращается не к одному «рускому» народу, а ко всей «зацной монархии словенской». Такое обращение Тяпинского к славянам не

---

[131] М. В. Довнар-Запольский. В. Н. Тяпинский, переводчик евангелия на белорусское наречие, стр. 4.

случайное. Ему хорошо известны культурные заслуги славян в прошлом, когда они «в слове божьем прозревши, сами одни толко того были доказали, же подлуг науки апостольское своим власным езыком от так давного часу слово боже выложили и мели, и нам зоставили».

Заслугой славян является то, что они имели славянский перевод Евангелия и «Апостола», «которое, могу мовить, перед тисечею лет от некоторого з словян выложоно». Этот перевод стал общеупотребительным «в церквах сербских, московских, волоских, булгарских, хорвацких и иных».

В. Тяпинский высоко ставит деятельность и заслуги перед славянством переводчика книг на славянский язык Кирилла: «Тот муж наш милый словенин» переводчик «латынских и иных» сам («властне») перевел с греческого и так это выполнил, что «трудно зразуметь», какой язык он собственно лучше знал — греческий или славянский («чи болшь греческий, або словенский езык умел»). Этот перевод книг священного писания является достаточным свидетельством («досыць знак немалый маєм»), что славяне были «люд довстипный».

Имея столь высокое представление о заслугах и талантливости древних славян, В. Тяпинский высоко ставит заслуги славянской веры и хочет рассказать об этом «народу своему рускому». В качестве примера он ссылается на «Синоды з папою римским», а также с другими, когда славяне «мнозства людей к вере з блудов выдвигали», так как «в розмаитых (разных.— *В. П.*) езыках учоными были». К тому же ведя «живот светобливый», славяне «межи собою злых и фалшивых в вере братов знашали (устраняли.— *В. П.*), лечили, направляли». Славяне своих учителей, т. е. Кирилла и Мефодия «водли науки слова божего, светобливым малженством от иных отделили и их тым оздобеных всим народам и верам и понине ку прикладу праве, яко свечу, чистатю малженства светячую, были показали». Много примеров мудрости славян, по мнению Тяпинского, можно было бы привести («широце о них выписовать»), но автор полагает достаточным привести «толко один явный, ясный, «вечное памети годный приклад» славянской мудрости, перевод священного писания на родной язык.

Славяне «дле так великое светобливости своее» были, помимо других народов, таким «гойным даром» наделены, что, не говоря уже о папе римском, но и других «оных часов наученших народов» найти в Ливии, Месопотамии, Палестине, Финикии и в других местах, а также даже у соседних (недалеких) народов, как итальянцев, немцев, поляков, французов, англичан, испанцев — коротко говоря всех христианских народов, «подлуг науки апостольское своим власным езыком от так

давного часу Слово Боже выложили, и мели и нам зоставили». В то же время другие народы только в наше время («за тых наших веков») «обачили» и притом «не без малого забуреня и ображеня» дошли до того, что «Слово Боже з латинских и иных писм своим теж езыком прироженым перекладати и читати почали».

В. Тяпинский высоко ценит заслуги предков и их способности — «довстионость» и «умеетность». Однако настоящее положение народа довольно безотрадно. Тяпинский отмечает общий культурный упадок и равнодушие к родному языку. Культура белорусского народа пошла бы по иному пути, если бы «зацные панове» остались бы верными традициям их «фалебных» (славных) предков и начали бы продолжать их деятельность («на местьца ихь вступили»). Тогда они могли бы оказать действительную помощь «ку отчизне вашой», повели бы за собой «человека бедного посполитого», который всегда шел за вами. В действительности «зацные» уже отреклись от своей национальности, а среди народа господствует «простота грубая», из-за «недостатка науки». Необходимо скорейшая помощь «тому народу вашему, неуметностью заведеному и утрапеному».

Тяпинский отмечает религиозную неразвитость простого народа. Вера, говорит Тяпинский, «яко усталя, яко загинула; обачивание речей жалосных кгвалтом слова до уст гонит». Это — культурная гибель народа. «Хто богобоязный,— восклицает Тяпинский,— не задрижить на такую казнь божию гледечи, хто бы не мусил плакати, видечи так великихь княжать, таких панов значных, так много деток невинных, мужов з жонами в таком зацном руском, а злаща перед тым довстипном, учоном народе езыка своего славного занедбане, а просто взгарду языка». Из-за такого общего упадка «оная ясная их в слове Божьем мудрость», которая была у него «праве яко врожоная» отошла от них и ее место «оплаканая неумеетность... пришла, же вжо некоторые и писмом се своим, а злаща в слове божем встыдают».

Тяпинского беспокоит падение образованности в «руском» народе, предки которого — славяне — так много сделали для просвещения народа, переводя священное писание на славянский язык. В этом общем падении образованности виновато духовенство, и высшее, и низшее. Само духовенство («духовные и учители») не изучают русского языка («намней его не вмеют») и не знают его («намней его вырозуменя не знают») и нигде не имеют школ для науки, вследствие чего «в польские, або в иные писма за такою неволею немало и у себе и дети не без встыду своего, бы се одно поучили, немалого заправуют». Тяпинский указывает на необходимость выхода

белорусского народа из этого тяжелого состояния. По его мнению, паны, т. е. землевладельцы, должны прийти к нему на помощь и вывести народ из безотрадного состояния. Требуя от панов поддержки в деле развития образования, разумеется, при посредстве священного писания на «руском» языке, Тяпинский обращается к панам с советом быть достойными своих предков и занять их место в деле просвещения народа.

Он советует панам прийти на помощь отчизне в недостатке науки «грубой простоте — братии своей», если только у них имеется «милость братерская» для «богобойного человека».

Чтобы помочь «неуметностью заведеному и утрапеному», паны должны воздействовать на митрополита, владык и своих учителей, чтобы они не предавались подкупам, посулам «дле поседаня столиц один перед другим», не добивались «доживотей» (пожизненных владений), но сами бы учились и других учили бы, чтобы «школы заложити и науку Слова Божего, от так многих лет занедбаную выдвигнути» и «братью вашу» к тому же побуждали.

Открытие школ требует денежных средств. По мнению Тяпинского, с этой целью должны быть использованы доходы «з маетностей и именей», которые дарованы церкви. Эти доходы от имений надо использовать для развития наук, но не таких «яко тепер на вечный свой встыд толко прочести и то ледво в своем езыку не болшь учатсе».

По мнению Тяпинского, распространение просвещения — возрождение народа, отсутствие просвещения — его гибель. Поэтому Тяпинский обращается не к кому-либо одному из панов и духовенства, а ко всем, поскольку его обращение согласуется «с тою потребою отчизны вашое богобойности, пилности, ростропности и верности». Если суждено будет белорусскому народу погибнуть, то и сам Тяпинский молит Бога «з нею згинуть». Если же, благодаря заботам панов и духовенства, народ будет возрожден, то и сам Тяпинский возродится «з вами и з нею».

За перевод Евангелия он принялся потому, что духовенство не желало этого делать, «поневаж,— говорит Тяпинский,— которым бы то властней учинити пристоело: митрополитове владыки, и нихто з учоных через так многий час не хотели». Никто из духовенства и ученых не оказал ему помощи при переводе. Мало того, «место помочи» ему «заздростю платити хотели». И все же, несмотря на все препятствия, перевод был готов и притом такой, который был нужен и понятен простому народу, «не смысленым, або красомовным выводом, не залецаными, а ни часу угожаючими словы, але яко сприязьливый, простой, а щирий, правдивеверне, а отвористе».

«Предисловие» Тяпинского раскрывает его религиозное

мировоззрение. Уже показания Будного достаточно убедительны для того, чтобы признать Тяпинского сторонником социнианства. Будный упоминает о братском собрании, происходившем «в дому брата милего Василия Тяпинского...»[132]. На съезде социниан в Ракове обсуждался вопрос о праве владеть землей. Если часть социниан осуждала и владение землей, и войну, то Симон Будный и В. Тяпинский вместе с другими указывали, что право собственности на землю и участие в войне не противоречит основам евангельского учения. Обращаясь к панам, Тяпинский называет духовенство «власным», показывая этим, что он никакого отношения к нему не имеет. Тяпинский противопоставляет духовенству свою веру. Свое издание Евангелия на двух языках В. Тяпинский предназначает не только для социниан, но и для православных, поскольку белорусский народ был православным. Сам же он, обращаясь к панам с просьбой воздействовать на духовенство, этим проводит разграничительную линию между собой и православием. Помимо этого, считая Евангелие «основой науки в Христе Иисусе», Тяпинский показал свое протестантское религиозное миросозерцание. Как протестант, Тяпинский не требует понимания сущности религии. Он дважды повторяет, что изучение Евангелия должно вести читателя к «лепшему розсудку», Бог побудит читателей «ку статочному розсудку и ку умеетности».

В. Тяпинский был подлинным представителем радикального направления в белорусском Возрождении. Он поднял свой голос в защиту простого народа, его просвещения. В этом заключался общественный идеал Тяпинского, его служение народу. Однако, выступая в защиту просвещения народа и обращаясь к светским вельможам с советом прийти на помощь своему народу, В. Тяпинский не понимал, что это обращение не может иметь никакого положительного значения. В период господства феодально-крепостнических отношений, разумеется, панам не приходилось думать о просвещении народа. Они лишь стремились к усилению эксплуатации крепостного крестьянства, к увеличению своего богатства.

Умеренный социнианец В. Тяпинский не мог стать подлинным духовным вождем народа без постановки во всей широте социального вопроса, т. е. вопроса о крепостном праве, как главном факторе, который задерживал развитие просвещения в «простом народе». Охраняя неприкосновенность земельной собственности, следовательно и крепостного труда, и довольствуясь только одним требованием «духовного просвещения» народа, да еще при содействии панов-крепостников,

[132] «O przedniejszych wiary chrystyanskiej artykułach», 1576.

В. Тяпинский, конечно, не мог стать подлинным выразителем нужд своего народа, несмотря на всю свою искренность, свою большую несомненную любовь «к отчизне милой».

Между тем наступил период агрессии польского католичества, началась пропаганда церковной унии, началось наступление на белорусский и украинский народы с целью совращения их в унию и добиться их денационализации.

Польша, связанная с Великим княжеством Литовским государственно-правовыми отношениями на началах унии, стремилась изменить сущность этих государственно-правовых отношений, объединившись с Литвой в одно государство. Против унии выступала литовско-белорусская знать, но шляхетские литовско-белорусские и украинские общественные круги, стремясь к ослаблению власти магнатов и облегчению военных тягот, наоборот, в унии с Польшей видели единственное средство осуществить свои политические планы и добиться полного политического уравнения с магнатами.

Осуществив объединение Великого княжества Литовского с Польшей в одно государство, польские феодалы поставили перед собой другую задачу — денационализировать белорусский и украинский народы и слить их с польским, вместе с тем заставив их забыть о своем общерусском этническом происхождении, оторвать их от религиозных и культурно-национальных связей с русским народом. Предполагалось, что эта политика денационализации могла быть осуществлена при условии, если белорусский и украинский народы примут церковную унию, т. е. произойдет объединение православной церкви с католической под главенством папы римского, но с сохранением церковно-славянского языка в богослужении. Церковная уния предусматривалась как стадия к переходу в католичество.

В этой сложной обостренной общественно-политической обстановке мещанство — городское население, а также крестьяне ответили дружной борьбой за сохранение неприкосновенности своей национальности и своей религии. Литовские и белорусские магнаты поспешили броситься в объятия католической церкви и этим отказались от своей народности. Вся борьба с католической агрессией за веру и народность падает на мещан. Под влиянием этой борьбы в среде городского населения начали развиваться идеологические направления, тяготеющие к русской православной церкви. Его представители стали на защиту славянского языка и старославянской церковной письменности, как источника морали и православного религиозного просвещения. Сторонники православия крепко держались за старину и в ее духовной сущности искали для себя нравственные и умственные силы для борьбы с наступле-

нием врага. Необходимо было поддерживать в народных массах наклонность к церковно-славянскому просвещению, для чего нужно было дать читателю книги для обучения грамоте, а церкви — книги, нужные для богослужения. Этим и объясняется широкое развитие печатания книг на церковно-славянском языке.

Внутреннее состояние православной церкви было очень тяжелым. Православные епископы и настоятели монастырей стремились лишь увеличить доходы от своих имений; вели между собой длительные тяжбы за имущество. Мало того, с помощью вооруженных отрядов они нападали друг на друга и силой захватывали земли. Епископы распоряжались церковным имуществом, как движимым, так и недвижимым, по собственному усмотрению. Ведя светский образ жизни, они своим антиморальным поведением подрывали авторитет церкви среди широких народных масс. Будучи политически неравноправными с католическим духовенством, они не имели права заседать в польском сенате и были готовы на любую политическую сделку, лишь бы только получить это право. Низшее духовенство было малограмотным и находилось в полной зависимости от своих владельцев.

Землевладельцы в отношении православных пользовались правом патроната. Это давало возможность помещикам католического вероисповедания всячески притеснять православное духовенство. Пользуясь правом патроната, землевладельцы поставили в полную от себя зависимость православное духовенство, как высшее, так и низшее, и широко практиковали продажу доходных церковных приходов. Такие лица, получив выгодную церковную должность, даже не показывались в своем монастыре. Продолжая оставаться вне его стен, они не отказывались от своего прежнего образа жизни.

При таком внутреннем состоянии православной церкви представители католической агрессии были уверены, что им без особого труда удастся выполнить свои замыслы относительно «руского» народа. Но их планы не увенчались успехом. Вопреки их ожиданиям, они встретили со стороны мещанства и крестьянства дружный и сильный протест, который одновременно был и оппозицией против того феодально-крепостнического строя, который давил и угнетал их.

В половине XVI в. православные магнаты еще оставались верными своей православной вере и народности. Они понимали то безотрадное культурное положение, в котором находилась народная масса, и считали нужным принять меры к поднятию уровня культурной жизни православной церкви. Вместе с тем православные магнаты были напуганы протестантской пропагандой и появлением священного писания на языке «простых»

посполитых людей. Они опасались, что протестантская пропаганда не только подорвет их влияние на народные массы, но и вызовет антифеодальное движение. Поэтому магнаты в первую очередь стремились направить силы на борьбу против распространения богослужебных книг на народном языке, против протестантизма и его крайних течений.

Выступая в защиту православной веры и церковно-славянского языка, как языка письменности, православные магнаты в действительности вели борьбу за свои социально-политические позиции, однако эта их деятельность вместе с тем укрепляла и положение православной церкви, усиливала ее сопротивляемость католической агрессии.

Виднейшим представителем этого консервативного культурного движения был гетман Великого княжества Литовского Григорий Александрович Ходкевич. Фамилия Ходкевичей играла видную роль в политической жизни Великого княжества Литовского. Ходкевичи принадлежали к тому политическому течению, которое отрицательно относилось к установлению более тесных унитарных связей с Польшей. Они выступали сторонниками политической независимости Великого княжества Литовского. Белорусские православные магнаты понимали, что соединение Литвы с Польшей противоречит интересам их магнатской группировки: оно усилит положение шляхетства и подорвет их политическое значение и влияние.

Ходкевич прекрасно понимал, что для борьбы против политики великого князя литовского необходимо собрать оппозиционные силы, необходимо в первую очередь поднять авторитет и положение православной церкви.

В связи с этим Заблудово, свое родовое имение, он превращает в центр православной культуры. Для поднятия последней необходимо было распространение богослужебных книг на церковно-славянском языке. Встреча Ходкевича с московскими эмигрантами — первопечатником дьяконом Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем — позволила Ходкевичу основать типографию и этим начать деятельность, чтобы «слово Божие размножалось и учение людем закону греческого ширилося, занеже оскуде сих книг много различных местах».

Сначала планы гетмана Ходкевича были очень широкими. Гетман предполагал продолжать национально-культурную традицию Скорины «вырозумления ради простых людей (священное писание.— *В. П.*) переложить на простую мову». Таким образом, еще продолжала оказывать влияние гуманистическая традиция Скорины и Тяпинского. И православные — оборонцы прекрасно понимали необходимость дать «простому

народу» Евангелие на родном для них языке. Гетман Г. А. Ходкевич сначала предполагал издать так называемое «Учительное Евангелие» на «руском» языке. Однако намерение Ходкевича встретило возражение со стороны «людей мудрых», и он отказался от своего плана, встав на путь церковно-славянской религиозной традиции. Он понял, что опасно дать в руки народа понятную ему книгу, ибо, читая ее, простой народ может толковать ее содержание в духе не выгодном господствующему классу. Ходкевич предпочел, чтобы «Учительное Евангелие» было издано на церковно-славянском языке, чтобы право толкования Евангелия по-прежнему находилось в руках духовенства.

Московские книгопечатники также были против печатания богослужебных книг на народном языке, так как, согласно их мнению, «перекладание з давных пословиц помылка чинится немалая, яко же и ныне обретается в книгах нового переводу». Поэтому московские книгопечатники приступили к печатанию книги «Учительное Евангелие» на церковно-славянском языке, которое вышло 17 марта 1569 г. [133]

Выпуская Евангелие на церковно-славянском языке, Ходкевич предупреждает, что и в таком виде язык книги вполне доступен пониманию: книга эта «каждому не есть закрыта и к выразумению нетрудна и к читанию полезна». Вместе с тем Ходкевич отметил и роль московских книгопечатников при издании. «Книга, зовомая Евангелие Учительное, к тому же изобретох себе в том деле друкарьском — говорит Ходкевич в своем предисловии,— людей наученых, Ивана Федоровича Московитина, да Петра Тимофеевича Мстиславца».

Издание «Евангелия Учительного» продиктовано условиями происходившей политической борьбы и заботой об улучшении положения православной церкви. «Вы же любимии приимете сию книгу с любовью,— говорит в предисловии Ходкевич,— а я Божею помощью о иных книгах церквам Божиим потребным промышляти буду, и накладу моего на то

---

[133] В 1616 г. в Евьи было издано «Учительное Евангелие» в переводе с греческого и церковно-славянского языка на русский. Свой перевод издатели объясняли тем, что церковно-славянский язык для многих стал малопонятным — «преложеньем его (Евангелия.— *В. П.)* на язык наш простый русский, якобы з мертвых воскрешон». Переводчиком Евангелия был известный впоследствии униатский деятель архиепископ Мелетий Смотрицкий, еще тогда остававшийся на православных позициях, но в основу своего труда положивший польский перевод Евангелия иезуита Як. Вуйки. Перевод М. Смотрицкого значительно отличается от перевода В. Тяпинского поскольку последний пользовался польским переводом Евангелия Симона Будного, как показывает Е. Ф. Карский. «Учительное Евангелие» 1616 г. получило широкое распространение. Оно, по словам Карского, по-видимому, пришлось по вкусу читателям XVII в. (Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. 2, стр. 39).

положити не жалуючи, вскоре их друковать буду». Так Ходкевич давал обещание приступить к изданию новых книг, разумеется на церковно-славянском языке.

Ряд ученых, среди которых находятся А. Потебня, А. Соболевский, М. Грушевский, относят Заблудово к территории Украины и поэтому считают издание «Учительного Евангелия» важным моментом в истории украинской культуры. Однако с этим мнением полностью согласиться нельзя. Территория Заблудово входила в состав Великого княжества Литовского, в той его части, где преобладало белорусское население. Григорий Ходкевич был сторонником независимости Великого княжества Литовского в тех территориальных границах, в каких оно находилось до Люблинской унии. Ходкевич стремился помочь просвещению белорусского и украинского народа. С этой целью напечатанное им Евангелие предназначалось и для белорусов и для украинцев. Вот почему безусловно будет правильным считать, что заблудовское Евангелие является весьма важным фактором в истории культуры Белоруссии и Украины, памятником консервативно-религиозного направления белорусско-украинского гуманизма.

Вскоре после выхода в свет «Учительного Евангелия» Петр Мстиславец оставил Заблудово. Оказавшись один, Иван Федоров приступил к печатанию «Псалтыри» с «Часословцем» и окончил их 23 марта 1570 г.

В «Предисловии» к «Псалтыри», как и в «Предисловии» к Евангелию, было также обещано «другие книги церквам и людям Божиим, во Христа верующим, потребныя друковать». Но эти обещания не были в дальнейшем выполнены, и печатание книг прекратилось.

В это время была заключена уния Литвы с Польшей, против которой так горячо выступал Ходкевич. Это событие отрицательно повлияло на Ходкевича, и он стал остывать к старым планам. Прошел у него интерес и к печатанию книг. Оставшись без дела, Иван Федоров покинул Заблудово и ушел во Львов. Ходкевич хотел удержать Федорова в Заблудове и подарил ему деревню, чтобы он мог спокойно доживать свой век. Вот что впоследствии рассказывал Федоров: «Егда же приити ему в глубокую старость и начасте главе его болезнию одержимя бывати, повеле нам работания сего (книгопечатания) перестати и художество рук наших ни во что же положити, и в веси (деревне) земледелием житие мира сего препровождати». Иван Федоров отказался от спокойной жизни и подаренной ему деревни и продпочел «скорби и беды претерпевати да множае умножу слово Божие», т. е. продолжать печатание книг. Не стал Федоров мелким землевладельцем, но предпочел скитание спокойной жизни, лишь бы иметь

возможность продолжать свое любимое дело. «Не пристало мне в пахании да сеянии семян жизнь свою проводити»,— писал впоследствии Федоров. Он предпочитал «больше книг ремесла своего друкарского на потребу церквам святым розмаитных для хвалы Божии в науке православным христианам выдати» [134].

Другим культурным центром в XVI в. был двор князя Юрия Юрьевича Слуцкого, двоюродного брата князя Константина Острожского. Если верить словам Антония Поссевина, в его сообщении папе Григорию XIII, то при дворе князя Слуцкого существовала школа. Тот же Поссевин говорит и о существовании типографии. Впрочем, в распоряжении исследователя нет никаких данных, которые подтвердили бы сведения Поссевина.

Известно только, что при дворе князя Слуцкого уже в 1560 г. жил старец Артемий, москвич родом. Заподозренный в ереси, Артемий был сослан в Соловецкий монастырь, откуда ему удалось бежать в Белоруссию, где он стал виднейшим защитником православия против агрессии протестантизма. Находясь в имении князя Слуцкого, Артемий имел своих учеников, среди которых был некий Марк, юноша «светлый и обычаев навыкший».

Сам Артемий был охвачен желанием посвятить остаток своей жизни переводам творений отцов церкви на славянский язык. По словам князя Андрея Курбского, Артемий был согласен «с потщанием в старости моей, аще бы и пешему случиломи ся препоясався, поиду из Слутцка там, где ми кажешь, и буду пособляти в переводе и склоняючи на Словенскои» [135].

В кружке князя Слуцкого, не отказываясь от латинского и греческого языков, придавали огромное значение церковнославянскому языку. Марк, ученик Артемия, был, видимо, большим знатоком славянского языка, если ему поручали такое важное и ответственное дело, как перевод церковно-учительских книг на церковно-славянский язык. Сам Курбский стремился переманить его к себе, чтобы совместно заняться переводом творений Василия Великого или Григория Богослова.

Отсутствие фактического материала лишает возможности выяснить, насколько велико было влияние культурного кружка при дворе князя Слуцкого, но совершенно очевидно, что этот кружок был ортодоксального направления. Об этом свидетельствует вся литературно-полемическая деятельность

---

[134] J. Огіенко. Указ. соч., стр. 41.

[135] А. Курбский. Соч. РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стр. 415.

старца Артемия. По словам Захария Копыстенского, Артемий, находясь в Литве, «споспешествующу ему Господу... от ереси Арианской и Лютеранской многих отвернул, и през него Бог справил же ся весь народ Русский в Литве в ереси тыи не перевернул» [136].

Все сочинения старца Артемия написаны на церковнославянском языке, но жизнь в Белоруссии и общение с белорусской интеллигенцией приучили его к местному литературному языку. Е. Ф. Карский отмечает, что Артемий в своих сочинениях неоднократно употребляет как белорусские, так и польские слова [137].

Живя при дворе князя Слуцкого, Артемий пользовался расположением таких видных политических деятелей, каким был Остафий Волович и московский эмигрант князь А. М. Курбский [138].

Литературная деятельность Артемия облечена в форму посланий к разным лицам. Его корреспондентами были Остафий Волович, князь А. М. Курбский, Иван Зарецкий, «брат отступивший», и др. Вся литературная деятельность Артемия посвящена разъяснению вопросов православного вероучения в условиях церковно-религиозной жизни и просвещения в Литве и Белоруссии XVI в.

В период своих религиозно-нравственных исканий Артемий склонялся в сторону рационализма, а порой находился под сильным влиянием мистицизма в духе Нила Сорского и заволжских старцев — противников церковного землевладения. Старцу Артемию была свойственна широкая терпимость в обсуждении вопросов веры. Оставаясь верным догматике православия и церковным обрядам, он в своей полемике и борьбе с протестантами держится примирительного тона, больше действуя не столько обличениями, сколько увещеваниями.

Еще в послании к Ивану Грозному в 1552 г. Артемий утверждал, что основным источником веры является «Божественное писание». Только тот «разум же истинный», который «свидетельство имеет от Божественных писаний». Если же разум «обрящется супротивен Божественному писанию, таковой разум лжеименит есть». Значит, разум должен подчиняться вере — религиозной традиции. Но, по мнению Артемия, необходимо читать священное писание и осуществлять в жизни его моральные требования. Он осуждает тех, кто «глаголати дерзают сице: не треба ныне по Евангелию жить». Выдвигая требование жить в духе евангельского учения, Артемий пол-

---

[136] РИБ, т. IV, стр. 913.

[137] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. 2, стр. 161.

[138] С. Вилинский. Послания старца Артемия (XVI в.). Одесса, 1906.

ностью стоял на позициях заволжских старцев. Артемий требовал, чтобы люди читали священное писание, так как от незнакомства с ним «всякая грясь и прелесть бесовская и житие растленно, привийде от еже не ведети известно разум божественных писаний».

В своих литературных произведениях Артемий обнаруживает всестороннее знакомство с рационалистическими течениями и с представителями новых учений в Литве и Белоруссии, а также отмечает свои прежние рационалистические ошибки. Так, в письме к «брату отступившему и жену понявшу» Артемий сознается, что и сам он не был чужд еретических заблуждений, «прелести антихристова духа». Старец Артемий был знаком с «Катихисисом» Симона Будного и написал на него обличение. Знал Артемий и другие печатные сочинения протестантов, например, «Оправдание грешника перед Богом». Артемий превосходно ориентируется в сущности протестантского учения и ведет с ним литературно-богословскую полемику. Артемий хорошо понимает значение и ценность письменного произведения и в своих полемических выступлениях стремится опровергнуть протестантскую ересь, противопоставляя ей священное писание и творения отцов церкви, которые были ему хорошо известны.

Артемий всегда подчеркивает, что он на вопросы отвечает «не от своего же разума, но от самих божественных писаний святых богоносных отец сказаниа от многих и малая собрав, яко нес от крупиц, падающих от трапезы Господии своих»

Артемий проявляет большую терпимость к протестантам и отказывается ругательствами отвечать на «ругательства лютеран». В письме к С. Будному старец Артемий пишет: «Вся же наука ваша — ругатися церкви Христове и истинным христианом. Для того мнози не к тому Люторы, но ругатели прозывают вас, бо всему вы божественному священнодейству ругается, яко жиды и вси безбожныи еретицы» [139].

Взгляды Артемия проникнуты веротерпимостью и гуманностью. Еще в письме к Ивану Грозному Артемий писал, что «любовь — весь закон и пророки содержит». На любви зиждется «жительство правое». В жизни надо руководиться «заповедями Божиими», ибо только тогда человек может почувствовать в себе присутствие Бога. Артемий не считает еретиками тех, кто «от невидения о чем усумнится или слово просто речет, хотя истину навыкнуты, паче же о догмах и обычаях некиих... Никто же бо е разумом родися когда, но учитися всякому словеси надлежит нужа».

---

[139] РИБ, т. IV, стр. 1427.

В письме к Грозному старец Артемий предлагал убедить его «божественным писанием», если он в чем-либо погрешил по своему «неведению». Артемий соглашался «каятися и прощение просити», если «не согласен разум мой с разумом святых отец». Исходя из этого положения, Артемий находит возможным действовать против еретиков только просьбой и словом, а не наказанием, «учаше, моляше, наказоваше, запрещаше Божиею, а не мучительскою властию»[140]. Корни всякой ереси — в отсутствии просвещения — «всякая ересь и прелесть бесовская и житие растленно привнайде от еже не ведети известно разум божественных писаний».

В своем опровержении учения протестантов Артемий стоит на православно-догматической почве, но выступает против механического выполнения обрядовой стороны религии. Сущность подлинной религии, по его мнению, заключается в том, чтобы каждый человек жил по Евангелию. Артемий резко возражает тем, кто считает: «грех простым чити Апостол и Евангелие», кто советует: «не чти много книг, да не в ересь впадеши! И аще кому прилучится недуг, от него же человек естественного смысла испадет, тоже прелщающе глаголют: зашелся еси в книгах. Неискусно также глаголют: многия ти книги в неистовство прелагают». Таков моральный облик московского гуманиста, продолжавшего развивать на белорусской почве свои гуманистические взгляды. По своим взглядам он близок к Скорине. Главное их разногласие — это язык священного писания. Скорина выступал сторонником родного языка для лучшего понимания книг священного писания, тогда как Артемий считал, что книги священного писания могут стать доступными «простым людям», если даже они будут изданы на церковно-славянском языке. Велика идея религиозной терпимости, которую проповедовал Артемий. Московский эмигрант, очутившись в белорусской общественной среде, проникся ее взглядами и получил полную возможность развить те суждения, которые были признаны в Москве еретическими, хотя в его учении в действительности не было никаких отступлений от догмы православного учения.

Старец Артемий — большое явление в истории белорусской культуры. Его страстная полемика против протестантов — это защита не только православной веры, но и русской народности. Он — предшественник того большого литературно-полемического движения в защиту родной веры и русской народности, которое так пышно разовьется, когда католическая агрессия, собрав все свои силы, с лозунгами церковной унии объявит православную веру ересью — схизмой и начнет ре-

---

[140] РИБ, т. IV, стр. 1214.

шительную борьбу с белорусской народностью с целью вовлечения ее в сети унии и католичества и дальнейшей ее денационализации.

К консервативному культурному кругу принадлежал и московский эмигрант князь Андрей Михайлович Курбский. Во время Ливонской войны князь Курбский командовал московскими войсками и одержал ряд побед. Однако в 1564 г. Курбский бежал из Дерпта (Юрьева) в Вольмар под покровительство великого князя литовского Сигизмунда II Августа в сопровождении «12 боярских детей». Князь Курбский — крупный феодал — никак не мог примириться с установлением царского единодержавия в Москве.

Знатного эмигранта, и при этом прекрасного стратега, в Литве встретили с почетом и наделили его крупным королевским старостом — Ковельским (на Волыни). Как сторонник старого феодально-аристократического мировоззрения, князь Курбский нашел в Великом княжестве Литовском политическую обстановку, которая вполне отвечала его взглядам, так как в политической жизни Великого княжества Литовского руководящая роль принадлежала магнатам. Эмигрировав в Литву и став крупным землевладельцем, Курбский влился в среду литовско-белорусской и украинской феодальной знати и стал видным ее членом. Литовский период жизни Курбского был периодом широко развернувшейся его литературной деятельности.

Одна группа сочинений князя Курбского — это обвинительный акт против московского царя Ивана Грозного и его противобоярской политики и вместе с тем попытка оправдать свое бегство из Русского государства во враждебную для последнего страну. К этой группе сочинений А. М. Курбского относятся: «Эпистолия первая князя А. Курбского к царю и великому князю Московскому», «Краткое отвещание князя Андрея Курбского на зело широкую эпистолию великого князя Московского» и «На вторую эпистолию отвещании цареви Московскому убогого Андрея Курбского, князя Козельского» и в особенности «История о великом князе Московском».

Ко второй группе сочинений Курбского относятся те, которые связаны с культурным движением, охватившем Литву и Белоруссию.

Князь Курбский — безусловно талантливая, одаренная личность. Его язык ярок и выразителен. Он приближает свой язык к разговорному русскому языку. В его языке множество слов латинского, польского и белорусского происхождения — результат влияния той общественно-культурной среды, с которой приходилось соприкасаться А. Курбскому.

Консерватор по своим политическим взглядам, выброшенный ходом событий из своей родной страны, Курбский был консерватором и по своим историко-философским взглядам. Его реакционное политическое мировоззрение нашло в Литве соответствующую социально-политическую обстановку. Отношение Курбского к белорусско-украинскому культурному движению нашло отражение в письмах А. Курбского к отдельным духовным и светским лицам. Среди его корреспондентов находились: некто Иван многоученый, старец Печерского монастыря, старец Васьян, князь Константин Острожский, некий Марк Сарычевин, ученик Артемия, Кузьма Мамонич, Кадиян Чаплич, Федор Бокей Печихвостский, княгиня Чарторыйская, пан Остафий Троцкий.

Князь Курбский написал историю о Восьмом соборе, в которой его религиозно-философское мировоззрение получило полное теоретическое обоснование. А. Курбский резко выступает против всяких религиозных увлечений, которые, по его мнению, не выдерживают никакой критики, если подойти к их рассмотрению с точки зрения священного писания и учения отцов церкви. Сторонник церковно-славянского языка в письменности, он относится отрицательно к переводам священного писания на язык «простых людей». Естественно, что вся переводческая деятельность Скорины подверглась осуждению с его стороны.

В письме к старцу Васьяну Курбский осуждает перевод Библии Скориной «с препорченных книг жидовских». Перевод книг Скорины, по мысли Курбского, весьма близок к переводу Библии Лютером, в чем сам Курбский имел полную возможность убедиться. Новыми книгами, утверждает московский эмигрант, не следует пользоваться, так как они могут стать источниками соблазна. Можно пользоваться только старыми книгами, которые «по крещении Руские земли и в наш язык переведены, а по монастырем, чаю, по многим есть в казнах их» [141].

Апологет православия, Курбский выступает с критикой догматов протестантизма и католичества. В письме к старцу Васьяну Курбский отмечает, что расширение в Литовской земле вольнодумства, благодаря которому «стада верных нещадно расхищают и, апостолская словеса превращаючи, развращенне толкуют, и на святых хулу возлагают» [142]. Распространение вольнодумства Курбский объясняет тем, что в обществе распространяются «руские книги», в которых помещены «словеса развращены, от Еремея попа Болгарского

[141] РИБ, т. XXXI, стр. 401, 404.
[142] Там же, стр. 386.

сложены» и которые преисполнены хулы «на Златоустово имя подписано и на иных святых, яко щиты себе носят, и из-за них закон Христов ругании и хулами стреляют, и верных тяжущихся с ними по неведению, аки за словеса святых удобне одолевают, яко безответных, и от истиннаго пути на прелесть свою возводят» [143].

Протестантизм встречает большое сочувствие в господствующем классе: «и началников наших и пастырей подходит и некоих от них гордостем и жительству растленному научает, и соль земли в буйство претворяет... и противу иных божественных книг изветы иные лукавыя умышляем» [144]. Вольнодумство не имело бы успеха, если бы еретические книги прочитали «с охвотою и внимали лежащему в них разуму со усердием, не бы никогда же хотели услаждатися чюждописаными и несогласными повестми, ниже бы на незаконопреступление и слабость когда уклонялися. И имиже нас Лютор и ученики его истязуют» [145]. Но эти еретические суждения остаются без ответа, «або наши учители того не слыхали», подлинная вера, по мнению Курбского, основа государства.

Благодаря распространению вольнодумства пали многие из государств Востока и Запада. «Где,— восклицает Курбский,— Индия и Ефиопия? Где Египет и Ливия и Александрия, страны великие и преславныя, многою верою ко Христу древле усвоенныя? Где Сирия, древне боголюбивая, где Палестина, земля священная... где Констянтин град преславныи... где ново просиявшие по благоверии Серби и Болгары и их власти высокие и грады преизобильныя?... сия преславныя и преименитыя царства в прежних летах единодушно правую веру држаще, и ныне грех деля многих безбожными властели обладаны... от безбожных тех властеи гонения горчаишая и наругания беспрестанни претерпевают» [146]. Так было и на Западе. «Где Рим державный... где Италия, от самых апостол благоверием украшена? Где Испания славная, от апостола Павла благочестием насаженная? где Медиолан, град многонародныи... где Карфаген? где Галат внутренныя? где Германия великая? где различные языки, по западным странам живущие, в них же бе от апостол и от наместник апостолских Евангелия Христова смотрения проповедано?» — вопрошает Курбский [147].

В противоположность этому всеобщему упадку процветает только Русская земля. Ее сила в сохранении чистоты веры.

---

[143] Там же, стр. 386—387.
[144] Там же, стр. 388—389.
[145] Там же, стр. 389—390.
[146] Там же, стр. 391—392.
[147] Там же.

«И вся земля наша Руская от края до края, яко пшеница чиста, верою Божиею обретается; храми Божии на лицы ея подобны частостию звезд небесных водруженны; множество монастыреи создани... Цари и князи во православной вере от древних родов и поднесь от Превышняго помазуются на правление суда и на заступление ото врагов чювственных»[148]. В распространении вольнодумства виноваты прежде всего пастыри церкви, которые обязаны разъяснять истину и недоумения. Между тем они не выполняют своих обязанностей. Они охвачены «гордостем и жительством растленным». Они, «оставя твердыя священныя словеса, бабскими баснями и растленными словесы и отнюдь не свидетелствованными от священных букв услаждатися увещевая их»[149].

Вместо того, чтобы быть подлинными пастырями и охранять чистоту веры, они «апостолская же и пророческая словеса и святых преподобных великих учителей точию кожами красными и златом со драгоценным камнием и бисеры украсив, и в казнах за твердыми клепы полагаху, и тщеславующеся ими и цены слагающе толики и толики сказуют приходящим»[150].

Виноваты в распространении вольнодумства и правители государства, ибо «державные, призваные на власть от Бога поставлены, да судом праведным подвластных разсудят и в кротости и в милости ку державу управят». В действительности «о нерадении же державы и кривине суда, а не насытстве граблении чюжих имении ни изрещи риторским языки сея днешния беды возможны»[151].

Виновато в распространении вольнодумства духовенство, которое «не токмо душа своя на паству Христову полагают, но и расхищают... но и учители расхитителем бывают, начало и образ всякому законопреступлению собою полагают... не вдовиц и сирот заступают, ни напаствованных и бедных избавляют, ни пленников от пленения искупают, но села себе устрояют, и великие храмины поставляют, и богатствы многими кипят и корыстми, яко благочестием ся украшают»[152].

Виноваты в распространении вольнодумства иноки, которые, «забыв обеты своя, многими богатства подавлятися и безмерных имений многих сел властелем быти, и от тех себе великие богатства собирати и во твердых хранилищах их

---

[148] РИБ, т. XXXI, стр. 393—394.
[149] Там же, стр. 389.
[150] Там же.
[151] Там же, стр. 395.
[152] Там же, стр. 395—396.

затворяти». Между тем «многия мятежи и крови, от тех имении бываемыя, и междоусобныя брани, и клятвам преступление...»[153].

В то же время находится в тяжелом положении «воинской чин», который часто не имеет даже «конеи, ко брани уготовленых, или оружия ратных, но и душевныя пищи». Купеческий чин и земледелец находятся в тяжелом положении. Земледелец «безмерными данми продаваеми и от немилостивых приставов влачими и без милосердия мучими, и овы дани веемше ины взимающе, о иних посылающе и иныя умышляюще»[154].

Чтобы избежать ереси, Курбский предлагает обратиться «без лености на прочитание божественных словес, да почерпавше от них мудрость божественнаго разума и укрепився духовною сею и пребывающею пищею и возможем братися противу мысленнаго врага нашего»[155].

Выступая против религиозного вольнодумства, Курбский относится отрицательно к римско-католической церкви, отпавшей в своих догматах от православия. Только благодаря этому многие из римских католиков «ныне вослед первосвященного Лютора пойдоше». Благодаря отпаду от православия римско-католиков «не токмо образные богословия догматы растлены», но и «священные книги Моисеевские и Пророческие от Жидовских книг растлены сущи и в преводах изпрепорчены».

Опасными врагами православной веры Курбский считает иезуитов. В письме к Кузьме Мамоничу Курбский просит Мамонича, чтобы «не ходили к ним часто на них наказание, без искусных наших, и не вдавалися в гадки», и советует прочесть его послание «всем во правоверии стоящим Виленским мещанам»[156].

Выступая сторонником чистоты православной веры, Курбский — противник толкования священного писания частными лицами, по его мнению свободное толкование — источник ереси[157]. Враждебно относясь к протестантизму, Курбский в письме к княгине Чарторыйской одобряет ее действия в том, что она предполагает отдать своего сына на обучение «до Вильни, до Римского закона честых презвитеров язутов», так как многие «нарочитые мужие ездили учитисия тех наук з домов от родителеи своих до Афин, ко поганским

---

[153] Там же, стр. 397—398.
[154] Там же, стр. 398.
[155] Там же, стр. 399—400
[156] Там же, стр. 424, 426.
[157] Там же, стр. 437—440.

философам», и все же «правости душевные и проотеческого правоверия ни на мнеи отменели». Чтобы бороться с врагами христианской веры, необходимо знакомство с творениями отцов церкви. С этой целью Курбский считает целесообразным перевод их на церковно-славянский язык. Сам Курбский приступил к изучению латинского языка и прочел многие из сочинений отцов церкви. Курбский, однако, отмечает трудность выполнения задуманного им дела, так как не было около него лиц, которые хорошо знали бы церковно-славянский язык. Можно найти не мало лиц, хорошо знающих греческий и латинский языки, но только не церковно-славянский. Узнав от преподобного старца Артемия, что его ученик, некий Марк, хорошо знает церковно-славянский язык, князь Курбский обращается к Марку с просьбой «приехати на колько месяцев, даючи помощь нашему грудству и неискувству: бо не обвыкли есмы, яко аз, такое князь Михаило, Словянскому языку в конец, и того ради боимся пуститися едины, без помощи, на так великое и достохвальное дело»[158]. Являясь сторонником восточнославянской православной культуры, князь Курбский не был противником и западноевропейской образованности. Сам он, согласно его собственным словам, «не мало лет изнурих по силе моеи, уже в срединах, со многими труды приучахся языку Римскому». Мало того, князь Курбский убедил своего «благородного брата», юношу князя Михаила Оболенского, «иже бы, во младом еще будущи и веце, навык ты внешних наук во языце Римском». С этой целью князь Оболенский два года пробыл за границей — учился в Кракове, а потом «совершения ради до Влох ехал, оставя дом, жену и детки, и тамо аки два лета пребыл»[159].

Считая возможным приобретать знания от иноверцев, князь Курбский, однако, не допускал даже мысли о возможности сближения с протестантами. Неудивительно, что увлечение Кодияна Чаплича протестантизмом вызывает со стороны Курбского отрицательное отношение. Считая себя хорошим знатоком «от младости нашеи во Священных Писаниях по силе нашей научени и утвержени в вере христианской благочестивих догматов», князь Курбский в своем письме отмечает, что он не просил своего корреспондента «его бы мя есть научил, альбо мне толковал святое письмо», тем более, что сам Чаплич «от мутных источников напоен». Всякое новое толкование священного писания (Кальвина, Филиппа Меланхтона, Лютера и учеников Цвингли и Кальвина) Курбский отбрасывает, как раньше поступили апостолы и учителя церк-

---

[158] РИБ, т. XXXI, стр. 418.
[159] Там же, стр. 417.

ви в отношении еретиков [160]. Вследствие этого князь Курбский был очень раздражителен тем, что Константин Острожский дал для опровержения книжку Скорины протестанту Мотовилу. Князь Курбский выражает по этому поводу величайшее удивление но полагает, что никто не слышал о том, «аж бы христианин правоверный от арианина христоненавистника услаждался эпистолиями или промовал от сего писания на помощь церкви Христа Бога». Курбский обращается с просьбой к князю «престани уже дружитися с теми неприятельми Его, прелукавыми и презлыми, ибо никто не может друг царев быти, кто с неприятельми его дружбу ведет» [161].

Курбский настойчиво требовал изучения творений отцов церкви. Так как последних не было в переводе на церковнославянский язык, то Курбский считал необходимым приняться за переводы их. Впрочем, Курбский не был подготовлен к переводческой деятельности. Он совсем не знал греческого языка и поздно принялся за изучение латинского. Приобретя известные знания в латинском языке, Курбский «умолих юношу ко переводу... имянем Амброжия, от родителей христианских рожденна, зело в писаниях суща и верх философии внешния достигша» [162]. По словам Курбского, светские и духовные круги отнеслись отрицательно к его переводческим планам. «Аще и елицых обретох,— пишет Курбский,— мнихов и мирских, не восхотеша помощими: мнимо отрекошася, уничтожающеся непохвальне не глаголю лицемерие, або леностое, от того достохвального дела мирские не восхотеша, объяты будучи щетными мира сего и подавляюще семя благоверия терпением к осотом».

Как видно из предисловия Курбского к «Новому Маргариту», он намеревался перевести целиком Златоуста и Павловы послания. Помимо этого, Курбский интересовался сочинениями Иоанна Дамаскина, которые до сих пор не переводились на славянский язык: «У нас,— пишет Курбский,— они ни десятой части книг учителей наших старых не переведено лености ради и нерадения властелей наших, бо нынешнего веку мнящиеся учителя грех ради наших больше в болгарские басни або паче в бабские бредни упраждяются и похваляют их, нежели в великих учителей разумах наслаждаются».

С именем Курбского связаны переводы целого ряда сочинений отцов церкви, а именно: «Новый Маргарит», сборник сочинений Иоанна Златоуста, «Небеса» Иоанна Дамаскина,

---

[160] Там же, стр. 439, 440.

[161] Там же, стр. 468.

[162] Н. Иванюков. Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. II. Киев, 1849, стр. 310—311.

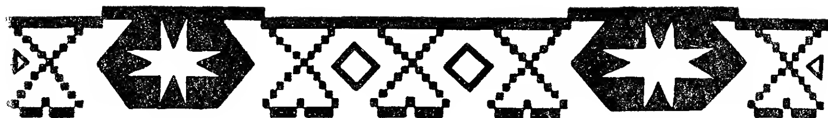
«Богословие» Дамаскина, «Диалектика» Дамаскина, «Диалог» патриарха Геннадия, «Повести Энея Сильвия о взятии Царьграда»[163] и сочинение Иоанна Саваитского[164]. Имеются указания, что Курбский занимался переводами из Григория Богослова, Василия Великого и Дионисия Ареопагита[165].

---

[163] Л. Соболевский. Эней Сильвий и Курбский.

[164] К. Харлампович. Новая библиографическая находка. Переводная статья князя Курбского «От другие диалектики Иоанна Сканинбергера о силогизме вытолковано». Киев, 1900.

[165] РИБ, т. XXXI, стр. 418, 424.



ВОЗРОЖДЕНИЕ УКРАИНЫ-РУСИ И БЕЛОЙ РУСИ В XVI — начале XVII в. *

XVI век в истории Белоруссии и Украины считается веком национально-культурного Возрождения. Правда, причины Возрождения в Русском государстве, в Белоруссии и на Украине будут различными. Во всяком случае можно считать, что Возрождение выражало формировавшееся национально-культурное самосознание народов русского, белорусского и украинского.

Можно утверждать, что к началу XVI в. окончательно сложились три великие братские народности: русская, украинская и белорусская. Уже в начале XVI в. можно говорить о формировании белорусского языка со всеми его фонетическими и морфологическими особенностями. Ведь этому языку свойственно так называемое «аканье» и «дзеканье». Эти две особенности белорусского языка встречаются в памятниках конца XV в. Несколько позже формируется украинский язык со всеми его фонетическими и морфологическими особенностями, с известной мягкостью. И в это же самое время в русской публицистике XVI в. происходит выработка русского литературного языка, который в значительной степени порывает связь со старым церковно-славянским языком; литературный язык приближается к языку народному.

Если русское национально-культурное Возрождение было связано с классовой борьбой, которая происходила в Русском государстве на базе формирования дворянско-феодальной монархии Ивана IV Васильевича, то в Белоруссии и на Украине это национально-культурное Возрождение было результатом влияния несколько иных причин и условий, ибо Белоруссия и Украина в то время не имели своей Государственности, они входили в состав Великого княжества Литовского и Королевства польского.

* Публикуется впервые.

Национально-культурное Возрождение Белоруссии и Украины, как и России, является движением городским. Оно вышло из среды городского класса. Это вполне понятно, так как города в Белоруссии и на Украине в начале XVI в. находились в стадии своего культурно-экономического подъема. Основы Возрождения в Белоруссии, как городского буржуазного движения, были аналогичны известному культурному движению в странах Западной Европы.

Для того, чтобы разобраться во всех основных моментах развития национально-культурного движения белорусского и украинского народов, следует отметить, что белорусская и украинская народности в конце XV в. находилась под ударом со стороны польской феодально-католической агрессии. Правда, эта агрессия только начинает выступать на историческую сцену. Она еще не проявляет себя во всей широте и полноте, но первый удар по украинской и белорусской народности был уже нанесен.

Это было связано с попыткой литовского правительства в 60-х годах XV в. ввести церковную унию, попыткой, которая встретила враждебное отношение со стороны своего белорусского и украинского населения и, в частности, феодалов; это было связано также с образованием особой Киевской митрополии, независимой от Москвы, власть которой до того времени распространялась на Белоруссию и Украину. Наконец, очень важно отметить, что в 80-х годах XV в. великий князь литовский Казимир, со своими панами-радой, издал постановление, согласно которому в Великом княжестве Литовском запрещалось строительство новых православных церквей и ремонт старых. Эти три мероприятия в известной степени были наступлением на православие. Но православными и были в Литовском княжестве белорусы и украинцы. Следовательно, наступление на православие было одновременно наступлением на оба братских народа.

Несомненно, что во всех этих действиях можно видеть только одно: стремление положить известную грань между соседним русским народом, с одной стороны, белорусским и украинским народами — с другой, поставить белорусский и украинский народы в такие условия, чтобы они, оторванные от русского народа и Русского государства, связанные исключительно с Литвой и Польшей, поскорее оказались бы в орбите польско-католического влияния, чтобы они, в процессе постепенного сближения, лишились своего национального лица, перестали быть белорусским и украинским народами русского племени.

Белорусское и украинское национально-культурное движение — это по существу одно движение. Оно является общим и

для Белоруссии и для Украины. Очень трудно отделить белорусское движение от украинского, ибо оба народа связала общность происхождения из одного корня и находились они в одинаковых политических условиях; оба народа подвергались одинаковой атаке со стороны польской феодально-католической агрессии. Поэтому ряд явлений общественно-культурного характера имеет большое значение как для Белоруссии, так и для Украины.

Если говорить о национально-культурном движении в XVI в., то следует отметить, что оно развилось раньше всего в Белоруссии, в самом начале века. В этом отношени первые шаги белорусского национально-культурного движения оказали известное влияние на развитие украинской культуры в более позднее время.

Начало белорусского национально-культурного Возрождения связано с такими замечательнейшими представителями белорусской культуры, просветителями того времени, каким является Георгий Франциск Скорина — уроженец города Полоцка. Мы ничего не знаем о его жизни в молодые годы. Известно, что он учился в Краковском университете, но, не удовлетворенный схоластическим образованием последнего, уехал в Италию в г. Падую — центр тогдашнего гуманистического образования, где он получил звание доктора «лекарских» наук.

Скорина был человек несостоятельный. Это можно видеть из того, что он подавал заявление в коллегию профессоров Падунского университета, чтобы ему разрешили сдавать докторский экзамен без внесения платы за него, и коллегия профессоров удовлетворила просьбу Георгия Скорины.

В 1517 г., кончив Падуанский университет, Георий Скорина приехал в Прагу. Стремление попасть в Прагу вполне понятно. Прага, связанная с Яном Гусом и гуситским движением, все еще жила традициями национально-культурного Возрождения. Католическая реакция еще не успела окончательно подавить это движение.

Здесь в Праге, Скорина занимается основным своим трудом — переводом Библии на язык «посполитова люда», т. е. на язык народный. Следует отметить, что Библия была переведена им полностью, за исключением только двух книг, и затем им же напечатана в типографии, которую сам Скорина на свои средства создал в г. Праге.

Перевод Библии очень интересен. Период реформационного движения обычно связан всегда во всех странах с переводом Библии на народный язык. В этом отношении переводчики выступали как передовые культурные деятели, которые своими переводами создавали литературный язык. Скорина переводит Библию частично с чешской Библии, частично —

с латинской. Очень интересна его манера переводить. Он не переводит дословно, а приспосабливает свой перевод к пониманию простого, неученого народа. Он иногда раскрывает более подробно не совсем понятные выражения Библии. Каждая книга Библии сопровождается его предисловием, которое очень важно для изучения мировоззрения Скорины и его значения в истории развития белорусской национально-культурной мысли, в истории развития европейской культуры, в истории развития восточно-славянской культуры XVI в. Если итальянское Возрождение ставит своей задачей и целью популяризировать научную мысль и освободить ее от влияния схоластической, догматической, средневековой философии, поставить научное знание независимо от богословия, то, я бы сказал, эти же взгляды можно найти и во всех предисловиях Скорины к библейским текстам. Скорина выступает перед нами как поклонник просвещения, как сторонник разума и распространения научного знания среди широких народных масс. Недаром он обращает свои переводы к простому народу, который он хочет научить правильной морали и науке. Поскольку Библия в то время была своего рода энциклопедией, как бы сокровищницей знаний, то естественно, что Скорина обратился к переводу Библии. Его перевод Библии распространился на Украине, попал в Москву и имел в ней распространение.

Даже позднее, в XVII в., книги Скорины можно было найти в библиотеках московских просвещенных деятелей.

Такое распространение Библии Скорины вполне понятно: перевод Библии отличается большой простотой, жизненностью, близостью к народной речи, а эта речь еще XVI в. не так уж резко отличалась от речи украинского и русского народа.

Затем, мы не знаем по каким соображениям, Скорина оставляет г. Прагу и переезжает в «столечный» город Великого княжества Литовского — Вильно, где при содействии некоторых представителей городского зажиточного слоя он приступает к созданию собственной типографии. В 1525 г. Скорина выпускает первую свою печатную книгу «Апостол», тот самый «Апостол», который позже был напечатан Иваном Федоровым в Москве, причем на московском издании «Апостола» в известной степени чувствуется влияние скоринского «Апостола» в отношении шрифта, заставок и ряда других внешних элементов этого весьма замечательного и интересного издания. Далее Скорина напечатал небольшую книгу под названием «Малая подорожная книжица». На этом, собственно говоря, кончилась вся его издательская деятельность. Типография, по неизвестным причинам, сгорела, и Скорина вынужден был дальше прекратить свою культурную деятельность. Остальные этапы жизни Скорины здесь нас не интересуют.

Что любопытного в деятельности Скорины? Это прежде всего страстная любовь к знанию, это — вера и сознание необходимости просвещения широких народных масс. Вот эта вера, эта любовь к народу красной нитью проходит через все его предисловия к библейским книгам.

Поскольку Скорина обратился к народному языку, как языку литературному, то его можно считать родоначальником литературного белорусского языка. Вместе с тем Скорина также является основоположником той литературы, которая в XVI в. сначала в Белоруссии, а в половине XVI в. и на Украине начинает развиваться и крепнуть на национальном языке.

Белорусские и украинские просветители XVI в. обращены своим лицом к народным массам — «посполитову люду». Они переводят книги, издают отдельные сочинения, имея в виду интересы широких народных масс. Это постоянное обращение к народным массам, это сознание связи с ними очень характерно для просветителей этого века, тем более, что и сами-то просветители вышли большей частью из городской мещанской среды.

XVI век в истории Украины и в истории культуры Украины, а также и Белоруссии интересен тем, что появляется множество памятников западноевропейского происхождения, главным образом в польском или чешском переводах. Наконец, целый ряд рукописей появляется на Украине и в Белоруссии на сербском языке. Таким образом, Белоруссия и Украина в этот период национально-культурного Возрождения находятся в тесном культурном общении со всеми славянскими странами, явление очень важное и интересное, на которое наши историки сравнительно мало обращали внимания. Благодаря этому общению в Белоруссии и на Украине появляется много переводных сочинений как церковного характера, так и светского и, наконец, получают особенное распространение светская повесть, рыцарская повесть, различные исторические сказания и повести, которые уже приобрели право гражданства в Западной Европе.

Очень интересно, что эти повести рыцарского происхождения дошли к нам в нескольких редакциях, в нескольких списках. Ведь наличие списков, относящихся к разному времени, является очень показательным. Оно свидетельствует о том, что эти повести находили своего читателя.

Таким образом, если светская повесть находила широкое распространение в Белоруссии и на Украине, то интерес к этой повести является известным показателем того умственного, культурного движения, интереса к светскому знанию, которым в XVI в. было охвачено шляхетское и городское общество в Белоруссии и на Украине.

Само собой разумеется, что параллельно развитию переводной литературы должны были также появиться оригинальные памятники литературы, которые свидетельствуют о росте национально-культурного самосознания белорусского и украинского народов. С этой стороны очень интересны литературные памятники, известные под именем «Западнорусских летописей», или «Литовских летописей» — по другой терминологии. Они дошли к нам в двух редакциях — краткой и полной, написанных на белорусском языке того времени, или, как называют его, западнорусском. В этих летописях отражается в известной степени национальное самосознание белорусского народа. Живя в Великом княжестве Литовском, белорусский народ чувствует себя связанным с ним, но выступает поборником его национально-политической независимости и призывает к борьбе на защиту последней.

Рядом с этим памятником можно отметить такие замечательные памятники, как памятник феодального права, который был общим для Белоруссии и Украины. Это так называемые Литовские статуты 1529, 1566 и 1588 гг., в основе которых лежат нормы феодального права старой Русской Правды киевского периода. Интересно отметить, что во всех этих трех Статутах есть статья, которая требует, чтобы судопроизводство обязательно велось на «руском» языке т. е. на языке белорусском, чтобы все повестки по вызову в суд писались на «руском» языке, ибо «руский» язык в то время был языком государственным, был языком администрации, суда и управления в Великом княжестве Литовском. Другого языка, который бы литовское правительство могло использовать для своих нужд, не было, ибо латинский язык не был знаком широким народным массам. В класс феодалов польский язык еще недостаточно глубоко проник, а «руский» язык, когда Литва столкнулась с Русью (Северо-Западной и Юго-Западной), распространялся среди литовских феодалов путем постоянного культурного общения, путем брачных связей, принятия православия. Все это вместе взятое способствовало сближению двух народностей — литовской и белорусской. Поскольку белорусская народность выступала как народность с более высокой феодальной культурой, то естественно, литовская народность, которая находилась в стадии становления феодальных отношений, должна была, без насилия и без произвола, без палки и кнута, подчиняться влиянию белорусской культуры, пустившей широкие корни в жизни собственно Литвы.

Вторым моментом в развитии национально-культурного движения на Украине и в Белоруссии я считаю реформацию. Реформация, несомненно, получила значительное распространение в Белоруссии и на Украине, затронула широко отдель-

ные общественные классы. Конечно, реформация на Украине и в Белоруссии вызвана была теми же самыми причинами, что и реформация на Западе,— общим подъемом производительных сил, стремлением к секуляризации церковного имущества, желанием освободиться от влияния церковной юрисдикции, создать свободную, независимую школу, а вместе с этим и создать собственную национальную церковь. Но, разумеется, степень распространения реформационного движения была далеко неодинаковой в Белоруссии и на Украине. В Белоруссии реформация проникла прежде всего в города, начиная с Вильно, где она коснулась только небольшой части городского общества — немецких ремесленников, которые и создали первые протестантские общины, так называемые «сборы». Они усваивают протестантское учение по катехизису Лютера. Несколько позже начинает распростаняться реформация среди широкой шляхетской массы, главным образом среди крупных землевладельцев, причем последние усваивают протестантское учение Кальвина. Целый ряд виднейших представителей литовской знати, как Радзивиллы, Ходкевичи и другие, становятся протестантами. Они закрыли католические и православные монастыри и сумели присоединить их земли к своим собственным землям. Один князь Радзивилл закрыл у себя в имениях 187 церквей и монастырей и таким образом увеличил свой земельный фонд. На Украине протестантизм получил сравнительно меньшее распространение, чем в Белоруссии, но зато здесь, на Волыни, создались культурные центры крайнего направления реформации.

Следует отметить, что первое время протестанты выступали в своих синодах единым фронтом. На синодах или съездах присутствовали протестанты-лютеране, кальвинисты, чешские братья и лица более крайнего направления. Но в дальнейшем был неизбежен процесс отделения крайнего направления от более умеренного. На синоде 1564 г. такой раскол и произошел. От кальвинистов, лютеран и чешских братьев отделилась группа так называемых антитринитариев, т. е. лиц, отрицавших троичность божества, усвоивших в известной степени учение Социна. Среди антитринитариев появилось два течения, из которых одно, оставаясь на крайних позициях в догматических вопросах, все же признавало возможность несения военной службы и права владения землей и крепостными крестьянами. Рядом с этим течением появляется другое, которое, стоя на тех же самых догматических позициях, резко выступает против крепостного права, частного светского землевладения, выступает против войны вообще. Таким образом, оно выступало с отрицанием того социально-экономического строя, на котором базировалась жизнь Великого княжества Литовского вообще,

Белоруссии и Украины — в частности. Одним словом, это левое крыло выступало с требованием, чтобы не было ни панов, ни крепостных, ни рабов, что, как говорит Энгельс, является типичнейшим выражением идеологии крестьянских и плебейских масс. Эта идеология станет понятна, если учесть, что XVI в.— не только век культуры и просвещения, развивавшихся преимущественно в городской среде, но XVI в. в Белоруссии и Украине также век развития феодально-крепостнических отношений.

Говоря о движении антитринитариев, которое нашло свое место по преимуществу на Украине — на Волыни, отметим, что среди адептов этого учения были главным образом представители мелкой шляхты, которые уже были обезземелены крупными магнатами, и, естественно, выступая против частного землевладения, тем самым отражали враждебное отношение к прослойке крупных магнатов.

Рассматривая движение протестантизма, сравнительно у нас мало изученное (вернее, у нас на него мало кто обращал внимания), я хотел бы отметить роль русских вольнодумцев XVI в., которые, бежав из Москвы, нашли убежище в Литве и принесли сюда свои политические и религиозные взгляды, враждебные господствующей церкви — и православной и католической. Ведь Москва XVI в.— это не только Москва Ивана Пересветова, князя Курбского и других политических мыслителей. Москва XVI в.— это Москва старца Артемия, Феодосия Косого и ряда других деятелей, которые за свое свободомыслие, за свое вольнодумство попадали в тюрьмы. Им угрожала смерть, и они должны были спасаться бегством в другие страны.

В то время среди протестантского левого течения все же в конце концов возобладало умеренное течение, которое было готово признать необходимость частного землевладения и владения крестьянами. Антитринитарии должны были стать на эту почву, так как в противном случае от них бы отвернулись все землевладельцы, положение которых базировалось на владении землей и крестьянами. С этой стороны показательна позиция Симона Будного — автора протестантского катехизиса, написанного на белорусском языке и специально предназначенного для обучения белорусского народа. На одном из протестантских синодов он занимал умеренную позицию в смысле примирения с существующим социально-экономическим строем, в смысле признания необходимости и частного землевладения и крепостного права.

Русские вольнодумцы XVI в., монахи Феодосий Косой, Игнатий, Вассиан и Фома, которым удалось спастись из тюрьмы, куда они попали за свои религиозные убеждения,— являются

непримиримыми врагами частной собственности и феодально-крепостнических отношений.

Один из противников этого левого течения в протестантизме, который впоследствии пытался опровергнуть их учение, некий инок Зиновий Отенский, пишет, что «запад был увлечен ересью Лютера», а восток, т. е. Белоруссия, пришел в бешенство благодаря Феодосию Косому.

Так сильно было влияние русских вольнодумцев XVI в. на вольнодумство в Белоруссии и на Украине того времени и на постановку вольнодумцами социальных проблем.

Белорусское национально-культурное движение вызвало, разумеется, враждебное к себе отношение. Возникал вопрос: возможно ли и нужно ли давать народным массам читать Евангелие и Библию на народном языке? Ведь если Библию перевел Франциск Скорина, то некий священник Василий Тяпинский перевел Евангелие, собственно три книги его — Матфея, Иоанна и часть Луки на «руский» язык. Католическая церковь учила, что право проповедовать и толковать Евангелие — право духовенства, священников. На такой же точке зрения стояло и православие. Протестантизм же требует свободного толкования религиозного текста. Если представители крайнего протестантского течения, идя от текста Евангелия, приходили к отрицанию существующего феодально-крепостнического строя, то вполне понятно, что это вызвало вопрос о том, нужно ли переводить книги на народный язык и предоставлять их в распоряжение народа. Представители господствующих классов правильно видели в национальном языке и в популяризации Евангелия угрозу своим собственным классовым интересам. В этом отношении интересна фигура старого, известного нам лица, московского эмигранта князя Андрея Михайловича Курбского, ставшего одним из самых крупных землевладельцев в Литве. Князь Андрей Курбский стал центром того литературного кружка, который повел борьбу против распространения протестантизма, выступал в защиту православной веры и русской народности, а вместе с тем под видом защиты славянского языка резко выступал против чтения слова божия на языке «посполитова люда», считая, что это в известной степени является неуважением к священному писанию. Эта деятельность Курбского представляется нам борьбой классовой и борьбой реакционной. Таким путем Курбский хотел сохранить существующие феодально-крепостнические отношения, а самое главное держать народные массы в темноте и подчинении.

Национально-культурное движение в Белоруссии и на Украине, которое так пышно развернулось в первой половине XVI в., начинает принимать несколько односторонний

характер с конца XVI в. Эта односторонность была в известной степени вызвана теми новыми условиями, в которых оказались белорусский и украинский народы.

Нужно сказать, что протестантизм в Белоруссии и на Украине был явлением неглубоким. Он захватил, и то только лишь внешним образом, господствующий класс. Командующий класс оставался до тех пор протестантским, пока он не секуляризировал церковную землю. Когда же процесс секуляризации совершился, то под влиянием угрозы со стороны крайнего протестантского течения, отрицавшего феодально-крепостнические основы социальной жизни, большинство крупных феодалов довольно скоро сменило свои религиозные позиции и так же быстро перешло в католицизм, как раньше его переменило на лютеранство. В этом процессе перерождения класса феодалов нужно отметить и влияние ордена иезуитов, который везде в Западной Европе являлся представителем воинствующих сил католицизма, пытавшихся остановить распространение реформации и вернуть протестантов обратно в лоно католической церкви.

Надо признать, что иезуиты сыграли огромную роль в смысле возвращения протестантов под крылышко католической церкви. Особенно важно отметить, что иезуиты, ссылаясь на тексты священного писания, выступали сторонниками существующего социально-экономического строя и тем самым свою религиозную идеологию связывали с классовыми интересами феодалов. Вполне понятно, что последние стали ближайшими союзниками иезуитов, поскольку в их лице католическая церковь освещала и оправдывала существующие классовые отношения в Белоруссии и на Украине. Однако у иезуитов и у папы римского были другие планы — планы уничтожения белорусского и украинского народов, планы денационализации их, в целях отрыва их от русского народа, чтобы они перестали сознавать свое этническое и религиозное единство с соседним русским народом. Из среды иезуитов выходит ряд лиц, которые выдвигают идею церковной унии, считая, что уния, т. е. признание православной церковью главенства папы, будет мостом для дальнейшего перехода в католичество. Иезуиты, создавая многочисленные коллегии и основав затем в Вильно иезуитскую духовную академию, ставшую штабом агрессии на белорусский и украинский народы, завлекали в свои в то время хорошо поставленные школы шляхетскую молодежь, чтобы последняя, выйдя из школы, не только была бы воспитана, не только бы прониклась определенными социально-политическими и религиозными идеями, но и оторвалась бы от русской народности. Эти школы сыграли огромную роль в смысле денационализации всего господствующего класса, который посте-

пенно стал срастаться с польским господствующим классом. Их объединяли общие классовые интересы, поскольку в это время, в конце XVI в., начинается антифеодальное казацко-крестьянское движение в Белоруссии и на Украине. Поэтому борьба против казачества и крестьянства побуждает украинских и белорусских феодалов объединиться с польскими. Это объединение прежде всего выражалось в переходе в католическую веру. Наступление польской феодально-католической агрессии, естественно, должно было вызвать соответствующие оборонительные мероприятия со стороны белорусского и украинского общества.

В конце XVI в. белорусское и украинское национально-культурное движение, несомненно, находится на подъеме, но оно принимает несколько иной характер по сравнению с тем, какой носило национально-культурное движение в Белоруссии в начале века. Оно носит характер оборонительный и направлено к теоретической защите православной веры и православного вероучения. Оно ставит своей целью подготовить деятелей, которые могли бы, будучи учеными, выступать в дискуссиях и спорах с теми лицами католического лагеря, которые нападали на православную церковь.

Из среды этих просветителей конца XVI в. вышли замечательные полемисты, которые выпускали литературу на польском и славяно-русском языках, направленную в защиту православия и русской народности. Это было большое движение, которое охватило широкие городские массы. Оно очень интересно, как показатель того, что широкие народные массы сознавали всю опасность католической агрессии, висевшей над белорусским и украинским народами. Если казацко-крестьянские массы начали вооруженную борьбу против феодально-крепостнических отношений, то городские просветители конца XVI в. выступали в защиту белорусской и украинской народностей, в защиту их права на существование. Свет знания, выходивший из белорусских и украинских городов, свидетельствует о том, что там развивается просвещение, которое стоит так же высоко, как и просвещение противного лагеря. По существу и польско-католический, и греко-православный лагери одинаково понимали отдельные религиозные проблемы. Их представления не выходили за пределы круга схоластического образования, за пределы средневековой схоластики. Разумеется, что схоластика, была шагом назад по сравнению с теми идеями гуманизма, которые находили такое замечательное отражение в предисловиях к Библии Георгия Франциска Скорины.

Какие же меры обязательного характера принимает белорусское и украинское население городов в конце XVI в. для

защиты своей национальности? Нужно отметить рост церковных братств по всей Белоруссии и Украине. Среди них выделяются два культурных центра, два культурных светоча: Вильно для Белоруссии и Львов для Украины. Вильно и Львов в XVI в. были богатыми торговыми центрами, и вполне понятно, почему они стали очагами того мощного городского движения, которое выступило в защиту белорусской и украинской народностей, их языков и культуры, против польско-католической агрессии.

Дело в том, что в этих городах было очень много ремесленников. Городские плебейские массы объединяются в братства, в благотворительные организации взаимопомощи. Постепенно в своем росте они становятся центрами культурной борьбы против польско-католической агрессии. К ним примыкают и отдельные представители высшей городской верхушки — купечество, шляхтичи — белорусские и украинские землевладельцы, которые не порвали еще национальной связи со своим народом. Таким образом, эти братства превращаются в национально-культурные центры, которые объединяли вокруг себя все живые силы городского общества, направленные в защиту украинской и белорусской народности. В этом отношении Вильно и Львов были центрами обеих народностей, ибо то, что выходило в Вильно, и то, что выходило во Львове, имело одну и ту же цель, одну и ту же задачу, имело одинаковое распространение в Белоруссии и на Украине. В данном случае очень трудно провести границу между белорусским и украинским, ибо народы белорусский и украинский находились в составе Речи Посполитой в конце XVI в. в одинаковых условиях. Естественно, что одинаковые условия их жизни вызывают одинаковые методы и приемы борьбы.

Братства, возникшие при церквях (во Львове было известно Успенское братство, а в Вильно так называемое Троицкое братство), выступая в качестве идеологического центра борьбы в защиту православия и народности, разумеется, должны были действовать теми же приемами и методами, какими действовали их противники из католического лагеря. Если иезуиты старались вовлечь шляхетскую молодежь в лоно католической церкви и оторвать ее от своей народности, то братства должны были также открывать школы с целью воспитать молодежь в духе православия и преданности своей народности и, в частности, воспитать и выпустить таких просветителей, культурных деятелей, которые были бы вооружены всеми знаниями тогдашней схоластической науки, тогдашнего схоластического богословия и могли бы вступать в дискуссии с иезуитами и другими врагами православия и русской народности. Эти враги не раз заявляли, что русские не учены и что на «руском»

языке нельзя выражать никаких сложных мыслей, которые можно высказывать и формулировать на языках латинском и польском. Опровержением всей этой клеветы, которая оскорбляла народность, унижала «руский» язык, была организация школ при братствах. Многочисленные братские школы сыграли огромную культурно-просветительную роль в истории борьбы белорусского и украинского народов за свою национальную культуру, за свое право на существование.

Конечно, в этих школах вы не найдете никаких идей и точек зрения, которые бы отражали западноевропейское Возрождение XV—XVI вв. Но нельзя забывать, что конец XVI в.— время, когда началась общекатолическая реакция, контрреформация во всей Европе. В Белоруссии и на Украине контрреформация к тому времени уже дала свои результаты. Сторонники полного торжества католической церкви стремились продолжить борьбу. Она выражалась в том, что им удалось ввести церковную унию на церковном соборе 1596 г. в г. Бресте. Православная церковь была объявлена вне закона. Таким образом, самая принадлежность к православной церкви уже являлась незаконной; с точки зрения политической благонадежности она вызывала сомнение в правящих шляхетских кругах.

В обстановке начавшихся гонений братства были теми центрами просвещения, где учащиеся, проходя курс наук, горели желанием вступить в бой с врагами белорусской и украинской народности в защиту православной веры, как символа народности. В братских школах вся система образования была аналогична системе образования в иезуитских школах. Очень важно отметить, что в братских школах изучали язык греческий, язык церковно-славянский, ибо сознавали, что без знания сочинений отцов церкви греческого происхождения, без знания памятников славянского языка вести борьбу с иезуитами, с их напором на православную церковь будет очень трудно.

Если эту просветительную миссию взяли на себя светские люди, то спрашивается, где же была православная церковь? Какую она тут играла роль? Почему православная церковь както оставалась вне всякого культурного движения?

Феодальная верхушка православной церкви в Белоруссии и на Украине была весьма недовольна, с одной стороны, своим положением, поскольку православные епископы не пользовались теми правами, какими пользовался католический епископат, т. е. они не заседали в сенате Речи Посполитой, с другой — православные духовные феодалы вели образ жизни светских феодалов. Их интересовало больше увеличение своих доходов. Одних из них увлекала охота за зайцами и лисицами, других — различные пиры и вообще веселый образ жизни. Всех их меньше всего интересовала паства и ее воспитание.

Располагая большими церковными земельными богатствами и собирая значительные материальные средства, епископы имели возможность жить в роскоши. Им было подсказано, что в случае, если они примут церковную унию, то получат право заседать в сенате, т. е. будут уравнены в правах с католическими епископами. После решения константинопольского патриарха Иоакима, Львовское братство было освобождено от епископской власти. Ему было разрешено контролировать моральную деятельность духовенства и светских людей. Совершенно очевидно, что подобный контроль со стороны «мужичков», как епископы называли тогда горожан, вызывало глубокое недовольство феодальной духовной аристократии. Естественно, что эти православные феодалы были социально и экономически связаны с польскими духовными феодалами и были готовы предать интересы своего народа, лишь бы только получить возможность и право заседать в сенате.

Но в той же православной церкви была и другая прослойка, прослойка низшего духовенства, вышедшего из среды крестьянских масс. Это — священники. Они по своему миропониманию и по своей грамотности недалеко ушли от крепостных. По существу они сами были полукрепостными, с точки зрения помещика. Поэтому если высшее духовенство отходило от народности и предало ее интересы, то низшее духовенство, хотя и связанное с народными массами и принимавшее активное участие в той освободительной борьбе, которую вели белорусский и украинский народы против шляхетской Польши, не могло стать культурным просветителем своего народа.

Правда, когда братские школы начали выпускать учеников, то из братских школ стали выходить лица, которые занимали различные церковные должности, вплоть до епископов. Эти епископы, вооруженные схоластическими знаниями, приобретаемыми в братских школах, уже могли в своей литературной полемике выступать против иезуитов, доказывая неправильность их положений, руководствуясь, конечно, такими же схоластическими методами и приемами, какими руководились иезуиты в своих нападках на православную церковь. Тут важен не схоластический метод, а то, что питомцы братских школ усвоили те же методы и приемы борьбы против католичества, какие применяли католические агенты по отношению к православной вере и к русскому, украинскому и белорусскому народам.

С этой стороны литературная религиозная полемика вокруг вопросов унии очень интересна, хотя, может быть, читать ее очень скучно и не всякий сможет разобраться во всех богословских тонкостях и спорах. Но когда читаешь ее, то приходишь к такому выводу: если белорусские и украинские люди, вышедшие из городских низов, плебейских масс, сумели преодолеть

премудрость схоластического образования и выступать в полемических статьях и брошюрах с полным знанием своего дела, то они становились очень серьезными противниками католической церкви, потому что каждая брошюра, выходившая из лагеря православных — белорусов и украинцев — вызывала соответствующие отклики, подчас очень суровые и резкие, со стороны противников православия, со стороны польской — феодально-католических агрессоров во главе с иезуитами. Великая заслуга этих просветителей конца XVI и начала XVII в. заключается именно в том, что они отдали все силы, все свои способности своему народу на защиту его веры, а вера в то время была символом народности. Тот, кто защищал православную веру, тем самым выступал в защиту народности. В Белоруссии и на Украине феодально-классовые противоречия осложнялись еще национальными и религиозными противоречиями. Пан был поляком или ополяченным, пан был католиком, а крепостной крестьянин был украинцем или белорусом и православным. Борьба в защиту православия была в то же время борьбой за существование белорусского и украинского народов, существование, которое отрицали польско-католические агрессоры, стремясь денационализировать эти народы через церковную унию. Однако это было покушение с негодными средствами, покушение, которое стоило, на мой взгляд, жизни самой Речи Посполитой, ибо с тех пор, как Речь Посполитая стала на путь преследования белорусской и украинской народности, стремясь во что бы то ни стало ее денационализировать, народные массы — крестьянские и плебейские — в ответ на преследования начали свою вековую героическую борьбу, которая постепенно ослабляла и подтачивала устои государства. Белорусское и украинское движение сохранило белорусскую и украинскую народность.

Однако белорусское национально-культурное движение, которое так блестяще развернулось в XVI в., начинает постепенно спадать с половины XVII в. Наоборот, на Украине движение, которое началось сравнительно позже, чем в Белоруссии, в XVII в. находится на подъеме, и народ украинский раскрывает свои творческие силы. Это объясняется тем, что с половины XVII в. Белоруссия вступила в период упадка, поскольку она вновь попала под власть Речи Посполитой (по Андрусовскому миру 1667 г. Москва вынуждена была отдать ей Белоруссию), в то время как Украина при Богдане Хмельницком присоединилась к Москве (1654 г.).

Народ освободился от преследования своей религии, своего языка и своей культуры, народ освободился от вечного национального гнета. Уже один только этот факт стал громаднейшим стимулом для дальнейшего развития культуры украинского

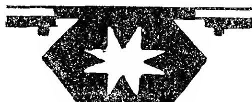
народа. Вот почему вторая половина XVII в. на Украине, благодаря связи украинского народа с русским народом, является веком подъема культуры.

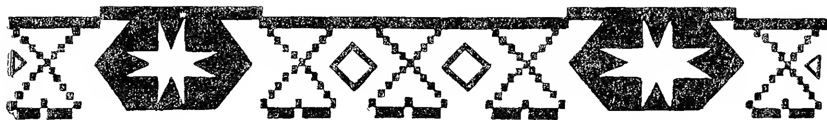
Белорусская культура, культура, так сказать, городская, постепенно падает, ибо даже братства были закрыты. Остался только один белорусский народ, крепостной. Все же он продолжает вести борьбу за свое существование против панской Речи Посполитой. В этой борьбе белорусский народ сумел сохранить свой язык, свою культуру, несмотря на все усилия польско-католической агрессии по отношению к нему. В конце концов эта польская феодально-католическая политика потерпела полное крушение.

Нужно сказать, что, к сожалению, мы мало занимаемся этими проблемами. Такие выдающиеся деятели, как Георгий Франциск Скорина, который стоит по многим вопросам на одном уровне с западноевропейскими просветителями-гуманистами, все еще остается малоизвестным для нашей широкой общественности.

Я старался в самых коротких чертах остановиться на отдельных проблемах, которые свидетельствуют о значительности белорусской и украинской культур, о широте творческих сил белорусского и украинского народов. Надо подчеркнуть, что эта широта взглядов и широта направления вызвана также присутствием и третьего великого народа — русского народа. В XVI в. культура этих трех народов как-то скрещивается, встречается, и каждый из этих народов оказывает друг на друга несомненное влияние.

Русский народ являлся той этнической опорой, которую использовали украинские и белорусские просветители в борьбе против польско-католической агрессии. Сознание, что они — русские, что они связаны с русским народом, было великой идеей, которая, несомненно, поддерживала просветителей XVI и начала XVII в. в их борьбе за сохранение *своего* языка, *своей* культуры, *своей* национальности.





SCORINIANA (СКОРИНИАНА) *
(1776—1926)

I

О белорусском первопечатнике, «докторе лекарских наук» Франциске Скорине, имеется обширная литература, довольно разнообразная как по своему значению, так и по взглядам, высказываемым авторами о жизни и деятельности белорусского первопечатника. Русские, белорусские, украинские, чешские и польские ученые внесли свой вклад в научную сокровищницу о Скорине. Все они стремились так или иначе откликнуться на жизнь и деятельность этого выдающегося представителя белорусской культуры первой половины XVI в.

Скориной начали интересоваться с того момента, когда исследователям стали известны напечатанные им книги. Находка тех или иных изданий Скорины выдвигала ряд научных проблем, которые позднее стали широко разрабатываться в научной литературе.

Изучение жизни и деятельности Скорины подвигалось медленно. Очень часто исследователи, не имея каких-либо новых материалов, ограничивались повторением мыслей и суждений своих предшественников, часто при этом без достаточно критического отношения. Такая постановка скорининского вопроса не столько разрешала его, сколько еще более запутывала.

В вопросах, связанных со Скориной, исследовательская мысль долго блуждала в потемках. Это объясняется еще и тем, что большинство исследователей касалось деятельности Скорины случайно, в зависимости от тех или иных своих целей и задач, не делая изучение этого вопроса главным предметом своего исследования. Так продолжалось до конца 80-х годов прошлого столетия, когда впервые появилось весьма обстоятельное

* Впервые была опубликована в сб. «400-лецьце беларускага друку (1525—1925)». Менск, 1926.

исследование П. В. Владимирова: «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык» (СПб., 1888).

Это исследование положило начало дальнейшему изучению и углублению всех вопросов, связанных с деятельностью Скорины.

Первый период в изучении скорининского вопроса был связан с обнаружением в библиотеках и книгохранилищах изданий Скорины. Это заставляло исследователей касаться в своих трудах деятельности Скорины как печатника и переводчика, а в связи с этим также затрагивать и иные вопросы, непосредственно связанные с переводческой деятельностью Скорины.

Интерес к Скорине появился только в середине 70-х годов XVIII в. благодаря найденным библиотекарем Академии наук И. Бакмейстером в библиотеке последней нескольких скорининских изданий [1]. Это дало ему основание сделать некоторые весьма разноречивые замечания. Бакмейстер, посвятив Скорине несколько страниц, сразу же поставил ряд вопросов первостепенной важности, затрагивающих скорининский вопрос с разных точек зрения. Ввиду отсутствия проверенных данных, замечания И. Бакмейстера были весьма спорными. Так, наткнувшись в библиотеке Академии на Пятикнижие Моисея, он дал неверные сведения относительно перевода четырех книг Паралипоменон. Бакмейстеру было известно также и об издании в Вильно «Апостола», однако дату его издания он относит к 1517 г. вместо 1525. Находка в библиотеке бывшего министерства иностранных дел новых книг Скорины: четырех книг «Царства» «Юдифи», «Эсфири», «Руфи», «Иова» и «Даниила» дали И. Г. Штриттеру повод высказать несколько мыслей относительно Скорины. Штриттер обратил внимание на предисловия Скорины, пересказал их и вместе с тем затронул ряд вопросов, имевших отношение к изданиям Скорины [2].

Одновременно с И. Г. Штриттером и П. А. Алексеев, познакомившись с «Апостолом», изданным в Вильно в 1525 г., обратил внимание на печатную деятельность Скорины. П. А. Алексеев познакомил читателя со Скориной, опубликовав ряд отрывков из его предисловий и некоторые разделы «Апостола» [3].

---

[1] И. Бакмейстер. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной санктпетербургской императорской Академии наук. СПб., 1779, стр. 65—69; его же. Essai sur la bibliothéque de l'Academie des Sciences à St.-Péterbourg, 1776, p. 285.

[2] И. Г. Штриттер. Описание первого издания в печати и перевода на российский язык священной Библии в 1517—1519 годах. «Опыт трудов вольного Российского собрания при Московском университете», ч. 6. М., 1783, стр. 177—194.

[3] П. А. Алексеев. Рассмотрение славянской старопечатной книги «Апостол», которая справлена доктором Франциском Скориной из Полоцка; напечатана в Вильне в 1525 г. в четверть листа. «Опыт трудов вольного Российского собрания», ч. 6, стр. 195—204.

Новый период в изучении Скорины начался с того времени, когда чешский ученый Добровский[4], путешествуя по России и Швеции в 1792 г., заехал в Петербург и там обратил внимание на Пятикнижие Моисея, указав на Прагу как на место издания книг Скорины. Вместе с тем Добровский выдвинул ряд вопросов, связанных с изданиями Скорины, и попытался дать на них ответ, несколько отличавшийся от ответов его предшественников. Добровскому неоднократно приходилось обращаться к Скорине[5]. Ему удалось найти в Мукаче в Венгрии (ныне Мукачево — СССР) экземпляры библейских книг Скорины, среди которых книги «Иисуса Навина» и «Судей» впервые появились в библиографической литературе. Добровскому был известен также и список произведений Скорины, находившихся в библиотеке Толстого. В. С. Сопиков[6] знал уже все 22 напечатанные библейские книги Скорины. Ему известен также и «Апостол» и второе виленское издание «Малой подорожной книжицы», знакомой ему под заголовком «Акафистник» или «Каноник». Подлинный заголовок второй напечатанной в Вильно книги Сопикову неизвестен. Сопиков не ограничивается одним лишь описанием скорининских книг. Понимая все культурное значение этих изданий, он стремился широко поставить скорининский вопрос и, насколько это было возможно, осветить его. Более поздние исследователи Скорины широко пользовались данными предшествующей литературы и, обычно не внося ничего нового, лишь запутывали вопрос. Но в средине 40-х годов М. П. Погодину удалось найти ненапечатанный перевод Скорины — книги Пророков, на которые первым указал архиепископ Филарет[7]. Несколько позднее львовскому ученому Головацкому[8] удалось найти в библиотеке львовского Святоонуфриевского монастыря список рукописной Библии, в котором, помимо книг, напечатанных Скориной, находились также и списки книг, им не изданных. Головацкий не знал о существовании рукописи Погодина и на основании двух книг Паралипоменон, найденных в библиотеке вышеуказанного монастыря, высказал мысль о том, что Скорина перевел всю Библию, но не успел ее напечатать. Головацкий имел бы все основания утверждать это, если бы он знал о рукописи Погодина, являвшейся естественным дополнением

---

[4] J. Dobrowsky. Neuere Abhandlungen der k. Böhmischen Gesellschaft der wissenschaften. Prag, 1795, S. 183—187.

[5] «Slovanka», Prag, t. I, 1815, str. 153—156; t. II, 1815, str. 149—152. «Geschiechte der Böhmischen Sprache und älter Literatur», Prag, 1818. S. 324.

[6] В. С. Сопиков. Опыт Российской библиографии, т. I. СПб., 1813.

[7] Архиепископ Филарет. Обзор русской духовной литературы. «Уч. зап. II Отделения Академии наук». СПб., 1856, стр. 129—130.

[8] Я. Ф. Головацкий. Несколько слов о Библии Скорины и о рукописной русской Библии из XVI ст., обретающейся в библиотеке монастыря св. Онуфрия в г. Львове. «Науковы сборник», вып. IV, стр. 225—257.

к львовской рукописи [9]. Во всяком случае, Головацкий первый высказал предположение, что Скорина перевел всю Библию. Позднее эта мысль получила научное обоснование в работе Владимирова [10]. Исключительным событием, вносившим новый момент в изучение издательской деятельности Скорины, является находка пражского «Псалтыря» 1517 г., купленного любителем старопечатных книг Хлудовым на Нижегородской ярмарке. Это дало возможность Викторову вновь обратиться к скорининскому вопросу и на основании «Псалтыря» разрешить некоторые проблемы, связанные с деятельностью Скорины, иначе, чем они решались прежними исследователями [11].

Одновременно с изучением частью исследователей и библиографов издательской деятельности Скорины и места его изданий появляются отдельные заметки и статьи о самом Скорине, в которых на основе собранного исследователями материала и других часто весьма субъективных данных ученые стремились составить определенное представление о его жизни и деятельности. В литературе был поставлен вопрос о национальном происхождении Скорины, его вероисповедании, широко рассматривается вопрос о тех общих мотивах и суждениях, которые оказывали влияние на деятельность Скорины. Многие из авторов, стремившихся проникнуть в тайны жизни и деятельности Скорины, высказывали часто фантастические мысли, не имея никаких оснований и руководствуясь исключительно субъективными соображениями. Особенно резко этот субъективизм проявляется в работах польских ученых: С. Линде, Ю. Лелевеля, М. Вишневского, И. Крашевского [12]. Не менее субъективны и односторонни как Головацкий, так и автор, известный под именем Белоруса [13]. Необходимо отметить, что Викторов, хорошо знакомый со всей предыдущей литературой, стремился быть объективным, и выдвинул несколько новых соображений относительно ранее высказанных мыслей по скорининскому вопросу, но и он не имел у себя под ногами твердой почвы для ответа, который бы всех убедил и рассеял все возникшие в науке сомнения.

---

[9] П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина..., стр. 221—222.

[10] Там же, стр. 218.

[11] А. Е. Викторов. Замечательное открытие в древнерусском книжном мире. «Беседы в Обществе любителей российской словесности», вып, I. М., 1867, стр. 1—27.

[12] S. B. Linde. O literaturze Rossijskiej. «Pamiętnik Warszawski», 1815—1816. Warszawa, str. 274—297; J. Lelewel. Bibliograficznych ksiąg dwoje, t. I. Wilno, str. 52—55; M. Wiszniewski. Historia literatury polskiej, t. VIII. Kraków, 1851; J. J. Kraszewski. Wilno, t. IV. Wilno, 1842, str. 115.

[13] Белорусс. Судьбы русского языка в костелах Северо-Западного края. «Русский Вестник», т. LXXVII, 1868, стр. 143—144.

Другая группа исследователей, как архиепископ Филарет [14], митрополит Макарий [15] и львовский ученый А. Петрушевич [16] не добавили ничего нового к жизнеописанию Скорины и ограничились повторением сказанного ранее. Особое место занимает работа И. П. Каратаева, давшего новое и подробное описание скорининских изданий. Являясь справочным пособием, оно значительно дополнило и расширило известное ранее описание В. С. Сопикова и Сахарова. Каратаев целиком напечатал предисловие Скорины «во всю Библию руского языка» и показал годы изданий отдельных библейских книг и известные ему русские библиотеки, в которых имелись скорининские книги [17]. Такое постоянное обращение исследователей к скорининскому вопросу свидетельствует о большом научном интересе, вызываемом изданиями Скорины, и о том, что исследователи хорошо поняли культурное значение этих изданий.

Первым вопросом, на который стремилась дать ответ историография, является вопрос о месте и времени изданий Скорины. В этом отношении больше всего сомнений вызвал вопрос о времени напечатания «Апостола». Так, Бакмейстер относит издание «Апостола» в Вильне к 1517 г. [18] Алексеев совершенно правильно отнес дату выхода «Апостола» к 1525 г. Добровский также датирует издание «Апостола» 1525 г. [19]. На этой же точке зрения стоит и Сопиков [20]. Однако Линде считает, что «Апостол» был издан в 1522 г. [21], хотя его предшественник Бандтке в «Истории краковских типографий» совершенно точно датирует издание «Апостола» 1525 г. [22] Польский исследователь И. Лелевель в связи с этим отмечает, что благодаря ошибке, допущенной Линде в датировке издания «Апостола», создается неверное представление, будто «Апостол» был напечатан Скориной в Вильно два раза [23]. Это не убедило И. Крашевского в том, что «Апостол» в Вильно был издан в 1525 г. Он приводит неправильные даты — 1519 и 1522 гг. [24] Несмотря на совершенно ясные данные о том, что «Апостол» был напечатан в Вильно в

---

[14] Архиепископ Филарет. Указ. соч.

[15] Митрополит Макарий. История Русской церкви, т. 9. СПб., 1879.

[16] А. Петрушевич. Ф. Скорина, издатель в Праге чешской в 1517, 1518 и 1519 годах. «Слово», ч. 130. Ответы и вопросы. Львов, 1875.

[17] И. П. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами, т. I. СПб., 1883, стр. 28—44, 56—57.

[18] И. Бакмейстер. Указ. соч., стр. 73.

[19] П. В. Владимиров. Указ соч., стр. VII.

[20] В. С. Сопиков. Указ соч., стр. 275.

[21] S. B. Linde. Указ. соч., стр. 295.

[22] Bandtkie. Historia drukarń Krakowskiech. Kraków, 1815, str. 124—125.

[23] J. Lelewel. Указ. соч., стр. 53.

[24] J. J. Kraszewski. Wilno od początków jego... Wilno, 1842, str. 115.

1525 г., и Кеппен считает возможным усомниться в точности этой даты [25]. Архиепископ Филарет, хорошо знакомый с предшествующей литературой, также считал 1525 г. датой выхода «Апостола» в Вильно [26].

Позднее исследователи как будто считали этот вопрос окончательно решенным. Разногласия среди исследователей вызывал также и вопрос о дате издания «Малой подорожной книжицы», ставшей известной благодаря Сопикову. Сопиков, имевший экземпляр «Каноника» или «Акафистика», а также «Псалтырь» без указания даты выхода, на основе сходства букв с буквами «Апостола» Скорины высказывает предположение, что упомянутые книги напечатаны в Вильно около 1525 г. Мысль Сопикова, возникшая на основе случайного сходства букв, требовала подтверждения, ибо книги печатались в одной типографии. Поэтому утверждать, что «Малая подорожная книжица» вышла в 1525 г., руководствуясь одним лишь сходством букв, разумеется, нельзя. Каратаев, указав, что издание «Малой подоржной книжицы» не датировано Скориной, также относит напечатание этой книги к 1525 г. [27]

Не был предметом споров вопрос о времени выхода пражского «Псалтыря», ибо оно было точно указано в экземпляре, приобретенном Хлудовым на нижегородской ярмарке.

Не вызывало сомнения и время выхода в свет отдельных книг Библии в связи с тем, что на каждом экземпляре был указан год издания. Большую путаницу вносит в этот вопрос Вишневский, приводя совершенно неверные данные [28]. В описании Каратаева точно указаны даты выхода библейских книг, изданных Скориной [29]. Они свидетельствуют о чрезвычайно напряженной работе Скорины. Только благодаря удивительной производительности труда можно было в сравнительно короткое время так красиво напечатать такое большое число библейских книг.

Другим вопросом, поднимавшимся в скорининской литературе, был вопрос о месте издания скорининской Библии. Уже Штриттер отметил, что книги Скорины напечатаны в Праге. Не обращая внимания на различные эпитеты, которыми Скорина характеризовал г. Прагу, Штриттер выдвинул ничем не обоснованную мысль о том, что книги Скорины были напечатаны в Праге варшавской, а не чешской [30]. Прав был Добровский,

---

[25] П. И. Кеппен. Материалы для истории просвещения в России, № 2. Библиографические листы. СПб., 1826, стр. 79—84.

[26] Архиепископ Филарет. Указ. соч., стр. 129—130.

[27] И. П. Каратаев. Указ. соч., т. I, стр. 19.

[28] M. Wiszniewski. Указ. соч., т. VIII, стр. 468—470.

[29] И. П. Каратаев. Указ. соч., стр. 35—43.

[30] И. Г. Штриттер. Указ. соч., стр. 193.

выступив против этого утверждения и показав, что местом скоринских изданий могла быть только Прага чешская. В 1519 г. варшавская Прага была незначительным местечком, не имевшим никакого культурного значения. Можно только удивляться тому, что исследователи не заметили этого. Вначале и сам Добровский также думал о Праге варшавской, но потом, вдумавшись в слова Скорины, данные в качестве эпитетов к названию Праги, «в славном великом, старом месте Пражском», он отбросил мысль о Варшавской Праге и окончательно высказался в пользу Праги чешской[31]. Тем не менее после Добровского исследователи повторяли мысль Шриттера о месте издания скорининской Библии. Мнение Штриттера разделял и митрополит Евгений[32]. Но, познакомившись со статьями Добровского и Линде, митрополит Евгений в изданном им «Словаре русских светских писателей» (М., 1845) нашел возможным не настаивать на мысли о Праге Варшавской, как месте издания библейских книг Скорины, и отметил, что «Добровский и Линде разумеют Богемскую Прагу»[33]. Другой духовный писатель, архиепископ Филарет, становится на точку зрения Добровского о выходе книг в чешской Праге[34]. Позднее этот вопрос получил исчерпывающее решение и не вызывал никаких сомнений.

Противоречивые мнения были высказаны и относительно вопроса о месте издания «Апостола» и «Малой подорожной книжицы». Несмотря на полную очевидность того, что «Апостол» был издан в Вильно, нашлись исследователи, думавшие иначе. Вишневский, например, считал, что «Акафисты» Скорины вышли в Праге, а не в Вильно[35], то же бездоказательно утверждал в отношении «Апостола» И. Крашевский[36]. Однако эти взгляды Вишневского и Крашевского не утвердились в научной литературе. Ученые придерживались той мысли, что эти два издания Скорины были напечатаны в Вильно.

Если вопрос о числе напечатанных Скориной книг не вызывал никаких сомнений, то относительно других вопросов не сразу установилось полное и определенное мнение. Так, Сопиков[37] отмечает, что после виленского издания «Псалтыря», последний издавался в Вильно еще дважды. Но это — необоснованное предположение. Бездоказательна также и мысль Вишневского о том, что «Апостол» Скорины и «Псалтырь» были перепечатаны московским печатником Иваном Федоровым во

[31] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. V.

[32] Митрополит Евгений. Биографии российских писателей.— Ф. Скорина. «Сын Отечества», 1821, № 30, стр. 169—172.

[33] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. XI.

[34] Архиепископ Филарет. Указ. соч., стр. 123—130.

[35] M. Wiszniewski. Указ. соч., стр. 476.

[36] J. J. Kraszewski. Указ. соч., т. IV, стр. 115.

[37] В. С. Сопиков. Указ. соч., стр. 183.

Львове [38]. Мнение о неоднократной перепечатке в XVI в. на Украине «Апостола» и «Псалтыря» Скорины поддерживал также и упомянутый выше Белорусс. Фантастические представления Белорусса о деятельности Скорины дошли до утверждения того, что будто книги Библии в переводе Скорины издавались, особенно некоторые, по нескольку раз. Наконец, Белорусс делает собственное открытие. Без всяких оснований он приписывает Скорине изданный в 1527 г. в Венеции «Катехизис» [39]. Разумеется, серьезная научная литература за этими доводами не пошла. В научной литературе установилось определенное мнение об издании Скориной «Псалтыря» и 22 библейских книг в Праге, «Апостола» и «Малой подорожной книжицы» в Вильно, которые ни разу не переиздавались. А исследователи Головацкий, Погодин, Добровский показали, что в разных библиотеках имеются списки с книг скорининской Библии. Находка этих списков свидетельствовала об успехе, которым эти книги пользовались, и о широком распространении их. Добровский утверждает, что Библия Скорины особенно широко была распространена в Литве, в Белой и Червоной Руси [40].

Третьим вопросом, поднятым в литературе о Скорине, был вопрос о его личности. В послесловии к каждой книге Ветхого завета вполне ясно указаны две биографические черты: происхождение из Полоцка и ученая степень «доктор лекарских наук» («повелением, працею и выкладом избраннаго мужа, в лекарских науках доктора Франциска, Скоринина сына с Полоцка» или «ученого мужа») [41]. Вполне понятно, что исследователи желали подробней познакомиться с жизнью и деятельностью Скорины. Но из-за отсутствия фактических данных они вынуждены были удовлетворяться общими замечаниями. Ввиду того, что часть исследователей не признавала Чешскую Прагу местом издания скорининских книг, последняя не упоминалась в жизнеописании Скорины. Митрополит Евгений ограничивался приведением следующих биографических сведений о Скорине: Ф. Скорина родом из Полоцка, доктор медицины, жил в Вильно при старейшем бургомистре Якубе Бабиче около первой четверти XVI в. Митрополит Евгений не был знаком с произведениями Добровского о Скорине и неудивительно, что он обходит молчанием Прагу как один из этапов жизни и деятельности Скорины [42]. Вишневский нашел новый факт из жизни Скорины: обучение в Краковской академии, где он получил степень док-

---

[38] M. Wiszniewski. Указ. соч., стр. 474—475.

[39] Белорусс. Указ. соч., стр. 143—144.

[40] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. VI.

[41] И. П. Каратаев. Указ. соч., стр. 35—42.

[42] Митрополит Евгений. Биографии российских писателей..., стр. 169—172.

тора медицины и свободных наук[43]. Украинский ученый Огиенко также думает, что Скорина был студентом Краковского университета, в котором он получил степень доктора[44].

Биографией Скорины интересовались и другие исследователи, но из-за отсутствия каких-либо данных они пытались объяснить его деятельность принадлежностью к тому или иному вероисповеданию. Одни ученые считали Скорину католиком, другие — протестантом, третьи — православным. Разумеется, каждый исследователь, в зависимости от своих взглядов, характеризовал деятельность Скорины в соответствующем освещении. Первым исследователем, высказавшим мысль, что Скорина был римско-католического или униатского вероисповедания, был Добровский. Но одной принадлежностью к католичеству или униатству нельзя было объяснить, почему Скорина поселился в Праге; нужно было привести более убедительные доводы. С этой целью Добровский искусственно подобрал ряд фактов и дал им тенденциозное толкование. Добровский считал, что Скорина мог быть в свите польского короля Сигизмунда I во время его путешествия в Вену откуда Скорина мог направиться в Венецию вместе с послами, ехавшими туда для заключения договора с турками. Венеция славилась своими типографиями, и Скорина мог заказать там матрицы для своих букв более похожих на буквы книг, издаваемых сербами в Венеции, чем на буквы русско-славянского письма. Сигизмунд I, король польский, в это время был опекуном молодого чешского короля Людовика. По мнению Добровского, Скорина потому и поселился в Праге, что мог пользоваться протекцией польского короля. Если приезд Скорины в Прагу связывался с опекой Сигизмунда I над чешским королем, то и отъезд Скорины объяснялся тем, что в Чехии не захотели признать опекунских прав польского короля, и это обстоятельство вынудило Скорину покинуть Прагу и уехать в Польшу. Добровский объясняет деятельность Скорины политическими отношениями Польши и Чехии и ставит в зависимость от них приезд Скорины в Прагу и отъезд из нее, но не приводит никаких сколько-нибудь убедительных данных[45]. Вслед за Добровским и Линде встал на небезопасный путь фантазии. Под пером Линде Скорина превращается из белоруса в поляка, и польским происхождением объясняется отношение Скорины к Польше[46]. Мысль Линде Вишневский довел до абсурда тем, что, считая произведения Скорины «славнейшим произведением белорусской литературы», относил их,

---

[43] M. Wiszniewski. Указ. соч., стр. 466.

[44] И. И. Огиенко. История литературы русской, т. I. Львов, 1887, стр. 155.

[45] П. В. Владимиров. Указ. соч, стр. VI.

[46] S. B. Linde. Указ. соч., 277.

однако, целиком к литературе польской. И Линде, и Вишневский не имели абсолютно никаких данных [47] для доказательства таких положений.

Версия о католическом вероисповедании Скорины оказала определенное влияние на исследователей. Так, Новицкий, считая Скорину католиком, рассматривает его деятельность как пропаганду в пользу католичества. По мысли Новицкого, перевод Библии Скорины появился благодаря тому, что католическая церковь стремилась к распространению католичества среди крестьянства. С точки зрения Новицкого, отношение католической церкви к крестьянству носило до некоторой степени двойственный характер: то она разрешала употреблять славянские книги для богослужения, то строго запрещала пользоваться ими. В связи с такой политикой римской курии начали появляться новые переводы священного писания на славянский язык, к которым принадлежат также и переводы Ф. Скорины. Наконец, Новицкий допустил еще одну ошибку: он утверждал, что книги Скорины были изданы в России. Эта бездоказательная статья была отражением официальной правительственной точки зрения на прошлое Белоруссии, отводившей католичеству слишком большую роль [48].

Тот же взгляд, но более ярко выраженный, еще более субъективный и некритический, нашел отражение в статье Белорусса. Автор проникнут ненавистью к польской культуре и католичеству. Он присоединяется к официальной правительственной идеологии, с такой настойчивостью проводившейся в Белоруссии М. Н. Муравьевым. Автор рассматривает Скорину как агента Сигизмунда I, волю которого он выполнял переводом Библии для католиков. Следуя за фантастическими домыслами Добровского и развивая их далее, Белорусс превратил Скорину в поверенного короля Сигизмунда I при чешском короле Людовике. Белорусс был знаком с ранее высказанными мнениями относительно принадлежности Скорины к католичеству и целиком к ним присоединился. Кроме того, автор высказал ряд положений, подтверждение которых точными ссылками на источники не представляется возможным. К числу фантастических предположений следует отнести мысль о том, будто книги Библии в переводе Скорины, особенно некоторые из них, издавались по нескольку раз. Виленское издание Скорины, известное под названием «Малой подорожной книжицы», Белорусс называет католической книжкой для богослужения на русском языке, называющейся «Канонией», или

---

[47] M. Wiszniewski. Указ. соч., стр. 466; Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, стр. 410.

[48] О. М. Новицкий. О первоначальном переводе св. писания на славянский язык. Киев, 1837, стр. 56.

«Акафистником». Правда, это наименование было впервые введено Сопиковым. Неизвестно, откуда Белорусс взял сведения о том, что поляки преследовали Скорину и что виленский епископ Иоанн в 1526 г. признал его перевод Библии каноническим [49]. Таким образом, мысль о католическом вероисповедании Скорины была пущена в ход не столько на основании объективных данных, бывших в распоряжении исследователей, сколько по соображениям частью субъективным, частью политическим. И митрополит Макарий, автор «Истории российской церкви», считает Скорину католиком [50]. Католиком считает Скорину и Огиенко [51].

Наряду с версией о католическом вероисповедании Скорины, в литературе высказана была мысль о принадлежности Скорины к протестантскому вероисповеданию, в связи с чем якобы развивалась его издательско-переводческая деятельность. Первым это предположение высказал Копитар. На основании найденного им в жизнеописании Лютера рассказа о докторе Франциске Поляке, который был у Лютера в Вюртемберге в 1529 г., а также и о дальнейших связях этого Франциска с Лютером и Меланхтоном, Копитар высказывает совершенно беспочвенное предположение о том, что Франциск Поляк и Франциск Скорина — одно и то же лицо.

Разумеется, сходство это чисто случайное, и оно не давало никаких оснований Копитару для каких-либо выводов относительно принадлежности Скорины к протестантскому вероисповеданию. Ошибка Копитара состояла в том, что он не обратил внимания на пребывание Скорины в 1525 г. в Вильно, где он печатал свой «Апостол» [52]. Этот факт точно установлен в литературе. Последняя мысль долго оставалась одинокой в литературе. Только в середине 60-х годов была сделана новая попытка ее научного обоснования. Сделал это львовский ученый Головацкий, который решительно отстаивает принадлежность Скорины к протестантству. Он рассматривает Скорину как предшественника реформации и утверждает, что Скорина учился в Пражском университете, был современником Мартина Лютера и Меланхтона, хорошо знал их произведения. Следуя протестантам Чехии и Германии, Скорина хотел издать Библию для своих земляков на народном языке, ибо, как и протестанты, он считал, что священное писание есть единственный источник веры и познания. Чтобы избежать возможных препятствий со стороны духовенства, Скорина напечатал свою Библию за границей, в Праге. Для Головацкого Скорина —

---

49 Белорусс. Указ. соч., стр. 150.
50 Митрополит Макарий. Указ. соч., стр. 303.
51 И. И. Огиенко. Указ. соч., стр. 154—159.
52 П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. XIII—XIV.

просветитель, самозванец, деятельность которого была такой же вредной, как и социнианство Симона Будного [53]. Необходимо отбросить фантастические предположения Головацкого о принадлежности Скорины к протестантству. Однако мысль Головацкого о том, чтобы связать деятельность Скорины с современной ему культурой и видеть в деятельности Скорины отражение культуры той эпохи,— безусловно ценная. Ранее исследователи весьма отвлеченно подходили к изучению Скорины, слишком отрывая его от окружающей действительности. Если рассуждения Головацкого о принадлежности Скорины к протестантству следует считать недоразумением, бездоказательной выдумкой автора, то его попытка рассматривать деятельность Скорины в связи с современными ему культурными условиями, несомненно, его большая заслуга. И. А. Чистович также бездоказательно принимает мысль Головацкого о протестантском вероисповедании Скорины [54]. Наконец, относительно религиозной принадлежности Скорины была высказана мысль, что его следует считать православным. Впервые такое предположение было высказано Вишневским [55]. Более полное обоснование и развитие оно получило в статье Викторова. Он, как известно, первый познакомил науку с пражским «Псалтырем» Скорины, который каким-то образом оказался в Нижнем-Новгороде. Викторов считает, что «этот замечательный деятель в области древнерусской литературы принадлежал к православной церкви, по крайней мере в своей издательской деятельности заботился не о распространении между своими соотечественниками католичества или лютеранства, а об утверждении в них православия. Вследствие этого нам кажется естественным в лице Скорины видеть предшественника не проповедников в России католичества или реформации, а скорее предшественника князей Острожских, братьев Мамоничей, князя Курбского и других ревнителей, подвизавшихся в XVI в. в Западной России за православие против усилий реформации и римской пропаганды» [56]. Эту мысль Викторов основывает на пражском издании «Псалтыря» и виленских изданиях Скорины, противопоставляя им его пражские издания. Однако Викторов не был убежден в правильности своего взгляда. Он обратил внимание на то, что Скорина известен под двумя именами: Юрий и Франциск. Существование двух имен Викторов объясняет тем, что Скорина в самом деле мог быть крещен сначала по латинскому обряду, а потом мог перейти в православие. Последнее

---

[53] Я. Ф. Головацкий. Указ. соч., стр. 228—232.

[54] И. А. Чистович. Очерки истории западно-русской церкви, т. I. СПб., 1882, стр. 217—219.

[55] M. Wiszniewski. Указ. соч., стр. 477.

[56] А. Е. Викторов. Указ. соч., стр. 20.

предположение следует считать малоубедительным. Возможно, и сам Викторов был не уверен в правильности своей мысли. Не случайно это свое предположение он приводит не в самом тексте статьи, а в виде примечания. Мысль Викторова о принадлежности Скорины к православию разделял и А. Петрушевич. Утверждая принадлежность Скорины к православию, автор хорошо понимал, что существование двух имен у Скорины, православного и католического, потребует выяснения; в противном случае доказать принадлежность Скорины к православию невозможно. Вполне правильно поступал автор, пытаясь объяснить, почему Скорина имел два имени. Петрушевич объясняет это довольно просто. Он отмечает, что Скорина учился в Краковском университете и принял имя Франциска условно, только для того, чтобы поступить в Краковский университет. Имя же Юрий находится под портретом Скорины 1517 г. Однако сам автор портрета не видел и ссылается на «Крестный календарь» 1873 г., в котором вообще много фантастических сведений о деятельности Скорины. Достаточно отметить, что, по мнению «Крестного календаря», Скорина напечатал всю Библию в 1525 г., как и «Апостол», в Вильне. Сам Скорина изображается общероссийским первопечатником. Будучи православным и сожалея об отсутствии в России просвещения и о немногочисленности книг священного писания, трудолюбивый доктор Скорина посвятил всего себя духовной помощи православию и русскому народу. Понятно, ссылка на столь фантастический источник вызывает сомнение. Вопрос, поставленный Викторовым относительно причин двойного имени Скорины и после статьи Петрушевича остался нерешенным [57].

Вопрос об источниках переводов Скорины является кардинальным при изучении его деятельности. Бакмейстер первый пустил в ход мысль, которую потом так часто повторяли исследователи, о том, что «Пятикнижие» Скорины переведено «с латинской Библии — Вульгата называемой». Сравнивая церковно-славянские издания Библии 1663 и 1731 гг., Бакмейстер отметил разницу между этими изданиями и «Пятикнижием» Скорины. Это дало Бакмейстеру основание утверждать, что перевод Библии сделан Скориной с Вульгаты [58]. Эту же мысль высказал и Штриттер. По его словам, «от всех славяно-российских печатных Библий и переводов отличается перевод Скорины тем, что большую часть с Вульгаты, т. е. латинского общего перевода Блаженного Иеронима сделан». В другом месте Штриттер также писал, что перевод Скорины «не из

---

[57] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. XXI—XXII.
[58] Л. И. Бакмейстер. Указ. соч., стр. 65—69.

70 толковников, но из Вульгаты сделан»[59]. Первым поставил под сомнение эту мысль Добровский, предположивший, что Скорина пользовался для своего перевода чешской Библией. Это и было главной причиной, заставившей Скорину поселиться в Праге, с тем, чтобы пользоваться объяснениями специалистов в случаях, когда текст был ему непонятен. Бесспорно, постановка вопроса Добровским является правильной. Но никакого исследования для доказательства своей мысли Добровский не предпринял. Вместе с тем он отверг перевод «Апостола» с Вульгаты, считая, что скорининский «Апостол» есть исправленный славянский текст. Мысль Добровского была весьма ценной, и в дальнейшем исследователям пришлось с ней считаться. Но пройдет еще много времени, пока идеи Добровского получат дальнейшее развитие в статье Я. Ф. Головацкого[60].

За два года до выхода статьи Добровского Василий Сопиков вначале высказал предположение, что «Библия русская Скорины переведена с латинского перевода, именуемого Вульгата». Но Сопиков высказал и другую мысль о том, что «достопамятный словенский перевод Библии славного полоцкого доктора Скорины, изданный им в начале XVI в., не есть новый, но тот же древний и только им несколько исправленный и поясненный, ибо только близкое оного сходство с нынешним служит тому ясным доказательством», и для большей убедительности приводит выписку из «Апостола» Скорины. Несмотря на это, Сопиков еще раз высказал предположение, что «Апостол» или «Деяния» переведены с латинского перевода, именуемого Вульгатой. Так Сопиков запутался в своих предположениях относительно источников перевода скорининской Библии и, встав на вполне правильный путь, высказал мысль, противоположную первой[61].

Митрополит Евгений считает также, что Скорина перевел библейские книги с латинского Иеронимова текста, или Вульгаты[62]. Разумеется, те исследователи, которые считали Скорину католиком, думали, что перевод сделан с Вульгаты. И архиепископ Филарет, а затем и митрополит Макарий считали, что перевод Ветхого завета на «литовско-белорусский язык» сделан Скориной с Вульгаты[63]. Каратаев, основываясь

---

[59] И. Г. Штриттер. Указ. соч., стр. 178, 191.

[60] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. VII—VIII.

[61] В. С. Сопиков. Указ. соч., стр. 9, 25, 275.

[62] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. XI; Митрополит Евгений. Указ. соч., стр. 169—172.

[63] Архиепископ Филарет. Указ. соч., стр. 129—130; Митрополит Макарий. Указ. соч., т. IX, стр. 303—304; И. П. Каратаев. Указ. соч., стр. 42.

на предисловии Скорины к книге «Эсфирь», тоже считал, что последний перевел свою Библию с Вульгаты. Все эти категорические утверждения высказывались, несмотря на то, что в литературе существовал и взгляд Добровского, намного отличавшийся от мыслей Бакмейстера и Штриттера. Взгляд этот остался, однако, неизвестным и митрополиту Евгению, и Филарету, и Макарию, которые бездоказательно утверждали, что перевод сделан с Вульгаты.

Головацкий разошелся с предыдущими исследователями в вопросе об источниках перевода Библии Скорины. Вслед за Добровским, вставшим на совершенно правильный путь при разрешении вопроса, Головацкий решительно отклонил текст Вульгаты как источник для перевода Скорины. У Головацкого не было под руками печатных изданий Скорины, но, познакомившись с отрывками из его печатных книг, помещенными в качестве приложений в грамматике доктора Левицкого, он нашел в Библии Скорины множество чехизмов, которых, понятно, не могло бы быть, если бы Скорина не пользовался чешской Библией. Тот же Головацкий отметил отсутствие чехизмов в «Апостоле». Правда, Головацкий не доказал своего предположения, но важно то, что он снова поставил вопрос об источниках перевода Библии Скорины[64]. К этому же вопросу вернулся и анонимный автор статьи, специально посвященной Скорине: «Отношение перевода Скорины к Вульгате и древнеславянскому тексту». Автор сравнил 10 разделов книги «Бытия» в издании Скорины с Вульгатой и славянским переводом в рукописи XV в. Путем этого сравнения автор пришел к выводу, что перевод с Вульгаты сделан не всегда правильно и точно. Скорина вносил в перевод слова и отдельные места из славянского перевода и, следовательно, он имел в виду не новый перевод, а исправление прежнего, устаревшего[65]. У Первольфа также были разногласия с авторами, которые отстаивали версию перевода скорининской Библии с латинской Вульгаты. Первольф решительно отметил, что в основу своей работы Скорина положил чешский текст Библии 1506 г.[66]

Так в научной литературе были высказаны две совершенно противоположные точки зрения об источниках перевода Скорины. Обе точки зрения выражены были в самой общей форме и требовали пересмотра и доказательств.

---

[64] Я. Ф. Головацкий. Указ. соч., стр. 241.

[65] «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1877, ноябрь, стр. 642—653. Эту статью первым отметил А. И. Соболевский (ЖМПН, 1888, № 10, стр. 322).

[66] И. И. Первольф. Славянская взаимность с древнейших времен до 18 века. Варшава, 1874, стр. 253—255.

Весьма спорным был вопрос и о языке Скорины. Благодаря Штриттеру в научной литературе установилось мнение, что языком Скорины является польский. Штриттер находил возможным решительно утверждать, что «сей перевод российской Библии несколько подходит к польскому языку». Штриттер отнес Скорининскую Библию к российской Библии и, сам того не замечая, встал в противоречие с самим собой, назвав язык Скорины польским языком. Как российская Библия могла быть польской по языку — на этот явно странный вопрос не сумел бы ответить и сам автор [67]. Вслед за Штриттером ряд польских исследователей считает язык Скорины польским. По мнению Линде, язык Скорины близок к польскому, так как вообще белорусский язык «является диалектом, очень близким к польскому» [68]. И Вишневский, считая произведения Скорины «наиславнейшими творениями белорусской литературы», думает, однако, что белорусский язык наиболее близок к языку польскому [69]. Поскольку польские исследователи ставили вопрос о языке в такой форме, они целиком выражали то мнение в польской науке, которое рассматривало белорусский язык как самостоятельный в такой же мере, как польский, чешский и русский, и, называя его языком кривичским, считали, что последний ничего общего не имеет с русским языком. Для таких писателей Скорина — детище польской культуры, а его произведения причисляются к польской литературе. Однако другие исследователи не пошли за польскими учеными в вопросе о принадлежности Скорины к Польше и по языку и, частично, по национальности.

Сопиков специально не затрагивал вопроса о языке Скорины, но он называет язык письменности XVI в., независимо от того, где вышли издания, белорусским языком, представляющим собой, по его мнению, смесь из языков славянского, русского, польского и частично латинского. В. С. Сопиков, называя язык книг, напечатанных в XVI в., белорусским, не заметил, однако, что книги эти были изданы на Украине и географически были далеки от Белоруссии. Но за Сопиковым остается первенство постановки вопроса о белорусском языке, на котором уже существовала довольно значительная печатная литература [70].

В противоположность Сопикову, Кеппен считает, что язык книг и рукописей XVI—XVII вв. не следует называть белорусским. Он высказывается за название его литовско-рус-

---

[67] И. Г. Штриттер. Указ. соч., стр. 193.
[68] S. B. Linde. Указ. соч., стр. 126.
[69] M. Wiszniewski. Указ. соч., стр. 466.
[70] Е. Ф. Карский. Указ. соч., т. I, стр. 407.

ским [71]. Таким образом, в первой четверти прошлого столетия был установлен факт существования белорусского языка. Однако против наименования языка письменности XVI—XVII вв. белорусским решительно выступил О. М. Бодянский, писавший, что язык, который называется белорусским, это язык, на котором «никто никогда не говорил и не говорит (так как он представляет самую отвратительную смесь, какую только можно себе представить и какая когда-либо существовала на Руси») [72].

Вслед за Бодянским и Головацкий выступает против названия языка Скорины белорусским, так как «то язык ни белорусский, ни великорусский, ни малорусский, а язык книжный, искусственный, яким никто никогда не говорил и не говорит» [73]. Архиепископ Филарет вслед за Кеппеном называет язык Скорины литовско-русским [74]. Этой же терминологии придерживаются Сахаров и Каратаев [75]. Е. Ф. Карский совершенно правильно заметил по этому поводу, что термин «литовско-русский язык» очень неудачный. Если принять этот термин, говорит Карский, то «можно бы подумать, что белорусское наречие восприняло в себя элементы литовского языка, чего с ним в действительности не произошло» [76]. Все авторы, стремившиеся дать языку Скорины то или иное название, мало углублялись в его особенности. В связи с этим их терминология либо была не совсем удачной, либо белорусский язык, по различным соображениям, встречал с их стороны враждебное отношение. Только профессор Московского университета Буслаев первый научно подошел к белорусскому языку. В своей «Исторической хрестоматии» он напечатал отрывки из переводов Скорины и дал к ним примечания. Буслаев видит в языке перевода библейских книг образец белорусского наречия начала XVI в. В грамматическом отношении это наречие ничем существенно не отличается от великорусского, но в нем много языковых словарных особенностей, частью местных, частью заимствованных из польского языка [77]. Вслед за Буслаевым и Огоновский называет язык

---

[71] П. И. Кеппен. Указ. соч., стр. 267—268. П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. XII.

[72] О. М. Бодянский. О моих поисках в Познанской публичной библиотеке. «Чтения в Обществе истории и древностей», № 1, 1846; Указ. соч., стр. XIX; Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 410.

[73] Я. Ф. Головацкий. Указ. соч., стр. 251. П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. XIX; Е. Ф. Карский. Указ. соч., т. I, стр. 410.

[74] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. XII; Е. Ф. Карский. Указ. соч., стр. 411.

[75] Е. Ф. Карский. Указ. соч., т. III, ч. 2, стр. 411.

[76] Там же.

[77] Там же; П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. XVI.

Скорины белорусским[78]. Эту мысль разделяет и Иосиф Первольф, который, отмечая попытки перевода священных книг на народный белорусский язык, причисляет к ним и книги Скорины[79]. Таким образом, в середине 80-х годов XIX в. за языком Скорины прочно утвердилось наименование языка белорусского. Несмотря на это, язык Скорины еще не был предметом специального исследования лингвистами и историками литературы. Несколько замечаний относительно языка Скорины сделал Е. Ф. Карский. Так, например, он отнес виленскую рукопись, содержавшую книги «Иова», «Руфь», «Псалтырь», «Песнь песней», «Эклезиаст», «Притчи Соломона», «Плач Иеремии», «Даниила» и «Эсфирь», по языку к работам Скорины[80].

В своей обстоятельной рецензии на работу Карского «Обзор звуков и форм белорусской речи» А. И. Соболевский также сказал несколько слов о языке Скорины. Критические замечания Соболевского тем интереснее, что почти через год автор в своей рецензии на исследование Владимирова высказал нечто прямо противоположное тому, что он говорил в отзыве на работу Карского. Соболевский считает, что одновременно с образованием «Западно-Русского государства» белорусское наречие сделалось государственным языком Западной и отчасти Южной России. Но одновременно «язык грамот и Литовского статута никогда не был языком всего населения Западной Руси; это был язык высшего класса, того класса, который... подвергался влиянию польской культуры; отсюда понятно довольно значительное количество польских слов, форм и оборотов, находимое в этих памятниках». Соболевский отмечает, что в библии Скорины и в лютеранском «Катехизисе» 1562 г. белорусское наречие смешано с церковно-славянским языком, с добавлением большого числа полонизмов и чехизмов. Скорина, полоцкий уроженец, печатал свою Библию в Чешской Праге, где он, по-видимому, жил довольно долгое время. Поэтому наличие в его тексте чехизмов является в известной мере естественным. Примесь чуждых элементов делает «западнорусский литературный язык XIV—XVIII ст. во многом отличным от современного белорусского наречия». Все эти отдельные замечания о характере языка Скорины были высказаны только между прочим. Язык Скорины как с лексической, так и с синтаксической стороны требовал самостоятельного изучения[81].

---

78 П. В. Владимиров. Указ соч., стр. XXV.

79 И. И. Первольф. Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1886—1893, стр. 595—601; Е. Ф. Карский. Указ. соч., т. III, ч. 2, стр. 413.

80 Е. Ф. Карский. Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1888, стр. 239.

81 А. И. Соболевский. Очерк из истории русского языка. ЖМНП, 1887, № 5, стр. 137—138.

Находка книг Скорины потребовала и их описания. Впервые это сделал Сопиков. Описание Сопикова, как совершенно правильно отмечает Владимиров, весьма неудачное. В нем имеется довольно много грубых ошибок. Отрывки и заголовки приведены неверно. Неточен даже заголовок библии. Это описание сохраняло свою ценность до появления работы Каратаева (1878), дополненной и исправленной в 1883 г. Каратаев описал все известные печатные издания Скорины, привел предисловие Скорины «во всю Библию рускаго языка», исправил ошибки первого издания. Только во втором издании Каратаев правильно назвал второе виленское издание Скорины и напечатал содержание «Малой подорожной книжицы» [82].

II

Вся научная литература о Скорине до конца 80-х годов прошлого столетия с разных сторон подходила к Скорине и его деятельности. В науке накапливались факты, высказывались различные предположения и мысли, часто совершенно противоположные. Необходимо было охватить весь этот материал о Скорине, пересмотреть его, произвести дополнительные поиски в архивах и библиотеках, чтобы проверить ранее высказанные мнения и разрешить вопросы, не получившие еще надлежащего ответа. Исследовательская мысль, по мере накопления фактов и расширения знаний о Скорине, стремилась объяснить мотивы его деятельности принадлежностью к определенному вероисповеданию. Правда, делалось это совершенно бездоказательно. Однако можно считать принципиально правильным подход к Скорине Головацкого, объяснявшего появление скорининских изданий влиянием реформации и протестантством Скорины. Хотя такой взгляд Головацкого весьма односторонен, но методологически он правилен. Таким образом, вся деятельность Скорины требовала нового освещения. Необходимо было общее монографическое исследование, которое подвело бы итог ранее сказанному, выбросило бы все ненужное о Скорине, отказалось бы от всяческих бездоказательных предположений и одновременно дало бы четкое и ясное научное, основанное на источниках, представление о деятельности Скорины. Так из всей предыдущей литературы выросла монография П. В. Владимирова «Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык» (СПб., 1888, XXXI+351). Очень ценная работа Владимирова явилась исходным пунктом для всех тех

---

[82] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. VIII, XXV—XXVI; И. Каратаев. Описание славяно-русских книг. СПб., 1878; И. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами, т. I, с 1491 до 1625 г. СПб., 1883.

исследователей, которые позднее в своих научных занятиях обращались к Скорине.

Исследование Владимирова состоит из предисловия и двух частей. В предисловии дается обзор всей литературы вопроса, причем последняя рассматривается в хронологическом порядке, начиная от 1776 г. Первая часть состоит из четырех разделов. В первом разделе автор дает сжатую характеристику общего состояния моральной, религиозной и интеллектуальной жизни Литовско-Белорусского государства в XV—XVI вв., а вместе с тем приводит и биографические сведения о Скорине. При этом автор высказывает ряд собственных суждений относительно прекращения Скориной печатной деятельности. Второй раздел посвящен всестороннему изучению пражских изданий Скорины. Третий раздел посвящен виленским изданиям Скорины. Наконец, раздел четвертый затрагивает весьма интересный вопрос о влиянии изданий Скорины на дальнейшие славянские и российские издания как в типографском отношении, так и в отношении редакции текста. Во второй части этого раздела автор упоминает переводы Скорины в рукописных списках XVI в., среди которых находятся следы не найденных книг из скорининского перевода полной Библии. Затем автор затрагивает вопрос о последователях Скорины и переводах предисловий Скорины в русских памятниках XVI в. Часть вторая специально посвящена изучению языка Скорины. Наконец, в работе дан ряд ценных приложений. Во-первых, два документа из Литовской метрики, Книги судных дел № 4, лист 203, и Книги записей № 16, лист 263. Эти документы имеют огромное значение для жизнеописания Скорины. Автор также напечатал предисловие к пражскому «Псалтырю» 1517 г. и первый раздел из книги Иова по текстам: Скорины, Фиоля, южнославянскому, по списку Ленинградской публичной библиотеки, по рукописному сборнику Виленской публичной библиотеки. Далее приводится первый раздел из «Песни песней» в переводе Скорины и по рукописям Московской синодальной и Виленской публичной библиотек. Приложения к книге Владимирова заканчиваются XII разделом из книги «Эсфирь» в переводе Скорины и одного отрывка из «Малой подорожной книжицы».

Работа Владимирова охватывает всю деятельность Скорины. Разумеется, в своем исследовании Владимиров находится в определенной зависимости от своих предшественников, от тех или иных проблем, выдвинутых ими. Но в то время как его предшественники только нащупывали вопрос или ставили его, Владимиров всесторонне изучал ту или иную научную проблему. Совершенно верным следует считать намерение Владимирова связать жизнь и деятельность Скорины с общими культурными условиями того времени. Отсюда вполне понятно,

что автор должен был обратить внимание на развитие культуры в Белоруссии XVI в. и ее культурных связей с Западной Европой. Непонятным остается лишь, почему автор, характеризуя уровень культуры Литовско-Белорусского государства в XVI в., относит свою характеристику к «Юго-Западной России», т. е. к Украине. Характеризуя моральное, религиозное и интеллектуальное состояние жизни Белоруссии в XV—XVI вв., Владимиров широко пользовался предыдущими исследованиями по этим вопросам, и, естественно, здесь он ничего нового не дает. В основных чертах все уже было сказано Соловьевым, Бестужевым-Рюминым, Чистовичем, митрополитом Макарием. Автор совершенно прав, когда, констатируя обнищание духовенства, указывает на усиление братств, начавших борьбу с морально-религиозным и интеллектуальным упадком в Литовско-Белорусском государстве. Безусловно вполне правильна мысль автора выделить городскую буржуазию как социальную группу, которая в XVI в. оказывала большое культурное влияние на общественную жизнь. Автор отмечает факт существования большого числа библиотек в Великом княжестве Литовском, в которых находились как рукописные церковно-славянские памятники, так и отдельные книги ранних краковских печатных изданий. Автор показывает, что в рукописных памятниках можно отметить много глосс, т. е. когда на полях книги на народном языке объяснялись непонятные слова. В дальнейшем при переписке книг такие глоссы обычно вводились в текст книги, в связи с чем последняя по своему языку получала несколько иной характер. Наконец, автор отмечает существование культурных связей между обществом того времени и Западной Европой. Представители белорусской и украинской аристократии, которых автор всюду называет русскими, ездили за границу продолжать свое образование и, между прочим, бывали в Польше. Благодаря культурным связям, между Чехией и Польшей, с одной стороны, и Великим княжеством Литовским — с другой, увеличивалось число польских и чешских изданий, особенно Библии[83]. Следует считать характеристику состояния культуры Литовско-Белорусского государства, данную Владимировым, правильной, однако нужно отметить, что Владимиров главным образом характеризует состояние культуры в Великом княжестве Литовском во второй половине XVI в., тогда как конец XV и первая четверть XVI в.— время развития переводческой и издательской деятельности Скорины — не получили в работе Владимирова полного освещения. Затем, желание связать деятельность Скорины с эпохой — намерение методологически совершенно

[83] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. 1—43.

правильное — не было осуществлено и в связи с этим деятельность Скорины выглядит несколько оторванной от соответствующего окружения и обстановки. Владимиров заботливо собрал очень скудные данные, относящиеся к биографии Скорины. Владимиров отмечает, что Скорина родился в 1490 г. и думает, что ему было 27 лет, когда он начал литературную деятельность в Праге. Автор показывает, что последние сведения о Скорине относятся к 1535 г., когда ему было 45 лет[84]. Национальное происхождение Скорины Владимиров устанавливает на основании слов Скорины, которые он обычно приводит в послесловиях к своим изданиям. Владимиров называет его «русским», не понимая, что слово «русский» в языке Скорины имело совсем иной смысл и значение, чем в позднейшие времена. Следовательно, необходимо внести поправку в определение Владимирова и считать Скорину белорусом по происхождению[85].

Вопрос о происхождении Скорины из Полоцка не вызывает сомнения. Автор отмечает, что Полоцк был богатым городом в XVI в. Об этом свидетельствует не только то, что Полоцк, получивший в 1498 г. магдебургское право, платил в скарб 400 коп грошей, но и более поздние сведения Гвагнини о богатстве полоцких купцов. Автор считает, что Скорина вышел из богатой купеческой семьи. Об имени его отца Владимиров ничего не знает. Автор указывает, что в Полоцке жил брат Скорины. Он наследовал недвижимое родовое имущество, в котором была и доля доктора Ф. Скорины. О пражской жизни Скорины Владимиров ничего не пишет. Из виленского периода жизни он отмечает: 1) что Скорина имел в Вильно типографию в доме бурмистра Якуба Бабича; 2) брак Скорины в Вильно с вдовой Юраго Одверника — Маргаритой; 3) наконец, то, что в 1529 г. Скорина выиграл судебное дело относительно недвижимого имущества своей жены. Дальнейшие сведения о Скорине исчезают, и только имеются некоторые данные, относящиеся к 1535 г. Автор отмечает также, что между Скориной и виленским мещанством была определенная связь еще в эпоху пражского периода жизни Скорины, ибо в послесловии к изданию «Псалтыря» 1517 г. указано, что книга эта напечатана на средства «Богдана Онкова, сына радци места Виленьского»[86]. Отмечая, что в виленский период своей жизни Скорина пользовался покровительством Якуба Бабича, Владимиров высказывает предположение, что в пражский период у Скорины

---

[84] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. 44.
[85] Там же, стр. 1—43.
[86] Там же, стр. 44—47.

были другие покровители. Автор совершенно правильно отклоняет версию Добровского о покровительстве со стороны Сигизмунда I и вместо этого выдвигает гипотезу о связи Скорины с богатыми виленскими мещанами, которые могли дать ему не только материальные средства, но и различные церковно-славянские рукописи, безусловно имевшиеся у них в значительном количестве. Само издание «Малой подорожной книжицы» предназначалось для купцов, ездивших по торговым делам за кордон. Гипотеза Владимирова о тесной связи Скорины с виленским купечеством весьма интересна, но для подкрепления ее никаких данных Владимиров не приводит. Одно бесспорно — всей литературно-издательской деятельностью Скорины руководила любовь к отчизне и желание послужить «посполитому люду руского языка». Таким образом, Владимиров изложил основные биографические данные жизни Скорины [87]. Позже Шляпкин в 1892 г. и Миловидов в 1917 г. дадут на основе вновь найденных документов некоторые новые сведения, расширившие наши познания о биографии Скорины.

Далее Владимиров останавливается на подробном изучении вопроса об образовании Скорины. Еще до Владимирова в литературе была высказана мысль о том, что Скорина учился в Краковском университете. Эта мысль нашла подтверждение в записях Краковского университета. Вместе с тем Владимиров на основе опубликованных материалов охарактеризовал состояние Краковского университета и, в частности, медицинского факультета. Последний в начале XVI в. находился в упадке, в связи с чем Владимиров высказывает предположение, что Скорина, подобно другим воспитанникам Краковского университета, получил степень доктора медицинских наук где-нибудь за границей, в Германии, Италии, преимущественно в Болонье, либо в Праге. Однако у Владимирова не было никаких данных для доказательства этого предположения, хотя разумеется, последнее было совершенно правильным и позднее было подтверждено новыми документами, опубликованными Шляпкиным. Автор правильно отмечает, что период 1506—1517 гг. является самым темным в биографии Скорины [88].

Отмечая, что Скорина в 1517—1520 гг. находился в Праге, Владимиров дает краткую характеристику состояния чешского книгопечатания и сообщает о связях Чехии с Нюрнбергом, чтобы выяснить, почему именно Прагу избрал Скорина. Автор отмечает, что чешские издания печатались в Нюрнберге и Венеции. Так, в последней в 1506 г. вышла известная чешская Библия, имевшая влияние на переводы Скорины [89].

---

[87] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. 47—51.
[88] Там же, 51—56.
[89] Там же, стр. 57—65.

Прекращение Скориной издательско-типографской деятельности в Вильно, естественно, заставило Владимирова рассмотреть вопрос о причинах, под влиянием которых эта деятельность Скорины прекратилась сначала в Праге, а потом в Вильно. Автор считает, что на первый вопрос дать ответ невозможно, а прекращение издательской деятельности Скорины в Вильно он связывает с тяжелым материальным положением Скорины, с пожаром 1530 г., уничтожившим две трети города, и со страшной эпидемией 1533 г. Все факты, приводимые Владимировым, точно установлены, но они все-таки не разрешают вопроса о причинах прекращения Скориной издательско-типографской деятельности. Этот вопрос и после исследования Владимирова остается нерешенным. Надо отметить, что Владимиров совсем не затрагивает вопроса о вероисповедании Скорины. Владимиров, хорошо знакомый с предшествующей литературой, разумеется, знал, что на основании существующих до сих пор материалов невозможно разрешить столь запутанный вопрос, и был совершенно прав, когда, не пускаясь в область гипотез и малонаучных рассуждений, просто умолчал об этом [90].

С большим мастерством Владимиров изучил пражские издания Скорины как в типографском отношении, так и в отношении редакции самого текста. Особенно старательно он изучил вопрос о переводе Библии на белорусский язык. Владимирову нужно было точно установить источники, использованные Скориной для перевода Библии. Путем тщательного анализа скорининского текста и сравнения его с чешской Библией, напечатанной в Венеции в 1506 г., Владимиров отбрасывает распространенную ранее версию о Вульгате как источнике для скорининского перевода Библии и считает, что главным источником была чешская Библия 1506 г. Особенности Скорининской Библии обычно совпадают с особенностями венецианского текста Библии, а не Вульгаты и церковно-славянского текста, которыми Скорина временами мог пользоваться для некоторых книг Ветхого завета. Автор находит, что перевод Скорины с чешского языка напоминает обычные «западнороссийские» переводы повестей и легенд с чешских и польских текстов, с сохранением из последних множества родственных слов и выражений, облегчавших работу переводчика. Общее предисловие ко всей Библии, а также отдельные предисловия к книгам Ветхого завета составлены подобно чешской Библии 1506 г. Кроме того, Владимиров считает, что помочь Скорине могли комментарии Николы Лирана. Автор указывает, что Скорина пользовался церковно-славянским текстом как слова-

[90] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. 47, 66—67.

рем для подбора слов. Иногда Скорина выписывал целые разделы и строки из церковно-славянских текстов, но приводил их в несколько измененной форме. Владимиров констатирует, что в переводе Скорины отсутствует система и критика, но в то же время он не имеет и никакого отношения к протестантским переводам «священного писания». Владимиров отбрасывает также предположение о том, что скорининский перевод Библии является отражением его исключительно католического направления. Автор находит возможным утверждать, что ввиду отсутствия в тексте догматических положений и каких-либо католических церковных особенностей вся «Библия руска» предназначалась для православных читателей. Говоря о целях и задачах деятельности Скорины, автор считает, что Скорина хотел дать своему читателю полную и понятную Библию, а вместе с тем помочь исправлению нравов и распространению хороших обычаев, дать душеспасительное чтение и научить мудрости и разным наукам. Владимиров совершенно прав, утверждая, что книги Скорины, как замечательные образцы типографского мастерства, были важным явлением в деле просвещения [91].

Рассматривая виленские издания Скорины и сравнивая их с пражскими по шрифту и бумаге, Владимиров приходит к выводу, что скорининская типография была перенесена из Праги в Вильно. Различные особенности виленских изданий свидетельствуют о тех же связях с немецкими типографиями, что и пражские издания. Наконец, по красоте шрифта и украшений виленские издания являются продолжением пражских [92].

Переходя к изучению «Апостола», напечатанного Скориной в 1525 г., Владимиров говорит, что скорининский текст есть первое печатное издание церковно-славянского «Апостола». Второе вышло в Москве в 1564 г., третье — во Львове в 1574 г. и четвертое — в Вильно в 1576 г. Наконец, в 1580 г. вышло острожское издание «Апостола».

Сравнивая «Апостола» Скорины со славянским текстом «Апостола», помещенного в полной Библии 1499 г., Владимиров отмечает ряд особенностей, свидетельствующих о том, что Скорина пользовался какими-то древними списками, хотя вообще большая часть близка к тексту Библии 1499 г. [93] «Апостол» Скорины, являясь церковно-славянским в своей основе, имеет много общего с его предыдущими работами. Подобно всем книжкам Библии, начиная от «Псалтыря» 1517 г., отдельные части «Апостола» имеют предисловия Скорины, большинство

---

[91] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. 101, 155, 171—172.
[92] Там же, стр. 178.
[93] Там же, стр. 180—181.

которых называются «сказаниями»[94]. Сам Скорина рассматривает издание «Апостола» как продолжение своих пражских изданий[95]. Издавая «Апостола» по церковно-славянскому тексту, также без всякой критики и редакции, Скорина отдельные непонятные славянские слова заменял более понятными для «посполитого народа руского». В самом тексте «Апостола» Владимиров отмечает множество таких замен старославянских слов и выражений. Владимиров отмечает также, что замеченные слова и выражения часто совпадают с чешской Библией, что свидетельствует об использовании Скориной Библии 1506 г. и при издании своего «Апостола»[96].

Так же подробно рассмотрел автор и «Малую подорожную книжицу». Содержание этой «Книжицы», как известно, весьма разнообразно. «Книжица» рассчитана была, по мнению Владимирова, на светских людей. В состав «Малой подорожной книжицы» входил также и «Псалтырь», содержавший, по наблюдениям Владимирова, незначительные отклонения от пражского издания «Псалтыря». И в издании «Малой подорожной книжицы» Скорина заменял непонятные церковно-славянские слова более простыми и понятными словами[97]. Владимиров, указывая, что издательская деятельность Скорины прекратилась в 1525 г., считает, однако, что книги Скорины оказали большое влияние на белорусские издания как в типографском, так и в текстовом отношении. Так, видимо, несвижский «Катехизис» Симона Будного (1562) и Евангелие Василия Тяпинского были напечатаны и изданы под непосредственным влиянием Скорины. Отмечая связь дальнейшего развития печатного дела в Белоруссии и на Украине с именами московских печатников Ивана Федорова и Петра Мстиславца, Владимиров пишет, что, несмотря на московское влияние в типографском отношении, следует иметь в виду и влияние Скорины как на виленские, так и на острожские издания. Таким же образом Владимиров отмечает известное влияние Скорины и по содержанию. Владимиров заметил, что издатели острожской Библии пользовались и переводом Скорины, хотя имя его и не было указано в самой рукописи. Владимиров пишет о распространении переводов скорининской Библии в рукописных списках XVI в. Эти списки подразделяются на три отдела. Одни являются списками только с печатных изданий Скорины; вторые, наряду с известными в печати книгами Скорины, содержат и ряд других книг, неизвестных в печати; и, наконец, третьи имеют такие значительные отклонения в переводе от известных книг Скорины, что

---

[94] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. 184.
[95] Там же, стр. 185.
[96] Там же, стр. 186.
[97] Там же, стр. 191, 192, 200.

заставляют отнести их к самостоятельным переводам продолжателей дела Скорины. Рассматривая рукописи второго типа, Владимиров приходит к выводу, что Скорина перевел всю Библию, на что указывал и сам Скорина [98]. Существование продолжателей дела Скорины также свидетельствует о том, что его переводы были широко распространены и оказали влияние на переводчиков. Евангелие, переведенное Василием Тяпинским, очевидно, находилось под влиянием скорининского перевода Нового завета, который не сохранился. Скорининское влияние отразилось и на так называемом пересопницком Евангелии [99]. Говоря о распространении скорининских рукописей в русских переводах XVI в., Владимиров замечает, что предисловия Скорины значительно переработаны в зависимости от взглядов московских книжников XVI в. [100]

Последний раздел исследования посвящен языку Скорины, изученному Владимировым во всей его полноте. Говоря об отношении языка Скорины к «западнороссийским» памятникам XVI в. и к белорусскому языку, автор отмечает в языке Скорины наличие как чехизмов, так и полонизмов. Кроме того, в языке Скорины встречаются немецкие слова, как «майстер, спиж, шахта, гафтки». Наконец, Скорина употребляет и ряд литовских слов, имевших большое распространение в Белоруссии в XV и в начале XVI в. В конце всего исследования Владимиров дал небольшой словарь выражений, взятых из работ Скорины. Этот словарь имеет большое научное значение для истории белорусского языка [101].

Такой характер носит работа Владимирова в своих основных чертах. Она охватила всю деятельность Скорины и рассмотрела ее со всесторонней полнотой. Все свои выводы Владимиров основывает на фактах и избегает таких суждений и мыслей, которые невозможно доказать убедительными ссылками на источники. Позднее некоторые новые материалы, касающиеся биографии Скорины, дополнят сведения, данные о нем Владимировым, однако до нашего времени не появилось еще ни одного исследования о Скорине, которое могло бы заменить вышеупомянутую работу уважаемого исследователя.

Вполне понятно, что работа Владимирова была важным событием первостепенного научного значения, как превосходное исследование, в котором рассматривается жизнь и деятельность одного из великих белорусских культурных деятелей. Целый

---

[98] П. В. Владимиров. Указ. соч., стр. 202, 205—206, 207, 211, 223, 227, 234.

[99] Там же, стр. 234—237.

[100] Там же, стр. 243—244.

[101] Там же, стр. 300—301, 302—317.

ряд ученых, обративших внимание на работу Владимирова, откликнулся на нее рецензиями и отзывами об этом замечательном во всех отношениях исследовании.

III

Богатое материалами и весьма ценное по своим выводам исследование П. В. Владимирова обратило на себя внимание в специальной научной литературе. А. И. Соболевский [102] первый откликнулся на эту работу. Отдавая должное трудолюбию и проницательности Владимирова и считая его «труд лучшим из трудов по нашей старой литературе за последние годы», Соболевский считал, однако, что к исследованию Владимирова следует отнестись критически «ввиду наличия в последнем коекаких недостатков и расхождения с автором во взглядах на некоторые частности». А. И. Соболевский по существу соглашается с основными положениями Владимирова. Критические замечания его сводятся к следующему.

Прежде всего, основной вывод автора о том, что Скорина широко пользовался переводом чешской Библии издания 1506 г., не ново. Соболевский указывает, что впервые эта мысль как предположение была высказана Первольфом. Но рецензент должен был признать, что это предположение Первольфа было подтверждено «на незыблемом основании» только Владимировым. Далее, Соболевский бросает упрек Владимирову в том, что он не упоминает о статье анонимного автора «Об отношении перевода Скорины к Вульгате и древнему церковно-славянскому тексту», где имеется ряд суждений, заслуживающих внимания исследователя. По мнению Соболевского, Владимиров, для большей четкости и правильности освещения деятельности Скорины, должен был выяснить, что сохранилось до наших дней в письменности эпохи, предшествующей и современной Скорине. Составленный Владимировым список рукописей XV—XVI вв., «южного и западнорусского происхождения» слишком неполный. Соболевский приводит ряд очень ценных дополнений, о которых Владимиров не писал в своем исследовании. Затем, по мнению Соболевского, для более правильной оценки работ Скорины Владимиров должен был бы ознакомиться с особенностями языка как можно большего числа «южно- и западнорусских рукописей XV—XVI столетий», а не ограничиваться несколькими краткими замечаниями относительно литературного языка предскорининской и скорининской эпохи. В определении языка Скорины Соболевский резко расходится с мнением Владимирова о «тесной связи работ Скорины с переводами»

---

[102] А. И. Соболевский. П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина... ЖМНП, 1888, № 10, стр. 321—322.

священного писания «на народный язык, которые появились в Юго-Западной Руси в XVI ст.»

Этот вывод Владимирова, как думает Соболевский, основывается на ограниченном знакомстве «с южной и западнорусской письменностью XIV—XVI столетий». Не согласен Соболевский также и с мнением Владимирова о целях деятельности Скорины: «дать православным Юго-Западной Руси полную Библию на языке, понятном для простых людей».

Соболевский приходит к совсем другому выводу. Скорина переводил Библию на славянский язык, с которым в «Западной Руси» были вообще мало знакомы. Соболевский основывает свои выводы как на словах князя Курбского, иезуита Петра Скарги и князя Острожского, так и на отсутствии рукописей книг священного писания «западнорусского» происхождения. Соболевский находит, что из церковно-славянских книг Ветхого завета Скорина знал только «Пятикнижие» и отрывки из отдельных ветхозаветных книг, сохранившихся у Парамейника. Владимиров же думал, что Скорина имел в старославянском переводе все книги Ветхого завета, кроме «Притчей Соломона», «Юдифи», «Эсфири» и «Песни песней».

По мнению Соболевского, в связи с незначительным числом книг священного писания и полным отсутствием других Скорина не мог «думать о популяризации Библии путем перевода ее со славянского языка на русский». Он мог стремиться только к тому, чтобы сделать доступным и известным библейский текст, в целях распространения священного писания. Скорина перевел с чешского языка только то, чего он не знал в старом церковно-славянском переводе, но вместе с тем он был очень далек от мысли писать и издавать на живом народном языке. Скорина всегда называл язык своих изданий «руским», но, пожалуй, только потому, что для него слова «руский» и «славянский» имели одно и то же значение. Соболевский отмечает, что славянские издания «Псалтыри» и «Апостола» Скорина внес в число книг, изложенных им на «руском языке». Во всяком случае, он не очень стремился сделать свой перевод понятным для простых людей, написать его на живом языке. Таков основной вывод Соболевского, резко расходившийся с тем, что доказывал Владимиров в своем исследовании. Наконец, Соболевский полагал, что польская Шарашпатацкая Библия королевы Софьи, жены Ягеллы, была распространена в польском и полонизованном русском обществе и могла быть известна Скорине.

Отсюда вытекает заимствование Скорины из польской Библии. Соболевский, в противоположность Владимирову, относившему краковские издания Фиоля «к южнорусским», относит их по своему тексту к среднеболгарским и молдавским.

Оригинальные мысли Соболевского, разумеется, требовали проверки. Позднейшая литература и критика за Соболевским не пошли.

Вторая большая рецензия на работу Владимирова принадлежит профессору Львовского университета, известному слависту Мурко. Рецензент причисляет исследование Владимирова к лучшим историко-литературным трудам последнего времени. Работа, как пишет рецензент, дает много нового и интересного. Мурко высоко оценивает деятельность Скорины, явившегося представителем второго славянского народа, имевшего в начале XVI в. печатную Библию на народном языке. Мурко отмечает, что в таких общих курсах по истории литературы, как курсы Галахова или Порфирьева, о Скорине либо совсем не упоминалось, либо упоминание ограничивалось несколькими словами. Мурко подробно изложил содержание работы Владимирова. Он также упрекнул последнего за то, что в его исследовании нет ссылок на известную работу Первольфа, который первым указал на чешскую Библию 1506 г. как на главный источник скорининского перевода Библии. Автор рецензии принимает все основные выводы Владимирова. Мурко уже знал о рецензии Соболевского и считал необходимым мимоходом сделать несколько замечаний относительно взглядов последнего на язык Скорины. Он не согласен с Соболевским, отказывавшимся от того, что он признавал годом раньше. Мурко отмечает, что Скорина в своих переводах четко противопоставил белорусский язык славянскому [103].

На книгу Владимирова откликнулся и М. В. Довнар-Запольский [104]. В своей статье «По поводу исследования Владимирова» «Доктор Ф. Скорина» М. В. Довнар-Запольский отметил ряд вопросов, непосредственно вытекающих из исследования Владимирова и имеющих сами по себе первостепенное научное значение для истории Белоруссии. Эпоха, в которую жил Скорина, по мнению Довнар-Запольского, является важным историческим моментом в жизни Белоруссии, когда подготавливалась уния католичества с православием и отдельные группы общества героически боролись с первым. М. В. Довнар-Запольский констатирует плачевное состояние православной церкви в связи с так называемым «правом отдачи», развивавшимся в то время и часто отдававшим церковь в руки несоответствующих своему назначению лиц, что приводило к упадку нравов среди церковной иерархии. М. В. Довнар-Запольский, основываясь на сообщении Михалона, констатирует моральный упадок среди господствовавших в то время общественных групп. Только такие лица, как Г. А. Ходкевич, митрополит Иосиф Солтан

---

[103] Archiv für slavische Philologie, 1889, t. XII, S. 243—268.

[104] М. Запольский. Доктор Франциск Скорина. «Минский листок», 1888, № 42, 44.

и Ф. Скорина, принимали меры для возрождения церкви и защиты православия путем публикации книг «священного письма». Эта издательская деятельность, как думает М. В. Довнар-Запольский, имела огромное значение. Прежде всего, издание книг священного писания поддерживало православие, а вместе с тем охраняло белорусскую национальность от угнетения ее католичеством. Эти книги имели огромную образовательную ценность, как источник богословского образования того времени. Они были своего рода нравственной философией, определявшей этические принципы жизни. Вся эта деятельность не прошла бесследно для белорусского народа: «русская национальность была сохранена в борьбе с унией». Таков общий фон эпохи, нарисованный автором в рецензии. Какую же роль играл Скорина? Довнар-Запольский считал, что Скорина был одним из «западнорусских» людей, обратившим внимание на тяжелое положение современников и проделавшим посильный труд для повышения их интеллектуального и морального уровня и для сохранения их национальности.

Таким образом, М. В. Довнар-Запольский, как и Владимиров, объяснял деятельность Скорины общественно-культурной и национально-религиозной обстановкой того времени [105].

Вторая часть статьи Довнар-Запольского представляет собой изложение выводов Владимирова с отдельными авторскими замечаниями. Довнар-Запольский дал краткие биографические сведения о Скорине и показал, что источниками для переводов Скорины были чешские тексты наряду с латинскими и греческими; он отметил важное значение Пражского университета, а также большое распространение чешского влияния в литовском обществе. Довнар-Запольский указывает, что чешское влияние в XVI в. проявлялось даже в актовой терминологии. Наконец, Довнар-Запольский, вслед за Владимировым, считает Скорину человеком, страстно желавшим принести пользу обществу и родной стране, поднять интеллектуальный и моральный уровень населения. Переводы Скорины должны были отвечать этим задачам.

Довнар-Запольский считает, что работа Владимирова имеет большое значение. Он впервые дал подробное описание жизни и деятельности Скорины, отметил сильное влияние Чехии на «Западную Русь» и показал, что Скорина перевел Библию на «русский», т. е. на белорусский язык. Однако, по мнению рецензента, работа не лишена недостатков. Довнар-Запольский отмечает отсутствие целостности во всем произведении; обилие сведений, однако слишком разбросанных, не дает возможности

---

[105] М. Запольский. Доктор Франциск Скорина. «Минский листок», 1888, № 44.

составить четкое представление о предмете; имеются повторения, мало живости, некоторые вещи можно было бы осветить подробней, например вопрос об интеллектуальном и нравственном состоянии общества. Тем не менее, думает Довнар-Запольский, работа Владимирова заслуживает внимания со стороны общественности и печати.

Откликнулся на книгу Владимирова и А. Н. Пыпин [106]. Последний заметил, что Владимиров очень удачно избрал тему для своего исследования, затронув вопрос первостепенной важности. А. Н. Пыпин также подчеркивает значение эпохи и обстановки, окружавшей Скорину, для его деятельности. Изучение деятельности Скорины, по мнению А. Н. Пыпина, становится особенно важным, во-первых, потому, что Библия Скорины является первой печатной Библией до появления Острожской, а во-вторых, потому, что Скорина не оставил о себе никаких письменных сведений, никаких устных преданий. Эпоха, в которую начиналась деятельность Скорины, характеризуется религиозным брожением, возникшим под влиянием Польши, под влиянием непосредственных связей Западной России с Германией и кончавшимся нередко обращением русских в католицизм или протестантство. Пыпин не причислял Скорину к православным. Имя его — Франциск — позволяет отнести его к католикам или протестантам. Образование Скорина получил в католическом университете, возможно в Краковском, думает Пыпин, хотя этот вопрос разрешен был документально и не вызывал уже никаких сомнений. Существование противоположных точек зрения, высказанных относительно Скорины, требовало, по мнению Пыпина, внимательного рассмотрения всех спорных вопросов, чего не сделал Владимиров. А. Н. Пыпин считал работу Владимирова важным приобретением для литературы.

В своей истории этнографии А. Н. Пыпин не раз обращался к Скорине, в деятельности которого он видел народное сопротивление католичеству, униатству и иезуитам. «Русские» православные получили первый перевод библейских книг только от Скорины. Следует отнестись к замечаниям А. Н. Пыпина со значительной долей скептицизма. В начале XVI в. в Белоруссии не было ни иезуитов, ни унии, ни натиска католичества, о чем свидетельствует такой компетентный историк церкви, как митрополит Макарий [107].

С. Ольгин в «Филологических записках» не сделал ни одного критического замечания относительно исследования Владимирова. Познакомив читателя коротко с основными вы-

---

[106] «Вестник Европы», 1888, т. V. Отдел библиографии.

[107] А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. IV, стр. 12.

водами Владимирова, рецензент признал и значительность работы, и чрезвычайное богатство данных, и ценность результатов. В работе Владимирова, по мысли рецензента, освещена деятельность до сих пор мало известного и замечательного литературного деятеля XVI в.[108]

Дал отзыв о книге Владимирова и некто А. С., поместивший свою рецензию в «Вестнике славянства». Рецензент остался неудовлетворенным работой Владимирова. Он считал, что, зная о существовании мнений Головацкого и Чистовича о протестантстве Скорины, митрополита Макария о его католичестве и Викторова — о православии Скорины, следовало бы заняться разбором всех этих точек зрения, чего не сделано в работе. Далее автор отмечает, что утверждение Владимирова о православном характере скорининских изданий не соответствует сказанному самим Владимировым о Скорине. Рецензент не удовлетворен также и лингвистическими наблюдениями автора. По мнению рецензента, из исследования Владимирова не видно, к какому из русских наречий принадлежит язык Скорины. Головацкий и Бодянский считали его искусственным языком, а Буслаев — образцом белорусского наречия. Несмотря на то, что Владимиров не дал ответа на интересующие рецензента вопросы, последний все-таки готов считать, что из этого исследования можно «черпать материал». Вообще всю эту рецензию нельзя считать объективной. Кроме того, из рецензии А. С. не видно, понял ли сам рецензент общий характер исследования и сумел ли он разобраться как в его методе, так и в выдвинутых автором задачах и целях [109].

Киевский ученый А. С. Степович в своей рецензии высоко оценил работу Владимирова, которая, как и более ранние труды автора, будет весьма полезной для того, кто «возьмется в будущем нарисовать во всей полноте и выразительности картину русско-чешских литературных отношений XV—XVII столетий и дать на основе возможно большего числа данных обстоятельную оценку чешского влияния на русскую письменность». А. С. Степович, отдавая должное работе Владимирова. отмечает некоторые спорные положения, выдвинутые Владимировым. Так, категорическое утверждение о том, что Скорина был православным, вызывает сомнение, и доводы Владимирова малоубедительны. Исследователь мало остановился на этом вопросе. Откуда у Скорины появилось католическое имя

---

[108] С. Ольгин. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. Исследование П. В. Владимирова. «Филологические записки», 1888, вып. V, стр. 10—13.

[109] А. С. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. Исследование П. В. Владимирова. «Вестник славянства», 1888, кн. 1, стр. 158—159.

Франциск, если Скорина был православный, справедливо спрашивает рецензент. Однако последний и сам высказал мало обоснованное предположение о получении Скориной степени доктора медицины в Праге. Относительно влияния чешской Библии на перевод Скорины с языковой стороны А. Степович заметил, что знакомство с чешским языком сказалось не только на тексте перевода, над которым работал Скорина, но и на языке таких мест, где Скорина не имел особой нужды придерживаться чешских выражений, имевших для него в иных случаях значение авторитета, например в его предисловиях и послесловиях. А. Степович тоже обвиняет Владимирова в том, что в обзоре литературы у него нет ссылок на работы П. Строева и Первольфа. Наконец, из работы Владимирова, как думает Степович, не видно, каков был язык Скорины, так как об этом нигде ясно не сказано. По мнению рецензента, было бы важно узнать, в каких случаях пользовался Скорина словами и выражениями чешскими и церковно-славянскими, и делал ли он это сознательно или несознательно. Только тогда можно было бы сделать совершенно определенный, очевидный вывод о языке.

Работа Владимирова обратила на себя внимание чешской и польской исторической литературы. Чешский рецензент книги Владимирова ограничился только пересказом содержания книги и замечанием, что отдельные вопросы, затронутые Владимировым, были впервые поставлены Добровским, постоянно интересовавшимся на протяжении всей своей жизни Скориной и его деятельностью. Рецензент считает, что Скорина пользовался чешской Библией и комментариями Лирана. Но в переводе Скорины нельзя заметить какую-либо критику [110]. Откликнулся на книгу Владимирова и рецензент Львовского журнала «Kwartalnik historyczny». Владимиров считал эту рецензию тенденциозной. К сожалению, у нас не было журнала за соответствующий год, и мы не могли познакомиться с мыслями рецензента.

Владимиров представил свое исследование в Академию наук на соискание премии графа Уварова. Проф. А. С. Будилович [111] по предложению Академии написал отзыв об исследовании Владимирова. Рецензент в общем отнесся весьма сочувственно к работе Владимирова. Он находит, что «книга Владимирова заслуживает серьезного внимания, как первый опыт всестороннего изучения жизни и деятельности Скорины».

---

[110] «Časopism Musea Kralowstwi českego», 1888, r. XIII, str. 495—498.

[111] А. С. Будилович. Сочинения профессора П. В. Владимирова: А. Житие св. Алексея, человека Божия. Б. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания. «Записки императорской Академии наук», т. 69, кн. 1, СПб., 1892, стр. 22—38.

Отзыв Будиловича не опровергает тех выводов и наблюдений, к которым пришел в своем исследовании Владимиров. Рецензент ограничивается только отдельными мелкими замечаниями второстепенного характера. Будилович считает большой заслугой автора критический обзор всей литературы о Скорине, что дает возможность читателю по каждому частному вопросу рассматривать всю совокупность ответов, предложенных в разное время, и таким образом выделить собственный вклад нашего автора от научных предположений более ранних исследователей. Будилович считает характеристику состояния общества «Западной России» (Будилович вводит этот термин вместо термина «Юго-Западная Русь») бледной, мало чем отличающейся от сказанного по этому поводу у Соловьева, Бестужева-Рюмина, митрополита Макария, хотя и соглашается с тем, что написание такого очерка очень затруднено как небольшой разработанностью внутренней истории «Западной России», так и необходимостью изучать ее в связи с общественной и литературной жизнью Польши, Чехии и даже Германии того времени. Будилович отметил и то, что данная автором характеристика состояния культуры общества относится ко второй половине XVI в., тогда как Скорина жил и работал в первой четверти столетия, и, следовательно, современная Скорине эпоха автором не затронута. Кроме того, Будилович вносит некоторые поправки в нарисованную автором картину. Вслед за митрополитом Макарием рецензент считал, что в эпоху 1503—1555 гг. православная церковь находилась в полном покое, что к унии склонялась не только одна высшая церковная иерархия, но и магнаты, а за ними пошли и средние классы, не исключая мещан, которых автор, как думает Будилович, склонен несколько идеализировать. Рецензент не согласен с Владимировым относительно причин вступления Скорины на поприще церковно-литературной деятельности. Мещанское происхождение Скорины не имеет к этому никакого отношения. Скорина руководствовался какими-то иными личными наклонностями и условиями. Однако каковы были последние, сам Будилович не разъясняет.

Далее Будилович ставит в упрек Владимирову неполноту собранных им сведений о литературных источниках и влияниях на Скорину, что отрицательно отразилось на некоторых частях его исследования. Будилович находит, что автор должен был бы включить в свой вступительный обзор характеристику важнейших явлений и направлений тогдашней западнославянской литературы, которая имела бесспорное влияние на зарождение идей Скорины и развитие его издательской деятельности. Отмечая скудость известных Владимирову биографических сведений о Скорине, Будилович считал, что год смерти

Скорины определен Владимировым необоснованно, сам же Будилович склоняется к мысли, что Скорина умер значительно раньше. Если бы Скорина пережил тяжелые 30-е годы и дожил бы до реформационного движения в Литве, то он, пожалуй, не сидел бы в бездействии, замечает Будилович.

Рецензент считает большой заслугой Владимирова разработку отдельных разделов, касающихся деятельности Скорины. Все издания Скорины автором весьма внимательно и старательно рассмотрены. Будилович считает бесспорным ряд выводов Владимирова и соглашается с его мыслью, что Скорина при изменениях церковно-славянского текста Библии руководствовался чешской утраквистской Библией 1506 г. Будилович соглашается также с выводами Владимирова о влиянии Скорины на позднейшие «западнороссийские» издания XVI в. Будилович думает, что с течением времени взгляд Владимирова будет несколько изменен, но основные выводы автора последующие исследователи вряд ли изменят. Будилович не согласен с мыслью Владимирова о чисто православном характере изданий и писаний Скорины. Прежде всего, само имя Скорины «Франциск» и его жены «Маргарита» содержат в себе нечто униатское. Жизнь Скорины в Кракове и Праге среди католиков и утраквистов не способствовала, конечно, выработке или хотя бы сохранению у него православного мировоззрения. Сама мысль перевести церковные библейские тексты православного славянства «на один из областных российских диалектов», по мнению Будиловича, не могла в то время зародиться в голове православного человека. Будилович вообще склоняется к признанию протестантских влияний на Скорину. Недаром последний пользовался чешской утраквистской Библией, несогласной ни с Вульгатой, ни с православным каноническим текстом, и до некоторой степени сектантской. Будилович обращает внимание также и на то, что общий характер гравюр «Малой подорожной книжицы» может свидетельствовать о близости Скорины к католичеству. Такое противоречие Будилович объясняет тем, что чешский утраквизм был католическим, полупротестантским и кое-где православным. Будилович весьма похвально отзывается о разделе, посвященном языку Скорины, но с некоторыми выводами Владимирова ученый рецензент и здесь не соглашается. Будилович не соглашается с Владимировым относительно местного «западнороссийского» происхождения языка Скорины. По его мнению, следует предположить еще другие источники, таившиеся в религиозных отношениях тогдашней Чехии и в ее сильном влиянии в послегуситскую эпоху на соседние славянские земли, между прочим, на Польшу, а через нее и на «Западную Русь». Будилович находит, что этот вопрос

заслуживает более внимательного рассмотрения в исследовании. Кроме того, Будилович обвиняет Владимирова в неполной разработке синтаксиса Скорины, в незначительности словаря, а также в том, что автор оставил нерешенным вопрос, был ли язык Скорины действительно живым (языком) или он был искусственным жаргоном, образовавшимся под пером Скорины из эклектического соединения стихий — западно-русской, церковно-славянской, чешской и польской. Наконец, высказывая ряд своих лингвистических суждений, Будилович отмечает стилистические неточности Владимирова. Рецензент против термина «белорусский язык». Он считает лучшим термином «диалект». Зато нельзя не согласиться с Будиловичем, что термин «Юго-Западная Русь» Вильно и Полоцку совершенно не соответствует.

Будилович, указывая на связь высказанных Владимировым мыслей с мыслями его предшественников, а также на то, что некоторые взгляды автора требуют еще дальнейшей разработки и могут быть, пожалуй, сведены на нет, считает все-таки заслугой автора то, что он сильно толкнул их вперед и приблизил к разрешению. Будилович считает большой заслугой Владимирова безупречную разработку библиографической части работы, которая надолго останется образцом монографий подобного рода.

Можно подвести итог всем критическим разборам труда Владимирова. Чисто научный характер носят только рецензии Соболевского, Мурко, Довнар-Запольского и Будиловича. Если рецензии первых двух — филологического характера то последние два рецензента подошли к оценке работы с весьма широких позиций. В этом отношении интересна рецензия Довнар-Запольского, в которой автор стремится определить занимаемое Скориной место в истории белорусского народа. Правда, поставленный Довнар-Запольским вопрос не получил полного ответа, но он сохранил всю свою актуальность.

Владимиров только в 1894 г. откликнулся на некоторые рецензии на свое исследование о Скорине [112]. Он не счел нужным обращать внимания на рецензии, помещенные в «Славянском Вестнике» и в «Kwartalniku historycznym», как на особо предвзятые. Больше всего внимания Владимиров уделил рецензии Соболевского. Владимиров не может согласиться с мнением Соболевского о том, что, кроме «Псалтыря» и Парамейника, Скорина не был знаком ни с какими другими

---

[112] П. В. Владимиров. Заметки и дополнения к исследованию о докторе Франциске Скорине. «Чтения в историческом обществе Нестора Летописца», 1894, кн. 8, стр. 29—32.

церковно-славянскими текстами. Владимиров считает, что, кроме Парамейника, у Скорины был также Десятоглав начала XVI в. Парамейник содержал в себе только избранные разделы из книг Ветхого завета, тогда как Десятоглав был неполным списком Библии начала XVI в. Владимиров считал также ненужным сравнение Библии королевы Софьи с текстами Скорины, так как в основе обоих текстов Библии лежит чешский текст. Владимиров не согласен и с замечанием Соболевского по поводу языка Скорины. Соболевский, по мнению Владимирова, напрасно считает, что Скорина перевел Библию на славянский язык. Язык Скорины в основе своей, как думает Владимиров, является языком белорусским. Чтобы оправдать свою точку зрения, Владимиров ссылается на известную работу Карского «К истории звуков и форм белорусской речи». Чтобы ответить Будиловичу и подтвердить свою мысль о предназначении скорининских изданий мещанам, Владимиров заметил, что скорининские слова «братья посполитые» относятся к мещанству. Владимиров приводит текст грамоты 1553 г., в которой представители полоцкого мещанства Есько Скорина и Гаврила Олелькович, посланные в Ригу для переговоров, названы «братьей посполитой». В ответ на замечание рецензента «Kwartulnika historycxnego» Владимиров указывает, что слово «Россия» употреблялось уже в XIV в. Так, в 1387 г. митрополит Киприан назван митрополитом киевским и «России». В 1593 г. братья Мамоничи напечатали «Псалтырь» «для православного народа, закона греческого, языка славянского или российского».

После выпуска своего исследования Владимиров имел возможность побывать в Варшаве и ознакомиться с рукописью, находившейся в библиотеке Красинских и прежде ему не известной. Эта рукопись была написана «повелением Луки, с неславного града Тарнополя». Владимиров придает огромное значение этой рукописи, так как она может служить подтверждением ранее высказанной им мысли о переводе Скориной всех книг Нового и Ветхого завета.

Рукопись библиотеки Красинских похожа на рукописи львовскую и Петербургскую — Головацкого и Погодина. Она содержит в себе отдельные книги Ветхого завета, которых нет в львовской и петербургской рукописях. Сама терминология — «порядок книг старого закона и порядок книг нового закона» — скорининские. Имя Скорины в списке Луки нигде не названо. Но то, что в основе списка Луки лежали скорининские списки, не вызывает у Владимирова никаких сомнений. Наконец, те несколько слов о Скорине, как печатнике, которые Владимиров посвятил последнему в статье «О начале славянского и русского книгопечатания в XV—XVI вв.», ничего нового не до-

полняют к тому, что сам Владимиров говорил по этому поводу. Разумеется, он принял во внимание материалы, опубликованные И. А. Шляпкиным [113].

Через 12 лет после выхода исследования о Скорине Владимиров напечатал небольшой биографический очерк о Скорине для словаря Брокгауза и Ефрона. Биографическая заметка Владимирова повторяет основные выводы, к которым автор пришел в своем исследовании о Скорине, но с некоторыми отклонениями от ранее высказанных мыслей. Так, Владимиров продолжает называть Скорину «русским» и язык его «русским». Это утверждение Владимирова противоречит его выводу о том, что «переводом библейских книг с церковно-славянского и латинского текстов Скорина заложил фундамент литературного языка Юго-Западной Руси. Форма языка его — смешанная, необработанная, но в ней проявляются элементы белорусской речи». В своей заметке Владимиров отказывается от ранее высказанной им мысли, будто Скорина родился в богатой купеческой семье. Владимиров только констатирует факт происхождения его из купеческой семьи в Полоцке. В своем исследовании Владимиров не затрагивал вопроса о том, почему у белорусского первопечатника было двойное имя. В заметке Владимиров утверждает, что Скорина, возможно, получил имя Франциск в Краковском университете. Автор утверждает, что Скорина учился потом в Болонье, и ничего не говорит о материалах Шляпкина, указывающих на получение Скориной степени доктора медицины в Падуе. Странно также читать решительное утверждение автора о том, что в Германии ходили слухи о связях Скорины с Лютером. Почему автор повторяет легенду, которую он сам развенчал? Наконец, вопреки Будиловичу, Владимиров нашел возможным все-таки утверждать, что все издания Скорины предназначались для «православных русских людей». Вообще заметка Владимирова о Скорине довольно запутанная и производит странное впечатление [114].

Уже Владимиров в своем исследовании высказал предположение о том, что Скорина, как и другие воспитанники Краковского университета, получил степень «доктора в лекарстве» где-нибудь за пределами Кракова, в Германии, Италии, либо в Праге. Но у Владимирова не было никаких конкретных данных для доказательства своей мысли. В 1891 г. Виндакевич в своей статье «Materjał do historyi Polaków w Padwie»

---

[113] П. В. Владимиров. Начало славянского книгопечатания в XV и XVI веках. «Чтения в историческом обществе Нестора Летописца», 1894, кн. 8, стр. 15—17.

[114] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXX, стр. 228—229.

упоминает имя Скорины. Профессор Берлинского университета А. А. Брюкнер уведомил об этой статье И. А. Шляпкина; последний во время своего пребывания в Падуе разыскал в университетском архиве три очень ценных документа на латинском языке, которые имели отношение к Скорине. Эти документы подтвердили ранее высказанное предположение Владимирова о получении Скориной степени «в лекарских науках доктора» за границей.

Документы И. А. Шляпкина восполняют серьезный пробел в биографии Скорины. Первый из документов показывает, что в пятницу 5 ноября 1512 г. на очередном заседании медицинской коллегии университета под председательством вице-приора Мусатти последний так объяснил причину созыва коллегии: некий, весьма ученый, но бедный юноша, doctor actium, пришедший сюда из дальних стран, просит дать ему возможность получить степень доктора медицины бесплатно (de gratia speciali ac amore Dei per hoc sacrum collegium in medicinis). Приор назвал имя этого юноши — Франциск, сын умершего Луки, Скорина, родом из Полоцка, русский (quidem iuvenis et doctor praefatus nominatur dominus Franciscus quondam D. Lucae Scorina de Polozko Ruthenus). После этого был введен сам проситель, который просил «humiliter et reverenter» (покорно и учтиво) дать ему возможность держать экзамен на степень доктора медицины. Вопрос был решен голосованием в пользу Скорины. Второй документ дает сведения о предварительных испытаниях. Они состоялись в субботу в ноябре того же года в церкви св. Урбана. Предварительные испытания окончились для Скорины хорошо. Он был допущен к испытаниям по медицине. Третий документ сообщает о деталях экзамена, проведенного 9 ноября в епископском дворце, в присутствии всей медицинской коллегии и епископа викария Пауло Забарелли. Экзамен хорошо прошел для Скорины. Скорина был единогласно провозглашен доктором медицины и возведен в это звание доктором Бартоломеем Боризоном.

Находка Шляпкина не только установила очень важный факт в биографии Скорины, но, как совершенно справедливо заметил Шляпкин, позволяет составить представления о приблизительных годах Скорины и о имени его отца[115]. Эти вопросы впервые были поставлены Владимировым.

Не менее ценным являются опубликованные А. Миловидовым четыре новых документа, относящихся к биографии Скорины. Эти документы найдены в Кенигсбергском архиве: три полных и один отрывок. Первый из них, от 16 мая 1530 г., представляет собой письмо первого прусского герцога Альбрех-

[115] И. А. Шляпкин. К биографии Франциска Скорины. ЖМНП, 1892, № 4, стр. 382—385.

та Старшего к виленскому воеводе Гаштольду, занимавшему должность воеводы с 1522 по 1539 г. Прусский герцог просит воеводу отпустить к нему Скорину. Второй документ, от 16 мая 1530 г., это — паспорт, выданный тем же герцогом Ф. Скорине для беспрепятственного проезда в Кенигсберг, с приказом и с просьбой всячески помогать ученому доктору во время поездки. Третий документ, от 18 мая 1530 г., письмо того же короля к виленскому сенату относительно Ф. Скорины, который, по семейным обстоятельствам, едет обратно в Вильно. Альбрехт просит справедливо отнестись к Скорине и его семье и, если что-либо из его имущества захвачено, вернуть ему. Четвертый документ, от 26 мая 1530 г., является жалобой герцога тому же воеводе Гаштольду на Ф. Скорину за то, что последний вывез с собой какого-то еврея, бывшего при герцоге врачом.

Издатель документов А. Миловидов очень правильно отметил значение их для биографии Скорины. Они дают некоторые новые данные относительно жизни Скорины за границей в 1530 г. Опубликованные Владимировым документы свидетельствуют об отсутствии Скорины в Вильно в 1530 г. До публикации А. Миловидовым найденных им в Кенигсбергском архиве документов ничего не было известно о сношениях Скорины с Пруссией. Отъезд в Пруссию Миловидов связывает с большим виленским пожаром, уничтожившим три четверти Вильно. Очевидно, Скорина находился в весьма затруднительном положении, что и вынудило его поехать к прусскому герцогу. Так постепенно новые документы расширяют наши небольшие знания о жизни и деятельности Скорины [116].

IV

Все, занимавшиеся историей Белоруссии или историей Украины, либо интересовавшиеся белорусскими и украинскими литературными течениями, отводили в своих книгах и статьях видное место Скорине. Из числа этих исследователей на первое место следует поставить акад. Е. Ф. Карского. Уже в 1886 г. в своей работе «Обзор звуков и форм белорусской речи» Карский подошел к Скорине. Изученную им рукопись Виленской публичной библиотеки Карский причислил к переводам Скорины [117]. Однако Владимиров высказал некоторые возражения,

[116] А. Миловидов. Новые документы, относящиеся к биографии Франциска Скорины. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1917», т. XXII, кн. 2, Пг., 1918, стр. 220—226. Между прочим, проф. Пиотухович указывает, что, публикуя документы, Миловидов не совсем правильно передал смысл первого из них, где герцог Альбрехт фактически не просит Гаштольда отпустить к нему Скорину, а только сообщает о переселении его в Кенигсберг (см. «400-лецьце беларускага друку (1525—1925)», стр. 169).

[117] Е. Ф. Карский. Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1886, стр. 161.

считая, что вся рукопись, за исключением «Псалтыри», является переводом с еврейского текста [118]. В своей новой работе Карский вынужден был признать ошибочность своей точки зрения и согласиться с тем, что виленская рукопись «еврейского происхождения». По мысли Карского, рукопись «принадлежала какому-то ученому еврею, происхождением из Западной Руси, что, разумеется, отразилось на структуре и составе языка» [119]. Карский в первом томе своего труда «Белорусы» признал работу Владимирова о Скорине «замечательным трудом», в котором «дается материал двоякого рода: историко-литературный и лингвистический». Карский отмечает богатство последнего: «так что исследователь западнорусских говоров имеет здесь множество данных для суждения об их особенностях» [120]. В 1918 г. Карский напечатал очень ценную работу «Доктор Франциск Скорина», которая была приурочена к дню 400-летия выхода пражского «Псалтыря».

Работа Карского весьма интересна и является обобщением всего материала, имеющегося у нас до сих пор. Карский высоко ставит деятельность Скорины и считает, что все его издания во многих отношениях представляют собой замечательное явление «западнорусской» культуры. В лице Скорины, по мнению Карского, мы имеем просвещеннейшего человека своего времени, который ни умом своим, ни энергией и высокими замыслами ничуть не уступал тогдашним западноевропейским деятелям. В поисках научных знаний он посещает наиболее выдающиеся западноевропейские университеты, постигает вершины тогдашних наук и использует их на пользу своему народу. Так оценивает личность Скорины Карский. Хотя Скорина перевел свою Библию с чешского издания 1506 г., однако он проявил в своем переводе много самостоятельности. Последняя выражалась прежде всего в том, что Скорина некоторые книги или часть их перевел на народный язык. Самостоятельность Скорины проявлялась и в написанных им предисловиях как к отдельным книгам, так и к целым группам их. Наконец, самостоятельность Скорины проявлялась в употреблении им для оживления своих изданий стихотворений силлабического характера. Этот род творчества с течением времени развился в «Западной и Южной Руси», не без влияния, конечно, польских и чешских изданий, где такие стихотворения помещались. К статье Карского приложены отрывки из переводов Скорины и дана подробная характеристика влияния Скорины на развитие белорусской и украинской письменности. Несмотря на сжа-

---

118 П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина..., стр. 239.

119 Е. Ф. Карский. К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893.

120 Е. Ф. Карский. Белорусы, т. I, стр. 416.

тость очерка, он отличается глубиной и богатством содержания. Следует отметить, что Карский никогда не выдвигает таких гипотез, какие создавались и, очевидно, будут создаваться многими учеными для объяснения и понимания деятельности Скорины. Карский всегда стоит на почве научно установленных фактов. Значение Скорины Карский характеризует так: «Таким образом, переводческая и издательская деятельность знаменитого белоруса XVI в. замечательна не только сама по себе, но и по тому влиянию, какое она оказала на дальнейшее развитие письменности указанного рода. Его печатные переводы опередили значительно уступающие им по внешности московские издания более чем на 30 лет»[121]. Наконец, Карский выпустил большую книгу о старой белорусской письменности, в которой Скорина занимает должное место. Однако все написанное Карским о Скорине в новой книге является почти дословным воспроизведением предыдущей статьи с очень незначительными дополнениями иллюстративного характера[122].

М. Горецкий, автор «Истории белорусской литературы»[123], много внимания уделил Скорине в своей книге. Франциск Скорина — яркий представитель белорусской литературы «золотого века». Автор всесторонне рассматривает жизнь и деятельность Скорины, видя в нем «гуманиста, патриота и человека набожного, лучшего интеллигента своего времени»[124]. В работе имеются и бездоказательные мысли. Ошибочно, например, утверждение, что Скорина является сыном «зажиточных купцов, которые вели торговлю с Ригой и Вильно». Неверно и другое утверждение автора, будто Скорина во время поездки по Германии познакомился с Лютером, который «был к нему неблагосклонен, ибо думал, что Скорина — нечистая сила»[125]. Эту басню следовало бы выбросить из курса, претендующего на научность. Из послесловия к «Псалтырю» 1517 г. видно, что Скорине при печатании материальную помощь оказал Богдан Оньков, сын радцы г. Вильно. У Горецкого встречается мысль, доказать которую невозможно: «в этой работе ему помогали богатые белорусы, сторонники просвещения, а в первую очередь помогло, вложив свои средства, Виленское панское братство. Помогли ему и белорусские мещане, например сын виленского радцы Богдан Оньков, виленский бурмистр Якуб Бабич и др. Они давали ему деньги, добывали

---

[121] Е. Ф. Карский. Доктор Франциск Скорина. «Чырвоны Шлях», 1918, № 3—4. стр. 13—16.

[122] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III, ч. 2, стр. 27—35.

[123] М. Гарэцкі. Гісторыя беларускае літаратуры. Вільня, 1920, стр. 21.

[124] Там же, стр. 24.

[125] Там же, стр. 21.

и присылали нужные материалы»[126]. Может быть, это так и было, мы не знаем, но никаких данных, кроме послесловия к «Псалтырю», мы не имеем, и лучше бы в данном случае быть, подобно Владимирову, очень осторожным и избегать бездоказательных фраз. Выясняя значение Скорины, Горецкий правильно утверждает, что «Скорина стоит у нас на большом историко-литературном и культурном рубеже, как белорусский первопечатник. Типография его в Вильне, первая в Белоруссии, выполнила великую культурную миссию для всего славянского Востока...»[127].

Н. А. Янчук, давая в общем правильную и интересную характеристику Скорине, тоже допускает ошибки[128]. У Янчука Скорина — шляхтич по происхождению, так как он имел свой герб, хотя его родные принадлежали к купеческому и мещанскому сословию. Это, конечно, неверно. Неправильно и то, что Скорина владел довольно значительным имуществом, о чем мы ничего не знаем. Н. А. Янчук не упоминает о получении Скориной степени доктора в Падуе. Бесспорно, большой заслугой Янчука является попытка познакомить читателя с мировоззрением Скорины на основе его предисловий. Покойный ученый сделал это впервые. Совершенно прав Янчук и в своей характеристике деятельности белорусского первопечатника. «Доктор Скорина,— пишет Янчук,— своими изданиями вливал свежую струю в церковную жизнь; он способствовал развитию сознательного отношения к церковным книгам и к религии; а что для нас важнее всего, так это то, что Скорина первый дал в руки народа понятную литературу и пробуждал в этом народе любовь к просвещению и родному слову».

Эпоха XVI в. в Белоруссии, в оценке В. И. Пичеты, может быть названа «белорусским Возрождением». Западнорусское, т. е. белорусское Возрождение, пишет Пичета, носившее явно индивидуалистический характер, знакомило шляхетскую демократию с римским правом и делало ее особенно упорной в защите своих индивидуалистических прав. Собирание библиотек было также отражением белорусского культурного возрождения. Знакомство с филологией особенно проявилось в переводе Библии на белорусский язык. В конце XVI в. за это дело взялся странствующий печатник Василий Тяпинский, а в первой половине XVI в. эту задачу блестяще выполнил полочанин Ф. Скорина, стремившийся «к научению простых людей русского языка». Новая культура затронула земельную аристократию и шляхетскую демократию, частично и город-

---

[126] М. Гарэцкі. Гісторыя беларускае літаратуры, стр. 21.

[127] Там же, стр. 25.

[128] Н. А. Янчук. Нарысы па гісторыі беларускае літаратуры. Менск, 1922, стр. 8—15.

ское общество[129]. В другом месте, давая общую характеристику белорусского возрождения, Пичета отмечает, что торговые связи с Западной Европой способствовали проникновению в города и в землевладельческие круги европейской культуры и создавали гуманистическое движение, национальное в своей основе и индивидуалистическое по характеру. Скорина принадлежит к городским гуманистам. Называя Скорину гуманистом, Пичета, однако, не пытается выяснить сущность его гуманистического мировоззрения. Говоря о значении скорининского перевода Библии, автор замечает, что «переводя священное писание на родной язык, Скорина старался сделать его доступным, понятным для широких народных масс. Для Скорины священное писание имеет огромное морально-образовательное значение как источник житейской мудрости и божьей истины»[130]. Пичета еще раз обращается к Скорине в связи с празднованием четырехсотлетия белорусского книгопечатания. Пичета много останавливается на происхождении и общем характере белорусского Возрождения. Автор причисляет Скорину к среднезажиточному мещанству. Он широко использовал материалы Шляпкина и Миловидова. Автор пишет, что в 1535 г. Скорина жил в Вильне, но год его смерти остается неизвестным. Дав общую картину деятельности Скорины в Праге и Вильно, Пичета останавливается на характеристике мировоззрения белорусского первопечатника как гуманиста. Автор считает, что «индивидуализм Скорины, довольно резко выраженный, хотя и не порвавший связи с религиозными традициями, присоединяется к индивидуализму ранних итальянских гуманистов, как Данте, которые оставались на почве ортодоксального католицизма. Ф. Скорина был сыном своего века, хотя его интерес к природе целиком зиждется на основах церковного мировоззрения»[131].

Вслед за Владимировым все исследователи считали, что Скорина родился в последней четверти XV в., около 1490 г. Однако эту дату Владимиров принял условно, так как у него не было никаких для этого данных, кроме того, что Скорина поступил в Краковский университет в 1504 г. Значит, в момент поступления Скорины в Краковский университет ему было не меньше 14 лет. Надо думать, 14-летний возраст был немного мал для поступления в университет, и нужно считать, что год рождения Скорины был более ранний. Точной даты мы до сих пор еще не можем установить. Н. Н. Щекотихин выдвинул

---

[129] В. И. Пичэта. История белорусского народа. Курс белорусоведения. М., 1918—1920, стр. 37—38.

[130] Ў. Пічэта. Гісторыя Беларусі, ч. 1. М., 1924, стр. 125—126.

[131] Ў. Пічэта. Францішак Скарына і яго працы. «Савецкая Беларусь», 1925, № 292—293.

интересную гипотезу о 1486 г., как дате рождения Скорины. Свой вывод Щекотихин основывает на изучении герба Скорины, который нужно было объяснить согласно с астрологическими знаниями того времени. Щекотихин считает, что Скорина должен был родиться в тот год, когда было затмение солнца, видимое в Полоцке. Это затмение видно было там 6 марта 1486 г. Значит, этот день и следует считать днем рождения Скорины[132]. Гипотеза Щекотихина очень интересна и заслуживает внимания. Если она даже и весьма спорная, то все же безусловно правильно предположение, что Скорина родился несколько раньше, чем это считает Владимиров. Если 1486 г. принять за год рождения Скорины, то ему в момент поступления в Краковский университет было 18 лет. Владимиров изучил издания Скорины с точки зрения типографского искусства, опустив вопрос о гравюрах и орнаментах. В существующей по этому вопросу литературе о Скорине сказано только несколько слов, и вполне понятно, что очередной задачей историков искусства было изучение гравюр и орнаментов в изданиях Скорины. Эту попытку сделал Щекотихин, и, надо сказать, сделал весьма удачно[133]. Гравюры и орнамент Щекотихин изучил очень подробно. Автор очень высоко оценивает их художественное исполнение. Разумеется, в статье Щекотихина намечены только основные вехи. Сам по себе вопрос очень сложный и требует самостоятельного изучения, что Щекотихин и сделал в другой работе[134].

Празднование 400-летия белорусского книгопечатания в Минске вызвало появление статьи А. Харевича, имеющей юбилейный характер: «Скорина и его эпоха». Автор дает характеристику положения Литовско-Белорусского государства в конце XV и в начале XVI в. Он обращает внимание на развитие крупного землевладения и связанных с ним шляхетских вольностей, на положение городов, на моральный упадок церкви. Харевич констатирует, что в эту эпоху в стране далеко не все было в хорошем состоянии. Грубость, самоуправство, убийства, грабежи, гнет крестьянских масс были характерными признаками эпохи. Народное просвещение находилось на самом низком уровне. На этой основе и начинает развиваться деятельность Скорины. Автор совершенно прав, когда, рассматривая идеологию Скорины, видит в ней реакцию против

---

[132] М. Шчакацiхiн. Калi радзiуся Францiшак Скарына. «Полымя», 1925. № 5, стр. 148—152.

[133] М. Шчакацiхiн. Дрэварыты i арнамент ў выданьнях Скарыны. «Наш Край», 1926, № 1.

[134] М. Шчакацiхiн. Гравюры кнiжныя аздобы ў выданьнях Францiшка Скарыны. «400-лецьце беларускага друку (1525—1925)», стр. 180—228.

средневекового миропонимания. Скорина для Харевича является представителем гуманистического мира. В работе Харевича имеются некоторые биографические данные о Скорине. Автор осторожно относится к выводу Щекотихина о годе рождения Скорины. Давая краткий очерк жизни и деятельности Скорины, А. Харевич везде основывается на фактах и никогда не прибегает к предположениям, которые невозможно оправдать ссылками на источники. Для биографии Скорины А. Харевич почему-то не использовал материалы Миловидова. Автор совершенно правильно дал оценку деятельности Скорины. В лице Скорины он видит представителя эпохи, тесно связанной с реформационным движением, хотя в Библии Скорины и не чувствуется духа реформации. Однако консерваторы, подобно князю Курбскому, отрицательно относились к переводу Библии Скорины, считая скорининскую Библию книгой неправославного характера. Вся скорининская идеология, по мнению Харевича, противоречит духу эпохи. И некоторыми своими мыслями, утверждает Харевич, Скорина опередил свою эпоху на целое столетие. Основной идеей, красной нитью проходящей через все издания Скорины, является идея о связи письменности с народом, идея, столь актуальная в наше время. Статью А. Харевича можно причислить к одной из лучших, появившихся в связи с юбилеем [135]. К числу юбилейных относится и статья проф. М. М. Пиотуховича «Франциск Скорина и его литературная деятельность». Статья написана на основе знакомства со всей литературой о Скорине и тщательного изучения всех его изданий. Очень интересны данные автора, касающиеся Падуанского университета. Дело в том, что в год получения Скориной степени доктора медицинских наук в Падуанском университете сам университет был закрыт. Следовательно, Скорина должен был где-то получить медицинское образование, но где именно — остается неизвестным. Характеризуя Скорину как представителя гуманистического движения и находя в мировоззрении Скорины много средневекового, Пиотухович, однако, указывает и на ряд новых идей, находившихся в резком противоречии со старым средневековым миропониманием. Своими идеями и деятельностью Скорина принадлежит к эпохе Возрождения. Индивидуализм, национализм и натурализм, стремление познать природу,— вот три основные черты гуманизма. Эти черты свойственны и Скорине. Недаром он покинул схоластический Краковский университет и направился в Италию, страну новой натурфилософской мысли, новых литературных течений. Совершенно прав-

[135] А. Харэвіч. Ф. Скарына і яго эпоха. «Полымя», 1925, № 7, стр. 138—153.

Пиотухович в своем выводе, что на личности Скорины лежат «густые тени средневековья, но одновременно мрак этих теней прорезают светлые блики жизнерадостного Ренессанса»[136].

Наконец, празднование в Белоруссии 400-летия со дня выхода скорининского «Апостола» вызвало появление небольшой биографической статьи о Скорине, автором которой является Н. Бываевский. Эта небольшая биография написана на основе всех известных нам материалов о Скорине. Однако в статье имеются утверждения, с которыми трудно согласиться. Откуда, например, автору известно, что во время пребывания в Вильно отца Скорины был решен вопрос о дальнейшем образовании молодого Франциска. Следует отнести к необоснованным гипотезам и утверждение автора о том, что Скорина был гостем М. Лютера и Меланхтона, когда они начали борьбу с католической церковью. Кажется также, что и гипотеза Щекотихина относительно времени рождения Скорины, при всей своей изобретательности, остается только гипотезой[137].

400-летие белорусской печати вызвало ряд откликов в зарубежных белорусских землях[138]. И польские, и белорусские исследователи посвятили этому важнейшему факту в истории белорусской культуры отдельные работы и статьи. Так, Абрамович напечатал специальное исследование о 400-летии типографского дела в Вильно. Значительное место в этой работе отведено Ф. Скорине как виленскому первопечатнику. Автор излагает биографические данные на основе книги Владимирова и материалов Шляпкина. Новые данные Миловидова остались неизвестными автору. Вообще во всех своих рассуждениях относительно изданий Скорины Абрамович идет за Владимировым и его выводами. Раздел о Скорине в работе Абрамовича небольшой, тем не менее он весьма четко суммирует все, что было сделано в науке относительно изучения Скорины[139].

На юбилей Скорины откликнулся в Вильно и А. Станкевич. Небольшая по размеру работа А. Станкевича является очень удачной попыткой научно-популярной характеристики деятельности белорусского первопечатника. Последняя рассматривается в соответствующей культурно-исторической обстановке. В центре внимания А. Станкевича — жизнь Скорины и его деятельность в Праге и Вильно. Работа Станкевича не ори-

---

[136] М. М. Піотуховіч. Ф. Скарына і яго літаратурная дзейнасьць». «Асьвета», 1925, № 7.

[137] М. Шчакаціхін. Дрэварыты і арнамэнт ў выданьнях Скарыны. «Наш край», 1926, № 1, стр. 5—7.

[138] Имеется в виду Западная Белоруссия, находившаяся тогда в составе буржуазно-помещичьей Польши (*ред.*).

[139] L. Abramowicz. Cztery wieki drukarstwa w Wilnie (1525—1925). Wilno, 1925, str. 150, 14—18.

гинальна, так как в ее основе лежит работа Владимирова, а также статьи в берлинском журнале «Літопісь» за 1924 г., а некоторые факты взяты и из работы Свентицкого «Начало книгопечатания на землях Украины» («Початкі кнігопечатаня на землях Україні»). А. Станкевич, как и Владимиров, очень осторожен в своих выводах и никогда не затрагивает фактов, которые невозможно подкрепить соответствующими доводами, например вопрос о вероисповедании Скорины. А. Станкевич, описывая пражские и виленские издания, попытался также выяснить суть скорининского миропонимания. Попытку автора нельзя назвать удачной, хотя нужно согласиться с его мнением о том, что гуманистическое движение в Италии и Западной Европе оказало влияние на Скорину. В конце концов эта правильная гипотеза ничем не доказана. Но на каком основании автор утверждает, что «бессмертный Данте, славный Петрарка, Боккачо и другие великие поэты, патриоты солнечной Италии, предвестники гуманизма были хорошо знакомы Скорине и служили ярким примером для его культурно-просветительской деятельности»[140], пам и после работы Станкевича осталось неизвестно. Наконец, и сама характеристика Данте, Петрарки и Боккачо, как предшественников гуманизма, является спорной, если не в отношении Данте, так относительно двух последних гуманистов. Заслуживает внимания заключительный раздел работы А. Станкевича, посвященный оценке значения деятельности Скорины.

Автор правильно утверждает, что «Скорина своими книгами приобщал Белорусь к общеевропейской культуре»[141].

Среди работ украинских исследователей, касавшихся жизни и деятельности Скорины, обращают на себя внимание прежде всего работы акад. М. С. Грушевского. Понятно, автора интересует не сам по себе Скорина, а только связь деятельности белорусского первопечатника с культурным развитием Украины. М. С. Грушевский, конечно, прав, когда рассматривает деятельность Скорины как результат самостоятельного белорусского культурного развития, а не как результат влияния западнопротестантских течений. М. С. Грушевский указывает, что в Белоруссии и на Украине уже в XV и начале XVI в., задолго до возникновения реформационного движения, начали появляться переводы разных церковных книг на народный язык, вслед за которыми появился перевод священного писания, сделанный полоцким мещанином Ф. Скориной, воспитанником вначале Краковского, а потом Падуанского университетов. Скорина начал свою работу над переводами независимо

---

[140] А. Станкевіч. Доктар Францішак Скарына — першы друкар беларускі. 1525—1925. Вільня, 1925, стр. 47.

[141] Там же, стр. 55

от каких бы то ни было реформационных идей. М. С. Грушевский, оценивая пражскую и виленскую деятельность Скорины, считает, что план издания полной Библии, если судить по тому, что до нас дошло, не был выполнен, хотя в одном из своих предисловий Скорина говорил обо всей Библии, которую он хотел дать читателю. Грушевский отмечает полное отсутствие связи дела Скорины с какой-либо религиозной доктриной. Ни в пражских, ни в виленских изданиях нет на этот счет никаких указаний. По мнению Грушевского, Скорина, очевидно, был православным и держался своей веры, а деятельность свою он объяснял только мотивами национального и культурного характера. Этим объясняется, почему Скорина «для посполитого понимания» перевел Библию на язык, близкий к народному. Тот факт, что Скорине в его деятельности помогали Богдан Оньков, а в Вильно Якуб Бабич, может служить отражением той культурной обстановки, в которой развивались новые идеи и культурные интересы и которая характеризует мещанство крупных белорусских городов. По мнению Грушевского, мы не знаем, как распространялись книги Скорины, но данные позднейшего времени и влияние, оказанное Скориной на разных переписчиков и подражателей, свидетельствуют об определенном влиянии Скорины на широкие круги как белорусского, так и украинского общества [142].

Празднование 350-летия книгопечатания на Украине вызвало появление интересного издания, специально посвященного полному обзору украинского книгопечатания, начиная с XV в. В этом издании помещена небольшая статья Павла Попова о начале белорусского книгопечатания. В статье дается краткий очерк типографской деятельности Скорины и характеристика скорининских книг с точки зрения техники книгопечатания. Во всех этих вопросах автор основывается на материалах, которые были использованы Владимировым, а также тех, которые были опубликованы после него. Автор отмечает, что хотя деятельность Скорины территориально относится больше к Белоруссии, тем не менее она имела огромное значение и для связанной с ней Украины. По мнению автора, книги Скорины были широко распространены на Украине, приобщали население к печатным изданиям и подготавливали в близком будущем развитие собственного украинского книгопечатания. Книги Скорины, утверждает Попов, были хорошо известны на Украине целым поколениям. Скорининские издания были известны украинскому писателю конца XVI и начала XVII в. Ивану Вишенскому. Они часто переписывались на Украине.

---

[142] М. С. Грушевський. Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII віці. Київ — Львів, 1912, стр. 50—154.

Сама терминология печатных книг, называвшихся раньше на Украине «битыми», относится к эпохе Скорины и его изданиям. Автор отмечает, наряду с Владимировым, что скорининские издания в типографском отношении оказали влияние и на Запад, на издания Примуса Трубера в Тюбингене в Германии[143].

Украинские торжества, разумеется, вызывали отклики и в зарубежной Украине, Галиции, в ее центре — Львове, где зародилось украинское книгопечатание. Так, Украинскому научному обществу имени Шевченко удалось издать ценную книгу проф. И. Огиенко, специально посвященную украинскому печатному делу. В этой очень ценной по материалу и библиографии книге значительное место отведено Скорине. Сообщая известные биографические сведения, Огиенко отмечает, что между Краковом и Падуей прошло шесть лет, на протяжении которых Скорина изучал медицину и богословие, но в каких университетах — это остается неизвестным. Тот факт, что Скорина, появившись в Падуе, имел ученую степень доктора eximiarum artium, подтверждает высказанное автором суждение. Огиенко очень осторожен в этом вопросе и не пускается по этому поводу ни в какие рассуждения, не обоснованные фактами. Культурную деятельность Скорины Огиенко объясняет желанием дать народу книги священного писания, которых тогда вообще не было и которые имели значение и для церкви, и для домашнего обучения. Этим объясняется желание Скорины перевести всю Библию на тогдашний «русский» язык, общий для украинцев и белоруссов. Огиенко отмечает также сочувствие к деятельности Скорины со стороны мещан. Огиенко подчеркивает, что скорининские издания стояли не ниже венецианских и нюрнбергских — лучших изданий того времени. По различным причинам Скорина не создал постоянного книгопечатания, но основы для него были заложены. Дальнейшее развитие печатного дела в Москве, во Львове и в Остроге происходило под непосредственным влиянием Скорины[144].

Тот же исследователь посвятил специальный очерк Скорине, помещенный в берлинском журнале «Літопісь». Для Огиенко Юрий Скорина — первый «русский» гуманист и печатник. Его культурная работа составила целую эпоху. Современники не могли ее ни понять, ни оценить. Из-за этого наиболее просвещенный человек XVI в., славнейший «русский» деятель, на целых два столетия умер, непризнанный и в большой бедности. Сообщая биографические и иные сведения о жизни и

---

[143] Бібліологичні вісти. 350 років українського друку (1574—1924). Київ, 1924, стр. 22—24.

[144] І. І. Огієнко. Історія українського друкарства, т. І. Львів, 1925, стр. 15—18.

деятельности Скорины, Огиенко всегда исходит из фактического материала, почерпнутого им у Владимирова, у Шляпкина и у Соболевского. Огиенко очень осторожно говорит о происхождении Скорины. Он ограничивается только указанием на происхождение Скорины из мещанско-купеческой семьи, но не пытается отнести ее к зажиточным или среднезажиточным. Огиенко интересует также вопрос, почему Скорина покинул Прагу и приехал в Вильно. На это Огиенко не дает точного и ясного ответа и объясняет возможностью каких-либо нападок со стороны католиков. Огиенко не интересуется пустым вопросом — когда умер Скорина, так как у исследователей нет на этот счет никаких данных. Огиенко считает, что Скорина перевел свои библейские книги на тот «русский» язык, который был тогда литературным в «Литовско-Украинском государстве». Этот язык был в основе своей церковно-славянским, но со значительной примесью живого народного «русского» языка. Скорина был патриотом, любил свой народ, свой родной язык. Он был первым гуманистом на Востоке, он первый перевел книги священного писания на народный язык. Его библейские переводы имели большое распространение на Украине и вызывали подражания. Источником перевода Библии является чешская Библия 1506 г. и церковно-славянская. Правда, последний вопрос нельзя решать так категорически, как это делает Огиенко, поскольку существуют возражения Соболевского и суждения Владимирова [145].

Тот же юбилей вызвал появление и статьи Яремченко, помещенной в «Литературно-научном вестнике» («Літературно-науковий Вістник», 1923, кн. XI). К сожалению, эта статья очень далека от объективности и научности, свойственных статьям Огиенко. Яремченко любыми средствами хочет превратить Скорину в украинца, давая термину «русский» такое толкование, какое дается ему в Галиции в настоящее время. Яремченко высказывает предположение, что Скорина был украинцем, но только родился в Полоцке, а если и был белорусом, то словом «русский» он старался показать свою склонность к украинской культуре. Ясно, что эти рассуждения не имеют никакого значения. Они свидетельствуют только о настроениях автора и о некотором непонимании вопроса, являющегося предметом его исследования. Далее, Яремченко неизвестно получение Скориной степени доктора медицины в Падуанском университете. В связи с этим он выдвигает гипотезу, что Скорина закончил свой докторат в Пражском университете, а потом завершил образование в Болонье и Падуе. Наконец,

---

[145] І. І. Огієнко. Друкарська Трійця. «Літопісь», 1924, Берлін, № 12, 13, стр. 180—182, 197—198.

возможно также, что Скорина непосредственно из Кракова поехал в Италию учиться. К фантастическим измышлениям следует отнести и повествование о том, как у Лютера гостил Франтишек — поляк. Эту легенду уже давно следует отбросить. Яремченко объясняет издательскую деятельность Скорины подражанием чехам. Изданием своей Библии на народном языке Скорина, как думает Яремченко, хотел дать своему народу тогдашнюю энциклопедию знаний, какой была Библия и в которой можно было научиться «семи вольным наукам». Следует также отбросить и объяснение политическими мотивами причины отъезда Скорины из г. Праги, как это делал Добровский, а за ним повторяет Яремченко. По этому вопросу нет вообще никаких данных, и лучше было бы об этом молчать. Вообще автор использовал целиком книгу Владимирова, но не взял из нее того осторожного критического духа, которым она проникнута. Яремченко отказывается также от определения года смерти Скорины, указывая, что последние сведения о первопечатнике относятся к 1535 г. Статья заканчивается характеристикой того влияния, которое Скорина имел в дальнейшем [146].

Определенное место отведено Скорине и проф. И. Л. Свентицким в его замечательном произведении «Початкі книгопечатания на землях УкраЇни». Деятельность Скорины рассматривается на фоне краковских, сербских и венецианских славянских изданий. Автор отмечает, что Скорина опередил своих современником, так как дал Белоруссии почти всю Библию на понятном народу языке. В этом отношении Скорина пошел за немецкими Библиями XV в. и чешской Библией 1506 г. Свентицкий высоко ценит издания Скорины с технически-художественной стороны и ставит их в ряд лучших образцов первоначального книгопечатания [147].

Русская историческая и историко-литературная наука сравнительно поздно начала обращать внимание на изучение жизни и деятельности Скорины. Если у Карамзина имеются некоторые упоминания о Скорине, то Соловьев совсем молчит о нем. Разумеется, если Соловьев интересовался только историей русского государства, то Великое княжество Литовское интересовало его постольку, поскольку оно находилось в тех или иных отношениях с Москвой. Соловьев готов интересоваться церковными отношениями, но не культурными. Только Бестужев-Рюмин в своей «Русской истории» отвел большое место истории «Западной Руси» и ее интеллектуальному и мо-

---

[146] О. Д. Яремченко. Франціск-Георгий Скорина, Його життя та литературна и видавнича діяльність. «Літературно-науковий вістник», 1923, кн. XI, стр. 253—259.

[147] І. Свенцицкий. Початкі книгопечатания на землях України. Львів, 1924, стр. 15, 16.

ральному состоянию. Для Бестужева Белоруссия есть только «Западная Россия», но эта Россия настолько оригинальна в сравнении с Москвой, что ее необходимо изучать совершенно самостоятельно. Бестужев так и сделал. Он первый дал основательный историко-культурный очерк Великого княжества Литовского и сказал несколько слов о Ф. Скорине в разделе, посвященном характеристике морального и материального положения Великого княжества Литовского в XVI в. К. Н. Бестужев отметил, что хотя «русский» язык преобладал во всех юридических памятниках, однако особого процветания «русской литературы» не было. Только с начала XVI в. начинается оживление в интеллектуальном развитии «Западной России». Бестужев-Рюмин связывает начало этого интеллектуального движения с началом печатания Фиолем славянских книг в Кракове, которое быстро прекратилось, и возобновлением его Ф. Скориной. О белорусском первопечатнике Бестужев-Рюмин сказал только несколько слов, а именно: «С 1517 г. принимается за дело печатания книг доктор медицины Франциск Скорина, родом из Полоцка. Печатание он начал в Праге Чешской, где издал «Псалтырь», а потом с 1517—1519 гг.— 22 книги священного писания в старославянском переводе, прове换енном по древнееврейским и греческим книгам, и особенно по Вульгате. Потом, переехав в Вильно, Скорина издал «Апостол» и «Следованный Псалтырь» (1525) и на этом закончил свою деятельность». Бестужев-Рюмин разделяет также предположение о том, что Петр Мстиславец, один из московских первопечатников, был в числе мастеров типографии Скорины и ушел из Вильно в Москву. Если даже это предположение и неверно, то все же, по мнению автора, дело не могло обойтись без влияния на Москву. Бестужев-Рюмин считал, что печатные книги расходились в обществе того времени, так как грамотность в последнем, как среди католиков, так и православных, была широко распространена. Бестужев-Рюмин, верный своему методу исходить только из проверенных фактов, в примечании указывает на разногласия, существовавшие в литературе относительно принадлежности Скорины к тому или иному вероисповеданию. Однако сам Бестужев оставляет этот вопрос открытым[148].

Вслед за Бестужевым и Д. И. Иловайский сказал несколько слов о Скорине. Иловайскому знакома работа Владимирова, и статья Головацкого, и анонимная заметка об отношении скорининского перевода библии к Вульгате и старославянскому тексту. Автор касается деятельности Скорины в том разделе, где он говорит о московских печатниках. Иловайский начинает

[148] К. Н. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. II, вып. 1. СПб., 1885, стр. 136—137.

с весьма неполной истории печатания церковно-славянских книг в Кракове, Венеции, Черногории. Вставка о Скорине совсем случайна. Иловайский не дает никакой характеристики деятельности Скорины. Он ограничивается только указанием, что Скорина был «русский человек, родом из Полоцка, получивший университетское образование за границей, доктор медицины». Источником перевода была Вульгата, или вернее — ее чешский перевод, а поэтому в переводе Скорины значительная примесь чехизмов. Скорина переводил Библию с помощью церковно-славянского текста на книжный «западнорусский» язык. Иловайский не упоминает о напечатании Скориной в Праге «Псалтыря», но зато говорит, что в Вильно в 1525 г. он напечатал «Апостол» и «Псалтырь». Вот и все, что говорит Иловайский о Скорине. Разумеется, Иловайский нигде не говорит о влиянии, оказанном Скориной на национально-культурное развитие Белоруссии [149].

Несколько слов посвятил Скорине и Н. А. Рожков в своем «Обзоре русской истории с социологической точки зрения». Рожков знает, что Скорина был «русский, родился в Полоцке, принадлежал к богатой купеческой семье, учился в Пражском университете и там же начал свою полезную издательскую деятельность, которая особенно развернулась в 1525 г., когда Скорина поселился в Вильно». Здесь ученый, пытливый и проникнутый просветительскими стремлениями доктор Пражского университета развернул оживленную типографскую, издательскую и переводческую работу. По мнению Рожкова, Скорина имел в виду дать полный перевод Библии на русский язык с надлежащими разъяснениями и достиг своей цели. Как думает Рожков, задачи, которые ставил перед собой Скорина, выходили за чисто религиозные рамки; он имел в виду не только известное религиозно-моральное воспитание, спасение души и исправление нравов, но стремился к популяризации и научных знаний, «к научению простых людей руского языка», как он сам говорил. Можно до некоторой степени согласиться с такой характеристикой, но странно, что Рожков не знал о получении Скориной степени доктора медицины в Падуанском университете и пользуется мнением, что Скорина учился и получил степень доктора в Пражском университете [150].

Одновременно с книгой Рожкова появился и биографический очерк о Скорине, написанный А. Копыловым [151]. Несмотря на то, что автор привел почти полную библиографию вопроса,

---

[149] Д. И. Иловайский. История России, т. III. М., 1890, стр. 694.

[150] Н. А. Рожков. Обзор русской истории с социологической точки зрения, ч. II. М., 1905, стр. 137.

[151] Русский биографический словарь, СПб., 1904.

в основу своей статьи он положил книгу Владимирова и его заметку в словаре Брокгауза и Ефрона, и повторил все ошибки Владимирова. Как и Владимиров, он придерживается версии о том, что Скорина продолжал свое образование в Болонье после Кракова. И это несмотря на то, что А. Копылов в своей библиографии упоминает и материалы Шляпкина. Смерть Скорины Копылов ставит в связь с теми неудачами, которые постигли Скорину в 30-х годах XVI в. в связи с пожаром в Вильно и затем эпидемией. Это утверждение следует считать произвольным, так как оно ничем не подтверждается. Поскольку статья носит исключительно биографический характер, в ней приведены все факты, характеризующие деятельность Скорины.

Уже Мурко в рецензии на работу Владимирова обратил внимание на то, что Галахов в своей «Истории литературы» молчит о Скорине, а Порфирьев в такой же работе только упоминает о нем. Лишь Архангельский в работе «Очерки из истории западнорусской литературы XVI—XVII вв.» счел нужным сказать несколько слов о Скорине. К сожалению, Архангельский ограничился только указанием сословной принадлежности и места рождения Скорины и перечислением его пражских и виленских изданий. Архангельский считал, что источниками перевода Библии Скорины были: Вульгата, чешские и греческие тексты. Автор объединил две главные мысли по этому поводу, но не привел в их подтверждение никаких доводов [152].

В. А. Келтуяла в своем курсе «Истории русской литературы» дал много сведений о Скорине. В основу положено исследование Владимирова. Материалы Шляпкина о Скорине были неизвестны автору, и поэтому в приведенных Келтуялой биографических сведениях имеются значительные неточности.

Подобно Владимирову, Келтуяла считал, что перевод библейских книг Скорина сделал с чешской Библии 1906 г., но при этом он пользовался и текстами церковно-славянских переводов отдельных библейских книг. Для характеристики деятельности Скорины Келтуяла приводит отрывки из его предисловий как к Библии, так и к отдельным книгам Ветхого завета. Деятельность Скорины рассматривается как провозвестник расцвета литературы в «Юго-Западной Руси» конца XVI и первой половины XVII в. Автор, вслед за Владимировым, употребляет совершенно неправильный термин «Юго-Западная Русь». В противоположность Владимирову, но подобно Будиловичу, Келтуяла относил год смерти Скорины к 40-годам XVI в. Нельзя, конечно, сказать, что литературная и издательская деятельность Скорины полностью освещена в ра-

---

[152] «Чтения в Обществе истории и древностей российских», т. I, 1888, стр. 15—17.

боте Келтуялы. Но хорошо и то, что автор добросовестно передал все известное ему о Скорине[153].

Проф. Петухов поступил иначе в своем курсе «Русской литературы», в котором имеется особый раздел «Просвещение и литература в Юго-Западной Руси XVI—XVII вв.» Петухов ограничился только упоминанием имени Скорины, да и то не совсем в правильном освещении. Проф. Петухов отмечает, что развитие литературы начинается печатной деятельностью главным образом Швайпольта Фиоля и Франциска Скорины, но они печатали свои издания преимущественно в Кракове и Праге. Только этими неопределенными замечаниями проф. Петухов и ограничился [154].

Проф. М. Н. Сперанский, автор другого курса «Истории древней литературы», отмечая развитие книгопечатания в «Юго-Западной Руси» XVI в., ставит зарождение славянского книгопечатания в связь с протестантством. Этим объясняется стремление Фиоля приспособить в своих славянских изданиях церковно-славянский текст к живому языку. Сперанский ставит в связь с протестантским движением и деятельность другого представителя печатного дела — Ф. Скорины.

Сведения о Скорине, приведенные Сперанским, неполные и неточные. Вот то немногое, что считал возможным сказать о Скорине проф. Сперанский. Скорина был родом из Полоцка и получил западноевропейское образование. Деятельность свою он начал в Праге, где он сначала жил и где пришел к мысли издать книги священного писания для своих единоплеменников. Важно то, что проф. Сперанский нашел возможным решительно заявить, что Библия Скорины появилась в свет на белорусском языке, довольно близком к разговорной речи. Проф. Сперанский упоминает о перенесении Скориной своей деятельности в Вильно, где он основывает свою типографию. Сперанский отмечает, что дело Скорины не получило надлежащего развития в Вильно. Он объясняет это тем, что Скорина не заслужил доверия как человек, проникнутый мировоззрением чешских братьев, как протестант. Сперанский утверждает, что Библия Скорины переведена с чешского и немецкого языков, и вообще была скорее протестантского, чем православного направления, не имела в себе следов старой традиции. Так Сперанский снова выдвинул мысль о протестантстве Скорины и о развитии его деятельности в связи с ним. Эта мысль, как известно, не встретила большого сочувствия в литературе, тем

[153] В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 2. СПб., 1911, стр. 761—764.

[154] Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период. Изд. 2. Юрьев, 1912, стр. 233.

более, что Сперанский не подтвердил свое положение никакими доводами[155].

Подытоживая всю литературу о Скорине на протяжении 150 лет, со дня выхода первой работы Бакмейстера о Скорине, можно сказать, что единственной оригинальной работой является исследование Владимирова. Большинство авторов, писавших после Владимирова, широко пользовалось его фактическим материалом, шло за его выводами. Безусловно, работа Владимирова весьма ценная и до сих пор сохраняет свое научное значение. Однако нужно считать, что работа о Скорине должна быть написана заново. Скорина — замечательный образец белорусского гуманиста, родственного по своим идеям, как отметил М. М. Пиотухович, деятелям западноевропейского Возрождения. Правда, Пиотухович только наметил этот вопрос и лишь частично на него ответил, но сама постановка вопроса правильна. Кроме того, изучение деятельности Скорины возможно только на фоне материальной, социально-политической и национально-культурной жизни Великого княжества Литовского. В значительной степени все авторы, писавшие о Скорине, проходили мимо этого вопроса. Правда, Довнар-Запольский и Будиловивч придавали огромное значение общему моральному упадку как белорусской шляхты, так и духовенства, но дятельность Скорины невозможно объяснить только его стремлением помочь религиозному и моральному возрождению общества. Деятельность Скорины только тогда будет понятной, когда будет рассмотрена на фоне всей как социально-экономической, так и культурно-религиозной жизни белорусского народа. Важно изучать Скорину, его мировоззрение, его идеи — как факторы, определяющие место и значение, занимаемое Скориной в истории культуры Белоруссии, Украины и частично России.

Перевод с белорусского А. М. Корабельниковой и В. С. Поссе.

«400-лецьце беларускага друку (1525—1925)», Менск, 1926.

---

[155] М. Н. Сперанский. История древнерусской литературы. Изд. 2. М., 1914, стр. 588—589.

МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

Алтари́ст (олтарист) — лицо, прислуживающее при богослужении в католической церкви; второй ксендз в католическом костеле, назначенный в помощь первому

Арцыби́скуп — архиепископ

Безза́дщина — выморочное имущество

Би́скуп — епископ

Бобро́вники — великокняжеские слуги, занимавшиеся ловлей бобров

Бо́нда — движимое имущество

Бо́чка — основная мера сыпучих тел в Белоруссии

Боя́ре пу́тные — военнослужилые крестьяне, главной повинностью которых в мирное время была развозка грамот (листов)

Бу́дники — лица, занятые лесными промыслами — гонкой смолы, выделкой клепок и т. д.

Будова́нье — строительство; будынки — постройки

Бурми́стр — член магистрата

Вага́ — весы

Ве́жа — башня

Виж — судебный исполнитель, обязанностью которого была доставка в суд обвиняемого

Войт — глава суда в городах с магдебургским правом; глава волости — низшей административной единицы в государственных имениях

Вы́пуст — погашение займа службой

Вы́рок — постановление, решение

Гвалт — присвоение чужой собственности насилием; экстраординарный выход крепостного населения на барщину

Голо́вщина — денежный штраф в пользу владельца при убийстве невольника

Гонта́рь — человек, выделывавший гонт — дощечки с пазами для покрытия крыш

Господа́рь — государь, великий князь литовский; хозяин

Гре́бля — плотина

Грош — мелкая денежная единица в Великом княжестве Литовском; составлял $^1/_{60}$ часть копы грошей; делился на 10 пенязей

Грунт — земля

Гуме́нник — лицо, ведавшее гумном

Двор — административный и хозяйственный центр имения или ряда имений; усадьба и собственно помещичья земля частного имения

Дворо́вый уряд — администрация поместья

Де́дизна — родовое имение

Держа́вца — лицо, получившее на какой-то срок от владельца имение с правом пользоваться определенной частью доходов; должностное лицо судебно-административного характера

Де́цкий — служащий, посылаемый для задержания, ареста, а также выполняющий различные распоряжения властей

Дигнита́рь — сановник

До́йлид — плотник

Дя́кло — подать, вносимая преимущественно зерном

Езо́вщина — плата за проход через ез (забор поперек реки для ловли рыбы) плота или судна

Жи́то — рожь
Жолне́р — солдат

Заста́ва — заклад, залог; сдача во временное пользование имения с правом получения всех или части доходов
Засте́нок — часть земли, оставшейся после измерения основного массива на волоки; позже небольшое поселение, населенное шляхтой

Инстига́тор — судебный чиновник, докладывающий дело в суде

Каштеля́н — одно из высших должностных лиц в государстве; комендант замка
Клико́вщина — сторожевая повинность (кликун — ночной сторож)
Кова́ль — кузнец
Конститу́ция — сеймовое постановление
Копа́ — слово это имеет несколько значений. Наиболее распространенное из них — 60 штук
Копа́ — сходка сельского общества
Копа́ — суд сельского общества
Копа́ грошей — основная денежная единица Великого княжества Литовского; делилась на 60 грошей
Копа́ жита — 60 снопов ржи
Копа́ сена — копна
Кра́мница — лавка
Ку́харь — повар

Ла́вники — выбранные присяжные из мещан, члены городского самоуправления; низшее административное лицо в государственной деревне
Ла́зня — баня
Лашт — мера веса около 2 тонн
Ли́нник — канатчик, веревочник
Лент-войт — заместитель войта
Лист — письмо, грамота, документ

Машта́лер — конюх
Мезлева́ — подать, вносимая скотом, птицей, яйцами
Меловни́к — лицо, занимающееся выжиганием извести и добыванием мела
Ме́рник — агент, проводивший в жизнь волочную померу, измерявший земельные участки
Ме́сто — город
Млын — мельница
Млына́р — мельник
Морг — мера земли, составлявшая 1/30 волоки, равен примерно 2/3 га
Мура́ль — каменщик

Навя́зка — штраф

Огоро́дники — бывшие рабы, поселенные на небольших участках земли, с обязательством отбывать повинности, обычно барщину
Орды́нщина — подать, собираемая для взноса упоминков крымскому хану
Осо́чники — крестьяне, охранявшие королевские пущи и зверя
Осьми́на — мера веса
Отуме́рщина — право на получение имущества по наследству

Паны́-ра́да — совет крупнейших феодалов при великом князе литовском
Па́робок — раб, невольник, позже батрак, сельскохозяйственный рабочий
Пе́нязь — мелкая денежная единица, десятая часть гроша
Плеба́н — католический приходский священник
Пове́т — уезд
Подла́зники — лица, ведавшие бортями
Подска́рбий земский — лицо, ведавшее финансами Великого княжества Литовского
Подсу́док — судейский чиновник
Позе́м — поземельная плата, вознаграждение
Пору́б — тюрьма
Посе́ссия — аренда
Поспо́льство — простой народ; непривилегированная часть населения
По́тягли — работа зависимых крестьян в пользу владельцев
Пу́га — кнут

Ра́дца — член магистрата
Ра́дится — советоваться

Са́жавка — небольшой пруд

Серебщи́на — денежная подать на военные нужды

Скарб — казначейство, государственные финансы

Став — пруд на реке перед мельницей

Столо́вые имения — государственные имения, доходы от которых поступали в личное пользование великого князя литовского

Старо́ство — государственное имение, отдаваемое во временное пользование частному лицу, преимущественно магнату

Ста́ция — продукты, поставляемые населением при проезде великого князя или его служащих, в ряде случаев вместо продуктов вносились деньги

Стрыха́р — кровельщик

Сябры́ (поту́жники, до́льники, това́рищи) — члены небольшого объединения крестьян, родственного и неродственного, ведшие совместное хозяйство

Тве́рдости — документы, доказательства в письменном виде

Те́сля — плотник

Толока́ — выход на работу всего трудоспособного крепостного населения по вызову владельца; крестьянская взаимопомощь

Тыйдень (тыдень) — неделя, 7 дней

Уряд — администрация

Чинш — оброк, денежная рента

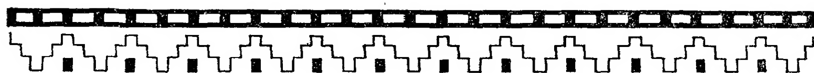
Ща́дки — потомки

Ятки — лавки, мелкие торговые заведения

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Указатели составлены О. К. Шкиперовой.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ



СОДЕРЖАНИЕ

Часть III

Литовско-польские унии

Часть IV

Образование белорусского народа и его культура эпохи Возрождения

В. И. Пичета

Белоруссия и Литва XV—XVI вв.

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *И. С. Миллер*
Переплет художника *Н. А. Савенко*
Технический редактор *В.В. Волкова*

РИСО АН СССР № 49-675 . Сдано в набор 3/IV 1961 г.
Подписано к печати 7/VI 1961 г. Формат 60×92[1]/16. Печ. л. 51
Уч.-издат. л. 50,4. Тираж 1500 экз. Т-07403 Изд. № 5053. Тип. зак. № 1730

Цена 3 руб. 22 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
79	1 сн.	т.	т. I,
82	16 сн.	Оловая	Осовая
93	16 св.	пять	шесть
161	18 св.	Троццком	Троцком
270	23 св.	Астанковичи	Остиковичи
600	5 сн.	П. Я. Никифоровский	Н. Я. Никифоровский
657	19 сн.	всякое	всякое».
693	13 сн.	в частым	и частым

В. И. Пичета. Белоруссия и Литва XV—XVI вв.